

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

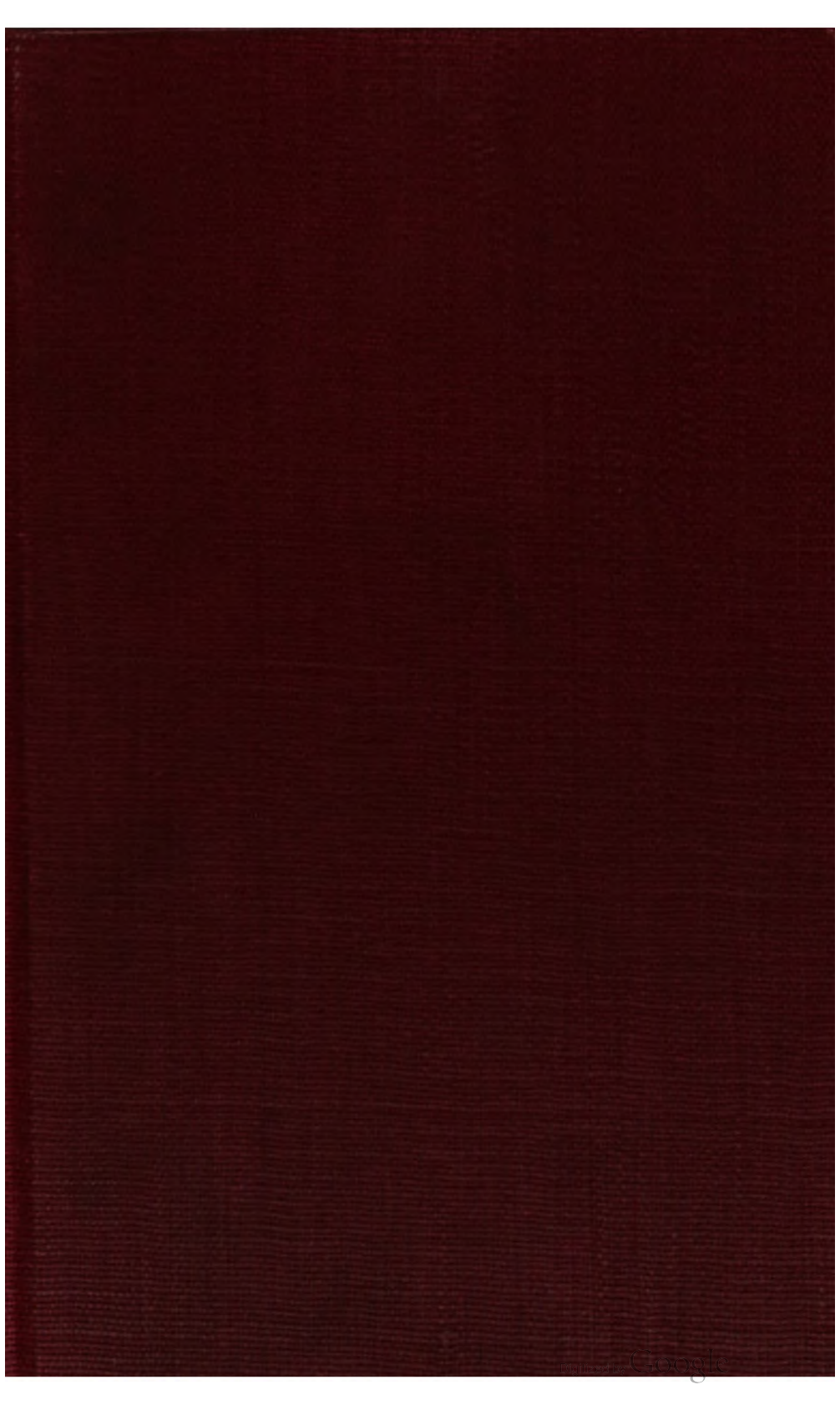
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 538.14 (234)

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

♦ ♦

PURCHASED FROM THE
SUSAN A. E. MORSE FUND

*QCA

INDEX

*QCA

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ.

1877

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ ССXXXIV.

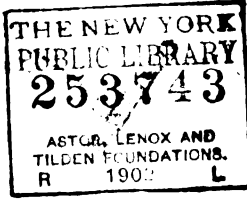
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. А. КРАЕВСКАГО (БАСЕЙНАЯ, № 2).
1877.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Басейная, № 2).

1877.

P Slav 538.14 (234)

Sabro

NOV 21 1957
UNIVERSITY OF MICHIGAN

ОВЦА БЕЗЪ СТАДА.

(Изъ памятной книжки).

I.

- Не окрестите-ли, баринъ, мальчишку у меня?
— Съ удовольствіемъ... Когда крестить-то?
— Завтра поутру... Такъ наровимъ — между утреней и обѣдней.
— Часовъ, стало быть, въ шесть, въ семь?
— Такъ, часу въ седьмомъ... Коли что, ежели будетъ ваше согласіе, такъ мы съ подводкой къ седьмому-то часу подѣдемъ...
— Я и такъ дойду, тутъ всего до церкви верста... Погода отличная.
— Это точно... Ну, благодаримъ васъ покорно...

Такой разговоръ происходилъ однажды вечеромъ, прошлымъ лѣтомъ, между пишущимъ эти строки и крестьяниномъ деревни Язевой, Маркомъ Ивановымъ. Деревня Язевое лежитъ въ 300 верстахъ отъ Петербурга, какъ разъ на половинѣ дороги изъ Петербурга въ Москву, и въ 20-ти верстахъ отъ одной изъ желѣзно-дорожныхъ станцій. Наскучивъ петербургскими дачами, я задумалъ провести нынѣшнее лѣто гдѣ-нибудь въ глуши, въ тиши настоящей деревни, и былъ необыкновенно радъ, когда, ежедневно просматривая газетныя объявленія объ отдающихся на лѣто дачахъ, попалъ, наконецъ на объявленіе о такой именно дачѣ, какая и была мнѣ нужна... Триста верстъ отъ Петербурга и двадцать верстъ отъ станціи по проселку, это, ужь навѣрно, настоящая деревня... Въ половинѣ апрѣля, когда въ поляхъ лежалъ еще снѣгъ, я отправился нанимать эту усадьбу. Въ самомъ дѣлѣ, мѣсто было чисто деревенское, и я тотчасъ же согласился на условія, предложенныя мнѣ хозяйкой дома, а въ половинѣ мая и совсѣмъ переѣхалъ сюда на жительство... Но,

странное дѣло (хотя совершенно понятное), долгое житье въ городахъ сдѣлало то, что, при всемъ желаніи отдохнуть и провести лѣто «не такъ, какъ на дачѣ»—помимо моей воли, какъ нарочно, дѣла пошли совершенно по дачному, то-есть: прогулки, петербургскіе знакомые, газеты—и ничего, ничего-таки деревенскаго. Дачный образъ жизни, среди деревенской обстановки—куда нескладная и некрасивая вещь! Знакомиться съ крестьянскимъ населеніемъ я не могъ, такъ какъ у меня не было къ этому предлога, а жить, не имѣя связи съ окружающимъ, и скучно, и трудно. Вотъ почему я несказанно былъ радъ, когда Маркъ Ивановъ, крестьянинъ, у котораго я нѣсколько разъ покупалъ рыбу и раковъ, пригласилъ меня крестить. Благодаря этому приглашенію, у меня являлся законный предлогъ войти въ крестьянскій домъ, имѣть въ деревнѣ знакомыхъ и хотъ маломальски войти въ кругъ чуждыхъ мнѣ интересовъ деревенской жизни.

И дѣйствительно, съ этого дня я сталъ чувствовать себя менѣе одинокимъ, менѣе отчужденнымъ отъ людей, которыхъ каждый Божій день видѣлъ передъ моими глазами. Понемногу стали завязываться знакомства, понемногу стала раскрываться тайна существованія этихъ бѣдныхъ лачужекъ, этихъ молчаливыхъ улицъ и переулковъ, этой непонятной будничной трудовой жизни... А главное, благодаря приглашенію Марка Иванова, мнѣ удалось встрѣтить весьма любопытный типъ человѣка, попробовавшаго на дѣлѣ продѣлать ту вещь, которая на газетномъ языкѣ называется «слияніемъ»... Много я читалъ разныхъ разностей насчетъ необходимости, важности этого въ высшей степени, однако, неопредѣленнаго общественнаго акта. Но мнѣ всегда казалось, что изъ гладко причесанныхъ и ловко сслеенныхъ газетныхъ статей едвали можно вывести какіе нибудь практическіе результаты и что, поэтому, едвали проповѣдь о слияніи найдетъ практическихъ послѣдователей... Къ моему крайнему удивленію, мнѣ пришлось убѣдиться, что газетная проповѣдь имѣетъ корни въ русской живой дѣйствительности, а не ограничивается одними только печатными столбцами газетъ и страницами толстыхъ журналовъ: мнѣ довелось узнать, что въ русской живой дѣйствительности существуютъ такія положенія, которыя роковымъ образомъ могутъ привести такъ называемаго интеллигентнаго человѣка въ деревню, къ крестьянскому плетню, къ намѣренію выйти изъ своей интеллигентной шкуры и стремиться войти въ среду совсѣмъ ужъ неинтеллигентную... прямо «чужую». Правильны ли житейскія положенія, изъ которыхъ вытекаютъ такого рода заключенія, почти неизмѣщія еще нивакихъ практическихъ

результатовъ—не мое дѣло разбирать здѣсь; точно такъ же, какъ и не мое дѣло критиковать и рекомендовать способы, которыми могло-бы быть достигнуто слияніе на практикѣ. Меня, лѣтописца смутныхъ нравственныхъ движеній крошечнаго уголка русской интеллигентной и неинтеллигентной толпы, интересуетъ только новая черта въ этихъ движеніяхъ, новый фактъ живой дѣйствительности, и только объ этомъ фактѣ, только о мотивахъ, побуждавшихъ одного видѣннаго мною во очію человѣка сдѣлать себѣ изъ крестьянской деревни какого-то идола и рисовать этого идола тысячами всевозможныхъ соображеній—только объ этихъ мотивахъ я и намѣренъ передать читателю такъ, какъ мнѣ удалось понять.

Буду, однако, послѣдователенъ и возвращусь къ разсказу о крестинахъ.

На другой день утромъ, ровно въ 6 часовъ, я отправился въ церковь. Всю ночь лилъ дождь, дорога размокла, и короткій путь въ полторы версты я мѣсилъ по грязи никакъ не менѣе часу... Дорога шла въ гору, была скользка и изрыта глубокими рытвинами; дождь не переставалъ сѣять непрерывно; крупныя дождевыя капли отъ малѣйшаго дуновенія вѣтра цѣлой тучей слетали съ деревьевъ, подъ которыми я намѣревался пробраться, и снова выгоняли на грязную и скользкую дорогу. Кое какъ я добрался, наконецъ, до церкви, одиноко-стоящей среди кладбища, но не рѣшился войти въ храмъ, а остался ждать окончанія утрени на крыльцѣ, очищая лучинкой цѣлые пуды грязи, облѣпившіе мои калоши. Сѣрые деревенскіе люди одинъ по одному, съ большими промежутками, подходили къ церкви... Какое то сонное, удивительно вялое, удивительно нескладное пѣніе дьячковъ доносилось изнутри храма. Точно они не пѣли, а бредили во снѣ, еле вращая языкомъ и вовсе не соблюдая никакой гармоніи... Въ разные стороны тянули разношерстные—не голоса, а какіе-то необыкновенные тоны, звуки, и что-то сонное овладѣвало слушателями... Многие сидѣли въ притворѣ на полу, вдоль стѣнъ, и не то дремали, не то совсѣмъ спали—трудно было разобрать; только сидѣли эти люди неподвижно, точно заколдованы соннымъ бредомъ дьячковъ...

Утрени, наконецъ, отошла, и какъ разъ къ концу ея въ пыхахъ прибыли къ церковной паперти Маркъ Ивановъ, моя будущая кума съ ребенкомъ на рукахъ и старуха-бабка. Покуда Маркъ Ивановъ суетился съ купелью, таская изъ рѣчки воду (это все—дѣло родителя), ко мнѣ подошла бабка и, низко кланяясь, прошептала...

— Вы кумовья-то будете, ай нѣтъ?

— Я...

— Ужь не забудь старуху-то... бабушку... Я принимала у ей...

Тутъ я вспомнилъ, что мнѣ необходимо подробно ознакомиться съ количествомъ необходимыхъ расходовъ. Крестъ я купилъ, и зналъ, что я обязанъ заплатить священнику; но, благодаря бабкѣ, оказывалось, что существуютъ еще какіе-то расходы, которыхъ я не зналъ. Успокоивъ старуху, я обратился къ самому Марку Иванову съ вопросомъ: кому и что я долженъ давать?

— Да вотъ кумѣ, что вашей милости будетъ... И бабушкѣ... немножечко.

— Я бабушкѣ дамъ рубль...

— И отлично, хорошо, предовольно... Ну и кумѣ, ужь... Полотенчико она вамъ...

— Кумѣ ты, баринъ, купи платье, сказала, смѣло выступивъ изъ толпы какая-то посторонняя женщина.—Кума твоя—дѣвушка, ей надо это... Выбирай ситчикъ повеселѣй какой... цвѣточками...

— Хорошо.

— Окрестись, прибавила она:—и зайди въ лавку, купи... Не-Богъ вѣсть что! у васъ, у господъ, побольше нашего.

— Куплю, куплю.

— Вотъ и хорошо. А больше ничего и не надо. Кумѣ да бабушкѣ... А прочихъ не балуй. Такъ-то...

Послѣ этого, женщина, на рукахъ у которой былъ ребенокъ, указывая его, отошла въ сторону, а на мѣсто ея сталъ мужикъ. Старый старикъ и, шамкая, проговорилъ...

— Ежели твоя милость будетъ, такъ ужь и насъ со старухой не оставь... Мы родители будемъ Марку-то...

У него тряслась голова и хрипѣло въ горлѣ.

— Что пожалуешь, батюшко... Стары ужь мы... Сиротство...

— Надо старичкамъ-то... проговорилъ еще какой-то голосъ.—Одиновіе старики... что-нибудь дай... Ты рубъ-то разбей... Куда ей, бабкѣ, рубъ-то?..

— Что пожалуешь... Все на новорожденного-то... старикамъ... хрипѣлъ старикъ...

— Ей, бабкѣ-то, за-глаза ежели сорокъ копеекъ, вполне будетъ... а по тридцати копеекъ старикамъ... Бога помолютъ...

— Бога помолимъ, сказалъ старикъ.

— Хорошо, сказалъ я:—ладно...

— А ужь хозяйкѣ, надъ самымъ ухомъ, какъ комаръ прогудѣлъ, жарко дохнуть, произнесъ Маркъ Ивановъ:—что будетъ вашей милости... И такъ благодаримъ покорно... Что вашей милости будетъ... Хоть двадцать копеекъ...

Всѣмъ нужно, оказывается, хоть сколько нибудь, у всѣхъ сиротство; всѣ наравнѣ воспользоваться случаемъ, чтобы какъ нибудь, «что нибудь»... Тяжело мнѣ было на душѣ, когда, окруженный толпой этого «сиротства», я ходилъ вокругъ купели съ новымъ сиротой на рукавъ... Всѣмъ нужно, а тутъ еще является новый конкурентъ и требуетъ еще и на свою долю. Откуда возьметъ онъ?

Конкурентъ, наконецъ, былъ введенъ въ лоно православной церкви подъ именемъ Гавріила и отправился домой на рукавъ кумы. Повидавшись съ священникомъ и дьячкомъ, и мы съ Маркомъ тронулись въ деревню. По пути, изъ сторожки вышелъ старый-престарый, кривой на одинъ глазъ сторожъ и низко поклонился.

— Ужъ за ведерочко что нибудь... объяснилъ мнѣ Маркъ.

Оказалось, что Маркъ бралъ у сторожа ведро для того, чтобы принести воды въ купель.

Старикъ низко поклонился, получивъ скудную лепту, и пошелъ въ сторожку.

Въ лавкѣ мы купили два платья, причемъ лавочникъ вывелъ насъ изъ затрудненія разрѣшить вопросъ о вкусахъ женщинъ, для которыхъ они покупались.

— Кто кума? спросилъ онъ у Марка.

— Дарья...

— Это—жена сестра, что-ли?

— Она.

— Дѣвица?

— Дѣвица.

— Гм... промычалъ лавочникъ и, обратившись лицомъ къ полкамъ съ ситцемъ и искрестивъ ихъ пальцемъ снизу вверхъ и съ верху внизъ, выхватилъ, наконецъ, одну штуку и, съ рѣшительнымъ возгласомъ «вотъ твоей Дарьѣ», хлопнулъ ее о прилавокъ.

— Сколько прикажете?..

«Вотъ твоей Дарьѣ» было сказано такъ вѣско, что не представлялось никакой возможности предполагать, чтобы Дарьѣ это не понравилось. Въ виду этого, почти не разсматривая матеріи, мы прямо отвѣчали на вопросъ «сколько потребуется».

— Давай на полное платье, сказалъ Маркъ.

Аршинъ зашумѣлъ въ каменомъ ситцѣ.

Точно также была выбрана матерія на платье и женѣ Марка. Лавочникъ выхватилъ кусокъ и категорически объявилъ, что этотъ рисунокъ будетъ въ самый разъ для Марьи. Когда мы принесли покупки къ Марку въ домъ, дѣйствительно, и кума,

и жена Марка (сидѣвшая за занавѣской), остались очень довольны подарками.

— Лучше не надо, говорили они.

Несомнѣнно, что лавочникъ отлично изучилъ вкусы каждой Дарьи и каждой Марьи.

Въ домѣ Марка Иванова собралось избранное общество; тутъ присутствовалъ сельскій староста, самый богатый и умный, т.-е. практическій мужикъ во всей деревнѣ (о немъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ), приглашенный какъ лицо, которому подѣсть сидѣть за однимъ столомъ съ барининомъ; кромѣ старосты, присутствовало два-три изъ самыхъ «порядочныхъ», т.-е. крестьянъ, ведущихъ свои дѣла болѣе или менѣе въ порядкѣ, присутствовалъ самъ Маркъ, бабка и кума. Старый старикъ родитель, получивъ малую лепту, скромно усѣлся у двери, заявивъ, что онъ не будетъ беспокоить; а старуха съ тою же лептою тотчасъ ушла домой... Маркъ хотя и удерживалъ ее и просилъ старика идти къ столу, но, какъ мнѣ показалось, не особенно усердно и ни единымъ словомъ не протестовалъ, когда старикъ началъ было отнѣживаться...

— Ну, какъ хошь, сказалъ Маркъ, не дослушавъ его рѣчи.

— Мое—дѣло старое! какъ бы оправдывая равнодушіе сына, произнесъ самъ старикъ, и даже мнѣ, человѣку только-что вступившему въ крестьянскій домъ, показалось, что въ самомъ дѣлѣ ему нѣтъ тутъ мѣста. Своей больной старческой фигурой онъ не подходилъ къ веселью; и самъ онъ зналъ, и всѣ другіе видѣли, что жизнь онъ ужъ прожилъ и осталось ему одно—умереть—куда ему пировать? «Дѣло его старое»... Не нуженъ онъ становится, какъ ненужно старое дерево.

Жестокія иной разъ попадаютъ картинки въ этой тихой деревенской жизни...

Усѣвшись за столъ, на которомъ кипѣлъ самоваръ, мы выпили по рюмкѣ водки, закусили ее щукой, жареной въ лицахъ—кушаньемъ, вполне безвкуснымъ, и приготовлялись выпить по другой, какъ съ улицы кто-то громко застучалъ въ стекло. Я успѣлъ разглядѣть, что палеа, которою стучало неизвѣстное мнѣ лицо, была не деревянная, на концѣ ея была, въ видѣ набалдашника, посажена какая-то алюминиевая морда. Самого стучавшаго мнѣ не было видно, потому что крестьянскіе дома въ описываемой мѣстности всѣ, безъ исключенія, двух-этажные: внизу помѣщаются подвалы и чуланы, а надъ чуланомъ—жилая горница...

Маркъ тотчасъ поднялся на ступь и, заглянувъ въ окно, произнесъ:

— Балашовскій баринъ... и ушелъ на улицу.

— Кто такой? спросилъ я.

— Тутъ въ Балашовѣ тоже вотъ на лѣто флигель снялъ у священника... Въ пяти верстахъ отсюда деревня Балашово.....

— Баринъ тоже... сказалъ староста:—только-что сумнительность есть въ немъ...

— Какая же? въ чемъ?

— Да такъ, то есть безъ твердости безо всякой, объяснялъ староста.—Господинъ не господинъ... а Богъ-е-знаетъ... онъ и хабѣръ, и все... а чтобы настоящаго...

Староста еще не окончилъ рѣчи, когда въ отворенной двери показался Маркъ, пропуская впереди себя балашовскаго барина. Это былъ, какъ я потомъ разглядѣлъ, человекъ лѣтъ сорока, казавшійся гораздо старѣ своихъ лѣтъ; какая-то изношенность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непрерывная нервная раздражительность составляли довольно рѣзко бросавшійся въ глаза черты его физиономіи; въ небольшой черноватой бородкѣ и въ длинныхъ, за уши зачесанныхъ, волосахъ пробивалась сильная сѣдина; одѣтъ онъ былъ весьма прилично, хотя и небрежно; чистая рубашка была не застегнута у ворота и галстука на немъ не было, а шляпа была измята самымъ безпопаднымъ образомъ...

— Радостію-бы радъ, говорилъ Маркъ:— да никакъ невозможно ..

— Вѣдь дождь прошелъ? Сегодня праздникъ? говорилъ ему баринъ.

— Гости-съ! Крестины... Милости прошу...

— А! оглядывая гостей, весело проговорилъ баринъ:— все старые знакомые... Мое почтеніе! раскланялся онъ со мной...

— Все старые! поднявшись, проговорили гости.—Здрастуй, Миколай Миколаичъ...

— Здрастуйте, здрастуйте, друзья любезные, влѣзая на уступленное старостой мѣсто, говорилъ баринъ.—Здрастуйте... какъ поживаете? Нѣтъ-ли чего хорошенькаго?

Говорилъ онъ это, очевидно, иронически. Крестьяне, также улыбаясь, отвѣчали ему:

— Слава Богу... помаленьку!....

— Ну и слава Богу! Простили Ивана-то?

Баринъ сказалъ это, поставивъ локти на столъ, и опустил усы на сжатые кулакомъ пальцы рукъ. Отвѣта онъ ждалъ, какъ-то искоса поглядывая на крестьянъ. Я не зналъ, почему это дѣлается, но видѣлъ, что сидѣвшіе за столомъ крестьяне медлили отвѣтомъ.

Баринъ тоже молчалъ, постукивая кулакомъ по своимъ усамъ.

- Гм? вопросительно промычалъ онъ еще разъ.
- Онъ, Миколай Миколаичъ, самъ пошелъ на мировую...
- За много-ли?
- На полштофъ помирились.
- Отлично. А голова-то зажила?
- Кой подживаетъ, кой не...
- Кой не... повторилъ баринъ и, обратясь къ Марку, произнесъ:—ты что жъ не угощаешь водкой-то?...

Маркъ со всѣхъ ногъ бросился наливать водку и подалъ барину черезъ край налитую рюмку. Баринъ поморщился и залпомъ опрокинулъ ее въ ротъ. Но горловая судорога не пускала глотать и баринъ долго сидѣлъ съ сжатыми губами, роясь вилкой въ чашкѣ съ яичницей и щучкой. Кой какъ глотокъ проскользнулъ, и словно всѣмъ полегчало.

— Кой подживаетъ, кой не?... повторилъ баринъ, утирая усы концами скатерти...

— Да вотъ это еще мѣсто, указывая на собственный високъ, объяснялъ одинъ изъ крестьянъ:—это еще не совсѣмъ... Дуже глыбоко просадилъ онъ...

— Глыбоко?... Гм...

Такая манера разговаривать крайне стѣсняла всѣхъ присутствующихъ: баринъ точно допрашивалъ, и видно было, что отвѣты, которые давали ему его подсудимые, очень мало удовлетворяли слѣдователя. Но баринъ какъ будто не замѣчалъ этого. Лично мнѣ было просто неловко присутствовать при непонятномъ мнѣ разговорѣ, но крестьяне, къ которымъ обращался баринъ, казалось, хорошо понимали въ чемъ дѣло и чувствовали себя едва ли не хуже, чѣмъ я чувствовалъ себя.

— Ну, а Евсѣю вы сколько ударовъ-то дали? придвигая къ себѣ стаканъ чаю и какъ будто съ полною безпечностію приготавлиаясь распить его, продолжалъ баринъ тѣмъ же строгимъ тономъ.

— Это, Миколай Миколаичъ, не мы удары-то обозначаемъ, на это есть судъ.

— А не вы судъ-то?

— Никакъ нѣтъ... На то есть судьи... отвѣчали крестьяне разомъ.

— А судей-то кто выбираетъ?..

— Ну ужъ судей, знамо—мы....

— А!... съ какимъ-то злорадствомъ прорычалъ баринъ и въ сильномъ волненіи такъ опрокинулъ стаканъ на блюдечко, что чай разлился по скатерти... Баринъ, между тѣмъ, продолжалъ въ томъ же тонѣ:

— Такъ не вы дерете-то, стало-быть? Чужіе? Приказывать? Стѣдѣть тебѣ приказать отца родного высѣчь—ты и выдерешь—и не виновать будешь?...

— Хе-хе-хе! вдругъ засмѣялся староста (молодой, непыщій, но сухой и жестко-практическій малый):—все вы, Миколай Миколаевичъ, на насъ сердчаете. Все у насъ вамъ не по вкусу, все худо... Что жъ съ насъ, мужиковъ-дураковъ, взять?...

— Извѣстно ужъ — дураки... почесывая затылокъ, произнесъ одинъ изъ «порядочныхъ» крестьянъ; произнесъ онъ это такимъ тономъ униженія, который паче всякой гордости...

— Объ этомъ я не спорю, да—дураки! сказалъ баринъ, не сморгнувъ.

— Идѣ жъ намъ взять ума-то?...

— Да и мало того что дураки, вы... вдругъ вспыхнувъ не притворнымъ негодованіемъ, проговорилъ баринъ:— вы кромѣ того еще и...

Жесткое слово, которое, по всей вѣроятности, вертѣлось у него на языкѣ, однако, не сказалось. Не кончивъ фразы, онъ быстро повернулся ко мнѣ и спросилъ торопливо и раздраженно:

— Вы тоже въ деревню заѣхали?

— Да, на лѣто.

— Только на лѣто? Ужъ не сливаться-ли съ этими вотъ...

— Какъ сливаться? Я просто на дачу...

— И не сливайтесь! То есть, я вамъ скажу...

Онъ ухватился обѣими руками за голову... Я ждалъ, судя по этому жесту, что онъ разразится какимъ нибудь трескучимъ потокомъ обвинительныхъ фразъ, но, вмѣсто того, баринъ мгновенно утихъ и почти шопотомъ сказалъ мнѣ:

— Мы хороши—ужъ нечего сказать, достойные плоды цивилизаціи!—ну, да и они тоже...

Онъ поцѣловалъ кончики пальцевъ и потомъ развелъ руками.

— Малина! сказалъ староста...

— То есть — чудо что такое! Лучше всякой малины... ахти малина... А ежели мы да они сольемся, да въ томъ самомъ видѣ, какъ сію-минуту...

— Свиныя не тронетъ! прибавилъ староста и захохоталъ.

— Правда, братъ, правда!.. Именно не тронетъ: и свиныя понюхаетъ этотъ лимонадъ—и прочь!.. Налей-ко мнѣ, Маркъ!...

Баринъ подставилъ рюмку.

— Ужъ наливай, Маркъ Ивановъ, сказалъ староста:—всѣмъ! что ужъ...

Маркъ налилъ всѣ рюмки, но пить не было никакой возможности; въ комнатѣ стояла нестерпимая духота отъ самовара,

отъ солнца, вдругъ начавшаго жечь июльскимъ полуденнымъ огнемъ и отъ раскаленной печки... Выпили только одинъ изъ крестьянъ, самъ Маркъ, да балашовскій баринъ.

— Нѣтъ, ребята! заговорилъ какимъ-то обиженнымъ тономъ балашовскій баринъ, все-какъ преодолѣвъ эту вторую рюмку. — Вотъ чтó я вамъ скажу—обидѣли вы меня!..

— Чѣмъ-же, Миколай Миколаичъ! Кажется, всей душой... Изъ чего намъ тебя обижать... Мы тобой довольны... слышались голоса, правда, несовсѣмъ искренніе, такъ-какъ на заявленіе барина объ обидѣ почти всѣ присутствующіе смотрѣли очевидно, какъ на причуду барина, да еще «сумнительнаго», да еще, какъ видно, выпившаго.

— Обидѣли, братцы, обидѣли... Ёхаль я къ вамъ; думаю, буду жить съ вами, помогать—денегъ мнѣ отъ васъ ненужно—хлопотать за васъ, за вашу крестьянскую семью; я думалъ, что деревня, это—простая семья, въ которой только и можно жить...

Мужики вздыхали, а староста только мотнулъ головой, какъ бы говоря: «невѣсть чтó породить». А баринъ, между тѣмъ, вновь самъ налилъ себѣ полрюмки, быстро проглотилъ и продолжалъ.

— ...А у нихъ тутъ, не только никакой семьи не оказывается—какое? Лѣзутъ другъ отъ друга въ разныя стороны... Представьте себѣ, до какой степени здоровъ организмъ теперешней деревни, исключительно обращаясь ко мнѣ, говорилъ баринъ:— и насколько въ этомъ организмѣ здоровъ мозгъ, сердце и умъ, если въ немъ сплошь и рядомъ дѣлаются просто непостижимыя вещи..... Вотъ я сейчасъ спрашивалъ ихъ про Евсѣя, котораго они высѣкли за упорство «за то, что занимается упорствомъ и лѣностью» (такъ у нихъ пишутъ въ протоколахъ волостныхъ судовъ). Этотъ Евсѣй—завзятый охотникъ, преданъ онъ своему дѣлу страстно; семьи, кромѣ жены, у него нѣтъ никакой; хозяйничать—надо стало-быть съ работникомъ, но у Евсѣя, помимо того, что сердце вообще не лежитъ къ хозяйству, вслѣдствіе его специальности, у него, вслѣдствіе той же специальности, и средства-то случайныя; хорошо вспомнить про него какой-нибудь баринъ, которому онъ могъ услужить на охотѣ—поможетъ, Евсѣй исправится, а нѣтъ, сидитъ такъ... Я этого Евсѣя знаю; это—истый художникъ, страстный любитель своего дѣла и поэтому—добрѣйшій парень. Въ охотничьемъ мірѣ онъ извѣстенъ очень многимъ петербургскимъ тузамъ и, благодаря этому, сослужилъ своимъ сельчанамъ большую службу. У крестьянъ этой деревни, вотъ у этихъ самыхъ (онъ указалъ на сидѣвшихъ за столомъ крестьянъ) больше десяти лѣтъ шелъ споръ съ помѣ-

щникомъ за надѣлъ. Они на это дѣло, какъ рассказываютъ, истратили больше тысячи рублей серебромъ, но толку никакого не добились; тогда Евсѣй, несмотря на то, что лично ему земля эта была ненужна—я говорилъ, что онъ былъ плохой хозяинъ—задумалъ помочь своимъ сотоварищамъ, помочь просто такъ, по добротѣ: онъ отправился въ Петербургъ, розыскалъ одного изъ господъ, котораго зналъ, какъ охотника и который, какъ оказалось, былъ лицомъ вліятельнымъ; рассказалъ ему все дѣло, и безъ одной копейки расходовъ, благодаря своему личному умѣнью затронуть человѣческую струну—выигралъ процессъ не больше, какъ въ полтора мѣсяца со всѣми проволочками. Теперь, благодаря этому Евсѣю, у этихъ вотъ джентльменовъ (опять онъ указалъ на крестьянъ) двадцать десятинъ мелколѣсья съ отличными сѣнами и отличные луга—и что жъ? Этого человѣка, который на вѣчныя времена сдѣлалъ имъ доброе дѣло, эти же самые джентльмены выдрали розгами за невзность...

— Пойдите! остановилъ барина одинъ изъ крестьянъ, видимо взволнованный рассказомъ.—Погоди, Миколай Миколанчъ... Слышали ты звонъ, да не знаешь, гдѣ онъ.

— Ну гдѣ жъ? обратился къ нему баринъ.

— А вотъ гдѣ... Которую землю Евсѣй отбилъ, той земли владѣтель—стало быть, нашъ бывшій баринъ—и по сейчасъ въ присутствіи служить, въ крестьянскомъ...

— Членъ... прибавилъ другой крестьянинъ.

— Въ членахъ... Когда отъ него это угодые отошло, онъ и подвелъ, чрезъ старшинъ и черезъ судей, противъ Евсѣя... Судьбыто, братецъ ты мой, изъ всей волости выборные... Кабы изъ нашей изъ одной деревни они выбирались—небось бы...

— Ну, ладно, ладно... перебилъ его баринъ, торопясь досказать свою рѣчь:—стало-быть, это не здѣшніе судьи, а люди, которые не знали Евсѣя, приговорили его къ сѣчевію, потому что имъ это было внушено и, пожалуй, приказано.

— Вѣстимо такъ.

— А вы высѣкли вашего благодѣтеля только потому, что было приказано... Такъ? Вѣдь вы сѣкли-то? Вѣдь у этого волостнаго правленія... Такъ, ай нѣтъ?

Крестьяне молчали... Только тотъ, который возражалъ, какъ-то нетерпѣливо схватился за свою грудь, что-то, повидимому, желалъ возразить, но только мотнулъ головой и махнулъ рукой...

— Какъ вамъ нравится этакая непосредственность? обратился онъ ко мнѣ...

— Да нешто, кабы ежели... совершенно огорченнымъ тономъ

заговорилъ-было опять мужикъ, но баринъ не далъ ему окончить и перебилъ вопросомъ:

— Поч-чему вы не заплатили за него этихъ несчастныхъ двѣнадцати съ полтиной? Вѣдь онъ вамъ сдѣлалъ добра на тысячи?..

Вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ, другой изъ порядочныхъ крестьянъ, все время молчавшій, неожиданно и медленно проговорилъ:

— Въ случаѣ ежели что—и Евсѣй твой тоже бы нашего брата не поपालивалъ... Прикажутъ наказать да пруть въ руки дадутъ, такъ и Евсѣй твой...

— Ну, вотъ! стукнувъ кулакомъ, завопилъ баринъ.—Вотъ тутъ и сливайся съ ними... Сегодня я сольюсь, а они меня завтра въ волости выдерутъ, либо самого заставятъ драть...

И онъ, какъ говорится, «хлопнулъ» еще рюмку водки и видимо охмѣлѣлъ...

— Теперь еще куплетикъ, отирая ужъ просто ладонью свои усы, продолжалъ онъ.—Здѣшняя помѣщица отдала въ аренду одной петербургской нѣмкѣ... Эта аренда — тоже превосходнѣйшая иллюстрація къ пониманію теперешнихъ взаимныхъ отношеній вотъ этихъ господъ... Это прелесть, и мы еще поговоримъ... Не въ томъ дѣло... Дѣло въ томъ, что какъ ни подла и ни жадна эта нѣмецкая тварь, все-таки ужъ одно незнаніе языка заставляетъ ее прибѣгать къ помощи нашихъ соотечественниковъ, т. е. къ помощи этихъ же язевскихъ обывателей противъ тѣхъ же язевскихъ обывателей... На ея счастье, въ числѣ этихъ господъ (опять указаніе на гостей) отыскалось одно удивительно пригодное животное. Это еще молодой человекъ; но такой глубокой природной кровожадности, такой глубокой ненависти къ своему брату-крестьянину я рѣшительно не видалъ, даже не могъ предполагать, хотя я теперь порядочно таки насмотрѣлся на ихъ взаимную любовь...

— Звѣрь — ужъ что!.. подтвердилъ одинъ изъ крестьянъ.—Это вѣрно.

— Я понимаю, что могутъ быть тысячи причинъ, объясняющихъ это уродство — дѣло не въ томъ — въ обществѣ, въ общинѣ, какою я предполагалъ русскую деревню, такой человекъ — первый врагъ, язвы сибирской хуже... Всю силу своей умственной дѣятельности—а порой онъ не глупый — онъ устремляетъ на то, чтобы затруднить отношенія, которыя приходится имѣть ему съ крестьяниномъ, своимъ же односельчаниномъ. Только изъ какой-то непожижной потребности дѣлать зло, онъ привязывается къ интересамъ лицъ, которыя какъ разъ противопо-

ложны интересамъ его близкихъ; такъ — вѣрнѣй и достиче для этой нѣмки слуги едва ли сыскать возможно. Эта шельма—его звать Федосѣй—этотъ Федосѣй неусыпно сторожить ея интересы, точно это его кровное добро. Представьте — онъ выучилъ почти наизусть (грамотный!) судебные уставы, знаетъ всѣ за-жорючки, путаеъ ими крестьянъ и, разумѣется, выигрываетъ процессы. Помимо этой непонятной злобы противъ своихъ, онъ вообще—злой человѣкъ; онъ любитъ смотрѣть на смерть живот-ныхъ... Любитъ смотрѣть на страданія... Въ прошломъ году, онъ, напри-мѣръ, сжегъ въ печкѣ девять щенятъ, которыхъ его нѣмка приказала ему утопить... Понимаете ли, вѣдь надо быть звѣ-ремъ, чтобы рѣшиться на эту операцію, чтобы нарочно расто-пить прачечную печь и бросать въ огонь по одному щенку...

— Я ему сто разъ говорилъ, вставилъ свое словечко Маркъ:— помрешь самъ такую же смертью.

— И чтожь? И такъ... И помреть! Вѣрно это... прибавилъ мужикъ, огорчившійся словами барина и все время непереста-вавшій о чемъ-то упорно и горько думать...

— Такъ вотъ этотъ звѣрь, продолжалъ баринъ:—однажды за-мѣтилъ, что изъ нѣмкина амбара пропадаетъ мукъ... Пять ночей къ ряду, не смыкая глазъ, имѣлъ онъ терпѣнье высидѣть за ам-баромъ, со шворнемъ въ рукахъ, выжидая вора... На шестую— онъ самъ говорилъ мнѣ, что была темь и дождь — онъ, нако-нецъ, запримѣтилъ какую-то фигуру, пробирающуюся черезъ дворъ. Впослѣдствіи оказалось, что это мужикъ пошелъ за бабкой... Не долго думая, вѣрный стражъ нѣмкиныхъ интересовъ, погнался за этой фигурой и, догнавъ, буквально изувѣчилъ человѣка же-лѣзнымъ тарантаснымъ шворнемъ; онъ билъ его по чемъ по-пало, раскроилъ голову въ нѣсколькимъ мѣстахъ, словомъ — изуро-довалъ звѣрски... Еслибы вы посмотрѣли, съ какимъ глубокимъ сознаниемъ своей правоты рассказывалъ этотъ звѣрь мнѣ, лично мнѣ, это дѣло; онъ выходилъ изъ принципа «не тронь чужого» (потомъ я вамъ скажу, что это за чужое) и чувствовалъ себя какъ-то удивительно весѣлымъ... Онъ даже пришелъ ко мнѣ жаловаться на свою хозяйку, слышавъ, что она хочетъ про-стить (простить!) этого мужика. «Чтожь это такое? говорилъ онъ обиженно... Сейчасъ бы ушелъ, ежелибъ не контрактъ...» Но такъ какъ прощать невиннаго нѣмки не пришлось, то Федо-сѣй и попалъ подъ судъ... Судъ этотъ былъ третьяго дня, въ воскресенье — и что жъ? этотъ самый невинно-обиженный чело-вѣкъ, изуродованный во имя нѣмкиной собственности, прощаетъ врага всего язевскаго крестьянства—за полштофъ...

— Самъ же говоришь, драть не хорошо...

— Если прощать—прощай такъ, а не за полштофъ... То-то и бѣда: не будь полштофа, вы бы высѣкли его, а полштофъ-то помѣшалъ.

— Ахъ, господа, господа! широко вздохнувъ, произнесъ огорченный мужикъ.—Говоришь ты, братецъ ты мой, много, а... сказалъ бы я тебѣ словечко...

— Знаю я твои словечки, перебилъ его баринъ.—Бѣдность, сиротство? такъ? Теперъ извольте прислушать...

Баринъ обратился исключительно ко мнѣ.—Эти люди, бѣдность которыхъ ужъ, какъ кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнiю, эти самые люди, которымъ дорогъ каждый гривенникъ, каждая копейка, эти люди *даромъ за вино* добровольно обязываются работать на эту самую нѣмку, на вашу хозяйку... Вы вѣдь у нее нанимаете флигель, кажется?

Я подтвердилъ.

— Понимаете ли: *даромъ* обязались ей всей деревней работать триста сорокъ дней въ году съ лошадьми. То есть *даромъ* дѣлаютъ ей все, доставляютъ ей тотъ самый доходъ, которымъ она уплачиваетъ аренду и отъ котораго у ней остается куда довольно...

— Баринъ, а баринъ! заговорилъ огорченный мужикъ.—Право, ты меня въ сердце ввелъ...

— Чѣмъ это я тебя разсердилъ?

— А тѣмъ... Поди-ко, спроси у хозяйки-то у помѣщицы: дать она намъ, мужикамъ, земли-то? Нѣтъ, не дастъ! Ей надо-бенъ одинъ человекъ, одинъ отвѣтчикъ...

— Вотъ ты осерчалъ, вошелъ въ сердце, а договорить-то мнѣ не далъ...

— Ну, договаривай!

— Изволь; а позволъ тебя спросить: одинъ ктонибудь изъ васъ не можетъ, по вашему выбору, взять это дѣло на себя? Вотъ ты, ты — сельскій староста, ты не пьешь, помѣщица тебя знаетъ...

— Мнѣ что же? я, слава Богу, не сижу безъ хлѣба, холодно перебилъ рѣчь барина староста.—Есть у меня пустоши тринадцать десятинъ, да у двухъ мужичковъ нанимаю—куда ужъ мнѣ съ арендой?..

— Ну, вотъ говорите съ ними послѣ этого... Вотъ они въ какихъ теперь отношенiяхъ... Мнѣ, мое, у меня, а тамъ—прочие, другiе, сосѣди—какъ знаешь.

— Я всякому желаю, кротко бормоталъ староста.—Дай Богъ всякому... Мнѣ Богъ помогъ и другимъ поможетъ.

— Знаю я тебѣ какъ Богъ-то помогъ, почти огрызаясь на

старосту, произнесъ баринъ и тотчасъ, обратясь во мнѣ, продолжалъ:—вотъ, вотъ она гдѣ бѣда-то!.. Всякій за себя!.. вотъ чтò вѣдается въ деревенскую среду, съ каждымъ днемъ все сильнѣй и сильнѣй...

— Эхъ, баринъ, баринъ... Долго ты насъ бранилъ, а и намъ бы тебѣ можно словечко сказать... Худы мы—вѣрно это....

— Другъ ты мой любезный! вдругъ самымъ задумевнымъ тономъ произнесъ очевидно разстроенный баринъ:—неужели ты думаешь, что я въ самомъ дѣлѣ пришолъ сюда съ вами ругаться?... Чудаки вы этакіе... Я ору на васъ, потому что вы не вѣрите, что мнѣ васъ жаль... Эхъ вы! Маркъ, купи-ка, братъ, пивца!..

Маркъ взялъ отъ барина деньги и мигомъ понесся въ кабакъ.

— Не солънешся съ вами, а солънешся.. Смотрѣть-то на васъ—душа разрывается...

— То-то вотъ, баринъ, и есть, говорилъ, между тѣмъ, огорченный.—Дураки, да дураки... да пьяницы... Были и мы, братецъ ты мой, хороши, да ужъ потомъ стали худы... Знаешь, чай, про мужика да про волка?..

— Что такое? про какого мужика? приподнимая опущенную на руки голову, устало произнесъ баринъ.

— Сказка такая есть, про мужика да про волка... Шелъ, стало быть, мужикъ съ гумна, а на встрѣчу волкъ бѣжить... «Мужикъ, мужикъ, спрячь меня, за мной охотники гонятся». Подумалъ мужикъ и спряталъ волка въ мѣшокъ; мѣшокъ у него съ собой былъ... Вотъ хорошо... погоди, добѣрь по твоему мужикъ-то?

— Добѣры! сказалъ баринъ, какъ во снѣ.

— То-то, что добѣрь; погляди, отчего онъ худъ-то сталъ...

— Ну, говори, валай дальше.

— Ну, охотники проскакали, мужикъ и выпустилъ волка изъ мѣшка, а волкъ, какъ вылѣзъ, и говоритъ: «теперь, мужикъ, я тебя съѣмъ!»—«Это какъ же такъ, говоритъ мужикъ:—нешто такъ добро помнятъ?»—«Старое добро, говоритъ волкъ, забывается».—Сталъ мужикъ спорить. Волкъ говорилъ—«давай у кого хочешь спросимъ; ежели скажутъ, что забывается старое добро, тогда я тебя съѣмъ»... Подумалъ мужикъ, говоритъ—«ладно!» Пошли по дорогѣ. Попадается старая лошадь; стали они у нея спрашивать: забывается-ли старое добро? Лошадь итъ отвѣчаетъ: «служила я хозяину пятнадцать лѣтъ, работала день и ночь, а старше стала, ослѣпла, меня треснули дубиной вдоль спины и выгнали вонъ... Вотъ и плетусь умирать, куда ноги приведутъ... Старое добро, господа, завсегда забывается». Волкъ разинуть

ротъ, хотѣлъ мужика съѣсть; мужикъ говоритъ: «Нѣтъ погоди, еще спросимъ у старичковъ», и стали они спрашивать у старыхъ собакъ, и у старыхъ людей, и всѣ имъ говорятъ: забывается старое добро. Покуда, молъ, нужно—кормить, а какъ состарился, да не въ силахъ работать—и издыхай, гдѣ хочешь.—«Ну, мужикъ, говоритъ волкъ:—теперь ужъ я тебя съѣмъ»... Видитъ мужикъ дѣло его плохо; вдругъ бѣжить лисица. Мужикъ къ ней—«разсуди, говоритъ, насъ!» А лисица—хитрая вѣдь она:—«разскажите, говоритъ, какъ было дѣло». Сталъ ей мужикъ рассказывать, какъ онъ волка отъ охотниковъ спряталъ въ мѣшокъ, а лисица и говоритъ—«это не можетъ быть!»—Волкъ говоритъ: «Нѣтъ, это вѣрно. Онъ меня въ мѣшкѣ держалъ, покуда охотники не проѣхали».—«Не можетъ быть. Такой громадный, да чтобы въ мѣшокъ влѣзъ—это нѣтъ никакой возможности». Волкъ говоритъ: «Хочешь влѣзу, покажу?»—«Влѣзъ!» Волкъ и влѣзъ въ мѣшокъ и говоритъ оттуда: «видишь!» Какъ только онъ влѣзъ, лисица и шепчетъ мужику: завяжи его хорошенько, да цѣпомъ, да цѣпомъ (а цѣпъ съ мужикомъ былъ, съ гумна вѣдь онъ шелъ). Мужикъ принялся молотить волка, что есть силы, а лисица стоитъ и смѣется... Глянулъ мужикъ на нее, да и подумалъ: «какъ бы и она со мной чего худого не сдѣлала... Вѣдь вотъ уекла-же волка»... Да вспомнилъ, что «старое-то добро забывается», замахнулся и царапнулъ лисицу до смерти... Съ тѣхъ поръ мужикъ и въ худыхъ сталъ... Потому научонъ...

— Научонъ, братъ, научонъ!.. твердилъ баринъ, поставилъ локти на столъ и опустилъ въ ладони лицо. — Отъ этого-то и съѣла меня у васъ тоска!..

— А былъ добѣръ, что говоритъ, всей душой готовъ!.. продолжалъ мужикъ.—Да, какъ помусолили его хорошо, такъ и сталъ онъ цѣпомъ отбиваться и отъ ворога, и отъ хитраго пріятеля... Такъ-то, баринъ.

— Такъ, такъ, другъ любезный, такъ...

Въ то время явился Маркъ, нагруженный бутылками пива.

II.

За этимъ пивомъ мы просидѣли въ избѣ Марка еще часа два, если не больше, продолжая разговоры на ту же тѣму; но теперь разговоръ нашъ принялъ нѣсколько иное направленіе; какъ-бы утомившись своимъ негодованіемъ на крестьянскія безобразія, баринъ почти замолокъ и не то думалъ о чемъ-то своемъ. не то внимательно слушалъ слова крестьянъ, преимущественно сло-

ва огорченнаго крестьянина, который теперь почти одинъ овладѣлъ бесѣдою—и, надо сказать правду, благодаря его разъясненіямъ, основаннымъ на знаніи всей крестьянской подноготной—картина крестьянской жизни стала представляться повсе не такою ужь отчаянной, какая вышла, благодаря наблюденіямъ «неслившагося» барина. Въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ памятной книжки, который будетъ посвященъ исключительно моимъ крестьянскимъ знакомымъ, читатель узнаетъ, вмѣстѣ съ моими личными наблюденіями (правда, поверхностными), и все то, что наблюдали сами надъ собой коренные деревенскіе наблюдатели и вмѣстѣ дѣйствующія лица деревни; теперь же, не находя удобнымъ въ нѣсколькихъ словахъ говорить, что именно высказали деревенскіе наблюдатели на крестинахъ Марка, я буду продолжать исторію моего знакомства съ задумавшимъ сліяніе барининомъ. Послѣ крестинъ у Марка, мы встрѣчались съ барининомъ нѣсколько разъ. Однажды я самъ пришелъ къ нему въ Балашово; въ другой разъ пришелъ онъ ко мнѣ; несмотря на то, что онъ прямо заявилъ о своемъ намѣреніи жить и думать только вмѣстѣ съ народомъ, несмотря на то, что я, начиная со дня крестинъ и съ долгаго разговора о крестьянскихъ дѣлахъ-тѣхъ, сталъ весьма прилежно думать о житьѣ-бытьѣ только деревенскомъ, намъ обоимъ не представлялось, однако, ничего болѣе важнаго въ практическомъ отношеніи, какъ вести обо всемъ этомъ разговоры (только разговоры!) и притомъ только барину съ барининомъ... Предметъ нашего разговора продолжалъ, съ непонятнымъ упорствомъ, влечь свою ежедневную ламку; продолжалъ задаромъ работать на нѣмку, продолжалъ сѣчь своихъ ближнихъ въ дни собранія волостныхъ судовъ, мирился на полштофѣ, махалъ съ ранняго утра до поздней ночи косою, чтобы ночью нагрянулъ дождь и оставилъ его скотину на всю зиму безъ корму, словомъ—шелъ своей дорогой, а мы, опечаленные его участіемъ, разговоры разговаривали... Постараюсь, впрочемъ, потопить читателя въ этомъ морѣ словъ, которыя на досугѣ мы съумѣли произнести на благо народа, и изложу наши словопренія въ возможно приличномъ видѣ.

— Какимъ путемъ!.. воскликнулъ балашовскій баринъ:—чортъ его знаетъ, какимъ путемъ я думалъ слиться съ ними... Да и слово-то это «сліяніе» какое-то дурацкое... Оно даже въ голову не приходило... Я просто чувствовалъ, что сорокъ лѣтъ, которыя у меня за спиной, словно сорокъ невидимыхъ, но крѣпкихъ рукъ прижмули меня къ деревенскому плетню и не пускаютъ... «Сливайся, сѣдая каналья—да и все тутъ»... Увѣрю

вась, въ первый же день, какъ только я прѣѣхалъ сюда, я испугался... испугался (повторилъ баринъ это слово съ особеннымъ удареніемъ), именно потому, что не пускають сорокъ рукъ, а того, что здѣсь дѣлается—не понимаю... И представьте, я вѣдь двадцать тысячъ разъ бывалъ и живалъ въ деревняхъ, вѣдь моя семья—помѣщики; потомъ, я прѣѣзжалъ въ эти деревни въ видѣ отца-благодѣтеля, мирового посредника, земскаго гласнаго, и т. д., и т. д. Я вѣдь весь этотъ миссіонерскій путь прослѣдовалъ—и никогда я ничего не пугался здѣсь и, въ качествѣ миссіонера, даже нетолько все якобы понималъ, а и совершенствовалъ; но теперь, когда меня въ деревню никто не назначалъ, теперь, когда я явился въ деревню не на лѣто, какъ являлся въ свою деревню въ качествѣ барина, когда меня въ эту деревню привела жизнь, тутъ-то я испугался... Не на путю испугался. Зачѣмъ я здѣсь? на каждомъ шагу стало мнѣ лѣзть въ голову... Пищать цыплята, ѣдетъ борона съ поля, блеетъ овца, мычитъ корова, все это—что-то мнѣ чужое, идетъ куда-то по своему дѣлу, въ свое мѣсто, словомъ—мимо меня... Я до того растерялся, что, желая самъ объяснить себѣ мое появленіе въ деревнѣ и съ страшными усиліями пытаюсь возстановить въ своей памяти тѣ безчисленныя иллюстраціи, которыми въ моемъ воображеніи были разрисованы мужикъ и деревня, рѣшительно ничего не могъ припомнить... Точно никакихъ иллюстрацій и не было. Думалъ-думалъ, наконецъ, придумалъ: «пошлю ка я за водкой въ кабакъ!» Ха-ха-ха... Принесли. «Славянской», высшей: съ тѣхъ поръ, я и придерживаюсь ея. Ничего! Облегчаетъ!..

— Какія-же такія иллюстраціи придумали вы въ мужику? Чѣмъ могли вы его разрисовать?

— Мужика-то? О, батюшки!

Баринъ вдругъ оживился, и глаза его засверкали какою-то совершенно дѣтскою, улыбающеюся радостью...

— Мужика-то не разрисовать?.. Если на то пошло, такъ я вамъ скажу, что именно только одного мужика въ настоящіе дни и можно разрисовывать такъ, что только мурашки по кожѣ забѣгаютъ отъ восхищенія... только одного мужика...

— Какого-же? Вотъ этого самого Марка, Ивана, Кузьму?

— Какого же еще? Разумѣется, этого самого... Именно ихъ-то, этихъ Ивановъ, Ѳедосѣевъ и можно воображенію окружать великолѣпнѣмъ... Все, что окружалось—надобло... Теперь великолѣпнѣй мужика ничего нѣтъ на свѣтѣ...

— Да, если его раскрасить...

— Прибавьте—«и потому еще, что его можно раскрасить»... На всемъ другомъ краска лупится, слѣзаетъ.

— Право, я бы очень хотѣлъ послушать, какъ вы раскрасите мнѣ какого-нибудь изъ этихъ Ивановъ?..

— Ничего нѣтъ легче... Позвольте мнѣ припомнить вамъ одинъ разговоръ (!) именно по этому же поводу... Тутъ такъ раскрасили этого Ивана, что лучше, покуда, и не требуется... Этотъ разговоръ происходилъ годъ тому назадъ, за-границей. Я въ ту пору шатался тамъ въ самомъ ужасномъ состояніи духа. Какая-то сильнѣйшая нравственная оскомина ежеминутно отравляла мое существованіе. Все, что мнѣ ни припоминалось въ моемъ прошломъ, все, что ни видѣлъ я передъ собою въ настоящемъ, все каждую минуту возбуждало во мнѣ это нестерпимое ощущеніе оскомина, и я просто не зналъ, что дѣлать... Только въ кружкахъ русской молодежи, куда я иной разъ—въ лучшія изъ моихъ сквернѣйшихъ минутъ—заходилъ, только тутъ иной разъ передо мной какъ-будто что-то прояснялось... Но, разумѣется, между мною, уже сѣдющею, изломанной дубиной, и ими никакой прочной связи не было: такъ только, въ качествѣ блгороднаго свидѣтеля, я и могъ быть переносимъ и принятъ... Такъ вотъ разъ, когда я забрелъ въ одинъ изъ этихъ кружковъ, мнѣ пришлось натолкнуться, разумѣется, на разговоръ и, разумѣется, о народѣ (это ужъ всегда)... Едва я услышалъ слова: мужикъ, народная жизнь, и пр., пр., какъ тотчасъ же почувствовалъ ощущеніе оскомина и поспѣшилъ выйти на балкончикъ, стараясь не слушать этихъ разговоровъ о народѣ (Господи! сколько самъ я молотилъ объ немъ моимъ празднословнымъ языкомъ!), и старался развлечь себя предметами посторонними... Балкончикъ былъ маленькій, какой бываетъ у квартиръ въ одно окно, въ полторы комнаты, и висѣлъ надъ улицей необыкновенно высоко: онъ висѣлъ, впрочемъ, не надъ одной только улицей, а выходилъ угломъ на площадь, куда сходились еще три или четыре другихъ улицы, спускаясь съ возвышенностей. Мѣсто было необыкновенно типическое; асфальтовая площадь съ массивнымъ газовымъ фонаремъ по срединѣ и широкій асфальтовый проспектъ перерѣзывалъ ее поперекъ, съ жиденькими рядами платановыхъ деревьевъ по его обѣимъ сторонамъ—одни они только нарушали своимъ ординарнымъ видомъ оригинальный характеръ стараго квартала, искрещеннаго переулками, узенькими, кривыми, поминутно раскалывавшимися на новые и кривые переулки, обставленные высокими, закопченными домами, обѣлѣнными закопченными выѣсками маленькихъ кафе, угольныхъ лавокъ, лавокъ всякого старья, трепья и хлама, и населенныхъ несмѣтнымъ числомъ народа, кишачаго какъ въ муравейникѣ. Но и полная жизни картина этого муравейника, которую я со-

зеркаль съ моей обсерваторіи, нисколько не улучшала моего нравственнаго состоянія и не уничтожала ощущенія оскомины, несмотря на то, что она почти ежеминутно мѣнялась, какъ въ калейдоскопѣ, поминутно складываясь, благодаря награнувшему омнибусу, барабанному бою и взводу солдатъ и т. д., и т. д.—все въ новья и въ новья перестановки людскихъ фигуръ. Ни какимъ образомъ я не могъ заглушить въ себѣ того въ высшей степени безпорядочнаго потока мыслей, невѣдомо откуда залетававшихъ въ голову и невѣдомо какую связь между собою имѣвшихъ. И завидоваль-то я людямъ это^{му} муравейника, и ненавидѣль, и о культурѣ думалъ, и о Бисмаркѣ, и о томъ, что хорошо бы все это разсыпать прахомъ, и неожиданно о моемъ личномъ (я вамъ расскажу когда нибудь про это) дѣлѣ, и потомъ вдругъ о войнѣ. И то мнѣ казалось, что «мы» все возьмемъ и разобьемъ, а то я вдругъ, не знаю почему, желалъ, чтобы насъ «раскатали»... Словомъ, Богъ знаетъ чтò такое толпилось во мнѣ, и саднило мѣло, безъ всякаго толку, и я, несмотря на страстное желаніе не слушать разговоръ внутри комнаты, долженъ былъ ихъ слушать, такъ какъ рѣшительно не могъ на чемъ нибудь опредѣленно сосредоточиться... Долетали, поэтому, до меня разныя отрывочныя фразы, которыя я болѣею частію уже и говорилъ, и слышалъ. Только одинъ изъ русскихъ, удивительно нѣжное созданіе и страшно измученный человѣкъ личными несчастіями,—только онъ одинъ на минуту остановилъ было мое вниманіе нѣкоторыми цифрами, касавшимися самыхъ, повидимому, незатѣйливыхъ сторонъ крестьянскаго труда. «Знаете-ли, сколько разъ нужно ударить цѣпомъ, чтобы обмолотить столько-то ржи?» спрашивалъ онъ.—«А сколько?»—«Двадцать восемь тысячъ разъ!..» А знаете, сколько верстъ надо пройти, чтобы вспахать десятину? И т. д. И всегда выходили удивительныя цифры, невольно обращавшія на себя вниманіе своими непомѣрными размѣрами и рисовавшими хлѣбопашество дѣломъ необычайно труднымъ въ физическомъ отношеніи, дѣломъ, которое пригнетаетъ человѣка и не даетъ ему опомниться, думать, соображать, не даетъ времени видѣть хоть капелюку общихъ условій, въ которыхъ человѣку приходится жить. Этими цифрами будущій писатель (молодой человѣкъ этотъ писалъ повѣсть «Пахарь») хотѣлъ тронуть общество, тронуть сильнѣе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, и заставить его любить этого мужика, который, несмотря на весь гнѣтъ своего положенія, добръ, самоотверженъ, некорыстенъ и т. д. и т. д. Все это болѣе или менѣе извѣстно, и я, нѣсколько озадаченный цифрами, вновь предался пустопорожнему унынію, когда пошли вновь общія разсужденія. «Да что это вы, Кузнецовъ, все плачетесь?»

вдругъ заговорилъ молодой, необыкновенно талантливый мальчишкѣ — ни въ комъ во всю свою жизнь не выдалъ я такой страстной жажды сунуть себя въ какое-нибудь самое опасное, самое смѣлое, дерзкое дѣло, какъ въ немъ... «Почему вы сидите на несчастіяхъ одного только мужика? Вотъ, вы говорите, что мужикъ не видитъ свѣта потому что то стоитъ цѣлый день у цѣпа, то полгода ходить за сохой... Ну, а банкиръ, съ вашей точки зрѣнія, не такое же несчастное существо? Вѣдь и онъ цѣлые дни стоитъ у бумагъ и у связанныхъ съ ними миллионовъ случайностей... Тамъ все цѣпъ да цѣпъ, да двадцать верстъ въ день по пашнѣ, а тутъ все днемъ и ночью — деньги, деньги, деньги, и десятки верстъ на биржѣ, и точно такъ же, какъ для мужика градъ, такъ для этого мученика денегъ тысячи случайностей: оборвалась проволока, опоздалъ купить такую-то бумагу — пропалъ; загремѣлъ въ бездну со всѣми своими экипажами и содержанками, и прямо въ пасть цѣлой толпы озлобленныхъ людей. Его, благодаря этой проволоцѣ, благодаря тому, что черезъ Ламаншь оборвался телеграфъ, что Дон-Карлосъ проигралъ битву, что Абдул-Азисъ неосторожно поигралъ съ ножницами — его всѣ возненавидятъ и будутъ рвать, какъ собаки волея, начиная отъ кучера, которому нужно получить грошъ, до жены, дочери, родного сына... Ну, какъ по вашему, это — не мученикъ? Что-жъ — видитъ онъ свѣтъ? Есть ему минутка подумать о чемънибудь другомъ, кромѣ той же, только банкирской сохи: бумагъ, денегъ?.. Ну, а если несчастія господь-банкировъ васъ не трогаютъ, такъ вотъ вамъ — кондукторъ омнибуса; онъ цѣлый Божій день, съ семи часовъ утра до 11-ти часовъ ночи, за полтора рубля серебромъ вознагражденія, треплется на подножкѣ кареты, буквально не смѣя отойти, треплется цѣлые годы на однѣхъ и тѣхъ же улицахъ, мимо однихъ и тѣхъ же домовъ. Видитъ ли онъ бѣлый свѣтъ? А инженеръ, а священникъ — развѣ все это не привязано къ своей сохѣ? Какой-токой общій разговоръ можетъ быть у священника и актера, у инженера и кондуктора, у сапожника и банкира? Это все до такой степени оторвано другъ отъ друга микроскопичностію смысла своего труда, что вылилось почти въ такой же рѣзкой формѣ, какъ птица и рыба и т. д. Именно въ смыслѣ необыкновеннаго разнообразія не физической только, а нравственной дѣятельности, требуемой крестьянскимъ трудомъ, обиходомъ его домашней жизни, участь мужика-крестьянина и представляется не только не одностороннею, не только не печальною, но и рѣшительно завидною сравнительно со всѣми безчисленными профессіями, на которыя раскололся родъ человѣческій: *Мы все сами*, говоритъ мужикъ: онъ самъ добываетъ хлѣбъ, самъ добн-

ваетъ кожу на сапоги, овчину на тулупъ; онъ *самъ ткеть* себѣ рубашку—словомъ, онъ *все самъ*. Умственная дѣятельность его постоянно въ работѣ, постоянно въ наблюденіи; потому что этого требуетъ разнообразіе его дѣятельности... Одна добыча хлѣба ставитъ его въ зависимость отъ тысячи явленій природы, отъ тысячи коммерческихъ, финансовыхъ соображеній; онъ смотритъ и изучаетъ небо и землю, примѣчаетъ движеніе вѣтра и силу тумана—тысячи вещей, изъ которыхъ на каждой, гдѣ нибудь въ казенномъ зданіи, сидитъ по специалисту съ хорошимъ окладомъ, сидитъ, совершенно отдѣлившись отъ свѣта и ничего не понимая, кромѣ своего оплачиваемаго труда. *Все самъ*—этого довольно, чтобы представить себѣ, что въ мужицкой крестьянской избѣ сходятся въ каждомъ изъ обитателей этой семьи тысячи всевозможныхъ специальностей, что въ ней царитъ постоянная умственная дѣятельность, что въ ней—бездна знанія... («Знанія»? возопилъ Кузнецовъ. — Да, да, знанія... подождите горячиться)... Такая бездна и разнообразіе знанія, что вотъ этотъ сѣрый, аляповатый мужикъ пойметъ какого угодно специалиста и поможетъ ему, а специалистъ ничего въ мужицкихъ нуждахъ, въ мужицкихъ рѣчахъ не пойметъ... Приѣзжай въ любую русскую деревню Дарвинъ, Гумбольдтъ, кто угодно, онъ непременно найдетъ людей, которые поймутъ, что ему нужно, принесутъ камень, звѣрька и т. д. Поймутъ, потому что каждый наблюдалъ также широко (только по своему) тоже самое, что и Гумбольдтъ, и Дарвинъ. А спроси мужикъ что нибудь у этого Гумбольдта изъ своего обихода—г. Гумбольдтъ его не пойметъ, потому что и рѣчь-то мужика, т. е. человѣка, широко и разносторонне развитого, въ своей сжатости, всегда касается одновременно массы разнообразнѣйшихъ явленій, одновременно имъ обсуждаемыхъ, или, по крайней мѣрѣ, принимаемыхъ во вниманіе, и, стало быть, темна, сложна, непонятна для всякаго, думающаго «по своей части». Вы вотъ не согласны съ моей фразой, что у мужика бездна знаній, а я думаю напротивъ, я даже полагаю, что мужикъ, который *все самъ* знаетъ, рѣшительно все... (Все?!—Все, что знаетъ каждый изъ тысячи специалистовъ знанія). У него... да что вы хотите? Просто такъ все знаетъ, да и шабашъ... Онъ—инженеръ и механикъ, онъ строитъ гати, плотины, мосты, мельницы (вѣтряныя, водяныя) и проч., и проч. Онъ и ботаникъ, и зоологъ; онъ знаетъ каждую травку, знаетъ каждое самое ничтожное свойство травки, знаетъ какой звѣрь, какая птица какъ живетъ, то-есть знаетъ ея слабыя стороны, знаетъ ея хитрости—словомъ, рѣшительно все, что знаетъ г. Бремъ; онъ и анатомъ, давно и основательно знаемый съ тѣмъ, что дѣлается у звѣря

въ нутрѣ, онъ и медикъ, такъ какъ у него миллионъ свѣдѣній по медицинской части, съ такимъ же вѣроятнымъ успѣхомъ дѣйствія, какъ и свѣдѣнія г. Боткина. Да что а!—больше тѣмъ у Боткина—онъ останавливаетъ кровь однимъ словомъ, онъ вылечиваетъ укушеніе змѣи, пошептавъ что-то надъ оснновой корой и приложивъ къ больному мѣсту... Онъ и спиритъ, и знатокъ тайныхъ невидимыхъ силъ, которыхъ гг. Бутлеровъ и Вагнеръ разыскиваютъ подъ столами и подъ диванами, не получивъ, впрочемъ, никакихъ существенныхъ результатовъ. У мужика результаты давно есть: чортъ есть—и мужикъ знаетъ его характеръ, цѣль существованія, цвѣтъ шерсти, длину рогъ и хвоста, потому что его вотъ какъ васъ—такъ близко—видѣлъ и держалъ за ногу (нога у него утиная, только шаршавая, съ шерстью)... Словомъ, ни у одного, кромѣ мужика, счастливица на бѣломъ свѣтѣ, нѣтъ такой удивительно разнообразной, всесторонней, внутренней умственной жизни. Такого разнообразія наблюдательности, такого обилия знаній, какимъ надѣленъ мужикъ, благодаря именно характеру его труда, который требуетъ отъ человѣка самаго широкаго развитія, благодаря его положенію, требующему, чтобы *все само*. Кто сочиняетъ и поетъ на вѣки остающіяся пѣсни? Мужикъ. Гдѣ найдете вы настоящее, неподкупное веселье, чистое, какъ чисто оно въ дѣтской душѣ? У мужика. Кто здоровъ, силенъ, великодушенъ, такъ просто великодушенъ безъ соображенія и форсу?—опять же мужикъ. Кто всякому поможетъ, найдется во всякомъ положеніи и все перенесетъ, все пойметъ?—Опять тотъ же самый мужикъ... И наконецъ, при мало мальски сносныхъ обстоятельствахъ, у того же самого мужика бываютъ—и только у него одного—минуты наиполнѣйшаго, широчайшаго счастья... Видите, какъ плохо-то мужику!.. Ему лучше всѣхъ—(Ну ужъ врете!.. завопилъ Кузнецовъ)... еслибы только вы, господа интеллегенція, съ госпожею цивилизаціей, не рвали этой здоровой, полной силы, жизни клѣточки крестьянскаго дома на части, еслибы вы не доводили ее до распадѣнія какими то непонятными требованіями, постоянно отъ нея отнимая и ровно ничего не давая въ замѣнъ... Почему вы не считаете своей святой обязанностію давать ей *настоящія* знанія, послѣднія слова вашихъ наукъ? Тамъ, гдѣ всѣ *все сами*, тамъ все поймутъ, все нужное возьмутъ, а главное—все пойдетъ въ прокъ, все переработается гораздо лучше, тѣмъ у васъ, изсыхающихъ надъ своими специальностями, да еще и въ одиночку...»

— Признаюсь, продолжалъ балашовскій баринъ: — много я болталъ о мужикѣ, зналъ я его за желѣзную грудь и за мученика, и за страдальца, но счастливѣйшимъ изъ смерт-

ныхъ ни я, да и никто еще его не считалъ... Девольно я сталъ внимательно слѣдить за этой иллюстраціей къ мужику и чувствовалъ, что она мной овладѣваетъ, что путаница мыслей и чувствъ, одолѣвавшихъ меня, начинала принимать нѣкоторыя формы... Потому что, вѣдь право разрисовано—ничего таки?

— Разрисовано—ничего! сказалъ и я.

— И лучше, лучше еще можно разрисовать. Я сегодня не въ ударѣ, а то я бы и самъ...

— И такъ хорошо, сказалъ я. — И этого пока достаточно... Такъ именно это... именно эта иллюстрація и привела васъ къ мысли...

— Къ мысли привела меня жизнь. Жизнь, русская, ежедневная, обыкновенная жизнь обыкновеннаго дворянина, привела меня къ тому, чтобы иллюстраціи эти пришлись мнѣ по душѣ. Эта самая жизнь заставила меня всѣми крупинками моей крови желать, жадать выхода, обновленія, выхода изъ этой безконечной, тягостной, ежедневной фальши и лживости, переполняющихъ жизнь не то чтобы интеллигентнаго россиянина, а такъ, просто жизнь обыкновеннаго неплательщика... Было въ моей жизни такъ много напрасно и глупо-мучительнаго, что мужику, иллюстрированный вышеупомянутымъ способомъ, не только не терялъ своихъ удивительно привлекательныхъ красокъ, но, напротивъ, я самъ лично, боясь опять остаться съ моей оскоминой, сталъ росписывать его еще ярче, еще великолѣпнѣе...

— Еще великолѣпнѣе? изумился я. — Какъ же и чѣмъ вы еще его росписали?..

— А росписалъ я его такимъ манеромъ... Впрочемъ, необходимо прибавить еще нѣсколько словъ изъ соображеній по этому поводу того мальчика, который сѣмѣлъ такъ весело посматрѣть на мужика... Развѣлъ свой взглядъ на этого счастливца, онъ сказалъ, обращаясь къ Кузнецову: «Нѣтъ, Кузнецовъ, *все*—несчастные, *всѣмъ* нужна помощь и спасеніе, и между всѣми-то этими формами жизни, приводящими къ несчастію, только мужицкая форма и содержаніе жизни и имѣютъ для всѣхъ спасительную будущность... Только человекъ, который можетъ *все самъ* и не будетъ имѣть надобности перерывать другому человеку горла, чтобы добыть то, чего самъ не можетъ, не имѣть...» Ну, тутъ подъ такіе громкіе и веселые удары и мертвый заплещетъ... Заплещалъ и я: мнѣ представилось, что первая въ мірѣ земля, земля, которой принадлежитъ миссія обновленія всего блага свѣта, это земля сплошь мужицкая, сплошь населенная этими разносторонне и совершенно развитыми людьми, извѣстными подъ именемъ «мужварья», и гдѣ только

изрѣдка, «какъ мука въ молокѣ», мелькаетъ красный околышъ интеллигенціи—околышъ, не имѣющій другихъ претензій, кромѣ полученія прибавки... Съ этой точки зрѣнія на русскую землю, мнѣ стало все ясно, все видно, вся оскомина моя разсѣялась; нашлась характерная черта національности: мы—люди всеобщаго права жить, думать и развиваться, не имѣя никакой надобности рвать другъ отъ друга кусокъ, такъ какъ всѣмъ хватить. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію, и именно только у насъ... Нашлась и національная идея: мы—за всѣхъ мужиковъ всего свѣта, за ихъ право жить, пользоваться всѣмъ, что выдумалъ хорошаго бѣлый свѣтъ... Ткацкій станокъ мы сдѣлаемъ доступнымъ каждой деревенской бабѣ, взявъ изъ этой выдумки только то, что сокращаетъ трудъ, что даетъ возможность цѣлую зиму труда замѣнить однимъ мѣсяцемъ, и вовсе не обращая вниманія на способность выдумки производить массы... Ну, и такъ далѣе... Прибавки тутъ разныя: наши артели, общины и прочія, и прочія плѣнительныя вещи, конечно, разрисованныя—и вы поймете, почему я, послѣ цѣлаго года размышленій и всевозможныхъ фантазій, очутился тутъ, у деревенскаго плетня...

— Но вѣдь тутъ все не такъ? Вѣдь неразрисованный-то мужикъ—совсѣмъ другой... Не правда ли?..

— Не тотъ, не тотъ... Онъ такъ же изуродованъ, какъ и нашъ братъ съ краснымъ околышемъ, но знаете ли что?.. То тамъ; то самъ изрѣдка мелькаютъ какія-то черты въ обиходѣ мужицкой жизни, которыя почти приравниваютъ его къ мужику иллюстрированному... Что изуродованъ онъ—это вѣрно, но въ немъ еще живетъ много самыхъ образцовыхъ, въ смыслѣ приведенной иллюстраціи, свойствъ. Расскажу вамъ одинъ эпизодъ изъ фабричной жизни, случившійся на моихъ глазахъ. Подъ Москвою есть большая ткацкая фабрика, едва ли не первая по размѣрамъ производства въ Россіи. Два года тому назадъ, на этой фабрикѣ было волненіе рабочихъ, окончившееся, благодаря пособію государственнаго банка, къ ихъ полному удовлетворенію. Весь шумъ произошелъ изъ-за того, что администрація завода не хотѣла удовлетворить рабочихъ за осенніе мѣсяцы въ тѣхъ именно размѣрахъ, какъ было условлено весной при наймѣ, и рабочіе требовали доплаты и сложенія нѣкоторыхъ штрафовъ—все это имъ и дали, благодаря, какъ я уже сказалъ, сторонней помощи. Любопытнѣе всего причина, по которой администрація завода обманываетъ рабочихъ, обѣщая осенью (когда у крестьянина почти нѣтъ заработка) платить столько же, сколько весной и лѣтомъ. Причина этого та, что, при наступленіи лѣтнихъ мѣсяцевъ, крестьянинъ предпочитаетъ за ту же цѣну, ко-

торую даетъ фабрика, работать другую, крестьянскую, работу; онъ предпочитаетъ, напримѣръ, косить, жать, вмѣсто того, чтобы торчать у фабричнаго станка... Видите ли, онъ не доведенъ еще до такого деревяннаго положенія, какъ иностранный рабочій, изсушенный и обездушенный калѣною атмосферою и машинною дѣятельностію фабрики, и позволяетъ себѣ еще фантазировать, прихотничать, бросая съ весны его кормилицу-фабрику... Возможно ли, стало быть, нашему капиталисту вести свои дѣла такъ, какъ ведетъ ихъ капиталистъ иностранный, возможно ли ему конкурировать съ фабриками, на которыхъ люди работаютъ съ правильностію и неутомимостію паровыхъ машинъ, когда его рабочій еще необолваненъ въ конецъ и предпочитаетъ дѣлать болѣе веселое, разнообразное дѣло крестьянскаго обихода за ту же или даже меньшую плату, какую даетъ благодѣтель-фабрикантъ съ своимъ однообразнѣйшимъ машиннымъ трудомъ? Чтобы удержать фантазера-работника, чтобы не потерять всего состоянія изъ-за его фантазій, изъ-за его желанія работать «повеселѣй», капиталистъ нашъ долженъ прибѣгать къ разнымъ уловкамъ и, между прочимъ, къ той, о которой я уже говорилъ, то-есть онъ обѣщаетъ платить ту же цѣну и осенью, когда является множество желающихъ работать и когда цѣна значительно падаетъ. Только подъ такимъ условіемъ, весьма выгоднымъ, и можно удержать «любителей крестьянства» у фабричныхъ станковъ, но осенью, разумѣется, съ ними поступаютъ иначе и, кромѣ того, донимаютъ штрафами, такъ какъ, несмотря на надувательство осенью, все-таки, рабочій-крестьянинъ несетъ съ собою въ фабрику множество убытковъ, портитъ иной разъ съ умысломъ, уходитъ, когда дорога каждая минута, и т. д. И всѣ эти убытки надобно выручать съ него разными правдами и неправдами, обманами, штрафами... Безъ такихъ фокусовъ и уловокъ, да безъ помощи сторонней нашему капиталисту-фабриканту плохо, почти невозможно существовать: у него нѣтъ нужнаго ему машиннаго человѣка, у него, по-неволѣ, работаетъ крестьянинъ — человѣкъ, привыкшій дѣлать работу, требующую большой внутренней жизни, работу крестьянскую... Со временемъ, впрочемъ, я надѣюсь, и господа фабриканты будутъ благоденствовать, но теперь еще мельзаютъ живыя черточки, и вотъ онѣ-то и поддерживаютъ вѣру въ иллюстрированнаго жулика...

— Но вѣдь эти черточки рѣдки, слабы... Да и такъ ли вы поняли фактъ, о которомъ была рѣчь?..

— Мнѣ кажется, такъ, впрочемъ, не знаю.

— Но все-таки мало ихъ, этихъ живыхъ чертъ, и рѣдко онѣ

падаютъ... Неужели такія или подобныя, едва замѣтныя черты укрѣпляютъ въ васъ вѣру въ эти иллюстраціи... и ведутъ, какъ вы говорите, къ плетню?..

— Да... и эти черты... А мои сорокъ лѣтъ-то? А сорокъ рукъ-то? Ихъ-то вы позабыли?.. Они, они тутъ—это главное...

III.

Въ другой разъ, въ одно изъ слѣдующихъ свиданій, я прямо направилъ рѣчь на эти сорокъ лѣтъ... Что такое за таинственные года, результатъ которыхъ—странное появленіе барина (баринъ онъ былъ почти неисправимый) среди мужиковъ, съ дѣлами, весьма неопредѣленными, и, къ тому же, съ невозможностью, какъ онъ говорилъ мнѣ не разъ, воротиться вспять. «Теперь, по крайней мѣрѣ, я не знаю... мнѣ нельзя воротиться... говорилъ мнѣ не разъ балашовскій баринъ:—буду вотъ такъ сидѣть, прождать что есть...» Я самъ прожилъ на свѣтѣ также сорокъ лѣтъ, видѣлъ много худого, миллионы разъ желалъ, чтобы было лучше и легче, но никогда мнѣ не приходило въ голову забросить себя, ради этого «лучше и легче», за крестьянскій плетень, ничего не зная и ничего не умѣя...

— Ахъ, батюшка, возразилъ мнѣ на это балашовскій баринъ:—вы! Вы—человѣкъ семейный, то-есть человѣкъ, поставленный въ необходимость «не разсуждать» или разсуждать, имѣя, однако, постоянно въ виду сохраненіе въ безопасности вашего собственнаго гнѣзда, словомъ—разсуждать молча, оглядываясь, разсчитывая...

Я-было хотѣлъ возразить, но балашовскій баринъ прервалъ меня на первомъ словѣ, сказавъ:

— Будетъ, будетъ ужъ! Мы знаемъ этихъ свободномыслящихъ отцовъ семействъ... Самый смѣлый выдерживаетъ вѣрность своимъ свободнымъ мыслямъ до тѣхъ поръ, пока сыну или дочери не стукнетъ десять-одиннадцать лѣтъ, когда надо отдавать ихъ учиться въ гимназію...

Не буду приводить довольно жаркаго спора между мною и балашовскимъ бариномъ по этому интересному вопросу о дѣтахъ (настоящихъ, маленькихъ дѣтахъ), такъ какъ это затянуло бы и безъ того уже длинное повѣствованіе о балашовскомъ баринѣ, и такъ какъ этотъ предметъ достоинъ болѣе основательной работы, чѣмъ случайный разговоръ. Чтобы прекратить этотъ споръ, начинавшій принимать отгѣнокъ раздраженія, я поспѣшилъ вновь повернуть рѣчь на исторію самого балашовскаго барина.

Баринъ продолжалъ:

— Ну, а я, какъ человѣкъ несемейный, какъ шатунъ или какъ саврасъ безъ узды, естественно, могъ посвящать болѣе времени всевозможнымъ мечтаніямъ, не стѣсняя себя мыслью о томъ, что мечтаній этихъ почему-либо осуществить невозможно...

— И, однако, не осуществляя?.. его же тономъ прибавилъ я.

— Само собою разумѣется... Я мечталъ, разсуждалъ, не стѣняясь—и только: вотъ вся разница между мною и вашимъ братомъ—опорою отечества. Въ практическомъ отношеніи, мы одинаково—новъ, то-есть родные братья.. На мою бѣду, направленіе моихъ свободныхъ размышленій приняло общественный характеръ, благодаря тому обстоятельству, что я началъ жить въ самую совѣстливую эпоху русской жизни — въ эпоху освобожденія крестьянъ... Послѣ войны, послѣ всего, что она обнаружила въ русской жизни, пора было вспомнить обществу о томъ, что есть нѣчто, именуемое совѣстію — и вотъ все, что было мало-мальски живо, не засѣчено и не сгнило, все это поняло, что ему сейчасъ же, сію минуту слѣдуетъ работать, служить въ этомъ громадномъ лазаретѣ и всѣми способами помогать выздоровленію, исцѣленію больныхъ, калѣкъ, уродовъ и т. д. Вотъ и я осѣнень былъ необходимостію такого дѣла... Прямо, почти съ университетской скамьи (сознаюсь, я былъ не изъ особенно-преданныхъ наукъ молодыхъ барчуковъ), я попалъ въ самый по тогдашнему (да и по нынѣшнему) отборный кругъ общественныхъ дѣателей, на самыя наивременнѣйшія общественныя дѣла. Тутъ, въ этомъ кругу, были и радикалы-губернаторы, и радикалы-губернаторши, предводительши съ гуманнѣйшими взглядами, и борьба тутъ была съ хищными стремленіями закоренѣлыхъ «обомшѣлыхъ» крѣпостниковъ, и главное—тутъ въ первые фигурировалъ народъ, скромно притекавшій къ нашему гуманному сочувствію. Разъ попалъ на эту стезю, я уже не сходилъ съ нея до тѣхъ поръ, покуда мнѣ не сдѣлалось тошно и меня не одолѣла вышеупомянутая оскомина. Былъ я и секретаремъ въ комитетѣ, и мировымъ посредникомъ, и потомъ земскимъ гласнымъ, наконецъ, даже председателемъ одного уѣзднаго земскаго собранія, и попечителемъ разныхъ благотворительныхъ учреждений, словомъ—прошелъ всю лѣстницу, доступную красному околышу, воодушевленному благими намѣреніями... и что же? въ концѣ концовъ, получилась убійственнѣйшая оскомина. Я ужъ сказалъ, что не слишкомъ предавался научнымъ занятіямъ, не слишкомъ развивалъ себя помощію научнаго опыта, но, несмотря на мое полуневѣжество, я какъ-то инстинктивно, нутромъ если хотите, сталъ чувство-

вать, съ первыхъ же шаговъ моей общественной дѣятельности, что есть въ ней какая-то трещина, дребезжить что-то... Кажется, вотъ сдѣлаешь все, что возможно, отдашь свое жалованье, если мало опредѣленной суммы, ну, на примѣръ хоть на школу — нѣтъ, дребезжить! чуешь, что дѣло, которое ты сдѣлалъ, ужъ въ самомъ себѣ носить трещину, какъ старый горшокъ... Замѣчательно, что въ этомъ ощущеніи трещины играли роль не столько независимыя обстоятельства, сколько что-то иное, чего я понять не могъ. На примѣръ, устраиваю я школу, покупаю книги, катехизисы, арифметики, приплачиваю учителю своихъ десять-двадцать рублей, словомъ, устраиваю дѣло елико возможно хорошо — и тутъ же чувствую, что — нѣтъ — дребезжить что то, гдѣ-то ужъ треснуло... Разумѣется, направленіе сельской школы, выборъ учебниковъ и т. д. принадлежить не мнѣ; но несомнѣнно мнѣ принадлежить какое то тайное согласіе съ избраннымъ не мною направленіемъ для школы; я, желающій или, по крайней мѣрѣ, думающій, что дѣлаю дѣло общественное, полезное народу, чувствую одновременно двѣ такія вещи: я вижу, положимъ, что учитель беретъ мѣсто потому, что ему нѣчего ѣсть и надобно что нибудь дѣлать и чѣмъ нибудь жить до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ дякопскаго мѣста и не найдетъ невѣсты; положимъ, и, кромя того, вижу, что учебный кругъ предметовъ, преподаваемыхъ крестьянскимъ дѣтямъ, почти ничего имъ не дастъ, ничего не прибавитъ въ ихъ развитіи, ни на одну каплю не прояснитъ окружающаго — положимъ, что я въ этомъ совершенно убѣжденъ... Но все-таки я устраиваю эту школу... Я чувствую, что дѣлаю вздоръ (я тогда только чувствовалъ этотъ вздоръ, а не зналъ еще этого навѣрно), что, вмѣсто дѣла, выходитъ какая-то декорация, съ усерднѣйше-преданной фигурой учителя, съ кротко благословляющимъ дѣтей батюшкой, съ этими дѣтьми, вступающими на новый путь... Чувствую во всемъ этомъ прорѣху, прибавляю учителю десять рублей и все-таки оставляю именно все въ томъ дыравомъ видѣ... Что-то мѣшаетъ мнѣ довести до конца мою мысль о негодности школы, что-то мѣшаетъ мнѣ громко, публично заявить объ этомъ. Нѣтъ, не одни независимыя обстоятельства! Мѣшаетъ мнѣ мое въ высшей степени ложное, положеніе, положеніе барина... замѣтьте, что я говорю — мѣшаетъ положеніе — не интеллигентнаго человѣка, а просто барина, мѣшаетъ мое званіе... Всякій разъ, когда я замѣчалъ или чувствовалъ въ какомъ нибудь изъ моихъ общественныхъ дѣлъ дребезжащую трещину, всякій разъ, когда я видѣлъ вздоръ, я молчалъ, потому, что именно мое званіе заставляло меня опомниться... «Какой же я буду баринъ, какъ будто говорило во мнѣ

что-то: — если, напримѣръ, школа будетъ отличная, въ самомъ дѣлѣ развивающая... и что жь будетъ, если въ самомъ дѣлѣ они узнаютъ...» Пожалуйста, не думайте, что я когда-либо могъ думать такимъ разбойничьимъ образомъ — нѣтъ, никогда (говоря о томъ давнемъ времени)! Я бы не могъ вамъ въ такихъ опредѣленныхъ фразахъ формулировать того страннаго нравственнаго упорства, которое вдругъ просыпалось во мнѣ всякій разъ, когда суть дѣла требовала отъ меня чегонибудь такого, что заставляло меня «вспомнить»: а я вѣдь баринъ... Потомъ, долго спустя, я узналъ, что я вовсе не баринъ и ничего во мнѣ барскаго нѣтъ... Тогда я этого не зналъ и, дѣлая пустня безсодержательныя дѣла, приличныя, мнѣ какъ русскому интеллигентному человѣку «изъ господъ», понемногу, каждый день, каждый часъ хоронилъ внутри себя очень много гаденькихъ вещей. Не вѣрилъ я, напримѣръ, школѣ, пряталъ это и старался думать, что вѣрю, что дѣлаю дѣло. Когда въ газетахъ меня расхвалили за мою необычайно-просвѣщенную дѣятельность, я даже былъ радъ, и подумалъ: «а, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, я пропасть сдѣлалъ...» Но вѣдь шила въ мѣши не утаишь, и правда моихъ пустопорожнихъ дѣлъ выплывала иной разъ вдругъ во всей своей суровой беспощадности. Въ одну минуту становилось мнѣ все противно, и въ раздраженіи я оканчивалъ тѣмъ, что сваливалъ все (плохо разсуждалъ я тогда) на какуюнибудь хриstopродавческую рожу какогонибудь изъ такихъ же поддѣльныхъ интеллигентныхъ людей — и уходилъ... Но, пошатавшись безъ дѣла полгода, годъ, я вновь начиналъ чувствовать, что званіе мое вновь влечетъ меня на сцену російскаго прогресса. И вновь занималъ какоенибудь изъ просвѣтительныхъ амплуа, чувствуя, что не то, не такъ надо дѣлать, и вновь продолжалъ снисходить къ себѣ, вновь почему-то оберегалъ привилегированность своего положенія, вновь позволялъ себѣ бирюльками отдѣлываться... И нельзя сказать, чтобы и въ окружающемъ обществѣ я не находилъ поддержки въ этомъ, въ высшей степени не искреннемъ поведеніи. Немало и кромѣ меня жило да и живетъ народу, твердо знающаго, что дѣло его — вздоръ, обманъ, нуль, но предолжающаго притворяться, ради сохраненія своего положенія, и представлять этотъ нуль дѣломъ, правда стѣсненнымъ независящими обстоятельствами... И у всякаго — въ этомъ можно ручаться головой — скребутъ кошки, у всякаго нѣтъ живого мѣста въ душѣ отъ признанія своего притворства, пустоты, безсодержательности жизни, и все ради какого-то необычайно упорнаго, но въ высшей степени неосновательнаго не то чтобы желанія — нѣтъ, никто этого не

желаетъ—а именно какой-то конфузливости предъ своимъ положеніемъ русскаго интеллигентнаго человѣка «изъ господъ». Точно этому человѣку и въ иной формѣ нельзя быть интеллигентнымъ...

— Я васъ не понимаю, сказалъ я.

— Погодите немного, можетъ быть, и поймете... Итакъ: въ теченіи пятнадцати, восемнадцати лѣтъ, ежеминутно зная за собой вину и снисходя къ себѣ подъ тѣми или другими предлогами, изъ которыхъ ни одного я не считалъ по совѣсти справедливымъ, уквѣпляя, кромѣ того, свое декоративное существованіе примѣромъ окружающаго меня общества, котораго я, также по совѣсти, уважать не могъ—я, въ концѣ концовъ, накопилъ въ самой святой святыхъ моей души такую бездну невѣрія, подозрительности, холодности и вообще какой-то безформенной студенистой гадости, что рѣшительно утратилъ всякій смыслъ какъ своего положенія среди двигающагося вокругъ меня люда, такъ и возможность какой нибудь ужъ даже и не искренней связи (про искреннюю я совсѣмъ и позабылъ!) съ этимъ людомъ... Все мнѣ стало противно, глупо и подло: противень и этотъ смиренный сельскій педагогъ, потому что онъ—вовсе и не педагогъ, а ротъ, ищущій каши; противень и этотъ мужикъ, три года подрядъ не понимающій, что его сына вовсе ничему не учать, хотя и гоняють по морозу за восемь верстъ; опротивѣли мнѣ всѣ гуманныя, радикальныя, либеральныя лица, разговоры и поступки, такъ какъ все это ходитъ вокругъ да оволо, норовитъ утянуть кусочекъ въ свое гнѣздышко, прикрывъ его вновь либеральными листьями... Я не могу, не въ силахъ передать этого ужаснаго состоянія, когда, утомленный напряженіемъ въ лганѣ, человѣкъ какъ-то бессильно и холодно начинаетъ ровно ничему не вѣрить и теряетъ, во имя этого невѣрія или отвращенія, даже самую способность додумывать до конца свои скверныя, но многочисленныя, какъ тучи комаровъ, мысли... Я думалъ, что я умру... Ужасъ, ужасъ какъ былъ радъ, чтобы кто нибудь пришибъ меня, чтобы разбило поѣздъ, на которомъ я ѣду, или взорвало паровикъ парохода, на которомъ меня, холоднаго какъ кусокъ льду, везли куда нибудь на петербургскіе острова... Однако, никто меня не пришибъ, котлы, на счастье гг. пассажировъ невскихъ пароходовъ, не лопались, — а я... ужъ самъ не знаю какъ—вдругъ собрался и уѣхалъ за границу.

«Въ подробности моихъ заграничныхъ наблюденій я вдаваться не буду, я скажу о нихъ нѣсколько словъ вообще. Прежде всего, я долженъ сказать, что съ переѣздомъ на чужую землю, я сталъ быстро поправляться нравственно, и не потому, чтобы меня,

*

какъ говорится, развлекала «новизна и переменна мѣсть», а потому, что я сталъ дышать воздухомъ дѣйствительности, очутился среди «понятныхъ» явленій жизни, понятныхъ отъ начала до конца, явленій, которыя, благодаря своей объяснимости, видимой законности, возбуждаютъ также законное и самому мнѣ понятное теченіе мыслей... Вотъ разбило поѣздъ желѣзной дороги, положимъ — посмотрини, въ самомъ дѣлѣ, не мудрено разбиться: рельсы перепутаны, какъ нитки въ кускѣ матеріи, поѣзды несутся, какъ вѣтеръ, одинъ за другимъ въ громадномъ количествѣ — не мудрено прозѣвать одну секунду; я понимаю, что еслибы былъ я на мѣстѣ того, кто прозѣвалъ, то, при такой толкучкѣ и суматохѣ, я бы прозѣвалъ пятьдесятъ разъ... Все это я понимаю, и у меня не остается въ сознаниі того студенистаго безформеннаго комка несвязныхъ представленій, какой остается у меня послѣ подобнаго же желѣзнодорожнаго случая на московско-индійской дорогѣ, гдѣ поѣзды спшибаются среди необозримаго простора, спшибаются отъ того, что машинистъ пьянъ, а пьянъ оттого, что, въ сущности, и ѣхать ему незачѣмъ, такъ какъ ѣдетъ онъ обязательно и съ пустыми вагонами. Почему, по какому резону все это совершается, я не соображу и, разумѣется, только заскучаю отъ размысленій на тѣму: зачѣмъ ѣздить, когда этого вовсе не нужно?.. И машинистъ-то запѣть именно потому, что ему нѣтъ достаточныхъ резоновъ влacity пустые поѣзда и получать жалованье за ненастоящее дѣло. Я бы могъ привести вамъ безчисленное множество параллелей между *ихнимъ* и нашимъ обиходомъ, но то, что особенно дѣйствовало въ нихъ, что меня становило на твердую землю, что давало мнѣ знать, что я среди живыхъ людей, это именно — совершенно ясная причинность и зависимость между собою всѣхъ явленій, какія только ни совершаются передъ нашими глазами. Тамъ все можно понять, и притомъ каждому; у насъ — далеко нѣтъ... Понималъ я тамъ и почему тамошнему рабочему человѣку нельзя, ни подь какимъ видомъ невозможно, въ концѣ концовъ, не схватиться для защиты своихъ поправныхъ правъ, понималъ я, что и барину тамошнему нѣтъ никакой возможности сдѣлаться по-магче, по-снисходительнѣй, по-человѣчнѣй. Понималъ я тамъ, почему каждый стойтъ за свое положеніе, за отвоеванное мѣсто на бѣломъ свѣтѣ... Нескладны такіе порядки, чѣд говорить, и возмутительны — но вѣдь основаніе они имѣютъ, резоны у нихъ есть... Наскучивши безрезоннымъ существованіемъ, я всею душою былъ радъ жить среди резонной жизни, смотрѣть на резонныхъ людей и на ихъ хоть и нелѣпныя, хоть и отвратительныя даже, но доступныя пониманію дѣла. Глядя на такой понятный строй

жизни, можно было «въ самомъ дѣлѣ думать», «въ самомъ дѣлѣ» скорбѣть, чего со мною давно не случалось... Какимъ, напримѣръ, образомъ могу я «въ самомъ дѣлѣ» скорбѣть о бѣдности нашего мужика, когда онъ можетъ быть не бѣднымъ, когда у него подъ бокомъ лежитъ богатство? Я только не понимаю тутъ причины, почему богатство, которое никому не принадлежитъ— не можетъ кому-нибудь принадлежать?.. «Испѣляясь этой возможностью «въ самомъ дѣлѣ» думать и жить, я невольно сталъ раз-искивать причинность и мнѣхъ собственныхъ поступковъ, основанія лично моего общественнаго положенія... И ужъ не знаю, какимъ извилистымъ путемъ размышленія мои на эту тѣму привели меня къ такому вопросу: да почему это я считаюсь бариномъ? Что такое во мнѣ барскаго, такого, что бы дѣлало для меня невозможнымъ никакое другое положеніе, что бы заставляло меня, какъ заставляетъ тамошняго барина, доходить до звѣрства, защищая свою барскую суть? Какая такая у меня эта суть?

«Забралась въ мой мозгъ эта мысль, и пошла работа!.. И что-же вы думаете, въ концѣ концовъ, я убѣдился, что я—рѣшительно не баринъ, а тотъ же нашъ мужикъ, только поставленный въ очень глупое положеніе. Отъ этого-то глупаго положенія я и лгалъ, и рисовалъ декораціи, отъ этого-то я и оскомину нажилъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какой я, скажите на милость—баринъ, что такое есть во мнѣ подлинно барскаго, то-есть вообще характернаго, что бы меня, по сущности моей, отличало отъ мужика, какъ сетеръ отличается отъ дворняшки, или англійскій лордъ отъ англійскаго фабричнаго? Вотъ недавно мнѣ пришлось читать небольшую иностранную повѣсть. Выведена въ ней молодая дѣвушка обдѣдѣваго, но стариннаго аристократическаго рода. Чтобы жить, существовать на бѣломъ свѣтѣ, ей надо выйти замужъ за богатаго буржуа; но преданія ея семейства оказываются настолько для нея важными, что она отказывается отъ этого невозможнаго для нея брака и идетъ въ монастырь, въ такіе годы, когда ей жить-бы и жить... Не знаю, найдется-ли у кого-нибудь изъ нашего брата, красныхъ околышей, что нибудь подобное, какая нибудь психологическая черта породы, которая бы заставляла человѣка, не то чтобы зарывать себя живьемъ въ землю, какъ почти сдѣлала дѣвушка, а хоть немножечко повременить, покобениться, прежде нежели измѣнить своимъ традиціямъ. Я, по крайней мѣрѣ, почти не вижу никакихъ традицій, которыя бы внутренно, психологически отдѣляли красный околышъ отъ лаптя... Какія такія, позвольте васъ спросить, мои феодальныя воспоминанія? Крестовый походъ на провіантскій магазинъ? Поставки и подряды? Долгая откупная вареоломбевская ночь?.. Да

развѣ я скажу объ этомъ хоть одно слово моему сыну? Развѣ я порекомендую ему брать съ меня примѣръ? Скажу я ему развѣ, какія я штуки выдѣлывалъ съ акціонерами такихъ-то и такихъ-то обществъ? Разумѣется, никогда ни одного слова ни объ одномъ изъ моихъ рыцарскихъ подвиговъ... Еще менѣе открою я ему тайну моего преображенія въ господѣ. Тщательно буду я умалчивать, какъ и за что я «поправился» и «вышелъ», какъ меня наградили, сдѣлали бариномъ, или какъ я самъ, долгое время свирѣпствовавшій гдѣ нибудь въ казенномъ овсѣ, или мукѣ—вышелъ оттуда съ гербомъ и купленнымъ помѣстьемъ... Въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ феодальныя воспоминанія требуютъ самаго строгаго умолчанія, и вотъ почему громадное большинство красныхъ околышей воспитывается совершенно въ тѣхъ же самыхъ понятіяхъ, какъ и крестьянскія дѣти. Скажу про себя: вынянчила и выкормила меня крестьянка, сказки, пѣсни пѣлись мнѣ крестьянскія, игралъ я съ крестьянскими мальчишками... Да и семья наша, какъ и всякая «возведенная», не могла противопоставить этому мужицкому направленію ровно ничего господскаго: лечили меня и сами лечились по деревенски, вѣрили болѣе знахаркамъ, чѣмъ докторамъ. Моя мать хотя и говорила по французски, а точно также сводила у меня ячмени съ глазъ посредствомъ какого то шептанія, какъ и обыкновенная баба; праздники, посты соблюдали тѣ же самые, что и мужики, и вообще—можете вести параллель сами—вся моя подоплека не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ тою же мужицкою подоплекою; мы, по совѣсти, по душѣ, были родные братья, и вотъ почему такъ часто моя нянька должна была повторять мнѣ фразу:

— Какъ это можно! Называется вы бариномъ, а ровно деревенскій мальчишка...

«Называется!» Лучше этого нельзя опредѣлить привилегированности моего положенія. Да, я именно только назывался бариномъ, какъ и мои родители и отдаленные пожалованные феодалы и предки тоже только назывались барями. Помню всякій разъ, когда я слышалъ эту фразу няньки: «а называется» бариномъ, я какъ будто опоминался, старался сообразить, но не сообразивъ, позволялъ, однако, себѣ повѣрить, что мнѣ стыдно (говорила старая нянька и мои родители—какъ же не вѣрить?), и съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ вѣрить въ какую-то, обязывающую меня поступать неискренно, тайну, съ этого времени начинаю чувствовать одиночество, безсодержательность... Иногда бѣдная старуха-нянька пыталась-было замѣнить свое голословное «называется» ба-

риноиъ и проч. болѣе рѣзкими доказательствами моего высшаго происхожденія и положенія и говорила примѣрно такъ:

— Нѣшто это можно? Вѣдь вы барьиномъ называетесь, вѣдь у васъ сапожки вонъ какіе, а вы ихъ въ грязи испачкали, вѣдь они три рубля даны, только мужики этакъ-то вотъ въ грязи...

Такого рода доказательства еще болѣе суживали мою способность мышленія, такъ какъ я самъ, желая разсѣять туманъ, окружавшій меня, вслѣдствіе бездоказательности моего привилегированнаго положенія, съ радостію хватался за все, что мало-мальски резонно доказывало разницу между мною и деревенскимъ мальчишкой. Сапожки, рубашка, у отца орденъ, «маменька вонъ въ какихъ платьяхъ, а евоинная мать—эво въ чемъ... она—простая баба», «у господъ чай пьютъ, когда хощь, а у мужика только въ Свѣтло Христово Воскресенье!»—и т. д., и т. д. Такія, какъ изволите видѣть, чисто внѣшнія демократическія различія и были тѣми точками, съ которыхъ начиналось пониманіе моего нравственнаго положенія. Только благодаря этимъ пустякамъ, я и пріучился считать себя чѣмъ-то инымъ... И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь только эти пустяки и останавливали меня въ послѣдствіи, когда я ужь былъ большой, отъ искреннихъ и правдивыхъ поступковъ... «А ну, какъ останешься безъ сапогъ? А ну, если придется жить въ избѣ?...» Желаніе поступить правдиво постоянно было во мнѣ, потому что никакой внутренней цѣли, твердой и прочной, заставлявшей меня умышленно сдѣлать другому вредъ, чтобы отвоевать просторъ самому себѣ, какъ это дѣлаютъ «тамошніе» настоящіе красные околыши (устраивая, напримѣръ, умышленно невѣжественную школу, чтобы лучше было распорядиться народомъ)—никакой такой цѣли у меня не было; напротивъ, я всегда понималъ чужое положеніе лучше моего, крестьянское лучше своего барскаго, потому что нутро-то у меня было крестьянское, а все барское было вздоръ: сапожки въ три рубля, чай когда угодно, орденъ... Вообще разныя бирюльки... Да и нельзя русскому человѣку, въ какомъ бы онъ положеніи ни находился, не покоряться вліянію мужика: мужикъ силенъ... Изъ евотовой шубы онъ переодѣнетъ васъ въ полушубокъ, попробуйте только пожить въ деревнѣ, заставить вмѣсто калошъ носить валенки, интересоваться посѣвомъ, скотиной и оставить въ сторонѣ чтеніе газетъ; онъ заставитъ ваше интеллигентное лицо обрости неинтеллигентной бородой, пріучитъ въ дорогѣ, во вьюту, привертывать къ кабаку и находить удовольствіе въ стаканчикѣ винца. Баринъ не только не можетъ противопоставить мужику чегонибудь самостоятельнаго, но, напротивъ, самъ по-

стоянно заимствуется у него во всѣхъ надобностяхъ господскаго обихода, отъ развитія собственныхъ дѣтей, которыя жадно подбираютъ крупинки сказочекъ, загадокъ, побасенокъ, изобрѣтенныхъ мужикомъ для своихъ заскорузныхъ ребятишекъ, вкончая маршинованнымъ грибомъ, которымъ закусывается рюмка поповской водки на обѣдѣ въ честь какаго-нибудь просвѣтителя — все это изобрѣтено мужикомъ, баринъ только заимствовалъ и ѣлъ... Правда, по части съѣстного, кое-что выдуманно и интеллигенціей: такъ существуетъ кушелевская баранина и строгоновская говядина... Но вѣдь, не богъ знаетъ что — выдумать какую-нибудь баранину или гусятину, когда они уже давно сами себя выдумали и преспокойно продаются во всѣхъ мясныхъ и курятныхъ лавкахъ.

«Изъ-подъ такого всепоглащающаго вліянія мужика сильнѣй всѣхъ доводовъ няни и семьи, выводить — надо сказать правду — школа, гимназія, университетъ. Я знаю по себѣ, да и вы навѣрное согласитесь, что направленіе доступнаго нашему брату образованія таково, что, по окончаніи курса, напримѣръ, въ университетѣ, теряешь возможность стоять на своихъ собственныхъ ногахъ и тотчасъ принимаешься искать какихъ-нибудь казенныхъ костылей въ видѣ подтеменныхъ, прогоновъ, добавочныхъ... Словомъ, начинаешь въ отчаяніи взывать, «давай!» и чувствуешь, что непремѣнно надобно что-нибудь «получать отъ казны», такъ какъ безъ ея благодѣтельной помощи предстать гибель: я ничего не умѣю заработать, я не могу ѣсть на улицѣ печонку, потому что я довольно чисто одѣтъ, словомъ — мое положеніе самое привилегированное... Но, какъ ни сильно содѣйствуетъ направленіе образованія обезноженію нашего брата, околыша, какъ оно ни стремится образовать изъ нашего брата, околыша, слой или особенный образованный кругъ, хитрость его не удается; недальше, какъ черезъ мѣсяць по вступленіи въ этотъ кругъ, начинается ощущеніе какаго-то овладѣвающаго тобою угара... «Э, батюшка, говорятъ уже нѣсколько образовавшіеся члены этого круга, это еще чтѣ, вы поживите-ка тутъ годикъ — съума сойдете!.. Въ самомъ дѣлѣ, припомните, представьте себѣ эту нестерпимую натянутость, напряженность, выдумку и фальшь того руководящаго губернскаго, уѣзднаго, какаго хотите, общества, которыми охваченъ каждый изъ его представителей... Припомните эти вечера, собранія: ученныя, увесилительныя, семейныя, весь обиходъ жизни руководящаго общества — какаѣ скука! какаѣ сибирская тоска и поддѣлка! Черезъ годъ, если вы не женились, не привязали себя къ мѣсту или, какъ говорятъ коренные провинціалы, «не укрѣпились», я увѣряю васъ, что ни

какое жалованье, никакая прибавка, т. е. ужь самые достовѣрные акты общественной дѣятельности вашей, не искупать мученій, которыя вы испытываете, благодаря своему привилегированному положенію. Положеніе это такъ, въ самомъ дѣлѣ, ужасно, что я даже и выдѣлать его не хочу: мнѣ больно вспомнить, больно представить себѣ все это... Я не забуду тѣхъ минутъ, когда, осѣненный мыслью, что я совсѣмъ не баринъ, я неволью припомнилъ ту массу лжи, которую мнѣ пришлось продѣлать, благодаря моему ложному положенію; помню, какъ, разубѣдившись въ удобствахъ такого поддѣльнаго существованія, я остановился на роковомъ вопросѣ: чтѣ же я такое, наконецъ? Я оказывался какимъ-то страннымъ существомъ, какимъ-то бариномъ, не имѣющимъ возможности наполнить свое барское существованіе, несмотря на то, что мнѣ платили за это хорошія деньги; я оказываюсь человѣкомъ, завидующимъ мужику, тогда какъ ни одинъ мужикъ не будетъ завидовать нищему; я понимаю мужика больше, чѣмъ самого себя, я сочувствую ему больше, чѣмъ тому привилегированному кругу, къ которому принадлежу самъ... Что-жъ я такое? Я—просто овца безъ стада... Я отбился, или меня отогнали, не знаю хорошенько, отъ моего стада, отъ народа, съ которымъ у меня нѣтъ никакой внутренней разницы, и я въ тоскѣ шатаюсь по російскому интеллигентному пустырю... Вы знаете пословицу—«овца безъ стада не живетъ или не бываетъ»—а я, русскій интеллигентный человѣкъ, безъ стада, безъ общества... Куда же мнѣ пойти, гдѣ жить? «Тутъ-то вотъ и подвернулись иллюстраціи къ русскому мужику... Ну, разумѣется больше мнѣ некуда идти, какъ къ нему... Возможно ли мнѣ даже и подумать теперь вновь какимъ-нибудь способомъ войти въ ряды людей, раздѣлывающихъ для пользы народа на обывательскихъ—ни за что!.. Я вотъ буду—тутъ!

Балашовскій баринъ энергически стукнулъ при этомъ словѣ кулакомъ объ столъ. Подъ словомъ «тутъ» я понялъ деревню...

— Ну что-жъ вы будете здѣсь дѣлать? сказалъ я...

— Почему я знаю... я знаю, что мнѣ надо жить тутъ—и больше ничего... Понадоблюсь я имъ—отлично; не понадобится—буду сидѣть и пить славянскую... У меня вотъ есть нѣсколько денегъ... Выйдутъ онѣ здѣсь очень скоро. Стану продавать платье, проживу и то, и, въ концѣ концовъ, все-таки я думаю, что доведу же я себя до того, что повѣрять они мнѣ и понадобятся я имъ въ чемъ-нибудь... Кой-что я знаю больше ихъ...

Неожиданныя обстоятельства среди лѣта потребовали моего возвращенія въ Петербургъ. Воротившись въ августѣ, я, съ удивленію моему, не нашелъ уже барина—онъ уѣхалъ. Рассказывали о прїѣздѣ какой-то дамы, и въ исторіи вообще барина оказывалась какад-то невысказанная и необъясненная имъ сторона. Странное, болѣзненное впечатлѣніе осталось во мнѣ отъ этой и больной, и изломанной фигуры; но нѣкоторыя его иллюстраціи, какъ онъ выражался, къ народной жизни произвели на меня такое впечатлѣніе, что я не могъ отдѣлаться отъ нихъ, раздумывая о томъ, что мнѣ пришлось видѣть въ деревнѣ.

Г. Ивановъ.

ВИРЖЕВЫЯ СИРЕНЫ ВЪ ЗАГЛОХЛОВѢ.

Фотографія.

I.

Компанія заглохловской аристократіи возвращалась въ городъ съ вечерней прогулки по рѣкѣ.

Мужчины, не по лѣтамъ и не по сану нарѣзвившіеся. безмолвно созерцали не то звѣзды, несмѣло проступавшія на весеннемъ небѣ, не то трехъ хорошенькихъ спутницъ, только-что переставшихъ щебетать, не то свои собственныя думы и чувствованія.

Лодка спускалась беззвучно. Ночь стояла теплая, майская, слегка окутанная прозрачнымъ сумракомъ. Судходная рѣка затихла; съ бревенныхъ гоноей пахло сосновой смолой, и изрѣдка наносило струйки дыма отъ боязливо горѣвшихъ на нихъ костровъ; съ береговъ тянуло черемухой, густо забѣлившей цвѣтами свою молодую зелень, вопреки холодному, широкому разливу, затопившему ее снизу.

Федоръ Ивановичъ Бревновъ, солидный земець, предсѣдатель губернской управы, мужчина лѣтъ 35, весь отдался наслажденію. Хорошо такъ было въ природѣ. И хорошенькая добрая жена легонько прижималась къ нему въ раздумьи, навѣянномъ весеннею ночью.

— Вы, завтра утромъ, дома до управы? спросилъ его тихимъ, мягковатымъ басомъ сосѣдь съ другой стороны, Казначевъ, одинъ изъ прошлыхъ властителей судебъ Заглохлово. Казначевъ былъ мужчина изящный, округлый, дебелый, съ пышными свѣтлыми баками, сочными, пухлыми до добродушія губами и сѣрымъ стальнымъ пытливымъ взглядомъ, рѣзкость котораго онъ искусно умѣлъ парализировать улыбкой—любезной, когда обращался къ женщинѣ, дружеской—когда поворачивался къ мужчинамъ. Недоброжелатели Казначева утверждали, что онъ округлялъ свою барьеру при содѣйствіи своихъ округлыхъ формъ. Но, какъ бы

тамъ ни было, безусловно одно—что Казначевъ былъ необычайно пріятный собесѣдникъ и большой пріятель Ѳедора Ивановича, а съ однимъ изъ членовъ земской управы, находившимся тутъ же въ лодкѣ, жилъ на одной квартирѣ, на положеніи Ореста и Пилада, и дѣлился съ нимъ предметами мимолетныхъ страстей, которые (т. е. предметы) имъ обоимъ, по востребованію, доставлялъ опытный Лепорелло-Ѳаддей, отлично знакомый съ мѣстными нравами и мѣстными Лаурами.

— Дома, а что? встрепенулся земець.

— У меня есть дѣло. Я къ вамъ зайду.

— Очень радъ; я встаю въ 8 часовъ.

— Я зайду въ половинѣ десятаго. Только—и Казначевъ нажалъ крѣпко рукой на колѣно сосѣда, для нущей внушительности очень тихо, почти шопотомъ произнесенной по-французски фразы:—это—дѣло очень важное, лично до васъ и до меня касающееся.

Ѳедоръ Ивановичъ вытаращилъ глаза.

— Не велите никого принимать, чтобы намъ не мѣшали, и *n'en parlons plus*, уже совсѣмъ шопотомъ добавилъ Казначевъ, еще разъ красивой пухлой рукой притиснувъ колѣно пріятеля такъ сильно, что послѣдній почувствовалъ кольца, украшавшія руку.

Стальной взглядъ при этомъ скользнулъ по собесѣдникамъ, и Казначевъ не безъ досады убѣдился, что, какъ и надо было ожидать, шопотъ не помѣшалъ имъ слышать, а французскій языкъ понимать то, что онъ сказалъ Ѳедору Ивановичу.

Вице-Силычъ (по настоящему Викентій Силычъ, но онъ самъ величалъ себя Вицентомъ, а въ Заглохловѣ сходилъ за Вице-Силыча; этотъ тоже былъ изъ мѣстныхъ олимпійцевъ) глубоко-мысленно повелъ сверху внизъ крупнымъ носомъ, скосивъ черезъ его кончикъ глаза, чтобы не поворачивать головы на разговаривавшихъ, и не безъ изащества дотронулся обѣими руками до боковъ своего брюшка, это всегда означало дѣятельную работу мысли въ его респектабельно лысѣющей головѣ.

Истощенный карьеристъ, полковникъ, неумѣвшій справляться ни съ своимъ желудкомъ, ни съ женой, но отлично справлявшійся, благодаря биржевымъ и банковымъ пріятелямъ въ столицѣ, съ женинными деньгами, какъ чуткій пестъ, быстро втянулъ въ себя воздухъ и, чтобы скрыть значеніе тонко проступившей въ его маслянные глаза улыбки, обратился съ любезной шуткой къ дамамъ и не безъ успѣха выступилъ въ одной изъ его любимыхъ ролей: души заглохловскаго общества.

На другой день, въ половинѣ десятаго утра аккуратно, Казна-

чевъ, облеченный въ виц-мундиръ—онъ шель на службу—и съ gravité того дѣла, о которомъ упомянулъ наканунѣ, сидѣлъ въ кабинетѣ земца.

Гость разверзъ свои красивыя уста только тогда, когда положительно было приказано никого не принимать, когда была затворена дверь кабинета. Онъ покосился еще на дверь, какъ будто хотѣлъ попросить влючъ повернуть, да посовѣтился.

«Что онъ секундантомъ отъ кого, чтò ли!» недоумѣвалъ про себя хозяинъ.—Ну-съ, въ чемъ же дѣло? спросилъ онъ громко, укрѣпивъ позицію отъ нашествія неприятеля, т. е. пріятелей, согласно требованіямъ гостя, и опускаясь въ кресло.

Гость заговорилъ, какъ передовая статья хорошей газеты того времени, о пользѣ и необходимости поземельнаго кредита. О пользѣ и необходимости учрежденія поземельнаго банка для Захлохловской Губерніи. Онъ усердно собиралъ и внимательно изучилъ статистическія данныя, относящіяся до сельскаго хозяйства, а въ особенности до положенія крестьянъ (подумаешь, сколько людей на этихъ данныхъ выѣхало изъ провинціи въ Петербургъ, переѣхало изъ Коломны и Песковъ на Сергіевскую или Морскую, сколько остроумныхъ людей ѣздитъ на нихъ въ буффъ, Демидовъ и къ Борелю, на биржу и въ банковыя правленія). Положеніе крестьянъ бѣдственное (ну, конечно, бѣдственное—кто объ этомъ споритъ! еслибы не бѣдственно, такъ и данныя не для чего было бы собирать). Спасти губернію можетъ только поземельный кредитъ, и, такъ какъ объ устройствѣ этого кредита никто здѣсь не заботится...

— Вы, пожалуйста, Ѳеодоръ Ивановичъ, не обижайтесь Вы одни не можете все наладить...

— Да я, помиуйте, и не думаю обижаться.

Такъ какъ объ этомъ наиважнѣйшемъ предметѣ никто не заботится, то онъ, Казначевъ, ночей не досыпалъ, куска не доѣдалъ (чтò, къ счастью, не мѣшало его формамъ округляться и румянцу цвѣсти на ланитахъ), обдумалъ, придумалъ проэктъ. Люди, даже деньги, готовы, и Ѳеодору Ивановичу остается только примкнуть къ дѣлу. Яичко облуплено: знай, корми хирѣющихъ отъ отсутствія поземельнаго кредита цыплятъ, обитателей великой захлоховской области.

Ѳеодора Ивановича этотъ монологъ даже растрогалъ. «Подумаешь, какъ случайно пришлый въ губернію человѣкъ, въ чужѣ о ней не то что заботится, а просто убивается!»

— Мы вамъ, конечно, будемъ нежданно благодарны, произносить земець, глядя прямо въ лицо благодѣтелю, у котораго на этотъ разъ острый стальной взглядъ не растворяется въ улыбку.

— То-есть, кто это—мы? рѣзко спрашиваетъ благодѣтель.

— Мы; ну, вообще, жители губерніи, земство. Давайте вашу прозекъ.

— Гмъ. Хорошо. Да вы-то сами примкнете къ дѣлу?

— То-есть, какъ же не примыкаю, коли нахожу, что полезно прозекъ осуществить?

— Да это тамъ—само собою. А вы мнѣ скажите: въ учредители-то вы соглашаетесь идти?

— Гмъ, да, въ учредители...

— Конечно, въ учредители. Созрѣвшій прозекъ банка требуетъ, чтобы онъ осуществился въ формѣ акціонернаго предпріятія. Въ учредителяхъ—вся сила.

— Вы, если пойдете, развиваетъ Казначейъ:—земскій элементъ будете представлять. Я...

Федоръ Ивановичъ опять глаза вытаращилъ.

— Я думаю, я имѣю право... стальные глаза гостя совсѣмъ заострились, какъ ножи:—моя идея... Я не принадлежу къ вашему дворянству, къ земству, но у меня на югѣ... Потомъ я интересуюсь... Я связанъ съ Заглоховымъ... Моя идея...

— Конечно, конечно. Вы... земецъ даже растерялся отъ неожиданныхъ выводовъ изъ статистикъ о бѣдствующемъ вѣрстьянинѣ.

— Потомъ Флюгинъ...

— Это—что же, Флюгинъ?

— А это—мой знакомый. Преловкій господинъ. Лѣтъ пятнадцать назадъ началъ въ Петербургѣ съ того, что три водовозныя бочки держалъ, а теперь, батюшка, акціонерными дѣлами такъ и ворочаетъ... Въ желѣзно-дорожныхъ правленіяхъ засѣдаетъ.

— Да вѣдь онъ—что же въ Заглоховѣ?... Я какъ-то не помню... Флюгинъ?

— Ну да, онъ теперь—ничего, покуда. А дѣло пойдетъ, купить тутъ гдѣ-нибудь землю. Что она здѣсь? пустяки стоить. Гласный вамъ отличный, аккуратный... Потѣха... Когда водовозовъ держалъ, каждое утро и бочкамъ, и влячамъ инспекторскій смотрѣть на дворѣ у себя производилъ. Это на дворѣ петербургскаго дома въ Коломнѣ. Жильцы смотреть, а онъ и ухомъ не ведеть. Драгоцѣнный субъектъ!

— Ну, что же! хорошо... хорошо... Флюгинъ?

— Льва и солнца гдѣ-то досталъ; фигура не генеральская, а за генерала сходить часто. Всякіе ходы знаетъ.

— Да какіе же ходы надо знать?

— Вы, я вижу, наивны, Федоръ Ивановичъ; ходы знать необходимо, а то никакого дѣла не проведешь. Потомъ, князь Соколицовъ.

— Тоже — не нашъ!

— Мой пріятель. Тотъ-то, батюшка—сила въ Питерѣ; ему все по плечу. Только бы пошелъ.

— Ну, а еще кто?

— Больше никого.

— Какъ же мы вчетверомъ этокое дѣло наладимъ?

Казначевъ глядитъ съ досаднымъ сожалѣніемъ на простоволосаго земца.

— Ну, тамъ вы кого-нибудь изъ своихъ... одного, двухъ—для виду...

— Какое же, помилуйте, для виду...

Но избобрѣтатель благодѣтельнаго прозета больше уступокъ не дѣлаетъ, а настаиваетъ на ограниченномъ числѣ избранныхъ и на глубокой тайнѣ. Ибо нарушеніе тайны можетъ дѣло разстроить. Непосредственный умъ Бревнова докладываетъ ему, что именно вслѣдствіе важности дѣла и не слѣдуетъ его страпать за угломъ, но сирена настаиваетъ, и аудіенція кончается тѣмъ, что земець соглашается познакомиться съ Флюгинимъ. «Посмотрю, дескать, чтò за штука».

— А Флюгинъ вамъ все разъяснить; я ему дамъ телеграмму. Онъ живо изъ Питера прикатитъ, заключаетъ прожектёръ.

Прошло весьма немного дней, и Флюгинъ, дѣйствительно, прикатилъ изъ Питера въ Заглохово. Надо полагать, онъ въ Петербургѣ былъ наготовѣ. Самъ Флюгинъ былъ новостью для Бревнова, но набѣги на земство столичныхъ спекуляторовъ были знакомы Ѳедору Ивановичу.

II.

Года три ранѣ знакомства Бревнова съ Флюгинимъ, вскорѣ послѣ вступленія Ѳедора Ивановича въ земскую должность, изъ Питера въ Заглохово пріѣзжалъ молодой петербургскій баронъ и прямо явился къ нему, какъ къ «предсѣдателю земства» съ визитомъ по дѣлу, хотя визитъ его столько же походилъ на дѣловой, сколько слабительный пряникъ на касторовое масло. Пріятное маскировало невкусное, полезное.

Молодой баронъ, стройный, гибко-граціозный, какъ женщина—своими маленькими, бѣлыми руками онъ совсѣмъ поженски владѣлъ—съ темными, блестящими глазами, съ черными, лоснящимися волосами и тонкими, лоснящимися усиками, одѣтый во что-то очень изящное, напоминалъ новое брильянтовое колечко, сверкающее въ окнахъ ювелира въ бархатномъ футлярѣ. Баронъ говорилъ молодымъ назрѣвав-

щимъ баритономъ, говорилъ бойко, иронически, самоувѣренно и занимательно обо всемъ, начиная съ послѣдней моды на дамскіе зонтики и кончая сокровенными намѣреніями Наполеона III. Онъ все зналъ, все понималъ, все разрѣшалъ. И только въ Заглоховѣ судьба приготовила ему нѣкотораго рода *casse-tête*, отъ возни съ которымъ онъ къ вечеру того же дня потускнѣлъ, какъ отпотѣвшій съ мороза фальшивый брильянтъ. Даже глаза точно пылью покрылись. Кажется, дѣло такъ просто. Баронъ пріѣхалъ въ Заглохово съ тѣмъ, чтобы возвѣстить мѣстному земству о предстоящемъ для него блаженствѣ. Черезъ губернію петербургскіе благодѣтели соблагОВОили проэктировать желѣзную дорогу. Завтра докладъ о концессіи пойдетъ куда слѣдуетъ. Концессионеры прислали барона въ Заглохово съ проэктомъ телеграммы въ карманѣ—телеграммы, которую земство должно послать четыремъ петербургскимъ властямъ съ просьбою не погубить губерніи и не лишить ея дороги, ибо въ дорогѣ заключается все благосостояніе губерніи и мужиковъ. Мужики непременно на сценѣ, подъ фирмою рабочаго населенія. Кажется, было ясно, просто и полезно. Предсѣдателю земства стѣдуетъ только приказать переписать любезно изготовленный петербургскими дѣльцами проэктъ телеграммы, подписать и послать на телеграфъ. И въ двухъ сосѣднихъ губерніяхъ, по которымъ тоже должна проходить желѣзная дорога, баронъ только-что это устроилъ безъ самомаглѣйшихъ затрудненій. А тутъ вдругъ въ Заглоховѣ Бревновъ говоритъ, что не имѣетъ на такой поступокъ ни малѣйшаго права. *Dieu, quel blague!*

Хорошенькій меркурій-баронъ, думая сначала, что провинціалы съ нимъ просто шутятъ, игриво старался повліять на Бревнова черезъ посредство его супруги. Но и это не помогло. Барону категорически говорить, что такіе вопросы не можетъ рѣшать предсѣдатель управы, не можетъ рѣшать управа, она только исполнительница; это—дѣло собранія, а собраніе съѣдется только черезъ восемь мѣсяцевъ. Да еслибы управа и рѣшилась рискнуть, ей надо ознакомиться съ дѣломъ. Она сегодня первый разъ о немъ слышитъ. Телеграфъ не годится. Семь разъ примѣръ, одинъ отрѣжь. Къ тому же, собраніе представило ранѣе ходатайство объ утвержденіи другой линіи, и телеграмма управы совсѣмъ бы стала въ разрѣзъ съ собраніемъ. Это было бы наглѣмъ превышеніемъ власти.

— Да вы не шутите? спрашивалъ баронъ.

Онъ отлично понималъ тонкости англійской конституціи и наполеоновскаго плебисцита, но, сочувствуя болѣе второму, чѣмъ первой, рѣшительно не понимаетъ, чтобы «предсѣдатель земства»,

какъ онъ продолжалъ по-петербургски величать Бревнова, не могъ выполнить такого пустяка.

Удостоивъясь, однако, что съ нимъ не шутятъ, баронъ сталъ съ вѣжливымъ презрѣніемъ поглядывать на человѣка, неумѣющаго пользоваться своей властью. И вдругъ лицо его озарилось догадкой.

Они были вдвоемъ, вечеромъ, въ кабинетѣ Бревнова, съ глазу на глазъ.

— Послушайте! воскликнулъ баронъ:—можетъ быть, препятствіе устранимо нѣкоторыми денежными пожертвованіями со-стороны концессіонеровъ. Такъ я сейчасъ телеграфирую... еще есть время.

Бревновъ понялъ намѣкъ, сжалъ кулаки, стиснулъ зубы, чтобы не дать волю кулакамъ.

— Я вамъ положительно сказалъ, баронъ, что вы ничего для вашихъ концессіонеровъ сдѣлать не можете. Не теряйте времени со мною. И, признаться, у меня свои занятія; я также не могу терять времени съ вами. Не взывайте. Вамъ пора на покой. Доброй ночи.

И они разстались, не подавъ другъ другу руки.

Второй набѣгъ случился черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ перваго.

Новый застрѣльщикъ пріѣхалъ въ Заглохово, какъ-то во время разѣздовъ Бревнова по губерніи, терпѣливо высидѣлъ три дня въ грязной конурѣ гостинницы, называемой номеромъ; четыре раза въ день аккуратно навѣдывался на квартирѣ Эадора Ивановича, не возвратился ли онъ, и, только-что тотъ выгѣзъ изъ тарангаса, застрѣльщикъ; какъ снѣгъ на голову, очутился въ его кабинетѣ. Это былъ тучный, объемистый специалистъ, въ одномъ изъ тѣхъ военныхъ мундировъ, которые прикрываютъ статскій чинъ и безпрестанно мѣняются, словно имъ не по себѣ на плечахъ жирнаго гражданина. Специалистъ притащилъ съ собою крѣпкій желтый портфель, раздувшійся до того, что его надо было носить не подъ мышкой, а въ объятіяхъ. Какъ только не истощился специалистъ, волоча по всей Россіи этотъ портфель. Видно, проектъ, въ портфель заключавшійся, хорошо кормилъ автора.

А таскалъ авторъ свое дѣтище по всей матушкѣ святой Руси.

Поймавъ, наконецъ, Бревнова и забравшись въ его кабинетъ, специалистъ, не оттягивая дѣла (надоѣло, должно быть, жить въ конурѣ гостинницы), попросилъ составить вмѣстѣ какъ можно болѣе ломберныхъ столовъ. Составили всѣ, какіе оказались въ квар-

тирѣ. Тогда онъ разложилъ на нихъ карту отечества въ огромномъ масштабѣ съ столь крупно начертанными на ней проектированными новыми путями сообщеній, что, казалось, осуществивъ проектъ, ничего отъ святой Руси, кромѣ этихъ путей и ихъ начальства не останется. Все смолотать и все проглотать.

Нѣсколько рѣкъ надо обратить въ проходимыя для крупныхъ морскихъ судовъ, нѣсколько озеръ—въ порты. Одно озеро съ двумя рѣками образуетъ вилку, на которую, какъ макароны съ тарелки, потянутся разныя чугунку, встать, не менѣе питательныя для тѣхъ, кто будетъ умѣть обращаться съ вилкой. Одинъ изъ зубцовъ вилки утыкается въ заглоховскую область, которой, слѣдовательно, предстоитъ питаться макаронами, а теперь у нея хлѣба не хватаетъ.

Детальные проекты, на тонкой, какъ умная спекуляція бумага, дюжинами вылетали изъ толстаго портфѣля на карту.

Проектъ грандіозный, смѣлый, во всякомъ случаѣ, крайне остроумный. И Бревновъ заинтересовался.

— Послѣ завтра съѣдутся гласные на экстренное собраніе. Можно будетъ доложить, говорить онъ.

— Я потому собственно и пріѣхалъ сюда, что имѣлъ въ виду близость собранія.

Специалистъ, видимо, благосклоннѣе относился къ собранію и не обвинялъ предсѣдателя за то, что онъ—не падишахъ, но когда специалисту предложили явиться лично въ собраніе и изложить всѣ прелести вилки съ макаронами—гдѣ же Бревнову угодиться за нимъ въ истолкованіи этакой силы, о которой первый разъ, благослови Господи, слышитъ!—специалистъ почему-то вспомнилъ, что ему неотложно надо завтра быть въ Тмутаракани, а послѣ завтра въ Грязовцѣ—словомъ, въ городахъ, за которые цѣпляется вилка. А что касается до доклада собранію, то, хотя г. Бревновъ и не специалистъ, но его краснорѣчіе, его вниманіе и проч... И специалистъ, вмѣстѣ съ Россією съ вилкой и съ тонкими деталями, исчезъ, оставивъ на конгрегаціи ломберныхъ столовъ нѣсколько десятковъ разгонисто напечатанныхъ брошюръ, подражаній американскимъ рекламамъ. Специалистъ просилъ эти брошюры раздать гласнымъ и, если можно, не упоминать его имени?

— Тутъ люди повліятельнѣе меня подписались указалъ онъ на три звонкія учредительскія имена, которыми была подписана реклама.—Я только застрѣльщикъ.—Рекламу на другой день гласные прочли. Бревновъ обдумалъ, и собраніе рѣшило, что грандіозный проектъ нельзя назвать мыльнымъ пузырьремъ единственно потому, что мыльныхъ пузырей такихъ размѣровъ еще на Руси

не выдвигали, а водятся ли таковыя за моремъ—изъ дѣлъ управы не видно.

Кромѣ визитовъ, столичная спекуляція удостоивала земство набѣгами черезъ посредство почты. Немало писемъ получилъ Бревновъ по этому поводу изъ Москвы и Петербурга за подписью разныхъ крупныхъ дѣльцовъ. Проекты были тоже крупныя, фразы крупныя, доводы крупныя, въ ширину, правда, неглубокіе. Бывали такіе проекты, что въ принципѣ заинтересуютъ земство. Бревновъ напишетъ объ этомъ крупному дѣльцу, подписавшему письмо, и попроситъ сообщить обстоятельныя данныя. Сейчасъ изъ Петербурга летать тонкія разгонистыя брошюрки, въ которыхъ крупныя фразы письма уснащены еще крупнѣйшими цифрами. Доводы и цифры, будучи во всей своей совокупности, предназначаются для введенія земства во искушеніе: «поможете, дескать, осуществиться проекту, благо вамъ будетъ на земли. Не поможетъ—плачь и скрежетъ зубовой всей Заглоховской Губерніи, голодная смерть ея мужику». Пробѣжать брошюрку—кажется, что, съ одной стороны—плачь и скрежетъ зубовой, а съ другой—рай Магомета. А продумать брошюрку—оказывается, что рай—дѣйствительно, рай, только не для обитателей Заглоховской Губерніи и всего менѣе для мужика, а для автора брошюрки, да и то въ *salon particulier* у Вара или Дюссо.

Такъ брошюрку и бросать въ корзину съ рванными конвертами.

Однажды, такое святотатственное дѣяніе было совершено въ земской управѣ утромъ, а часовъ въ 5 одинъ изъ членовъ управы обѣдалъ у Вице-Силыча *en famille*: хозяйнѣ, жена, многочисленное потомство—и только. Постороннихъ никого. Амфитріонъ съ подходцемъ пощупалъ гостя насчетъ судьбы брошюрки. Онъ о ней такъ, стороной, дескать, зналъ и интересовался, ибо она затрогивала вопросъ, отъ котораго пахло Европой, а онъ самъ очень любилъ, чтобъ всѣмъ было извѣстно, что онъ пропитанъ запахомъ этой просвѣщенной части свѣта, которой изъ Заглохова совсѣмъ невидно. Однако, по справкамъ оказалось, что съ европейской брошюрой земство распорядилось по правиламъ заглоховскаго варварства. Хозяинъ рѣшился внушить по-пріятельски.

— Вы, говорить, напрасно такъ пренебрегаете этимъ проектомъ. Бревновъ упрямъ, а вы сами имѣете вліяніе—не можете ли настоять?

Членъ, однако, равнодушно объяснилъ, что настаивать не желаетъ. Хозяинъ налилъ хересу сосѣду и, глядя въ рюмку, объяснилъ, надо полагать, рюмкѣ, ибо ни на кого не глядѣлъ, что

*

за такія услуги учредители проекта умѣютъ вознаграждать помогавшихъ имъ.

— Вознаграждать? какъ это?

Но хозяинъ больше ничего не знаетъ. Только знаетъ, что умѣютъ вознаграждать, а Бревновъ уѣхалъ. Вотъ и все тутъ. На другой день, рано утромъ, онъ примчался, однако, къ упрямому Бревнову на бойкомъ сѣромъ рысакѣ и трескучей, сверкающей лакомъ эгонистѣ. Дѣло было спѣшное по какому-то земскому окладному листу; бухгалтеръ цифры напуталъ, и разныя неприятныя послѣдствія могли отъ того произойти. Окладной листъ скоро былъ исчерпанъ, а Вице-Силычъ не уходилъ и, изыщно пощупывая свое брюшко, глубокомысленно разсматривалъ черты лица Бревнова.

— А я слышалъ, наконецъ, съ поддѣльнымъ равнодушіемъ, заговорилъ онъ:—вы не хотите помочь осуществленію проекта объ обращеніи болотъ въ парафиновыя свѣчи. Не думаете сообщить собранію.

Бревновъ поглядѣлъ на гостя: какое этому человѣку дѣло до проекта объ обращеніи болотъ въ парафиновыя свѣчи и до того, что съ этимъ проектомъ дѣлаетъ земство? Но Вице-Силычъ былъ очень добрый человѣкъ, очень всѣмъ благожелательный человѣкъ, а, главное, любилъ Европѣ дорогу въ Заглохлово прокладывать. Въ 1848 году, онъ благожелательствовалъ всей Россіи и родные только тѣмъ, что втиснули это благожелательство въ камер-юнкерскій мундиръ и добыли командировку въ Крымъ, спасли его отъ опасныхъ послѣдствій европейскаго любвеобилія. Съ 1848 года прошло много лѣтъ. Золотая пословица *qui trop embrasse mal étreint* имъ была выучена и прочувствована: онъ женился на дочери откупщика, сдвинулъ предѣлы своего любвеобилія около семи, слава Богу, ежегодно расширявшейся. Тѣмъ не менѣе, любилъ вспомнить старину и вдругъ нѣтъ, нѣтъ, да и заблагожелательствуетъ заглоховскимъ болотамъ.

— Да вамъ знакомъ этотъ проектъ хоть немножко? спросилъ Бревновъ.

Вице-Силычъ кивнулъ головой. *La parole est d'argent, le silence est d'or.*

— Ну, коли знакомъ, такъ согласитесь, что это—расканальская ерунда. Вице-Силыча передернуло; онъ не выносилъ непарламентскихъ выраженій.

— Ерунда и мыльный пузырь. У насъ и безъ него дѣла много.

Бревновъ доказалъ, почему ерунда и почему мыльный пузырь. Поставилъ дѣло на чистоту, и Вице-Силычъ рѣшился пойти на чистоту.

— Только лично, въ отношеніи себя, большую ошибку сдѣлали, замѣтилъ онъ глубоководнозначительно, даже вздохнулъ, соболѣзнуя о ближнемъ.

— То есть, что же я-то лично?..

— Вы не посѣдуйте на мою откровенность. Я знаю, какъ дѣла дѣлаются. Мыльный пузырь! Пусть, пусть! Но развѣ вы не хотите двинуться впередъ: карьера, извѣстность — все это только мыльными пузырями добывается. Позвольте, спохватился онъ, подмѣтивъ нетерпѣливое движеніе земца:—вы меня не поняли. Я разумѣю: вамъ нужна карьера, чтобы расширить поле, на которомъ вы можете приносить пользу — развѣ же здѣсь можно... Да, я это разумѣю. А отчего, напримѣръ, Б. въ силу вошелъ? Отчего В. разбогатѣлъ? Отъ того, что они умѣли мыльные пузыри пускать. Муссировать, раздувать. Муссируйте и вы. Безъ этого ничего ни для себя, ни для другихъ, опять спохватившись, скороговоркой прибавилъ онъ, подмѣтя, что Бревновъ начинаетъ закусывать кончики усовъ, какъ взбѣшенная лошадь удила: — а впрочемъ, я вѣдь это такъ... успѣшилъ прибавить Вице-Силычъ. И вернулся къ окладному листу, прикрывшему благополучно его отступление.

III.

Такимъ образомъ, до знакомства съ Флюгинимъ, Бревновъ имѣлъ случай ознакомиться съ представителями столичной спекуляціи. Но баронъ, специалистъ, Вице-Силычи были застрѣльщиками. Они выползали на позицію, имъ указанную, и болѣе или менѣе метко палили изъ ружей, которыми ихъ снабжало биржевое петербургское начальство; палили въ надеждѣ на награду и вѣру въ мудрость начальства.

Флюгинъ былъ не то. Онъ не былъ застрѣльщикомъ. Онъ былъ изъ штабныхъ, изъ новыхъ штабныхъ, ощущавшій необходимость въ пополненіи штаба новыми силами, при которыхъ онъ былъ бы ужъ старшимъ. Бесѣда съ нимъ была не перестрѣлкой, а приятнымъ военнымъ совѣтомъ; онъ проводилъ избранника въ самую глубь идеи, давалъ щупать ея корни; однако, избѣгалъ точныхъ опредѣленій. «Разжевать, дескать, тебѣ разжевать, коли горло есть, самъ глотай». Онъ не настаивалъ, почти не противорѣчилъ. Уступалъ, уступалъ, какъ пріотворенная дверь, съ тѣмъ, чтобы завлечь противника въ ловушку и захлопнуть ее.

Флюгинъ былъ худощавый, пожилой человекъ, въ черномъ съ жоричневымъ отливомъ парикѣ, съ узкой, выдающеюся впередъ челюстью, съ четырьмя выдающимися, какъ у грызуновъ, перед-

ними зубами. Его темные глаза были совсѣмъ мышинные, маленькіе, ласковые, юркіе, чуточку запуганные; манеры тоже мягкія; при первомъ знакомствѣ только занскивающія, а вскорѣ просто зачаровывающія. Явился онъ къ Бревнову съ визитомъ во фрагѣ, съ большущей не русской звѣздой, придававшей ему подобіе превосходительства, хотя онъ былъ только благородіемъ.

Съ первыхъ словъ стало видно, что хозяинъ идеи, родитель проекта, душа дѣла — онъ, Флюгинъ. Казначевъ даже переснѣлъ, когда обнаружилось, что онъ ничего не изобрѣлъ, ничего не понималъ и былъ только употребленъ, какъ посредникъ съ большими надеждами, какъ таранъ, удобно подставленный судьбою къ стѣнѣ, въ которой надлежало пробить брешь. Самъ же Флюгинъ, повидимому, былъ чуждъ всякаго таранизма. Его уступчивость даже, видимо, злила Казначева. Онъ боялся, что сыръ проскочитъ мимо рта.

— Вы изволите говорить, многоуважаемый Ѳеодоръ Ивановичъ, что надо увеличить число учредителей, кротеко, плавно лепеталъ Флюгинъ:—конечно, конечно! Это можно, даже должно!. Вотъ кого вы предложите?.. А? Кого вы предложите? Надо кого-нибудь изъ управы, изъ крупныхъ помѣщичьихъ... Только такихъ надежныхъ, чтобы заблаговременно не разглашали... Я понимаю, понимаю. Гласное обсужденіе дѣла, конечно, очень полезно. Но вы увѣрены въ пользѣ? увѣрены? ну, прекрасно. Если вы намъ дадите двухъ-трехъ членовъ управы, да, вы, добрѣйшій Ѳеодоръ Ивановичъ. Вѣдь, это—та же управа, то же гласное обсужденіе; только, знаете, безъ шума... Потому нужны капиталы, деньги. Банкиръ для реализаціи, это—дѣло самое трудное. А банкиръ долженъ подготовить биржу... Если прежде дѣло разгласится... конкуренція, понимаете, можетъ сорваться; потомъ на закладчикахъ, на мѣстномъ хозяйствѣ можетъ отразиться (Флюгинъ совсѣмъ медомъ размазалъ фразу). Банкиръ не пойдетъ, а то, конечно, гласность... Тамъ, когда подписка на аціи покроется, ну—и гласность. Главное, чтобы деньги были. Хе, хе, хе, какъ же безъ денегъ!

— Да, вотъ видите, поэтому-то и я не гоюсь въ учредители. Какія у меня деньги? замѣтилъ Бревновъ.

Казначевъ фыркнулъ при такой, съ позволенія сказать, глупости; Флюгинъ снисходительно улыбнулся: дескать — неразумное ты дитятею.

— Это ужъ мы устроимъ. Вы согласитесь для дѣла. Просто для контроля за дѣломъ, которое что ни на есть съ земскими интересами связано; вы нужны. Мы, видите—новички въ губерніи. Тамъ кого вы предложите—новички въ дѣлѣ, а вѣдь ужъ земство-то, вы знаете, зна-ете.

Флюгинъ начиналъ переходить къ заигрыванью.

— Вы скажите, вы скажите только, добрѣйшій Ѳеодоръ Ивановичъ, вы признаете дѣло въ принципѣ полезное? Да. Хорошо. Осуществимое? Да, очень хорошо. Вы понимаете: нуженъ банкиръ для реализаціи. Превосходно. Вы намъ только обѣщайте содѣйствіе, ваше дорогое содѣйствіе. Флюгинъ поймалъ руку Бревнова своими мышиными лапками и усердно потрясъ ее.— Разрѣшите мнѣ хлопотать съ банкирами. Покуда, только подготовимъ. Главное рѣшеніе вамъ-съ предоставимъ... а ужъ мы предупредимъ, когда намъ обсужденіе вопроса можетъ быть вполне безопасно для денежной стороны. Такъ? Согласны? Нашъ, нашъ Ѳеодоръ Ивановичъ. Ура... милѣйшій Ѳеодоръ Ивановичъ! милѣйшій, дорогой.

Если бы Бревновъ не отстранился въ видахъ самосохраненія, Флюгинъ непременно отпечаталъ бы на его пухлой щекѣ свои четыре рѣзца.

Казначевъ вздохнулъ не безъ отрады: дѣло сдѣлано. Только все косился на Бревнова. «Затянулъ, дескать, таки дѣло». Но мышиные глазки Флюгина докладывали: «не косись, только на меня положиись. Не зарѣжетъ».

— А что это дѣтки у васъ? заластлся опять Флюгинъ.

Изъ дѣтской слышенъ былъ капризный крикъ первенца Бревнова.

— Дѣточки? покажите, покажите мнѣ, безцѣннѣйшій Ѳеодоръ Ивановичъ! Пока-а-жите. Сведите въ дѣтскую. Я до страсти, какъ Альфонсъ Карръ, дѣтей и цвѣты люблю. Нѣтъ ничего лучше цвѣтовъ и дѣтей. А у меня у самого нѣтъ дѣточекъ. Только что женился. Молоденькая, хорошенькая. Представьте, пожалуйста, вашей достойнѣйшей супругѣ. Это—для моей женочки, молоденькая, хорошенькая, цвѣточекъ: онѣ друзьями будутъ...

Флюгинъ, въ тотъ же вечеръ, укатилъ въ Петербургъ банкира искать, сдѣлавъ предварительно нѣсколько визитовъ провинціальнымъ магнатамъ про запасъ. Предалъ себя въ его руки.

Бревновъ сталъ подготовляться къ дѣлу, не поспѣвая однако. Поспѣвшишь, людей насмѣшишь. До собранія было далеко. Казначевъ хмурился, шутливо и злобно обвинялъ земца въ равнодушіи къ земскимъ интересамъ. Учредительское ядро образовалось, однако, въ Заглохловѣ, изъ 3—4-хъ земцевъ, по настоянію Бревнова. Ожидая сигнала Флюгина изъ Петербурга, они не разглашали дѣла, и Казначевъ безпрестанно собиралъ ихъ у себя вечеркомъ на пуншикъ—потолковать о дѣлѣ. Даже карты не допускалось—хоть этимъ душу отводилъ.

Вице-Силычъ и тощій полковникъ были люди чуткіе. Они въ

тотъ вечеръ на лодкѣ, когда Казначевъ спросилъ Бревнова: будетъ ли онъ завтра дома? слышали запахъ спекуляціи и рѣшились наблюдать. Нельзя ли чего перехватить? Но оба дѣйствовали порознь. Обходили другъ друга.

Вице-Силычъ, послѣ приѣзда Флюгина, котораго знавалъ въ Петербургѣ, изъ виду Бревнова не выпускалъ—такъ и ходилъ по пятамъ. Наконецъ, сталъ заговаривать.

— Нынче желѣзнодорожныя концессіи отжили свое время; банки заводятъ смышленные люди; можно и поправить брюшко. Поземельные банки надо заводить. Самое важное. И полезное... опять скажетъ и глаза черезъ кончикъ носа на Бревнова наведетъ.

А Бревновъ—ничего. Молчитъ себѣ. «Чего, дескать, я тебѣ стану дорогу показывать?». А время проходило; такъ своими дипломатическими подходами Вице-Силычъ и оставленъ былъ бродить кругомъ да около. Онъ всю жизнь такъ бродилъ кругомъ да около. Въ сороковыхъ годахъ—около социализма, въ шестидесятыхъ—около карьеры, въ семидесятыхъ—около биржи.

Тошій полковникъ, неумѣвшій ни съ женой, ни съ желудкомъ справляться, повелъ дѣло иначе, по военному. Онъ тоже охотился за Бревновымъ и схватилъ его какъ-то вечеромъ на улицѣ, когда тотъ шелъ на учредительское совѣщаніе къ Казначеву.

— Правда-ли, Ѳеодоръ Ивановичъ, что земскій поземельный банкъ затѣвается? Это—очень полезное дѣло. Опять заглохловское земство впереди другихъ. Я бы готовъ былъ помочь чѣмъ могу. Я, знаете, съ разными учредительствами знакомъ, съ женинными деньгами повозился. Небольшія, а все надо не упускать случая. Нынѣ—время такое.

Бревновъ зналъ, что полковникъ умѣетъ не упускать случая. «Можетъ, и впрямь его совѣтъ на пользу», подумалъ. «Да, учреждается», говорить:

— Вы собираетесь по вечерамъ у Казначева, кажется, учредители? Вы меня туда сведите. Вѣдь, изъ васъ никто этими дѣлами не занимался. Я могу быть полезенъ.

Ну, какъ тутъ отказать! Прямота такая.

И полковникъ сразу попалъ, какъ экспертъ, на совѣщаніе. Среди земскихъ новичковъ сразу еп maitre заговорилъ и вышелъ изъ квартиры Казначева въ полночь не экспертомъ только, а уже учредителемъ. У него же и деньги на-готовѣ.

«Слизнулъ съ каждаго изъ насъ тысячи по двѣ учредительскихъ барышей, свирѣпо подумалъ Казначевъ, проводивъ полковника.— Все—Бревновъ. Все—Бревновъ».

Около Бревнова залетали, какъ мухи около меду, еще нѣ-

сколько чуткихъ господъ. Флюгинъ въ письмахъ изъ Петербурга продолжалъ предостерегать отъ гласности. Но пріятный запахъ спекуляціи сталъ беспокоить земскій носъ. Бревновъ уже по заслугамъ выслушивалъ упреки управляющаго въ холодности къ земскимъ интересамъ, т. е. къ банку. Даже въ Петербургѣ побывалъ осенью и возвращался оттуда, позабывъ даже повидаться съ Флюгинымъ. Такъ ненадежно стало казаться ему дѣло.

Наканунѣ отъѣзда изъ столицы, земецъ хлопоталъ, рыскалъ по городу, совсѣмъ измаялся. Въ день отъѣзда, всталъ до свѣту и натурально, добравшись до вагона, сталъ носомъ рыбу удить. Поѣздъ мчится, и Бревновъ храпитъ.

— Федоръ Ивановичъ, будить его чей-то мягкій голосъ, и передъ Бревновымъ стоитъ мягкій человѣчекъ съ мышиными глазками, въ мягкихъ соболяхъ—Флюгинъ.

— Федоръ Ивановичъ! были въ Петербургѣ и мнѣ не показались! Намъ не показались—не стыдно ли? Гдѣ останавливались? нѣжно выговорила акціонерная сирена.

— Въ Hôtel d'Angleterre останавливался.

— Ну, вотъ, вотъ, говорилъ Флюгинъ, присаживаясь къ земцу и тискаясь къ нему, какъ влюбленная до страсти женщина къ любовнику, котораго давно не видала: — а мы вчера васъ вспоминали; за обѣдомъ за ваше здоровье пили, вашей супруги—супруги прелестнѣйшей...

— Позвольте: за какимъ это обѣдомъ?

— У Клея. Ахъ, ахъ, какъ досадно, васъ не было! Все устроено. Голландскій банкиръ Ван-Куеъ взялся реализовать нашу подписку. Проектъ готовъ; условіе написано и подписано. Все—какъ вы желали. Учредители—ваши земскіе товарищи, ваши заглоховскіе знакомые—ну, и мы. На-дняхъ, надо хлопотать объ утвержденіи. Тамъ подписка—ну, и гласность. Все, какъ вы желали. Вамъ оставлено мѣсто, вы во главѣ... хе-хе-хе—во главѣ. Значить, мѣсто предсѣдателя правленія за вами. Лучше земскаго предсѣдательства... Теперь я ѣхалъ къ вамъ въ Заглохово, чтобы окончательно переговорить. А вы вотъ здѣсь. Здѣсь!

Флюгинъ былъ пріятно настроенъ. Онъ, очевидно, полагалъ, что оставалось только захлопнуть западню. Глупая земская ворона попалась.

— Позвольте, я не совсѣмъ понимаю, начала было земская ворона.

— Все поймете. Сейчасъ поймете.

Флюгинъ вытащилъ изъ-за соболей листъ бумаги, исписанный со всѣхъ сторонъ.

— Вотъ условіе: мы всѣ подписали, только васъ недостаетъ. А имячко ваше все-таки въ заголовкѣ.

Флюгинъ сдѣлалъ такое движеніе по направленію къ Бревнову, словно пощекотать хотѣлъ.

— Банкиръ ссудить деньгами при подпискѣ тѣхъ изъ учредителей, у которыхъ ихъ на лицо въ это время не будетъ.

Флюгинъ мигнулъ значительно.

— Потомъ—хлопоты объ утвержденіи... Васъ уже будемъ просить. И ваше положеніе въ земствѣ... Васъ знаютъ въ Петербургѣ. На хлопоты—15,000 руб.

— На какія хлопоты?

— Да тамъ, знаете, по утвержденію, по приведенію по... расходамъ, расходы. Ну, да уже какъ вы знаете. Ужъ на васъ положимся.

— Да позвольте, это чтѣ-то не такъ. Во-первыхъ, это — все такъ скоро... Вы спѣшите...

— Нельзя, нельзя-съ въ этихъ дѣлахъ медлить... Деньги утекутъ: деньги — чтѣ любовь. Лови...

Лови, лови
Часы любви.

Хе-хе-хе.

— Потомъ тутъ, кромѣ меня, да трехъ лицъ учредителей, ни одного мѣстнаго жителя: все—совсѣмъ посторонніе для губерніи... Чтѣ за дѣло, что они мои знакомые!

— Вотъ опять, опять. Да, вѣдь, тутъ, согласно вашему указанію, есть члены управы, ваши товарищи.

Флюгинъ показалъ подпись. Бревновъ поморщился.

— И все-таки изъ девяти четверо. Да и общее число учредителей, девять, недостаточно. Я, какъ и прежде, стою на томъ, что надо дать гласность проекту правильнѣе.

— Ну, вотъ какія все затрудненія, какія затрудненія! т. е. нельзя-съ, много учредителей. За чтѣ мы будемъ заработокъ со многими дѣлать. И то едва по 50 коп. на брата придется. Разведите водой—и по 5 не достанется. Ну, полноте, полноте, отложите сомнѣнія въ сторону и рѣшитесь подписать.

— Не могу, Петръ Васильевичъ, не могу, покуда не доложу управѣ, а тамъ собранію...

— Это чтѣ же — полгода?..

— Почти.

— Невозможно, все пропадетъ. Голосъ продолжалъ отзываться медомъ, а въ глазахъ можно было прочесть: «Ну, братъ, и безъ тебя постараемся обойтись... Дурачина! Бревно».

Но скоро онъ опять сталъ ластиться, и всю дорогу вплоть

до Заглохова проработалъ надъ упрямымъ земцемъ. Но напрасно.

Пріѣхавъ вмѣстѣ въ Заглохово, Флюгинъ разсказалъ о результатѣ своей бесѣды съ Бревновымъ Казначеву. Глаза Казначева налились сталью и лицо побагровѣло; только у самыхъ волосъ полоска лба осталась бѣлая. Больше ужъ онъ не могъ воздерживаться, и вліяніе мягкаго Флюгина даже не успокоивало его. Пустые карманы тяжелы, вопреки всѣмъ физическимъ законамъ. Мысль, что ускользаетъ добыча, словно назрѣвающій на чувствительномъ мѣстѣ нарывъ, распускала нитье по всему тѣлу. Конечно, безъ Бревнова можно было надѣяться обойтись. Но только надѣяться. Онъ представлялъ мѣстный элементъ и сильно могъ маскировать спекулятивный характеръ учредительскаго ядра.

— Ну, Ѳеодоръ Ивановичъ, заключилъ Казначевъ свой разговоръ съ земцемъ, заведенный при первой встрѣчѣ:—*Vous n'êtes pas dans des circonstances pour vous permettre de faire fi d'un bon morseau.*

У Бревнова семья была большая; имѣніемъ заниматься было недосугъ; денегъ на должности въ губернскомъ городѣ выходило много. Казначевъ залѣзъ въ чужой кошелекъ за аргументами. Глаза были злыя, и джентльмэнъ почти задыхался, вытаскивая этотъ грязный аргументъ.

«Вѣдь это онъ просто дурака мнѣ сказалъ», небезъосновательно подумалъ Бревновъ. Бревновъ не былъ Аристидомъ, но онъ просто не умѣлъ заботиться о своихъ интересахъ, когда предвидѣлось, что они вредятъ ближнему. Поэтому, онъ вовсе не заботился о своихъ интересахъ. Просто—дуракъ. Вѣрно.

Учредительство банка сорвалось съ цѣпи, на которой его сдерживалъ земець, и, захвативъ кого могло, только чтобы дѣлоскорѣй провести, подъ прикрытіемъ амстердамскаго банкира Кука и петербургскихъ биржевыхъ дѣлъ мастеровъ, понеслось по теченію, покуда не наткнулось на петербургскую безстрастную власть, къ которой выслало депутацію.

— Я, господа, не могу обѣщать вамъ содѣйствовать утвержденію вашего банка; я не вижу между вами ни земскихъ представителей, ни крупныхъ землевладѣльцевъ: почти всѣ учредители не имѣютъ прочной связи съ губерніей и, я опасаясь, мало знакомы съ мѣстными обстоятельствами, холодно произнесла власть.

Наканунѣ, одна, пронюхавшая о дѣлѣ петербургская газета пропечатала о проектѣ и замѣтила, что между учредителями заглоховскаго поземельнаго банка недоставало только соборна-

го протоіерея и дивизионнаго доктора, чтобъ всѣ элементы, немѣющіе никакой связи съ губерніею и земствомъ, имѣли своихъ представителей въ заготовленномъ, во имя благоденствія губерніи, земскомъ поземельномъ банкѣ.

И эта самая окаянная газета лежала на столѣ безстрастной власти въ то самое время, когда депутація явилась въ ея кабинетъ.

— Это—все Бревновъ, крикнулъ разъяренный Казначевъ Флюгину, когда они выходили изъ палаты петербургской власти. — Дуракъ!

— Нѣтъ-съ, голубчикъ вы мой горяченькій, сладострастно отвѣчалъ Флюгинъ:—не дуракъ Бревновъ-съ. А намъ нужно было больше ему общать. Онъ-съ, добрыйшій вы мой, случая хорошаго выжидаетъ. Да-съ; а это — игрушка, надо сознаться — игрушка. Бревновъ понялъ это...

Кому игрушка, а Казначеву было не до игрушекъ.

— Ну, такъ — скотина!

— Это почему же? что кусочекъ-то побольше хочеть захватить? Хе-хе-хе, голубчикъ вы мой, какъ вы горячитесь! Всякому кусочка хочется, да и побольше. Этакъ и мы съ вами въ скотины угодимъ.

IV.

Странныя, почти непостижимыя послѣдствія имѣли эти набѣги застрѣльщиковъ на заглоховское земство.

Съ самаго открытія земскихъ учреждений—Господи, какъ это давно было!—Заглоховская Губернія по совѣсти могла бы почесться не губерніею, а храмомъ. Храмомъ гармоніи, земско-административной гармоніи. На упрямо неплодородной почвѣ, которая, несмотря на то, что ее аккуратно удобряютъ и сибирская язва, и горячки, и чума рогатаго скота, и лихорадки, и пожары, на примѣръ, такая дрань, какъ рожь, росла тщедушная: колось отъ колоса неслышно дѣвчьяго голоса; на пшеницу и гречу всѣ давно рукой махнули, а этакое рѣдкое въ самыхъ плодороднѣйшихъ мѣстностяхъ растеніе, какъ земско-административная гармонія, возшло пышно, вознеслось высоко, осѣнило всю область своею благодатною сѣнью, обратило эту область въ храмъ и раздѣло двоединымъ божествомъ, которому всѣ жители если не поклонялись, то непремѣнно кланялись.

Это двоединое божество представляли двѣ силы, какъ бы сливавшіяся вмѣстѣ: штатскій генералъ Иванъ Карловичъ Пухъ и отставной корнетъ Ѳедоръ Ивановичъ Бревновъ. Пухъ олицет-

ворялъ административную, Бревновъ представлялъ силу земскую.

До того эти силы слились, что даже титулы ихъ въ губерніи отождествились.

— Ѳеодоръ Ивановичъ—нашъ земскій губернаторъ! говаривали гласные.

— Иванъ Карловичъ—нашъ земскій губернаторъ, говорили тѣ же гласные про Пуха, разумѣя его преданность земскимъ интересамъ.

Хотя ранговая лѣстница ихъ весьма какъ бы другъ отъ друга отдаляла, но это отдаленіе было совершенно фиктивное.

Ѳеодоръ Ивановичъ стоялъ такъ близко къ Ивану Карловичу, что никому въ Загложовѣ и въ голову не приходило, чтобы онъ не состоялъ въ генеральскомъ чинѣ, подобно отодвинутому въ тѣнь «дворянскому превосходительству». Уѣздныя не земскія власти и подвластные люди на письмахъ къ нему писали «Его превосходительству», а жители губернскаго города Загложова изумлялись весьма, что на молебнахъ въ соборѣ, въ торжественные дни, Бревновъ являлся въ черныхъ, а не бѣлыхъ съ золотымъ позументомъ штанахъ, и, подходя ко кресту, уступалъ мѣсто вице-губернатору, которому до бѣлыхъ штановъ оставалось три чина. Удивлялись тѣмъ болѣе, что, вслѣдъ за молебномъ, на завтракъ у преосвященнаго, Бревнову отводилось самое почетное послѣ губернатора генеральское мѣсто, въ углу большого дивана, а вице-губернаторъ затирался разными предсѣдателями палаты и совѣтниками, кушалъ кудебяку, сидя на плетеномъ стулѣ и поставивъ тарелку на колѣни. Преосвященный былъ тонкій знатокъ ранговыхъ отличій.

Одна изъ задачъ Пуха заключалась въ томъ, чтобы усиливать въ своихъ подчиненныхъ уваженіе къ земству; его же личной преданности не было границъ, такъ же какъ не было границъ его дружбы съ Бревновымъ.

Но дружба эта не была собственно дружбой Ивана Карловича и Ѳеодора Ивановича, дружбой власти губернатора съ властью: повидимому, она состояла изъ самыхъ нѣжныхъ частныхъ, а, въ сущности, каждое звено ея цѣпи было выковано изъ отношеній, ходатайствъ, сношеній, справокъ, отчетовъ, протестовъ, комитетовъ. Свойство матеріаловъ, однако, нимало не уменьшало прочности цѣпи, которая до того сблизила двухъ этихъ мужей, постепенно укорачиваясь и соответственно утолщаясь, что они, какъ сказано, слились воедино.

Ни одинъ фрачный обѣдъ у Пуха не обходился безъ Бревнова, тогда какъ о предводителѣ или вице-губернаторѣ иногда

забывали. Если случалось, что Бревновъ прїѣзжалъ на обѣдъ въ черномъ галстухѣ, тогда какъ, по совершенно неизвѣстнымъ причинамъ, всѣмъ слѣдовало быть и всѣ, кромѣ него, были въ бѣлыхъ, Пухъ слегка, но весьма многозначительно и дружески моргалъ земцу, незамѣтно отводилъ его къ двери корридора во время за-жуски и почти бѣгомъ тащилъ его въ свою спальню, гдѣ собственноручно вынималъ ему изъ комода лучшей батистовой гал-стухъ.

Бревновъ каждый разъ, когда готовъ былъ къ отбытію въ Пе-тербургъ (а въ Петербургъ, благодаря чугункѣ, онъ ѣздилъ нѣ-сколько разъ въ годъ), въ дорожныхъ сапогахъ и съ сумкою че-резъ плечо—замѣтите, какая фамиллярность!—заѣзжалъ къ Пуху.

— Заѣхалъ проститься, ваше превосходительство, въ Питеръ ѣду. Не будетъ ли порученій?

— Нѣтъ, merci, infiniment merci. Сигарочку?

— Благодарю, некогда; я — папиросу. Какъ здоровье Софьи Ивановны?

— Благодарю; что, у Капитолины Антоновны прошелъ нас-морекъ?

— Прошелъ, т. е. почти прошелъ, очевидно, думая о чемъ то другомъ, разсѣянно отвѣчалъ Бревновъ.—У васъ Петруша, кажет-ся, хворалъ.

— Хворалъ, да, ахъ! Петруша! я было отказался, а теперь je vous prends au mot.

— Что такое? приказывайте!

— Петрушины именины скоро будутъ: выберите, пожалуйста, у Вольфа хорошенькую нравственную книжку, съ картинками, занимательную.

— Очень, очень радъ.

— И переплеть побогаче, знаете—для именинъ. Книгу руб-лей въ 5—6.

— Хорошо, хорошо. Это—пустяки. Нѣтъ ли еще чего?

— Vous êtes bien bon, et j'abuse de votre bonté. Ноги у меня мерзнуть, страшно мерзнуть, по вечерамъ, какъ читаю журналы губернскаго правленія—я ихъ обыкновенно по вечерамъ читаю—голова горитъ, а ноги—какъ ледъ. Какъ ледъ. Вотъ и коверъ, и медвѣдь, и не дуетъ, кажется, а мерзнуть.

— Такъ, это северно.

— Просто до того иногда голова разгорится, что читаю и ни-чего не понимаю. Какъ вы думаете: шолковые чулки носить хорошо?

— Конечно! хорошо, отлично.

— Поможетъ, вы думаете?

— Поможетъ; т. е. голова не будетъ горѣть, сказалъ Бревновъ: что, вамъ чулки купить шелковые?

— Да, да, merci. Пухъ обѣими руками теръ руки Бревнова съ чувствомъ.—Merci, двѣ пары въ англійскомъ магазинѣ. Да ужь встать, флаконъ духовъ для жены, побольше, знаете; не затруднить это васъ?

— Какое! помилуйте! затѣмъ и заѣхалъ, чтобы попросить васъ дать мнѣ порученія.

— Попросить! C'est vraiment trop. Ха, ха. Такъ вы не будете?

— Ваши-то порученія забыты! и Бревновъ нѣжно улыбался, и Пухъ нѣжно улыбался; Пухъ вручалъ деньги на покупки. Затѣмъ шелъ разговоръ, кто остается предсѣдательствующимъ въ управѣ. Оказывалось, что предсѣдательствующій назначенъ былъ, по предварительному частному соглашенію съ Пухомъ, le meilleur homme, le meilleur homme du земство, замѣчалъ Пухъ и прибавлялъ:—le meilleur après vous, certainement.

Потомъ Пухъ освѣдомлялся, будетъ ли смѣненъ подрядчикъ партупинскаго перевоза, невзлюбленный администраторомъ; земецъ отвѣчалъ, что преступникъ уже смѣненъ.—Merci, bien merci. Быстро, поземски, похвалилъ администраторъ.

— По административному, ваше превосходительство! Съ васъ примѣръ беремъ, заигрывалъ, въ свою очередь, земецъ. Оба при этомъ улыбаются. Папироса была докурена, происходило трогательное прощанье на порогѣ кабинета, за дверью котораго въ приемной, потерявши терпѣніе, просители начинали радоваться, услышавъ прощальный поцѣлуй. Предсѣдатель какъ будто что-то вспоминать.

— Да, Иванъ Карловичъ, я было совсѣмъ забылъ; я хотѣлъ вамъ сказать. Я, знаете, не люблю, не посовѣщавшись съ вами, не предупредивъ васъ, хлопотать о нашихъ общихъ дѣлахъ.

Пухъ принималъ сосредоточенный видъ, начиналъ думать о дѣлахъ.

— Вы, конечно, ничего не имѣете противъ того, чтобы я лично похлопоталъ въ Петербургѣ о разрѣшеніи нѣкоторыхъ ходатайствъ.

— Конечно, конечно, ничего.

— Многіе совсѣмъ залежались. Ваши представленія остаются безъ отвѣта. Напримѣръ, объ открытіи воздвиженской ярмарки—больше полугода.

— Надо двинуть, промолвилъ генералъ послѣ глубокомысленной паузы.—Надо двинуть.

— Сдѣлаю что могу, да боюсь, что не сдвину. Кто на насъ,

земскихъ надѣдалъ, въ столицѣ вниманіе обращаетъ. Еслибы не вы... По лицу Пуха разлилась улыбка. Его хлѣбомъ не корми, а только говори: еслибы не вы, ваше превосходительство, и трава не росла-бы.

— Ah, comme je voudrais venir à votre aide, раздумывая, какъ бы venir à l'aide de zemstwo, пожелалъ Пухъ.

— Конечно, ваше слово, ваша карточка къ NN...

— Стойте, стойте, Иванъ Карловичъ просіялъ.—Какая карточка! mieux que ça. Я вамъ дамъ письмо, собственноручное письмо къ NN. И, съ свойственною ему исполнительностью и быстротой, недождавшись отвѣта своего собесѣдника, которому собственно это самое письмо и было нужно, Пухъ сидѣлъ уже за своимъ письменнымъ столомъ ours, зарывъ въ медвѣдя, лежавшаго подъ столомъ, ошоченѣвшія ноги, и съ перомъ въ рукахъ обдумывалъ посланіе. Земець разсыпался въ благодарностяхъ и почтительно смолеъ, когда заскрипѣло перо. Перо летало по бумагѣ и остановилось. Мысль и чернила изсыхли.

— Ваше превосходительство! виновать—перебью.

— Пожалуйста: общее дѣло, Иванъ Карловичъ вскинулъ на своего собесѣдника дѣловой взглядъ.

— Какого цвѣта вамъ чулки?

— Ха-ха-ха! вы о чулкахъ. Я думалъ о дѣлѣ. Краснаго, говорятъ, это здорово. Ха-ха-ха!

— Чгобъ не напрасно перебивать, извольте и дѣло. Ужь я злоупотребляю вашей добротой.

— Никогда, никогда — въ голосѣ даже негодованіе слышалось—никогда.

— Такъ, если вы сочтете возможнымъ, упомяните, что вы особенно желаете и считаете необходимымъ скорѣйшее утвержденіе устава ремесленнаго училища въ Покровскѣ. Представленіе лежать тамъ девять мѣсяцевъ. Весна на носу. Какое открытіе школы, когда жатва наступаетъ! Это болѣе года пропадетъ.

— Пропадетъ, пропадетъ. Хорошо.

— Только я долженъ напомнить, что съ нѣкоторыми параграфами земскаго устава вы не были согласны.

— Ну да, ну да. Да вѣдь это въ моемъ представленіи выяснено. Это—ничего.

Бревновъ вздыхалъ свободно; видимо, у него съ сердца камень свалился. Вооруженный письмомъ Пуха, онъ уѣзжалъ въ Петербургъ—обдѣлывать тамъ земскія дѣла.

Когда же, въ свою очередь, Пухъ собирался въ Петербургъ, онъ также заѣзжалъ всегда къ Бревнову проститься и спросить, нѣтъ-ли порученій. У Бревнова никогда порученій не было. Именины сына прошли, ноги не забыли и жена не душилась.

— Послушайте, Ѳедоръ Ивановичъ, съ нѣжнымъ упрекомъ заключалъ теплую прощальную бесѣду Иванъ Карловичъ.— Вы меня обяжете!

— Помилуй Богъ, что съ вами!

— Я вамъ никогда порученій не буду давать. Вы и въ послѣдній разъ купили мнѣ книгу, чулки и еще что-то...

— Духи еще, но не понравились Софьѣ Ивановнѣ. Ха-ха-ха!

— Ха-ха ха! Вы привезли Frangipane, а жена хотѣла Ylang-Ylang. Ха-ха-ха! Это—женщина! Женщинамъ никогда не угодишь. Однако, серьёзно, я никогда васъ ни о чемъ просить не буду.

— Кровно обидите.

— Ага, вотъ видите—кровно обижу. On fait des dettes quand on est à même de les payer, ou on n'en fait pas, mon cher Ѳедоръ Ивановичъ.

— Долгъ платежемъ красенъ.

— Vous l'avez dit. Давайте мнѣ этотъ долгъ. Я вамъ далъ порученіе, теперь—вы мнѣ; вы—мой должникъ. Ха-ха-ха! радовался Пухъ своему выводу. — Вы думали: я у васъ въ долгу; нѣтъ—вы у меня. Давайте, давайте!

— Ну, коли такъ, нѣчего дѣлать: позвольте прислать вашему секретарю; онъ вѣдь ѣдетъ съ вами?

— Ѣдетъ.

— Позвольте прислать двѣ-три справочки въ Петербургъ—похлопотать.

— А та, та, конечно, присылайте; я увижу всѣхъ. Конечно, общее, наше общее дѣло!

Двѣ три справочки разрослись въ цѣлую дюжину, которую въ Петербургъ, во время облаченія Ивана Карловича передъ поѣздкой туда сюда, секретарь подносилъ своему начальнику. Начальникъ морщился отъ обилія земскихъ дѣлъ, но онъ былъ человекъ слова, дѣлецъ аккуратный. Онъ справлялся и выхлопывалъ все, что могъ. Теперь, если земство отерывало какую-нибудь новую школу, мостъ или обывательскую станцію, на близкомъ мѣстѣ, Пухъ всегда бывалъ приглашаемъ на торжество, молебень или на закуску—тамъ, смотря по обстоятельствамъ, въ чемъ торжество состояло.

— Ваше превосходительство, почтительно и нѣжно предлагалъ Бревновъ передъ молебномъ:—«хозяйскій глазъ повсюду нуженъ», не обойти ли моста? И Пухъ со всей процессіей обходилъ мостъ, гдѣ можно было обходить, и выражалъ одобреніе, хотя всегда находилъ, что напротивъ фонарный столбъ криво поставленъ.

— Сейчас исправимъ, и исправляли.

Т. ССXXXIV. — Отд. I.

5

Если торжество происходило въ школѣ, предсѣдатель наровиль представить Пуху скромнаго, боязливаго учителя и разговорить съ нимъ Пуха. Пухъ, видимо, твердо помнилъ и обходъ моста, и кривой фонарный столбъ, и учителя, который жался къ стѣнѣ и во-время разговора придерживалъ обѣими руками сюртукъ съ неисправными пуговицами. И попробуй, напримѣръ, исправникъ донести, что земскія дороги въ неисправности.—«Что вы умѣе меня хотите быть, прикрикнетъ начальникъ:—я знаю, я видѣлъ: самъ видѣлъ. Только фонарный столбъ былъ кривъ, но его немедленно привели въ порядокъ, согласно моему указанію». Или, напримѣръ, мѣстный благочинный доносить мѣстному преосвященному, что мѣстный земскій учитель вольныя мысли поселяеть въ дѣтяхъ. Пухъ сейчасъ заступится и успокоить преосвященнаго.—«Какія вольныя мысли! это—прескромный молодой человекъ. Бѣдный, очень бѣдный, но скромный; я замѣтилъ у него даже не всѣ пуговицы на сюртукѣ. Я его лично знаю».

И дѣлу конецъ. И опять гармонія. Обѣды во фракахъ и со спичами по поводу всего, и даже безъ всякаго повода, составляли въ Загловскѣ единственное официальное развлеченіе его аристократіи. Загловские аристократы любили обѣды во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ со спичами. Фраки, бѣлые галстуки и спичи какъ будто переносили ихъ изъ глуши русской степи въ самую середину Европы. Ощущеніе лестное, освѣжающее. Поэтому, обѣды давались часто, учрежденіями и лицами. На этихъ обѣдахъ, конечно, тосты. Хотя бы тостъ за Пуха былъ предложенъ подлежащею обѣденною властью и выпить съ подобающимъ удовольствіемъ въ началѣ трапезы, въ самомъ ея разгарѣ, когда у каждаго въ крови егозили еще иголки шампанскаго, вызывавшія въ самомъ спокойномъ организмѣ потребность къ изліяніямъ, лишь бы былъ поводъ, Бревновъ подымался съ своимъ багажомъ, какъ бы осѣненный внезапнымъ вдохновеніемъ, и произносилъ экспромтомъ рѣчь, которая приводила слушателей въ восторгъ. Рѣчь обыкновенно отличалась сжатостью, образностью и меткостью.—«Милостивые государи! вызывалъ ораторъ:—мы отъ всей души веселимся, потому что не о чемъ печалиться. Губернія процвѣтаетъ, дѣла идутъ какъ по маслу. Этимъ спокойствіемъ и весельемъ мы обязаны тому, кто умѣеть сложную машину заставлять работать безъ зацѣпокъ, кто ее оживляетъ и одновременно подъ всѣ колеса успѣваетъ подливать масла. Этого человека называть нечего. Онъ между нами. Мы уже пили за его здоровье, но для его плодотворной работы ему мало одного, ему надо два здоровья—выпьемъ же еще разъ, ура...»

— За здоровье Ивана Карловича! пояснялъ кто-то; всѣ орали «ура» и чокались съ растроганнымъ Иваномъ Карловичемъ. Это былъ не тостъ—форменный тостъ былъ выпить ранѣе, среди форменнаго почтенія. А это была задушевная, вдохновенная овація.

— Господа, отвѣчалъ обыкновенно видимо растроганный Пухъ: — милостивые государи, поправлялъ онъ (Пухъ никакъ не могъ воспринять новой формулы и называть толпу: милостивые государи):—милостивые государи, я радъ, радъ, отъ всей души радъ, что вамъ весело, что Заглохлово процвѣтаетъ, что дѣла идутъ какъ по маслу. Но я здѣсь не причемъ.

— Неправда, раздается густой басъ Бревнова подъ сурдиной. Грубо и лестно.

— Не причемъ. Если все обстоятъ такъ благополучно и мои слабыя усилія...

— Слабыя! ого! опять слышится басъ подъ сурдиной.

— Мои слабыя усилія увѣнчиваются успѣхомъ, то этимъ, конечно, всѣ мы обязаны тому дружному довѣрью, которое всѣ сословія, слившіяся такъ разомъ воедино, оказываютъ мнѣ, ихъ довѣрью ко мнѣ, ихъ содѣйствію, ихъ единенію между собой. Позвольте предложить тостъ за процвѣтаніе всѣхъ сословій въ земствѣ. Ура...

— Ура!

Однажды, послѣ такого тоста, видѣли, какъ растроганные Пухъ и Бревновъ нѣжно обнимались, и слышали, какъ земець, лобызая щеку Пуха, произнесъ съ глубокимъ, потрясающимъ чувствомъ:

— Да кто же соединяетъ-то насъ?—Кто же? И Пухъ зналъ, кто этотъ кто же...

Понятно, что такое обиліе нѣжныхъ чувствъ, скопившееся на самой вершинѣ земско-административной пирамиды, не могло не переливаться черезъ край и не орошать всѣхъ ея отлогостей вплоть до самой подошвы.

Когда наступало, на примѣръ, земское собраніе, различныя губернскія власти начинали заигрывать съ земствомъ. За день, за два до засѣданія, посвященнаго ранѣе рассмотрѣнію земскихъ сметъ, заботливый Вице-Силычъ, ни свѣтъ ни заря, заѣзжалъ къ Бревнову.

— Чтѣ вы назначили по сметѣ 1000 въ пособіе вдовьему дому? спрашивалъ онъ, между прочимъ, Бревнова. Вдовій домъ былъ созданіемъ и любимымъ дѣтищемъ Пуха.

— Да, назначили. По примѣру прошлыхъ лѣтъ.

— Да, это—доброе дѣло. Вице-Силычъ немного мялся.—Это вы для Пуха сдѣлали. Теперь сдѣлайте для меня: назначьте, пожа-

луйста, пособіе въ 500 р. школѣ для дѣтей отставныхъ чиновниковъ. Это не менѣе доброе дѣло.

— Назначено, назначено уже нами, доложимъ собранію...

— И думаете пройти? Вы поддержите?

— Поддержу. Думаю, пройти.

— Спасибо, я такъ и зналъ. Заглоховское земство не упускаетъ случая сдѣлать доброе дѣло.

Вечеромъ, въ клубѣ исправникъ отводилъ Бревнова въ уголокъ.

— Федоръ Ивановичъ, великая просьба! ради Бога, нельзя ли сложить половину земской недоимки съ каргулинскаго сельскаго общества. Ей Богу, силъ нѣтъ собрать. Чортъ знаетъ гдѣ, за болотами, живутъ, на краю свѣта, а губернаторъ шлетъ. Пожалѣйте мою старую шкуру. Становаго смѣнить грозитъ за неисправность.

И недоимка складывалась разомъ.

Архіерей, въ качествѣ предсѣдателя училищнаго совѣта, письменно ходатайствовалъ о назначеніи на канцелярскіе расходы совѣта, который не имѣетъ средствъ на покупку чернилъ, хотя 25 р. въ годъ. И 25 р. назначалось изъ остатковъ. Управляющій акцизными сборами, который почему-то состоялъ и вице-предсѣдателемъ статистическаго комитета, ходатайствовалъ о назначеніи награды секретарю комитета, и земское собраніе вознаграждало. Того требовали законы заглоховской гармоніи. Низшіе чины и палаты, и правленій, и управъ окончательно потеряли изъ виду границу, лежащую между администраціей и земствомъ, смѣшивались по братски за билльярдами, на именинныхъ пирогахъ, и нерѣдко губернское правленіе или казенная палата отвѣчали на бумаги управы поспѣшиѣ, чѣмъ на запросы даже губернаторской канцеляріи.

Даже военное вѣдомство... какъ время доставлять справочныя цѣны—такъ провіантскіе мундиры у предсѣдательскаго кабинета въ управѣ, и цѣны составлялись къ общему удовольствію.

Въ уѣздахъ, конечно, царствовала та же гармонія. Исправники сначала полагали-было, что имъ нѣтъ не можетъ препятствовать по прежнему ѣздить не тройкой, а шестерней, и пересылать изъ города жизни бѣлье для стирки въ усадьбу пріятеля на лошадяхъ земскихъ обывательскихъ станцій. Они даже были убѣждены, что осчастливливаютъ этимъ содержателей станцій, но скоро уразумѣли, благодаря знаменіямъ свыше, что они не столько осчастливливаютъ содержателей, сколько увеличиваютъ расходы земства. Уразумѣли, стиснули зубы, осѣли на заднія ноги, поѣхали на тройкѣ и пошли съ новымъ земствомъ, не артачасы.

Въ одномъ только уѣздѣ дѣло не ладилось; не то, что администрація враждовала съ земствомъ, напротивъ, отсутствіе вражды собственно отдаляло послѣднее отъ первой: суровый нелюдимъ земскій предсѣдатель держалъ себя скромно въ сторонѣ.

Между тѣмъ, въ этомъ уѣздѣ было въ модѣ у властей мѣстничество. Исправникъ старался вездѣ, и въ дѣлахъ, и въ бездѣльи, выказать, что онъ—начальникъ уѣзда и что безъ него ничто же суть. Товарищъ прокурора, гдѣ только могъ, проявлялъ свое первоклассное значеніе. Жандармскій офицеръ—въ этомъ городѣ стояла жандармская команда—считалъ и доказывалъ, что съ его могуществомъ ничто сравниться не можетъ. Предсѣдатель уѣздной управы и въ этомъ турнирѣ участія не принималъ, лишалъ его этимъ самымъ нѣкоторой доли пикантности. Его начинали считать гордецомъ, и земству собирались было помстить со всѣхъ сторонъ—и съ исправнической, и съ прокурорской, и съ жандармской.

Дальновидный Пухъ, во время ревизіи, подмѣтилъ такое напряженное состояніе уѣзда и искуснымъ административнымъ приемомъ ослабилъ струну, и она стала звучать въ гармоніи съ прочими. Дѣло было такъ. Управа помѣщалась въ зданіи присутственныхъ мѣстъ, а предсѣдатель ея былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, засѣдателемъ дворянской опеки. Окончивъ ревизію опеки, Пухъ спустился по лѣстницѣ; исправникъ бѣжалъ, по обычаю, вперед; сзади толпились служащіе; предсѣдатель шелъ, разговаривая съ губернаторомъ. Исправникъ добѣжалъ до двери управы, пихнулъ ее; и унтеръ-сторожъ вытянулся, распахнувъ обѣ половинки.

— Что это? что это! спросилъ Пухъ.

— Земская управа, отпрапортовалъ исправникъ.

— Знаю, только я туда не пойду. Я не ревизую земскихъ управъ.

— Сдѣлайте одолженіе, зайдите безъ церемоніи, пригласилъ его простякъ-предсѣдатель.—Сдѣлайте одолженіе. Я буду радъ вамъ показать кой-какія наши работы; для васъ будутъ понятнѣ представленія и журналы собранія.

— А въ такомъ случаѣ, не буду отказываться. И Пухъ прошелъ въ присутственную комнату земской управы, а свита, съ исправникомъ во главѣ, запрудила канцелярію и впиалась ушами и глазами въ происходившее въ другой комнатѣ. Предсѣдатель предложилъ Пуху свое кресло.

— Ну, ужъ это—извините, громко, съ видимымъ намѣреніемъ, чтобы его всѣ слышали.—Я земскому дѣлу преданъ, всей душой преданъ. Я радъ ознакомиться съ нимъ здѣсь, какъ вамъ угод-

но, и, вы знаете, помогаю земству; но я — блюститель закона. Здѣсь курульное кресло принадлежит вамъ. Пусть скромно сѣлъ сбоку стола.

— Теперь я готовъ выслушивать. Я предаю земскому дѣлу.

И началась дружеская административно-земская бесѣда.

«Ишь штука, подумалъ исправникъ:— у меня въ управленіи, не бошь, не таковъ. Только ругается... штука... пусть себѣ прокуроръ и жандармъ пререкаются, съ земствомъ я не стану. Ей Богу, не стану... Курульное кресло... Ну ихъ!

И гармонія въ уѣздѣ водворилась...

V.

Такъ проходили годы, и вдругъ въ это благодатное царство заглоховской гармоніи стали вторгаться диссонансы, сначала едва замѣтные даже для тонкаго слуха, потомъ все болѣе и болѣе рѣзкіе.

Какая-то таинственная связь, казалось, существовала между этими диссонансами и пѣснями столичныхъ биржевыхъ сиренъ, долетавшихъ до Заглохова.

Вылазки застрѣльщиковъ столичной спекуляціи на дѣвственное заглоховское земство ни разу не проходили даромъ. Словно всѣ эти бархатистые бароны, тучные специалисты и сладострастные феномены пріѣзжали высматривать, какой бы винтъ удобнѣе исподтишка выкрасть изъ мирно и гармонично работавшаго заглоховскаго органа. Какъ искусные тати, они удалялись, оставя, повидимому, все въ цѣлости; а, смотришь, черезъ немного времени, то того, то другого винта недостаетъ, нѣтъ, нѣтъ, да и заскрипитъ машина и засвищетъ гдѣ не надо. То земскія недомки не поступаютъ, то проектъ моста черезъ скоротечку губернскаго правленія конца нѣтъ разсматриваетъ и не утверждаетъ. То секретарь управы поссорился съ секретаремъ консисторіи. То столъ въ клубѣ, на которомъ членъ управы каждый вечеръ изъ года въ годъ неукоснительно съ Вице-Сильчемъ игралъ въ пикетъ, подвергнется хроническому запустѣнію, то другой членъ управы, сѣдеть съ излюбленной квартиры, на которой любовно сожителствовалъ съ Казначенымъ.

Мало того: винты исчезали изъ специально земской машины. Биржевая вша, занесенная изъ столицы, забиралась въ земскую рубашку и производила зудъ, родственнй тому, который древле вызывала зараза взяточничества. Земцы сначала тщательно скрывали одержимость такою зазорною болѣзнію; на свѣжемъ воздухѣ ихъ не сразу одолѣвало. Но вдругъ тѣ, которымъ не въ

моготу приходилось, куда-то исчезали изъ Загложлова, какъ утки ныряли въ воду, и, смотришь, вынырнуть уже не уткой, а гусемъ-лапчатымъ въ какомъ-нибудь акціонерномъ управленіи, въ Питерѣ, Москвѣ или Одессѣ.

Притча. Бревновъ, да немногіе незараженные только руками разводили. Хоть уши зажимай—такая музыка скверная пошла.

Только Пухъ, спасибо, стоялъ, не колеблясь. Какъ Наполеонъ въ Яффѣ, проходилъ онъ по чумнымъ лазаретамъ и оставался цѣлъ и невредимъ. Онъ, впрочемъ, не былъ Наполеономъ, и по счастью для самого себя, не подозревалъ, что имѣетъ дѣло съ зачумленными. Онъ по природѣ былъ человекъ честный и выдрессировалъ въ себѣ узаконенную честность, отступленіе отъ которой для всякаго порядочнаго человека считалъ просто невыгоднымъ.

Въ застрѣльщикахъ онъ видѣлъ апостоловъ какого-то новаго дѣла, для него совершенно непостижимаго покуда, но дѣла, надо полагать, почтеннаго, ибо къ нему приставали съ столицахъ люди почтенные. Застрѣльщики остерегались дурно отзываться при немъ о земствѣ, и только изрѣдка, къ слову, выражали сожалѣніе: дескать, изумительно, что ваше земство пропускаетъ случай воспользоваться благодѣяніемъ...

Пухъ готовъ былъ согласиться, что это все—благодѣянія. Но онъ не понималъ ихъ механики и тѣмъ же непониманіемъ объяснялъ земскую сдержанность.

Онъ оставался твердъ.

Но Пухъ былъ Пухъ, и у него въ Петербургѣ былъ школьный товарищъ—Тромбонъ. И другъ, и врагъ вмѣстѣ. Въ сердцѣ Пуха гнѣздилося какое-то гадливое чувство относительно Тромбона, съ тѣхъ поръ, какъ въ школѣ послѣдній не давалъ покою Пуху, издѣваясь надъ нимъ, но, приходя въ сопротивленіе съ Тромбонемъ, Пухъ поглощался имъ, исчезалъ въ Тромбонѣ; отъ маленькаго Пуха ничего не оставалось. Тромбонъ подчинялъ его, подавляя.

Еще въ школѣ, Пухъ зудилъ съ утра до ночи, въ потѣ лица добивался почетнаго положенія въ классномъ спискѣ. Тромбонъ и день, и ночь бездѣльничалъ, шильничалъ, надобдалъ товарищамъ, развертывалъ книгу только когда учитель входилъ въ классъ или передъ самымъ экзаменомъ и стоялъ чуточку ниже Пуха. Когда они оба, выйдя изъ школы, поступили на службу, Пухъ опять лѣзъ изъ кожи, работалъ, какъ волъ, цѣплялся за свои маленькія связи и двигался впередъ туго; ему оставалось одно средство пробиться въ люди—забиться въ провинцію на службу. Тромбонъ никакихъ связей не имѣлъ; выходя изъ школы, къ департаментскимъ бумагамъ относился такъ же, какъ бы-

вало къ класснымъ книгамъ, и быстро дѣлалъ карьеру въ Петербургѣ.

Пухъ, со своими мелкими классическими чертами лица, съ пріятнымъ добродушіемъ въ глазахъ, съ мягкими, элегантными манерами, едва склонилъ сердце бѣдной провинціальной гувернантки, и то не къ самому себѣ, а къ браку съ собою. И ничего, кромѣ новыхъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ, жена не внесла въ его существованіе. Пухъ былъ вѣренъ женѣ, какъ Пенелопа Улиссу, а жена однимъ глазкомъ поглядывала на прекрасную Елену и искала Париса. Тромбонъ—массивный, неуклюжій, почти грубый, съ рыжими волосами и бычачьими глазами, завоевалъ себѣ въ жены петербургскую красавицу съ большими деньгами. Тромбонъ былъ на многозначительномъ «ты» съ половиной французскихъ актрисъ и въ дружбѣ съ русскими «дѣвочками» и «рижскими уроженками». А его жена оставалась безупречною Пенелопой.

Тромбонъ закончилъ свою карьеру и упокоился на пышныхъ коврахъ, а Пуха все продолжало засасывать Заглохлово. Тромбонъ въ Петербургѣ былъ за панибрата со всѣми особами, къ которымъ Пухъ относился съ благоговѣніемъ. Даже желудокъ Тромбона импонировалъ Пуху.

Пухъ оберегалъ свое здоровье: велъ регулярную жизнь, отказывалъ себѣ въ утомительныхъ развлеченияхъ, старался быть въ постелѣ до полуночи, питаться легкой, удобоваримой пищею и осторожно согрѣвать желудокъ скромной рюмкой портвейна. И между тѣмъ, жесткая рука старости начинала болѣзненно прикасаться къ его маленькому, нервному, топчавшему тѣлу.

Тромбонъ прокучивалъ дни и ночи. Начиналъ лѣтній день, вмѣсто чаю, миской ботвиньи съ лососиной и кончалъ нѣсколькими крушонами шампанскаго. Разѣдался во всѣ стороны, здоровѣлъ и молодѣлъ.

Тромбонъ подавлялъ Пуха, не употребляя ни малѣйшихъ для этого силъ.

Однажды, въ то время, когда въ заглоховской гармоніи уже свистали и шипѣли диссонансы и когда сорвалось дѣло поземельнаго банка, Пуху случилось быть въ Петербургѣ и посѣтить стараго товарища. Дѣло было лѣтомъ, и Тромбонъ жилъ на островахъ, на только-что купленной новой дачѣ.

Дача утопала въ громадномъ саду, словно, кромѣ этого сада и ея самой—роскошнаго готическаго палаццо, ничего въ мірѣ не существовало. Самое палаццо утопало въ обвивавшихъ его зелени и цвѣтахъ. На просторной мраморной лѣстницѣ, устланной беззвучнымъ ковромъ, Пуха, замученнаго мыканьемъ по раскаленному городу въ извозчицѣй каретѣ, охватила душистая про-

хлала и встрѣтили два пудренныя гайдука, въ бѣлыхъ чулкахъ, красныхъ жилетахъ и красныхъ штанахъ, въ синихъ фракахъ съ гербами историческаго рода Тромбоновъ. Сквозь высокія зеркальныя двери видѣлась артистическая роскошь обширной столовой, а дальше—тѣнистая, зеленая гуща сада, золотисто-голубыя струи Невы, и пристань съ изящнымъ пароходникомъ, принадлежавшимъ, какъ и палаццо, Тромбону.

Въ такой обстановкѣ Пуху еще никогда не случалось видѣть Тромбона. Омъ былъ сразу подавленъ.

— Mais vous vous êtes arrangé en Crésus, привѣтствовалъ онъ хозяина, войдя въ его кабинетъ, гдѣ сидѣло трое мужчинъ, изъ тѣхъ, съ которыми Тромбонъ обращался за панибрата, но передъ которыми Пухъ благоговѣлъ.

— А что, попочка—попочка было школьное прозвище Пуха—хорошо?

— Хорошо! Vous êtes bien bon! Больше, чѣмъ хорошо.

— Дорого только обошлось.

— Гм! Ты можешь... и Пухъ взглянулъ на большой, во весь ростъ, портретъ красавицы Пенелопы Тромбонъ, висѣвшій надъ каминомъ.

Тромбонъ поймалъ взглядъ.

— Ты думаешь: это я на женины деньги... Ни-ни. Это, братъ — мои кровныя деньги. Заработалъ...

Пухъ совсѣмъ озадачился. Тромбонъ былъ въ отставкѣ и своего состоянія не имѣлъ.

— Да ты, кажется, не служишь...

— Экая провинціальная простота. Служу, братецъ, да еще какъ служу. Въ четырехъ желѣзнодорожныхъ и двухъ банковыхъ правленіяхъ. Да еще какъ работаю...

— И жалованья...

— Простота.. Сорокъ тысячъ... да вотъ проектъ на столѣ... удастся еще тысячь двадцать нажить...

— Хе, хе! натуженно пошутилъ Пухъ: — ты мнѣ хоть бы на четверть такого жалованья мѣсто прискалъ... Хе, хе...

— Гдѣ тебѣ, овечья душа, тебѣ бы только съ твоимъ земствомъ въ обнимку лежать, въ Заглохловѣ.

И Тромбонъ мигнулъ троицѣ пріателямъ, сидѣвшимъ поодаль съ сигарами въ зубахъ. Они глядѣли на Пуха съ улыбкой, въ которой, какъ въ дурно приготовленномъ салатѣ, укусъ сквозъ масло прорѣзаетъ; сквозъ пріятную любезность ясно свѣтилось сожалѣніе всемогущаго петербуржца, вызванное наивностію провинціала.

— Что же земство? нѣсколько смутившись залепеталъ Пухъ: —

зато дѣла идутъ отлично. Я думаю и въ Петербургѣ понимаютъ важность моей близости съ земствомъ.

И онъ взглянулъ на улыбающихся гостей. На ихъ лицахъ стояла та же улыбка сожалѣнія, сожалѣнія къ овечьей простотѣ Пуха.

— Чорта съ два! важность! равнунулъ Тромбонъ:— нужно очень Петербургу понимать этакой вздоръ!

Осторопѣвшій Пухъ, особымъ голосомъ, которому старался придать многозначительный тонъ, потребовалъ объясненій.

— Какія тебѣ объясненія, Попочка! хочешь вотъ, читай, и хозяинъ быстро выкинулъ на столъ ящика пачку писемъ.

— Это что же...

— А это—письма Бревнова... у тебя вѣдь на немъ земство сходится...

— Мм... да...

— Ты думаешь, они тамъ, въ управѣ, о превыспренныхъ благахъ Заглохлова озабочены? Ну, прочти.

— Да что же читать?... я вижу, что рука Бревнова.

— Ну, такъ видишь... Вашему земству, которое все бѣднится, предлагаютъ помочь: желѣзная дорога, каналъ, обращать боло-то въ парафиновыя свѣчи... Мало ли что; всѣ эти проекты черезъ мои руки прошли, а они хоть бы пальцемъ пошевелили. Только пакостить нарывать. Твой Бревновъ — земство, что ли, по твоему...

— Что-нибудь не ясно...

— Да, не ясно. Они во всей этой пачкѣ писемъ только и требуютъ разъясненій; а знаешь ли, въ чемъ штука?

— А?

— Знаешь ли, въ чемъ штука? Придираются потому, что имъ самимъ мало общаются.

— Пфа...

Пухъ оглядѣлъ присутствующихъ. Самый внушительный изъ гостей даже кивнулъ головой. Остальные улыбались: «дескать, ты одинъ этого не понимаешь». И Пуху вдругъ стало ясно, что онъ одинъ не понималъ. Ему давно со всѣхъ сторонъ намекали въ Заглоховѣ. Диссонансы слышались давно... «Такъ вотъ это что: пренебрегаютъ средствами улучшить положеніе губерніи изъ-за корыстныхъ видовъ». Честнаго Пуха затошнило даже. Онъ не сдался для виду, но вся его душа была поглощена Тромбонемъ.

Главный валъ заглоховскаго органа свихнулся, и пошла та-кая музыка, какой не дай Богъ.

Честь и слава Тромбонамъ-Флюгинимъ.

Л. Рускинъ.

МЕЛЬНИЦА

НУПЦА ЧЕСАЛКИНА.

(Посвящается А. В. Зяменко).

Случалось ли вамъ когда-нибудь ловить или, по мѣстному выраженію, бить рыбу острогѣй? Если не случалось, то я расскажу какъ это дѣлается. Острогѣя есть нѣчто въ родѣ небольшихъ желѣзныхъ вилъ, на зубьяхъ которыхъ устраиваются бородки, какія дѣлаются на удочкахъ, чтобы рыба не соскакивала. Острогѣя имѣетъ три-четыре такіе зуба, смотря по величинѣ рыбы, которую намѣреваются бить, и насаживается на легкой шестъ, аршина въ четыре. Затѣмъ, на носу небольшой лодки пристраиваютъ желѣзную рѣшетку, на которую кладутъ смольѣ (такъ называютъ у насъ сухіе пни и корни сосновыхъ или еловыхъ деревь)—и все готово. Ловлю рыбы острогѣй производятъ по ночамъ, обыкновенно осенью, когда водяныя растенія падаютъ на дно и когда вода дѣлается совершенно прозрачною. Я пробовалъ охотиться и лѣтомъ, но выходило неудачно. Для охоты этой выбираютъ мѣста неглубокія; лучше всего большіе пруды, на которыхъ есть мельницы и вода которыхъ, вслѣдствіе этого, широко разливается по отлогимъ берегамъ. На такихъ прудахъ или озерахъ, глубина которыхъ достигаетъ не болѣе двухъ-трехъ аршинъ, дно освѣщается великолѣпно и вы отлично можете видѣть спящую рыбу. Пристроивъ острогѣю и лодку, вы берете съ собой человѣка, умѣющаго управлять весломъ и, когда достаточно стемнѣетъ, разжигаете наложенное на рѣшетку смольѣ и тихо, осторожно выѣзжаете на добычу. Лодка должна плыть медленно, неслышно, чтобы шумомъ и плескомъ воды не разбудить рыбу. Тотъ, кто правитъ лодкой, садится на корму, а тотъ, кто съ острогѣй, становится на носу возлѣ огня и, держа острогѣю наготовѣ, зорко смотритъ на освѣщенное дно... И вотъ, передъ вами раскрывается весь подводный міръ, со всѣми его

мельчайшими подробностями. То же самое озеро, въ которомъ вы купаетесь каждый день, по камышамъ котораго чуть не каждый день охотитесь по уткамъ, словомъ, то самое озеро, которое разстилается широкой серебристой скатертью передъ окнами вашего деревенскаго дома и надъ поверхностію котораго цѣлыми стаями летаютъ бѣлыя чайки, ловко выхватывая изъ воды мелкую рыбу, вдругъ преобразается во что-то незнакомое, таинственное и вы невольно восселицаете:—да что же это!.. гдѣ же я?.. Вы смотрите вверхъ—надъ вами черное осеннее небо, кажущееся еще чернѣе отъ пылающаго возлѣ васъ смолы. Вы оглядываетесь по сторонамъ—и опять та же непроглядная мгла. Лодка движется медленно, но вамъ кажется, что двигаетесь не вы, а эти освѣщенные огнемъ камыши, тальники и водоросли. Иногда лодка врѣзывается въ густую группу камыша; вы подаете ее назадъ, и вдругъ загораживаетъ вамъ путь частый тальникъ. «Да гдѣ же мы?» говорите вы. Смотрите по сторонамъ, но мракъ окутываетъ васъ кругомъ. Вамъ видно только небольшое пространство, облитое пламенемъ; вы видите лицо своего спутника, багровое, съ блестящими глазами; видите лодку, чуть-чуть колышущуюся воду, а внизу, тотчасъ же подъ лодкой, освѣщенное дно. Вотъ проползло растеніе, похожее на эйхгорнію, листовые стебли вздуты, наполнены воздухомъ; цѣлый пучекъ корней пустило оно въ воду. Это растеніе постоянно плаваесть... Вотъ на самомъ днѣ трава съ тупыми сердцевидными листьями, расположенными кистями, весьма похожая на ализму; вотъ корни бодяги, покрытые паразитами; вотъ цѣлая куча папоротниковъ и тутъ же, возлѣ лодки, въ водѣ что-то въ родѣ прямой палки, черное, неподвижное... всматриваетесь и убѣждаетесь, что это не палка, а спящая щука. Она стоитъ совершенно неподвижно, точно окаменѣлая, и кажется вамъ, что она почти на поверхности воды. Сердце ваше дрогнуло, руки затряслись, вы наводите острогѣ, осторожно погружаете ее въ воду, приближаете какъ можно ближе къ шукѣ, соразмѣряете силу удара съ пространствомъ, отдѣляющимъ рыбу отъ острогѣ, дѣлаете мгновенный толчекъ... Увы! на острогѣ нѣтъ ничего! Вы только зацѣпили и вытащили наружу водяную поросль, а щуки нѣтъ... Оказывается, что ударъ вашъ былъ невѣренъ; вашъ глазъ былъ обманутъ и щука, которая казалось вамъ такъ близко стоявшею къ поверхности воды, на самомъ дѣлѣ стояла отъ нея аршина на полтора глубже. Ударомъ вашимъ вы произвели шумъ и переполошили все населеніе озера. Камыши заколыхались, закричали утки, съ шумомъ поднялись съ ночлега, и темный мракъ ночи наполнился торопливымъ свистомъ ихъ крыльевъ. Шарах-

нулась цапля, вскрикнула чайка, въ водѣ засуетились раки, метнула щука; цѣлая стая куличковъ-песочниковъ испуганно пролетѣла почти надъ вашей головой; замахалъ надъ вами чибизъ бѣлыми крыльями и въ ту же минуту скрылся во мракѣ... Но вотъ, мало-по-малу, все снова затихаетъ. Вы слышали, какъ утки шлепнулись на воду, какъ опустилась цапля, какъ кулички просвистали, но уже далеко. Смотрите на воду, но и вода тоже успокоилась, круги улеглись, и снова она подъ вами раскинулась, какъ зеркало. Вы плывете на другое мѣсто. Подъ вами песчаное дно, все усыпанное раковинами; вы замѣчаете на пескѣ бороздки, разбѣгающіяся въ разныя стороны: это—слѣды переползавшихъ улитокъ. Вотъ задорно стоитъ цѣлая стайка ершей, но бить острой ихъ не стоить, потому что рыба эта слишкомъ мелка; вотъ маленький щуренокъ, неподвижно вытянувшійся, словно ткацкій челнокъ; а вотъ опять водяное растеніе и на этотъ разъ передъ вами прелестная голубая роза. Это—одно изъ самыхъ роскошнѣйшихъ и красивѣйшихъ водяныхъ растений. Длинные листья его плаваютъ по поверхности воды, и изъ средины ихъ высовываются самые цвѣтки. Но вы минуете ихъ такъ осторожно, такъ тихо, что даже не потревожили ни одного листка. Вотъ проползъ мимо камышъ, вотъ кустъ тальника, вотъ на днѣ, точно исполимская пѣвца съ растопыренными мохнатыми лапами, черная какъ уголь, лежитъ каряга; вы дѣлаете знакъ гребцу, минуете это чудовище, смотрите зорко на дно и опять передъ вами щука... Снова дѣлаете гребцу знакъ, лодка останавливается, острога пущена, и на этотъ разъ она заметалась въ рукахъ вашихъ, вы чувствуете тяжесть на ея зубьяхъ, поспѣшно вынимаете острогу—и щука на днѣ вашей лодки!

Совѣтую вамъ поохотиться съ острогой и, если не чужды вы восхищаться картинами природы и хоть сколько-нибудь любите поэзію, то скажете мнѣ большое спасибо.

На такую-то охоту звалъ меня однажды нашъ приходскій дьяконъ, Иванъ Ѳедоровичъ Космолинскій, торжественно объявивъ при этомъ, что наканунѣ ѣздилъ съ острогой пономарь Демьянычъ и привезъ столько рыбы, что всѣхъ сосѣдей до отвала ухой накормилъ, да еще лепшей насолилъ кадушки двѣ.

— Куда же мы отправимся? спросилъ я.

— Конечно, на Ильмень, отвѣчалъ дьяконъ:—чего же лучше! На Ильмень и Демьянычъ охотился...

Но надо прежде всего познакомить васъ съ дьякономъ.

Дьяконъ Космолинскій, котораго мы, прихожане, звали просто: отче, производилъ свою фамилію отъ греческаго *космосъ*—міръ и *лю*—говорю. Это былъ мужчина лѣтъ тридцати пяти, крѣп-

каго сложенія, высокаго роста, сильный и ловкій (ухватистый, какъ говорятъ мужики), и весьма пріятной наружности. Носъ у него былъ прямой, правильный, глаза голубые, а надъ довольно полными губами, изъ которыхъ нижняя раздвоилась, красиво лежали бѣлокурые усы; борода у него была тоже красивая съ мягкими волосами. Но болѣе всего любилъ я дьякона за то, что онъ въ душѣ былъ страстный охотникъ. Онъ непритворно сокрушался, что санъ (слово это онъ произносилъ съ какою-то особенной важностію) не позволяетъ ему охотиться съ ружьемъ, и всегда съ восторгомъ вспоминалъ то время, когда онъ, бывши еще учителемъ приходскаго училища, щеголялъ въ нанковомъ сюртукѣ и триковыхъ брюкахъ и въ свободное время по цѣлымъ днямъ шатался съ ружьемъ. Нѣчего говорить, что дьяконъ любилъ рассказывать про свои охотничьи похождения. Рассказывалъ, какъ однимъ выстрѣломъ убивалъ по нѣскольку утокъ, какъ однажды, стрѣляя по кулику, смертельно ранилъ волка, котораго недѣли черезъ двѣ мужики нашли околѣвшимъ гдѣ-то въ полѣ, только шкура ужъ не годилась, потому что сильно подопрѣла и т. п. Страсть къ ружью онъ не утратилъ, даже сдѣлавшись дьякономъ. Чистить ружья и набивать патроны было для него величайшимъ удовольствіемъ. Какъ только увидитъ бывало ружье, такъ сейчасъ же начнетъ дуть въ стволы и осматривать капсули.

— А ружьецо-то того... подгуляю, проговорить бывало: — чистки требуетъ!

И снявъ поспѣшно рясу, засучивалъ рукава, завязывалъ узломъ волоса и, собственноручно притащивъ воды, начиналъ промывать ружье и только тогда, когда убѣдится, что ружье чисто онъ ставилъ его на прежнее мѣсто, проговаривъ:

— Sat, satis!

Сопровождать на охоту въ качествѣ зрителя было тоже его первѣйшимъ удовольствіемъ. Онъ даже любилъ подавать убитую дичь, причеиъ лазилъ въ воду и не боялся ни простуды, ни раковинъ, ни змѣй, ни остраго камыша.

— Да что вы не стрѣляете? бывало спросишь его.

— Нельзя! отвѣчалъ онъ глубокомысленно: — санъ не дозволяетъ! Сказано: ни една тварь да не погибнетъ отъ рукъ твоихъ.

— А рыбу-то ловить развѣ не все равно? тоже—тварь.

— Нѣтъ, это—дѣло десятое! Всѣ апостолы были рыбаки.

И дѣйствительно, дьяконъ, по примѣру апостоловъ, былъ коренной рыбарь. Отправиться въ ночь куда-нибудь верстъ за десять съ цѣлой вязанкой удочекъ, съ цѣлю на излюбленномъ

мѣстѣ встрѣтить зарю, было для него ни почемъ. Подоткнеть бывало подъ кушакъ свое рыжее полукафтанье, надвинуть на голову изодранную шляпенку—и маршъ.

— Далекое? спросишь его.

— Подъ Шептаковку! Лещи икру начали метать, по камнямъ словно свиньи возьмется—самъ видѣлъ!

А воротится бывало съ пустыми руками.

— Гдѣ же лещи-то? спросишь бывало.

— Да что! Какая штука-то стряслась! вы послушайте-ка..

И начинается бывало разсказывать, какая стряслась съ нимъ штука, а на повѣрку окажется, никакой съ нимъ штуки не стряслось, а просто не было рыбы, да и лещей, возившихся подобно свиньямъ, онъ самъ не видалъ, а повѣрилъ на слово какому-нибудь шутнику.

Тѣмъ не менѣе, однако, безъ отче и охота—не охота. И рыба не ловится, и дичи нѣтъ... Мѣста, гдѣ держится рыба, онъ зналъ какъ свои пять пальцевъ. Первый сообщалъ всегда о прилетѣхъ и отлетѣхъ птицъ. Подслушивалъ, гдѣ квохчуть сомы, и сію же минуту летить съ донесеніемъ. «Пойдемте, говорить, переметь ставить въ еедотовомъ затонѣ. Сомы квохчуть!»

Во время рыбной ловли, тутъ же на берегу варилъ уху и, надо сказать правду, варилъ великолѣпно, а главное, все это дѣлалъ живо. Живо дровъ набереть, котелокъ приладить, рыбу перечистить, живо все это пристроить, не переставая въ то же время слѣдить за поплавками своихъ удочекъ, которыхъ набиралъ всегда во множествѣ.

— Ну, ну, бери, что ли! проговорить бывало, поглядывая на удочки: — а то соскучусь, уйду! И, смотришь, уговорилъ-таки, тащить какую-нибудь рыбу.

— Ишь, повелъ! Ишь, повелъ! шепчетъ бывало, поглядывая на удочки:—непремѣнно лещъ... Окунь, тотъ какъ собака хватаетъ—съ налёту.

Словомъ, дьяконъ былъ молодецъ на все. Кромѣ рыбачества, онъ былъ мастеръ и мозоли вырѣзывать, и выправлять ногти на ногахъ, если растутъ неправильно и впиваются въ тѣло, умѣлъ стричь волосы *подъ гребешокъ* или *а ля полька*; комнаты оклеивать обоями, а ужъ въ банѣ никто бывало не собьеть такъ мыло, какъ онъ, никто такъ не нахлещеть вѣнникомъ и никто такъ не натретъ спину мочалкой, какъ онъ. Всѣ восточки порасправить, всѣ ребра перебереть.

Бывало, засядешь съ нимъ гдѣ-нибудь на берегу рѣки подъ тѣнью ивы (онъ и сидѣнье умѣлъ отлично устраивать; расковырять, бывало, пяткой мѣстечко для ногъ, нарветъ лопуховъ,

раздвинуть камышъ и садись), закинешь удочки, а онъ начнетъ разсказывать разные анекдоты про семинарію, про монаховъ, про поповъ, про дьячка, обвинчавшаго вокругъ пенька въ лѣсу какую-то свадьбу—и не видишь какъ время пройдетъ. Жадности, свойственной сану, онъ не имѣлъ, а потому домъ его былъ постоянно неухоженъ; и скотины онъ не имѣлъ никакой, ни амбарчика, ни хлѣвушка, ничего подобнаго не полагалось, а былъ только одинъ плетень, которымъ онъ обнесъ свой дворъ, да и съ тѣмъ плетнемъ случился скандалъ. Дѣло было такъ: наколотилъ отче осенью ветловыхъ колебевъ, и, не облупивъ ихъ, заплелъ плетень. Пришла весна, смотреть: колья пустили побѣги, а въ осени сдѣлались пушистыми деревьями. Пришла другая весна, деревья снова зазеленѣли роскошной листвою, и вмѣсто плетня оказался садъ, а плетень сталъ приподниматься. Взялъ дьяконъ топоръ и давай рубить плетень, а деревья и до сихъ поръ зеленою стѣною окружаютъ его хату и служатъ любимѣйшимъ пристанищемъ для хлопотливыхъ воробьевъ.

Краснорѣчіемъ дьяконъ обладалъ замѣчательнымъ и, начиная что-либо разсказывать, заторопится и такъ бывало все перепутаетъ, что ничего не поймешь. Однажды, какъ то сообщилъ онъ мнѣ, какъ лихорадку лечить. — Какъ же? спрашиваю. — А вотъ какъ: надо взять полшубокъ, отрѣзать клочекъ шерсти и положить въ стаканъ воды, если шерсть потонетъ — значить деготь хорошъ, потомъ взять и выпить этотъ стаканъ меду. И шабашъ, какъ рукой сниметъ! Разказы свои онъ обыкновенно начиналъ такъ:—Прихожу домой, дьяконица чай пьетъ; тебѣ налить, что ли чайку-то? спрашиваетъ. Я выпилъ три ли, четыре ли чашки, не помню, потомъ взглянулъ такъ въ окошко и т. д.

Апететить былъ у дьякона завидный. Побывать на двухъ-трехъ поминкахъ, пропѣть послѣ блиновъ *чашу*, а затѣмъ раза два пообѣдать у *чистыхъ прихожанъ* (такъ называли приходскихъ дворянъ и купцовъ)—для него было сущимъ вздоромъ. Ничего, сойдетъ! скажетъ, бывало, и только губы у него пухли. Насчетъ возліанія тоже былъ не дуракъ и пилъ безъ разбору все, что бы подъ руку ни попалось и безо всякой послѣдовательности. Послѣ хереса водку, потомъ опять хересь, опять водку, затѣмъ коньякъ, пиво. Водку именовалъ онъ разными названіями: то называлъ ее: *розонбе*, то *тронзобель*, то *аква буянисъ*, то *брыкаловкой*, то просто *она*...

— Она манка! одну выпьешь, сейчасъ и на другую потянетъ!

Увели какъ то разъ у дьякона лошадь (какъ-то на грѣхъ завелъ). Утромъ спохватился—нѣтъ лошади! Началъ ее розыски-

вать, бросился къ сосѣдямъ. — Такъ и такъ, братцы, помогите, лошадь у меня послѣднюю увели; нельзя ли какъ въ погоню по разнымъ дорогамъ! Поскакали мужики, скакали, скакали; къ вечеру вернулись домой. «Какъ въ омутъ канула! говорятъ. — Нѣтъ нигдѣ, измучились скакавши!» Дьяконъ послалъ за водкой; нельзя же, надо было поблагодарить православныхъ. Роспили; дьяконница плачетъ, дьяконъ тоже призадумался. «Ты вотъ что, отче, говорятъ мужики:—завтра, чѣмъ свѣтъ, катай въ Чапушку къ Пузанку, онъ-тѣ укажетъ, гдѣ твоя лошадь!»—На чемъ катать-то! говоритъ уныло дьяконъ. «Вона, гадятъ мужики:—да я съ тобой поѣду, да тотъ поѣдетъ!» На утро, дѣйствительно, къ дьяконской хатѣ народу набрался цѣлый содомъ. Тотъ привелъ лошадь, другой—лошадь, третій лошадь—скачи на любой! Спорили, кричали; наконецъ, запрягли сани тройкой, усѣлись; дьячекъ Константинъ Иванычъ тоже присѣлъ, и поѣхали въ Чапушку.—Надо бы выпить на дорожку! молвилъ кто-то: — чтобы Господь счастья послалъ!—Можно, говоритъ дьяконъ. Завернули жъ кабаку, выпили и поѣхали. Въ Чапушкѣ никакого толку не вышло. Ставилъ-было дьяконъ Пузанку четверть, чтобы указалъ, гдѣ лошадь, но водку выпили, а про лошадь ничего не узнали. Роспили еще четверть, послали за третъей, да такъ всю ночь и прокружили, и только ужъ на другой день воротился дьяконъ домой. Скачетъ тройкой съ колокольчиками, съ бубенчиками, дугу разукрасили красными платками, самъ дьяконъ стоитъ въ саяхъ, обнявшись съ дьячкомъ, машутъ платками, поютъ пѣсни. Да и не прямо домой поѣхали, а велѣли себя по улицамъ катать; народъ думалъ, что свадьба гуляетъ, а оказывается, что это дьяконъ лошадь розыскиваетъ. «Ну что, нашелъ, что ли, лошадь? спрашиваютъ его, а дьяконъ и ухомъ не ведеть. Рублей двадцать, говорятъ, стоилъ ему этотъ розыскъ, а лошадь, которой цѣна пять рублей, такъ и пропала, словно въ омутъ канула. И съ тѣхъ поръ дьяконъ лошадей не заводилъ.

Этотъ-то самый дьяконъ пришелъ приглашать меня на охоту съ острогѣй и сулилъ чуть не горы разной рыбы, ссылаясь на удачную ловлю пономаря Демьяныча. Нечего говорить, что, заручившись моимъ согласіемъ ѣхать съ нимъ на Ильмень съ острогѣй, онъ принялся со свойственной ему энергіей рыбака приготовляться къ охотѣ.

— Надо теперь, прежде всего, лодку гдѣ-нибудь разстараться, проговорилъ онъ.

— У Демьяныча попросить; чего же лучше?

— Захотѣлъ!

— А что?

Т. ССХХІV.—Отд. I

— Во-первыхъ, онъ не дастъ, потому—собака, а во-вторыхъ, ѣхать въ ней все одно, что въ этой шляпѣ, Нѣтъ, я затоплюсь къ Данилѣ Сѣдову, у него челночекъ важный, легкій...

И отче стремительно бросился вонъ изъ комнаты; не прошло секунды, какъ онъ уже, широко размахивая руками, промелькнулъ мимо окна, крикнувъ мнѣ:

— Паклицы на всякой случай прикажите приготовить.

Не успѣли еще принести требуемой дьякономъ паклицы, идти за которой было не далеко, какъ я услышалъ подъ окномъ какой-то странный шумъ: не то вихорь налетѣлъ, но то въ барабанъ барабанять; я оглянулся, а это дьяконъ уже лодку тащить.

— Вотъ и лодка! крикнулъ онъ и вошелъ въ комнату.

Лицо у него было багровое, потъ катился ручьями.

— Зачѣмъ же вы на себѣ притащили! проговорилъ я;—можно было бы работника съ лошадыю послать.

— Покажѣсть вашъ работникъ-то прособирается, а ее двадцать разъ на себѣ приволому. Ну, гдѣ же пакля?

— Послать, сейчасъ принесуть.

— Кого?

Карпа Галдина.

Дьяконъ бросился вонъ изъ комнаты.

— Вы куда?

— За паклей.

— Да вѣдь я послать.

— Карпа-то! проговорилъ дьяконъ съ презрѣніемъ. И вышелъ вонъ изъ комнаты.

Минуть черезъ пять, дьяконъ снова былъ уже возлѣ лодки. Подъ мышкой торчалъ у него пучекъ пакли, а въ рукахъ колотушка и конопатка. Слѣдомъ за нимъ, выпативъ брюхо и переваливаясь съ боку на бокъ, шелъ кривоногий Карпъ. На немъ была изъ бѣлыхъ овчинъ шапка, изъ-подъ которой выбивались волосы беспорядочными прядями. По разинутымъ губамъ текли слюни; осовѣлые глаза глядѣли безсмысленно. Подойдя къ лодкѣ, онъ почесалъ въ затылкѣ и, молча, сѣлъ на землю, поглядывая на дьякона.

— Приважите-ка смолья набратъ! крикнулъ дьяконъ и, поплевавъ на руки, принялся конопатить лодку, а шляпу бросилъ на землю.

— Карпъ! крикнулъ я.

Карпъ вздрогнулъ и началъ озираться кругомъ, не умѣя сообразить, кто и откуда зоветъ его. Наконецъ, увидавъ меня въ очивѣ, снялъ шапку и всталъ.

— Карпъ, ты съ нами сегодня на Ильмень поѣдешь, проговорилъ я:—лодку повезешь. Слышишь, что ли?

— Чую, промывчалъ Карпъ, почесывая животъ. И, немного подумавъ, добавилъ:—а я было сегодня къ дѣвкамъ хотѣлъ у тебя попроситься: давно не былъ, захотѣлось повидаться.

Дьяконъ захохоталъ во все горло.

— Какъ, къ дѣвкамъ! удивился я.—Къ какимъ?

— Да къ дочерамъ своимъ.

— Нѣтъ, сегодня нельзя, завтра. А теперь ступай и приготовь смолья.

— Ну, ладно! И Карпъ ушелъ.

Часовъ въ шесть вечера мы были уже на пути къ Ильмену. Лодка была взвалена на телегу, запраженную бѣлой лошадыю, которую Карпъ велъ подъ усцы, а мы съ дьякономъ шли позади. Вскорѣ были мы на мѣстѣ, но, такъ какъ не совсѣмъ еще стемнѣло, то пришлось ждать ночи.

Ильмень (название это въ нашей мѣстности дается всѣмъ большимъ прудамъ и озерамъ) былъ огромный прудъ, походившій скорѣе на озеро. Прудъ этотъ составлялся изъ нѣсколькихъ небольшихъ рѣчекъ и ключей и затоплялъ водой не менѣе десятихъ пятисотъ плоскихъ отлогостей, образовавшихся по берегамъ этихъ рѣчекъ. Большая и длинная плотина удерживала эту воду, заставляя ее далеко разливаться. На плотинѣ этой была мельница-крупчатка вунца Чесалкина. Ильмень мнѣ былъ очень знакомъ. Его болотистые берега, покрытые камышемъ, кустарникомъ и лѣсомъ, служили пристанищемъ всевозможной дичи, и круглое лѣто были самымъ любимымъ мѣстомъ ружейниковъ, которыхъ, кромѣ меня, да одного сельскаго учителя изъ семинаристовъ, не было никого. Мы были полными властелинами этой мѣстности и безсовѣстно стрѣляли съ самой ранней весны и до поздней осени. На пруду этомъ охотились мы и за вряковой уткой, беспощадно истребляя задорныхъ селезней, и по бекасамъ. Въ концѣ юня Богъ знаетъ откуда налетали дупеля. «Осыпной дупель!» какъ говаривалъ дьяконъ, такъ что убить 50 — 60 штукъ въ одно поле считалось дѣломъ незавиднымъ. Но охота эта продолжалась, къ несчастію, всего два три или четыре, а затѣмъ дупеля исчезали всѣ вдругъ, какъ по командѣ, неизвѣстно куда, такъ что еще вечерней варей мы поднимали ихъ десятками, а пойдешь на слѣдующее утро—ни одного. — Хоть бы перушко увидеть! говорилъ дьяконъ. Затѣмъ начиналась охота по молодымъ уткамъ. Утокъ на Ильменѣ были миллионы, начиная съ самыхъ мелкихъ и проворныхъ чирковъ и кончая самыми тяжеловѣсными неповоротливыми кряквками.

*

Стоило, бывало, выстрѣлить, какъ утокъ цѣлыя тучи поднимались. Съ врикомъ и шумомъ начнутъ кружиться эти тучи надъ озеромъ, то поднимаясь, то опускаясь, и накружившись досыта, снова опускались въ камыши.

По мѣрѣ того, какъ ночь сгущалась и приближалась минута охоты съ острогѣй, лицо дьякона принимало все болѣе и болѣе озабоченное выраженіе. Онъ то лодку осмотритъ, то пощупаетъ зубья острогѣй, то посмотритъ на небо.

— Дождикъ не пошелъ бы! проговорилъ я.

— Ну, зачѣмъ онъ пойдетъ!

— Тучи что-то забродили.

— Тучи—не бѣда; это еще лучше, потому что темнѣе будетъ!

Вотъ вѣтеръ бы не подулъ.

— А что?

— Волна будетъ — рябь.

— Вы водки не хотите ли выпить? спросилъ я дьякона.

— Жѣ еѣ! отозвался дьяконъ охватой, и мы выпили.

Между тѣмъ, сумерки становились все гуще и гуще; лѣсъ темнѣлъ и замолеалъ; черной массой разстилался онъ вдоль озера, и только деревья, стоявшія на опушкѣ, отдѣлялись отъ этого сплошнаго темнаго фона. Почернѣло тоже и озеро. Все затихло, замерло, заснуло, и только сдержанный шопотъ камыша, да порой дикій крикъ цапли нарушали тишину. Даже лошадь, привезшая лодку, и та перестала фыркать и жевать и, повѣсивъ голову, предалась сладкой дремотѣ. Одна только она выдѣлялась своею бѣлой мастью на черномъ фонѣ, со всѣхъ сторонъ насъ окружавшемъ. Небо заволакивалось тучами все болѣе и болѣе, но за то вѣтра не было ни малѣйшаго, такъ что даже зажженная спичка не гасла.

— Ну, теперь можно ѣхать! прошепталъ дьяконъ, какъ будто боясь спугнуть эту мертвую тишину:—Карпъ, давай потихоньку лодку спустимъ.

Спустили лодку; что-то метнулось въ водѣ и плеснуло.

— Щука! еще тише прошепталъ дьяконъ.

Наложивъ въ лодку охаби двѣ смолья, дьяконъ зажегъ спичку, вынулъ изъ кармана клочекъ бумаги и принялся разжигать смольѣ. Раздался легкій трескъ, взвился клубъ дыма, пахнуло смолой, и пламя охватило небольшой востеръ. И вотъ среди этой тьмы освѣтилось багровымъ свѣтомъ лицо дьякона, раздувавшаго смольѣ, его оборванная шляпа, бессмысленно-сонное лицо Карпа, носъ лодки; освѣтилась куртинка камышей съ наклонившимися початками, кусокъ берега... А зато кругомъ и небо, и вода, и лѣсъ, и деревья у опушки—все слилось въ одно черное, непроглядное, даже бѣлая лошадь исчезла...

Дьяконъ махнулъ мнѣ рукой и жестаи, какъ бы боясь разговаривать, указалъ мѣсто на кормѣ, поручая мнѣ управление лодкой, а про себя показывалъ, что онъ станеть на носу съ острогѣй. Такъ какъ я не умѣлъ еще владѣть острогѣй, то, поневолѣ подчиняясь силѣ авторитета, повиновался и, взявъ весло, усѣлся на корму. Дьяконъ забрался на носъ.

— Ну, а мнѣ-то тутъ чаво дѣлать? вдругъ буркнулъ Карпъ.

Дьяконъ даже плюнулъ.

— Спи! зашипѣлъ онъ и, махнувъ мнѣ головой, замеръ.

Карпъ шагнулъ и пропалъ въ темнотѣ. Я оттолкнулъ лодку, и поплыли.

— Лѣво, лѣво! шепталъ дьяконъ, снялъ шляпу и, перекрестившись, сталъ въ позицію.

Проѣхавъ нѣкоторое пространство по камышамъ, мы выбрались на чистое мѣсто. Лодка двигалась медленно, по черепашь; тишина кругомъ была мертвая, только смольѣ тихо потрескивало, обдавая насъ пахучимъ дымомъ. Дьяконъ пригнулся и зорко смотрѣлъ на дно, держа острогѣю на готовѣ. Я посмотрѣлъ въ верхъ, посмотрѣлъ по сторонамъ—все черно, какъ будто густой, черной дымкой завѣшено и ревниво закутано отъ любопытнаго взгляда. — «Нѣчего, молъ, смотрѣть сюда: тутъ нѣтъ ничего, тутъ все исчезло, тутъ только одинъ мракъ и больше ничего, а если хочешь видѣть что-нибудь, то смотри внизъ — въ этотъ кругъ, освященный огнемъ». И невольно, взоръ опустился къ свѣту и жадео разглядывалъ таинственное подводное царство. Я смотрѣлъ въ воду, но дна не было видно; изрѣдка только попадались водоросли, чуть-чуть колыхавшіяся на длинныхъ стебляхъ и, широко раскинувъ плети, какъ гигантскіе пауки, двигались онѣ, словно стараясь поймать что-то своими косматыми лапами.

— Право, право! шепталъ дьяконъ.—Тутъ глубоко. Мы плывемъ по руслу Ольховки. Право!

Я повернулъ на право, и, когда мы проѣхали немного, передъ нами, словно по мановенію волшебнаго жезла, поднялась цѣлая стѣна камышей. Я остановился.

— Прямо, прямо! командовалъ дьяконъ.

— Да куда-же прямо! тамъ камыши.

— Камыши эти не густые.. прямо, прямо.

Я толкнулъ весломъ, т. е., по совѣсти сказать, лопатой, замѣнявшей весло, и лодка врѣзалась въ камыши, отгибая ихъ направо и налево. Съ крикомъ, не подалеку отъ насъ, поднялась стайка чирковъ и, засвиставъ крыльями, улетѣла куда-то. Нѣсколько горящихъ щепоевъ, зацѣпившись за камышъ, упали

въ воду и зашипѣли; весло стало уже доставать тину, я уже не огребался, а упирался имъ. Но вотъ камышь рѣдѣеть, мы выплываемъ на чистое мѣсто, и на этотъ разъ дно освѣтилось со всѣми мельчайшими подробностями. Дьяконъ подложилъ въ огонь еще смолья пламя на минуту уменьшилось, но огненные языки окватили новое смольё и свѣтъ разлился еще ослѣпительнѣе. Вдругъ дьяконъ пригнулся, зорко взглянулъ въ воду; острога метнулась у меня въ глазахъ, раздался плескъ и огромная щука была на двѣ лодки.

— На то я и дьяконъ въ Семеновкѣ, чтобы щука не дремала! проговорилъ дьяконъ и на этотъ разъ уже не шопотомъ, а басомъ, и захохоталъ во все горло.

Всполошились утки, закричали цапли, засвистали кулички, зашлепала въ лодкѣ щука, и въ одну минуту все встрепенулось, проснулось и испугалось этого громкаго хохота среди могильной тишины.

— Штува дѣльная ввалилась! продолжалъ дьяконъ и, снявъ съ остроги рыбу, свернулъ ей голову и положилъ въ лодку.

— Ну, вы теперь такъ и держите все прямо!

Не успѣли проплыть мы и пяти сажений, какъ дьяконъ снова махнулъ острогой и вытащилъ линя. Охота становилась интересною, рыба попадалась поминутно, и дьяконъ рѣдкѣй разъ дѣлалъ промахи. Овъ даже, желая щегольнуть искусствомъ, выхватилъ рака, но въ лодку его не положилъ, а, взявъ за клещу, отбросилъ далеко, такъ далеко, что даже не слышно было какъ шлепнулся онъ въ воду. Мы все еще отдалялись отъ того мѣста, съ котораго начали охоту, и, судя по времени, отъѣхали отъ него, по крайней мѣрѣ, версты двѣ. Было уже десять часовъ вечера, и надо было подумать о возвращеніи домой, но дьяконъ до того увлекся удачей, что даже забылъ и думать объ этомъ.

— Что вы! Господь съ вами, съ этихъ поръ-то! Охота только что начинается, а вы домой! говорилъ онъ. — Катайте, катайте налѣво...

Я каталъ весломъ, а дьяконъ острогой и все лещей вытаскивалъ. Мы попали на такое мѣсто, гдѣ, кромѣ лещей, не было никакой рыбы, какъ будто оно исключительно принадлежало имъ, введено было имъ во владѣніе, и никакая другая рыба не смѣла появиться въ ихъ царство. Важно насупившись, стояли они и какъ будто нарочно подставляли свои жирныя, черныя спины подъ зубья остроги. Даже мелкая рыбешка, до тѣхъ поръ цѣлой кучей слѣдившая за лодкой, отстала и не смѣла проникнуть въ этотъ захваченный лещами участокъ.

- Это — харитоновъ затонъ, говорилъ дьяконъ.
- Вы почему знаете?
- А потому, что лещъ одинъ.
- А затонъ этотъ далеко отъ нашей пристани?
- Съ четверть версты не больше.
- Стало быть, мы ужъ назадъ повернули.
- Эко спохватились! давнымъ давно!

Прошло еще съ часъ, и лодка наша была почти полна рыбой. Мы порѣшили ѣхать домой или, лучше сказать, къ тому мѣсту, гдѣ ждалъ насъ Карпъ съ лошадыю. Закуривъ папиросы, мы поѣхали быстро, но камыши безпрестанно загораливали намъ путь; приходилось ихъ объѣзжать, вслѣдствіе чего плаваніе наше значительно замедлялось. Громадѣйшія стаи утокъ съ крикомъ и шумомъ поднимались изъ камышей и производили въ воздухъ хаосъ. Подулъ вѣтерокъ, началъ накрапывать дождикъ. Прошло еще съ полчаса, а мы все еще блуждали по камышамъ, словно по какому-нибудь парку, дорожки котораго, разбѣгаясь въ разныя стороны, то выходили на открытую поляну, то снова поворачивали назадъ и вели Богъ знаетъ куда.

- Ужъ такъ ли мы ѣдемъ? спросилъ я. — Не плуаемъ ли?
 - Ну вотъ, отлично!
 - Что-то долго...
 - Да вѣдь еслибъ мы прямо ѣхали, а то вишь какъ колесимъ!
 - А скоро доѣдемъ?
- Дьяконъ пригнулся и внимательно посмотрѣлъ на дно.
- Сейчасъ, проговорилъ онъ.
 - Почему же это?
 - Дно песчаное, вотъ почему.
 - Такъ что-жь?
 - А то, что мы плывемъ теперь къ гришовскому займищу. Вертите вправо, и сейчасъ пристань.

Я повернулъ, но пристани все не было. Между тѣмъ, вѣтеръ усиливался; тучи становились все чернѣе и спускались все ниже и ниже, такъ что зарево разведеннаго огня начало ихъ освѣщать, и онѣ, какъ облака дыма, неслись надъ нами. Камышъ началъ покачиваться... Прошло еще минутъ десять, а пристани все нѣтъ.

- Право, не плуаемъ ли, отче? спросилъ я.
- Да нѣтъ же! Слава Богу, не въ первый разъ... Поди, озеро-то это я знаю вдоль и поперекъ.
- Да вѣдь ничего не видно.
- Пойдите! проговорилъ дьяконъ. II, ставъ на ноги, онъ

приложилъ обѣ ладони ко рту и закричалъ страшнѣйшимъ басомъ.

— Ка-а-а-арпъ!

Но, вмѣсто Карпа, откликнулась стая гусей, съ шумомъ поднявшаяся изъ камыша.

— Карпъ! продолжалъ кричать дьяконъ. Я остановилъ лодку.

— Ка-а-арпъ! Чортъ! отеликнись.

Но Карпъ не отеликался.

— Ка-а-а-арпъ! дьяволъ! Гдѣ ты? Провалился, что ли?

И дѣйствительно, Карпъ, должно быть, провалился, потому что отелика не было и только одинъ свистъ крыльевъ наполнялъ воздухъ.

— Непремѣнно спать, дьяволъ! проворчалъ дьяконъ и снова принялся всматриваться въ дно.

— Вертите назадъ, крикнулъ онъ, немного погоды.

— Зачѣмъ назадъ?

— Вертите.

— Куда же мы приплывемъ?

— Да вертите, знай. Видите здѣсь глубь какая; мы опять по руслу рѣки плывемъ! Видите, вода назадъ течетъ, значить и намъ надо назадъ.

— Такъ ли?

— Господи Боже мой! разсердился дьяконъ. — Неужто я не знаю!

— Не лучше ли намъ въ Макарову плыть, да тамъ на мельницѣ у Чесалкина переночевать.

— Вотъ это хорошо! Отсюда до Макарова вы знаете сколько будетъ?

— Не знаю.

— Ну то-то же и есть!.. Отсюда до Макарова верстъ семь будетъ.

— Такъ гдѣ же мы?

— Вертите назадъ—вотъ и все!

Я повернулъ, и на этотъ разъ дьяконъ уже не спускалъ глазъ со дна. Мы переплыли глубокое мѣсто и снова выѣхали на мелкое. Вдругъ дьяконъ махнулъ рукой, засуетился, схватилъ острогъ и прошепталъ: сомъ!

Я остановилъ лодку, дьяконъ приподнялся на ноги, пригнулся, навелъ острогу, размахнулся, ткнулъ острогѣй въ воду, но острога вдругъ переломилась, дьяконъ потерялъ равновѣсiе, лодка перекувырнулась, горѣвшее смоляе зашипѣло, и мы очутились по поясъ въ водѣ. Огонь погасъ, мракъ окуталъ насъ со всѣхъ сторонъ.

— Сомъ! проговорилъ дьяконъ, но тутъ ужь было не до сома. Я ухватилъ опрокинутую лодку, какъ-то нечаянно наткнулся на весло, которое тоже забралъ, и рѣшительно не зналъ, что мнѣ дѣлать.

— Гдѣ мы? спросилъ я.

— Въ водѣ!

— Да гдѣ, на какомъ мѣстѣ?

— А дьяволъ знаетъ гдѣ! проговорилъ дьяконъ какимъ-то могильнымъ голосомъ.— Въ такую темень, прости Господи, развѣ увидишь что-нибудь. Давайте-ка спичку, надо огонь развести.

— Спички-то въ карманѣ, а карманъ въ водѣ.

— Теперь и рыбу-то всю растеряешь! и онъ началъ водить руками по водѣ, стараясь отыскать наловленную рыбу, но ее не было.. Вдругъ раздался колоколь. Мы притихли. Ударъ въ колоколь повторился и какъ будто въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ.

— Это въ Макаровѣ, проговорилъ дьяконъ.— Колоколь макаровский!

Дѣйствительно, колоколь былъ макаровский.

— Ну, что же теперь дѣлать? спросилъ я.

Но дьяконъ, вмѣсто отвѣта, схватилъ лодку, опрокинулъ ее на воду, выплескалъ всю воду, схватилъ меня въ охапку, посадилъ въ лодку, приказалъ перегнуться направо, а самъ съ лѣвой стороны влѣзъ въ лодку, усѣлся на корму и, взявъ весло, такъ началъ грести, что лодка мчалась какъ стрѣла. Минуть черезъ пять, въ темнотѣ заблестѣлъ огонекъ, сначала маленький, какъ булавочная головка, а, по мѣрѣ приближенія къ нему, все увеличивавшійся. Зачернѣли какія-то строенія, послышался шумъ падающей воды, стукъ колесъ... Мелькнуло мимо какое то громадное дерево, другое, третье, послышался лай собакъ, и лодка наша, вылетѣвъ до половины на берегъ, врѣзалась въ песчаную отмель.

Мы были на мельницѣ купца Чесалкина.

— Ну что? спросилъ я дьякона. — Сколько верстъ до Макарова?

Но дьяконъ не отвѣчалъ. Онъ вытащилъ на берегъ лодку, пощупалъ, не осталось ли хоть сколько-нибудь рыбы и, убѣдившись, что въ лодкѣ рыбы не было, молча зашагалъ на свѣтившійся изъ окна огонекъ. Я пошелъ за нимъ. Немного погода, мы были у Чесалкина.

— Господи Иисусе Христе! воскликнулъ, крестясь, Чесалкинъ, встрѣтившій насъ въ прихожей со свѣчей въ рукѣ и смотря на наши жалкія фигуры.—Истинный Богъ, мать Пресвятая Богородица, не узналъ! Что это? Откуда вы?

— Изъ воды! отвѣтилъ я.

Чесалкинъ только голову опустилъ, сквативъ себя за бороду.

Въ прихожей въ одну минуту образовалась лужа воды. Дьяконъ былъ золъ. Молча усѣлся онъ на конникъ, повелъ кругомъ глазами и, увидавъ на вѣшалкѣ мерлушчатый халатъ и стоявшія въ углу резиновыя калоши, принялся стаскивать съ себя сапоги, брюки, полукафтанье, рубашку и, оказавшись совершенно голымъ, надѣлъ халатъ и калоши, а затѣмъ принялся выжимать свою одежду. Немного погодя и я очутился въ купеческомъ платьѣ, а наше было отправлено въ кухню для просушки.

— Пожалуйте! пожалуйте! говорилъ, между тѣмъ, Чесалкинъ, приглашая жестомъ руки войти въ залу, освѣщенную керосиновой лампой.— Чайку не прикажете ли, а покамѣстъ водочки — согрѣться. Истинный Богъ, это очень пользительно!

Дьяконъ крикнулъ.

— Эй, Матреша! продолжалъ Чесалкинъ, отворивъ дверь въ стѣни.— Поскорѣй самоваръ согрѣй, да принеси-ка сюда водочки, да огурчиковъ, что ли, накроши на закусочку... Скорѣй, скорѣй!.. Ужь извините, прибавилъ онъ, обращаясь къ намъ. — Не высите, чѣмъ Богъ послалъ.

Мы вошли въ залу. Это была небольшая комната, теплая, свѣтлая, чистенькая. Брусовыя стѣны ея были нештукатурены, мебелировка купеческая. Въ переднемъ углу—высокій кіотъ съ образами въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ и въ массивныхъ позолоченныхъ рамкахъ съ причудливой рѣзбой; передъ иконами теплилась лампадка. Возлѣ кіота, по стѣнамъ, развѣшаны картинки духовнаго содержанія: эпизоды изъ жизни Сергія Радонежскаго, какого то схимника, принимающаго въ своей кельѣ императора Александра I, передъ отъѣздомъ его въ Таганрогъ; картинка, изображавшая старца Саровской Пустыни Серафима, кормящаго въ лѣсу медвѣда и проч. У лѣвой стѣны помѣщался длинный неуклюжій диванъ, передъ нимъ овальный столъ, тяжелый, массивный, изъ краснаго дерева, накрытый пестрой салфеткой. Надъ диваномъ два масляные портрета: супруги Чесалкина, а съ боку масляный же портретъ какого-то фертомъ подбоченившагося гусара, въ старинномъ гусарскомъ мундирѣ. Подальше, въ углу, шкафъ, сквозь стеклянныя двери котораго выглядывала разная чайная посуда и нѣсколько серебрянныхъ ложекъ. На окнахъ торчали: герань, бальзамины и, конечно, плющъ расправленный по стѣнамъ. Въ комнатѣ пахло кипарисомъ и деревяннымъ масломъ, но за то въ ней было такъ тепло, что мы съ дьякономъ, прозябшіе и промокшіе, словно въ рай попали.

Семень Иванычъ Чесалкинъ былъ купецъ плотный, приземистый, съ коржавымъ лицомъ, почти сплошь заросшимъ волосами (у него даже на носу росли волосы), кудрявый съ просѣдью, носившій рядъ посрединѣ головы, но весьма рѣдко причесывавшійся и замѣнявшій гребенку руками. Узкіе глазки его, со складочками близъ угловъ, такъ и бѣгали въ разныя стороны и какъ-то особенно лукаво выглядывали изъ-подъ мохнатыхъ бровей (точно мышонокъ изъ норки). Сюртуки носилъ онъ длиннополые, всегда замасленные, штаны, однако, выправлялъ, какъ онъ выражался, *на улицу*. На шею накручивалъ большую, шелковую грязную косынку чернаго цвѣта. Семень Иванычъ былъ настоящій православный, богомольный, усердный; въ церковь ѣздилъ всякій праздникъ и становился обыкновенно на лѣвомъ клиросѣ; крестное знаменіе начиналъ съ макушки и, перенеся руку на животъ, на мгновеніе приостанавливался, крѣпко прижимая пальцы къ животу, затѣмъ быстро перемахивалъ съ права на лѣво, наклонялъ голову, а, немного погодя, поднималъ ее, смотрѣлъ на самыя высокіе образа, что то нашептывалъ и затѣмъ снова начиналъ съ макушки. Послѣ возгласа священника, во время великаго выхода: «вась и всѣхъ православныхъ христіанъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ», Чесалкинъ довольно громко говорилъ: — «Священство твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ», причемъ наклонялъ голову и растопыривалъ руки, немного относя ихъ назадъ. Молебны и панихиды служилъ онъ безпрестанно, поминки справлялъ чуть ли не каждую недѣлю, причемъ стѣдалось и выпивалось всякой всячины видимо не видимо; подъ конецъ же, достаточно понабравшись, онъ, вмѣстѣ съ духовенствомъ, становился передъ иконами и пѣлъ *чашу*, при чемъ присутствующихъ обносили чашей съ сытѣй изъ мѣа.

Нѣчего говорить, что все окрестное духовенство, которое, кромѣ того, снабжалось отъ него и мукой, и отрубями, чтило его и послѣ каждой обѣдни преподносило ему просфору. Вѣроятно, вслѣдствіе этой-то набожности, Чесалкинъ божился поминутно, и божбу эту произносилъ такъ: Истинный Богъ! мать Пресвятая Богородица! Николай-угодникъ! причемъ, когда былъ дома, указывалъ на вѣоть, въ которомъ помѣщались означенныя иконы въ томъ самомъ порядкѣ, въ которомъ онъ ихъ поминалъ, крестился и какъ будто хотѣлъ этимъ выразить: «вотъ, дескать, и свидѣтели есть, если вы мнѣ не вѣрите».

Купечество тоже не менѣе святыхъ отцовъ уважало Чесалкина и, несмотря на то, что ему было за пятьдесятъ, называло его отличнымъ парнемъ, хозяйственнымъ человѣкомъ и всегда

почти прибавляло при этомъ: — «и *чудака-шолова!*» И дѣйствительно, Чесалкинъ былъ *чудака-шолова*, по крайней мѣрѣ, умѣлъ при надобности прикинуться таковымъ. Кромѣ мельничнаго дѣла, т. е. перемалыванія разныхъ сортовъ крупчатыхъ *мука*, Семень Иванычъ занимался прасольствомъ и ежегодно, передъ наступленіемъ весны, отправлялъ своихъ ребятъ, т. е. сыновей, въ орду или на Донъ для закупки рогатаго скота, который перегонялъ къ себѣ, нагуливалъ, а затѣмъ осенью или билъ его (это онъ называлъ свѣжевать скотину), или живьемъ отправлялъ въ Москву и постоянно жаловался, что несетъ убытки и что годъ *надо бы хуже, да нѣкуда*.

— Истинный Богъ, мать Пресвятая Богородица и Николай угодникъ, убытки, вѣрно говорю вамъ убытки, *операция* самая нестоящая. Истинный Богъ, доложу вамъ, скотина къ ножу пришла во столько-то рублей! Вотъ и выручайте какъ знаете. Говорю вамъ, истинный Богъ, все это бросить надоть — одно слово! Только вотъ привычка! Какъ мы мужики есть, словомъ дурачѣ... вотъ одно!

Голосъ у Семена Иваныча былъ зычный, и потому на базарахъ, которые въ Макаровѣ бываютъ очень людны, какъ только Семень Иванычъ начнетъ божиться, такъ божба эта разлеталась по всѣмъ концамъ базарной площади, и тарханы, слышавъ ее, скалили зубы: ну, дескать, Семень Иванычъ пшеничку покупаешь! И дѣйствительно, смотришь, поймалъ Семень Иванычъ какого нибудь мужичка и торгуетъ у него пшеничку. Въ это время, Чесалкинъ — самъ не свой. Машетъ руками, вспрыгиваетъ на воздухъ, кричитъ, божится, крестится, ругается, хлопаетъ мужика по ладони, называетъ его то православнымъ, то татаринкомъ, на которомъ креста нѣтъ, то роднымъ, то любимымъ, то свиньей, снимаетъ при этомъ шапку, съ сердцемъ бросаетъ ее объ землю, хватается подъ уздцы лошадей, заворачиваетъ ее по направленію къ мельницѣ. Мужикъ и руками, и ногами — не тутъ-то было. Чесалкинъ оборачиваетъ къ себѣ мужика спиной, отмѣчаетъ у него на полушубкѣ мѣломъ, за какую цѣну сладилъ пшеничку, и по затылку гонитъ его съ базара на мельницу.

— Вези, тамъ примуть и разочтутъ! Мужикъ, съ цифрами на спинѣ, отправляется на мельницу, а Чесалкинъ переходитъ къ другому возу, и повторяется та же исторія, только потъ градомъ льетъ съ него, какой бы морозъ ни былъ.

— Ну, ужъ базаръ только задался! проговорить бывало Чесалкинъ, возвратясь домой. — Сорокъ потѣвъ съ потѣмъ сошло, истинный Богъ, сорокъ!

Между тѣмъ, Матреша, которая оказалась самой толстой Матреной съ рыбымъ лицомъ и бельмомъ на глазу, какъ будто въ глазу у нея торчала, вмѣсто зрачка, оловянная солдатская пуговица, успѣла уже поставить на столъ графинчикъ съ какой-то бурой настойкой и тарелку съ крупно накрошенными солеными огурцами. Чесалкинъ зажегъ двѣ стеариновыя свѣчи, чинно до того времени стоявшія на столикѣ передъ зеркаломъ, и поставилъ ихъ по бокамъ графина съ водкой.

— Пожалуйте-съ, проговорилъ онъ, наливъ три огромныя рюмки и жестомъ руки указалъ на нихъ.

Мы выпили.

— Майская, проговорилъ Чесалкинъ.— На майскихъ травахъ настоящая, самая цѣлебная, отъ пятидесяти пяти недуговъ помогаетъ.

И затѣмъ у насъ пошла бесѣда.

Чесалкинъ говорилъ безъ умолку. Началъ разспрашивать насъ про нашу рыбную ловлю, много ли наловили рыбы (при чемъ дьяконъ еще пуще разошелся), не было ли особыхъ какихъ приключеній, какъ будто злодѣй не видалъ, въ какомъ явились мы видѣ! Затѣмъ началъ рассказывать про свое житье-бытье, про убытки, про то, сколькоихъ онъ родственниковъ лишился и похоронилъ на свой счетъ, не считая двухъ умершихъ женъ, которыхъ тоже похоронилъ благородно, какъ слѣдуетъ, ничего не требуя отъ ихъ родителей, которые, еслибы имѣли совѣсть, все-таки должны бы были помочь. Какъ онъ мужиковъ любить, хотя ихъ, мерзавцевъ, по правдѣ сказать, и любить-то не за что, потому что готовы снять съ тебя послѣднюю рубашку (при чемъ взялъ себя за бортъ сюртука и показалъ, какъ это дѣлается), и, наконецъ, вончилъ тѣмъ, что слѣдуетъ онять выпить, и налилъ опять три рюмки.

— А что это у васъ за портреты? спросилъ я, взглянувъ на два женскіе портрета.

Семень Иванычъ глубоко вздохнулъ и сложилъ руки крестообразно на груди.

— Это-съ—покойница первая супруга моя, Агафья Семеновна, царство ей небесное!

— Оба портрета ея?

— Оба-съ. Вотъ на эфтомъ-съ онѣ были еще невѣстой. Вотъ изволите видѣть и надпись есть: *посмяю*, и онѣ провель пальцемъ по надписи. А на эфтомъ-съ онѣ изображены уже послѣ бракосочетанія (должно быть, съ недѣльку опосля писанъ былъ) и по этому самому надпись: *посмянула*. Чесалкинъ опять вздохнулъ и добавилъ: — славная была дама!

Истинный Богъ, вотъ вамъ мать Пресвятая Богородица и Николай-угодникъ, такихъ дамъ нынче не найти съ. Пожалуйте еще по одной-съ. За упокой души, царство небесное!

Выпили и помянули.

— А гдѣ же теперешняя жена ваша? спросилъ я.

Чесалкинъ только рукой махнулъ.

— Тамъ на другой половинѣ съ! проговорилъ онъ. — Да что! никакого толку нѣтъ, хвораетъ все. Все одно: что холостой, али вдовый! Истинный Богъ, все одно!

— Что-же съ ней? спросилъ я.

Но Чесалкинъ, вмѣсто отвѣта, указалъ на дьякона,

— Вотъ спросите отца дьякона, проговорилъ онъ. — Отче знаетъ, а мнѣ тяжело говорить. Истинный Богъ, мать Пресвятая Богородица, тяжело, а вотъ спросите его. Онъ священный санъ носить и не солжетъ, а мнѣ тяжело, потому конецъ мнѣ извѣстень.

— Чахотка съ ней, промывчалъ дьяконъ.

— Ну, вотъ съ, подхватилъ Чесалкинъ: — вѣрно-съ; и докторъ Бѣгучевъ тоже опредѣлилъ такъ-съ. А вотъ покойница, вторая супруга моя, Дарья Федоровна—та, напротивъ того, отъ водянки скончалась. Все, значить, разными болѣзнями мрутъ. Одна худѣетъ, другая пухнетъ.

Чесалкинъ опять выдохнулъ и, посмотрѣвъ еще разъ на портретъ своей первой супруги, проговорилъ:

— А ужъ до этой, до Агафьи Семеновны, обѣимъ супругамъ моимъ далеко, какъ кулику до петрова дна! истинный Богъ!

Потомъ вдругъ, обернувшись на одной ножкѣ къ дьякону, онъ добавилъ:

— Отецъ! ты и живописца-то знаешь, который эти самые портреты писалъ.

— Почему я знаю! буркнулъ дьяконъ.

— Вотъ тѣ здравствуй! подхватилъ Чесалкинъ.—Зубриловскаго-то живописца не знаешь, Ивана-то Ефимыча?

— О, знаю! проговорилъ дьяконъ.—Его господа все Иоганіусъ Ефиміусъ зовутъ.

— Ну, вотъ, вотъ онъ самый. А вотъ это, проговорилъ Семенъ Иванычъ, указывая на портретъ гусара:—это - покойникъ Алексѣй Семенычъ, Хабебуловъ князь... Турецкаго происхожденія говорятъ былъ, но добрыйшій баринъ, царство ему небесное. Покойникъ здѣсь въ Макаровѣ постоянно жилъ и кости свои тутъ сложилъ. Ну, а сынки-то не полюбили что-то Макарово. Приѣзжали года три тому назадъ, пробыли дня четыре и опять уѣхали. Одинъ изъ нихъ анженеромъ гдѣ-то служить, слышно

дорогу желѣзную вѣдетъ, а другой по судейской части, въ окружномъ, значить, судѣ гдѣ-то. Ловкіе хваты такіе. Пріѣхали, сейчасъ домъ продали на словъ, роцца передъ домою была хорошая липовая, дорожки по ней при покойникѣ были разбиты, бесѣдочки разныя настроены... роццу эту тоже на срубъ продали. Я было торговалъ ее, да не пришлось дѣло; а дорожке всѣхъ давалъ, истинный Богъ, дорожке всѣхъ!

— Отчего-же они вамъ не продали?

— Не потрафилъ имъ маленько, они и не продали.

— Чѣмъ-же не потрафилъ?

— Да воиъ черезъ эту самую мельницу, что-бы ей пусто было! Показалось имъ, изволите видѣть, что я дешево арендую ее (мельница-то ихъ). Ну, они и призвали меня къ себѣ. Такъ и такъ, говорятъ, дешево ты мельницу у отца снялъ; возьми, говорятъ, отсталого; нарушимъ контрактъ... А я говорю: какъ-же такъ? мнѣ вѣдь десять лѣтъ еще держать ее... И не согласился; они и осерчали.

— А вы сколько платите?

— Пять сотенныхъ.

— Ну, конечно, дешево!

Семень Иванычъ даже съ мѣста вскочилъ и подбѣжалъ къ сбразницѣ.

— Истинный Богъ, мать Пресвятая Богородица и Николай-угодникъ! хотите вѣрите, хотите нѣтъ... Самая эта мельница не стоитъ того, чтобы ею заниматься—пустое дѣло! А, такъ, значить, привычка—привыкъ къ здѣшнему мѣсту; опять и супруги здѣсь обѣ похоронены; ну, и храмъ Божій близко, участочекъ земли свой неподалеку... А кабы не это, бросилъ бы все давно... пропади она пропадомъ! Вѣдь мнѣ и передъ князьями-то совѣстно было, отказать то, то есть, такъ стыдно было, истинный Богъ, стыдно! Ну, такъ стыдно, просто лучше бы сѣвозъ землю провалиться! Эхъ, года-то сударь не тѣ, что прежде были. Прежде мужикъ-то самъ съ хлѣбомъ набивался, а новѣ ты самъ поѣжай къ нему, да еще когда-то его, жиды, съ печки стащашь! Истинный Богъ, правду говорю. Пшеничка-то—глядѣть на нее не стоитъ, а онъ гнетъ цѣну, какъ за хорошую. Плюнешь да и пойдеши!—И Семень Иванычъ дѣйствительно плюнулъ и показалъ, какъ онъ отъ мужика уходитъ. Но, дойдя до двери, онъ быстро обернулся.

— Пожалуйте! проговорилъ онъ, наливая рюмки.

Я отказался.

— Еще по одной-съ!

— Нѣтъ, благодарю, не могу.

— Ну, ты, отецъ! проговорилъ Семень Иванычъ, обращаясь къ дьякону.

Дьяконъ вдругъ захохоталъ и подошелъ къ столу. Развеселился, значитъ.

— Ну, ужъ доложу вамъ, ваше высокоблагородіе, заговорилъ Семень Иванычъ, обращаясь ко мнѣ и показывая на дьякона рюмкой:-- рѣдкостный дьяконъ у васъ, краса церкви, истинный Богъ, краса церкви. Хоть завидовать и грѣшно, а я завидую.

Дьяконъ захохоталъ еще громче и выпилъ рюмку.

— По мнѣ, продолжалъ Чесалкинъ: — въ службѣ нѣтъ того пріятнѣй, какъ, чтобы дьяконъ былъ басистый, да чтобы звонъ хорошій былъ.. пѣвчіе тоже... Вотъ ужъ насчетъ этого поманешъ покойника князя! Любилъ онъ это, царство ему небесное! И Семень Иванычъ выпилъ.— Да ты, отецъ, обратился онъ вдругъ къ дьякону:—засталъ чтò ли его, али нѣтъ?

— Еще бы! Служилъ сколько разъ при немъ, проговорилъ дьяконъ, окончательно забывшій уже про неудачу: — разъ онъ мнѣ даже какъ-то бычка подарилъ. Вотъ, говорить, у тебя голось какъ у быка—такъ и дарю тебѣ бычка.

И оба захохотали.

— Чудакъ покойникъ былъ, царство ему небесное! проговорилъ Семень Иванычъ, перекрестившись и подойдя ко мнѣ:— разъ какую, доложу вамъ, штуку отмочилъ.

Дьяконъ даже впередъ захохоталъ, какъ будто заранѣе зналъ, какую отмочилъ онъ штуку.

— Былъ онъ, доложу вамъ, охотникъ большой и борзья собаки были у него рѣдкостныя.

— Это вы про охотничій праздникъ рассказать хотите? перебилъ его дьяконъ.

— Да, да.

Дьяконъ опять захохоталъ.

— Ну, вотъ, хорошо съ. Пришло первое сентября, а у охотниковъ день этотъ на манеръ праздника считается, потому что съ этого самага числа начинаютъ съ собаками охотиться. Зазвалъ къ себѣ покойникъ сосѣдей. Ну, конечно, всѣ съѣхались; только видятъ у крыльца цѣлый табунъ мальчишекъ крестьянскихъ.— «Это—чтò такое?» спрашиваютъ гости.— «А это, говоритъ князь:— борзья собаки будутъ...» Подали закуску, выпили на порядкахъ и начали собираться въ поле и даже не замѣтили, что князя нѣтъ. Садятся на лошадей, а вмѣсто борзыхъ Илюшка—охотникъ былъ у князя, каждому на сворку по два мальчива далъ.— Чтò такое? думаютъ гости! Однако, выѣхали на зелена и стали ровняться. Илюшка ѣдетъ съ боку. Вдругъ остановилъ лошадь

и поднялъ арапникъ.— «Ату его! кричить.— Ааа-ту его!» подозрѣлъ, значитъ, звѣря и махаетъ господамъ шапкой, чтобы зарѣзали, значитъ, кругомъ. Господа окружили... Смотрать, бѣлѣтся, что-то въ озимяхъ и таятся. Илюшка подѣбхалъ ко этому мѣсту... Ату его! да какъ хлопнетъ арапникомъ — князь и выскочилъ! А это онъ, на мѣсто зайца, залегъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, съ позволенія связать! Какъ пошелъ, какъ пошелъ по полю нашъ князь, мальчишки за нимъ, онъ отъ нихъ, бѣжить, бѣжить да вдругъ къ верху махнетъ и опять пустится. Мальчишки начнутъ наступать, совсѣмъ ужъ схватятъ нарывать, вдругъ князь бацъ на землю, мальчишки черезъ него кубаремъ, а онъ опять назадъ лупить! Илья на лошади скачетъ, ату, ату, ату его! кричить! Ужъ моталъ, моталъ князь этихъ мальчишекъ; наконецъ, сгрудили они его, повалили и давай тянуть кто за руку, кто за ногу, а Илья соскочилъ съ лошади, выхватилъ изъ за пояса бутылку рому и прямо горлышкомъ князю въ ротъ, прикололъ значитъ! А господа-то стоятъ и помираютъ со смѣху. Истинный Богъ, правду говорю!

Дьяконъ хохоталъ уже давно, поджавъ животъ руками, и почти къ колѣнамъ пригнувъ свое лицо.

— Вотъ какой былъ чудакъ покойникъ. А ужъ собакъ любилъ до страсти; въ особенности одинъ кобель у него былъ, Полканомъ звали...

— Дымчатый! подхватилъ дьяконъ.

— Разъ этого кобеля волкъ было утопилъ.

— Какъ такъ? спросилъ я.

— Да такъ. Волка въ рѣку загналъ, вцѣпился ему въ горло и пошла потѣха. То Полканъ окунетъ волка, то волкъ Полкана, то Полканъ верхомъ на волкѣ, то волкъ на Полканѣ... брызги летятъ въ разные стороны. — А покойникъ стоитъ на берегу, схватилъ себя такимъ манеромъ за волосы, топаётъ ногами и кричить: — «Десяти тысячъ не возьму съ тебя, подлеца, коли утопишь Полкана!» — Однако, вытащилъ Полканъ волка на берегъ, пригнувъ къ землѣ и князь зарѣзалъ его.

Вошла какая-то худая, блѣдная женщина, накрытая платкомъ, отперла шкафчикъ, погрѣмѣла ложечками и, закашлявшись, опять ушла куда-то.

— Третья супруга моя! проговорилъ Чесалкинъ, кивнувъ головой на дверь, въ которую ушла женщина.

— Она очень худа, проговорилъ я.

— А какая дама была? вздохнулъ Чесалкинъ:— блѣлая, румяная, кровь съ молокомъ... Груды были — вотъ!... и Чесалкинъ показалъ какія были у его третьей супруги груды.— А теперь куда

все дѣвалось! А ужь какъ пѣла распрекрасно, голосъ какой былъ, тоненькій да звонкій. Я, знаете, любитель пѣнія, истинный Богъ, любитель, а теперь вотъ лишился этого удовольствія... Изволили слышать, какъ кашляетъ? И кровью харкаетъ.

И онъ развелъ врозь руками, потомъ перекрестился, вздохнулъ и, указавъ на образа, проговорилъ:

— Повораясь! Буди его святая воля, повораясь! истинный Богъ, повораясь! потому, значить, ничего не подѣлаешь!

Вошла Матреша и подала чай.

— Передъ чаемъ-то? проговорилъ Чесалкинъ, наливая водки. Я отказался.

— Ну-ка, отче, протащимъ!

— За упокой, нешто, князя?

— Царство небесное! проговорилъ Чесалкинъ, перекрестился и выпилъ.—Доброй души былъ человекъ, началъ онъ, взявъ стаканъ чая:—никому, кажется, зла не сдѣлалъ, окромя того, какъ всѣмъ благодѣлствовалъ! Огнемъ ли Господь кого накажетъ, лошадь-ли у кого околѣетъ, сѣмянъ-ли нѣтъ у кого—сейчасъ всего дастъ. «На, говорить, бери, собачій сынъ, поправляйся! Поправившись — отдай смотри, а не отдашь, такъ подавись»... Истинный Богъ, правду говорю! За то ужь и тужили всѣ, когда онъ померъ.. Народищу этого привалило на похороны! Со всего, кажется, округа собрались... Да вѣдь ты, кажется, былъ, отецъ, на похоронахъ-то?

— Еще-бы! и первенствовалъ, и псалтырь надъ нимъ читалъ! проговорилъ дяконъ, съ достоинствомъ растопыривъ усы.

— Никакъ цервахъ въ пяти сорокоустъ былъ завазанъ.

— Въ шести! перебилъ дяконъ.

— И все больше мужики! Не повѣрите-ли, дѣлами обществами заказывали! Ужь нечего, надо правду сказать, добрый былъ человекъ, даромъ, что чудакъ. Чего! вдругъ вскрикнулъ Чесалкинъ.—Меня было разъ арапникомъ выпоролъ, истинный Богъ, такъ; ужь кое-какъ отдѣлался!

— За чтò же? спросилъ я.

Но Семень Иванычъ только рукой махнулъ: долго, дескать, рассказывать, а что было, то прошло!

Въ это время пробило двѣнадцать часовъ, глаза у меня закрывались. Я попросилъ позволенія лечь и дать мнѣ подушку. Но дѣло вышло не такъ. Семень Иванычъ бросился за перегородку, крикнулъ Матрешу, еще какого-то парня въ мукѣ, кинулся въ сѣни, и суматоха пошла на весь домъ! Семень Иванычъ воротился, отодвинулъ столъ, на которомъ стояла водка, при чемъ по дорогѣ выпилъ съ дякономъ по рюмочкѣ (чтобы

не расплескалась, значить); парень въ мукѣ приставилъ къ дивану нѣсколько стульевъ; снова вошла супруга Семена Иваныча, позвенѣла ключами, пощелкала замками и ушла, а Матреша тащила, между тѣмъ, такой величины пуховикъ, что на сиду съ нимъ въ дверь пролѣзла; взвалила пуховикъ на диванъ, а Чесалкинъ, успѣвшій уже сбѣгать за перегородку, накрылъ пуховикъ чистой простыней, приказалъ Матрешѣ живой рукой тащить подушки и одѣяло, и вотъ, какъ будто по волшебству, въ какихъ нибудь пять минутъ, передо мною какъ изъ земли выросла постель, пуховикъ которой возвышался до самыхъ портретовъ Агафьи Семеновны съ надписями: посягаю и посягнула.

— Чайку еще не прикажете-ли? приставалъ Чесалкинъ.

— Нѣтъ, благодарю.

— Ну, водочки на сонъ грядущій! Ужь извините, больше просить не чѣмъ.

— Нѣтъ, и водки не хочу.

— Ну, а мы какъ, отче? спросилъ Семень Иванычъ и подмигнуть.

— Ничего.

— Значить, можно?

— Даже должно.

— Такъ давай, чекнемся.

Чекнулись и выпили.

— Мы теперь, дьяконъ, съ тобой пойдѣмъ спать на мою половину. Тамъ и тепло, и не дуетъ.

— Это ничего. Теперь не дурно лечь на ложе безопасности и на подушку упованія!

— Только ты, никакъ, безъ сорочки?

— Какъ есть въ чемъ мать родила!

— Ну, я тебѣ дамъ свою, пойдѣмъ... Графинчикъ-то захвати, можетъ, пригодится. Мы еще съ тобой *чашу* споемъ.

— И это можно, проговорилъ дьяконъ, забирая графинъ и рюмки.

Семень Иванычъ потушилъ лампу и, пожелавъ мнѣ покойной ночи, ушелъ съ дьякономъ. Вошла Матреша, что-то сунула подъ диванъ и скрылась. Немного погодя, я лежалъ уже, какъ говорить дьяконъ, на ложѣ безопасности и на подушкахъ упованія, и откровенно сказать ничуть не досадовалъ, что это ложе состояло изъ мягкаго пуховика и таковыхъ же подушекъ. Я потушилъ свѣчу, и все затихло. Только снаружи доносился шумъ падающей на колеса воды, да хлопанье мельничныхъ ситъ. Изрѣдка вскрикивали гуси.

Несмотря на усталость, я проснулся довольно рано, потому

*

что, насколько купеческіе дома щеголяютъ пуховиками, настолько же диваны ихъ изобилуютъ клопами. Розыскавъ свое платье, которое, какъ оказалось, уже просохло, я одѣлся и вышелъ на воздухъ. Утро было восхитительное; туманъ разстился надъ Ильменемъ, то поднимаясь и выказывая зеркало воды съ разбросанными здѣсь и тамъ камышами, то опускаясь пеленой и закрывая все отъ любопытнаго взгляда. Мельница и вообще все мельничное строеніе, въ томъ числѣ и брусовой новенькій флигель, отлично покрытый соломой, съ рѣзнымъ крылечкомъ и зелеными ставнями, смотрѣли весело и уютно, прижимаясь другъ къ другу, чтобы теплѣе было въ это свѣжее осеннее утро. Громадныя старыя ветлы возвышались здѣсь и тамъ, далеко раскидывая въ воздухѣ свои чудовищныя вѣтви. Листъ на нихъ уже желтѣлъ и, падая на землю, покрывалъ ее желтымъ ковромъ. Мужики, покрытые мукой, сустились вокругъ мельницы, то взбѣгая по лѣстницѣ на вышку, то спускаясь внизъ и исчезая въ растворенной мельничной двери. Колеса шумѣли, сита дружно и торопливо стучали, какъ будто стараясь заглушить послѣдній стукъ ковша. Возлѣ хлѣбныхъ амбаровъ, покрытыхъ желѣзомъ, стояли нѣсколько возовъ съ пшеницей; приказчикъ насыпалъ пшеницу въ мѣру, ставилъ на косяки мѣломъ кресты и палочки, и выкрикивалъ: пятая, шестая, седьмая! а мужики таскали пшеницу въ амбаръ.

Я пошелъ къ озеру и, немного погодя, былъ возлѣ нашей лодки; штукъ пять огромныхъ лохматыхъ собакъ стояли поодаль и лѣниво лаяли, посматривая на меня. Но что за великолѣпная картина была передо мною! Что за прелесть это громадное озеро, берега котораго покрыты густымъ лѣсомъ, а хвостъ котораго сливался съ горизонтомъ. Что за оригинальныя глинистыя краснаго цвѣта горы на лѣвой сторонѣ и какъ оригинально раскинулось на нихъ село Макарово съ старинной церковью. Но селенія собственно теперь не видно, оно задернуто туманомъ; за то церковь возвышается надъ нимъ и, кажется, будто стоитъ на облакахъ. На гравюрахъ, издаваемыхъ Кіевской Лаврой, часто встрѣчаются такіе рисунки. Но вотъ туманъ исчезаетъ и открывается село Макарово, изрытое оврагами и зеленѣющими садами. А вотъ, должно быть, и то мѣсто, на которомъ была когда-то усадьба князя Хабебулова. Именно это и должно быть оно, потому что виднѣется остатокъ какого-то флигеля съ одними стропилами, вмѣсто крыши, и съ окнами безъ рамъ, точно какой-то остовъ! Неподалеку отъ него кирпичный фундаментъ, наполовину развалившійся, изъ середины котораго торчатъ три-четыре печи. Передъ фундаментомъ, по склону горы, на простран-

ствѣ двухъ, трехъ десятинъ, торчали пни отъ срубленнаго парка, которымъ когда-то любовался и тѣшился этотъ князь-чудакъ, сказавшій зайцемъ и о которомъ мужики цѣлыми обществами служили сорокоусты.

— Чья это усадьба? спросилъ я бабу, подошедшую къ озеру за водой, показывая ей на развалины.— Не князя-ли?

— Яво! отвѣчала баба и, почерпнувъ ведрами воды, подцѣпила ихъ коромысломъ, положила коромысло на плечо и, степенно переваливаясь, пошла по направленію къ мельницѣ, оставляя на пескѣ огромные слѣды лаптей.

Я тоже пошелъ за ней, но, едва только поднялся на плотину, какъ услышалъ шумный говоръ мужиковъ, покрываемый зычнымъ голосомъ Семена Иваныча, кричавшаго что было мочи: истинный Богъ, мать Пресвятая Богородица и Николай-угодникъ! говорю вамъ недосугъ, недосугъ, приходите вечеромъ, обиды не будетъ никакой!

— Нѣтъ, ты все-таки тово! шумѣли мужики.— Ерлычки намъ выдай!

— Истинный Богъ, говорю вечеромъ.

Подойдя къ мельницѣ я увидалъ Семена Иваныча въ мерлушчатомъ нанковомъ халатѣ, въ которомъ вчера шеголялъ дьяконъ окруженнаго мужиками. Мужики галдѣли, шумѣли, а Семень Иванычъ посреди ихъ, оборачиваясь то на ту, то на другую сторону, божился, поднимая руки къверху, и какъ будто вскады вался на воздухъ. Дьяконъ стоялъ на крылечкѣ и, прислонясь къ колонкѣ, грызъ подсолнечники, далеко отплеывая скорлупу.

— Истинный Богъ! раздавалось въ воздухѣ.

— Нѣтъ, все-таки ты намъ тово, ерлычки выдай...

— Мать Пресвятая Богородица! галманы вы проклятые, черти окаянные, истинный Богъ черти! Говорать, вечеромъ!

И, увидавъ меня, Семень Иванычъ растолкалъ мужиковъ и подошелъ ко мнѣ.

— Пожалуйте-сь, проговорилъ онъ:— самоварчикъ кипить.

— Чтò это у васъ тутъ за шумъ? спросилъ я.

— Да такъ ничего-сь. Истинно говорю, кажется, никакого бы жалованья не взялъ, чтобы съ этими мужиками разговаривать. Вѣрите-ли, вотъ вамъ истинный Богъ, даже въ глоткѣ пересохло! Мужики все шумѣли.

— Да чтò такое? спросилъ я.

— Не стоитъ рассказывать, истинный Богъ, не стоитъ-сь, потому что мнѣ стыдно, вотъ вамъ мать Пресвятая Богородица, стыдно беспокоить васъ этими самыми пустяками!

И, сложивъ на груди крестомъ руки, Семень Иванычъ наклонилъ голову и сдѣлалъ продолжительный поклонъ:—извините,

дескать, за беспокойство! Но потомъ вдругъ, какъ бы опомнившись, схватилъ меня подъ руку и проговорилъ:—пожалуйте чай купать, не стоитъ этими мужиками заниматься!

Но мужики все не унимались, залѣзли въ сѣни и подняли шумъ въ сѣняхъ, поминая все какіе-то ерлыки. И только тогда шумъ затихъ, когда Семень Иванычъ, выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія и совершенно застыдившійся меня, приказалъ молодцамъ прогнать ихъ и объявить:—пускай, дескать, вечеркомъ зайдутъ.

Черезъ полчаса, напившись чаю, мы съ дьякономъ стали собираться домой. Семень Иванычъ предлагалъ намъ заложить *лошадку*, но, такъ какъ утро было превосходное, то мы и предпочли плыть на лодкѣ. Нашу благодарность за ночлегъ Семень Иванычъ и слышать не хотѣлъ и, зажавъ уши, говорилъ:—я, истинный Богъ, долженъ благодарить васъ, а не вы меня! я долженъ благодарить васъ, я, я, что не побрезгали мной-мужикомъ, вѣдь мы—мужики-съ, чего мы понимаемъ! Вотъ вамъ мать Пресвятая Богородица, ничего мы не понимаемъ, какъ есть мужики, право, не лгу.

И, сложивъ руки, сталъ съ нами раскланиваться и даже проводилъ насъ до лодки.

Немного погодя, мы плыли уже по озеру къ тому мѣсту, откуда вчера отправились на ловлю. Грести сталъ дьяконъ, и по этому лодка наша неслась птицей.

— Ну, что, пѣли вчера *чашу*? спросилъ я.

— Всего было! отвѣчалъ онъ и захохоталъ.

— А розонбе?

— Нѣтъ, ужъ мы послѣ на наливку налегли.

— Усердно?

— Ничего, бутылочки, должно быть, три, четыре разгрызли. Потомъ кизлярки, должно быть, съ полбутылки осушили!

— А голова не болитъ?

— Ну! мы чай ужъ поправились сегодня.

— Какъ, успѣли ужъ?

Но дьяконъ, вмѣсто отвѣта, опять захохоталъ.

— Да когда-же? допрашивалъ я его.

— Много на это времени надо! Вы когда на крыльцо-то вышли, мы ужъ по четвертой протаскивали, а покамѣстъ у озера-то стояли, еще по двѣ чебурахнули!

И опять дьяконъ захохоталъ.

— А изъ чего мужики-то шумѣли?

— Да видите-ли, началъ дьяконъ:—пшеницу они ссыпали, а за расчетомъ онъ велѣлъ имъ вечеромъ придти—ну, они и просили, чтобъ онъ имъ ерлычки выдалъ покуда.

— Изъ этого только?

— Только и всего! И чудакъ только!

— Кто?

— Да этотъ Чесалкинъ! Вчера, какъ вступило ему въ чердакъ-то, онъ и давай жену съ постели подымать...

— Да вѣдь она больна?

— Ничего, говорить—вставай, поразвеселись, спой пѣсню!

• — И пѣла?

— Пѣла. Пой, говорить, повинуйся—я глава твоя!

— И что же?

— Ничего, одну пѣсню пропѣла, а другую ужъ не могла, закашлялась очень, и кровь горломъ пошла... Вотъ, говорить, отецъ, смотри какое мое есть счастье на свѣтѣ! И заплакалъ.—Должно быть, говорить, это она послѣднюю пѣсенку сыграла! И опять заплакалъ, а ее на рукахъ вынесли.

— Да что же, я не слыхалъ вашихъ пѣсень?

— Да вѣдь мы ушли въ привязчій флигель!

— И жену туда?

— И ее туда.

Картъ данный ему приказъ исполнилъ въ точности, т. е. преспокойно спалъ себѣ вверхъ брюхомъ на телегѣ и даже не слыхалъ, какъ мы подплыли къ берегу. Немного погодя, взваливъ лодку на телегу и заложивъ лошадь, мы отправились домой.

Прошло съ недѣлю послѣ описаннаго; входитъ ко мнѣ дьяконъ. Лицо его было озабоченно, даже что-то важное проглядывало въ немъ. Не поздоровавшись, онъ подалъ мнѣ, какую-то бумажку.

— Это что такое? спросилъ я.

— Почитайте-ка.

Я развернулъ бумажку. Это была повѣстка мирового судьи, которую вызывался я въ судъ въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу о неразсчетѣ купцомъ Чесалкинымъ крестьянъ деревни Потрясовки за купленную пшеницу.

— И мнѣ такая-же! проговорилъ дьяконъ, когда я прочелъ повѣстку.—Давайте ѣхать, разборъ сегодня.

Я приказалъ заложить тарантасъ, и вскорѣ мы были уже у судьи, до камеры котораго было версты три.

Усадьба судьи была совершенно новенькая, съ иголочки, какъ говорится, да и самъ судья былъ тоже человѣкъ новенькій съ иголочки, такъ какъ недавно акклиматизировался въ нашей мѣстности, женившись на вдовѣ нашего землевладѣльца и вслѣдствіе этого получивши цензъ. Все въ усадьбѣ смотрѣло чисто, аккуратно. Всѣ крыши были выкрашены яркой красной краской и какъ будто покрыты лакомъ (я и краску такую видѣлъ только

на игрушках). Соломенныхъ крышъ и плетней не полагалось. Домикъ судьи имѣлъ видъ шалё, тоже съ красной крышей и рѣзбой на карнизахъ и балкончикахъ, выкрашенной подъ дубъ. Надъ балкончиками, которыхъ было нѣсколько, были натянута парусинные съ фестонами навѣсы, набрасывавшіе пріятную тѣнь. Передъ домомъ—садики, обнесенный зеленой рѣшеткой, съ правильно разбитыми, утрамбованными и усыпанными золотистымъ пескомъ дорожками и съ красиво стриженными деревьями. Здѣсь и тамъ пестрѣли клумбы цвѣтовъ. Передъ балкономъ небольшой фонтанчикъ, бассейнъ котораго окаймлялся кольцомъ изъ разноцвѣтныхъ дикихъ камней. Флигеля, конюшни и каретный сарай были покрыты финляндскими крышами (или, какъ здѣшніе плотники называютъ, *виглянскими*, вѣроятно, производя это названіе отъ глагола *вихлять*). Крыши эти тоже были окрашены красной краской и какъ будто покрыты лакомъ. Неподалеку отъ дома были устроены качели и гимнастика. По двору ходили куры, превосходные брамапутры, и тоже какъ будто были раскрашены. У колодца кучеръ въ бѣломъ чистомъ фартукѣ и шерстяной фуфайкѣ (какія въ Петербургѣ носятъ дворники) помѣлъ отличнаго сѣраго жеребца съ прочными ногами и энергичнымъ взглядомъ. Возлѣ каретника, другой кучеръ, тоже въ фартукѣ, мылъ щегольской, совершенно новенькій фазтовъ съ ярко блестящими фонарями. Словомъ, на что бы вы ни взглянули, на всемъ былъ отпечатокъ чистоты, опрятности и доброкачественности. На крышѣ флигеля, въ которомъ помѣщалась камера, красовалась вывѣска съ орломъ, гласившая золотыми буквами: *камера мирового судьи 6-го участка*. Затѣмъ, на входныхъ дубовыхъ и покрытыхъ лакомъ дверяхъ, мѣдная блестящая дощечка съ надписью: *входъ въ камеру мирового судьи*. Въ сѣняхъ, вдоль стѣнъ, были разставлены выкрашенные подъ дубъ скамьи, висѣло зеркало съ подзеркальнымъ столикомъ, но гребешка и щетки не было, по тому случаю, что ихъ постоянно воровали посятители. На стѣнахъ, въ хорошенькихъ дубовыхъ рамочкахъ, были развѣшаны разныя объявленія, между которыми особенно бросались въ глаза: *судебные сроки, такса о потрассахъ, правила объ охраненіи лѣсовъ отъ пожара*, и затѣмъ, писанное прекраснымъ почеркомъ объявленіе: *пріемъ прошеній, кромѣ табельныхъ и праздничныхъ дней, ежедневный, равно и разборъ дѣлъ. Судъ правый, скорый и равный для всѣхъ*. Надъ дверью, ведущей изъ сѣней въ камеру—опять дощечка, на которой по бѣлому фону написано голубой масляной краской и славянскимъ шрифтомъ: *камера*.

— Это онъ все самъ рисовалъ, проговорилъ дьяконъ шопотомъ.

— Что? спросилъ я.

— Да вотъ всё эти вывѣсочки и объявленьца, все самъ судья. Почеркъ у него великолѣпный, кисточекъ сколько разныхъ, красокъ...

Судья разбиралъ уже какое-то дѣло. Чесалкина не было, а мужики, которыхъ я видѣлъ на мельницѣ, сидѣли въ тулупахъ и сердито поглядывали въ уголь, ожидая очереди. Судья былъ молодой человекъ лѣтъ тридцати, съ прекрасными бакенбардами и довольно пріятнымъ лицомъ. Онъ былъ въ форменномъ фракѣ, изъ-подъ темнозеленаго воротника котораго выглядывали ослѣпительной бѣлизны воротнички сорочки. Знакъ на немъ былъ густо вызолоченъ и какъ то особенно красиво лежалъ на его плечахъ. Говорилъ онъ ровно, баритономъ и смотрѣлъ прямо въ глаза допрашиваемому. На судейскомъ столѣ стояла прекрасная чернильница съ часами и Фемидой, стаканъ съ множествомъ карандашей и перьевъ и судебные уставы съ 10-мъ томомъ. Прошло съ полчаса, явился и Чесалкинъ въ ласеѣ шубѣ. Войдя съ шумомъ въ камеру, онъ пріостановился, обвелъ кругомъ глазами и, увидивъ икону, засучилъ правый рукавъ и началъ креститься; затѣмъ, выйдя на средину камеры, сдѣлалъ глубокій поклонъ судѣ, а потомъ, обернувшись, трижды поклонился публикѣ и сѣлъ на скамью. Увидавъ меня, онъ мигнулъ по направлению къ мужикамъ, помоталъ головой и, перекрестившись, пожалъ плечами. Удивляюсь, дескать, истинный Богъ, удивляюсь!

Дошла очередь и до насъ. Опросивъ насъ съ дьякономъ, не родня-ли мы тяжущимся, не имѣемъ ли съ ними тяжбныхъ дѣлъ и проч., судья попросилъ насъ выйти въ свидѣтельскую комнату, на дверяхъ которой была вывѣсочка: *комната для свидѣтелей*. Несмотря, однако, на то, что дверь была затворена, голосъ Чесалкина раздавался такъ же ясно, какъ будто онъ былъ въ одной съ нами комнатѣ. Мужики рассказывали, всё разомъ, какъ было дѣло, какъ сыпали они пшеничку, по сколько каждый, какъ его степенство посулилъ разчестъ ихъ вечеромъ, какъ они просили его выдать имъ показанья ерлычяи, чтобы не съ пустыми руками оставаться, какъ онъ отказалъ имъ въ этомъ при свидѣтеляхъ (причемъ помянули насъ), и какъ, наконецъ, приходили они вечеромъ на мельницу и не дополучили по 50 к. на каждую четверть. Рассказъ этотъ Чесалкинъ поминутно прерывалъ и кричалъ, что мужики все врутъ, что расчелъ онъ ихъ честно, благородно, что другихъ денегъ платить не намѣренъ. Какъ судья ни старался уговорить Чесалкина не перебивать крестьянъ, какъ ни предостерегалъ его, что въ противномъ случаѣ онъ будетъ оштрафованъ, Чесалкинъ даже и не слышалъ

ничего, кричалъ, божился; кричали и мужики, и шумъ пошелъ такой, что судья хоть бросай все и бѣги вонъ. Наконецъ, призывали меня.

— Что вамъ извѣстно по этому дѣлу? спросилъ судья. Но не успѣлъ я, какъ говорится рта разинуть, какъ Чесалкинъ уже кричалъ:

— Разсчелъ, честно, благородно... Истинный Богъ, вотъ вамъ мать Пресвятая Богородица и Николай-угодникъ! Я-бы съ нихъ тысячи рублей не взялъ, чтобы васъ безпокоить, и чтобы рядомъ стоять-то съ этими паршивцами...

— Г. Чесалкинъ, предупреждаю васъ вторично... началъ было судья, но Чесалкинъ продолжалъ:

— Тысячи рублей не взялъ-бы! Истинный Богъ, не взялъ-бы за срамоту за одну за эту самую, что я рядомъ стою съ этими поганцами...

— Г. Чесалкинъ, я... проговорилъ было судья.

— И что изъ-за нихъ, изъ-за плюгавыхъ, перебилъ его Чесалкинъ:—благородныхъ людей безпокоять... Истинный Богъ, тысячи рублей не возьму! И Чесалкинъ, обратясь лицомъ къ публикѣ, а къ судѣ спиной, началъ жаловаться публикѣ на паршивцевъ, которымъ и дѣна-то вся—грошъ желѣзный.

— Г. Чесалкинъ! я штрафую васъ на 30 к., поторопился проговорить судья:—за нарушеніе тишины въ камерѣ.

Чесалкинъ обернулся къ судѣ и, приложивъ руку къ сердцу, почтительно поклонился.

— Благодарю васъ, г. мировой судья, проговорилъ онъ.—Истинный Богъ, благодарю за ваше ученье, потому что такъ и надо учить насъ, мужиковъ. И, доставъ два патіалтынныхъ, положилъ ихъ на столъ:—«въ разсчетъ-съ!» проговорилъ онъ.

А мужики всѣ разомъ кричали:—Всѣ знаютъ, какъ ты разсчитываешься! Знаютъ всѣ, кого ни спроси! Ты и здѣсь-то вонъ какъ орешь, слова никому не дашь выговорить, а тамъ у себя на мельницѣ-то ты—воинъ!

Наконецъ, судья кое-какъ водворилъ порядокъ; всѣ замолкли и очередь дошла до меня. Я разсказалъ что зналъ. Затѣмъ былъ вызванъ дьяконъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и на вопросъ судьи, что онъ знаетъ по настоящему дѣлу, началъ разсказъ свой съ того, какъ мы поѣхали на рыбную ловлю сколько наловили рыбы, какъ увидѣлъ онъ сома, какъ обломилась острога и мы полетѣли въ воду. Какъ ни уговаривалъ его судья перейти къ дѣлу, дьяконъ продолжалъ повѣствованіе, какъ мы поцали на мельницу купца Чесалкина (умолчалъ только о выпитой водкѣ и наливкѣ) и, наконецъ, добравшись до дѣла, объявилъ, что онъ ничего не знаетъ.

— Вѣрно, вѣрно, истинный Богъ, вѣрно! зашумѣлъ Чесалкинъ:— вотъ отецъ дьяконъ— санъ священный носить, онъ не покривитъ душой. Разсчитался честно благородно, всѣхъ до копейки разсчиталъ. Вотъ вамъ Пресвятая Богородица, истинно не лгу, разсчитался, какъ слѣдуетъ.

Мужики загалдѣли, Чесалкинъ началъ кричать, и шумъ опять поднялся страшный. Судья опять принялся унимать.

— Какія-же у васъ есть доказательства? спросилъ онъ мужиковъ.— Купецъ Чесалкинъ должнымъ себя не сознаетъ.

— Не сознаю, это вѣрно-съ! перебилъ его Чесалкинъ:— потому я разсчелся...

— Есть у васъ какіе-нибудь ерлычки, что-ли? допрашивалъ судья.

— Не даль онъ намъ ерлычковъ... Вотъ и свидѣтели...

— Да зачѣмъ-же мнѣ вамъ ерлычки давать, закричалъ Чесалкинъ:— коли я вамъ денежки выдалъ!

— Росписокъ нѣтъ-ли какихъ-нибудь? продолжалъ судья.

— Есть и росписки! закричали мужики и обернулись къ судья спинами.

— Это что-же такое? спросилъ онъ.

— А то, что на спинѣ отмѣчено у каждаго, сколько пшеницы ссыпано.

— По спинѣ значить росписывался! съострилъ кто-то въ публикѣ, и въ камерѣ раздался дружный хохотъ.

— Смотри, ребята, какъ-бы съ васъ пошлинъ гербовыхъ не присудили за то, что росписка не на гербовой бумагѣ писана, съострилъ еще кто-то, и хохотъ увеличился еще болѣе.

— Прошу не нарушать тишины! проговорилъ судья, возвысивъ голосъ, и потомъ спросилъ:— вы миромъ не покончите ли дѣло?

— Я съ большимъ моимъ удовольствіемъ! закричалъ Чесалкинъ:— я съ ними и не ссорился, истинный Богъ, не ссорился и даже сейчасъ не серчаю... Что-жь, я готовъ простить ихъ.

— Мы готовы мириться! кричали мужики:— пусть отдастъ намъ наши деньги— вотъ-тѣ и миръ будетъ!

— Нѣтъ, ужъ это вы не хотите-ли вотъ чего! прокричалъ Чесалкинъ и, помусливъ большой палецъ правой руки, показалъ имъ кукишь:— нѣтъ, ужъ это— покорно благодаримъ. Этакъ-то вы болно богаты будете... облопааетесь неравно!

— Садитесь! я пишу рѣшеніе! объявилъ судья.

Тяжущіеся сѣли, но утомившись не скоро и продолжали перебранку. Наконецъ, устали и замолчали. Въ камерѣ водворилась тишина, и только торопливый скрипъ судейскаго пера на-

рушалъ ее. Чесалкинъ сидѣлъ, облокотясь на колѣна, и помахивалъ шапкой; потъ катился съ него ручьями. Наконецъ, судья пригласилъ всѣхъ встать и прочелъ рѣшеніе, которымъ опредѣлилъ:—По неимѣнію у истцовъ никакихъ доказательствъ, въ искѣ имъ отказать. Затѣмъ, объявилъ о правѣ обжалованія рѣшенія апелляціоннымъ порядкомъ и о срокахъ.

Мы вышли изъ камеры.

— Вотъ-съ видѣли! слышали! кричалъ на дворѣ Чесалкинъ.— Вотъ они каковы-съ! Истинный Богъ, мать Пресвятая Богородица, всѣхъ подлецовъ до копеечки разсчелъ, а они въ камеру тащатъ, отрываютъ отъ умирающей супруги... Они, галманы паршивые, того и знать не хотятъ, что теперича, по ихней милости, мнѣ, можетъ, съ женой проститься не придется.

— Развѣ жена ваша плоха очень? спросилъ я.

— Исповѣдали и причастили, а сюда поѣхалъ—соборовать стали.

И онъ пошелъ по дорогѣ къ селу.

Вслѣдъ за нимъ пошли и мужики.

— Креста на тебѣ нѣтъ! шумѣли они.

— Мерзавцы вы паршивые! галманы пустоголовые! гремѣло въ воздухѣ.

Вышелъ судья изъ камеры, съ сигарой въ зубахъ и въ войлочной послѣдняго фасона шляпѣ.

— Какъ поживаете, отецъ дьяконъ? Давно я васъ не видалъ! И любезно приподнявъ передо мной шляпу, онъ направился къ дому. На встрѣчу выбѣжали изъ дома дѣти.

— Папочка, ты кончилъ судить? прозвенѣли ихъ тоненькіе голосочки.

— Кончилъ, друзья мои, кончилъ! проговорилъ судья и вмѣстѣ съ дѣтьми вошелъ въ домъ.

Мы сѣли въ тарантасъ и отправились домой, и только когда мы выѣхали въ поле, на душѣ стало легче. Вотъ роскошное зеленое поле, засѣянное рожью, вотъ загонъ съ копнами овса, которыхъ замучившійся полевыми работами мужичекъ не успѣлъ еще убрать на гумно, вотъ блеснула рѣка, вотъ показалась рошица, восхитительная березовая рошица съ бѣлыми стволами деревьевъ и съ темно зелеными листьями... Такъ-бы и смотрѣлъ все на эту картину! Такъ бы и дышалъ все этимъ воздухомъ.

Дня черезъ три умерла жена Чесалкина. Онъ отгадалъ, сказавъ дьякону, когда пировали они въ приващичьемъ флигелѣ, что она послѣднюю пѣсенку съиграла.

Н. Саловъ.

ВОТЧИННЫЙ ЗАКОНЪ ВЪ АМЕРИКѢ И НАШИ СТЕПИ.

I.

ЗАСЕЛЕНІЕ НОВОРОССІИ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

Наши степи и дальній Западъ Америки. — Чикаго—вторая Одесса. — Первые поселенцы въ нашихъ степяхъ въ половинѣ истекшаго столѣтія. — Раскольники въ Ново-Сербіи. — Манифестъ Екатерины В. — Начало Новороссіи. — Переселеніе въ внутренней Россіи и меновиты. — Путешествіе Екатерины В. и Иосифа II. — Зерно абрикосоваго дерева. — Колонизація при Александрѣ I. — Молочныя воды. — Бродяги и люди безпаспортные. — Духоборцы и евреи. — Застой колонизаціи. — Павелъ Треска. — Графъ Воронцовъ и полиція. — Колонизація въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій.

Занесенный обстоятельствами въ Новороссію и исколесивъ ее въ разныхъ направленіяхъ, я былъ пораженъ сходствомъ естественныхъ условій нашихъ южныхъ степей съ другимъ прежде еще посѣщеннымъ мною заатлантическимъ краемъ дальняго запада Сѣверной Америки. На земномъ шарѣ едва ли найдется два до такой степени сходныя между собою пространства земель, какъ наши новороссійскія пустыни, раскинутыя до Чернаго Моря, и сѣверныя окраины Соединенныхъ Штатовъ между рѣками Миссисипи и Миссури, пограничныя съ англійской Канадой. И тамъ, и здѣсь неогладныя, ровныя, съ легкими покатами площади, прерываемыя долинами или такъ называемыми балками, стелются въ видѣ взволнованной или катящейся степи (rolling prairie), какъ выразительно именуютъ ихъ американскіе пионеры.

Впрочемъ, не одна только поверхность этихъ земель, но также

и климатъ представляетъ много сходныхъ между собою свойствъ. И дѣйствительно, находясь съ крайними сѣверными штатами почти подъ одними и тѣми же градусами сѣверной широты, Новороссія отличается такимъ же знойнымъ, сухимъ лѣтомъ и такою же по временамъ многоснѣжною, суровою, хотя и кратковременною зимою, съ ея вьюгами и метелями. И тамъ, и здѣсь одинаково рѣзкіе переходы отъ дневного жара, подъ раскаляющими черноземную почву лучами, къ ночной свѣжести.

Понятно, что, при такомъ сходствѣ физическихъ условій, земледѣльцы той и другой мѣстности обратились къ воздѣлкѣ по преимуществу одного и того же главнаго хлѣбнаго продукта культурнаго міра, т. е. пшеницы. Но пшеничныя поля въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ смѣняются обширными площадями, засѣянными кукурузою, которая въ нашихъ степяхъ разводится въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, и то болѣею частью около деревень, въ огородахъ. У насъ за то воздѣлывается другой весьма цѣнный продуктъ, а именно ленъ, сѣмя котораго отправляется въ черноморскіе порты для сбыта за границу.

Понятно также, что, при такомъ сходствѣ внѣшнихъ условій, оба края, заселившись хлѣбопашцами, должны были въ теченіи времени стать въ одинаковыя отношенія къ хлѣбнымъ рынкамъ нуждающимся въ пшеницѣ народовъ. И дѣйствительно, европейскія націи долгое время смотрѣли на югъ Россіи, какъ на главную житницу, снабжающую ихъ пшеницей, не говоря уже о другихъ столь же важныхъ сельскихъ продуктахъ. Главнымъ мѣстомъ ихъ отпуска былъ одесскій портъ. Онъ недаромъ пользовался всесвѣтною славою важнаго хлѣбнаго склада, и не такъ давно, всего лѣтъ двадцать тому назадъ, молодой еще тогда городъ американскаго дальняго Запада, Чикаго, гордился, называлъ себя второю Одессою, какъ бы готовясь вступить съ нею въ соперничество по хлѣбной торговлѣ на европейскомъ рынкѣ. И въ самомъ дѣлѣ, для довершенія сходства нашего юга съ дальнимъ западомъ Америки, можемъ прибавить здѣсь, что Чикаго состоитъ къ сѣвернымъ американскимъ территориямъ въ точно такихъ же отношеніяхъ, какъ наша Одесса къ новороссійскимъ степямъ: онъ также служитъ главнымъ хлѣбнымъ складомъ, и по преимуществу пшеницы, всѣхъ хлѣбородныхъ земель, раскинутыхъ къ западу отъ великихъ канадскихъ озеръ.

Не касаясь пока дальнѣйшаго развитія Чикаго, посмотримъ сперва, что было прежде и что стало теперь, благодаря переселеніямъ, въ тѣхъ отдаленныхъ другъ отъ друга степныхъ краяхъ, представляющихъ такъ много сходнаго въ отношеніи природныхъ свойствъ. Придерживаясь хронологическаго порядка

начнемъ нашъ очеркъ колонизаціи съ Новороссіи, пользуясь для того исторіей этого края А. Скальковскаго.

По словамъ нашего лѣтописца, починъ къ заселенію южныхъ степей положенъ въ половинѣ прошлаго столѣтія. Казаки, недовольные гетманскимъ правленіемъ, и русскіе бѣглецы тогда уже жили въ немногихъ малоизвѣстныхъ, заложенныхъ ими селлахъ, раскинутыхъ по пограничнымъ съ Польшею и Малороссією западнымъ окраинамъ степей. На востокъ, по Дону, Донцу и Міусу, находились станицы вѣрнаго Россіи донскаго казачьяго войска. По сѣверному рубежу тянулась украинская линія, составленная изъ восемнадцати крѣпостей, а на югъ, по побережьямъ Чернаго и Азовскаго морей господствовали турки и татары. На всемъ заключенномъ въ этихъ предѣлахъ пустыннымъ пространствѣ, въ двѣ тысячи квадратныхъ верстъ величиною, попадались однѣ лишь хищныя толпы запорожцевъ, совершавшихъ свои смѣлые набѣги то въ одну, то въ другую сторону.

«Земля плодородная, такъ выражается лѣтописецъ: — лежащая въ прекраснѣйшемъ климатѣ, прорѣзанная множествомъ большихъ и малыхъ рѣкъ, близкая къ двумъ морямъ, способная къ произведенію всѣхъ богатствъ земледѣлія и промышленности, оставалась впустѣ. Она, казалась, призывала къ себѣ народы и трудолюбіе, но напрасно. Взгляните на карту: три большія судоходныя рѣки: съ запада Бугъ, съ сѣвера Днѣпръ, съ востока Донъ и Сѣверный Донецъ, съ давнихъ временъ спускали торговыя ладьи въ Черное и Азовское моря, но торговцы съ ужасомъ помышляли о жительствѣ, столь близкомъ отъ Запорожской Сѣчи, татарскихъ селеній и турецкихъ крѣпостей. Только войны, идущіе съ сѣвера противъ грознаго тогда мусульманскаго владычества, оружіемъ прокладывали себѣ чрезъ степь дорогу, и лѣтописи русскія часто записывали великіе подвиги, принесшіе многу славы, облитые драгоцѣнною кровью, но которые ни одного плодороднаго стѣмени не кинули въ пустыню».

Для огражденія отъ хищныхъ набѣговъ южныхъ границъ Россіи того времени Петромъ Великимъ уже вызывались изъ за границы сербы и венгры, считавшіеся въ ту эпоху отличными кавалеристами и образовавшіе пограничное военно-земледѣльческое поселеніе, подъ именемъ сербскаго гусарскаго полка. Затѣмъ, императрица Елисавета, въ свою очередь, приглашала валаховъ, грузинъ, болгаръ и грековъ, которые также вошли въ составъ военнаго поселенія на рубежахъ Россіи.

И такъ, поводомъ къ водворенію первыхъ поселенцевъ въ нѣкѣмъ еще незанятыхъ тогда степяхъ послужила, какъ видно, необходимость защитить тогдашнія южныя окраины государства.

Но первый слѣдъ невоенныхъ поселеній въ степяхъ, по свидѣтельству Скальковскаго, встрѣчается въ 1743 году. Тогда указомъ велѣно было «выходящихъ изъ польскихъ мѣстъ малороссіянь и великороссійскихъ бѣглецовъ принимать и селить въ Закарпатскихъ россійскихъ мѣстахъ». Этихъ-то малороссіянь и великороссійскихъ бѣглецовъ и слѣдуетъ считать настоящими передовыми пионерами русской культуры въ Новороссійскомъ Краѣ. Къ нимъ присоединяются потомъ еще старообрядцы и русскіе крестьяне, бѣжавшіе въ Литву и Молдавію, прощенные русскимъ правительствомъ и вызванные для заселенія степныхъ окраинъ. А между тѣмъ, подчиненные Австріи сербы, гонимые за вѣру, продолжаютъ выселяться все въ большемъ числѣ, образуя въ степяхъ разные гусарскіе полки. Такимъ образомъ, они понемногу опѣлили степь военно-земледѣльческими поселеніями, и самый край, ими занятый, получилъ официальное названіе Ново-Сербіи.

Такъ постепенно, изъ года въ годъ, совершалось заселеніе обширной степи, не знавшей еще настоящаго хозяина. Пріемъ поселенцевъ былъ въ Кіевѣ подъ наблюденіемъ тамошняго вице-губернатора. Сверхъ того, въ Новомиргородѣ была учреждена особая коммисія для пріема и записки всѣхъ приходящихъ изъ за границы на поселеніе въ Россію людей и для надѣленія ихъ землями, «сообразно чину, званію, образу жизни и составу семействъ», какъ замѣчаетъ нашъ лѣтописецъ. Поселенцамъ отъ казны выдавалось пособіе деньгами и хлѣбомъ, имъ разрѣшалось также брать лѣсъ въ казенныхъ дачахъ; сверхъ того, они пользовались въ теченіе извѣстнаго времени льготою отъ платежа податей.

Вскорѣ переселеніе перешло за указанные ему въ началѣ предѣлы, и, подъ эгидою русскаго правительства, само собою, на просторѣ, разливалось все далѣе по землямъ, никому собственно тогда не принадлежавшимъ, гдѣ одни безпокойные запорожцы считали себя нивѣмъ, впрочемъ, непризнанными хозяевами. Раскольники, малороссіяне и валахи цѣлыми слободами, чужестранцы и русскіе бродяги, пользуясь широкими льготами, водворялись въ степи, образуя то военныя, то просто земледѣльческія поселенія. Правительство не гнушалось никакими средствами, лишь бы заманить побольше охотниковъ селиться въ новомъ краѣ, не затрудняясь притомъ ни въ выборѣ народностей, ни вообще въ нравственныхъ свойствахъ переселявшагося люда. Оно поощряло офицеровъ гусарскихъ полковъ и чиновниковъ вербовать за границей людей всякаго званія и заселять такимъ образомъ земли, жалованныя имъ за службу. Въ этомъ

отношеніи интересно одно мѣсто въ указѣ, гдѣ сказано: «военнослужащіе, которые отпущены бывають съ данными отъ команды паспортами за границу и въ другія мѣста, для забранія фамилий, или подъ претекстомъ партикулярныхъ нуждъ для вербованія—у такихъ вычета изъ жалованья не чинить».

Преслѣдуя расколъ въ предѣлахъ самой Россіи, правительство, напротивъ того, весьма снисходительно относилось къ раскольникамъ, если они водворялись въ безлюдной пустынѣ. Ихъ не только надѣляли дачами, но имъ давали даже всевозможныя льготы, особенно тѣмъ изъ старообрядцевъ, которые изъ среды своей составили первое купеческое сословіе, явившееся въ Новосербіи, а именно въ бывшей тамъ крѣпости св. Елисаветы, отъ которой теперь и слѣдовъ не осталось. Правительство разрѣшало имъ полную свободу отправлять богослуженія по старопечатнымъ книгамъ и давало средства вести весьма прибыльную торговлю. «Раскольниковъ, поселенныхъ для купечества, сказано въ указѣ: — никуда не отлучать, считать ихъ купцами крѣпости с. Елисаветы, насчетъ бритья бородъ и ношенія указнаго платья принужденія не чинить».

Таковы были начатки водворенія русской культуры въ южныхъ степяхъ. По приблизительной сметѣ лѣтописца, все населеніе въ новомъ краѣ въ эту первую эпоху его гражданскаго существованія, т. е. около 1763 года, состояло изъ 38,000 обоюго пола душъ, разбѣянныхъ въ двухъ стахъ селахъ и городкахъ, частью въ качествѣ мирныхъ хлѣбопашцевъ, частью въ качествѣ легкаго войска, служившаго для охраны имперіи отъ набѣговъ татаръ и другихъ хищниковъ съ юга и юговостока. Остальная затѣмъ безлюдная степь образовала какъ бы обширную, неимѣющую завѣдомо никакого хозяина грань между Россіей и Турціей, служа для первой естественнымъ оплотомъ отъ сильной еще въ ту эпоху оттоманской державы. Впрочемъ, спокойствіе и порядокъ, понемногу водворившіеся въ Новосербіи, чаще всего нарушались запорожцами, пускавшимися изъ своей Сѣчи на гайдамачество, т. е. на грабежъ по пустынямъ.

Въ такомъ видѣ застаемъ мы этотъ обширный новый край при вступленіи на престолъ Екатерины Великой, въ царствованіе которой собственно и совершилось окончательное присоединеніе къ Россіи и заселеніе южныхъ степей. Манифестомъ отъ 1762 года императрица объявила Европѣ, «что впредь Россія открываетъ свои гостепримныя ворота и предлагаетъ свои изобильныя поля для прискормленія хотя бы половины Европы. Всѣмъ иностранцамъ разрѣшается приходять въ Россію и селиться,

гдѣ кто пожелаетъ; а русскіе подданные, удалившіеся за границу, т. е. по-просту бѣглые крестьяне, приглашаются свободно возвращаться въ отечество и водворяться на прежнія жилищахъ, или избирать новыя въ многоземельныхъ губерніяхъ». На этотъ конецъ особыми указами учреждается *опекунство иностранныхъ поселенцевъ*, манифестомъ даруются права *убѣжища*, издаются наставленія, гдѣ селиться новымъ колонистамъ и какія давать имъ пособія и льготы; для достиженія своей цѣли правительство расходуетъ даже большія суммы на Новосербію. Наконецъ, измѣняется прежнее устройство всего края и самое названіе новой области. Указомъ 1764 года предписано одну часть ея, примыкающую на западъ къ Польшѣ, наименовать *Новороссійскою Губерніею*; другая же часть, подчиненная первой, названа Екатеринославскою Провинціею. Такимъ образомъ, здѣсь въ первый разъ появилось официальное названіе Новороссіи. Предѣлы новаго края расширяются, благодаря напору переселенцевъ; прежняя сторожевая линія уничтожается совсѣмъ, а взамѣнъ ея далѣе на югъ заводятся новыя укрѣпленія. Запорожская Сѣчь, вмѣстѣ съ тѣмъ, окончательно подчиняется русскому правительству.

Раскольники, бѣжавшіе изъ Россіи въ Польшу, пользуясь обѣщанной имъ свободой богослуженія, греки и разные славянскіе подданные Оттоманской Имперіи, угнетаемые въ Турціи, большими обществами заселяютъ дѣвственную степь, залагая въ ней новыя села и водворяясь въ быстро возникающихъ городахъ. Мало того, правительству стоило только разрѣшить нѣкоторымъ малороссамъ перенести свои жилища въ новую Русь, и они въ тотъ же годъ направились туда цѣлыми деревнями. Такимъ образомъ, въ первое же пятилѣтіе царствованія Екатерины, въ степи прибыло уже свыше 50,000 новыхъ переселенцевъ разнаго рода, а на 17 годъ жизни новороссійскаго края, тамъ, по словамъ лѣтописца, было уже около ста тысячъ душъ. И все это населеніе, какъ мы видѣли, составилось изъ бѣглыхъ крестьянъ, бродягъ, раскольниковъ, гонимыхъ въ Россіи за вѣру, сербовъ, валаховъ, грековъ, армянъ и даже татаръ, бѣжавшихъ отъ иноземнаго гнета, и изъ всякаго сброда нигдѣ не живавшихся и нигдѣ не терпимыхъ людей, спѣшившихъ воспользоваться дарованнымъ имъ *правомъ убѣжища* въ безлюдной пустынѣ. Даже жида, преслѣдуемые тогда во всей Великороссіи, особымъ указомъ получили право гражданства въ новомъ краѣ. Несмотря на разноплеменную смѣсь стекавагоса съ разныхъ сторонъ населенія, несмотря на столь безпокойный, повидимому, характеръ привыкшаго къ бродяжничеству, доселѣ безпріютнаго

люда, въ возникавшемъ краѣ водворялся ничѣмъ ненарушаемый порядокъ, такъ что нашъ лѣтописецъ, тщательно излагая событія изъ года въ годъ до малѣйшихъ подробностей, ни разу не упоминаетъ о какихъ либо значительныхъ неурядицахъ или смутахъ, за исключеніемъ развѣ гайдамачества доживавшихъ послѣдніе дни свои запорожцевъ.

Благодаря изданному Екатериной манифесту, движеніе колонизаціи тѣмъ же порядкомъ продолжалось еще нѣсколько лѣтъ къ ряду, такъ что послѣ войны съ Турціей, законченной миромъ въ Кучукъ-Кайнарджи, въ 1774 году, въ степяхъ оказалось уже 158,000 поселенцевъ, не считая притомъ дворянъ, чиновниковъ и духовенства. А между тѣмъ, Россія владѣла далеко еще не всѣмъ степнымъ краемъ, раскинутымъ до береговъ Чернаго Моря. При посредствѣ поселеній и вновь залагаемыхъ крѣпостей, рубежи Россіи постоянно подвигались далѣе къ югу, а въ 1784 году они подступили уже къ черноморскому побережью отъ Кинбурна до Керчи. Эта эпоха «временъ очаковскихъ и покоренія Крыма» составляетъ самую главную страницу въ исторіи колонизаціи и расширенія Новороссіи вообще. Не входя въ этомъ отношеніи въ излишнія для насъ, въ настоящемъ случаѣ, подробности, повторимъ здѣсь вообще, что правительство по прежнему всячески поощряло переселеніе, давая колонистамъ не только даровыя земли, но и пособія разными припасами и деньгами, надѣляя ихъ многими важными льготами, лишь бы привлечь людей изъ чуждыхъ странъ. Наконецъ, въ 1784 году, впервые разрѣшено было переселеніе изъ внутренней Россіи, въ весьма, впрочемъ, ограниченныхъ размѣрахъ. Правительство перевело именно на казенный счетъ 20,000 экономическихъ крестьянъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дозволило помѣщикамъ переселять своихъ крѣпостныхъ, чѣмъ и воспользовались нѣкоторые изъ владѣльцевъ. Затѣмъ, года два спустя, приглашены были менониты изъ Пруссіи, съ цѣлю основать въ Новороссіи колонію, «кои бы размноженіемъ и улучшеніемъ скотоводства могли дать начало торговлѣ масломъ и сыромъ, не говоря уже объ усовершенствованіи земледѣлія и заселенія безлюдныхъ равнинъ». Имъ отвели земли въ урочищѣ *Хортищы*, на правомъ берегу Днѣпра, съ островомъ того же имени. Тамъ, въ самой бывшей столицѣ запорожцевъ, менониты основали восемь богатыхъ деревень. Хотя цѣль правительства касательно торговли масломъ и сыромъ не достигалась, тѣмъ не менѣе, однако, менонитскія колоніи, развиваясь на свой образецъ, вскорѣ достигли широкаго благосостоянія. «Взгляните, восклицаетъ лѣтописецъ:—на рядъ

цвѣтушихъ деревень отъ Екатеринослава до Никополя и вспомните, что до 1775 года это былъ вертепъ разбойничьей шайки!»

Вспомнимъ кстати еще, что въ то время и вся-то пустынная степь отъ украинской линіи и до Чернаго Моря представляла раздѣльное поприще гайдамаческихъ походовъ и то и дѣло повторявшихся боевыхъ подвиговъ безпокойныхъ запорожцевъ. Но правительству стоило лишь объявить «право убѣжища», открыть манифестомъ свои «гостепріимныя ворота» въ безлюдную страну, и въ три десятка лѣтъ она уже населилась сотнями тысячъ мирныхъ хлѣбопашцевъ, засѣвавшихъ пространства, недавно еще поросшія ковылемъ, пшеницей, этимъ починнымъ плодамъ высшей человѣческой культуры. Главными же піонерами этой неуклонно къ югу подвигавшейся культуры были бѣглые крестьяне, бродяги, всюду преслѣдуемые и угнетаемые отверженцы благоустроеннаго общества той эпохи. И несмотря на такой короткій срокъ переселенія, несмотря на всякій сбродъ людей, считаемыхъ обыкновенно самыми опасными врагами общественнаго спокойствія, край, ими заселенный, пользовался уже прочнымъ порядкомъ и надежнымъ покоемъ настолько, что сама императрица рѣшилась совершить торжественную поѣздку по степямъ, съ тѣмъ чтобы во очію убѣдиться, что устройство столь обширнаго новаго края, какъ выражается лѣтописецъ—*не есть одна мечта.*

Спускаясь изъ Кременчуга въ большихъ приготовленныхъ для нея галерахъ по Днѣпру до самыхъ пороговъ, Екатерина могла на самомъ дѣлѣ удивляться бойкому развитію страны, совершившемуся вслѣдствіе изданнаго ею, лѣтъ двадцать пять тому назадъ, манифесту. Изъявляя полное свое удовольствіе всѣмъ видѣннымъ, она тогда же писала съ дороги: «въ семъ намѣстничествѣ вездѣ видна дѣятельность, которая меня увеселяетъ премного». Потомъ, 13 мая 1787 года, императрица писала изъ Херсона: «Вчерашній вечеръ, часу въ шестомъ, мы пріѣхали въ здѣшній городъ. Дитя сіе не существовало 8 лѣтъ тому назадъ». Описавъ въ нѣсколькихъ словахъ устройство крѣпости и города, она прибавляетъ: «Народа здѣсь, окромѣ военныхъ, великое множество, и разноязычныя съ большей части Европы. Я могу сказать, что мои намѣренія въ семъ краю приведены до такой степени, что нельзя оныхъ оставить безъ достолюбезной похвалы. Усердное попеченіе вездѣ видно и люди къ тому избраны способные».

Прибавимъ здѣсь, что дѣтей, подобныхъ Херсону, возникло уже нѣсколько въ обширной степи; одно изъ первыхъ мѣстъ между ними занялъ конечно только что-основанный Екатерино-

славъ на Днѣпрѣ. Австрійскій императоръ, Іосифъ II, встрѣтившій государыню близъ Екатеринослава и сопровождавшій ее, вмѣстѣ съ англійскимъ и французскимъ посланниками, выразилъ свой восторгъ всѣмъ видѣннымъ въ словахъ, сказанныхъ на Перекопской Степи графу Сегюру: «Какое удивительное путешествіе! сказалъ онъ:—кто бы повѣрилъ, что я, съ Екатериной и послами Франціи и Англии, скитаюсь въ татарской пустынѣ? Это одна изъ самыхъ любопытныхъ страницъ исторіи».

Въ чемъ же заключалась тайна, спросимъ мы въ свою очередь, чрезвычайныхъ явленій, такъ много удивлявшихъ двухъ знатнѣйшихъ вѣнценосцевъ той эпохи? Чему приписать такое размахистое развитіе новаго края? Какъ бы велики ни были заслуги Потемкина и его сподвижниковъ, имена которыхъ тѣсно связаны съ возникновеніемъ Новороссіи, но они не могли же создать такого чуда изъ ничего. Заслуга ихъ велика главнѣйше тѣмъ, что они, устраняя всякія препятствія, давали широкій просторъ тѣмъ условіямъ, которыя такъ удачно слагались для заселенія степей. Они поощряли колонизацію, но самый успѣхъ ея обуславливался иными болѣе существенными причинами. На одно изъ главныхъ условій такого прочнаго заселенія наводитъ намъ, какъ бы невзначай, простой рассказъ правдиваго лѣтописца. По поводу посѣщенія Екатериною Херсона онъ говоритъ: «На память своего пребыванія въ городѣ, императрица на дверяхъ крѣпостнаго собора золотыми буквами начертала: «Спасителю рода человѣческаго Екатерина II посвящаетъ»; а въ саду своего дома посадила зерно абрикосоваго дерева. Теперь все это пропало, умерла царица, исчезли великіе свидѣтели великихъ дѣлъ ея, развалины заступили мѣсто адмиралтейства, мохъ растетъ на валахъ крѣпости, не видавшей огня непріятельскаго,— а *дерево еще растетъ высоко и приноситъ плоды, какъ бы свидѣтельствуя, что насадившая его царица и этимъ памятникомъ хотѣла принести пользу своимъ подданнымъ*».

Автору стѣяло бы только расширить, обобщить этотъ эпизодъ и прибавить, что именно насажденіемъ плодотворной культуры въ дѣвственномъ краѣ царица оставила по себѣ несокрушимый памятникъ въ Новороссіи. Тутъ передъ нами какъ бы нагляднымъ образомъ подтверждается сама по себѣ ясная истина, что всякое культурное насажденіе, связанное съ развитіемъ земледѣлія, плодотворнѣе и долговѣчнѣе всѣхъ возможныхъ воинственныхъ созиданій и боевыхъ учреждений. Простое абрикосовое зерно, мимоходомъ посаженное рукою Екатерины, оказалось долговѣчнѣе грозныхъ твердынь адмиралтейства и крѣпостныхъ валовъ, обросшихъ мхомъ. Такъ, обобщая этотъ фактъ,

авторъ могъ бы сказать: плугъ и топоръ земледѣльца вездѣ и всегда оказываются могуче ружья и палаша война. Плугъ и топоръ побѣдоносно проложили путь человѣческой культурѣ какъ въ первобытныхъ пустыняхъ Америки, такъ точно и въ дѣвственныхъ степяхъ Новороссіи, искоренивъ тамъ цѣлое воинственное племя краснокожихъ, а тутъ необузданныхъ запорожцевъ, которыхъ въ теченіи долгаго времени не смогли смирить боевыя силы трехъ могучихъ державъ того времени—Россіи, Турціи и Польши. И въ какой бы странѣ въ исторіи народовъ ни обратились, вездѣ окажется, что земледѣльческое населеніе устойчивѣе, сильнѣе воинственнаго, что государство, опирающееся на культурное развитіе страны въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, въ концѣ концовъ, является могуче державы, расширяющей свои боевыя учрежденія въ ущербъ истиннымъ началамъ цивилизаціи. Исторія подтверждаетъ также, что изъ разнаго рода поселеній, военныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ, послѣднія всегда и вездѣ были самыми устойчивыми и долговѣчными. Такимъ образомъ, сама собою обнаруживается тайна столь успѣшнаго и чуднаго заселенія Новороссіи, куда манифестомъ Екатерины открывались гостепріимныя ворота для мирныхъ земледѣльцевъ и съ правомъ убѣжища предлагались изобильныя поля для воздѣлки хлѣба на прокормленіе хотя бы половины Европы.

Нельзя, конечно, не замѣтить здѣсь, что заселеніе, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и культура въ Новороссіи шли бы еще не въ примѣръ успѣшнѣе, еслибъ вмѣсто всякаго сброда, русскихъ и иноземныхъ бѣглецовъ и бродягъ, разрѣшили туда переходъ настоящимъ земледѣльцамъ изъ внутреннихъ краевъ самой Россіи. Въ этомъ случаѣ, главнымъ препятствіемъ служило господствовавшее въ то время крѣпостничество. Въ нѣкоторыхъ, весьма рѣдкихъ случаяхъ, какъ мы видѣли, и то въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, правительство дозволяло переходить въ степи крестьянамъ изъ внутренней Россіи. Такъ, между прочимъ, въ 1787 году, предписано всѣмъ губернаторамъ позволять экономическимъ и другимъ государственнымъ крестьянамъ изъ малоземельныхъ губерній переселяться въ Новороссійскій Край. Многіе крестьяне воспользовались этимъ разрѣшеніемъ. Помѣщики, съ своей стороны, получивъ обширные степные участки отъ правительства, водворяли на нихъ своихъ крѣпостныхъ иногда цѣлыми деревнями. Этого рода переселенія особенно оживились по присоединеніи къ Россіи Очаковской Области. Такимъ образомъ, въ 1794 году, когда владѣнія Россіи раскинулись по черноморскому по-

бережью и положено было основаніе одесскому порту, въ Новороссійскомъ Краѣ счталося около 860,000 жителей.

Со смертію Екатерины наступилъ застой въ развитіи новаго края, продолжавшійся, съ нѣкоторыми незначительными исключеніями, во все царствованіе Павла I, по велѣнію котораго отмѣнены многія полезныя распоряженія и начатыя работы въ прежнее царствованіе. Лишь съ восшествіемъ на престолъ Александра I на нѣкоторое время опять оживилась колонизація, особенно изъ Турціи. Отъ гнета турокъ въ наши южныя степи спасались греки и болгаре, основывая тамъ, при пособіи со стороны правительства, большія селенія и водворяясь въ новыхъ городахъ. Въ то же время изъ Россіи выселялись духоборцы и молокане, пользуясь также разными льготами. Одесса, получивъ особыя права и преимущества, стала главнымъ портомъ для сбыта произведеній на югъ Россіи. Окрестности юнаго города вскорѣ покрылись новыми хуторами, садами и деревнями. Въ Крыму отводились обширныя участки иностранному обществу, извѣстному подъ именемъ *les frères de la rédemption*. Новыя партіи менонитовъ, уходя изъ Пруссіи отъ воинской повинности, водворялись близъ Молочныхъ Водъ и положили начало быстро расцвѣтшему молочанскому менонитскому округу. Правительство выдавало иностраннымъ поселенцамъ пособія и разныя льготы. Мало того: для поселенія выходцевъ изъ Германіи оно приобрѣтало даже покупкою у частныхъ лицъ тѣ же самыя земли, которыя не задолго до того тѣмъ же лицамъ отданы были задаромъ и лежали впустѣ. Такъ, между прочимъ, на землѣ близъ Одессы, купленной у графа Потоцкаго, возникли цвѣтущія менонитскія колоніи: Лустдорфъ, Большой и Малый Либенталь. Выбѣстъ съ тѣмъ, правительство приурочило къ осѣдлой жизни вочующія ногайскія орды. «Такимъ образомъ, пишетъ А. Скальковскій: — на той же самой сѣверо-крымской степи, по теченію рѣки Молочныхъ Водъ собрались аулы и кибитки татарско-монгольскаго поколѣнія, т. е. совершенно чуждыхъ людей для Европы, колоніи нѣмецкихъ менонитовъ, набожныхъ и трудолюбивыхъ уроженцевъ самаго центра Европы, и старообращенцевъ, т. е. славянъ, непричастныхъ просвѣщенію, сдѣлавшему исполнскіе успѣхи въ ихъ метрополи, Россійской Имперіи. Такъ съ пользою для государственнаго хозяйства повторялись въ Новой Россіи не рѣдкіе въ исторіи примѣры — явленія цѣлыхъ благоустроенныхъ округовъ, основанныхъ на правѣ убѣжища (*droit d'asile*), дарованнаго всякому бѣдному, безпріютному, но трудолюбивому переселенцу».

Нельзя не обратить вниманія на важную обмолвку почтеннаго

лѣтописца. Дѣло въ томъ, что, въ дѣйствительности, не всякій трудолюбивый переселенецъ могъ воспользоваться сказаннымъ правомъ убѣжища. Мы видѣли уже, что крестьяне самой метрополи, сдѣлавшей исполнскіе успѣхи, какъ выражается авторъ, были почти совсѣмъ лишены возможности къ переходу въ новыя мѣста. Многіе изъ великорусскихъ крестьянъ охотно перешли бы въ южныя степи, не потребовавъ ни пособій, ни льготъ отъ правительства, лишь бы имъ разрѣшили покинуть старыя мѣста и занять въ степяхъ никѣмъ незанятые еще участки.

Съ другой стороны, раздача многоземельныхъ участковъ единичнымъ личностямъ никоимъ образомъ не могла способствовать болѣе дружному заселенію края. Говоря о движеніи колонизаціи вообще, нашъ лѣтописецъ прибавляетъ по этому поводу: «Замѣчательно, что въ то же время все пространство степи между Бугомъ и Днѣстромъ, которой большая часть, а именно 840,000 десятинъ, роздано было помѣщикамъ и молдавскимъ дворянамъ, мало заселялось, несмотря на десятилѣтнюю данную имъ льготу, такъ что тамъ всего не болѣе 8000 душъ обоюго пола водворено».

Оно иначе и быть не могло, потому что заселеніе края можетъ быть дѣйствительно успѣшнымъ только тогда, когда земли достаются настоящимъ хлѣбопашцамъ, которые, воздѣлывая ихъ, сами же пользуются урожаемъ. Несмотря, однако, на обнаруженный такимъ явнымъ образомъ опытъ, правительство, въ ущербъ себѣ и цѣлому краю, продолжало попрежнему раздавать обширные даровые участки помѣщикамъ и молдавскимъ дворянамъ.

Между тѣмъ, само правительство не разъ уже имѣло случай убѣдиться на дѣлѣ въ успѣшности заселенія настоящими земледѣльцами. Такъ, между прочимъ, въ архивѣ одесскаго генерал-губернатора значится, что въ 1808 году «даже бродяги и люди безпаспортныя, которые во время содержанія въ крѣпостной работѣ отличались смиреннымъ характеромъ и добрымъ поведеніемъ, по просьбѣ Ришельё (тогдашняго правителя новаго края), освобождались изъ заключенія и, будучи поселены на казенныхъ земляхъ, дѣлались такимъ образомъ людьми трудолюбивыми и полезными». Этотъ фактъ подтверждаетъ только, что земледѣльческое поселеніе вообще имѣетъ свойство дѣлать даже изъ бродягъ людей трудолюбивыхъ и полезныхъ, лишь бы имъ была предоставлена возможность занять свободный участокъ земли.

Лишивъ великорусскихъ крестьянъ права переходить въ завѣтныя южныя степи, правительство въ тоже время не щадило ни хлопотъ, ни даже издержекъ, съ тѣмъ, чтобы поощрять заселеніе края иными колонистами.

«Духоборцевъ, писано въ указѣ отъ 1811 года:—кои вновь сею ересью заразились и остались въ ней упорными, переселить въ Таврическую губернію на Молочныя воды.» Эти духоборцы, прибавляетъ отъ себя лѣтописецъ:—черезъ поселеніе сдѣлались людьми довольно полезными и завели многія порядочныя деревни». Мало того: правительство въ то же время издержало до полутора тысячъ рублей—для того времени весьма почтенная сумма—съ цѣлью водворить на земледѣльческихъ колоніяхъ вовсе непривычныхъ къ земледѣльческимъ трудамъ евреевъ. «Такимъ образомъ, восклицаетъ нашъ авторъ:—въ Новороссійскомъ Краѣ явилось новое земледѣльческое сословіе людей, принадлежавшихъ новому и древнему міру, ветхому и новому закону вѣры!»

Несмотря на разныя препятствія и помѣхи, представляемыя къ надлежащему заселенію края, несмотря на устраненіе великорусскихъ крестьянъ отъ участія въ свободной колонизаціи, въ 1812 году, въ Новороссіи оказалось уже свыше одного милліона жителей. Переселеніе все еще совершалось прежнимъ порядкомъ, по крайней мѣрѣ, до 1817 года, когда вышелъ указъ, которымъ предписывалось «чтобы впредь никому земель подъ поселеніе въ новороссійскихъ губерніяхъ не отводить». Уже въ степныхъ земляхъ чувствуемъ былъ недостатокъ, говоритъ авторъ.—Недостатокъ въ земляхъ, способныхъ прокормить полубропы! какъ заявлено въ знаменитомъ манифестѣ Екатерины, и гдѣ обиталъ пока всего только одинъ милліонъ жителей. Удивляться, впрочемъ, нечему: такой мнимый недостатокъ объясняется, конечно, очень просто—даровою раздачею многоземельныхъ участковъ людямъ, не занимавшимся никогда ни земледѣліемъ, ни вообще сельскимъ хозяйствомъ. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, обширныя пространства степей лежали впустѣ, а правительство, въ то же время, не имѣло въ своемъ распоряженіи свободныхъ *казенныхъ* земель, съ тѣмъ, чтобы предложить ихъ настоящимъ колонистамъ. «Отъ того многіе проекты людей предпринчивыхъ, быть можетъ, полезные, но требовавшіе пожалованія большихъ участковъ казенной земли, были устранены до нѣкотораго времени».

А какого рода проекты могли бы осуществиться на этихъ впустѣ-лежавшихъ, задаромъ отчужденныхъ разнымъ владѣльцамъ земляхъ, о томъ можно судить по разсказу лѣтописца:

«Не менѣе любопытно слѣдующее обстоятельство—событіе, свойственное только краю новому, степямъ Новой Россіи или американскимъ первороднымъ лѣсамъ. Еще въ 1810 году, поселянинъ Александрійскаго Уѣзда, с. Петровки, *Павелъ Треска*, просилъ херсонскаго губернатора, Рахманова, дозволить ему съ

своимъ семействомъ, изъ 8-ми душъ состоящимъ, и вызванными имъ изъ Малороссіи товарищами, въ числѣ 119-ти душъ, устроить гдѣ нибудь въ степи новую усадьбу, какъ это дѣлалось въ прежнія времена. Съ согласія Ришельё, ему отведенъ былъ участокъ казенной земли въ Херсонскомъ Уѣздѣ, на правомъ берегу р. Висуни, на рѣчкѣ Доброй и оврагѣ Буцомъ, съ лѣваго берега р. Ингула, простирающійся въ числѣ 30,000 десятинъ. На этой землѣ немедленно устроилась деревня; примѣру Трески послѣдовали многіе другіе переселенцы, такъ что это село, названное *Новопавловскимъ*, въ 1814 году, считало уже 1,448 душъ обоого пола и множество земледѣльческихъ обзаведеній, болъшею частію трудами и примѣромъ перваго основателя устроенныхъ».

Много такихъ селъ могло бы, конечно, возникнуть, еслибъ подобныя предпріятія не были поставлены въ роковую зависимость отъ случайно подвернувшейся на этотъ разъ добродотной воли административныхъ особъ въ родѣ Ришельё и другихъ, еслибъ открытъ былъ болъе широкій просторъ свободному передвиженію изъ внутренней Россіи. Но, по недостатку именно казенныхъ земель, переселеніе въ новый край въ силу приведеннаго указа, надолго пришло въ застой, и, несмотря на малолюдство степей, колонизація нивогда уже болъе не возобновлялась въ прежнемъ своемъ размахистомъ видѣ.

Заканчивая свою лѣтопись 1823-мъ годомъ, А. Свальковскій приводитъ статистическій обзоръ Новороссіи, по которому въ ней было тогда круглымъ числомъ 1,900,000 душъ обоого пола жителей. Здѣсь включены, конечно, не одни только хлѣбопашцы, но также служащіе чиновники, дворяне, торговцы и промышленники всякаго рода.

Выставляя главные моменты заселенія южныхъ степей, мы строго держались сказаній нашего лѣтописца, съ тѣмъ чтобы нагляднѣе представить значительный успѣхъ, какой достигнуть, единственно благодаря разрѣшенію правительства поселиться въ новомъ краѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы убѣдиться на дѣйствительныхъ фактахъ въ поразительномъ дѣйстви, какое осуществляется на самомъ дѣлѣ, когда правительство даетъ просторъ народнымъ стремленіямъ. Никому изъ современниковъ екатерининской эпохи навѣрное не снилась возможность преобразить въ нѣсколько десятковъ лѣтъ обширный пустынный край въ хлѣбородную культурную область государства. И такое чудо совершилось главнѣйше вслѣдствіе манифеста Екатерины, открывшей гостепримныя ворота, съ правомъ убѣжища, для переселенцевъ всякаго рода, за изытіемъ, къ сожалѣнію, русскихъ помещичьихъ врестьянъ, въ угоду владѣльцевъ, роковымъ обра-

зомъ прирѣвленныхъ къ нимъ зачастую, бесплодными землями въ Россіи.

Впрочемъ, толчокъ, данный манифестомъ Екатерины, былъ такъ силенъ, что переселеніе, съ нѣкоторыми перерывами, продолжалось еще нѣсколько десятилѣтій, ослабѣвая по мѣрѣ того, какъ правительство все болѣе и болѣе стѣсняло колонизацію. Такого рода стѣсненія проявлялись зачастую въ весьма странномъ видѣ. Такъ, между прочимъ, еще во время управленія графа Воронцова, мѣстное начальство жаловалось, что многіе изъ поселенцевъ водворяются въ степяхъ отдѣльными, далеко-разбросанными другъ отъ друга хуторами, вслѣдствіе чего полиція чрезвычайно трудно слѣдитъ за ними и надзоръ становится невозможнымъ. Не въ мѣру попечительное начальство требовало, чтобы поселенцамъ приказано было стягиваться въ большія деревни. Дѣло дошло до Петербурга. Графъ Воронцовъ, какъ рассказываетъ Гаустгаузенъ въ своемъ путешествіи по Россіи, возразилъ на это, что подобнымъ приказомъ отнимается единственно возможное средство къ заселенію края, такъ какъ большія деревни могутъ развернуться только по рѣкамъ и многоводнымъ балкамъ, а не внутри безводной степи. По этому поводу губернаторъ предложилъ простой, но дѣльный вопросъ:—развѣ поселенцы существуютъ ради полиціи, а не наоборотъ, полиція ради нихъ?—Въ Европѣ, прибавляетъ отъ себя Гаустгаузенъ:—мы не рѣдко встрѣчаемся съ подобными велемудрыми затѣями полицейскаго государства!

Такія полицейскія затѣи, конечно, сильно должны были задерживать колонизацію. И въ самомъ дѣлѣ, А. Скальковскій, въ изданной имъ въ 1845 году статистикѣ Новороссіи, приводитъ слѣдующія официальныя данныя:

въ 1797 году тамъ было жителей	1.168,980
› 1812 › › › ›	1.338,080
› 1823 › › › ›	1.906,575
› 1837 › › › ›	2.809.761
› 1844 › › › ›	3.127,054

то-есть почти втрое противъ 1797 года.

«Мы увѣрены, говоритъ авторъ: — что внимательное разсмотрѣніе этой таблицы убѣдитъ многихъ въ той истинѣ, что въ послѣднія 25 лѣтъ нашъ край мало приобрѣлъ жителей посредствомъ бродягъ и бѣжавшихъ изъ другихъ частей имперіи поселенцевъ, какъ то думаютъ многіе, особенно мнимые политики и статистики».

Прибавимъ здѣсь еще, что послѣ 1844 года о переселеніи въ

нашъ край и подавно не можетъ быть рѣчи. И точно, по официальнымъ свѣдѣнiямъ, оказывается, что въ Новороссiи

въ 1856 году жителей было	3.770.000
› 1867 › › ›	4.500,000
› 1871 › › ›	4.840,000

Такимъ образомъ, явно обнаруживается, что прибыль населенiя послѣ сороковыхъ годовъ шла въ быстро понижающейся прогрессii. За послѣднiя десятилѣтiя, колонизацiя, можно сказать, совершенно прекратилась, такъ что прибыль населенiя составляетъ лишь одинъ нормальный приростъ, вслѣдствiе рождаемости въ край. А между тѣмъ, въ немъ остается еще пропасть незанятыхъ, впускъ лежащихъ земель, которыя все еще ждутъ и не дождутся пахаря, для того чтобы онъ поднялъ ихъ черноземную плодородную почву.

II.

Заселенiе дальняго запада въ Америкѣ.

Американскiя степи въ началѣ нашего столѣтiя.—Индiйцы.—Колонiя у Озера Духовъ.—Препятствiя къ колонизацiи.—Приростъ населенiя за послѣднiя десятилѣтiя.—Движенiе населенiя въ Европѣ.—Чикаго и Одесса.—Германская колонизацiя въ Бразилiи.—Тексасъ до и послѣ невольничества.—Основное начало нормального землевладѣнiя.—Общественныя земли и свободныя почвенники.—Разверстка земель.—Наименьшiй размѣръ участка.—Спекуляцiя землями.—Переходные пионеры.—Право перваго захвата.—Продѣлки спекуляторовъ.—Аболиционисты и рабовладѣтели.—Статья вотчиннаго устава (Homestead Law).—Въ Миннесотѣ.—Недостатки вотчиннаго устава.—Способы приобрѣтенiя земель поселенцами.—Менониты въ Дакотѣ и Канзасѣ.—Моверы.—Старый знакомый въ Колумбусѣ.—Блюстители земледѣлiя или гренджеры.—Тексасъ.—Примѣненiе къ нему новыхъ уставовъ.

Обратимся теперь, для сравненiя, къ заатлантическому краю, а именно къ тѣмъ степямъ, что нынѣ вмѣщаютъ въ себѣ шесть американскихъ штатовъ по сю и по ту сторону Миссисипи, то-есть: Мичиганъ, Уисконсинъ, Миннесоту, Иллинойсъ, Айову и Индиану. Они, вмѣстѣ взятыя, занимаютъ почти такое же пространство, какъ и наша Новороссiя.

О бoльшей части этого степнаго края, особенно о мѣстахъ, лежащихъ къ западу отъ Верхняго Озера, по ту сторону Миссисипи, въ началѣ нашего столѣтiя, то-есть, когда прошла уже самая бойкая эпоха заселенiя Новороссiи, знали столько же, сколько

теперь мы знаемъ, напримѣръ, о внутренности Африки. Американскіе прѣри представляли въ ту пору нетронутое еще цивилизаціей поприще охоты и кровавыхъ стычекъ дикихъ индѣйцевъ, по преимуществу изъ воинственнаго племени Сіу. Смѣлые канадскіе торговцы проникали къ дикарямъ, вымѣнивая у нихъ на ружья, на порохъ и свинецъ буйволовыя и другія шкуры. Для защиты такой мѣнновой торговли съ индѣйцами правительство Соединенныхъ Штатовъ строило въ разныхъ мѣстахъ форты, помѣщая въ нихъ небольшіе военные отряды въ родѣ того, какъ дѣлалось и въ нашихъ украинскихъ укрѣпленіяхъ. Наемные солдаты американскихъ гарнизоновъ и были почти вездѣ первыми поселенцами дѣвственнаго края. Индѣйцы безпрепятственно, на полномъ просторѣ охотились по своимъ степамъ до тѣхъ поръ, пока, около тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія, не началось сильное движеніе настоящихъ переселенцевъ во внутрь пустынныхъ степей. Лишь въ 1837 году, когда въ Новороссіи было уже слишкомъ два съ половиной милліона жителей, американское правительство вступило въ договоръ съ племенемъ Сіу, уступившимъ за извѣстное вознагражденіе свои права на охотничьи земли и обязавшимся въ положенный срокъ удалиться на западъ отъ Миссури. Несмотря на заключенный договоръ, краснокожіе по прежнему безпрепятственно бродили по пустынямъ, гоняясь за краснымъ звѣремъ. Мало того: сильно негодуя на земледѣльцевъ, стѣснявшихъ поприще ихъ охоты, они то и дѣло нападали на нихъ, беспощадно избивая этихъ крайнихъ пионеровъ культуры. Даже въ 1857 году, когда намъ въ первый разъ пришлось проѣзжать поперекъ степей, разстилающихся на западъ отъ Миссисипи къ берегамъ Миссури, у небольшого Озера Духовъ перебита цѣлая колонія, состоявшая изъ сорока переселенцевъ. Это кровопролитіе совершилось весной. А въ половинѣ лѣта того же года мы въ уцѣлѣвшихъ блокгаузахъ застали уже свѣжихъ колонистовъ. Похоронивъ трупы убитыхъ предшественниковъ, новые пионеры заняли кровью орошенную почву, готовые каждый мигъ отразить нападеніе дикарей, еслибъ послѣднимъ опять вздумалось повазаться въ окрестностяхъ. Не доѣзжая еще до Озера Духовъ, мы по-пути туда останавливались въ только что зарождавшихся селеніяхъ, называемыхъ городами, гдѣ не было еще ни одного вполне готоваго жилья, гдѣ все строилось изъ свѣжаго лѣса, лишь бы на первыхъ порахъ укрыться на зиму отъ морозовъ и мателей. По степямъ намъ случалось тогда нагонять направлявшихся къ западу переселенцевъ, такъ называемыхъ моверовъ, съ ихъ семьями, прискивавшихъ себѣ пригодный участокъ земли, съ тѣмъ чтобы къ зимѣ сколотить на немъ

бревенчатый блокгаузъ съ домашнимъ очагомъ, а впоследствии уже устроить тамъ же надлежащую ферму съ полями и всякими удобствами. Переселеніе въ этотъ край въ тотъ годъ было въ полномъ разгарѣ. Блокгаузъ у Озера Духовъ, въ которомъ мы нашли гостепріимный пріютъ, былъ тогда самымъ крайнимъ піонернымъ постомъ неотразимо подвигавшейся на западъ культуры. Направившись отсюда далѣе къ берегамъ Миссури, мы не только не встрѣчали никакого жилья, но не видали передъ собою никакой дороги, ни даже признаковъ какой-нибудь колеи. Словно среди пустынного моря направляли мы свой путь, сообразуясь съ мѣстной картой и буссолью. Въ трехдневный переѣздъ по необозримымъ степямъ мы встрѣтили только индѣйцевъ съ женщиной изъ племени Сіу. Они отдѣлились отъ главной шайки дикарей, отправившихся къ сѣверу на охоту за буйволомъ. Затѣмъ, намъ не попадалось болѣе никакихъ слѣдовъ пребыванія человѣка въ тѣхъ мѣстахъ, пока, наконецъ, не прибыли мы въ только-что возникшій тогда на берегу Миссури городокъ Сіу-Сити.

Мы упомянули вкратцѣ о совершаемыхъ дикарями набѣгахъ для того, чтобы показать, съ какими препятствіями и опасностями приходится бороться здѣсь переселенцамъ, пускающимся въ невѣдомый для нихъ край, далеко еще не покиннутый незнающими никакой пощады дикарями. Этихъ препятствій и опасностей, конечно, не существуетъ въ нашихъ южныхъ степяхъ, давно уже свободныхъ отъ набѣговъ хищныхъ ордъ. Американское правительство и до сихъ поръ не въ состояніи защитить крайнія поселенія отъ неожиданныхъ нападений краснокожихъ. Форты съ ихъ гарнизонами и небольшіе отряды, высылаемые по временамъ противъ дикарей, мало помогаютъ бѣдѣ. У правительства не хватило бы средствъ охранять всю вытянутую съ сѣвера на югъ, на протяженіи чуть-ли не двухъ тысячъ верстъ, передовую цѣпь піонеровъ, неуклонно подвигающихся къ западу. Въ пятидесятихъ годахъ, правительство даже не успѣло еще объявить въ продажу всѣ дальнія земли за Миссиссипи и никого еще не приглашало занимать ихъ. Оно только не мѣшало переселенцамъ водворяться на незанятыхъ никѣмъ участкахъ, предоставляя имъ устраиваться тамъ на свой страхъ и по своему усмотрѣнію.

Какъ быстро ни росло населеніе въ тѣхъ странахъ, однако, индѣйцы не переставали тревожить крайніе посты колонистовъ, и въ настоящее время даже не проходитъ лѣта безъ того, чтобы тамъ не совершались убійства и опустошенія то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ обширныхъ западныхъ пус

Несмотря на то, что передовая дѣль переселенцевъ подается все впередъ, взрывая плугомъ дѣвственную почву, расчищая топоромъ изрѣдка попадающіеся среди степей лѣса и постепенно, шагъ за шагомъ, пионеры отбиваютъ у дикарей пустынное поприще ихъ охотъ, водворяя на немъ начатки высшей человѣческой культуры. Такимъ образомъ, край, въ которомъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, не было ни кола, ни двора благаго человѣка, гдѣ онъ не успѣлъ еще провести ни одной борозды своимъ плугомъ, ни срубить ни одного дерева своимъ топоромъ, тамъ въ настоящее время сотни тысячъ хлѣбопашцевъ покрыли степь дѣйствующими фермами, обезпечивъ свои семьи пріобрѣтенными въ собственность вотчинами; тамъ теперь разрослись селенія и города, жители которыхъ пользуются всѣми благами цивилизованнаго быта. Все это совершилось, можно сказать, на нашихъ глазахъ, какъ бы само собой, безъ всякаго непосредственнаго содѣйствія со стороны правительства, благодаря единственно предоставленной полной свободѣ подвигавшейся колонизаціи и еще нѣкоторымъ предупредительнымъ узаконеніямъ, о которыхъ поговоримъ подробнѣе послѣ. Теперь же приведемъ, для сравненія, краткія статистическія данныя, пользуясь для этого сообщаемыми уашигтонскимъ правительствомъ каждыя десять лѣтъ свѣдѣніями о числѣ жителей въ штатахъ.

Изъ этихъ официальныхъ источниковъ узнаемъ, что въ шести названныхъ выше сѣверо-западныхъ штатахъ, занимающихъ въ совокупности пространство, одинаковое съ нашей Новороссіей, въ 1830 году, было всего около полумилліона поселенцевъ, тогда какъ въ Новороссіи, еще за долго до этого времени, а именно въ 1823 году, ихъ было уже безъ малаго два милліона. До такой численности населенія американскія степи въ сказанныхъ шести штатахъ дошли лишь въ 1840 году. Но въ 1850 въ нихъ было уже 2.700,000; такъ что въ теченіе 50 лѣтъ населеніе уже быстро сравнивалось съ новороссійскимъ, а въ 1860 году оно уже далеко превзошло число жителей въ Новороссіи, такъ какъ въ тѣхъ шести штатахъ тогда уже было 5.380,000 жителей.

Продолжая, въ слѣдующее за тѣмъ десятилѣтіе, наростать съ тою же быстротою, число жителей въ нашихъ шести штатахъ въ 1870 году дошло до 8.880,000 человѣкъ, что составляетъ почти двойное населеніе всего Новороссійскаго Края, гдѣ, какъ мы видѣли, въ 1871 году считалось 4.840,000 душъ.

Но приведеннымъ статистическимъ свѣдѣніямъ легко убѣдиться, что въ шести штатахъ прибыль населенія въ одно десятилѣтіе составляетъ около 65 процентовъ. Поэтому, еслибъ въ Ново-

россии оно нарастало въ такой же мѣрѣ хоть за послѣднія десятилѣтїя, то тамъ населеніе было бы по малой мѣрѣ вдвое болѣе противу настоящаго числа.

Не мѣшаетъ замѣтить, однако, что Миннесота и пять другихъ примыкающихъ къ нему штатовъ избраннаго нами района далеко еще не являютъ самаго яркаго, самаго поразительнаго примѣра быстрого заселенія страны, и мы избрали ихъ для сравненія потому только, что изъ всѣхъ областей Сѣверной Америки они, по своимъ внѣшнимъ мѣстнымъ условїямъ, ближе всего подходятъ къ Новороссійскому Краю. Особенно за послѣдніе года, движеніе колонизаціи въ избранный нами районъ шло уже не такъ быстро, какъ прежде, вслѣдствіе того, что потокъ переселенцевъ увлеченъ былъ въ другіе концы тѣхъ же Соединенныхъ Штатовъ. Громадная масса народа устремилаь, во-первыхъ, по открытой въ 1869 году желѣзной дорогѣ къ Тихому Океану, и тамъ, за Скалистыми Горами, населеніе возросло съ такой быстротой, что по сосѣдству съ благодатной Калифорніей возникли еще два новые штата и три территорїи. Во-вторыхъ же, по уничтоженіи невольничества въ Сѣверной Америкѣ, колонисты и особенно нѣмцы, направлялись болѣею частью въ производящій славный хлопокъ Тексасъ.

Не входя въ этомъ отношеніи въ дальнѣйшія подробности, упомянемъ еще только о движеніи населенія въ Соединенныхъ Штатахъ вообще. Въ началѣ текущаго столѣтїя, въ теченіи котораго колонизаціи изъ Европы возрастала изъ года въ годъ, во всѣхъ штатахъ было около 5 милліоновъ душъ, а въ 1870 году число ихъ дошло до 40 милліоновъ. И такъ, населеніе въ эти 70 лѣтъ narosло на 35 милліоновъ. Вообще, статистическія данныя приводятъ къ слѣдующимъ выводамъ: еслибы съ 1800 года прекратилась колонизаціи въ Штаты, то въ нихъ, вслѣдствіе одного только нормальнаго прироста, оказалось бы около 12-ти милліоновъ жителей. Итакъ, благодаря исключительно эмиграціи изъ Европы, населеніе въ Соединенныхъ Штатахъ narosло на 23 милліона; такъ что, въ среднемъ выводѣ каждый годъ, вслѣдствіе колонизаціи, прибывало по 300,000 человекъ слишкомъ, что на самомъ дѣлѣ и подтверждается ежегодными отчетами эмиграціонной комиссіи въ Нью-Йоркѣ.

Здѣсь невольно возникаетъ вопросъ: не причинилъ ли такой наплывъ колонистовъ въ Америку убыли въ населеніи тѣхъ странъ, откуда исходила самая эмиграція? Не обнаружился ли тамъ, какъ многіе и ожидали въ свое время, ущербъ въ числѣ жителей? Такое предположеніе теперь рѣшительно опровергнуто

статистикой. И дѣйствительно, оказывается, что въ теченіи тѣхъ же 70 лѣтъ число жителей въ Европѣ, несмотря на громадныя выселенія, не только не сократилось, а напротивъ, наростало еще быстрѣе прежняго. Извѣстно, что въ началѣ текущаго столѣтія, въ Европѣ было всего 190 милліоновъ жителей, тогда какъ въ настоящее время ихъ насчитывается круглымъ числомъ болѣе 300 милліоновъ. Мало того: статистическими данными обнаруживается, что именно въ тѣхъ странахъ, откуда вытекала самая сильная эмиграція, число жителей наростало даже сильнѣе, чѣмъ въ другихъ краяхъ. Къ странамъ, по преимуществу снабжавшимъ Америку колонистами, относятся Великобританія и Германія. По сравненіи, оказывается, что въ этихъ державахъ, съ начала текущаго столѣтія, населеніе наростало быстрѣе, чѣмъ, напримѣръ, во Франціи или Испаніи, несмотря на то, что изъ обоихъ послѣднихъ государствъ выселялось гораздо меньше народу.

Необходимо обратить вниманіе еще на одно весьма важное обстоятельство, также обнаруженное статистикой. А именно: оказывается, что болѣе или менѣе сильный приростъ населенія всегда обусловливается болѣе или менѣе высокимъ благоденствіемъ жителей; такъ что жилища, пища, одежда и вообще всѣ жизненныя потребности жителей Великобританіи, напримѣръ, не только увеличились съ наростомъ населенія, но даже улучшились для отдѣльныхъ личностей въ странѣ. Какъ бы то ни было, но извѣстно, что бѣднѣйшіе классы въ Великобританіи въ настоящее время живутъ сравнительно въ лучшихъ домахъ, потребляютъ болѣе питательную пищу, одѣваются въ болѣе удобныя платья, нежели въ прежнія времена. И понятно: съ приростомъ населенія усиливаются также и техническія производства жизненныхъ средствъ, расширяется народнохозяйственное развитіе вообще. Стоитъ только вспомнить, что вездѣ, по мѣрѣ сгущенія населенія въ странѣ, она изъ первобытнаго односторонняго земледѣльческаго состоянія обращается все болѣе и болѣе къ мануфактурной промышленности, чтѣ и влечетъ за собой подъемъ всѣхъ сторонъ матеріальной жизни народа. Вслѣдствіе всего этого, населеніе въ Европѣ, несмотря на сильную эмиграцію, обнаруживаетъ постоянную склонность не только къ приращенію, но также къ улучшенію своего матеріальнаго быта.

Для болѣе полноты сравнимъ теперь между собою развитіе Чикаго и соперницы его—Одессы, какъ двухъ средоточій, гдѣ главнѣйше обнаруживаются торговныя сношенія съ одной стороны избраннаго нами района американскаго Дальняго Запада, а

съ другой — нашего южнаго степнаго края. Чикаго основанъ лишь въ 1830 году, т. е. 36 лѣтъ спустя по заложениі Одессы. По выраженію нашего лѣтописца Новороссіи, краеугольнымъ камнемъ благосостоянія послѣдняго города былъ указъ императора Александра I отъ 24 января 1802 года. Въ немъ даруется городу на 25 лѣтъ льгота отъ податей, свобода отъ постоевъ войскъ и прочія преимущества. «Дарованная купечеству и мѣщанамъ льгота позволяла сметливымъ и промышленнымъ людямъ начинать торговлю съ самыми малыми капиталами и добывать со временемъ огромныя состоянія». Благодѣтельныя послѣдствія подобныхъ мѣръ скорѣ обнаружались. И дѣйствительно, въ 1800 году отпущено русскихъ произведеній изъ Одессы на 1.534,000 р., а въ 1805 уже на 3.399,290, т. е. въ одно пятилѣтіе отпускъ болѣе, чѣмъ удвоился. Такимъ возроставшимъ изъ года въ годъ успѣхомъ Одесса одолжена, конечно, приведенному указу императора, освободившаго городъ отъ всякихъ стѣснительныхъ мѣръ, такъ что Одесса пользовалась чуть ли не всѣми тѣми выгодными условіями, которыя составляютъ существенную причину быстраго развитія сѣвероамериканскихъ городовъ вообще, а именно льготой отъ податей, свободой отъ постоевъ войскъ и другими преимуществами.

Говоря о быстромъ развитіи торговли въ Одессѣ, Скальковский прибавляетъ: «Такъ съ удовольствіемъ встрѣчаетъ лѣтописецъ хозяйственныя заботы на югѣ Россіи въ эпоху, когда вся почти Европа объята была пламенемъ жестокой войны и страшилась могущества эфемерной Французской Имперіи. Несчастное положеніе промышленности на западѣ и югѣ Европы, особенно во Франціи и Италіи, (въ 1805 году) было причиною обогащенія новороссійскихъ портовъ, ибо всѣ почти государства нуждались въ хлѣбѣ, и нигдѣ онъ не былъ такъ дешевъ, какъ въ черноморскихъ портахъ, оживляемыхъ плодородными степями. Въ теченіе 1805 года, 666 заграничныхъ и 496 каботажныхъ судовъ кинули якорь въ Одессѣ; изъ числа ихъ 531 корабль отправился за границу и вѣроятно большая часть нагружена была хлѣбомъ: ибо слишкомъ 700,000 четвертей одной пшеницы отправлено было за море».

До такихъ размѣровъ отпускъ изъ Чикаго дошелъ лишь спустя полстолѣтія. Въ 1838 году, изъ этого города впервые вывезено пшеницы всего 78 бушелей. Начавъ съ такой ничтожной цифры свою отпускную торговлю хлѣбомъ, Чикаго, въ 1854 году, дошелъ до 2.300,000 бушелей, что составляетъ немногимъ болѣе половины отпуска изъ Одессы почти за цѣлыхъ 50 лѣтъ тому

назадъ. Но отпускъ изъ американскаго города возрасталъ съ такой быстротой, что уже въ 1861 году оттуда вывезено до 16 миллионъ бушелей, и Чикаго, по справедливости, сталъ гордиться названіемъ второй Одессы. Сравнявшись, наконецъ, съ своей соперницей въ отношеніи отпуска, Чикаго продолжалъ расти не по днямъ, а по часамъ, тогда какъ въ Одессѣ съ нѣкоторыхъ поръ обнаружился уже застой; такъ что въ настоящее время она далеко отстала отъ американскаго города, и рынки въ Западной Европѣ снабжаются изъ Америки обильнѣе даже, чѣмъ изъ бывшей житницы своей при Черномъ Морѣ.

Подобное широкое развитіе Чикаго состоитъ, конечно, въ тѣсной связи съ быстрымъ заселеніемъ и благодѣтельнымъ состояніемъ жителей въ томъ районѣ, средоточіемъ котораго служить самый городъ. Обращаясь опять къ вопросу о колонизаціи американскаго Дальняго Запада, рассмотримъ здѣсь, вслѣдствіе какихъ особенныхъ условій потокъ европейскихъ переселенцевъ направлялся и все еще направляется съ такою настойчивостью именно въ Соединенные Штаты, а не въ инныя страны. Фактъ этотъ самъ по себѣ поразителенъ тѣмъ болѣе, что разныя націи, особенно нѣмцы, давно уже и постоянно изыскивали другія мѣста на земной поверхности для болѣе самостоятельной колонизаціи, гдѣ столь дорогая для нихъ германская національность не утрачивалась бы такъ безслѣдно, какъ утрачивается она въ Соединенныхъ Штатахъ. Тамъ, какъ извѣстно, господствующее англосаксонское племя поглощаетъ, такъ сказать, всѣ остальные народности, подчиняя ихъ своему неотразимому вліянію. И дѣйствительно, нѣмцы не разъ уже пытались обзавестись своею особою колонією, гдѣ могли бы сохраниться и родной языкъ, и нравы, и весь складъ германскаго быта, гдѣ переселенецъ не чувствовалъ бы себя отрѣзаннымъ ломтемъ отъ родного края. Вслѣдствіе такихъ понятныхъ побужденій, они не разъ уже обращали свои взоры на иные края и особенно на многообильную пустынями Южную Америку. Тамъ, именно въ Бразиліи, представляются такія же необъятныя пространства для громадной массы переселенцевъ, такія же, если еще не болѣе благодатныя естественныя условія, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ. Нѣмцы, дѣйствительно, и пытались было направить туда потокъ германской эмиграціи. Но всѣ эти попытки, въ концѣ концовъ, оказались тщетными. Причина же такой неудачи, какъ заявляетъ, согласно съ другими нѣмецкими писателями, одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, Максъ фонъ-Ферсенъ (въ книгѣ: *Transatlantische Streifzüge*) заключается въ слѣдующемъ:

*

«Въ Бразиліи поселенцы подвергаются обременительнымъ стѣсненіямъ, какъ въ политическомъ, національномъ, такъ и въ церковномъ отношеніяхъ; права ихъ ограничиваются; при крайне дурныхъ полицейскихъ учрежденіяхъ въ странѣ, поселене преданы на произволъ туземныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Нанимая у послѣднихъ земли съисполу, поселенцы дѣлаются чуть-ли не крѣпостными навсегда. А по существующимъ въ странѣ узаконеніямъ, колонисты съ ихъ семьями, въ силу круговой поруки, впадаютъ на самое дѣлѣ въ безвыходную кабалу, вопреки даже отмѣненному правительствомъ рабству негровъ».

Таковыми политическими и социальными условіями достаточно объясняется жалкое положеніе колонистовъ, занесенныхъ судьбою въ Бразилію, и становится понятнымъ, что германскіе патриоты отказались, наконецъ, отъ завѣтной мысли основать тамъ свою колонію. Куда бы затѣмъ ни обращались нѣмецкіе переселенцы, на Кубу ли, гдѣ до сихъ поръ господствуетъ полная неурядица, въ Венесуэлу, въ Аргентинскую Республику — вездѣ колоніи ихъ бѣдствовали, вслѣдствіе крайне дурнаго политическаго и социальнаго строя, столь свойственнаго областямъ, гдѣ господствуетъ испанская раса. Въ этомъ отношеніи, для насъ самымъ назидательнымъ примѣромъ можетъ служить Тексасъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Состояніе его, до отмѣны невольничества и послѣ того, представляетъ поразительную и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительную противоположность.

И въ самомъ дѣлѣ, Тексасъ давно уже привлекалъ къ себѣ германскихъ колонистовъ, такъ что нѣкоторыя области его сплошь заселялись одними нѣмцами. Но, когда въ этомъ штатѣ господствовало еще невольничество, то плантаторы, расширяя свою рабскую систему, спѣшили по возможности завладѣть въ немъ обширными пространствами для хлопчатобумажныхъ плантацій. Вслѣдствіе этого, они не терпѣли въ своей средѣ вольныхъ земледѣльцевъ и всячески препятствовали переселенію трудолюбивыхъ нѣмцевъ, забирая въ свои руки лучшіе крупные участки. А потому, какъ ни привлекалъ къ себѣ этотъ почти пустынный, но отъ природы богато одаренный край, по сравнительно съ Миннесотой и другими сѣверными штатами, пользовавшимися болѣе свободными постановленіями, Тексасъ заселялся крайне туго, и, наконецъ, нѣмцы почти совсѣмъ было перестали селиться въ немъ. Когда же отмѣнили невольничество и рушилось владычество плантаторовъ по окончаніи междоусобной войны, то и землевладѣніе въ Тексасѣ подчинилось тѣмъ же

устанамъ, какіе господствовали въ свободныхъ штатахъ Сѣвера. Этого политическаго и социальнаго переворота въ край достаточно было, чтобы вновь привлечь въ край сильный, долготѣ небывалый потокъ колонизаціи. Мы видимъ, дѣйствительно, что за послѣдніе года, въ Тексасѣ число жителей, особенно германскихъ переселенцевъ, прибываетъ сотнями тысячъ, селенія и города растутъ тамъ словно грибы послѣ дождя, желѣзныя дороги пролагаются по краю во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ. Такой, по истинѣ, чудный поворотъ совершился главнѣйше вслѣдствіе примѣненія въ Тексасу землевладѣльческихъ постановленій сѣверныхъ штатовъ.

Обратимся же опять къ этимъ сѣвернымъ штатамъ и попытаемся уяснить себѣ, что за притягательная сила постоянно влечетъ къ нимъ такія громадныя массы переселенцевъ? Отчего послѣдніе, минуя даже болѣе благодатныя, болѣе богатыя, по естественнымъ условіямъ, страны, неудержимо устремляется въ этотъ завѣтный край Дальнаго Запада? Отвѣтъ на этотъ вопросъ развернетъ передъ нами всѣ условія и великія выгоды самой образцовой въ наше время системы колонизаціи, совершаемой болѣею частью не извнѣ, не изъ чуждыхъ странъ, а именно внутри самаго края, т. е. въ предѣлахъ одной и той же державы.

Образцовая система внутренней колонизаціи въ Соединенныхъ Штатахъ одолжена своимъ благотворнымъ успѣхомъ цѣлому ряду послѣдовательныхъ законодательныхъ мѣръ, неуклонно стремившихся къ осуществленію на дѣлѣ основнаго начала всякаго нормальнаго землевладѣнія. Начало это, въ короткихъ словахъ, можно выразить такъ: «земля должна принадлежать тому, кто воздѣлываетъ ее въ потѣ лица своего».

По смыслу конституціи Соединенныхъ Штатовъ, всѣ разными средствами у индѣйцевъ пріобрѣтенныя и никѣмъ еще незанятая земля въ предѣлахъ республики поступаютъ въ распоряженіе уашингтонскаго конгресса въ качествѣ общественнаго имущества Союза. Одинъ только конгрессъ властенъ отчуждать эти земли въ частную собственность и выдавать установленнымъ порядкомъ право на владѣніе определенными участками. Въ началѣ, въ 1785 году, когда возникъ вопросъ о распродажѣ незанятыхъ земель, въ конгрессѣ нѣкоторые изъ членовъ предложили отчуждать ихъ съ публичнаго торга. Тогда уже сторонники свободного землевладѣнія или свободные почвенники (Free Soilers), какъ называютъ ихъ американцы, возстали противъ такой мѣры, заявляя: «предоставить наши земли лицамъ, приторговавшимъ ихъ съ аукціона, противно всѣмъ здравымъ принци-

пашь землевладѣнія. Ихъ слѣдуетъ, напротивъ того, разбивъ на участки, роздать настоящимъ хлѣбопашцамъ. Воздѣлка дѣвственной почвы, трудъ этихъ поселенцевъ составляютъ источникъ истиннаго богатства, несокрушимой силы государства. Если конгрессъ не рѣшится раздавать земли задаромъ, то онъ долженъ, по крайней мѣрѣ, признать за поселенцемъ, прежде всѣхъ занявшимъ и воздѣлавшимъ участокъ, право первой покупки передъ другими лицами. На общественныя земли слѣдовало бы смотрѣть не съ точки зрѣнія доходныхъ статей, но какъ на средство для размноженія поселенцевъ. Если мы каждому хлѣбопашцу, какъ чуждому пришельцу, такъ и уроженцу, дадимъ бесплатно участокъ, назначимъ ему въ даръ вотчину, то заселеніе края и культура земли двинутся впередъ исполинскими шагами. Водворившіеся въ дѣвственныхъ мѣстахъ хлѣбопашцы будутъ пуждаться въ разныхъ товарахъ изъ-за границы, оплачивая ихъ избыткомъ своихъ земледѣльческихъ произведеній. Такимъ путемъ ввозныя пошлины, разрастаясь, доставятъ правительству гораздо болѣе дохода въ одинъ годъ, чѣмъ вся выручка съ проданныхъ земель въ цѣлое десятилѣтіе».

Въ этихъ заявленіяхъ свободныхъ почвенниковъ таятся уже зародышъ будущей образцовой системы заселенія, основанной на началахъ правильнаго землевладѣнія. Однако, конгрессъ долго не рѣшался осуществить предлагаемыя мѣры. Сильнѣе всего противились этому плантаторы, вовсе не желавшіе привлекать на свои невольничьи земли мелкихъ свободныхъ земледѣльцевъ; жотомъ также фабриканты въ восточныхъ штатахъ, опасавшіеся, чтобы такой слишкомъ легкій способъ приобрѣтенія земли въ собственность не увлекъ бы изъ ихъ фабрикъ рабочее населеніе. Послѣ долгихъ преній, конгрессъ, на первыхъ порахъ, ограничился изданіемъ, въ 1785 году, постановленія касательно разверстки и распродажи земель къ сѣверо-западу отъ Огайо. На такой конецъ разрѣшено было расходовать по 150,000 долларовъ въ годъ.

По сказанному постановленію, всѣ незанятые еще земли въ Соединенныхъ Штатахъ надлежало разбить на равныя участки опредѣленныхъ размѣровъ. Для этого предписывалось провести параллели съ сѣвера на югъ и пересѣчь ихъ, подъ прямымъ угломъ, другими параллельными линіями съ востока на западъ. Такимъ простымъ способомъ пустынные земли имѣли быть разбиты на квадратныя участки, каждый въ одну англійскую милю въ длину и въ ширину. Такой квадратъ въ одну милю или въ 640 акровъ величиною и былъ, на первыхъ порахъ, наименьшимъ размѣромъ участка, предлагаемаго прави-

тельствомъ въ продажу съ публичнаго торга. Для наблюденія за правильнымъ ходомъ продажи учреждены мѣстные земскія конторы (United States Landoffices), на которыя возложена обязанность въ извѣстные сроки совершать самые торги, а оставшуюся затѣмъ землю продавать также по мелкимъ частямъ охотникамъ селиться на ней.

Въ началѣ, однако, уставомъ конгресса возбранялся самовольный захватъ хотя бы и пустопорожнихъ земель; такъ что поселенецъ долженъ былъ прежде всего сторговать въ земской конторѣ извѣстный участокъ и внести за него деньги, и только тогда предоставлялось ему право водвориться на немъ. А иначе земскимъ властямъ предписывалось изгонять каждаго самовольно поселившагося на неоплаченной имъ землѣ.

Въ этомъ первомъ постановленіи конгресса, послужившемъ основою для постепенно слагавшейся системы заселенія, вскорѣ обнаружались два существенные недостатка. Во-первыхъ, для покупки предлагаемыхъ въ продажу крупныхъ участковъ, въ 640 акровъ, требовался довольно значительный капиталъ, слишкомъ въ 1,000 долларовъ, каковымъ въ рѣдкихъ случаяхъ развѣ могъ располагать настоящій хлѣбопашецъ. Такъ что, при этихъ условіяхъ, общественныя земли скупались спекуляторами-кулаками съ единственною цѣлью перепродать ихъ впоследствии по мелкимъ частямъ, съ большимъ барышомъ, настоящимъ земледѣльцамъ. На послѣднихъ, такимъ образомъ, обрушались всѣ невыгоды покупки изъ вторыхъ рукъ. Указывая на этотъ недостатокъ, свободные почвенники требовали, чтобы конгрессъ принималъ мѣры къ устраненію зла и далъ бы возможность недостаточнымъ поселенцамъ приобрѣтать земли изъ первыхъ рукъ по болѣе низкимъ правительственнымъ цѣнамъ, покупкою въ самой земской конторѣ. Уступая настойчивымъ требованіямъ, конгрессъ сократилъ размѣръ наименьшаго продаваемого отъ правительства участка сначала на половину, а потомъ на четверть, на восьмую долю, и, наконецъ, на одну шестнадцатую часть прежней величины, такъ что установившійся наименьшій участокъ теперь содержитъ въ себѣ всего 40 акровъ (почти 15 десятинъ). Цѣна за земли тоже была понижена до 1¹/₄ доллара за акръ. При такихъ условіяхъ, земледѣлецъ за сумму въ 50 долларовъ можетъ приобрѣсти въ собственность участокъ, внеся деньги непосредственно въ мѣстную земскую контору.

Этимъ, однако, не устранилось еще, во-вторыхъ, другое зло, а именно покупка обширныхъ пространствъ земли капиталистами съ цѣлью распродажи мелкими участками съ барышомъ настоящимъ земледѣльцамъ. Сторонники свободного землевладѣнія

настойчиво стремились къ прекращенію такого пагубнаго для успѣшнаго земледѣлія торгашества участками. Они требовали, чтобы правительство обратило свое вниманіе по преимуществу на интересы наиболѣе производительнаго класса переселенцевъ, охраняя ихъ отъ барышничества «земляныхъ акулъ» (Land-harks), какъ называлъ народъ промышлявшихъ землями капиталистовъ. Эти земляныя акулы, обыкновенно, заранѣе скупали заразъ большія пространства и выжидали, пока потокъ переселенія не устремится въ ихъ страны. Когда въ ихъ край появлялись настоящіе покупатели, т. е. хлѣбопашцы, то капиталисты въ тридорого продавали имъ пустынные земли.

Сверхъ того, свободные почвенники обращали особенное вниманіе на то, чтобы правительство, устраняя зло и облегчая, по возможности, каждому малодостаточному поселенцу приобрѣтеніе угодій безъ излишнихъ хлопотъ, отнюдь не вмѣшивалось въ его частныя дѣла, не стѣсняло бы его въ выборѣ участка, вообще предоставило бы ему въ этомъ отношеніи полную свободу дѣйствія. Изъ всѣхъ отраслей человѣческой дѣятельности, говорили они, земледѣліе болѣе всего нуждается въ самой широкой свободѣ дѣйствій со стороны сельскаго хозяина; всякое стѣсненіе въ этомъ промыслѣ неминуемо влечетъ за собой ущербъ и застои. Такимъ образомъ, конгрессу предстояло рѣшить двойную задачу: избавить земледѣльцевъ отъ упомянутыхъ акулъ и привести въ болѣе стройный порядокъ заселеніе, не стѣсняя притомъ колонистовъ ни въ выборѣ мѣстъ, ни въ способахъ дѣйствія.

Пока въ конгрессѣ шли обычнымъ порядкомъ пренія по поводу этого вопроса, въ то же самое время колонизація, не дожидаясь рѣшенія, неудержимо двигалась впередъ громадными массами. Переселенцы, въ настоящемъ случаѣ, самою практикою жизни какъ бы наводили правительство на тѣ мѣры, которыя постепенно выработывались въ стройныя законодательныя постановленія. Хотя капиталисты, по выданнымъ имъ въ земскихъ конторахъ документамъ, и считались владѣльцами обширныхъ участковъ, которые ими, конечно, никогда не посѣщались, но они все-таки не могли помѣшать передовымъ переселенцамъ захватывать приглядѣвшіяся имъ угодья и устраивать на нихъ временныя хозяйства. Такимъ образомъ, эти пионеры-культуры по нѣскольку лѣтъ къ ряду безпрепятственно распоряжались на оплаченныхъ капиталистами земляхъ, пока, наконецъ, не явился на это мѣсто настоящій покупатель, прибрѣтшій у капиталиста участокъ. При помощи земской полиціи онъ изгонялъ засѣвшаго на мѣстѣ передоваго пионера. Такіе захваты и изгнанія

не обходились, конечно, безъ насилій и буйныхъ столкновений между переселенцами. Такимъ образомъ, конгрессъ на дѣлѣ убѣдился въ крайней несообразности того закона, въ силу котораго съ общественныхъ, никѣмъ фактически незанятыхъ земель изгонялись поселенцы, хотя бы еще и не приобрѣтшіе формальнаго права на владѣніе. Сторонники свободнаго землевладѣнія, неуклонно преслѣдуя свою цѣль, вступились за передовыхъ пионеровъ, благодаря чему въ конгрессѣ установилось воззрѣніе, что этимъ людямъ, вложившимъ трудъ свой въ дѣвственную почву, при покупкѣ должно быть, по малой мѣрѣ, предоставлено преимущество передъ всѣми другими позднѣйшими пришельцами на занятія и воздѣланныя ими угодья.

Сверхъ того, надлежало также ограничить извѣстными предѣлами участки, продаваемые правительствомъ въ однѣ руки, назначая не только наименьшій, но также и наивысшій размѣръ угодій, какія можетъ приобрести каждый покупатель общественныхъ земель. Такъ, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, постепенно выработался въ конгрессѣ цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ, извѣстныхъ въ совокупности подъ именемъ права перваго захвата (*preemption laws of 1830, 1832, 1834, 1841 and 1843*).

По смыслу этихъ постановлений, каждому дѣйствительному поселенцу предоставлено водворяться по своему выбору на незанятомъ еще никѣмъ участкѣ, въ размѣрѣ не свыше 160 акровъ, все равно, разверстана ли уже земля инженерами, объявлена ли она правительствомъ въ продажу, или нѣтъ. Закономъ лишь требуется, чтобы поселенецъ поставилъ на избранномъ имъ мѣстѣ какое-нибудь жилое строеніе, хотя бы даже простой срубъ или блокгаузъ, и чтобы онъ на самомъ дѣлѣ лично водворился въ этомъ временномъ жилищѣ своемъ и воздѣлывалъ бы занятую имъ почву. Затѣмъ, когда земля объявлена правительствомъ въ продажу и въ округѣ открыта на этотъ конецъ мѣстная земская контора (*Landoffice*), то поселенецъ обязанъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ заявить въ конторѣ о занятомъ имъ участкѣ. Правительственный чиновникъ или такъ-называемый регистраторъ, внеся въ книгу нумеръ участка и имя занявшаго его пионера, вбираетъ съ послѣдняго приходящіяся за землю деньги, считая по $1\frac{1}{4}$ доллара за акръ, и тутъ же выдаетъ ему составленное по всей формѣ свидѣтельство или патентъ на владѣніе. Совершивъ эти формальности, поселенецъ дѣлается законнымъ владѣльцемъ избранныхъ имъ по его вкусу угодій. Плата за нихъ можетъ быть даже разсрочена на нѣсколько лѣтъ.

Таковы существенныя положенія касательно права перваго захвата земель въ отношеніи къ поселенцамъ. Казалось бы, та-

кимъ порядкомъ у спекуляторовъ отнята всякая возможность скупать большія пространства съ цѣлью барышничества. Но на дѣлѣ это не совсѣмъ оправдалось, несмотря на всѣ предупредительныя мѣры со стороны правительства. Подстрекаемые духомъ стяжанія, кулаки или земляныя акулы, при новомъ законѣ, нашли-таки средство набить свою кошну въ ущербъ бѣднѣйшимъ земледѣльцамъ. По собраннымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, заявленнымъ въ конгрессѣ, обнаружилось слѣдующее: капиталистъ, избравъ поприщемъ своей спекулятивной дѣятельности какой-нибудь округъ, приглашалъ водвориться на него первыхъ встрѣчныхъ поселенцевъ, неимѣвшихъ никакихъ средствъ начать хозяйство на свой собственный счетъ. На первыхъ порахъ, капиталистъ самъ снабжалъ ихъ, какъ бы въ кредитъ подъ залогъ участковъ, кое-какими средствами. Потомъ, когда, при посредствѣ того же спекулятора, совершалась купчая въ земской конторѣ, то капиталистъ заставлялъ задолжавшихъ ему поселенцевъ подписать въ зачетъ долга запродажную запись на его имя. По формѣ, все совершалось на законномъ основаніи, такъ какъ закономъ никому не возбраняется скупать земли у настоящихъ поселенцевъ. Потомъ спекуляторъ выдавалъ бѣднякамъ небольшое вознагражденіе за оказанныя ими услуги въ его продѣлкѣ, отпускалъ ихъ на всѣ четыре стороны и объявлялъ себя настоящимъ владѣльцемъ нѣсколькихъ тысячъ акровъ пусто-порожнихъ земель. Когда же, наконецъ, въ округъ нахлынули дѣйствительные земледѣльцы, то онъ предлагалъ охотникамъ селиться на его землѣ, продавая ее по возвышеннымъ уже цѣнамъ. Многие охотно приплачивали вдвое, втрое и даже болѣе противъ первоначальной правительственной цѣны, лишь бы приобрести въ собственность приглядѣвшійся имъ кусокъ земли. Такимъ путемъ земляныя акулы, при удачномъ выборѣ округа, въ самый короткій срокъ наживали огромные капиталы.

Отъ свободныхъ почвенниковъ не укрылись подобныя продѣлки спекуляторовъ. Вѣрные своему основному началу, что земле-владѣльцемъ по праву долженъ быть самъ земледѣлецъ, они настойчиво добивались устранения системы распродажи земель и особенно связаннаго съ ней кулачества, предлагая ввести окончательно строгую систему даровой раздачи участковъ исключительно обрабатывающимъ ихъ земледѣльцамъ. Они выразили свои основныя начала въ программѣ или, какъ называютъ американцы, въ платформѣ 1852 года, заявляя, «чтобы общественныя земли не продавались, а предоставлялись бы въ ограниченнхъ размѣрахъ задаромъ настоящимъ поселенцамъ, и то лишь до

тѣхъ поръ, пока каждый изъ нихъ, дѣйствительно, воздѣлываетъ свой участокъ».

Противъ такихъ рѣшительныхъ предложеній свободныхъ почвенниковъ всѣми силами вооружились опять-таки южные рабовладельцы, опасаясь, чтобы подобныя мѣры не привлекли бы слишкомъ сильнаго переселенія въ сѣверные штаты и не дали бы имъ слишкомъ большого перевѣса надъ южными. Въ пятидесятыхъ годахъ, вражда между сѣверомъ и югомъ, между аболіціонистами и рабовладельцами разгоралась изъ года въ годъ все сильнѣе, и, наконецъ, съ выборомъ лучшаго изъ представителей свободы, Линкольна, въ 1861 году вспыхнула великая междоусобная борьба за отмену невольничества. Въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій въ конгрессѣ, по настоянію свободныхъ почвенниковъ и подъ влияніемъ высоко-гуманнаго Линкольна, утверждёнъ, наконецъ, столь знаменательный для нашего вѣка *вотчинный законъ* (Homestead Law). По поводу этого важнаго въ аграрномъ отношеніи устава, войдемъ теперь въ нѣкоторыя подробности, пользуясь подлиннымъ его текстомъ.

Онъ озаглавленъ такъ:

«Законъ для обезпеченія вотчинъ за дѣйствительными поселенцами на общественныхъ земляхъ».

Затѣмъ слѣдуютъ самыя постановленія:

1) Сенатомъ и палатою представителей Соединенныхъ Штатовъ, въ собраніи конгресса, сямъ постановляется: всякому главѣ семейства или холостяку, достигшему 21-го-лѣтняго возраста, притомъ гражданину Соединенныхъ Штатовъ или заявившему, согласно мѣстнымъ узаконеніямъ, о своемъ намѣреніи сдѣлаться таковымъ и никогда не подымавшему оружія противъ правительства Соединенныхъ Штатовъ, не подавшему ни помощи, ни поддержки врагамъ ихъ, начиная съ 1-го января 1863 года, представляется вступить во владѣніе участкомъ въ 160 или менѣе акровъ никѣмъ еще незанятыхъ общественныхъ земель, на который сказанная личность предъявила право перваго захвата (Preemption claim)... Эта поступающая во владѣніе земля должна быть расположена такъ, чтобы изъ нея составился одинъ цѣльный участокъ, согласно закономъ установленной разверсткѣ. Притомъ каждому владѣющему уже землею и водворившемуся на ней предоставляется, согласно опредѣленіямъ этого закона, принять также во владѣніе смежный съ его землею участокъ, лишь бы послѣдній, вмѣстѣ съ прежнимъ владѣніемъ, не превышалъ въ совокупности 160 акровъ.

2) Затѣмъ постановляется: всякій, желающій воспользоваться этимъ закономъ и подавшій прошеніе въ земскую контору, въ

которой онъ намѣренъ вписать сказанный вводъ во владѣніе, обязанъ представить регистратору той конторы клятвенное заявление за своею подписью въ томъ, что онъ, дѣйствительно— глава семейства и проч... и что просьба подана имъ исключительно въ видахъ собственнаго употребленія и личной пользы, такъ что сказанное пріобрѣтеніе вотчины дѣлается съ цѣлью дѣйствительнаго заселенія и воздѣлки, а отнюдь не ради употребленія или пользы какихъ-либо иныхъ лицъ. По внесеніи такого рода клятвеннаго заявления въ конторѣ и по уплатѣ пяти долларовъ, въ случаѣ, если владѣніе не превышаетъ 80 акровъ (въ качествѣ вознагражденія за разверстку и другіе правительственные расходы), такому лицу разрѣшается вступить во владѣніе землею, съ тѣмъ условіемъ, однако, что патентъ на послѣднее выдается не иначе, какъ по истеченіи пятилѣтняго срока, считая со дня ввода во владѣніе; если по прошествіи этого срока или въ теченіи двухъ слѣдующихъ за нимъ лѣтъ, поселенецъ, заявившій о своемъ пріобрѣтеніи — а въ случаѣ смерти этого лица, его законный наслѣдникъ — при посредствѣ двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей докажетъ, что онъ въ теченіи пяти лѣтъ, считая со дня внесенія вышесказанныхъ клятвенныхъ заявленій, жилъ на той землѣ или воздѣлывалъ ее, и дастъ клятвенное заявление въ томъ, что ни одна часть той земли имъ не отчуждена, въ такомъ случаѣ, это лицо въ правѣ требовать законнымъ порядкомъ составленнаго патента и притомъ съ тѣмъ еще условіемъ, что, въ случаѣ смерти отца, оставившаго послѣ себя дѣтей моложе 21 года, право на владѣніе переходитъ къ этимъ дѣтямъ. Душеприказчикъ или попечитель можетъ, въ теченіи двухъ лѣтъ по смерти родителя и согласно съ законами штата, въ которомъ живутъ наслѣдники, продать землю въ ихъ же пользу, но не для какой-либо иной цѣли.

3) Затѣмъ постановляется, чтобы регистраторъ земской конторы всѣ таковыя заявленія вносилъ въ книги и карты своей конторы, велъ реестръ всѣмъ такимъ записямъ и представлялъ главной земской конторѣ отчетъ о нихъ вмѣстѣ съ доказательствами на которыхъ основаны тѣ заявленія и записи.

4) Земли, пріобрѣтенныя на основаніи этихъ законовъ, ни въ какомъ случаѣ не должны подлежать конфискаціи за долги, сдѣланныя до выдачи патента на владѣніе.

5) Если въ какое-либо время, послѣ подачи клятвеннаго заявления и до истеченія сказанныхъ пяти лѣтъ, регистратору представлены будутъ ясныя доказательства, что означенное лицо перемѣнило мѣсто своего жительства или покидало сказанный участокъ болѣе, чѣмъ въ теченіи шести мѣсяцевъ, въ та-

комъ случаѣ, участки, имъ занятый, поступаетъ обратно во владѣніе правительства.

6) Никому не дается права пріобрѣтать на основаніи этого устава владѣніе свыше 160 акровъ. На комиссара главной земской конторы возлагается обязанность начертать и издать, сообразно этому уставу, такія постановленія, какія окажутся необходимыми и цѣлесообразными для того, чтобы статьи этого закона вошли въ силу.

7) Эта статья касается карательныхъ мѣръ, согласно законамъ о наказаніяхъ за клятвенныя свидѣтельства.

8) По этой статьѣ всякому дѣйствительному поселенцу предоставляется, до истечения установленнаго пятилѣтняго срока, внести за участокъ извѣстную плату по 1¼ долларовъ за акръ и вступить во владѣніе, но только не на основаніи вотчиннаго устава, а просто на правахъ перваго захвата.

Для избѣжанія недоразумѣній, мы, по возможности, буквально придерживались текста устава и только мѣстами, для краткости, выпускали нѣкоторыя повторенія. Эти пропуски можемъ теперь восполнить разомъ, прибавивъ, что вотчинный законъ распространяется также на вдовъ, холостяковъ, достигшихъ 21 года, на служившихъ въ арміи Соединенныхъ Штатовъ и, наконецъ, не только на бѣлыхъ поселенцевъ, но также на негровъ и вообще на всѣхъ, желающихъ водвориться въ качествѣ земледѣльца и приписаться въ граждане Соединенныхъ Штатовъ, къ какой бы націи и какого бы цвѣта кожи они ни были.

Таковъ новый законъ касательно землевладѣнія, обязательный вообще для всѣхъ штатовъ Союза. Но каждый изъ послѣднихъ, пользуясь въ извѣстныхъ предѣлахъ автономіей, можетъ еще добавлять въ своей особой конституціи положенія, сообразныя съ мѣстными условіями, лишь бы притомъ не нарушались статьи общаго устава. Такъ, между прочимъ, именно въ Миннесотѣ, вотчинный законъ получилъ еще болѣе широкое значеніе, какого свободные почвенники не могли добиться отъ уашигтонскаго конгресса, вслѣдствіе сопротивленія сторонниковъ южныхъ плантаторовъ. Въ Миннесотѣ, не только земля и находящіяся на ней строенія, но также скотъ, сельско-хозяйственныя принадлежности и весь домашній скрубъ вотчиннаго земледѣльца, ни подъ какимъ видомъ не могутъ подлежать конфискаціи, ни продажѣ съ молотка за какіе-либо долги, недоимки или вслѣдствіе процесса.

Такъ, шагъ за шагомъ, практическимъ путемъ послѣдовательнаго поведенія—столь свойственнымъ американской законодательной системѣ вообще—выработался этотъ важный для будущихъ

успѣховъ земледѣлія вотчинный уставъ. Хотя, сравнительно съ известными доселѣ законоположеніями о личной земельной собственности, онъ, дѣйствительно, можетъ считаться лучшимъ образцомъ аграрнаго законодательства вообще; однако, свободные почвенники все еще неполнѣ достигли своей цѣли, состоящей, какъ мы видѣли, въ томъ, чтобы землею владѣлъ исключительно земледѣлецъ, воздѣлывающій ее на самомъ дѣлѣ, или, другими словами, чтобы земля отнюдь не переходила въ полную частную собственность, но доставалась бы земледѣльцу скорѣе на правахъ пользованія, такъ чтобы каждый, воздѣлывая землю, всецѣло пользовался плодами, извлекаемыми изъ нея личнымъ трудомъ. Вотчинный законъ не вполне удовлетворяетъ такимъ широкимъ требованіямъ свободныхъ почвенниковъ, а потому они до сихъ поръ и не думали еще слагать свое оружіе. Неуклонно стремясь къ своей цѣли, они все еще продолжаютъ свою благотворную дѣятельность.

Необходимо замѣтить по этому поводу, что установившіяся въ теченіе прежняго времени права земельной собственности, особенно въ старыхъ штатахъ Союза, остаются, конечно, ненарушимыми въ прежнемъ своемъ видѣ, несмотря даже на явный разладъ ихъ съ вотчиннымъ уставомъ. Такъ что на основаніи послѣдняго можно пріобрѣсти собственно только никому еще непрінадлежащія земли на Дальнемъ Западѣ. Но и тамъ тоже сказанный уставъ не примѣняется во всей своей чистотѣ и полнотѣ, какъ бы того желали свободные почвенники; потому уже, что правительство, вопреки вотчинному уставу, все-таки властно по прежнему отчуждать общественные земли съ торговъ всякому покупателю безъ разбора. Такъ что, при нѣкоторой сноровкѣ, землянымъ акуламъ все еще открыта нѣкоторая возможность барышничать землями въ ущербъ настоящимъ хлѣбопашцамъ. Правда, легкость пріобрѣтенія земель хлѣбопашцами, на основаніи вотчиннаго устава, даетъ теперь послѣднимъ полную возможность избѣгнуть алчныхъ спекуляторовъ, тѣмъ болѣе, что въ штатахъ находится еще громадный запасъ незанятыхъ участковъ; но въ самомъ уставѣ заключается тотъ недостатокъ, что, по смыслу его, съ истеченіемъ установленнаго пятилѣтняго срока земля поступаетъ, все-таки, въ полную собственность поселенца. Получивъ, по истеченіи пяти лѣтъ, патентъ на избранный имъ участокъ, онъ располагаетъ послѣднимъ, какъ своимъ недвижимымъ имуществомъ, и тогда воленъ уже отчуждать его, кому угодно. Такимъ образомъ, вотчинное владѣніе опять переходитъ въ разрядъ обыкновенной земельной собственности и подвергается вновь всѣмъ злоупотребленіямъ спекуляціи земля-

ми. Упомянемъ еще, что немало земель правительствомъ уступлено, въ качествѣ вознагражденія войскамъ, участвовавшимъ въ разныхъ войнахъ, потомъ также компаніямъ желѣзныхъ дорогъ по выданнымъ имъ концессіямъ ¹. Не останавливаясь, впрочемъ, на всѣхъ подобнаго рода побочныхъ подробностяхъ, обратимъ все наше вниманіе на переселенцевъ и на тѣ средства, какія предоставляются каждому дѣйствительному земледѣльцу для приобрѣтенія участка въ штатахъ.

Прежде всего, въ восточныхъ, болѣе населенныхъ областяхъ, гдѣ земли болѣею частью перешли уже въ частную собственность, имѣніе можно приобрѣсти только покупкою у настоящаго владѣльца. Эти земли, конечно, дороже правительственныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣны доходятъ до ста и болѣе долларовъ за акръ. Потому приобрѣтеніе такихъ имѣній доступно только для людей, обладающихъ капиталами и не желающихъ вступать въ борьбу со всѣми трудностями и невзгодами, связанными съ устройствомъ новаго хозяйства среди дѣйственныхъ, невоздѣланныхъ еще пустынь. Однако, также и въ малонаселенныхъ краяхъ бываетъ иногда выгодно покупать земли изъ вторыхъ рукъ, лишь бы хватило на то наличныхъ денегъ.

По этому поводу приведемъ интересный для насъ примѣръ недавно совершившейся покупки подобнаго рода. Одна партія выселившихся изъ нашихъ новороссійскихъ степей нѣмецкихъ колонистовъ перешла черезъ всю Миннесоту далѣе на Западъ и рѣшилась водвориться въ малонаселенныхъ прэри, между рѣками Миссисипи и Миссури, а именно въ сосѣдней съ Миннесотою территоріи *Дакота*, которая своими мѣстными условіями, климатомъ и почвой напомнила нашимъ менонитамъ недавно лишь покинутыя ими благодатныя степи южной Россіи. Хотя въ Дакотѣ большая часть земель никѣмъ еще не занята и потому легко было бы приобрѣсти правительственные участки за низкую цѣну, но нѣмцы, обладая заработанными въ Россіи капиталами, предпочли купить земли изъ вторыхъ рукъ, заплативъ за нихъ въ тридорого противъ правительственной цѣны. Они въ 1875 году расселились именно близъ новаго города Янгтона, рассчитывая при этомъ на вѣрный сбытъ своихъ будущихъ продуктовъ какъ въ самомъ городѣ, такъ¹ и въ быстро заселяющемся округѣ вообще. Съ этою цѣлью менониты тотчасъ же принялись за устройство большой мельницы, которая съ наступившей весной слѣдующаго года была пущена, уже въ ходъ. Извѣ-

¹ О злоупотребленіяхъ при раздачѣ земель желѣзно-дорожными компаніямъ, была въ «Отеч. Зап.» особая статья.

шая объ этомъ, мѣстная газета прибавляетъ: «нельзя не изумляться быстрому развитію нашего края съ тѣхъ поръ, какъ поселились къ намъ эти русскіе вѣмцы!»

Одно къ одному, упомянемъ здѣсь же, что другая партія менонитовъ, гораздо многочисленнѣе первой, направилась въ болѣе южные края, а именно въ штатъ Канзасъ, на западъ отъ Миссури. Находясь по сосѣдству съ рабовладѣльческимъ югомъ, этотъ штатъ, въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія, служилъ жалкимъ поприщемъ ожесточенныхъ столкновеній между аболиціонистами сѣвера и плантаторами юга, пытавшимися во что бы то ни стало водворить въ Канзасѣ рабство. Въ теченіи многихъ лѣтъ, стычки между той и другой стороной сопровождались опустошеніями и кровопролитіями, такъ что американцы отличили самую территорію прозвищемъ: «Кровавый Канзасъ». Сдѣлавшись, въ 1861 году, свободнымъ штатомъ, онъ долго не могъ оправиться отъ вѣдлившагося въ немъ недуга, и свободные земледѣльцы вообще избѣгали Канзаса, несмотря на благодатныя условія этого степнаго края. По окончательномъ уничтоженіи невольничества и прекращеніи плантаторскаго самоуправства, напротивъ того, переселенцы двинулись въ этотъ пустынный край большими массами, и хранившіяся въ странѣ производительныя силы природы быстро развернулись. Здѣсь-то, по долинѣ рѣки Арканзаса, близъ мѣстечка Пибоди, и основали свои колоніи наши менониты, раскинувшись на протяженіи 115 миль. Кромѣ хлѣбопашества, они начали промышлять также скотоводствомъ и особенно тонкоруннымъ овцеводствомъ, столь мало еще развитымъ въ тѣхъ краяхъ и съ которыми менониты такъ хорошо успѣли освоиться въ бытность свою въ Новороссіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они приступили къ разведенію тутовыхъ плантацій съ цѣлю водворить въ Канзасѣ небывалое тамъ доселѣ шелководство, которымъ менониты также ревностно занимались въ нашихъ южныхъ степяхъ. Благодаря дружнымъ усиліямъ нѣсколькихъ тысячъ трудолюбивыхъ и знающихъ свое дѣло поселенцевъ, «кровавый Канзасъ» недавно минувшихъ дней, какъ выражается американская газета: преобразился теперь въ цвѣтушій Канзасъ».

Послѣ этого невольнаго отступленія возвратимся опять къ нашему перечню разнаго рода способовъ приобрѣтенія переселенцами участковъ въ штатахъ. Въ пустынныхъ краяхъ земли, лежація по обѣ стороны пролегающаго тамъ рельсоваго пути, часто съ выгодой приобрѣтаются также покупкою у компаніи желѣзной дороги. При концессіяхъ, компанія отъ правительства получала, въ качествѣ субсидій, большія пространства дѣвствен-

ныхъ земель, съ правомъ распродавать ихъ потомъ участками переселенцамъ, желающимъ воспользоваться выгодами близкаго и быстрого средства сообщенія съ болѣе населенными краями. Такія земли продаются обыкновенно за разные цѣны, смотря по мѣстнымъ условіямъ и болѣе или менѣе выгодному положенію участка. Во всякомъ случаѣ, однако, пріобрѣтеніе ихъ доступно лишь для земледѣльцевъ, обладающихъ уже нѣкоторыми денежными средствами. Впрочемъ, стараясь для своей же выгоды, по возможности, скорѣе привлечь колонизацію вдоль по линіи новой, по первобытнымъ мѣстамъ пролагаемой дороги, компаніи нерѣдко уступаютъ свои земли за цѣны болѣе дешевыя правительственныхъ, а иногда предлагаютъ даже даромъ селиться на нихъ. По мѣрѣ того, конечно, какъ заселяется край по обѣ стороны линіи желѣзной дороги, поднимаются также и цѣны на участки.

Обычный способъ пріобрѣтенія земель изъ первыхъ рукъ состоитъ въ покупкѣ отъ правительства. Для этой цѣли въ извѣстные сроки назначаются торги, на которыхъ и предлагаются размежеванные, никѣмъ еще незанятыя участки. Въ такомъ случаѣ, плата за нихъ вносится тутъ же по состоявшимся торгамъ наличными деньгами. По окончаніи торговъ, предоставляется земскимъ конторамъ сбывать участки желающимъ пріобрѣсть ихъ также за наличную плату.

Всѣ приведенные доселѣ способы покупки земель состоятъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ началами, которыя выработаны свободными почвенниками, а потому они, извѣстными уже намъ законоположеніями, и пытались, по возможности, парализировать такія, по ихъ мнѣнію, ненормальныя пріобрѣтенія участковъ, въ чемъ успѣли, если не вполне, то отчасти, по крайней мѣрѣ. И въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время вообще неохотно покупаютъ земли у правительства съ торговъ, потому уже, что, по извѣстному намъ праву перваго захвата, поселенецъ, занявшій участокъ и водворившійся на немъ, пользуется преимуществомъ передъ всякимъ другимъ покупателемъ. Хотя бы онъ еще ничего не заплатилъ за занятый имъ участокъ, но никто не въ правѣ вытѣснить его оттуда, коль скоро онъ своевременно заявилъ о своемъ захватѣ въ мѣстной конторѣ. Такимъ образомъ, оказывается, что болѣе правильный и самый вѣрный способъ состоитъ въ пріобрѣтеніи участка на основаніи одного изъ двухъ новыхъ уставовъ, т. е. на основаніи права перваго захвата или вотчиннаго закона. Этимъ путемъ главнѣйше и совершается въ настоящее время самое плодотворное, по своимъ благимъ послѣд-

Г. ССXXXIV. — Отд. I. 10

ствіямъ, заселеніе дѣйственныхъ краевъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Такой способъ приобрѣтенія участковъ производится обыкновенно въ слѣдующемъ порядкѣ.

Прежде всего, поселенецъ намѣчаетъ себѣ область, въ которой желаетъ водвориться, и, сообразуясь съ этимъ, направляется съ своею семьей и своимъ скарбомъ въ одинъ изъ ближайшихъ въ избранному имъ краю городовъ, до котораго доѣзжаетъ, обыкновенно, по желѣзной дорогѣ. Въ находящейся въ городѣ мѣстной земской конторѣ онъ можетъ, на всякій случай, навести справки, какія земли уже заявлены въ книгахъ регистратора и какія еще совершенно свободны. Затѣмъ, онъ снаряжается въ пустынный край, по возможности, раннею весной. Для этого и приобрѣтаетъ просторную фуру, крытую сверху парусиною, натанутой на обручахъ и влекомой парой добрыхъ лошадей. Легкая на ходу фура нагружается необходимыми съѣстными припасами, какъ-то: мукой, американскими сухарями, ветчиной, просоленнымъ саломъ, патокой, сахаромъ, кофе и вообще всякими необходимыми для долгаго странствованія принадлежностями. Снарядившись такимъ образомъ, словно въ плаваніе по открытому океану, моверъ, какъ называются эти кочевые земледѣльцы, направляется къ западу, и на своемъ кораблѣ пустыни онъ пускается въ зеленое море степей на поиски или, какъ выражаются американцы, на «охоту за землей». Недѣли, мѣсяцы странствуетъ онъ по степямъ, высматривая удобныя для него мѣста и угодыя. Когда, наконецъ, онъ нашелъ по своему вкусу участокъ, то располагается на немъ, какъ на своемъ будущемъ владѣніи. Затѣмъ, пользуясь никому еще непринадлежащимъ лѣсомъ въ окрестностяхъ, онъ спѣшитъ поставить грубый срубъ или блокгаузъ, лишь бы на первыхъ порахъ было гдѣ пріютиться семьѣ, поднимаетъ плугомъ степную новь и готовитъ ее подъ кукурузу. Вообще, по мѣрѣ возможности, устраиваетъ свое хозяйство до наступленія зимы такъ, чтобы пробавиться съ семьей до будущаго урожая. Если земля уже размежевана и гдѣ нибудь по близости открыта земская контора, то моверъ спѣшитъ занести въ книгу регистратора номеръ занятаго имъ участка. Этотъ номеръ онъ легко самъ узнаетъ по клеймамъ инженеровъ на межевыхъ столбикахъ, расставляемыхъ по угламъ каждаго изъ квадратныхъ участковъ. Исполнивъ эту необходимую формальность, моверъ, сдѣлавшійся теперь уже настоящимъ фермеромъ, вполне обезпеченъ касательно своего владѣнія. Если онъ намѣренъ приобрѣсти его на правахъ вотчиннаго устава, то, исполнивъ всѣ предписанныя закономъ условія, онъ черезъ пять лѣтъ вновь является въ контору для полученія надлежащаго

патента на владѣніе. Этими двумя формальностями и ограничиваются всѣ его сношенія съ властями по поводу прибрѣтеннаго имъ вотчиннаго участка.

Другіе моверы, разселяясь по сосѣдству, поступаютъ такимъ же образомъ. И никакія административныя, ни полицейскія лица не вмѣшиваются въ эти самовольные захваты дѣйственныхъ земель поселенцами. Правительство, установивъ ясныя правила и распорядившись разверсткою земель, предоставляетъ ватѣмъ земледѣльцамъ самимъ разбирать участки по собственному ихъ усмотрѣнію. Когда встрѣчаешься въ степяхъ съ моверами, кочующими безъ всякихъ опредѣленныхъ указаній, какъ бы на авось, когда бываешь свидѣтелемъ, какъ поселенцы, по своей прихоти, водворяются то тутъ, то тамъ; вообще, когда слѣдишь на мѣстѣ за всѣмъ этимъ съ виду нестройнымъ, ниѣмъ не направляемымъ ходомъ переселенія, то невольно опасаясь, не вышло бы тутъ со временемъ путаницы и сумятицы, особенно, когда край заселится еще гуще. Но ничего не бывало: въ этомъ свободномъ и, повидимому, беспорядочномъ ходѣ заселенія, въ сущности, больше порядка и законности, нежели то бываетъ при самыхъ строгихъ административныхъ и полицейскихъ распоряженіяхъ, благодаря, конечно, связаннымъ предупредительнымъ мѣрамъ правительства. Иначе оно и быть не можетъ, потому уже, что, при личной свободѣ, всякіе законы соблюдаются строго; тогда какъ, при неумѣстномъ полицейскомъ вмѣшательствѣ, они, по возможности, обходятся. Сами моверы ревниво соблюдаютъ право перваго захвата, такъ что поселенцу стоитъ сдѣлать простую зарубку на деревѣ или поставить какой-нибудь значекъ на мѣстѣ, дабы заявить, что онъ избралъ для себя отмѣченный участокъ, и ни одинъ изъ появившихся послѣ него моверовъ не покусится занять его, хотя бы первый поселенецъ и отлучился на недолгое время съ занятого имъ мѣста. Впрочемъ, когда, по истеченіи нѣсколькихъ недѣль, онъ вовсе не явится, тогда только рѣшается завладѣть отмѣченнымъ участкомъ другой поселенецъ. Такой самъ собою установившійся обычай строго соблюдается моверами.

Надо замѣтить, впрочемъ, что даже такой даровой способъ прибрѣтенія земель не для всякаго доступенъ. Не всякій переселенецъ обладаетъ средствами настолько, чтобы прибрѣсть фуру и пару лошадей и сдѣлать запасъ для себя и семьи, съ тѣмъ чтобы продовольствоваться, по малой мѣрѣ, въ теченіи года, до перваго урожая на вновь воздѣланномъ имъ полѣ. Поэтому бѣднѣйшіе переселенцы, неимѣющіе ничего, кромѣ пары здоровыхъ рукъ, прибѣгаютъ къ инымъ средствамъ.

*

по этому поводу одинъ изъ многихъ случаевъ, которые пришлось мнѣ прослѣдить на самомъ дѣлѣ.

Лѣтомъ 1857 года, потокъ колонизаціи направился на западъ отъ рѣки Миссури, въ тогдашнюю территорію Небраску. Находясь тогда съ товарищемъ по путешествію въ одномъ изъ крайнихъ поселеній, въ Колумбусѣ, мы, за неимѣніемъ гостинницы, пріютились въ своей палаткѣ, раскинувъ ее въ степи близъ дома основателя только-что возникавшаго города. У нашего хозяина жилъ тогда по найму работникъ, ходившій за коровами и исполнявшій также другія полевныя работы. Далѣе, на западъ отъ Колумбуса, простиралась дѣвственная степь, нетронутая еще ни плугомъ, ни косой. Нашъ работникъ, всякій разъ, какъ только могъ отлучиться въ праздники, уходилъ въ степь, высматривая тамъ удобныя мѣста или, какъ говорилъ онъ намъ по этому поводу, охотясь на досугѣ за землей. Разъ вернувшись съ своей охоты, онъ сообщилъ намъ, что, наконецъ, высмотрѣлъ отличный участокъ, на которомъ и хочеть теперь въ свободное отъ работъ время поставить блокгаузъ. Слѣша въ другія мѣста, мы вскорѣ затѣмъ покинули Колумбусъ, пожелавъ работнику успѣха въ задуманномъ имъ предпріятіи.

Двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ того, пришлось мнѣ опять проѣзжать мимо Колумбуса по недавно открытой желѣзной дорогѣ къ Тихому Океану. На этотъ разъ дѣвственный край представился мнѣ покрытымъ цвѣтущими фермами. Остановившись изъ любопытства дня на два въ томъ же городѣ Колумбусѣ, но уже въ хорошей гостинницѣ, я встрѣтился съ знакомымъ мнѣ работникомъ, сдѣлавшимся между тѣмъ уже зажиточнымъ фермеромъ. Радушно принявъ меня въ своемъ красивомъ двухэтажномъ домѣ, словоохотливый нѣмецъ рассказалъ мнѣ о своихъ прошлыхъ подвигахъ. Выбравъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ участокъ, онъ выпросилъ у хозяина пару лошадей и въ одно воскресенье пригласилъ человѣкъ шесть такихъ же, какъ онъ, работниковъ помочь ему срубить и перевезти лѣсъ для блокгауза, общая угостить ихъ, какъ слѣдуетъ, пивомъ. Въ пустынныхъ краяхъ поселенцы всегда охотно помогаютъ товарищу, и потому лѣсъ былъ живо срубленъ и подвезенъ къ назначенному мѣсту. Въ слѣдующее затѣмъ воскресенье, товарищи опять принялись за работу и поставили на участкѣ грубый срубъ. Послѣ этого, нашъ работникъ былъ уже вполне обезпеченъ насчетъ своего владѣнія. Оно считалось уже за нимъ по праву перваго захвата. Заявивъ о томъ въ ближайшей земской конторѣ и оставаясь все еще работникомъ по найму, онъ исподволь въ досужее время сталъ готовить свою ферму. Уходя на свой уча-

Стоявъ съ субботы вечера, онъ въ теченіи лѣта достроилъ блокгаузъ, покрылъ его крышей, потомъ, пользуясь лошадьми хозяина, поднялъ къ осени степную новъ и засѣялъ кукурузой грубо взоранную пашню. Между тѣмъ, получая у хозяина по 25 долларовъ въ мѣсяцъ на готовыхъ харчахъ, онъ, въ теченіи года успѣлъ скопить столько, что могъ купить себѣ лошадь и самыя необходимыя земледѣльческія орудія. На другой годъ, весной, онъ уже совсѣмъ перебрался въ свой блокгаузъ и сталъ хозяйничать на свой пай. Вскорѣ затѣмъ, по краю прошла новая желѣзная дорога, и молодой фермеръ сталъ выгодно сбывать пшеницу, кукурузу, картофель и другіе продукты. На другой годъ онъ выписалъ своего брата изъ Германіи, пославъ ему сколько слѣдовало денегъ на проѣздъ. Юное хозяйство расширялось изъ года въ годъ, и теперь, вмѣсто прежняго блокгауза, на участкѣ стоитъ уютный двухэтажный домикъ, обшитый тесомъ, крытый желѣзомъ и окрашенный въ голубой цвѣтъ.

Это только одинъ изъ многихъ извѣстныхъ мнѣ примѣровъ подобнаго рода приобрѣтенія земель и zaloженія фермъ переселенцами, которые принимаются за дѣло, не имѣя сначала никакихъ денежныхъ средствъ. Вообще, подобнаго рода неимущіе земледѣльцы поступаютъ сперва въ работники къ какому-нибудь фермеру или, въ крайнемъ случаѣ, на фабрику и, заработавъ въ годъ или два надлежащую сумму, лишь бы было на что запастись необходимыми земледѣльческими принадлежностями, приобрѣтаютъ задаромъ никѣмъ незанятый еще участокъ на правахъ вотчиннаго устава и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сами дѣлаются зажиточными фермерами. Такимъ образомъ, хотя и не вполне, все-таки, отчасти, осуществляются основныя начала свободныхъ почвенниковъ.

Последніе, однако, до сихъ поръ продолжаютъ свою настойчивую пропаганду въ пользу земледѣльческаго класса, и, благодаря ихъ инициативѣ, въ послѣдніе года организовалось въ штатахъ новое товарищество, подъ названіемъ «Блюстителей земледѣлія» (Patrons of Husbandry). Они, впрочемъ, извѣстны болѣе подъ именемъ «Грэнджеровъ» (Grangers), произведенномъ отъ французскаго слова «Grange» амбаръ. Этимъ словомъ въ Америкѣ привыкли называть вообще всякую хозяйственную усадьбу. Сложившееся въ началѣ семидесятыхъ годовъ, исключительно изъ однихъ сельскихъ хозяевъ, товарищество, по смыслу своего устава, имѣетъ цѣлю блюсти интересы земледѣльческаго сословія и способствовать его успѣхамъ при посредствѣ общаго взаимнаго содѣйствія и всегдашней готовности помогать другъ другу во всѣхъ сельско-хозяйственныхъ дѣлахъ. Сначала грэнд-

жеры, подобно фран-масонамъ, хранили въ тайнѣ свои дѣйствія. Но въ 1874 году, на второмъ всеобщемъ собраніи, вожаки ихъ обнародовали программу «Національнаго грэнджа», возбуждившую въ Америкѣ всеобщее вниманіе и сочувствіе, особенно въ теперешнюю смутную годину, когда въ Соединенныхъ Штатахъ всюду стали обнаруживаться преступныя злоупотребленія въ правительственныхъ сферахъ и язва подкуповъ и нечистой наживы заразила чуть ли не всѣ отрасли администраціи. По уставу, въ члены грэнджа принимаются исключительно одни земледѣльцы. Когда въ зашломъ году, нѣсколько крупныхъ хлѣбныхъ торговцевъ пожелаали вступить въ общество, то грэнджеры рѣшительно отвергли ихъ, признавая сообщниками однихъ только хлѣбопашцевъ, воздѣлывающихъ почву. Грэнджеры заботятся главнѣйше о приведеніи, по возможности, въ лучшее состояніе вотчинныхъ фермъ. Съ этою цѣлью они, между прочимъ, общими силами возстаютъ противъ внѣдрившихся злоупотребленій кредитной системы, разрѣшающейся обыкновенно банкротствами—противъ всего, что ведетъ къ пагубнымъ послѣдствіямъ растлѣнной роскоши и пристрастію ко всякимъ нелѣпнымъ модамъ. Грэнджеры требуютъ также, чтобы въ средѣ ихъ тяжбы между членами отнюдь не подверглась гражданскимъ судамъ, но подчинялись бы третейскому приговору въ предѣлахъ самаго грэнджа. вмѣстѣ съ тѣмъ, они сообща совѣщаются о мѣрахъ, имѣющихъ цѣлью облегчить и сдѣлать болѣе выгодными для фермеровъ всякую куплю и продажу. Дабы упростить торговля операціи, касающіяся земледѣльческихъ произведеній, грэнджеры стараются по возможности избѣгать агентовъ и посредниковъ, поглощающихъ немалую долю стоимости хлѣбныхъ продуктовъ. И, наконецъ, они пекутся также о болѣе нормальномъ устройствѣ перевозочныхъ средствъ. Такими путями грэнджеры стремятся устранить по возможности преграды, лежащія между настоящимъ производителемъ продуктовъ и непосредственнымъ потребителемъ ихъ, стараясь сблизить между собою того и другого такъ, чтобы первому не приходилось сбывать плоды своихъ трудовъ въ тридешево, а послѣднему платить за нихъ въ тридорого. Собственно говоря, по поводу послѣдняго вопроса и возникло сначала товарищество грэнджеровъ. Въ своей программѣ они прямо заявляютъ: «мы всячески будемъ настаивать, чтобы правительство, по мѣрѣ возможности, усилило средства дешевой перевозки къ морскимъ пристанямъ и внутреннимъ рынкамъ нашего края. Мы всѣми силами будемъ стараться открыть всевозможные естественные пути съ цѣлью оживить наши сношенія». Признавая громадную пользу желѣзныхъ дорогъ и кана-

ловъ, грэнджеры нажѣрены, однако, противождать злоупотребленіямъ акціонерныхъ компаній, называющихся, благодаря произвольно назначаемымъ цѣнамъ за провозъ, какъ насчетъ производителей, такъ и въ ущербъ потребителямъ. Конечная цѣль грэнджеровъ въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, чтобы со временемъ желѣзныя дороги и каналы, вообще всякіе пути сообщенія изъ рукъ частныхъ компаній перешли въ общественное завѣдываніе, такъ чтобы граждане республики могли пользоваться разными путями на такихъ же основаніяхъ, какъ по установленной умѣренной таксѣ пользуются, напримѣръ, посейными дорогами и мостами. Подступая, однако, осторожно къ достиженію своей цѣли, грэнджеры сочли необходимымъ успокоить людей, опасющихся за свои благопріобрѣтенныя богатства, заявивъ по этому поводу въ программѣ: «Наше честное братство не имѣетъ ничего общаго съ коммунизмомъ движимаго имущества или земли. Но мы встаемъ противъ духа и устройства такихъ корпорацій и предпріятій, которые, въ концѣ концовъ, ложатся гнетомъ на народъ и предвосхищаютъ у него плоды его трудовъ. Мы — не враги капиталовъ, но мы ратуемъ противъ деспотизма монополій».

Итакъ, грэнджеры отнюдь не имѣютъ въ виду колебать установленныя права собственности; они не хотятъ накопившіеся вѣками захваты имущества исправлять новыми захватами. Они хотятъ только у нагроможденнаго въ нѣсколькихъ рукахъ имущества отнять силу и возможность обращать въ послушныхъ рабовъ неимущіе, трудящіеся классы. Они признаютъ за собственникомъ право пользованія благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, лишь бы только капиталы лишены были способности нарастать путемъ процентовъ и дивидендовъ до чудовищныхъ размѣровъ. Для грэнджеровъ страшна не собственность сама по себѣ, а присущая ей способность обращать въ свою кабалу трудъ и, пользуясь производительностью послѣдняго, расти въ рукахъ непродуцательнаго капиталиста, истощая рабочіе классы. Короче, капиталъ не долженъ поработать себѣ трудъ, а, наоборотъ, трудъ долженъ подчинить себѣ капиталы, пользуясь ими для производства новыхъ общественныхъ капиталовъ. Согласно съ этимъ и надлежитъ дать такое направленіе законодательной власти, чтобы она служила поддержкой труду, а не капиталу, въ ущербъ послѣднему.

Хотя возникшая недавно грэнджа далеко еще не успѣла осуществить на дѣлѣ свою программу, и нѣкоторые органы печати предрекаютъ ей даже эфемерное существованіе, однако, судя по нѣкоторымъ проявленіямъ послѣднихъ лѣтъ, она, какъ ка-

жется, собирается съ силами и въ короткій срокъ успѣла уже принять довольно широкіе размѣры. О ростѣ этого товарищества можно судить уже потому, что, на шестомъ году по своему основанію, оно состояло изъ полутора милліона членовъ. Идя своимъ путемъ независимо отъ обѣихъ господствующихъ нынѣ, республиканской и демократической, партій въ штатахъ, грэнджеры, тѣмъ не менѣе, успѣли уже проявить свое вліяніе на политическомъ поприщѣ, особенно въ западныхъ штатахъ. Такъ, въ Иллинойсѣ они повели уже выборы въ пользу своихъ кандидатовъ. Въ Миннесотѣ грэнджеры поставили изъ своей среды губернатора, обязавъ своихъ представителей признать за законодательнымъ корпусомъ право отмигнуть всякаго рода вредныя монополіи, привилегіи и тому подобныя злоупотребленія, дающія капиталу возможность роста въ ущербъ производительному труду.

По такому почину только-что сложившагося товарищества «Блюстителей земледѣлія», надо ожидать въ недалекомъ будущемъ благихъ успѣховъ для сельскаго хозяйства. Тѣмъ еще болѣе, что, по установившемуся вслѣдствіе земледѣльческихъ уставовъ строю въ сѣверозападныхъ штатахъ, въ родѣ Миннесоты, Иллинойса и пр., владѣльцы-фермеры сплошь да рядомъ въ то же время—сами и работники, что, впрочемъ, не мѣшаетъ имъ принимать въ подмогу по нѣскольку человекъ временныхъ рабочихъ, чающихъ, въ свою очередь, со временемъ также быть фермерами. Такъ что вообще дѣйствія грэнджеровъ оказываютъ рѣшительное вліяніе на судьбы всего сельскаго рабочаго населенія.

Крупныя помѣстья въ такихъ большихъ размѣрахъ, чтобы самъ владѣлецъ не ходилъ лично за плугомъ и бороной, а только управлялъ бы общимъ ходомъ хозяйства, встрѣчаются въ сѣверовосточныхъ штатахъ только въ видѣ немногихъ исключеній. Такія скопленія земель въ однихъ рукахъ составляютъ, напротивъ, преобладающую черту плантаторскаго хозяйства въ южныхъ штатахъ, какъ остатка недавно господствовавшей тамъ невольничьей системы. Вслѣдствіе этого, въ старыхъ штатахъ, особенно тамъ, гдѣ преобладаютъ доходныя сахарныя плантаціи, въ Луизианѣ, Алабамѣ и пр., мелкіе недостаточные земледѣльцы не въ состояніи болѣе приобрѣтать участки ни по праву перваго захвата, ни на основаніи вотчиннаго закона. Но много свободныхъ земель осталось еще на югѣ, во Флоридѣ и дагѣе на западъ отъ Луизианы, куда въ послѣднее время и устремился сильный потокъ колонизаціи, и на этотъ разъ по преимуществу въ богатоодаренный Тексасъ.

Этотъ обширный штатъ, составляющій теперь главную цѣль для земледѣльческаго класса — ихъ завѣтное Эльдorado, одинъ могъ бы вмѣстить въ себѣ легко до 40 милліоновъ жителей, т. е. все наличное населеніе Соединенныхъ Штатовъ; между тѣмъ, въ минувшую эпоху господствовавшаго въ немъ невольничества, тамъ было немногимъ болѣе полумилліона. Но лишь только отмѣнили рабство въ штатахъ, и населеніе Тексаса стало расти съ такой быстротой, что въ 1875 году тамъ насчитывалось уже ровно двойное число жителей, т. е. около милліона. Вновь пролагаемыя желѣзныя дороги едва успѣваютъ перевозить массы переселенцевъ; новые города возникаютъ тамъ одинъ за другимъ; вообще, во всемъ краѣ творятся негаданныя дотогѣ преобразованія, такъ что, пока въ мѣстной типографіи печатаются самыя свѣжія, только-что собранныя свѣдѣнія о краѣ, по выходѣ книги изъ-подъ станка оказывается, что изложенныя въ ней новости далеко уже отстали отъ самой дѣйствительности. Такой наплывъ въ этотъ плодоносный край совершается теперь, опять-таки благодаря разумнымъ, предупредительнымъ мѣрамъ правительства, и Тексасъ являетъ собою въ этомъ отношеніи особенно поучительный примѣръ перехода отъ прежней плантаторской системы съ крупными имѣніями къ свободнымъ началамъ нормальнаго землевладѣнія.

Дѣло въ томъ, что, до отмѣны невольничества, плантаторы, пользуясь своею неограниченною властью на югѣ, разными правдами и неправдами успѣли завладѣть огромными пространствами земель въ Тексасѣ. Къ тому же, земли тамъ не были еще разверстаны, какъ-то дѣлалось на сѣверѣ. Крупные собственники зачастую не знали даже настоящихъ границъ своихъ обширныхъ владѣній. Все вмѣстѣ служило сильной помѣхой для водворенія въ краѣ настоящихъ производительныхъ переселенцевъ. Посмотримъ же теперь, къ какимъ мѣрамъ прибѣгло правительство, чтобы выпутаться изъ этой неурядицы и открыть край для строенаго и болѣе плодотворнаго заселенія.

Прежде всего, правительство озаботилось о надлежащей разверсткѣ земель по установленной прямоугольной системѣ. Опредѣливъ затѣмъ въ точности границы владѣній крупныхъ земельныхъ собственниковъ, оно положило конецъ всякимъ дальнѣйшимъ притязаніямъ подобныхъ лицъ, предъявлявшихъ права на обширные участки. Дабы прекратить разъ навсегда столь вредное для культуры края вообще громадное скопленіе земель въ рукахъ одного лица, неспособнаго заняться собственными силами воздѣлкою своихъ угодій и только мѣшающаго всякому нормальному развитію земледѣлія, конгрессъ штата Тексаса поста-

новилъ закономъ, чтобы правительство впредь не имѣло права жаловать и отчуждать, попрежнему, какимъ бы то ни было лицамъ оставшіяся свободныя земли. Послѣднія назначаются въ продажу черезъ посредство устроенныхъ по образцу сѣверныхъ штатовъ земскихъ конторъ (Landoffices), которыя обязаны выдавать патенты на участки однимъ только дѣйствительнымъ поселенцамъ, и то лишь въ размѣрѣ не свыше 160 акровъ на душу. Это постановленіе, какъ видно—не что иное, какъ примѣненіе къ Тексасу извѣстныхъ уже намъ статей изъ общаго аграрнаго законодательства Соединенныхъ Штатовъ. Точно такимъ же образомъ въ Тексасѣ примѣненъ и общій вотчинный уставъ. На основаніи послѣдняго, каждому семейному переселенцу предоставляется на общественныхъ земляхъ въ даръ участокъ, величиною въ 160 акровъ, съ тѣмъ, чтобы онъ лично поселился на немъ и воздѣлывалъ бы его. Одинокому холостяку на тѣхъ же условіяхъ предлагается участокъ въ 80 акровъ. Принявъ эти мѣры, правительство затѣмъ не вмѣшивается болѣе въ личныя распоряженія переселяющихся земледѣльцевъ.

Такимъ образомъ, приспособляясь къ общему законодательству союза, Тексасъ, несмотря на господствовавшія тамъ въ прежнее время злоупотребленія вслѣдствіе скопившихся земельныхъ владѣній, успѣлъ привести въ стройный порядокъ свои аграрныя условія и распорядиться своими общественными землями по образцу сѣверозападныхъ штатовъ. Точно такимъ же порядкомъ совершается теперь распредѣленіе земель во Флоридѣ и въ еще мало населенной Новой Мексикѣ, въ прошедшемъ лишь году вступившей въ разрядъ штатовъ. Всѣ эти громадныя пространства представляютъ еще обширное поприще для образованія нѣсколькихъ милліоновъ будущихъ вотчинъ.

III.

Будущее заселеніе Новороссіи.

Земледѣльческое населеніе—главная основа Американскаго Союза.—Вопросъ о свободѣ переселенія въ Россіи.—Мечты о примѣненіи къ ней американскихъ уставовъ.—Воображаемое движеніе переселенцевъ съ сѣвера на югъ.—Будущій приростъ населенія въ одно десятилѣтіе и въ четверть вѣка.—Населеніе въ Китаѣ.—Приростъ населенія, какъ условіе его благоденствія.—Преимущества Россіи относительно переселенія.—Приростъ населенія въ сѣверныхъ губерніяхъ.—Наклонность и способность нашихъ крестьянъ къ переселенію.—Воздѣлка пшеницы въ Америкѣ и Россіи.—Финансовыя интересы.—Бродяжничество.—Опасенія крупныхъ землевладѣльцевъ.—Несостоятельность всѣхъ возраженій.

Такъ въ дѣйственныхъ странахъ Америки все болѣе упрочиваются начала землевладѣнія, выработанныя свободными поч-

венниками. Они, конечно, не достигли еще вполне цѣли своихъ стремленій, и, быть можетъ, грэнджерамъ предстоитъ начатое ими дѣло; во всякомъ случаѣ, однако, изложенныя нами законодательныя мѣры касательно права перваго захвата (Preemption-Laws) и вотчиннаго владѣнія (Homestead-Laws), въ настоящемъ своемъ видѣ, представляютъ, конечно, огромныя преимущества въ сравненіи съ господствующими фермерскими системами въ Англіи и другихъ державахъ западной Европы. Не забудемъ притомъ, что движеніе, открытое свободными почвенниками, началось недавно: даже одно поколѣніе не успѣло еще пережить съ той поры, какъ въ 1830 году изданъ первый законъ по этому поводу, а вотчинный уставъ существуетъ всего только 14 лѣтъ. А между тѣмъ, въ такой короткій срокъ успѣли уже образоваться сотни тысячъ сельскихъ вотчинъ, сотни тысячъ семействъ нашли себѣ вполне обезпеченное состояніе, достигли довольства, каковыя до сихъ поръ на нашей землѣ нигдѣ еще не пользовалось трудящееся земледѣльческое населеніе. Оно-то и составляетъ главную мощную основу Соединенныхъ Штатовъ, и, несмотря на растлѣніе городскихъ нравовъ, на заразу алчной наживы, на подкупы и подлоги, развившіяся за послѣднее десятилѣтіе въ средѣ самаго уашигтонскаго конгресса, сельское населеніе Дальняго Запада хранить въ нѣдрахъ своихъ прочныя, здоровыя залогы будущаго развитія въ штатахъ и, слѣдовательно, также несокрушимой силы молодой еще республиканской державы.

Въ этомъ отношеніи, на древнемъ материкѣ, въ настоящее время, одна развѣ Богомъ спасаемая Россія представляетъ еще благодатныя условія для достиженія въ будущемъ, по крайней мѣрѣ, такого же благосостоянія въ средѣ земледѣльческаго класса. Починъ въ этомъ направленіи положенъ уже совершившеюся отѣбною крѣпостного права и надѣленіемъ крестьянъ землею. Совершивъ этотъ первый, самый трудный шагъ, правительство, конечно, не можетъ остановиться на немъ. Всѣ сложившіяся, по освобожденіи, условія нашего крестьянскаго быта настойчиво приводятъ къ заключенію, что въ настоящее время на очереди состоитъ вопросъ о свободѣ переселенія. Тѣмъ болѣе, что для осуществленія этого вопроса Россія отъ природы въ избыткѣ надѣлена всѣми необходимыми для того условіями. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что свобода переселенія представляетъ одинъ изъ путей, вступивъ на который, народъ русскій въ состояніи будетъ вполне развернуть производительныя силы, столько вѣковъ дремавшія въ нѣдрахъ его страны.

Когда въ Америкѣ потокъ колонизаціи устремляется въ какую-нибудь новую территорію, то, прославляя выгодныя условія пустыннаго края и рисуя будущее развитіе его яркими, размашистыми чертами, положительные американцы даютъ полный разгулъ своей фантазіи, и надо сказать, что дѣйствительность зачастую нетолько оправдывается, но даже превосходитъ казавшія сначала чуть ли не заносчивыми и фантастическими ожиданиями и надежды такихъ порицателей будущаго успѣха. Послѣдуюмъ теперь и мы ихъ примѣру: забывъ на время о суровой дѣйствительности, испытуемой въ настоящее переходное время нашимъ крестьянскимъ населеніемъ, дадимъ волю обольстительнымъ мечтамъ и посмотримъ, чего можно ожидать въ будущемъ отъ устроеннаго надлежащимъ образомъ свободнаго переселенія въ Россіи. Было бы, конечно, опрометчиво предполагать, чтобы у насъ это свободное переселеніе организовалось точно въ томъ же видѣ, какъ въ Сѣверной Америкѣ. Сложившійся вѣками строй нашего крестьянскаго быта съ его общиннымъ началомъ послужитъ, разумѣется, поводомъ къ разнымъ болѣе или менѣе существеннымъ измѣненіямъ земельного законодательства вообще. Во всякомъ случаѣ, однако, это нетолько не мѣшаетъ примѣнить къ русскимъ условіямъ общія начала американскихъ уставовъ; но общинное устройство можетъ послужить даже къ болѣе широкому и прочному приспособленію ихъ къ сельско-хозяйственному развитію въ Россіи. Необходимо только, чтобы въ основу законодательства легло бы то же самое главное исходное начало свободныхъ почвенниковъ, требующихъ, чтобы земля составляла собственность настоящаго земледѣльца, влагающаго въ нее свой личный трудъ. Это самое начало, какъ извѣстно, составляетъ коренную сущность также нашей сельской общины. А потому она никоимъ образомъ не будетъ служить намъ помѣхой въ нашемъ воображаемомъ очеркѣ касательно будущихъ послѣдствій свободнаго переселенія въ Россіи, лишь бы всѣ остальные условія отвѣчали требованіямъ разбираемаго вопроса. На это и обратимъ теперь наше вниманіе.

Не станемъ распространяться о дальнихъ краяхъ Сибири съ ея незаселенными еще землями по Амуру, о Кавказѣ и нашихъ новыхъ завоеваніяхъ въ Средней Азіи, ограничимся здѣсь только нашими южными степями и по преимуществу новороссійскимъ краемъ. Мечтая о его будущемъ, но не выходя изъ предѣловъ, какіе представляютъ дѣйствительныя, сбывшіяся уже факты въ Америкѣ, попытаемся прослѣдить, чего можно ожидать въ нашихъ степяхъ въ теченіе наступающаго десятилѣтія, если къ нимъ приспособить систему колонизаціи, оказавшуюся на дѣлѣ

столь благотворною въ Миннесотѣ и сосѣднихъ съ нею сѣверо-западныхъ степныхъ штатахъ.

Вообразимъ себѣ прежде всего, что крестьяне пользуются полною свободой перехода съ мѣста на мѣсто, какъ-то было въ Россіи до роковой отгѣны юрьева дня, и что, притомъ, въ Новороссіи полицейскія власти не вмѣшиваются въ дѣла поселенцевъ, ограничиваясь единственно соблюденіемъ безопасности въ краѣ, охраненіемъ мирныхъ поселенцевъ отъ грабежей, разбоевъ и всякаго рода насилій со стороны бродячихъ хищниковъ, какихъ, вѣроятно, окажется не менѣе, чѣмъ въ настоящее время. Затѣмъ, представимъ себѣ, что министерство государственныхъ имуществъ нашло средство приобрести въ государственную собственность всѣ впустѣ лежащія земли, считающіяся теперь за частными лицами, монастырями и пр., и сплошь да рядомъ не приносящія имъ почти никакихъ доходовъ. Всѣ эти будущія государственныя земли, прежде всего, будутъ, конечно, разбиты, по образцу американскихъ, на правильные участки, примѣрно, по 30 десятинъ каждый. Пускай, послѣ этого, вступитъ въ силу новый уставъ, подобный вотчинному закону американцевъ, приспособленный къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и условіямъ нашего сельскаго быта. Для приведенія въ дѣйствіе этого устава окажется необходимымъ открыть въ разныхъ пунктахъ Новороссіи земскія конторы, обязанныя вести реестры земель, занимаемыхъ въ ихъ округахъ, и выдавать поселенцамъ надлежащія свидѣтельства. Послѣ такихъ предварительныхъ приготовленій, остается еще разослать по всѣмъ волостямъ и приходамъ Россіи заявленіе о томъ, что на югѣ настоящимъ земледѣльцамъ предоставляются для водворенія земли на извѣстныхъ, ясно означенныхъ условіяхъ.

Не обладая даже даромъ предвѣденія, можно быть увѣрену, что съ наступившею затѣмъ весною населеніе двинется съ разныхъ концовъ Россіи, подобно тому, какъ въ настоящее время толпы крестьянъ каждое лѣто изъ сѣверныхъ губерній переходятъ въ тѣ же южныя степи на заработки, съ тою только разницею, что на этотъ разъ поселенцы отправятся въ путь съ своими семьями и со всѣмъ домашнимъ скарбомъ, съ тѣмъ, чтобы навсегда уже водвориться на новыхъ мѣстахъ.

Примѣнимъ теперь къ нашему воображаемому переселенію въ южныя степи тѣ же выводы и статистическія данныя, которыя, при такихъ же условіяхъ и въ сходныхъ по физическимъ и климатическимъ свойствамъ странахъ въ Сѣверной Америкѣ, осуществились на самомъ дѣлѣ. Тамъ, какъ мы видѣли, въ одно десятилѣтіе, населеніе прибыло на 65%. Когда этотъ расчетъ

приложимъ къ нашему воображаемому очерку, то окажется, что въ Новороссіи, гдѣ въ настоящее время считается круглымъ числомъ до 5.500,000 душъ, черезъ десять лѣтъ прибудеть свыше 3.500,000 человекъ, тогда какъ въ прошлое десятилѣтіе, отъ 1860 до 70 года, населеніе тамъ едва лиросло на полмилліона. Итакъ, по нашему довольно сдержанному разсчету, въ Новороссіи черезъ 10 лѣтъ можно ожидать болѣе 9.000,000 жителей. Занимая пространство слишкомъ въ 7,000 квадратныхъ миль, Новороссія и тогда еще далеко не будетъ заселена какъ слѣдуетъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ Московской Губерніи, на примѣръ, которая, по густотѣ населенія, много уступаетъ западнымъ странамъ Европы, на каждую квадратную милю приходится около 2,800 душъ. Еслибъ даже ограничиться такимъ сравнительно рѣдкимъ населеніемъ, то въ Новороссіи могло бы прожить на полномъ просторѣ 20 милліоновъ человекъ. По нашему разсчету, нетрудно убѣдиться, что, при предполагаемомъ нами ходѣ колонизація, населеніе въ Новороссіи достигнетъ этой цифры лѣтъ черезъ двадцать пять: т. е., въ такомъ случаѣ, черезъ четверть вѣка, Новороссія будетъ населена, по малой мѣрѣ, такъ же густо, какъ теперь населена Московская Губернія.

Остановимся на этомъ и замѣтимъ встать, что главное дѣло тутъ не въ однихъ только лишнихъ милліонахъ жителей. Благоденствіе, могущество и развитіе народа обусловливается не однимъ только приростомъ населенія. Правда, застой въ этомъ отношеніи самъ по себѣ уже свидѣтельствуетъ о дурномъ состояніи края, о бѣдственномъ положеніи его жителей. Однако, хотя въ Китаѣ, на примѣръ, имѣется на лицо свыше 400.000,000 жителей, т. е. чуть ли не въ полтора раза болѣе, чѣмъ во всей Европѣ, а все-таки поденщикъ, проживающій въ послѣдней изо дня въ день своимъ трудомъ, не помѣняется своей участью съ рабочимъ Небесной Имперіи. Это осязательнѣе всего обнаруживается особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ китайскій труженникъ вступаетъ въ непосредственное соперничество съ европейскимъ пролетаріемъ, какъ пришлось намъ видѣть, на примѣръ, въ Калифорніи. До переселенія туда сыновъ Небесной Имперіи самыми дешевыми работниками тамъ были ирландцы. Нахлынувъ массами въ Калифорнію, китайцы до такой степени понизили задѣльную плату, что даже неприхотливымъ ирландцамъ стало не въ моготу соперничать съ ними: европейскіе переселенцы просто не находятъ возможности поддержать свое матеріальное существованіе при такой низкой платѣ, тогда какъ китайцы не только довольствуются ею, но откладываютъ еще лишніе гроши про запасъ и, проработавъ нѣсколько лѣтъ къ раду, уѣзжаютъ

на родину съ тѣмъ, чтобы прожить тамъ на скопленные трудомъ деньги. Поэтому уже можно себя представить, какъ они живутъ въ Америкѣ! Сколоченные гдѣ-нибудь за городомъ хлѣвы и конуры изъ полусгнившихъ, никуда негодныхъ бревенъ и досокъ служатъ имъ логовищемъ. Вонь и удушливый смрадъ издали уже взобличаютъ мѣсто, занятое какою-нибудь кучею китайскихъ поселенцевъ. А питаются они при этомъ такою скуднымъ, болѣею частью, растительною пищею, что надо удивляться, какъ еще въ состояніи работать эти съ виду хилые, мозглявые и малорослые люди. Если этотъ жалкій народецъ, до того привязанный къ своей родинѣ, что даже кости умершихъ въ Америкѣ перевозятся обратно въ Китай, отважился перебраться за океанъ съ тѣмъ, чтобы за свой безустанный трудъ добиться такой приниженой, скотоподобной жизни, то можно себя вообразить, каково живетъ ему въ самомъ Китаѣ!

Набросавъ нашъ очеркъ будущаго заселенія Новороссійскаго Края, мы, конечно, и не предполагали, чтобы миллионы тамошнихъ жителей могли дойти когда-нибудь до такого паскуднаго состоянія. Напротивъ, мы увѣрены, что, при свободѣ переселенія, черезъ десять лѣтъ, эти миллионы будутъ пользоваться гораздо высшимъ довольствомъ, нежели теперь. Въ этомъ отношеніи мы опять-таки можемъ сослаться на дѣйствительные факты. И въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ того, какъ населеніе въ Америкѣ растетъ, подвигаясь на западъ, тамъ въ то же самое время поднимается и самое благоденствіе поселенцевъ. И понятно: вслѣдъ за пионерами-хлѣбопашцами, въ новый край танутся кузнецъ и мельникъ, каменщикъ и плотникъ, мелочной торговецъ и содержатель гостинницы, сельскій учитель, священникъ и адвокатъ, докторъ съ аптекой и типографщикъ съ своимъ станкомъ; короче—въ край развиваются промыслы и торги, вслѣдствіе чего хлѣбопашецъ сбываетъ избытокъ своихъ продуктовъ на самомъ мѣстѣ, не перевоза ихъ въ дальніе края, и, слѣдовательно, выручаетъ за нихъ гораздо высшую прибыль. Онъ удѣляетъ часть прибыли на удовлетвореніе своихъ расширившихся домашнихъ потребностей и разныхъ прихотей, въ родѣ нарядовъ для жены и дѣтей, что, въ свою очередь, привлекаетъ въ край еще большее число промышленниковъ и торговцевъ разнаго рода. Вообще, населеніе въ новой странѣ, размножаясь изо дня въ день, все болѣе сближаетъ потребителя съ производителемъ, и каждый изъ нихъ пользуется выгоднымъ сбѣгомъ взаимныхъ услугъ. Понятно, что такое широкое развитіе промысловъ въ край главнѣйше обусловливается—невѣдомой въ Китаѣ—полною свободой передвиженія на мѣстѣ людей изъ всѣхъ слоевъ общества, такъ

что, безъ устраненія обременительной паспортной системы, оно нигдѣ немислимо.

При такихъ-то условіяхъ, мы, возвращаясь къ нашему воображаемому очерку, въ правѣ заключить, что Новороссія, черезъ десятокъ лѣтъ, населится девятью, а, черезъ четверть вѣка, двадцатью милліонами жителей, благоденствіе которыхъ поднимется соотвѣтственно приросту населенія. Получаемый въ урожайные годы въ избытѣхъ хлѣбъ не будетъ гнить въ скирдахъ за неимѣніемъ сбыта, какъ-то бывало до сихъ поръ и какъ даже теперь нерѣдко случается. Находя себѣ выгодный сбытъ на ближайшемъ рынкѣ, трудъ земледѣльца вознаградится въ болѣе полной мѣрѣ, и производительныя силы края развернутся въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Для полноты нашего очерка недалеяго будущаго, намъ слѣдуетъ еще, не выходя изъ области дѣйствительныхъ фактовъ, перенестись въ воображеніи также въ другіе концы нашего обширнаго отечества. Должно замѣтить прежде всего, что, мечтая о переселеніи въ Новороссію, мы отнюдь не помышляемъ о привлеченіи въ наши степи иномземныхъ колонистовъ. Въ этомъ отношеніи Россія поставлена выгоднѣе всѣхъ остальныхъ странъ на землѣ: она не нуждается въ иномземномъ нашествіи, подобно Америкѣ, и жителямъ ея нѣтъ также никакой надобности выселиться изъ своего отечества въ чуждые заморскіе края. Надѣленная отъ природы обширными благодатными пространствами, она, въ то же время, населена, по крайней мѣрѣ, настолько, что можетъ, въ теченіи недолгаго времени, заселить своими же подданными незанятая еще доселѣ мѣста.

Но тутъ возникаетъ самъ собой довольно тревожный вопросъ: не послужитъ ли предполагаемое переселеніе въ ущербъ тѣмъ областямъ Россіи, откуда отхлынетъ на югъ такая значительная часть жителей? Въ отвѣтъ на это, напомнимъ только о добытыхъ нами фактахъ относительно переселенія изъ Европы въ Америку. Основываясь на нихъ, мы съ увѣренностью утверждаемъ, что сказанная прибыль населенія въ Новороссіи совершится, не причинивъ никакого ущерба остальнымъ областямъ. Напротивъ: тамъ число жителей не только не уменьшится отъ выселенія, но еще увеличится въ нормальныхъ размѣрахъ, точно такъ же, какъ увеличилось оно въ Европѣ, несмотря на громадное выселеніе изъ нея за послѣднія десятилѣтія. Принявъ въ расчетъ, что у насъ переселеніе совершилось бы не за океанъ, не въ чуждыя страны, гдѣ каждый выходецъ становится отрѣзаннымъ ломтемъ отъ своей отчизны, мы, не вдаваясь даже въ область утопій, можемъ быть вполне увѣрены, что лишніе милліоны переселен-

цевъ въ южныхъ хлѣбородныхъ краяхъ благотворно повліяють на оставшихся въ сѣверныхъ губерніяхъ земляковъ своихъ и, нѣтъ сомнѣнія, подымутъ ихъ благосостояніе, вслѣдствіе чего смертность въ край сократится, а число бравовъ и новорожденныхъ увеличится—вообще, приростъ населенія будетъ усиливаться въ возрастающей прогрессіи.

Соблазнившись такими мечтами о будущности Новороссіи, невольно спрашиваемъ себя: отчего бы этой фантазіи не осуществиться у насъ въ дѣйствительности, подобно тому, какъ осуществилась она на нашихъ глазахъ въ американскихъ пустыняхъ? Со стороны мѣстныхъ естественныхъ условий въ этомъ отношеніи не представляется никакихъ препятствій: мы видѣли, что наши степи ни въ чемъ не уступаютъ американскимъ прѣри. Какъ тамъ, такъ и у насъ, тотъ же просторъ для нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ хлѣбонашцевъ, та же черноземная сила, дающая обильные урожаи лучшей пшеницы. А что касается до сбыта продуктовъ, то Россія поставлена даже въ болѣе выгодное положеніе какъ относительно своего внутренняго, такъ и внѣшняго рынка, т. е. Западной Европы. Итакъ, если со стороны природы не представляется препятствій къ предполагаемому населенію края, то надо искать ихъ въ бытовыхъ условіяхъ народа, въ политическомъ и социальномъ строѣ его.

Сопоставляя Россію съ Америкой въ отношеніи бытовыхъ условій, мы приходимъ къ тому выводу, что первая обладаетъ болѣе большими преимуществами передъ послѣдней. Выше было уже замѣчено, что въ этомъ отношеніи ни Америка и никакая другая страна въ свѣтѣ не пользуется такими выгодами, какъ Россія. И въ самомъ дѣлѣ, европейцы, заселившіе Америку, должны были отрѣшиться отъ своей родины, отъ своихъ обычаевъ и нравовъ, часто даже отъ своего языка, словомъ—отъ всего, съ чѣмъ сжились и сроднились они съ колыбели, что стало ихъ второю и, можно сказать, главною натурой. Для русскаго же хлѣбопашца переходъ изъ сѣверныхъ губерній въ южныя нельзя даже, въ строгомъ смыслѣ слова, назвать переселеніемъ: это—только перенесеніе хозяйства изъ одной мѣстности въ другую, въ предѣлахъ той же отчизны. Русскій крестьянинъ, переходя въ новыя мѣста, мѣняетъ только крайне бѣдственное положеніе на другое, сулящее ему довольство и благосостояніе, не выходя притомъ изъ предѣловъ своей родины.

Наши крестьяне, дѣйствительно, при всякомъ удобномъ случаѣ, проявляютъ сильную склонность къ переселенію, побуждаемые къ тому, конечно, надеждою выйти изъ бѣдственнаго состоянія

и сознаниѣмъ, что наша земля велика и обильна и въ ней нашлось бы вдоволь мѣста для всѣхъ нуждающихся. Наклонность къ переселенію до того сильна въ нѣкоторыхъ областяхъ Россіи, что крестьяне, какъ не разъ уже случалось, по одному смутному слуху о какихъ-то дальнихъ пустопорожнихъ земляхъ, раздаваемыхъ будто бы охотникамъ селиться на нихъ, бросали свои жилища и поля и цѣлыми обществами, съ чадами и домочадцами, направлялись на поиски обѣтованныхъ мѣстъ.

Что же касается до способности нашего хлѣбопашца воздѣлывать новыя земли и приурочиться въ новыхъ мѣстахъ, то въ этомъ отношеніи сомнѣваться никакъ нельзя: русскій крестьянинъ сѣверныхъ и среднихъ губерній—по преимуществу, земледѣлецъ. При своихъ скудныхъ даже средствахъ, пользуясь крайне простыми, чуть ли не первобытнаго свойства орудіями, при далеко неблагоприятномъ климатѣ, онъ съ своею сивкой извлекаетъ урожай изъ такой мало плодородной, вѣками истощенной почвы, отъ которой, навѣрное, отказался бы всякій американскій колонистъ. Въ южныхъ же степяхъ нашихъ земледѣліе ведется тѣмъ же простымъ, чуть ли не первобытнымъ способомъ, какъ и въ сѣверо-американскихъ прэри, что, въ свою очередь, также свидѣтельствуетъ о сходствѣ мѣстныхъ естественныхъ условій тѣхъ и другихъ краевъ. Этимъ объясняется также то обстоятельство, что менониты, привыкшіе къ степному хозяйству нашего юга, сразу успѣли приурочиться въ американскихъ пустыняхъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ тамъ, такъ и у насъ на югѣ, поселенинъ, занявъ степной участокъ, подымаетъ съ мѣста черноземную новъ тяжелымъ плугомъ, влекомымъ тремя парами воловъ. Предоставивъ взборозженную, такимъ образомъ, почву дѣйствию лѣтнаго зноя и зимнихъ морозовъ, пахарь съ наступившей весной еще разъ перепашиваетъ свою оранку, засѣваетъ ее и заволакиваетъ потомъ легкой бороной. Въ началѣ іюля, пшеница созрѣла и, при благоприятной лѣтней погодѣ, даетъ обильный урожай. Убрывъ хлѣбъ, поселенецъ снова перепашиваетъ съ осени жниву и на будущій годъ тѣмъ же порядкомъ воздѣлываетъ ту же самую оранку. Такимъ образомъ, одно и то же поле по нѣскольку лѣтъ къ ряду безсмынно засѣвается пшеницей; а когда, послѣ нѣсколькихъ урожаевъ, почва истощится, то поселенецъ оставляетъ поле подъ выгонъ или только для овецъ и подымаетъ подъ сѣвъ новую землю на своемъ участкѣ. О навозѣ и удобреніи нѣтъ и помину въ черноземномъ краѣ.

Вотъ, въ общихъ крупныхъ чертахъ, какъ воздѣлываютъ пшеницу и нашъ новороссійскій оратай, и сѣверо-американскій фермеръ. Замѣтимъ притомъ, что выходцы изъ Германіи и Велико-

британіи, привыкшіе у себя на родинѣ къ высшей усовершенствованной системѣ земледѣлія съ травосѣяніемъ и плодосмѣнностью, водворяясь въ степяхъ Америки, покидаютъ свой привычный способъ обработки и не покушаются даже прибѣгать тамъ ни къ плодосмѣнному хозяйству, ни къ другимъ подобнаго рода усовершенствованіямъ отечественной агрономіи. Такимъ образомъ, покинувъ наши южныя степи и пройдя по всему западу Европы, мы нигдѣ не встрѣчаемся съ хозяйствомъ, подобнымъ нашему степному. И только перенесясь за океанъ на дальній Западъ Америки, снова видимъ передъ собою тѣ же широкіе приемы, тотъ же чуть ли не первобытный способъ земледѣлія, опирающійся на избыткъ неистощенной еще черноземной почвы.

Итакъ, если естественная условія края, наклонность и способность русскаго народа благоприятствуютъ заселенію нашихъ степей, то что же мѣшаетъ имъ на самомъ дѣлѣ заселиться по образцу американскихъ пустынь? Не пострадаютъ ли отъ этого, быть можетъ, финансовыя интересы государства? Такое предположеніе оказывается несостоятельнымъ потому уже, что самыя финансовыя интересы, въ концѣ-концовъ, обуславливаются благоденствіемъ и богатствомъ подданныхъ. Лучшимъ доказательствомъ и въ этомъ также отношеніи могутъ послужить тѣ же Соединенные Штаты. Тамъ, до послѣдней великой войны, весь почти правительственный доходъ основывался единственно на переселенцахъ и на возраставшемъ благосостояніи жителей. И точно, отчуждая земли за весьма умѣренную плату, правительство выручало большія суммы съ участіемъ, продаваемыхъ переселенцамъ. Другой главный источникъ правительственной казны состоялъ еще въ таможенныхъ взносахъ. Такъ что, чѣмъ болѣе ввозилось въ край иноземныхъ товаровъ, обложенныхъ пошлиной, тѣмъ больше денегъ поступало въ казну. А товаровъ выписывалось, конечно, тѣмъ болѣе, чѣмъ богаче были потребители, т. е. граждане штатовъ.

Здѣсь не мѣсто говорить о другихъ налогахъ, къ которымъ уашигтонское правительство вынуждено было прибѣгнуть по окончаніи междоусобія для уплаты громаднаго долга: это — случай исключительный. Замѣтимъ только, что и этотъ собираемый теперь съ жителей налогъ, благодаря которому, накопившійся долгъ дѣйствительно уплачивается и въ скоромъ времени погасится окончательно, возможно было взимать съ жителей, единственно вслѣдствіе широкаго ихъ довольства и вообще разившейся промышленности въ свободномъ краѣ. Не подлежитъ также сомнѣнію, что и нашему

*

крестьянину, при предлагаемомъ свободномъ переселеніи вслѣдствіе поднавагагося довольства, нетрудно уже будетъ внести тотъ же самый налогъ, который теперь ложится на него тажкимъ гнетомъ и собирать который годъ отъ году становится все труднѣе, такъ что недоимки нарастаютъ безъ конца.

Не станемъ касаться по этому поводу вопроса о болѣе правильной, болѣе справедливой податной системѣ, на основаніи которой земледѣльца слѣдовало бы освободить отъ болѣе части лежащихъ на немъ государственныхъ повинностей. Передъ нами возникаетъ другой вопросъ въ видѣ болѣе страннаго призрака: не разростется ли, вслѣдствіе свободы передвиженія, бродяжничество, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, грабежи и разбои? Въ отвѣтъ на это скажемъ только, что подобныя опасенія могутъ возникнуть развѣ вслѣдствіе совершеннаго незнанія бытовыхъ свойствъ нашего крестьянина и особенно земледѣльца. Земледѣліе само по себѣ уже обусловливается мирными, крайне консервативными свойствами. Кому неизвѣстно, что грабежи и разбои въ средѣ крестьянъ всегда были слѣдствіемъ безвыходнаго положенія людей, доведенныхъ до крайней нужды? Земледѣлецъ, не знающій нужды, есть, напротивъ того, самый надежный хранитель общественной безопасности: онъ—самый либеральный изъ всѣхъ обывателей, онъ—всегда и вездѣ стойкій консерваторъ. Такъ что, при полной свободѣ переселенія, при открывшейся возможности достигъ пропитанія и довольства воздѣлкою почвы, слѣдуетъ скорѣе ожидать не усиленія, а уменьшенія тѣхъ грабежей и разбоевъ, что совершаются у насъ въ настоящее тяжкое для крестьянскаго населенія время.

Тѣмъ еще болѣе, что, при предполагаемомъ переселеніи, будетъ даже менѣ поводовъ къ самому бродяжничеству, чѣмъ теперь. Вѣдь переселенецъ отправляется въ путь не одинъ, а съ семьей, со всѣмъ домашнимъ скарбомъ, имѣя притомъ впереди опредѣленную цѣль; она поглощаетъ все его вниманіе. Тогда какъ въ настоящее время крестьянинъ, уходя изъ дому на заработки, хотя бы и съ паспортомъ, который не можетъ помѣшать ему ни воровать, ни грабить, покидаетъ свою семью и часто, шатаясь подолгу безъ цѣли въ напрасныхъ поискахъ за работой, онъ поневолѣ дѣлается настоящимъ бродягой. Ему стѣдуетъ лишь заболѣть дорогой или не найти въ теченіе долгаго времени никакихъ занятій—и всѣ скупныя средства его истощатся, такъ что ему не съ чѣмъ даже вернуться домой. Онъ по нуждѣ прибѣгаетъ къ разнымъ мошенническимъ промысламъ и, въ концѣ-концовъ, находитъ себѣ пріютъ въ острогѣ, если толь-

во полиціи удастся перехватить его на какомъ-нибудь дѣлѣ съ личнымъ.

По новоду свободнаго перехода нрѣдко приходится еще слышать объ опасеніяхъ иного рода, особенно со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ тѣхъ мѣстъ, откуда слѣдуетъ ожидать болѣе дружнаго выселенія. Говорятъ, что помѣщики тѣхъ мѣстъ, лишась рабочихъ рукъ, не въ состояніи будутъ заняться сельскимъ хозяйствомъ. На это замѣтимъ, во-первыхъ, что въ настоящее время и безъ того каждый годъ совершается переселеніе изъ тѣхъ же мѣстъ, а именно изъ среднихъ губерній въ южныя, такъ что въ самую рабочую пору, т. е. лѣтомъ, на мѣстѣ остается только крайне необходимое для работъ число крестьянъ. То же самое будетъ и при дѣйствительномъ переселеніи, но съ тою громадною разницею, что крестьяне не станутъ каждое лѣто совершать перекочевки взадъ и впередъ и тратить такимъ образомъ на одни переходы самое дорогое время. Напротивъ: переселившись и водворившись разъ на мѣстѣ, они будутъ уже въ состояніи употребить все время на дѣйствительно производительный трудъ. Еслибъ собрать и сосчитать, сколько силъ растрчивается по лицу Россіи вслѣдствіе однихъ бесполезныхъ переходовъ крестьянъ на заработки, то, навѣрное, оказалось бы, что одними этими утратами могла бы покрыться немалая часть государственныхъ доходовъ. Мѣстные же землевладѣльцы, при окончательномъ выселеніи, все-таки останутся при тѣхъ же рабочихъ, какіе и теперь пребываютъ на мѣстѣ.

Мало того: если вспомнимъ наши выводы касательно выселенія изъ Европы, то на дѣлѣ окажется, что, при свободѣ перехода въ среднихъ полосахъ Россіи, рабочихъ будетъ на лицо никакъ не менѣе, а скорѣе даже болѣе противу настоящаго. И точно, мы пришли къ тому выводу, что, вопреки громадному переселенію или, лучше сказать, благодаря ему, число жителей въ среднихъ губерніяхъ нисколько не уменьшится. Эти жители, достигнувъ на мѣстѣ желаемаго довольства, безъ нужды не захотятъ покинуть свои старыя очаги. Они, конечно, не всѣ обратятся къ земледѣлію—напротивъ, многіе изъ нихъ должны будутъ поступить на фабрики и заводы, число которыхъ необходимо увеличится, такъ какъ на потребу расплодившихся, по нашему предположенію, южныхъ поселенцевъ неминуемо придется расширить также и мануфактурное производство въ средней полосѣ. Многіе изъ оставшихся на мѣстѣ крестьянъ поступятъ, сверхъ того, въ батраки къ сельскимъ хозяевамъ. Такъ что по-сѣднимъ ни въ какомъ случаѣ не придется сѣтовать на недо-

статокъ рукъ, если только хозяйство ихъ ведется такъ, что къ нему, дѣйствительно, стѣитъ прилагать трудъ.

Въ концѣ-концовъ, приходимъ къ тому заключенію, что всѣ приведенныя здѣсь препятствія на дѣлѣ оказываются минимны. Другихъ же мы не предвидимъ. Если они существуютъ, то пусть укажутъ на нихъ, и тогда правительство, ознаменовавшее себя первымъ, самымъ труднымъ подвигомъ освобожденія крестьянъ, найдетъ, безъ сомнѣнія, средство для устраненія всякихъ преградъ и для осуществленія въ нашихъ необъятныхъ степныхъ пространствахъ того благотворнаго развитія, какимъ пользуются американскія пустыни, благодаря вотчинному уставу. Тогда для русскаго народа вполне плодотворными окажутся всѣ завоеванныя имъ и орошенные его кровью дальніе края Кавказа и Средней Азіи.

Эд. Циншерманъ.

НА ДОСУГѢ.

Наконецъ, тучи скопились. Въ обычное теченіе жизни врывается несомнѣнно-чуждый элементъ, который замѣтнымъ образомъ спутываетъ и замедляетъ его; вся дѣятельность ума и чувства стягивается исключительно къ одному предмету, къ которому съ судорожнымъ напряженіемъ устремлены помыслы всѣхъ. Тоскливо до боли. Чувствуется, что эти тревожныя минуты не пройдутъ даромъ, что онѣ и на дальнѣйшее существованіе человека положатъ неизгладимыя отмѣтки. Нѣтъ личныхъ утратъ, нѣтъ личныхъ опасеній, ничего такого, что заставляло бы страшиться лично за себя, но есть суевѣрное предчувствіе какой-то громадной угрозы, которую даже не можешь назвать по имени. Точно стоишь передъ необъятной ставкой, и эта ставка вотъ-вотъ унесетъ все дорогое, все любезное сердцу—все.

И, въ то же время, слышишь, какъ кругомъ раздаются возгласы ликованія. Ликуютъ посѣтители ресторановъ и трактировъ, ликуютъ гранители мостовыхъ, ликуютъ досужія русскія барыни. Газетчики, наперерывъ другъ передъ другомъ, стараются показать, до какихъ геркулесовыхъ столповъ можетъ дойти всероссійское долгоязычіе. Одни ликуютъ съ умысломъ, другіе, сами не понимая, что заставляютъ ихъ ликовать. Такъ принято—вотъ и все. Гулящій человекъ убѣжденъ, что онъ выказываетъ отсутствіе патриотизма, ежели не воспользуется случаемъ, чтобы дать волю долгоязычію.

Я не принадлежу къ породѣ людей ликующихъ, но понимаю, что въ ликованіи толпы заключается своего рода обаяніе. Когда передо мною мечется и плещетъ руками толпа, я знаю, что она находится подъ тяготѣніемъ могущественнаго инстинкта, который дастъ ей силу нѣчто совершить. Очень возможно, что это—инстинктъ неясный и даже невѣрный, но онъ можетъ заключать въ себѣ зерно самоотверженности, можетъ развиться въ подвигъ, и этого одного достаточно, чтобы не относиться къ нему легко.

Толпа имѣть право даже заблуждаться въ своихъ увлеченіяхъ, потому что она же несетъ на своихъ плечахъ и всѣ послѣдствія этихъ увлеченій.

Совсѣмъ другое дѣло—ликваніе культурное. Въ культурныхъ сферахъ, источникомъ побуждающей силы предполагаются уже не инстинкты, не смутныя чаянія, а ясное сознаніе цѣли и средствъ къ ея достиженію. Это въ значительной степени осложняетъ поводы для ликванія и, во всякомъ случаѣ, отнимаетъ у послѣдняго тотъ характеръ искренности и непосредственности, который, въ сущности, и составляетъ всю цѣнность его. Сверхъ того, есть и еще причина для воздержанія: культурный слой стоитъ въ сторонѣ отъ русла народной жизни и, слѣдовательно, лишь въ слабой степени чувствуетъ на себѣ отраженіе ея трудностей и невзгодъ. Чтобы получить право ликовать въ виду предстоящаго подвига, необходимо сознавать себя материально привлеченнымъ къ его выполненію и материально же обязаннымъ нести на себѣ всѣ его послѣдствія. А это для большинства культурныхъ людей почти недоступно.

Поэтому, когда носѣтителѣ ресторановъ, гранителѣ мостовыхъ, газетчикѣ и проч. начинаютъ ликовать, то невольно возникаетъ вопросъ: справедливо ли поступаютъ эти люди, принимая дѣятельное участіе въ легчайшей части подвига, т. е. въ ликваніи по его поводу, и не сознавая себя, въ тоже время, материально отвѣтственными за его послѣдствія? Не знаю, ошибаюсь ли я, но думаю, что самаго слабого проблеска совѣсти достаточно, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно.

Что касается до меня лично, то я знаю одно: я не имѣю той непосредственности и свѣжести чувства, которое давало бы мнѣ поводъ возбуждаться неясными чаяніями, волнующими толпу, но, въ то же время, нѣтъ у меня и той развязности, которая дозволяла бы сказать: да, я ликую, потому что заранѣе могу опредѣлить ходъ и результатъ событій. Поэтому, въ такія историческія минуты, когда затрогиваются самыя дорогія и самыя существенныя струны народной жизни, я считаю воздержность болѣе, нежели когда либо, для себя обязательною. Болѣе, нежели когда либо, я сознаю въ себѣ присутствіе той совѣстливости, которая подсказываетъ, что, въ данномъ случаѣ, мои подстрекательства или сдерживанія не только не необходимы, но и несовсѣмъ умѣстны, и что вотъ эта самая ликующая толпа имѣетъ полное право остановить мою назойливость словами: сиди въ своемъ углу и въ тихомолку радуйся или скорби въ виду имѣющихся развиваться событій.

Я не одинъ въ своемъ родѣ. Прошлое завѣщало довольно

большое количество людей, которыхъ единственное занятіе (а быть можетъ, и единственная заслуга) заключается въ томъ, что они сторонятся отъ дѣятельнаго участія въ жизни. Занятіе непривлекательное и даже, можно сказать, тунелдное, но вѣдь надо же, наконецъ, понять, что мы—дѣти того времени, когда прикасаться къ жизни можно было лишь при посредствѣ самыхъ непривлекательныхъ, почти отвратительныхъ ея сторонъ и что, вслѣдствіе этого, устраненіе отъ жизненныхъ торжествъ (опять-таки, повторяю: *въ то время*) составляло своего рода заслугу...

Я помню очень многое, и между прочимъ 1853—1855 годы. Помню ликующихъ жуликовъ, помню людей, одолаваемыхъ простымъ долгоязычіемъ, и людей, пользовавшихся долгоязычіемъ, какъ подходящимъ средствомъ, чтобы запускать руку въ карманъ ближняго или казны. Мало того: я помню, что этихъ людей называли тогда благонамѣренными, несмотря на то, что ихъ лганье было шито бѣлыми нитками. И что всего ужаснѣе: не только не представлялось возможности обличить ихъ, но даже уклониться, уйти отъ нихъ было нельзя. Надо было выслушивать ихъ, соглашаться, вторить имъ, лгать...

Съ тѣхъ поръ, правда, многое измѣнилось, и измѣнилось, конечно, къ лучшему. Признаніе относительной свободы мнѣнія настолько умалило страхъ, внушаемый подыскивающимся долгоязычіемъ, что человекъ, высказывающій, въ учтливой и богобоязненной формѣ, свое сужденіе о тѣхъ или другихъ явленіяхъ современности, уже можетъ до известной степени считать себя отъ слѣдствія и суда свободнымъ. Вслѣдствіе этого, у многихъ даже блеснула мысль, будто Булгаринъ, Шешковскій и проч. исчезли, не оставивъ потомства... И вотъ, одного серьезнаго момента достаточно, чтобы ветхій культурный человекъ всплылъ на поверхность во всеоружіи. Да! онъ все тотъ же! съ одной стороны—долгоязычный, наивно примазывающійся къ чужому ликованію, съ другой—робкій и устраниющійся. Я знаю, что оба эти отношенія къ вещамъ современности одинаково неестественны, но, такъ какъ первое изъ нихъ, сверхъ того, отмѣчено явною печатью нахальства, то понятно, что люди, успѣвшіе сохранить нѣкоторую стыдливость—а я имѣю слабость считать себя въ числѣ этихъ людей—предпочитають держать себя въ сторонѣ.

Независимо отъ этого, есть у меня и еще одинъ очень вѣскій доводъ въ пользу воздержанія: я съ дѣтскихъ лѣтъ воспитывался въ системѣ строжайшаго нейтралитета и вдобавокъ совершенно невооруженнаго. Весь кодексъ дѣятельной поры моей жизни исчерпывался словами: ни порицанія, ни похвалы, такъ какъ въ то время и то, и другое одинаково разсматривалось,

какъ позывъ къ непрошенному вмѣшательству. Жить съ такимъ кодексомъ въ рукахъ было чрезвычайно легко и, коли хотите, даже пріятно, но все-таки нельзя сказать, чтобы такое житье представлялось хорошей школой для общественной или иной дѣятельности. Между тѣмъ, годы шли; жизнь, мало-по-малу, измѣнялась и пополнялась, и, наконецъ, двери въ область ликованія отворились настежь... Но увы!—я уже обробѣлъ! Ядро старой дисциплины настолько придавило меня, что хоть я и понимаю, что отнынѣ ликовать никому не воспрещается, но все-таки не могу отдѣлаться отъ преслѣдующей меня мысли: а что если мое ликованіе вдругъ возымѣетъ видъ вмѣшательства?

Да и дѣйствительно, вѣдь это—вмѣшательство. Даже безпутное газетное ликованіе — и то имѣетъ побудительный характеръ.

Каждое утро, покада я сижу за чашемъ, въ ушахъ моихъ раздается одинъ и тотъ же неизмѣнный воиль: а ну-те, голубчик! еще немножко, и Константинополь—нашъ! На что похоже! Во-первыхъ, быть можетъ, это не въ намѣреніяхъ мудрой политики, а, во-вторыхъ, ежели вамъ непремѣнно нужно, чтобы Константинополь былъ нашъ — идите и берите его! Что же касается до меня, то я рѣшительно никого понуждать не берусь! Помилуйте! я пью чай и кофе, не торопясь обѣдаю, завтракаю, сплю на мягкой постелѣ, занимаюсь своими будничными дѣлами, пишу статейки по столбку-то копеекъ за строчку, словомъ, живу себѣ по-маленьку, какъ всегда жилъ — въ лицу ли, при такомъ-то житьѣ, понуждать людей, которые и безъ того глядятъ въ лицо смерти! Нѣтъ, лучше я вспомню старую дисциплину и останусь въ своемъ углу. Съ меня достаточно и того, что я вѣрю въ силу и жизнѣнность русскаго народа и вѣрю въ испытанную самоотверженность русскаго солдата. Зачѣмъ я буду кричать: молодцы! не выдавай!—когда и безъ моихъ подстрекательствъ все исполнено сознанія своего долга? Какое значеніе можетъ имѣть моя безотвѣтственная, хотя бы и восторженная болтовня, въ виду трудностей предстоящаго подвига! Подумайте: вѣдь это, наконецъ—назойливость, которая не только претитъ нравственно, но и матерьяльно мѣшаетъ, разбивая на мелочи силу въ тотъ самый моментъ, когда она требуетъ наибольшей сосредоточенности. Вѣдь это назойливость, отъ которой каждый изъ этихъ людей, такъ серьезно и просто смотрящихъ въ лицо подвигу, имѣетъ полное законное основаніе отмахнуться, какъ отъ чего-то не только бесполезнаго, но и совсѣмъ несноснаго...

Вотъ причины, по которымъ я держусь въ сторонѣ и удерживаюсь отъ всякихъ неумѣстныхъ заявленій. Смутная тревога до

того овладѣла моимъ существомъ, что ни мысль, ни чувство не могутъ отыскать для себя вполне яснаго выраженія. Кажется, будто завѣса упала, и вся природа наполнилась стономъ и хаосомъ. Я боюсь радоваться успѣху, потому что въ самомъ успѣхѣ представляется столько выстрадавшаго и притомъ невѣрнаго, невыясненнаго, что въ невольномъ страхѣ закрываешь глаза, чтобы отогнать отъ себя выдвигающуюся на заднемъ планѣ картину, которую торжествующая смерть сверху до низу наполнила безконечною свитою жертвъ. Я боюсь отчаяваться и роптать, потому что самый неуспѣхъ сопровождается здѣсь такимъ очевиднымъ искупленіемъ, передъ которымъ должны умолкнуть и праздный ропоть, и бесплодное отчаяніе.

Все праздно, все бесплодно! Одна безконечная сердечная боль заявляетъ себя настолько живуче, что, лишь благодаря ей, чувствуешь себя живымъ свидѣтелемъ чего-то неизмѣющаго определенныхъ очертаній, но полнаго загадочныхъ угрозъ!

Прошло лѣто, проведенное мною на благословенныхъ берегахъ Карповки, среди дождей, вѣтровъ и другихъ буйствъ природы. Въ концѣ августа, я не вытерпѣлъ и перекочевалъ въ городъ. Какъ человѣкъ, совершенно досужій, то есть не обязанный службой, я, разумѣется, бросился разузнавать, кто изъ знакомыхъ воротился на зимнія квартиры, и съ удовольствіемъ удостовѣрился, что Положиловы уже въ Петербургѣ.

По воскресеньямъ, я, предпочтительно передъ другими днями, посѣщаю Положиловыхъ ¹. Во-первыхъ, въ этой гостепріимной семьѣ еще не утратилась старинная традиція обязательности воскреснаго пирога, а, во-вторыхъ, у Павла Ермолаича почти навѣрно встрѣтишь на этотъ день «гостя», который не откажется послѣ обѣда засѣсть за табельку или въ сибирку. Такимъ образомъ, день проходитъ сытно, занятно и непредосудительно, что для людей, устраняющихъ себя отъ политическихъ и стратегическихъ соображеній, очень удобно.

На этотъ разъ, я какъ-то особенно ходко шелъ по направленію къ Разъѣзжей. Утромъ, я наглотался въ газетахъ столько пыли, что въ горлѣ першило. Иронизировали на счетъ англичанина и безъ церемоніи называли его торгашемъ; пускались въ тонкія соображенія по вопросу о проливахъ и обращались къ начальству съ просьбой обратить на этотъ предметъ серьезное

¹ См. рассказъ «День промель—и слава Богу» въ «Отч. Зап.» за ноябрь 1876 г.

вниманіе; полемизировали со своими литературными и политическими противниками и укорали другъ друга въ неизбѣннѣхъ надлежащей теплоты чувствъ; взывали къ пожертвованіямъ и тутъ же встати обличали такую-то думу или такое-то земство въ своекорыстіи, отсутствіи патріотизма, узости взглядовъ и т. д. Однимъ словомъ, изъ каждаго листа выглядывала злѣющая пасть, которая кого-то невѣдомо въ чемъ обличала и, въ то же время, вопрошала читателя: а нутко, сказывай—во сколько рублей ты оцѣниваешь свой патріотизмъ?

Было пять часовъ, когда я вошелъ въ гостинную Положиловыхъ. Обыкновенно, я никогда не задерживался въ этой комнатѣ, да и сами хозяева, повидимому, не особенно жаловали ее. Расположена и меблирована она была по старинному: неудобно, парадно-симметрично, то есть именно такъ, какъ слѣдуетъ для «дорогихъ гостей», которыхъ лишнее черезъ четверть часа спровадить. У стѣны, противъ входа, стоялъ вальяжный краснаго дерева диванъ, обитый синимъ штофомъ съ вырѣзными ручками, въ видѣ французскихъ эссовъ, и съ прямой спинкой, верхъ которой былъ увѣнчанъ наклеяной рѣзбой; противъ дивана находился осьмугольный столъ съ поставленнымъ на немъ карселемъ, который издавалъ дребежащій звукъ всякій разъ, какъ около стола происходило движеніе; по обѣ стороны стола, отъ дивана по направленію къ входной двери, тянулось два ряда кресель (тоже съ ручками въ формѣ эссовъ), по три въ каждомъ, одинъ противъ другого, такъ что, когда въ нихъ сидѣли гости, то они обязывались смотрѣть своему визави въ лицо и косить глазами, когда нужно было обратиться къ сидящимъ на диванѣ. Остальная мебель, въ видѣ стульевъ съ деревянными спинками, тоже увѣнчанными рѣзбой, разставлена была ранжиромъ по стѣнамъ и около оконъ. Вообще, въ этой гостинной какъ-то не сидѣлось и не говорилось, а иногда даже казалось, что она нетоплена, хотя Положиловы, какъ люди старозавѣтные, любили жить тепло. И я примѣтилъ, что когда прислуга возвѣщала, что пріѣхалъ такой-то, а Павелъ Ермолаичъ приказывалъ «просить въ гостинную», то это, навѣрное, означало, что пожаловалъ гость, которому предстояло устроить времяпровожденіе, по возможности, неудобное и скоропреходящее.

На этотъ разъ, однако, мнѣ пришлось расположиться именно въ гостинной, потому что у Положиловыхъ были «гости». На диванѣ сидѣла, впрочемъ, не Поликсена Ивановна, какъ обыкновенно бывало въ такихъ парадныхъ случаяхъ, а какая-то посторонняя гостыя, повидимому, очень ужъ важная, потому что хо-

зайка приюстилась около нея на ближайшемъ боковомъ креслѣ, а вблизи съ Поликсеной Ивановной, изъ-за лампы, выглядывалъ Павелъ Ермоланчъ. Кромѣ этихъ лицъ, въ гостиной было еще двое. Рядомъ съ Поликсеной Ивановной вился Simon Регаткинъ, подчиненный Положилова, весьма прилично одѣтый и очень почтительный молодой человекъ, на лицѣ котораго было написано, что онъ несомнѣнно оправдаетъ довѣріе начальства. Нѣсколько наискосокъ, черезъ кресло отъ хозяина, держась обѣими руками за ручки кресла, помѣщался Терентій Галактиончъ Дрыгаловъ, землякъ Павла Ермоланча, К — скій купецъ, который, очевидно, только на дняхъ прибылъ въ столицу изъ «своего мѣста», потому что дорожный загаръ не еще успѣлъ слетѣть съ его лица.

При входѣ моемъ, Положиловъ поспѣшилъ ко мнѣ на встрѣчу и шепнулъ на ухо:

— Генеральша... сама!

Затѣмъ послѣдовало представленіе. Генеральша пріятно изумилась, узнавъ, что я — литераторъ (очевидно, ей именно меня, т. е. литератора, и недоставало въ эту минуту), и очень благосклонно произнесла:

— А отъ васъ, гг. литераторы, мы ждемъ очень, очень большой услуги: вамъ предстоитъ поддерживать въ обществѣ тотъ святой пламень, который въ настоящее время согрѣваетъ всѣ сердца! N'est ce pas, chère Поликсена Ивановна?

Поликсена Ивановна помала въ отвѣтъ губами; я же поспѣшилъ отвѣтить глубокимъ поклономъ въ знакъ совершенной готовности выполнить приказаніе ея превосходительства, вполнѣ, впрочемъ, согласное и съ настроеніемъ моихъ собственныхъ чувствъ.

Вообще, «дорогая гостыя» держала себя благосклонно, хотя и съ достоинствомъ. Это была дамочка лѣтъ 25-ти, съ весьма красивой головкой, хорошенькой грудкой и прелестными ручками. Темно-лиловое шелковое платье сидѣло на ней обворожительно, а на голову было кинута какое-то je ne sais quoi, до такой степени легкое и изящное, что можно было только изумиться совмѣстности этого легкаго и изящнаго съ вопросомъ, о проливахъ и гирлязахъ. Тѣмъ не менѣе, вопросъ этотъ, очевидно, ее озабочивалъ, потому что прелестные глазки ея смотрѣли устало, а ровы на щечкахъ смѣнились лиліями. Говорила она мягко и плавно, причемъ, въ одно и то же время, высказывала и разсудительность, почерпнутую изъ «Leçons de morale et de littérature», и рѣзвость, почерпнутую изъ вчерашней causerie съ изящными молодыми людьми. Она съ откровенностью

достойной лучшей участи, развивала передъ нами свои планы, знакомила насъ съ ходомъ и съ сущностью своихъ занятій, а иногда даже спрашивала нашего мнѣнія, но такъ что всякій чувствовалъ, что все ужь у нея заранѣе рѣшено и что намъ ничего другого не остается, какъ съ удовольствіемъ согласиться. Сперва расскажетъ, какъ все это «у насъ» устроено, а потомъ обратится съ вопросомъ: не правда ли, хорошо?

— Теперь, говорила она, возобновляя начатой разговоръ: — намъ необходимо содѣйствіе всѣхъ патриотовъ, потому что—вы понимаете? — безъ этого что же мы можемъ? О должностныхъ лицахъ (взглядъ въ сторону Павла Ермолаича, у котораго лицо моментально покрывается глянцемъ удовольствія) я уже не говорю—это само собой; но и другіе всѣ... Молодые люди (взглядъ въ сторону Рогаткина) могутъ исполнять порученія, устраивать спектакли, собирать пожертванія; гг. литераторы (взглядъ въ мою сторону)—поддерживать святой огонь патриотизма; *messieurs les négociants* (взглядъ, почти умильный, на Дрыгалова) — убѣждать отъ избытковъ... *Mais n'est-ce pas, chère Поликсена Ивановна?*

— Ужь это само собой! при такихъ обстоятельствахъ, ежели даже жизнь потребуетъ, то и ея нельзя дорожить! отвѣтила Поликсена Ивановна.

— Для насъ, ваше превосходительство, нужно только, чтобъ вы починъ взяли, а затѣмъ только свиснуть извольте—у насъ *лицикомъ* всегда на лицо! Только ключикомъ отпереть — и вся хитрость тутъ! сочувственно отозвался и купецъ Дрыгаловъ.

Хотя выраженіе «свиснуть», въ примѣненіи къ ея превосходительству, было нѣсколько рискованно (Павель Ермолаичъ даже повернулъ лицо къ Дрыгалову съ нѣмымъ укоромъ: экой ты, братецъ, какой!), тѣмъ не менѣе, генеральша съумѣла скрыть свое изумленіе подъ благосклонной улыбкой.

— Ну да, мы и не сомнѣваемся, что почтенное наше купечество... сказала она солидно:—Минины, Погребовы, Королевы—*ses noms appartiennent à l'histoire!* Et Овсянниковъ donc? Но и мы, женщины, съ своей стороны, должны... Я, напримѣръ: до сихъ поръ ботинки у Брюно заказывала, а теперь, вы понимаете, этого ужь нельзя! Пришлось обратиться къ Дорохову. Только отъ милой *Andriéux* отказаться никакъ не могу, потому что всѣ эти Розановы, Маришины, Соловьевы... Такъ вотъ и выходитъ... объ чемъ, однакожъ, я говорить начала?.. ахъ да! Такъ я говорю: мужчины пускай воюютъ, распоряжаются, ведутъ переговоры, а мы должны поддерживать въ нихъ этотъ духъ и въ то же время содѣйствовать... Имени^o содѣйствовать — *c'est*

le mot! Есть множество подробностей — *n'est ce pas?* въ которыхъ мужчины теряются, и въ которыхъ женщина является доброю и заботливою хозяйкою... *La chatrie, les onguents, les draps de lit..* тысячи маленькихъ вещей, которыя могутъ понадобиться, и которыхъ мужчины не могутъ предусмотрѣть! Не правда ли, вы раздѣляете мое мнѣніе, добрыйшаа Поликсена Ивановна?

Поликсена Ивановна разсудительно покачала головой, какъ бы говоря: чего-жъ еще лучше!

— Вы только представьте себѣ, какъ будетъ тріятно храброму воину, послѣ жаркаго дѣла, отдохнуть на чистой постелѣ, покрытой свѣжимъ бѣльемъ! Конечно, мы не можемъ общать, что у всякаго будетъ свой эдредонъ, *mais enfin... à la guerre comme à la guerre!* вѣдь и въ мирное время *ça laisse à désirer* — *n'est ce pas?*

Поликсена Ивановна продолжала сочувственно покачивать головой, какъ бы избавляя себя этимъ отъ необходимости соглашаться или возражать; но купецъ Дрыгаловъ даже глаза закатилъ, покуда генеральша рассказывала объ удовольствіяхъ, предстоящихъ храброму воину, успокоившемуся послѣ жаркаго дѣла въ чистой постелѣ.

— Вотъ, по моему, гдѣ истинное назначеніе женщины въ настоящее трудное время! заключила генеральша, вздохнувъ тѣмъ дѣтскимъ, всклипывающимъ вздохомъ, какимъ вдыхаетъ человѣкъ, чувствующій, что у него гора съ плечъ сползла.

Всѣ даже руками развели, какъ бы удивляясь, какъ это имъ никому въ голову не пришла такая простая мысль. Но Положловъ на этотъ разъ счелъ долгомъ предложить поправку къ мнѣнію ея превосходительства.

— А мнѣ такъ кажется, что ваше превосходительство слишкомъ ужъ умаляете роль женщины въ сферѣ общественной дѣятельности, спридворничалъ онъ (при этомъ, у него даже ямочка на бородѣ радостно заиграла):— по моему, главное назначеніе женщины состоятъ не въ однихъ мелочахъ—впрочемъ, безспорно полезныхъ и необходимыхъ—о которыхъ вы сейчасъ изволили упомянуть, а въ томъ, и даже преимущественно въ томъ, чтобы служить одухотворяющимъ началомъ общественной дѣятельности и, въ то же время, соединяющимъ звеномъ. И ваше превосходительство собственнымъ примѣромъ изволите несомнѣнно доказывать...

— Ну да это, само собой... Конечно, я стараюсь... Устроить какой-нибудь комитетъ, собрать, соединить... *enfin organiser quelque chose...* Вотъ мы хотимъ на дняхъ базаръ устроить... Это—

такъ! Я въ четырехъ комитетахъ участвую, въ одномъ даже предсѣдательницей—и, право, нахожу, что это совсѣмъ не такъ тяжело! Le gros du travail appartient certainement aux messieurs, а мы... наше дѣло—дать идею, организовать... и, разумѣется, содѣйствовать! А знаете ли вы, Поликсена Ивановна, что вашъ мужъ очень, очень помогаетъ намъ въ нашихъ заботахъ?

— И это тѣмъ пріятнѣе слышать, что Павелъ Ермолаичъ, дѣйствительно, не только съ готовностію, но и съ радостью, исполняетъ приказанія вашего превосходительства! поспѣшила отвѣтить Поликсена Ивановна, желая закрѣпить за своимъ мужемъ репутацію усерднаго исполнителя предначертаній.

— Да, онъ даже балуетъ насъ. Вашъ мужъ—это именно, какъ говорится—un coeur d'or. И надобно удивляться, какъ онъ находитъ время для всего этого. Мы съ мужемъ—а вы знаете, какъ Грегуаръ взыскателенъ относительно своихъ подчиненныхъ!—иначе не называемъ его, какъ l'homme au coeur d'or! Объ службѣ ужъ нѣчего и говорить: Грегуаръ прямо выражается: это—моя правая рука! Но, кромѣ службы, сколько комитетовъ, комиссій, совѣтовъ—право, даже голова кружится! Я всего въ четырехъ комитетахъ участвую, и то иногда... je n'en reux plus! А онъ... въ сколькихъ комитетахъ вы участвуете, Павелъ Ермолаичъ?

— Въ семи-съ, отвѣтила Положиловъ скромно, но очевидно уже подъ вліяніемъ яда лести:—въ трехъ состою дѣлопроизводителемъ, въ четырехъ—просто членомъ.

— Ну да, «просто членомъ»... nous en savons quelque chose! То есть, на васъ же лежитъ все главное! Нѣтъ, вы представьте себѣ, Поликсена Ивановна! вотъ хоть бы въ томъ комитетѣ, гдѣ я служу предсѣдательницей: чтò бы я ни спросила у Павла Ермолаича... ну, тамъ статистику, цифру какую-нибудь... les onguents, la charge... всегда, всегда сейчасъ же готовъ отвѣтъ! Просто невѣроятно. Сколько разъ мы убѣждали его: Павелъ Ермолаичъ, возьмите себѣ помощника! Потому что это, наконецъ, невозможно!—не правда ли, вѣдь это положительно невозможно?—и слышать не хотеть! Я даже себя предлагала—вѣдь я, вы знаете, въ Смольномъ съ шифромъ вышла—и мнѣ отказалъ! Такой нелюбезный!

— Это не нелюбезность, поспѣшила Поликсена Ивановна оправдать своего мужа:—а, вѣроятно, онъ бережетъ здоровье вашего превосходительства, не желаетъ, чтобы вы утруждали себя изъ-за него!

— Au reste, это немножко правда! всѣ эти бумаги, счета—я ничего въ нихъ не понимаю. Еще маленькіе счета—это я

могу; но у нихъ, представьте, счета въ четыре столбца! А онъ — у него все это сейчасъ какъ на ладони! И даже деньги—да! Я сама ревизовала... внезапно, вдругъ! Сговорились мы съ Петромъ Ивановичемъ и Анной Константиновной—и нагрянули! и представьте, все, все какъ есть, все на лицо! la charge, les onguents — все до послѣдняго золотника! И даже деньги всѣ на лицо — а вы знаете, какъ это трудно! И все намъ сейчасъ показалъ!

— Но вѣдь это—его долгъ, ваше превосходительство! сентенціозно проговорила Поликсена Ивановна:—этимъ даже хвалиться нельзя!

— Вы говорите: долгъ? ахъ, снѣге Поликсена Ивановна! Но развѣ многіе изъ насъ серьезно относятся къ своему долгу? Вы знаете Грегуара — уже если есть человѣкъ à cheval sur son devoir, такъ это именно онъ!—ну-съ, такъ даже онъ на дняхъ мнѣ сказалъ: долгъ, мой другъ, есть тотъ прекрасный на видъ плодъ, который пользуется, въ начальственныхъ сферахъ, очень солидною репутаціей, но вкушеніе отъ котораго предоставляется, по преимуществу, нижнимъ чинамъ, да и тѣ вкушаютъ оный лишь подъ страхомъ отрѣшенія отъ должности! Вотъ что такое нашъ долгъ!

Безнадежность этого своеобразнаго толкованія на минуту огорчила присутствующихъ; но всѣ опять вострепнулись (а купецъ Дрыгаловъ даже лукаво подмигнулъ по направленію къ ея превосходительству), когда Положиловъ возразилъ:

— Но ваше превосходительство своимъ примѣромъ, собственно, такъ сказать, особю доказываете...

— Что я! Это ужъ моя роль такая, мое назначеніе! Я не могу не исполнить моего долга — et me voilà lancée! Но даже и я иногда тагошусь! Очень, очень! Я знаю, что это нехорошо, что въ настоящее время это—наша святая обязанность, mais que voulez vous? иногда это невольно! И опять-таки повторяю: еслибы у меня не было такой прелестной помощницы, какъ Анна Константиновна, и такого казначея, какъ Павелъ Ермолаичъ—я не знаю... Право, мнѣ кажется, я бы взбунтовалась! Представьте себѣ: въ четыре столбца! Иногда мнѣ и хотѣлось бы понять, и я стараюсь... Но вы знаете наше воспитаніе... Насъ воспитывали, чтобы изъ насъ вышли des bonnes épouses, d'excellentes mères de famille, чтобы мы умѣли себя держать прилично въ обществѣ, могли занять гостей, поддержать разговоръ; но счета, бухгалтерія... кто же могъ предвидѣть, что это когда-нибудь понадобится?

— Не извольте огорчаться! Богъ дастъ, ваше превосходительство, со временемъ и эту науку произойдете... А покуда по-

трудитесь только приказать—для васъ Павелъ Ермолаичъ всякіе счета сведуть! счетъ долгомъ утѣшить разогорченную генеральшу купецъ Дрыгаловъ.

При этихъ словахъ, глаза генеральши выразили почти безпокойство; очевидно, въ ея умѣ блеснула мысль: а что, если этотъ негоціантъ встанетъ и, въ знакъ своего расположенія, поглядитъ ее по головкѣ? Павелъ Ермолаичъ тоже сконфузился и вопросительно глядѣлъ на Дрыгалова, словно выжидая, не скажетъ ли онъ чего нибудь еще? Даже Simon Рогаткинъ — и тотъ застыдился. Натурально, Поликсена Ивановна поспѣшила прекратить общее недоумѣніе.

— Какъ это, однако, пріятно видѣть, что ваше превосходительство, молодя такія, а объ одномъ только и безпокойтесь, какъ бы ближнему на помощь придти, да на общепольное дѣло потрудиться! Вотъ хоть бы теперь: весело даже посмотрѣть, какая вы заботливая, дѣятельная...

— А главное, дѣльная! присовокупилъ, съ своей стороны, Павелъ Ермолаичъ:—хлопотать можно всячески; но дѣльно хлопотать, такъ, чтобы черезъ эти хлопоты достигалась благая цѣль,—это доступно не всякому!

Однимъ словомъ, благодаря находчивости хозяевъ, дѣло приняло такой оборотъ, что «дорогая гостыя» не только оправилась отъ безпокойства, но даже грудка ея слегка заволновалась отъ похвалъ.

— Ахъ, вѣтъ... ну да, т. е., коли хотите, я, конечно... вотъ, только счета эти... И еще сознаюсь вамъ по секрету: вопросъ о проливахъ... никакъ не могу я оріентироваться въ немъ... То есть, вотъ видите, мнѣ-то кажется, что они должны принадлежать намъ... Не правда ли, вѣдь это такъ? Они должны принадлежать намъ? да?

— Но, какое же можетъ быть въ этомъ сомнѣнье, ваше превосходительство! даже изумился въ отвѣтъ Положиловъ.

— Ну, вотъ видите! И Анна Константиновна, и Ольга Павловна, et tous les messieurs de notre comité—всѣ такъ говорятъ, а вотъ Грегуаръ... Представьте себѣ, на дняхъ онъ мнѣ прямо сказалъ: желанія ваши на счетъ проливовъ, какъ патриотъ, я, конечно, вполне одобряю, но опасуюсь одного: едва ли вопросъ сей получить то рѣшеніе, которое вполне удовлетворитъ Анну Константиновну!

— Но, можетъ быть, это не насчетъ проливовъ, а на счетъ гирль его превосходительство изволил такъ выразиться? робко попробовалъ Положиловъ устроить лазейку.

— Нѣтъ, именно насчетъ проливовъ! Гирла, сказалъ онъ:— это само по себѣ. *Но... и пролива!*

Въ виду столь ясно выраженного мнѣнія высшаго начальства, и Павелъ Ермолаичъ, и Поликсена Ивановна, очевидно, затруднились, какой бы придумать компромиссъ, который бы обѣ стороны обѣлилъ. Павелъ Ермолаичъ даже ужъ началъ: «Конечно, ваше превосходительство, съ одной стороны»... Но Дрыгаловъ далъ дѣлу совершенно неожиданный оборотъ, воскликнувъ:

— Богъ милостивъ, ваше превосходительство! можетъ, и въ нашу пользу рѣшаты! А нѣтъ, такъ вѣдь мы и подождать можемъ!

Этотъ исходъ всѣхъ примирилъ. Поликсена Ивановна сочувственно подмигнула, Павелъ Ермолаичъ почесалъ у себя за ухомъ, Simon Рогаткинъ сложилъ губы сердечкомъ, а генеральша даже вздохнула, словно бремя свалилось у нея съ души.

— Да, но все-таки... сказала она весело:— впрочемъ, только это одно и затрудняло насъ... А во всемъ остальномъ... право, вовсе *это* не такъ трудно, какъ казалось, когда мы приступали къ дѣлу. Знаете ли, чтò? Я замѣчаю, что это даже для здоровья моего хорошо... Прежде, покуда меня *это* не занимало, я чувствовала, что начинаю толстѣть. И лѣнь какая-то явилась: въ два, три магазина съѣздишь—и домой! А теперь, при этомъ постоянномъ движеніи, я такая проворная сдѣлалась, что могу десять-пятнадцать визитовъ въ утро сдѣлать—и ничего. А вечеромъ—опять!

Всѣ сочувственно покачали головой, какъ бы дивясь Божьему произволенію, укрѣпляющему скудельный сосудъ сей.

— А все-таки до Павла Ермолаича мнѣ далеко, продолжала генеральша:— Павелъ Ермолаичъ, это—такой человѣкъ! такой человѣкъ! это именно, какъ говоритъ Грегваръ—un coeur d'or! Представьте себѣ: les onguents, la charpie, les draps de lit... все, все, у него на рукахъ! И... деньги! Ахъ, это очень, очень трудно!

— Ваше превосходительство слишкомъ ужъ милостивы къ нему!

— Нѣтъ, какъ хотите! Я когда была въ Смольномъ, то и тогда ужъ кастеляншѣ удивлялась, какъ это она цѣлый день все считаетъ и не потеряется, а теперь... это даже поразительно! И отчего вы не возьмете себѣ помощника, Павелъ Ермолаичъ? вѣдь вы устали? вѣдь да? Посмотрите на него, Поликсена Ивановна! вѣдь онъ усталъ... да?

Павелъ Ермолаичъ только кланялся въ знакъ признательно-

*

сти; но видно было, что ему ужь начинается подступать къ горлу.

— Усталъ и не хочеть, чтобъ ему помогли! продолжала упорствовать «дорогая гостя»:—я этого, какъ хотите, не понимаю! По моему, это—ужь упрямство! Знаете ли, вѣдь и Грегуаръ въ васъ это замѣтилъ! Не далѣе, какъ вчера, была объ васъ рѣчь, и онъ сказалъ: Положиловъ—золотой человѣкъ, но въ немъ есть одинъ недостатокъ—упрямство! Не правда ли, онъ упрямъ, Поликсена Иванова?

Отзывъ Грегуара, какъ непосредственнаго начальника, нѣсколько огорчилъ Поликсену Ивановну, но, дѣлать нѣчего, она все-таки постаралась улыбнуться въ отвѣтъ.

— Да, есть-таки грѣшокъ! сказала она.

— И какъ еще есть! Скажите, Павелъ Ермолаичъ, вы всегда были упрямы? Мсьё! вы его товарищъ—скажите, онъ всегда былъ упрямъ? обратилась генеральша ко мнѣ и, не выждавъ отвѣта, продолжала:—усталъ—и не хочеть, чтобъ ему помогли? отчего вы не хотите намъ удовольствіе сдѣлать... отчего? Мы васъ просимъ: возьмите помощника!—скажите, отчего вы не хотите исполнить нашу просьбу?

Наконецъ, къ Павлу Ермолаичу подступило.

— Коли угодно, вотъ Семенъ Николаичъ охотится, сказалъ онъ, указывая на Рогаткина.

— Вотъ и прекрасно! и не зачѣмъ это дѣло откладывать! Такъ вы, мсьё... мсьё... мсьё...

Генеральша затруднилась; Simon поспѣшилъ подсказать:

— Рогаткинъ-съ.

— Такъ вы, мсьё... ah, pardon! Такъ вотъ что, мсьё... Вы завтра утромъ, около часу, пожалуйста ко мнѣ, и я посвящу васъ во всѣ наши дѣла... я вамъ все расскажу... tout... tout! Les onguents, la charpie... все, все! Вы, вѣдь, тоже у Грегуара служите въ вѣдомствѣ?

Simon слегка отдѣлился отъ кресла, но былъ такъ еще неопытенъ въ сношеніяхъ съ дамами высшаго полета, что недоумѣвалъ—слѣдуетъ ли ему встать, или продолжать сидѣть.

— Онъ у меня, въ нашемъ же вѣдомствѣ, выручилъ его Павелъ Ермолаичъ.

— И отлично. Значить, мы будемъ en famille. Ну, а вы, мсьё? вдругъ обратилась она ко мнѣ:—какъ товарищъ мсьё Положилова, вы, можетъ быть, тоже пожелали бы...

Это было такъ неожиданно, что я съ перваго раза не понялъ и осмотрѣлся по сторонамъ, ища, не вошелъ ли еще кто-нибудь, къ кому бы могъ быть обращенъ вопросъ ея превосходни-

тельства. Къ счастью, Положиловъ поспѣшилъ ко мнѣ на помощь.

— Нѣтъ, ужь его вы, ваше превосходительство, не тревожьте, сказалъ онъ:—онъ — человекъ больной... да, притомъ же, какъ вы сами изволили выразиться, и пламень этотъ долженъ поддерживать.

— Да, да, это тоже необходимо... вѣдь я и забыла, что вы литераторъ! вѣдь вы—литераторъ... да? Какъ же! какъ же! Грегуаръ еще на дняхъ объ васъ говорилъ: этотъ литераторъ...

Но тутъ она вдругъ какъ бы вспомнила что-то и не договорила... Даже лилии смѣнились на ея щекахъ розами, и она какъ-то тоскливо взглянула по сторонамъ, словно ожидая, не выручить ли ее ктонибудь. Но, такъ какъ на этотъ разъ никто не нашелся, то она взглянула на часы и заторопилась.

— Ужь половина шестого! воскликнула она, шумно поднимаясь съ дивана: — скажите, какъ я у васъ засидѣлась! такъ стало быть, c'est convenu? съ завтрашняго дня, с'èге Поликсена Ивановна, вы—наша?

Она взяла Поликсену Ивановну за обѣ руки и съ минуту смотрѣла ей въ глаза такъ любовно, какъ будто ея участь была въ рукахъ этой милой женщины. Съ своей стороны и Поликсена Ивановна умышленно медлила отвѣтомъ, какъ будто съ одной стороны ее пугала трудность подвига, а съ другой — не было той жертвы, которой бы она не принесла въ пользу «дорогой гостьи».

— Ваша! выговорила, наконецъ, Поликсена Ивановна твердо.

— Ну, такъ до свиданія! Завтра вечеромъ у насъ первое засѣданіе... увидимся! И, право, у насъ совсѣмъ не такъ скучно! On cause, on rit... а между тѣмъ, и дѣло... До свиданья, Павелъ Ермоланчъ! вотъ вы и съ помощникомъ... очень, очень рада за васъ, а еще больше за себя, потому что я не хочу, — слышите, не хочу!—чтобы вы уставали!

Черезъ секунду, отъ нея осталась только благоухающая струя.

Я стоялъ и потягивался, точно бремя съ души у меня спало. Дрѣгаловъ закрылъ глаза, очевидно, стараясь воспроизвести и *навсегда запечатлѣть* мелькнувшее передъ нимъ видѣніе. Simon Рогаткинъ, въ устремленной позѣ, приковалъ взоры къ двери передней, куда скрылась его очаровательная начальница.

И вдругъ, меня словно ударило. Грегуаръ сказалъ: «этотъ литераторъ»... Ну-съ, а дальше? Чтò такое онъ дальше сказалъ? Отчего она не договорила и зарумянилась? Этотъ литераторъ?.. развѣ это опредѣленіе? Дальше-то, дальше-то чтò онъ сказалъ? А, можетъ быть, онъ и дѣйствительно ничего не сказалъ

а только ковырнулъ пальцемъ въ воздухъ... Любопытно! очень бы любопытно узнать, въ какомъ смыслѣ совершилось это ковыряніе! Означаетъ ли оно: *читалъ съ удовольствіемъ*, или напротивъ... «Гм... этотъ литераторъ»... О, чортъ побери!

Удивительно это, однакожь. Еслибы мнѣ сказали, что Дрыгаловъ или Рогаткинъ, или даже самъ Положиловъ, разговаривая обо мнѣ, ковырнули пальцемъ въ воздухъ, я рѣшительно ни мало не озаботился бы этимъ. А вотъ Грегуаръ ковырнулъ— и у меня моментально кошки на сердцѣ заскребли! Поймите: вѣдь это тотъ самый Грегуаръ, котораго даже богобоязненный Положиловъ, въ минуты откровенности, называетъ «сивымъ меринкомъ», и вотъ онъ, въ одинъ моментъ, какого переполоху во всѣхъ моихъ внутренностяхъ надѣлалъ! Ковырнулъ пальцемъ... да, навѣрное, онъ ковырнулъ! что же такое случилось? Какіе такіе поступки я совершилъ, чтобы заслужить это ковырянье? и что мнѣ за это будетъ? Потому что вѣдь этотъ сивый меринъ... то-бишь, этотъ Грегуаръ—вѣдь онъ...

Эти странныя мысли точно сверломъ сверлили меня, покуда Положиловъ раскланивался съ «дорогой гостьей». Я уже началъ помаленьку перебирать въ умѣ свое прошлое, съ дѣлью сначала уразумѣть и внимательно обсудить свои «вины», а потомъ уже перейти и къ опредѣленію мѣръ взысканія, какъ говоръ въ передней утихъ, и Павелъ Ермолаичъ почти въ приспѣчку подбѣжалъ ко мнѣ.

— Вотъ оно, братецъ! воскликнулъ онъ, беря меня за обѣ руки и, весь красный, смотря мнѣ въ глаза.

Какъ ни пріятно было благоуханіе, распространяемое дорогою гостьей, однако, съ отъѣздомъ ея сдѣлалось замѣтно легче. Даже у осторожной Полиены Ивановны появилась на лицѣ улыбка освобожденія, и только купецъ Дрыгаловъ счелъ долгомъ водить должное отъѣхавшей, воскликнувъ: вотъ-такъ дамочка! отдай все да и мало!

Подобныя ощущенія внезапнаго облегченія случаются нерѣдко, особливо когда имѣешь дѣло съ дамочками. Посмотрѣть на нее—только, кажется, душь, и вся она, со всѣмъ кружевнымъ и шольковымъ сварбомъ, разсѣется какъ дымъ; а посиди да поговори съ нею—тяжелѣе мономаховой шапки скажется. Голова заболитъ отъ одного учтиваго напряженія что-нибудь уловить въ безконечномъ журчаніи словъ. Это журчаніе, несмотря на свои ласкающія формы, представляетъ, въ сущности, очень страшное орудіе, съ помощью котораго маленькое, слабенькое, почти прозрачное существо можетъ, въ короткое время, не только осн-

леть самаго солиднаго человѣка, но и свести его съума, подвинуть на множество глупыхъ и безчестныхъ дѣлъ, заставить метаться и проч. Мало того: съ помощью словеснаго журчанія, дамочка можетъ поставить въ тупикъ цѣлое общество здравомыслящихъ людей, въ одинъ моментъ смоетъ всѣ ихъ умственные построения, порветъ всякую связь между мыслями и, взаи́мнѣ заключенія, заставить выпучить глаза.

Извѣстно, однакожь, что существуетъ цѣлый общественный слой, въ которомъ подобныя журчанія представляютъ единственное орудіе для обмѣна мыслей и въ которомъ, за всѣмъ тѣмъ, никто не ощущаетъ ни головныхъ болей, ни поползновенія метаться. Повидимому, люди этого міра, отбросивъ всякую мысль о необходимости понимать другъ друга, довольствуются въ взаимныхъ сношеніяхъ тѣмъ, что одному журчанію противопоставляютъ равносильное встрѣчное журчаніе. И хотя въ результатѣ разумѣтся, оказывается путаница, но, къ удивленію, жизнь нетолько не терпитъ ущерба отъ нея, но даже пріобрѣтаетъ извѣстную внѣшнюю пестроту. Благодаря этой послѣдней, завязываются между дѣйствующими лицами отношенія, столкновения, даже цѣлые романы съ довольно сложными перипетіями, являются проблески радости, горя, отчаянія и проч. Однимъ словомъ, съ внѣшней стороны все происходитъ совсѣмъ такъ, какъ бы и въ настоящемъ человѣческомъ обществѣ, вслѣдствіе чего нѣкоторые, не особенно прозорливые наблюдатели (напримѣръ, романисты) легко впадаютъ въ ошибку и, изображая эту призрачную жизнь, въ которой нѣтъ ни одного яснаго мотива, кромѣ амуровъ, щегольства и гастрономическихъ увлеченій, выдаютъ ее за человѣческую...

Да, много еще тайнъ хранить природа въ нѣдрахъ своихъ! и что всего замѣчательнѣе: тѣмъ дряннѣе тайна, тѣмъ труднѣе распутать тѣ безконечныя паутинныя наслоенія, которыми она закутываетъ себя со всѣхъ сторонъ.

Итакъ, мы повеселѣли. Къ тому же, явилась и еще пріятная неожиданность, которая окончательно возвратила намъ хорошее расположеніе духа. Едва Положиловъ успѣлъ посѣтовать, что между нами нѣтъ Глумова, какъ въ столовой раздался его голосъ. Разумѣтся, мы сейчасъ же устремились туда и застали нашего друга, совмѣстно съ Поликсеной Ивановной, сѣтующимъ, что Богъ огурцовъ прошлымъ лѣтомъ совсѣмъ не уродилъ.

— Этакая снѣдь прекраснѣйшая, а мы, яко христіане, даже роптать не смѣемъ, что на цѣлый годъ ея лишены! жаловался онъ.

— И грибы только ужъ въ сентябрю пошли. Полакомиться

ими—полакомились, а въ прокъ заготовить не успѣли! вторила ему Поликсена Ивановна.

— И на это роптать не смѣемъ. Каждый годъ у насъ чего-нибудь либо мало, либо совсѣмъ нѣтъ; каждый годъ, съ весны мы надѣмся, а осенью видимъ наши надежды разрушенными: но и за всѣмъ тѣмъ, не ропщемъ, потому что вновь впредь надѣмся. Вотъ хоть бы по части огурцовъ... еслибъ не номѣшали военныя обстоятельства, непременно вышло бы какое нибудь мѣропріятіе, дабы, съ одной стороны, предотвратить непомѣрные урожаи, вслѣдствіе которыхъ воздѣльваніе сего полезнаго продукта представляется не токмо безвыгоднымъ, но и убыточнымъ, а съ другой...

На этомъ мѣстѣ разговоръ былъ прерванъ нашимъ появленіемъ. Послѣдовали взаимныя горячія объятія, вопросы: какими судьбами? откуда? когда?

— Сегодня утромъ изъ деревни, и ужъ съ полчаса сижу въ кабинетѣ. Вижу, что у подъѣзда карета стоитъ, спрашиваю: кто? говорятъ: международная дамочка въ гостяхъ сидитъ... Ну, я и притаился. А занятая дамочка! я, признаться, въ щелку заглянулъ, какъ она проходила: грудочка, плечики... именно все, что для утѣшенія рода человѣческаго нужно—все на лицо! На букетъ, что ли, для поднесенія плѣннымъ туркамъ, съ подпиской пріѣзжала?

Собственно насъ съ Положиловымъ вопросъ этотъ ни мало не удивилъ, такъ какъ мы достаточно знали страсть Глумова озадачивать людей неожиданными предположеніями, однако, видя, что Поликсена Ивановна поморщилась, мы сочли своимъ долгомъ, по мѣрѣ силъ, вступить за дорогую гостью.

— Ну, любезный, ты этого говорить не могил! сказалъ Положиловъ:—во-первыхъ, эта дама—супруга моего начальника, а во-вторыхъ... что бишь, во-вторыхъ?.. да! вотъ и на счетъ патриотизма... Нетолько къ туркамъ пристрастія не имѣетъ, но даже о проливахъ заботится... Очень, очень старается, чтобы проливы за нами остались...

— И Богъ дастъ, старанія ея увѣнчаются успѣхомъ, присовокупилъ и я съ своей стороны:—хотя, къ сожалѣнію, Грегуаръ и сомнѣвается въ томъ.

Бъ удивленію, однакожь, Поликсена Ивановна нетолько не утѣшилась этими похвалами, но, напротивъ того, покачивала головой и приговаривала:

— Ахъ, господа, господа!

Наконецъ, сѣли обѣдать, и, разумѣется, бесѣда началась съ

вопроса, обращеннаго къ Глумову: какъ въ «своемъ мѣстѣ» нашелъ?

— Какъ вездѣ, такъ и у насъ въ Соломенномъ Городищѣ. У всѣхъ и на умѣ, и на языкѣ одно: война!

— Что говорятъ? какъ относятся?

— Да какъ сказать... прилично! Интеллигенція, то-есть... ей Богу, очень даже прилично! Молебны, панихиды—всегда полонъ соборъ мундировъ. Предводители—тѣ такъ-таки прямо говорятъ: доколѣ ненавистное имя Турціи существуетъ на картѣ Европы, дотолѣ не положимъ оружія! Такъ что губернаторъ, на всякій случай, даже вынуждается деликатнымъ образомъ сдерживать ихъ. А разговоры какіе въ клубахъ происходятъ—просто хотъ куда!

— Чай, и дамы въ движеніи участіе принимаютъ?

— Какъ же, и дамы... Генеральши сами корпію щиплютъ, пикини, лоттерей-аллегри въ пользу раненыхъ воиновъ устраиваютъ... Намедни, повѣздъ съ ранеными на станцію пріѣхалъ, такъ всѣ Соломенныя дамочки туда устремились, и всѣ, какъ на подборъ, прехорошенькія! Одна генеральша раны перевязываетъ, другая чаемъ съ блюдечка поить, третья, со словъ солдатиковъ, письма въ деревню пишетъ... А граціи да прекрасныхъ манеръ сколько было по этому случаю въ одночасье выказано, такъ, увѣряю, въ Александринкѣ, съ самаго ея основанія, не было столько потрачено!

— Не все же, чай, грація, да прекрасныя манеры; вѣроятно, что-нибудь и другое найдется!

— По временамъ и скандалы бываютъ. Прислали, напримѣръ, къ намъ на жительство майорину турецкаго; только видятъ: жрать майорина безъ бутылки шампанскаго за столъ не садится! Стали разузнавать—и что-жь оказалось!—что это наши Соломенныя интернаціональныя дамочки ему въ складчину каждый день по бутылкѣ посылаютъ! А онъ, въ благодарность, русскимъ сквернымъ словамъ выучился—всѣ гуртомъ такъ и чешетъ! Это ужъ наши Соломенные интернаціональныя жѣнъ-жаны научили.

— Неужели все это правда? неужто и теперь подобные факты случаются могутъ? удивилась Поликсена Ивановна, прискорбно покачивая головой.

— Не лгу-съ.

— И ничего? такъ-таки о сю пору и хлещетъ турка шампанское?

— Нѣтъ, сторонкой дали дамочкамъ знать, что нехорошо, молъ, врага религіи ублажать—ну, перестали. Теперь майорина при одномъ сквернословіи остался.

— Гм... такъ вотъ ты какія вѣсти привезъ! пикини, мунди-

ры, грація и, для отгбненія картины, майорина, пьющій шампанское, приобрѣтаемое издженіемъ русскихъ дамъ! Si non è vero, è ben trovato! усомнился Положиловъ.

— А если не вѣришь, такъ и не вѣрь!

— Нѣтъ, это даже очень возможно-съ! вступился за Глумова Дрыгаловъ.—У насъ, доложу вамъ, Павелъ Ермолаичъ, въ 1854 году какой случай былъ. Прислали эта одного плѣннаго агличанина къ намъ на житье—ну, одна дамочка, промежду танцевъ, и скажи ему: сколь много мы были бы довольны, ежели-бъ господа агличане до нашего города дошли! Такъ одинъ господинъ услышалъ эти слова, да плюху ей и закатилъ!

— Такъ-таки и закатилъ?

— Вотъ какъ передъ Истиннымъ. И супругъ ейный видѣлъ и не вступился: полностью, говорить, заслужил!

— Какіе, однакожь, странные и отчасти прискорбные факты вы приводите, господа! сантиментально воскликнулъ Положиловъ, тутъ же, впрочемъ, спохватившись, что выразился слишкомъ побумажному.

— А ты... какимъ ты страннымъ и отчасти прискорбнымъ языкомъ говоришь! передразнилъ его Глумовъ:—точно отношеніе отъ равнаго къ равному пишешь! Милый ты человекъ! вѣдь не въ томъ дѣло, что мы прискорбные факты передаемъ, а въ томъ, что этихъ фактовъ отрицать нельзя. Существуютъ они.

— Положимъ. И грація, и скандалы—все это подмѣчено вѣрно. Но, во-первыхъ, глупыя и пошлыя личности возможны во всякомъ обществѣ, а во-вторыхъ...

— Во-вторыхъ, не всѣ-моль таковы?.. разумѣется, не всѣ! Я съ того вѣдь и началъ, что въ общемъ все очень прилично. При молебствіяхъ присутствуютъ, благословеніями напутствуютъ—чего еще надо! Есть, братецъ, даже и такія личности, которыя всякаго за горло готовы ухватить нетолько при сомнѣніи насчетъ будущихъ успѣховъ, но и при малѣйшемъ упоминаніи о неуспѣхахъ прошедшихъ... Такъ развѣ это что-нибудь доказываетъ?

— Доказываетъ, что люди вездѣ люди и что каждый изъ нихъ выражаетъ свое отношеніе къ дѣлу какъ можетъ. Ты вотъ въ смѣшномъ видѣ грацію представляешь; но, во-первыхъ, дамочекъ-то пора бы и въ сторонѣ оставить, потому что не въ нихъ дѣло, а, во-вторыхъ, что же имъ дѣлать, этимъ несчастнымъ, когда онѣ съ колыбели граціей исковерканы?

— А между тѣмъ, и имъ свое сочувствіе чѣмъ-нибудь выразить хочется! поддержала мужа Полиссена Ивановна.

— Я развѣ запрещаю? Я говорю только: смотрѣть противно!

— Намѣднись, доложу вамъ, я, вмѣстѣ съ прочими, на вокзалѣ при приемѣ раненыхъ былъ, отозвался Дрыгаловъ:—такъ одна барынька къ служивенькому привязалась: гдѣ у тебя, воинъ, болитъ?—Не могу сказать, ваше благородіе! говорить.—Нѣтъ, ты скажи! теперь такое время, что мы все можемъ знать!—Не могу, говорить, сказать, не хорошо у меня болитъ! Нѣтъ-таки не отстаешь: скажи да скажи! Ну, онъ и сказалъ.

— Да неужто же вы не понимаете, господа, что все это анекдоты одни? слегка разсердился Положиловъ:—положимъ, Дрыгаловъ просто анекдоты рассказываетъ, ну, а ты, Глумовъ... подумай, нѣтъ ли у тебя предвзятаго предубѣжденія въ этомъ случаѣ? Помнится, ты когда-то говаривалъ, что для нашей интеллигенціи все равно, если насъ, русскихъ, и за Волгу загонять...

— Ну да, то-есть доходы получать—конечно, все равно. Я нашу такъ называемую интеллигенцію даже и сравнить ни съ чѣмъ другимъ не умѣю, кромѣ какъ съ ветхой печкой, у которой нутро выгорѣло. Хоть цѣлый лѣсъ тамъ спали—ни чѣмъ ты ея не разожжешь!

— Почему же nibудь, однако, она живетъ и даже заявляетъ о своемъ существованіи?

— Живетъ—на остатки отъ выкупныхъ свидѣтельствъ; заявляетъ о своемъ существованіи—тѣмъ, что превратныя идеи розныскаиваетъ, да строчки въ книжкахъ подчеркиваетъ. Даже и теперь—кажется, время не шуточное!—эти занятія на первомъ планѣ. Съѣдъ у меня по деревнѣ, штатскій генералъ, есть, такъ пріѣзжаю я на дняхъ къ нему: такъ и такъ, говорю, мои двѣ коровы въ овсахъ у вашего превосходительства пойманы, такъ прикажите штрафъ получить, а скотину отпустить... Ну, разумѣется, вознегодовалъ. Помилуйте, говорить, такое ли теперь время, чтобы пустяками заниматься... Эй! сейчасъ же отпустить коровъ г. Глумова, да сказать тамъ, чтобъ впредь подобныхъ глупостей не допускали! А мы, говорить, съ вами объ нынѣшнихъ дѣлахъ побесѣдуемъ! И началъ, и началъ... И сердце-то у него изболѣло, и не разъ-то онъ предсказывалъ, что война до добра доведетъ, и проливовъ-то ему хочется, и Константинополь... Отчего, говорить, они прямо туда не идутъ? По моему, говорить, сначала на Филиппополь, потомъ на Адрианополь, а оттуда—ужъ рукой подать! Только бесѣдовалъ это, бесѣдовалъ, да вдругъ какъ брякнетъ: а знаете ли, говорить, все-таки настоящая язва наша не здѣсь! Виѣшнихъ то враговъ мы, съ Божьею помощію, рано или поздно побѣдимъ, а вотъ внутренніе враги... о!!

— И это опять-таки анекдотъ.

— Ахъ, любезный, да ежели вся жизнь изъ анекдотовъ со-

стоять? На выдумки, что ли, пускаться прикажешь, чтобы тебя не огорчать?

— Выдумывать, конечно, незачѣмъ, а воздерживаться—пожалуй, не лишнее!

— То есть, рапортовать, что всѣ сословія, въ одномъ общемъ чувствѣ умиленія, возсылали теплыя мольбы... такъ, что ли?

— Нѣтъ, и не такъ. Скажу тебѣ откровенно: и самъ даже не знаю какъ; но знаю навѣрное, что отъ всѣхъ этихъ анекдотовъ фальшью отдаетъ. И еще знаю, что и въ средѣ интеллигенціи найдется довольно людей, которые совсѣмъ не такъ легкомысленно относятся къ дѣлу... ты, напримѣръ?

Вопросъ былъ поставленъ не безъ ехидства, и я, признаюсь, ожидалъ, что Глумовъ смутится или, по малой мѣрѣ, прибѣгнетъ къ одному изъ множества истрепанныхъ оправданій, въ родѣ: «я—человѣкъ исцалеченный», или: «моя пѣсня спѣта» и т. д. Но онъ, повидимому, рѣшился не смущаться ни передъ какими вопросами.

— Я-то? воскликнулъ онъ совершенно просто:—а ты почему думаешь, что я къ чему бы то ни было и какъ бы то ни было относиться долженъ?

— Однако!

— Развѣ я что-нибудь знаю? развѣ я когда-нибудь за свой счетъ думалъ? развѣ мнѣ не твердили съ пеленокъ, что я—ничего болѣе, какъ пятое колесо въ колесницѣ? Нѣтъ, государь мой, отъ «отношеній» къ чему бы то ни было, прошу меня развѣ навсегда уволить! Не мое дѣло—вотъ единственный отвѣтъ, который я могу на всѣ вопросы дать, и за который, навѣрное, получу полный баллъ у своего Соломеннаго исправника. И все, къ чему я сознаю себя нравственно обязаннымъ, это—не кобяниться, не глубокомысленничать на счетъ проливовъ и не наусьбивать. А по прочему по всему, я такой же культурный человѣкъ, какъ и всѣ?

Возражать на этотъ новый глумовскій порадокъ было, конечно, не мудроно (у меня даже цѣлый рядъ живыхъ картинъ по этому случаю въ головѣ мелькнулъ); но скользко было слѣдовать за нимъ по этому пути, и потому мы благоразумно смолчали.

— Ну, хорошо, началъ опять Положиловъ:—оставимъ интеллигенцію въ сторонѣ. Въ народѣ чтò говорить?

— Въ народѣ, любезный другъ, не хвастаются, не долгоязычаютъ и даже ничего не знаютъ о проливахъ, а просто несутъ свои головы. Только вѣю очень ужъ много.

— Гм... да?

— Да, есть-таки. Ъхалъ я нынче изъ деревни до желѣзной

дороги, такъ и до сихъ поръ въ ухахъ звенить. Всѣ двадцать верстъ, какъ нарочно, партіи ратниковъ танулись, а за ними толпами бабы... всю жизнь этихъ звуковъ не позабыть!

Глумовъ умолкъ на минуту, словно почувствовалъ неловкость.

— Мы этихъ картинъ не видимъ, продолжалъ онъ: — а потому даже лучшіе изъ насъ представляютъ себѣ народъ въ видѣ громаднаго и упругаго кокона, отъ котораго отскакиваютъ всякія бѣдствія, или, по крайней мѣрѣ, не такъ мучительно вонзаются. Такъ это неправда. Никакого кокона нѣтъ, а есть мнѣріады отдѣльныхъ единицъ, изъ которыхъ каждая за свой собственный счетъ страдаетъ и стонетъ. И даже больше, нежели, напримѣръ, мы, потому что ей, этой безвѣстной единицѣ, приходится прямо кровь проливать и голову нести, а не морально только изнывать. Да, господа, коли издали слушать, такъ и стонъ въ общей массѣ не поразителенъ, даже гармонію своеобразную представляетъ, а вотъ какъ выхватить изъ этой массы отдѣльный вопль... ужасно! ужасно! ужасно!

— Позвольте вамъ, сударь, доложить, что вой этотъ собственно... попробовалъ было вмѣшаться Дрѣгаловъ, но Глумовъ даже не обратилъ вниманія на его перерывъ.

— Да, продолжалъ онъ: — народъ и теперь, какъ всегда, ведетъ себя сдержанно и степенно. Онъ всякую тяжесть выдержитъ на своихъ плечахъ, изъ всякой бѣды грудью вынесетъ! Теперь мы и сами готовы признать, что народъ, въ самомъ дѣлѣ, есть нѣчто, имѣющее собственную физиономію, а не просто объектъ для экономическихъ и административныхъ построеній, а давно ли...

— Позвольте, однако, вамъ доложить, что собственно бабы этѣ... опять рискнулъ Дрѣгаловъ, но Глумовъ и на этотъ разъ не далъ ему высказаться.

— Знаю, Терентій Галактіончъ, что ты хочешь сказать, и заранее, говорю, умолкни! Умолкни, потому что если ты выскажешь, что у тебя на языкѣ вертится—тебѣ же стыдно будетъ! Да, господа, стыдно! Стыдно разговаривать, стыдно проводить время... даже жить въ инны минуты чувствуется неловко!

— А жить все-таки нужно! задумчиво отозвалась Поликсена Ивановна.

— Жить нужно для сродственниковъ, для знакомыхъ... вообще для всѣхъ нужно жить! сентенціозно поддержалъ ее Дрѣгаловъ.— Иванъ Николаичъ люди одинокіе—вотъ имъ и сподручно панафиды-то эти пѣть!

— Панихиды, а не панафиды, поправилъ его Глумовъ:—котрый годъ ты первую гильдію платишь, а не благородному все-таки говорить не умѣешь! А впрочемъ, ты правъ: именно пана-

фиды—весь этотъ разговоръ нашъ. И охота тебѣ, Павелъ Ермоланчъ, объ такихъ матеріяхъ рѣчь заводить! Сидѣли бы да зубами щелкали—право, съ нашего брата предостаточно.

— Ничего, сударь, въ канпаніи отчего-жь и не поговорить! разсудилъ Дрыгаловъ:—кабы за нами дѣло какое стояло—ну тогда точно, что не до разговоровъ! а то дѣловъ никакихъ нѣтъ, время праздничное—никто не забранить, ежели, между прочимъ, и слово перекинемъ.

— Такъ ты и перекидывай, ежели у тебя языкъ чешется!

— Нѣтъ ужъ, сдѣлайте ваше одолженіе, извольте продолжать! всѣхъ вы отрекомендовали, такъ ужъ и намъ, купечеству, аттестать пожалуйте!

— Посмотри на свое пузо—вотъ тебѣ и аттестать!

— Пузо, сударь, отъ пищи, а пища отъ Бога. Нѣтъ, вы намъ вотъ что доложите: неужто въ нашемъ купечествѣ этого духу мало?

— Какого духу?

— А вотъ хоть бы на счетъ этихъ самыхъ обстоятельствъ?

— А кто отъ ратничества всѣми правдами и неправдами откупается?

— Такъ вѣдь это по чловѣчеству-сь. Нешто пріятно теперича, въ самое, можно сказать, горячее время, свой интересъ бросать? Или, напимѣрь, нешто пріятно отцу воображать, какъ надъ его дитѣй свиное ухо надругательство будетъ дѣлать?

— Дальше!

— А вы на счетъ пожертвованьевъ Павлу Ермоланчу доложите. Пожертванія откуда идутъ?

— Откуда?—изъ ящика!

— Да, да, да! вспомнилъ и Положиловъ:—и ты вѣдь, Терентій Галактіончъ, давеча объ ящичкѣ поминалъ... сказывай, чтѣ за штука такая?

— Просто общественныя деньги, земскія, городскія—вотъ они ими и жертвуютъ, пояснилъ за Дрыгалова Глумовъ.

— Такъ что-жь что общественныя! чай, и нашихъ частичка тутъ есть!

— Ни шелега. Частичку, объ которой ты говоришь, совсѣмъ не на этотъ предметъ ты внесъ. Не пожертвовалъ, а именно внесъ, потому что, еслибы ты по окладному листу не уплатилъ, такъ у тебя имущества на соотвѣтствующую сумму описали бы. Понимаешь?

— Понимаю, и все-таки...

— Гм... такъ вотъ оно что! молвилъ Положиловъ:—а я-было

на тебя, степенный гражданинъ, по части одѣяльцевъ для нашего комитета надежды возлагалъ!

— На этотъ счетъ будьте спокойны, Павелъ Ермолаичъ. Всѣмъ доставнетъ! ежели даже цѣлую армию пожелаєте прикрыть—предоставимъ въ лучшемъ видѣ!

— Изъ ящичка?

— Ужъ тамъ изъ ящичка ли, изъ своихъ ли—будетъ доставлено!

— То-то, ты у меня смотри: я ужъ и генеральшѣ пообѣщалъ. Ну, и она не прочь походатайствовать за тебя... Только вотъ не знаю, не испортилъ ли ты дѣла тѣмъ, что сневѣжничалъ давеча...

— Помилуйте! что же я такое сдѣлалъ? испугался Дрыгаловъ.

— А помнишь: только свисните, ваше превосходительство? а? Развѣ съ высокопоставленными дамами такъ разговариваютъ?

— Да, другъ, проштрафился ты! «только свисните!» — шутка связать! поддразнилъ и Глумовъ:—ты на какой лентѣ-то ожидаешь?

— Все бы хоша съ черными полосками...

— А теперь и съ бѣлыми полосками за глаза довольно. Ахъ! господѣ, господѣ! такъ вотъ вы какими средствами патріотическіе-то огни поддерживаете!

Воскличаніе это заставило Положилова на минуту смѣшаться, но онъ сейчасъ же, впрочемъ, поправился.

— Любезный другъ, сказалъ онъ:—въ настоящее время надо практическихъ результатовъ достигать, а не миндальничать. Задача предстопить такая: раненымъ необходимы одѣяла—не былъ ли бы комитетъ черезъ-чуръ ужъ наивенъ, еслибъ дожидался, пока одѣяла съ неба спадутъ?

— Да, да, одѣяла... понятно, это—вещь полезная, согласился Глумовъ.—Такъ ужъ ты вотъ что, Терентій Галактіоничъ! какъ будешь одѣяла-то готовить, такъ помни твердо, что солдатикъ—святой человѣкъ, и сдѣлай милость ужъ не сфальшивь! Пожертвуй настоящія одѣяла, а не то чтобы званіе одно. А, впрочемъ, знаешь ли что я тебѣ скажу? вдругъ прибавилъ онъ, по обыкновенію, совсѣмъ неожиданно:— ежели дѣйствительно тебя почетеи взманили, такъ обкори ты арміи и флоты гнилыми сухарями—по гробъ жизни счастливъ будешь!

— Ахъ, это ужасно! нервно откликнулась Полиссена Ивановна.

— За этикія дѣла, чай, нашего брата не похвалятъ! скромно оговорился и Дрыгаловъ.

— Попробуй! Сказано: солдатикъ—святой человекъ, а святыя люди развѣ обижаются? Нынче какъ на этотъ предметъ глядятъ?—Святой человекъ—глупый человекъ! вотъ какой нынче разговоръ просвѣщенные люди имѣютъ! Всякія злодѣйства за злодѣйства признаются: и убійства, и истязанія, и грабежи... только вотъ о промышленныхъ злодѣйствахъ что-то не слышать. Слѣдовательно... Ахъ, да давайте же, господа, объ чемъ-нибудь другомъ говорить! вдругъ крикнулъ онъ надтреснутымъ, болѣзненнымъ крикомъ:—ну, объ чемъ? объ чемъ, наприимѣръ? Вѣдь говаривали же мы объ чемъ-нибудь до войны?

Но мы молчали. Я рылся въ воспоминаніяхъ и спрашивалъ себя: о чемъ, въ самомъ дѣлѣ, мы до войны говорили? Говорили о королѣ Луи Филиппѣ, о процессахъ, ознаменовавшихъ его царствованіе, о Гизо, Тьерѣ; говорили о томъ, что такое tiers-état, и переходили къ Мирабо, Робеспьеру, Дантону и къ деклараціи правъ человека. Но больше всего говорили о самихъ себѣ, о какихъ-то надеждахъ, разлетѣвшихся въ прахъ и оставившихъ насъ между двухъ стульевъ. Безспорно, это были тѣмы очень благодарныя, но для того, чтобы развивать ихъ не торопясь, необходимо, чтобы окрестъ царствовалъ глубокой миръ, чтобы процвѣтала промышленность, чтобы курсъ на Парижъ былъ не ниже 360 сантимовъ и чтобы «превратныя идеи» появлялись лишь въ умѣренномъ количествѣ, единственно какъ матеріалъ для подновленія слишкомъ истрепавшейся разговорной канвы. Въ настоящую же минуту, сюжеты эти оказывались рѣшительно непригодными. Мысль была всецѣло поглощена одною, специальною темою и рѣшительно отказывалась работать на общечеловѣческой почвѣ.

— Вотъ и Тьеръ умеръ! рискнулъ, наконецъ, кто-то.

— Да, да, да! жилъ-жилъ старичина—и померъ!

— Теперь у нихъ, пожалуй, на чистоту Макмагоня пойдеть!

— Макмагоня... Тьеръ... да! Много старичина въ свою жизнь непотребствъ совершилъ, а вотъ какое жестокое время прислѣло, что и объ немъ приходится слезы лить?

И опять всѣ смолкли.

— Вотъ вамъ, Иванъ Николаичъ извѣстно, буркнулъ вдругъ Дрыгаловъ, обращаясь къ Глузову:— господинъ Макмагонъ и господинъ Базинъ—одно ли и тоже это лицо?

— Ну, да; то есть, почти... Только одинъ убѣжалъ, а другой—остался...

— Такъ-съ. А у насъ въ городу непремѣнный засѣдатель въ полицейскомъ управленіи есть, Базинымъ прозывается, такъ онъ сказываетъ, что этому самому Базину двоюроднымъ племянникомъ приходится... чай, хвастаетъ?

Но вопросъ Дрыгалова такъ и остался безъ отвѣта. Увы! даже смерть Тьера не выгорѣла! Сколько бы, въ другое время, мы, по ея поводу, разговоровъ наговорили! а теперь вотъ сказали два-три слова — и словно законопатило! Чудатся: Плевна, Ловча, Шибкинской проходъ; слышится выстрѣлы, лязгъ штыковъ, бряцанье сабель и стоны, стоны безъ конца! Мретъ русскій мужикъ, мужикъ, одѣвшійся въ солдатскую форму, мретъ помещецъ-кормилецъ русской земли! Не долгоязычничаетъ, сидя на печи, не критикуетъ, не побуждаетъ, а прямо несетъ свою голову на встрѣчу смерти!

Можно ли «разговаривать», когда сердце истекаетъ кровью? Да и объ чемъ? Развѣ мы что-нибудь знаемъ? развѣ мы что-нибудь можемъ? какую связь мы имѣемъ съ этой безпримѣрной трагедіей, которая длится, длится безъ конца? Откуда вдругъ налетѣлъ шквалъ? какимъ образомъ составился сценарій трагедіи? что его питаетъ и долго ли будетъ питать? развѣ мы что-нибудь знаемъ?

Какъ знать, можетъ быть, въ ту самую минуту, когда мы на досугъ судачимъ, гдѣ-нибудь тамъ, подъ Казанлыкомъ, подъ Ени-Загрой, разыгрывается... ахъ, страшно даже представить себѣ, что такое тамъ разыгрывается! Когда занавѣсъ остается безсмысленно поднятымъ, когда со сцены ни на мгновеніе не сходитъ единственное дѣйствующее лицо — смерть, можно ли мыслить, можно ли даже ощущать что-нибудь иное, кромѣ цемлящей боли, пронизывающей все существо, убивающей мысль, сдавливающей въ горлѣ вопль, готовый вылетѣть изъ груди?

— Вотъ и Гамбетта на три мѣсяца въ кутузку засажень... опять было началъ кто-то.

И все окончательно смолкло.

Къ счастью, обѣдъ приходилъ къ концу; атмосфера столовой слишкомъ ужь обострилась; ощущалась настоятельная потребность переимѣнить ее.

Но и въ кабинетѣ Положилова, куда мы перешли, чувствовалось не легче. Мы разсѣлись по угламъ и молчали, словно какая-то тупая враждебность овладѣла всѣми. Только Рогатинъ и Дрыгаловъ, первый — въ качествѣ будущаго исполнителя предначертаній, второй — въ качествѣ жертвователя, вполголоса толковали о томъ, какія должны быть одѣяла.

— Я думаю, аршина два долины достаточно будетъ? робко выпытывалъ Дрыгаловъ, въ надеждѣ, что молодой человекъ, по неопытности, не замѣтитъ его жертвовательской продѣлки.

— Непремѣнно пол-аршина прикинь! крикнулъ ему Глузовъ

и, обратясь къ Рогаткину, прибавилъ: — вы, молодой человекъ, шагъ за шагомъ за нимъ слѣдите, а то какъ разъ...

Дольше оставаться было незачѣмъ.

Такимъ образомъ, обычная воскресная программа осталась невыполненною и, что всего прискорбнѣе, трудно было и въ будущемъ предвидѣть какія-либо отрадные улучшения въ этомъ смыслѣ. Карты не радовали, разговоры — пресѣклись. Въ такомъ сѣромъ настроеніи пройдетъ, вѣроятно, цѣлая длинная зима. На дворѣ уже становится жутко отъ холода, съ шести часовъ начинаются сумерки, дождь льетъ съ утра до вечера — какъ будемъ мы коротать безконечные осенніе вечера? Придется ходить изъ угла въ уголь и думать... объ чемъ думать? объ томъ, что намъ и думать-то не объ чемъ! Какая, однакожь, странная, почти страшная вещь!

Да, Глузовъ такъ-таки и утверждаетъ, что намъ думать и незачѣмъ, и нѣ объ чемъ. Онъ увѣряетъ, что ни сочувствіе, ни несочувствіе наше, ни критики, ни панегирики — ничто не идетъ въ счетъ, что всѣ наши сужденія и рѣчи — кимваль брацающій, что мы не можемъ быть ни искренними, ни правдивыми, что всякая наша попытка отнестись кратически къ злобѣ дня отзывается или самохвальствомъ, или ложью, что, наконецъ, у насъ нутро выгорѣло, какъ у старой печки, отслужившей свой вѣкъ... Положимъ, что онъ, по обыкновенію своему, преувеличиваетъ; но ежели есть даже частичка правды въ его словахъ — развѣ это не ужасно? Развѣ не ужасно уже и то, что человеку можетъ казаться подобная безотрадная картина?

А частичка правды, навѣрное, есть. Въ самомъ дѣлѣ, кому нужны нетолько мнѣнія наши, но даже сочувствіе и панегирики? Ни силы не слышится въ нихъ, ни опоры они никому не могутъ дать — какая же надобность видѣть въ нихъ что-нибудь иное, кромѣ назойливаго желанія подслужиться или, много-много, оградить себя отъ какихъ-то загадочныхъ угрозъ? Никто нашихъ сочувствій не ищетъ, никто не утѣшается ими; что же касается до нашихъ критикъ, то всему міру извѣстно, что мы такую особенную манеру протестовать и критиковать выработали, которая бросается въ носъ крѣпче всякаго панегирика.

Празднословіе, праздношатательство, амуры и погоня за наживой — вотъ единственныя жизненныя основы, которыя завѣщаны намъ прошлымъ и которыя мы можемъ назвать вполне своими, вполне конкретными. Спрашивается: прочны ли онѣ? Очень возможно, что, еслибы онѣ могли длиться безъ конца, то мы сочли бы себя вполне удовлетворенными; но въ томъ-то и дѣло, что на без-

конечность срыванія цѣтовъ удовольствія даже самые легкомысленные изъ насъ нынче ужъ не рассчитываютъ... Поэтому, хотя люди и продолжаютъ слѣдовать по завѣщанной колеѣ, но дѣлаютъ это поневолѣ, потому что идти больше нѣкуда, и въ то же время отлично сознаютъ, что это—жизнь, висящая на волоскѣ и что пользоваться подобнымъ существованіемъ, жуировать, можетъ только тотъ, кто упорно закрываетъ глаза всякій разъ, какъ промелькнетъ передъ нимъ призракъ будущаго. А призракъ этотъ начинаетъ мелькать какъ-то особенно назойливо.

Съ каждымъ днемъ, все больше и больше погружаясь въ пучину отчужденности, мы мало по-малу доходимъ до положенія эмигрантовъ, у которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ мѣстожителства да ревниваго полицейскаго надзора. Нѣтъ у насъ ни блага, ни чернаго труда, нѣтъ ничего побуждающаго къ дѣятельности, напоминающаго о кровномъ, *своемъ* дѣлѣ... Есть только интересы мелкихъ удобствъ, да и тѣ не отъ насъ зависятъ, а отъ разныхъ учреждений и лицъ, съ которыми мы ничѣмъ внутренне не связаны. Ничего нѣтъ, кромѣ массы празднаго времени. А жить, между тѣмъ, надобно. Ужели только «для сродственниковъ и знакомыхъ», какъ объяснялъ давеча купецъ Дрыгаловъ?

Такова, какъ мнѣ кажется, внутренняя сущность давишнихъ глумовскихъ рѣчей. Говоря по совѣсти, лично я даже не имѣю ни малѣйшаго основанія что-либо возражать противъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое вся моя собственная жизнь, какъ не приличное прозабаніе, съ обязательнымъ аккомпанементомъ систематическаго воздержанія отъ жизни? Всегда мы шли съ Глумовымъ объ руку по одной и той же колеѣ, съ уныніемъ относясь къ прошлому, съ брезгливостью—къ настоящему, съ недоумѣніемъ—къ будущему. Что нами руководило при этомъ совершенно искреннее сознаніе полнѣйшей безнадежности какихъ бы то ни было усилій, что мы не рисовались, не кобанились—въ этомъ можетъ служить порукою хоть бы то, что мы, послѣ долгаго странствованія по прозябательному рецепту, все-таки пришли къ тому самому пункту, изъ котораго и отправились, т. е. къ унынію. Да, не весело-таки намъ живется, господа! право, не весело!

И такъ, съ личной точки зрѣнія, мы правы, и даже, можетъ быть, и не съ личной только, но и съ точки зрѣнія дѣйствительнаго положенія вещей. Но правы ли мы, обобщая заключенія, вынесенныя нами изъ жизненныхъ наблюденій? Правы ли мы, выводя изъ этихъ наблюденій такіа практическіа примѣненія, которыя даже самому упорному индеферентизму вынести не

въ силахъ, и которыя, стало-быть, и практическими, въ строгомъ смыслѣ, названы быть не могутъ? По обыкновенію, я и на этотъ вопросъ не могъ отвѣтить категорическимъ да или нѣтъ, но, подъ вліяніемъ впечатлѣній дня, что-то хоть смутно, но подсказывало мнѣ: нѣтъ, мы не правы...

Какъ ни забить человѣкъ, какъ ни ясно для него самого, что онъ и бесполезенъ, и безсиленъ, и беззащитенъ, все-таки остается еще убѣдить его, что самая приличная для него форма существованія—это прозябаніе. Но тутъ-то именно и окажутся безсильными всѣ логическія доказательства. Никакая забитость, никакое сознаніе собственнаго безсилія не убѣдитъ человѣка, что онъ долженъ отказаться отъ прирожденнаго ему права быть судьей среды, въ которой онъ живетъ, и дѣлъ, которыя совершаются передъ его глазами. Допустимъ, что, въ данномъ случаѣ, отказъ и дѣйствительно былъ бы очень *приличенъ*, но что же такое вопросъ о приличіяхъ тамъ, гдѣ рѣшающее слово принадлежитъ самой природѣ человѣка?

Да, и въ тюрьмѣ есть доступъ въ область общечеловѣческой мысли и въ область общечеловѣческаго чувства! и въ тюрьмѣ трепещетъ мысль, горитъ сердце, кипитъ кровь! Даже тамъ, гдѣ, въ силу всевозможныхъ уставовъ и правилъ, жизнь уже прекращаетъ свое дѣйствіе, гдѣ, повидимому, уже нѣтъ ничего *своего*, оно все-таки есть, это *свое*, и никакіе запреты не сильны сказать ему: остановись! не иди дальше этой двери! Это *свое* неотступно идетъ за человѣкомъ, куда бы ни бросила его неумолимая судьба; оно раздѣляетъ съ нимъ и узы, и заключеніе оно освѣщаетъ для него смрадный каменный мѣшокъ, въ которомъ онъ осужденъ нести иго жизни...

Сознавать свое существованіе лишнимъ, видѣть себя навсегда осужденнымъ стоять передъ замкнутой дверью—конечно, ужасно; но и это не исключаетъ ни законности, ни возможности волнѣній негодованія и любви. Что нужды, что порывы мысли и чувства безслѣдно пропадутъ въ какой-то бессмысленной пропасти, человѣкъ все-таки будетъ негодовать и любить ради самого себя, ради того, что этого требуетъ сама природа его. Есть много простыхъ и честныхъ натуръ, которыхъ судьба, съ жестокою послѣдовательностью, отменяетъ отъ жизни, и которыя, несмотря на безчисленные удары, все таки льнутъ къ ней. И льнуть не во имя благъ, которыми она такъ обильна, а во имя страданій, которыхъ у нея тоже непочатый край. И кто же знаетъ, быть можетъ, когда нибудь они и прильнутъ?.. Какъ требовать отъ этихъ людей какой-то *приличной* сдержанности, какого-то благороднаго прозябанія, во имя того только, что эта сдержанность

и прозябаніе заключаютъ въ себѣ косвенный протестъ противъ неправильностей жизни?

Даже и мы, теоретики приличнаго прозябанія, развѣ мы не волнуемся, не негодуемъ, не любимъ, несмотря на теоріи, несмотря даже на неопровержимыя свѣдѣтельства фактовъ?

Таковы были мысли, которыя невольно шевелились во мнѣ, покуда я шелъ, вмѣстѣ съ Глумовымъ, отъ Положилowychъ. Несмотря на сравнительно ранній часъ, Развѣзжая была совсѣмъ пустынна, такъ что, еслибы судить по ней, то можно было бы думать, что городъ совсѣмъ брошенъ. Масса сѣрыхъ облаковъ, казалось, висѣла надъ самыми крышами домовъ, и безъ перерыва сѣяла мелкій дождь. Безконечное ненастье давило; глаза искали просвѣта и не находили. Вездѣ все заперто, заколочено, какъ и въ этой постылой жизни, въ которой, какъ ни стучись, какъ ни зови, нигдѣ ни до чего не достучишься и не дозовешься...

— А ты не совсѣмъ-таки правъ! сказалъ я, наконецъ, Глумову послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— Не только не совсѣмъ, а даже и совсѣмъ не правъ, отвѣтилъ онъ мнѣ.

— Ты не принялъ въ соображеніе многихъ обстоятельствъ. Такъ напримѣръ...

— И примѣры знаю.

— Нельзя рекомендовать людямъ прозябаніе, какъ приличнѣйшую форму существованія, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они и подлинно сознаютъ, что всякій дѣятельный порывъ съ ихъ стороны бесполезенъ?

— Нельзя.

— Нельзя сказать человѣку: не негодуй, не люби, когда сама природа вырываетъ изъ его груди слова негодованія и любви?

— Нельзя.

— Что же сей сонъ значить?

— А то и значить, что мы живемъ среди четырехъ глухихъ стѣнъ, въ которыхъ нѣтъ ни двери, чтобъ выйти, ни окна, чтобъ выброситься на мостовую. Въ этомъ тѣсномъ пространствѣ, всякій правъ и всякій неправъ... за собственный счетъ. Какъ можно требовать отъ мысли, чтобъ она работала правильно, когда кругомъ царитъ кромѣшная тьма? Когда нельзя отличить надежды отъ отчаянія, лекарства отъ отравы? Я знаю, что заставить человѣка не мыслить, не волноваться, не негодовать, не любить — нельзя; но я знаю также, что рядомъ съ этимъ «нельзя» стоитъ отравы, гласящая: бесплодно! Стоя между эти-

ми двумя одинаково конкретными фактами, какъ я могу быть правымъ или неправымъ?

— Но вѣдь, если ты хочешь, чтобы общество развивалось, то ужь, конечно, не съ помощью теоріи приличнаго прозябанія ты достигнешь...

— Знаю и это. Но слушай! будь другъ! прекратимъ этотъ разговоръ! До крови больно — человѣкъ вѣдь и я! Я соглашаюсь, что всякій имѣетъ право волноваться, любить, негодовать и вообще поступать по-человѣчески... Но трудно это, голубчикъ, ахъ, какъ трудно! Вѣдь по-человѣчески-то поступать только за свой счетъ можно, а много ли такихъ храбрцовъ! Большинство-то вѣдь только кобанится да грацію показываетъ — ужели и это тоже «право»? Или же двоедушничаетъ—вотъ какъ нашъ другъ, Павелъ Ермолаевъ. Я вѣдь до сихъ поръ думалъ, что душа-то у него человѣческая, анъ, она выходитъ куриная. Бѣденъ онъ, семействомъ угнетенъ—пусть такъ; но неужто же нельзя вести себя прилично, неужто нельзя безъ семи комитетовъ обойтись? Баста! съ нынѣшняго дня я ни объ чемъ другомъ не говорю, кромѣ какъ о Гамбеттѣ. Какъ ты думаешь, будетъ во Франціи переворотъ?

Вопросъ этотъ былъ сдѣланъ при поворотѣ на Вознесенскій Проспектъ, какъ вдругъ изъ-за угла на насъ что-то стремительно наскочило. Вглядываемся: самъ Балалайкинъ, собственной персоной!

— Куда? зачѣмъ?

— На войну, господа, ѣду!

Я, признаюсь, хотѣлъ-было поздравить его съ такимъ благороднымъ рѣшеніемъ, думая, что вотъ и Балалайку, стало быть, за живое зацѣпило, коль скоро кровь проливать идетъ; но Глумовъ оказался и тутъ проникательнѣе меня.

— Гешефтъ нашель? спросилъ онъ кратко.

— Наши тамъ... сухари... галеты... по сту тысячъ въ сутки зарабатываютъ... зовутъ!

— То-то ты такъ и запыхался—бѣжишь... курицынъ сынъ!

Но Балалайкинъ не слыхалъ, или притворился, что не слыхалъ этой апострофы, и продолжалъ бормотать:

— Сухари... галеты... а притомъ и народъ мреть... Наслѣдства открываются: по закону, по завѣщанію... всѣхъ сортовъ... Опять же и долговныя обязательства... охраненіе имущества... прѣпасть дѣла, прѣпасть! Только поспѣвай!

Н. Щедринъ.

У А Р Д А.

РОМАНЪ

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ДРЕВНЯГО ЕГИПТА.

Георга Эберса.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Три дня прошло съ отъезда вожатаго, и, несмотря на раннее время, въ рабочихъ комнатахъ Бентъ-Анатъ уже кипѣла усиленная дѣятельность.

Обѣ подруги провели безъ сна бурную ночь, послѣдовавшую за вечеромъ праздника, столь обильнымъ всякими волненіями.

На слѣдующее утро, Неферть чувствовала себя слабою и утомленною и просила царевну отложить до завтра ея вступленіе въ новую должность. Но Бентъ-Анатъ старалась ободрить ее, убѣждая, что хорошее дѣло никогда не слѣдуетъ откладывать до слѣдующаго дня, и уговорила Неферть отправиться съ нею въ мастерскія.

— Намъ обѣимъ необходимо дать другое направленіе нашимъ мыслямъ, сказала Бентъ-Анатъ. — Я иногда невольно содрогаюсь; мнѣ кажется, что я отмѣчена клеймомъ и опозорена грязнымъ пятномъ здѣсь, на этомъ плечѣ, до котораго прикоснулась грубая рука Паакера.

Въ первый день, Неферть пришлось во многомъ превозмочь себя, на второй ее заняло начатое дѣло, а на третій — она вполне освоилась съ принятою на себя ролью.

Бентъ-Анатъ нашла для нея надлежащую должность, поручивъ ей надзоръ за множествомъ маленькихъ дѣвочекъ и женщинъ; это были дочери, жены и вдовы жителей Оивъ, находя-

щихся въ дѣйствующей арміи или убитыхъ на войнѣ. Всѣ онѣ занимались сортированіемъ и укладкою цѣлебныхъ травъ.

Работницы сидѣли маленькими кружками на полу: въ серединѣ каждаго кружка лежалъ довольно большой ворохъ свѣжихъ и сухихъ травъ, а передъ каждою работницею нѣсколько пучковъ съ отобранными корнями, листьями и цвѣтами.

Все это производилось подъ наблюденіемъ престарѣлаго лекаря; онъ съ перваго же дня ознакомилъ Неферть съ различными травами, которыя были ему нужны.

Послѣ полуденнаго отдыха царевну отозвали, и Неферть оставалась нѣсколько часовъ одна со своими работницами.

Когда, послѣ захожденія солнца, всѣ онѣ разошлись, Неферть отправилась къ Бентъ-Анатъ, которую и нашла на галлерей. Она задумчиво глядѣла на некрополь, все болѣе и болѣе окутываемый мракомъ. Услыхавъ позади себя тихіе шаги пріятельницы, она вздрогнула.

— Я помѣшала тебѣ, сказала Неферть, отступая назадъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, останься, стала просить Бентъ-Анатъ.—Я благодарю боговъ за твое присутствіе здѣсь, такъ какъ у меня на сердцѣ, тяжело, страшно тяжело.

— Я знаю, о чемъ ты думала, тихо проговорила Неферть.

— О чемъ же? спросила царевна.

— О Пентаурѣ.

— Я постоянно думаю о немъ, отвѣчала царевна:—а между тѣмъ, и многое другое тяготитъ мѣ сердце. Я стала сама не своя. Я думаю о томъ, о чемъ не должна была бы думать, чувствую то, чего совсѣмъ не должна бы чувствовать, но не могу превозмочь себя и увѣрена, что мое сердце изошло бы кровью, еслибъ изъ него насильственно вырвать эти чувства. Я поступила наперекоръ обычаю, даже неприлично, и вотъ теперь на меня возлагаютъ нѣчто столь трудно исполнимое, столь необычайное, вслѣдствіе чего намъ, пожалуй, придется разстаться съ тобою, Неферть, и ты должна будешь возвратиться къ своей матери.

— Я все раздѣлю съ тобою! воскликнула Неферть.—Что такое они требуютъ отъ тебя? Развѣ ты перестала быть дочерью Рамзеса?

— Я показалась народу подъ видомъ простой женщины, отвѣчала Бентъ-Анатъ:—и теперь должна подвергнуться послѣдствіямъ этого поступка. Сейчасъ былъ у меня Бекъ-энъ-Хунзу, старшій жрецъ храма Амона въ Фивахъ, и мы долго совѣщались съ нимъ. Я знаю, что этотъ почтенный человѣкъ расположенъ ко мнѣ, и отецъ наказывалъ мнѣ во всемъ слѣдовать

его совѣтамъ. Я отправилась въ храмъ некрополя, находясь въ состояніи оскверненія и, послѣ перваго своего посѣщенія хижины парасхита и порицаній, выслушанныхъ отъ Амени, побывала тамъ вторично. Они знаютъ все, что случилось со мною на праздникѣ. А теперь я должна подвергнуться очищенію отъ оскверненія или въ самомъ домѣ Сети съ великою помпой, при участіи Амени, въ присутствіи всѣхъ жрецовъ и знатныхъ лицъ; или же мнѣ предоставляется на выборъ—отправиться на богомолье къ изумрудной Гаторѣ,¹ подъ покровительствою которой извлекаютъ драгоценные камни изъ нѣдръ скалъ, достаютъ благородные металлы и очищаютъ ихъ посредствомъ плавленія. Они говорятъ, что богиня, отдѣляющая настоящее золото отъ посторонней примѣси, сниметъ оскверненіе и съ меня. На разстояніи одного дня пути отъ копей священной горы Господа, Сивая, какъ называютъ его Менту², вытекаетъ многоводный ручей и около него построено святилище богини³, въ которомъ жрецы снимаютъ оскверненіе. Путь туда далекъ, черезъ пустыню и по морю; но Бекъ-анъ-Хунзу совѣтуетъ мнѣ предпринять его. Онъ говоритъ, что Амени недружелюбно относится ко мнѣ, вслѣдствіе нарушенія мною религиозныхъ постановленій, которыя онъ чтитъ болѣе, чѣмъ кто либо другой. Онъ находитъ, что ко мнѣ слѣдуетъ отнести съ двойною строгостью, такъ какъ народъ, по его словамъ, смотритъ преимущественно на тѣхъ, которые стоятъ высоко, и, если я стану безнаказанно нарушать постановленія, то въ толпѣ найдется много подражателей. Онъ дѣйствуетъ отъ имени боговъ, а они измѣряютъ сердца равною мѣрою. Локоть принадлежитъ богинѣ истины⁴. Я чувствую, что во всемъ этомъ есть доля правды, но, однако, мнѣ тяжело подчиниться рѣшенію жреца, такъ какъ вѣдь я все-таки—дочь Рамзеса!

¹ Гаторъ-Мафката была богиня, въ особенности чтимая на Синайскомъ Полуостровѣ. По трактату Лепсіуса о металахъ у древнихъ египтянъ, рѣшено, что мафкатъ не есть ни мѣдь, ни бирюза, но зеленый камень. Если мафкатъ называется «настоящимъ», то тогда подразумѣвается изумрудъ; въ другихъ же случаяхъ малахитъ и зеленныя стеклянныя вещи, часто находимыя въ гробницахъ. Украшенія изъ малахита встрѣчаются рѣдко. Въ японскомъ дворцѣ въ Дрезденѣ хранится прелестная фигура бога Тота изъ малахита.

² Горные народы Синайскаго Полуострова.

³ Въ теперешнихъ оазисѣ Фейранъ.

⁴ Имя богини истины (Ма) пишется тѣмъ же іероглифомъ, который изображаетъ локоть. Сохранилось нѣсколько экземпляровъ древнихъ священныхъ локтей. О нихъ говорится въ сочиненіи Лепсіуса: «Древне-египетскій локоть и его раздѣленіе». Изъ монографій кор. академіи наукъ. Берлинъ 1865 г. Стр. 33.

— И это, дѣйствительно правда! воскликнула Неферть: — а твой отецъ принадлежитъ къ числу боговъ.

— Но онъ самъ внушилъ мнѣ уваженіе къ религіознымъ постановленіямъ, а съ Бекъ-эиъ-Хунзу мы сообразили еще нѣчто другое. Тебѣ извѣстно, что я отвергла сватовство намѣстника. Вѣроятно, онъ въ глубинѣ души недоволенъ мною. Это, положимъ, не испугало бы меня, но вѣдь онъ—опекунъ и защитникъ, назначенный мнѣ отцомъ, а развѣ мнѣ возможно теперь обратиться къ нему за помощью и совѣтомъ? Разумѣется, нѣтъ. Скорѣе я пройду черезъ тысячу пустынь, нежели позволю унижить своего отца въ лицѣ его дочери. Завтра я должна дать рѣшительный отвѣтъ; но я уже рѣшилась предпринять это путешествіе, какъ бы трудно оно ни было и какъ ни тяжело мнѣ разставаться здѣсь кое съ чѣмъ. Ты же, моя милая, не бойся ничего; ты слишкомъ слаба для подобнаго далекаго путешествія; я хотѣла бы...

— Нѣтъ, нѣтъ, воскликнула Неферть:—я послѣдую за тобою, хотя бы ты направилась даже къ четыремъ небеснымъ столпамъ¹ къ границамъ земли. Ты даровала мнѣ новую жизнь и то, что теперь зародилось во мнѣ, снова засохнетъ при моемъ возвращеніи къ матери. Въ нашемъ домѣ можетъ распоряжаться только одна изъ насъ двухъ, а я вступлю въ него не иначе, какъ вмѣстѣ съ Меной.

— Ну, такъ рѣшено: я отправляюсь въ путь, сказала царица.—О, еслибъ только отецъ не былъ такъ далеко; еслибъ я могла переговорить и посоветоваться съ нимъ.

— Ахъ! эта война, нескончаемая война! со вздохомъ сказала Неферть.—Зачѣмъ мужчины не довольствуются тѣмъ, что имѣютъ, и предпочитаютъ пустую славу тихому миру, украшающему жизнь.

— А развѣ, въ противномъ случаѣ, они были бы мужчинами и мы стали бы любить ихъ? съ живостью воскликнула Бентъ-Анатъ.—Развѣ помышленія боговъ также не обращены на борьбу? Видала ли ты когда-либо картину болѣе величественную, какъ въ тотъ вечеръ, когда Пентауръ высоко взмахнулъ громаднымъ

¹ О небесныхъ столпахъ («сечент пет») упоминается при различныхъ случаяхъ. На прекрасномъ памятникѣ побѣды Тутмеса III въ Булахъ сказано: «Я (Амонъ) распроставилъ страхъ передъ тобою до четырехъ небесныхъ столбовъ». Эти столбы представляли себѣ въ стоячемъ положеніи въ четырехъ крайнихъ пунктахъ: на югѣ, сѣверѣ, западѣ и востокѣ, и поэтому во многихъ текстахъ, вмѣсто четырехъ странъ свѣта, упоминаютъ о «четырехъ небесныхъ столпахъ».

жоломъ и рисковалъ своею жизнію для защиты угнетенной невинности.

— Я только одинъ разъ осмѣлилась взглянуть на дворецъ, сказала Нефертъ:—я была сильно перепугана. Но его громкій кликъ еще до сихъ поръ раздается въ моихъ ушахъ.

— Такъ звучитъ воинственный кликъ героя, наводящій ужасъ на враговъ! сказала Бентъ-Анатъ.

— Да, онъ дѣйствительно звучитъ такъ! воскликнулъ царевичъ Рамери, незамѣтно для разговаривающихъ вошедшій въ полутемную комнату сестры.

Царевна, обратясь къ юношѣ, сказала:

— Какъ ты испугалъ меня!

— Тебя? съ изумленіемъ спросилъ царевичъ.

— Да, меня; прежде я была безстрашна, но съ того самого вечера я содрогаюсь очень часто, и на меня находятъ невыносимый невѣдомый страхъ. Мнѣ кажется, что злой духъ овладѣлъ мною.

— Ты господствуешь повсюду, гдѣ только покажешься; надъ тобою нѣтъ никакой власти! воскликнулъ Рамери.—Ты еще не освободилась отъ волненія и гнѣва, овладѣвшими тобою въ долгій у перевоза. И я также скрежещу зубами при воспоминаніи о томъ, какъ они исключили меня изъ школы или какъ Паакеръ натравлялъ на насъ свою собаку. А сегодня я кое-что узналъ.

— Гдѣ ты былъ такъ долго? спросила Бентъ-Анатъ:—вѣдь дядя Ани приказалъ тебѣ не отлучаться изъ дворца.

— Въ будущемъ мѣсяцѣ мнѣ минетъ восемнадцать лѣтъ, воскликнулъ царевичъ:—и мнѣ не нужно опекуна!

— Но отецъ... начала Бентъ-Анатъ.

— Отецъ, перебилъ ее Рамери:—плохо знаетъ намѣстника. Но я напишу ему обо всемъ, что слышалъ сегодня отъ людей. Говорятъ, что будто они на праздникѣ долины прямо воздавали ему царскія почести, и всѣ открыто рассказываютъ другъ другу, что намѣстникъ стремится къ достиженію трона и къ низверженію царя. Ты права, называя это безсмыслицей, но вѣдь тутъ есть навѣрное и доля правды!

Нефертъ поблѣднѣла, а Бентъ-Анатъ стала спрашивать о подробностяхъ. Царевичъ рассказалъ все слышанное имъ и, въ заключеніе, замѣтилъ, смѣясь:

— Ани собирается низвергнуть нашего отца! Вѣдь это очень похоже на то, еслибъ я снялъ съ неба вонъ ту звѣзду Изиды, чтобы зажечь ею лампы, которыхъ все еще нѣтъ здѣсь.

— Я нахожу, что въ сумеркахъ гораздо лучше.

— Нѣтъ, прикажи освѣтить комнату, возразила Бентъ-Анать.— Гораздо пріятнѣе разговаривать тогда, когда можно смотрѣть въ глаза своимъ собесѣдникамъ. Я не вѣрю глупымъ рѣчамъ народа, но ты правду говоришь, что слѣдуетъ увѣдомить объ этомъ отца.

— Въ городѣ мертвыхъ я слышалъ самые дикіе разговоры, сказалъ Рамери.

— А ты рѣшился отправиться туда? Какъ это нехорошо!

— Я чутьчку переодѣлся и теперь могу поразсказать кое-что интересное. Хорошенькая Уарда чувствуетъ себя значительно лучше. Она получила твои подарки и снова живетъ въ своемъ собственномъ домѣ. Около сгорѣвшей хижины стояла другая, развалившаяся, которую теперь быстро перестроилъ съ нѣсколькими своими товарищами ея отецъ, бородатый солдатъ, столь же мало похожій на нее, какъ ѣжъ на бѣлую голубку. Я предлагалъ ей, чтобы она, за хорошую плату, приходила работать къ тебѣ во дворецъ вмѣстѣ съ другими дѣвушками, но она говоритъ, что должна ухаживать за своею больною бабкою. Кромѣ того, она горда и не хочетъ служить никому.

— Какъ видно, ты долго оставался у нечистыхъ, съ упрекомъ сказала Бентъ-Анать.— А я думала, что все случившееся со мною, послужитъ тебѣ предостереженіемъ.

— Я не хочу быть лучше тебя! воскликнулъ царевичъ.— Да и, кромѣ того, параскить умерь, а отецъ Уарды—честный солдатъ, неоскверняющій никого. А къ старухѣ я не приближался. Завтра я опять отправлюсь туда. Я обѣщалъ ей.

— Кому? спросила Бентъ-Анать.

— Кому же, какъ не Уардѣ? Она любитъ цвѣты, а съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ ты подарила ей розу, она и не видала другой. Я уже приказалъ садовнику приготовить мнѣ на завтра цѣлую корзину розъ, которую самъ снесу ей.

—Этого ты не сдѣлаешь! воскликнула Бентъ-Анать.—Вѣдь ты еще почти дитя, и даже ради самой дѣвушки ты долженъ отказаться отъ своего намѣренія.

— Да вѣдь мы только разговариваемъ вдвоемъ, покраснѣвъ, заговорилъ царевичъ:—и никто не узнаетъ меня. Но, пожалуй, я оставляю корзину съ розами и одинъ пойду къ Уардѣ. Нѣтъ, сестра, этого ты не можешь мнѣ запретить! Она такъ очаровательна, такъ бѣла, нѣжна, а ея голосъ звучитъ такъ прелестно и нѣжно. А ножки у нея такъ же малы и изящны, какъ руки Неферть. Больше всего мы говорили о Пентаурѣ. Она знаетъ его отца, садовника, и о немъ самомъ ей извѣстно очень многое. Представь себѣ, она говоритъ, что позѣть—совсѣмъ не дитя своихъ

родителей, а добрый духъ, сошедшій на землю, можетъ быть, даже и богъ. Сначала она была очень застѣнчива, но, когда я заговорилъ о Пентаурѣ, то она оживилась. Ея поклоненіе ему граничитъ почти съ обоготвореніемъ, а это разсердило меня.

— Тебѣ бы хотѣлось, чтобы она поклонялась и тебѣ такимъ же образомъ, съ улыбкою замѣтила Неферть.

— Нисколько! воскликнулъ Рамери.—Но вѣдь я также принималъ участіе въ ея спасеніи; мнѣ такъ хорошо, когда я сижу у нея, а завтра я рѣшился собственноручно воткнуть ей цвѣтокъ въ волосы. Они, хотя и красноваты, но также пышны, какъ и твои, Бентъ-Анатъ, и какъ должно быть восхитительно коснуться ихъ и смѣть погладить!

Женщины выразительно взглянули другъ на друга, и царевна сказала рѣшительнымъ тономъ:

— Ты завтра не пойдешь въ городъ мертвыхъ, мой воспитанникъ!

— Это мы увидимъ, моя названная матушка!

Онъ проговорилъ это шутя, но потомъ сдѣлался серьезенъ и сказалъ:

— Я говорилъ съ своимъ школьнымъ пріателемъ Ананою. Въ домѣ Сети господствуетъ несправедливость. Пентауръ содержится въ тюрьмѣ, и вчера вечеромъ, они призывали его къ суду. Тамъ присутствовалъ также и дядя; онъ сильно нападалъ на поэта, но, говорятъ, будто бы Амени защищала его. Чѣмъ кончилось дѣло, ученики не могли узнать, но сынъ казначея слышалъ, какъ послѣ засѣданія Амени сказалъ старому Гагабу: «Онъ заслуживаетъ наказанія, но мы не допустимъ его окончательно погибнуть». Это могло относиться только къ одному Пентауру. Завтра отправлюсь туда и узнаю еще что нибудь. По меньшей мѣрѣ, его осудятъ на нѣсколько лѣтъ тюремнаго заключенія.

Бентъ-Анатъ сильно поблѣднѣла.

— Все, чему они приговорятъ его, онъ будетъ переносить ради меня! О, всемогущіе боги! помогите ему, помогите и умилосердитесь надо мною!

Она закрыла лицо руками и вышла изъ комнаты, а Рамери спросилъ Неферть:

— Чтò это такое случилось съ сестрою? она стала какая то совсѣмъ другая, да и ты будто не та.

— Мы обѣ испытали много неизвѣданнаго.

— А чтò такое?

— Этого невозможно объяснить; но сколько я понимаю, и тебѣ самому скоро придется испытать то же самое. Не ходи опять къ парасхитамъ, Рамери!

II.

Раннимъ утромъ слѣдующаго дня, карликъ Нему, въ сопровожденіи человѣка въ простой длинной одеждѣ, съ виду похожаго на управляющаго изъ знатнаго дома, проходилъ мимо хижины, вновь поставленной отцомъ Уарды (въ которой солдатъ когда-то жилъ со своею женою), направляясь къ пещерѣ старой Гектъ.

— Пожалуйте вотъ сюда внизъ, сказалъ карликъ:—прошу покорно обождать нѣсколько минутъ, пока я доложу матери.

— Вѣдь это выходитъ очень важно, возразилъ спутникъ:—но пусть будетъ такъ. Однако, вотъ еще что: пусть старуха не называетъ меня по имени и не произноситъ моего титула. Пусть называетъ меня домоправителемъ, такъ какъ никогда нельзя знать... Впрочемъ, мнѣ кажется, что въ этой одеждѣ никто не узнаетъ меня.

Нему быстро направился къ пещерѣ, передъ которою увидалъ свою мать, обратившуюся къ нему съ слѣдующими словами:

— Не заставляй ждать этого господина, а сейчасъ узнала его!

Нему зажалъ ей ротъ рукою, сказавъ:

— Называй его домоправителемъ.

— Хорошо, пробормотала старуха:—такимъ образомъ страусъ прачетъ голову себѣ подъ перья, не желая, чтобы его видѣли.

— А что маленькій царевичъ еще долго пробылъ вчера у Уарды?

— Нѣтъ, глупенькій ты мой, со смѣхомъ сказала колдунья.— Эти дѣти просто играютъ другъ съ другомъ. Рамери—молодой, еще безрогий барашекъ; однако, онъ уже чувствуетъ, на какомъ мѣстѣ у него будутъ расти рога и пытается употребить ихъ въ дѣло. Пентауръ можетъ быть гораздо опаснѣе для тебя у краснотоловой дѣвочки. Однако, пошевеливайся живо: такого домоправителя нельзя заставить долго ждать.

Старуха толкнула карлика въ спину, и онъ поспѣшилъ къ Анн, между тѣмъ какъ она уносила въ хижину маленькаго Шерау, привязаннаго на доскѣ, и набрасывала на него коричневый мѣшокъ. Нѣсколько минутъ спустя, намѣстникъ стоялъ передъ колдуньей. Она поклонилась ему съ такимъ приличіемъ, которое напоминало ему скорѣе о пѣвицѣ Беки, нежели о колдуньѣ Гектъ, и пригласила его сѣсть на единственный имѣющійся у нея стулъ.

А когда онъ движеніемъ руки показалъ, что не желаетъ садиться, то она сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, садись! Тогда тебя не будетъ видно изъ долины, ты скроешься за эту скалоу. Зачѣмъ ты избралъ этотъ часть для своего посѣщенія?

— Затѣмъ, что мнѣ нужно безотлагательно переговорить съ тобою о многомъ, сказалъ Ани:— а вечеромъ меня легко могутъ окликнуть стражи. Моя верхняя одежда хороша. Она надѣта сверхъ обыкновеннаго платья; отсюда я отправлюсь въ гробницу своихъ предковъ, сниму тамъ эту грубую оболочку и все остальное, дѣлающее меня неузнаваемымъ, и дождусь своей колесницы, которой приказалъ туда пріѣхать. Я скажу всѣмъ, что исполнилъ сегодня обѣтъ посѣтить гробницу смиренно и пѣшкомъ.

— Ловко придумано, пробормотала старуха; Ани, показывая на карлика, проговорилъ привѣтливо: «Твой ученикъ!»

Послѣ всего, рассказаннаго ею, старая Гектъ не была уже для него простою колдуньей.

Старуха чувствовала и понимала это, и ея исполненный вѣжливости поклонъ до такой степени поразилъ ручного ворона, сидѣвшаго у ея ногъ, что онъ широко раскрылъ свой черный клювъ и испустилъ пронзительный крикъ. Она бросила ему кусокъ сыру, и птица замолчала, отпрыгнула прочь, волоча свое сломанное крыло.

— Мнѣ надобно поговорить съ тобою о Пентаурѣ, сказалъ Ани.

Глаза старухи заблестѣли, и она спросила съ живостью:

— А что такое съ нимъ?

— Я имѣю причины, отвѣчалъ намѣстникъ:— считать этого человека опаснымъ. Онъ стойтъ на моей дорогѣ. Онъ совершилъ много преступленій и даже убійствъ, но пользуется расположеніемъ въ Домѣ Сети и тамъ желали бы избавить его отъ наказанія. Тамошнія лица имѣютъ право суда другъ надъ другомъ, и я не въ состояніи измѣнить ихъ рѣшеній. Третьяго дня, они произнесли свой приговоръ. Пентаура собираются отправить въ Хенну¹ въ тамошнія каменоломни. Моемъ возраженій не послушали и—ну да... Нему, отправляйся къ могилѣ Аменофиса и дождайся меня тамъ. Мнѣ нужно поговорить кое о чемъ наединѣ съ твоею матерью!

Нему, поклонившись, сталъ спускаться подъ гору, хотя и раздосадованный этимъ изгнаніемъ, но почти увѣренный, что впоследствии узнаетъ все, о чемъ теперь говорятъ его мать и намѣстникъ.

¹ Каменоломни Хенну (теперешніе Гебель-Силззиле) имѣютъ необычайное протяженіе. Тамъ добытъ почти весь песчаникъ, употребленный при постройкѣ храмовъ Верхняго Египта.

Когда варликъ исчезъ, Ани спросилъ:

— Питаешь-ли ты еще чувство любви въ старому царскому дому, второму были такъ преданы твои родители?

Старуха утвердительно кивнула головою.

— Ну, хорошо; такъ ты не откажешь мнѣ въ своей помощи при восстановленіи его! Ты понимаешь, какъ сильно я нуждаюсь теперь въ жрецахъ, и поэтому я далъ клятву не покушаться на жизнь Пентаура; но я повторяю: онъ стоитъ мнѣ поперекъ дороги! У меня есть соглядатаи въ Домѣ Сети, и черезъ нихъ я знаю, что значить отправленіе поэта въ каменоломни Хенну. Въ теченіи нѣкотораго времени они заставятъ его обтесывать камни, и это только укрѣпить здоровье этого сильнаго человѣка. Въ Хенну, какъ тебѣ извѣстно, кромѣ каменоломень, существуетъ еще большая школа жрецовъ, находящаяся въ тѣсной связи съ Домомъ Сети. Когда воды рѣки начнутъ подниматься, и въ Хенту будутъ праздновать великій нильскій праздникъ ¹, то тамошніе жрецы имѣютъ право выбрать себѣ въ услуженіе трехъ изъ работающихъ въ каменоломняхъ преступниковъ. Разумѣется, они въ наступающемъ году выберутъ Пентаура, выпустятъ его на свободу и будутъ смѣяться надо мною.

— Хорошо придумано, замѣтила колдунья.

— И вотъ, я раздумывалъ объ этомъ самъ, совѣтовался съ Катуты и также съ Нему, продолжалъ Ани: — но все, что они придумывали, было хотя и легко исполнимо, но неудобно въ томъ отношеніи, что повлекло бы за собою различныя догадки, которыхъ мнѣ хотѣлось бы избѣгнуть. Что посоветуешь ты?

— Поколѣніе Ассы должно быть истреблено, мрачно пробормотала старуха.

Затѣмъ, она задумчиво уставилась глазами въ землю и, наконецъ, сказала:

-- Прикажи пробуровать корабль, и тогда, прежде чѣмъ достигнуть Хенну, онъ пойдетъ ко дну вмѣстѣ съ арестантами.

— Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ я подумывалъ и самъ, и Нему также совѣтовалъ это, сказалъ Ани.—Подобныя вещи случались не разъ. Но я не хочу быть клятвopреступникомъ въ глазахъ Амени, а вѣдь я поклялся не покушаться на жизнь Пентаура.

— Ну да, ты далъ клятву, и вы, мужчины, держите слово, данное другъ другу. А вотъ что: пусть корабль съ арестантами отплыветъ въ Хенну, но капитану ты можешь дать тайное при-

¹ У Хенну рѣка служивается, и при Рамзесѣ II и его наслѣдникѣ Мернефѣ тамъ были поставлены большія колонны, на которыхъ начертаны прекрасныя гимны къ Нилу и списокъ жертвъ, которыя слѣдуетъ приносить при нильскихъ празднествахъ.

казаніе—какъ можно быстрѣе пройти ночью мимо каменоломень до самой Эіюпіи. Изъ Суана ¹ ты прикажешь отвести арестантовъ, черезъ степь, въ золотыя копи. Пройдутъ четыре, а можеть быть, и восемь недѣль, пока сюда достигнетъ вѣсть о случившемся. И если Амени станетъ упрекать тебя, то ты разгнѣваешься на эту ошибку и можешь поклясться именемъ всѣхъ боговъ неба и ада, что не покушался на жизнь Пентаура. Въ собраніи различныхъ свѣдѣній пройдетъ еще нѣсколько недѣль. А между тѣмъ, Паакеръ, вѣроятно, сдѣлаетъ свое дѣло, а ты свое—и превратишься въ царя. А я нахожу, что всякая клятва можеть быть разрѣшена силою царской власти; если же ты хочешь сдержать свое слово, то оставь Пентаура въ золотыхъ копияхъ. Оттуда не возвращался еще никто. Вѣдь и кости моего отца и братьевъ также побѣлѣли тамъ на солнцѣ.

— Но Амени не повѣрять ошибокѣ, со страхомъ прервалъ Ани колдунью.

— Ну, такъ признайся, что ты приказалъ ѣхать тѣмъ путемъ, воскликнула Гектъ.—Объяви, что ты узналъ, какъ они собирались распорядиться съ Пентауромъ въ Хенну, и что ты, хотя и сдержалъ свое слово, но не допустилъ, чтобы преступникъ оставался безнаказаннымъ. Они наведутъ справки, и, если найдутъ внука Ассы въ живыхъ, то ты будешь оправданъ. Послѣдуй моему совѣту, если хочешь быть дѣльнымъ правителемъ и господиномъ въ своихъ владѣніяхъ.

— Это дѣло не подходящее, сказалъ намѣстникъ:—поддержка со стороны Амени нужна мнѣ не на одинъ только день. Я не желаю сдѣлаться его слѣпымъ орудіемъ, но теперь онъ долженъ считать меня таковымъ.

Старуха пожала плечами, встала, вошла въ свою хижину и вынесла оттуда бутылочку.

— Вотъ, возьми это, сказала она.—Четыре капли этого снадобья, влитаго въ вино, несомнѣнно лишатъ разсудка того, кому придется ихъ выпить. Испытай дѣйствіе надъ какимъ-нибудь невольникомъ, и ты увидишь, правду ли я говорю.

— А чтѣ мнѣ дѣлать съ этимъ? спросилъ Ани.

— Оправдаться передъ Амени, со смѣхомъ сказала колдунья.— По возвращеніи начальника судна, ты призовешь его къ себѣ, угостишь виномъ, и почему же Амени, при видѣ безумнаго, не повѣрять, что онъ въ припадкѣ помѣшательства проплыть мимо Хенну!

— Это—умно, это—великолѣпно! воскликнулъ Ани.—Необык-

¹ Древній Сіэнь, нынѣшній Ассуанъ, у пераго входа.

новенное никогда не превратится въ пошлое. Ты была величайшею пѣвицею, а теперь превратилась въ мудрѣйшую изъ женщинъ, госпожа Беки!

— Я уже не Беки, а называюсь Гектъ, сурово проговорила старуха.

— Какъ хочешь! Разумѣется, еслибы я слышалъ пѣніе Беки, то былъ бы еще болѣе благодаренъ ей, чѣмъ только одной Гектъ, съ улыбкою сказалъ Ани.—Но мнѣ не хотѣлось бы разстаться съ самою умною женщиной въ Эивахъ, не задавъ ей еще одного серьезнаго вопроса. Дана ли тебѣ возможность прозрѣнія въ будущее? Имѣешь ли ты средства предвидѣть, удастся ли или не удастся одно великое, смѣлое дѣло — ты знаешь, какое именно?

Гектъ потупилась и затѣмъ отвѣчала послѣ непродолжительнаго размышленія:

— Я еще не могу сказать ничего вѣрнаго, но твое дѣло идетъ хорошо. Вонъ посмотри на этихъ двухъ ястребовъ съ пѣпочками на ногахъ: они не принимаютъ пищи ни отъ кого, кромѣ меня. Вонъ тотъ истомленный, съ закрытыми сѣрыми вѣками — Рамзесъ, а красивый и гладкій, съ блестящими глазами, это — ты! Теперь дѣло въ томъ, кто кого переживетъ изъ нихъ. По-вашей, какъ видишь, вся выгода на твоей сторонѣ!

Ани бросилъ злобный взглядъ на больного ястреба-царя, а Гектъ сказала:

— Слѣдуетъ совершенно ровно обращаться съ ними обоими, такъ какъ нельзя идти наперекоръ судьбѣ.

— Корми ихъ хорошенько! воскликнулъ намѣстникъ, бросилъ на колѣни старухѣ свой кошелекъ и прибавилъ, собираясь уходить:—если съ одной изъ птицъ случится что-нибудь, то ты непременно увѣдомь меня черезъ Нему.

Ани спустился съ горы и направился къ находящейся неподалеку гробницѣ своихъ отцовъ, а Гектъ засмѣялась ему вслѣдъ и пробормотала про себя: «Теперь этотъ глупецъ будетъ охранять меня уже ради своей птички! Этотъ улыбающійся, несмѣлый, лѣнящійся подумать человекъ хочетъ управлять Египтомъ! Неужели же я значительно умнѣе другихъ людей, или только одни глупцы приходятъ къ старой Гектъ? Но вѣдь Рамзесъ, однако, выбралъ Ани своимъ намѣстникомъ! Можетъ быть, онъ не считалъ особенно опаснымъ этого неособенно мудраго человека. Еслибъ онъ, дѣйствительно, думалъ это, то оказался бы и самъ далеко не изъ умѣлыхъ: извѣстно, что никто не бываетъ такъ самонадѣянъ и нахаленъ, какъ именно глупцы!»

III.

Часть спустя, Ани возвращался изъ гробницы своихъ отцовъ въ блестящей колесницѣ и облеченный въ богатую одежду. Онъ проѣзжалъ мимо пещеры колдуньи и мимо хижины отца Уарды.

Нему примостился на подножѣ, обыкновенномъ сидѣньѣ карликовъ. Маленькій человѣчекъ поглядѣлъ на вновь возстановленную хижину и заскрежеталъ зубами, увидя, что около Уарды сидитъ мужчина, бѣлая одежда котораго просвѣчиваетъ сквозъ отверстія въ заборѣ.

Посѣтитель прекрасной дѣвочки былъ царевичъ Рамери; въ бѣлой одеждѣ молодого писца изъ казначейства, онъ раннимъ утромъ переѣхалъ черезъ Ниль, чтобы собрать свѣдѣнія о Пентаурѣ и воткнуть розу въ волосы Уарды.

Послѣднее намѣреніе было, однако, болѣе важнымъ, такъ какъ о первомъ говорили уже позднѣе.

Самъ онъ извинялъ себя весьма вѣскими причинами. Во-первыхъ, роза, скрытая въ складкахъ его одежды, подвергалась опасности завянуть, если онъ сперва сталъ бы ожидать своихъ товарищей изъ Дома Сети, а затѣмъ пришлось бы оттуда торопиться возвращеніемъ въ Оивы, и, наконецъ, ему казалось весьма возможнымъ, что Бентъ-Анатъ пошлетъ за нимъ церемоніймейстера, а, въ такомъ случаѣ, отложивъ свое намѣреніе, онъ рисковалъ не найти возможности къ его исполненію.

Сердце Рамери сильно билось и стучало не отъ одной только радости свиданія съ дѣвушкою, но и отъ сознанія, что онъ поступаетъ нехорошо.

Мѣсто, куда онъ собирался идти, считалось нечистымъ, и, крѣмъ того, онъ первый разъ въ жизни сказалъ неправду Уардѣ. Онъ выдалъ себя за пажа изъ свиты Бентъ-Анатъ, а такъ какъ одна ложь влечетъ за собою другую, то на вопросы дѣвушки онъ наговорилъ разныхъ небылицъ относительно своихъ родителей и своего образа жизни.

Неужели здѣсь, въ этомъ нечистомъ мѣстѣ, зло сидѣе преобладало надъ нимъ, чѣмъ въ Домѣ Сети и во дворцѣ его отца? А вѣдь онъ имѣлъ только однѣ добрыя намѣренія относительно Уарды. Она была такъ прелестна и очаровательна, точно дитя боговъ, и навѣрное эта бѣлая дѣвочка—похищенное дитя и совсѣмъ не принадлежитъ къ нечистымъ.

Когда царевичъ вошелъ во дворъ хижины, то Уарды не было

видно, но скоро онъ услышалъ ея голосъ, выходявшій изъ отворенной двери.

Она вышла на дворъ, такъ какъ ея собака враждебно залаяла на Рамери.

Увидавъ паревича, она испугалась и сказала:

— Ты опять здѣсь, а вѣдь я предупреждала тебя, что моя бабка — жена парасхита.

— Я не хожу къ ней, а только къ тебѣ одной, отвѣчалъ паревичъ: — а ты не принадлежишь къ нимъ, это я теперь сообразилъ. Въ пустынь не растутъ розы.

— А все-таки я — дочь своего отца, рѣшительно проговорила Уарда: — и внука моего бѣднаго, убитаго дѣда. Я, дѣйствительно, принадлежу къ этой семьѣ, а тѣ, для которыхъ я слишкомъ дурна, могутъ не приближаться ко мнѣ.

При этихъ словахъ, она хотѣла уходить въ хижину, но Рамери удержалъ ее за руку, сказавъ:

— Какая ты сердитая! Вѣдь я пытался спасти тебя и шелъ къ тебѣ, не зная, что ты могла... ну да, что ты совершенно не похожа на тѣхъ людей, которыхъ называешь своими близкими. Пойми меня хорошенько: мнѣ было только ужасно подумать, что и надъ тобой, столь прекрасной и нѣжной, какъ бѣлая лилія, тяготѣетъ это ужасное проклятіе. Вѣдь ты привлекаешь къ себѣ всѣхъ, также и мою госпожу Бентъ-Анать, и мнѣ казалось невозможнымъ...

— Чтобы я принадлежала къ нечистымъ; договаривай до конца! тихо сказала Уарда и опустила глаза.

Затѣмъ, она продолжала съ большимъ оживленіемъ:

— Но, повторяю тебѣ, что это проклятіе несправедливо; никогда не было на свѣтѣ человѣка лучше бѣднаго дѣда.

Слѣзы полились изъ ея глазъ, а Рамери сказалъ:

— Я охотно вѣрю тебѣ; какъ должно быть трудно оставаться добрымъ, подвергаясь презрѣнію и брани людской! По крайней мѣрѣ, что касается собственно меня, то со мною ничего нельзя слѣлать мѣрами строгости и можно достигнуть всего кротостью. Но вѣдь разумѣется, ко мнѣ и моему семейству люди обязаны относиться съ уваженіемъ...

— А къ намъ съ презрѣніемъ, прервала его Уарда. — Но я скажу тебѣ кое-что. Если человѣкъ сознаетъ свою правоту, то ему совершенно все равно: презираютъ или уважаютъ его другіе. И мы имѣемъ болѣе права гордиться, нежели вы, сильные міра, которые должны часто сознаваться себѣ, что вы гораздо хуже того, чѣмъ васъ считаютъ, а мы знаемъ, что мы несравненно выше.

— Вотъ именно такую я воображала тебя! воскликнула Рамери:— а вѣдь, все-таки, существуетъ хоть одинъ человѣкъ, признающій и цѣнящій твои достоинства, именно—я! Развѣ иначе я могъ бы постоянно и непрерывно думать о тебѣ?

— И я также думала о тебѣ, сказала Уарда.—Вотъ именно теперь, сидя около больной бабки, я подумала, какъ было бы хорошо имѣть брата, подобнаго тебѣ. Знаешь ли, что я сдѣлала бы въ такомъ случаѣ?

— Что такое?

— Я купила бы колесницу и коней и отправила бы тебя въ походъ съ войнами царя.

— А развѣ ты такъ богата?

— О, да, отвѣчала Уарда:— но только съ тѣхъ поръ прошло не болѣе часа. Ты умѣешь читать?

— Умѣю.

— Представь себѣ, когда я была больна, они прислали мнѣ изъ Дома Сети врача, хотя очень искуснаго, но весьма страннаго. Онъ часто смотрѣлъ на меня точно опьянѣлыми глазами и заикался, когда говорилъ.

— Его звали Небсехтомъ? спросилъ царевичъ.

— Да, Небсехтомъ. У него были какія-то странныя намѣренія относительно дѣда, и, при ужасномъ нападеніи на насъ, онъ защищалъ насъ вмѣстѣ съ тобою и Пентауромъ. Съ тѣхъ поръ онъ уже болѣе не возвращался, да и я уже чувствовала себя гораздо лучше. И вотъ сегодня, часа два тому назадъ, вдругъ залаяла собака, и пожилой незнакомый человѣкъ, подойдя ко мнѣ, объявилъ, что онъ—братъ Небсехта и что у него хранится для меня много денегъ. Онъ также далъ мнѣ кольцо и сказалъ, что выплатить эти деньги всякому, кого я пришлю къ нему съ этимъ кольцомъ. Затѣмъ, онъ прочиталъ мнѣ это письмо.

Рамери взялъ его и сталъ читать:

«Отъ Небсехта къ прекрасной Уардѣ.

«Небсехтъ привѣтствуетъ Уарду и сообщаетъ ей, что онъ долженъ сумму въ тысячу золотыхъ колецъ ея покойному дѣду Пинему, тѣло котораго колхиты бальзамируютъ также, какъ тѣло знатнаго человѣка. Эту сумму онъ поручилъ своему брату Тета имѣть всегда на-готовѣ. Уарда можетъ вполне довѣриться Тетѣ, такъ какъ онъ—честный человѣкъ, и обращаться къ нему за деньгами, если онѣ ей понадобятся. Лучше всего было бы, еслибъ она предоставила его брату распоряжаться вмѣсто нея этими деньгами и купить ей домъ и пахатную землю. Тогда она можетъ переселиться въ домъ и спокойно жить въ немъ со своею бабкою. Въ теченіи года ей слѣдуетъ выжидать выходомъ

замужъ. Небсехтъ очень любить Уарду. Если онъ не посѣтитъ ея въ теченіи тридцати мѣсяцовъ, то пусть она выбираетъ себѣ въ мужа кого угодно, но не прежде, какъ показавъ переводчику царя драгоценную вещь, оставленную ей матерью въ наслѣдство».

— Странно! воскликнулъ Рамери:—кто могъ ожидать подобнаго великодушія отъ страннаго врача, постоянно ходившаго въ грязной одеждѣ. Но какая это у тебя драгоценность?

Уарда распахнула свое платье и показала царевичу блестящую драгоценность.

— Это—брильянты! Это великолѣпно! воскликнулъ Рамери:— а вонъ тамъ посреди, въ полуовалѣ изъ оникса, глубоко врѣзаны какія-то буквы. Я не могу ихъ прочесть, но покажу переводчику царя. Это носила твоя мать?

— Отецъ нашелъ это на ней послѣ ея смерти, отвѣчала Уарда:—ее привезли въ Египетъ, въ качествѣ военно-плѣнной; она была такая же бѣлая, какъ и я, но нѣмая и не могла выговорить названія своей родины.

— Она принадлежала къ какому-нибудь знатному иноземному роду, а происхожденіе дѣтей опредѣляется матерью! съ оживленіемъ воскликнулъ Рамери:— ты—царевна, Уарда! О, какъ это радуетъ меня и какъ сильно я люблю тебя!

Дѣвушка улыбнулась и сказала:

— Ну, теперъ тебѣ уже нѣчего бояться дотронуться до нечистаго созданія.

— Какая ты жестокая! отвѣчалъ царевичъ:—сказать ли тебѣ, на что я рѣшился вчера, отчего не могъ заснуть сегодняшнюю ночь и ради чего я именно пришелъ сюда?

— Въ чемъ же дѣло?

Рамери вынулъ изъ своей одежды прелестнѣйшую бѣлую розу и сказалъ:

— По настоящему, это ребячество; но мнѣ пришлось въ голову, какъ хорошо было бы мнѣ собственноручно воткнуть этотъ цвѣтокъ въ твои блестящіе волосы. Могу я сдѣлать это?

— Роза восхитительна! Такой прелестной я еще никогда не видала.

— Зато вѣдь она и назначалась для моей гордой царевны. Пожалуйста, позволь мнѣ украсить тебя! Твои блестящіе волосы подобны шолку изъ Тира, грудному пуху лебеда, лучамъ золотыхъ звѣздъ! Вотъ и роза воткнута крѣпко. Оставь ее такъ! Еслибъ тебя увидѣли семь Гаторъ, то стали бы завидовать тебѣ; вѣдь ты лучше ихъ всѣхъ.

— Какъ ты умѣешь льстать! сказала сконфуженная Уарда, однако, глядя прямо въ его сверкающіе глаза.

— Ахъ, Уарда, воскликнулъ царевичъ, прижимая свою руку къ сердцу:—теперь у меня есть еще одно желаніе. Послушай, какъ стучитъ и бьется у меня вотъ здѣсь. Мнѣ кажется, я успокоюсь не иначе, если... ну да, Уарда, если ты позволишь поцѣловать тебя только одинъ разъ!

Тогда дѣвушка отступила назадъ и проговорила съ серьезнымъ видомъ:

— Нѣтъ, теперь я вижу, чего ты хочешь. Старуха Гектъ знаетъ людей и предупредила меня.

— Кто такая эта Гектъ и что можетъ она знать обо мнѣ?

— Она сказала, что наступитъ время, когда ко мнѣ приблизится мужчина. Его взоры будутъ искать моихъ и, если я отвѣчу на нихъ, то онъ захочетъ коснуться моихъ губъ. А этого я не должна допускать; если же я позволю поцѣловать себя, то онъ завладѣетъ моею душою, унесетъ ее съ собою, и мнѣ придется скитаться безъ души, подобно тѣмъ, неимѣющимъ покоя духамъ, которыхъ изрыгаетъ глубина, уноситъ вѣтеръ, выбрасываетъ море и не принимаетъ небо. Уходи отъ меня; мнѣ не хотѣлось бы отказать тебѣ въ поцѣлуѣ, а также и не хочу лишиться души и вѣчно скитаться безъ отдыха.

— Добрая ли эта старуха, которая наговорила тебѣ подобныхъ вещей? спросилъ царевичъ.

Уарда отрицательно покачала головою.

— Да она и не можетъ быть хорошею женщиною! воскликнулъ Рамери:—такъ какъ она сказала неправду. Я не хочу брать у тебя твоей души; я хочу соединить съ нею свою собственную, а ты соедини также твою съ моею, и, такимъ образомъ, мы станемъ богаче, а не бѣднѣе!

— Очень хотѣлось бы мнѣ повѣрить этому, задумчиво сказала Уарда:—и мнѣ уже приходило въ голову нѣчто подобное. Когда я еще была здорова, то однажды, поздно вечеромъ, отправилась на берегъ Нила къ пристани, чтобы набрать воды у большого колеса. Тысячи капель скатывались съ глиняныхъ сосудовъ, и въ каждой каплѣ отражался цѣлный мѣсяць, а вѣдь на небѣ онъ былъ только одинъ. Тогда я подумала, что такъ должно быть и съ любовью въ нашемъ сердцѣ. Существуетъ только одна любовь, и вѣдь мы внушаемъ ее ногимъ, она же не теряетъ своей силы. Я подумала о дѣдѣ и бабѣ, объ отцѣ, о маленькомъ Шерау, о богачѣ и о Пентаурѣ. И вотъ мнѣ бы хотѣлось удѣлить часть ея и тебѣ.

— Только одну часть?

— Вѣдь она вся отразится въ тебѣ, подобно тому, какъ мѣсяцъ цѣликомъ отражался въ каждой каплѣ воды.

— Это такъ и будетъ, воскликнулъ царевичъ, схватилъ стройный станъ трепещущей дѣвочки, и двѣ юныя души соединились въ первомъ поцѣлуѣ.

— А теперь уходи! просила Уарда.

— Позволь мнѣ еще остаться! воскликнулъ царевичъ.—Сядь сюда ко мнѣ на скамейку передъ хижиною. Заборъ скрываетъ насъ отъ проходящихъ, а эта долина въ теперешнюю пору и безъ того пустынна и безлюдна.

— Нехорошо мы поступаемъ теперь, задумчиво произнесла Уарда:—иначе мы не стали бы прятаться.

— Развѣ ты считаешь нехорошимъ то, что совершаетъ жрецъ во святая святыхъ? спросилъ Рамери:—а вѣдь это также скрыто отъ всѣхъ взглядовъ.

— Какъ ты умѣешь убѣждать! съ улыбкою замѣтила Уарда:—это потому, что ты умѣешь писать и что ты былъ его ученикомъ.

— Его! его! воскликнулъ Рамери:—ты подразумеваешь Пентаура. Онъ всегда былъ самымъ любимымъ изъ всѣхъ моихъ учителей; но меня сердить, когда ты такимъ образомъ говоришь о немъ, какъ будто онъ для тебя дороже меня и всѣхъ другихъ. Ты говоришь, что поэтъ есть одна изъ тѣхъ капель, въ которыхъ отражается мѣсяцъ твоей любви, а я не желаю дѣлиться со многими!

— Что ты только говоришь! прервала его Уарда:—развѣ ты не считаешь своего отца и боговъ? Я никого не люблю такъ, какъ тебя, а то, что я почувствовала, когда ты поцѣловалъ меня, не было сіяніемъ луны, а было горячо, какъ солнечный жаръ въ теперешній полдень. Думая о тебѣ, я лишилась спокойствія; признаюсь, что я, по крайней мѣрѣ, разъ двадцать выглядывала въ дверь и спрашивала себя: «придетъ ли мой избавитель, привѣтливый кудрявый юноша, или онъ презираетъ меня, бѣдную дѣвушку?» Ты явился, и я такъ безгранично счастлива, мое сердце полно ликованія! Будь же, попрежнему, ласковъ, или я потреплю тебя за твои кудри!

— Пожалуй, попробуй! воскликнулъ Рамери:—твоими маленькими ручками ты не можешь причинить боли, а скорѣе можешь огорчить словами. Пентауръ мудрѣе и лучше меня, а ты многимъ обязана ему, но мнѣ, однако, хотѣлось бы...

— Довольно объ этомъ! прервала его дѣвушка и сдѣлалась серьезна:—это человѣкъ не такой, какъ другіе. Еслибъ онъ захотѣлъ поцѣловать меня, я распалась бы прахомъ, подобно пеп-

лу, отвердѣвшему отъ солнца, до котораго дотронутся пальцемъ, и его губъ я боюсь, точно губъ льва. А хотя ты и смѣешься надъ этимъ, но я все-таки вѣрю въ то, что онъ — одинъ изъ небожителей. Его родной отецъ рассказывалъ мнѣ, что съ нимъ совершилось чудо уже на другой день послѣ его рожденія. Старая Гектъ часто посылала меня къ садовнику, поручая осведомиться о его сынѣ. Онъ — человекъ грубый, но добрый. Сперва онъ былъ неласковъ, но, вида, какъ мнѣ нравятся его цвѣты, онъ полюбилъ меня и давалъ мнѣ работу, заставляя дѣлать вѣнки и букеты и относить ихъ къ покупателямъ. Когда мы сидѣли такимъ образомъ, присоединяя одинъ цвѣтокъ къ другому, онъ всегда рассказывалъ о своемъ сынѣ, о его красотѣ, мудрости и добротѣ. Уже будучи маленькимъ мальчикомъ, Пентауръ сочинялъ стихи, а читать онъ выучился самъ, безъ чьей-либо помощи. Это узналъ главный жрецъ Амени и взялъ его въ Домъ Сети. Тамъ онъ росъ на удивленіе садовнику. Недавно я проходила со старикомъ между клумбами цвѣтовъ. Онъ, по обыкновенію, говорилъ о Пентаурѣ и затѣмъ, остановясь передъ однимъ дивнымъ кустомъ съ широкими листьями, сказалъ: «Мой сынъ уподобляется этому растенію, которое выросло у меня я и самъ не знаю какимъ образомъ. Я посѣялъ его вмѣстѣ съ другими сѣменами, купленными въ Оивахъ. И вотъ теперь никто не можетъ сказать, откуда оно происходитъ, а вѣдь это — моя собственность. А она, навѣрное, не принадлежитъ къ растеніямъ Египта. Развѣ Пентауръ не переросъ меня, свою мать, братьевъ и сестеръ, подобно тому, какъ кустъ переросъ всѣ другіе цвѣты? Мы всѣ — востлявые и малорослые, а онъ высокъ и строенъ; у насъ кожа смуглая, а у него гораздо бѣлѣе; нашъ разговоръ грубъ, а его слова звучатъ, какъ музыка. Я повторяю, что онъ — дитя боговъ, которое небожители ввели въ мой простой домъ. Кто можетъ угадать рѣшенія судьбы?» Иногда мнѣ самой случилось видѣть Пентаура при празднествѣ, и я прошу тебя сказать мнѣ: есть ли между жрецами Дома Сети другой, подобный ему по фигурѣ и манерѣ? Я считала его богомъ, а когда онъ, спасая мнѣ жизнь, съ сверхъестественною силою побѣждалъ въ моихъ глазахъ дѣлныя толпы, развѣ могла я не считать его высшимъ существомъ? И я смотрю на него, какъ на такового; но смотрѣть ему прямо въ глаза, какъ тебѣ, я не была бы въ состояніи. Тогда моя кровь не только не потекла бы быстрѣе, а совсѣмъ остановилась бы. Какъ мнѣ выразить это: къ тебѣ душа стремится неудержимо, а, чтобы найти его, она должна была бы идти вверхъ. Ты для меня — свѣжій розовый вѣнокъ, кото-

рыми я украшаю себя, а онъ—священное древо Персея, предъ которымъ я преклоняюсь въ благоговѣннѣ!

Рамери, молча, выслушалъ ее и затѣмъ сказалъ:

— Вѣдь я еще молодъ и не успѣлъ ничего совершить, но настанетъ время, когда ты и на меня станешь смотрѣть, какъ на дерево, но не какъ на священное, а какъ на сикомору, подъ тѣнью которой намъ пріятно отдохнуть. Моя веселость уже исчезла, и я немедленно расстаюсь съ тобою, чтобы заняться исполненіемъ серьезнаго долга. Пентауръ — человѣкъ дѣловой, и я хочу быть таковымъ же. А ты будешь розовымъ вѣнкомъ, украшающимъ меня. Мужчины, которыхъ сравниваютъ съ цвѣтами, противны мнѣ.

Царевичъ поднялся съ мѣста и протянулъ Уардѣ правую руку.

— У тебя—могучая рука, сказала дѣвушка:—ты сдѣлаешься замѣчательнымъ человѣкомъ и употребишь эту руку для хорошихъ и великихъ дѣлъ; посмотри, какъ мои пальцы покраснѣли отъ ея пожатія. А впрочемъ, и эти пальцы не совсѣмъ безполезны; разумѣется, они никогда не прикасались ни къ чему тяжелому; но дѣдъ часто говорилъ, что все то, за чѣмъ они ухаживали, шло хорошо, и онъ называлъ ихъ «счастливыми». Посмотри на прекрасныя лиліи и на гранатовый кустъ, вонъ, въ томъ уголкѣ. Землю дѣдъ наносилъ мнѣ съ берега Нила, а съмена подарилъ отецъ Пентаура; каждый ростокъ, каждый зеленый побѣгъ, выглянувшій изъ земли, я оберегала, лелѣяла и поливала съ трудомъ, такъ какъ должна была носить воду въ кружечкѣ, и вотъ, наконецъ, дождалась я и цвѣтовъ. Возьми этотъ гранатовый цвѣтокъ. Онъ первый, который разцвѣлъ на моемъ кустѣ, и, какъ это странно: когда твердый бутонъ сталъ удлиняться, округляться и получилъ красноватый оттѣнокъ, то бабушка сказала: ну, вотъ и твое сердечко скоро разцвѣтетъ и полюбитъ. Теперь я понимаю, что она подразумевала, и тебѣ принадлежать оба первые цвѣтка, красный съ этого куста и другой, невидимый, но сіяющій еще болѣе яркимъ блескомъ.

Рамери прижалъ гранатовый цвѣтокъ къ своимъ губамъ и протянулъ свою руку по направленію къ Уардѣ, но она отстранилась отъ него, такъ какъ въ отверстіе забора проскользнула какая-то фигура.

Это былъ маленький Шерау, котораго старая Гектъ постепенно превращала въ карлика.

Его хорошенькое личико пылало отъ скорого бѣга, а дыханіе прерывалось. Нѣсколько времени онъ напрасно старался произнести какое нибудь слово и со страхомъ смотрѣлъ на царевича.

Уарда замѣтила, что съ мальчикомъ происходитъ что-то необычайное, ласково заговорила съ нимъ; когда онъ объявилъ, что хочетъ говорить съ нею наединѣ, она сказала, что Рамери—ея лучшей другъ, котораго ему нечего опасаться.

— Но вѣдь это касается не тебя и не меня, возразилъ малютка:— а добраго, святого отца Пентаура, который былъ такъ ласковъ ко мнѣ, а тебѣ спасъ жизнь.

— Я дружески расположенъ къ Пентауру, сказалъ царевичъ:— не правда ли, Уарда, онъ можетъ спокойно говорить при мнѣ?

— Могу я? спросилъ Шерау:—это хорошо. Вѣдь я ушелъ потихоньку. Старая Гектъ можетъ возвратиться каждую минуту, и, если она замѣтитъ, что я ускользнулъ, то прибѣдетъ меня и не дастъ ѣсть.

— Кто же эта отвратительная Гектъ? съ негодовашемъ спросилъ царевичъ.

— Объ этомъ Уарда расскажетъ тебѣ послѣ, торопливо проговорилъ малютка:— а теперь слушайте. Она положила меня на моей доскѣ въ хижинѣ и закрыла мѣшкомъ, тогда пришелъ сперва Нему, а потомъ другой человекъ, котораго она называла «домоправителемъ». Съ нимъ-то она и говорила разныя разности. Сперва я не слушалъ, но потомъ, разслыхавъ имя Пентаура, высвободилъ свою голову и понялъ все. Домоправитель говорилъ, что Пентауръ злой и стоитъ ему поперекъ дороги; онъ рассказывалъ, что главный жрецъ Амени хотѣлъ отправить его въ каменоломни Хенну, но что это наказаніе слишкомъ ничтожно! Тогда Гектъ посоветовала ему, чтобы онъ тайно приказалъ командиру судна проплыть мимо Хенну и отвезти его въ Эѳіопію, въ тѣ ужасныя горныя копи, про которыя она часто рассказывала мнѣ, такъ какъ ея отца и ея братьевъ замучили тамъ до смерти.

— Оттуда уже никто не возвращается! воскликнулъ царевичъ:— но рассказывай дальше!

— Послѣдующее я понялъ только на половину, но она говорила о напиткѣ, который лишаетъ разсудка. О, чѣмъ только приходится мнѣ видѣть и слышать! Я охотно всю жизнь пролежалъ бы на доскѣ, но все это слишкомъ ужасно: мнѣ хотѣлось бы поскорѣ умереть!

И малютка горько заплакалъ.

Уарда, щеки которой помертвѣли, стала ласково гладить его; но Рамери воскликнулъ:

— Это—страшное и неслыханное дѣло. Кто такой былъ этотъ домоправитель? Не разобралъ ли ты его имени? Подумай хоро-

шеёко, мальчикъ, да перестань плакаты! Тутъ дѣло идетъ о жизни человѣка! Кто былъ этотъ негодяй? Не называли ли они его по имени? Постарайся припомнить!

Шерау закусилъ свои пунцовыя губы и старался придти въ себя. Его слёзы перестали течь, и онъ вдругъ воскликнулъ, запуская ручонку въ грудное отверстіе своего изорваннаго платья.

— Погодите, можетъ быть вы узнаете его: я его сдѣлалъ!

— Что такое? спросилъ царевичъ.

— Я сдѣлалъ его, повторилъ маленькій художникъ, осторожно вынимая изъ-за пазухи какую-то массу, обернутую въ тряпочку:—мнѣ была хорошо видна его голова съ боку, пока онъ говорилъ, а моя глина лежала около меня. Когда у меня не спокойно на сердцѣ, то я непремѣнно долженъ что-нибудь лѣпить, а въ этотъ разъ я очень скоро сдѣлалъ его лицо. Такъ какъ оно показалось мнѣ удавшимся, то я и спряталъ его, чтобы показать учителю, когда уйдетъ старая Геетъ.

Провозносъ эти слова, малютка своими дрожащими пальцами снялъ тряпочку съ слѣпка и подаль его Уардѣ.

— Это—Ани! воскликнулъ царевичъ:—это—онъ и никто иной! Кто могъ это думать! Чего онъ хочетъ отъ Пентаура, что ему сдѣлалъ жрецъ?

Онъ на минуту задумался, потомъ хлопнулъ себя рукою по лбу и воскликнулъ съ запальчивостью: «Какъ же я глупъ! Какой я ребенокъ! Это такъ, это такъ! Я знаю все! Ани сватался за Бентъ-Анатъ, и она—ну да, съ тѣхъ поръ, какъ я люблю тебя Уарда, я понялъ что именно происходитъ съ моей сестрой! Не чего долге обманывать! Я скажу тебѣ всю правду. Я не пажъ Бентъ-Анатъ, я—ея братъ, родной сынъ Рамзеса. Не закрывай лицо руками, Уарда: вѣдь еслибъ я даже не увидалъ драгоценной вещицы, принадлежавшей твоей матери, и еслибъ я былъ не царевичъ, а самъ Горусъ, сынъ Изиды, то полюбилъ бы тебя и тогда и не отказался бы отъ тебя. Но теперь слѣдуетъ думать о другомъ, кромѣ ухаживанья за тобою, и тутъ я покажу тебѣ, что я уже не мальчикъ, а мужчина: здѣсь дѣло идетъ о спасеніи Пентаура. Прощай, Уарда, и помни обо мнѣ!

Онъ спѣшилъ уходить, но Шерау удержалъ его, ухвативъ за платье, и проговорилъ застѣнчиво:

— Ты сказалъ, что ты—сынъ Рамзеса. Старуха Геетъ говорила и о немъ со своимъ гостемъ. Она сравнивала царя съ нашимъ хлѣбющимъ ястребомъ.

— Вскорѣ онъ почувствуетъ когти царскаго орла! воскликнулъ царевичъ.—Еще разъ прощай!

Онъ подаль Уардѣ руку, къ которой она пламенно прижалась

губами, но онъ, отдернувъ ее, поцѣловалъ дѣвушку въ лобъ и исчезъ.

Безмолвная и блѣдная, глядѣла она ему вслѣдъ. Она видѣла, какъ онъ промчался мимо какого-то человѣка и, узнавъ въ послѣднемъ своего отца, поспѣшила къ нему на встрѣчу. Воинъ пришолъ проститься съ дочерью; онъ долженъ былъ отправиться для сопровожденія арестантовъ.

— Въ Хенну? спросила Уарда.

— Нѣтъ, на сѣверъ, возразилъ рыжебородый.

Затѣмъ, дочь рассказала ему все, что слышала, и спросила: можетъ ли онъ помочь жрецу, который спасъ ей жизнь?

— Ахъ, еслибъ были у меня деньги, только бы были деньги? въ задумчивости пробормоталъ воинъ.

— Да вѣдь они есть у насъ! воскликнула Уарда, рассказала ему о подаркѣ Небсехта и прибавила:—перевези меня черезъ Нилъ и, по прошествіи двухъ часовъ, ты будешь имѣть въ рукахъ столько, сколько нужно для обогащенія человѣка¹. Но нѣтъ, я вѣдь не могу оставить больную бабушку! Возьми ты самъ это кольцо и подумай, что они наказываютъ Пентаура за то, что онъ осмѣлился защищать насъ.

— Это я все сообразилъ, сказалъ воинъ:—я меня есть только одна жизнь, но и ея я пожертвую охотно для спасенія этого человѣка. Я не могу придумывать разныхъ плановъ, но кое-что я знаю, и, если это удастся мнѣ, то ему не нужно будетъ отправляться въ золотыя копи. Вотъ я поставлю сюда бутылку съ виномъ; дай мнѣ глотокъ воды, такъ какъ въ теченіи слѣдующихъ часовъ моя голова должна быть вполне трезва.

— Вотъ тебѣ вода, но я налью туда немного вина! Ты вернешься опять и принесешь мнѣ извѣстіе?

— Это невозможно; въ полночь мы отправляемся въ путь; но если кто-нибудь принесетъ тебѣ назадъ кольцо, это будетъ означать, что мой замыселъ удался.

Уарда пошла въ хижину, отецъ послѣдовалъ за нею, попрощался съ больною матерью и съ дочерью и сказалъ, когда они вышли на воздухъ:

— До моего возвращенія вы можете прожить тѣмъ, что пода-

¹ Слѣдуетъ замѣтить, что въ Египтѣ женщины могли свободно располагать своимъ состояніемъ. Такъ, напримѣръ, въ VII гр. луврскаго папируса говорится о договорѣ, заключенномъ между дочерью должника и сыномъ кредитора. Оба они принадлежали къ тому же классу общества, какъ и Уарда; Арзевисъ—сынъ колхита изъ Фивъ, а Аскленіасъ, прозванный Сенимутисъ, жена (или служанка) человѣка, погребавшаго мертвецовъ и живущаго въ томъ же городѣ.

рила вамъ царевна, а мнѣ достаточно половины того, что мы получили отъ Небсехта. Но куда же дѣвался твой гранатовый звѣтокъ?

— Я сорвала его и спрятала въ хорошемъ мѣстѣ.

— Странныя женщины! пробормоталъ бородатый человекъ, осторожно поцѣловалъ свою дочь въ лобъ и удалился по направлению къ Нилу.

Между тѣмъ, царевичъ Рамери, поспѣшно удаляясь, освѣдомился въ гавани некрополя—такъ какъ оттуда по ночамъ увозили арестантовъ—гдѣ стоитъ на якорѣ судно, назначенное къ отплытію въ Хенну. Затѣмъ, онъ переѣхалъ въ лодкѣ черезъ Нилъ и поспѣшилъ къ Бентъ-Анатъ. Онъ нашелъ ее и Неферть въ необыкновенномъ волненіи, такъ какъ вѣрный церемоніймейстеръ узналъ отъ приверженцевъ царя, окружающихъ Ани, что намѣстникъ задержалъ въ Оивахъ всѣ письма, адресованныя въ Сирію, не исключая и писемъ царскихъ дѣтей.

Преданный Рамзесу придворный, ободренный церемоніймейстеромъ, также сообщилъ Бентъ-Анатъ много такого, что уже не допускало сомнѣній относительно честолюбивыхъ плановъ ея дяди. Ее также просили остерегаться Неферть, мать которой была довѣреннымъ лицомъ и совѣтчицею намѣстника.

Бентъ-Анатъ улыбнулась при этомъ предупрежденіи и немедленно отправила посланнаго къ Ани, сообщая ему, что она готова отправиться на богомолье къ изумрудной Гаторъ и въ ея святилищѣ подвергнуться очищенію отъ оскверненія.

Она намѣревалась отправить оттуда гонцовъ къ своему отцу и, если онъ позволитъ, послѣдовать за нимъ въ его лагерь.

Этотъ планъ она сообщила подругѣ, а Неферть считала удобнымъ всякій путь, который приближалъ ее къ мужу.

Рамери былъ немедленно посвященъ во всѣ эти подробности; онъ же, съ своей стороны, сообщилъ все, что узналъ самъ, и намекнулъ Бентъ-Анатъ о томъ, что онъ подрываетъ ея сердечную тайну.

Манера и рѣчь прежде столь необдуманнаго вѣтрогона были исполнены такого достоинства, что Бентъ-Анатъ подумала, что, вѣроятно, опасность, угрожающая его семейству, внезапно превратила мальчика въ мужчину.

Она не стала противорѣчить его распоряженіямъ. Самъ онъ собирався, послѣ захожденія солнца, отправиться въ Кефъ ¹ на быстрыхъ коняхъ, въ сопровожденіи одного только вѣрнаго слу-

¹ Коптосъ, нижній Кефъ на Нилѣ.

жителя, а оттуда поспѣшно мчаться по стени къ Тростинковому Морю, тамъ нанять финнѣйскій корабль и плыть въ Анлу¹. Оттуда онъ собирался перейти черезъ скалистыя горы Синнайскаго Полуострова и форсированными переходами стремиться вслѣдъ за египетскимъ войскомъ и своимъ отцомъ и увѣдомить его о преступномъ образѣ дѣйствій Ани.

Бентъ-Анатъ было поручено, при помощи вѣрнаго церемоніймейстера, спасти Пентаура.

Въ деньгахъ не было недостатка, такъ какъ и казначей былъ преданъ царевнѣ. Все дѣло заключалось въ томъ, чтобы уговорить кормчаго корабля пристать къ берегу въ Хенну. Тамъ судьба поэта, въ самомъ худшемъ случаѣ, была бы все-таки сносная. Въ то же самое время было предположено отправить вѣрнаго посланца съ письмомъ къ губернатору Хенну; въ этомъ письмѣ приказывалось, именемъ Рамзеса, задерживать каждый корабль, проходящій ночью въ проливѣ Хенну и не допускать, чтобы арестанты, назначенные на работы въ тамошнія каменоломни, были увозимы въ Эеіопію.

Рамери простился съ жевщинами, и ему удалось незамѣтно удалиться изъ Оивъ.

Бентъ-Анатъ преклонила колѣна въ молитвѣ предъ своей покойной матерью, предъ богинею Гаторъ и богами-покровителями своего семейства, пока возвратившійся церемоніймейстеръ не сообщилъ ей, что онъ уговорилъ лоцмана корабля пристать къ берегу въ Хенну и скрыть отъ Ани, что его планъ сдѣлался извѣстенъ.

Съ великимъ облегченіемъ вздохнула дочь царя; она уже рѣшилась, въ случаѣ неудачныхъ переговоровъ вѣрнаго слуги, отправиться въ некрополь, запретить отплытіе корабля и, въ крайнемъ случаѣ, обратиться съ воззваніемъ къ народу и къ преданнымъ ей людямъ противъ Ани.

На другое утро, госпожа Катути попросила у царевны позволенія переговорить со своею дочерью. Бентъ-Анатъ не захотѣла видѣть вдову, которой попытка отговорить дочь отъ путешествія вмѣстѣ съ царевною и возвратиться къ себѣ въ домъ—совершенно не удалась.

Охваченная негодованіемъ и безпокойствомъ, оскорбленная мать поспѣшила къ намѣстнику и просила его удержать Нефертъ насильно; но Ани желалъ избѣгнуть всякой огласки, такъ, чтобы Бентъ-Анатъ отправилась въ путь съ чувствомъ полной безопасности.

¹ Около нижней Агазы.

— Будь покойна, сказалъ онъ:—я посылаю съ женщинами вѣрную дружину, которая удержитъ ихъ у изумрудной Гаторъ, пока все не будетъ рѣшено здѣсь. Тогда ты можешь отдать Неферть грубому Паакеру, если пожелаешь еще имѣть его своимъ зятемъ послѣ всего того, что сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ. Что касается до меня, то, можетъ быть, я еще заставлю свою гордую племянницу устремить свои взоры не внизъ, а вверхъ. Я буду ея второю любовью, но вѣдь и она тоже—не первая моя страсть.

На другой день женщины двинулись въ путь.

Жрецы амонова храма въ Эивахъ, со старымъ Бекъ-энгъ-Хунзу во главѣ, сопровождали ихъ до пристани. Изъ народной толпы съ берега слышалось имя Бентъ-Анатъ, сопровождаемое многими благословеніями, но также и многими насмѣшливыми замѣчаніями.

За нильскимъ судномъ путешественницъ слѣдовали два другія, наполненныя воинами, которые сопровождали женщинъ «для ихъ охраненія».

Южный вѣтеръ надувалъ паруса и быстро гналъ суда внизъ по теченію. Царевна задумчиво глядя на дворецъ своихъ отцовъ, то на храмы и гробницы некрополя. Наконецъ, исчезли уже и гиганты Аменофиса, и послѣдніе дома Эивъ. Тяжело вздохнула сильная духомъ дѣвушка, и слѣзы заструились по ея щекамъ. Ей казалось, будто она обращается въ бѣгство послѣ проиграннаго сраженія, но она все-таки не теряла мужества, а надѣялась на побѣды въ будущемъ.

Обернувшись, чтобы сойти въ каюту, она увидала закутанную въ покрывало дѣвушку, которая, подойдя къ ней, открыла свое лицо.

— Прости меня, царевна: я—та Уарда, черезъ которую ты переѣхала и къ которой была такъ добра. Моя бабка умерла, и я осталась совершенно одинокою. Я пробралась къ тебѣ вмѣстѣ съ твоими служанками: я хочу слѣдовать за тобою и дѣлать все, что ты прикажешь. Только не удаляй меня отъ себя!

— Оставайся, милое дитя, сказала царевна, кладя свою руку на ея голову.

Пораженная необычайною привлекательностью дѣвушки, Бентъ-Анатъ вспомнила о своемъ братѣ и о его желаніи украсить рою блестящія косы Уарды.

IV.

Два мѣсяца прошло со времени отъѣзда Бентъ-Анатъ изъ Эивъ и арестованія Пентаура.

Въ западной части Синайскаго полуострова находилась долина, именуемая Антъ-Баба, и по ней-то тянулось теперь шествіе вьючныхъ животныхъ и людей.

Несмотря на наступленіе зимы, палящіе лучи полуденнаго солнца жгли землю, раскаляя обнаженные гранитныя скалы.

Шествіе открывалось и замыкалось отрядами ливійскихъ солдатъ. Каждый воинъ былъ вооруженъ кинжаломъ, боевою сѣкирою, щитомъ и копьемъ, и готовъ ежеминутно употребить ихъ для своей защиты. Конвоируемые этими воинами люди были арестанты изъ копей Мафката, которыхъ отправляли на берегъ Тростниковаго Моря для препровожденія туда добычи изъ рудниковъ, принятія присылаемыхъ изъ Египта припасовъ и транспортированія ихъ въ принадлежавшіе рудникамъ склады.

Эти люди шли, согнувшись и едва переводя духъ.

У каждаго арестанта была надѣта на ногахъ мѣдная цѣпь, охватывавшая щиколотки; разорванныя лохмотья, обвязанныя вокругъ бедръ, служили единственнымъ прикрытіемъ нагому тѣлу несчастныхъ, которые, изнемогая подъ тяжестью навьюченныхъ на нихъ мѣшковъ, бессмысленно глядѣли на дорогу. Если который нибудь изъ нихъ готовъ былъ упасть, то его ободряла плеть всадниковъ, сопровождавшихъ караванъ.

Никто не произносилъ ни слова, ни арестанты, ни ихъ стражи, и даже тѣ, которыхъ били, не кричали; ихъ голосовые органы точно иссохли, а въ сердцахъ погонщиковъ было столь же трудно найти намѣкъ на состраданіе, какъ невозможно было отыскать зеленую травку на придорожныхъ скалахъ.

Эта печальная толпа подвигалась впередъ, подобно фантастическому сонму призраковъ, заявляя о себѣ только тогда, когда тихій стонъ вырывался изъ груди какого-нибудь страдальца. На песчаной дорогѣ не слышны были шаги путниковъ, ступавшихъ босыми ногами; горы не давали тѣни, свѣтъ причинялъ мученія, все кругомъ казалось враждебнымъ всему живому. Ни чѣрвяка, ни растенія не было видно на безжизненномъ сѣровато-коричневомъ фонѣ пустыни. Въ полдень наканунѣ, партія арестантовъ вышла со своимъ грузомъ изъ гавани въ бухтѣ. Въ теченіи двухъ часовъ они шли по берегу Тростниковаго Моря¹⁾, сверкавшего своимъ яркимъ сине-зеленымъ цвѣтомъ, перебрались черезъ выдающуюся скалу и

1) Красное Море (на еврейскомъ и коптскомъ языкахъ «Тростниковое Море») имѣетъ сине-зеленый цвѣтъ. По словамъ древнихъ, оно было названо «Краснымъ» или вслѣдствіе своихъ красноватыхъ береговъ, или по жившимъ вокругъ него Эритрейцамъ, называемымъ «Красными». На одной древней надписи оно названо Артуръ-зеть-Тешеръ, т. е. вода красной страны. См. Эберсъ «Черезъ Гозень и проч.» стр. 518. Примѣч. 37.

прошли по узкой долинкѣ. У отверстія въ горный проходъ, ведущій къ копямъ, былъ назначенъ ночной роздыхъ. Вожатые и воины развели огни, сгруппировались вокругъ нихъ и подъ защитою скалистаго навѣса расположились спать. Арестанты улеглись на землѣ среди долины, ничѣмъ не прикрытые и чуть не замерзая отъ холода, когда сильная ночная стужа внезапно смѣнила палящій зной дня.

Передъ отправленіемъ въ путь были розданы обильныя порціи чечевичной похлебки и черстваго хлѣба, при весьма скудномъ количествѣ воды, и шествіе двинулось черезъ горный проходъ, все болѣе и болѣе раскалявшійся, и черезъ окруженныя скалами котловины, расположенныя рядомъ, одна возлѣ другой. У каждой изъ нихъ, казалось, тропинка оканчивается, повсюду находился выходъ, послѣ котораго она тянулась дальше, безконечно, подобно страданіямъ арестантовъ.

Громадныя стѣны скалъ имѣли видъ, какъ будто онѣ нагромождены слоями изъ обтесанныхъ четверугольныхъ камней, и одинъ изъ работавшихъ въ копяхъ, но только одинъ, внимательно вглядывался въ эти странные образы, созданныя природою.

Плечи этого человѣка были сильнѣе, чѣмъ у всѣхъ его товарищей, и тяжесть ноши была ему мало чувствительна.

— Не выходить изъ ряда, Гуни! прикрикнулъ на него одинъ изъ погонщиковъ.

Тотъ, къ которому относились эти слова, приблизился къ своему сосѣду, врачу Небсехту, задыхавшемуся отъ изнеможенія. Сильный арестантъ былъ Пентауръ, отмѣченный въ списокъ подъ именемъ Гуни и называвшійся теперь этимъ именемъ.

Шествіе тянулось дальше. Скалы становились все болѣе отвѣсными. На дорогѣ, примѣрно, поднимавшейся въ гору, лежали огромныя кучи красныхъ и черныхъ кусковъ камня, такихъ мелкихъ, какъ будто ихъ разбивали на части человѣческія руки.

Наконецъ, открылась новая котловина, изъ которой уже не представлялось выхода.

— Уменьшить ношу ословъ! закричалъ начальникъ арестантовъ. Затѣмъ, обратясь къ воинамъ, приказалъ имъ, облегчивъ ословъ, сильнѣе навьючить людей.

Съ напряженіемъ послѣднихъ силъ, эти люди, обремененные несоразмѣрными тяжестями, взбирались по крутой едва замѣтной горной тропинкѣ.

Человѣкъ, шедшій впереди Пентаура, худощавый старикъ, упалъ посреди горы, вмѣстѣ со своею ношею, и одинъ изъ погонщиковъ, который на узкой тропинкѣ не могъ обойти но-

сильщикою, началъ бросать въ него камнями, чтобы принудить къ новому напряженію силъ.

Старикъ жалобно закричалъ, а Пентауръ вспомнилъ о парасхитѣ, павшемъ подъ ударами, о своей битвѣ съ толпой, о Вентъ-Анатъ. Состраданіе и сознание собственной здоровой силы охватило его душу. Съ быстрою рѣшимостью онъ снялъ мѣшки съ плечъ старика, взбросилъ ихъ къ себѣ на спину, поднялъ упавшаго, и люди съ животными благополучно перебрались черезъ гору.

Кровь стучала въ вискахъ Пентаура, онъ едва переводилъ духъ, и ужасъ охватилъ его, когда онъ съ вершины прохода взглянулъ назадъ въ котловину, находившуюся подъ нимъ и на окружающіе его зубцы скалы и вершины, бѣлые и сѣрые, бурые, кроваво-красные и сумрачно-черные.

Онъ вспомнилъ о священномъ озерѣ богини Муть въ Өвахъ, вокругъ котораго сидѣли, на пьедесталахъ изъ чорнаго базальта, сотни статуй богини съ львиною головою, и скалы, окружавшія эту долину, приняла подобныя же образы, которые стали въ его глазахъ какъ будто шевелиться и открывать свои пасти. Свѣозъ сильный шумъ въ ухахъ, Пентауру точно слышался ихъ рѣвъ, а двойная ноша, слишкомъ отяготительная даже для его силъ, производила такое ощущеніе, будто руки чудовищъ сжимали его грудь.

Однако, онъ все-таки достигнулъ цѣли.

Прочіе арестанты сбросили съ плечъ мѣшки свои и отдыхали. И Пентауръ машинально сдѣлалъ то же самое. Его кровь стала успокаиваться, видѣнія исчезли, зрѣніе и слухъ пришли въ порядокъ, а мозгъ вновь получилъ способность мыслить. Старикъ и врачъ Небсехтъ лежали около него.

Первый разглаживалъ рукою сильно-напряженныя жилы на его шеѣ, призывая на него благословеніе всѣхъ боговъ, но начальникъ партіи, проходя мимо отдыхавшихъ, прервалъ старика, проговоривъ:

— Ты втрое сильнѣе другихъ, Гуни, и мы впередъ станемъ навьючивать на тебя потяжелѣе.

— Какъ хорошо твои милосердные боги слышать благочестивыя молитвы и награждаютъ за доброе дѣло! проговорилъ врачъ Небсехтъ.

— Я уже достаточно награжденъ, возразилъ Пентауръ, привѣтливо глядя на старика:—но ты, вѣчный наслѣдникъ, сильно поблѣднѣлъ; какъ ты чувствуешь себя?

— Я чувствую то же самое, что вотъ тѣ ослы; мой колѣни дро-

*

жать, какъ и у нихъ, и я желаю того же, чего и они, то есть лежать въ стойлѣ.

— Если ты только способенъ думать, съ улыбкою замѣтилъ Пентауръ:—значить, дѣло еще не совсѣмъ плохо.

— У меня даже явилась мудрая мысль, въ то время, какъ ты недавно уставился глазами въ воздухъ. Жрецы учатъ, что разумъ есть свѣтлое дыханіе! вѣчнаго мірового духа и что наша душа есть форма той части матеріи, которая называется чело-вѣкомъ. Я искалъ духа сперва въ сердцѣ, а потомъ въ мозгу; теперь же я знаю, что онъ сидитъ въ рукахъ и ногахъ, такъ какъ, ощущая въ нихъ изнеможеніе, я лишаюсь способности думать. Я слишкомъ лѣнивъ, чтобы приводить какія-либо другія доказательства, но на будущее время постараюсь оказывать больше уваженія своимъ ногамъ.

— А вы опять бранитесь? Эй, люди, поднимайтесь! закричалъ погонщикъ.

Усталые бѣдняки стали медленно вставать, животныхъ вновь навьючили и, шатаясь, побрела дальше эта злополучная толпа, чтобы при захожденіи солнца дойти до копей.

Цѣлью движенія партіи арестантовъ была широкая долина, заключенная между двумя высокими откосами скалъ. Египтяне называли ее Та-Мафка, а евреи—Дофка. Южная стѣна состояла изъ темнаго гранита, а сѣверная, въ которой находились бирюзовые копи, изъ краснаго песчаника. Въ отдаленной поперечной долинѣ, были мѣдные рудники. По серединѣ долины возвышался холмъ, опоясанный стѣною, съ маленькими каменными домиками для стражи, офицеровъ и надсмотрщиковъ. Они должны были оставаться безъ крыши, но, такъ какъ, вслѣдствіе ночныхъ морозовъ, встрѣчались частые случаи заболѣванія и смертности между рабочими, то ихъ кое-какъ прикрыли пальмовыми вѣтвями изъ находившагося неподалеку Амалекитскаго Оазиса.

На крайней вершинѣ холма, наиболѣе открытой для вѣтровъ, находились плавильныя печи и помѣщеніе, въ которомъ приготовлялось зеленое стекло, которое пускалось въ продажу подъ названіемъ мафката, т. е. изумруда. А настоящіе драгоценные камни этого имени добывались далѣе къ югу, у западнаго берега Тростниковаго Моря, и дорого цѣнились въ Египтѣ.

Небсехтъ и Пентауръ уже болѣе мѣсяца принадлежали къ рабочимъ долины Мафката, и послѣдній все еще не зналъ, какимъ образомъ онъ, вмѣсто каменоломень Хенну, попалъ сюда, да еще вмѣстѣ съ Небсехтомъ.

Не подлежало никакому сомнѣнію, что все это было устроено

отцомъ Уарды; поэтъ былъ убѣжденъ, что суровый, но честный воинъ, еще и теперь находившійся по близости отъ него, имѣлъ наилучшія намѣренія, хотя онъ подходилъ къ нему только одинъ разъ со времени ихъ удаленія изъ Оивъ.

Сынъ параскита приблизился къ нему въ первую же ночь путешествія и шепнулъ: «Я забочусь о тебѣ! Ты найдешь здѣсь врача Небсехта. Старайтесь враждовать другъ съ другомъ, если не хотите, чтобы васъ разлучили».

Пентауръ сообщилъ своему другу совѣтъ воина, и врачъ примѣнялъ его къ дѣлу по своему.

Небсехту доставляло тайное удовольствіе видѣть, какъ жизнь опровергала вѣру Пентаура въ справедливую и благую судьбу, бодрствующую надъ человекомъ, и чѣмъ, тяжелѣе приходилось ему и поэту, тѣмъ съ болѣе горькой ироніей, часто переходившей границы, мирный изслѣдователь нападалъ на своего друга.

Онъ любилъ Пентаура, такъ какъ этотъ послѣдній обладалъ ключомъ къ болѣе прекрасному міру, недоступному для его собственной природы, и, однако, ему было легко, видя, что за нимъ наблюдаютъ, играть свою роль и осыпать поэта словами, которыя погонщики считали бессмысленными и которыя, вслѣдствіе его косноязычія, вызывали ихъ смѣхъ.

«Подвергнувшаяся побоямъ оболочка божественнаго самосознанія», «избитый поборникъ справедливости», «фокусникъ, желающій превратить нашъ худшій изъ міровъ въ самый лучшій», «поклонникъ прекраснаго цвѣта своихъ синяковъ». Такіе и подобныя имъ бранные эпитеты, понятныя только двумъ ссорившимся, онъ повторялъ постоянно съ различными измѣненіями и такимъ образомъ вызывалъ Пентаура на весьма меткія и нерѣдко остроумныя возраженія, хотя и непонятныя для непосвященныхъ.

Нерѣдко ихъ брань переходила въ настоящіе диспуты, вдвойнѣ полезныя, во-первыхъ, потому, что умъ спорящихъ, привыкшій къ серьезному мышленію, находилъ себѣ пищу, несмотря на мертвящій гнѣтъ каторжной работы, а во-вторыхъ, потому, что, вслѣдствіе этихъ диспутовъ, ихъ считали настоящими врагами.

Они оба спали на одномъ дворѣ и могли иногда тайно поговорить другъ съ другомъ; днемъ Небсехтъ работалъ въ бирюзовыхъ копахъ, а Пентауръ—въ мѣдныхъ рудникахъ.

Для врача, какъ болѣе слабого, добываніе драгоценнаго камня изъ его скалистаго мѣстонахожденія, а для гигантской силы Пентаура разбиваніе твердыхъ камней—было самымъ подходящимъ занятіемъ.

Погонщики часто съ удивленіемъ глядѣли на могучаго юношу, когда его сильныя удары безъ перерыва сыпались на камни.

Никому не приходило въ голову, какія величественныя картины возникали въ умѣ поэта въ эти минуты каторжной работы. Какіе ужасные и, вмѣстѣ съ тѣмъ, привлекательные звуки раздавались въ его ушахъ.

Въ его возбужденномъ воображеніи рисовался образъ Бентъ-Анатъ среди окружающаго ее войска, и, разбивая скалы, онъ воображалъ, что уничтожаетъ это войско поголовно. Очень часто, среди работы бросалъ онъ свои инструменты, протягивалъ руки, но затѣмъ съ глубокимъ стономъ опускалъ ихъ, вытирая потъ, струившійся по лицу.

Надсмотрщики не знали, за кого принимать этого сильнаго юношу, часто привѣтливаго, какъ дитя, но все-таки начинавшаго поддавать влиянію того злого духа, который овладѣвалъ столь многими арестантами.

Онъ самъ для себя сдѣлался загадкою, не понимая, откуда съ той самой ночи передъ хижиною параскита, явилось это постоянное желаніе борьбы и битвы въ сынѣ садовника, воспитаннаго среди мирной обстановки въ Домѣ Сети?

Утомленные воины предались отдыху; только передъ домою начальника рудниковъ горѣлъ еще яркій огонь, и вокругъ него расположились надсмотрщики и младшіе начальники воиновъ.

— Ну, теперь отставьте кружки въ сторону, сказалъ начальникъ: — такъ какъ намъ слѣдуетъ держать серьезный совѣтъ. Вчера я, по приказанію намѣстника, долженъ былъ отправить половину войска въ Пелузіумъ. Онъ нуждается въ войнахъ, а мы сдѣлались столь малочисленными, что, еслибъ объ этомъ провѣдали арестанты, они могли бы осилить насъ даже и безъ помощи оружія. Вѣдь камней здѣсь довольно, а днемъ у нихъ есть рѣзцы и молотки. Хуже всего обстоитъ дѣло у евреевъ въ мѣдныхъ копяхъ. Это — народъ строптивый, ихъ слѣдуетъ держать построже. Вы знаете меня: страхъ не свойственъ мнѣ, но одна вещь сильно озабочиваетъ меня. Здѣсь, на этомъ огнѣ, сгораютъ наши послѣдніе угли, а для плавильныхъ печей и для отливки стекла не должно существовать перерыва. Завтра будутъ отправлены люди въ Рафидимъ¹ съ требованіемъ угля отъ амалекитанъ. Они должны намъ еще сто транспортовъ. Нагрузите арестантовъ мѣдью, чтобы утомить ихъ и задобрить

¹ Оазисъ у подножія горъ Хорива, при которой евреи, подъ предводительствомъ Иисуса, одержали побѣду надъ амалекитанами въ то время, какъ Ааронъ и Гуръ поддерживали руки молящагося Моисея. Исходъ, 17, 8.

жителей Оазиса. Что намъ дѣлать, чтобы получить необходимое, не слишкомъ ослабляя свои военныя силы?

Послѣ продолжительныхъ обсужденій, было рѣшено, что самыя небольшія партіи, подѣ прикрытіемъ немногихъ воиновъ, будутъ ежедневно отправляться для доставленія количества углей, необходимаго на одинъ день. Самые опасныя изъ арестантовъ, скованныя попарно, будутъ исполнять должность носильщиковъ. Начальникъ замѣтилъ, что два скованные вмѣстѣ силача могутъ сдѣлаться страшно опасными, дѣйствуя за одно.

— Ну, такъ надобно соединить сильнаго со слабымъ, сказалъ счетчикъ при рудникахъ, котораго называли «писцомъ металловъ». — А по возможности старайтесь сковывать попарно тѣхъ, которые находятся во враждѣ другъ съ другомъ.

— Какъ, напримѣръ, силача Гуни съ бранчивымъ воробьемъ, зайкою Небсехтомъ, воскликнулъ одинъ изъ младшихъ начальниковъ.

— И я также думалъ о нихъ, со смѣхомъ сказалъ писецъ.

Сперва шута, а потомъ уже серьезно, были выбраны еще три пары, и, наконецъ, къ погонщикамъ присоединенъ отецъ Уарды.

На слѣдующее утро, Небсехта и Пентаура сковали мѣдною цѣпью, и, когда солнце достигло своего зенита, четыре пары арестантовъ, нагруженныхъ тяжелыми мѣдными полосами, отправились, въ сопровожденіи шести воиновъ и сына парасхита, въ оазисъ амалекитянъ за топливомъ для плавильныхъ печей.

У Алуса они сдѣлали привалъ и затѣмъ продолжали путь между обнаженными, все выше и выше подымавшимися сѣровато-зелеными и коричневыми стѣнами порфира.

Солнце было уже близко къ заходу, когда они прошли мимо небольшого святилища изумрудной Гаторь. Тутъ имъ на встрѣчу, щебеча, полетѣло нѣсколько сѣрыхъ и черныхъ птицъ, и Пентауръ радостно взглянулъ на нихъ.

Какъ давно онъ не видалъ ихъ и не слышалъ ихъ голоса! А Небсехтъ замѣтилъ:

— Вонъ тамъ птицы, значить, мы приближаемся къ водѣ!

Вотъ появилась и первая пальма. Затѣмъ послышалось журчаніе ручья, и этотъ негромкій звукъ подѣйствовалъ на душу путниковъ пустыни, подобно каплямъ дождя на засыхающую траву.

Влѣво отъ воды расположился широкимъ полукругомъ отрядъ египетскихъ воиновъ, окружая три большія палатки изъ драгоценной затканной золотомъ матеріи, съ голубыми и красными полосами.

Жителей этихъ палатокъ не было видно, но, когда арестанты

миновали ихъ и погонщики поклонились часовымъ, къ нимъ на встрѣчу вышла дѣвушка въ длинной одеждѣ египтянокъ и стала вглядываться въ нихъ.

Пентауръ въ испугѣ отшатнулся, точно при взглядѣ на придвѣннѣе, а у Небсехта вырвался громкій возгласъ удивленія.

Въ то же мгновеніе, погонщикъ взмахнулъ плетью надъ плечами обоихъ, воскликнувъ со смѣхомъ:

— Вы можете сколько угодно ругаться на словахъ, но не драться руками!

Затѣмъ, обратясь къ одному изъ товарищей, спросилъ: «Видѣлъ ли ты красивую дѣвушку передъ палаткою?»

— А какое намъ до нея дѣло! отвѣчалъ тотъ:—она принадлежитъ къ придворному штату царевны уже въ теченіи трехъ недѣль, посѣщающей изумрудную Гаторь.

— Вѣроятно, она совершила тяжелыя прегрѣшенія, замѣтилъ первый изъ разговаривавшихъ.—Еслибъ это случилось съ кѣмъ-нибудь изъ насъ, то, навѣрное, его заставили бы сгребать лопатой песокъ или толочь краски, вмѣсто того, чтобы жить въ золотой палаткѣ. А гдѣ рыжебородый?

Отецъ Уарды немного отсталъ отъ партіи, такъ какъ дочь сдѣлала ему знакъ и обмѣнялась съ нимъ нѣсколькими словами.

— А, такъ ты умѣешь заглядываться на женщинъ? спросилъ его младшій изъ погонщиковъ, когда онъ снова присоединился къ партіи.

— Это—прислужница царевны, не безъ смущенія отвѣчалъ воинъ.—Она проситъ, чтобы мы завтра взяли отъ нея письмо къ писцу металловъ, а за это она обѣщала прислать намъ вина, если мы расположимся вблизи отъ палатокъ.

— Каковъ старый рыжебородый! воскликнулъ младшій погонщикъ.—Онъ чуетъ вино, точно лисица гусей. Остановимся здѣсь. Вѣдь никогда нельзя знать, какъ примутъ насъ эти Мен-ту, а начальникъ приказалъ расположиться на отдыхъ внѣ оазиса. Эй, вы! Мѣшки долой! Здѣсь есть свѣжая вода, а, пожалуй, вамъ достанутся сегодня нѣсколько финиковъ и сладкая манна¹ въ прибавку къ хлѣбу. Но только, чтобы вы сидѣли смиренно и не ссорились, задорные пѣтухи Гуни и Небсехты!

Путешествіе Бентъ-Анатъ къ изумрудной Гаторь было весьма продолжительно. До Кефта она плыла со своими спутниками по Нилу, а оттуда двигалась по пустынѣ небольшими переходами и

¹ Маннымъ теперешніе бедуины Синайскаго Полуострова называютъ сладкія испаренія растущаго на ихъ родинѣ тамаринда, *tamarix manuifera*. Эти испаренія показываются въ маѣ мѣсяцѣ. Но ихъ можно сохранять и не безъ основанія можно считать за библейскую манну.

въ портовомъ городѣ у Тростниковаго Моря ¹, населенномъ преимущественно финикіянами, цѣлую недѣлю ожидала судна, которое, наконецъ, доставило ее въ матроскую деревушку Фаронъ. Оттуда караванъ прошелъ по горахъ къ оазису, у сѣвернаго входа въ который находилось святилище изумрудной Гаторъ.

Старые жрецы, совершавшіе службу передъ изображеніемъ богини, почтительно приняли дочь Рамзеса и изо дня въ день совершали церемонію снятія съ нея оскверненія, при помощи свѣжей и прохладной воды горнаго ручья, напоившаго пальмы амалектянъ, различныхъ куреній, благочестивыхъ изреченій и множества обрядовъ. Наконецъ, богиня оказалась удовлетворенною, и Бентъ-Анатъ собиралась направиться на Сѣверъ къ своему отцу; но начальникъ сопровождавшей ее стражи, сѣдой эѳіопскій военачальникъ, сыновей котораго Ани возвысилъ до значительныхъ чиновъ, объявилъ церемоніймейстеру царевны, что ему приказано до тѣхъ поръ удерживать царевну въ оазисѣ, пока намѣстникъ не разрѣшитъ ей пуститься въ путь.

Тогда всѣ надежды Бентъ-Анатъ обратились къ ея отцу, который ежеминутно могъ явиться къ ней на помощь, если только съ ея братомъ Рамери не случилось никакого несчастія. Но всѣ ожиданія ея были напрасны.

Положеніе женщинъ было весьма тягостно; онѣ чувствовали, что ихъ завлекли въ западню и что онѣ находятся въ плѣну. Къ всему этому присоединилось еще то обстоятельство, что сопровождавшіе ихъ эѳіопы оскорбили жителей оазиса и что ежедневно у нихъ передъ глазами происходили ссоры, которыя въ послѣдніе дни имѣли кровавую развязку.

Бентъ-Анатъ находилась въ томительномъ состояніи души. Могучія крылья, съ помощью которыхъ она высоко парила надъ всѣми своими сестрами, ея царственная гордость и радостная ясность духа были точно подломлены, и она чувствовала, что полюбила одинъ разъ, чтобы не любить уже болѣе никогда. Она, всегда отдававшая предпочтеніе дѣйствительности предъ мечтами, теперь видѣла, что лучшею частью своего «я» пожертвовала неосязаемой тѣни. Образъ Пентаура возставалъ въ ея душѣ, точно живой, получая все болѣе и болѣе чистыя очертанія, самъ же онъ умеръ для нея, такъ какъ изъ Египта было получено только одно письмо отъ Катуты къ Неферть; въ немъ говорилось, что новыя извѣстія подтверждаютъ, что ея мужъ взялъ къ себѣ въ палатку плѣнную царевну, въ видѣ военной добычи. Далѣе, въ письмѣ вдовы было сказано, что приговоренный къ каторж-

¹ Въ послѣдствіи г. Вереника.

нымъ работамъ поэтъ Пентауръ не достигнулъ черныхъ копей и, по всей вѣроятности, умеръ дорогою.

Нефертъ и на этотъ разъ продолжала твердо и непоколебимо вѣрять въ своего мужа и въ то, что онъ сохранилъ свою вѣрность и любовь къ ней, и все ея существо, видимо объятое великою и чистою страстью, оставалось вполне энергичнымъ въ эти опасные и тягостные дни.

Она какъ будто помѣнялась ролю съ Бентъ-Анатъ.

Не теряя надежды, она постоянно, каждый день, повторяла, что отъ царя придетъ помощь. При этомъ она надѣялась, что если Мена узнаетъ отъ Рамери о ея присутствіи здѣсь у Бентъ-Анатъ, то онъ самъ явится за нею, если только это позволитъ его служба.

Часто Нефертъ представляла себѣ, какъ размѣстятся жители палатки и кто будетъ собесѣдницею Бентъ-Анатъ, когда Мена возьметъ ее, Нефертъ, въ свой лагерь, въ какомъ мѣстѣ оазиса лучше всего устроить его, и такъ далѣе въ томъ же родѣ. Она находила, что Уарда могла бы занять ея мѣсто при Бентъ-Анатъ, такъ какъ эта дѣвочка удивительно развилась во время путешествія. Всѣ подаренныя царевною прекрасныя одежды, она носила съ такою ловкостью, какъ будто никогда не носила другихъ. Она умѣла почтительно слушать, въ-время удалиться, а если къ ней обращались съ вопросомъ, она говорила очаровательно. Ея серебристый смѣхъ одинъ могъ развлечь и утѣшить Бентъ-Анатъ.

Двѣ подружки охотно слушали также ея пѣніе, хотя тѣ немногія пѣсни, которыя знала дѣвушка, не отличались веселостью, а были даже грустны. Она подслушала ихъ у старой Гектъ, которая иногда въ темнотѣ играла на лютнѣ, и которая, узнавъ, что Уарда запоминаетъ ея мелодіи, поправляла ей ошибки и давала совѣты... «Вѣдь она когда-нибудь попадетъ же въ мои руки, думала колдунья:—и чѣмъ лучше она станетъ пѣть, тѣмъ дороже заплататъ за нее».

Бентъ-Анатъ также пыталась быть учительницею Уарды, но чтеніе плохо давалось юной ученицѣ, несмотря на всѣ ея усилія. Однако, царевна не отпускала отъ себя занятую чтеніемъ Уарду. Бездѣйствіе, на которое Бентъ-Анатъ была обречена у подошвы гигантской священной горы, къ вершинамъ которой она часто съ ужасомъ и тоскою устремляла свои взоры, тѣмъ сильнѣе тяготило ее, потому что она чувствовала, какъ въ глубинѣ ея души происходитъ именно то, отчего она хотѣла бы отрѣшиться. Уарда знала причину горя своей госпожи и ради этого боготворила ее, какъ святую. Нерѣдко она рассказывала

то, что знала о Пентаурѣ и его отцѣ, и всегда дѣлала это такъ, что царевна не догадывалась, что она знаетъ про ея любовь.

Когда арестантовъ провели мимо палатки Бентъ-Анатъ, она сидѣла съ Неферть въ ея глубинѣ и говорила, какъ и всегда въ сумеркахъ, о своемъ отцѣ, его вожатомъ Менѣ, о Рамери и Пентаурѣ.

— Онъ живъ, сказала Неферть:—вѣдь моя мать писала, что навѣрное неизвѣстно, куда онъ дѣвался. Если онъ бѣжалъ, то, навѣрное, постарается достигнуть до царскаго лагеря, а когда и мы доберемся туда, то ты найдешь его у твоего отца.

Царевна печально глядѣла въ землю.

Неферть, посмотрѣвъ на нее съ любовью, спросила:

— Подумала ли ты о различіи происхожденія, раздѣляющаго тебя отъ твоего избранника?

— Того, кому я отдамъ свою руку, съ увѣренностью проговорила Бентъ-Анатъ:—я сдѣлаю знатнымъ; но, еслибъ я даже могла превратить Пентаура во влестителя вселенной, онъ все-таки былъ бы выше и лучше меня.

— А твой отецъ? скромно спросила Неферть.

— Онъ—мой другъ; онъ выслушаетъ и пойметъ меня. Онъ узнаетъ все, какъ только мы свидимся съ нимъ; я знаю его отеческое и царское сердце.

Долгое время обѣ молчали; затѣмъ Бентъ-Анатъ сказала:

— Пожалуйста, прикажи подать огонь, я хочу кончить свою тбань.

Жена Мены встала, подошла къ двери палатки и тутъ встрѣтилась съ Уардою, которая, схвативъ ее за руки, молча вывела ее на воздухъ.

— Что съ тобою, дѣвочка, ты дрожишь? воскликнула Неферть.

— Мой отецъ здѣсь, быстро проговорила Уарда. Онъ стережетъ арестантовъ изъ копей Мафѣита. Между ними находятся два человѣка, скованные вмѣстѣ, и одинъ изъ нихъ—ты не пугайся—одинъ изъ нихъ поэтъ Пентауръ. Я уже два раза видѣлась съ моимъ отцомъ и разговаривала съ нимъ, когда онъ приходилъ сюда съ другими арестантами. Останься! ради боговъ, останься и слушай дальше. Сегодня Пентауръ долженъ быть освобожденъ, но Бентъ-Анатъ пока еще не должна ничего знать, потому что, если планъ не удастся...

— Дитя, дѣвочка! быстро прервала ее Неферть:—какимъ образомъ я могу помочь тебѣ?

— Прикажи домоправителю дать погонщикамъ арестантовъ мѣхъ вина отъ имени царевны и возьми изъ дорожной аптечки

Бентъ-Анатъ бутылочку съ лекарствомъ противъ бессонницы, котораго она не хотѣла принимать, несмотря на твои просьбы. Я подожду здѣсь и съумѣю имъ воспользоваться.

Нефертъ тотчасъ же отвлекла домоправителя и приказала ему слѣдовать за Уардою и нести за нею мѣхъ съ виномъ. Потомъ возвратилась къ царевнѣ и открыла дорожную аптеку.

— Что тебѣ нужно? спросила Бентъ-Анатъ.

— Лекарство противъ біенія сердца, отвѣчала Нефертъ. Она потихоньку взяла желаемый пузырекъ, а черезъ нѣсколько минутъ онъ находился уже въ рукахъ Уарды.

Дѣвочка попросила домоправителя открыть мѣхъ и позволить ей попробовать вино. Дѣлая видъ, что пьетъ его, она вылила туда все сонное питье и затѣмъ приказала доставить подарокъ Бентъ-Анатъ томимымъ жаждою погонщикамъ. А сама она подошла къ кухонной палаткѣ и нашла передъ нею молодого ама-лекитявина, сидѣвшаго на землѣ вмѣстѣ съ прислужницами царевны. Едва завидѣвъ дѣвушку, онъ вскочилъ со своего мѣста и сказалъ:

— Я принесъ сегодня четырехъ прекрасныхъ куропатокъ которыхъ самъ убилъ, а для тебя эту бирюзу, которую мой братъ нашель въ скалѣ. Она приноситъ счастье и полезна для глазъ, доставляетъ побѣду надъ врагами и отгоняетъ дурные сны.

— Благодарю, сказала Уарда и, принимая небесно-голубого цвѣта камень, взяла руку юноши и немедленно повлекла его за собою въ темноту.

— Послушай, Салихъ! проговорила она тихо, какъ только сочла себя достаточно удаленной отъ другихъ:—ты хорошій мальчикъ, и прислужницы говорили мнѣ, будто ты сказалъ, что я—звѣзда, спустившаяся на землю, чтобы превратиться въ женщину. Такія вещи, говорятъ только про того, кого любятъ, а что ты дружески расположенъ ко мнѣ—это ты ежедневно доказываешь цвѣтами, которые приносишь мнѣ, когда сдаешь домоправителю дичь, убитую твоимъ отцомъ. Скажи же теперь: желаешь ли ты оказать великую услугу мнѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, царевнѣ? Да? Охотно? Я это знала! Теперь слушай. Другъ царевны Бентъ-Анатъ, который придетъ сюда въ нынѣшнюю ночь, долженъ быть укрытъ отъ своихъ преслѣдователей въ теченіи одного или, можетъ быть, нѣсколькихъ дней. Можетъ ли онъ или они, такъ какъ ихъ, пожалуй, будетъ двое, найти пріютъ и защиту въ домѣ твоего отца, стоящемъ, какъ я слышала, высоко на священной горѣ?

— Тотъ, кого я приведу къ моему отцу, сказалъ юноша:—бу-

детъ хорошо принять имъ; мы же всегда защищаемъ сперва своихъ гостей, а уже потомъ себя самихъ. Гдѣ эти незнакомцы?

— Они придутъ черезъ нѣсколько часовъ. Не можешь ли ты подождать здѣсь, пока мѣсяцъ будетъ высоко стоять на небѣ?

— Хотя бы до тѣхъ самыхъ поръ, когда зайдетъ послѣдній изъ всѣхъ тѣхъ тысячъ мѣсяцовъ, которые исчезаютъ за горою!

— Хорошо; подожди же по ту сторону ручья и введи въ свой домъ тѣхъ, которые трижды произнесутъ мое имя. Ты знаешь какъ меня зовутъ?

— Я называю тебя серебряною звѣздою, а они зовутъ тебя Уардою.

— Ты отведешь незнакомцевъ въ свою хижуну и, когда твой отецъ приметъ ихъ, ты придешь извѣстить меня. Я буду сторожить здѣсь, у двери палатки. Къ несчастію, я бѣдна и не могу наградить тебя, но твоего отца царевна сдумѣетъ отблагодарить по-царски. Будь остороженъ, Салихъ!

Дѣвушка исчезла и отправилась къ погонщикамъ арестантовъ, мимоходомъ пожелала имъ пріятно провести время и затѣмъ возвратилась къ Бентъ-Анатъ, которая заботливо погладила ея пышные волосы и спросила, отчего она такъ блѣдна.

— Ложись, ласково прибавила царевна:— у тебя лихорадка. Посмотри-ка, Нефертъ: можно видѣть движеніе крови въ синихъ жилахъ на ея лбу.

Между тѣмъ, погонщики пили, восхваляли царское вино и счастливый для нихъ день, а когда отецъ Уарды предложилъ дать по глотку и арестантамъ, то одинъ изъ пьющихъ воскликнулъ:

— Хорошо! пусть и эти злополучные скоты поспразднуютъ немало.

Рыжебородый наполнилъ большой сосудъ и подалъ его сперва одному поддѣльвателю надписей, скованному вмѣстѣ съ тѣмъ, который донесъ на него; затѣмъ подойдя къ Пентауру, шепнулъ ему. «Не пей и бодрствуй!»

Когда онъ хотѣлъ обратиться съ предостереженіемъ къ врачу, его предупредилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, который, подавая Небсехту сосудъ, воскликнулъ:

«Вотъ возьми, датель, выпей-ка глоточекъ! Посмотрите-ка, какъ онъ тянетъ! Теперь его заикающееся рыло очень прятко!»

У.

Около часа прошло для пирующихъ очень пріятно; затѣмъ ими начало овладѣвать утомленіе.

Луна еще не успѣла подняться высоко, какъ всѣ они уже спали, за исключеніемъ рыжебородаго и Пентаура.

Первый осторожно поднялся съ своего мѣста, сталъ прислушиваться къ дыханію своихъ товарищей, затѣмъ приблизился къ поэту разомкнувъ кольца, посредствомъ которыхъ цѣпь была прикрѣплена къ ногамъ его и Небсехта и попытался разбудить врача, но послѣднее оказалось напраснымъ.

— Слѣдуй за мной, сказалъ поэту отецъ Уарды и, взваливъ Небсехта къ себѣ на плечи, направился съ нимъ къ тому мѣсту у ручья, которое было указано ему Уардой.

Онъ троекратно произнесъ имя своей дочери; молодой амалагитянина тотчасъ явился, и воинъ поспѣшно сказалъ Пентауру: «Иди за нимъ. О Небсехтѣ я позабочусь».

— Я не оставлю его! рѣшительно проговорилъ Пентауръ.— Можетъ быть, вода заставитъ его очнуться.

Они выкупали врача, который вполнину проснулся и, то подерживаемый, то несомый своими спутниками, покачиваясь и спотыкаясь на неровныхъ горныхъ тропинкахъ, достигъ прежде наступленія полуночи цѣли путешествія—хижины амалагитянина.

Старый охотникъ уже спалъ; но сынъ разбудилъ его и сообщилъ ему то, что сказала и общала ему Уарда.

Не нужно было никакихъ общаній, чтобы обратиться къ гостепримству честнаго горца. Онъ съ благодушной пріятельностью принялъ поэта, уложилъ на цыновку крѣпко заснуваго Небсехта, приготовилъ Пентауру ложе изъ листьевъ и звѣриныхъ шкуръ, позвалъ свою дочь, приказалъ ей вымыть ноги путника и, увидя, въ какихъ онъ лохмотьяхъ, принесъ ему свою собственную праздничную одежду.

Пентауръ вытянулся на этомъ простомъ ложѣ, показавшемся ему мягче шелковой постели царицы, но сонъ не смыкалъ его глазъ.

Смѣнявшія другъ друга одуряющія чувствованія, которыя наполняли его сердце, были слишкомъ могущественны и неожиданны. Звѣзды еще сіяли на небѣ, когда онъ быстро поднялся съ своего ложа, уложилъ на него Небсехта и вышелъ на свѣжій воздухъ.

Около хижины охотника билъ изъ земли прохладный горный источникъ. Онъ направился къ нему и погрузился весь съ лицомъ въ студеную влагу. Ему казалось, что онъ долженъ очиститься до самой глубины души не только отъ пыли, наслоившейся въ теченіи многихъ недѣль, но также и отъ озлобленія и безсилія, позора и горечи, отъ сопривосновенія съ порокомъ и подлостью.

Когда онъ, наконецъ, возвратился въ хижину, то чувствовалъ

себя столь же чистымъ, какъ въ праздничное утро въ Домѣ Сети, когда, выкупавшись, облекался въ чистыя одежды изъ бѣлоснѣжнаго льна. Взявъ праздничное платье охотника, онъ надѣлъ его и затѣмъ снова вышелъ на воздухъ.

Блаженное чувство свободы и чистоты возвышало его душу, а воздухъ, которымъ онъ дышалъ, былъ столь свѣжъ и легокъ, что Пентауръ, точно несомый на крыльяхъ или на невидимыхъ рукахъ, сталъ подниматься по крутой тропинкѣ къ темной массѣ горной вершины.

Добравшись до небольшой равнины у подошвы гранитной вершины горы со многими расщелинами, онъ остановился. Снова послышалось ему вблизи журчаніе источника, трава, по которой онъ ступалъ была влажна и покрыта вѣжною блестящею ледяною корою, въ которой отражались постепенно угасавшія звѣзды.

Онъ устремилъ свои взоры къ вѣчнымъ небеснымъ свѣтиламъ, къ вершинѣ горы, въ глубину и въ даль.

Медленно расходился мракъ; сливавшаяся въ ночной тѣмѣ масса горы явственно выступила теперь со своею свѣтящеюся вершиною, вокругъ которой волновались облака, уподоблявшіяся дыму. Изъ оазиса и другихъ долинъ поднимался бѣловатый паръ; сперва онъ былъ тяжелый и густой, а потомъ расходился и легкими клубами неся вверхъ. Глубоко подъ нимъ рѣялъ въ воздухѣ большой орелъ—единственное живое существо кругомъ.

Торжественная, глубокая тишина окружала Пентаура, а когда орелъ спустился внизъ и исчезъ у него изъ глазъ, а туманъ также осѣлъ къ низу, то ему пришло въ голову, что онъ здѣсь одинъ стоитъ высоко надъ всѣми созданіями и ближе всѣхъ къ божеству.

Ему казалось, что здѣсь божество можетъ услышать самый тихій шопотъ его губъ; но сердце его было до такой степени переполнено благодарностью и благоговѣніемъ, что ему хотѣлось громкимъ пѣніемъ выразить всѣ охватившія его сильныя ощущенія.

Но уста его оставались сомкнутыми, и онъ молча преклонилъ колѣна для молитвы. Онъ благоговѣнно осмотрѣлся кругомъ: гдѣ былъ здѣсь востокъ, который въ Египтѣ рѣзко обозначался длинною цѣпью возвышенностей? Вонъ тамъ, гдѣ теперь надъ оазисомъ стало свѣтлѣть небо. Повѣялъ легкій вѣтерокъ, туманъ исчезъ, и показались рѣзкія очертанія зубчатой вершины священной горы Синая; ниже его стали все яснѣе выступать изгибы долинъ, и темная, слегка шевеливавшаяся поверхность моря.

Пентауръ хотѣлъ съ благодарностью воздѣтъ свои руки Аферѹ, божеству руководящему въ путяхъ; но онъ не въ состояніи былъ сдѣлать этого; безконечно ничтожными показались ему теперь боги, которыхъ онъ когда-то со вдохновеніемъ восхвалялъ предъ народомъ и которые только на берегахъ Нила имѣли смыслъ, силу и значеніе.

«Не передъ вами склоняюсь я, прошепталъ онъ:—здѣсь, гдѣ мой взоръ, подобно взору божества, охватываетъ все въ даль и ширь, здѣсь я ощущаю присутствіе Единого; здѣсь онъ близокъ ко мнѣ; здѣсь я призываю его и благодарю его!»

И онъ, еще разъ воздѣвъ руки вверхъ, сталъ громко молиться: «О ты, Единный, Единный, Единный!»

Больше онъ не сказалъ ничего, но его грудь наполняло великое пѣснопѣніе благодарности и хвалы въ то время, какъ онъ произносилъ эти слова.

Когда онъ поднялся на ноги, около него стоялъ человекъ высокаго роста, съ выразительными глазами, величественный, точно царь, несмотря на свою простую пастушескую одежду.

— Благо тебѣ, медленно проговорилъ незнакомецъ густымъ голосомъ.—Ты ищешь истиннаго Бога.

Пентауръ испытующимъ взглядомъ посмотрѣлъ на этого бородатаго человека, затѣмъ сказалъ.

— Теперь я узналъ тебя:—ты Мезу¹. Я былъ мальчикомъ, когда ты оставилъ Домъ Сети, но твои черты врѣзались въ мою душу. И меня, подобно тебѣ, Амени посвятилъ въ ученіе о Единомъ.

— Онъ не знаетъ его, задумчиво возразилъ собесѣдникъ Пентаура, устремивъ свои взоры на все болѣе и болѣе свѣтлѣющій восточный горизонтъ. Небо загорѣлось пурпурнымъ сіяніемъ и вершина гранитной горы, окутанная ледянымъ покровомъ стала горѣть и сверкать, подобно черному алмазу, отражающему въ себѣ солнечные лучи. Появилось свѣтило дня, и Пентауръ, обратясь къ нему лицомъ, сталъ молиться по своему обыкновению. Когда онъ поднялся на ноги, то увидѣлъ, что Мезу также молится, но только обратясь спиною къ сосѣду. Когда онъ окончилъ свою молитву, Пентауръ спросилъ его.

— Отчего ты отвернулся отъ бога солнца? Насъ учили обращаться къ нему взоры при его приближеніи.

— Потому, отвѣчалъ серьезный собесѣдникъ:—что молюсь иному божеству. Въ его рукахъ солнце и всѣ звѣзды уподобляются

¹ Египетское названіе Моисея.

дѣтскимъ игрушкамъ, земля—подножіе его, а море въ его глазахъ подобно каплѣ росы на этомъ стеблѣ.

— Научи меня познать того великаго, которому ты молишься! воскликнулъ Пентауръ.

— Ищи! возразилъ Мезу: — и ты найдешь его; такъ какъ ты избавился отъ горя и бѣды, а на этомъ самомъ мѣстѣ, въ утро, подобное сегодняшнему, позналъ и я его.

Проговоривъ это, Мезу повернулся и вскорѣ скала скрыла его отъ взоровъ задумчиво глядѣвшаго въ даль Пентаура.

Погруженный въ свои мысли, Пентауръ направился къ долинь и сталъ подходить къ хижинѣ охотника. Но вскорѣ онъ пріостановился, услыхавъ человѣческіе гелоса; но скалы скрывали отъ него приближавшуюся толпу. Наконецъ, появился сынъ пріитившаго его охотника, человѣкъ въ одеждѣ египтянина, женщина высокаго роста, рядомъ съ нею дѣвушка съ легкою поступью и другая женщина, которую рабы несли на носилкахъ.

Сердце Пентаура задрожало: онъ узналъ Бентъ-Анатъ и ея спутницъ.

Онѣ исчезли около хижины охотника, но Пентауръ, точно очарованный, приросъ къ скалистой стѣнѣ, съ трудомъ дыша, и долго, долго оставался неподвижнымъ.

Онъ не слышалъ приближенія и удаленія легкихъ шаговъ, не чувствовалъ, что солнце начало бросать раскаленные лучи на него и на порфирую скалу позади его, онъ не видѣлъ подхлывшей къ нему женщины, но, подобно глухому, къ которому внезапно возвратился даръ слуха, содрогнулся, когда его назвали по имени, и онъ узналъ, чьими устами было произнесено это имя!

— Пентауръ! вторично воскликнула Бентъ-Анатъ. Поэтъ широко раскрылъ свои объятія, царская дочь упала къ нему на грудь, и онъ привлекъ ее къ себѣ, точно хотѣлъ удержать навсегда, на всю жизнь.

Между тѣмъ, спутники царевны остановились передъ хижиню охотника.

— Я видѣла, какъ она бросилась къ нему на грудь, говорила Уарда.—Никогда не забуду я этого! Я такъ невыразимо счастлива!

— Ты спасла его и отплатила за сдѣланное тебѣ добро, это должно радовать тебя, сказала Нефертъ.

— Да не одно только это, сказала Уарда.—Я уже готова была отчаяваться, а теперь вижу, что боги справедливы и милосердны.

Жена Мены кивнула ей головой и со вздохомъ сказала:

— Да, оба они счастливы.

— И достойны этого счастья, заговорила дѣвушка. — Я представляю себѣ богиню истины въ образѣ Бентъ-Анатъ, а чело-вѣка, подобнаго Пентауру, не существуетъ въ цѣломъ Египтѣ.

Неферть съ минуту помолчала; затѣмъ, тихо спросила:

— Видала-ли ты Мену?

— Какимъ образомъ могло это случиться? Подожди, придетъ и ваше время. Мнѣ кажется, что сегодня я вижу будущее, точно пророчица. Но посмотримъ, все ли еще лежитъ и продолжаетъ спать врачъ Небсехтъ. Должно быть сильно питье, которое я налила въ мѣхъ съ виномъ.

— Это правда, замѣтила Неферть, слѣдуя за дѣвушкою въ хижину.

Тамъ врачъ все еще покоился на своемъ ложѣ и спалъ съ широко раскрытымъ ртомъ.

Уарда стала около него на колѣни, взглянула ему въ лицо и сказала:

— Онъ очень уменъ и знаетъ все, но какой у него теперь глупый видъ. Я разбужу его.

Она шаловливо вытащила стебелекъ изъ подстилки и при-воснула къ носу спящаго.

Небсехтъ поднялся, чихнулъ и продолжалъ спать, а Уарда громко раскохоталась своимъ серебристымъ смѣхомъ. Затѣмъ, покраснѣла и сказала:

— Это не хорошо. Онъ добръ и великодушенъ.

И съ этими словами она взяла руку спящаго, поднесла ее къ своимъ губамъ и вытерла потъ со лба Небсехта. Тутъ онъ проснулся, открылъ глаза и прошепталъ полусознательно:

— Уарда, милая Уарда.

Дѣвушка отплатилась и убѣжала. Неферть послѣдовала за нею.

Когда Небсехтъ снова уже стоялъ на ногахъ и оглядѣлся кругомъ, онъ увидалъ себя совершенно одинокимъ въ незнако-мой ему охотничьей хижинѣ. Онъ вышелъ на воздухъ, гдѣ встрѣтилъ свиту Бентъ-Анатъ, со страхомъ говорившую про то, что случилось и о томъ, чего должно ожидать.

ЛЮДИ И ПРАВЫ.

ОЧЕРКИ.

ДЕРЕВЕНСКІЕ ЖИТЕЛИ.

I.

Никогда русская деревня, русская деревенская глушь не пользовалась въ такой степени благосклоннымъ вниманіемъ образованнаго русскаго общества, какъ въ настоящее время. Одни, убѣдившіеся въ бесплодности своего интеллигентнаго существованія «въ одиночку», ищутъ или, вѣрнѣе, полагаютъ найти подъ соломенными деревенскими крышами недостающее имъ общество, среди котораго и надѣются растворить свои умственные и нравственные силы; другіе, напротивъ, полагаютъ найти подъ тѣми же крышами нѣчто совершенно новое, небывалое, спасительное, чуть не для всего человѣчества, погибающаго отъ эгоистически направленной цивилизаціи; третьи интересуются ею просто съ экономической точки зрѣнія, стремясь доподлинно знать степень выносливости деревенской спины и содержимое деревенскаго кармана. Но вообще, для каждой изъ заинтересованныхъ группъ совершенно ясно стало въ послѣдніе дни, что деревня начала играть значительную роль и что мой карманъ, мой умъ, мой душевный міръ—все это какъ будто находится въ самой тѣсной связи съ карманомъ, умомъ и душой деревни. Оказалось, что пустота деревенскаго кармана опустошить и мой; темнота деревенскаго ума не дастъ ходу и моему уму, довольно таки просвѣщенному, а иное направленіе деревенскаго духа можетъ парализовать въ конецъ, въ мгновеніе уничтожить громадныя жертвы и труды, страстно и безкорыстно направленные для блага всего человѣчества. Когда во главѣ этой удивительной деревенской силы стояла помѣщичья, никто и не думалъ считать деревенскія соломенные крыши за нѣчто достойное вниманія; нужно

было одно: извлечь из этой соломы, получить груды золота — и золото являлось, стоило только барину дать приказ бурмистру. Нужно было водворить гдѣ нибудь цивилизацію, умиротворить, смирить и проч., и проч. — опять-таки стоило приказать, и мужикъ бѣгомъ бѣжалъ черезъ моря и рѣки, черезъ Балканы и Альпы, забирался въ Парижъ, подѣзжалъ къ Англии... Все было возможно въ ту пору по единому мановенію... Но теперь, когда волшебный жезлъ изъ рукъ интеллигентныхъ переданъ самому мужику, когда онъ находится не у помѣщичьяго бурмистра, а у народнаго, волостнаго суда — теперь настало время подумать и о деревнѣ, тѣмъ болѣе, что за полштофъ водки, волостной судъ иной разъ можетъ и не пустить жезла въ ходъ, а тѣмъ самымъ неминуемо подвергнетъ опасности и карманное, и нравственное спокойствіе образованнаго человѣка... Необходимо поэтому знакомиться съ деревней, узнать, что въ ней есть, чего она хочетъ, о чемъ думаетъ и вообще, что она такое? Нижеслѣдующіе очерки ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ претензіи отвѣчать обстоятельно на всю массу вопросовъ, возбуждаемыхъ русской деревней, потому что это, дѣйствительно, только бѣглыя, случайныя замѣтки человѣка, такъ же какъ и всѣ, незнакомаго съ деревней, и только теперь задавагося и сознаваго необходимость этихъ вопросовъ. Кромѣ того, случайныя наблюденія этихъ замѣтокъ относятся къ извѣстной только мѣстности, къ извѣстной деревнѣ, съ которыми пришлось пишущему эти строки познакомиться въ извѣстное время, именно лѣтомъ нынѣшняго года. Дѣлать, поэтому, какіе-нибудь общіе выводы относительно вообще положенія деревни — не считается возможнымъ, хотя все, что случайно пришлось записать здѣсь, записано именно подъ вліяніемъ всей совокупности вопросовъ, возбуждаемыхъ деревней...

При болѣшемъ досугѣ и внимательности къ дѣлу, деревенька, о которой идетъ рѣчь, могла бы дать обильный и богатый матеріалъ, освѣщающій многое-множество смутныхъ представлений о русской дѣйствительности, такъ какъ въ ней счастливо соединились всѣ нравственныя и экономическія черты, отличающія наше переходное время: она знакома и съ желѣзной дорогой, которая проходитъ недалеко, и съ заработкомъ, благодаря дорогѣ, на чужой сторонѣ, и съ чисто-коммерческимъ направленіемъ новаго пошиба барининомъ, арендаторомъ — словомъ, знакома съ возможностью хлопотать и биться для себя, для улучшенія своего положенія и въ тоже время твердо помнить времена крѣпостнаго права въ лицѣ коммерсанта-барина. Есть тутъ старье-старикки, для которыхъ теперешній мужикъ — распут-

гнѣзъ и пьяница, которые ропщутъ и на напирокки, и на высьемѣ: смазные сапоги, и вообще на всё порядки, повторяя при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ: «а отчего? отъ того, что волю дали! страху нѣту»; есть и молодые, которые какъ будто чуть-чуть задумываются надъ вопросомъ: «да почему же въ самомъ дѣлѣ непремѣнно нужно такъ много страху?» Есть старухи, которыя, слышавъ о «некручинѣ», впадаютъ въ какой-то трагическій экстазъ, ходятъ какъ помѣшанныя, причитая и махая по вѣтру платкомъ и раздирая вамъ своимъ безпредѣльнымъ горемъ всю душу, и есть парни, которые не то, чтобы рвутся уйти въ эту некручину, а просто не считаютъ ея такимъ ужасомъ, о какомъ помнить старуха; знаютъ эти парни, что служба коротка, харчъ хорошъ, а уйти... отчего-жъ и неуйти отсюда?.. Словомъ, нѣсколько измѣненныхъ экономическія и общественныя условія въ положеніи мужика, измѣнившія — или нѣтъ — только-только начинающія измѣнять его нравственный міръ — могли бы быть наблюдаемы въ нашей деревенькѣ весьма успѣшно, если бы, повторяю, былъ досугъ, т.-е. не одно только лѣто, а годъ и два, и еслибы необходимой внимательности не препятствовала значительная личная отчужденность отъ деревни.

Запишемъ, поэтому, что можемъ.

Видъ деревеньки — видъ самый обыкновенный: холмистыя поля спускаются къ рѣчкѣ, не широкой и не глубокой, въ которой будто бы въ прошлыя времена было «страсть сколько» рыбы. Теперь рыба перевелась, изрѣдка попадается окунь, въ четверть величины, да уклейка, занимающаяся съѣданіемъ червяковъ на удочкахъ и потомъ быстро убѣгающая. Прежде были язи, лещи. «Вѣ какіе» — показываютъ сторожила (тѣ самые, что говорить: «страху мало»), растопыривая руки на аршинъ; щуки въ прежнее время попадались по три аршина и по два пуда въсу. Теперь ничего нѣтъ — ни язей, ни щукъ; плотва иной разъ побалууетъ мужика, а то больше все раки — да и раки-то не тѣ, что прежде, а маленькіе, корявые — «шутъ ихъ знаетъ, что за раки за такіе!» Подъ впечатлѣніемъ этихъ баснословныхъ разсказовъ о баснословныхъ язяхъ и щукахъ, современный деревенскій рыболовъ можетъ по цѣлымъ днямъ мучить себя, тщетно розыскивая по обѣимъ берегамъ рѣчонки клѣвыхъ мѣстъ, и тщетно надѣясь на хорошій уловъ — рыбы въ самомъ дѣлѣ нѣтъ, а если и есть, то она почему-то умѣетъ только съѣдать червяка и уходить... «Видно и рыба тоже ноне поумнѣла», невольно думаетъ современный рыболовъ. — «Какого веселаго червяка насадилъ — и то ничего!.. Въ прежнее время, она бы его такъ не оставила — эво, какъ ротъ-то бы разинула, совсѣмъ бы съ

*

нутромъ кричекъ тащить пришлось!—а тутъ вотъ наво... И червякъ ея не веселить». Веселый, жирный червякъ, въ самомъ дѣлѣ, напрасно пляшетъ на кричкѣ, напрасно юлить своимъ жирнымъ тѣломъ, отъ боли, конечно (отъ этого-то юленія его и называютъ «веселымъ») — «нѣтъ въ ношѣшней рыбѣ простоты, хитра стала и лукава»... Впрочемъ, иной разъ внезапно, недуманно-негаданно, вдругъ въ безрыбную рѣчонку забредеть, въ самомъ дѣлѣ, какое-нибудь чудовище, какой-нибудь необыкновенный язь, или какая-нибудь щука аршина въ полтора; откуда являются такіа чудища—рѣшительно никто не знаетъ, и хотя появленія ихъ рѣдки, года въ два разъ, но за то вполне достаточны, чтобы слѣдующія поколѣнія также твердо вѣрили въ необыкновенные уловы, какъ вѣрить въ нихъ, благодаря случаю, и деревенская старина...

Берега рѣчки кой-гдѣ покрыты кустарникомъ, кой-гдѣ болотце и песочекъ, а на днѣ густая трава, которую большею частію и вытаскиваютъ, вмѣсто рыбы, мужики, задумывшіе побродить (не раздѣваясь) съ бреднемъ. Въ рабочую пору, въ разныхъ мѣстахъ рѣчонки мокнуть деревянные бороны, перевернутыя длинными зубцами въ воду; вообще рѣчонка тиха, ничѣмъ не оживлена и молча и потихоньку течетъ въ тихихъ молчаливыхъ берегахъ. Называется эта рѣчонка Слѣпухой, а деревенька, лежащая по другой ея сторонѣ, зовется Слѣпое-Литвино; тутъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ деревенька, по рассказамъ сторожиловъ, ослѣпла Литва. Шла она несмѣтнымъ полчищемъ и, дойдя до этого мѣста, вдругъ ослѣпла и дальше не пошла...

Черезъ Слѣпуху перекинуть новый земскій мостъ, и его бѣлыя перила, бѣлыя новыя сваи невольно радуютъ васъ, говоря, что Слѣпое-Литвино—не совсѣмъ забытая деревня, что кто-то помнить о немъ... Съ середины моста открывается такой видъ: направо, на крутомъ пригоркѣ, среди густого березоваго парка, виднѣется господскій домъ; налево, по низменному берегу, виднѣется, также изъ-за березокъ красная крыша волостного правленія, соединеннаго съ несчастной деревенской «училищей», а подале, въ привѣтливой зелени березничка, виднѣется крылечко кабака. За этой передовой линіей построекъ, обитаемыхъ начальствомъ и интеллигенціей, тянутся жиденькія крестьянскія постройки, перемежающіяся плетнями, низенькими, почернѣвшими крышами амбарчиковъ и рѣдкими, въ двухъ-трехъ мѣстахъ, кучами небольшихъ деревьевъ. Даже и издали трудно отыскать въ массѣ деревянныхъ построекъ хотя какія-нибудь черты, которыя бы могли привѣтливо подѣйствовать на глазъ;

«кое-какъ», «ничего не подѣлаешь», и другія положенія, выработанныя человѣкомъ, у котораго дѣла идутъ плохо, пробуждаются и у васъ, посторонняго человѣка, при взглядѣ на деревеньку. Кое-какъ покрыты крыши, и солома на нихъ придерживается кое-какъ разбросанными по ней жердями; кое-какъ сплетены плетень, кое-какъ держится крыльцо и т. д. Даже не приходится и въ голову смотрѣть на это олицетвореніе «ничего не подѣлаешь», какъ на видъ или на пейзажъ; только взглянешь, и думаешь: «какъ бѣдно живутъ-то, эти литвиновскіе мужики!..» Не будь этого новаго моста, который говоритъ, что кто-то думаетъ объ этихъ глухихъ и бѣдныхъ мѣстахъ, тутъ было бы такому постороннему деревнѣ человѣку, какъ вы, читатель, какъ я — нестерпимо грустно и горько сразу, съ перваго дня по приѣздѣ сюда... Унылый, бѣдный видъ деревеньки, эта задумчивая тишина, царящая въ ней, этотъ ничѣмъ непривлекающій вашего испорченнаго разнообразіемъ взора, упорный, однообразный и безпрестанный трудъ, держащій деревеньку на бѣломъ свѣтѣ — все это, столь неподходящее къ вашимъ испорченнымъ вкусамъ, производило бы въ васъ гнетущее ощущеніе одиночества. Но вотъ, на ваше счастье, во 1-хъ — мостъ и хорошій мостъ, и ужъ вамъ легче. Его правильность и извѣстнаго рода изящность, старательность постройки и отдѣлки, почему-то понятнѣй для васъ и веселѣй, чѣмъ унылый видъ деревни. Но это еще не все. Пройдя мостъ съ одного конца на другой и приближаясь къ крестьянскимъ постройкамъ, мы, опечаленные серьезно-задумчивою бѣдностью деревни, съ радостію встрѣчаемъ настоящую мелочную лавку, съ настоящей вывѣской: изображены на ней, по обыкновенію, фрукты, виноградныя кисти, маленькій китаецъ и пр., и пр., а продается деготь, хлѣбъ, кнуты, возжи, лапти, ситецъ, двухкопечныя сказки и трехкопечныя папиросы съ одной стороны — это для крестьянъ, и съ другой — писчая бумага, почтовые марки и папиросы фабрики Петрова — для высшаго общества. Лавка эта выступила впередъ изъ ряда крестьянскихъ домовъ, помѣстившись на самомъ бойкомъ мѣстѣ: деревня у нея за спиной, направо господскій домъ, налѣво волость, кабакъ, а за волостью, въ разстояніи версты — церковь; кромѣ этого, мимо ея бѣжить почтовая дорога на уѣздный городъ N. По воскреснымъ днямъ, лавка эта набита биткомъ, но изъ двадцати человѣкъ, преимущественно женщинъ, присутствующихъ въ лавкѣ, покупаютъ (купятъ или нѣтъ это еще неизвѣстно) никакъ не больше двухъ. Остальные только смотрятъ, любуются красивымъ видомъ ситцевъ, папиросныхъ обертокъ и пр. И унылой деревенькѣ хочется также чего нибудь повеселѣй, по-

красивѣй, какъ хочется и вамъ, постороннему въ ней человѣку. И деревенку тоже тянетъ распрямиться иной разъ и освободиться на минуту отъ своей трудовой задушевности и исполненнаго серьезной заботы однообразія; но посторонняго, не-деревенскаго человѣка, человѣка долго жившаго въ городахъ, эта серьезная трудовая забота, вѣющая отъ всей деревенской обстановки, поражаетъ почти испугомъ. Ему тотчасъ нужно чего-нибудь полегче, понисходительнѣй этихъ серьезныхъ впечатлѣній; ему хочется куда-нибудь укрыться отъ нихъ, и ужъ онъ навѣрное, и безъ всякой надобности, прежде всего сунется въ лавку, если она есть, въ кабакъ, если нѣтъ лавки, въ волость, если нѣтъ кабака. Онъ радъ будетъ встрѣтить нѣмецкій сюртукъ, хорошо запряженный тарантасъ, даже обертку знакомаго табаку. Такъ пугаетъ русскаго, отторженнаго отъ народной жизни человѣка подлинный видъ и смыслъ обыкновеннаго деревенскаго угла.

Вотъ какова существенная черта производимаго деревнею впечатлѣнія: эта трусливость передъ деревней слагается изъ внешней усталости, одолевашей васъ (еще только чутьемъ понимающаго и только издали подавляемаго размѣрами деревенскаго труда), изъ страха передъ вашимъ безсиліемъ и, къ чести вашей, изъ капельки стыда... «Легче, легче!» вопіетъ все ваше существо, чего-нибудь не столь просто-правдиваго, не столь утомительно-яснаго, не такъ кротко и покорно стыдящаго васъ... Чего-нибудь поразнообразнѣй, пообильнѣй красками, чего-нибудь, что бы не такъ правдиво, сильно дѣйствовало на васъ и такъ дерзко не поднимало-бы вашей умѣющей «прилаживаться къ обстоятельствамъ» совѣсти.

Въ ряду такихъ облегчающихъ робкую интеллигентную душу, пристанищъ—первое мѣсто несомнѣнно занимаетъ помѣщичій домъ. Говорю на этотъ разъ не о томъ только помѣщичьемъ домѣ, который украшаетъ собою лѣвный берегъ Слѣпухи, но о помѣщичьемъ домѣ всѣхъ деревенскихъ угловъ земли русской. Рѣдкое, по истинѣ, явленіе представляютъ эти разсадники отечественной аристократіи. «Чего, чего не было тутъ въ старыя годы! Чего, чего, не насмотрѣлись эти стѣны», подумается всякому думающему о русскомъ житіи-бытіи, а между тѣмъ, въ десять-пятнадцать лѣтъ наидлиннѣйшія хроніки наидревнѣйшихъ господскихъ домовъ забываются почти безслѣдно, не оставляя въ окружающихъ не единого мало-мальски опредѣленнаго воспоминанія, то есть не оставляя, послѣ своего долготѣннаго процвѣтанія, почти ничего, что бы имѣло какую-нибудь законность, смыслъ, соотвѣтственный этой законности явленія и соотвѣт-

ественную иль видѣнную форму. Всмотрѣваясь въ длинную исторію помѣщичьяго дома, какъ нельзя лучше убѣждаешься, что въ однообразныхъ равнинахъ русской земли, въ однообразѣйшихъ, все подводящихъ подъ одно условіяхъ естественныхъ, нѣтъ возможности вытанцоваться, самостоятельно выдѣлиться изъ этого однообразія чему нибудь такому, въ смыслѣ привилегированности, что бы хоть капельку равнялось въ прочности привилегированности стараго европейскаго міра. Просторъ, то-есть въ буквальномъ смыслѣ обиліе мѣста для всѣхъ, и сознаніе этого простора, сознаніе того, что всѣмъ хватить (хотя бы даже на дѣлѣ и не хватало), не даютъ возможности развиться въ должной мѣрѣ тому азарту эгоизма, которымъ долженъ былъ жить человѣкъ. Я знаю, что у меня можетъ быть много, что у меня есть это многое, знаю, что современемъ оно будетъ мое, и я ужь въ половину покойнѣй, апатичнѣй переношу свое теперешнее затруднительное положеніе. А это сознаніе, что всѣмъ хватить, всегда жило и живетъ въ крестьянинѣ, и жило и живетъ и въ баринѣ; оно и теперь помогаетъ крестьянину изо дня въ день тянуть свою ляжку и позволяетъ ему быть иной разъ очень веселымъ въ самыхъ крутыхъ обстоятельствахъ; оно было коротко знакомо и барину, который долженъ былъ чувствовать, что только право казенное ограждаетъ его привилегированное положеніе, удерживаетъ за нимъ его тысячи десятинъ, и что безъ этого казеннаго огражденія, рѣшительно нѣтъ никакихъ резоновъ ему именно стоять выше послѣдняго мужика, такъ какъ и этотъ послѣдній мужикъ можетъ, никого и ничто не стѣсняя, ни у кого ничего не отнимая, имѣть тѣже самыя тысячи десятинъ. Именно у барина-то русскаго никогда и не было внутренней причины быть жаднымъ; воевать за свое привилегированное положеніе, потому что у него и враговъ-то не было никогда никакихъ. Въ высокой оградѣ своихъ казенныхъ правъ онъ сидѣлъ одинъ, точно въ тюрьмѣ, въ одиночномъ заключеніи, и положительно сходилъ съ ума. Кромѣ такихъ радостей, какъ въ самомъ дѣлѣ довольно хорошо разработанное служеніе ѣдѣ и блуду, что такое, хотя мало-мальски въ привлекательныхъ формахъ, осталось въ назиданіе потомству даже отъ періода такъ называемыхъ «настоящихъ» баръ?. Изъ тѣхъ отрывочныхъ разсказовъ о прошломъ, которые уцѣлѣли въ воспоминаніи старожиловъ, вы услышите объ ужасныхъ вѣрствахъ, возводимыхъ на степень удовольствія, объ ужасныхъ безчинствахъ противъ слабыхъ и бессильныхъ поповъ и чиновниковъ, безчинствахъ, тоже имѣвшихъ цѣлюпотѣху, развлеченіе, и волей-неволей увидите, что ни удовольствія, ни потѣхи, ни развлеченія не могъ выдумать нашъ феодалъ,

мало-малыши похожих на удовольствія здороваго человѣка. Цороть и наслаждаться этимъ—надо быть больнымъ; приклеить попу бороду къ столу—надо быть пьянымъ; вывалить становаго въ дегтю и пуку и потомъ заплатить ему—затѣя человѣка и не трезваго, и не умнаго. Мало того: нормально-ли, похоже ли на правду, быть другомъ человѣчества, человѣкомъ неописанной доброты, «хрустальной душой», и не сдѣлать такъ, чтобы объ этихъ дорогихъ качествахъ человѣческой души и мысли, словечко припомнилось народомъ, не говоря уже о реальныхъ фактахъ, которыхъ-настоящіе, не больные человѣколюбцы могли бы, при своемъ всемогуществѣ (по крайней мѣрѣ, въ своемъ собственномъ углу)—предъявить несмѣтное множество. Словомъ, не вдаваясь въ слишкомъ подробныя воспоминанія, касающіяся внутренняго содержанія и внѣшняго обличія старо-барскаго житя-бытѣя, невольно убѣждаешься въ томъ, что мозгъ, умъ, сердце плохо и нездорово дѣлали свое дѣло въ этихъ обширныхъ, когда-то блистательныхъ господскихъ дворцахъ, и, напротивъ, что-то напоминающее расслабленіе мозга, вялость, упадокъ всѣхъ силъ, болѣзненнѣйшіе нервныя припадки, характеризуетъ собою шумный періодъ боярскаго житя. Ничего похожаго нѣтъ на ястребинный образъ жизни голоднаго, но жаднаго европейскаго хищника, безжалостно рвавшаго куски изъ чужихъ рукъ и утаскивавшаго ихъ въ свои орлиныя гнѣзды. Это—ястребъ. А нашъ баринъ—я и не знаю что такое: сидитъ и объѣдается; сѣчетъ, отъ скуки заводитъ тяжбу, бьетъ направо и налево и всѣмъ за это платитъ, колобродитъ въ веселыя минуты, хоронитъ осетра, или опять-таки деретъ становаго, попа. Еще хуже баринъ-волтеріанецъ, революціонеръ, собирающій оброки, продающій крестьянскія деревни на съозъ. Какому ястребу придется въ голову разсуждать о благѣ цыплятъ и въ тоже время хватать ихъ? Ястребъ только хватаетъ и ѣстъ. Или: какой голубь будетъ пожирать своихъ птенцовъ, какъ пожиралъ ихъ голубь-революціонеръ баринъ, торговавшій крестьянами?.. Все это таило въ себѣ неправду, все говорило о недостаткѣ внутренней сильной и резонной причины быть феодаломъ, бариномъ... Не было причины стать во враждебныя отношенія къ черни не просвѣщенной, такъ-какъ она и не думала враждовать. Ну, какъ же, изъ чего, изъ какого матерьяла выдѣлать свое барство, при такихъ неблагопріятнѣйшихъ для неравенства условіяхъ?

Слѣбое-Литвино также, хотя очень и очень смутно, помнитъ это время «настоящихъ» господъ, но, кромѣ какого-то тяжелаго утомленія при уходѣ за этими капризными, больными и несчастными людьми, нѣтъ никакихъ прочныхъ воспоминаній объ этой

знаменитой порѣ, нѣтъ ни прѣчной злобы на прошлое, нѣтъ и добраго о немъ слова. Сторожъ, прослужившій, по необходимости, лѣтъ двадцать-пять въ сумасшедшемъ домѣ, долженъ былъ, мнѣ кажется, по окончаніи этой службы, точно также вспоминать ее, какъ вспоминать и мужикъ, т. е. утомленіемъ отъ этой возни съ людьми, которые не знаютъ что дѣлають и бьютъ его, несчастнаго, и плюють, и ругають, такъ зря, безъ всякой причины, «ни за что»...

Разсказывалъ мнѣ одинъ слѣпинскій мужикъ такую исторію про стараго барина или, вѣрнѣе, исторію своей конюшни...

«— При старомъ еще, при дѣдушкѣ, тоись, нынѣшняго то барина, Миколай-то Миколанча... При старомъ, стало быть, Миколай Миколанчѣ... Пошелъ къ нему мой дѣдушка лѣску попросить, конюшню надо, молъ, строить, Миколай Миколанчѣ. А у насъ скота было — слава Богу. Убрались мы съ хлѣбомъ къ Успенью, сплѣшить дѣдъ къ осени съ эстой съ конюшней. А ужъ и холода пошли; дѣдушка скотинку берегъ, не давалъ ей забнуть: бывало чуть не вся изба зимой набита скотомъ — про сѣнцы и сарай и говорить нечего... Вотъ онъ и пошелъ къ барину, чтобы разрѣшилъ лѣску. «На что?» — Конюшню хочу строить!.. — «Возьми!» Принялись мы рубить, возить, пошла у насъ стройка живымъ манеромъ; къ Покрову все начисто обладили, покрыли — и скотину ввели. И конюшню-то вывелъ дѣдъ — дворець. Почиталъ онъ скотинку — это что говорить: такой упокой ея уготовалъ — на! Вотъ хорошо. Вчера, такъ надо быть, поставили мы въ конюшню скотину, а вониче (будемъ такъ говорить) случилось мимо насъ барину ѣхать... Глянулъ такъ-то: — «А! что такое?.. чье?» — Наше, говорить дѣдъ; конюшенку, батюшка, вашими милостями, выстроили. — «А спрашивался, говорить?» — Какже, батюшка, спрашивался, это, т. е. насчетъ лѣсу... Помычалъ что-то баринъ про себя, а наутро, только что было умылись, помолились — хватъ, подѣзжаетъ къ нашему дому двадцать четыре подводы. «Что такое, зачѣмъ, Господи помилуй!» — Съ господскаго двора, свозить конюшню. Барину гонравилась. Туда-сюда — и Боже мой, и на глаза прикащики къ барину не пускають... Что будешь дѣлать?.. Свезли, сломали.. А ужъ заморозки пошли настоящіе, такъ что и совсѣмъ морозы по ночамъ бывали... Реветь скотина. На дѣдушкѣ лица нѣту... кинить у него ретивое... Опять идетъ къ барину, опять въ ножки... (что было-то)! Само собой — «лѣску!» Даль, и такъ, что еще больше далъ, чѣмъ въ первый разъ... Опять мы принялись топорами звонить, и опять вторая конюшня поспѣла. Вывели мы, братецъ ты мой, эво — какія палаты, обомшили и овонопатили — чи-

стий рай для скотины... въ верку сѣна вали хотъ тысячу пудовъ. Любилъ скотину дѣдушка, берегъ, покойникъ, дорожникъ... Не дѣли не прошло, опять ѣдутъ разбирать... Фу ты, Воже мой, что такое! Ужь тутъ чисто креста нѣту ни капельки... Ужь тутъ дѣдъ себя не помнилъ, взвылъ какъ волежъ, оцѣтенился — чисто звѣрь!.. «Понравилась»... да и шабашъ.—«Да, Господи помилуй! говорить дѣдушка:—ай у барина-то лѣску нѣту. Пусть прикажетъ, такіа ли мы ему хоромы выведемъ... Ужь что же это такое завидовать мужицкому добру?» Лютовалъ дѣдъ и убивался, а и вторую конюшню такимъ манеромъ сломали и перевезли на барскій дворъ.—«Ну, сказалъ дѣдъ:—ужь въ третій разъ не пойду кланяться этому безстыжему... Такъ-таки «безстыжимъ» и назвалъ при прикащикѣ при самомъ, ей-ей?.. На свои кровные выстрою — пушай тогда подойдетъ»... Заложились опосля того мой дѣдъ и отецъ, начисто, все до нитки заложили, коѣ распродали что было, сбили денегъ, купили за двадцать пять верстъ старую ригу, у одного дворника, лѣску прикупили — опять конюшня готова, и еще того лучше вышла, право слово... «Ну, теперь подходи, баринъ!..» сказалъ дѣдъ, и ждетъ что будетъ, лютей лютаго звѣря... Да и деревенскіе-то наши мужики тоже любопытствуютъ, что выйдетъ.. И случись что, именно постояли бы за дѣда. Идутъ.—«Къ барину ступай!»—«Ты опять выстроилъ конюшню?» — «Такъ точно!» — «Какъ-же ты у меня не спросилса?» — Тутъ и сталъ дѣдъ стыдить барина, не вытерпѣлъ: «завидущіе твои глаза, говорить, ай у тебя добра мало! скажи только, не такую конюшню выстроимъ... Вздумалъ разорять мужика... есть ли на тебѣ крестъ?.. Ужь не хочешь ли и эту отнять конюшню-то? Такъ опосля этого не баринъ ты, а безстыжій человекъ»... Такъ устыдилъ онъ барина, страсть, и топалъ-то онъ, и кричалъ-то, «живымъ зарю въ землю», и въ бороду-то лѣзъ, а дѣдъ все свое, пронялъ барина, вогналъ его въ стыдъ... И съ этого стыда-то приказалъ баринъ дѣдушку драть... Шибко били старика, а конюшню оставили... Поди вотъ что было!»

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, гулялъ я среди густого заброшеннаго парка стариннаго господскаго дома, долго никѣмъ необитаемаго. Былъ со мной старій-престарій дворовый человекъ, доживавшій вѣкъ въ покинутомъ домѣ, вмѣстѣ со старыми слѣпыми дворняшками. Шамкая зубами, онъ, во время нашей прогулки по парку, поминутно съ какою-то тоскою повторялъ:—«И что было... Чего-чего не было»... «Что было и что стало!» и т. д. И когда я спросилъ его:—«Чтожь такое было?.. то старикъ только махнулъ рукой и затрясъ головой, какъ бы подавленный массой воспоминаній...—«Что было-то? остановившись въ густой

алгеб, замаркал онъ, наконецъ, задавая этотъ вопросъ не столько мнѣ, сколько себѣ, и, помолчавъ, сталъ отвѣчать на него такъ..— «Были (крѣпкое, жалобно сказанное, слово) дубы...» (Молчить и жусть губами...) «Были (опять крѣпкое слово...) сиворцы!» Тутъ онъ затрясъ головою и долго жевалъ губами, потомъ вдругъ махнулъ обѣими руками, какъ бы представляя, что все провалилось съвозъ землю, и дребезжащимъ голосомъ возопилъ:— «Нѣтъ (кр. сл.) ни дубовъ, нѣтъ (кр. сл.) ни сиворцовъ!» Больше онъ ничего не говорилъ и не вспоминалъ, только трясъ головой и вздыхалъ. Унеслись и изъ его воспоминаній старыя барскіе годы. Мелькаютъ въ немъ какія-то тѣни прошлаго, бѣгутъ какъ тонкія, разорванныя вѣтромъ облака... Какіе-то сиворцы... дубы...

Великолѣпный, шумный, жирный періодъ настоящаго барства кончился, оставивъ по себѣ кучи законныхъ и незаконныхъ ртовъ и наследниковъ, мебель, пропитанную жиромъ человѣческимъ до того, что къ ней нельзя прислониться: непременно прилипнетъ либо плечо, либо затылокъ, облупленные амурь на потолкахъ, амурь и «псишэ» по стѣнамъ, громадный процессъ въ судѣ, и несметную кучу долговъ... Разбрелись музыканты, разбрелись повара, разбрелись по свѣту законные и незаконные рты, убѣдившись, что надо искать другихъ кусковъ, такъ какъ «на всѣхъ» оставшагося не хватаетъ. На весь этотъ порожденный праздностью, больною фантазіей, обжорствомъ людъ, въ самомъ дѣлѣ, приходилось такъ мало—если раздѣлить по ровну—что для каждого рта было гораздо удобнѣе, ссылаясь на имѣющееся получиться богатство, занимать у перваго ротозѣя, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ получать это богатство въ руки. Какъ сьумѣли извертываться эти потомки доблестныхъ отцовъ, очень хорошо расскажутъ вамъ процессы, и мы не будемъ останавливаться на этомъ подробно: неумѣніе дѣлать, неумѣніе думать и безсиліе не только побѣдить, но даже и бороться съ громаднымъ апетитомъ изуродованной плоти—вотъ вообще характерныя черты, наследованныя потомками. Печальное, горькое зрѣлище, неперестающее и до сихъ поръ занимать видное мѣсто въ обличьѣ русской жизни...

Покуда разбрелся весь этотъ погубленный народъ, покуда онъ пристроивался такъ или сякъ къ разнымъ мѣстамъ и кускамъ, барскій домъ стоялъ одинъ-одинешенекъ, полегоньку опустошаемый невѣдомо какимъ людомъ и быстро разрушаемый природой. Разрушались гроты, мостики, монплезиры; отваливались деревянныя лиры и вѣнки съ карнизовъ и балконовъ, и вѣтеръ вышибалъ стекла изъ итальянскихъ и венеціанскихъ

ранъ. Долго стоялъ въ такомъ видѣ домъ. Наконецъ, гдѣ-то послѣдовало какое-то рѣшеніе, гдѣ-то объявлена продажа, и домъ попалъ въ чьи-то новыя руки.] Началась новая исторія новыхъ владѣльцевъ.

Владѣлецъ, послѣдовавшій за настоящими господами и баринами—всегда почти не настоящій баринъ, а человѣкъ, добившійся возможности жить по барски. Пишущему эти страхи удалось видѣть довольно характерный экземпляръ такого «новаго барина». Съ раннаго дѣтства, человѣкъ этотъ, происходившій изъ мѣщанскаго семейства, зналъ нищету и нужду; лѣтъ съ десяти онъ уже сидѣлъ въ кабакѣ, съ пятнадцати занималъ какую-то должность по откупу. По собственному его выраженію, онъ тридцать лѣтъ ходилъ «по горло въ грязи» въ откупныхъ подвалахъ, опасая народъ, безъ жалости и снисхожденія отбиваясь взятками отъ судейскихъ; словомъ, вращаясь въ самомъ темномъ омутѣ самыхъ темныхъ условій русской жизни. Человѣкъ этотъ видалъ всякіе виды; и онъ подводилъ, и его подводили, и онъ упекалъ, упекали и его; гдѣ кулакомъ, простымъ ударомъ, коломъ, гдѣ деньгами, гдѣ обманомъ, проницательствомъ, хитростію вывертывался онъ изъ всякихъ положеній, затрудненій и къ сорока годамъ вышелъ въ люди, то-есть сталъ одѣваться по барски, ѣздить въ коляскахъ по губернскому городу и творить блудъ. Ростъ, сила видѣннаго мною субъекта были громадны. Это по истинѣ былъ исполинъ, человѣкъ, который въ 40 градусные морозы могъ править лошадьми безъ рукавицъ, причемъ руки не только не мерзли, но, напротивъ, отъ нихъ валилъ паръ, какъ отъ кипящаго самовара... Обильно покрывавшія лицо и руки желто-синія веснушки и подстриженная жесткая, какъ проволока, рыжая борода, маленькіе сѣрые глаза въ бѣлыхъ рѣсницахъ—всегда выдавали его мужицкую породу, въ какіе бы костюмы онъ ни наряжался и въ какіхъ бы коляскахъ ни разъѣзжалъ. Это дѣйствительно и былъ мужикъ, попробовавшій быть и жить баринномъ. Наблюденія его надъ русскою жизнію были необыкновенно тонки, вѣрны, господъ, владающихъ «нашимъ братомъ», онъ понималъ тонко, вѣрно, выражался зло и метко, какъ умный мужикъ; осмѣивая и презирая то, отъ чего онъ отбился, всю эту гадость сорока лѣтъ своей жизни, онъ, дѣлаясь баринномъ, не только не былъ утомленъ жизнью, не только не усталъ, но, напротивъ, вошелъ въ самый аппетитъ жизни, въ свое удовольствіе, радуясь счастью положенія, въ которомъ можно смѣло сказать себѣ: «знать ничего не хочу, живу въ свое удовольствіе»... «Отпалавъ» (собственное выраженіе гиганта) онъ имѣніе и зажилъ по барски... но, увы!.. нѣтъ у насъ особенныхъ формъ

барской жизни... Ёшь, пей, блуди—вотъ и все, что могли рекомендовать новому барину его предшественники. Какъ мужикъ, кулакомъ выбившійся въ люди, онъ никоимъ образомъ не могъ бы развлекаться волтеріанствомъ или «раздраженіемъ плѣнной мысли». «Что за чепуха!.. Изъ мужиковъ только-только выбился, да опять въ мужики—ну, ужъ это извините: ты мѣй подай, а тамъ я знать не хочу...» сказалъ бы онъ всякому, кто бы сталъ учить его барскому поведенію. Земства и прочія общественныя обязанности онъ давно понялъ въ простой формѣ взноса денегъ и рѣшительно не имѣлъ охоты возжаться со всѣмъ этимъ. «Слава Богу, видали на своемъ вѣку... довольно!..» «Чего-нибудь эдакаго!..» хотѣлось ему, что бы не напоминало прошлаго. А прошлое это отозвалось на немъ не однимъ презрѣніемъ къ людскому стаду; сознание горькаго горя этого прошлаго всей своей суммой отразилось на немъ по-мужицки, по-русски: «запоемъ». Этой болѣзнію онъ разъ въ годъ страдалъ въ сильнѣйшей степени, но объ этомъ послѣ... Задача великана состояла въ томъ, чтобы жить въ свое удовольствіе, для себя, и притомъ не по мужицки: «нѣтъ ли чего получше». Мгновенно идея великана была понята, домъ наполнился знатоками не мужицкаго препровожденія времени, и въ пять лѣтъ, по его собственному выраженію, онъ проѣлъ все имѣніе... На мой вопросъ, какимъ это образомъ можно въ такое короткое время «проѣсть» такую «прорву» денегъ? гигантъ отвѣчалъ:

— Какъ проѣдаютъ-то?.. Наживать трудно, а проѣсть, прожить—это, сдѣлайте милость, сколько вамъ будетъ угодно.

— Ну, какъ же, какъ?

— Да вотъ какъ, напримѣръ. Теперь вотъ отъ моего дома до губернскаго города пятьдесятъ верстъ считается... такъ или нѣтъ?

— Такъ.

— Ну, вотъ извольте потрудиться проѣхать эти пятьдесятъ верстъ не три или четыре часа, а примѣрно, недѣлку или полторы... И, при всемъ томъ, замѣтите, лошади у насъ первый сортъ—тройки призовныя... На эдакихъ лошадяхъ двадцать верстъ въ часъ—вотъ какая ѣзда, а мы ѣдемъ недѣлю или двѣ...

— Что же вы дѣлаете?

— Больше ничего, что ѣдемъ въ свое удовольствіе... Компанія насъ тутъ собралась питуховъ, лучше требовать нельзя—ну, и... И у кабаковъ, и у поповъ, и съ бабами, и подъ горкой, и на лужочкѣ, и на горкѣ, и въ кусточкахъ, вездѣ, гдѣ полюбится, остановки, закуски, пѣсни, да по рюмочкѣ, да пошлемъ за шампанскимъ, и такъ въ продолженіи всего времени—глядь, ты

идеи четыре-пять и разсортировать въ разные мѣста... Какъ продали?... Захотѣть только... Разъ изъ Москвы метлу привезъ, совершенно даже изъ помойнаго ведра метла была эта, а сироте, во сколько обошлась — и акнешь...

— Зачѣмъ же метлу-то?..

— Зачѣмъ? Фантазія — больше ничего.. И не припомнишь всего-то, почему и что... Вступитъ вотъ въ башку — давай, метлу ли, что ли.. ну и... Разъ тоже на свадьбѣ у одного богача, въ Тѣстовскомъ трактирѣ, въ Москвѣ, обѣдъ дѣлать, на столъ на парадный влѣзъ, да какъ трахнулъ всѣмъ корпусомъ — на три съ половиной тысячи и набилъ за одинъ махъ... стекла, да хрустало одного... Фантазія, ничего не подѣлаешь...

Разговоръ нашъ происходилъ въ большой парадной залѣ. Но, увы! это уже были остатки всякаго великолѣпія и прошлаго, и нынѣшняго; гигантъ уже все проѣлъ и добивался продажи объѣдковъ, искалъ случая «всузить» ихъ кому-нибудь, даже отдавалъ домъ въ аренду за недорогую цѣну, въ полтораста рублей (это и было причиною нашего знакомства). Парадная зала какъ нельзя лучше рисовала новое поколѣніе людей своего удовольствія. Весь полъ, выкрашенный когда-то масляной краской, былъ изожженъ окурками папирсъ и сигаръ, очевидно, въ изобиліи усѣбавшихъ полъ четвероугольниками, свидѣтельствовавшими о карточныхъ или питейныхъ столахъ; къ изображеніямъ амуровъ и психѣ прибавились изображенія того же направленія, но проще выражавшія мысль. Это были чуть не лубочныя картинки, изображавшія или исключительно голыхъ женщинъ, или что-нибудь близко касающееся того же предмета. Жена застаётъ мужа, цалующаго кухарку; офицеръ, съ брѣями въ рукахъ, спрятался за дверь, въ которую входитъ старикъ, очевидно, тоже мужъ; у кровати видны женскіе башмачки. Словомъ, полъ и стѣны говорили, что дѣлали люди, переломавшіе, въ буквальномъ смыслѣ, всю мѣбель; теперь она нетолько липла, но валилась при каждомъ прикосновеніи; ни къ стулу, ни къ столу нельзя было прикоснуться — все распатано громаднымъ напившимся и наѣвшимися народомъ...

Разсказывая свои подвиги, великанъ былъ скученъ, и задумчиво смотрѣлъ въ окно; снѣгъ покрывалъ глубокими сугробами видѣвшіеся изъ окна балконъ, почти вырубленный садъ и осѣдніе холмы.

— Вотъ тутъ былъ дѣсокъ, говорилъ повременамъ гигантъ, какъ бы самъ съ собой. Я въ это время разглядывалъ комнату. — Десять тысячъ взялъ... Проѣлъ... Тамъ вотъ... тридцать... Семь

съ половиной—вонъ ваялъ за кусокъ... ха-арроній борсеничекъ!.. Много тоже тамъ оставлено...

— А вѣдь скучно вамъ, должно быть, ото всего этого? спросилъ я.

— Неужто нѣтъ? Смерть какая тоска...

— Это темерь... А тогда?

— И тогда забирала—ухъ какая меланхолия... Больше от нея и кутили-мутили.. Подумаешь, подумаешь—все суета. Да такъ-то затоскуешь, такъ-то запечалишься... Прежде я запою-то пилъ со зла; набьется въ душу разнаго гаду, разнаго пакоствеваго составу—эхъ идожь бы тебя ваялъ—и рванешь все съ корнемъ, съ маху, мѣсяць прогоришь въ кипучей смолѣ—и готовъ, пошогъ въ ходъ!.. А тутъ, безъ дѣла-то тоска, пусто, чистая смерть, слабость, ну не знаю! что хуже всякой муки... Ничего на душѣ нѣтъ... и не знаешь за что прицѣпиться, не знаешь какъ, съ чего запой-то начать.

И тутъ разсказалъ онъ мнѣ про пріемъ, который онъ употреблялъ въ такія минуты для того, чтобы «разчать» запой. Не находя въ себѣ ни въ чемъ, ни къ чему ни аппетита, ни влеченія, онъ прибѣгалъ къ такому средству; ѣхалъ онъ обыкновенно для этого въ Москву, чтобы не опозориться въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ, или даже въ деревнѣ, и тамъ, вставъ чѣмъ свѣтъ, шелъ въ кабакъ, первый какой откроется, выбирая самое пьяное изъ московскихъ мѣстъ: Грачовку, Солянку и т. д. Въ такихъ мѣстахъ толпится всегда великое множество оборваннаго, безночлежнаго народа, воровъ, пьяницъ и проч. Иные изъ нихъ цѣлую ночь мерзли на морозѣ, иные не ѣли, иные сума сходать отъ головной боли и, трясясь, ищутъ случая опохмѣлиться. Вотъ эту-то жажду выпить для тепла, для похмѣлья, и разыскивалъ великанъ для себя, для того, чтобы можно было «разчать». Войдя въ кабакъ, онъ садился у двери, предварительно купивъ штофъ водки и поджидалъ этихъ жаждущихъ... Горькій пьяница—первый посѣтитель кабака, стало быть, ждать приходилось недолго. Всякій такой несчастный, войдя, начиналъ Христомъ Богомъ молить цѣловальника дать ему выпить, ради Христа; начиналась сцена, полная истиннаго ужаса: цѣловальникъ отказывалъ, а несчастный бился и мучился, и умолялъ... Эту сцену великанъ созерцалъ до тѣхъ поръ, пока одеревенѣлое воображеніе его хоть чуть-чуть начинало понимать мучившую несчастнаго жажду. Тогда онъ звалъ его къ себѣ и давалъ водки, страстно любясь этой жадностію, съ которою несетъ пьяница водку къ губамъ, проливая и боясь пролить, и еще пристальнѣй наблюдалъ самую минуту питья и слѣдующее за

нимъ ощущеніе необыкновенной радости. На чужомъ примѣрѣ, на чужой жадѣ, великанъ воскрешалъ въ себѣ самоѣ ощущеніе этой жажды. Иной разъ нужно было извести до шести полуштофовъ, перепоить десятки, чтобы въ горлѣ и во всемъ существѣ великана проявились вызванные воображеніемъ симптомы такой же самой страстной жажды! Такъ ослабъ онъ отъ жизни на барскую ногу. Прежде такихъ возбужденій не требовалось. Старухи пьяныя особенно сильно дѣйствовали на него, такъ какъ мученія ихъ бывали, по женской слабости, безпредѣльно сильнѣе мученія пьяныхъ мужчинъ; послѣ двухъ-трехъ старухъ, у великана непремѣнно захватывало горло и онъ принимался «садить» на двѣ на три недѣли. Въ такія минуты онъ пропивалъ не болѣе десяти рублей, всего на всего. Мужичкіе недуги недорого обходятся. Грабили его въ такомъ видѣ, убивали и не добывали несчетное число разъ, но Богъ хранилъ его, и до сихъ поръ, онъ все еще слава Богу..

Женатъ онъ въ теченіи своей жизни былъ три раза, причеиъ первая его жена была за нимъ «за третьимъ», вторая—за вторымъ, и только третья была дѣвушка, когда онъ ужъ успѣлъ быть два раза женатымъ; отъ всѣхъ этихъ браковъ у него были дѣти; кромѣ того, у каждой жены его тоже были дѣти отъ предшествовавшихъ великану мужей, и все это въ высшей степени разнообразное населеніе, включавшее въ себѣ дѣтей полковничьихъ, чиновничьихъ, купеческихъ, поповскихъ и т. д. и т. д. до безконечности, кромѣ дѣтей прижитыхъ, между прочимъ, и мужчинами, и дамами этого круга—все это, благодаря великану, ставшему бариномъ, сгустилось, въ цвѣтущія времена житья въ свое удовольствіе, въ старыхъ покояхъ господскаго дома, одержимое ненасытною жаждою ничего недѣланія и удовольствій. Благодаря широкому распутству великана, многое множество этого неизвѣстно зачѣмъ нарожденнаго народа навѣки погибло, подышавъ атмосферой ничѣмъ нестѣсняемаго скотства и разбредшись по лицу земли русской, послѣ того какъ великанъ «пробѣлъ» всѣ свои «вольности» и угодыя, еще болѣе увеличило собою густой слой то наглою, то безпомощной жадности, который и безъ того довольно густо осѣлъ послѣ перваго періода жизни *барскихъ хоромъ*.

Черты настоящей и ненастоящей барской жизни, приведенныя здѣсь, несомнѣнно односторонни и не исчерпываютъ всего содержанія широкаго обихода барскаго дома; безъ всякаго сомнѣнія, было же что-нибудь и другое въ этихъ хоромахъ, но бѣда въ томъ, что въ народномъ сознаніи почти ничего не осталось отъ этихъ другихъ «хорошихъ» чертъ господскаго быта.

Были эти черты и есть, но народъ не видалъ ихъ, а если и видѣлъ, то вліяніе ихъ на него до-нельзя ничтожно сравнительно съ вліяніемъ грубо и прочно запечатлѣннаго представленія, характеризуемаго двумя выше-приведенными періодами исторіи господскаго дома.

Не имѣя съ крестьяниномъ коммерческихъ дѣлъ, не имѣя официальной власти, не покупая или не продавая крестьянину, баринъ никоимъ образомъ не можетъ найти почти ни малѣйшей связи съ крестьяниномъ, и покуда не съѣстъ съ нимъ двадцати пудовъ соли, едвали можетъ рассчитывать на искренность съ его стороны, даже въ самомъ простомъ обыкновенномъ разговорѣ. У крестьянина прочно сложилось какое-то въ самую кровь вѣвшееся убѣжденіе, что баринъ не понимаетъ ничего житейскаго, ничего изъ того, что держитъ человѣка на землѣ, что заправляетъ его жизнью, душой и душой. Баринъ можетъ купить, потому что у него есть деньги, можетъ продать, потому что имѣетъ товаръ, можетъ заказать и заплатить за это — словомъ, можетъ дѣлать все, что могутъ сами собой дѣлать деньги, и во время этихъ операцій, вообще, во время денежной связи барина съ мужикомъ, могутъ существовать между тѣмъ и другимъ, повидимому, довольно близкія отношенія, могутъ происходить «понятные» обоимъ разговоры, хотя и далеко неискренніе, никогда неподпускающіе барина близко къ правдѣ своихъ мыслей и чувствъ. Но какъ только баринъ возмечталъ, основываясь на этомъ денежномъ знакомствѣ съ народомъ, продолжать это знакомство такъ, просто, какъ человѣкъ, какъ продолжаетъ всю жизнь быть знакомъ мужикъ съ мужикомъ — тутъ конецъ всякой связи. «Что-жь можетъ значить баринъ безъ денегъ, въ то время, когда онъ не заказываетъ, не покупаетъ и не продаетъ? Нешто онъ что понимаетъ?» Прощлая исторія барина какъ нельзя лучше укрѣпляетъ въ воображеніи крестьянина убѣжденіе въ полной внутренней безсодержательности его, какъ человѣка; усталость отъ его неразумныхъ капризовъ, колобродства и т. д., словомъ, отъ всѣхъ проявленій большого господскаго тѣла и ума — это утомленіе уничтожаетъ въ крестьянинѣ всякую охоту взглянуть на этотъ вопросъ съ какой-нибудь другой стороны, какъ-нибудь иначе понять барина. Переставъ быть заказчикомъ, покупателемъ, нанимателемъ или чиновникомъ, баринъ дѣлается для мужика ничѣмъ и съ ужасомъ принужденъ видѣть, что у послѣдняго нѣтъ и тѣни увѣренности, что съ этимъ существомъ можно имѣть хотя такія же частныя отношенія, какъ и съ своимъ братомъ — односельчаниномъ... Необходимо дьявольское терпѣніе, продолжительное и настойчивое

желаніе фактически, на дѣлѣ доказать пониманіе бариномъ простыхъ человѣческихъ отношеній, чтобы мужикъ началъ вѣрить, что и въ баринѣ сидитъ такой-же человѣкъ, какъ и въ немъ. Попробуйте зайти вотъ въ эту крестьянскую кузницу, которая дымится на сосѣдномъ пригоркѣ близъ дороги. Вамъ хочется поговорить съ крестьянами, посмотрѣть на работу, на трудъ, узнать сколько онъ даетъ доходу и т. д. У низенькой квадратной двери кузницы собралось нѣсколько крестьянъ; одни ждутъ своихъ подковъ, своихъ лемешей, другіе пришли такъ, какъ и вы. До тѣхъ поръ, покуда вы не приходили, у всѣхъ шелъ и дѣловой, и шуточный разговоръ; и о работѣ говорили они, и о податахъ, и пошутили надъ молодымъ парнемъ, только-что женившимся, и пожали Ивана мельника, у котораго такой-то мужикъ совсѣмъ отбилъ жену и т. д. Въ это время приходите вы, баринъ; вамъ не нужно ни лемешей, ни подковъ; вы пришли такъ, какъ и два-три другіе крестьянина, стоящіе здѣсь же; они остановились тутъ побалакать, между дѣломъ, какъ и вы, вышли изъ дома, также между дѣломъ. Но, увя! съ вашимъ приходомъ балаканье прекращается: «что вы тутъ понимаете, это не ваше дѣло»; пристать къ разговору, который только-что шелъ, вамъ нѣтъ возможности. Вамъ не надо ни лемешей, ни подковъ, забавлять вы ничего не хотите... чего же вамъ нужно? Никогда, никому изъ находящихся въ этой кучкѣ не придетъ въ голову, что вамъ хочется или надо просто поговорить объ обыкновенныхъ житейскихъ вещахъ, никто и не думаетъ подозрѣвать въ васъ какой-нибудь интересъ къ личному дѣлу крестьянъ и никто не думаетъ интересоваться вашимъ личнымъ барскимъ дѣломъ. Что-жъ съ вами дѣлать? «Угостите, баринъ, кузнецовъ-то... Право слово!...» Другими словами, «что пришелъ-то?.. Хоть полштофъ съ тебя, шатущаго, разгрызть»... Или еще хуже: — «Митрофанъ! представь штучку — баринъ тебѣ поднесетъ!.. добѣръ баринъ-то!..» — «Ужь да-аберь!» хоромъ подтверждаютъ другіе присутствующіе, явно играющіе комедію, и рѣшительно нежелающіе видѣть въ васъ человѣка... Баринъ! Что жъ у него въ головѣ? Вѣрно какой-нибудь вздоръ!... Представь ему, Митрофанъ штучку — все намъ по стаканчику... Не подозрѣвая въ васъ никакихъ серьезныхъ думъ, заботъ, желаній, компанія, непременно «для васъ» (если только надѣется достигнуть результата, въ видѣ водки), начнетъ глупый скоромный разговоръ, и вы видите, что этотъ разговоръ именно для васъ, для барина, котораго «интересуетъ только разная мерзотина. Ничего подобнаго никто изъ нихъ не позволитъ себѣ съ своимъ братомъ-крестьяниномъ, который бы точно также при-

цель и съѣзъ у двери кузни на камушки. Потомъ, со временемъ, вы добьетесь отъ нихъ человѣческихъ отношеній, если съумѣете понадобиться имъ безъ заказовъ и безъ денегъ, но на это надо много времени и труда, а такъ, съ перваго раза, безъ заказа и покупки, у васъ нѣтъ никакой связи. Пошли вы по деревнѣ— это вы за бабами, за дѣвками. Говорить съ вами — можно, только надѣясь на угощеніе, и только сальности и глупости. Переставая быть заказчикомъ и покупателемъ, баринъ, просто какъ человѣкъ, способенъ только на глупыя желанія и глупыя поступки, словомъ, на что-нибудь такое, что не придетъ въ голову ни одному крещеному человѣку— вотъ первое впечатлѣніе, производимое на мужа баринномъ, когда онъ подходитъ къ нему просто такъ, по человѣчески.

Чтобы яснѣе представить всю эту страшную трудность борьбы съ невѣріемъ крестьянина въ здравость господской мысли, въ человѣчность господскаго «нугра», мы въ одномъ изъ слѣдующихъ очерковъ представимъ отрывокъ изъ памятной нашей книжки, посвященный этому предмету. Теперь я упомяну только о томъ, что дѣйствующее лицо этого отрывка, лицо дѣйствительное, до сегодня не можетъ забыть фразы, сказанной ему однимъ крестьяниномъ, когда борьба эта кончилась, когда они поняли другъ друга и когда мужики успѣли выбить изъ упомянутаго лица все, въ самомъ дѣлѣ, не нужно барское. Фраза эта не забывается упомянутымъ лицомъ, такъ какъ означаетъ наивысшую похвалу человѣку, пожелавшему сблизиться съ народомъ. «Ну, Васильичъ, сказалъ крестьянинъ покоренному барину:—прямо скажу, не бариномъ бы, а мужикомъ тебѣ быть... Вотъ тебѣ мое слово!» Эта черта крестьянскаго взгляда на барина ужасно горько отозвалась на третьей формациі владѣльцевъ барскаго дома, послѣдовавшихъ за проѣвшимъ все случайнымъ баринкомъ или, вѣрнѣе, простымъ «ѣдакомъ». Возвращаясь къ исторіи великана, мы должны упомянуть о томъ, что желаніе его «всучить» свои объѣдки какому-нибудь дураку (буквальное выраженіе) — исполнилось какъ нельзя лучше. Среди народнаго барскимъ домомъ народа не все были червонные валеты и рты, были люди и другого типа, которые, не страдая ненасытностію appetitовъ желудка, не менѣе сильно страдали умственной жаждой. Именно страдали, болѣли: трудно быть здоровому, родившись въ этой жирной тюрьмѣ. Эти люди — имъ же нѣсть числа — поняли, что въ положеніи русскаго барина нѣту дѣла, нѣту жизни, что ее надо искать въ трудѣ, вблизи нищеты и невѣжества. Хорошая народная и именно русская черта русской души, не находившей ни-

*

какихъ резоновъ для своей привилегированности, сказывалось въ этомъ направленіи мысли потомковъ барства. И вотъ началось движеніе въ деревню. Съ однимъ изъ такихъ-то людей и познакомился случайно великанъ въ губернскомъ городѣ, гдѣ-то въ трактирѣ. Росписалъ ему свои объѣдки въ человѣческомъ и минералогическомъ смыслѣ—и всучилъ... Живетъ онъ теперь тихо, въ Москвѣ, съ маменькой, старой старухой, и маленькой дѣвочкой отъ послѣдней жены, и Бога благодарить, что не погибъ. Не та участь постигла барина, не хотѣвшаго быть бариномъ—участь, постигшая не одного изъ людей, руководимыхъ такимъ же нежеланіемъ барствовать, и не могшихъ съ этимъ барствомъ раздѣлаться. Да, никто изъ нихъ не хотѣлъ быть бариномъ, но все таки бариномъ оставался. Гибель такихъ людей особенно драматическая...

Завладѣвъ имѣніемъ великана, новый баринъ поселился только въ двухъ комнатахъ, сталъ носить мужицкіе сапоги, полушубокъ, принималъ крестьянъ какъ своихъ друзей, и платилъ дороже, чѣмъ платятъ сосѣди. Но мужикъ не вѣрилъ ему, такъ какъ и сосѣдямъ; водку пилъ, деньги бралъ, а смотрѣлъ какъ на барина и не полагалъ между нимъ, желавшимъ имъ добра, и другимъ, который просто ихъ нанимаетъ и не пускаетъ дальше задняго крыльца, никакой разницы. Баринъ чувствовалъ себя глухимъ, несмотря на то, что, для примѣра, рылъ и канавы, и удобрялъ востями, и наглядно показывалъ такими опытами преимущество знанія передъ незнаніемъ. Всѣ эти дренажи мужикъ проивзвелъ, молотилкамъ удивлялся и хвалилъ, но, разсуждая, что все это *не наше* и не для насъ, нисколько не чувствовалъ отъ нововведеній никакой пользы для себя и не трудился доказать новому барину, что его благія намѣренія приносятъ плоды, что жертвы его (баринъ отдалъ на эти нововведенія все свое состояніе) не пропадаютъ даромъ. Дѣлай что хочешь, плати, мы исполнять будемъ... и все! Ничего другого баринъ не получилъ отъ народа, которому хотѣлъ дать и отъ котораго хотѣлъ заимствовать. Сдѣлать эти нововведенія достояніемъ общественнымъ и стать самому слугою, то есть совершенно перемѣнить роли—баринъ не могъ, и потому, что былъ баринъ, и потому, что глупо, и потому, что мужики первые захочутъ надъ этимъ. Кончилось тѣмъ, что самъ баринъ считалъ вздоромъ все, что онъ рылъ и вырылъ, все, что онъ примѣнялъ и улучшалъ; кромѣ того, этотъ же самый баринъ сильно обиженъ былъ и оскорбленъ безсердечіемъ крестьянина, который, какъ оказалось, только изъ-за денегъ и возжался съ нимъ, поддакивалъ и потакалъ. Мало того: баринъ увидалъ, что му-

жизнь, изъ личныхъ своихъ выгодъ, поощрялъ въ баринѣ самые бурные инстинкты, незамѣтно развилъ въ немъ нравственную неряшливость, нравственное спуска рукава. Мужикъ, однимъ словомъ, обманулъ вѣру въ народъ, въ его чистосердечіе, простоту... Холопы, копеечники, распутники—вотъ что такое этотъ сконапель народъ, впрочемъ, ребята добрые, впрочемъ, дѣти... Ужасъ и за народъ, и за себя, тоска за то и другое, и обиды, и злость—все это вмѣстѣ выгнало барина вонъ. Онъ просто ушелъ и бросилъ все на произволъ судьбы, оставшись, къ своему глубокому горю, въ долгу тѣмъ самымъ мужикамъ, которымъ онъ самъ хотѣлъ помочь выйти изъ нищеты и невѣжества. Убѣгая, онъ чувствовалъ, что позабылъ все, что зналъ, и что поглубжѣ на 75% не менѣе...

Войдемте на минутку въ тѣ двѣ комнатки, изъ которыхъ ушелъ разбитый и огорченный баринъ: въ нихъ все осталось такъ, какъ было при немъ, и очень хорошо говорить о причинѣ зла.

II.

Волостное правленіе и кабакъ, лежащіе по лѣвую сторону моста, не производятъ такого веселаго впечатлѣнія, какъ лавка и господскій домъ; вокругъ и внутри этихъ строеній царить, особливо въ кабакѣ, мужикъ, и, вступая въ его царство, необходимо позабыть о всякомъ разнообразіи; впрочемъ, чтобы переходъ отъ легковѣсныхъ впечатлѣній господскаго дома къ тяжеловѣснымъ впечатлѣніямъ деревни не былъ слишкомъ рѣзокъ и труденъ, мы постараемся облегчить его извѣстною постепенностію. Два писаря волостного правленія, т. е. одинъ писарь, а другой его помощникъ, оба парни ражіе, молодые, которыми мы начинаемъ знакомство съ мужицкою жизнью деревни, своимъ наивнымъ, какъ наивны молодья толстыя дворняжки, видомъ, навѣрное, произведутъ на читателя благопріятное впечатлѣніе. Посмотрите, съ какою безпечностію валяются они по лавкамъ, сытно, до отвала пообѣдавъ у учителя (за четыре рубля педагогъ ухитряется кормить ихъ на убой и еще имѣть пользу)! Дѣло происходитъ въ довольно просторной комнатѣ волостного присутствія; на стѣнѣ портретъ Государа, въ простѣнкѣ между оконъ, выходящихъ на большую дорогу—двѣ три кружки для сбора пожертвованій на равныя благотворительныя учрежденія, съ печатными при нихъ воззваніями; у одного изъ оконъ—столъ съ перомъ, бумагамъ, чернильницей. Солнце—двухъ часовое,

жгучее солнце—такъ и «жарить» въ оба окна, наполнила комнату страшной жарой и полчищами мухъ. Но здоровенныхъ парней это не безнокотъ: одинъ, лежа на узенькой лавочкѣ, подставилъ солнцу спину, и только похракиваетъ отъ удовольствія, а другой, на такой же узенькой лавочкѣ, ухитрился залечь на спинѣ, задрать разутыя ноги къ печному отдушнику. Оба они безъ свѣтуконъ и безъ жилетовъ. Долгое время не происходитъ никакого разговора, и не слышно ничего, кромѣ пыхтѣнья, вырывающаго стремленіе отдуться отъ тяжкаго бремени ѣды.

— А что, съ разстановкой и полусонно, произноситъ, набоище, писарь (человѣкъ, лежащій на спинѣ): — что у васъ... въ Болтушкинѣ... какъ насчетъ этого дѣла?..

— Насчетъ товару-то? лѣнивейшимъ тономъ переспрашиваетъ помощникъ (лежащій ничкомъ) и распускаетъ ноги, тоже босымъ, но обѣимъ сторонамъ лавки.

— Само собой...

— У насъ въ Болтушкинѣ—сколько хочешь...

Потягивается, выгибая спину, какъ котъ.

— Ну?..

— Ну, вотъ, стану я вратъ! Сколько хочешь, столько и есть...

— Какую угодно?..

Помощникъ, помолчавъ секунду, даетъ отвѣтъ, такъ сказать, средняго направленія, необычайно лѣниво говоря:

— А то что же!.. Вотъ тамъ... разговаривать!.. Это у васъ тутъ все тридцать, да сорокъ, да полтинникъ... У насъ въ Болтушкинѣ этого нѣтъ... Шалишь, братъ!.. У насъ этого баловства нѣтъ... Знакъ подавай—и готово.

— Какой знакъ?

— Аль не знаешь? Маленькій ребѣнокъ, что ли, ты... Какой знакъ — ну, мигнешь, пройдешься мимо, кашлемъ дашь знать... Мало ли есть предметовъ ..

— И готово?

— А то что же еще разговаривать-то?.. Много будешь разговаривать, такъ это очень для нихъ жирно...

Все это произнесено безпечнейшимъ жирнымъ хрипомъ, приближающимся къ звукамъ простуженнаго горла.

— А кто въ Болтушкинѣ писаремъ?

— Аль разлакомился?.. Хе-е, братъ!..

— Хе-хе-хе... Ей-ей переведусь въ Болтушкино!..

— Хе-хе-хе... Ишь ты котъ сибирскій какой!.. Поди переведись... Утрутъ тебѣ носъ-то тамъ... Хе-хе-хе... Я шумну одво слово, поглядимъ, ухватишь ли.

— Отчего-жь я-то не ухвачу? Ты хваталъ, а я нѣтъ.

— Я—другое дѣло... Я знаю сваровву.

— И я знаю.

— Нѣтъ, не знаешь...

— Анъ, вотъ знаю.

— Ну, хорошо. Отвѣчай, какъ надо поступать, чтобы всякую заинтересовать?

— Деревенскую или благородную?..

— Все одно, сплошь...

Писарь молчитъ, взволнованный разрѣшеніемъ этой загадки.

— И не знаешь... А я знаю!..

Помощникъ при этомъ садится.

— Ну, какъ же, чѣмъ?..

— Чѣмъ? Такъ я тебѣ и скажалъ...

— Нѣтъ, пожалуйста, скажи... Писарь тоже вскакиваетъ съ лавки.

— Вотъ дурака нашелъ, стану я секреты открывать...

— И всѣхъ?

— Всѣхъ до единой... Хоть графиня, хоть что...

Писарь бросается къ помощнику и начинаетъ его умолять.

— Ну, голубчикъ, ну, Ваня... скажи... я тебѣ...

— Нѣчего, нѣчего васъ баловать!

Писарь начинаетъ тормозить помощника, и оба они начинаютъ бороться посреди комнаты, долго шуршать ихъ босые ноги по деревянному, покрытому высушенной солнцемъ грязью полу, долго раздается то тамъ, то сямъ грохотъ отскакивающей лавки или стола, на которые налетаютъ эти юные силачи. Въ борьбѣ они забыли разговоръ, растрепались, раскраснѣлись—любо смотрѣть на парней. Ломая другъ друга то на одну, то на другую сторону, они только поврачкываютъ, не теряя веселаго расположенія духа. Ткнутой кулакомъ въ брюхо, писарь отскакиваетъ въ сторону, потирая больное мѣсто—и бой оканчивается.

— Я, братъ, говорить помощникъ самоувѣренно: — и не такихъ свертывалъ въ комокъ.

— Эка! въ животъ-то пкнулъ...

— И ты пхай! Чего же? Ну-ко, пхни-ко меня... На! Отскачу я или нѣтъ?

— Давай!

— На.

Помощникъ выпячиваетъ передъ.

— Ну, пхай!

Писарь дѣйствуетъ такъ, что и помощникъ отлетаетъ въ сторону.

— Нѣшто такъ можно, свинья ты этакая?

— Я ненарошно...

— Дубина этакая! ненарошно...

— Ну, прости, пожалуйста... Нѣшто я...

— Чортъ этакой... Дайко я тебя такъ гвоздану, такъ ты у меня кубаремъ къ чорту на рога улетишь... ты пхай въ животъ, — нешто такъ можно... Вотъ куда пхай...

— Ну, давай...

— Ну, на... Да смотри, идожь, башку сверну...

На этотъ разъ три удара кулакомъ въ указанное мѣсто не производятъ на помощника никакого впечатлѣнія.

— Ну, бей, бей! приговариваетъ онъ.

— Да! говорить писарь.—Вспучилъ животъ-то!..

— Вспучилъ! Ну-ка вспучь ты—погляжу я... Ну-ка, становись...

— Ну, дуй!

Писарь раздуваетъ животъ елико возможно, но отъ одного удара, въ самомъ дѣлѣ, летитъ кубаремъ...

— Вотъ-те вспучилъ! приговариваетъ помощникъ.

— Свинья этакая... какъ хватилъ...

— А! свинья!..

— Чистая свинья...

— Нѣтъ, братъ, тебѣ до меня далеко!..

— Дубина!..

— Вотъ-те и дубина...

— Нѣтъ, вотъ какъ! оживленно заговорилъ писарь:—согласенъ такъ—давай!

— Какъ?

— А вотъ какъ... Я возьму пѣлку.

— А я тебя ею тресну по башкѣ...

Хохотъ всеобщій. Въ это время отворяется дверь, и показывается фигура учителя, съ дочкой.

— Что вы тутъ гогочете, какъ жеребцы въ конюшнѣ?

Писаря гогочуть.

— Куда это вы, Митрофанъ Петровичъ?

— Да вотъ хочу передъ чаемъ немножечко посидѣть. А воть къ ужину ушицу наберу... Будетъ баловаться-то, бери у Петьки уду—пойдемъ...

— Пойдемъ, пожалуй, попытаемъ, отчего же! произносить лѣживо помощникъ, къ которому относятся эти слова.

— И я, прибавляетъ писарь:—отъ нечего дѣлать...

Одѣваютъ сапоги, запасаются табакомъ, спичками, и отираются рить червей. Спустя десять минутъ, всѣхъ тронхъ, окру-

женных ребятишками, помогающими надёвать червей, можно видѣть на берегу рѣки. Каждый изъ ловцовъ выбралъ по тихому мѣстечку въ кустахъ! и терпѣливо слѣдитъ за поплавкомъ. Тихо въ кустахъ, тиха вода и чудно хорошъ и свѣжъ воздухъ. Ни одной тревожной, безповойной мысли нѣтъ ни въ комъ, кромѣ сладкой тревоги въ ожиданіи минуты, когда рыба потянетъ крючокъ въ низу.

— И-ва-а-а-нычъ!... Откуда-то далеко, по верхамъ густого кустарника, доносятся звуки визгливаго, очевидно, женскаго голоса.

— Эй! кричить въ кустахъ помощникъ.— Скворцовъ! слышишь, что ль?

— Чего?

— Какъ чего? Слышишь зовуть!...

— Гдѣ зовуть-то?... Только-было клевать начала...

— Бу-у ума-аага-а!

— Бумага! слышишь, что ль... Пойдемъ.

Помощникъ и писарь бросаютъ удочки, такъ однакожь, что поплавки остаются на водѣ, и уходятъ.

— Скорѣй, кричить имъ учитель.— Тутъ окунья—страсть...

— Сейчас!

— Стадами ходить...

— Приде омъ...

Но на этотъ разъ имъ не пришлось скоро возвратиться назадъ: въ правленіи ожидалъ ихъ нарочный изъ уѣзднаго города, привезшій большой пакетъ съ надписью «экстренно-важное». Въ пакетѣ было распоряженіе о немедленномъ призывѣ ополченія. (Какъ сказано выше, записки относятся къ лѣту нынѣшняго года).

— Ого! сказали писарь и помощникъ, прочитавъ содержащіяся въ конвертѣ бумаги.

Приходилось немедленно садиться за работу.

Ужъ не думаетъ ли читатель, что я, вслѣдъ за изображеніемъ волостной идилліи, изображу теперь сцену, въ которой баловники писаря окажутся манкирующими своими обязанностями? Помня прошлыя времена, читателю можетъ представиться, что, несмотря на серьезность и важность полученной бумаги, писаря, увлекшіеся рыбной ловлей, спокойно положутъ ее подъ сукно, а сами отправятся опять на берегъ и, сказавъ себѣ насчетъ бумаги «успѣтся», будутъ преспокойно продолжать свои невинныя удовольствія. Нѣтъ, не приходится говорить о сельскихъ и волостныхъ властяхъ ничего подобнаго. Времена стали не тѣ, и точность въ исполненіи своихъ гражданскихъ обязанностей, въ настоящее время, составляетъ самую видную черту деревенской

жизни. Не спрашивая и не задумываясь «почему», «зачѣмъ», писаря часа два скрипѣли перьями по бумагѣ, адресуя къ сельскимъ старостамъ приказанія явиться въ волость такимъ-то и такимъ-то крестьянамъ, вынужденнымъ рекрутскіе жребіи въ такомъ-то году; не спрашивая и не думая спрашивать о причинѣ сѣвской посылки за старшиной, разсыльный гналъ свою лошадь въ сосѣдную деревню, гдѣ жилъ старшина, и старшина, въ свою очередь, услышавъ, что пришла бумага, немедленно одѣлся и прибылъ въ волость. Точно такъ же, безъ «всякихъ разговоровъ», въ тотъ же вечеръ, два разсыльные поѣхали развозить по деревнямъ, для передачи сельскимъ старостамъ, написанныя писарями предписанія, а сельскіе старосты, въ тотъ же вечеръ, объявили призываемымъ о томъ, чтобы завтра они шли въ волость, о томъ, чтобы такіе то и такіе то мужики приготовили подводы. И все это буквально «безъ разговоровъ» о причинѣ, безъ распросовъ о томъ, куда и зачѣмъ погонять, и т. д. Плачутъ, конечно, женщины, матери, невѣсты; сапожникъ Петръ тоже жалѣеть, что приходится бросить мастерство и за что ни попапо инструментъ; но ни у кого, ни на единую минуту не мелькнетъ вопросъ: зачѣмъ, и куда? разъ приказаніе пришло изъ волости. На всѣ эти вопросы, зачѣмъ гонять и куда гонять, не отвѣтитъ никто—ни сельскій староста, ни волостной старшина, ни писарь... Да и никто изъ нихъ не спроситъ, не поинтересуется или, вѣрнѣе, отвыкъ интересоваться и разбирать то, что приходитъ сюда въ деревню въ видѣ приказывающей, но никогда ничего не объясняющей бумаги.

— Куда васъ гонять? спросилъ встрѣчный у партіи солдатъ.

— Неизвѣстно!.. Надо быть, въ армію... Чтѣ, не слышать про войну?..

— Нѣтъ, не слышно... А у васъ не слышать ли чего?..

— Ничего не слышно...

— Ну, счастливой дороги!

— Спасибо.

Я три мѣсяца жилъ въ деревнѣ, въ то время, какъ наши войска переходили Дунай, дрались, умирали, тонули, покорали и покорялись; три мѣсяца вся читающая городская Россія уже жила тревожными интересами войны, и въ теченіи такихъ-то трехъ мѣсяцевъ я ни отъ кого не слыхалъ здѣсь не единого слова о томъ, чтѣ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ... «Собрать рекрутовъ призыва... года...» «Произвести приемку лошадей, выбранныхъ тогда-то и тогда-то»—вотъ что доходитъ въ деревню отъ самыхъ крупныхъ историческихъ событій, и кромѣ этихъ, вовсе ничего неговорящихъ о значеніи переживаемой минуты—

ничего, ровно ничего, и ни откуда не приходитъ въ деревню такого, что бы показало значеніе этого призыва или покупки какою лошади, въ общей картинѣ совершающихся событій. Человѣкъ, который черезъ недѣлю, черезъ двѣ, будетъ защищать Шипку или наступать на Карсъ, или освобождать Болгарію, уходя изъ села, жалѣетъ только о томъ, что сапожные инструменты пришлось отдать за безцѣнокъ и что не скоро опять заведешь эти инструменты; но ни о Шипкѣ, ни о Болгаріи, ни о причинѣ, требующей его на защиту кого-то—ничего этого неизвѣстно, никто объ этомъ не скажетъ крестьянину ни слова, а главное, онъ самъ *отомъ* спрашивать объ этомъ и узнавать... «Дратся съ туркомъ»—это онъ знаетъ, но зачѣмъ, изъ-за чего и гдѣ все это дѣлается—никому не извѣстно...

Я бы сказалъ большую неправду, еслибы сталъ утверждать, что въ этомъ «не разсужденіи» народа скрывается, положимъ, въ данномъ случаѣ, охота идти въ бой и дѣтски-чистое желаніе постоять за правое дѣло. Нѣтъ этого ничего. Никто не знаетъ зачѣмъ, въ чемъ дѣло, но всякій безпрекословно идетъ потому, что привыкъ идти, когда ему скажутъ «иди!», привыкъ платить, когда скажутъ «плати», и совершенно отвыкъ отъ «разговоровъ» на тѣму—куда, зачѣмъ и почему, такъ какъ идея большого или маленькаго явленія, совершающагося въ общей жизни государства, никогда не доходила до деревни: сюда являютъ только какія-то дребезги, если можно такъ выразиться, этой идеи, не дающей о ней никакого понятія. Нетолько объ общемъ ходѣ политической жизни, въ данную минуту переживаемой всей страной, деревня не имѣетъ никакого понятія—она не имѣетъ понятія даже о причинахъ, влияющихъ прямо на ея экономическое положеніе, на ея карманъ.

Всматриваясь въ инструкціи о крестьянскомъ самоуправленіи, о волостномъ сходѣ, волостномъ судѣ, можно подумать, что деревня въ самомъ дѣлѣ живетъ общественными интересами—такъ много наставлено въ этихъ инструкціяхъ пунктовъ, подлежащихъ мірскому рѣшенію и обсужденію; но, всматриваясь въ практическое примѣненіе этихъ инструкцій, видишь, что никакой общественной жизни, никакой общественной силы тутъ нѣтъ и проявить и практиковать ее нѣ на чемъ; видишь, что изъ деревни не исходитъ въ общій потокъ, направляющій жизнь всей страны, ровно ничего или ужъ что-то безконечно малое; что деревенская мысль ни капельки не участвуетъ въ направленіи мысли, руководящей страню. Мелкая, утомительная, копейная хлопотня и возня съ своимъ добришкомъ, съ дѣлежомъ земель, луговъ, доведенная, встать сказать, до артистическаго совершенства и правиль-

ности—вотъ въ чемъ деревня можетъ быть полнымъ хозяиномъ и въ чемъ она можетъ распоряжаться на всей своей волѣ, обдумывая эти мелочи сколько угодно, разработывая вопросъ о твоемъ и моемъ—сколько угодно, и, надо сказать правду, эта односторонность направленія общественной крестьянской мысли, съзвизала и какъ бы даже задушила крестьянскій мозгъ на копейкѣ серебромъ, приковала ее крѣпко-накрѣпко къ каждой тряпкѣ, къ каждому дырявому лаптю, такъ какъ надъ правильно-стію распредѣленій этихъ тряпокъ и лаптей между сочленами деревенскаго общества—весь запасъ свободнаго крестьянскаго мышленія... Глядя на эту сухую, микроскопическую возню крестьянскаго ума надъ участію каждой собственной и чужой щепки, можешь, правда, удивляться силѣ этого ума, удивительной логичности и послѣдовательности, но не можешь не видѣть, что эта логичность—мышинная, кротовая, направленная на ничтожныя, по истинѣ, грошовыя цѣли. Вотъ сію минуту идетъ война, изъ этой самой деревни уходятъ люди, надъ этой самой деревней сважутся послѣдствія побѣды или пораженія, но найдите хоть одного человѣка, который бы не то что задумался, а сталъ бы слушать васъ, еслибы вы коснулись въ разговорѣ вообще настоящей минуты. Зѣвать начнетъ самый умный изъ умныхъ; а вотъ насчетъ телки, какъ ее вымѣнять, на телегу-ли съ хомутомъ, или на пару овецъ съ придачею, насчетъ придачи, насчетъ того, насколько, на копейку или на двѣ, обочли на мельницѣ, и т. д., и т. д.—объ этомъ мы проговоримъ не часъ и не два, два дня къ ряду; копейка, двѣ копейки, обчель, нажилъ, рубль, передалъ грошъ, и т. д.—вотъ это неисчерпаемый сюжетъ для разговоровъ, неисчерпаемая и самая насущная тѣма, а, главное, единственная тѣма для самостоятельнаго мышленія.

Ограниченность круга этого мышленія поразительна и обидна; она почти лишаетъ васъ всякой возможности какимъ-бы то ни-было путемъ возбудить вниманіе крестьянина къ его насущнѣйшимъ общественнымъ нуждамъ; непременно надо начинать съ телки, съ курицы, съ копейки серебромъ и долго тянуть эту канитель, прежде, нежели, получится возможность завести рѣчь о какомъ нибудь общемъ крестьянскомъ недугѣ, общей надобности насущной, но не примѣчаемой. Но и тутъ, едва только телка перестаетъ быть главнымъ предметомъ разговора, едва, вмѣсто копейки Ивана Иванова, вы начинаете рѣчь о деньгахъ вообще, весь интересъ къ разговору въ крестьянинѣ исчезаетъ, онъ слушаетъ мѣль приличія и очень, очень широко раззѣваетъ ротъ, зѣвая, и скучая, а главное, не слушая ничего и не желая понимать. Охота у него къ этому пониманію совершенно

отбита. Да и немудрено ей пропасть. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, много-ли требуетъ его собственнаго разсудка тотъ широкій кругъ общественной, государственной службы, которую несутъ крестьяннѣ, и вы увидите, что въ этомъ отношеніи онъ не можетъ играть никакой роли. Онъ можетъ распредѣлить между своими односельцами цифру взимаемыхъ съ деревни денегъ, но самая цифра эта приходитъ ужь готовая «изъ города». Высчитано, что съ Слѣпого-Литвина приходится получить 1,082 руб. $\frac{3}{4}$ коп., и Слѣпое-Литвино разбиваетъ эту цифру на количество душъ,... И такъ во всемъ; а всего этого куда какъ много проходитъ ежедневно чрезъ волостное правленіе, безъ всякой возможности съ какой-нибудь стороны найти кончикъ нитки, по которой можно бы было добраться до источника. Изволь тутъ развивать, понимать и думать...

Такихъ-то вотъ общественныхъ обязанностей, деревня имѣетъ, правду говоря, безчисленное множество; ихъ разнообразіе, и несвязность одного требованія съ другимъ хотя и отбили охоту у крестьянъ отъ общихъ взглядовъ и разсужденій, но занимаютъ въ крестьянскомъ обиходѣ громадное и главное мѣсто. Какимъ-то тяжелымъ клубкомъ свернулись всѣ разнообразныя отрасли общественной службы въ сознаніи крестьянина, и, не распутывая этого клубка (такъ какъ распутать его почти невозможно), крестьянинъ опредѣлилъ его однимъ словомъ — «деньги». Вся куча повелительныхъ наклоненій низвергается въ деревенскую глушь въ видѣ простаго требованія — денегъ и вообще какихъ-нибудь матерьяльныхъ расходовъ, но денегъ, денегъ — главнымъ образомъ... Всякая самая благороднѣйшая мысль, направленная на общую пользу, откуда бы она ни шла, дойдя до деревни, превращается въ простое требованіе денегъ. Проекты «оздоровленія», «образованія», «поднятія народной нравственности», «оживленія народа», и т. д., и т. д. — словомъ, всякая благая мысль, какъ только начала приводиться въ исполненіе, непременно начинается съ Слѣпого-Литвина, и съ «взносовъ». Въ Петербургѣ, въ губернскомъ городѣ, въ уѣздномъ, идутъ разговоры, проекты, доказательства, пренія; слышны разныя, безспорно, умныя слова: «развитіе», «улучшеніе» и т. д., и т. д., а въ Слѣпомъ-Литвинѣ, во имя этихъ прекрасныхъ проектовъ и словъ, происходитъ раскладка. Изъ такихъ словъ, какъ: «образованіе», «развитіе», «улучшеніе» въ Слѣпомъ-Литвинѣ, невѣдомо какимъ образомъ, образуются совершенно другія слова: «по гривеннику», «по двугривенному», «по полтинѣ»... И всѣ эти гривенники и полтинники вносятся «безъ всякихъ» разговоровъ, а если и не вносятся въ должномъ величествѣ, то все-таки каждый старается заплатить, чувствуя, что за нимъ есть недомка.

Въ общихъ чертахъ, вся умственная дѣятельность крестьянина занята такимъ образомъ почти только одной работой: достать денегъ. Безотрадный и суше такого нравственнаго настроенія нельзя ничего себѣ представить. Эта вѣчная служба неизвѣстному, непонятному—служба, несмагченная никакими видимыми результатами, изсушаетъ народный умъ, даетъ ему жесткое, ограниченное направленіе. У господъ, которые, быть можетъ, также шибко иной разъ хлопчутъ о деньгахъ, какъ и мужикъ, есть книги, журналы, газеты, помогающіе ему знать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, находить себѣ мѣсто и дорогу среди людей и явленій данной минуты; ничего подобнаго въ положеніи крестьянина нѣтъ; онъ окруженъ непроницаемой тьмой, изъ которой къ нему не свѣтитъ ни одной звѣздочки. Для досуга, для отдыха, для свободной работы мысли—если къ этому еще представится какая-нибудь возможность—у крестьянина все тѣ же совершенно дѣтскія сказки, страхи, черти, клады, и т. д... Крѣпко вѣрить онъ въ тотъ самый вздоръ, въ который вѣрилъ его тысячелѣтній предокъ, и на этомъ вздорѣ окружающая крестьянина тьма еще несчетное число лѣтъ можетъ разыгрывать то, что ей будетъ только угодно... Ребенкомъ душой, онъ какъ взрослый человѣкъ—мелочной, сухой и жесткій практикъ. Громада лежащихъ на немъ обязанностей, понятныхъ ему только въ видѣ уплаты денегъ, суживаетъ его личный обиходъ до микроскопическихъ размѣровъ, большею частью до простаго стремленія прокормиться, до мелкой ежесдневной, изъ года въ годъ переходящей возни надъ кропотливой заботой пережить день.

Обеда вокругъ Москвы кругъ, радіусомъ верстъ въ четыреста, мы получимъ мѣстность, въ которой положеніе крестьянина и направленіе его мысли, въ общихъ чертахъ, опредѣлится именно этимъ стремленіемъ—«добыть денегъ», только добыть денегъ, больше ничего. Къ этому направленію крестьянской мысли начало присоединяться, къ крайнему огорченію людей, идеализирующихъ прочность деревенской общины, плохо опредѣляемое, но сильно чувствуемое крестьяниномъ желаніе—уйти куда-нибудь, желаніе какъ-нибудь полегче добывать то, что теперь добывается съ такимъ трудомъ; и это стремленіе уйдти изъ сухихъ и жесткихъ условій крестьянской среды объясняется все тою же необходимостію добывать все больше и больше денегъ. Въ самомъ дѣлѣ, никогда крестьянину, не приходилось такъ много платить наличными деньгами, какъ теперь. Платить хлѣбомъ, тальками, курами, поросятами, какъ онъ въ старые годы платилъ помѣщику, который все это могъ сбыть оптомъ въ губернской городъ или въ Москву—теперь не приходится: ни куръ, ни холста, ни

муки не возьметъ ни одну волосную правленіе; нужны чистыя деньги, кредитные билеты, и вотъ этихъ-то чистыхъ денегъ и не откуда взять крестьянину, настоящему деревенскому мужику. Онъ чувствуетъ, что платить ему «надо», объ этомъ никакихъ разговоровъ и сомнѣній нѣтъ, но платить нечѣмъ. Вышло такъ, что въ настоящую минуту нѣтъ крестьянскаго двора, по крайней мѣрѣ, въ Слѣпомъ-Литвинѣ, о которомъ главнымъ образомъ и идетъ рѣчь, который бы не платилъ за двухъ—никакъ не меньше—душъ; семь человѣкъ ратниковъ, ушедшихъ въ ополченіе, составляютъ вновь добавочный платежъ, раскладывающійся не болѣе, какъ на пятьдесятъ человѣкъ работниковъ-мужчинъ. Къ Покрову непременно необходимо представить эти деньги; нѣтъ сомнѣнія, что недоимка будетъ громадная (на 60 дворахъ Слѣпого-Литвина, ея наросло уже 8000 р.), но слѣпинскіе мужики, не зная сколько придется выработать (тутъ тоже тѣма кромѣшная), все таки будутъ биться, стараться добыть деньги... Откуда и какъ же они ихъ добудутъ?

На этотъ вопросъ всякій слѣпинскій мужикъ можетъ дать вамъ только такой отвѣтъ:

— Откуда!.. Вѣдь Господь, милостивъ, батюшка... Человѣкъ всю жизнь бьетъ, все ничего—а вдругъ и «пень выпалить».

То есть вдругъ невѣдомо откуда и какъ налетитъ на человѣка полтинникъ, рубль...

Здѣсь встаетъ сказать о послѣдней формациі господскаго дома. Несмотря на то, что настоящій, колобродящій и капризничающій баринъ прошелъ, что прошелъ баринъ пожирающій, и гуманничаящій и только теперь, когда въ барскомъ домѣ поселился просто нѣмецкій кулакъ Клейнъ, барскій домъ сталъ заслуживать въ глазахъ крестьянина уваженіе... Да! Въ домѣ живетъ просто кулакъ, а крестьянинъ начинаетъ видѣть въ немъ нѣчто высшее, такъ какъ это—единственное мѣсто, въ деревнѣ, откуда можно хотя изрѣдка, но все таки получать чистыя деньги... Отцомъ и благодѣтелемъ становится этотъ какой то Адольфъ Иванычъ, содержавшій въ Петербургѣ домъ терпимости. Всѣ знаютъ это, но все-таки уважаютъ Адольфа Иваныча, и уважаютъ не только потому, что онъ даетъ хлѣбъ, давая работу, а и потому, что сумѣлъ выбиться, выйти въ люди, въ помѣщики, тогда какъ былъ такой же мужикъ, какъ и всѣ. Это ужъ уваженіе интеллигентности, понятной крестьянину, поставленному въ необходимость выше всего почитать рубль серебромъ. Что Адольфъ Иванычъ этотъ нажилъ деньги нечистымъ путемъ, за то онъ самъ и отвѣтитъ, это его дѣло, а главное, умѣлъ нажить; объ его личнѣйшихъ качествахъ ума свидѣтельствуетъ также и то, что онъ не капризничаетъ безъ толку, не проѣдаетъ добра, не колобротитъ съ канавами и дренажами, а просто обираетъ гдѣ только

возможно, экономно и умно, запрягая этих же самых крестьянъ въ труднѣйшія работы, которыя стоили бы большихъ денегъ, еслибы Адольфъ Иванычъ не былъ умнѣе и не счлужилъ бы обогреть мужиковъ на водѣ, словно на картахъ. Не можетъ, никоимъ образомъ не въ состояніи ни одинъ крестьянинъ, котораго вся задача въ томъ же самомъ, въ чемъ и задача Адольфа Иваныча, т. е. добыть денегъ, не можетъ не уважать этого Адольфа Иваныча, какъ умъ, какъ талантъ. Есть между слѣпинскими мужиками просто влюбленные въ послѣдовательность и неумолимую логику, съ которою Адольфъ Иванычъ преслѣдуетъ свои цѣли. Вотъ примѣръ: у сосѣдней помѣщицы стали пропадать мука изъ амбара; она приказала караулить своему прикащику; прикащикъ укараулилъ какого-то мужика, царанулъ его камнемъ и привелъ къ барынѣ. Нужно прибавить, что прикащикъ человекъ энергическій и тоже послѣдовательный.

Пойманный мужикъ сталъ просить помилованія, и барыня простила. Послѣдовательный прикащикъ немедленно просилъ разсчета.

Я видѣлъ его, когда, по полученіи разсчета, онъ отправлялся къ Адольфу Иванычу просить мѣста. Разсказавъ исторію съ воромъ, онъ прибавилъ:—Что-жь это такое? Нешто можно такъ поступать? Опосля этого, они (т. е. собственные же его односельцы) и все будутъ таскать да въ ногахъ валяться... Нѣтъ, у Адольфа Иваныча этого нѣтъ—ужь у него, братъ, разъ что сказано, свято! Сказалъ: бей! ужь бей, постойте за тебя до послѣдняго слова—хоть въ мировому, хоть въ сенатъ, ужь не отступится отъ своего... А это что-жь такое?..

И такъ, не отступайся отъ «своего», гони «свою» линію до послѣдняго предѣла, наживай гдѣ и какъ можно—отвѣтъ одинъ: Богу!.. Вотъ въ какихъ формахъ начинаютъ выясняться въ народномъ сознаніи преимущества умнаго человека передъ глупымъ.

— Чистый дуракъ или чистая дура, скажутъ вамъ о томъ или другомъ помѣщикѣ или помѣщицѣ.—Такъ, надо сказать—балалайка безструнная.

— Отчего такъ?

— Да, какъ же, помилуйте! кабы ежели бы онъ (или она) *свою пользу* понималъ, нешто бы онъ сталъ такъ то... А то, судите сами... Разсказывается исторія, изъ которой видно, что человекъ своей пользы не понимаетъ.

— И есть дуракъ! какъ же не дуракъ-то?

Поживъ въ деревнѣ и ознакомившись съ неоспоримой важностью рубля серебромъ, начинаешь соглашаться съ мнѣніемъ относительно людей, не понимающихъ своей пользы.

Возвращусь однако къ разговору о средствахъ и путяхъ, ка-

кими можетъ быть добыта слѣпинскимъ крестьяниномъ кредитная бумажка. Словами «всю жизнь бьется, а вдругъ и пеня выпалить» опытный въ этомъ дѣлѣ крестьянинъ совершенно вѣрно опредѣляетъ полнѣйшую случайность въ возможности пріобрѣтенія рублей. И въ самомъ дѣлѣ, даже слѣпинскимъ мужикамъ, деревня которыхъ лежитъ на большой почтовой дорогѣ и въ десяти верстахъ отъ станціи желѣзной дороги, даже и такимъ, относительно сказать, благопріятно поставленнымъ мужикамъ, почти невозможно опредѣлить, откуда именно грянетъ выстрѣлъ рублемъ, изъ какого пня?

Въ ряду такихъ случайныхъ заработковъ слѣпинскаго мужика первое мѣсто все-таки занимаетъ заработокъ, даваемый баринкомъ. Положительно, мужикъ очень скоро будетъ боготворить барина. Что-жь, и въ добрый часъ! Цѣнность «барина» заключается въ томъ, что ни у кого нѣтъ такихъ шальныхъ денегъ, какъ у него. Подъ словомъ «баринъ» собственно даже и подразумѣвается человѣкъ, который валить деньги даромъ. Съ заработкомъ этого рода слѣпинскіе мужики познакомились благодаря тому, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ сряду, начиная съ половины или съ конца октября, въ Слѣпое-Литвино стали наѣзжать господа на охоту. Каждый убитый такими охотниками заяцъ, по рассказамъ слѣпинскихъ мужиковъ, обходится господамъ не менѣе, какъ въ двадцать рублей серебромъ—цифра баснословная, сумасшедшая, немѣющаяся равной съ цифрами никакихъ заработковъ, требующихъ того же промежутка времени, что и пріѣздъ господъ. Но кромѣ зайцевъ, такіа охотничьи экскурсіи предпринимаются господами вообще съ цѣлю отдыха на лонѣ природы отъ столичной дѣловой суеты, съ цѣлю вздохнуть свѣею, свободно повеселиться. Въ крестьянскихъ домахъ Слѣпое-Литвина то и дѣло встрѣчаешь пустыя бутылки отъ шампанскаго, отъ рейнвейна и т. д. Такая черта господскихъ наѣздовъ въ деревню сулитъ еще множество постороннихъ заработковъ, влечетъ за собой другую серію услугъ, также всегда щедро оплачиваемыхъ. Явные изъ всѣхъ видимыхъ слѣдовъ благосостоянія, начавшагося именно благодаря этимъ случайнымъ господскимъ наѣздамъ, заставляютъ всю деревню поголовно ждать этихъ наѣздовъ съ нетерпѣніемъ. Но вотъ бѣда: чтобы наѣздъ этотъ былъ также выгоденъ, какъ онъ оказался выгоднымъ для «умѣлыхъ», надо умѣть примѣтить и поймать въ массѣ наѣзжающихъ, виѣсть съ господами, прихотей и капризовъ, такую прихоть, такой капризъ, удовлетворяя который можно рассчитывать на вѣрную выручку. Въ этомъ вся штука: узнать человѣка, распознать, на что онъ ходитъ, ловится, «бить въ эту точку». Тутъ, во время

этихъ наѣздовъ, производится двойная охота: господа охотятся за зайцами, выслѣживаютъ волковъ и лисицъ, а мужики охотятся за господами и выслѣживаютъ ихъ капризы и прихоти. Трудна эта, надо сказать правду, ужъ какъ трудна эта охота крестьянина за баринами! Выслѣживаетъ его вся деревня, отъ мала до велика; каждому нужно найти свой кончикъ нитки и крѣпко держаться за него, а между тѣмъ, никому неизвѣстна вообще конструкция господскихъ внутренностей, неизвѣстно какъ откуда и какимъ путемъ пойдетъ капризъ, съ котораго бову схватиться и т. д. Все это темно, покрыто мракомъ неизвѣстности; правда, въ общихъ чертахъ, крестьяне знаютъ, что изъ барина выйдетъ, если онъ—не настоящій охотникъ, что-нибудь веселое и капризное, необъяснимое; но въ комъ именно изъ этой толпы настоящій охотникъ, кто—только бахвалъ, бабникъ, любитель скоромныхъ разговоровъ, это еще неизвѣстно, и вотъ тутъ-то и требуется страшная работа ума, къ несчастію, рѣшительно не поддерживаемая болѣе или менѣе обстоятельнымъ знакомствомъ съ аппетитами, управляющими вообще господскимъ образомъ жизни. И по прежнему приходится полагаться на случай, на выстрѣлъ изъ пня...

— Вонъ, Михайло Петровъ... Тотъ чѣмъ господамъ понравился? А попался ему, братецъ ты мой, купецъ съ Калашниковой пристани... Ну, только, очень этотъ купецъ былъ сурьезень... Такъ сурьезень, что это даже ужаси... Думалъ, думалъ, Михайло-то Петровъ, что тутъ съ эстимъ, сурьезнымъ купцомъ дѣлать?.. И такъ не выходитъ, и въ эту сторону—тоже не беретъ... А богатъ купецъ-то, отойдти отъ него «такъ» обидно! Ну, думаетъ Михайла: что будетъ! и больше ничего, что сталъ ему угождать... Ничего не просить, чтобы тамъ на водочку или что, а такъ сталъ вродѣ какъ рабъ безсловесный... И впередъ-то его въ сугробъ забѣжить, по шею провалится: не ходите, говорятъ, ваше сіятельство, глыбоко тутъ, въ это мѣсто идите... И ножки-то ему обчистить, вѣточку приподнять, то есть всѣми способами... И ни-ни-ни, на счетъ чтобы награды, ни Боже мой... Расточилъ онъ вокругъ кушца этого самаго почтенія и благоуваженія видимо-невидимо; услуживаетъ ему и благодаритъ, и ни предки приглашаетъ, и хвалитъ, — расхваливаетъ, а денегъ ни просить... Что-жъ ты думаешь, прональ вѣды!

— Прональ?!

— Пробралъ, братецъ ты мой, въ самый корень... И что-жъ ты думаешь?—И всего-то въ сурьезномъ купцѣ и было товару, что одна глупость... Почитай его, да хвали—и все!.. И прескочно кожно совсѣмъ съ лапчочками возьмешь!... Вотъ, поди ты, узни ихъ! А ужъ какой былъ сурьезный—Боже мой! Мы думали, ужъ

и подходу къ нему нѣту, точно какой, напримѣръ, столбъ деревянный, а онъ, братецъ ты мой—больше ничего, что балобанъ: хвали его, да угождай — и все!.. Съ тѣхъ поръ Михайло-то и пошелъ въ ходъ... И дожь оправилъ, и лошадей тройка — все, слава Богу, пошло. Теперича какъ сурьезный купецъ ѣдетъ — ужъ Михайло безъ шапца бѣжить за тройкой верстъ пять... И купецъ-то, братецъ ты мой, никого, кромѣ Михайлы, не зоветъ... Ужъ наши пробовали было, да нѣтъ! Михайлу, говорить, давай... Поди ты вот!..

— Нѣтъ, братцы, какъ я одна, влопался было съ этими съ господами... начинается рѣчь новое лицо изъ слѣпинскихъ мужиковъ. Разговоръ происходилъ на бревнѣ, гдѣ собрались въ праздникъ посидѣть слѣпинскіе обыватели. Бревно лежитъ близъ рѣки, у моста; мѣсто здѣсь просторное, веселое, видно далеко.

— Такъ было втесался, такъ это ахъ... Попался мнѣ тоже ха-арошій теленокъ... Утрафилъ я ему тоже, вотъ какъ и Михайло, въ почтеніе... Что угодишь, что похвалишь, глядь—гривенникъ, да двугривенный. Вижу я такое его удовольствіе — поперъ въ зѣвотъ бокъ.—«Ужъ баринъ, этакихъ господъ, надо такъ сказать, и не было и невидано...» Расписываю его такъ-то, да и махони:—какой, говорю, это баринъ? Не баринъ это, а Богъ!..

— Охо-хо!.. загоготали слушатели: — экъ ты его какъ вздыбилъ... ха-ха-ха...

— Передалъ, братъ! замѣтилъ старый старикъ.

— Ровно черезъ крышу перебросилъ, прибавилъ другой.—Ну чтожь онъ-то?

— Какъ, братцы мои, взбудрилъ я его эдакимъ-то манеромъ — и что только стало съ баринкомъ, не вѣдаю! Покраснѣлъ весь, ровно ракъ — и ужъ принялся же онъ меня пушить, на чемъ только свѣтъ бѣлый стоитъ! До того все молчалъ, а тутъ какъ пошелъ, какъ пошелъ... И холопъ, и подлецъ, и пошелъ прочь, и Боже только милостивый, чего-чего не наговорилъ... Вижу — шабашъ! Просолилъ барина начисто!..

— Просолилъ; это ужъ вѣрно.

— Стою, молчу, ничего не могу въ толкъ взять, а вижу, братцы мои — понялъ...—«Тебѣ, такому сякому, двугривеннички надобны... ты въ-за гривенника собаку дохлую готовъ цѣловать и богу на нее молиться...»

— А-а-а... утрафилъ!

— То-то—утрафилъ, братцы мои!.. Слушаю я такъ-то, вижу — плохо; а жаль барина-то... Думаю, какимъ теперича манеромъ мнѣ его оборотить?.. И что-жь, рабята? Вѣдь оборотилъ!..

— Ну? единодушно возопило все облізленное народомъ бревно.

*

— Передъ Истиннымъ Богомъ, оборотилъ... Перво наперво далъ я волю—звони, можь, во всё!.. Что ужь, вижу—ничего не подѣлаешь.

— Ужь тутъ—что! Чего ужь тутъ подѣлать!

— Думаю, ребята: дуй ваше благородіе; можетъ быть, Госнодь намъ и поспособствуетъ...

— Ха-ха-ха...

— Луи, можь, не жалѣй кубышку... Распечаталъ онъ меня, надо сказать прямо, вполне. Мѣста живого не оставилъ... За-молчалъ. — «Пошелъ вон!» Ушолъ. «Нѣтъ, думаю, шалишь». Ушелъ онъ къ Адольфу Иванычу въ покои—обѣдать, съ прочими господами... Я остался у крыльца съ лошадьми—думаю, ужь какъ нибудь надо выбираться изъ бучки... Думалъ, думалъ и надумалъ. Часа черезъ два эдакъ мѣста—откушали, выходятъ... Выходить народу сразу человѣкъ десять... Перекинулся я тутъ на грубость... Подхожу къ моему, говорю: — «За что ты меня, баринъ, говорю, обидѣлъ — я къ тебѣ всей душой...» — «Пошелъ прочь!» Договорить не далъ. Я къ господамъ: — «Вотъ, говорю, господа, обидѣлъ меня вашъ компаніонъ: всю дорогу я его одобрялъ, а онъ меня что ни наестъ худыми словами обругалъ... Господа сейчасъ: — «Что такое, что такое?..» Я рассказалъ, какъ было, да и говорю: — «Ежели, говорю, ихъ сіятельству не по нраву, что я, то есть, ихъ убогатворяю всячески, такъ не угодно ли, можь, пушай они мнѣ положить хоть пять рублей серебромъ, и тогда, замѣсто того, я ихнее благородіе обругаю... Ежели это имъ лучше по сердцу».

Бревно помираетъ со смѣху.

— Сколько, говорю, угодно, хоть два дня буду ругать ихъ—у насъ на это хватитъ... Двинулъ я такъ-то—покатились со смѣху мои господа. — «А умѣешь ругаться, хорошо умѣешь?» — «Сколько вамъ угодно». Хохочутъ, помираютъ. Тутъ одинъ изъ нихъ выскочилъ — толстоморденькій этакій, баальшой тоже мѣшокъ петербургскій, генералъ полный: — «Валай, говорить, меня, мерзавецъ эдакой! Посмотримъ, говорить, точно ли ты мастеръ!» — «Извольте, говорю, ваше сіятельство». Сѣлъ въ мой тарантасъ еще съ однимъ, надо-быть, генераломъ: «дѣлай!» говорить. Ну я и принялся!.. Такъ всю дорогу, братцы мои, до самой станціи, ужь какъ только я его ни поливалъ, то есть и такъ, и эдакъ... Всѣ десять верстъ я его садилъ всячески, то есть, ужь хуже не надо—грохочетъ... Зальется, зальется, а я-то ему: — «ахъ ты барабанная палка, ахъ ты...» Ну, то есть все горло у меня пересохло, осипъ, покуда до станціи-то доѣхалъ. — «Ловко, говорить, молодець!» Выкинулъ-таки, ребята, синюю бумагу... Право слово, выкинулъ. Съ тѣхъ поръ, какъ чуть что: — «Гдѣ Купріянь?»

Сейчас меня... Съ тѣхъ-то поръ я маленько и того... Дай ему Богъ здоровья. Ха-ар-рошій человѣкъ.

— И кажинный разъ—ругай!

— Эко ты!.. Поди-ко, обругай его такъ-то!.. Въ какомъ духѣ человѣкъ. Иной разъ онъ тебя и въ волости выдереть за какое-нибудь слово... Такъ онъ тебѣ и дался ругать! Авось не дуракъ... Главная причина только, что съ ругательствъ съ этихъ я ему понравился... вотъ въ чемъ разсчитать.

— Понравится-то хитро... А ужъ разъ тебя баринъ призналъ, ужъ тутъ какъ не удержаться... Гляди только въ оба—твое будетъ!

«Понравится» прѣзжающимъ на охоту господамъ—первая забота слѣпнскихъ мужиковъ.—«И чѣмъ же, братцы мои, я ему понравился? удивляясь неисповѣдимымъ путамъ Промысла, рассказываетъ всякій изъ слѣпнскихъ счастливецъ.—«Больше ничего, что сказалъ правду!» Ну?—«Передъ Богомъ». — «Повелъ ихъ Адольфъ Ивановичъ по старому мѣсту, то есть, вчера, будемъ такъ говорить, по этимъ мѣстамъ съ своими пріятелями. Адольфъ-то Ивановичъ ходилъ, а нонче и господъ по тѣмъ же мѣстамъ повелъ. Думалъ, думалъ я: всѣмъ, молъ, объявлю дѣло начисто. Думаю, жалковато мнѣ Адольфа-то Иваныча конфузить—«а ну, какъ да и выгорить на мое счастье отъ этихъ словъ». Да съ Господомъ и грохнулъ:—«Что-жь вы это, говорю, Адольфъ Ивановичъ, по старымъ-то мѣстамъ водите? Вѣдь, говорю, вы вчерашняго числа сами звѣря здѣсь распугали, нѣшто, говорю, такъ можно съ господами поступать?.. Тутъ онъ на меня, а господа за меня.—«Правду ли ты говоришь?» — «Провалиться скрозь землю! вотъ извольте поглядѣть, какъ въ эфтомъ мѣстѣ наломано, какъ тутъ натоптано». Поглядѣли:—«такъ!» Съ тѣхъ поръ безъ меня ни-ни. Даже и останавливаются у меня, и ночуютъ—къ Адольфъ Иванычу ни ногой. Нарочно присылаютъ ко мнѣ съ извѣстіемъ:—«ѣдемъ, молъ; станови охоту». Съ тѣхъ поръ вотъ... А изъ-за чего? Только-что вотъ, правду свазалъ... Поди вотъ!..

— А мнѣ, ребятушки, попался соколъ, такъ окромя этого самага, ничего и знать не знаемъ.

— Товару?

— Тоисъ только одно, и одно... Какъ прѣдетъ, ужъ это знай: цѣлую ночь не спать. Подъ окнами стучимъ, выкликаемъ—соблазъ! А добѣръ!.. Ха-ар-рошій человѣкъ. Дай Богъ ему здоровья. Что-то вотъ прошлую зиму не былъ, не будетъ ли нынѣшнюю... Я-было ему хорошую штучку припасъ.

— О?

— Право словъ.

— А вѣдь грѣхъ это!

— Вратецъ ты мой! Мы и такъ, и безъ этого всё во грѣхѣ. Опять же всякій Богу дастъ отвѣтъ самъ. Нѣшто я обманомъ или что... Сама готова — видишь вотъ. Это, братъ, дѣло тоже темное: кто больше отвѣтитъ, можетъ, она, а можетъ, и баринъ.

— А можетъ, и ты!

— Что-жь подѣлаешь-то?.. Спросать—такъ и мы дадимъ отвѣтъ.

Говорится это въ букввальномъ смыслѣ. Говорящій это такъ и понимаетъ, что на томъ свѣтѣ онъ объяснить Богу все подробно, и тогда навѣрное окажется, что вины его нѣту. Надежда, что Богъ проститъ за все это, живетъ въ мужикѣ, поднимающемся, изъ за копейки, на всякія «нелегія». И надо полагать, что Господь, въ самомъ дѣлѣ, проститъ слѣпнскимъ мужикамъ ихъ даже, повидимому, тяжкіе грѣхи.

Заработокъ, доставляемый господскими наѣздами—самый значительный по размѣрамъ денегъ, получаемыхъ мужиками. Правда, заработокъ этотъ сопряженъ съ необыкновенными трудностями, требующими всей силы умственного напряженія со стороны охотящихся за господами мужиковъ, преисполненъ невѣроятныхъ, трудно постижимыхъ и безчисленныхъ случайностей; но за то тотъ, кому удалось овладѣть полемъ битвы, можетъ смѣло считаться счастливецемъ: въ какую-нибудь недѣлю, въ теченіи которой продолжается охота, умный, ловкій человекъ, одними «наводками» съумѣетъ нажить столько, сколько, въ обыкновенное время нетолько, деревенскій мужикъ, а и деревенскій специалистъ, кузнецъ, портной, сапожникъ, не наживетъ, сидя надъ работой цѣлыя мѣсяцы. Правда такъ же, что такой заработокъ довольно таки прожигаетъ, испакощиваетъ человека, и иной разъ бываетъ положительно противно смотрѣть на иного счастлильца и слушать его радостные рассказы о томъ, какъ и чѣмъ онъ поправился; но за то, въ результатѣ всѣхъ этихъ гадостей, являютя деньги, деньги, а это—главное.

Всѣ другіе заработки, доступные слѣпнскому мужику, точно также случайные, не такъ хитры, какъ заработокъ на господскихъ капризахъ, но зато и не имѣютъ тѣхъ благодѣтельныхъ результатовъ. Разжиться, поправиться съ нихъ—нѣтъ почти никакой возможности, и иной разъ, глядя на такой заработокъ, рѣшительно не понимаешь, изъ-за чего бьется человекъ, если не принимать въ расчетъ увѣренности этого, повидимому, напрасно бьющагося человека, что иной разъ и «изъ пня выстрѣлить».

Въ Слѣпомъ Литвинѣ живетъ крестьянинъ Иванъ Аванасьевъ, живой образецъ мужика, поставленнаго въ необходимость бросаться изъ стороны въ сторону, чтобы гдѣ-нибудь и какъ-нибудь захватить въ свои руки этотъ проклятый рубль серебромъ. Иванъ Аванасьевъ—рѣдкій экземпляръ «крестьянина» въ под-

номъ смыслѣ этого слова, т. е. человѣка, который неразрывно связанъ съ землею и умомъ, и сердцемъ. Земля, по его понятію — истинная кормилица, источникъ радостей, горестей, счастья и несчастія, всѣхъ его молитвъ и благодарностей къ Богу... Земледѣльческій трудъ, земледѣльческія заботы и радости способны были-бы наполнить собою весь внутренній міръ Ивана Аванасьева, не давая возможности и подумать о томъ, чтобы можно было промѣнять земледѣльческій трудъ на что-нибудь другое, на какой-нибудь другой, болѣе выгодный трудъ. Иванъ Аванасьевъ — не влюбленъ въ землю, какъ, можетъ быть, покажется читателю изъ выше-приведенныхъ словъ моихъ объ этомъ человѣкѣ; нѣтъ, онъ связанъ съ ней, съ землею, и со всѣмъ, что переживаетъ она въ теченіи года, связанъ, какъ мужъ съ женою, даже тѣснѣе, потому что они, въ самомъ дѣлѣ, живутъ почти какъ одно цѣлое. вмѣстѣ съ тѣмъ, Иванъ Аванасьевъ и «не прикованъ» къ землѣ, нѣтъ; тѣмъ-то и дорогъ земледѣльческій трудъ, что отношенія между человѣкомъ и этой землею, этимъ трудомъ — не насильственные, что связь рождается чистая, изъ чистаго, ясно видимаго добра, который дѣлаетъ земля человѣку, убѣжденному, безъ всякаго насильства, въ томъ, что за это даваемое землею добро надобно угодить и ей, надо похлопотать и за нее. На такихъ чистыхъ, совѣстливыхъ началахъ держится и весь обиходъ подлинной, неиспорченной крестьянской семьи, и она бы была истинно и безпримѣрно прекрасна, еслибы могла развивать эти начала, то есть свободный непринужденный союзъ, основанный на непоколебимомъ сознаніи, что добро добывается добромъ. Но, увы! несмотря на то, что Иванъ Аванасьевъ и его кормилица-земля исполняютъ свое дѣло совѣстливо до послѣдней степени, пришли времена, которыя какъ будто даже и вниманія не желаютъ обращать ни на труды Ивана Аванасьевича, ни на его отношенія къ землѣ, и вовсе не дѣляютъ ни чистоты этихъ отношеній, ни того, что на этихъ отношеніяхъ держится все русское крестьянство, вся русская сила. «Денегъ подавай!» вопіютъ эти времена и больше ничего знать не хотятъ. «Какъ же я брошу землю, помилуйте, сдѣлайте милость?» возражаетъ Иванъ Аванасьевичъ. «Ну, пойду я на заработокъ — а какъ же земля останется! вѣдь мы землею всю жизнь живемъ». Иванъ Аванасьевичъ — такой истинный земледѣлецъ, истинный «крестьянинъ», что самый лучший заработокъ не въ силахъ бы былъ заглушить въ немъ тоски по землѣ, по тому разнообразію явленій, которыми окружонъ трудъ земледѣльца, связывающій его душу и мысль и съ небомъ, и съ землею, и съ солнцемъ краснымъ, и съ зарями ясными, съ вьюгами, дождями, мятелями, морозами, со всѣмъ созданіемъ Божиимъ, со всѣми чудесами этого Божьяго созданія...

— «Денегъ подавай! вопіють новыя времена—и, что подѣлаешь, Иванъ Аонасычъ начинаетъ «биться» изъ за денегъ...

— «Пошла, одно время, въ нашихъ мѣстахъ, рассказываетъ Иванъ Аонасычъ:—пошла въ ходъ тряпка. Стали наѣзжать покупщики; окромя какъ тряпку, ничего больше и не спрашиваютъ. Надумалъ и я этимъ самымъ дѣломъ заняться. Лошадка у меня была, хотъ и плохенькая и тоща, а ноги таскала, сказать нельзя. Померекали объ эфтомъ дѣлѣ съ женой, и та склоняется на тряпку—полагаетъ такъ, что польза будетъ. Порѣшили мы занать деньги на начатіе у женннаго дяди; человекъ былъ онъ пожилой, отъ всѣхъ отдѣлившись, одинъ со старухой, и тоже этой тряпкой орудовалъ. Хорошо. Вотъ поѣхали мы къ дядѣ—за двадцать за пять верстъ жилъ—вымолили у него десять рублей, весной, чтобъ отдать. Накупилъ онъ мнѣ на эти десять рублей, ситцевъ: пряниковъ, колечекъ, серегъ—свой сундучокъ далъ и говоритъ:—«Ну, теперъ ступай съ Богомъ!»—«Даденька, говорю, да какъ же я торговать-то буду? Что на что мѣнять? Сколько за что давать?»—«Я этому говорить, всю зиму учился и ты учись. Слушайся, что бабы будутъ говорить—онѣ тебя научать скоро»... Нечего дѣлать. Поѣхалъ я съ товаромъ по деревнямъ... Ъду по деревнямъ, кричу:—«Тряпья, трепья!» Выбѣгаютъ съ тряпьемъ бабы, обступили меня, пошла торговля... На платки, на ситецъ, на серьги. На деньги не торговалъ, ни копейки не было... Вотъ хорошо. Поторговалъ я такъ-то въ одной деревнѣ, въ другой, въ третьей, выѣзжаю изъ третьей-то; дай, думаю, сочтусь, сколько будетъ моихъ барышей, наторговалъ ли кошъ съ гривенникъ-то; а ужъ дѣло шло къ вечеру, и пора домой было ѣхать. Сталъ я считать, вижу плохо дѣло—товаръ мой я весь почестъ растерялъ, роздалъ, а тряпья у меня и на половину противъ товару не потянетъ... Прямо сказать, въ первый же день—начисто я проторговался... Тутъ я и понялъ дядины слова—что, молъ, бабы-то меня выучатъ. И ужъ точно—выучили, вѣкъ не забуду. Ъду я домой—ѣсть меня тоска. Приѣхалъ—ужъ совсѣмъ темно стало, огни ужъ вездѣ, а мнѣ хотъ бы и глаза не глядѣли ни начто: товаръ растерялъ, а ничего не привезъ. Остались у меня одни пряники. (И пряниковъ тоже дядя купилъ—бабы, дѣвки любятъ; только у меня что-то бабы пряниковъ не брали: надо быть видѣли, что я съ простыной торгую). Остались у меня только эти самыя пряники, да и тѣ всѣ въ мѣшкѣ переломались. Скучно мнѣ, оченно неприятно было. Жена видитъ, что дѣло мое неладно, молчать. Сижу такъ-то, думаю, какъ мнѣ съ этимъ тряпьемъ быть—смотрю, идуть парни съ посидѣлокъ.—«Мы, говорятъ, слышали отъ твоей бабы, что пряники, что-ли то, у тебя есть?»—«Есть», говорю.—

«Давай!»—Отпустилъ. Узнали на деревнѣ, что у меня пряники, повалили ко мнѣ народъ, и бабы, и парни, и дѣвки: лавочки въ ту пору у насъ еще не было. Не больше, какъ часа въ полтора, всѣ мои пряники я и расторговалъ. Ничего, что изломаные, и все-такое—только подавай... Все начисто до послѣдней порохинки расторговалъ, сталъ считать—вижу: «польза» и не маленькая!.. Вотъ думаю, Господь мнѣ послалъ милость свою, хоть мало-мальски убытки мои покрою (теперича вся забота—хоть бы съ долгами-то расплатиться, а ужъ куда торговать!..). На утро, чемъ свѣтъ, только что бѣлѣтъ начало, погналъ я свою кобылку на станцію—за пряниками. Вечеромъ—опять торговля, и опять все разобрали, польза идетъ хорошая. На утро опять на станцію, опять вечеромъ торгую. И такъ пошло дѣло чу десно, что ежели бы мнѣ эдакъ-то проторговать недѣли съ двѣ и долги бы заплатилъ, да и пользы бы имѣлъ, по крайности рубля на три.. Ну, только не вышло. Какъ провѣдали наши слѣпинскіе, что Иванъ, молъ, Аванасьевъ на пряникахъ расторговываться сталъ, и повалили тоже на станцію закупать. Развелось у насъ въ ту пору пряниковъ больше, чѣмъ хлѣба или сѣнгу на дворѣ... И съ этихъ поръ всѣ мы остались въ чистомъ убыткѣ. Я то, по крайности, хоть мало-мальски на отдачу сбилъ деньжонокъ, а другіе, прочіе, такъ и остались съ пряниками. Съ тѣхъ поръ я ужъ торговлей не займусь. Ни ни, сохрани Богъ... Какъ отдалъ дядѣ заемныя, такъ у меня словно гора съ плечъ свалилась—Богъ съ ней и съ торговлей, не наше это крестьянское дѣло!»

Изъ такихъ эпизодовъ соткана вся жизнь Ивана Аванасевича въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ. Не умѣя, какъ истинный крестьянинъ, ни хитрить, ни лукавить, ни обманывать—земледѣльческій трудъ ничему такому не учитъ—Иванъ Аванасьевъ прогораетъ на всѣхъ предпріятіяхъ, цѣль которыхъ—добыть деньги. Разъ его заманила какая-то родственница, жившая въ кормилицахъ въ Петербургѣ, и сулила мѣсто дворника. Иванъ Аванасичъ соблазнился, истратилъ всѣ деньги, какія были, на машину, и пріѣхалъ въ Петербургъ. Мѣсто ему, въ самомъ дѣлѣ, нашлось, но странное дѣло: больше, чѣмъ малаго ребенка, его испугала эта бездонная пропасть «чужого» народа, которымъ кишитъ столица. Онъ испугался этой голой работы изъ за денегъ; ему трудно было жить безъ «своихъ», трудно работать безъ ихъ поддержки. Въ тотъ день, когда нужно было идти на мѣсто, Иванъ Аванасьевъ затосковалъ, какъ школьникъ, которому не хочется покинуть родительскій домъ. Кормилица-родственница, которая раздобыла ему мѣсто и у которой онъ останавливался въ Петербургѣ, напрасно гнала его идти на мѣсто,

напрасно теропила.. Иванъ Аванасьевъ заслуцалъ еще лучше отъ этихъ понуканій. Когда же, наконецъ, онъ почувствовался и пошелъ, то, прійдя на мѣсто, нашелъ что оно занято другимъ. Триста верстъ Иванъ Аванасьевъ шелъ до деревни пѣшкомъ, питаясь Христовымъ именемъ, и, наконецъ, кое какъ дошелъ до двора.

— Тутъ то я ужъ отдохну!.. Думаю, Богъ съ вами совсѣмъ съ мѣстами... Я на одномъ хлѣбѣ просижу—по крайности, дома!.. А что намучился, такъ это одному Богу извѣстно...

Послѣ каждой изъ такихъ неудачъ, послѣ каждой изъ такихъ отлучекъ изъ дому, Иванъ Аванасьевъ возвращался въ родному гнѣзду всегда съ необычайною дѣтскою радостію, несмотря на то, что былъ, возвращаясь, еще бѣднѣй, чѣмъ былъ уходя. Онъ радъ коркѣ хлѣба, лишь бы она была своя, домашняя, лишь бы ему быть въ понятной ему, знакомой, любимой средѣ...

«Денегъ! денегъ!» вопіеть нонѣшнее время, и неумѣющій ихъ доставать Иванъ Аванасьевъ вновь ловится на какомъ-нибудь денежномъ планѣ. Смаиваютъ его на землекопную работу, рыть каналъ близъ Ладожскаго Озера, даютъ десять рублей впередъ, обѣщаютъ поить, кормить. Нечего дѣлать, идетъ Иванъ Аванасьевъ—и глядишь, черезъ полгода плетется домой и безъ копейки, и безъ здоровья, и безъ одежды... Оказывается, что спать ему приходилось въ снѣгу, что кормили его падалью, что обсчитывали безъ зазрѣнія совѣсти, что многое множество перемерло отъ болѣзней рабочаго народа и зарыто кое-гдѣ... Насмотрѣвшись и настрадавшись, Иванъ Аванасьевичъ радъ, что выручилъ паспортъ, и ушелъ куда глаза глядятъ. И ужъ какъ радъ дому-то, какъ радъ своей соломенной крышѣ, печкѣ, этому жидкому, кислому, «своему» квасу!.. Какъ ни изнурять, не измучаютъ его, но свои мѣста, а, главное, возвращеніе къ «крестьянству», то-есть земледѣльческому труду, вновь восстанавливаетъ его, уничтожаетъ на его лицѣ слѣды болѣзни, горя, негодованія—и вновь это лицо глядитъ покойно, благородно и привѣтливо...

Но деревенскія дѣла идутъ такимъ путемъ, что Ивану Аванасьичу ни коимъ образомъ не придется остаться дома. Онъ ужъ и теперь поговариваетъ:

— Ежели-бы хоть на пять рублей въ мѣсяцъ, т.-е. вѣрныхъ, какое мѣстечко было—кажется, сейчасъ бы пошелъ... Право слово.

А жалъ!

Хуже всего въ этой случайности заработковъ-то, что они разрушаютъ общность деревенскихъ интересовъ, деревенскій «міръ». Такіе заработки никоимъ образомъ не могутъ считаться мир-

скими; каждый, кому удалось ухватить—ухватилъ самъ, своимъ умомъ и для себя и невольно тянетъ въ свою сторону. При такомъ ходѣ дѣлъ та правдивость имущественныхъ отношеній, которою держится міръ, благодаря земледѣльческому труду, нарушается неравенствомъ то тамъ, то самъ прибавляющихся постороннихъ землѣ средствъ. Тамъ, гдѣ заработокъ мало-мальски хорошъ, тамъ, гдѣ онъ даетъ больше денегъ—пропадаетъ даже и охота жить земледѣльческимъ трудомъ, тянуть эту крестьянскую лямку, не дающую ни единой копейки денегъ, которыя именно и нужны. Является прямое желаніе уйти—и отъ міра, и отъ деревни, и отъ земли, отплачиваясь отъ всего этого деньгами.

Есть, впрочемъ, между заработка, дающими слѣпинскимъ мужикамъ возможность добывать деньги, одинъ, въ которомъ не примѣчается никакой случайности или неясности. Съ нѣкотораго времени слѣпинскія крестьянки получили возможность брать питомцевъ воспитательнаго дома на вскормленіе. Черезъ каждые четыре мѣсяца каждая кормилица получаетъ десять рублей или, всего-навсего, въ годъ тридцать рублей. Но, хотя этотъ заработокъ и опредѣленъ, онъ лучше всего доказываетъ, до какой степени крестьянину нужны деньги: за эти тридцать рублей, за эти три красныя бумажки, бѣльшую частію прямо поступающія въ волостное правленіе, крестьянское семейство платитъ своими трудами и хлопотами и тратою времени не менѣе, какъ въ пять разъ болѣе того, что получаетъ. Напрасно полагаютъ, что изъ смертности дѣтей деревенскіе люди дѣлаютъ доходную статью—ничего этого нѣтъ: дѣти мрутъ, правда, какъ мухи, особливо лѣтомъ, но не отъ дурнаго ухода, не отъ худого ума, а отъ незнанія, отъ небрежности врачей или отъ бѣдности самихъ крестьянъ. Еслибы не эти несчастныя три бумажки красныхъ—повѣрьте, мало бы нашлось охотниковъ переносить муку ухода за «казеннымъ» ребенкомъ, ухода, обставленнаго безчисленнымъ множествомъ формальностей, которымъ знающіе ихъ люди очень легко могутъ пользоваться въ ущербъ этимъ десяти рублямъ.

По николаевской желѣзной дорогѣ ѣдетъ старуха-баба и держитъ на колѣняхъ мѣшокъ. Дѣло происходитъ въ третьемъ классѣ, нынѣшнимъ лѣтомъ, въ жгучій июльскій день...

— Далеко-ли, бабушка? спрашиваетъ ее мѣщанинъ-сосѣдь...

— Да, вотъ (она назвала станцію)... лекарь тамъ нашъ живетъ...

— Какой такой вашъ лекарь?

— А нашъ, питомницкій...

— Что-жь, ты захворала, что-ли, али такъ?..

— Нѣту, миленькій не захворала... Я-бы легче помереть, не то, что захворать согласна была, нечѣмъ...

Старуха заплакала и шопотомъ произнесла.

— Поглядико-сь, что везу-то...

Осматриваясь съ осторожностію по сторонамъ, она открыла мѣшокъ—и мѣщанинъ, къ неопisanному ужасу своему, нашель въ немъ три дѣтскіе трупа, завернутые въ тряпки.

— Господи помилуй! Что-жь это такое?..

— То-то, горюшко-то... Не хоронять вишь безъ записки отъ доктора, а докторъ-то отъ насъ—эво гдѣ... Съ гробомъ идти—кондукторъ не пустить, нанимай особый вагонъ, вотъ и таскаю въ мѣшекъ...

— Ахъ-ахъ-ахъ!.. Крещеные?

— Какъ же, соколики, крещенные... всѣ крещенные... Помирають другъ ты мой, одинъ за однимъ!.. А все отъ молока. Киснетъ молоко-то, что будешь дѣлать, кабы у насъ погреба были, ледники—ну такъ, а то киснетъ да и шабашъ, а они съ кислаго-то и мрутъ... И денегъ-то не дадутъ—и свои-то на разѣзды изведешь, а что мученья на душу примешь—и-на азыкъ не поварачивается связать... Что я намучилась-то съ эстими съ мертвенькими-то!..

— Что-жь такъ, ты-то одна орудуешь?

— Да больно, другъ ты мой, накладно каждой кормилѣ самой ѣхать... Я ѣду, одинъ билетъ плачу—вотъ онѣ мнѣ и складываютъ на билетъ-то... Кабы не старость моя горькая, да не сиротство...

— А потомъ назадъ отъ доктора-то?

— Вѣстимо назадъ.

Старуха плакала, а мѣщанинъ качалъ головой.

Вотъ какія сценки случаются среди скромнаго и труднаго заработка крестьянки, не больше, какъ въ тридцать рублей въ годъ. Ужь стало быть крестьянскому дому до зарѣзу нужны деньги.

Въ общихъ чертахъ, положеніе крестьянина не особенно привлекательно. Безпрекословный исполнитель повелительныхъ наклоненій, исходящихъ изъ волости, онъ, не понимая ни цѣли, ни причины, знаетъ одно, что ему нужны деньги и деньги. «Крестьянство», т. е. земледѣльческій трудъ, денегъ этихъ не даетъ—и необходимо добывать ихъ на сторонѣ. Случайность заработка, дающая одному больше, другому меньше, третьему совсѣмъ ничего—разъединяетъ «миръ», общину. Жаль, тысячу разъ жаль расшатываемаго требованіемъ денегъ и денегъ—русскаго крестьянства.

Г. Ивановъ.

ГОРОДСКАЯ ХОЗЯЮШКА.

(Изъ записокъ провинціального обывателя).

I.

Передъ зданіемъ городской думы. — Вступленіе въ должность и оригинальный способъ устраниенія отъ нея. — Живая картина. — Уничтоженіе трехъ фертовъ. — Подаренныя развалины, какъ предметъ споровъ между обывателями. — Отецъ съ дѣтьми. — Въ ожиданіи введенія новаго городского положенія. — Служба изъ чести и служба за жалованье.

Ясное лѣтнее утро.

Передъ зданіемъ городской думы — большая толпа гражданъ. Я шелъ мимо и, по свойственному провинціаламъ любопытству, остановился.

— Что случилось?

— Развѣ не знаете? Важнѣющее дѣло! Сегодня «новый» голова съ гласными въ должность вступаютъ!

Я и забылъ. Событіе было, дѣйствительно, весьма важное въ жизни небольшого уѣзднаго города, въ особенности, если принять во вниманіе, что «старый» голова прослужилъ пять трехлѣтій подъ рядъ, безъ смѣны.

— Вы-то тутъ при чемъ-же?

— А посмотрѣть, какъ будутъ должность «примать»!

— Что-же вы увидите отсюда, съ улицы?

— Увижу-не-увижу, а все таки любопытно! Ишь сколько народу собралось!.. Говорятъ, что вотъ думскаго секретаря отъ должности прочь, а вѣдь онъ—шутка сказать!—наравнѣ со старымъ головой пятнадцать лѣтъ на своемъ мѣстѣ сидѣлъ! Ну, и притомъ-же вотъ на вывѣскѣ «три ферта» эти самые будутъ марать! Ужъ за лѣстницей пошли!

Надъ двухэтажнымъ каменнымъ зданіемъ городской думы кра-

совалась громадная вывѣска, на которой золотыми буквами по синему фону было изображено:

Сей домъ принадлежитъ городскому обществу,
подаренный первой гильдіи купцомъ Ф. Ф. Ф.

Три загадочные «ферта» — какъ знали всѣ обыватели — были начальными буквами имени, отчества и фамиліи «старого городского головы» Филиппа Федоровича Филатова. Незадолго до предслѣднихъ выборовъ на должность «градскаго» головы, купилъ онъ съ аукціону за безцѣнокъ раззоренный, разваленный остовъ каменнаго двухэтажнаго дома и подарилъ эти развалины городскому обществу. Граждане приняли подарокъ и употребили на приведеніе его въ благопристойный видъ около пятнадцати тысячъ изъ городскихъ суммъ. По окончательной отдѣлкѣ, зданіе было оцѣнено въ двадцать тысячъ и за такое крупное пожертвованіе «общество», сверхъ доведенія о семъ до свѣдѣнія тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ «для удостоенія наградою», на общественномъ собраніи постановило: на вѣчныя времена повѣсить надъ подареннымъ домомъ вывѣску съ приведеннымъ выше содержаніемъ. Имя жертвователя, за немѣніемъ на вывѣскѣ мѣста, сврывалось подъ инициалами. Этого пожелалъ самъ жертвователь: «хочу, чтобы весь чинъ мой былъ цѣликомъ прописанъ, заявилъ онъ на общественномъ собраніи, а какъ меня зовутъ, всякъ и безъ того знаетъ!» — За согласіемъ дѣло не стало, потому что «вѣдь и взаправду всѣ мы знаемъ, какъ его зовутъ», говорили граждане; «къ тому же во всемъ городѣ одинъ только онъ объ трехъ фертахъ и есть!»

— Еще вчера слышно было, что новый голова хочетъ эти самые ферты стереть или закрасить! пояснилъ мнѣ мой знакомый.

— Не имѣетъ права! Общество постановило: «повѣсить вывѣску на вѣчныя времена!» вступился въ нашъ разговоръ «гражданинъ», очевидно, принадлежавшій къ числу приверженцевъ прежняго головы.

— А кто отдѣлывалъ домъ? перебилъ его мой знакомый. — На чьи деньги?

— А кто его подарилъ? Не было бы подарка, нѣчего было бы и отдѣлывать!

— Значить, и надо было на вывѣскѣ-то написать: «стѣны сего дома подарены», а то вѣдь сказано: «домъ!»

— Всякій про себя можетъ это понимать!

— Такой подарокъ — не штука! Разваленныхъ-то домовъ, смотри, сколько по городу стоять.

Въ городѣ стояло дѣйствительно много разваленныхъ, разру-

шенных временемъ и заброшенныхъ обдѣвшими хозяевами домовъ. Торговля въ этомъ нѣкогда бойко торговавшемъ городѣ пришла въ упадокъ, что, конечно, и послужило причиною обдѣвнiя большинства обывателей.

— Ты-то чего хранишь?.. «Разваленный, да разваленный!..» Ты и разваленнаго не пожертвовалъ! Сперва пожертвуй, а потомъ и критику на другихъ наводи! Ишь тоже умникъ выискался! горячился заступникъ бывшаго головы.

Разговоръ между гражданами принималъ уже непрiязненный оттѣнокъ и грозилъ перейти въ руготню, какъ дальнѣйшее теченiе его было прекращено шумомъ и крикомъ, раздавшимся изъ входныхъ въ думу и растворенныхъ настежь дверей.

— Подхватывай дружнѣй! доносилось до насъ съ думскаго подъезда.

Всѣ мы превратились во вниманiе.

На крыльцѣ показалось четыре разсыльные думы изъ мѣстныхъ мѣщанъ, «ходочки», какъ звали ихъ обыватели.

Они, не спѣша, деликатно и бережно выносили что-то очень грузное; съ перваго раза трудно было рассмотреть именно что, потому что, стѣснившись во входныхъ дверяхъ, двое изъ нихъ спинами своими загородили намъ, зрителямъ, свою ношу. На подъездѣ они подняли эту ношу повыше, чтобы ловчѣе снести ее со ступенекъ думскаго крыльца и тутъ-то мы увидѣли, что въ рукахъ у нихъ было старинное, «фасонистое», думское кресло, а въ немъ сидѣлъ — кто бы вы думали? — самъ думскiй секретарь Иванъ Петровичъ Негрбовъ! Потѣшно было смотрѣть на его сѣдую, съ большой лысиной, голову, такъ ярко освѣщенную солнцемъ, и вообще на всю его маленькую, толстенькую фигуру, по неловкости носильщиковъ нѣсколько запрокинутую назадъ и вынесенную съ такою торжественностью къ намъ на улицу. Блѣдный, со злобнымъ выраженiемъ лица, сидѣлъ онъ, потупившись, въ креслѣ, крѣпко держась за обѣ его ручки, и, казалось, не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣтить присутствiя многочисленныхъ зрителей его выноса. «Не хочется съ насиженнымъ мѣстомъ-то расстаться!» шепнулъ мнѣ мой знакомый.

— Становъ среди улицы! зычно раздалось надъ нашими головами сверху, среди всеобщей тишины и безмолвiя.

Всѣ мы невольно подняли головы. Въ двухъ среднихъ окнахъ второго, верхняго этажа «думскаго дома» торчали головы только-что вступившаго въ должность «новаго состава» городского управленiя: головы и трехъ гласныхъ.

Толпа молча и почтительно разступилась, и ходочки бережно спустили свою ношу на землю.

— Вынеси ему шапку!

— Нѣтъ, стой!.. На, подай ему! кричали сверху.

Къ ногамъ одного изъ ходочковъ упала выброшенная изъ окна фуражка. Тотъ нагнулся, поднялъ ее, но, подойти съ нею къ секретарю, какъ будто боялся и въ нерѣшительности вертѣлъ ее въ рукахъ.

Нѣмая сцена и живая картина. Декораціей ей служила улица, точнѣе сказать, уголъ площади передъ думскимъ домомъ, откуда начиналась улица. На заднемъ планѣ, на противоположномъ концѣ площади—бѣлый, двухэтажный каменный корпусъ казеннаго зданія, въ которомъ помѣщались: полицейское управленіе, казначейство и аптека. Справа отъ него, нѣсколько отступя, шли ветхія, деревянные «городскіе ряды», «общественныя лавки», обступавшія эту площадь съ этой стороны, и затѣмъ домъ гражданъ. На аван-сценѣ, на улицѣ, противъ зданія городской думы—большое, старинное, фасонистое краснаго дерева кресло, въ которомъ, потупя голову, сидитъ себѣ не шелохнется «думскій секретарь». Передъ нимъ, въ двухъ-трехъ шагахъ, въ почтительной позѣ стойтъ ходочекъ, старикъ лѣтъ пятидесяти, изъ мѣстныхъ бездомовыхъ мѣщанъ, съ секретарскою фуражкою въ рукахъ. На ходочкѣ засаженный, запачканный варомъ и дегтемъ фартукъ, который онъ обыкновенно надѣвалъ, когда садился въ думской передней шить сапоги, и который онъ, вѣроятно, забылъ снять, спѣша выполнить приказаніе новаго начальства. Остальные его товарищи, вмѣстѣ съ которыми онъ вынесъ секретаря, выстроились вряду у думскаго подъѣзда. На почтительномъ разстояніи отъ кресла и секретаря, въ благоговѣйномъ безмолвіи, стояли полукругомъ обыватели-граждане, торговцы, прибѣжавшіе изъ общественныхъ лавокъ, и прохожіе, приставшіе, подобно мнѣ, изъ любопытства къ толпѣ...

Живая картина, залитая яркимъ лѣтнимъ солнцемъ.

Вдали, у лавокъ вспорхнула стая голубей, поднятая ястребомъ и съ шумомъ пронеслась надъ толпою. обстоятельство, въ другое время непременно обратившее бы на себя вниманіе гражданъ, любившихъ наблюдать «что дѣлаетъ этотъ разбойникъ—ястребъ», теперь прошло незамѣченнымъ.

— Чего ждешь?!.. Надвинь ему на голову-то! точно разбудилъ всѣхъ голосъ сверху.

Ходочекъ придвинулся къ своему только-что бывшему «непосредственному» начальнику и несмѣло, съ почтеніемъ положилъ ему его фуражку на колѣни. Тотъ какъ будто только того и дожидался. Видимо сконфуженный присутствіемъ многочисленной публики, не поднимая головы, онъ не спѣша накрылъ свою лы-

суя голову форменной фуражкой и тихими шажками пошелся домой. «Собственный» домъ его супруги былъ неподалеку отъ думы. Я замѣтилъ на лицѣ его слезы. Мнѣ стало жаль старика.

Скандалъ окончился мирно, добродушно.

Ходочки уже отнесли опорожнившееся кресло назадъ, въ думу, а граждане все еще стояли какъ вкопанные, не выронивъ словечка—такъ сильно они были поражены невиданной еще картиной и неслыханнымъ, еще небывалымъ въ лѣтописяхъ провинціи, но совершившимся на ихъ глазахъ происшествіемъ: челоуѣка, котораго въ теченіи пятнадцати лѣтъ всѣ они считали чуть-ли не хозяиномъ города, котораго всѣ «боялись», къ которому всѣ относились съ уваженіемъ—на ихъ глазахъ чуть не выбросили на улицу, выпвырнули ему изъ окна фуражку, словомъ, «обремизили его при народѣ». Обыватели поняли, что Негротовъ, какъ думскій секретарь, пересталъ уже существовать: значить, онъ теперь для нихъ ничуть не «страшенъ», значить, про него можно «поговорить» вслухъ.—«А прежде—Боже упаси! Узнаеть—пропадешъ! Со свѣту сживеть! И сродственникамъ-то жить не дастъ!»

Языки развязались.

— Стало бытъ, и взаправду его прочь?

— А ты думалъ: шутки будутъ шутить? При жизни «на выносѣ» побытъ! Во какъ у насъ стало!

— Можетъ, это какъ-нибудь такъ! Можетъ, еще какъ-нибудь обойдется дѣло!

— Н-ѣтъ! ша-алишь! Будеть съ него!

— Пятнадцать лѣтъ кровь нашу пилъ! слышалось въ толпѣ.

— Ну, ужъ и кровь! Сказалъ бы деньги выжималъ!

— Теперь четыре раза въ годъ именины полно собирать Шабашъ!

— Разчетовъ нѣтъ: кто-жъ теперь къ нему пойдетъ! Пожалуй, собирай.

— Ему отъ меня важные именины рубль сходилъ! признавался одинъ торговецъ. — «Здравствуйте, поздравляю васъ!» а самъ ему въ руку рублевку суешъ!

— И надо бытъ, всѣ эти рубли у него цѣлы! утверждалъ другой:—потому траты—никакой!

— Извѣстно никакой! Купилъ ли онъ за пятнадцать лѣтъ хоша коробку спичекъ? Навѣрное, нѣтъ! Всѣмъ бралъ, ничѣмъ не брезговалъ!

— Надо бытъ: красныхъ три скопилъ, а то такъ и больше!

— Три-то навѣрное! Ты сочти: два, не то три, а то такъ и четыре раза въ годъ, не считая праздниковъ! У! больше трехъ!

А домъ не считаешь? А всякаго добра сколько? Приѣхалъ-то онъ къ намъ: и бось, и нагъ!

Пока въ толпѣ шелъ счетъ накопленныхъ секретаремъ въ теченіи его пятнадцатилѣтней службы капиталовъ, изъ воротъ думскаго зданія «пожарные» вынесли «пожарную» раздвижную лѣстницу и приставили ее къ дому.

— Ферты будутъ марать! пронеслось по толпѣ.

Живо поднялся по лѣстницѣ маляръ, нанятый за два двугривенныхъ, и нѣсколькими взмахами длинной-предлинной кисти закрасилъ черною краской литеры нижней строки вывѣски. Работа была спѣшная, грубая, нестарательная, такъ что-то тутъ, то тамъ выглядывали кусочки золотыхъ буквъ изъ-за черной полосы, невѣрно проведенной по нижней строкѣ вывѣски.

Кончивъ работу, маляръ слѣзъ на землю, и лѣстница тотчасъ же была убрана на свое мѣсто.

— Спѣшать! Боятся, что мы не дадимъ! говорили въ толпѣ.

— За два двугривенныхъ человѣка ошельмовали! Вѣдь это обидя!

— Само собой! Нарочно и сдѣлано: въ пику старому голорѣ!

Вообще, насколько толпа была тиха и спокойна во время выноса секретаря, настолько шумѣла она при уничтоженіи «трехъ фертовъ». Граждане раздѣлились на два лагеря.

— Стерли-таки ферты то! Добились своего! А за что ошельмовали человѣка, чай, и сами не знаютъ! Ну, за что? За его же доброту! За его же добродѣтель, за пожертвованіе! горячились принадлежавшіе къ лагерю прежняго головы.

— Признаться сказать, я еще вчера вечеромъ слышалъ, что сегодня будутъ ферты марать, да не повѣрилъ, а теперь вижу, что оно и взаправду вышло! громче другихъ говорилъ одинъ изъ нихъ:—за свой подарокъ, да обиду принимать! Была неволя!

— Какой подарокъ-то? Что было подарено-то, скажи-ка ты мнѣ?.. Разваленныя стѣны были подарены! доказывалъ приверженецъ новаго головы:—хорошъ домъ безъ крыши, безъ половъ, безъ потолковъ, безо всего...

— Постой, постой! Ты мнѣ скажи: нѣшто домъ безъ стѣнъ бываетъ? съ намѣреніемъ озадачить перебываетъ защитникъ трехъ фертовъ.

— Стѣны-то и въ сараѣ бываютъ!

— Э-эхъ-ты!.. Самъ-то ты, чай, трехъ копеекъ городу не подарилъ, а тоже кричишь: «какой тамъ подарокъ»!

— Я-жъ на вывѣску и не лѣзу!

— Самъ не лѣзешь и другимъ не даешь! Тьфу!

Эти споры, съ приправою неизбежныхъ въ подобныхъ случаяхъ

крѣпкихъ выраженій, не прекратились даже съ появленіемъ на улицѣ новаго состава чиновъ городского управленія. Изъ думы вышелъ на крыльцо высокій, плотный, не старый еще мужчина, вершковъ четырнадцати росту, самый высокій изъ всѣхъ обывателей: это былъ новый голова, а за нимъ вслѣдъ точно выползли три, какъ нарочно для контраста, маленькіе, худенькіе челоуѣка—новые гласные. Публика тотчасъ же замѣтила этотъ контрастъ и окрестила новичковъ прозвищемъ, оставшимся за ними на все время ихъ службы.

— Точно отецъ съ дѣтьми! заговорили въ толпѣ.

— Какъ есть папаша съ дѣтками!

«Отецъ съ дѣтьми» перешелъ на противоположную сторону улицы, осмотрѣлъ работу маляра и въ томъ же порядкѣ вернулся въ думу.

— Любоваться выскочили и картузы забыли надѣть!.. Ну, да любоваться-то нечѣмъ! Не хвалебное дѣло! выражали свое неудовольствіе сторонники бывшаго головы:—лучше бы ужъ совсѣмъ вывѣску снять, чѣмъ такъ ее пачкать! Право соблазну было бы меньше и для «старика» не такое огорченье!

— А по нашему: дегтемъ бы!.. подзадоривали ихъ партизаны новаго головы.

— А что-жь: дурацкое дѣло нехитро!

И граждане стали расходиться по своимъ мѣстамъ, судя и ряда о двухъ событіяхъ, которыми ознаменовался первый день управленія новаго головы и новыхъ гласныхъ.

— Какковы новенькіе-то? Не успѣли на своихъ мѣстахъ обглядѣться, а ужъ дѣла зачали заворачивать круто!

— Съ первака-то оно всегда такъ!.. Хорошо они поютъ, да гдѣ-то сядутъ!.. Посмотримъ, какъ они дальше дѣла свои поведутъ! Начали-то они, по правдѣ сказать, не съ хорошаго: одинъ только развратъ между гражданами поселяютъ!

— Какъ развратъ? Что вывѣску-то покрасили—такъ ужъ сейчасъ и развратъ! Филатовская родня, кумы, сваты, да должники только и ершатся! А что секретаря отъ должности прочь—такъ этому, чай, и тѣ рады!

— Помяните мое слово, что Филатовъ этого дѣла ни за что не оставитъ! Безиремѣнно онъ въ прошеніе пойдетъ! И помяните вы мое слово, что и вывѣску прикажутъ намъ по старому возобновить, и секретаря на старое мѣсто принять! Онъ тоже своего дѣла не броситъ, станетъ жаловаться, что его безъ губернаторскаго распоряженія съ должности сняли!

— Натко! Не станетъ онъ жаловаться, потому что самъ виновать, что по чести не убрался!.. У него у самого рыльцо въ

*

пуху и хвостъ замаранъ! Не то, что идти въ прошенья, я думаю онъ радъ-радеконекъ, что дешево отдѣлался!

— Можетъ быть, «они» и сами смилуются, пошлютъ за нимъ, да и оставятъ его на должности, на старомъ насиженомъ мѣстечкѣ! Съ непривычки-то вѣдь оно трудно за дѣло взяться: не знаешь, гдѣ что лежитъ и что, и какъ дѣлается! Можетъ быть, и ему еще поклонятся: «сдѣлай милость, поучи!»

— Ну, ужъ это на врядъ ли! Пользы городу отъ этого не будетъ нисколько, потому что онъ будетъ стараться все по старому гнуть, по своему ворочать, какъ до сихъ поръ велось! Теперь города-то въ порядокъ начинаютъ приходить, а у насъ до сихъ поръ было что?

— Ну, а что, какъ по газетамъ слышно: во многихъ городахъ «новое положеніе» введено? справлялся гражданинъ, не читавшій газетъ.

— Во многихъ введено, а больше того еще только начинается вводиться! отвѣчалъ гражданинъ, получавшій «газетину».

— Надо бы и намъ просить!

— Вчера «на биржѣ» толковали, что послѣзавтра на общественной сходкѣ будетъ объ этомъ разсужденіе!

Биржею называлась площадка передъ часовней, стоявшей на перекресткѣ двухъ главныхъ улицъ города. Вечеромъ, въ хорошую погоду, на этой площадкѣ можно было встрѣтить многихъ именитыхъ купцовъ, собиравшихся часто не для заключенія торговыхъ сдѣлокъ, а для передачи новостей и событий дня.

— Дай Богъ, чтобы и намъ разрѣшили поскорѣй!.. Тогда, хѣсь-то продавши, банкъ устроимъ!

— Мостовыя перемостимъ!.. Къ вокзалу шоссею проведемъ!

— Общественныя лавки исправимъ! Это важнѣй всего!..

— Училище откроемъ! Это еще поважнѣй!

— Фонарей по улицамъ наставимъ!

— Ну, выдумаль!.. Это—самое пустое дѣло: жуликамъ только дорогу указывать! Главное—мостъ бы справить!

— Мало ли дѣловъ-то! Всѣхъ не перечесть!

— А правду говорятъ, будто по новому положенью головѣ и его сподручнымъ жалованье полагается?

— А то какъ же! Безъ этого теперь никакъ нельзя! Дѣло дѣлай и жалованье получай!

— А много ли?

— Сколько общество назначить!

— Кто-жь захочетъ «брать»? Чай, все больше изъ чести, какъ теперь!

— На-ко-ся! Изъ чести! Хорошъ гусь!.. У насъ голова пят-

наддать лѣтъ служилъ изъ чести, а скажи ты мнѣ, много ли разъ ты его все это время въ думѣ видѣлъ? Заправлялъ у насъ дѣлами будто кандидатъ, а на самомъ дѣлѣ одинъ секретарь что хотѣлъ, то и дѣлалъ! А по новому-то положенію секретарь ужъ ни причесть! Понялъ? Все — сами члены! И за все положены взыски! Чуть что не такъ: «почему не такъ? ты вѣдь не за дарма служишь, а жалованье получаешь!» Общество, въ родѣ будто, какъ хозяинъ, а они — это голова-то со своими сподручными—въ родѣ будто, какъ прикащики на отчетѣ! А смотрѣть за ними выбираютъ отъ города гласные, все равно какъ въ земствѣ! И ужъ порядки-и! Платить тебѣ надо: дадутъ тебѣ квитанцію, изъ книги вырѣжутъ, а получать надо — сперва распишешь въ книгѣ!.. Мы съ тобой примѣрно, гласные, такъ копейки безъ нашего спроса стратить не смѣй, а истра-тишь — такъ покажи, куда она дѣта!

— Неужели такъ строго?

— А то какъ же! Еслибы не такъ строго, то, пожалуй, денежки-то, что за лѣсъ выручимъ, по карманамъ и тово! И остались бы мы и безъ лѣсу, и безъ денегъ, и безъ мостовыхъ, и безъ училища, и безъ...

— Ну, да говори прямо: безо всего!

III.

Городская ходяюшка въ доброе старое время. — «Тогдашніе» порядки. — Голова и думскіе гласные. — Кому принадлежало первое въ городѣ мѣсто. — Первый въ городѣ богатъ. — Роль капитала при выборахъ въ головы. — «Ежедневная газетина» и ея вліяніе на обывателей. — Градскій голова Филиппъ Федоровичъ Филатовъ. — Его отношенія къ обывателямъ-избирателямъ. — Моховая-арестантская. — Біографія Филатова, какъ одного изъ столбовъ мѣстной торговли. — Его племянникъ Неугодовъ.

Только-что рассказанныя мною событія, сопровождавшія вступленіе въ свои должности новаго головы и новыхъ гласныхъ, происходили, какъ, вѣроятно, догадался читатель, еще при старомъ порядкѣ городского управленія, не за долго, впрочемъ, до смѣны его «новымъ городovýmъ положеніемъ 1870 года», которое, судя по газетнымъ извѣстіямъ того времени, вводилось или было уже введено во многихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нашей необъятной матушки Россіи.

Самая смѣна прежняго состава думы произошла подъ вліяніемъ времени. Изъ приведеннаго выше разговора гражданъ читатель могъ видѣть, что обыватели пришли къ сознанію, что

«время теперь стало не то», что города должны въ порядокъ приходить, что, словомъ, прежняя «безтолочь» долѣе терпима быть не можетъ.

Называя свое прежнее хозяйство «безтолочью», граждане были совершенно правы. Собственно говоря, никакого городского хозяйства и не было: была одна только «смета прихода и расхода городскихъ суммъ на три года», которую составлялъ секретарь, которую разсматривали въ губерніи и, по утверженіи, присылали въ думу для исполненія. Вообще надо замѣтить, что городскія управленія унраздненнаго образца имѣли въ своихъ дѣйствіяхъ весьма мало самостоятельности. Всякое распоряженіе по улучшенію городского хозяйства должно было предварительно восходить на утвержденіе губернской администраціи, а это вело съ одной стороны къ неизбѣжнымъ проволочкамъ времени, болѣе или менѣе значительнымъ, находившимся, въ свою очередь, въ зависимости отъ того, сколько прислано «за скорый успѣхъ» дѣла, т. е. за скорый и благопріятный отвѣтъ, а съ другой—отбивало охоту особенно-то ужъ очень усердствовать въ дѣлѣ улучшенія городского хозяйства, всегда требовавшемъ расходовъ изъ городскихъ суммъ, на которые нужно было всегда испрашивать согласіе губернскаго начальства и иногда получать отказы: «какъ еще тамъ взглянуть! да еще разрѣшать ли! пошлешь, покажется мало, придется добавлять! да какъ бы не наклеили намъ носъ! ужъ лучше какъ-нибудь такъ обойдемся!» говорилось обыкновенно въ думѣ, при обсужденіи сметы какого-нибудь мѣропріятія, на выполненіе котораго требовалось произвести затраты изъ городскихъ суммъ. Пуще всего боялись «наклейки носа» и старались «обойтись какъ-нибудь такъ». Жаль было и своего кармана, такъ какъ приношенія въ губернію составляли личный текущій счетъ городского головы и находились въ прямой зависимости отъ размѣровъ его состоянія. Въ силу такихъ сложившихся годами обстоятельствъ, лица, которыхъ городское общество избирало представителями своихъ интересовъ, слишкомъ мало обращали вниманія на эти интересы, «на пользу общества», и въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ они могли бы выказать свои заботы объ этой пользѣ, нельзя было найти ни порядка, ни системы, потому что и самыя заботы-то возлагались почти всегда на человѣка, чуждаго интересамъ города и общества, на «думскаго секретаря», игравшаго при прежней системѣ городского управленія важную роль и державшаго въ большинствѣ случаевъ это управленіе въ своихъ рукахъ. «Какъ скажетъ секретарь—такъ и было». Вообще дѣло велось, что называется, спуста рукава.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что качественный составъ городского управленія зависѣлъ, главнымъ образомъ, отъ того, кто состоялъ во главѣ этого управленія, отъ городского головы. Какъ былъ голова, таковы и гласные, его «сподручники». Гласныхъ прежняго городского управленія не слѣдуетъ смѣшивать съ гласными новаго: первые имѣли права и обязанности, перешедшіе, при новомъ положеніи, къ членамъ городскихъ управъ; собраніе вторыхъ, называемое по новому городскому положенію «думою», представляетъ собою все городское общество, входитъ въ обсужденіе дѣлъ, касающихся этого послѣдняго, и вообще дѣйствуетъ его именемъ во всѣхъ случаяхъ, когда законъ требуетъ по этимъ дѣламъ общественнаго приговора или постановленія. При прежней системѣ выборовъ на должность городского головы и гласныхъ непосредственно всѣмъ городскимъ обществомъ, будущій голова, запасшись большинствомъ голосовъ, могъ «подбирать себѣ сподручниковъ» съ гораздо большимъ удобствомъ, чѣмъ теперь, при новомъ положеніи, по которому назначеніе должностныхъ лицъ городского управленія оставлено «думѣ», собранію гласныхъ, которые, въ свою очередь, избираются тремя категоріями избирателей.

Филиппъ Федорычъ Филатовъ былъ избранъ на пятое трехлѣтіе.

— Кого выбрали? спросилъ я, не зная еще о результатѣ выборовъ, у избирателя, считавшагося между гражданами за великаго умника. «Шутка сказать: дѣльныхъ три газетинны сразу выписываетъ! И какъ это достаетъ его, чтобы кажды-день всѣ ихъ читать!» удивляясь, говорили про него обыватели.

— Кого выбрали? Хе! Да кого же больше! Все того же и выбрали! Филиппа Федорыча опять выбрали!

— Лучше-то развѣ ужъ и нельзя было найти?

— Лучше-е? А кто-жъ у насъ супротивъ его по капиталу выстоятъ? спросилъ онъ у меня, въ свою очередь.

— Да развѣ выбираютъ по капиталу?..

— А насчетъ всего прочаго секретарь на что? перебилъ онъ меня съ неудовольствіемъ.

Итакъ, капиталъ игралъ, при выборѣ въ городскіе головы, главную роль. Достаточно было быть «первымъ въ городѣ богачемъ», чтобы быть городскимъ головою, «первымъ въ городѣ лицомъ».

— Капиталу—почетъ и первое въ нашемъ городѣ мѣсто! пояснилъ мнѣ обыватель-избиратель причины избранія Филатова въ городскіе головы на новое трехлѣтіе.

— Безъ капитала на эту должность и идти нельзя! Пропа-

дешь!.. Смету ли посылаешь въ губернію на утверженіе, раскладку ли какую, или просто за какимъ-нибудь разрѣшеніемъ — плати! За всякую бездѣлицу — плати! А не заплатишь — отвѣту не дождешься, да подь худой часъ и въ несчастіе попадешь! Вотъ у насъ этотъ самый купецъ Безпраздниковъ, что недавно померъ, царство ему небесное, небогатаго состоянія былъ человѣкъ, лѣтъ двадцать пять тому назадъ, избранъ былъ въ головы. Попробовалъ онъ покуситься, — потому многого и дать по состоянію своему не могъ — ну и угодилъ подь судъ! Тамъ ничего такого знать не хотятъ! Пустяки, пустяки, а дѣло-то и до сихъ поръ еще не кончено! Развѣ вотъ что умеръ-то, такъ, чай, прикрыли! Значить, на этой должности безъ капитала обойтись никакъ нельзя! прибавилъ въ заключеніе обыватель.

Вообще, до введенія новаго городского положенія обыватели-избиратели смотрѣли на должность городского головы, какъ на почетную и, притомъ, скорѣе почетно-пассивную, чѣмъ почетно-активную, какъ теперь землевладѣльцы, земскіе гласные пока еще смотрять на «должность» почетнаго мирового судьи. — «Надо человѣка уважить — валий его въ почетные!»

Перемяна во взглядахъ обывателей на общественную дѣятельность городскихъ властей произошла почти наканунѣ введенія новаго городского положенія, когда, благодаря «газетникъ», которая, въ свою очередь, благодаря вновь проведенной желѣзной дорогѣ, получалась ежедневно «не то, что какъ прежде, кучей, по пяти, по шести нумеровъ за разъ!» и читалась съ большимъ противъ прежняго вниманіемъ, въ гражданахъ-обывателяхъ пробудилось сознаніе, что «города должны въ порядокъ придти». На эту перемяну во взглядахъ повліяло много и другихъ причинъ, о которыхъ читатель узнаетъ ниже.

Пятнадцать лѣтъ пробылъ Филиппъ Ѳеодорычъ Филатовъ городскимъ головою, получилъ въ теченіи своей службы двѣ медали: одну серебряную за долголѣтнюю службу, другую — золотую за подаренный имъ обществу домъ, но, кромѣ этого подарка, никакихъ другихъ вещественныхъ знаковъ своей многолѣтней дѣятельности для города не оставилъ. «Какъ до него было, такъ и послѣ него осталось, если не считать этого дома, а какъ его считать, когда онъ за наши же общественныя денежки построенъ: земля, да разваленныя стѣны не бо-знать чего стоятъ!» говорили граждане, подводя итоги дѣятельности Филатова.

«Самый богатый во всемъ городѣ купецъ», онъ велъ обширную торговлю хлѣбомъ въ разныхъ портовыхъ городахъ Россіи и большую часть года, въ особенности въ теченіи навигаціи, про-

водилъ «въ отлучкахъ по коммерческимъ дѣламъ». Въ городѣ онъ бывалъ, «какъ въ гостяхъ», — говорили про него граждане, что не мѣшало имъ, однакоже, выбирать его въ головы пять трехлѣтій подъ рядъ. Зимы, впрочемъ, онъ всегда проводилъ дома, но въ городскія дѣла вмѣшивался мало, въ особенности при послѣднихъ трехлѣтїяхъ, отсылая всѣхъ, обращающихся къ нему съ разными просьбами и ходатайствами къ «кандидату», своему шурина, исправлявшему за него должность головы, а чаще всего къ знакомому уже намъ думскому секретарю Негробову.

Худой, сухощавый, желтый старикъ, Филатовъ круто обращался со своими просителями, болѣею частію бѣдными мѣщанами, приходившими къ нему на домъ просить помощи или защиты болѣею частію по поводу такихъ пустяковъ, какъ напримѣръ, «неправильное занесеніе сына на рекрутскую очередь», невыдача паспорта и т. п.

— Что надо? спрашивалъ онъ просителей, выходя къ нимъ въ черную переднюю.

— Сыночекъ мой единственный запонапрасну въ некруты записанъ! съ поклонами, иногда земными, отвѣчаетъ какая-нибудь старуха-мѣщанка.

— У моего кандидата была?

— Никакихъ резонтовъ не примааетъ, потому...

— У секретаря была? перебиваетъ ее голова.

— Сперва-было и на глаза къ себѣ не допустилъ, да я черезъ жонку его дорогу сыскала! Полфунта чаю ей въ подарокъ снесла! Требуется онъ за ослобоненіе десять рублей, да голову сахару!.. А гдѣ мнѣ взять, коли я сама не кажи-день чай пью!..

— Ну, хорошо! Ступай въ думу! Я, можетъ быть, нынче выйду туда, такъ разберу твое дѣло! объявляетъ онъ просительницѣ, иногда по цѣлымъ днямъ тщетно дожидавшейся его у думскаго подъѣзда. — Ну, а тебѣ что? переходилъ онъ къ другому просителю.

Этотъ только кланялся, ничего не отвѣчая.

— Ну, да говори: что? Языка, что-ль, нѣту?

— Паспортъ мнѣ...

— Развѣ не знаешь, что въ думѣ на то секретарь есть!

— Не выдаетъ!

— Отчего не выдаетъ?

— Три рубля просить!

— Коли просить, значить, надо дать!.. Не смѣй больше ко мнѣ съ такими пустяками шлаться!

— Отецъ родной, господинъ голова! Нельзя ли какъ безъ трехъ рублей! За мной недоимокъ нѣтъ нисколько!

— Ты еще разговаривать! А въ «моховую» хочешь?

«Моховая», холодный амбаръ изъ бревень на мху, вмѣсто палли, извѣстная между гражданами также подъ названіемъ «холодной», служила вмѣсто арестантской при городской думѣ; въ нее, въ прежнее блаженное время, сажались, по распоряженію головы, а иногда и секретаря, провинившіеся граждане, а во время рекрутскихъ наборовъ—рекрута «до сдачи» ихъ въ военное вѣдомство. Изъ боязни, чтобы они не убѣжали, ихъ сажали въ «холодную». Обыкновеніе это оставлено лишь въ недавнее время.

Каковы были отношенія Филатова къ обывателямъ, читатель узнаетъ изъ слѣдующаго случая. Разъ—это было еще въ первые годы службы Филатова городскимъ головою—въ торговыхъ дѣлахъ его произошла, что называется, «заминка». Скупилъ онъ у городскихъ, мѣстныхъ купцовъ много разнаго сорта «хлѣбовъ», съ условіемъ «половину денегъ обождать до извѣстнаго срока». Вслѣдствіе уменьшившагося требованія на хлѣбъ за-границей, цѣна на него пала. Филатовъ, продай онъ свой «товаръ» тотчасъ же, долженъ былъ бы понести большіе убытки, во избѣжаніе которыхъ онъ рѣшился переждать это затишье и сложилъ весь свой хлѣбъ въ амбары при одномъ изъ нашихъ портовъ. Навигация закрылась, а поправки въ дѣлахъ не было. Филатовъ пріѣхалъ на зиму домой. Подошли сроки платежей купцамъ денегъ, а ихъ-то въ наличности у Филатова и не было: «всѣ были въ товаръ вбиты». Положеніе его было критическое.

Цѣлыми толпами приходили къ нему торговцы съ просьбами объ уплатѣ долга. Дальше черной передней ихъ не пускали. Тѣ сперва-было посердились, а потомъ ничего, привыкли.

Филатовъ выходилъ къ нимъ въ халатѣ и съ трубкою въ зубахъ.

— Чтò надо?

— За расчетцемъ-съ, Филиппъ Ѳеодорычъ, пришли! Срѣга чай, сами знаете, подошли!

— Приходи всѣ завтра!

На завтра кредиторы, предварительно уговорившись «не уходить отъ головы до тѣхъ поръ, пока не расплатится», опять терпѣливо дожидались его появленія въ передней.

— Чтò надо? спрашиваетъ онъ у нихъ, будто забывъ о цѣли ихъ прихода.

— За расчетцемъ-съ пришли-съ, Филиппъ Ѳеодорычъ! отвѣ-

часть который-нибудь побойчье: — очень уж самимъ крайняя нужда, такъ что даже больше терпѣть не можно!

— Хорошо! Приходи всѣ завтра!

Повернется и уйдетъ.

А на завтра—опять та же исторія. Такъ «промаячилъ» онъ ихъ всю зиму, вплоть до открытія навигаціи, и всю зиму изодня въ день повторялась одна и та же сцена. Дорогой, идя къ своему должнику, кредиторы наобѣщаются другъ другу чуть не за воротъ его схватить, требуя уплаты долга, а въ результатѣ обмененно выходило такъ, что двухъ словъ его: «что надо?» было достаточно, чтобы самые храбрые изъ нихъ теряли весь свой пылъ и задоръ. Это было въ то время, когда онъ еще только входилъ въ силу, а что бывало потомъ...

— Оно, конечно, мы между собой больше для бодрости говоримъ: «за воротъ его!» Потому словно будто подбодрившись немножко, когда всѣ согласятся приступить къ нему съ короткимъ «давай деньги, не то за воротъ!»... А попробуй-ка на самомъ дѣлѣ—пропадешь! говорили кредиторы, выходя отъ должника.

И опасались они не столько «моховой», куда могли попасть болѣе назойливые изъ нихъ, сколько изъ коммерческихъ расчетовъ.

— Судомъ ты съ него ничего не возьмешь: только просудишь свои капиталы, да и дѣло-то не вѣсть когда кончится! Ему и уѣздный судья, и стряпчий, и полиція — все народъ свой, насъ на него не промѣняютъ!.. Лучше кажи-день ходи, проси, да кланяйся! А станешь судиться съ нимъ, долженъ ты съ нимъ разсориться, а прогнѣваешь его, перестанетъ онъ съ тобой торговаться и другимъ запретить у тебя покупать, а племяннику своему Неугодову запретить тебѣ денегъ въ кредитъ давать, и долженъ ты пропасть за ничто, потому что всякій его послушается, уваженъ ему сдѣлаетъ, тебя на него не промѣняетъ! глубокомысленно разсуждали болѣе смиренные кредиторы.—Ходи-себѣ кажи-день, да кланяйся—вотъ тебѣ и судъ весь!..

Вообще надо замѣтить, что мелкіе торговцы-обыватели были въ полной его финансово-крѣпостной зависимости и составляли главный контингентъ его избирателей. Впослѣдствіи, во времена болѣе близкія къ настоящему, явились и у него конкуренты по портовой торговлѣ между обывателями, что, конечно, не могло не повліять на упадокъ его авторитета.

Какъ, какими путями Филатовъ нажилъ себѣ состояние, оцѣнваемое народною молвою въ полмилліона, я, вмѣстѣ съ легкимъ наброскомъ его біографіи, разскажу на нѣсколькихъ строкахъ. Онъ происходилъ изъ крѣпостныхъ графовъ Глупицкихъ.

Крестьяне богатой деревни Купчихи (съ пристанью какъ разъ около деревни) до сихъ поръ еще указываютъ на хатку, бывшую жилищемъ его покойнаго отца. Филиппъ съ молодю оказался шустрымъ малымъ. Его однодеревенцы занимались зимнею порою постройкой барокъ на «своей» пристани для двухъ-трехъ купцовъ, въ то время сгонявшихъ по протекающей мимо Купчихи сплавной рѣкѣ хлѣбный товаръ къ порту. Филиппъ, не успѣли его женить, уже подбираетъ себѣ артель, дѣлается ея хозяиномъ и беретъ подрядъ «поставить на воду десять барокъ». Пять-шесть лѣтъ спустя, никто изъ крестьянъ деревни Купчихи не смѣлъ безъ Филиппа Ѳеодорыча рядиться на работу: всѣ были у него въ рукахъ, всѣ были ему должны, потому что за всѣми были запущены его деньги. Еще пять лѣтъ, и Филиппъ Ѳеодорычъ, по дѣдушкѣ Филатовъ, откупается со всѣмъ своимъ семействомъ на волю и принимается за новое дѣло: онъ ставитъ на свой счетъ на воду пять барокъ и беретъ хлѣбный товаръ «на кладъ», то-есть обязывается передъ товарокозьями за условленную плату съ пуда доставить грузъ ихъ къ порту. Ему посчастливилось: товарокозья перестали строить барки сами и отдавали свой товаръ ему «на кладъ». Черезъ пять слѣдующихъ лѣтъ, каждую весну у него ходило уже пятьдесятъ или шестьдесятъ барокъ съ хлѣбнымъ грузомъ, козьява котораго до того ввѣрились въ него, что стали поручать ему не только доставку, но и продажу груза, заранѣе условившись «дешевле чего не брать за товаръ». Исполненіе этой комиссіи въ иные годы приносило ему громадныя барыши и никогда убытка, потому что «за предбудущія цѣны на товаръ» онъ не отвѣчалъ. Тяжелый 18... годъ, раззорившій, обанкротившій всѣхъ хлѣбныхъ торговцевъ описываемой мѣстности и «крупныхъ», и «средней руки», и «маленькихъ», какъ будто и не коснулся Филатова и даже видимо выдвинулъ его впередъ. «Кому несчастье, а ему—все барыши, не безъ зависти говорили про! него обѣдѣвшіе граждане: — намъ раззоренье, а онъ за свою комиссію что ему слѣдуетъ сполна получилъ, копеечки не уступилъ». На слѣдующій годъ онъ самъ записывается въ первую гильдію и дѣлается «портовымъ купцомъ»: бывшіе его однодеревенцы продолжали строить ему барки и сгоняли ихъ къ порту. По уничтоженіи крѣпостнаго права, онъ купилъ съ торговъ, и очень дешево, описанное за долги большое подгородное имѣніе своихъ бывшихъ господъ, и съ этого момента заря его счастья засіяла ярко, ярко: онъ былъ уже третье трехлѣтіе городскимъ головою и первымъ въ городѣ лицомъ и смѣло могъ сказать, что «по капиталу, никто изъ гражданъ супротивъ его выстоять не могъ».

Само собою разумѣется, что образованіе его не шло дальше умѣнья читать, писать и выкладывать на счетахъ. Всему этому онъ выучился тогда уже, когда сталъ «забирать силу». «Все остальное — фанаберія, какъ онъ говорилъ:—человѣку торговому счеты дороже всего». Ставши головою, онъ началъ выписывать «газетину», потому что «всякій разговоръ съ чиновными людьми приходится вести, такъ все оно ловчѣй». По коммерческимъ дѣламъ онъ самъ велъ обширную корреспонденцію, переписываясь «больше насчетъ цѣнъ на товаръ» со своими специальными корреспондентами, заведенными имъ въ разныхъ торговыхъ пунктахъ. По введеніи мировыхъ учреждений, онъ, конечно, былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьей, и зимою, когда жилъ въ городѣ, исправнѣйшимъ образомъ посѣщалъ засѣданія мирового съѣзда: ему пріятно было «судить» своихъ гражданъ. До сихъ поръ хранится у меня копія съ рѣшенія одного изъ дѣлъ, разбиравшихся съ его участіемъ въ съѣздѣ въ первый годъ по открытіи мировыхъ учреждений, на которой онъ подписался за куда-то отлучившагося непремѣннаго члена такъ: «за члена почетный мировой судья и градскій голова Филатовъ». Наслы, послѣ долгихъ пререканій, участковые мировые судьи убѣдили его подписывать свою фамилію подъ резолюціями и рѣшеніями дѣлъ, въ разсмотрѣніи которыхъ онъ участвовалъ въ качествѣ почетнаго мирового судьи, «безъ ферта», а съ буквой «в» на концѣ. «Тридцать лѣтъ и три года, говорилъ онъ имъ въ свое оправданіе:—пишу я фамилію свою съ двумя фертами и никто ни разу мнѣ слова не сказалъ!»

Потомства у Филатова не было. Жену его Богъ плодородіемъ не наградилъ и это обстоятельство было «отравой его жизни», какъ онъ выражался.

— Состою я теперь въ первомъ милліонѣ, а кому я оставляю свои капиталы! говаривалъ онъ подъ сердитую руку женѣ:— Ну, кому? Твоему племянничку Неугодѣ? Такъ онъ и безъ того богатъ, самъ хорошій капиталъ имѣетъ, на проценты его отдаетъ и огромнѣнные барыши получаетъ! Раздамъ на монастыри! Право, раздамъ.

Съ Неугодовымъ, племянникомъ головы по женѣ, читатели моихъ очерковъ немножко уже знакомы. Этотъ типъ провинціального дѣльца-обывателя займетъ соотвѣтствующее мѣсто и на страницахъ этого разсказа.

III.

Думскій секретарь Иванъ Петровичъ Негроровъ и календарь его.—Присвоенныя ему по его должности привилегіи.—Ходочки-позыватне.—Концы пироговъ.—Поборы и сборы.—Причины, почему граждане безропотно выплачивали думскому секретарю налагаемыя имъ на нихъ контрибуціи.—Что стоило «думскимъ гласнымъ» ихъ «небезпокойство изъ лавки». — Что значило служить ихъ чести.—Городская дума въ базарный день.

Съ думскимъ секретаремъ Иваномъ Петровичемъ Негроровымъ мы тоже уже немножко знакомы. Секретарь думы при прежнемъ порядкѣ городского управленія игралъ такую важную роль, что не познакомить читателя съ этою чиновною особою поближе было бы большимъ упущеніемъ съ моей стороны.

Начавъ свою службу въ думѣ одновременно съ Филатовымъ, Негроровъ, съ перваго же года своего служенія въ должности «думскаго секретаря», успѣлъ не только войти къ нему въ добрыя, но и положительно забрать его въ руки. Филатовъ безъ Ивана Петровича не разрѣшалъ никакого «городскаго дѣла», не могъ сдѣлать безъ него шагу во время же отсутствія его изъ города по коммерческимъ дѣламъ, въ отправленіе должности головы номинально выступалъ «кандидатъ», его шуринъ, безгласнѣйшая личность въ мірѣ. Понятно, что всѣми дѣлами продолжалъ заправлять Негроровъ, и граждане вскорѣ «на практикѣ» узнали, какъ они выражались, кто у нихъ въ дѣйствительности былъ голова. Нѣкоторые изъ нихъ, въ первое время службы Негророва, рѣшились было открыть глаза «старикну», рассказывали ему о продѣлкахъ его «правой руки»; однако, всѣ эти разговоры ни къ чему другому не вели, какъ развѣ къ тому, что Негроровъ зачислялъ жалобщиковъ въ списокъ своихъ недоброжелателей и не упускалъ случая отмстить если не имъ самимъ, то ихъ родственникамъ, а такихъ случаевъ у него было подъ рукою много. Впоследствии, граждане свылились, сжились и съ Негроровымъ и со всѣми заведенными имъ порядками: сила сломила солому.

У Негророва былъ свой «календарь»: декабрь мѣсяць и начало января, когда торговцы «подавали капиталы», то-есть, внося известное количество денегъ, получали изъ думы свидѣтельство на право торговли, онъ называлъ «страдою».

— Безъ пяти рублей не смѣй ему на глаза за промысловымъ свидѣтельствомъ показываться! Замучаетъ!

— Да! Недѣли двѣ проходишь къ нему въ думу-то! А какъ

въ ручку-то ему вложишь, живой рукой въ одинъ мигъ всякую штуку обработаетъ!

Время рекрутскихъ наборовъ называлъ онъ «покосомъ».

— Три рублевки отдала ему, кровопивцу, за то, чтобы сына моего единственнаго не тревожилъ, въ очередь не записывалъ, а его и записывать не слѣдъ: одинъ онъ у меня! Въ Москвѣ при мѣстѣ живетъ, а онъ его зря, по пустякамъ требуетъ, чтобы только сорвать съ меня, бѣднаго человѣка, что ни на есть жаловалась мнѣ; старуха-мѣщанка, сына которой неправильно потребовала дума на очередь.—Была у головы, а голова къ секретарю шлетъ, а секретарь, акромя того, что я ему дала, еще фунтъ чаю проситъ! Давать-ли ужъ, не знаю! Полуфунтика чайку-то я снесла жонкѣ его въ подарокъ, да видно мало! Сперва онъ головку сахарцу просилъ, а теперь на фунтъ чаю съѣхалъ!..

Читатели, быть можетъ, сочтутъ невѣроятнымъ, что Негроровъ, въ числѣ прочихъ своихъ привилегій, пользовался правомъ праздновать день своего ангела столько разъ въ году, сколько разъ Богъ на душу положить. Къ чести его надо приписать, что онъ не жадничалъ и, въ теченіи первыхъ двѣнадцати лѣтъ своей службы, рѣдко когда собиралъ свои именины больше двухъ разъ въ году: — на Ивана Златоуста, да на Ивана Богослова. Иногда, впрочемъ, онъ сзывалъ къ себѣ гостей и на Ивана Воина. Доложили объ этомъ головѣ: «такъ, дескать и такъ, секретарь думскій вонъ какую штуку затѣялъ: одного раза-то видно ему мало, такъ два, а не то и три!..»

— Ну, такъ что-жъ! Коли человѣкъ такое усердіе имѣетъ, ты поди и поздравь его съ ангеломъ! былъ отвѣтъ.

И ходили, и поздравляли.

— Сперва оно, конечно, за диевинку намъ было, что человѣкъ—и разъ именинникъ и потомъ другой разъ именинникъ и все въ одномъ и томъ же году, потому всѣ прочіе чиновники такой порядокъ соблюдали, что «собирали» насъ къ себѣ только по разу въ годъ на день андела! Что, напримѣръ, городничій, али, напримѣръ, стряпчій, али на что ужъ кварталные, али секретари—всѣ по разу! А этотъ по два!.. Такъ вотъ, до тѣхъ самыхъ поръ, пока чугунокъ начали проводить, постоянно по два, а то такъ и три!.. И никто ему не перечилъ, слова не могъ сказать! Городничіе и стряпчіе прекратились, новыя порядки завелись, а онъ все лупилъ по старому! Стала стронться чугунка — прикончилъ, зачалъ по разу собирать! рассказывали мнѣ граждане, приписывая чугунокъ великое цивилизующее значеніе.

Ходочки, быть можетъ, тѣ самыя, которые съ такимъ триумфомъ вынесли своего бывшаго начальника «прочъ отъ должно-

сти», въ былое время, по его приказу, наканунѣ одного изъ дней, когда по святцамъ «празднуютъ Иваны», обходили гражданъ по лавкамъ и домамъ, въ качествѣ «позыватыхъ». «Господинъ думскій секретарь Иванъ Петровичъ приказалъ вамъ являться и просить васъ завтра къ себѣ на конецъ пирога!» провозглашалъ, обыкновенно, затверженную стереотипную фразу «ходочекъ-позыватый», являясь къ обывателю-торговцу въ домъ или, всего удобнѣе, въ лавку.

Приглашеніе посылалось съ осторожностью: «на конецъ пирога» — и только. О причинахъ приглашенія надо было догадываться.

— Что-жь это у него? именины?

— Надо быть, именины! не безъ усмѣшки и шопотомъ отвѣчаетъ позыватый.

— Который же это разъ! Никакъ второй?..

— Надо быть, второй! ухмыляется позыватый.

— Ахъ, чтобы его! Сважи, что буду! Не забудь, смотри! На вотъ тебѣ на водку!

И волей-неволей граждане шли «на конецъ пирога» и — избави Боже, чтобы съ пустыми руками. Лучше было совсѣмъ не приходить, чѣмъ придти «безо-всего». Меньше рубля въ руку, при рукопожатіи во время здорованья и поздравленія, давать было нельзя: это значило бы «обидѣть» хозяина. Жизненные продукты, по предмету специальности каждаго торговца-обывателя, присылаемые еще съ вечера съ работникомъ, въ этотъ расчетъ не входили. Вручавшій болѣе «трешницы» приглашался на вечеръ «на чашку чая и стужолку».

Въ первое время, эти «сборы», какъ уже знаетъ читатель, еще составляли предметъ толковъ и пересудъ между обывателями, а потомъ всѣ такъ свыклись, сжились съ этими «концами пирога», что иной разъ сами обыватели удивлялись, что «вотъ Иваны прошли, а секретарь на конецъ пирога насъ не собиралъ! въ прошломъ году собиралъ, а въ новѣйшемъ что-то вотъ нѣтъ. должно быть, не въ эти Иваны, а въ тѣ вотъ, что въ будущемъ мѣсяцѣ будутъ, соберетъ!..

— Э! Да Богъ съ нимъ! Ну чѣмъ ему, при его семействѣ, жить! Ну, какое онъ жалованье получаетъ: четырнадцать рублей! Самые пустяки!.. Отъ насъ не убудетъ, а ему поправка! оправдывали нѣкоторые изъ гражданъ его поборы.

— Толкуй: чѣмъ жить! Онъ, небось, что ни годъ, то двѣ тысячи откладываетъ! утверждали другіе. — Вѣдь ты сочти: именины само-собой, а годовые праздники — опять само-собой.

А знаете-ли вы, почему всѣ эти поборы и сборы, и въ име-

чины, и въ годовые праздники, терпѣлись гражданами безропотно, съ покорностью. Они терпѣлись, переносились «страха ради служебнаго»: отъ службы, отъ должностей, соединенныхъ съ «дѣятельностью», граждане бѣгали. Почетную должность, право «носить» мундиръ, должности присвоенный, они были бы рады получить; отъ должности же, соединенной съ дѣятельностью и, значить, съ отвѣтственностью — упаси Боже! — А тутъ, какъ на грѣхъ, обозлившійся секретарь, забравъ въ свои руки бразды общественнаго развитія, могъ живой рукой навязать непокладистому обывателю должность, въ родѣ ратмана въ магистратъ («поди тамъ суди, да пересушивай!») или словеснаго судьи, или члена сиротскаго суда («сиди себѣ, знай, въ опекунскихъ отчетахъ копайся, не то какъ разъ за сиротскія денежки своими отвѣтишь: бывали вѣдь случаи-то!»), или депутата въ квартирную комиссію — должность, соединенную съ большимъ безпокойствомъ и непріятными столкновениями съ гражданами и вовсе ужъ не почетную, или, нѣтъ чего хуже для неграматнаго мѣщанина — должность сборщика податей, а то, коли кто хочетъ, должность гласнаго думы, приходорасходчика общественныхъ суммъ, избираемаго изъ числа гласныхъ (изволь это каждый день въ думу ходить, да тому же секретарю кланяться, чтобы показалъ, какъ и что надо дѣлать! говаривали люди, боявшіеся быть избранными на общественныя должности).

— Ужъ лучше два, а то и три раза въ годъ къ секретарю на конецъ пирога сходить, чтобы оставилъ меня въ покоѣ, не трогалъ, чѣмъ на себя такое безпокойство принимать! Пускай ихъ служатъ, кто служилъ до сихъ поръ! Они привыкли, а мнѣ еще привыкать надо!.. Ему, секретарю-то, что: стѣять только головѣ шепнуть про тебя, что вотъ ты еще не служилъ и что тебя слѣдуетъ на какую ни на есть должность изобрать — ну, глядишь, и готовъ! Голова отъ тебя никакихъ резонтовъ не приметъ, объявить про тебя на выборахъ — ну, и аминь! И будешь ты сидѣть себѣ на должности, да про себя посвистывать, а на конецъ пирога все-таки пойдешь... разсуждали граждане.

Голова и гласные, по старому положенію, служили «изъ чести». Служить изъ чести значило служить безъ жалованья и гдѣ нужно приплачивать отъ себя. «Приплачивать — это еще ничего», но служить людямъ торговымъ и, притомъ, служить по всѣмъ правиламъ служебнаго искусства было, по понятіямъ обывателей, «трудное дѣло».⁵

— Хорошо, если семейство у тебя большое: въ лавкѣ, на базарѣ, на сельской ярмаркѣ въ уѣздѣ, за твоимъ дѣломъ брать твой меньшей или сыночекъ на возрастѣ присмотрѣть могутъ, да

и то тоже нынче держи ухо востро! И все-таки не свой хозяйскій глазъ! А сидишь ты на должности, бумагъ передъ тобой куча, а тебѣ не объ бумагахъ этихъ думается! а думается тебѣ объ томъ, сколько-то сынишко твой съ прикащиками на ярмаркѣ семени льняного или овса ссыпали, да почему покупали!.. А ужъ одинокому человѣку, да еще при малыхъ дѣтяхъ, или при большихъ да непутѣвыхъ—просто пропадать ни за что въ такомъ разѣ приходится.

Поэтому «одинокіе» пуще огня боялись быть избранными на какую-нибудь общественную должность. Ввелся обычай заставлять ихъ «откупаться», и обычай этотъ практиковался съ большою пользою для городской казны.

«Наваливаютъ», напримѣръ, на выборахъ какую-нибудь общественную должность на одинокого, но, сравнительно съ другими, достаточнаго обывателя.

— Просимъ, просимъ! кричатъ граждане, слышавъ предложеніе головы.

— Прошу меня уволить! Человѣкъ я одинокій!..

— Просимъ, просимъ! кричатъ, орутъ, ревутъ со всѣхъ сторонъ обыватели.

— Если общество пожелаетъ освободить меня отъ этой должности, потому что человѣкъ я одинокій, торговлю и занятіе свое въ такомъ разѣ бросить долженъ, то жертвую я сейчасъ же въ городской капиталъ сто (или двѣсти) рублей! дрожащимъ отъ волненія голосомъ объявляетъ избираемый, когда крики потихнуть.

— Принять? спрашиваетъ голова.

— Принять! Принять! Другого назначить! Онъ, и въ заправду—человѣкъ одинокій! слышится со всѣхъ сторонъ, и сдѣлка, въ видѣ недобровольнаго пожертвованія, заключается ко всеобщему удовольствію. Иногда кто-нибудь изъ недруговъ откупавшагося закричитъ: «мало, мало!» и если найдетъ поддержку въ остальныхъ, то къ заявленной цифрѣ придется что-нибудь накинуть.

Состоять на хорошемъ счету у секретаря было все-таки и дешевле, и покойнѣй; поэтому многіе изъ обывателей даже особенно дорожили его приглашеніями «на конецъ пирога», какъ знавомъ особаго благоволенія. Въ силу такого порядка вещей, въ общественныя должности выбирались младшіе братья изъ большихъ семей, гдѣ отсутствіе одного изъ членовъ не могло произвести вліянія на ходъ торговыхъ дѣлъ.

Однакоже, и при всѣхъ этихъ удобствахъ избранные не выказывали особаго усердія къ занимаемымъ ими должностямъ.

Гласные заглядывали въ думу изрѣдка, болѣею частью только тогда, когда за ними прищлеть въ лавку секретарь. Входящія бумаги помѣчались секретаремъ, исходящія подписывались гласными въ своихъ лавкахъ, гдѣ они «сидѣли» днемъ, если только у нихъ чернила зимою «не были замерзши» или «высохши» — лѣтомъ. За «небезпокойство изъ лавки» нужно было оплачиваться.

— Ты сколько нынче платишь, чтобы тебя порѣже въ думу-то безпокоили, да сюда въ лавку, а то и на домъ, бумаги къ подписи приносили, а? — смѣясь, спрашиваетъ отбывшій должность гласнаго у отбывающаго.

— Не твое дѣло! сердито отвѣчаетъ тотъ.

— А-а! Не нравится! Вотъ оно что значить служба-то! Я въ мою бытность платилъ Ивану Петровичу патеричекъ въ мѣсяцъ, а теперь, чай, стало дороже: все вѣдь годъ отъ году дорожаетъ!... Неужли красненькую?

— Красненькую! со вздохомъ отвѣчаетъ отбывающій.— За то я ужъ и покоенъ! На чисто освободился! Другой годъ ни одной, какъ есть, бумаги не подписывалъ! не безъ удовольствія прибавляетъ онъ.

Въ базарные дни, вторникъ и пятницу, въ думѣ нельзя было никого найти. Даже «ходочки», занимавшіеся сапожнымъ мастерствомъ и жившіе въ зданіи думы въ особой каморкѣ, превращенной ими въ сапожную мастерскую, и тѣ чуть свѣтъ уходилъ въ эти дни на рынокъ, вынося на продажу свои произведенія. Въ эти дни дума была на замкѣ; въ остальные, въ ней господствовалъ часто одинъ думскій секретарь. Къ нему шли обыватели «со своими нуждами»; къ нему «несли» и отъ него получали удовлетвореніе.

Не удивительно, что, послѣ десяти лѣтъ служенія Негрובה секретаремъ, супруга его обладала хорошенькимъ деревяннымъ домикомъ въ семь оконъ по фасаду, а самъ секретарь капиталомъ, о размѣрахъ котораго ходили между обывателями разнорѣчивые слухи.

— Сталъ сильно зазнаваться — значить, денежки водятся!

— Изъ проценту, слышно, сталъ отдавать!

— А пріѣхалъ-то къ намъ въ самой что ни на есть паскудной одеждѣ и въ худыхъ, да рваныхъ сапожишкахъ! вспоминалось многими.

*

IV.

Сборы въ городской доходъ. — Система взиманія этихъ сборовъ. — Сборщики податей. — Приходорасходчикъ градской думы. — Его счеты и расчеты съ плательщиками. — Выборы съ «откупомъ». — Ревизія городскихъ суммъ. — Результаты ихъ. — Пользешка. — Губернаторскіе чиновники особенныхъ порученій. — Ихъ служебная опытность и неопытность. — За что думскій секретарь получалъ «казенный процентъ».

Система взиманія «доходовъ въ пользу города» съ городскихъ обывателей, при прежнемъ порядкѣ управленія, была доведена до такой степени простоты, дальше которой идти уже было нельзя.

Обыватели изъ мѣщанъ, болѣею частью владѣльцы маленькихъ участковъ земли и хозяева маленькихъ хатокъ, называемыхъ на мѣстномъ языкѣ «езопками», платили свои оклады, насчитываемые обыкновенно по раскладкѣ въ размѣрѣ не выше рубля, сборщику податей, избираемому ими изъ своей среды. Всѣ прочіе домохозяева имѣли дѣло съ тѣмъ изъ гласныхъ городской думы, которому ввѣрялось завѣдываніе приходомъ и расходомъ городскихъ суммъ, съ такъ называемымъ «приходорасходчикомъ», которому передавалъ свои сборы и сборщикъ податей.

Этотъ сборщикъ самъ ходилъ собирать подати «по езопкамъ», и какимъ образомъ онъ велъ свои расчеты съ обывателями, автору этихъ строкъ узнать не удалось. Говорятъ, что дѣло «безъ брани» не обходилось, и жалобы на неправильные начоты сборщика восходили даже на разрѣшеніе секретаря. Приходорасходчикъ отправлялъ свою службу открыто и, проводя болѣею часть дня въ своей лавкѣ, тутъ же, на виду у всѣхъ, принималъ отъ плательщиковъ «сборы въ городской доходъ». Такъ какъ обыватели уплачивали подати вообще туго, то приходорасходчикъ, при первомъ представлявшемся ему случаѣ, считалъ себя въ правѣ употреблять реквизиціонныя мѣры.

Приходить, напримѣръ, плательщикъ къ приходорасходчику въ его единственную во всемъ городѣ шорную лавку, въ которой этотъ послѣдній торговалъ нераздѣльно съ тремя своими братьями, и, сторговавши, что было тамъ ему нужно, отдаетъ деньги.

— Посто-ка, голубчикъ, за тобой вѣдь еще что-то «по городу» есть! объявляетъ покупатель и рачитель городскихъ интересовъ. — У меня естатн и податная книга здѣсь подъ руками! Посто-ка

я посмотри! Пять рублей семьдесят двѣ за тобой! Сдачи тебѣ слѣдуетъ три двадцать, я ихъ въ подати и пуцу, а два пятьдесятъ двѣ все-таки за тобой! Помни! Сейчасъ отдашь или послѣ какъ-нибудь занесешь?

— Христокъ съ тобой! Да я тебѣ въ прошлый разъ, когда возжи да пару хомутовъ покупалъ, полтора рубля отдалъ! Ты же самъ у меня сдачу-то оставилъ! Въ городской доходъ ее, сказалъ, поворотишь!

— Не бреши чего не надо!

Большинство гражданъ было между собою на «ты».

— Припомни-ка хорошенько: было это въ прошломъ мѣсяцѣ, еще въ тотъ день сильный дождь шелъ! Припомни-ка: еще тебѣ красенькую отдалъ, а ты у меня сдачу удержалъ, поворотилъ ее въ городской доходъ. Полтора рубля мнѣ приходилось сдачи! напоминаеть приходорасходчику плательщикъ.

— Что то я не вспомню! Видишь: и въ книгѣ моей никакой объ тебѣ помѣты нѣтъ.

— Спи еще! «не вспомню»!.. за то я помню!.. Я еще изъ лавки выходилъ, а къ тебѣ въ лавку инвалидный начальникъ съ исправникомъ зашли: «отъ дождя, говорятъ, укрыться хотимъ»!..

— Ну, вотъ теперь вспомнилъ!..

— Давай квитанцію, не то опять забудешь!

— Видишь: въ книгѣ отмѣтку дѣлаю!

— Давай, давай!

— Уплати остальные!

— Денегъ съ собой, ей-Богу, нѣту!.. Ты дай мнѣ квитанцію на эти два раза, что я тебѣ полтора рубля, да три двадцать уплатилъ! Опять, пожалуй, забудешь?

— Изволь, голубчикъ, съ удовольствіемъ! Да нечѣмъ мнѣ ее тебѣ написать: чернила всѣ высохли! Нешто карандашикомъ?.. Неформенно будетъ! А приходи-ка ты ко мнѣ завтра...

— Есть мнѣ когда расхаживать...

— Ты не перебивай! Приходи-ка ты ко мнѣ завтра, приноси остальные, я тебѣ форменную квитанцію выдамъ! А теперь, смотри, на твоихъ глазахъ, видишь, карандашикомъ помѣчаю твою уплату! Видишь! Ну, будь здоровъ!

Если плательщикъ расплачивался за текущій годъ начисто, то обращалось вниманіе на то, не осталось ли за нимъ «прошлогоднихъ».

— Постой-ка, я посмотрю: всѣ ли ты мнѣ прошлагодня отдалъ!

— Ну, ужь прошлогодня-то я тебѣ всё отдалъ! Забылъ только квитанцію получить!

— А словно быто нѣтъ!.. Ой, вѣдь такъ и есть—нѣтъ. Видишь, у меня въ прошлогодней книгѣ отмѣтки никакой нѣтъ—значить, ты и не платилъ!

— Говорю тебѣ вѣрно: заплатилъ! Ты еще съ братцемъ своимъ въ думу шель, я шель вамъ на встрѣчу. Ты около лавки Безпраздникова остановилъ меня и получилъ сколько слѣдуетъ по раскладѣ! Помнишь?

— Гдѣ-жь мнѣ всёхъ васъ упомянуть! Ты видишь: въ книгѣ отмѣтки нѣтъ!.. Вѣдь придется съ тебя черезъ полицію съ пенями взыскивать!..

— Да за что же? Я тебѣ при свидѣтеляхъ отдавалъ! Я свидѣтелей найду! Тутъ и братъ твой былъ, и самъ Безпраздниковъ въ дверяхъ своей лавки стоялъ! При нихъ ты съ меня что слѣдовало получилъ и сказалъ еще: «ну, теперь ты съ городомъ въ расчетѣ!»

— Не помню и не помню! Въ книгѣ отмѣтки нѣтъ—значить, уплаты нѣтъ! У меня книга вѣрная...

— Вѣрная! Своя домашняя, хозяйственная!

— Что-о? А это что! Видишь секретаремъ изъ думы выдана!.. Да нѣшто мнѣ своимъ карманомъ отдуваться? Хоть половину-то на себя прими!

— За что-жь и мнѣ двойныя платить? Говорю вѣрно: все уплатилъ!

— А ужь коли на то дѣло пошло, хочешь въ полицію отношеніе напишемъ—съ тебя и двойныя цѣликомъ взыщутъ! Стоить только секретарю сказать! Есть у тебя квитанція? А!.. Нѣту! Ну, ты всё цѣликомъ и заплатишь, коли половинки тебѣ стало жалъ!.. Плати половину, а я тебѣ сейчасъ квитанцію въ полной суммѣ выдамъ и въ книгѣ весь твой прошлый годъ «похерю»!

Если плательщикъ рассчитаетъ, что ему выгоднѣе заплатить «половинку» и получить квитанцію въ уплатѣ внесенныхъ имъ уже разъ сполна платежей за прошлый годъ, чѣмъ подвергаться вторичному взысканію ихъ черезъ полицію въ полной суммѣ, то ему остается только отдать эту «половинку». Иногда, впрочемъ, можно было отдать и половину и все-таки не получить квитанціи.

— Я и забылъ, что чернила-то всё высохли! Лѣто, жара! какъ имъ не высохнуть! объявляетъ приходорасходчикъ плательщику, сваливая зимой всю вину на морозы, на то, что отъ морозу чернила замерзли. — На вотъ тебѣ карандашъ и на вотъ тебѣ въ этой книгѣ твою страницу! Черкай, крести ты ее какъ

самъ знаешь! Это лучше всякой твоей квитанціи будетъ! На-ка вотъ, на!

И плательщикъ усердно, съ видимымъ удовольствіемъ начинаетъ «херить» свои расчеты съ городомъ въ «домашней» книгѣ приходорасходчика.

Иногда эти расчеты сводились за картами. Гдѣ нибудь на вечерникѣ играютъ въ стуюлку. Если въ числѣ играющихъ сидитъ приходорасходчикъ, то нерѣдко можно было быть свидѣтелемъ такого обстоятельства: приходорасходчикъ ставитъ крупный ремизъ, «пательщики»-граждане его разыгрываютъ, «разбираютъ», какъ говорятъ игроки въ стуюлку. Надо платить.

— Ну, приходорасходчикъ, ты чего-жъ задумался? Плати! требуютъ съ него денегъ партнеры.

Къ слову сказать, приходорасходчика никогда не называли по имени и отчеству, а всегда по занимаемой имъ должности.

— За тобой въ нынѣшнемъ году податей состоитъ въ недоимкѣ тридцать два рубля, а за тобой двадцать пять—такъ я обоимъ вамъ зачту, пожалуй! объявляетъ приходорасходчикъ обывателямъ, взявшимъ ремизъ.

— Давай квитанцію!

— Заходи завтра въ лавку!

— Маклеръ, будь свидѣтелемъ!

— Ну, ладно, ладно! Кому сдавать-то? торопилъ приходорасходчикъ, надѣясь отыграться.

Такъ велось дѣло годами. Составлялись ли отчеты по приходу и расходу городскихъ суммъ, объ этомъ знали только секретарь, да приходорасходчикъ. Иногда, впрочемъ, на общественной сходкѣ выбирались изъ среды обывателей «учетчики»; но результаты ихъ ревизіи никому не были извѣстны, да къ тому же никого изъ гражданъ и не интересовали. Обыватели знали, что въ «кованномъ ящикѣ» хранятся принадлежащія городу деньги («въ серіяхъ»); что ящикъ этотъ хранится въ казначейской кладовой, хранится инвалидной командой—значить, заботиться о цѣлости городскихъ суммъ было нечего; «цѣлы будутъ, что имъ сдѣлается!»

Разъ, вечеромъ, обыватели всполошились. Прощель слухъ, что приходорасходчикъ «не по капиталу заторговалъ», скупивши громадную партію кожъ. Въ уѣздномъ городѣ, какъ извѣстно, каждый изъ обывателей безошибочно скажетъ, сколько у такого-то изъ нихъ денегъ въ карманѣ и какъ великъ у такого-то «собственный капиталъ», а если вы торгуете «на занятія» деньги, то безошибочно укажетъ, на чьи именно, и скажетъ, сколько вы платите за нихъ процентовъ. Поэтому, всякое расширеніе тор-

говли не по собственному капиталу вызываетъ гражданъ на размышленіе: «а чьи это проявились денежки?»

Оказалось, что приходорасходчикъ ни у кого взаимн денегъ не бралъ.

— Что-то нечисто! шептались обыватели.

Внезапное приращеніе «собственнаго капитала» приходорасходчика не могло не возбудить чувства зависти и неудовольствія въ другихъ торговцахъ; слишкомъ ретивое исполненіе приходорасходчивомъ своихъ служебныхъ обязанностей давало гражданамъ удобный случай выражать свое неудовольствіе противъ него въ слухъ и въявь, публично.

— Капиталу-то прибавилось — загордѣлъ и пуще прежняго сталъ гражданъ податями тѣснить и, при томъ же, совершенно понапрасну! говорили про него обыватели.

Лавка его стояла на самомъ бойкомъ мѣстѣ города, около моста, соединяющаго двѣ раздѣленные рѣкою части города. День ясенный, бывало, стѣбитъ онъ себя у наружныхъ дверей своей лавки и не дастъ никому спокойно пройти мимо—а не пройти мимо его лавки было нельзя: ходу другого съ одной половины города на другую не было—и на весь честной людъ срамить чуть ли ни каждаго проходящаго обывателя.

— Эй, Василій Петровичъ! Поди-ка сюда на пару словъ! Что-жъ это ты мнѣ окладныя не несешь? кричитъ онъ обывателю, увидя его еще издали.

— Какія окладныя? Я тебѣ, что съ меня слѣдовало, все сполна уплатилъ!

— Это за нынѣшній годъ, а прошлогодня-то все еще за тобой!

— Спи!... У меня и квитанція отъ тебя была!

— Не можетъ этого быть, потому что ты у меня по книгамъ не похеренъ!

— Мало что нѣшто! По книгамъ не похеренъ! Что мнѣ твои книги сдѣлають, коли ты мнѣ самъ своей рукой на доскуточкѣхъ бумажки квитанцію написалъ! Еще крандашикомъ написалъ, потому что у тебя въ то время чернилъ не случилось, замерзши были! Какъ хочешь, а «вторыхъ» я тебѣ платить не буду! Считай ты себя по своимъ книгамъ какъ знаешь, а требовать черезъ полицію станешь—я эту самую квитанцію предъявлю!

— Ну, ну!... Коли у тебя квитанція есть, Богъ съ тобой!...

Иногда дѣло не обходилось безъ жаркихъ споровъ и даже ругательствъ. Между обывателями-плательщиками были люди, готовые на рожонъ идти, чтобы, за неимѣніемъ, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, квитанціи въ уплатѣ ими повинностей, доказать, что съ нихъ требуютъ «вторичныя», «двойныя».

— Я тебѣ сполна еще въ концѣ прошлаго года всѣ подати уплатилъ! Чего ты раззѣвался! кричить обыватель, готовый лѣзть на рожонъ.

— Покажь квитанцію! Я тебѣ говорю вѣрно, что ты не платилъ!

— А я хорошо помню, что уплатилъ! Пятнадцать рублей ты мнѣ за стуколкой зачелъ, а остальные я тебѣ чистыми деньгами доплатилъ! По пріятельству, а съ тебя и квитанціи не брать думалъ: «на кой она мнѣ ладъ?»

— Съ пенями черезъ полицію взыщу!

— Что о?... Съ пенями черезъ полицію!... Да виданное ли это дѣло, чтобы съ обывателей двойныя деньги брали? Я самъ себя своими руками въ твоей книгѣ закрестилъ, ты-жь мнѣ позволилъ; самъ еще надоумилъ, а теперь снова здорово опять спрашиваешь! Ты отчего мнѣ не выдалъ квитанціи?... Чтобы потомъ «вторичныя» взыскивать? Городу «вторичныя» не нужны! Тебѣ, что ли онѣ нужны? Ты на чьи деньги-то торгуешь, а?... Ужь не на городскія ли? Двойными то взысками, видно, хочешь городскую казну пополнить? Нѣтъ, братъ, не упишется твое дѣло! Найдется и на тебя справа! кричить, виѣ себя, горластый плательщикъ.

Что до сихъ поръ говорилось по секрету, то теперь было высказано вслухъ и подхвачено очевидцами этой сцены: на шумъ, да на крикъ всегда собирается много народу.

Недѣли не прошло послѣ описаннаго событія, какъ, въ одно «прекрасное» утро, «словно снѣгъ на голову», на лихой тройкѣ (въ то время о желѣзной дорогѣ, проходящей теперь мимо этого города, не было и помину), подвезилъ чиновникъ «особенныхъ» порученій губернатора. Въ думѣ онъ засталъ, конечно, одного только секретаря.

— Гдѣ-жь голова?

— Въ отъѣздѣ по своимъ дѣламъ! Еще не вернулся, а съ часу на часъ ожидаемъ! Онъ завсегда объ это время на зиму домой пріѣзжаетъ!

— А гласные гдѣ? Гдѣ приходорасходчикъ?

— Въ лавкахъ сидятъ! Прикажете позвать?

— Пригласите!

Гласные скоренько явились въ думу въ своей «торговой амуниціи», въ полушубкахъ, въ которыхъ они сидѣли въ лавкахъ — дѣло было зимою — а приходорасходчикъ, въ торопяхъ, забылъ даже снять съ себя кожаный фартукъ, кусокъ опойка, который онъ надѣвалъ на себя, когда сидѣлъ въ своей шорной лавкѣ.

— Позвольте денежный ящик! приступилъ прямо къ дѣлу чиновникъ.

— Да вы напрасно изволите только беспокоиться! У насъ всегда все въ сохранности! поторопился объяснить приходорасходчикъ, нѣсколько пришедшій въ себя и оправившійся отъ страха, который нагнали на него слова прибѣжавшаго къ нему въ лавку ходочка: «пожалуйте въ думу: секретарь требуютъ, чиновники-ревизоры наѣхали!»

— Денежный ящикъ позвольте! стойтъ на своемъ чиновникъ,

Секретарь написалъ въ казначейство отношеніе съ требованіемъ немедленной выдачи ящика. Принесли. Чиновникъ въ подробности осмотрѣлъ его внѣшность.

— Дубовый, кованный желѣзомъ! Гм. Печати, вѣжется, цѣлы?

— Всегда всѣ цѣлы! подтверждаетъ приходорасходчикъ.

— Вскройте!

Вскрыли.

— Печати-то цѣлы, а денегъ-то нѣ-ѣту! протянулъ чиновникъ.

На днѣ ящика валялось пятнадцать рублей съ полтиною, а должно было ихъ быть тамъ что-то около пятнадцати тысячъ. Это было еще до отдѣлки подареннаго Филатовымъ городу дома, когда дума «нанимала квартиру» и когда у ней была «экономія».

— Гдѣ-жь деньги?

— Да вы не извольте себя беспокоить! Деньги у меня въ товарѣ! объясняетъ приходорасходчикъ.

— Развѣ можно общественныя деньги?..

— Не извольте беспокоиться! Въ ящикѣ лежитъ моей руки записочка для памяти, чтобы не ошибиться, сколько мною взято! перебиваетъ приходорасходчикъ. — Товаръ продамъ — опять на прежнее мѣсто ихъ положу!

— А сколько ихъ должно быть по книгамъ?

— По книгамъ? А кто-жь ихъ знаетъ! Надо вотъ подсчитать!

— Пригласите-ка постороннихъ свидѣтелей; я составлю акты! объявляетъ, въ концѣ-концовъ, чиновникъ.

Однако, постороннихъ свидѣтелей, «думскихъ ходочковъ», онъ отослалъ прочь, никакого акта не составилъ и не больше, какъ черезъ полчаса, на той же самой тройкѣ, дожидавшейся его у думскаго подъѣзда, умчался въ обратный путь, увезя съ собою тайну своей ревизіи. Судя по тому, что приходорасходчикъ въ теченіи этого получаса, бѣгалъ къ себѣ въ лавку и тотчасъ же вернулся опять въ думу, проникательные граждане предположили, что ревизоръ уѣхалъ не съ пустыми руками.

Благотворные результаты этой ревизіи заключались въ томъ,

что приходорасходчикъ въ скорости «расторговался» своимъ ко-
жественнымъ товаромъ, взявши отъ продажи его хорошую пользу.
Кромѣ того, «плательщики» замѣтили, что онъ сталъ рѣже и съ
меньшею настойчивостью приставать къ нимъ съ требованіемъ
уплаты запущенныхъ будто бы за старые годы платежей. «Ма-
ленько поунался двойныя-то спрашивать!» говорили они.

Несмотря на постоянно возбуждаемыя имъ противъ себя въ
гражданахъ неудовольствія, онъ «служилъ» въ приходорасход-
чикахъ столько же, сколько и голова Филатовъ, одновременно
съ которымъ онъ, почтенный общественнымъ довѣріемъ, началъ
свою службу и, въ теченіи пятнадцати лѣтъ, каждое трехлѣтіе
вновь занималъ старое мѣсто. Каждые выборы продѣлывалась
одна и таже комедія: вновь избранный на слѣдующее трехлѣтіе
головой Филатовъ предлагалъ гражданамъ избрать «въ думу
гласныхъ, а ему сподручниковъ» и самъ первый предлагалъ
прежнему составу думы «сѣсть на старое мѣсто» и «послужить
хопа еще одни выборы». Гласные, конечно, отказывались отъ
такой чести, и изъ нихъ настойчивѣе всѣхъ приходорасходчикъ.

— Увольте! Рѣшительно не могу! Послужилъ довольно! Бу-
детъ съ меня! Надо и другимъ мѣсто дать!... Постоянно непри-
ятности одни терпишь, потому что граждане очень туго пла-
тятся!... выкрикиваетъ онъ на общественномъ собраніи въ отвѣтъ
на раздающіеся со всѣхъ сторонъ просьбы «послужить»: граж-
дане считали своею обязанностью поддерживать предложеніе го-
ловы.—Отъ торговли совсѣмъ отбился!

— А на какія деньги ты кожи скупалъ? прорветъ кого-ни-
будь изъ подвыпившихъ избирателей крикнуть «на все собраніе».
Выборы вообще рѣдко когда обходились безъ скандаловъ, но
привыкшіе къ нимъ граждане мало обращали на нихъ вниманія.

«Общество» принимается упрашивать другихъ гражданъ «по-
служить», и, послѣ продолжительныхъ препирательствъ, дѣло ула-
живается обыкновенно тѣмъ, что «новенькіе» отказываются отъ
предлагаемой имъ чести «съ откупомъ», съ недобровольнымъ
пожертвованіемъ въ городской доходъ ста или двухъ сотъ руб-
лей, и «на послѣдокъ» обывателямъ, волей-неволей, приходилось
возвращаться къ своему разбитому корыту.

— Уважь общество! начнутъ они снова приставать къ при-
ходорасходчику-гласному.

— Много доволенъ! откланивается тотъ.

— Послужи еще три-то годика! уговариваютъ они его.

— Тебѣ дѣло знакомое, а другимъ—потемки!

— Ну, ну! Послужи, послужи! Со мной-то послужи! уговари-
ваетъ голова, ласково трепля приходорасходчика по плечу.

— Безпокойство одно и обиды отъ гражданъ! стойтъ на своемъ приходорасходчикъ, но обыкновенно, въ концѣ-концовъ, уступаетъ, говоря:—Ну, ужъ такъ и быть! Три года еще куда не шли!.. Для васъ это только дѣлаю, Филиппъ Федорычъ!.. Только, чтобы не очень нудить меня на счетъ дѣловъ!

— Сиди себѣ въ лавкѣ, да деньги огребай! крикнетъ ему «на закуску» кто нибудь изъ не сочувствовавшихъ его кандидатурѣ обывателей-избирателей, биткомъ наполнявшихъ присутствіе думы, гдѣ происходили выборы.

И приходорасходчикъ оставался приходорасходчикомъ еще на три года.

Въ теченіи его долговременной службы, экстренныя ревизіи городскихъ суммъ, конечно, бывали не разъ и почти всегда сходили ему благополучно съ рукъ. «Безымянный доносъ оказался ложнымъ», докладывалось о результатѣ ревизіи тому, кому то вѣдать надлежало. Разъ только, во время одной такой ревизіи, «вышло маленькое замѣшательство», какъ говорили граждане. Освѣдомиться о цѣлости городскихъ суммъ былъ какъ на грѣхъ присланъ чиновникъ «особенныхъ» порученій изъ вновь назначенныхъ, еще плохо понимавшій всѣ тонкости службы. Деньгъ въ ящикѣ онъ, какъ и слѣдовало ожидать, не нашелъ.

— Гдѣ-жь деньги?

Приходорасходчикъ засмѣялся. Онъ видалъ уже виды и такіе вопросы «отъ ихней братіи» слышалъ не разъ.

— Цѣлы будутъ! Не безпокойтесь! шутливо отвѣчалъ онъ ревизовавшему.

— Деньги гдѣ? допытывается чиновникъ.

— А у насъ въ товарѣ! все въ прежнемъ же тонѣ отвѣчаетъ приходорасходчикъ.—Имъ все равно гдѣ ни лежать—что здѣсь, что у меня! По крайности, мнѣ махонькая пользишка за то, что я безъ жалованья такое большое безпокойство на себя принимаю!

Просьбы «кончить дѣло», «оставить ревизію втуяѣ» не помогли или, лучше сказать, помогли только на половину: приходорасходчику дано было три часа сроку для пополненія недостаці.

— И умучился-же я, бѣгавши по лавкамъ, да собиравши займы на три часа у кого тысячу, у кого пятьсотъ! рассказывалъ впоследствии приходорасходчикъ своимъ благопріятелямъ.—Срокъ, вижу, подходит къ концу, а двухъ тысячъ все еще не хватаетъ! Какъ тутъ быть! Голова — въ отъѣздѣ, сунулъ я было къ головихѣ, да по пусту: она въ дѣла не входитъ и слушать меня не стала! перехватить больше негдѣ, вездѣ обобралъ — ну, просто хошь караулъ кричи! Бѣгалъ я къ Неугодову, такъ онъ, жидоморъ эдакій, съ меня копейку про-

центу за три часа положили! Миѣ, говорить, все равно деньги-то отдавать, что на три часа, что на недѣлю! Жалко было отдавать за три часа ни за что ни про что двадцать рублей... Кому другому, а ему-то ужь и стыдно было бы съ меня за такое пустяшное время проценты брать, потому что я часто въ прежнее время у него деньги биралъ и хорошій ему процентъ платилъ!.. Ну, спасибо секретарю!.. Выручилъ меня изъ бѣды: своихъ далъ, да еще чиновнику на благодарность одолжилъ!.. Такъ и обошлось дѣло! Росписался онъ, что все нашелъ въ цѣлости и даже актъ составилъ, ходочковъ въ свидѣтели пригласилъ! «Миѣ, говорить, надо, чтобы на моихъ глазахъ деньги были цѣлы, а тамъ—дѣлай, что знаешь!...» къ чему только было меня утруждать?... Все равно, не успѣлъ онъ, я думаю пяти верстъ отъ города отъѣхать, какъ я деньги-то опять кому слѣдуетъ по рукамъ обратно роздалъ!

Результаты ревизіи, какъ и все, что ни дѣлается въ уѣздномъ городѣ, не могли оставаться тайною для обывателей, да къ тому же и самъ приходорасходчикъ не старался скрывать ихъ. Теперь всякій изъ гражданъ былъ убѣжденъ, что общественныя деньги дѣйствительно у приходорасходчика въ товарѣ: «самъ же миѣ въ лавку прибѣгалъ и христомъ-богомъ просилъ одолжить ему все, что есть наличными, часа на три, пока ревизія не кончится!» говорили торговцы-обыватели, но опасеній за цѣлость городскихъ суммъ не выказывали. Завистники же хотя и толковали о возможности потерять «большіе по кожевенной торговлѣ убытки», но и тѣ находили, что приходорасходчикъ въ состояніи снести ихъ безъ всякаго ущерба городской казнѣ. Въ чемъ были всѣ согласны, такъ это въ томъ, что пользование городскимъ капиталомъ происходило съ вѣдома и согласія «думскаго секретаря», которому за это согласіе «платился процентъ».

— По полкопеечѣ въ мѣсяцъ платилъ! говорили обыватели, дознавшись истины.

— Это всякій бы съ удовольствіемъ взялъ за такой дешовый процентъ. Неудоволь-то, небось, меньше двухъ копеекъ своихъ капиталовъ не отдастъ!

V.

Вѣншее благоустройство уѣзднаго города. — Когда уѣздный городъ холмился. — Губернаторскія ревизіи. — Торжественныя встрѣчи прежде и теперь.

Заботы о вѣншемъ благоустройствѣ города лежали на обязанности каждаго изъ обывателей въ отдѣльности: то есть, каждый

изъ нихъ, кто что хотѣлъ и могъ, тотъ то «около своего дома» и дѣлалъ. Полиція придерживалась принципа невмѣшательства и старалась жить въ полномъ ладу съ обывателями. «Некорявыхъ» представителей ея граждане любили и съ охотою шли на ихъ званые концы пирога «съ рублевкою» или «трешницей» въ рукѣ: «дореформенные», маленькіе оклады жалованья вынуждали весь почти уѣздный чиновный людъ прибѣгать въ большимъ концамъ пироговъ, чтобы не только сводить концы съ концами, но и сберечь кое-что «себѣ на старость». Прямимъ послѣдствіемъ такого порядка вещей было то, что передъ красивыми и опрятными домами зажиточныхъ обывателей и мостовая была исправна, и около воротъ стоялъ столбъ (у богатей даже два) для фонаря, зажигаемаго въ годовые праздники, въ «табель», да «объ именинахъ» домовладѣльца и его супруги. За то передъ домами бѣдняковъ улица была не вымощена, и въ темныя безлунныя ночи пройти и проѣхать здѣсь можно было съ большимъ трудомъ и осторожностью.

Вообще, освѣщеніе города въ темныя ночи было еще въ зачатѣ. По сметнымъ расходнымъ статьямъ, выводимымъ на «каждое трехлѣіе» на освѣщеніе города, лѣтъ двадцать подъ рядъ, тратилось 47 рублей 38 копеекъ въ годъ. На эти деньги содержались «отъ города» четыре фонаря, зажигаемые въ безлунныя ночи во время распутицы весной и осенью: одинъ около думы, другой—около полиціи, у большого казеннаго зданія, занимаемаго уѣздными присутственными мѣстами, третій—при въѣздѣ на городской мостъ, четвертый—у квартиры городничаго, а впослѣдствіи, когда городничіе были упразднены, у квартиры исправника. Какъ ни малъ уѣздный городъ, о которомъ идетъ рѣчь, однако всякій согласится, что четырьмя фонарями освѣтить его хоть сколько-нибудь сносно нельзя. Правду сказать, что и сами граждане «вплоть до тѣхъ самыхъ поръ, пока чугунка прошла», въ освѣщеніи города не находили надобности.

— Не всегда-же ночи бываютъ темныя, временами и мѣсяцъ свѣтитъ. Притомъ же зимой можно и темной ночью дорогу разглядѣть, потому что отъ снѣгу наѣзжанное мѣсто само собой обозначается, а отъ вьюги, да мятели и фонари тебя не спасутъ!.. Весной да осенью, правда, ночью идти или ѣхать бываетъ неловко. Ну, не велика бѣда, погодишь за это время и дома. Въ такомъ разѣ днемъ свои дѣла справлять долженъ—на то вѣдь отъ Бога и день «даденъ»! резонировали граждане на заявленія кого-нибудь изъ пріѣзжихъ о недостаточномъ освѣщеніи города въ темныя ночи.

«По старинѣ», съ наступленіемъ сумерокъ, прекращалась уличная жизнь: городъ какъ-бы замиралъ. «Мирные» жители прятались по своимъ домамъ, а игроки въ стуколку засвѣтло уходили въ «надлежащее» мѣсто, къ одному изъ нихъ, почти открыто державшему игорный домъ, гдѣ и оставались до утра слѣдующаго дня. Если кому-нибудь изъ обывателей нужно было отправиться на именинную вечерину или на «предсвадебный» балъ въ домъ жениха или неvěсты, тотъ вооружался фонаремъ и болѣе или менѣе благополучно достигалъ цѣли. Къ чести родителей жениховъ и неvěстъ слѣдуетъ отнести то обстоятельство, что, при назначеніи дня бракосочетанія, принималось во вниманіе и то, чтобы «ночи въ это время для удобства гостей были лунныя». Легковыхъ извозчиковъ «не было и званія». Они появились лишь съ открытіемъ движенія по желѣзной дорогѣ. Городскіе экипажи зажиточныхъ гражданъ, державшихъ своихъ лошадей, въ зависимости отъ состоянія мостовыхъ, должны были обладать прочной конструкціей и состояли изъ тарантасовъ и тарантасиковъ иногда даже очень щегольскихъ фасоновъ. Четырехмѣстная карета на стоячихъ рессорахъ была только у «градскаго головы» Филатова, купившаго ее, вмѣстѣ съ вмѣніемъ своихъ бывшихъ господъ, и доживала вѣкъ безъ употребленія.

Нѣсколько большихъ полуразрушенныхъ каменныхъ домовъ на главныхъ улицахъ этого города безмолвно, но краснорѣчиво свидѣтельствовали и о бывшемъ величіи его, и о прежнемъ, невозвратно утраченномъ богатствѣ его обитателей», сказано было, не помню гдѣ-то въ печати, въ «описаніи» этого города. И дѣйствительно, жилыхъ каменныхъ домовъ нельзя было насчитать и десятка; остальные, какъ уже знаетъ читатель, стояли «разваленные», заброшенные обдѣланными хозяевами на произволъ судьбы. Съ проведеніемъ желѣзной дороги, цѣнность на нихъ значительно поднялась, и нѣкоторые перешли въ руки новыхъ хозяевъ, винокуренныхъ заводчиковъ и складчиковъ изъ мѣстныхъ обывателей, и были отдѣланы заново: «городъ-то началъ поправляться», замѣчали граждане.

Большая часть деревянныхъ обывательскихъ домовъ были точно сбиты—сколочены по одной колодѣ: одной величины, одного фасона и съ одинаковымъ внутреннимъ расположеніемъ комнатъ. Это были квадратныя «двѣнадцатипаршинныя» избы въ три окна по фасаду, раздѣленныя внутри тоненькими тесовыми недоходящими до потолка перегородками на три комнаты. Шаблонность жилыхъ строеній въ нашихъ уѣздныхъ городахъ объясняется тѣмъ, что «въ полиціи», откуда, до введенія новаго городского положенія, граждане должны были брать разрѣшеніе

на возведеніе новыхъ построекъ или починку старыхъ, лежало и, вѣроятно, и теперь лежитъ нѣсколько разъ навсегда установленныхъ плановъ фасада и внутренняго расположенія домовъ въ три, пять и семь оконъ на улицу. Желаящій строиться выбиралъ изъ нихъ себѣ любой по вкусу и карману.

Несмотря на строжайшее предписаніе строительнаго устава «соблюдать» между деревянными обывательскими строеніями четырехсаженные разрывы, тѣснота, въ особенности на главныхъ улицахъ, была настолько велика, что даже бросилась въ глаза одному вновь назначенному губернатору, впервые пріѣхавшему въ этотъ городъ на ревизію: «У васъ обывательскія дома другъ на дружку дѣзутъ! съ неудовольствіемъ замѣтилъ онъ представлявшимся ему уѣзднымъ властямъ: — прошу впредь этого не допускать!» — Причина скученности жилыхъ построекъ города заключалась въ томъ, что большіе участки городскихъ земель, по семейнымъ раздѣламъ, дробились на мелкіе и выходившіи изъ отцовскаго дома младшій братъ безпрепятственно получалъ отъ полиціи разрѣшеніе выстроить себѣ жильё на выдѣленномъ ему участкѣ, составлявшемъ прежде промежутокъ, разрывъ, между строеніями сосѣда и роднымъ, отцовскимъ домою. Если «по улицѣ» строиться было негдѣ или если «семья» была большая, то на каждаго намѣревавшагося жениться сына или брата, пристроивалось къ «отчому» дому особое помѣщеніе на дворѣ, что, конечно, еще болѣе увеличивало тѣсоту городскихъ построекъ.

Въ техническомъ отношеніи городскія жилия строенія мало чѣмъ отличались отъ деревенскихъ избъ. Полы въ домахъ даже многихъ очень зажиточныхъ гражданъ, не говоря уже о бѣднякахъ, устраивались безъ накатовъ, половыя доски накладывались прямо на переводы и кое-гдѣ прикрѣплялись гвоздями, за исключеніемъ двухъ-трехъ, которыя оставались свободными для того, чтобы можно было лазить въ подполье, обыкновенно замѣнявшее для хозяевъ погребъ или «амшеникъ». Само собою разумѣется, что черезъ разщелявшійся, ходенемъ ходившій полъ зимою страшно дуло; но хозяева не обращали на то большаго вниманія, потому что зимою рѣдко кто изъ нихъ снималъ даже и дома валеные сапоги и ватную поддевку или капоть. Вентиляція жилыхъ помѣщеній совершалась первобытнымъ способомъ: черезъ входную дверь, окна, а зимою — посредствомъ топки печей. На именинныхъ вечеринкахъ или на званыхъ вечерахъ съ картами, когда собиралось много гостей и «дыхать становилось затруднительно и свѣчи начинали тусменно горѣть», несмотря на сильный морозъ, отворяли входную дверь «на полчаса» и

такимъ образомъ возстановляли комнатную атмосферу. Едва-ли въ двухъ-трехъ домахъ во всемъ городѣ можно было найти въ окнахъ форточки и въ очень немногихъ—небольшіе жестяные вентиляторы.

— Стану это я рамы гноить, да домъ свой парить! Да съ чего вы это, Богъ съ вами, взяли? Захотѣлось свѣженьемъ воздухомъ подышать, ну—выйдите на улицу, посидите около дома на лавочкѣ, а то, коли хотите, на крыльцѣ постоитъ! отвѣтилъ мнѣ хозяинъ моей квартиры на просьбу мою врѣзать въ раму форточку.—Не нравится моя квартира, новую, батюшка, поищи! Мы тебя силкомъ не держимъ! Можетъ быть, гдѣ-нибудь найдешь и получше! прибавилъ онъ съ грубой усмѣшкой.

Можете теперь представить себѣ, каковъ былъ воздухъ въ моей квартирѣ, если я скажу вамъ, что въ подпольѣ, подъ дырявымъ, щелистымъ поломъ, стояло двѣ кадки съ квашеной капустой, да три кадки съ огурцами, солеными съ чеснокомъ.

Скученность обывательскихъ построекъ бываетъ, конечно, главною причиною тѣхъ страшныхъ опустошеній, которыя производятъ въ нашихъ уѣздныхъ городахъ пожары. Лѣпившіяся другъ къ другѣ деревянные, крытыя большею частью тесомъ, строения давали хорошую пищу огню: загорится домъ, и сгорали не только сосѣдніе, но и вся подвѣтренная часть улицы. Не скоро оправлялись погорѣльцы послѣ постигшаго ихъ несчастія; однако, тяжелый опытъ не научалъ ихъ ничему: на прежнихъ мѣстахъ возникали опять деревянные-же постройки, опять по-прежнему тѣснились онѣ другъ къ другѣ, и, случись новая бѣда—опять уцѣлѣть было нечему. Чтò могла сдѣлать мѣстная пожарная команда съ ея допотопными, заржавленными пожарными трубами, съ дырявыми, полусгнившими рукавами и вѣчно пьяными пожарными, если въ какіе-нибудь полчаса, и того меньше, огонь охватывалъ дѣлыя улицы. Противиться распространенію огня нечего было и думать, и скромная дѣятельность пожарныхъ начиналась обыкновенно съ того момента, когда огонь ослаблялъ свою, и не шла дальше заливанія головешекъ.

По введеніи новой судебной реформы, полиція, правда, стала гораздо осмотрительнѣе въ своихъ разрѣшеніяхъ на возведеніе новыхъ построекъ на маломѣрныхъ участкахъ и даже возбуждала дѣла о «самовольныхъ» такихъ постройкахъ или поправкахъ; но дѣла эти обыкновенно оканчивались тѣмъ, что виновные подвергались незначительному штрафу, а постройки оставались въ покое, «ибо, въ противномъ случаѣ, по справедливости, пришлось бы сломать полгорода», какъ выражался на этотъ счетъ въ своихъ рѣшеніяхъ мировой съѣздъ. По введеніи городской ре-

формы, право разрѣшать обывателямъ возведеніе новыхъ построекъ, ночинку и поправку снаружи старыхъ перешло отъ полиціи къ городской управѣ, но... читатель узнаетъ о результатахъ этого перехода въ своемъ мѣстѣ, въ послѣдствіи.

Разъ въ годъ, передъ губернаторскою ревизіею, городъ «хотился». Съ улицъ свозили навозъ и грязь, накопившіяся за годъ, съ прошлогодней ревизіи. Улицы мелись (губернаторскія ревизіи, надо замѣтить, всегда бывали въ «лѣтнюю пору»), около домовъ ошпиливалась травка, конечно, только на главныхъ улицахъ и, при томъ, въ томъ случаѣ, если ее было немного. Полицейскіе десятскіе, дня за три, за четыре до пріѣзда губернатора, неослабно наблюдали, чтобы «улицы были выполнены». Пожарные «одры» въ это время съ утра до ночи были заняты везкою съ рѣчки крупнаго песку для приведенія мостовыхъ въ городѣ въ болѣе или менѣе благообразный видъ. Чиновники уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, за недѣлю до прибытія губернатора, начинали «поститься» съ воздержаніемъ отъ водки, для приведенія своихъ фізіономій въ болѣе общечеловѣческія формы.

Описанія губернаторскихъ ревизій уѣздныхъ городовъ встрѣчались не разъ въ печати: фотографы провинціальной жизни не могли пройти мимо такого крупнаго факта въ жизни нашихъ уѣздныхъ городовъ безъ съѣмки. Поэтому, останавливаться долго на этомъ событіи я не буду. Скажу только, что ревизіи эти заканчивались обыкновенно въ одинъ день: начинались они пріемомъ всѣхъ чиновниковъ и просителей отъ 10 до 11 утра и оканчивались обѣдомъ у городского головы въ 5 вечера. Въ промежутокъ—посѣщеніе присутственныхъ мѣстъ города, гдѣ, конечно, главнѣйшее вниманіе было обращено на цѣлость денежныхъ суммъ. Въ казначействѣ ревизія ограничивалась повѣркой «кладовой»; въ опецѣ—повѣркой денежнаго ящика; въ сиротскомъ судѣ—тоже; въ полицейскомъ управленіи—опять тоже, съ тою противъ другихъ присутственныхъ мѣстъ разницею, что здѣсь происходила и распеканція волостныхъ старшинъ за малоуспѣшность во взиманіи недоимокъ; въ мѣстномъ отдѣленіи «тюремнаго комитета»—опять-таки повѣрка денежнаго ящика; въ городской думѣ—тоже. Само собою разумѣется, что нигдѣ недостатъ не оказывалось, а въ думскомъ ящикѣ такъ разъ даже, къ великому изумленію губернатора, нашли сто рублей лишнихъ противъ суммы итога, выведенной по думскимъ денежнымъ книгамъ. Приходорасходчикъ не потерялся и на распросъ губернатора: «какъ это могло случиться?» отдѣлался безхитростнымъ объясненіемъ, сказавши: «надо быть, свои бакъ-набуду сюда, по нечаянности, попали!»

Ревизія острога и больницы ограничивалась осмотром внѣшняго благообразія и опросомъ «содержащихся»: «всѣмъ-ли они довольны?»

По рассказамъ старожиловъ, въ доброе старое время, на встрѣчу губернатора, въ день его прїѣзда на ревизію, выѣзжалъ весь уѣздный чиновный людъ въ мундирахъ и шляпахъ «вдоль улицы». Поселившись въ провинціи лѣтъ восемь тому назадъ, я засталъ уже остатки этого обычая: кромѣ чиновъ уѣздной полиціи, одна только «дума», въ составѣ «городскаго» головы Филатова, секретаря Негрובה и гласныхъ, свято исполнявшая преданія старины, выѣзжала «на встрѣчу». Филатовъ, заблаговременно извѣщаемый о днѣ прибытія «губерніи начальника» на ревизію, обыкновенно нарочивъ прїѣхать домой изъ своихъ ежегодныхъ лѣтнихъ отлучекъ за день до его прїѣзда и, отбывши ревизію, всегда благополучно сходявшую ему съ рукъ, на другой день отъѣзда губернатора покидалъ городъ «вплоть до зимы».

На границѣ городской земли, на пригорочкѣ около большой дороги, встрѣчающіе, въ ожиданіи проѣзда, располагались бивуакомъ, если, конечно, имъ позволяла то погода; въ противномъ случаѣ, они отправлялись въ первую подгородную деревню, стоявшую на большой дорогѣ, гдѣ и дожидались проѣзда. Долго-ли они ждали, не знаю—разъ на разъ, конечно, не приходилось; только ожиданіемъ ихъ всегда бывалъ конецъ. Вдалекѣ, на большой дорогѣ, тщательно исправленной «при такомъ разѣ» стараніями становыхъ приставовъ (земства въ то время еще не было), показывался рядъ экипажей.

— Ёдетъ! Ёдетъ!

Встрѣчающіе охорашиваются и выстраиваются въ рядъ на большой дорогѣ, въ сторонѣ. Ихъ окружала толпа гражданъ, пришедшихъ изъ города «посмотрѣть на проѣздъ».

Вотъ скачетъ впереди всѣхъ, на парочкѣ «собственныхъ» воронныхъ, становой. Вотъ скоренько катится большой четырехмѣстный покойный дормезъ, запряженный шестерикомъ. Въ окнѣ его мелькаетъ передъ глазами встрѣчающихъ «красный околышъ». И только. Въ этомъ заключалась вся встрѣча. Собственно говоря, это была и не встрѣча, а, такъ сказать, присутствованіе при благополучномъ въѣздѣ на городскую землю. Дормезъ, не останавливаясь, катился въ городъ, къ дому головы, гдѣ всегда отводилась губернатору квартира. За дормезомъ еле послѣдовалъ тарантасишко съ «правителемъ» канцеляріи и чиновникомъ особыхъ порученій, постоянными спутниками губернатора въ его ежегодныхъ путешествіяхъ по «вѣренной губерніи». Торжественный поѣздъ замыкался тарантасомъ уѣзднаго исправни-

*

ка, встрѣчавшаго своего непосредственнаго начальника на границѣ «ввѣреннаго уѣзда». Въѣздъ въ городъ всегда происходилъ днемъ, остальная часть котораго посвящалась отдыху съ дороги.

Съ проведеніемъ желѣзной дороги, все это измѣнилось, начиная съ самой сцены дѣйствія. вмѣсто прекрасной лужайки, окаймленной не менѣе прекрасной рощей, вмѣсто широкой большой дороги, «муравки», теряющейся въ глубинѣ этой рощи, вмѣсто нѣсколькихъ часовъ томительнаго ожиданія (время прибытія, конечно, не могло быть съ точностью опредѣлено), встрѣчи губернатора уѣздными властями происходить теперь въ вокзалѣ, въ душной залѣ перваго класса, и встрѣчающіе, зная время прибытія поѣзда по росписанію, поспѣваютъ на вокзалъ какъ разъ къ его приходу.

VI.

Проведеніе желѣзной дороги и начало «эры возрожденія». — Посѣщеніе уѣздными обывателями столицы и первыя впечатлѣнія этого посѣщенія. — Толкъ о «пользѣ города». — Стремленіе обывателей къ новому положенію. — Распределеніе гражданъ по степенямъ ихъ интеллигенціи. — Красноярцы-либералы и мужики-консерваторы. — Группа скороспѣлыхъ богачей — винокуренныхъ торговцевъ. — Красноярецъ Ершовъ и его мысль объ учрежденіи общественаго банка. — Первая мысль о продажѣ городского лѣса. — Причины упадка вліянія «старога» головы Филатова.

Провинціальныя обыватели правы по своему, считая проведеніе желѣзной дороги мимо ихъ города какъ бы началомъ новой эры въ жизни этого города — «эры возрожденія». Порядокъ вещей дѣлился въ ихъ глазахъ на два строго разграниченные періода: «до чугушки» и «послѣ чугушки».

— Чугунку зачали строить — новые суды пошли! Мировые судьи судить стали! Нашего брата, обывателя, тоже въ судьи присяжные записали: «суди, сиди себѣ на стулѣ, да не дремли, не-то сейчасъ — штрафъ!» Чугунка открылась, сейчасъ и новое городовое положеніе пришло, и въ городѣ новыя порядки завелись, и банкъ свой общественный завелся! Словно все это она съ собой, матушка, принесла! толковали обыватели.

Восемь лѣтъ тому назадъ, я засталъ провинцію въ переходномъ состояніи: въ уѣздѣ дѣйствовало земство, а городское хозяйство продолжало существовать въ старомъ, дореформенномъ видѣ. На моихъ глазахъ была введена судебная реформа; на моихъ глазахъ было «заведено и пущено въ ходъ» и новое

Городовое положеніе. Такъ какъ всѣ эти реформы достигли провинціи почти одновременно съ проведеніемъ по Россіи цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ, то въ умѣ провинціального обывателя составилось представленіе, что ихъ принесла съ собою чугунка.

— Чугунку провели—мы свѣтъ узрѣли! говорили они.

Въ чемъ нельзя было отказать этой чугункѣ, такъ это въ томъ, что она дала гражданамъ возможность почувствовать себя взрослыми, совершеннолѣтними, развила въ нихъ значительную долю самостоятельности, освободила мелкій капиталъ отъ зависимости отъ крупнаго, дала ему возможность бороться и съ успѣхомъ выдерживать борьбу. Одни только подгородные крестьяне плакались на чугунку за то, что она окончательно убила извозничій промыселъ, которымъ они существовали.

Съ открытіемъ движенія по желѣзной дорогѣ, каждый изъ обывателей могъ, за сравнительно небольшую плату, побывать въ столицѣ и «вдоволь насмотрѣться на тамошніе порядки», что до сихъ поръ было доступно только весьма немногимъ изъ нихъ, оптовымъ торговцамъ, и то не болѣе двухъ-трехъ разъ въ годъ, а «теперь, ночью съѣлъ, поѣхалъ, цѣлый день въ столицѣ пробылъ, дѣла свои справилъ, а на слѣдующій день—опять дома!»—Маленькій хлѣбный торговецъ въ прежнее время и думать не смѣлъ самъ покупать «хлѣбный товаръ» «въ степи», въ степныхъ губерніяхъ изъ первыхъ рукъ, а бралъ сколько ему надо было у крупнаго, оптоваго торговца-обывателя, получавшаго гужомъ большія партіи хлѣба и устанавливающаго ему цѣну «на погоду глядя», то-есть, соображаясь съ погодой, отъ которой зависѣло состояніе большой, нешоссейной дороги, по которой привозился хлѣбъ, а слѣдовательно плата за извозъ, и цѣна самаго товара, а «теперь, что зимой, что лѣтомъ, что въ грязь, что въ сухую погоду, все—одна плата, развѣ только служащіе на желѣзной дорогѣ сфальшивать, лишнее возьмутъ!»

Доставка товара по желѣзной дорогѣ съ переводомъ платы за него и за провозъ на получателя дала возможность маленькому капиталу смѣло вступить въ конкуренцію съ крупнымъ. У кого «хватало» на два, на три вагона ржи или ржаной муки, тотъ списывался со знакомымъ отправителемъ, и, по мѣрѣ надобности, получалъ «товаръ», «оправдывая вагоны», то-есть уплачивая деньги за грузъ и за провозъ «на своей станціи». Капиталъ получилъ болѣе быструю циркуляцію. Появилась сознательная необходимость «имѣть кредитъ», кредитоваться за болѣе умѣренные проценты, чѣмъ тѣ двѣ копейки съ рубля въ мѣсяцъ, которыя бралъ племянникъ Филатова Неугодовъ, разда-

вавший деньги взаимн. Запала мысль имѣть «свой общественный банк».

Самообольщенію обывателей тоже насталъ конецъ: они увидели въ очію, что сложившаяся про всякій уѣздный городъ поговорка: «нашъ городокъ—столицы уголокъ» на дѣлѣ оказывалась не совсѣмъ-то справедливою. Столичная чистота улицъ прежде всего бросалась въ глаза провинціалу, привыкшему «въ своемъ городѣ» ходить по грязи и, притомъ, всегда по срединѣ улицы, за отсутствіемъ тротуаровъ.

— По привычкѣ, зашагалъ было я посреди улицы, рассказывалъ одинъ изъ съѣздившихъ въ столицу обывателей еще ни разу не бывшимъ тамъ согражданамъ:—да городовне-десятскіе запримѣтили, чуть-было въ «холодную» меня не сволокли! У насъ что! за день-деньской пятьдесятъ лошадей не пробѣжить по улицѣ, а тамъ—мимо тебя и туда и сюда, и туда и сюда! Страсть! Того и гляди, что раздавятъ! Идешь это около самыхъ домовъ, а они, шутка сказать, въ пать, не то въ шесть этажей! И вездѣ это, чистота и опрятность, мостовыя вездѣ! Не то, что, какъ у насъ, по году на улицѣ навозъ валяется! А дома-то—вездѣ, почитай, каменные, и всѣ одинъ къ одному въ рядокъ, словно на подборъ поставлены! Ну, ужъ столица! Самый, что ни есть тамъ худшій уголокъ, былъ бы у насъ самой лучшей частью!

Вообще, обыватели, побывавшіе въ столицѣ «съ роду въ первый разъ», пріѣзжали домой подъ сильнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нихъ столичными порядками. Апатія и равнодушіе къ общественному дѣлу мало-по-малу исчезали.

— На что ужъ хороша эта столица, а и та съ каждымъ годомъ, чай, все прихорашивается, да прихорашивается; а у насъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я себя запомню, все, какъ было, такъ и есть!

Поднялись толки о «пользѣ города», о «пользѣ общества».

Обнародованіе новаго городского положенія усилило эти толки еще болѣе. Изъ приходившихъ теперь каждый день газетъ граждане вычитывали извѣстія о томъ, что «это самое новое положеніе» во многихъ городахъ начинаетъ вводиться.

— Вотъ-бы намъ-то!

Сунулись было къ головѣ—прогналъ.

— На старомъ положеніи жить, какъ слѣдуетъ, не умѣете, а тутъ еще новаго захотѣли! пугнулъ онъ желавшихъ «новаго положенія».

Въ прежнее время никто бы и заикнуться больше не посмѣлъ о томъ, что не нравилось головѣ, а теперь только и толковъ было, что о новомъ положеніи. Смѣлость нѣкоторыхъ изъ обыв-

вателей дошла до того, что они, не обращая вниманія на несочувствіе Филатова введенію новаго городского общественнаго устройства, порѣшили поднять объ этомъ вопросъ на первомъ общественномъ собраніи, на первой «сходкѣ». Соберется компанія обывателей торговцевъ на биржѣ-ли, на площадкѣ около часовни, или вечеромъ въ ренсковомъ погребкѣ—сейчасъ-же поднимаются разговоры о пользѣ города и о новомъ городскомъ положеніи.

— Стоить попросить и дадутъ! Заявимъ на сходкѣ, что граждане желаютъ этого самаго новаго положенія! предлагаетъ одинъ изъ такихъ собесѣдниковъ.

— Непремѣнно надо попросить! Введется новое положеніе и будетъ нашъ городъ самъ себѣ полнымъ хозяиномъ, а теперь трехъ рублей сверхъ сметы безъ спросу истратить нельзя!

— Вотъ бы тогда мы надѣлали дѣловъ-то!

— Самое первое дѣло, это—свой банкъ общественный открыть! Полно намъ Неугодъ-то по двѣ копейкѣ въ мѣсяць проценту платить!..

Читатель, вѣроятно, помнить, что начало текущаго десятилѣтія охарактеризировалось учредительной банковской горячкой. Изъ газетъ обыватели знали, что то тутъ, то тамъ возникали коммерческіе, ссудные, учетные и поземельные банки.

— А гдѣ-жь мы на банкъ денегъ возьмемъ? спрашиваетъ другой собесѣдникъ.—Толкуемъ, толкуемъ, а о самомъ главномъ-то и забыли! Ты знаешь-ли, что при открытіи банка на основной капиталъ нужно имѣть по крайности «десятку» тысяченокъ! А откуда городу ихъ взять, когда весь запасный капиталъ на отдѣлку филатовскаго общественнаго подарка убитъ!

Неимѣніе денегъ для основнаго капитала будущаго городского банка особенно огорчало обывателей-торговцевъ средней руки. Для которыхъ банкъ былъ бы дѣйствительно хорошей «поддержкой». Предложили-было «богачамъ» пожертвовать минимумъ десять тысячъ на основной капиталъ банка, но отъ cadaго изъ нихъ получили въ отвѣтъ: «а ну васъ къ Богу!»

Между обывателями торговцами краснорядцы считались болѣе интеллигентной силой, чѣмъ, напримѣръ, торговцы желѣзнымъ или «колоніальнымъ съ бакалеями», а самое главное—мучнымъ товаровъ. Они выписывали «себѣ, въ красный рядъ» въ складчину нѣсколько газетъ, и во время франко-прусской войны къ нимъ, бывало, со всего города собирались толпы обывателей послушать про «пруссава съ французомъ». Эти «модники» слыли либералами, тогда какъ торговцы мучнымъ и прочими, никогда невыходящими изъ моды товарами, были консерваторами, и са-

мые крупные изъ нихъ составляли центръ партіи приверженцевъ Филатова, перваго въ городѣ богача, главнаго хлѣбнаго торговца, завязатаго противника всякихъ нововведеній.

— Безо всякихъ фанаберіевъ мы вѣкъ свой прожили — ужъ будемъ его по старой нормѣ и доживать! объявилъ онъ на общественомъ собраніи въ отвѣтъ на предложеніе одного изъ обывателей ходатайствовать о введеніи новой городской реформы. Партія новаторовъ-красноярцевъ въ то время была еще не «въ силѣ».

Особнякомъ отъ этихъ двухъ партій стояла группа «новыхъ» людей, поднявшихся — и какъ быстро и высоко поднявшихся! — надъ остальнымъ провинціальнымъ торговымъ людомъ, благодаря введенію акцизной системы и свободной продажи спиртныхъ напитковъ — группа винокуренныхъ заводчиковъ и складчиковъ. Всякій изъ обывателей помнилъ, что «почти вчера» это были еще бѣдняки, что при откупѣ «они» служили въ винной конторѣ «повѣренными» и ѣздили по уѣзду кабаки повѣрять, жалованьице получали не пущее, жили себѣ скромненько, тихонько, а теперь — куды тебѣ! шестомъ не достанешь! Домовъ себѣ понастроили, лошадей, экипажи завели, пяти шаговъ пѣшкомъ не сдѣлають, а ужъ важничаютъ-то, важничаютъ-то какъ! отсюда что взялось! удивлялись граждане.

— Все съ водки взялось! Кому раззоренье, а имъ — пажива!

И несмотря на способность провинціального обывателя всегда преклоняться передъ тѣмъ, у кого денегъ больше, чѣмъ у него денегъ въ карманѣ, нельзя сказать, чтобы эти скороспѣлые богачи пользовались особымъ уваженіемъ своихъ согражданъ, такимъ, напримѣръ, какимъ пользовались зажиточные представители другихъ отраслей торговли.

— Торгуй ты всю свою жизнь мучнымъ товаромъ, скоро ли разбогатѣешь? По копеечкѣ-то съ пуда откладываяши, скоро ли ты тысячу рублей-то скопишь? А тутъ, на нашихъ глазахъ, въ три-четыре года изъ ничего, на поди, какъ заиграли! форсу какого стали задавать! говорили обыватели, сравнивая мучную торговлю съ винной.

— Водку продавать — не модными вещами торговать! прибавляли отъ себя красноярцы: — изъ моды не выйдетъ, не залежится этотъ товаръ, водка-то!

Такихъ скороспѣлыхъ богачей было въ городѣ четверо. Въ любомъ уѣздномъ городѣ вы найдете ихъ по нѣскольку. Каждый изъ нихъ имѣлъ въ уѣздѣ одинъ или два винокуренные завода, и въ городѣ, «при своемъ домѣ», оптовый складъ «вина и спирта». За дешево купивши тѣ изъ заброшенныхъ раззорив-

шлись, обдѣльными владѣльцами домовъ, которые стояли на болѣе бойкихъ, видныхъ мѣстахъ города, они отдѣляли ихъ и зажили себѣ припѣваючи. Съ остальными обывателями знались они мало, старались до поры до времени не вмѣшиваться въ общественныя дѣла и водились больше съ акцизными чиновниками: «полезное» знакомство должно было быть и пріятнымъ. Введеніе городской реформы очистило имъ широкое поприще для общественной дѣятельности.

Между либералами-красноярцами особенно выдѣлялся Павелъ Архипычъ Ершовъ, самый богатый изъ нихъ, имѣвшій самый лучший въ городѣ магазинъ модныхъ товаровъ. Интересно было послушать его, какъ онъ «наводилъ критику» на существовавшіе въ то время городскіе порядки, а это всегда почти случалось, когда вокругъ него соберется два-три слушателя: онъ любилъ поговорить. Было время, когда и онъ помалкивалъ, и даже рта разинуть не смѣлъ «ни на счетъ головы, ни на счетъ секретаря» и всегда однимъ изъ первыхъ являлся къ Негробову на его званый конецъ пирога, съ «трешницею» въ рукахъ, а теперь — «не тѣмъ духомъ запахло»: «города стали въ порядокъ приходить».

Мысль учредить городской общественный банкъ принадлежала ему.

— Такъ вы не знаете откуда на банкъ денегъ взять? спросилъ онъ разъ у своихъ собесѣдниковъ, сосѣдей по лавкамъ. А вѣдь деньги-то у васъ подъ носомъ, да вы ихъ не замѣчаете!

— Ну, да! Смѣйся!

— Вѣрно говорю: денегъ у города куча! Большіе капиталы! Дѣвать будетъ не куда! утверждаетъ Ершовъ.

— А гдѣ-жъ они? Покажи!

— Изволь! Полѣзай сейчасъ на колокольню, посмотри кругомъ города—увидишь!

— Что-жъ ты тамъ увидишь? Извѣстное дѣло, вокругъ города нашъ городской лѣсъ увидишь! разочарованнымъ тономъ произносить одинъ изъ слушателей, очевидно, думавшій услышать что-нибудь другое.

— Продашь лѣсъ — вотъ тебѣ и деньги! Вотъ тебѣ и капиталъ въ рукахъ! разговываетъ и кладетъ ему въ ротъ Ершовъ.

— Городской-то лѣсъ продать! Да развѣ это возможно?

— А отчего-жъ нельзя! Приговоръ только на общественномъ собраніи объ этомъ составить, да и продать!

— А какъ не утверждать?

— Отчего не утверждать! Развѣ не знаешь этихъ порядковъ! «Подмаслить» надо!

— Бѣдники-мѣщане не дозволятъ, не согласятся! Они съ основанія города не знаютъ, что такое значить дрова покупать! Всегда изъ своей рощи сухостойникомъ, да валежникомъ отапливаются!

— Вотъ поэтому-то его и нужно продать, чтобы онъ такъ зря не пропалъ! И то его на половину, пожалуй, свои граждане, да подгородные крестьяне расхитили! Вѣдь онъ ужъ перестарѣлъ и не растетъ больше, а на корнѣ гниетъ! Говорю, такъ пропадаетъ, за ничто! Мѣщанъ-то можно уговорить, общать имъ, что въ ихъ пользу сучья останутся!.. развиваетъ свою мысль Ершовъ.

— Ну, вотъ, выдумалъ: лѣсъ продать! А гдѣ-жъ мы въ Троицынъ день гулять будемъ? замѣчаетъ одинъ изъ собесѣдниковъ, помоложе.

— Умники! Да развѣ весь сразу его продавать! Вѣдь его у насъ свыше двухъ тысячъ десятинъ и посейчасъ находится! Разбить его на участки, десятинъ по сту, и продавать по участкамъ! Сперва одинъ участокъ спустить, а понадобятся денешки, можно еще одинъ участокъ спустить, да такъ исподволь, по порядку во всему лѣсу и подобраться! А на срубленномъ-то мѣстѣ тѣмъ временемъ новый лѣсокъ выростетъ! Такъ оно у насъ колесомъ и пойдетъ!.. А теперь, когда чугушка прошла, лѣсъ-то какъ вѣдь подорожалъ—страсть! Намъ за сто десятинъ такой кусочекъ отвалить, что и на банкъ хватить, и больше того еще останется.

Слушатели не нашли даже, что и возражать.

— Ну, братъ, будь у тебя капиталъ поздоровше, быть бы тебѣ головою! сказалъ одинъ изъ нихъ Ершову послѣ большой паузы.

— А кстати и выборы не за горами! замѣтилъ другой.

— А кстати и Филатовъ служить больше не хочетъ! объявилъ третій.—Мнѣ вчера самъ Неугода сказывалъ, что «безпремѣнно, говорить, дяденька откажется на будущее трехлѣтне въ головы идти, потому что со всѣхъ сторонъ слышится, что граждане очень на него за станцію, да за водопроводы сердиты! Будетъ, говорить, съ него: и то пятнадцать лѣтъ на пользу города послужилъ...»

— На пользу-у! А вреда больше надѣлалъ, перебилъ его первый.—Что теперь насчетъ этой самой станціи, что насчетъ водопровода!.. Близокъ локоть, да не укусишь! Теперь и проводить-то никакъ нельзя: станцію-то къ городу поближе не подвинешь! Утружденіе какое насчетъ товару сдѣлалъ! А опять

изъ-за чего, по его милости, городъ бассейна лишился! Все городу было бы украшеніе, ну и жителямъ польза!

— «Брали, говорить, воду съ рѣки мы прежде, и впредь брать будемъ! Брали мы, пусть и дѣтки наши берутъ! На что намъ бассейнъ! Эти бассейны только деньгамъ переводъ, поправляй, починивай ихъ!» смѣясь, передразнивая Филатова, замѣтилъ Ершовъ и размѣшилъ своихъ собесѣдниковъ.

— Ну, братъ, быть тебѣ головой! Филатовъ служить не хочеть, а голову выбрать намъ безпремѣнно надо! А кого-жь, кромѣ тебя? Ты, по крайности, для города будешь полезенъ! Подбери только себѣ гласныхъ подѣльнѣй, а этихъ всѣхъ въ сломку! Будеть имъ по лавкамъ-то сидѣть! Пора и дѣломъ заняться!

— Секретаря бы тоже пора въ смѣну! предлагаетъ одинъ.

— Въ сломку его! Будеть съ него: сытъ по горло!

— А, по моему мнѣнію, не нужно было тогда приговора составлять объ отдѣлѣ дома на городской счетъ. И лѣсъ бы у города былъ цѣль, и запасный капиталъ намъ можно было бы на банкъ поворотить!.. вставляетъ, съ видомъ горькаго сожалѣнія, одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Ничего не подѣлаешь! За Филатова всѣ горой въ то время стояли! Что онъ бывало скажетъ, такъ тому и быть! Теперь только вотъ развѣ подумались! За это время ему что-то не повезло!

Последніе годы службы Филатова были, дѣйствительно, особенно для него несчастливы. Всѣ его распоряженія «для пользы города» — новая фраза, появившаяся съ проведеніемъ чугунки — составляли, въ глазахъ большинства обывателей, цѣлый рядъ ошибокъ, ошибокъ очень серьезныхъ, непоправимыхъ, возбуждавшихъ противъ него постоянныя сѣтованія. Самую главную изъ нихъ былъ отказъ отъ переговоровъ съ агентомъ по отчужденію земель подъ постройку проводимой въ это время мимо города желѣзной дороги, о бесплатной уступкѣ части городской земли подъ полотно этой дороги и станцію съ тѣмъ, чтобы станція была расположена близъ самаго города, и о дозволеніи бесплатно провести черезъ городскую землю и городъ трубу изъ рѣки для устройства водочапки при станціи, съ тѣмъ для города удобствомъ, что желѣзнодорожное общество обязывалось, въ свою очередь, тоже бесплатно снабжать городъ водою, если городское общество выстроитъ на свой счетъ бассейнъ.

— Намъ заплати за все это деньги; тогда мы тебя и на городскую землю пустимъ и разсуждать съ тобою будемъ, а безъ денегъ у насъ съ тобою никакой нормы не выйдетъ, и за «пустымъ» разговоромъ нечего мнѣ съ тобою, батюшка ты мой, и время терять!

отвѣчалъ старикъ купецъ агенту, когда тотъ прѣхалъ къ нему «переговорить лично» о сдѣланныхъ имъ письменныхъ предложеніяхъ.

Станція была поставлена въ трехъ верстахъ отъ города, и говорятъ, что инженеры нашли даже, что строители при этомъ выгадали около четверти версты пути. Само собою разумѣется, что граждане, съ перваго же дня открытія дороги, узнали все неудобство «дальности разстоянія станціи отъ города». Поѣзды по росписанію, приходили ночью; дорога отъ города къ вокзалу шла по низкому, топкому мѣсту, такъ что пассажирамъ-обывателямъ приходилось забираться на вокзалъ засвѣтло, чтобы не завязнуть гдѣ-нибудь на дорогѣ, возвращаясь домой, дожидаться на вокзалѣ разсвѣта. Наконецъ, ямщики и извозчики за доставку на вокзалъ брали почти столько же, сколько стоило въ третьемъ классѣ доѣхать до столицы.

— За три версты столько же платимъ, сколько за нѣсколько сотенъ верстъ! плакались обыватели, и, конечно, при этомъ доставалось Филатову порядкомъ.

Несочувствіе Филатова къ завѣтной мысли Ершова, къ учрежденію городского общественнаго банка еще болѣе усиливало неудовольствіе противъ него обывателей, которые видѣли въ этомъ заднюю, неблаговидную цѣль: покровительство «своему племяннику Неугодѣ», занимавшемуся раздачею денегъ займа изъ процентовъ. Съ открытіемъ банка, Неугодову «нѣчего было бы дѣлать»: никто не сталъ бы платить ему «двѣ копейки процентъ въ мѣсяцъ», какъ платять теперь.

Чѣмъ больше усиливалось неудовольствіе на Филатова, тѣмъ больше увеличивалась популярность Ершова.

— Одинъ изъ всего города выискался человѣкъ, который кую простую штуку выдумалъ, какъ продажу городского дѣла по участкамъ! восхищались имъ граждане.

Вопреки ожиданіямъ, бѣдное мѣщанство мысль о продажѣ по участкамъ встрѣтило съ большимъ сочувствіемъ. Во-первыхъ, дѣлъ продавался не весь, значить, въ «остальную» можно по прежнему ѣздить за валежникомъ и буреломомъ, вторыхъ, всѣмъ было извѣстно, что продажа эта дѣлается нымъ образомъ съ цѣлію устроить «свой» городской банкъ; извѣстно, что банки могутъ выдавать деньги не только подъ селя, а даже и «подъ земли и дома».

— Пришелъ въ банкъ, подложилъ свою землю или тамъ мишко, да и прихватилъ себѣ деньжонокъ на оборотъ, а чивать-то приходится не сразу, а по срокамъ, на годъ онъ, банкъ-то, нашъ собственный будетъ, такъ кто жъ

можесть препятствовать! разсуждали въ простотѣ душевной бѣдныя обыватели, имѣвшіе смутное понятіе о городскихъ банкахъ и едвали подозрѣвавшіе различіе ихъ отъ поземельныхъ.—Дай, Господи, добраго здоровья Павлу Архипычу за его выдумку! Быть ему за это головой!

А тутъ, какъ нарочно, наступали выборы въ городскіе головы на новое трехлѣтіе.

VII.

Кандидаты на должность городского головы и гласные.—Избирательная борьба.—«Кто супротивъ кого по капиталу встать?»—Выборы посредствомъ всеобщей подачи голосовъ.—Всегообщее галдѣнье.—Баллотировочный ящикъ.—Выборы Ершова въ голову.—Стихотворный сочинитель.—Выборы въ головы Евдокимова.—Отецъ четырехъ сотъ дѣтей и «еутать отъ гражданъ.—Мундиръ и шляпа «вдоль улицы». — Что иногда можно найти въ избирательной урнѣ.

Большая зала присутствія городской думы полна народа.

Отслужившій пятое трехлѣтіе Филатовъ созвалъ гражданъ на общественное собраніе, «на сходку», какъ говорили обыватели-старики, для выбора состава городского управленія на новое трехлѣтіе.

Выборы обѣщали быть очень интересными. Мы уже знаемъ, что большинство обывателей-избирателей открыто высказывались за кандидатуру Ершова и противъ кандидатуры «старого головы» Филатова, про котораго, къ тому же, прошелъ по городу слухъ, что онъ и самъ не допуститъ себя до «бандировки», потому что боится, что ему наворотятъ цѣлую кучу черняковъ. Съ другой стороны, всѣмъ было извѣстно, что сторонники его, консерваторы, люди «при капиталѣ» и потому, значить, «уважительные», во что бы то ни стало, будутъ стараться «посадить его вновь на старое мѣсто» и, какъ въ прежніе годы, провозгласятъ Филатова единогласно избраннымъ головою безъ баллотировки.

Въ былое время, за недѣлю, а много за двѣ, до дня выборовъ, граждане собирались по вечерамъ, окончивши торговлю, въ ренсковыхъ погребкахъ побесѣдовать о томъ, «кто супротивъ всѣхъ по капиталу встать, кому головой быть». Въ этомъ состояла вся избирательная борьба. И теперь, передъ наступившими выборами, обыватели тоже усердиѣе обыкновеннаго посѣщали эти погребки, но уже судили и редили о томъ, что «хоча Ершовъ супротивъ Филатова по капиталу и не встать, однако-же, все-

такъ и онъ—человѣкъ при хорошемъ капиталѣ, значить, быть головою ему не въ тягость, и для города даже очень много отъ того пользы произойти можетъ, потому что онъ новые порядки завести хочетъ!»

До введенія новой городской реформы, всякій изъ гражданъ, не лишенный по закону права голоса, имѣлъ право непосредственнаго участія на выборахъ, независимо отъ количества платимыхъ имъ въ доходъ города податей, такъ что владѣлецъ «большой хоромины», платившій городскихъ повинностей болѣе ста рублей, имѣлъ такое же право на одинъ голосъ, какъ и хозяинъ полуразвалившейся «езопки», маленькаго домика, платившій въ городской доходъ нѣсколько гривенъ. Новое городское положеніе ввело распредѣленіе обывателей по количеству взимаемыхъ съ нихъ въ пользу города налоговъ на три категоріи, причемъ отъ каждой такой категоріи обывателей-избирателей избиралось одинаковое число гласныхъ. Хотя, при прежнемъ порядкѣ городского управленія, такого раздѣленія гражданъ на категоріи и не было установлено, но замѣчено мною, что обыватели провинціальныхъ городовъ и тогда еще дѣлились по количеству обращавшихся въ ихъ карманахъ рублей на нѣсколько категорій, причемъ лица одной и той же категоріи «пребывали въ почтеніи» къ лицамъ категоріи высшей и не безъ высокомерія относились къ принадлежащимъ къ низшему разряду. Вообще это кастическое распредѣленіе городского населенія «по капиталу» не такъ еще давно было очень замѣтно въ провинціи. Такъ, напримѣръ, обыватель, обладающій капиталомъ отъ одной до двухъ тысячъ рублей, ни за что не станетъ первый ломать шапки передъ человѣкомъ, не имѣющимъ такой суммы, а каждому изъ обывателей, какъ я уже разъ сказалъ, карманъ своего согражданина извѣстенъ какъ свои пять пальцевъ и содержаніе его онъ знаетъ настолько хорошо, что во всякую минуту можетъ опредѣлить, «сколько въ немъ находится наличными и сколько въ товарахъ вбито», впадъ въ ошибку развѣ на бездѣлицу. Торговецъ, обладающій капиталомъ въ десять тысячъ, считаетъ себя въ нѣкоторомъ родѣ лицомъ высокопоставленнымъ и на общественныхъ собраніяхъ жметса ближе къ головѣ, представляющемъ собою наибольшій въ городѣ капиталъ, собранный въ однѣ руки. Лица, обладающихъ капиталомъ «за красненькую», «около четвертнаго», или «близко полсотни» тысячъ, немного, и тѣ, конечно, пользуются еще болѣшимъ почетомъ, сообразно съ цифрой, ими изображаемой. Маленькое исключеніе составляли «богатѣвшіе съ водки» винные заводчики и складчики, но на тѣхъ обыватели точили зубы за то,

что они «вдругъ, въ самое короткое время за богатѣли, форсу стали много задавать: значить капиталъ имъ достается легко».

Интересно прослѣдить распределеніе массы избирателей гражданъ по думской присутственной залѣ. Прямо противъ входныхъ въ залу дверей, ближе къ противоположной стѣнѣ, стоялъ большой, думскій присутственный столъ, покрытый краснымъ сукномъ. На столѣ стояло зеркало; за столомъ, на предсѣдательскомъ мѣстѣ, сидѣлъ голова въ мундирѣ и при шпагѣ, а по бокамъ его гласные. Какъ войдешь въ присутствіе, на право отъ дверей и почти у самыхъ дверей, въ обыкновенное время стоялъ столъ думскаго секретаря Негрובה; теперь, на время, собранія, онъ, во набѣжаніе тѣсноты, вынесенъ въ сиротскій судъ, помѣщавшійся въ сосѣдней залѣ. Около предсѣдательскаго мѣста головы и на нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста, были разставлены десятки два кресель, на которыхъ возсѣдали «уважительные» обыватели съ капиталомъ «около красенькой» и выше и, притомъ, въ такой постепенности, что чѣмъ больше у человѣка былъ капиталъ, тѣмъ ближе онъ сидѣлъ къ головѣ. Такъ уже было заведено изстари, и всякій зналъ свое мѣсто, гдѣ ему нужно сѣсть, безъ ошибки. Всѣ остальные обыватели помѣщались стоя и тѣсно стѣнкой обступали присутственный столъ и наполняли почти весь залу, опять-таки въ такомъ порядкѣ, что «неимущіе ничего» не лѣзли впередъ, а помѣщались сзади.

Избирателей явилось въ думу около четырехсотъ человѣкъ.

Когда я пришелъ въ думу, въ залѣ уже было тѣсно. Присутствіе постороннихъ на общественномъ собраніи не возбранялось, но постороннимъ былъ только одинъ я.

По залу шелъ стонъ-стономъ. Громадное большинство избирателей были торговцы съ базарной площади, лавочники, «коневники», «лошадники», барышники лошадьми, вообще люди, не привышіе говорить тихо. Нисколько не стѣсняясь, они и здѣсь, въ думѣ, чуть не кричали, разговаривая другъ съ другомъ. Помощникъ исправника, прибывшій для наблюденія за тишиною и спокойствіемъ во время выборовъ, крикнулъ было разъ и два: «господа, нельзя-ли потише!» но, видя, что слова его не произвели должнаго дѣйствія, махнулъ рукой и ушелъ.

— Опять, гляди, Филатовъ въ головы-то сядетъ! говорилъ одинъ избиратель другому.

— Надо быть: нѣтъ!

— Какъ «нѣтъ!» Галдѣльщикова-то, смотри, и съ его стороны много припѣрло!

— Коли «на шары» пустать, то безпремѣнно Ершова выберутъ! Весь городъ въ одно говоритъ!

- Надо постараться! Человѣкъ хорошій!..
- Лѣсъ продадимъ, банъ заведемъ! Сво-ой, понимаешъ! говорять въ другомъ мѣстѣ.
- Новое положенье заведемъ!
- Ершовъ общается къ вокзалу шассею провести!
- Если прежнихъ оставимъ, пользы для города не будетъ нисколько! заключаютъ въ третьемъ.

Всѣ разговоры вертѣлись на одномъ и томъ-же.

Раздался звонокъ головы, призывавшій всѣхъ къ порядку.

Голова и сидѣвшіе около него обыватели встали со своихъ мѣстъ. Когда спокойствіе было восстановлено, голова произнесъ гражданамъ краткую, но выразительную рѣчь.

— Теперь новые выборы!.. Наша норма кончена!.. Нужно другимъ мѣста дать, кто помоложе...

Не успѣлъ онъ кончить, какъ со всѣхъ сторонъ поднялся шумъ, крикъ и гамъ!

— Просимъ! Просимъ! заголосили степенные и солидные обыватели, стоявшіе около головы, сопровождая свои крики поклонами.—Убѣдительно просимъ!..

— Просимъ! Просимъ! вторили имъ нѣсколько голосовъ сзади.

Что кричала большая часть избирателей, за всеобщимъ гвалтомъ разобрать было очень трудно. Слышно было имя Ершова, имя Филатова, кто-то кричалъ: «благодаримъ», а кто-то предлагалъ: «на шары».

— Будетъ съ него! крикнулъ своей громовой октавой коневникъ, пѣвшій въ соборномъ храмѣ баса.

Опять раздался звонокъ, и опять долго звонилъ онъ, чтобы унять обывателей.

— И то будетъ съ меня! началъ-было опять Филатовъ и не кончилъ, потому что поднявшееся снова галдѣнье прервало его рѣчь.

Добрыхъ пять минутъ прошло прежде, чѣмъ колокольчикъ сдѣлалъ свое дѣло.

— Свою норму я отслужилъ!.. продолжалъ отрывистыми фразами голова. — Вы, слышно, новые предметы хотите заводить!.. Такъ выберите кого-нибудь помоложе!..

— Просимъ послужить! начали снова «уважительные», но какъ-то тихо поддерживались голосами сзади.—Просимъ послужить! Еще бы хоть три годика! вскрикивали они.—Господа граждане, да просите-же поусердїе господина голову! прогорланилъ одинъ изъ нихъ и точно подлил масла въ огонь, возбудивши своими словами такое галдѣнье, что хоть святыхъ вонъ выноси.

Долго работал колокольчикъ, чтобы унять расхлывшихся обывателей-избирателей.

— Ершова хотимъ! слышно было отъ большинства, когда крики стали поутихать.

— Лѣсъ продать хотимъ! кричали нѣкоторые.

— Банкъ завести хотимъ! напрямикъ объявляли другіе.

— Просимъ послужить! зарядили свое «уважительные». — Убѣдительнѣе просимъ послужить!

— Будеть вамъ галдѣть, горла не жалѣючи! прокричалъ что было силы голова. — Сказалъ, что не хочу больше служить — и конецъ!

И словно водой холодной окатилъ избирателей, сразу прекративши своимъ заявленіемъ и шумъ, и крики.

— Говорите теперь, кого хотите въ головы? Кого выбирать?.. началъ было онъ снова.

— Васъ! Васъ! зачастили опять, низко кланаясь, уважительные.

— Павла Архипыча!.. Архипыча! закричали изъ заднихъ рядовъ.

— Ерша! Ерша! Давай намъ Ерша! оралъ громче всѣхъ басомъ коневникъ.

— Ершова просимъ! Просимъ Ершова! На шары Ершова! глосила бдльшая часть избирателей «стоячей категоріи».

На эти крики Ершовъ, имѣвшій мѣсто въ разрядѣ «уважительныхъ», въ «сидячей категоріи» около присутственнаго стола, точно вынырнулъ изъ толпы. Вставши со своего мѣста, онъ поклонился собранію на три стороны: «самый высочій во всемъ городѣ человекъ», выше всѣхъ на цѣлую голову, онъ былъ видѣнъ изъ самыхъ заднихъ рядовъ обывателей.

Судя по движеніямъ его рта, онъ должно быть что-то говорилъ, но за криками, шумомъ и гамомъ словъ его не было слышно.

Филатовъ опять пустилъ въ ходъ колокольчикъ.

— Да уймись-же вы, оглашенные! крикнулъ онъ изъ всей мочи. — Аль забыли, что сейчасъ «для порядку» присягу принимали!

Этого напоминанія было достаточно, чтобы унять расхлывшихся избирателей. По установленнымъ правиламъ, обыватели-избиратели въ день выборовъ собирались предварительно въ соборъ, гдѣ, «по выслушаніи» литургіи и молебна, «приносили присягу на соблюденіе порядка и безпристрастія въ подлежащемъ собранію дѣлѣ».

Всѣ замѣтно присмирѣли, угомонились и глядѣли уже не съ такимъ азартомъ, какъ прежде.

— Благодарю общество за честь, но баллотироваться не желаю! взволнованнымъ голосомъ началъ Ершовъ, когда галдѣнье поутихло.—Во-первыхъ потому что, и по капиталамъ, и по слугамъ, и по долготѣтней службѣ, очень для города полезной, Филиппа Федоровича слѣдуетъ выбрать вновь...

— Слѣдуетъ! Слѣдуетъ! тотчасъ-же подхватили «уважительные», не замѣчая въ словахъ Ершова маленькой ироніи.

— Павла Архипыча слѣдуетъ! Ершова на шары слѣдуетъ, перебили ихъ голоса изъ «стоячей категоріи».

— Филиппа Федорыча слѣдуетъ! твердили свое самые «уважительные» изъ «сидячей» категоріи.

— А ну васъ! Сказалъ, что не хочу! Чего орете! прикривнулъ на нихъ Филатовъ, звоня въ колокольчикъ.

— ...а во вторыхъ, потому, что, кромѣ меня, есть еще много въ городѣ уважаемыхъ гражданъ, у которыхъ и капиталъ поздоровше, и сами они лѣтами постарше! докончилъ Ершовъ, когда шумъ опять поутихъ.

Галдѣнье едва было не возобновилось съ новою силою, какъ Филатовъ, не выпуская колокольчика изъ рукъ, прекратилъ гамъ въ самомъ его зародышѣ, сказавши Ершову убѣдительнымъ, недопускавшимъ возраженій тономъ:

— Ну, чего ты корачишься? Ну? Ну, чего ты ломаешься? Время только попусту тратишь! Знаю я, что тебѣ давно хочется въ головы сѣсть! Знаю, что давно объ этомъ предметѣ въ городѣ идетъ разговоръ!.. Не даромъ ты на меня критику наводишь и самъ умникомъ прослылъ!.. Ты чего отказываешься, не служивши! послужи сперва съ мое, потомъ и отказывайся! Ишь ломается! Видишь, что всѣ граждане желаютъ!

И не давши Ершову что-нибудь сказать, онъ громко и отчетливо провозгласилъ, нѣсколько разъ повторяя одну и ту же фразу:

— Баллотируется въ головы Павелъ Архипычъ Ершовъ!

— Просимъ, просимъ! закричала вся «стоячая категорія» разомъ. «Уважительные» молчали.

— Коли вы меня такъ очень просите, то я могу! скромно и другимъ уже тономъ заговорилъ Ершовъ.

— Такъ-то вотъ оно лучше! Будь покоенъ: черняковъ наладутъ немного! шутливо замѣтилъ ему Филатовъ и опять громко, во всеуслышаніе, объявилъ: — баллотируется Павелъ Архипычъ Ершовъ въ городскіе головы!.. Принесите баллотировочный ящикъ! Гдѣ-жъ секретарь?.. Иванъ Петровичъ, а Иванъ Петровичъ!

Негробовъ совсѣмъ затерялся въ толпѣ. Онъ вертѣлся между «уважительными» и агитировалъ въ пользу Филатова. Когда

попытка этихъ послѣднихъ «посадить Филатова въ головы вновь на три года» не удалась, онъ ступовался, съежился и, сложивши на груди руки, смиренно стоялъ въ толпѣ уважительныхъ. — «А въ прошлые-то выборы по присутствію такъ козыремъ и носился: ему кланяются, а онъ будто и не видитъ и не замѣчаетъ!» вспоминали нѣкоторые изъ обывателей, бывшіе на предыдущихъ выборахъ три года тому назадъ.

— Распорядись ка насчетъ ящика! приказалъ ему Филатовъ, отыскавъ его въ толпѣ. Тотъ бросился исполнять и, минутою спустя, вернулся въ залу съ ходочками, которые несли большой желтый баллотировочный ящикъ и два блюда съ деревянными, замазанными, грязными шариками неправильной формы. Съ трудомъ протискавшись сквозь толпу избирателей, они поставили ихъ на присутственный столъ передъ головою.

«Избирательная урна», баллотировочный ящикъ, имѣла въ передней части круглое отверстіе, въ которое нужно было просунуть руку, чтобы бросить шаръ на правую или лѣвую сторону ящика, отдѣленные одна отъ другой тоненькой перегородкой. Для счета шаровъ были устроены дверцы съ боковъ.

Голова подошелъ къ ящику и сталъ внимательно его осматривать.

— На законномъ основаніи, надо обследовать этотъ предметъ: нѣтъ ли тутъ чего? объявилъ онъ близъ стоявшимъ обывателямъ.

Засунувъ руку въ круглое отверстіе, онъ вытащилъ оттуда грязную тряпку, которою это отверстіе было заткнуто и бросилъ ее подъ столъ.

— Во! Вишь и нашелъ! замѣтилъ онъ при этомъ: — здѣсь нѣтъ ли чего? продолжалъ онъ, отрывая дверцу съ лѣвой стороны и, пошаривъ рукою, захлопнулъ дверцу со словами: — пусто!.. Съ той стороны теперь посмотримъ!..

Едва только открылъ онъ правую дверцу, какъ изъ ящика выпорхнули два щегла и заметались по залѣ. Они такъ и летали по «присутствію» во все время выборовъ, иногда присаживаясь на большіе, висѣвшіе высоко на стѣнѣ часы.

— Съ нами крестная сила!.. Тьфу ты пропасть! Вотъ напугали! проговорилъ Филатовъ, перекрестившись: — что бы это значило?..

Оказалось, что «думскаго сторожа синишва», большой охотникъ до птицъ, поймалъ утромъ, въ день выборовъ, пару щегловъ и, за неимѣніемъ свободной кѣтки, посадилъ ихъ «пока, до времени», въ баллотировочный ящикъ.

— Лови! лови! кричали изъ одного угла залы.

— Картузомъ-то прикрой!.. кричали изъ другого угла.

— Это не къ добру! разсуждали во всеуслышаніе болѣ скромные изъ избирателей.— Боли птица въ окно влетитъ, али изъ кѣтки вылетитъ—извѣстно, не къ добру!

— Чудаки! То — изъ кѣтки, а это — изъ баллотировочнаго ящика! Тутъ статья другая!

— Все одно!

Филатовъ, однако, скоро остановилъ всѣ эти крики и «разсужденія», крикнувши:

— Чего васъ разстрелюдило! Аль забыли, что вы въ присутственномъ мѣстѣ!.. Видите: зеркало стоять!..

Когда всѣ приготовленія были окончены и баллотировочный ящикъ былъ покрытъ кускомъ зеленого сукна, снятымъ съ секретарскаго стола «для того, чтобъ не видно было, кто куда свой шаръ сунеть», началась баллотировка. Первымъ положилъ свой шаръ голова, за нимъ—его кандидатъ и гласные, послѣ которыхъ начали «совать» шары остальные избиратели. Голова выкликалъ гражданъ по особому заранее составленному избирательному списку, въ которомъ обыватели были разсортированы въ такомъ порядкѣ, что сперва слѣдовали женатые, имѣющіе дѣтей, потомъ женатые бездѣтныя, за ними вдовцы и, наконецъ, неженатые. Вызываемый получалъ изъ рукъ головы «баллъ», «совалъ» его въ ящикъ и отходилъ прочь.

— Баллотировается въ головы Павелъ Архипычъ Ершовъ! объяснялъ каждому изъ избирателей голова, подавая ему шаръ:— на! бери! Сунь его въ ящикъ и помни: избирательный—направо, неизбирательный—налѣво! Помни эту норму и понимай!.. Чтобы у меня путаницы какой не вышло! А то будете потомъ говорить: «не было объяснено куда класть»!..

— Мнѣ не въ первый разъ!.. замѣчаетъ избиратель.

— Мало что не въ первый, а все-таки помни: избирательный—направо, неизбирательный—налѣво! твердилъ свое голова.

Тѣснота у ящика была страшная: всѣмъ хотѣлось видѣть, кто куда «сунулъ» шаръ. Многіе дѣлали это такъ неловко, что нетрудно было замѣтить, куда онъ былъ положенъ. Впрочемъ, обыватели заранее знали, кто былъ «свой» и кто «чужой», кто—«за» и кто—«противъ». Наблюденія дѣлались больше изъ любопытства. Разговоры при этомъ велись безъ стѣсненія, вслухъ.

— Этоть—направо! говорить одинъ изъ наблюдателей про какого-нибудь вызываемаго къ ящику.

— Держи карманъ! Навѣрное налѣво! Онъ Филатову каждый годъ сѣмя льняное продаетъ,

— А какъ же онъ мнѣ говорилъ, что хорошо бы всю старую думу въ сломку и новые порядки завести!

— Разговоръ разговорамъ, а торговля первѣй всего! Ты видишь, что Филатовъ-то какъ ястребъ смотритъ, кто куда идетъ! Ему, при его капиталѣ, ничего, а тебѣ каково?..

— А банкъ?..

— Развѣ что вотъ банкъ!..

Перебравъ по списку до сотни избирателей, Филатовъ объявилъ, что онъ усталъ и обязанности «при ящикѣ» передаетъ своему кандидату.

— Закончишь женатыхъ, скажи мнѣ: я опять стану къ ящику! сказалъ онъ этому послѣднему:—ты слышалъ, какъ я объяснялъ? Ну, смотри и ты такъ должонъ, чтобы путаницы не вышло: избирательный—направо, а неизбирательный—налѣво!

Тотъ потнулъ въ знакъ согласія головой и, взявши изъ рукъ Филатова списокъ, началъ вызывать «женатыхъ» и объяснять имъ въ чемъ дѣло.

Пока избиратели, толпясь у избирательнаго ящика, совали въ него свои шары, прислушаемся къ разговору тѣхъ изъ нихъ, которые особенно желали избранія Ершова въ головы и потому съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили за тѣмъ, кто куда «свалитъ» свой шаръ.

— Надо быть, Ершовъ безпримѣнно будетъ выбранъ! Посмотри: всѣ такъ и прутъ ему направо, да направо! замѣчаетъ одинъ изъ такихъ избирателей.

— Ну, еще бы! соглашается другой:—человѣкъ онъ и по натурѣ своей очень замѣчательный, самый во всемъ городѣ высокій, а притомъ всѣ знаютъ, что и капиталецъ какой ни на есть да свой собственный имѣется! Ни столичнымъ торговцамъ не должонъ, ни въ нашемъ городѣ никому деньгами не обязанъ, а говорить станетъ—заслушаешься!

— Очень ужъ къ газетамъ большое пристрастіе имѣеть! въ видѣ упрека, прибавляетъ третій:—ты его хлѣбомъ не корми, а газетину ему дай! Одно слово—умникъ!

Репутация умника сложилась за Ершовымъ съ давнихъ поръ. Не получивши «отъ родителей» никакого образованія, кромѣ, конечно, умѣнья читать и писать, да выкладывать на счетахъ, онъ «самъ себя поотесалъ», и въ годы юности былъ «очень до стиховъ большой охотникъ».

— Такую я къ стихамъ склонность имѣлъ, рассказывалъ онъ въ минуты откровенности тѣмъ изъ своихъ знакомыхъ, которые не были знакомы съ его прошлымъ:—что ночей не спалъ, зачитывался ими! Тайкомъ отъ батюшки, отъ знакомыхъ помѣщиковъ, которые въ нашей лавкѣ товаръ забирали, книжки получалъ и стихи списывалъ; отъ батюшки—старинный человѣкъ,

въ большой строгости онъ меня держалъ — побой зато получалъ, и все-таки не унимался! Большущую тетрадь стиховъ скончилъ своей рукой списалъ, да на память внучилъ: была-жь вѣдь въ то время охота! Въ то время газетъ этихъ не было, а молодые люди больше все насчетъ стиховъ... и у рѣднаго изъ моихъ однолѣтокъ, конечно, грамотнаго, не было своеручной тетрадки со стихами! По примѣру этихъ самыхъ стиховъ, стало и меня самого къ стихоплетству клонить, охоту возымѣлъ самъ сочинителемъ быть, да все у меня какъ-то не клеилось, чего-то не доставало! Это, значить, потому, что я законовъ поэзи не зналъ. Ну, и до тѣхъ самыхъ поръ я, значить, мучался, пока крестный мой батюшка, съѣздивши въ столицу, тайкомъ отъ родителей, привезъ мнѣ эти самые законы поэзи сочиненія господина Остолопова! Старинная книга, а очень она мнѣ большую пользу принесла! Ну, тутъ ужъ я со своимъ дѣломъ справился! Какъ проглотилъ я всѣ эти законы поэзи, такъ стихи-то стали какъ блины печь: чисто, ровненько, съ римами отлично справлялся! По сю пору у меня моихъ собственныхъ стиховъ большая тетрадь есть: берегу на память! Чуть что случится въ городѣ мало-мальски замѣчательное, я сейчасъ же въ стихахъ и изображу! Сочинилъ это я разъ про стряпчаго: пошло мое сочиненіе по рукамъ, одинъ отъ одного списывали, весь городъ читалъ, ну, и, конечно, смѣху было довольно! Прозналъ о томъ городничій — сейчасъ къ головѣ, а въ то время у насъ головою былъ первый гильдин купецъ Пуховъ, богатѣйшій купецъ, каждый годъ до сту барокъ къ порту съ хлѣбомъ гонялъ! Сердитый, пресердитый онъ былъ. Вотъ городничій этому головѣ и говоритъ: «не знаешь, что у тебя подъ носомъ дѣлается? стихотворный сочинитель, говорить, въ красномъ ряду проявился! Смотри въ оба!» Тотъ и ошалѣлъ: «какъ это, говорить, такъ, чтобы въ моемъ городѣ да эдакая тварь завелась!».. Вошелъ я разъ утромъ въ лавку, смотрю изъ думы къ намъ въ красный рядъ двое ходочковъ: «пожалуйте въ думу, голова проситъ! вмѣстѣ съ родителемъ пожалуйста!» Екнуло мое сердце! Отецъ дорогой туманки двѣ задалъ мнѣ: «напроудилъ ты, должно быть, какъ нибудь не по хорошему!» Мы идемъ по улицѣ, а за нами ходочки; стыдно, совѣстно. Приходимъ въ думу. Привели насъ прямо въ присутствіе къ головѣ. — «Твое дѣло?» спрашиваетъ и показываетъ на сочиненіе — онъ въ рукахъ его держалъ. — Собственно мое! говорю. И напустилъ же онъ и на меня, и на отца, а пуще всего на отца! — «Въ моховую на три дня!» вышло мнѣ рѣшеніе. Отецъ въ ноги: «такъ и такъ, не погуби молодца, не осрами на вѣкъ!» Не тутъ-то

было! Такъ и отсидѣлъ три дня! Ну, а какъ выпустили, такъ дома, кромѣ всего этого, была жаркая мѣсь баня!.. Мѣсяца два изъ дома не выходилъ: стыдно было на свѣтъ Божій глаза показать!.. И съ этихъ поръ полно стихи писать! Вотъ я какой съ молодую-то былъ!

Онъ и теперь съ удовольствіемъ читалъ газеты. По его инициативѣ, краснорядцы выписывали нѣсколько петербургскихъ и московскихъ газетъ въ складчину. Читать ихъ первому было его привилегіей: разносчикъ-почтальонъ зналъ это и всегда ему одному и вручалъ пачку газетъ, выписываемыхъ «краснымъ рядомъ». Здѣсь же, въ ряду, въ своей лавкѣ, онъ прочитывалъ ихъ «между дѣломъ» и замѣчательныя мѣста отмѣчалъ краснымъ карандашомъ. Съ этими отмѣтками газеты шли къ остальнымъ подписчикамъ, обращавшимъ вниманіе преимущественно на отмѣченное. По базарнымъ днямъ, когда въ красномъ ряду покупателя изъ деревни наѣзжаетъ очень много и ужь не до газетъ, онъ бралъ ихъ на домъ и выносилъ въ рядъ на слѣдующій день.

Баллотировка кончилась. Раздался звонокъ.

Филатовъ откинулъ суконную покрывку ящика и съ замѣтнымъ волненіемъ открылъ сперва лѣвую дверцу.

— Почитай пусто! Значитъ всё направо! Павелъ Архипычъ! поздравляю: сверхъ нормы навалили! Хоть не считай! несо-всѣмъ спокойнымъ голосомъ крикнулъ онъ Ершову, смиренхонько сидѣвшему «у стѣнки» въ разрядѣ уважаемыхъ.

Однако, онъ тотчасъ же принялся считать шары.

— Избирательныхъ триста девяносто, а неизбирательныхъ тридцать шесть! объявилъ онъ во всеуслышаніе, окончивъ счетъ.

Нѣкоторые изъ избирателей, особенно ратовавшихъ въ пользу Ершова, крикнули отъ удовольствія, узнавъ о результатѣ выборовъ. «Уважаемые» молчали.

— Ну, новый голова! Теперь подбирай себѣ подъ кадрель гласныхъ! шутилъ какъ-то неловко Филатовъ, обращаясь къ своему преемнику:—поздравляю съ избраніемъ! Чего хотѣлъ, того и достувался! добавилъ онъ, кланяясь ему въ поясъ.

Поклонился и тотъ, неуклюже поднявшись со своего мѣста.

— Подберемъ, коли утвержденье получимъ! отвѣтилъ онъ.

— А, можетъ быть, и старыхъ оставишь?

— Тамъ видно будетъ!

Этотъ разговоръ вывелъ избирателей изъ какого-то охватившаго ихъ оцѣпенѣнія. Поднялся гамъ и прежнее галдѣнье. Кто кричалъ: «старыхъ не надо!» кто оралъ: «новыхъ, новыхъ!», большинство же загалдѣло: «вроздравляемъ, проздравляемъ!»

Филатовъ принялся звонить.

— Теперь кандидата къ «ему» надо выбрать! объявилъ онъ собранію, когда шумъ поутихъ.

— Можетъ быть, еще кто въ головы пожеласть! предложилъ его племянникъ, Неугодовъ, самъ мѣтившій въ головы, какъ ходили слухи:—можетъ, объявятся желающіе.

— Кто-жь пойдетъ? сердито отрѣзалъ ему голова: — нѣчего на проломъ лѣзть! Али ты захотѣлъ?.. Милости просимъ!

— Просимъ! просимъ! поддержали, обрадовавшись случаю, уважительные.

— Не надо! не надо! кричали изъ заднихъ рядовъ.

— Будетъ съ насъ и Ершова.

— Довольно!

— Просимъ! Неугодова просимъ! Никиту Петровича Неугодова просимъ! твердили свое уважительные, не обращая вниманіе на крики сзади; но тотъ замахалъ руками и на отрѣзъ отказался отъ баллотировки: и всаправду нѣчего на проломъ лѣзть! согласился онъ съ дядей.

— Не желаетъ ли еще кто? снова провозгласилъ Филатовъ: — нѣтъ ли еще въ головы охотника?

— Нѣту! никто не желаетъ! отвѣтилъ кто-то за всѣхъ.

— Врешь! Я желаю! слышалось изъ толпы избирателей, разразившихся при этомъ громкимъ неудержимымъ хохотомъ. Даже самъ Филатовъ, несмотря на свою «солидность», и тотъ разсмѣялся отъ души.

— Во! Выскочила птица! Во и еще голова!

— Про «крестнаго»-то мы и забыли! Евдокимушку на голоса! На шары его! малый славный! настоящій голова, какого намъ надо!

— Давно бѣ тебѣ, крестный, заявить! Чего-жь ты спалъ! кричали, хохоча во все горло, избиратели.

— Не допускать его! Нѣчего съ нимъ по пусту время терять! замѣтилъ кто-то изъ уважительныхъ.

— Не могу этого сдѣлать! Пускай его потѣшится! Пороковъ за нимъ никакихъ не знаю; не допустить его до «нынѣшняго» предмета не могу! А тамъ ужъ какую вы положите ему норму, направо ли, налѣво ли, это—дѣло ваше! Баллотировать въ головы Николай Ивановичъ Евдокимовъ! Избирательный — направо, неизбирательный—налѣво! По списку, чтобы время не терять, выкликать не буду и всякому въ уши пробить одно и то же не стану, а всякъ самъ долженъ ко мнѣ подходить, шаръ изъ моихъ рукъ брать и въ личикъ его совать!.. Не прѣ! не налирай. Всѣмъ достанетъ, никого не обдѣлю! кричалъ Филатовъ на столпившихся около ящика избирателей.

Возбудившее столько смѣху въ избирателяхъ желаніе баллотироваться въ головы принадлежало купеческому брату Николѣу Ивановичу Евдокимову, «малому» лѣтъ шестидесяти. Аккуратно каждое трелѣтіе, каждые выборы выставлялъ онъ себя кандидатомъ въ головы и аккуратно каждый разъ блистательнѣйшимъ образомъ проваливался. Его и баллотировали такъ «для проформы», смѣху ради.

Несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, онъ величался малымъ, потому что былъ холостымъ, хотя и считался отцомъ нѣсколькихъ сотенъ дѣтей. Цифра не преувеличена: дѣти у него были крестныя.

Все состояніе его заключалось въ старомъ деревянномъ домикѣ на берегу протекавшей черезъ городъ рѣчки, да въ лавкѣ разнаго старья, на базарѣ, около собора. Онъ былъ «интима-ріемъ», скупалъ и собиралъ древности, въ какомъ бы видѣ онѣ ни были. Въ его лавкѣ можно было найти всякій хламъ, начиная съ книгъ, изданныхъ въ прошломъ столѣтіи, и кончая прошлогодними баранками, ржавымъ желѣзомъ, истасканными, изношенными полушубками и зипунами.

Изъ всего своего «товара» онъ въ особенности дорожилъ старыми книгами, которыми у него былъ заваленъ цѣлый уголъ лавки. Разъ онъ зазвалъ меня «только хотъ посмотреть на его рѣдкости—старинныя книги».

— Можеть, найдется какая-нибудь подходящая, вы и купите. Ни одной моложе пятидесяти лѣтъ нѣтъ, а все сколько-нибудь да постарше! хвалился онъ.

Я прицѣвился къ одной изъ такихъ драгоценностей.

— Дешевле пяти рублей взять никакъ нельзя! объявилъ онъ.

— Что такъ дорого?

— Что за дорого! Вы посмотрите-ка переплетъ-то какой тяжелый! Попробуйте въ рукѣ-то какъ слышно! хвалилъ онъ книгу, взвѣсивая ее на рукѣ:— по крайности, пять или шесть фунтовъ, а то такъ и всѣ семь въ ней!.. Книжень въ кого, словно камень!

Въ собраніе явился онъ въ мундирѣ.

— Тридцать годиковъ въ квартирной комиссіи епутатомъ отъ гражданъ прослужилъ и за такую прослугу уволился отъ должности со шляпой и съ мундиромъ! часто хвалился онъ въ кругу своихъ согражданъ.

— И съ панталонами! прибавлялъ кто-нибудь изъ нихъ.

— Да съ панталонами! обиженно соглашался онъ. — Прослужи-ка ты съ мое, такъ на тебѣ, можеть, и панталоны держаться не будутъ.

Мундиромъ своимъ онъ очень гордился и «понию лавки» всюду носилъ его: онъ «чванился» передъ прочими обывателями, что онъ одинъ изъ всѣхъ гражданъ на должности не состоитъ, а въ мундирѣ завсегда ходитъ», что, по мнѣнію его, давало ему право «сѣсть въ головы». Само собою разумѣется, что всѣ смотрѣли на него, какъ на чудака. Когда его «шляпа вдоль улицы» была еще «жива», какъ онъ выражался, то при мундирѣ всегда красовалась на его головѣ, но, незадолго до выборовъ, по выводу одного изъ уѣздныхъ мировыхъ судей, которому онъ подалъ о чемъ-то прошеніе на крестьянъ, отправился онъ на разбирательство пѣшкомъ, въ мундирѣ, въ шляпѣ и «при шпагѣ» и за дорогу не уберегъ своей шляпы, окончательно отказавшейся, по ветхости, отъ дальнѣйшей службы.—«Дождемъ ее всю, размочило, разлѣзлась такъ, что и починить нельзя! И то сказать: пятнадцать лѣтъ почитай съ головы не слѣзала! Зналъ бы, что такое несчастье со мною случится, такъ лучше бы, кажется, дѣла на зачиналъ! Все бы не такъ было жалко!» жаловался онъ.

— Баллотироваться въ головы Николай Ивановичъ Евдокимовъ! Избирательный — направо, не избирательный — налѣво. Помни и понимай! Каждому порознь твердить не буду! изрѣдка выкрикиваетъ Филатовъ, раздавая избирателямъ шары.—Попроси-ка своихъ крестничковъ, да куманьковъ навалить тебѣ бѣлячковъ побольше!.. Авось и въ головы проскочишь! Мудренаго нѣтъ, и тебя выберутъ, если направо побольше очковъ наладутъ! громко сказалъ онъ Евдокимову, протискивавшемуся ради того, что его баллотировать въ головы, поближе къ присутственному столу въ разрядъ уважительныхъ.

— Дѣтушки, не посрамите! раскланиваясь во всѣ стороны, затвердилъ чудакомъ умоляющимъ голосомъ:—больше полгорода крестниковъ, да куманьковъ! Если каждый по шару на мою сторону сумеетъ—вотъ я и выбранъ! сказалъ онъ Филатову въ отвѣтъ.

А избиратели-крестнички и избиратели-куманьки съ шутками и прибаутками тѣснились у избирательной урны, и живо шла вотировка.

— Ну, куда ты суешься! Сколько разъ тебя на черныакахъ прокатывали и все тебѣ нейдетъ, урезонивалъ Евдокимова одинъ изъ этихъ послѣднихъ.

— А чѣмъ я не голова? Ну, скажи, чѣмъ?.. Тридцать лѣтъ въ епутатахъ прослужилъ и съ мундиромъ въ отставку...

— Знаю, знаю! Да хватить-ли у тебя потроховъ-то съ губерніей дѣло имѣть?.. Не самъ-ли ты признавался, что тебѣ шляпы вдоль улицы не на что купить, а?

Это заключеніе вызвало всеобщій смѣхъ. Больше всѣхъ хохотали уважительные.

— Лишь бы только въ головы попасть, а тамъ я найду средства.. Самъ бы «хорошій» хлѣбъ ѣлъ и губернія отъ меня была бы сыта! откровенничалъ кандидатъ въ головы. — Дѣтушки, не посярамите! снова раскланялся онъ во всѣ стороны.

У него было, и въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, что съ полгорода крестниковъ. Рѣдкая недѣля проходила безъ того, чтобъ онъ не крестилъ. — «Хоша достаточно monkъ крестниковъ поумирало, однако же, и въ живыхъ много неберется!» не безъ основанія хвалился онъ.— Въ городѣ ходило повѣрье, что крестники его «долже другихъ выживаютъ, потому-ли, что у него рука легка, или потому, что ему такой таланъ отъ Господа Бога даденъ— кто-жь его знаетъ!»—говорили обыватели. Казалось бы, что, при его бѣдности, ему было чистымъ разореньемъ входить въ неизбѣжные расходы, сопряженные съ принимаемою имъ на себя христіанскою обязанностью, а онъ всегда безпрекословно, съ удовольствіемъ шелъ на зовы «въ крестные». На дѣлѣ оказывалось, что онъ не тратилъ при этомъ ни гроша, потому что родители его будущато крестника всегда принимали всѣ расходы на себя, а онъ съ каждымъ новымъ крестникомъ пріобрѣталъ себѣ случай лишній разъ въ году дома не обѣдать, отправляясь къ крестнику въ день его ангела на поздравленіе и неизбѣжный при этомъ «вонецъ пирога».

По мѣстному обычаю, крестины всегда происходили въ церкви, а такъ какъ лавка стояла около собора, то, благодаря, быть можетъ, этому сосѣдству, его и стали такъ часто приглашать въ крестные отцы.— «Родныхъ звать—поди тамъ кланяйся, упрасивай, да еще не пойдутъ, какую нибудь отговорку сыщутъ, скажутъ «тратиться нужно»; предложить имъ на родительскихъ расходахъ—обидишь, а я чужими расходами не обижаясь!» говорилъ Евдокимовъ, всегда съ удовольствіемъ разсказывавшій пришлымъ, не кореннымъ обывателямъ города 'о томъ, что у него «съ полгорода крестничковъ, да куманьковъ». — Годъовъ тридцать тому назадъ, довелось мнѣ окрестить одного слабенкаго! Въ церковь привезли, онъ и не дышалъ почти! Родители спѣшили окрестить: гдѣ тутъ ужъ по крестнымъ отцамъ бѣгать, меня и взяли, благо я въ лавкѣ около церкви сидѣлъ! Слышу потомъ, что крестникъ-то мой и ожилъ! Съ тѣхъ поръ и вошелъ я въ славу и пошелъ по городу слухъ, что у меня «рука легка», и ужъ отъ крестниковъ просто отбою нѣтъ!..

Баллотировка кончилась. Голова приступилъ къ повѣркѣ шаровъ.

— Ну, батюшка, крестники-то постарались, уважали тебя! объявил онъ во всеуслышаніе Евдокимову о результатѣ. — Избирательныхъ восемь, пробка, два ржаныхъ сухарика, да три мѣдныхъ грошика, а неизбирательныхъ ужъ и считать не стоить!

Результатъ привѣтствовался всеобщимъ хохотомъ.

— Выборы не дѣйствительны! кричалъ обиженнымъ голосомъ забаллотированный. — Я въ жалобу пойду!..

— Шалишь! У насъ дѣйствительны! кричали ему со всѣхъ сторонъ въ нѣсколько голосовъ сразу избиратели. — Пробку-то съ сухарями въ счетъ шаровъ власть нечего.

— За прибавку еще благодарить бы долженъ!

Опять хохотъ. Голова зазвонилъ.

— Это мнѣ изъ обжорнаго ряда должно быть хлѣбники подрадли, потому что я на лавки имъ цѣну надбавилъ! объяснялъ Евдокимовъ причину появленія между избирательными шарами пробки, грошиковъ и сухарей и снова сдѣлался мишенью насмѣшекъ всего собранія.

Онъ «снямалъ въ аренду» съ торговъ городской обжорный рядъ за двадцать шесть съ половиною въ годъ, а самъ выручалъ болѣе семидесяти, сдавая отдѣльныя помѣщенія хлѣбникамъ, торговцамъ печенымъ хлѣбомъ и торговцамъ «маритантскими закусками». Его контракту выходилъ въ текущемъ году срокъ, и онъ, пользуясь своимъ правомъ по контракту, удвоилъ на послѣдній годъ плату, чѣмъ, конечно, и возбудилъ между съемщиками большое неудовольствіе.

— Надбавка за надбавку! Онъ надбавилъ за лавки, ему надбавили на избирательные шары! смѣялись отъ души обыватели. Филатовъ прозвонилъ опять.

— Не желаетъ-ли еще кто въ головы? спросилъ онъ у собранія.

— Никто не желаетъ! Будетъ съ насъ и Ершова! крикнули ему въ отвѣтъ изъ стоячей категоріи.

— Я хочу! заоралъ благимъ матомъ извѣстный всему городу пропойца Веретеновъ.

Граждане, чья скандалъ, загоготали отъ удовольствія.

— Вотъ такъ голова!..

— А чѣмъ я не голова? Ну, скажи! Ну, чѣмъ? кричалъ между тѣмъ Веретеновъ.

— Карманы-то свои дегтярные поди на рѣчкѣ обмой!

Всѣмъ было извѣстно, что вчера вечеромъ, передъ тѣмъ какъ запирали лавки, «путники», молодые купчики, «состроили надъ Веретеновымъ комедію»: они напоили его до безчувствія пьянымъ и во всѣ карманы и за воротникъ налили ему дегтя

Пропейца заругался, но ходочки не дали ему «много распространяться», выгнавъ его изъ собранія въ шею.

— Не желаетъ-ли еще кто въ головы?.. Никто не жаждаетъ? добивался отъ собранія Филатовъ.

Отвѣта не было.

— Никто не жаждаетъ? повторилъ еще разъ Филатовъ.

— Сказали ужъ, что никто! отвѣтилъ опять кто-то за всѣхъ.

— Коли такъ, надо избирать къ головѣ кандидата! Царель Архипычъ, кого бы ты хотѣлъ себѣ подъ кадрель въ кандидаты? спросилъ голова у Ершова.

— По мнѣ, кошь никого не надо! Самъ буду свою должность править! развязно отвѣчалъ тотъ.

— Это ты тамъ какъ хочешь—дѣло будетъ твое, а намъ надо законъ своимъ чередомъ исполнить, потому на всякій случай такая ужъ положена норма, чтобы при головѣ всегда кандидатъ состоялъ! Говори, что-ль! Нѣчего попусту время-то терять!

Ершовъ назвалъ двухъ-трехъ обывателей «изъ своихъ». Не смотря на ихъ отказы и отговорки, «не взирая» даже на предлагаемый ими довольно значительный откупъ, ихъ «безъ обычнаго шума и галдѣнья, по настоянію большинства «стоячей категоріи», пробаллотировали, и получившій наибольшее число избирательныхъ сталъ «при головѣ кандидатомъ».

— Милости прошу завтра въ думу къ подпискѣ приговора!— объявилъ собранію Филатовъ, когда выборы въ кандидаты были окончены.— А ты, новый голова, дождайся изъ губерніи себѣ утвержденія, тогда и должность отъ меня получишь! обратился онъ въ заключеніе къ Ершову.

VIII.

Утвержденіе Ершова въ должности головы.—Приходорасходчикъ и общественныя деньги.—Блазное дѣльце.—Кому «солоно», если «капиталъ пойдетъ не капиталъ».—Гласныя думы.—Блазникъ Прощекальниковъ, какъ сподручникъ новаго городского головы Ершова.

Нескоро пришло Ершову съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемое имъ изъ губерніи «утвержденіе» его «въ должности городского головы».

— Больше пяти мѣсяцевъ, никакъ, промучался бѣдняга, ожидая себѣ или приказу, или отказу! — соболѣзновали о немъ обыватели.

— И подѣломъ ему! Не поймавши, не ошпывай, а то шустрѣе очень дуже сталъ нестать, замѣчали на это сторонники Филатова.

Эта проволочка «была» поводомъ въ большой ссорѣ между Ершовымъ и прежнимъ составомъ думы, хотя и происходила отъ причинъ, не имѣвшихъ прямого отношенія въ городскому хозяйству. Вотъ какъ это случилось.

На другой день послѣ выборовъ Ершова въ головы, прешло по городу слухъ, что «вчера, вечеромъ (то-есть въ день выборовъ) у новаго головы была пирушка—разливанное море: приходили—кто хотѣлъ, безъ зова; или—сколько влѣло, безъ подчинянья («все поздравляли»); кричали—на сколько горла хватало, безъ удержу, и подъ конецъ, «когда уже домой стали расходиться», двое изъ гостей-избирателей, поссорившись, «даже задрались, въ кровь бы передрались, еслибъ кто-то не догадался ихъ разнять.»—При этомъ прибавлялось по секрету, что новый голова «подбираетъ ужъ подъ 'кадрель гласныхъ и что рѣшено, чтобы Негровову секретаремъ больше не быть».

— Съ пьяну-то мало-ли что брехали! будто оправдывались болѣе осторожные изъ участвовавшихъ на этой пирушкѣ. — «Какъ ни что, а ждѣ Ершовъ-то жока—еще несовсѣмъ голова, такъ жѣчего прежде времени и носъ подымать!» разсудили они про себя.

Сторонники Филатова къ Ершову, разумѣется, не пошли.

О принятыхъ на этой пирушкѣ революціяхъ на другой же день первому донесли Негровову: между обывателями-избирателями у него нѣсколько клеветовъ, «временно-обязанныхъ ему кредитомъ, который онъ имъ отрывалъ «въ собственномъ карманѣ». — «Такъ, дескать и такъ, милый другъ Иванъ Петровичъ, держи ухо востро, шепнули ему, твое дѣло тонко: на волоскѣ висишь». — Приходорасходчикъ былъ того мнѣнія, что всѣ эти слухи необходимо было провѣрить. На консилиумѣ ожидавшихъ смѣны гласныхъ, собравшихся у Негрובהа для обсуждения текущаго положенія дѣлъ, было рѣшено отправить «секретаря» въ новому головѣ будто для того, чтобы поздравить, а по настоящему, чтобы разузнать, чтѣ и какъ.

Негрововъ не засталъ Ершова дома:—«голова въ лавку ушодши», сказала ему прислуга.

«Раненьше таки тебя головой-то завеличали», подумалъ секретарь, отправляясь въ красный рядъ, къ Ершову въ лавку.

Въ лавкѣ онъ засталъ больше «такъ народу», чѣмъ покупателей. Съ его приходомъ шумный, оживленный разговоръ пресѣлся какъ-то неловко, разомъ. — «Навѣрное, на нашъ счетъ явки чесали», невольно пришло ему въ голову.

Сухо принявъ его Ершовъ, однако, за поздравленіе поблагодарилъ и даже «покорнѣйше» попросилъ «не задерживать отпра-

ду въ губернію бумагъ на счетъ касательно утвержденія, какъ это тамъ водится». — Негрбовъ разсыпался въ увѣреніяхъ, что никакой задержки съ его стороны не будетъ.

— Дай Богъ мнѣ съ вами мирно и спокойно столько же лѣтъ прослужить, сколько съ Филиппомъ Федорычемъ прослужилъ! закинулъ онъ удочку Ершову.

— Это ужъ тамъ какъ видно будетъ! сорвался тотъ съ крючка.

— Теперь какъ придется намъ изъ губерніи это самое утвержденіе, то нужно будетъ новое собраніе на счетъ выбора въ гласные собирать. Не пришлось-бы, пожалуй, и старыхъ оставить, потому что они къ своему дѣлу привыкли, а на незнакомое дѣло кто-жъ изъ гражданъ пойдетъ? съ участіемъ началъ Негрбовъ опять.

— Тамъ видно будетъ! Нечего впередъ забѣгать: туманъ на погоду наводить! отрѣзалъ ему Ершовъ.

Секретарь унолъ, словно несолоно хлѣбнувши. Досадно и стыдно ему было, что «при народѣ, при своемъ городскомъ народѣ, его быдто маленьчко подремизили». «Кабы въ прежнее-то время, а-бъ тебѣ задалъ!» чуть не вслухъ сказалъ онъ, выходя изъ лавки. Онъ понялъ, что дни старыхъ гласныхъ были сочтены и что ему, по всей вѣроятности, «тоже придется уходить прочь». Жаль было ему расстаться съ насижненнымъ мѣстомъ, къ которому онъ такъ привыкъ, жаль было проститься съ почетомъ, за послѣднее время, правда, много полинявшимъ, и выгодами, которыя ему это мѣсто доставляло. Однако, несмотря на то, что голова такъ круто съ нимъ обошелся, онъ все-таки, въ глубинѣ души берегъ и делѣялъ слабую надежду на то, что его, быть можетъ, и не тронуть. — «Ишь дѣло новое, значить — потемки, а мнѣ — что своя ладонь. Съ годикъ, быть можетъ, и продержуть, для указанія дѣла, а тамъ, авось, обойдется, можетъ, и попривыкнуть, совсѣмъ оставить», думалъ онъ, идя домой.

Однако, все это не препятствовало ему объявить гласнымъ, что имъ ничего больше не остается дѣлать, какъ «подчищать свои зады», потому что «всѣмъ имъ и ему, надо быть — скоро конецъ».

Гласные, всѣ обязанности которыхъ заключались лишь въ томъ, чтобы платить Негрбову «за безпокойство изъ лавки» и являться въ думу только во время губернаторской ревизіи, были даже рады, что «имъ пришелъ конецъ». Не во-время пришелъ этотъ конецъ одному только приходорасходчику: «подчищать свои зады» ему, какъ нарочно, въ то время было не подъ силу. Общественныя деньги, сколько ихъ было на лицо, «всѣ въ товаръ вбиты», большая партія кожъ на нихъ скуплена, а тутъ, слов-

но на грѣхъ, цѣна на кожи очень послабѣла», такъ что реализовать капиталъ приходилось съ большою для себя потерей. Вполнѣ сознавая ту отвѣтственность, которой онъ подвергался въ случаѣ обнаруженія «затраты общественнаго капитала на свои торговныя надобности», онъ готовъ былъ продать часть партіи кожъ даже и съ убыткомъ, «лишь-бы только съ городомъ развязаться», да братья его, съ которыми онъ нераздѣльно торговалъ, энергически возстали противъ такого некоммерческаго оборота дѣлъ; по ихъ мнѣнію, «нужно выждать, пока поднимутся цѣны, тогда и продать товаръ, а не то, чтобы прямо на убытокъ лѣзть». — Нечего торопиться отправлять въ губернію объ Ершовѣ бумаги: онъ и подождетъ; ему не въ убытокъ мѣсяцемъ раньше, мѣсяцемъ позже на должность сѣсть», соображали они. Перехватить денегъ «изъ проценту» можно было только у Неугодова, а съ нимъ всё братья были, опять-таки какъ на грѣхъ, въ большой ссорѣ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ тотъ «на три часочка имъ двухъ тысячъ во время ревизіи безъ проценту довѣрить не захотѣлъ. «Жидоморъ эдакій!» ругали они его. — Положимъ, что у Негрובה, знали они, всегда найдутся свободныя деньги для нужды, да онъ имъ ихъ не дастъ, потому что они и безъ того ему немало должны; къ тому же, онъ и прежде-то занятія спрашивать сталъ:— «зады, говорить, подчищать надо!»

— Мало я вамъ изъ думы денегъ-то перетаскалъ, черти вы неблагодарные! упрекалъ приходорасходчикъ своихъ братьевъ. — На чьи мы денежки три дома купили, а?.. На чьи мы денежки лавку перестроили, а?.. А на чьи мы деньги оптовую торговлю кожами завели?.. Понимаете ли вы, подо что вы меня своимъ упорствомъ подводите, а?.. Не велика бѣда и тысячу, и даже двѣ убыточку поприхватить: не все же барыши одни братья...

Братья упорно стояли на томъ, что «горячки пороть не изъза чего», что по здѣшнему мѣсту «швыряться двумя тысячами торговымъ людямъ не подобаетъ» и заставили таки приходорасходчика согласиться на «затяжку ершовскаго утвержденья».

Негробовъ не имѣлъ ничего противъ: ему и самому нужно было «вырвать» изъ рукъ приходорасходчика «свои», сколько ему тамъ слѣдовало, а онъ очень хорошо понималъ, что это могло случиться безъ всякихъ потерь и проволочекъ только въ то время, пока онъ былъ секретаремъ.

Сора между братьями доходила до крупнаго: поднимался вопросъ о раздѣлѣ, но, въ концѣ концовъ, она кончилась тѣмъ, что приходорасходчикъ уступилъ. Дѣло объ утвержденіи Ершова гласовою пошло такимъ образомъ въ затяжку. Само собой разу-

мѣется, что размолвка между братьями и причины ея въ скорости же сдѣлались извѣстными цѣлому городу и именно благодаря тому обстоятельству, что Ершовъ, соскучившись «дождаться своего утвержденья», энергически принялся, какъ онъ выражался, распутывать коварную политику «старой думы». — Изъ примѣра прежнихъ выборовъ онъ зналъ, что губернія, «если, какъ слѣдуетъ, тамъ посолить», долго задерживать утвержденья не станетъ. — Теперь почта каждый день и по желѣзной дорогѣ живенько обо мнѣ адакая бумаженочка примчится, думаль онъ: — Филатовъ, когда чугулки не было, обыкновенно недѣли черезъ три свое утвержденье получалъ, а теперь много — много если черезъ полмѣсяца»...

И въ полной увѣренности, что онъ пріѣдетъ въ губернію къ готовому дѣлу, что его «для перваго знакомства тамъ ждутъ», онъ, недѣли полторы спустя послѣ выборовъ, отправился туда «солить». Можно себѣ представить его изумленіе, когда ему тамъ сказали, что объ его избраніи «частно были извѣстны», но никакихъ «официальныхъ сообщеній еще не получали».

— Ершова видѣлъ? Пріѣхалъ изъ губерніи словно «шальной»!.. Объ немъ тамъ еще и бумагъ не получали! Дума-то наша, видишь ли, съ нимъ штуку сыграть захотѣла: поволоводитъ его сколько ей вздумается, да, должно быть, не придется, не тотъ паренъ! — рассказывали обыватели другъ другу. — Чтобы не ѣздить во второй разъ, онъ «посолилъ» такъ, какъ слѣдуетъ, въ самую впору: «по вкусу, говорить, пришлось!..»

Словомъ, игра была обнаружена. Ершовъ подалъ «куда надлежитъ» жалобу. Въ думу пришелъ запросъ о причинахъ «медленности» и, день спустя, «подтвержденіе о наискорѣйшемъ доставленіе объясненія».

— Каковы голубчики-то? кричиль Ершовъ всѣмъ и каждому въ своей лавкѣ. — Видятъ, что имъ круто пришлось, взяли да отписали, что такъ и такъ по старинному такому-то и такому-то дѣлу состоитъ вновь избранный голова подѣ судомъ, а чѣмъ кончилось это дѣло и гдѣ оно находится — того изъ дѣлъ думы не видно! И точно, помните, можетъ быть, было у меня въ магистратѣ такое дѣло. Когда магистратъ уничтожился, то перешло оно въ уѣздный судъ, а уѣздный судъ уничтожился, передано оно было въ губернію, въ уголовную палату, и чѣмъ оно тамъ кончилось, не знаю, мнѣ не объявляли, да я и самъ, признаться сказать, позабылъ объ немъ, потому что совсѣмъ оно было пустяшное, влязное дѣло. Помните, можетъ быть, мѣщанинъ Вавинъ у меня, во время ярмарки, съ прилавка штуку ситца стащилъ, а я это запримѣтилъ — онъ у меня на замѣчаньи

Т. ССXXXIV.—Отд. I. 24

былъ—да его, раба божьяго, и спапалъ! Ну, правду надо сказать, я тогда ни въ какія кляузы не полѣзь, а привезааь своимъ молодцамъ поучить его маленечко, потому человекъ-то онъ баловникъ, царство ему небесное, былъ. Я-то на него жалобы не подалъ, а онъ на меня заявилъ, что такъ и такъ нанесъ я ему тяжкіе побои и увѣче, а какое тутъ увѣче, когда онъ былъ здоровъ и невредимъ и недавно только померъ оттого, что водку безо всякаго антракту пилъ! Много лѣтъ это дѣло такъ безо всякаго производства въ магистратѣ лежало, потому всѣ знали, что это — больше ничего, какъ кляуза, и онъ-то о немъ забылъ, да и я то вспомнилъ только вотъ теперь, когда мнѣ эти голубчики о немъ напомнили!.. Пишутъ мнѣ изъ губерніи, что такъ и такъ «во какая штука выскочила», и пишутъ, что, по частной справочкѣ въ окружномъ судѣ, дѣла этого въ числѣ переданныхъ изъ палатъ не числится, значитъ, оно какъ-нибудь въ палатѣ застряло, да тамъ и прикончилось; нужно въ центральномъ архивѣ справку навести... Во какую мнѣ петлю накинута!.. Ну, стой же! Подкопаемся и мы подъ нихъ—погоди, дай срокъ! Не быть тому дѣлу, чтобы они надо мной верхъ взяли! Дай срокъ, я и самъ ихнія дѣла копну! я разберу, на чьи деньги думскій домъ отдѣланъ, по какому праву на немъ вывѣска виситъ! Погоди, дай мнѣ срокъ! Мы и по думскимъ книгамъ разберемъ, какъ тамъ повинности собирались! Доидицца, съ чьего дозволенія приходорасходчикъ думскія денежки въ оборотъ пустилъ! До всего доберусь: съ головы начну, ногами кончу! По крайности, узнаю, зачѣмъ это добрые люди по три разъ въ годъ на конецъ порога къ Негротову ходили! кричалъ Ершовъ, забывая, что и самъ былъ въ числѣ этихъ добрыхъ людей.—Я «ихъ» всѣхъ по своему поверну, потому что они всѣ противъ меня за одно пошли: секретарь съ приходорасходчикомъ всю эту механику затѣяли и кляузную бумагу обо мнѣ сочинили, а Филатовъ свое согласіе далъ: ему, видишь, самому жалко стало со своимъ мѣстомъ разставаться!

Быстрѣй молнія разнеслась по городу вѣсть, что Ершовъ «страсть какъ на стараго голову и на старую думу ошалѣлъ и хочеть до всего добраться». Узналъ о томъ и Филатовъ. Овъ въ это время жилъ дома и хотя, по обыкновенію, мало «выкалъ» въ общественныя дѣла, но, «подъ послѣдокъ», «для видности», чаще обыкновеннаго посѣщалъ думу. «Кляузная бумага о Ершовѣ была подписана имъ. Прошелъ слухъ, что и старая голова ошалѣла, въ свою очередь, на Ершова: «какъ, дескать, такъ смѣеть онъ возноситься и мое имя порочить и подарокъ мой ствить ни во что: я за него, небось, деньги платилъ, сколько и

наестъ, да платилъ!» Негрбовъ и приходорасходчикъ, зная слабость Филатова къ выпѣскѣ, повѣшенной надъ подареннымъ имъ остовамъ общественнаго дома, съумѣли подлить масла въ огонь и представить «брехню» Ершова въ преувеличенномъ видѣ: въ ихъ интересъ было втянуть въ борьбу съ Ершовымъ и Филатова, въ лицѣ котораго они приобрѣтали себѣ очень надежнаго союзника. Не стерпѣлъ Филатовъ обиды и «на всѣхъ парахъ полетѣлъ въ губернію», захвативши съ собою про запасъ приличное количество «соли»: онъ надѣялся раздуть потухшее вавинское дѣло.

Узнавъ объ этомъ Ершовъ и тоже умчался въ губернію. Пробылъ онъ тамъ долго, мѣсяца съ три, если не больше. Слышно было, что у него даже въ деньгахъ оказалась «нехватка», потому что, какъ это доподлинно стало извѣстно, супруга его посылала къ нему приказчика.

— Ну! Пошелъ капиталъ на капиталъ! Или Филатовъ пополамъ, или Ершовъ въ дребезги: что-нибудь одно, а ужъ другъ другу не уступать! «Солоно» отъ нихъ губерніи придется! Часто можно было услышать при разговорѣ отъ обывателей.

— Н-да! Не «просолили-бы» они всю губернію!

Взявъ верхъ все-таки Ершовъ. Дѣло его было розыскано и найдено рѣшеннымъ въ его пользу: врачъ, свидѣтельствовавшій по горячимъ слѣдамъ побитаго Вавина, какъ видно было изъ дѣла, призналъ побои не тяжкими и не напелъ, конечно, никакого увѣчья, вслѣдствіе чего все дѣло сводилось на простое насиліе и, за «неожденіемъ» въ теченіи болѣе десяти лѣтъ, было палатою прекращено «безъ права апелляціи». Объявить о томъ «сторонамъ» палата позабыла, вѣроятно, за той суматохой, какая царила въ ней въ послѣдніе дни ея существованія, когда рѣшалось это дѣло.

Пріѣхалъ изъ губерніи Ершовъ, а за нимъ вслѣдъ пришла въ думу и бумага, въ которой, между прочимъ, значилось, что «бывшее о немъ, Ершовѣ, въ производствѣ дѣло о нанесеніи тяжкихъ побоевъ и увѣчья мѣщанину Вавину не можетъ служить препятствіемъ къ утвержденію его въ должности градскаго головы». Чтò онъ дѣлалъ губерніи въ теченіи своего пребыванія тамъ, онъ не любилъ говорить и на разпросы обывателей давалъ мало объясненій.

— Такъ, просто одна только канитель была и больше ничего, обыкновенно можно было услышать отъ него въ такомъ случаѣ. — Еще бы, вѣстается, немножко и бросилъ бы я всю эту музыку и вернулся бы домой къ своему дѣлу, а то вѣдь и отлучиться-то нельзя — глядишь, со стороны Филатова сейчасъ мнѣ какая-нибудь заворюка и вставлена. Поэтому мы все больше другъ

*

за другомъ ходили, слѣдили, да выслѣживали: куды онъ, туды и я, куды я, туды и онъ... У меня были знакомые чиновники, а у него свои... Однако, не выгорѣло его дѣло: и радъ-бы подпакостить, да не могъ! Противъ правды-то видно и «соль» не помогла, а разсыпалъ-то онъ ее тамъ, надо думать, не мало!

Получивши утверженіе, Ершовъ созвалъ, съ разрѣшенія начальства, гражданъ на новые выборы—выборы гласныхъ въ думу. Хотя городскія думы стараго порядка назывались «шестигласными» по числу участвовавшихъ въ ней представителей отъ сословіи, но въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ городское населеніе почти исключительно состоитъ изъ купцовъ и мѣщанъ, по большей части, избираются только трое гласныхъ, одинъ отъ купцовъ и двое отъ мѣщанъ, какъ отъ большинства городского населенія.

Какъ прошли эти выборы—не знаю, потому что быть на нихъ мнѣ не случилось, да, и по рассказамъ другихъ, они ничего интереснаго не представляли, такъ какъ на собраніе явились только сторонники Ершова и единогласно, безъ баллотировки, избирали того изъ гражданъ, кого было угодно Ершову.

Въ гласные отъ мѣщанъ попали люди смиренные, «воли Ершова не ослушники». Въ гласные отъ купцовъ Ершовъ предложилъ «кляузника» Прощекальникова, краснорядца, имѣвшаго лавку почти рядомъ съ Ершовымъ. По его избраніи, на него-же была возложена и обязанность вести приходъ и расходъ городскихъ суммъ.

Не даромъ Прощекальниковъ слылъ у гражданъ подъ именемъ «кляузника»: это былъ такой охотникъ судиться, какіе могутъ водиться только въ провинціи. Онъ насчитывалъ, что въ теченіи всей своей жизни велъ «пока еще» около сорока «своихъ собственныхъ» самыхъ разнообразныхъ уголовныхъ и гражданскихъ процессовъ. Старая система судопроизводства, съ ея многочисленными раздѣленіями судовъ по сословіямъ, была ему извѣстна какъ свои пять пальцевъ, но въ судебныхъ уставахъ 20 ноября онъ чувствовалъ себя слабоватымъ и потому старался тщательно изучить ихъ. Въ его лавкѣ одна полка была специально отведена «подъ законы», которые онъ постоянно читалъ и съ которыми только и носился. Такой человекъ былъ для Ершова сущимъ кладомъ.

Ни одинъ изъ уѣздныхъ адвокатовъ стараго закона — въ то время адвокатура ограничивалась болѣею частью сочиненіемъ жалобъ по пунктамъ—ни одинъ изъ этихъ адвокатовъ, болѣею частью отставныхъ чиновниковъ, не могъ тягаться съ Прощекальниковымъ по части веденія дѣлъ и писанія огромнѣйшихъ жалобъ по пунктамъ. Для большинства обывателей Прощекаль-

никовъ былъ какимъ-то страшилищемъ, котораго всѣ боялись и отъ котораго «лучше отойти безъ грѣха подалеже: цѣлѣй будешь!»

— Изъ ничего можетъ дѣло завести и, если не выиграетъ, то замучаетъ судѣвшись съ нимъ! говорили про него обыватели.

Кто затѣвалъ какую-нибудь каверзу, тотъ шелъ прямо къ нему за совѣтомъ и наставленіями: «лучшаго закона и днемъ съ огнемъ не сыщешь!» Всякое, даже самое неправое дѣло онъ умѣлъ отлично обставить и показать въ выгодномъ свѣтѣ.

— Убѣжать—можетъ, и не убѣжишь, а побѣжать можно! — отвѣчалъ онъ всегда тѣмъ изъ родныхъ, которые, подъ пьяную руку, брали на себя смѣлость укорять его за кляузничество.

Со мною, въ первое время моего повѣрничества, онъ сыгралъ такую штуку. Разъ—это было вскорѣ послѣ открытія новыхъ судовъ и въ первое время моего пребыванія въ провинціи—принести онъ ко мнѣ цѣлую кипу своихъ черновыхъ прошеній, копій съ рѣшеній старыхъ присутственныхъ мѣстъ по проигранному имъ дѣлу и просить «разобрать, въ чемъ тутъ состоитъ вся суть и подумать: нельзя-ли завести въ новыхъ судахъ это дѣло какъ-нибудь по иначе, на другой манеръ». — Не зная, съ кѣмъ я имѣю дѣло, я оставилъ у себя его бумаги «для разсмотрѣнія», въ чемъ, по просьбѣ его, и выдалъ ему росписку. Познакомившись съ дѣломъ, и найдя, что оно разрѣшено правильно, я порѣшилъ отсовѣтовать ему начинать его въ новыхъ судахъ, о чемъ разъ какъ-то, при встрѣчѣ на улицѣ, и сказалъ ему, прося его взять отъ меня свои бумаги обратно.—«Все это вы не то говорите! Я ужъ теперь знаю, какой мнѣ оборотъ въ дѣло пустить, за какія зацѣпки зацѣпиться и съ какого конца начать! А вы, вотъ—и адвокатъ, да упустили изъ виду! язвительно замѣтилъ онъ и общался или самъ зайти за бумагами или кого-нибудь прислать. Вскорѣ послѣ нашей встрѣчи, мнѣ пришлось выступить противъ него въ качествѣ повѣреннаго по другому, крайне неправильному дѣлу, возбужденному имъ противъ одного изъ своихъ родственниковъ «только для того, чтобы познакомиться съ новымъ судопроизводствомъ» — какъ потомъ онъ говорилъ; и недѣли не прошло со дня рѣшенія судьей этого дѣла не въ его пользу, какъ получаю я отъ мирового судьи повѣстку, по которой я призывался къ отвѣту по обвиненію меня Прошечальниковымъ въ самовольномъ удержаніи его документовъ и по взысканію съ меня, «сверхъ отвѣтственности по закону», 287 руб. 56 коп. убытковъ и проторей съ судебными издержками и вознагражденіемъ за веденіе дѣла.—Дѣла этого, конечно, онъ не выигралъ, но провелъ его по инстанціямъ

до конца. Интересно при этомъ то обстоятельство, что, скрывъ отъ суда то, что онъ получилъ отъ меня въ принятіи его бумагу росписку, онъ, «для доказательства справедливости его жалобы», требовалъ въ своемъ прошеніи «немедленно и неупустительно произвести въ квартирѣ его (то есть моей) обыскъ» и, буде перечисленные имъ въ прошеніи бумаги у меня окажутся— «поступить со мною по всей строгости уголовныхъ законовъ».— Получивъ повѣстку, я тотчасъ-же снесъ къ судѣ «всѣ эти документы», въ удержаніи которыхъ Прощекальниковъ меня обвинялъ, и тѣмъ, быть можетъ, только и предупредилъ требуемый имъ обыскъ. Вскорѣ, впрочемъ, новые суды узнали, что это былъ за человекъ. У мирового судьи рѣдкую недѣлю не разбирались его дѣла, въ окружномъ судѣ онъ постоянно имѣлъ дватри дѣла. Удивительно только то, откуда онъ набиралъ ихъ: они росли у него какъ грибы, и къ чести его надо приписать, что онъ больше выигрывалъ ихъ, чѣмъ проигрывалъ: «оттого, что умѣю на законномъ основаніи всякое дѣло обставить», хвалился онъ. Судился онъ и съ младшими братьями своими, выгнавъ ихъ изъ родительскаго, наследственнаго дома, не давши имъ изъ попавшаго ему въ руки отцовскаго капитала ни гроша; судился онъ и съ племянниками своими, обвиняя ихъ въ растратѣ его товара на 18,890 руб. 49¹/₂ коп. «по должности прикащиковъ» и представляя въ доказательство своей жалобы черновыя тетради, въ которыхъ записывалось этими послѣдними поступленіе въ лавку товара и, въ то же время, подавъ въ полицію объявленіе о томъ, что всѣ его торговыя книги, въ которыхъ записывалась продажа и выручка, неизвѣстно гдѣмъ изъ его лавки похищены.

Надо полагать, что способность «кляузничать» принадлежитъ къ числу врожденныхъ: дѣдъ Прощекальникова, въ свое время, слылъ какъ «большой руки ябедникъ», а отецъ его всю свою жизнь носилъ кличку «кляузника», перешедшую въ послѣдствіи, по наследству, къ его старшему сыну: засудившись со своимъ сосѣдомъ о четверти аршина земли, будто бы незаконно послѣднимъ у него присвоенной, онъ велъ это дѣло двадцать восемь лѣтъ и умеръ въ губерніи, куда вызывался для выслушанія рѣшительнаго опредѣленія по этому дѣлу, побывавшему нѣсколько разъ въ сенатѣ.

Въ коммерческомъ отношеніи, Прощекальниковъ занималъ въ городѣ далеко не послѣднее мѣсто: въ красномъ ряду у него была большая лавка, доставшаяся ему по суду, въ которой онъ велъ бойкую торговлю крестьянскимъ краснымъ товаромъ; онъ имѣлъ каменный двухъ-этажный домъ, высуженный имъ у бра-

твѣвъ, «по секрету» отъ которыхъ онъ утвердился въ правахъ наслѣдства къ имуществу отца и провладѣлъ безспорно, «на правахъ собственности полной», болѣе десяти лѣтъ. Кромѣ всего этого, обыватели насчитывали, что у него должно быть не меньше десяти тысячъ оборотнаго капитала, а это, «по здѣшнему мѣсту, значило очень много».

Таковъ былъ новый гласный и приходорасходчикъ.

Избраніе его было неожиданностью для всего города, а пуще всего для «старога состава думы». Первоначально на эту должность былъ намѣченъ Ершовымъ дальній его родственникъ, «безобидный, безвредный и очень даже уважительный человѣкъ», мучной торговецъ, а тутъ вдругъ, ко всеобщему удивленію, на собраніи передъ самыми выборами выплылъ на сцену «самый вредный въ городѣ человѣкъ» — Прощекальниковъ. И что всего страннѣе, такъ это то, что Ершовъ, какъ это было рѣшительно всѣмъ извѣстно, постоянно былъ съ этимъ вреднымъ человѣкомъ не въ ладахъ и именно изъ-за затормозившаго его утверженіе дѣла Вавина, котораго Прощекальниковъ подбилъ подать на Ершова жалобу и чуть-ли не самъ и сочинялъ ее ему. Изумились граждане предложенію Ершова, однако, какъ водится, прокричали: «просимъ, просимъ!» и выбрали вреднаго человѣка въ гласные, потому что примѣру еще не было, чтобы лица, предлагаемыя головою на какую нибудь общественную должность, забаллотировывались: «значить такъ нужно; голова, значить, лучше насъ знаетъ, кто ему будетъ пользителенъ въ сподручникахъ».

Предложеніе Ершова «посадить въ гласные перваго нашего законника», какъ онъ выразился на общественномъ собраніи, Еферія Иваныча Прощекальникова, объяснялось одними изъ обывателей желаніемъ избавиться отъ кляузника, который, хотя и не пользовался никакимъ уваженіемъ въ партіи старога головы, но, применивши къ ней, могъ значительно подкрѣпить ея силы. Другіе же видѣли въ этомъ намѣреніи Ершова, помощію «законника Прощекальникова, перетрахать старую думу», «задать ей встраску».

— Ну, старая дума, теперь держи-исы! Ужь нашъ Еферій тебя подѣеферитъ! въ одинъ голосъ твердили въ городѣ, когда разнеслась вѣсть объ избраніи Прощекальникова. — Не даромъ онъ безо всякаго упорства на должность согласился пойти!

А когда узналъ объ этомъ бывшій приходорасходчикъ, то такъ перетрусилъ, что въ первую минуту готовъ былъ бѣжать въ Ершову «съ поклономъ», а это въ глазахъ партіи Филатова, къ которой онъ принадлежалъ, было бы большимъ для него униже-

ніемъ—чтобы только тотъ «не начиналъ никакихъ кляузъ самъ и удерживалъ отъ нихъ своего сподручника»—да одумался, «не пошелъ на конфузъ», успокоенный Негрбовымъ, увѣрившимъ его, что противъ всякой кляузы всегда можно завести свою «контръ-кляузу»; что «хоча съ Прощекальниковымъ пива не сварить», но особенно-то бояться его нечего, потому что «всѣ дѣла у него, Негрובה, въ думѣ въ такомъ порядкѣ, что нетолько что Прощекальниковъ, а даже и комаръ носа не подточить» (денежный ящикъ былъ пополненъ, потому что «Богъ привелъ расторгнуться жожами съ барышномъ»); и что въ «подобныхъ» случаяхъ всегда важна нестолько самая суть дѣла, сколько особыя «обстоятельства», а въ этомъ отношеніи перевѣсъ всегда на «нихъ» съ приходорасходчиномъ сторонѣ, потому что на ихъ сторонѣ самъ Филатовъ и что, наконецъ, вѣдь онъ-то, Негрбовъ, «будетъ вѣдь еще продолжать служить, а потому всегда будетъ имѣть возможность предупредить своихъ благопріятелей и бывшихъ сослуживцевъ о грозящей имъ опасности».

Однако, Негрбовъ какъ ни храбрился, а на всякій случай тотчасъ же послалъ Филатову телеграмму съ извѣщеніемъ о совершившемся событіи и съ просьбою прислать инструкціи. Филатовъ, «получивши въ губерніи по дѣлу объ утвержденіи Ершова головою носъ» («онъ, бѣдняга, и открытіе навигаціи по этому случаю упустилъ и убытку-то, чай, страсть сколько понесъ» — сожалеючи, говорили про него обыватели), не заѣзжая домой, отправился въ свою ежегодную «отлучку по торговымъ дѣламъ»: время подходило къ лѣту и въ портовыхъ городахъ «закипала оживленная торговля хлѣбомъ», какъ это обыкновенно говорится въ подобныхъ случаяхъ въ газетныхъ «хроникахъ биржи».

Ершовъ безъ Прощекальникова не принималъ дѣлъ, и въ думѣ пока еще заправлялъ ими филатовскій «кандидатъ», на обязанности котораго лежала теперь и сдача ихъ новому составу думы.

Должно быть, извѣстіе Негрובה сильно подѣйствовало на Филатова, если онъ тотчасъ же пріѣхалъ «домой», оставивши свои торговые дѣла на рукахъ прикащиковъ, а это онъ дѣлалъ только въ крайнихъ случаяхъ.

В. Кротковъ.

(Окончаніе съ слѣд. №).

МЕЖДУ ДРУЗЬЯМИ.

Часу въ четвертомъ свѣтлаго майскаго дня 1875 года, благополучно пришелъ въ N. поѣздъ к—ской желѣзной дороги или «Джной дороги», какъ иногда называютъ ее въ N—скомъ обществѣ. Это выходитъ красивѣе. И въ самомъ дѣлѣ, надо же хоть тѣмъ-нибудь сдѣлать привлекательнѣе эту дорогу: о ея поѣздахъ всегда спрашиваютъ, благополучно ли они прибыли. На ея открытіе, лѣтъ десять назадъ, пріѣзжала одна учено-литературная знаменитость и сказала блистательную рѣчь, впоследствии, конечно, напечатанную въ газетахъ; нѣсколько дамъ просторожили ночь на платформѣ N—скаго дебаркадера, ожидая, что, можетъ быть, «знаменитость», на своемъ обратномъ слѣдованіи къ сѣверу, удостоитъ выйти изъ вагона, пройтись, покушать, но «знаменитость» почивала, и ожиданіе вышло тщетное. Ожидавшія продрогли, устали и, конечно, не помянули добромъ того, ради котораго все это вынесли. Вѣроятно, потому и блистательное благословеніе дороги не пошло ей впрокъ: не прошло нѣсколькихъ мѣсяцовъ, тамъ совершилась катастрофа, памятная до нынѣ, а мелкихъ бѣдъ, задержекъ, беспорядковъ—ужь и не считаютъ. Обличали, правда, но не всегда это обходилось легко для обличителей: дорога, на всякій случай, у мировыхъ и въ окружномъ судѣ имѣла своего годового адвоката, какъ имѣютъ годового доктора.

На этотъ разъ, поѣздъ счастливо высадило свою крестящуюся, суетящуюся, запыленную, заспанную и проголодавшуюся толпу. Шумѣла встрѣча, звенѣли блюда, облаками поднимались самоварный паръ и папиросный дымъ... Всякій пріѣздъ смотреть весело.

Изъ пріѣзжихъ одинъ ни съ кѣмъ не поздоровался, не спросилъ обѣдать, не шелъ за своимъ багажемъ, не спѣшилъ уходить, оставался не у мѣста, въ срединѣ залы, и все оглядывался. Его толкали проходящіе; онъ безобидно извинялся и, весело улыбаясь, продолжалъ глядѣть на стѣны, на потолокъ, на публику.

Это былъ человѣкъ лѣтъ за тридцать, черноволосый, чернобордый, здоровый, сильно загорѣлый, одѣтый изящно, но какъ-то особенно. Такія пальто не шьются на Руси, такъ загорѣть нельзя на русскомъ солнцѣ, такъ оживленно не глядятъ русскіе люди. Однако, пріѣзжій былъ русскій, даже N—скій уроженецъ и назывался Иванъ Ивановичъ Одоевъ, но онъ болѣе десятка лѣтъ скитался по бѣлу-свѣту. Семьи у него не было, а съ дальними родственниками онъ не знался, принявъ отъ нихъ, въ совершеннолѣтіе, порядочное состояніе. Это давало возможность не стѣсняться въ желаніяхъ и затѣяхъ. Прежде всего, Одоевъ воспользовался своей независимостью, чтобъ выдти изъ университета, едва ему стало тамъ не по душѣ. Ему было тогда двадцать-три года. Хотѣлось свободы; онъ уѣхалъ за границу. Потомъ, очень скоро, ему понравилось переѣзжать съ мѣста на мѣсто, смотрѣть все и ничего не дѣлать. Въ Россіи онъ бывалъ рѣдко, ненадолго, за паспортами и деньгами, недалеко Петербурга и Москвы.

Въ настоящую пору, онъ ѣхалъ изъ Александріи въ Гаммерфестъ. Глядя однажды, какъ мгновенно стало темно, когда солнце зашло надъ моремъ, онъ вспомнилъ, что еще не видалъ, какъ оно по цѣлымъ мѣсяцамъ не заходитъ, и отправился, самъ не зная почему, черезъ Россію. Пустынный просторъ, неудобства, общій складъ всей жизни, отъ котораго Одоевъ успѣлъ отвыкнуть, о которомъ забывалъ или вспоминалъ съ насмѣшливой злостью—все это обступило сначала досадно, а потомъ, вдругъ, шевельнуло въ душѣ что-то больное, будто жалость. Вдругъ показалось какъ-то совѣстно перелетѣть свое отечество изъ конца въ конецъ, не останавливаясь.

— Но гдѣ остановиться и зачѣмъ? спросилъ онъ самъ себя, приближаясь къ одному перекрестку желѣзной дороги, откуда путь лежалъ во всѣ четыре стороны.

Какая-то сказка о пути во всѣ четыре стороны, слышанная давнымъ-давно, забытая, казалось-бы, до тла, вдругъ припомнилась въ подробности. Въ полудремотѣ, при качкѣ вагона (машинистъ прибавилъ пару, чтобъ лихо подкатить къ станціи), Одоевъ за сказкой вспоминалъ дѣтство и дальше.

— Отсюда, кажется, недалеко N... подумалъ онъ, когда кондукторъ крикнулъ станцію.

Одоевъ въ дѣтствѣ слышалъ это дикое названіе, съ прибавкой еще болѣе дикаго «тожь».

— Ну, да, точно, N. недалеко. Въ этой деревнѣ, гдѣ теперь станція, помнится, былъ какъ-то у знакомыхъ, на вакацію гимназистомъ...

Тутъ ужъ воспоминаія побѣжали одно за другимъ.

Съ перекрестка въ N. шла вѣтвь дороги; объ этомъ говорили въ вагонѣ... Какая роскошь въ десять лѣтъ!.. Говорили еще, что N. часто горить. Городъ, точно, всегда былъ знаменитъ своимъ безводіемъ.

— Посмотрѣть развѣ, что отъ него уцѣлѣло, сказалъ себѣ Одоевъ.

Для туриста лишняя сотня верстъ чугузки ничего не значить. Дорога скверная, но лѣтомъ рискнуть еще можно. Одоевъ рискнулъ и поѣхалъ въ N.

Натвердилъ-ли онъ себѣ, что ѣдетъ родными мѣстами, или въ самомъ дѣлѣ пробуждалась его память, но все, что мелькало въ окна вагона, овраги, рѣчки, колоколенки селеній изъ-за пологъ лѣса, монастырь съ свѣжими бѣлыми стѣнами и крышами, отъ которыхъ, казалось, еще пахло ярью—все, будто знакомое, выбѣгало на встрѣчу. Это было какъ-то забавно, но не смѣшно. Одоевъ не чувствовалъ даже той маленькой совѣстливости умиленія, которая, у большинства вошла, пожалуй, въ привычку. Ему было весело. Онъ вспомнилъ, что не видалъ N. съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ оттуда, кончивъ гимназическій курсъ... Въ томъ-же вагонѣ ѣхало какое-то семейство, N—скіе жители. Дама стала поправлять шляпку, волосы; дѣти, которыхъ она тоже охорашивала, завричали, что виденъ городъ, и уцѣпились за окно. Одоевъ самъ высунулся въ окно; сквозь дымъ проглядывали все ближе темныя головы деревьевъ, полосы пестрыхъ крышъ, сизый пятиглавый соборъ. Дѣти кричали, какъ на диво. Одоеву становилось все веселѣе...

Въ такомъ настроеніи онъ вышелъ на платформу, оглядывалъ вокзалъ, сошелъ съ крыльца, отклонилъ предложенія извозчиковъ, съ какой-то гордостью говоря себѣ, что онъ дорогу знаетъ. Но хоть-бы и не зналъ. Въ десять лѣтъ обомшелъ онъ столько городовъ, почище N. Именно, почище. Отвергнутые имъ извозчики безъ сѣдковъ обгоняли и видимо-умышленно обдавали его пылью—но не простой, земляной, песчаной, а пылью русской слободы, съ сѣнной трухой, съ комками навоза, съ кирпичемъ и углемъ недавнихъ пожарищъ. Отъ засухи дорога звенѣла подъ ногами, но, тѣмъ не менѣе, у заставы ее перехватывала такая огромная лужа, что путешественникъ приостановился, въ задумчивости оглядывая тропинку. Послѣдній возница ужъ скрылся изъ вида: дорожный мѣшокъ, казалось-бы, легкая и очень привычная ноша, тяготѣлъ на рукѣ; отъ кузницъ, нескладныхъ, сѣрыхъ, настроенныхъ при вѣздѣхъ будто триумфальныхъ воротъ, несло жаромъ и копотью... Одоевъ прибавилъ шагу ужъ съ до-

садой. Вотъ онъ, и самый городъ. Троттуары то ровень съ землей, то перерытые канавами, съ бревнышкою для перехода, а случались и безъ бревнышка, то вдругъ высокіе, будто баррикады изъ колючаго булыжника; гѣса крапивы изъ за сѣрыхъ заборовъ, сѣрые заглохшіе палисадники, сѣрая каланча съ часовымъ въ розовой рубахѣ; два-три каменные дома, строенные болѣе полувѣка назадъ, такими въ то время важными господами, что по имени ихъ жители называли и улицы; это вошло въ привычку... теперь, должно быть, признано официально, потому что, вотъ на углу полинялая досчечка: «улица Хворостининская»... Оба *i* съ точками; маляръ не размѣрилъ мѣста, а, можетъ быть, написалъ по убѣжденію...

— Дичь какая... подумалъ Одоевъ, останавливаясь среди пустыря-плаца, гдѣ бродили коровы.—Зачѣмъ это я сюда заѣхалъ? Теперь, волей-неволей, жди поѣзда до полночи.

Онъ шелъ дальше. Главная улица; каменные строенія, некрасивыя, бѣдныя, загрязненныя. Какъ все это знакомо! Точно вчера бѣжалъ онъ тутъ съ тетрадами подъ мышкой, постѣшая въ классъ, вонъ туда, гдѣ—да никакъ все та-же?—голубая съ золотомъ надпись... И высокое крыльцо... Ученики высыпали на троттуаръ, а за ними... Но это—онъ! онъ, конечно, онъ самый, тотъ-же законоучитель въ коричневой рясѣ и камилавкѣ! Но постарѣлъ, согнулся... а пожалуй, глядитъ щеголеватѣе: шелкъ отличный. Подойти, благословиться?.. Конечно, не узнаеть.. И молодое поколѣніе щеголеватѣе прежняго; на всѣ пуговицы, кепи, ранцы. Проморили ихъ въ классѣ (четверть пятого), но не бѣгутъ, какъ бывало нашъ братъ; спѣшать, но походка ровная, дѣловая. Увѣренность, выправка; ребята—будто взрослые... Куда это молодость дѣвалась? Самъ доживаешь четвертый десятокъ, а моложе себя не видишь. Говорять, теперь больше заботы. Бажкой? Личной? Да развѣ у насъ ея тоже не бывало? Чтѣ-же такое свѣтило намъ на нашу личную заботу, что она забывалась, какъ мошка тонула въ этомъ вѣчномъ свѣтѣ? «Хлѣбъ насущный для всѣхъ»—стало-быть, достанетъ его, встаети, и для насъ... Теперь—отупляются безъ смысла и безъ надежды, а потомъ—учатся копить деньгу въ потѣмахъ... или биться въ потѣмахъ. Оттого такія и лица, безъ улыбки, степенныя, суровыя: будущій гасильникъ, будущій тузъ, будущій голодный, будущій...

— Да чтѣ же я! вдругъ прервалъ себя Одоевъ:—вѣдь здѣ должно быть Сапа Теницынъ!

Сообразивъ, что N., хотя имѣетъ и желѣзную дорогу, и телеграфъ, и отчасти вымощенъ, но свѣдѣнія о его обывателяхъ безъ сомнѣнія, можно получать только въ его безчисленны

гостинницахъ — Одоевъ вошелъ въ первую, которая случилась ближе. Войдя, наконецъ, подъ тѣнь, онъ почувствовалъ, что страшно усталъ. Онъ давно не помнилъ, чтобъ его такъ утомляла и еще такая недалекая прогулка; какъ-то особенно отбила ноги родная почва. Онъ спросилъ скорѣе комнату и воды.

— Вотъ пустота, вырвалось у него невольно, когда онъ взглянулъ въ окно.

— Помилуйте, возразилъ обиженно слугитель: — наше мѣсто самое лучшее. А часъ такой: господа воротились изъ присутствія, кушаютъ, почиваютъ. Наше мѣсто самое веселое. Вы, вѣроятно, въ первый разъ изволите...

— Не знаете ли, здѣсь живетъ Теницынъ?

— Александръ Васильевичъ? Здѣсь - съ. Они служатъ въ думѣ.

— Гдѣ его квартира?

— У ихъ маменьки свой домъ.

— Въ какой улицѣ?

— Не далече. Отсюда вотъ даже ихъ садъ видно.

— Пожалуйста, скорѣе переодѣться.

Лакей заторопился.

— Ежели вамъ угодно къ господину Теницыну, заговорилъ онъ: — то напрасно изволите беспокоиться, спѣшить. Ихъ въ настоящее время нѣтъ дома. У насъ стоитъ ихъ знакомый, господинъ Стебловичъ...

— Стебловичъ? повторилъ Одоевъ.

— Можетъ, тоже изволите знать? Въ два часа Александръ Васильевичъ пріѣзжали къ нему сюда и вмѣстѣ уѣхали.

— Куда?

— Не знаю. Слышалъ только, что они сговаривались воротиться вмѣстѣ къ Александру Васильевичу, часовъ въ семь вечера.

— Дайте обѣдать, сказалъ Одоевъ.

Ему стало досадно, но какой-то еще неиспытанной досадой. Это была не просто неудача, эти два-три часа, которые приходилось подождать. Одоевъ будто только въ эту минуту почувствовалъ, что у него нигдѣ не было ничего *своего*, хотя бы и неособенно дорогого, но принадлежащаго ему исключительно. Вотъ спѣшилъ къ человѣку, а тотъ ушелъ съ другимъ... Положимъ, не могъ предвидѣть этотъ человѣкъ, что пріятель десять лѣтъ не подававшій признака жизни, завернетъ повидаться на пути къ полярному кругу.

Онъ самъ себѣ устроилъ это одиночество и замѣчалъ его не разъ, но оглядка еще никогда не доставляла такого тревожно-

неприятнаго чувства, какъ теперь. Быть одинокимъ у себя дома.. Разъѣзжая по свѣту, онъ всегда слѣдилъ и хорошо зналъ, что дѣлается дома: на то есть печатныя статьи, встрѣчи, слухи, рассказы; періодически посѣщая столицы отечества, онъ тоже набирался свѣдѣній. Внимательный зритель, пожалуй, часто лучше видитъ дѣло, нежели само дѣйствующее лицо, знающее лишь ту подробность, въ которой участвуетъ, или растерявшееся въ схваткѣ. Но видѣть и выносить—не одно и тоже. Теперь онъ чувствовалъ, что ни къ чему не присталъ и — одинъ...

А другіе?..

Вотъ онъ вспомнилъ одного изъ своихъ, прежнихъ, самаго близкаго, но часто ли вспоминалъ онъ его въ десятокъ лѣтъ?.. Что жъ дѣлать! видно ужъ такая чудно устроенная натура, что не умѣетъ ни съ чѣмъ сжиться, слиться неразрывно, ни съ мѣстомъ, ни съ дѣломъ, ни съ людьми. Все принимаетъ она къ сердцу, а посвятить себя ничему не можетъ. Дѣло сдѣлано и забыто; люди дороги—и проходятъ, какъ тѣни.

Теницынъ былъ товарищъ Одоева по N —ской гимназіи и университету. Больше десятка лѣтъ они не видались и не писали другъ къ другу. Въ теченіи этого времени, Одоевъ только разъ, и то случайно, слышалъ о Теницынѣ, но любилъ его искренно и постоянно. Передъ нимъ всегда стояло это кроткое лицо, молодое и замученное, этотъ вѣчно прощальный взглядъ, который и среди веселья отыскивалъ тѣхъ, кого недоставало, эта тихая улыбка вѣчно готоваго самозабвенія. Въ ранніе годы, когда люди живутъ не задумываясь и не разбирая, Одоева поразило въ Теницынѣ то, чего другіе не замѣчали, не цѣнили, что — случилось — осмѣивали, но чѣмъ всегда, будто по праву, пользовались: это — полнѣйшая неумѣлость вступить за себя, дѣйствовать для себя, и преданность, находчивость, смѣлость на помощь всякой чужой бѣдѣ. Отъ скамейки перваго класса гимназіи и до студенческихъ сходокъ, «безответный малый» выручалъ, исполнялъ все что было нужно; не удавалось—попадался одинъ. Онъ спасъ многихъ, вѣруя, что сдѣлалъ только должное и что ему ничѣмъ не обязаны. Большинство товарищей это такъ и понимало. Одоевъ не былъ ему ничѣмъ обязанъ но уважалъ этого «работника». Теницыну всѣ говорили *ты*; онъ не говорилъ *ты* никому. Одоевъ потребовалъ и добился этого для себя; этимъ, казалось ему, возстановлялось какое-то равенство. Но изъ этого не слѣдовало, чтобъ онъ больше сблизился съ Теницынымъ, принялъ въ немъ больше участія, узналъ подробнѣе его житейскія отношенія, чтобъ они оба взаимно повѣряли что-нибудь другъ другу. Теницынъ не зналъ, что сказать о себѣ, находя все не-

занимательнымъ, робѣя предъ ровесникомъ, котораго искренно считалъ выше себя, «развитымъ», «дѣятелемъ». Одоевъ, при всемъ сознаніи достоинствъ товарища, какъ-то странно затруднился съ нимъ разговаривать, будто не надѣясь быть понятнымъ, и ограничивался одной привѣтливой пріязнью, почти лаской, будто съ меньшимъ. Но онъ точно искренно его любилъ и былъ счастливъ увѣренностью, что Теницынъ его безгранично любить... Они разстались. Одоевъ оставилъ университетъ и уѣхалъ за границу. Теницыну въ это время пришлось очень плохо: онъ попался въ одной изъ студентскихъ исторій и былъ высланъ куда-то далеко. Одоева это мучило, но дѣлать было нечего. Другіе товарищи разсыпались тоже, кто куда; нѣкоторые обѣщали писать и забыли. Одоевъ самъ писалъ разъ-другой, не отвѣчалъ, забывая дать свой адресъ, а часто и не могъ дать его. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Гдѣ-то отъ встрѣчнаго русскаго, полу-знакомаго, нечаянно, Одоевъ услышалъ, что Теницынъ возвращенъ и служить... Одоевъ не понималъ, что съ нимъ сдѣлалось отъ этого извѣстія. Ему казалось, что онъ совсѣмъ забылъ товарища или, по меньшей мѣрѣ, сталъ равнодушенъ къ нему, какъ ко многимъ другимъ, но тутъ...—«Безотвѣтный-то! свободенъ! пристроился, живетъ какъ люди!»... Одоевъ не спалъ ночь: въ глазахъ стоялъ Теницынъ; веселье, минутами, схатывало вдругъ какое-то дѣтское.

— Ахъ, проказникъ, ахъ, Сашка... глупо-счастливо повторялъ онъ.—А вѣдь у него была мать... теперь старушка... Конечно, жива!

Въ эти минуты онъ не могъ вообразить ни чьей смерти.

— И братишка былъ маленькій. Теперь ужъ и большой... Да! Новое молодое поколѣніе. Посмотрѣть бы...

Но посмотрѣть не пришлось. Сначала, просто, не хотѣлось домой. Черезъ годъ нашлось время только заѣхать прямо въ Петербургъ для перемѣны паспорта, а потомъ въ Европѣ стало ужъ особенно любопытно. Потянуло именно туда, откуда люди бѣжали. *Четвертое сентября 1870* застало Одоева на улицахъ великаго города и дало испытать чувство великой, радостно-обновляющей грозы, а дальше—онъ и самъ многого не могъ припомнить. Какъ русскій человекъ, онъ никогда не писалъ дневника, а въ такое время еще меньше понималъ, какъ люди находили досугъ чѣмъ-нибудь заниматься въ домахъ, дрожащихъ отъ шума толпы, грохота барабановъ, гула выстрѣловъ. Онъ не писалъ бы никому, еслибы даже кто нибудь ждалъ его писемъ. Но никто не ждалъ ни писемъ, ни его самого, и онъ зналъ это. Въ первый разъ въ жизни, глядя на прощанья, проводы, похороны, ему

стало какъ-то завидно; онъ подумалъ, что скверно жить одному, потомъ выбрали себя за эгоизмъ, съ искренно добрымъ чувствомъ сказалъ себѣ:—«По крайней мѣрѣ, изъ-за меня никто не горюеть» и, ужь самъ не зная какъ, дошелъ до заключенія, что такъ — свободнѣе. Вслѣдствіе этого заключенія, тоже самъ не зная какъ, очутился онъ поздней осенью въ Долѣ, въ Отенѣ, подъ дождемъ, подъ огнемъ, видѣлъ и вынесъ самъ горячку ужаса и увлеченія человѣческой бойни, вышелъ здоровъ и невредимъ, и испыталъ еще новое чувство, не заглушаемое ни радостью успѣха, ни озлобленіемъ неудачъ, ни увѣренностью въ правотѣ дѣла, томящее, человѣческое чувство жалости, раскаянія, стыда... знакомое, конечно, многимъ, хотя изъ ложной совѣстливости, въ немъ признаются только не многіе. Одоевъ признавался, удивляясь, какъ люди могутъ спокойно жить, однажды испытавъ это.

Онъ самъ пережилъ, какъ пережили тысячи другихъ, такъ же какъ другіе, пожелалъ успокоиться и развлечься; вѣроятно, такъ же какъ многіе, упрекнулъ себя за это желаніе, но откровенно уступилъ ему. Кругомъ все устало, наступило затишье. Ложась въ постель вечеромъ, человѣкъ сильнѣе чувствуетъ, насколько его сломала дневная работа. Одоевъ усталъ тоже и принялся отдыхать. Его опять заманили удовольствія, перемѣна мѣстъ, красоты природы, перелетныя знакомства; явилась случайная, веселая любовь, изъ такихъ, что въ тридцать лѣтъ принимаются легко и проходятъ безъ печали, все свѣтлое, румяное, нетревожащее. Онъ привыкъ къ своему ремеслу странника и ужь не умѣлъ себѣ придумать другого; люди независимые, обеспеченные, довольные своимъ надобвшимся угломъ — казались ему смѣшны; семейной жизни онъ совсѣмъ понять не могъ. Здоровье было отличное, ему жилось хорошо. Собственно, у него не было ни гора, ни утратъ, ни даже мелкихъ докучныхъ заботъ. Всего этого, чужого, пожалуй, было ужь слишкомъ много кругомъ, и потому, приступаться съ помощью, съ утѣшеніемъ, даже просто успѣвать на все оглядываться—было невозможно и некогда...

Поймавъ себя, однажды, на этой оговоркѣ, Одоевъ призадумался. Ему стало будто неловко.

— Но что же я-то сдѣлаю, когда и получше меня люди ничего не дѣлаютъ? рѣшилъ онъ.

Главное—ему жилось хорошо. Сколько бы люди ни говорили комплиментовъ своему чуткому, понятливому, сочувствующему сердцу, но для доставленія ему полной понятливости всегда необходимо, чтобъ ихъ самихъ хорошенько проняли нѣкоторыя житейскія передряги. Не крупныя несчастія, которыя человѣкъ

переносить будто острия болѣзни и о которыхъ (смотря по характеру) вспоминаеть, или рисуясь миновавшей опасностью, или радуясь, что она миновала, или, просто, равнодушно, но томящія невзгоды всякаго дня, въ которыхъ тратится умъ, тратится способность веселья, тратится достоинство — при полной памяти, что все это тратится... Одоеву судьба не послала ничего подобнаго; его добрая натура сохранила ему сочувствіе, хотя теоретическое, но все-таки искреннее, даже горячее, правда, вспышками, какъ вспыхиваетъ солома. Тогда являлась оглядка, и Одоеву дѣлалось скучно, досадно до злости; точно будто что пропало; точно будто кто-то стоялъ у него за плечами и сторожилъ... не мѣшалъ, не запрещалъ жить въ свое удовольствіе, а только сторожилъ, наблюдалъ, и хотѣлось прогнать этого наблюдателя, хотѣлось оправдываться...

— Все же эта совѣстливость честиѣ неразборчиваго, сытаго покоя... утѣшалъ онъ себя.—Только чѣмъ же честиѣ? другимъ отъ нея ни тепло, ни холодно!..

Онъ вглядывался: такихъ, какъ онъ, было большинство. Нѣ которые фразировали. Одоеву стало противно. Онъ махнулъ рукой и успокоилъ себя тѣмъ, что «не наслаждался», что «все помнилъ», не обманывалъ лишними словами и ни словомъ, ни дѣломъ не помогаль неправдѣ.

— Что-жь! все-таки добро, хотя отрицательное...

Случалось много разъ, что дѣльный, щедрый, смѣлый и ловкій Одоевъ бывалъ не бесполезенъ въ разныхъ бѣдахъ, такихъ, которыя, если смотрѣть на нихъ съ высоты, кажутся мелки, когдаживаются, исчезаютъ въ общемъ мракѣ.

— Да полно, думалось ему:—не эти-ли бѣды, въ сложности, и составляютъ общій мракъ? Не будь ихъ—его бы не было.

На подобныя размышленія наводилъ его видъ N—ской улицы изъ окна, у котораго онъ усѣлся машинально... Должно быть, здѣсь все дѣлается машинально. Рѣдкіе прохожіе встрѣчаются, здороваются молча и расходятся, на крыльцо выходятъ люди, приложивъ ладонь къ глазамъ, смотреть на сосѣдей на крыльцѣ рядомъ, и тоже расходятся, не сказавъ ни слова. Вотъ затѣжь-то шевельнулись пустые дрожки, объѣхали кругъ, подняли столбъ пыли, стали на прежнее мѣсто, колеса опять вѣзались въ пыль, лошади и человекъ опять задремали. Разносчикъ шелъ скорымъ шагомъ, вдругъ остановился предъ запертыми окнами, крикнулъ, не ждалъ ни секунды и еще скорѣе пошелъ дальше. Сидѣлецъ въ бѣломъ фартукѣ появился на черномъ четырехугольномъ дверей своей лавки, уперся головой въ косякъ, заж-

мурился и оцѣпнялся, видимо безъ надежды и ожиданія покупателя. Голуби и тѣ не летаютъ, а прохаживаются. Даже солдаты будто исполняютъ обязанность, печеть, а само скучаетъ: поиграть не на чѣмъ, не отъ чего вагнуть красивой тѣни.. Пустыня...

Пустыня, однако, живая. Но тутъ все спитъ или все боится.. или ужъ само чувствуетъ, что годится только прятаться. И какое противорѣчiе: все это, вѣроятно (почти безъ сомнѣнiя!), довольно своимъ положенiемъ, но непремѣнно довольно само собою. И еще такъ и быть этотъ бѣдный, трудовой людъ: онъ мало видитъ и ничего не можетъ; онъ мало знаетъ, а объяснять ему никто не трудится. Но тѣ, что теперь «покушали», почиваютъ, «господа»... И двадцать лѣтъ назадъ было тоже! Только тогда они считали себя, просто, господами, а нынче—признали себя дѣятелями...

Пожить тутъ, наживешь себѣ отличную хандру...

— А не поступить-ли по-господски—возлечь и опочить отъ трудовъ?

Одоевъ легъ на диванъ и задремалъ.

Его разбудила отворившаяся дверь. Лакей положилъ на столъ огромную афишу.

— Что это? спросилъ Одоевъ.

— Сегодня, вечеромъ, на бульварѣ гулянье съ танцами и закуской, объяснилъ лакей, съ восхищенiемъ и грустью человека, которому недоступно обѣщанное другимъ наслажденiе. — «Съ благотворительной цѣлю-съ». Нынче плата за входъ на бульваръ назначена; потомъ, кому угодно въ галлерею, танцовать—тоже съ платою; десертъ, напитки, все само по себѣ.

Онъ указывалъ и читалъ цѣны.

— Вы извините, что я вошелъ, васъ обезпокоилъ. Сейчасъ намъ афиши принесли, и приказано, чтобъ по всѣмъ нумерамъ; можетъ, господа приѣзжiе пожелаютъ, потому поѣзды всѣ позднiе. Можетъ, поинтересуетесь. Начало въ 9 часовъ.

Было около семи.

— А господинъ Теницынъ сейчасъ воротился домой, продолжалъ лакей.—Сейчасъ приходили отъ нихъ къ намъ за сельтерской водой. Я говорилъ, что приѣзжiй ихъ спрашивалъ, но не могъ сказать это, такъ какъ вы не извоили записаться.

Одоевъ взялъ шляпу и уходилъ.

Онъ повзвонилъ въ подъездъ; ему сказали, что господа всѣ въ саду; онъ отправился туда прямо, чрезъ дворъ и калитку, преслѣдуемый лакеемъ дворняшки. Садъ былъ великъ, но густъ

и довольно запущенъ; въ концѣ дорожки, изъ подъ навѣса липъ, видѣлся балконъ дома и передъ нимъ разбитый цвѣтничокъ. Солнце уже было невысоко; рыжеватое облако бросало мягкій и яркій оттѣнокъ на зелень и сѣрый песокъ; листва была полна блеска, чернѣя на не освѣщенной сторонѣ, гдѣ синева неба казалась еще гуще и нѣжнѣе: было тихо, влажно, тепло, вечеръ, какіе въ рѣдкость, какой то праздничный...

— Александръ Васильевичъ! Саша! Ау! закричалъ Одоевъ.

Изъ сиреновой бесѣдки бѣжалъ молодой человекъ, худощавый, блѣдный, оторопѣлый.

— Саша! повторилъ Одоевъ.

Затѣмъ, обнявшись, они уже ничего не сказали.

— Ну, какъ ты? Чтѣ?.. Будетъ сантиментовъ!.. Гдѣ твои? Матушка? Ты женатъ?

— Всѣ здѣсь... тамъ... выговорилъ Теницынъ.

— Веди же... Ахъ, проказникъ, все такой же.

Одоевъ обхватилъ его за плечи и шелъ къ бесѣдкѣ.

— Мамонька... сказалъ Теницынъ.

— Ольга Аеанасьевна! Не узнаете?

Вѣрнѣе, онъ самъ могъ-бы не узнать особы, которую увидѣлъ. Въ его памяти оставалась мать студента, деревенская барыня, хозяйка, всегда въ заботахъ; случилось—въ слезахъ. Теперь передъ нимъ стояла полная красивая дама, съ едва сдѣлющими волосами, на которыхъ не безъ кокетства была наброшена наюбка изъ чернаго кружева и цвѣтныхъ лентъ; ея платье было тоже цвѣтное, модное, безъ мантили.

— Давно не имѣли удовольствія васъ видѣть... начала она.— Какъ же это, Сашенька.. Я слышу: лають... никто не проводитъ... собаки... Очень давно не имѣли удовольствія васъ видѣть.

Она подала руку. Одоевъ, самъ не зная почему, только пожалъ ее: пробѣгая дворомъ, онъ былъ увѣренъ, что расцѣлуется съ Ольгой Аеанасьевной такъ же, какъ съ Сашей.

— Невѣстка моя, Лизавета Павловна, продолжала она, укыывая на молодую женщину, которая приподнялась съ мѣста только въ эту минуту.

Она была тоже, по модному, спеленута въ своемъ платьѣ, завѣшанномъ всякими украшеніями, модно причесана съ крутымъ комкомъ волосъ на маковѣ и съ пучкомъ волосъ на лбу; черты неправильныя, мелкія, сглаженныя; цвѣтъ лица неопредѣленный; сильное употребленіе пудры. Но свѣжесть нынче въ рѣдкость, а выразительности и вовсе не встрѣчается. Въ N. находили, что la jeune madame Теницынъ — хорошенькая. Она была въ этомъ увѣрена и еще болѣе въ томъ, что совершенная неподвижность

*

дѣлаетъ ее «еще аристократичнѣе...» Одоевъ подумалъ, какъ онъ давно не бывалъ въ гостяхъ и какъ тутъ много народу.

— А это—неужели Боря? спросилъ онъ.

Передъ нимъ стоялъ юноша очень серьезный, очень изящный и очень красивый.

— Мой меньшой сынъ, Борисъ, отвѣчала г-жа Теницына: — вы видали его ребенкомъ — кандидатъ университета и уже на государственной службѣ.

— А меня припомните? спросилъ, подходя, другой гость.

— Стебловичъ! Какъ же!.. Я зналъ, что вы здѣсь... Да, право, вы оба ничуть не перемѣнились.

Они всѣ трое были однихъ лѣтъ и необыкновенно разнаго склада. Теницынъ казался моложе товарищей отъ какой-то робости, постоянной на его лицѣ, въ его движеніяхъ; онъ былъ и оживленъ, и въ раздумьи; онъ былъ торопливо, почти испуганно веселъ, какъ люди, которые спѣшатъ воспользоваться недолгой радостью, зная, что за нее заплатятъ какой-нибудь изъ житейскихъ мельчайшихъ, но всеотравляющихъ мелочей. Стебловичъ, напротивъ, смотрѣлъ очень увѣренно, очень спокойно. Онъ былъ высокъ ростомъ, съ небольшою просѣдью въ пепельныхъ волосахъ. Отъ ихъ неопредѣленнаго цвѣта казался еще тусклѣе сѣровато блѣдный цвѣтъ его лица; глаза, прищуриваясь, избѣгали освѣщенной дорожки и искали темноты и зелени; движенія были медленны, голосъ беззвученъ. Но во всемъ этомъ, даже съ перваго взгляда, не казалось ничего болѣзненнаго или преждевременно старческаго: медленность была просто привычка, рассчитанное сбереженіе силы, выработанная способность. Стебловичъ былъ одѣтъ щегольски. Онъ былъ будто не на своемъ мѣстѣ на неловкой деревянной скамейкѣ въ полузапущенномъ саду...

— Какъ не перемѣниться! Второе десятилѣтіе... возразилъ онъ весело Одоеву.

— Что ихъ считать, года! прервалъ Одоевъ, улыбаясь на тревожно-ласковый, умиленный взглядъ Теницына. Ихъ руки невольно опять потянулись одна къ другой. — Ну, господа, рассказывайте... Да, право, не знаешь, о чемъ спросить!

— Рассказывайте вы, возразилъ Стебловичъ: — гдѣ были, что видѣли... Я читалъ ваши письма въ газетѣ...

— Что тамъ, письма!—все вздоръ, факты, географія... Саша, вѣдь я зналъ, что ты женился; мнѣ сказали... Постой, не припомню кто. Но въ то самое время... Помѣщикъ одинъ изъ вашихъ тундръ; на рулеткѣ я его встрѣтилъ...

— Вы? На рулеткѣ? вскричала г-жа Теницына.

— А что же? отвѣчалъ весело Одоевъ. — Баринъ этотъ мнѣ всего два слова сказалъ.

Онъ обратился къ женѣ Теницына.

— Дайте еще вашу ручку. Какъ мнѣ тогда хотѣлось васъ видѣть! Я думалъ: вотъ милая, славная! вотъ какія наши женщины! Полюбила—и ни на что не посмотрѣла, ни на средства, ни на положеніе, не побоялась связать свою судьбу съ изгнанникомъ...

— Какой же изгнанникъ? Мы тогда ужъ знали, что Сашенька будетъ возвращенъ, прервала обиженно г-жа Теницына.

— Вы составляли обо мнѣ очень романтическое понятіе, замѣтила Лизавета Павловна, вся вспыхнувъ, но усмѣхаясь небрежно.

— Романтикъ! сказалъ Стебловичъ.

— Тогда ужъ риска не было никакого, продолжала г-жа Теницына: — я сама пріѣхала туда... Я все то время, всѣ пять лѣтъ, которыя Сашенька тамъ находился, безвыѣздно прожила въ моемъ имѣніи, занялась приведеніемъ въ порядокъ... Вотъ Борисъ поступилъ въ университетъ. Мнѣ даже не удалось бы ничего устроить, еслибы Сашенька былъ при мнѣ: и распоряженія... и средствъ бы нужно для двоихъ. У меня большихъ средствъ нѣтъ, вы знаете...

— Но такъ какъ онъ—вѣчный идеалистъ и романтикъ... повторилъ, смѣясь, Стебловичъ.

— Это изъ чего же слѣдуетъ? спросилъ Одоевъ, какъ-то сбитый.

— Столько лѣтъ странствованій...

— Да, я согласна съ *monsieur* Стебловичемъ, прервала свѣтски-любезно г-жа Теницына: — чѣмъ больше я въ васъ вглядываюсь... вы, въ самомъ дѣлѣ—идеалистъ! Это очень пріятно, очень оригинально...

Одоева положительно сбивала эта дама: онъ не узнавалъ ея. Тонъ, фразы, это *monsieur*, которое она протанула... Онъ взглянулъ на молодую. Та сидѣла неподвижно и удивленно глядѣла въ пространство изъ-подъ своихъ завитковъ. Юноша поглаживалъ свою пушистую маленькую бороду и наблюдалъ.

— Вотъ вы даже ничего существеннаго, практическаго не спросите! досказала г-жа Теницына.

— На первую встрѣчу всегда такъ, возразилъ ей Стебловичъ, подмѣтивъ, что пріѣзжій затрудненъ. — Надолго вы къ намъ, Иванъ Ивановичъ?

— До ночи, отвѣчалъ Одоевъ.

— Только? вскричалъ Теницынъ.

Жена медленно перенесла на него свой взглядъ.

— Я проѣздомъ въ Питеръ, а тамъ—на пароходъ и дальше.

— Куда?

— Выше! объяснилъ Одоевъ, смѣясь, и опять обхватилъ его за плечи.— Охъ, Сашка!.. Ну, ѣдемъ вмѣстѣ?

Теницынъ тихо засмѣялся; Стебловичъ смотрѣлъ на нихъ снисходительно.

— Это куда же? спросила вполголоса г-жа Теницына своего меньшаго сына.

Тотъ пожалъ плечами.

— Въ Норвегію, а тамъ, можетъ быть, и на Медвѣжій, если найду попутчиковъ, отвѣчалъ ей Одоевъ.

— На Медвѣжій?... повторила г-жа Теницына.

— Съ научной цѣлью? серьезно спросилъ Стебловичъ.

— Помилуйте, какой же я ученый? Такъ.

— Какъ «такъ»?

— Какъ всегда.

— Но, позвольте, если такъ всегда, заговорилъ Стебловичъ:— то, въ самомъ дѣлѣ... извините! десятокъ лѣтъ скитаній безъ цѣли..

— А мое личное удовольствіе—развѣ не цѣль?

— Да... Но вѣдь это... извините! это, въ самомъ дѣлѣ, непрактично. Скитаться, а впереди ничего не готовится пречнаго..

— Конечно, конечно! вскричалъ беззаботно Одоевъ:— я, по пословицѣ: «камень катается, мохомъ не обростаетъ»... Ну, такъ что же? На мой вѣкъ станеть; по крайней мѣрѣ, самъ я не обросту мохомъ... Знаете ли, если заставить меня преслѣдовать какую-нибудь практическую цѣль, изъ меня выйдетъ презлющій эгоистъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, я эгоистъ безвредный... Что? прибавилъ онъ весело, взглянувъ въ лицо Теницына, несводившаго съ него глазъ.

— Все такой же ты... сказалъ тотъ.

— Право?

— Да. И попрежнему говоришь на себя Богъ знаетъ что.

— Эгоистъ-то я? Да чего-жь конфузиться, когда такъ есть? Цѣльный, откровеннѣйшій эгоистъ. Откровенность порока— моя единственная добродѣтель.. Ну, что же, ѣдемъ съ тобой, что ли?

— Такія прихоти позволительны богатому, независимому человеку, сказала г-жа Теницына:— а у кого служба, дѣти...

— У тебя есть ребятки, Саша? Много ли?

— Благодаря Бога, только двое, отвѣчала г-жа Теницына:— и тѣхъ надо поставить на дорогу, да подумать...

— Что же еще думать о них? драгоценная Ольга Аванасьевна. Ихъ, конечно, еще отъ земли не видно; успѣется!

— Да! Все успѣется! Разсуждать можно!

— Вотъ надо ихъ учить разсуждать, это правда, это—забота Мальчики?

— «Красныя дѣтки», мальчикъ и дѣвочка, отвѣчала она веселѣе, съ гордостью бабушки.

— И, конечно, красавцы, Ольга Аванасьевна?

— Хороши!

— Такъ покажите.

— Сейчасъ, сказала она, вставая.

— Дѣтей приведутъ, когда они будутъ одѣты, возразила Лизавета Павловна.

— Они все-таки отправятся на гулянье? спросилъ ее меньшей Теницынъ.

— Отправятся..

— Я васъ предупреждалъ, что въ толгѣ...

— Вы не будете ихъ охранять; при нихъ бонна.

— А ты-то, Лизанька, распорядилась? просила Марью Егоровну, чтобъ заѣхала за тобою? освѣдомилась г-жа Теницына.

— Да, отвѣчала небрежно Лизавета Павловна.

— Такъ она заѣдетъ? въ коляскѣ? точно? Если она забудетъ?

Лизавета Павловна отвернулась.

— Потому что я тоже хотѣла... Сегодня гулянье съ танцами, договорила г-жа Теницына Одоеву.

— Слышалъ.

— Полюбопытствуйте, посмотрите.

— То ли онъ видалъ! возразилъ Стебловичъ.

— А, можетъ быть, понравится. Это въ десятомъ часу.

— Ты собираешься туда? спросилъ Одоевъ Теницына.

— Нѣтъ, я никогда... Жена бываетъ съ Борисомъ.

— Здѣсь развлеченій такъ немного, что странно было бы отъ казывать себѣ въ послѣднемъ, отозвалась Лизавета Павловна.

— Кстати, гдѣ ты пропадалъ сегодня съ утра? спросилъ Одоевъ:—ты уѣзжалъ, я знаю.

— По дѣлу... отвѣчалъ, смутясь, Теницынъ.

— Вотъ скука!

— Напротивъ, имъ тамъ было очень пріятно, возразила г-жа Теницына:—имъ задали обѣдъ съ шампанскимъ... это вотъ у одного знакомаго Михаила Семеновича...

Стебловичъ взглянулъ на нее.

— А откуда я попрошу дорогихъ гостей кушать чай, договорила она, смутясь тоже.

— Въ комнаты? Нельзя-ли здѣсь? вскричалъ Одоевъ.— Тутъ славно. Угостите меня по старому, Ольга Аванасьевна... Саша, помнишь? Вся квартира была не шире этой дорожки... Ольга Аванасьевна, помните?.. Что это—на десятокъ лѣтъ молодѣешь!

— Тутъ тѣсно, возразила она.

— Ничего! Давайте, я помогу, принесу, что прикажете...

Онъ хотѣлъ идти.

— Не беспокойтесь, теперь ужь не прежній беспорядокъ, отвѣчала она съ достоинствомъ.

— Вы, я думаю, ужь и сами привыкли къ комфорту? сказалъ Стебловичъ.

Г-жа Теницына уходила и возвратилась въ сопровожденіи лакея, казачка и нарядной горничной. Они приносили и разставляли корзинки, тарелки, чашки, фарфоръ, хрусталь. Садовый столъ, врытый въ землю, былъ малъ, скатерть волочилась.

— Ничего нельзя сдѣлать порядочно... вырвалось вполголоса у г-жи Теницыной.

— Вы бы еще принесли на тридцать человекъ, сказалъ Борисъ, положивъ локти на столъ и отодвигая въ сторону что ему мѣшало. — Это показать, что сервизъ есть...

Лизавета Павловна оставалась неподвижна. Мать мужа являлась, при гостяхъ, госпожей и хозяйкой, и потому молодая дама, болѣе нежели когда-нибудь, сохраняла свой видъ протестующаго безучастія. Она видѣла все будто сквозь сонъ и только изрѣдка обращала свои свѣтлосѣрые, широкооткрытые глаза на мужа, говорившаго въ сторонѣ съ Одоевымъ, когда его слово или восклицаніе раздавались для нея непривычно громко. Теницынъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, разговорчивѣе, нежели какимъ знали его мать и жена; онъ будто чувствовалъ это за собою, какъ проступокъ, избѣгалъ взглядовъ жены и почтительно бросался услуживать матери. Услужливость выходила неудачна. Г-жа Теницына не выдержала.

— Ахъ, Сашенька, оставь меня въ покоѣ!.. Занимайся—вонъ тебѣ! договорила она тихо, кивнувъ на Одоева, который отвернулся въ эту минуту.

Борисъ громко засмѣялся. Стебловичъ предупредительно, чтобъ оставить другимъ больше простора, снялъ со стола и поставилъ рядомъ съ собой на скамейку свой стаканъ съ чаемъ. Онъ лѣбезно занималъ Лизавету Павловну.

— Неужели вы ни разу не бывали на этихъ гуляньяхъ? спра-

шивала она.—Они постоянно, всякую недѣлю, съ начала весны.

— Не удавалось. Я то занята, то въ разъѣздахъ.

— Подите сегодня.

— Неловко, возразилъ тихо Стебловичъ.

Онъ тоже кивнулъ на Одоева, который усѣлся съ Теницынымъ на другой скамейкѣ.

— Нельзя... Человѣкъ съ неба свалился, знакомый...

— Васъ такъ интересуешь?

— Не особенно, но...

— Старинная дружба?

Стебловичъ усмѣхнулся.

— Борисъ Васильевичъ, стѣдить туда идти?

— А вы довѣряете больше вкусу Бориса Васильевича, нежели моему?

— Я васъ помирю, вступилась г-жа Теницына:—положитесь на мой вкусъ. Очень мило. Тамъ все, что угодно. Последнiй разъ, я тамъ въ табельку наигралась. Одни танцуютъ...

— И сборъ большой?

— О, какъ-же! аллегри, продажа разныхъ разностей...

— И все дамы?

— Дамы, дамы, отвѣчала съ увлеченiемъ г-жа Теницына:—такъ мило, у каждой свой столикъ...

— Вы тоже продаете, Лизавета Павловна?

— Лизанька? Нѣтъ... знаете, заговорила г-жа Теницына, понижая голосъ:—вѣдь всѣ эти затѣи, угощенiя, надо припасти на свой счетъ—да-съ! а вы какъ думали?—И потомъ—туалетъ, всѣ, кто торгуетъ, такъ франтатъ, шляпки изъ Москвы нарочно къ этимъ днямъ выписываютъ. Гдѣ ужъ съ ними тягаться...

— Ахъ, полноте, маменька!

— Ахъ, матушка, развѣ я неправду говорю? Гдѣ-же тебѣ, въ твоихъ-ли средствахъ...

— Ну, теперъ-то можно, хоть разокъ, сказалъ, улыбаясь, Стебловичъ.

— Почему-жъ это можно? возразила, вспыхнувъ, г-жа Теницына.—Если, благодаря вамъ...

— Escoutez, Bogis... сказала Лизавета Павловна, вставая и выходя изъ бесѣдки.

Г-жа Теницына проводила ихъ глазами. Ея старшiй сынъ и Одоевъ, занятые между собою, совсѣмъ забыли объ остальной компанiи.

— Напрасно вы это сказали, Михаилъ Семеновичъ, начала она вполголоса, сердитая.—Тутъ претензiй всякихъ и безъ того много. Только и слышишь: «подай!».. А было бы изъ чего

давать! И кому? что она такое? гарнизоннаго инвалидной команды дочка, королеву изъ себя представляет... Да еслибъ тогда Сашенька не былъ ей отцу долженъ, развѣ-бы я ему позволила жениться? Нѣтъ, благодарю покорно—ей этихъ пяти тысячъ не понюхать! Что такое?! это внукамъ монимъ... Ужъ я вамъ, Михаилъ Семеновичъ, такъ обязана, такъ обязана...

— Не стѣять, Ольга Аванасьевна.

— Нѣтъ, батюшка, стѣять. Нынче родные того не сдѣлаютъ, что вы для насъ сдѣлали. Сашенька—что? совсѣмъ безполезный человѣкъ; ну, служить, какъ онъ служить? Нѣтъ, я вамъ такъ обязана! И за Бориса моего, что вы, вашими совѣтами.. ужъ вы мнѣ Бориса не оставьте!

— Борисъ Васильевичъ далеко поидеть.

— Дай Богъ, дай Богъ... Грустно, Михаилъ Семеновичъ, непрактичность эта, какъ Борисъ ее называетъ. Настродалась я отъ нея довольно. Нѣтъ, я ужъ теперь изъ рукъ не выпущу! я выдержу!

— Вы и тогда хорошо ея выдержали, замѣтилъ Стебловичъ, усмѣхнувшись.

— Что я Сашенькѣ пять лѣтъ гроша не давала? Да, батюшка мой, какъ-же бы я смѣла, по совѣсти то? Наказанъ человѣкъ—терпи! Правительство подѣломъ наважаетъ, а мать станетъ поплакать! Это изъ чего? А затянулся онъ тамъ, задолжалъ—ну, женись, а долгъ—въ счетъ приданаго!.. Дали за нею, все-таки я бы безъ этого не допустила... Ну, устроила, нашла ему мѣсто—такъ, сдѣлай милость, живи, какъ люди!

Г-жа Теницына возвысила голосъ, мысленно обращаясь къ сыну. Стебловичъ безпокойно оглянулся.

— Что жъ дѣлать, Ольга Аванасьевна? сказалъ онъ:—молодъ былъ, не умѣлъ себя поставить...

— Батюшка, а вы молоды не были? Умѣли-же вы бросить всякіе вздоры. Вы себѣ и карьеру, и состояніе... А это—что? Вонъ, радъ связаться...

Она зашептала.

— Такой же вѣдь? Вѣкъ свой въ бѣгахъ, безпаспортный...

— Съ паспортомъ, Ольга Аванасьевна! возразилъ Стебловичъ.

— Кто ихъ разбереть. Нынче, Михаилъ Семеновичъ, они стали хуже; прежде они кричали, шумѣли—мы къ этому треску прислушались, а теперь молча кусаются.

Стебловичу становилось неловко, онъ расхохотался.

— Успокойтесь, Ольга Аванасьевна, сказалъ онъ громко, глядя на Одоева.

— Что такое? спросилъ Одоевъ.

— Напуганный человек — Ольга Аванасьевна, отвѣчалъ Стебловичъ, переходя къ нимъ: — опасается, не принадлежите ли вы къ чему-нибудь «международному».

— Я-то? вскричалъ Одоевъ: — я? Да куда-жь я похужь? Вотъ, мы сейчасъ кое-въ-чемъ разобрались съ Сашей. Куда мы всѣ годимся, все наше поколѣніе?

— Какъ? Такъ-таки все, безъ апелляціи? безъ исключеній? спросилъ Стебловичъ.

— Вѣроятно, есть исключенія, но я ихъ не видалъ...

— А, не видали!

— Я десять лѣтъ не жилъ дома, но встрѣчалъ образцы того, что изъ насъ вышло, читаю все, что о насъ пишется и что пишутъ наши. Русское печатное такъ и путешествуетъ слѣдомъ за мною по всѣмъ моимъ адресамъ. Я знаю дѣятельность *нашихъ* — большинства, большинство и важно...

— Такъ что-же? вы недовольны? спросилъ Стебловичъ, подшучивая.

— Недоволенъ, повторилъ Одоевъ, не шутя.

Борисъ проходилъ мимо бесѣдки, гуляя съ Лизаветой Павловной; услыша послѣднія слова, онъ вошелъ и сѣлъ. Лизавета Павловна тоже возвратилась и заняла свое прежнее мѣсто.

— Что-же вамъ не нравится? продолжалъ Стебловичъ.

— Да мелко все, страхъ, какъ все мелко! отвѣчалъ Одоевъ. — Неужели васъ это не ужасаетъ? Нескучно вамъ отъ пустоты, отъ однообразія, отъ ограниченности интересовъ? Не тошно вамъ, не совѣстно вамъ за людей, а вѣдь эти люди — большинство *нашей* поколѣнія! въ чемъ они возятся, изъ-за чего бьются? у всякаго, все помышленіе — грошъ!.. Напримѣръ... Да не выскажешь всѣхъ примѣровъ!.. Ну, сегодня, дорогой, брожу по вагонамъ, прислушиваюсь, заговариваю — тамъ толкуютъ о деньгахъ, тутъ считаютъ деньги; въ одномъ углу — подряды, въ другомъ — пай, дивиденды, ренты, валюты, дисконты... чортъ знаетъ что, ошалѣешь! Одинъ звукъ: «цѣлковый, цѣлковый, цѣлковый» трещить, по ушамъ шлепаютъ — ну, физически больно!.. Ребята нынѣшніе, и тѣ... я самъ убѣдился, на улицѣ встрѣтилъ, вмѣшался въ разговоръ: о биржевой игрѣ разсуждаютъ, что поднялось, что упало, что ихъ папенька приобрѣлъ..

— Дѣти должны понимать нужды родителей, замѣтила г-жа Теницына.

— Да! рѣзко отвѣчалъ ей Одоевъ: — когда, въ былое время, дѣтямъ въ школѣ, въ награду за прилежаніе, дарились билеты въ кукмистерскую, на обѣдъ для семьи — тогда дѣти учились понимать, что работаютъ въ помощь сначала хоть своимъ род-

нымъ братьямъ, покуда придетъ чередъ трудиться для всѣхъ братій... А теперь они любятъ, какъ папаша мошенничаютъ... И понятливы! Превзойдутъ!.. Ахъ, Бога ради, обратился онъ къ Лизаветѣ Павловнѣ:—не давайте этой дрянн, денегъ, въ руки вашему дѣтямъ! Чтобъ они не знали, какіе рубли печатаются!

Компанія размѣялась.

— А Борисъ вчера только подарилъ Володенькѣ, на рожденіе, портмоне съ новенькимъ золотымъ, весело сказала г-жа Теницына. — Позвольте вашъ стаканъ... Вы, точно—большой оригиналь.

Одоевъ, не слушая, зажигалъ спичку и закуривалъ и безъ того горящую сигару.

— Смѣшно, продолжалъ онъ:—я самъ хотѣлъ. Но вѣдь и полсмѣха нѣтъ!.. Въ гостинницѣ какъ-то, въ вокзалѣ, что ли, куча младенцевъ: папаша, мамаша молодые; принесли имъ сдачу; считаютъ. *Эти* облѣпили кругомъ, а родитель отмахивается:— «Дѣти, не глядите на деньги! отойдите, не глядите на деньги!..»

— Ну, вотъ видите—воспитаніе по вашей системѣ, сказалъ Стебловичъ среди общаго смѣха.

— Насмѣшка—не возраженіе, отвѣчалъ Одоевъ очень серьезно.—Кто виноватъ въ томъ, что даже у грудныхъ ребятъ любимая игрушка—деньги? Кто довелъ до этого?

— Но... Помилуйте, это—такой сложный вопросъ...

— Папаша, которые сами научать, сами не справятся, когда самимъ становится безпокойно отъ выученныхъ! Тутъ смѣха нѣтъ. Воспитатели эти служиваютъ воображенію дѣтей, развращаютъ ихъ, одурачиваютъ, развиваютъ въ нихъ жадность, обманъ... Это они будущихъ людей готовятъ! Но вѣдь это, ни много, ни мало—убійство духа!

Стебловичъ оглянулся на г-жу Теницыну. Ее забавляло, какъ Одоевъ размахнулъ руками.

— И это дѣлаетъ *наше* поколѣніе! продолжалъ онъ. — *Мы*, ставшіе отцами семействъ! *Мы*, которые кричали: «подайте намъ безсребренниковъ, подайте намъ тружениковъ!»; мы, которые мечтали.. Развѣ *это* мы замыслили, десять-пятнадцать лѣтъ назадъ, когда... Ну, *тогда*... Саша, ты меня понимаешь! Когда мы были молоды, когда мы были людьми, когда насъ возмущала всякая тѣнь лжи, своекорыстія, терзала несправедливость, но не за насъ самихъ, лично, а за всѣхъ! когда намъ были страшны невѣжество, забитость, истощеніе, горькая доля всякаго голоднаго... Друзья, вспомнимъ вмѣстѣ! Свѣтъ, просторъ, счастье для всѣхъ, трудъ для всѣхъ... смерть за всѣхъ! Бывало, сердце высочить хотеть... слезы бывали, и мы ихъ не стыдились! И

на насъ смѣютъ клеветать, что только тѣ были рыцари, у кого было задѣто самолюбіе, кого подгоняла бѣдность, какая-нибудь страсть несчастная, что рисковали тѣ, кому рисковать было нечѣмъ...

— Э, развѣ такихъ не бывало! прервалъ Стебловичъ.

— Были—на перечесть! вскричалъ Одоевъ:—между сильными невольно крѣпнуть и слабые.

— Позвольте! Вотъ и это изъ тогдашнихъ пышныхъ фразъ. Согласитесь: говорилось много! наговаривалось столько практически невозможнаго...

— Но понималось что возможно; у «пышныхъ фразъ» было самое простое примѣненіе...

— Мало ли затѣвалось глупостей! прервалъ Стебловичъ, пожимая плечами.

— Глупостей? Честнѣе онѣ были того, чѣмъ мы утѣшаемся теперь!..

— Честнѣе? вы говорите, честнѣе?

— Позвольте, вмѣшался Борисъ:—вы сказали: «простое примѣненіе». Мнѣ бы хотѣлось знать...

— Вѣчное примѣненіе!.. Учитесь, юноша, замѣняйте насъ. Мы говорили: «всякій, у кого есть власть или вліяніе, или деньги, или извѣстная степень развитія—словомъ, какія-нибудь средства, ставить себѣ обязанностью употреблять ихъ прежде всего не на пользу себѣ...»

— А на пользу вселенной, договорилъ Стебловичъ.

— Насмѣшка—не отвѣтъ! вскричалъ Одоевъ.—Всѣ средства въ помощь, въ поддержку хоть того небольшого кружка, гдѣ каждому довелось жить...

— Мысль блестящая, хотя несовсѣмъ новая, замѣтилъ Борисъ.—Если только въ этомъ состояла ваша задача, извините, она не широка.

— Очень широка, возразилъ Одоевъ.—Работая въ маленькомъ кружкѣ, помнить, что этотъ кружокъ — человѣчество. Каждый пахнетъ на клочекъ поля; видитъ рядомъ, вблизи, вдали, пахнетъ другой, пахнетъ третій, десятокъ, всѣ вмѣстѣ, заодно, всякій за всѣхъ, а поле общее и, глядишь—вспахано все!

Борисъ чуть-чуть улыбнулся.

— Извините, сказалъ Стебловичъ, улыбаясь тоже:—это сравненіе...

— Общее мѣсто? Да ужъ полно, не «общее ли мѣсто — смѣяться надъ общими мѣстами?» «Задача не широка, мысль устарѣла». — Не потому ли такъ ее честять, что она неудобна для нежелающихъ брать на себя обязанности?

— Всякій исполняетъ свои обязанности, вступилась г-жа Теницына.

— Только не общечеловѣческія, возразилъ Одоевъ.

— Но позвольте, началъ Стебловичъ: — если я забочусь о себѣ...

— То забочутъ о вселенной? прервалъ Одоевъ.

Борисъ засмѣялся.

— Однако, Михайлъ Семеновичъ, сказалъ онъ: — вы еще не совсѣмъ орасторъ.

Мать взглянула на него съ испугомъ.

— Въ томъ и дѣло, продолжалъ Одоевъ: — что мы начинаемъ вселенную съ самихъ себя. Мы кричали о братствѣ, ѓ хлѣбѣ для всѣхъ, а первымъ долгомъ выдумали пироги для себя... За исключеніями, таково наше большинство. Вотъ потому я и говорю, что, по совѣсти, мы никуда не годимся. Разобраться по порядку: мы распадемся на три... нѣтъ! на четыре категоріи...

Стебловичъ и Борисъ захохотали.

— Первая: запропавшіе... продолжалъ Одоевъ. — Ну, о тѣхъ не можетъ быть рѣчи. Вторая — лѣнливые, слуста рукава, какъ я. Потомъ — смиренные, тѣ, что кое-какъ тануть свою лампу, кое-какъ плохо нужны какому-нибудь своему частному дѣлу...

— Все-таки нужны, замѣтилъ Стебловичъ.

— Но своему частному, личному, а не общему дѣлу! вскричалъ Одоевъ. — О себѣ, о своей нищѣ, о своей норѣ заботятся и животныя. Эти люди не къ тому себя готовили. Судьба ихъ загнала. Но сколько нужно имъ было *сократить* себя, чтобъ примириться съ крохотной дѣятельностью, которая досталась имъ взамѣнъ всего, что имъ грезилось, во что они искренно вѣрили? Что изъ нихъ случилось? Какой-нибудь жалкій свой уголокъ, и имъ довольствуются! какое-нибудь мѣстнышко, какія-нибудь отношенія... Скрѣпя сердце, вполне сознавая, что поступаютъ скверно, они отворачиваются отъ всего, во что общались положить душу; вотъ также, какъ нищему говорятъ въ окно: «Богъ подастъ», потому что дрожать надъ рублемъ, который въ карманѣ...

— Этотъ рубль, можетъ быть, самому нужнѣе, чѣмъ нищему, сказала г-жа Теницына.

— Но если больше дѣлать нѣчего? вступился, прерывая ее, Стебловичъ.

— Вотъ, вотъ, «дѣлать нѣчего!» повторилъ Одоевъ. — Такъ и подумайте: что случилось съ этими людьми? До чего они дожили? Вѣдь, чтобъ сказать: «дѣлать нѣчего» — они должны были пытку пройти! Измучены, сломаны, расслаблены и — примирились.

Это — мертвые! Конечно, мертвые: мужество убито. Нѣтъ мужества — нѣтъ и самоотверженія. А нѣтъ и того, и другого — нѣтъ человѣка.

— Ужь не лишняя ли роскошь — самоотверженіе? сказалъ Стебловичъ.

— Столько гнали эту роскошь, что ея ужь не видно.

— И за что же такъ рѣшительно: «нѣтъ человѣка...»

— Но развѣ есть «люди?...» Боже мой, мы вертимся въ заколдованномъ кругу, твердимъ одно и то же! Ну, я началъ съ себя, покаялся: я — лѣнивѣцъ, эгоистъ. Саша, теперь ты. Разбе ремся. Ты — мудрецъ, ты остепенился, ты — отецъ семейства; говори: создаешь ты какіе-нибудь планы возвышеній, приобретеній...

— Какіе же такіе планы? прервала г-жа Теницына.

— Какіе-нибудь, все равно. Чинovníкъ — слѣдовательно честолюбивъ..

— И корыстолюбивъ, договорилъ Теницынъ: — продолжай, не стѣсняйся.

— Какая глупая шутка, Сашенька! сказала, вспыхнувъ, г-жа Теницына.

— Ты шутишь? спросилъ нетерпѣливо Одоевъ.

— Ты забылъ правило, отвѣчалъ Теницынъ: — разбирается общій вопросъ, слѣдовательно — ни шутокъ, ни личностей. Не стѣсняйся. Ну да, мы замерли, мы на гроши размѣнялись, и еще поблагодари Бога, если найдешь, кто на себя не радуется...

— Надо же когда-нибудь придти въ себя, прервалъ съ досадою Стебловичъ: — идеальной горячки пороли довольно!

— Вы говорите, мы пороли горячку? вскричалъ Одоевъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, неужели вы считаете тѣхъ, кто отрезвился...

— Отъ чего?

— Отъ всего, чѣмъ мы дорожили, досказалъ Теницынъ.

— Чѣмъ это вы дорожили? призрачно спросила г-жа Теницына.

— Нѣтъ, неужели, перебилъ Стебловичъ, обратясь къ Одоеву: — неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, находите, что люди, убѣдись, что образъ мысли ихъ молодости былъ ложень...

— Не на чемъ было убѣдиться: они и не пробовали проводить его въ жизнь.

— Позвольте, онъ былъ такъ не практиченъ...

— Только тѣмъ, что не доставлялъ личной выгоды.

— Но развѣ не ребячество — пренебреженіе личной выгодой?

— Какъ же благоразумному человѣку не заботиться ни о себѣ, ни о семействѣ... вступилась г-жа Теницына.

— Позвольте, Ольга Аванасьевна, перебилъ Стебловичъ.

— Нѣтъ, позвольте! продолжала она: — ежели все думать о другихъ, другіе о насъ не подумаютъ...

— Я не то хотѣлъ сказать...

— Да, просто, совѣстно! вскричала она. — Добрые люди успѣваютъ, а тутъ, взрослый, будто маленькій ребѣнокъ, ни за что взяться не умѣетъ, надо его толкать...

— Я не то хотѣлъ сказать, Ольга Аванасьевна! я говорю (онъ обратился къ Одоеву), что личная выгода — это стимулъ для дѣятельности. Она — средство... Хотя, вмѣстѣ, и разумная цѣль! поспѣшилъ онъ прибавить, видя, что г-жа Теницына желаетъ опять вступить. — Она — средство развитія. Личная выгода сильнѣе заинтересовываетъ, оживляетъ, подгоняетъ; она формируетъ характеры. Вотъ вы сейчасъ сказали: нѣтъ мужества. Что же лучше развиваетъ мужество, какъ не настойчивость? добиваться цѣли, рискуя, затрачивая...

— Помилуйте, прервалъ Одоевъ: — рискъ и затраты въ виду большаго полученія, это только самый обыкновеннѣйшій расчетъ.

— Развѣ расчетъ не необходимъ?

— Еще какі! отозвалась г-жа Теницына. — Хорошо тому говорить, кто никогда не рассчитывалъ...

— Расчетъ, продолжалъ, заглушая ее, Стебловичъ: — это тоже обдуманное преслѣдованіе идеи, со всѣмъ пыломъ, со всѣми жертвами ..

— Жертвами — чего? спросилъ Одоевъ.

Стебловичъ остановился. Борисъ смотрѣлъ на него и смѣялся.

— Какія могутъ быть жертвы изъ-за личной выгоды? продолжалъ Одоевъ. — Жизнію, что ли? Уголно, сьдающій своихъ дтей, чтобъ сохранить имъ отца?

— Что! Вздоръ!...

— Нѣтъ, но жертвы, назовите жертвы? Однѣ только и могутъ быть: Это — нравственные сдѣлки...

— То есть, жертвы совѣстью, досказалъ Теницынъ.

Была одна секунда молчанія.

— Братецъ Александръ Васильевичъ васъ перещеголялъ, закончилъ эффектиѣе, обратился Борисъ къ Стебловичу. — Извините, а я повторю: вы еще несовсѣмъ ораторъ.

— О, вы — критикъ придирчивый! отвѣчалъ Стебловичъ.

— А что? спросилъ Одоевъ.

Борисъ смѣялся.

— Я — присяжный повѣренный, отвѣчалъ небрежно Стебловичъ: — Борисъ Васильевичъ намѣренъ поступить самъ, а куда всегда слѣдуетъ, какъ я говорю, и критикуетъ.

— И бывает такъ интересно, сказала поспѣшно г-жа Теницына.—Послѣ засѣданій. Самъ Борисъ *выходитъ* рѣдко, больше *отъ суда*. Знаете, еще не настоящая практика, ничего существеннаго...

— А вы наслушались говоруновъ? прервалъ Стебловичъ:—въ Бордо, въ Версали?

— Да... отвѣчалъ Одоевъ, разсѣянный перерывомъ разговора.

— Это замѣтно... То есть... Я не то хотѣлъ сказать! спохватился Стебловичъ, между тѣмъ какъ Одоевъ засмѣялся.—Я хотѣлъ сказать... Знаете, замѣтно, что вообще вы усвоили нѣкоторые приемы...

— Ораторскіе?

— Движенія, манера встать, опереться... Вы не находите? обратился Стебловичъ къ остальной компаніи.

Онъ конфузился. Г-жа Теницына ничего не понимала, Лизавета Павловна ничего не слушала; Борисъ смотрѣлъ на него въ упоръ и по своему улыбался.

— Я нахожу, сказалъ весело Одоевъ.—Но позвольте, я, какъ ораторъ, произнесу рѣчь. Я нахожу, что наша встрѣча, наши воспоминанія, споры, толки не только любопытны, но и поучительны, преисполнены глубочайшаго смысла, а, главное, умилительно похожи на нравоучительныя повѣствованія, которыя предлагались публикѣ во времена дно: трое товарищей, разлученные обстоятельствами, гонимые бурей судьбы по океану житейскихъ плаваній...

— Послушай! сказалъ Теницынъ.

— Дай кончить... Житейскихъ плаваній... Ну, вотъ, и сбиль! Вѣдь знаешь, что прерывать оратора не дозволяется?... Словомъ—сошлись, и каждый во что гораздъ. Я нахожу, что это даже полезно.

— Для чего? спросилъ Стебловичъ.

— Да хоть бы для того, чтобъ оглянуться, провѣрить прошедшее; въ родѣ исповѣди: что я такое? правъ, виноватъ, честенъ, безчестенъ? Что я сдѣлалъ, чего не сдѣлалъ, не могъ, не успѣлъ, не хотѣлъ, не умѣлъ...

— Словомъ, дѣломъ и помышленіемъ, выговорилъ сквозь зубы Стебловичъ.

— Ну, да, да. Это полезно. Слишкомъ ужъ мы, человѣки, расположены скоро забываться. Намъ надо толкать, чтобы, время отъ времени, мы оцѣнивали наши дѣлишки и побужденьица.

— Что ужъ такъ презрительно! возразилъ Стебловичъ.

— А какъ же сказать? «Подвиги»? Извините—не могу. Нѣтъ ли слова еще помизернѣе «дѣлишекъ»? Конечно, нынче все въ

широких раамѣрахъ: предпріятія громадныя, законность непреклонная, логика поразительная; но все это—расчетъ и выгода немногихъ, карманныя вождельнія, взаимное пожирание, взаимная ненависть, ложь... Доказательства на лицо: какъ стало опять тѣсно, темно! неужели вы не замѣчаете...

— Лизанька, тебѣ, я полагаю, пора заняться, переодѣться, сказала г-жа Теницына.—Я думаю, сейчасъ зайдутъ...

— Я знаю.

— Потому что я хотѣла сама... Вамъ угодно еще чаю? обратилась она къ Одоеву.

— Виновать... благодарю... Я задержалъ васъ, сказалъ онъ, торопливо допивая.—Да, ужъ десятый часъ.

— И потому я прошусь съ вами... Но мы еще увидимся, заговорила она особенно привѣтливо, какъ случается съ хозяйками на прощанье:—вѣдь вы еще неуйдете?

— Сейчасъ? нѣтъ... Въ самомъ дѣлѣ, я тебѣ не мѣшаю? спросилъ онъ Теницына.

— Полно, сдѣлай милость, отвѣчалъ онъ нетерпѣливо.

— Такъ, можетъ быть, возвратясь, мы еще застанемъ васъ здѣсь? продолжала любезничать г-жа Теницына.—Вотъ и безпременно будетъ; вы отъ насъ прямо отправитесь въ вашъ вояжъ...

— Нѣтъ, кажется, это будетъ ужъ поздно, Ольга Аванасьевна.

— Въ такомъ случаѣ, прощайте, мой добрый. Случится ли еще въ жизни встрѣтиться... Или нѣтъ, лучше, до свиданія, вы къ намъ зайдете... непременно заѣжайте, оттуда...

Лизавета Павловна давно ушла.

— Какъ мило—огонекъ въ зелени! закричала г-жа Теницына, оглядываясь съ конца дорожки на спичку, которую зажигалъ Стебловичъ.—Михайлъ Семеновичъ, вы вѣдь съ нами?

— Приду, Ольга Аванасьевна.

— И Борисъ?

Борисъ не отвѣчалъ. Въ бесѣдѣ нѣсколько минутъ проходила прислуга, убирая со стола. Стебловичъ пощупалъ траву, застегнулъ куртку подъ горло и курилъ. Всѣ молчали.

— Время подералось... сказалъ Теницынъ, стоя и глядя въ темнѣющій садъ.—Я тебя провожу въ вокзалъ.

— Проводи, сказалъ Одоевъ.

Онъ тоже смотрѣлъ въ темноту. Какъ-то вдругъ оборвалось его оживленное настроеніе.

— Давно у тебя этотъ домъ, Саша? спросилъ онъ.

— Маменька купила тогда, безъ меня.

— Не великъ?

— Не великъ. Впрочемъ, расположенъ хорошо.

— Что, здѣсь въ N., живетъ еще ктонибудь изъ старыхъ товарищей?

— Какъ же, многіе.

— Чтѣ дѣлаютъ?

— Служать. И въ земствѣ.

— Я сегодня, какъ шелъ съ вокзала, встрѣтилъ нашего отца... отца Геронтія? Такъ?

— Такъ, отвѣчалъ Теницынъ.—Какъ ты его вспомнилъ? что-жь, вы съ нимъ поговорили?

— Нѣтъ. Онъ меня и не узналъ.

— Жаль. Онъ былъ бы очень доволенъ побесѣдовать, сказалъ, засмѣявшись, Стебловичъ:—и ради любознательности, и въ нѣ-которомъ родѣ, честь: ученикъ его удостоился побывать во всѣхъ краяхъ міра. Онъ нынче—первый нашъ кафедральный протоіерей.

Одоевъ замолчалъ опять. Далеко слышалось, какъ на улицахъ гремѣли дрожки, но въ саду становилось все тише; изрѣдка въ кустѣ шевелилась птица; въ блѣдномъ небѣ горѣла золотая звѣзда; другая выше чуть свѣтилась бѣленькой точкою.

— Южный крестъ, говорятъ, хорошъ, сказалъ Теницынъ, поднимая тоже голову.

— А вотъ когда-нибудь посмотрю, отвѣчалъ Одоевъ.

Стебловичъ засмѣялся опять.

— Еще планы? сказалъ онъ:—одинъ путь еще не совершенъ, а ужъ другой затѣвается.

— А чтѣ-же?.. Но, послушайте, господа, началъ онъ вдругъ, будто рѣшаясь и сбрасывая съ себя что-то тяготящее:—слушайте, я вѣдь откровененъ...

Огонь, который онъ зажигалъ въ эту минуту, освѣтилъ его разстроенное лицо.

— Меня сейчасъ смутило... Въ эти два-три часа, оттого ли, что мы встрѣтились, *свои*, припомнили, поспорили по старому; обстановка ли эта бѣдная, родная... Словомъ, я еще никогда такъ не оглядывался! Себя я давно оцѣнилъ, я—отпѣтая лѣнь, но понятіе-то во мнѣ живо! Я чувствую, что тоски, которая теперь поднялась во мнѣ—не выкинуть изъ души, не заглушить ничѣмъ, сколько ни шататься по свѣту...

— И это явилось такъ вдругъ? спросилъ Стебловичъ.

Одоевъ былъ занятъ своею мыслью и не замѣтилъ тона вопроса.

— Нѣтъ, конечно, не вдругъ, отвѣчалъ онъ:—часто думалось и прежде, но въ одиночку, а нынѣшній вечеръ рѣшилъ. Такія минуты, рѣшительныя, бываютъ. Признаемъ-же мы ихъ у великихъ людей; почему-же не случаться имъ и у простыхъ

*

смертных?.. Скучно, больно, стыдно!.. Тамъ, за морями... ну, пожалуй, и тамъ не прелестно, да то — чужое; Богъ съ нимъ. Но свое!..

— Что-жь, свое... отозвался устало Стебловичъ.

— Мы говорили чтѣ.

— Какъ, неужто въ самомъ дѣлѣ васъ могъ разстроить нашъ споръ? споръ, въ самомъ дѣлѣ будто выхваченный изъ «добраго стараго времени», споръ безъ начала, безъ конца, безъ повода? споръ, въ которомъ ничего не выяснилось...

— Потому что слишкомъ много надо связать! потому что всего не пересчитаешь, не назовешь, не только-что не выразишь! Но много ли, мало ли, мелочи, вздоры, намеки и того довольно! Намъ все ясно, и мы другъ друга поняли. Поняли, да! Я вамъ говорю — чтѣ со мною. Наша несостоятельность, измелчаніе, разединеніе... Жалость — погибли силы дѣлаго поколѣнія. И стыдъ—это поколѣніе—мое и я самъ такой же, ни на чтѣ негодный!

— Романтики назвали-бы это исповѣданіемъ и покаяніемъ, сказалъ Стебловичъ.

— По вашему, по судейски—резюмѣ! вскричалъ Одоевъ.—Я говорю не для шутокъ.

— Извините, я не имѣлъ намѣренія шутить, возразилъ Стебловичъ, вставая и подходя къ нему: — я не имѣю права шутить, полагая, что вы говорите искренно. Но позвольте объяснить вамъ, что вы ошибаетесь. Вы не обидитесь, надѣюсь: общій вопросъ...

— Говорите.

— То, чтѣ вы выразили сейчасъ, я ужъ слыхалъ отъ нѣкоторыхъ. И, признаюсь, въ этихъ сожалѣніяхъ, меня всегда изумляло—какъ могутъ такъ заблуждаться люди уже не первой молодости, иные даже далеко не молодые. Для человѣка мыслящаго обязательно съ теченіемъ времени мѣнять свои убѣжденія, свои понятія о вещахъ...

— Черное и бѣлое и черезъ тысячу лѣтъ будетъ тоже черное и бѣлое!

— Да! Но вопросъ: точно ли бѣлое то, чтѣ мы, въ года нашей незрѣлости, считали бѣлымъ? эти идеалы... я называлъ ихъ горячкой (вамъ не понравилось, я замѣтилъ)—но они хуже горячки, это—химеры, ни съ чѣмъ несообразныя. И люди стоятъ за нихъ—удивительное упорство привязанности! «Прошлое», да «прошлое»—безъ прошлаго несть спасенія! Манія какая-то. Въ зрѣломъ возрастѣ, ну, право, забавно... Извините!.. Но, право, пора разглядѣть, какъ всѣ эти прошлыя стремленія, надежды всѣ эти, были неосуществимы, преувеличены...

— Что это? все одно и то же, все мы вертимся на одномъ мѣстѣ! вскричалъ Одоевъ:—мнѣ сто разъ повторять: «неосуществимы», а я сто разъ отвѣчу: никто не пробовалъ осуществлять...

— Не пробовалъ? Полноте! возразилъ, захохотавъ, Стебловичъ:—какія чудеса творились!.. Вы не могли ихъ не знать и забыть вы ихъ не могли; вы не можете отрицать...

— Дѣтскія выходки, крайности — не выраженіе идеи, и вы очень хорошо понимаете, что рѣчь не о нихъ! Вы тоже, какъ свои пять пальцевъ, знали, въ чемъ состояла идея; вы знаете, что только тогда говорятъ: «идея осуществилась», когда она строго, ясно, честно войдетъ въ нравы, въ сознание массы, въ основу всякаго начинанія...

— И вы убѣждены, что еслибы такъ случилось...

— А вы?

— Глубоко убѣжденъ, что это было бы величайшее несчастье. Одоевъ не отвѣчалъ. ;

— Объяснять это долго, хотя и не трудно, продолжалъ Стебловичъ:—еслибы (вы жили, какъ вы говорите, дома, то увидѣли бы сами, что нашей массѣ, вообще, никакія идеи не доступны. Наша масса тупа, понимаетъ однѣ крайности и способна на однѣ крайности. Весьма ограниченное меньшинство развитыхъ людей, въ свою очередь (надѣюсь!), тоже имѣетъ право на существованіе и, натурально, стоять за него... Вы назвали это «карманнымъ вождѣлѣніемъ» и «взаимнымъ пожираніемъ». Забавно, но невѣрно. Надо смотрѣть безпристрастно. Конечно, настоящее время имѣетъ свои недостатки... (совершенства никогда не было, не будетъ и быть не можетъ! замѣтилъ онъ твердо и нѣсколько торжественно). — Слѣдовательно, необходимо мириться съ тѣмъ, что есть. Вы—противъ примиренія, но... что-жь дѣлать!.. мы миримся. Мы помнимъ, поэтъ сказалъ, что кто плачетъ надъ развалинами, тотъ ничего не построить. Поэты, пожалуй, говорятъ тоже, что грандіозныя развалины красивѣе новѣйшихъ прямолинейныхъ построекъ, но мы имѣемъ смѣлость думать, что онѣ неудобны для жилья... Такъ и прошлые идеалы, можетъ быть, очень возвышенны, но... мы предпочитаемъ строить, а не мечтать. И мы уже кое-что сдѣлали. У насъ уже выработались въ самомъ дѣлѣ *новые* люди, чуждые иллюзіи, люди строго-последовательные, сильные, дѣйствующіе не зря, а во имя порядка... можетъ быть, безпощадные, но таковы всегда бойцы переходныхъ временъ. Побѣдъ одержано ужъ много, побѣдъ прочныхъ. Взглянемъ смѣлѣе. Будущее не такъ мрачно, какъ вы полагаете, и — первый его залогъ — мы воспитываемъ себѣ дѣльную молодежь. Она замѣнитъ насъ и завершитъ наше дѣло!..

— «Я кончил!» подсказалъ Борисъ, отрывистымъ тономъ зачитника, заключающаго рѣчь.

Стебловичъ обернулся въ сторону, гдѣ свѣтилась папироска.

— Не остроумно, Борисъ Васильевичъ!

Борисъ тихо смѣялся.

— Вы имѣете что-нибудь возразить? спросилъ его Стебловичъ.

— Напротивъ, я могу только благодарить отъ имени молодого поколѣнія.

— Не благодарите, горячо обратился къ нему Одоевъ:— молодой человѣкъ! молодое поколѣніе! берегитесь вашихъ воспитателей. Осмотритесь, что изъ васъ выходитъ. Я видалъ, встрѣчалъ; птенцы ужъ есть такіе, оперились, молодые да ранніе... Не бѣдняки! Тѣ, говорятъ, масса—тѣ понимаютъ только крайности! А я вамъ говорю: эта масса развита получше васъ; она думаетъ; она вамъ спасибо не скажетъ за ваше презрѣніе... Не бѣдняки, а вы, избранные, дѣльные, вы—будущія надежды, которымъ внушаютъ, что наши идеалы—недѣльность... чѣмъ ихъ для васъ замѣняютъ? Какіе ваши идеалы? Нажива, карьера, роскошь! а за ними слѣдомъ — праздность, отупленіе чувства, растлѣніе мысли, развратъ... не страстность, а чувственность!.. Матерьяльность... не матерьялизмъ: для отрицанія надо *знать* и мыслить! не сомнѣніе, а холодное отсутствіе всякаго вѣрованія... Предчувствуете вы, до чего вы дойдете? И ужъ дошли; ужъ одинъ мнѣ какъ-то сказалъ: «La mort est une chose curieuse...» Вы броситесь въ погоню за смертью, не во имя идеи, даже не изъ молодой отваги, а отъ нечего дѣлать, съ отчаянія отъ вашей собственной пустоты!

— Это было бы ужасно... сказалъ очень серьезно Борисъ:— я чрезвычайно благодаренъ вамъ за объясненіе, но тоже возьму смѣлость замѣтить, что вы забываете послѣдовательность, которую, сколько мнѣ извѣстно, ваше поколѣніе ставило очень высоко: вы отнимаете отъ молодого поколѣнія право самому выбрать себѣ путь, какой признаетъ лучшимъ.

— Да, да! подхватилъ Стебловичъ:— совершенно справедливо! А это — замашка старческая. Видите ли, любезнѣйшій Ивагъ Ивановичъ, какъ легко состарѣться, люблюсь только на свое, да навязывая свое!.. А покуда...

Онъ протанулъ руку.

— Простимся. Намъ пора: наши дамы дожидаются. Отъ души желаю встрѣтиться съ вами еще черезъ много лѣтъ и также дружески побесѣдовать...

— Прощайте, сказалъ Одоевъ:— а встрѣтимся ли...

— Э, что вы съ вашей философией отчаянія! по пословицѣ: «гора съ горой...»

— Ахъ, позвольте, прервалъ Ворисъ, ужъ выходи за Стебловичемъ на дорожку: — еще одно слово. Вы раздѣлили *вашихъ* на четыре категоріи...

— Не забылъ, аккуратный человекъ! отозвался Стебловичъ: — Идемъ, идемъ, дамы ждутъ.

— Сейчасъ!.. Запропавшіе, лѣнливые, смиренные.. а четвертая?

— Отступники, отвѣчалъ Одоевъ.

Оба засмѣялись.

— Ну-съ, до свиданія, повторилъ Стебловичъ.

Они уходили скоро, разговаривая и продолжая смѣяться; ихъ голоса и тѣни пропадали въ темнотѣ; стукнула калитка, все затихло. Очень далеко звенѣли трубы военнаго оркестра.

— Саша, покажи мнѣ свое жильѣ, сказалъ Одоевъ:—что-жь, я такъ и уѣду, не увижу?

— Пойдемъ, отвѣчалъ Теницынъ.

Онъ устало поднялся съ скамейки. Они пошли къ балкону, молча. Гостиныя комнаты были темны, въ другихъ, слышалось, перебранивалась прислуга. Теницынъ поискалъ спичекъ, нашель; ни одна не зажигалась.

— Сейчасъ, подожди, сказалъ онъ, уходя.

Одоевъ воротился на балконъ, будто, въ самомъ дѣлѣ, чего-то ожидая. Раздумье, неопредѣленное, холодное, но томящее, одолевало его тѣмъ сильнѣе, что было непривычное. Изъ-за своей собственной шумной, пестрой жизни, вдругъ выглянулъ уголокъ жизни чужой, однообразной, какъ дождевыя капли, тусклой, какъ эта бѣлесоватая ночь. Весна, а воздухъ полонъ дыханія снѣга, недавняго и скоро будущаго. Нравственный воздухъ — тотъ же холодъ, сырой, зловѣщій.. И человекъ въ немъ пропадаетъ.

Гостиная освѣтилась.

— Ты здѣсь? спросилъ Теницынъ.

— Здѣсь, отвѣчалъ, возвращаясь, Одоевъ.

Въ гостиной были филейныя драпировки, ковровая скатерть на столѣ предъ диваномъ, яркія кресла полукругомъ, незажженная лампа съ огромнымъ шаромъ, пустыя канделябры на подзеркальникахъ, все неизбежное убранство дома, гдѣ желаютъ жить прилично.

— Развѣ мы тутъ съ тобой усядемся, Саша? спросилъ Одоевъ:— пойдемъ къ тебѣ.

— А что?

— Парадно. Пойдемъ, гдѣ лоуютъѣ.

— Но у меня нѣтъ особой комнаты. Развѣ въ кабинетѣ къ Борису?

Одоевъ отодвинулъ кресло и сѣлъ.

— Саша, ты всегда такой... неразговорчивый?

— Да что же? Я вѣдь говорилъ... возразилъ Теницынъ, смущенно улыбаясь:— спорили... Я, признаюсь, отвыкъ отъ такихъ споровъ.

— Здѣсь, я думаю, и поспорить не съ кѣмъ.

— Пожалуй, есть, но не переспоришь.

— Хорошо спѣлись?

— Да, отвѣчалъ Теницынъ:— а самъ я... Ты правду сказалъ. Я— смиренный.

Онъ махнулъ рукой.

— Саша, что ты? прости, ради Бога. Ты же напомнилъ, что въ разговорѣ о вопросахъ общихъ...

— Ну, полно. Ты не зналъ, но ловко попалъ... особенно ловко, прибавилъ онъ, громко и горько засмѣявшись:— и я не выдержалъ тоже... Должно быть, ты меня разбудилъ, а то я не имѣю привычки выговаривать что чувствую.

Онъ всталъ въ волненіи и прошелся.

— Признайся, ты думалъ, что я ужъ ничего не чувствую? спросилъ онъ, остановясь противъ Одоева.

— Какъ тебѣ не стыдно, Саша! Я всегда на тебя надѣялся, всегда былъ увѣренъ... Ты все тотъ же.

— Разочаруешься. Далеко я не тотъ. Укачало. Тѣ пять годочковъ были хороши, да и потомъ не лучше... Надѣяться на меня больше нечего, а презирать меня— должно. Только знай... Десятокъ лѣтъ не видались, столько же не увидимся.. Знай: передъ тобой несчастный человекъ, который всякую минуту помнить и мучится тѣмъ, что онъ... Ну, такъ-то рѣшительнѣе, лучше!

— Саша, что съ тобой? что ты?

— Нынче день такой, продолжалъ Теницынъ, рассказывая:— ты сказалъ: «оглянуться!» и, говоришь, самъ оглянулся. А я— давно гляжу. Знаешь что... Но, сдѣлай же милость, поговоримъ реально. Что мы все прощаемся по облакамъ. Вѣкъ денежный, я— чиновникъ, душа продажная... Поговоримъ, Ваня, о денежкахъ, сдѣлай милость!

Онъ хохоталъ.

— Ты лѣтъ сюда, хотѣлъ мнѣ руку показать, а она въ грязи... И надо же, какъ нарочно, сегодня!.. Въ самой свѣженькой грязи. Право, какъ нарочно, ты тутъ очутился; ну, а душу отведу, хоть кому-нибудь скажу, какъ я себѣ противенъ...

— Саша, вѣдь я не понимаю ничего. Ты не забывай, что реального, preliminaryнаго ничего мы не говорили.

— Э, что тамъ, предварнае.. Ну, вотъ, смотри кругомъ: все это нужно, жить какъ люди нужно, жена молода, дѣти вырастутъ... Ты слыхалъ это, читалъ? Вотъ тебѣ и все. И выводы заключеніе: деньги нужны. Того, что есть, говорить, мало; говорить... Ну, что бы ни говорили! То, что есть—не мое.

— У тебя есть твое, трудовое.

— Трудовое, другъ, невелико. Трудового можетъ хватить только тогда, когда его берегутъ, дѣляютъ, когда дѣлать работника... Ты меня поздравлялъ, что я женатъ... Ну, я женатъ!

— Какъ ты женился?

— На что тебѣ это? Женатъ. Ты видѣлъ. Вотъ гостиняя. Общество бываетъ. И я бываю въ обществѣ. Для этого нужны средства.

Онъ все рассказывалъ.

— Всякій день повторяютъ: «нужно». Всякій день доказываютъ тебѣ, что ты—ничтожность... И нѣкуда уйти, запереться... А тамъ является основательный человѣкъ, мудрецъ, увѣщатель, и начинаетъ высокимъ слогомъ:—разбери, моль, себя; развѣ ты самъ, своей особой, не желаешь тоже удобства, почета? Неужели ты имѣешь наивность предполагать, что ты безкорыстенъ? разбери себя: тебѣ только досадно, что ты не умѣешь дѣйствовать, какъ другіе...

— Это Стебловичъ проповѣдуетъ? прервалъ Одоевъ.

— Охъ, Ваня!.. почти вскрикнулъ Теницынъ, садясь и бросая на столъ руки, а на нихъ свою голову.

Одоевъ взялъ эти жалкія руки.

— Ну, полно. Лучше высказывайся. Полно, Саша, посмѣемся. Что бы ни проповѣдывалъ Стебловичъ, не такой ты человѣкъ, славный мой Саша...

— По его милости, я... я—то, какъ я себя называлъ, отвѣчалъ Теницынъ, не оглядываясь:—до нынѣшняго дня... Ну, представъ же, какъ нарочно, до нынѣшняго дня! у меня еще доставало силы отбиваться, отмалчиваться, отмаливаться...

Онъ вскочилъ опять.

— Слушай все. Лучше рассказать. Сегодня... обѣдъ-то намъ давали, шампанскимъ поили!.. Купецъ есть одинъ. Стебловичъ ведетъ его дѣла... Я вератцѣ!.. Объявился банкротомъ. Тебѣ вѣдь все равно подробности?.. Какъ водится, злостное. Конкурсъ. Продается все. Продается домъ: стоитъ полмилліона, оцѣненъ въ полтораста тысячъ. Нужно найти на него покупщика. Стебловичъ нашелъ меня.

— Тебя? Но вѣдь у тебя нѣтъ полтораста тысячъ?

— Наивенъ ты! возразилъ Теницынъ:—а мнѣ самому за это

сегодня дали пять, да еще угостили; вотъ мы какъ! Клиентъ для этого прѣѣзжалъ сюда, инкогнито; адвокатъ свезъ меня къ нему, познакомилъ, и я получилъ изъ рукъ въ руки сполна. Ну, обявалъ, одно слово: обявалъ! Дружески устроилъ такъ, что мнѣ заплачено впередъ, до развязки. Истинно, по дружески, потому что вѣдь по развязкѣ-то, меня могли бы и надуть, ничего не дать, понимаешь?

— Понялъ, отвѣчалъ Одоевъ:—но вѣдь и ты, при развязкѣ, можешь надуть еще лучше: оставить себѣ этотъ домъ.

— Какъ ты меня презираешь! вскричалъ Теницынъ: — да, Стебловичъ ужъ меня предупреждалъ, чтобъ я не вздумалъ этого сдѣлать. Онъ меня выбралъ... ну, по дружбѣ, «желая доставить» и прочее... а больше потому, что у меня нѣтъ смекалки плутовать. Но все-таки предупреждалъ, потому — чего добраго, могу и я вдохновиться, благо, первый шагъ удаченъ... «Канальство, заманчиво!» Помнишь Гоголя?.. Чтѣ-жь, посмѣемся!

— Полно... выговорилъ Одоевъ:—что у него... у того, только жъ есть, что этотъ домъ?

— Три такихъ, и магазины, и не знаю еще чтѣ. Такого, говорить, обирать не грѣхъ. Не я возьму—возьметъ другой.

— И все оцѣнено въ такомъ же размѣрѣ?

— Я думаю... Да, Стебловичъ говорилъ.

— Чтѣ же получать кредиторы?

— Гроши получать... Однако, послушай... довольно! Мнѣ вѣдь не весело.

— Ты самъ началъ, возразилъ Одоевъ.—Кто жъ такой, купецъ этотъ?

— Московскій, Питеримовъ.

— Питеримовъ? повторилъ Одоевъ, поднявшись съ мѣста:—вотъ тебѣ разъ! Питеримовъ?!

Теницынъ обернулся.

— А что? Знакомый?

— Ужъ очень! отвѣчалъ, захохотавъ, Одоевъ:—полгода, какъ я отдалъ ему въ оборотъ все мое состояніе.

— Ваня!

Одоевъ продолжалъ хохотать.

— Ваня, не можетъ быть! Можетъ быть, не тотъ!

— Питеримовъ одинъ и есть въ Москвѣ... Славно, ей-Богу, славно! Вотъ такъ сюрпризъ!

— Ты шутишь? Это ужасно! Нѣтъ, ты шутишь... невозможно! Какъ же ты не зналъ...

— Какъ же я могъ знать? Прошлой осенью, онъ ѣлъ виноградъ въ Монтрѣ; мы тамъ встрѣтились. Онъ предложилъ мнѣ

восемь процентовъ, вмѣсто казенныхъ пяти; я и отдалъ ему свои билеты.

— Но ты имѣешь же вексель?

— Что-жь мой вексель? Мнѣ его рассчитаютъ на гроши, а то и вовсе откажутъ...

— Какъ же ты его не представилъ въ-время? Какъ не поумалъ... Вѣдь ты читаешь...

— Ахъ, другъ любезный, я читаю, но не всякую же дребедень.

— Но, вѣдь ты переписывался съ нимъ...

— Съ бѣмъ?

— Съ Питеримовымъ.

— О чемъ? Я взялъ за годъ впередъ свои проценты. Какія еще писать ему душевныя изліянія...

— Ваня, вскричалъ Теницынъ, бросааясь ему на шею:—Вана! Онъ рыдалъ.

— Ваня, прости меня!.. убей меня! Я въ ногахъ у тебя прошу...

— Чтò ты, Богъ съ тобой, вскричалъ Одоевъ, подхвативъ его:— полно, Саша, другъ мой, перестань... Да будетъ же, душа моя, не ребячься!

— Ты—нищій, по моей милости, ты—нищій...

— Что ты съ ума сходишь? еще далеко не нищій. А по твоей ли милости.. Эхъ, ты, новичокъ! самъ же сказалъ: не ты, такъ нашелся бы другой, такъ ты тутъ при чемъ же?.. Дурно не то: самъ ты видалъ виды, а сплочовалъ, приложилъ руки къ гадкому дѣлу. Вотъ чтò обидно, вотъ чтò больно... Да ну, довольно же. Я тебѣ говорю: не ребячься. Я посмотрю, чтò можно поправить...

— Да, это непременно надо поправить, вскричалъ, оживляясь, Теницынъ:— это можно поправить, время не ушло... Ты былъ за-границей; срокъ заграничнымъ дается долгій... это все поправится...

— Ну, не мечтай, еще увидимъ; я узнаю...

— Ваня, не уѣзжай, спроси завтра Стебловича...

— Стебловича? повторилъ Одоевъ:—нѣтъ, мой другъ, Стебловича я не спрошу. Вѣдь онъ ведетъ дѣло? Онъ все зналъ и могъ бы меня предупредить.

— Но гдѣ-жь было взять адресъ...

— Можно было справиться въ редакціи газеты, гдѣ я мѣсяца два назадъ помѣщалъ подписанныя письма. Стебловичъ ихъ читалъ, онъ самъ сказалъ. Онъ все зналъ... и цѣлый вечеръ смотрѣлъ мнѣ въ глаза!.. Ну, все равно. Онъ очень послѣдовательно поровнялъ стараго пріятеля съ прочими смертными. Я-

то—не нищій, но будутъ, конечно, и такіе, что съ сумой пойдутъ... Интересно, сколько взялъ самъ Стебловичъ?

Онъ принялся ходить по комнатѣ, молча. Теницынъ сидѣлъ, потупивъ голову. Часы пробили одиннадцать, Одоевъ посмотрѣлъ на свои.

— Пора мнѣ, однако, зайти за своимъ мѣшкомъ и ѣхать... Саша, полно, говорятъ тебѣ, не дури. Дѣло сдѣлано, не продолжай только!.. Прости, слово сорвалось... Пусть тебя пилать, пусть хнычуть, постой за себя. Я буду приѣзжать, тебя растапливать. Теперь, конечно, мы съ тобой не на года расстаемся; мнѣ теперь, конечно, ужъ не до полуночнаго солнца...

— Ваня, это ужасно! Всѣ твои желанія, твои привычки... Ты, такой живой, такой беззаботный...

— Ну, какъ тебѣ не стыдно? Сколько же тысячъ людей, миллионовъ людей живутъ и вовсе безъ всякихъ привычекъ? За кого-жь ты считаешь меня, въ самомъ дѣлѣ? «Беззаботный»? Ну, пора и угомониться!.. Нѣтъ, это я самъ вздоръ сказалъ: не угомониться, а пора быть человѣкомъ. Вотъ судьба какъ нарочно на это навела: усядусь поневолѣ. Но я не запропаду. Я оглянулся. Оглянуться тоже, что принести присягу. Мнѣ стало легко; я покажу, какъ должны жить люди моего поколѣнія. Работать съумѣю, голова не пуста, руки крѣпки. Я видалъ, какъ люди дѣлились послѣдней рубашкой, какъ люди умирали за идеаль... не напрасно я это видѣлъ. Я пригожусь... Пригожусь молодымъ, не такимъ, какъ твой братецъ Борисъ Васильевичъ, а тѣмъ, что стремятся и вѣрять. Для нихъ, я—не лишній; въ догорающей лампадѣ больше смысла, чѣмъ въ праздничной плашкѣ... Ну, Саша, прощай. Теперь не надолго.

Теницынъ плакалъ.

— Но куда-жь ты теперь?

— Какъ куда? въ Москву, на бой съ Питеримовымъ, весело отвѣчалъ Одоевъ: — а тамъ, какъ случится; напишу, приѣду... лучше, приѣду.

— Приѣзжай... Но теперь, что же? хотѣли идти вмѣстѣ. Я тебя провожу.

— Нѣтъ, ужъ поздно. Ты вѣдь такъ не умѣешь торопиться, какъ я. Гдѣ вамъ, сидимъ, а мы—люди бывалые. Прощай. Я тутъ пройду, знакомой дорогой.

Онъ сбѣжалъ съ балкона въ садъ.

Теницынъ пошелъ за нимъ, еще обнялся, хотѣлъ еще сказать, самъ не зная что, и не успѣлъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ ужъ хлопнула калитка и лай дворняшки возвѣстилъ, что Одоевъ достигаетъ улицы. Теницынъ воротился въ домъ и остановился на порогѣ своей полутемной гостиной...

В. Крестовскій.

СЪВЕРНЫЙ ВОПРОСЪ ПОСЛѢ ВОСТОЧНАГО.

Еслибы наука — не говоримъ исторія, которая доселѣ понималась и практиковалась, какъ специальная академическая область знанія, въ слишкомъ узкомъ смыслѣ—разсматривала процессъ исторической жизни человѣчества и отдѣльныхъ его группъ во всей полнотѣ и разнообразіи этого необыкновенно сложнаго процесса и еслибы правящія человѣчествомъ единицы и группы, въ видахъ установленія того или другого, болѣе или менѣе спасительнаго режима для государственной и общественной жизни, руководствовались тѣми же приемами, какими руководствуется хорошей врачъ для указанія своему пациенту наиболѣе спасительнаго режима только послѣ самой тщательной діагнозы его прошедшей и настоящей жизни, субъективныхъ качествъ его природы, темперамента, питанія, окружающей среды и проч. — то, безъ сомнѣнія, историческая жизнь человѣчества успѣла бы достигнуть иныхъ результатовъ, чѣмъ тѣ, до какихъ ей, съ такими страшными усиліями и невознагражденными потерями, удалось доплыть буквально черезъ рѣки крови и моря слезъ. Мы говоримъ это въ томъ смыслѣ, что въ судьбахъ человѣчества невѣдѣніе всегда являлось тою всемогущею силою, называемою историческимъ рокомъ, передъ которою весь коллективный человѣческій геній, вооруженный наукою и всѣми приобрѣтеніями ума человѣческаго, до сихъ поръ игралъ роль ничтожества. Говоримъ это тѣмъ съ большимъ убѣжденіемъ, что, еслибы правящія судьбами Европы единицы знали нѣсколько больше истинную, а не псевдо-прагматическую исторію этой части свѣта, еслибы—беремъ для примѣра одно изъ тысячи историческихъ явленій, самое близкое къ намъ—еслибы, повторяемъ, они знакомы были съ процессомъ развитія и періодическими напряженіями хотя бы только того историческаго мускула (допускаемъ этотъ терминъ), который называется «славянскою идеею», то мы не переживали бы теперь того, что, волей-неволей переживаемъ, какъ неотвратимый актъ историческаго возмездія.

Мы видимъ теперь, какъ дорого приходится Европѣ приведеніе названнаго нами историческаго мускула въ нормальное состояніе; но чего будетъ стоить послѣдній категорическій отвѣтъ жизни на такъ-называемый «восточный вопросъ», осложнившійся и обострившійся въ «вопросъ славянской»; какихъ народныхъ напряженій и жертвъ потребуетъ окончательное разрѣшеніе этого запутаннаго биннома Ньютона — никто не знаетъ. А между тѣмъ рядомъ съ этимъ бинномомъ невѣдомая рука чертитъ новую строку Ньютона, при чтеніи которой не надо быть пророкомъ Даніиломъ, чтобы видѣть, что роковое человѣческое невѣдѣніе неизбежно ведетъ Европу къ тому, что, быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ и, намъ кажется, въ очень недалекомъ, это самое невѣдѣніе, задастъ новый вопросъ — «сѣверный» «на сѣвнѣ восточнаго», и Эдипомъ опять долженъ будетъ явиться Круппъ съ своею пущей. Кто не помнитъ, какъ въ свое время невѣдѣніе глумилось, и подчасъ остроумно и зло, надъ «славянскимъ вопросомъ»? А оказалось, что оно «надъ собою смѣялось». Теперь этому невѣдѣнію предстоитъ поглумиться надъ «сѣвернымъ вопросомъ»; но оно объ немъ пока еще ничего не слыхало, а если и слыхало, то не обратило вниманія. Дѣло идетъ къ тому, что, рано ли, поздно ли, Европѣ придется вынести новую войну — войну «сѣверную» — изъ-за обладанія сѣверными морями, которыя только на дняхъ открыты, подобно тому, какъ когда-то Венеція открыла славянъ-болгарь, о существованіи коихъ не подозрѣвала Европа и изъ-за коихъ теперь пролито столько дешевой человѣческой крови.

Для того, чтобы дать понятіе о важности «сѣвернаго вопроса», мы постараемся указать на его первоначальныя, эмбриологическія движенія, въ формѣ личинки, а потомъ укажемъ на его метаморфозу и вкратцѣ прослѣдимъ процессъ историческаго развитія.

I.

Въ самыя отдаленныя времена нашей исторической жизни, когда только начинала расти русская земля, новгородцы, олицетвореніе которыхъ мы видимъ въ Садеѣ, народно-типичномъ торговцѣ и мореходѣ, и въ Васкѣ Буслаевѣ, тоже народно-типичномъ ушкуйникѣ, уже въ XI вѣкѣ владѣли берегами Бѣлаго Моря, сдѣлавъ своими данниками «югру» и «самоядъ»; и хотя имѣли самыя смутныя понятія о сѣверѣ, хотя явно вѣрили, что «югра людье есть языкъ нѣмъ», что тамъ «суть горы зайдуче луку моря, имъ же высота яко до небесе, и въ горахъ

тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще висѣтися, и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молятъ, и естѣ неразумѣть языку ихъ, но кажутъ на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза, и аще кто дастъ имъ ножъ ли, сѣкуру ли, дають скорою (шкурами) противу»¹; хотя новгородскіе лѣтописцы и повторяли сказки въ родѣ того, будто какіе-то «мужи старіи», ходившіе «за югру и за самоядъ», *сѣми* видѣли въ полунощныхъ странахъ, какъ «спаде туча, и въ той туче спаде вѣверица млада, аки топереве рожена, и възрастни, и раскодится по земли, и паки бываетъ другая туча, и спадають оленци мали въ ней, и возрастають и раскодится по земли»²—однако, эта дѣтскость возрѣній не мѣшала «господину Новгороду-Великому» владѣть сѣвернымъ поморьемъ и извлекать торговныя и податныя выгоды, какія приносили ему эти «вѣверицы» и «оленци» своими шкурами.

Столѣтія шли за столѣтіями. Въ теченіи пяти вѣковъ, благодаря татарской податной централизаціи, золотоордынскому единству кассъ, совершилось значительное перемѣщеніе господствующихъ центровъ русской земли, такъ какъ касса спеціального сборщика неизбѣжно совмѣщалась съ престоломъ великаго князя, и, наконецъ, взамѣнъ самостоятельныхъ государственныхъ центровъ новгородскаго, псковскаго, тверскаго, владимірскаго, рязанскаго, кіевскаго и др., явился новый, автократическій центръ—Москва. И Новгородъ, и Псковъ, и Рязань, и «югра», и «самоядъ», и сѣверное поморье—все превратилось въ московское великокняжеское тягло. Скоро такимъ же великокняжескимъ тягломъ стала и Сибирь. Выдержавъ затѣмъ борьбу съ Литвою и съ поляками, которые поставили было такую дилемму, что при разрѣшеніи ея или Москва должна была сдѣлаться тягломъ Варшавы, или Варшава тягломъ Москвы—Москва окончательно стала на ноги и устремила свое «недреманное око» въ недосигаемую прежде даль для отысканія «новыхъ земляць, людншекъ и животншекъ, дабы отъ того его царскому величеству было прибыльнѣе».

И вотъ въ это время зарождается «сѣверный вопросъ», вопросъ о «студеномъ морѣ». Процессъ его зарожденія можно прослѣдить по опубликованнымъ недавно документамъ, найденнымъ въ портфеляхъ покойнаго академика Миллера, того самаго Миллера, котораго Ломоносовъ, въ жару ученаго спора, совершенно незаслуженно назвалъ «скотиною».

¹ Полное собраніе лѣтописей, I, 167.

² Id. III, 5.

Въ 1616 году, на Москву пришли неслыханныя вѣсти. Холопши государевы Ивашко Куракинъ, т. е. бояринъ и тобольскій воевода князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ, да Ивашко Булыгинъ—дьякъ, били челомъ царю Михаилу Ѳеодоровичу, писали: «Сказывалъ намъ холопиемъ твоимъ прѣзжей торговнй человекъ дворянинъ Кондрашка Куркинъ (или Курочкинъ): въ прошломъ де, государь, во 118 году, были они въ Мангазеѣ, и изъ Мангазеи пришли на Енисею къ Николѣ на Туруханъ, и поговора съ товарищи своими съ торговыми людьми, съ двиняны же съ Осипкомъ Щипуновымъ, съ товарищи, слѣлавъ кочи (суда), пошли на промыслъ въ Пэсиду рѣку и шли внизъ по Енисеѣ до енисейскаго устья четыре недѣли и пришли на енисейское устье о петровѣ заговѣнѣ, и устье енисейское занесло изъ моря льдомъ, а ледъ давной, ни о которую пору не изводитца, въ толщину сажень тридцоти и больши. А падетъ до Енисея въ морскую губу, а губа морская того же Студеного Моря, которымъ ходять нѣмцы изъ своихъ земель кораблями къ Архангельскому городу, и проѣздъ съ моря къ енисейскому устью есть. И стояли они на енисейскомъ устьѣ недѣль съ пять, потому что изъ рѣки въ губу за льдомъ проѣхать нелючно, былъ безпрестани вѣтръ съ сивѣру, и хотѣли были назадъ воротитца; да какъ потянулъ полуденной вѣтеръ, и тѣмъ вѣтромъ ледъ изъ устья отнесло въ море, и въ тѣ поры-де и большими кораблями изъ море въ Енисею пройти мочно. А Енисея-де глубока, кораблями ходить по ней мочно жъ, и рѣка угодна, боры и черный лѣсъ и пашенные мѣста есть, и рыба въ той рѣкѣ всякая, такова жъ что въ Волгѣ, и твои государевы сошныи и промышленные люди на той рѣкѣ живутъ многіе. И отнесло-де, государь, ледъ отъ устья въ море полуденнымъ вѣтромъ одинымъ днемъ. А какъ, государь, рѣка и море прочистилоса, ледъ отнесло въ море, и они де выѣхали изъ Енисея и поворотили вправо и шли подлѣ берега губою два дни, да выѣхали въ рѣку въ Пэсиду. Пэсида въ море падетъ своимъ устьемъ. А какъ-де, государь, ледъ былъ въ Енисеѣ, и въ тѣ поры ледъ былъ и въ Пэсидѣ, а какъ изъ Енисея ледъ въ море унесло, и въ тѣ поры ледъ и изъ Пэсиды вынесло. Да намъ же холопиемъ твоимъ сказывалъ нѣмчинъ, которой, по твоему государеву указу, присланъ въ прошломъ 122 году, Сава французенинъ: тому-де лѣтъ съ семь ходили галанскіе нѣмцы кораблями моремъ къ Мангазеѣ, а хотѣли пройти въ Енисею, и пришли де того же лѣта къ себѣ назадъ; а сказывали что-де лѣто было сиверно, льдомъ ихъ въ Енисею не пропустило, а только-де дождались полуденнаго вѣтру, и имъ бы-де въ Енисею пройти было мочно. Да намъ же

холопомъ твоимъ сказывали тотъ же торговый человекъ, которой сказывалъ про енисейскую дорогу, Кондрашка Куркинъ, да тобольской стрѣлецъ Кондрашка Корела, что дей отъ Архангельскаго города въ Мангазею по вся годы ходятъ кочами многіе торговые и промышленные люди со всякими нѣмецкими товары и съ хлѣбомъ, а поспѣваютъ моремъ въ карскую губу отъ города въ двѣ недѣли, а изъ Карскіе губы въ Мутную рѣку верхъ до волоку ходятъ пять день, а волокомъ итти и кочи таскать версты съ полторы, а переволокшися волокъ, спуститца кочами въ Зеленую рѣку и итти на низъ четыре днища, а изъ Зеленыя рѣки въ рѣку въ тазъ, а тазомъ въ Мангазею, а отъ Мутныя до рѣки всего до Мангазеи ходу двѣ недѣли. Да стрѣлецъ же Кондрашка сказывалъ: видѣлъ де онъ въ прошлыхъ годахъ на Оби, ѣдучи въ Мангазею, да завороту корабельную доску, а часть, што разбило корабль; а устьѣ де, государь, Обсково никто не знаетъ, разлилась на многіе мѣста, и осторовы частые и мелко добръ, не токмо большимъ судномъ, кораблемъ или кочами ходити, а мелкими судами не мочно. Да мнѣ холопу твоему Ивашку Куракину сказывалъ встрѣтисъ со мною на дорогѣ, Степанъ Забѣлинъ; сказывали де ему въ Мангазеѣ промышленные люди, что де ихъ у Архангельскаго Города нѣмцы нанмывали въ важи, чтобъ ихъ провезти въ Мангазею, и въ Енисею проходу чаемъ нѣмецкихъ торговыхъ людей, потому что рѣка Енисея угодна, рыбы въ ней много, а живутъ по ней пашенные татарова, и звѣрь по ней дорогой, а рѣка Енисея отъ сибирскихъ городовъ отдаѣла, а имъ ходитъ съ нѣмецкими товары податно; а поспѣтъ де отъ Архангельскаго города въ Мангазею недѣли въ полпаты мочно. И по тѣмъ, государь, распроснымъ рѣчамъ, послали мы холопи твои въ Мангазею. А къ Воину, государь, Новокшенову ¹ въ Мангазею мы холопи твои писали: какъ аже дастъ Богъ ледъ вскроетца и рѣки пройдутъ, и онъ бы послалъ на енисейское устьѣ служилыхъ и промышленныхъ людей, сколько человекъ пригоже, и велѣлъ енисейскаго устья разсмотрѣть, льдомъ его не занесло ли; будетъ занесло, и онъ бы велѣлъ подождать, полуденнымъ вѣтромъ ледъ изъ Енисеи вычиститъ ли или нѣтъ; а промышленныхъ бы и торговыхъ всякихъ людей, которые часто живутъ на Енисеѣ, распросили навкрѣпо: по вся ли годы ледъ изъ енисейскаго устья вѣтромъ разноситъ или не всегда, и проходить въ Енисею съ моря кораблями и иными судами мочно ли. А про то бъ торговымъ и промышленнымъ всякимъ людямъ завазалъ на врѣиво, чтобъ

¹ Воинъ Новокшеновъ былъ въ то время воеводою въ Мангазеѣ.

нѣмцамъ въ Мангазею дорогъ не указывали ни на которые мѣста; а будутъ нѣмцы съ торчи и придуть на Енисей или въ Мангазею, и имъ съ ними торговать не велѣтъ; а будетъ мочно ихъ которыми мѣрами взяти въ городъ въ Мангазеѣ до твоего государева указу. А буде, государь, тѣ оба хода провѣдають нѣмцы и учнутъ приходить въ Мангазею многими вочами и ворабли и о томъ вели намъ холопямъ своимъ свой государевъ указъ учинить: велѣтъ ли имъ торговать, и отъ Архангельскаго города торговымъ и всякимъ промышленнымъ людямъ на тѣ дороги во Мангазею, а изъ Мангазеи въ городу съ товары и со всякимъ промысломъ ходить ли? Да буде, государь, твой государевъ указъ будетъ, что торговымъ людямъ ходити отъ Архангельскаго города съ товары и съ запасы въ Мангазею, ино, государь, мочно и твои государевы запасы въ Мангазею послати отъ Соли-Вычегоцкіе и съ Устюга рѣками Вычегодою и Двиною, а изъ Двины моремъ на Карскую губу и на Мутную рѣку, потому: волоки, по сказкѣ Кандрашки Курочкина до Кандрашки Корелы, всего полторы версты, а то все водяной ходъ, и близь, отъ Архангельскаго города поспѣвають въ Мангазею въ полпаты недѣли»¹.

Вотъ гдѣ начало «сѣвернаго вопроса». Его возбуждаетъ ревнивый евнухъ российской допетровской заменутости, царское «недреманное око», бояринъ и воевода князь Куракинъ. Мы цѣликомъ привели драгоцѣнный историческій документъ, какъ образецъ кованой официальной рѣчи нашихъ предковъ и какъ образчикъ ихъ дипломатической тактики. Сила этой тактики обнаружилась черезъ три вѣка, да еще и теперь неизвѣстно, какой оборотъ приметъ дѣло, придавленное въ самомъ началѣ тяжелой рукою неподатливаго боярина: одно несомнѣнно, что если бы нашъ доморощенный Колумбъ, «торговый человекъ двинянинъ Кандрашка Курочкинъ», не проговорился князю Куракину о своей попыткѣ пробраться изъ «Енисей рѣки» моремъ въ Архангельскъ и привелъ бы свой планъ въ исполненіе на слѣдующій за первую попыткою годъ, то Ледовитый Океанъ давно бы былъ намъ знакомъ, какъ Бѣлое Море, давно бы у насъ на сѣверѣ существовалъ свой флотъ, потому что существованіе вызывалось бы самой жизнью — морскими торговыми сношеніями съ Сибирью и отдаленнымъ восточно-азиатскимъ океанійскимъ побережьемъ, и въ 1876 году ни профессору Норденшельду, ни капитану Виггину, ни излюбленному русской молодежи популяризатору Брэмъ не пришлось бы *открывать морской путь съ*

¹ Русская историческая бібліотека, изд. археографическою комиссіею, т. II, Спб. 1875, 1049—1154.

Сибирь, потому что путь этотъ былъ бы открытъ въ свое время Кондрашкою Курочкинымъ.

Что-жь это была за Мангазея и почему князь Куракинъ такъ боялся, чтобы объ ней не провѣдали нѣмцы?

Въ XVI вѣкѣ, по завоеваніи Сибири Ермакомъ, русское господство все болѣе и болѣе ширилось къ востоку, югу и сѣверу. Русскіе воеводы ставили острогъ за острогомъ. Иностранцы приводились подъ высокую царскую руку то копьемъ, то хлѣбной и иной приманкой; бывало и такъ, что російскіе люди, приставъ подъ которою сибирскою землею, приманивали тѣхъ землицъ людей торговать и «имали у нихъ женъ и дѣтей и животы насильствомъ»; бывало и такъ, что російскіе люди, являясь къ наивнымъ иностранцамъ, «про государское величество и милость тамошнимъ князямъ, тайшамъ и инымъ многимъ людямъ сказывали, и ласку къ нимъ и привѣтъ держали великой, и тѣ князцы и тайши и иные многіе люди съ ихъ землями съ радостію великою становились подъ государскою царскою высокою рукою въ вѣчномъ холопствѣ на вѣки неотступно». Вотъ для мирнаго покоренія этихъ-то «князцовъ» съ ихъ землицами и строились все далѣе къ востоку города и остроги. Когда самоѣды, сидѣвшіе по рѣкѣ Тазѣ, сдѣлались нашими ясачными, то чтобы новое подданство сдѣлалось для нихъ наивозможно пріятнѣе, царскіе воеводы построили на Тазѣ магазинъ, куда ежегодно и привозился провіантъ изъ Тобольска черезъ Березовъ. Провіантъ этотъ раздавался самоѣдамъ, которые, взаимѣнъ хлѣба, приносили дорогіе мѣха. Познакомившись съ употребленіемъ хлѣба, котораго дикари эти прежде не знали, они оповѣстили о томъ по всѣмъ сосѣднимъ землямъ, откуда стали приходять къ магазину цѣлыя орды и, прикармливаемые хлѣбомъ, точно голуби, отдавали за безцѣнокъ самыя дорогіе мѣха и шли «въ вѣчное холопство на вѣки неотступно». Тогда вмѣсто магазина рѣшили построить тамъ городъ, «на мѣстѣ безопасномъ и веселомъ», какъ говоритъ покойный академикъ Миллеръ¹, столь ненавистный Ломоносову, и назвали этотъ городъ *Мангазеею*, т. е. по просту «магазинъ», который русскіе люди, столь нелюбившіе прежде иностранныхъ языковъ и столь полюбившіе ихъ послѣ дубинки Петра, и перевертели, по своему обыкновению, въ «Мангазею». Это было около 1600 года или нѣсколько ранѣе². Обстоятельства слагались такъ, что Мангазея предстояло великое будущее. Здѣсь образовывался тотъ нервный узелъ, къ которому должны были сходиться экономическіе нервы европейска-

¹ *Гер. Фр. Миллеръ*. Описаніе сибирскаго царства. Спб. 1750, кн. I, 391.

² *Несоломинъ*. Исслѣдованіе о городахъ русскихъ, 52.

*

го Запада и отдаленнаго востока, начиная отъ Англии и Голландіи и кончая Китаемъ, Японіею, Индіею и Америкою. Мангазея могла имѣть значеніе сѣвернаго Суэзкаго Канала—сокращеніе пути между Востокомъ и Западомъ. Величіе этого пути въ экономической жизни Европы и Азіи угадывали европейскіе умы уже въ половинѣ XVI вѣка: послѣ Колумба у нихъ развилось это чутье, и, избородивъ своими кораблями всѣ моря и океаны восточные, западные и южные, они недаромъ надѣялись сдѣлать великое открытіе и на сѣверномъ, Ледовитомъ океанѣ. Вотъ почему въ 1556 году Стефанъ Бурро, изъ Англии, и въ 1593—94 гг. Вильгельмъ Баренцъ, Корнилизъ Най и Брантъ Исбрантъ изъ Голландіи пытаются, при помощи русскихъ поморовъ, пробраться въ устье Енисея сѣверными морями; но имъ это не удается по незнакомству съ условіями сѣвернаго плаванья. За то русскіе люди открываютъ этотъ путь въ Мангазею. И вотъ въ историческихъ актахъ 1600 года мы читаемъ царскую грамоту: «Били намъ челомъ пѣнежане и мезенцы, промышленные люди, чтобъ намъ ихъ пожаловати, велѣти имъ ѣздити промышленати и торговати въ Мунгазею, моремъ и Обью рѣкою, на Тазъ и на Пуръ, и на Енисею»¹. — И царь разрѣшаетъ имъ этотъ морской ходъ. Неудивительно: разрѣшеніе это исходило отъ царя Бориса Годунова, свѣтлый умъ котораго провидѣлъ то, чего не видѣли его преемники и ихъ бояре, вродѣ князя Куракина, на три столѣтія затормозившаго развитіе нашего сѣвера и востока, затормозившаго до того, что теперь Россіи приходится строить сибирскую желѣзную дорогу, которая, по малой мѣрѣ, должна изъять изъ народной экономіи до 150.000.000 рублей и остаться бездоходною, т. е. лечь на народныя плечи, тогда какъ, не напугай князь Куракинъ царя нѣмцами, и Россія, и Сибирь, и Востокъ, и Западъ—все это воспользовалось-бы естественнымъ морскимъ путемъ, не стоившимъ бы Россіи ни копейки, а въ результатъ давшимъ бы то, что теперь и сѣверъ нашъ, и наша Сибирь давно были бы густо заселены и обогащены естественными богатствами, которыя бояринъ князь Куракинъ зарылъ своею боярскою рукою въ землю на три столѣтія. Историческій гробкопатель! Атрофировать на цѣлыя три столѣтія жизнь всего европейскаго и азиатскаго сѣвера, запереть крѣпче полярныхъ льдовъ весь Ледовитый Океанъ однимъ, какъ онъ самъ выражается, «холопскимъ челобитьемъ», да это—тоже, что задуть Колумба и Васко-де-Гаму въ волны—на это нужна своего рода геніальность...

¹ Акты историческіе, II, № 30.

Но прослѣдимъ далѣе этотъ замѣчательный процессъ записанія Ледовитаго Океана.

Пославъ къ царю вышеприведенную «отписку» 6 февраля 1616 года, князь Куракинъ не успокоивается на этомъ, и 22 марта шлетъ новую. Напомнивъ Михаилу Фёдоровичу свое первое писанье, онъ снова бьетъ набатъ: «И послѣ, государь, того (пишетъ онъ) сказывалъ намъ холопамъ твоимъ колмогорецъ Еремья Савинъ: тому де лѣтъ съ семь, видѣли они у карскіе губы копаны ямы, а сказывали имъ самоядь, что приходили-де того году на Карскую губу изъ своихъ земель на корабляхъ нѣмцы, не занявъ Архангельскаго города, имали землю въ корабли; а для чего та земля надобна, того они не вѣдаютъ. А напередъ де, государь, того года за два, были у Карскіе же губы нѣмцы, два корабля, а ни съ кѣмъ никакими товары не торговали, а для чего пріѣзжаютъ, того не вѣдаютъ, а они чаютъ того, что они для торговли мѣсть провѣдываютъ, а подлинно не вѣдаютъ. Да тому де, государь, годы съ четыре нашли промышленные люди, идучи изъ Мангазеи къ Архангельскому городу, вправѣ на половинѣ дороги на Колгуевѣ островѣ разбить льдомъ корабль, а чаютъ, что было имъ итти на Карскую-жь губу, а на немъ-де были двѣ пушки, и они де, тѣ пушки привезли къ Архангельскому городу; да чаеть де, государь, онъ, что и по сю пору и по вся годы нѣмцы къ Карской губѣ пріѣзжаютъ»¹.

Нѣмцы спать не даютъ князю Куракину. Зачѣмъ они пріѣзжаютъ? Для чего копаютъ ямы? На что имъ понадобилась земля сибирская? Все это тревожить боярина. Онъ ловить всякій слухъ о нѣмцахъ и тотчасъ же доносить о томъ царю. «Да намъ же, холопомъ твоимъ (снова пишетъ Куракинъ), сказывалъ Кондрашка Бурочкинъ (опять этотъ Кондрашка — должно быть, большой болтунъ былъ), что нѣмцы изъ своихъ земель по вся годы ходятъ многими корабли для промыслу на острова на Новую Землю, а Новая Земля стоитъ противъ енисейскаго устья». Плохо, какъ видно, князь Куракинъ зналъ географію. Но не смотря на это, онъ все-таки запугиваетъ нѣмцами молодого, девятнадцатилѣтняго царя. «И по тѣмъ (пишетъ онъ), государь, по прежнимъ и по нынѣшнимъ рѣчамъ, чаемъ мы холопи твои въ Мангазею и въ Енисею проходу торговыхъ нѣмецкихъ людей. И будетъ, государь, тѣ оба ходы провѣдаютъ нѣмцы и учнутъ приходить въ Мангазею многими кочами и корабли, и о томъ вели намъ холопомъ твоимъ свой государевъ указъ учи-

¹ Рус. истор. библ. II, 1054—1055.

нить: велѣтъ ли имъ торговать? А по здѣшнему, государь, по сибирскому смотря дѣлу, ни которыми обычай нѣмцемъ въ Монгазею торговати ѣздить поволить немощно; да не токмо имъ ѣздити, ино-бъ, государь, и русскимъ людямъ моремъ въ Монгазею отъ Архангельскаго города для нѣмцевъ ѣздить невелѣтъ-же, чтобъ на нихъ смотря нѣмцы дорогъ не узнали, и приѣхавъ бы воинскіе многіе люди, сибирскимъ городомъ какіе поруки не учинили; а въ Монгазеѣ и въ иныхъ сибирскихъ городѣхъ люди немногіе, стоятъ противъ многихъ людей нехѣмъ; да и потому: только придутъ вскорѣ какіе воинскіе люди, и изъ Тобольска и изъ иныхъ сибирскихъ городовъ помощи вскорѣ немочно, потому что Монгазея отъ Тобольска и отъ иныхъ сибирскихъ городовъ отдалѣла, болшимъ погодьемъ поспѣвать изъ Тобольска недѣль въ восемь, а коли погода живеть мало, и ходу живеть недѣль тринадцать и больши; а отъ Архангельскаго города ходъ къ Монгазеѣ близко, поспѣвають въ полпаты недѣли. А мочно, государь, нѣмцемъ пройти въ Монгазею изъ своихъ земель, не занима Архангельскаго города, а у города Архангельскаго свѣдать будетъ про нихъ немочно».

Само собою разумѣется, что эти зловѣщія предсказанія Куракина всполошили Москву. Давно ли она выгнала изъ своего кремля всякихъ польскихъ, литовскихъ и нѣмецкихъ людей, а тутъ какіе-то невѣдомые нѣмцы опять стучатся въ дверь, да еще черезъ Сибирь, съ «студенаго моря». Встревоженный царь шлетъ къ Куракину грамоту. «И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ (пишется въ ней), и ты бы бояринъ нашъ князь Иванъ Семеновичъ отписалъ отъ себя въ Монгазею къ воеводѣ къ Ивану Биряину да къ Воину Новокшенову, а велѣлъ тотчасъ послати на енисейское устье, а въ другую сторону на Карскую губу служилыхъ и промышленныхъ людей, поскольку человекъ пригоже, а велѣлъ имъ на енисейскомъ устьѣ и на Карской губѣ досмотрити мѣсть, мочно ли въ которомъ мѣстѣ близко устья остроги поставити, чтобы къ острогамъ жилетцимъ людямъ пашнею и сѣнными покосы и лѣсы было угодно, и про то бѣ есте велѣли роспросити, какіе люди по енисейскому устью и сколь близко около енисейскаго устья и Карскіе губы живутъ, и которые сибирскіе города къ тому енисейскому устью и къ Карской губѣ ближе подошли, и сколько до котораго города днищъ водянова ходу или сухимъ путемъ верстъ, и будетъ водою, и какими суды, большими или кочами; да гдѣ присмотрять остроги поставити, и они бы смѣтили накрѣпко, сколько къ тѣмъ острогомъ подъ пашню будетъ земли и лѣсу и сѣнныхъ покосовъ, и много ли въ тѣхъ остроги людей надобеть; да имъ же

велѣли бы есте около тѣхъ мѣстъ версты по двѣ, и по три, и по пяти, и по шести, и по десяти, и по пятнадцати, и по двадцати, и по тридцати, и по сороку, и по пятидесяти, и по студи, и больши переписать всякихъ людей по именамъ, чей кто сынъ и съ прозвищи, и какіе они люди, и чѣмъ промышляють, и къ которому городу ясакъ дають, и почему ясакъ дають, или безъ ясачно живутъ» и т. д. Мало того, всѣхъ этихъ людей велѣно было разспросить «накрѣпо»: «нѣмецкіе люди съ моря на Енисею кораблями или кочами на передъ сего прихаживали-ль торговати? и будетъ прихаживали, и съ какими товары и многіе-ль люди прїѣзжали?» Цѣль этихъ распросовъ была такова (вполнѣ по душѣ князю Куракину): «И о томъ бы есте торговымъ и промышленнымъ людямъ всѣхъ городовъ и ясачнымъ самоѣди и татаромъ велѣли учинити завазъ крѣпкой, чтобъ нѣмецкихъ людей на Енисею и въ Монгазею отнюдь никого ни которыми мѣрами не пропускали, и съ ними не торговали, и дорогъ имъ ни на которые мѣста не указывали, и торговыхъ и промышленныхъ и всякихъ людей изъ Монгазеи на волокъ и на Карскую губу на Пустоозеро и къ Архангельскому городу пропускати не велѣли, а велѣли ихъ отпускати изъ Монгазеи на Березовъ и на Тоболескъ. А будетъ кто учнетъ съ нѣмецкими людьми торговати, или дороги указывати, или торговые люди учнутъ впередъ ходити изъ Монгазеи на волокъ на Новую Землю, и на Карскую губу, на Пустоозеро, и къ Архангельскому городу, или, не зямуя Архангельскаго, моремъ, а не на Березовъ, мимо нашего увазу, и тѣмъ людямъ быти отъ насъ въ великой опалѣ и въ казни».

Такъ совершился первый актъ закрытія Ледовитаго Океана и сибирскаго сѣвернаго поморья отъ Европы и отъ самой Россіи. Дальнѣйшій ходъ этого историческаго событія еще болѣе знаменателенъ и очень поучителенъ для русскаго народа. Прослѣдимъ его, тѣмъ болѣе, что этотъ любопытный эпизодъ доселѣ не попалъ на страницы русскаго исторіи.

II.

Прошелъ годъ. Мангазея и «морской ходъ» въ нее все еще не давали покоя Москвѣ.

Въ февралѣ 1618 года царь извѣщалъ князя Куракина о донесеніяхъ, какія получилъ онъ отъ своихъ воеводъ изъ Мангазеи по занимавшему его дѣлу. «Въ прошломъ де во 124 году, весной, какъ ледъ скрылся, посылали они (мангазейскіе воеводы) изъ Монгазейскаго города на енисейское устье провѣдыва-

ти морского ходу тобольскаго стрѣльца Мишку съ товарищи, и Мишка де съ товарищи, съ енисейскаго устья прїѣхавъ въ Монгазею, въ распросѣ имъ сказывали: смотрѣли де они на морѣ и не могли досмотрѣти, гдѣ бы за льдомъ вода объявилась, и юртовъ никакихъ не видали, и лѣсъ никакой подлѣ моря не растетъ; и какъ де потянулъ вѣтръ съ моря, и на нихъ пришла стужа и обморски великіе, свѣту не видѣли, я и они де, поднявъ парусъ, побѣжали назадъ вверхъ по Енисею, и бѣжали до Туроханскаго зимовья парусомъ, днемъ и ночью, двѣ недѣли, а людей никакихъ у енисейскаго устья и на Карской губѣ не видали».

Ясно, что стрѣлецъ Мишка оказался не изъ храбрыхъ моряковъ. Отъ него ничего нельзя было узнать. Тогда мангазейскіе воеводы обратились къ другому источнику — собрали 170 человѣкъ разныхъ торговыхъ и промышленныхъ людей, возвратившихся съ промысловъ въ Мангазею, подвергли ихъ допросу подъ присягою, и показанія ихъ послали царю. Допрашиваемые, между прочимъ, показывали, что «въ енисейское устье малыми или большими моремъ изъ двинскаго устья сами они не бывали и изъ начала про ходовъ русскихъ и никакихъ иныхъ людей не слыхали»; что въ прежніе годы, еще при царѣ Ѳеодорѣ, «ходилъ москвитинъ Лука гость съ товарищи провѣдывати обскаго устья тремя вочи, и тѣ де люди съ великіе нужи примерли, а осталось тѣхъ людей всего четыре человекъ, и то де они слыхали, что отъ Мутные рѣки и до Обскаго устья и къ енисейскому устью моремъ непроходимые злые мѣста отъ великихъ льдовъ и всякіе нужи»; «а что де промышленные люди на Кулгуевѣ островѣ нашли льдомъ разбить корабль, и про то они слышали, и двѣ пушечки съ того корабля мозеицеъ Шестачко Ивановъ да сынъ его Ортюшка привезли къ Архангельскому городу»; что, наконецъ, «нѣмецкихъ людей съ моря на Енисею кораблями и вочами про проходъ не слыхали» и т. д.—вообще вѣсти, съ точки зрѣнія князя Куракина, были самыя успокоительныя. При всемъ томъ, царь настрого приказывалъ мангазейскому воеводѣ— «беречи накрѣпко и торговымъ и промышленнымъ всякимъ людямъ приказывати, чтобы они съ нѣмецкими людьми въ Монгазею не ходили и ихъ не пропускали и съ ними, oprичъ Архангельскаго города, не торговали, и дорогъ имъ ни на которые мѣста въ Монгазею не указывали, и жили бы въ Монгазеѣ съ великимъ береженьемъ неоплошно». Къ этому въ царской грамотѣ добавлялось: «а будетъ которыхъ городовъ торговые и промышленные люди учнуть съ нѣмецкими людьми въ Монгазеѣ ѣздити, или съ ними торговати, или въ Монгазею кто нѣ-

медвѣдямъ дорогу указать, и тѣмъ людямъ отъ насъ быти въ великой опалѣ и въ смертной казни». Непосредственно на князя Куракина по отношенію къ мангазейскому и морскому дѣлу царь возлагалъ слѣдующее: «А однолично-бъ тебѣ о томъ велѣти учинить заказъ крѣпкой. А во всемъ ми въ томъ морскомъ мангазейскомъ ходу положили то дѣло на тебя боярина нашего на князя Ивана Семеновича: и ты бы всякое наше дѣло дѣлалъ въ Сибири, смотря по тамошнему дѣлу, какъ бы нашему дѣлу было прибыльнѣе и поруки нѣкоторыя въ нашемъ дѣлѣ не было». Досталось при этомъ и холмогорцу Еремкѣ Савину за его болтовню о нѣмцахъ. «А что холмогорецъ Еремка Савинъ сказывалъ тебѣ про нѣмецкихъ людей (говорилось въ грамотѣ), что часть онъ по вся годы нѣмецкихъ людей приходу въ Карскую губу, а въ Мангазеѣ воеводѣ Ивану Виркину да Воину Новокшенову тотъ же Еремка говорилъ: того де онъ тебѣ не сказывалъ, что часть онъ по вся годы нѣмецкихъ людей въ Карскую губу, и ты-бъ того Еремку велѣлъ за то бити батоги нещадно, чтобы на то смотря инымъ было не повадно воровствомъ смуту затѣвать, и впередъ бы еси такимъ воромъ ни въ чемъ не вѣрилъ, а дѣлалъ всякіе наши дѣла, смотря по тамошнему дѣлу, колко милосердый Богъ помочи подаетъ. Да что въ сибирскихъ городѣхъ какіе дѣла учнутца впередъ дѣлати, или будетъ что впередъ про морской ходъ объявитца, и вы бы о всемъ писали къ намъ къ Москвѣ».

Обширная переписка, завязавшаяся между Москвою и сибирскими воеводами по «сѣверному вопросу», къ удивленію нашему, обнаруживаетъ, что юный царь, конечно, руководимый своими ближайшими совѣтниками и въ особенности родителемъ своимъ, патриархомъ Филаретомъ Никитичемъ, болѣе принималъ къ сердцу интересы своихъ подданныхъ и экономическія народныя потребности, чѣмъ неумолимый его воевода и бояринъ князь Куракинъ. Узкій взглядъ послѣдняго не могъ возвыситься до пониманія нуждъ народа: онъ ничего не видалъ дальше царскаго сундука; онъ только этотъ сундукъ хотѣлъ набить, не догадываясь, что, стѣсняя свободное экономическое треніе общественныхъ интересовъ, онъ этимъ самымъ атрофировалъ тѣ функціи экономической жизни, съ помощью которыхъ только и могъ наполнить царскій сундукъ. Царь разрѣшаетъ торговымъ людямъ пользоваться морскимъ ходомъ въ Сибирь и въ Мангазею; онъ велитъ только скрывать этотъ ходъ, чтобъ объ немъ не проникли нѣмцы. И князь Куракинъ по этому случаю доноситъ царю: «и въ прошломъ, государь, во 126 году и въ нынѣшнемъ во 127 году, отъ Архангельскаго города въ Мангазею, по твоему государеву указу, торговне и про-

мысленные люди на кочахъ съ товары и съ запасы пришли большимъ моремъ многіе люди». Но этого-то ему и не хочется — и онъ круто поворачиваетъ дѣло по своему. Испугавшись такого сильнаго движенія судовъ по «Студеному Морю», онъ безцеремонно арестуетъ всѣхъ торговыхъ людей въ Мангазеѣ и не велитъ имъ возвращаться моремъ. «И я холопъ твой (доносить онъ царю) писалъ въ Мангазею къ Петру Волинскому (новому воеводѣ), чтобъ изъ Мангазеи торговыхъ и промышленныхъ людей, какъ исторгуютца и съ промысловъ придуть, назадъ большимъ моремъ не отпущалъ, а отпущалъ бы ихъ на Березовъ черезъ Камень и въ Тоболескъ, для того, чтобъ твоей государевѣ казнѣ въ пошлинахъ истери не было: только поѣдутъ большимъ моремъ и учнутъ торговать съ нѣмцы или съ рускими людьми, утаясь на Угорскомъ шару, на Тресково и на двухъ островѣхъ, что у Варендеевыхъ мелей, на Колгуевѣ, на Моржевикѣ, на Канинѣ носу, и твоей государевѣ казнѣ въ пошлинахъ истери будетъ, а сыскать будетъ про то нечѣмъ, потому: городовъ и приказныхъ людей въ тѣхъ мѣстахъ нѣтъ, у Архангилскаго города и на Колмогорахъ грамотъ монгозейскихъ для тайнаго торгу не объявля, разѣдутца по своимъ мѣстамъ». Но если, говоритъ Куракинъ: — русскіе люди и стали бы торговать съ нѣмцами въ мѣстахъ, гдѣ есть надзоръ, то «государевѣ пошлинѣ прибыль будетъ обышная жъ»; но если потомъ поѣдутъ русскіе люди и въ Сибирь, только сухимъ путемъ, по заставамъ, то «государевѣ пошлинѣ прибыль будетъ вдвое». Видно, что въ этомъ дѣлѣ князь Куракинъ мастеръ: чѣмъ чаще торговцы будутъ дорогой мѣнять и перекупать товары; тѣмъ болѣе будетъ прибыль «государевѣ казнѣ — въ перекупной пошлинѣ». Но, лаская слухъ царя общаніемъ выгоды, онъ ловко отклоняетъ отъ себя отвѣтственность по «сѣверному вопросу» и по ожидаемомъ приходу нѣмцевъ. «А что, государь (предупреждаетъ онъ), въ твоей государевѣ грамотѣ написано: положишь ты, государь, въ морскомъ въ мангазейскомъ ходу на мнѣ холопѣ твоемъ, и въ сибирскіе и въ поморскіе города о томъ ведашь ты, государь, писать, смотря по здѣшнему дѣлу, какъ бы твоему государеву дѣлу было прибыльнѣе и поруки нѣкоторыя въ твоемъ государевѣ дѣлѣ не было, чтобъ нѣмецкіе люди въ Мангазею и на Енисею дорогъ не проискали — и я холопъ твой, противъ твоего государева указу, въ сибирскіе и въ поморскіе города къ воеводамъ о заказѣ писалъ, а укрѣпитца-ль тотъ заказъ или нѣтъ, и мнѣ холопу твоему того невѣдомо, потому: мѣста дальше, а поморскіе города присудъ не сибирской, и ихъ холопа твоего отписокъ не слушаютъ. И буде, государь,

которами мѣрами корабельной ходъ моремъ въ Монгазею прощета, и мнѣ бы въ томъ отъ тебя государя въ опалѣ не быть».

Этотъ ловкій ударъ увертливаго боярина попалъ прямо въ цѣль. Царь еще болѣе испугался за русскіе интересы и велѣлъ окончательно запретить морской ходъ въ Сибирь. Это было въ 1620 году. Князя Куракина, заварившаго всю кану, уже не было въ Tobольскѣ. Воеводами въ этотъ городъ были назначены бояринъ Матвій Михайловичъ Годуновъ, да князь Иванъ Ѳедоровичъ Волконскій съ дьякомъ Шевыревымъ. Царская грамота предупреждала ихъ: «а будетъ вторые рускіе люди пойдутъ въ Монгазею большимъ моремъ и учнутъ съ нѣмцами торговати мимо нашего указу, а тѣмъ ихъ непослушаньемъ и воровствомъ и измѣною нѣмцы или иные какіе иноземцы въ Сибирь дорогу отыщутъ, и тѣмъ людемъ, за то ихъ воровство и за измѣну, быти важненнымъ злыми смертми и домы ихъ велимъ разорити до основанія». Для наблюденія же за поморьемъ повелѣвалось принять особыя мѣры, а именно: «поставить заставу на собскомъ устьѣ березовскихъ служилыхъ людей, сколько человекъ пригоже, весной, до Семени дни или до Покрова, для береженья отъ нѣмецкихъ людей и для десатинные пошлины, и выбравъ цѣловальника, кому бы можно въ нашей казнѣ вѣрнѣе»; при этомъ березовскимъ воеводамъ ставилось въ обязанность: «которые торговые и промышленные люди пойдутъ съ Руси на собское устье, или изъ сибирскихъ городовъ пойдутъ къ Руси, и они бѣ съ тѣхъ торговыхъ и промышленныхъ людей съ ихъ товаровъ имали на насъ десятую пошлину, а безошлинно не торговали и нашей пошлины не крали». Мало того, тобольскимъ воеводамъ предписывалось: «Да изъ Tobолска, или изъ Монгазеи, велѣли бы есте послати служилыхъ людей человекъ съ пятьдесятъ, или колво пригоже, на заставу на Мутную рѣку и на Зеленую рѣку, и велѣли межъ тѣхъ рѣкъ на волоку рассмотреть мѣста, гдѣ пригоже, чтобы было крѣпко и близко нашихъ асачныхъ людей, и разсмотря, велѣли на томъ мѣстѣ поставити острожекъ и крѣпости всякіе подѣлати, и велѣли имъ изъ того острожку посылати отъ себя человекъ по пяти и по шти по перемѣнамъ къ морю, и велѣли имъ провѣдывати про нѣмецкихъ людей всякими мѣрами и беречи накрѣпко, чтобы отнюдь въ Сибирь въ Монгазею нѣмецкіе люди водянымъ путемъ и сухими дорогами ходу не проискали, и русскихъ торговыхъ и промышленныхъ людей съ моря и изъ поморскихъ городовъ Кулуемъ и на Канинъ носъ и на Тресковую и на два острова, что у Варендеевскихъ мелей, и на Моржевиныя малыми рѣчками и большимъ моремъ на Югорской шаръ и на Карскую губу и на

Мутную и на Зеленую рѣки и въ Монгазею, а изъ Монгазеи на тѣ же мѣста пропускати не велѣли».

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Такъ какъ въ то время, при отсутствіи путей сообщенія, сколько нибудь устроенныхъ, и при неимѣннн почты, извѣстія изъ Сибири доходили до Москвы почти также не легко, какъ нынѣ изъ Тасманіи или Вандименовой Земли, то правительство вновь начало тревожиться насчетъ «морского ходу большимъ моремъ». Оно тѣмъ болѣе имѣло основаніе тревожиться, что въ Сибири не было уже такого «недреманнаго ока», какимъ казался князь Куракинъ. Какъ видно, новые тамошніе воеводы, государевы холопы Матюшва Годуновъ, да Ивашко Волконскій, да Ивашко Шевыревъ не очень заботились о Мангазеѣ и «Студенномъ Морѣ». И вотъ въ 1623 году отъ царя идетъ къ нимъ запросъ: «Изъ Тобольска изъ Монгазеи на Мутную рѣку и на Зеленую рѣку они служилыхъ людей посылали-ль, и острожекъ межъ тѣхъ рѣкъ поставили-ль, и изъ того острожку служилые люди къ морю по переѣмамъ про нѣмецкихъ людей провѣдывати ходили-ль, и назадъ въ Тоболескъ или въ Монгазею пришли-ль, и про нѣмецкихъ людей сказывали-ль?» И при этомъ воеводамъ дѣлался выговоръ за недонесеніе: «и то дѣлаетца вашимъ-де нерадѣніемъ и оплошкою». Воеводы, желая снять съ себя обвиненіе въ «нерадѣннн и оплошеѣ», доносятъ, что они потому не исполнили царскаго указа, что въ старой перепискѣ, «въ столпу 126 году», отыскали отписки своихъ предшественниковъ, именно князя Куракина и дьяка Биркина о томъ, какъ на енисейское устье посылали тобольскаго стрѣльца Мишку, какъ Мишка, не увидавши за вѣчными льдами моря, бѣжалъ оттуда, убоясь «стужи и обмороговъ великихъ», и т. д. — вообще о томъ, что въ море будто бы проходъ невозможенъ и что нѣмцевъ боятся нечего, что, по ихъ мнѣнію, и подтверждалось показаніями цепенанъ — Левки Иванова Шубина, прозвищемъ Плеханъ, и Ѳомки Борисова. — Какъ бы то ни было, но, вѣроятно, за эту «оплошку» тобольскіе воеводы Годуновъ и князь Волконскій были смѣщены и на ихъ мѣста посажены князь Юрій Сулешевъ и Ѳедоръ Плещеевъ.

Эти послѣдніе воеводы и привели, наконецъ, въ исполненіе планъ князя Куракина — заперли сѣверное море ровно на 250 лѣтъ! Они поставили укрѣпленный острогъ на волокъ между Мутной и Зеленой рѣкой, откуда служилые люди должны были по очереди ходить къ морю — «провѣдывать про нѣмецкихъ людей, чтобы отнюдъ въ Сибирь въ Монгазею нѣмецкіе люди воданнымъ путемъ и сухими дорогами ходу не проискали». Рус-

скимъ людямъ морской путь также былъ запрещенъ подъ угрозою—«быти казненными злыми смертми и дома разорити до основанія»¹.

Самая Мангазея скоро перестаетъ существовать и стирается съ карты Сибири. Сначала она съ р. Таза переносится на Енисей, а потомъ, въ 1782 г., переименовывается въ Туруханскъ², и подъ этимъ именемъ до нынѣ влечетъ свое жалкое существованіе.

III.

Прошло XVII, XVIII и три четверти XIX столѣтія. Въ эти два съ половиною вѣка, какъ говорится, много воды утекло. Моря и океаны покрылись невиданными прежде флотами— флотами паровыхъ, колесныхъ и винтовыхъ кораблей и броненосцевъ. Суша изрѣзана желѣзными путями. Человѣческая любознательность не находила больше пищи для своихъ открытій по мѣрямъ и океанамъ—нѣчего было больше открывать. Оставалось переисслѣдовать то, что уже было открыто, или подражать Ливингстону—углубляться въ недоступную дичь. Такіе безпкойные, пытливые умы, какъ Милуха-Маклай, ищутъ утоленія своей любознательной жажды гдѣ-то среди пауасовъ—имъ нѣтъ дѣла до того, что совершается на Балканахъ... *Cuicque visum...*

И о «студевомъ морѣ» никто не вспомнить. И русскіе, и нѣмецкіе люди, какъ бы повинувшись посмертному наказу царя Михаила Ѳеодоровича и боярина князя Куракина о запретѣ, положенномъ ими относительно морского хода въ Мангазею, давно исчезнувшую съ лица земли, и точно боясь быть «казненными злыми смертми», трутся около Архангельска, Соловокъ, Мурманскаго Берега и Новой Земли и не смѣютъ пуститься въ далекій путь къ востоку, гдѣ, по словамъ стрѣльца Мишки, господствуютъ «стужи и обмороки великіе». Только въ 1736 году, лейтенантъ Овцынъ, при описаніи береговъ Ледовитаго Океана, рискнулъ пробраться на маленькой кочѣ изъ Обскаго Залива въ Енисейскій; но эта попытка не имѣла послѣдствій. Глаза Петра I больше были обращены на западъ и на югъ, чѣмъ на сѣверъ, и Бѣлое Море его не удовлетворило, потому что тамъ не такъ легко было столкнуться лицомъ къ лицу съ Европой, какъ у устьевъ Невы и Фонтанки. Словомъ, сѣверное поморье, по народному повѣрью, было обведено мертвою рукою князя Куракина.

¹ Рус. историч. библіотека, II, 1056—1095.

² *Неволицъ*. Исслѣдов. о город. рус., 53.

Гдѣ же истинная причина такого явленія? Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, посмертная воля царя Маѳаніа Ѳеодоровича наложила проклятіе на все сѣверное поморье? Неужели запретъ, положенный на морской ходъ два съ половиною столѣтія назадъ и забытый не только подъячими, хранителями царскихъ указовъ, но и исторію, этою великою урною человѣчества, и отысканный, два года назадъ, въ портфеляхъ академика, умершаго сто лѣтъ назадъ — неужели этотъ запретъ перевернулъ вверхъ дномъ всю исторію и весь экономическій ростъ нашего сѣвера? Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что это было отчасти такъ. Русская жизнь вызвала предпримчивость именно въ этомъ направленіи — двигаться къ востоку «студенымъ моремъ», извлекать изъ сибирскаго сѣвера все, что онъ въ состояніи дать, и впослѣдствіи населить и оживить этотъ сѣверъ; но тамъ стоялъ грозный острогъ съ надписью на воротахъ: «кажненіе злыми смертми». И сѣверная жизнь поневолѣ глохла, потому что ей, чтобы не захирѣть окончательно, приходилось избирать въ своемъ движеніи такіе пути, которые приводили только къ раззоренію. Съ царскимъ запретомъ, вызваннымъ опасеніемъ «истеріи государевой пошрины», сибирскій путь удлинился на тысячи верстъ и связь русскаго сѣвера съ сибирскимъ окончательно уничтожилась. Вслѣдствіе этого, и въ сѣверныхъ представителяхъ правительственной власти, и въ представителяхъ науки, и въ литературѣ составилось суевѣрное представленіе о сѣверѣ, какъ о странѣ смерти. Такъ, когда, въ 1842 году, архангельскому генералъ-губернатору (кажется, маркизу де-Траверсе) представлено было ходатайство о дозволеніи учредить полярную компанію звѣроловства, рыболовства и мореходства въ Печенской Губѣ, то невѣжественный администраторъ написалъ на просьбѣ: «тамъ могутъ жить только два пѣтуха да три курицы». Съ своей стороны, официальные органы печати, какъ «Журналъ министерства государственныхъ имуществъ», высказывали убѣжденіе, что въ сѣверномъ морѣ не можетъ быть много даже рыбы, потому что тамъ мало питательныхъ веществъ; что Карское Море—это ледникъ, черезъ который не пробьется ни одинъ корабль до устьевъ Енисея и Оби. И это говорилось на основаніи изслѣдованій академика Бэра и инспектора рыболовства г. Данилевскаго. Ясно, что и XIX вѣкъ повторялъ слова тобольскаго Мишки о «стужѣ и обморокахъ великихъ». Помянутый журналъ высказывалъ даже, что «поѣздки за морскимъ звѣроловствомъ на Новую Землю и Шпицбергенъ были неправильнымъ промысломъ, были своего рода азартною игрою, гдѣ ставкою была жизнь человѣка», и выражалъ радость, что «миновали несчастныя условія, которыя нѣкогда заставляли сѣверянъ зани-

маться рискованнымъ и малоприбыльнымъ дѣломъ»¹.... Князь Буракинъ могъ спать спокойно въ своемъ боярскомъ гробу...

И вотъ вдругъ, въ самомъ началѣ послѣдней четверти XIX столѣтія, въ 1876 году, разомъ снаряжается *дванадцать экспедицій* для изслѣдованія «студенаго моря» и его путей:

первая—экспедиція англійскаго капитана Виггинса, изъ Англій, для изслѣдованія Обской Губы и бара;

вторая—экспедиція отъ общества для содѣйствія русскому торговому мореходству, для изслѣдованія обскаго бара и фарватера, подъ командою двухъ шкиперовъ-латышей;

третья—отъ общества для содѣйствія русской торговлѣ и промышленности, для изслѣдованія Байдарцакаго Перешейка, подъ руководствомъ топографовъ и при участіи одного изъ членовъ;

четвертая—отъ бременскаго общества полярныхъ мореплавателей, для изслѣдованія природы западной Сибири, при участіи знаменитаго доктора Брэма, почтившаго Петербургъ своими блестящими лекціями, доктора Финшъ и графа Цейля;

пятая—отъ академіи наукъ, для изслѣдованія рѣкъ обскаго бассейна—съ зоологомъ Поляковымъ;

шестая—отъ министерства финансовъ, для изслѣдованія водораздѣла притоковъ Оби и Печеры—съ вице-адмираломъ Крузенштерномъ;

седьмая—шведская экспедиція изъ Готенбурга, съ профессоромъ Норденшельдомъ, для окончательнаго изслѣдованія морскаго пути въ Енисей съ моря;

восьмая—шведская же экспедиція, изъ трехъ докторовъ унсальскаго университета и одного финляндскаго, для изслѣдованія Енисея до моря;

девятая—изъ Енисея въ Петербургъ, на клиперѣ «Сѣверное Сіяніе», съ товарами, подъ командою русскаго шкипера Шваненберга;

десятая—англійская учоная экспедиція въ Печорѣ;

одинадцатая—отъ техническаго общества, подъ руководствомъ химика Лисенко, для изслѣдованія нефтяныхъ источниковъ, и

дванадцатая—отъ общества естествознанія, подъ распоряженіемъ профессора петербургскаго университета Вагнера, для зоологическихъ изслѣдованій на «студеномъ морѣ».

Все зашевелилось вокругъ, неожиданно, словно по мановенію волшебнаго жезла. Сѣверъ сталъ обаятеленъ, точно бы человѣ-

¹ Труды с.-петербургскаго отдѣленія императорск. общества для содѣйствія русскому торговому мореходству 1876 года. Сиб. 1877. (Докладъ г. Студитскаго о 12-ти экспедиціяхъ), стр. 70.

ческая любознательность и человеческое сердце превратились въ компасъ, котораго одна стрѣлка неудержимо потянулась къ сѣверу, къ полюсу, другая—къ югу, къ Балканамъ, хоть у сѣвернаго полюса и нѣтъ славянъ. Трупъ князя Куракина, столько вѣковъ лежавшій неподвижно въ своемъ историческомъ, хотя всѣми забытомъ гробу, долженъ повернуться отъ этой неожиданности. Но еще скорѣе долженъ повернуться въ своемъ, невѣдомомъ никому, хотя также историческомъ гробу, сѣченный трупъ «холмогорца Ереми Савина», котораго, какъ мы видѣли выше, князь Куракинъ, по повелѣнiю царя Михаила Ѳеодоровича, «билъ батоги нещадно, чтобы на то смотря инымъ было неповадно воровствомъ смуту затѣвать», и билъ за то именно, что этотъ дальновидный землякъ другого дальновиднаго и гениальнаго «холмогорца» Ломоносова «чаялъ по вся годы нѣмецкихъ людей приходу» въ «Енисею» и въ Мангазею. И вотъ они пришли... Время оправдало предсказанiя несчастнаго Ереми Савина, и теперь тѣнь его взываетъ къ суду исторiи: «За что же меня били батоги нещадно? За что положили въ гробъ мой обезпеченный трупъ, не снявъ съ него пятна позора? Я чаялъ, что нѣмцы придуть—и они пришли»...

Дѣйствительно, когда, въ 1875 году, Виггинсу и Норденшельду дѣлались такiя блестящiя овацiи въ разныхъ городахъ Россiи и Сибири за то, что они проѣхали «большимъ моремъ въ Енисею», когда предлагались тосты за здравiе живыхъ дѣателей и за упокой усопшихъ—никто не вспомнилъ о сѣченомъ «холмогорцѣ Еремѣ», памяти котораго долженъ бы былъ быть провозглашенъ первый международный бокалъ. Но пусть утѣшится историческая тѣнь злополучнаго Ереми: если онъ легъ въ свой скромный гробъ съ сѣченою спиной, за то сѣченою, что Еремка чаялъ прихода въ Сибирь моремъ нѣмцевъ, то вѣдь и великiй Колумбъ положенъ былъ въ свой славный гробъ съ цѣпями, въ которыя его заковывали неблагодарные современники чуть ли не за то, что онъ подарилъ имъ цѣлую половину земнаго шара.

Выше мы обѣщали прослѣдить историческiй процессъ развитiя идеи о морскомъ «сѣверномъ вопросѣ». Серьезныя попытки поставить этотъ вопросъ на практическую почву мы замѣчаемъ съ самаго начала второй четверти нынѣшняго столѣтiя. Мысль о сѣверномъ морскомъ пути постоянно занимала извѣстнаго въ то время архангельскаго негодiанта Попова, у котораго находились въ Архангельскѣ свои корабельныя верфи и корабли. Поповъ не могъ не чувствовать на себѣ и на всей нашей сѣверной торговлѣ того давленiя, какое оказывали на сѣверъ Россiи иностранцы съ тѣхъ поръ, какъ они добились возможности тор-

головаго сношеній съ Россією черезъ Бѣлое Море и Архангельскъ, и рѣшился искать новыя, тѣмъ сказать, отдушины нашего свободнаго экономическаго дышанія на сѣверѣ, помимо тѣхъ отдушинъ, какія продѣлали въ русскомъ государственномъ тѣлѣ иностранцы исключительно для своихъ экономическихъ цѣлей. Но продѣлать эти отдушины было не легко. Наши русскіе промышленники были такъ обезсилены системою запрета съ той самой поры, какъ князь Куракинъ завязалъ петлю на шеѣ нашего сѣвернаго Меркурія, что уже не могли думать ни о какихъ экономическихъ отдушинахъ: на западѣ имъ не давали дышать иностранцы, захватившіе весь воздухъ въ свои громады, хищническія легкія, на Востокѣ ихъ не пускала петля, свитая княземъ Куракинымъ и перешедшая по наслѣдству къ русскимъ подъячичамъ послѣдующихъ вѣковъ. Такъ, когда въ 1826 году Поповъ представилъ сѣвернымъ подъячичамъ проектъ объ образованіи въ Архангельскѣ, въ видахъ развитія мореходства и торговли, частнаго городского банка, то подъячіе около 20 лѣтъ, въ угоду иностранцамъ, не хотѣли представить проектъ на утвержденіе правительства. Да и какъ было не угождать иностранцамъ? Они были такіе любезные, образованные люди, что съ ними всегда пріятнѣе было имѣть дѣло, чѣмъ съ сиволапыми поморами. Притомъ, наши новѣйшіе подъячіе не отличались уже крайней нетерпимостью своего учителя, князя Куракина, и передъ нѣмецкими людьми разшаркивались гораздо охотнѣе, чѣмъ передъ російскими. Поповъ, претерпѣвъ двадцатилѣтнюю волокиту, которой подверглось его ходатайство о сѣверномъ банкѣ со стороны архангельскихъ подъячичъ, обратился, въ 1844 году, прямо къ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Перовскому. Перовскій, соблюдая порядковъ канцелярскаго инстанціонности, препроводилъ просьбу Попова къ архангельскому генерал-губернатору, маркизу де-Траверее, тому самому, если не ошибаемся, который прославился гениальнымъ изреченіемъ о «двухъ пѣтухахъ» и «трехъ курицахъ». Маркизь, призванный управлять судьбами русскаго сѣвера и смотря на него съ точки зрѣнія «двухъ пѣтуховъ», обратился за совѣтомъ къ агентамъ шести иностранныхъ конторъ, находившихся въ Архангельскѣ, которые и укрѣпили въ немъ еще болѣе пѣтушинный взглядъ на нужды и призваніе нашего сѣвера. Подчиняясь ихъ мнѣнію, онъ передалъ просьбу Попова въ городскую думу, съ прибавленіемъ начальнически-отеческаго внушенія городскому головѣ Куйшину—составить такой приговоръ, якобы всѣ русскіе промышленники и граждане города Архангельска не желаютъ имѣть частнаго банка и пользоваться изъ него ссудами для мореход-

ства и торгоныхъ дѣлъ, и потому ходатайство Попова находить для себя бесполезнымъ. Однимъ словомъ, пущена была въ ходъ система Куракина, и хотя во внушеніи маркиза уже не звучала историческая фраза—«бить богаты нещадно, чтобы инымъ было не повадно», однако, слышалось нѣчто похожее на такой же историческій пароль, вродѣ «согнутія въ бараній рогъ» и воспоминаніе о безсмертномъ Макарѣ съ телятами. Приговоръ былъ составленъ такой, какого желалъ маркизъ де-Траверсе, подписанъ всѣми гражданами безъ исключенія и представленъ, при таковомъ же мнѣніи генерал-губернатора, министру внутреннихъ дѣлъ. Понятно, что графу Перовскому ничего не оставалось, какъ отказать Попову. Оскорбленные самоуправствомъ генерал-губернатора, граждане Архангельска должны были прибѣгнуть къ подпольной интригѣ. Подпольную интригу пустили въ ходъ и архангельскіе поморы. Архангельцы, въ числѣ 400 человекъ, вслѣдъ за подписаніемъ вынужденнаго приговора, подписали, тайкомъ отъ генерал-губернатора, засвидѣтельствовавшую у маклера довѣренность и послали ее въ Петербургъ къ Попову для ходатайствованія объ открытіи банка передъ графомъ Перовскимъ, «какъ русскимъ патриотомъ». Въ ходатайствѣ своемъ они объясняли, что приговоръ они подписали «единственно изъ опасенія генерал-губернатора, который можетъ съ нами, гражданами, сдѣлать все, что ему угодно»—та же историческая пѣсня: «захочетъ—съ квасомъ съѣсть, не захочетъ—собакамъ отдастъ». Графъ Перовскій, понявъ въ чемъ дѣло, предложилъ маркизу де-Траверсе немедленно учредить банкъ. При всемъ томъ, изъ проекта устава этого учрежденія были исключены статьи о выдачѣ ссудъ для содѣйствія къ постройкѣ судовъ и мореходству вообще и, взамѣнъ ихъ, присочинены статьи очень стѣснительныя, напоминавшія объ извѣстномъ историческомъ афоризмѣ насчетъ «мытья» и «кѣтанья». Генерал-губернаторъ, возмущенный дѣйствіями архангельцевъ, рѣшился выместить свою злобу на лицѣ, дѣйствовавшемъ въ Архангельскѣ отъ имени Попова—на г. Сидоровѣ, извѣстномъ дѣятелѣ нашего сѣвера: онъ призналъ Сидорова возмутителемъ противъ власти и отдалъ приказаніе «схватить» возмутителя и «посадить въ тюрьму». Однако, возмутитель успѣлъ скрыться въ восточную Сибирь, гдѣ и началъ свою не менѣ преступную дѣятельность.

Дѣятельность эта, конечно, не случайно, обращена была на забытую всѣми область Мангазеи. Эта область, надъ которой со времени князя Куракина тяготѣло проклятіе, которая утратила даже свое историческое имя и изъ которой мѣстныя власти изгоняли жителей болѣе усердно, чѣмъ нынѣ наши земства изгоняютъ волковъ изъ земскихъ владѣній, несмотря на подя-

тый г. Лазаревскимъ грозный «волчій вопросъ», рядомъ съ «вопросомъ славянскимъ», область эта была — Туруханскій Край. Такимъ образомъ, древняя Мангазея должна была воскреснуть къ новой исторической жизни, какъ-бы въ доказательство того, что жизнь, совершающаяся на поверхности земного шара, повинуется своимъ неписаннымъ законамъ, которые сильнѣе писанныхъ законовъ князей Куракиныхъ и имъ подобныхъ.

IV.

Область древней Мангазеи, доставившей столько безпокойствъ боярамъ царя Михаила Федоровича, которые опасались, чтобы объ ней не пронюхали нѣмцы, представляетъ одну изъ громаднѣйшихъ областей Восточной Сибири, славящейся, какъ извѣстно, своею «неисходимостью». Простираясь въ длину, по теченію Енисея отъ устья Средней Тунгуски до гавани Диксона, гдѣ высадили Норденшельдь, на 1,700 верстѣ и въ ширину отъ р. Таза до р. Анабары на 1,300 верстѣ, Мангазейская Область захватываетъ такимъ образомъ до 2.210,000 квадратныхъ верстѣ. Это такая огромная площадь, что превышаетъ собою пространство всей Европейской Россіи. Мало того, она больше всей остальной Западной Европы, а такіа государства, какъ Германія, Франція и Австрія, составляютъ незначительные клочки земли въ сравненіи съ обширною мангазейскою землею. Не даромъ боялся за нее князь Куракинъ, предчувствуя, что на нее будутъ зариться нѣмцы, когда поближе узнаютъ ее. На пространствѣ бывшей Мангазейской Области находятся обширныя залежи каменной соли, соляные ключи, залежи каменнаго угля, графита, точильнаго камня, желѣзныя и мѣдныя руды. Есть даже золото. Великолѣпные лѣса этого края еще не трогала всеистребляющая, хотя кое-что и создающая рука человѣка. А между тѣмъ, богатый край этотъ до сихъ поръ находился въ самомъ жалкомъ, въ самомъ отчаянномъ положеніи. Подъяческимъ усердіемъ чиновниковъ онъ доведенъ былъ до того, что въ немъ, отъ голода, повторялись иногда случаи людоедства, и все, что могло бѣжать оттуда, бѣжало. Страна, равняющаяся пространствомъ всей Западной Европѣ, даже болѣе, страна, богатая естественными произведеніями, составляющими зависть цивилизованныхъ народовъ, страна, нѣкогда населенная и имѣвшая всѣ задатки для экономическаго развитія, страны эта мудрыми распоряженіями цивилизованныхъ преемниковъ князя Куракина доводится до трагическаго положенія, до людоедства съ голода. Въ этомъ отношеніи трагическое переходитъ въ высокій комизмъ, особен-

*

но когда мы познакомились съ тѣмъ финаломъ, до котораго усердные чиновники довели богатый край средняго и нижняго Поенисея къ половинѣ нынѣшняго столѣтія: финаль этотъ выразился тѣмъ, что весь мангазейскій край, превышающій пространствомъ всю Европейскую Россію, предположено было отдать въ аренду желающимъ, какъ такую обузу, которая, по вниѣ самихъ же подъячнкъ новаго пошиба, оказалась «совершенно бесполезною и служащею лишь къ обремененію казны». Развѣ это не комично? И дѣйствительно, нашелся комикъ, енисейскій купецъ Кобычевъ, который предложилъ взять эту страну — почти цѣлую страну свѣта — въ аренду! Но этотъ комикъ умеръ, не успѣвъ сыграть своей роли, и начальство положило: «выселить отсюда, за совершенною непронзводительностью края, и всѣхъ его жителей». Наконецъ, выискался новый Гаррикъ, петербургскій частный приставъ Лавровскій, который подалъ прошеніе, чтобы весь мангазейскій край, болѣе 2.200,000 квадр. версть — отдали ему. Развѣ это не комично? Частный приставъ — арендаторъ цѣлой половины Восточной Сибири!

А между тѣмъ, спасеніе этого края было въ нашихъ рукахъ. Стоило только вспомнить увѣренія несправедливо высѣченнаго «Еремки-холмогорца» о морскомъ пути въ Мангазейскую Область и убѣдиться въ возможности этого пути, чтобы понять всю громадность сдѣланной Россією исторической ошибки и, хотя поздно, поправить ее. Это значило, что, стоило только нагнуться, чтобы поднять съ земли миллиарды, которыхъ Германія добилась отъ Франціи тяжкою и, быть можетъ, неоплатною цѣною. Выше мы упомянули о естественныхъ богатствахъ мангазейскаго края. Наиболѣе цѣнные, по крайней мѣрѣ, нынѣ осязаемыя богатства заключаются въ неисчерпаемыхъ залежахъ енисейскаго графита. Значеніе графита начали понимать только въ послѣднее время. Безъ него немислимо хорошее сталелитейное дѣло, которое, съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, съ преобладаніемъ желѣза и стали во всѣхъ сферахъ жизни, начиная отъ фабрично-машиннаго дѣла и кончая морскимъ и специально-военнымъ дѣломъ, начиная отъ иглы и наперстка, хирургическаго и астрономическаго инструмента и кончая саблей, револьверомъ, пушкою и торпедой, начинается царствовать надъ народами нашего вѣка, какъ бронза и камень царствовали надъ народами бронзоваго и каменнаго періодовъ. До настоящаго времени, вся Европа и въ томъ числѣ Россія, для поддержанія сталелитейнаго дѣла, пользовались графитомъ съ острова Цейлона. Цейлонъ дѣлалъ насъ рабами Западной Европы посредствомъ своего графита. Въ случаѣ войны, когда намъ невозможно было бы пользоваться цейлонскимъ графитомъ, мы остались бы безъ иглы и безъ пушки, потому что

лучшая сталь готовится въ тигляхъ, сдѣланныхъ въ соединеніи съ графитомъ, а годный для нихъ графитъ добывается только на одномъ островѣ Цейлонѣ. Обиліе енисейскаго или туруханскаго графита таково, что онъ не только освобождаетъ Россію, въ случаѣ войны, отъ рабской зависимости по отношенію къ иностранцамъ, но и въ состояніи надѣлать графитными богатствами всю Европу. Мало того, богатства эти не только спасаютъ громадный край отъ голодовокъ и отъ людоѣдства, но въ силахъ будутъ прокормить, *стеченіе тысячелѣтій*, массы населеній, если только настоящіе и будущіе князья Куракины не станутъ преслѣдовать всякаго, желающаго тамъ поселиться для промысловъ, и если установится туда давно открытый русскими людьми и такъ, сказать, переоткрытый нынѣ иностранцами морской путь.

Мы видѣли, какъ великая мангазейская страна чуть не досталась петербургскому частному приставу Лавровскому. Что же было причиною того, что страна эта оставалась въ такомъ обидномъ забросѣ? Причины эти мы уже отчасти видѣли; главная же та, о которой мы упоминали въ началѣ настоящаго очерка: это — наше повальное, исторически унаслѣдованное невѣдѣніе всего, что намъ вѣдать надлежитъ, и пронтекающій изъ этого чиновно-гражданскій цинизмъ. Въ то время, когда полицейскій приставъ намѣревался играть въ обширной мангазейской странѣ ту роль, какую хищникъ классически-хищнаго Рима Верресъ игралъ въ Сициліи, въ это время на рабочемъ столѣ енисейскаго губернатора Родикова и его преемника Замятнина лежала уже записка, въ которой объяснялись неисчислимыя выгоды отъ установленія сѢвернаго морскаго хода въ Сибирь черезъ Енисей. Вотъ главныя изъ этихъ выгодъ:

Всѣ празднолежащія и недоступныя къ разработкѣ золотосодержащія прииски, по слабому, относительно, содержанію въ нихъ золота, стали бы тогда разрабатываться, такъ какъ черезъ устья Енисея появились бы изъ-за границы всякаго рода водяныя и паровыя машины, о коихъ наша золотопромышленность и понятія не имѣетъ; привезлись бы изъ Европы, по дешевымъ цѣнамъ, желѣзныя издѣлія, инструменты и всякіе товары, доставляемые нынѣ черезъ портовые города, а потомъ сухопутно, черезъ заставы, по очень дорогимъ цѣнамъ; со введеніемъ механической силы и пониженіемъ цѣнъ на всѣ подобные предметы и товары, открылась бы возможность добывать золото изъ такихъ мѣстностей, которыя безъ этихъ условій должны остаться навсегда бесполезными; отъ этого увеличилась бы и самая добыча золота, нынѣ умалюющаяся;

превосходнаго качества лѣса, находящіяся по Енисею и его

притокамъ, сразу получили бы цѣнность, а съ отпускомъ за границу лѣсного матеріала открылся бы новый источникъ для государственныхъ доходовъ;

всѣ острова около устья Енисея были бы взяты въ аренду за значительныя суммы, потому что между островами и на островахъ водится множество моржей, тюленей, бѣлугъ и китовъ, промыслъ за коими составилъ бы важную отрасль мѣстной промышленности; вмѣстѣ съ тѣмъ, промыслъ этотъ образовалъ бы своихъ смѣлыхъ и опытныхъ къ плаванію матросовъ;

пустынные и необитаемыя земли, которыя не имѣютъ теперь никакой цѣнности и значенія, съ открытіемъ морского пути были бы заселены и доставили бы, черезъ продажу ихъ, особый доходъ казнѣ;

массы лучшаго, въ мірѣ графита, будучи отпускаемы съ Енисея по цѣнамъ гораздо дешевле всѣхъ европейскихъ, привлекли бы въ тотъ заброшенный край торговлю и, черезъ удешевленіе новаго общепользнаго продукта, дали бы средства къ новымъ важнымъ изобрѣтеніямъ съ пользою, конечно, и для края, и для всей Россіи; извѣстно, что Европа и Америка для одного только литя металловъ требуютъ ежегодно до 10.000,000 пудовъ графита;

железные и мѣдныя руды, которыя находятся на берегахъ и въ притокамъ Енисея и въ которыхъ возникнетъ потребность съ заселеніемъ края, наконецъ, пласты каменнаго угля, занимающіе значительныя пространства, доставили бы обширное поприще промышленной дѣятельности, и пошлинами за желѣзо, мѣдъ и другіе металлы принесли бы значительный государственный доходъ, нынѣ даже немислимый;

самое пароходство черезъ устье Енисея вверхъ по Ангарѣ и Байкалу дало бы средства къ дешевой транспортировкѣ товаровъ съ Байкала въ Петербургъ и уменьшило бы провозную плату *въ пять разъ* противу существующей; сверхъ того, оно сократило бы время доставки, что составило бы огромный расчетъ въ быстромъ обращеніи капиталовъ, а главное—возвысило бы цѣнность земель по всему протяженію пароходныхъ сообщений, т. е. на тысячи верстъ;

въ случаѣ неурожая въ Сибири или Европейской Россіи, сдѣлалась бы возможною своевременная въ ту и другую мѣстность доставка хлѣба, и, наконецъ,

получилась бы возможность строить на Енисей корабли и пароходы для перевозки сибирскихъ грузовъ за-границу, и появились бы свои торговые моряки, безъ которыхъ немислима ни за цивилизованная морская держава и которыми насъ переделоляла не только Турція, но даже такой пигмей, какъ Греція.

Нѣтъ ничего, впрочемъ, удивительнаго, если сибирскіе чиновники не обратили никакого вниманія на эти представленія. Совершенно законно они могли сказать всѣмъ радѣльщикамъ о Сибирѣ: «это—не наше дѣло». И они были правы съ своей точки зрѣнія. Они были тамъ преемниками князя Куракина. Всѣ государственныя и экономическія заботы этого послѣдняго, какъ мы видѣли, сосредоточены были на томъ, чтобы исправно собирался асакъ въ государеву казну, чтобы отъ провоза товаровъ неуказанными путями «государевой пошлѣнѣ истери не было» и чтобы вообще «его царскому величеству было прибыльнѣе». Государственная и экономическая программа дѣятельности современныхъ преемниковъ князя Куракина не шире той, какую руководствовались царскіе воеводы XVII вѣка: наблюденіе, предупрежденіе, доношеніе, предостереженіе, внушеніе, повтореніе и заключеніе; однимъ словомъ—«стащи и не пушай». Ясно, что всякія предложенія и указанія относительно нуждъ края, особенно же исходящія отъ частныхъ лицъ, современные князья Куракины должны были класть подъ сукно. Они такъ и дѣлали. Такъ сдѣлали они и съ предложеніемъ г. Сидорова относительно важности морского пути въ Енисей. Тогда г. Сидоровъ, обратился къ содѣйствію ученыхъ обществъ и ихъ руководителей. Первое лицо, къ которому онъ прибѣгъ, былъ вице-президентъ русскаго географическаго общества, Э. П. Литке. Являсь къ нему, Сидоровъ просилъ принять отъ него 14,000 р., на премію для вызова кого-либо изъ русскіхъ моряковъ къ плаванію сѣвернымъ моремъ къ устьямъ Енисея. Литке, какъ видно, очень хорошо зналъ россійскіхъ людей и потому совѣтывалъ Сидорову не тратиться попустому въ любезномъ отечествѣ, а обратиться съ своимъ заманчивымъ предложеніемъ къ англичанамъ, къ «аглицѣимъ нѣмцамъ», какъ сказалъ бы князь Куракинъ. Маститый мореплаватель откровенно сказалъ Сидорову, что «у насъ, у русскіхъ, *нѣтъ еще* такого моряка, который бы рѣшился плыть моремъ въ устья Енисея». Географическое общество не приняло даже денегъ, которыя такъ любезно предлагалъ Сидоровъ. Тогда этотъ послѣдній обратился въ вольное экономическое общество. Экономическое общество, съ своей стороны, адресовалось къ Литке, какъ къ своему почетному члену, и получило отъ него тотъ же отвѣтъ, какой получилъ и Сидоровъ—т. е., что въ россійской землѣ *нѣтъ еще* и т. д. Какъ нѣтъ? Не можетъ быть! А для чего дѣлаются у насъ кругосвѣтныя плаванія? Для чего существуетъ морская академія и т. д.? Праздные вопросы! У насъ есть моряки-чиновники, моряки-офицеры, лейтенанты, капитаны разныхъ ранговъ, контр-

и вице-адмиралы, мичманы, гардемарины, матросы, а моряковъ нѣтъ. Не вѣра этому, Сидоровъ бросился вновь на поиски. Толкнулся къ Крузенштерну. Еще ли не морякъ? Другой талой морской фамилии, какъ эта, нѣтъ во всей Россіи. Вонъ даже бронзовый морякъ-Крузенштернъ стоитъ на Васильевскомъ Острове, противъ морской академіи, и грустно смотритъ на Неву, какъ-бы уворя современныхъ россиянъ въ томъ, что послѣ Петра морява они не только не двинулись впередъ въ морскомъ дѣлѣ, но даже дали задній ходъ, боясь плыть по морю, котораго не боялись когда-то ни дивняне Кондрашка Курочкинъ и Осипъ Щилюновъ, ни колмогорецъ Еремка Савинъ. Крузенштернъ — не бронзовый памятникъ, а настоящій, живой Крузенштернъ, къ которому обратился Сидоровъ, «также не могъ указать ни на одного моряка, кромѣ своего сына, П. П. Крузенштерна — да и тотъ въ то время отправился въ Германію». Сидорову ничего не оставалось, какъ ѣхать за моряками въ Англію. Онъ и поѣхалъ. На дорогѣ онъ встрѣтился съ Крузенштерномъ-сыномъ и возобновилъ свое предложеніе. Крузенштернъ отвѣчалъ, что если Сидоровъ предоставитъ въ его безотчетное владѣніе 5,000 пудовъ графиту на Енисей, то онъ немедленно явится за нимъ въ тоже лѣто 1862 года. Написали условіе. Но Сидоровъ все-таки поѣхалъ въ Англію. Въ Лондонѣ Сидоровъ обратился къ предсѣдателю лондонскаго географическаго общества, знаменитому сэру Родерику Мурчисону, при содѣйствіи котораго тотъ-часъ же и составлена была, въ Лондонѣ же, русская компанія на отправку въ устье Енисея корабля, подъ командою рекомендованнаго Мурчисономъ перваго полярнаго мореплавателя Англіи, Алленъ-Юнга, и Сидоровъ возвратился въ Красноярскъ, чтобы сдѣлать распоряженіе о предварительномъ изслѣдованіи енисейскаго бара и фарватера.

Между тѣмъ, Крузенштернъ-сынъ уже находился въ Ледовитомъ Морѣ. Онъ плылъ на шкунѣ въ 150 тоннъ. У него было два штурмана, двадцать человѣкъ команды, фельдшеръ и на полтора года провизіи. Устье въ Печоры онъ достигъ благополучно, и 1-го сентября надѣялся достигнуть устья Енисея. Сообщая объ этомъ Сидорову, Крузенштернъ просилъ его выслать въ устье Енисея хотя одного человѣка для встрѣчи его тамъ и для прохода шкуны въ Енисей черезъ баръ. При этомъ Сидорову сообщена была копія съ отношенія управляющаго морскимъ министерствомъ къ генерал-губернатору Восточной Сибири Корсакову о томъ, чтобы экспедиціи Крузенштерна, посланной съ высочайшаго соизволенія, оказана была всевозможная помощь. Получивъ все это, Сидоровъ немедленно отправилъ

изъ Красноярска экспедицію въ устье Енисея съ письмомъ къ начальнику края, Третьякову, котораго просить о доставленіи скорѣйшей возможности найти лоцмана, знающаго фарватеръ Енисея, и объ отправленіи оленей къ Енисейскому Заливу. Передъ отправленіемъ экспедиціи онъ явился къ губернатору, генералу Замятину, просить: не признаетъ ли его превосходительство съ своей стороны необходимымъ послать къ Третьякову распоряженіе о встрѣчѣ и содѣйствіи экспедиціи Крузенштерна.

— Какая можетъ быть отъ экспедиціи Крузенштерна польза для края?—Прощайте! Желаю вамъ отъ экспедиціи всякаго успѣха и благополучія.

Вотъ что сказалъ современный князь Куракинъ современному Еремѣю Савину. Хорошо еще, что не велѣлъ «бить батоги внацѣло, чтобъ другимъ было неповадно» какія-то экспедиціи затѣвать. Таково смягченіе нравовъ въ 300 лѣтъ!

Это было въ августѣ 1862 года. Въ половинѣ этого мѣсяца, генералъ Замятинъ, столь презрительно отнесшійся къ экспедиціи Крузенштерна, получилъ отъ генерал-губернатора Корсакова бумагу о томъ, что экспедиціи этой, посланной съ высочайшаго соизволенія, должно быть оказано содѣйствіе. Съ тою же почтою и Сидоровъ получилъ извѣщеніе о томъ же. Въ виду экстренности дѣла, онъ тотчасъ же отправился къ Замятину въ присутствіе губернскаго совѣта просить о немедленномъ распоряженіи—командировать въ Туруханскъ особаго чиновника, такъ какъ почта отходить изъ Красноярска въ Туруханскъ *одинъ разъ въ мѣсяцъ*—каждое первое число, и, слѣдовательно, если будетъ отправлена 1-го сентября, то прійдетъ въ Туруханскъ только черезъ мѣсяцъ—1-го октября, если еще въ дорогѣ не замерзнетъ! Каковъ край! Намъ, привыкшимъ къ желѣзнымъ дорогамъ и къ не сибирскимъ порядкамъ, такое положеніе дѣлъ кажется допотопнымъ. Но это еще не все. Отъ Туруханска до Енисейскаго Залива остается еще такое же разстояніе, какое отъ Туруханска до Енисейска, и, слѣдовательно, еще мѣсяцъ ѣзды. Сидоровъ доказывалъ губернатору, что только предлагаемымъ имъ способомъ можно оказать помощь экспедиціи. Тогда губернаторъ возбудилъ вопросъ о «канцелярской тайнѣ» — какимъ-де путемъ Сидоровъ узналъ о времени полученія изъ Иркутска бумаги отъ генерал-губернатора, и объявилъ, что вообще объ этомъ дѣлѣ, какъ о *частномъ*, «онъ не имѣетъ желанія продолжать разговора». Все это напоминаетъ намъ объясненія Ливингстона съ разными голыми и татуированными царьками во внутренней Африкѣ,

съ тою только разницею, что голые африканскіе царьки всегда оказывались цивилизованнѣе и прозорливѣе нашихъ сибирскихъ царьковъ. Впослѣдствіи Сидоровъ узналъ, что на бумагѣ, полученной по дѣлу экспедиціи Крузенштерна отъ генерал-губернатора, была сдѣлана помѣта рукою предсѣдателя енисейской казенной палаты, управлявшаго въ *тотъ день* губерніею: «принять въ свѣдѣнію». Дѣйствительно, бумага была принята къ свѣдѣнію, и помощи экспедиціи не оказано никакой. Всѣ просьбы оказались безуспѣшными—царьки съ своими перьями-томагауками остались непоколебимыми, чѣмъ и доказали всему міру, что, еслибы даже настоящій Колумбъ явился нынѣ въ Сибирь и сталъ доказывать тамошнимъ царькамъ пользу открытія Америки, то Америка до сихъ поръ не была бы открыта.

При всемъ томъ, надо же было подумать объ исходѣ экспедиціи, не рассчитывая на дѣйствіе сибирскихъ тайшей-чиновниковъ. Предполагая, что Крузенштернъ могъ попасть въ Обскую Губу, Сидоровъ отправилъ туда своего довѣреннаго, г. Куселевскаго, съ служащими у него людьми, и въ октябрѣ получилъ извѣстіе, что экспедиція Крузенштерна потерпѣла крушеніе въ Карскомъ Морѣ, что при этомъ погибло все казенное имущество и что спасся только экипажъ шкуны. Спасшіеся отъ крушенія были отправлены Куселевскимъ изъ Обдорска внутрь Сибири.

Такова была первая русская попытка проникнуть въ Сибирь тѣмъ путемъ, который, почти триста лѣтъ назадъ, заперла тяжелая историческая рука князя Куракина. Послѣдующія попытки были не болѣе удачны, и все—благодаря нашему повальному, исторически воспитанному невѣжеству.

Развернемъ же свитокъ, на которомъ наша новѣйшая, еще не ставшая общественнымъ достояніемъ исторія чертила незатѣйливый узоръ похожденій нашего Одиссея, не «хитроумнаго», а просто-глупаго малаго. Одиссей нашъ—наше циническое невѣжество.

V.

«Не желая дать остыть дѣлу, отъ успѣха котораго зависитъ великая промышленная и торговая будущность средней Сибири, я вновь предлагаю вамъ слѣдующее (писалъ въ январѣ 1863 г. Сидоровъ Крузенштерну-отцу): убѣдить географическое общество дать вамъ въ распоряженіе клиперъ (паровой и вмѣстѣ парусный) и въ началѣ лѣта, не упуская первой возможности, отправить на немъ Павла Павловича (Крузенштерна-сына) на устье Енисея тѣмъ самымъ путемъ, которымъ, въ 1596

году, шель Баренцъ до мѣся, названнаго имъ Мысомъ Желанія. Въ 270 лѣтъ послѣ Баренца не только наука мореплаванія, со всѣми ея средствами, далеко ушла впередъ, но и климатъ, согласно съ наблюденіями тогдашняго времени, измѣнился. Нынче положительно стало извѣстно, что море противъ Енисейской Губы, равно, какъ и самая губа, будучи подъ вліаніемъ морскихъ теченій, какъ предполагаетъ капитанъ Мори, десять мѣсяцевъ въ году свободны отъ льда, слѣдовательно, и входъ въ губу возможенъ. Если предложеніе экспедиціи будетъ принято и дадутъ вамъ къ сему средства, а Павелъ Павловичъ не упуститъ время отправиться этимъ лѣтомъ въ устье Енисея, ведя въ плаваніи журналъ всѣмъ морскимъ метеорологическимъ и другимъ наблюденіямъ, и достигнетъ устья Енисея, оставя за собою этимъ подвигомъ славу своего дѣда, то, въ возмездіе издержекъ, которыя можетъ понести казна по снаряженію экспедиціи, я жертвую въ пользу ея самаго лучшаго графита 5,000 пудъ. Это количество графита, принявъ гдѣ пожелають—въ г. Туруханскѣ или на устьѣ Енисея—сынъ вашъ имѣетъ взять съ собою въ обратный путь и доставить туда, куда будетъ приказано. Съ моей же стороны, кромѣ жертвуемаго для казны графита на всѣ ея литейные и пушечные заводы, я предлагаю еще тому, кто первый придетъ кругомъ сѣверной оконечности Новой Земли на устьѣ Енисея и доставитъ всѣ вышеупомянутыя описанія и наблюденія, могущія служить вѣрнымъ указаніемъ пути, *пудъ золота*, имѣющаго въ 1863 году добыться на одномъ изъ моихъ или компанейскихъ моихъ присковъ, или, вмѣсто того, ту сумму, какая, по сдачѣ золота въ казну и очищенія его пошлиною, будетъ слѣдовать къ выдачѣ, съ правомъ полученія денегъ прямо съ петербургскаго монетнаго двора.

Между тѣмъ, одновременно съ этимъ составленная въ Лондонѣ, при содѣйствіи сэра Мурчисона для экспедиціи въ Енисей компанія «Брандъ, Сидоровъ и К^о» отправила англичанина Банистера для изслѣдованія енисейскаго бара и фарватера. Но, какъ и слѣдовало ожидать, онъ встрѣтилъ въ Сибири такіа препятствія отъ тамошнихъ официальныхъ тайшей-администраторовъ, какихъ никогда Ливингстонъ не встрѣчалъ отъ босоногихъ африканскихъ царьковъ-людоедовъ. Банистеръ прибылъ въ Краснодарскъ въ январѣ 1863 года и явился къ губернатору. Губернаторъ принялъ его такъ любезно, наговорилъ такихъ лестныхъ вещей объ англичанахъ вообще и о королевѣ Викторіи въ особенности, что Банистеру ничего не оставалось, какъ уѣхать изъ Сибири и никогда въ нее не возвращаться. Что

было между нимъ и генераломъ Заматиннымъ — мы не знаемъ, но, должно быть, у нихъ вышло что-нибудь крупное, потому что Банистеръ, уѣзжая изъ Сибири, не зашелъ даже къ Сидорову, а оставилъ ему письмо, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: «Изъ переписки вашей съ г. Заматиннымъ я убѣдился, что вы дѣйствительно принуждены оставить безъ послѣдствій ваши сношенія съ Р. Брандтомъ и К^о по застрахованію и отправкѣ кораблей изъ Англіи въ устье Енисея и отпуску отсюда въ англійскіе порты мѣстныхъ произведеній.

Какъ бы то ни было, но письмо Банистера и его бѣгство изъ Сибири не могли не смутить Сидорова. Дѣло принимало политическую окраску. Сидоровъ справедливо опасался, что сибирская или скорѣе туруханская стычка, въ которую самымъ глупымъ образомъ замѣшаны были такіа громкія имена, какъ англійская королева и предсѣдатель лондонскихъ географическаго и геологическаго обществъ, могла повести еще къ бѣльшимъ политическимъ пререканіямъ, чѣмъ извѣстная и надѣлавшая въ то время много шуму исторія съ англійскимъ подданнымъ Пачифико, изъ-за котораго едва не возгорѣлась война съ Франціей. Вслѣдствіе этого, г. Сидоровъ тотчасъ послалъ въ Петербургъ письмо къ г. Латкину и просилъ его, перехвативъ Банистера въ Петербургѣ, убѣдить его не разстраивать «великаго дѣла» изъ за того только, что въ Сибири еще не вывелись дальновидные политики съ широкимъ кругозоромъ старинныхъ тайшей. Хотя г. Латкинъ и уломалъ Банистера, чтобы онъ не поднималъ исторіи, но за то Сидоровъ уже не могъ вторично заслужить расположеніе знаменитаго Мурчисона.

Потерявъ, по милости російскаго невѣжества, одного нужнаго «нѣмецкаго человѣка», Банистера, вздумали обратиться къ другому—къ датчанину Бойлингу, проживавшему въ Енисейскѣ по дѣламъ судостроенія. Бойлингъ отвѣчалъ, что онъ согласенъ на своемъ новомъ суднѣ, прочно сдѣланномъ и приспособленномъ для морскаго плаванія, отправиться изъ Енисея, чтобы вокругъ Новой Земли пройти въ Бѣлое Море, а оттуда въ Петербургъ. Но онъ при этомъ предупреждалъ, что во всей Сибири нѣтъ людей не только опытныхъ въ дѣлѣ морскаго плаванія, но даже простыхъ рабочихъ, годныхъ для этого дѣла, и потому просилъ исходатайствовать у правительства или географическаго общества присылки въ Сибирь пяти опытныхъ моряковъ, т. е. двухъ штурмановъ и трехъ матросовъ; кромѣ того, онъ просилъ купить для экспедиціи морскія карты и два компаса, которыхъ тоже нельзя найти во всей Сибири. Бойлингъ намѣревался

устроить свое плаваніе такъ, чтобы, отправившись изъ устья Енисея и встрѣтившись съ Крузенштерномъ, поѣхать съ нимъ командами, уже ознакомившимися съ пройденнымъ путемъ, и продолжать экспедицію до самаго Архангельска, тогда какъ Крузенштернъ долженъ былъ подняться вверхъ по Енисею.

Но и это дѣло не выгорѣло. Въ Россіи не нашлось ни людей, ни знанія, ни охоты. Мало того — Крузенштернъ-отецъ, желая, чтобы слава открытія морского пути въ Сибирь принадлежала его сыну, прямо мѣшала исполненію плана Бойлинга. И эту экспедицію, что называется заколодило.

Тогда стали думать о новой. На Енисеѣ построены были два парохода. На одномъ изъ нихъ добрались до устья этой рѣки, но дальше плыть не могли: изъ 16 человекъ рабочихъ, составлявшихъ экипажъ, только одинъ согласился пуститься въ море съ жалованьемъ по 100 р. въ мѣсяцъ, а остальные не хотѣли ни за какую плату «жертвовать своей жизнью и оставлять своихъ родныхъ на произволъ судьбы». Но и эта попытка не обошлась безъ російскаго скандала. Въ Красноярскѣ находился тогда золотопромышленникъ Черносвитовъ, который, получивъ отъ Сидорова 24,500 р., обязался зафрахтовать въ Финляндіи и Швеціи товаръ и плыть съ нимъ къ устью Енисея. Но въ это время вспыхнуло польское повстаніе и Черносвитовъ воротился въ Сибирь, ничего не сдѣлавъ. Впрочемъ, нѣтъ — онъ вотъ что сдѣлалъ: не возвратилъ Сидорову 24,500 р. Денежки, приготовленныя на экспедицію, такимъ образомъ ухнули.

Въ теченіи 1864 и 1865 годовъ тянулась та же канитель по разрѣшенію нашего «сѣвернаго вопроса». Архангельскому губернатору Гартингу, министру внутреннихъ дѣлъ, министру финансовъ, губернаторамъ тобольскому, енисейскому и вологодскому подавались записки о томъ же предметѣ; сообщалось о томъ же и русскому географическому обществу; предлагались на экспедицію деньги. Но все напрасно. Въ цѣлой Россіи нашлось только три лица, которыя откликнулись на призывъ — искать морского пути въ Сибирь. Это были: сумскій купеческій сынъ Никитинъ, кемскій купеческій сынъ Норкинъ и чиновникъ изъ города Колы, нѣкто Оскерко. Но и это ни къ чему не повело, ибо одинъ изъ смѣльчаковъ невинно попалъ подъ судъ, другой умеръ, третій выѣхалъ изъ Россіи.

1866 годъ также пропалъ бесполезно для дѣла.

И вотъ снова выступаютъ на сцену «нѣмецкіе люди», которыхъ недаромъ боялся князь Куракинъ. Шведскій профессоръ Норденшельдъ, посѣтившій около того времени Шпицбергенъ, будучи заинтересованъ разсказами о Карскомъ Морѣ, объ устьяхъ сибирскихъ рѣкъ, о тамошнихъ морскихъ теченіяхъ, о найден-

ныхъ тогда въ устьяхъ Печоры двухъ большихъ стеклянныхъ шарахъ, принесенныхъ теченіемъ изъ Америки отъ Ньюфаундленда и изъ Норвегіи отъ Лофоденскихъ острововъ, а также о томъ, что устье Енисея свободно отъ льдовъ и что оно имѣетъ отличный фарватеръ, совершенно чистый отъ мелей, обратился къ Сидорову, въ февралѣ 1867 года, изъ Стокгольма, съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «Какъ идти дѣла съ вашимъ проектомъ сѣверо-полярнаго плаванія? Я очень интересуюсь имъ и охотно бы принялъ участіе въ такомъ предпріятіи. Однако, я думаю, что нахожденіе правильнаго пути и времени года для путешествія на Обь удастся не прежде, какъ по точномъ разузнаніи положенія льда въ Карскомъ Морѣ. Для достиженія этой цѣли полезно было бы послать къ западному берегу Новой Земли на промысловыхъ судахъ небольшія, но въ научномъ отношеніи хорошо снаряженныя экспедиціи, откуда весьма удобно было бы послать сухопутную экспедицію на восточный берегъ острова, дабы оттуда изслѣдовать положеніе льда. Также хорошо бы сдѣлать попытки пройти чрезъ Маточкинъ Шаръ. Такая экспедиція, снаряженная норвежскими промышленниками изъ Гаммерфеста съ тремя или четырьмя учеными участниками, будетъ стоить отъ 7 до 10,000 руб. и, безъ сомнѣнія, исполнитъ очень многое».

Прошло еще два года, а російскіе люди все не могли собраться. Профессоръ Норденшельдъ, узнавъ отъ Сидорова, что наши соотечественники никакъ не могутъ понять простой истины, что ученая экспедиція всегда достигнетъ большихъ результатовъ, чѣмъ просто коммерческая, писалъ Сидорову, въ апрѣлѣ 1869 года, между прочимъ, слѣдующее: «Въ одномъ отношеніи вы меня не поняли, а именно въ томъ, что, я думаю, *именно ученою экспедицію* всего лучше удовлетворятся коммерческіе интересы. Хорошо снаряженная ученая экспедиція достигнетъ болѣе или менѣе обширныхъ результатовъ; экспедиція же только географическая или коммерческая, не достигнувши тотчасъ же цѣли, дѣлаетъ только рекогносцировку, обыкновенно безъ пользы для дальнѣйшихъ подобныхъ предпріятій. Если же желательно получить вѣрный результатъ на вопросъ о сѣверо-восточной экспедиціи, то всякая экспедиція должна быть снабжена дѣятельными учеными силами. Такая экспедиція никогда не останется безъ результата и покажетъ (я въ этомъ совершенно увѣренъ), что Карское Море всегда, вѣроятно, замкнуто въ Карскихъ Воротахъ, но что оно ежегодно доступно или сѣвернѣе, чрезъ Маточкинъ Шаръ, или южнѣе, чрезъ Югорскій Пролівъ. Во всякомъ случаѣ, долженъ быть произведенъ опытъ, и, если я могу надѣяться на ваше радушное предложеніе

3,700 руб., то достану здѣсь остальные деньги и въ лѣто 1870-го года снаряжу экспедицію съ двумя или тремя зоологами и геологами и, если возможно, состоящую изъ двухъ парусныхъ судовъ, изъ которыхъ одно должно проникать въ Обдорску, другое же должно остановиться для ученыхъ изслѣдованій на Новой Землѣ».

Но и послѣ этого положеніе дѣла мало измѣнилось къ лучшему. Норденшельду сообщали изъ Россіи, что, хотя Сидоровымъ и заключено было, въ Тюнсбергѣ, условіе съ знаменитымъ китоловомъ Фойномъ, который обязывался дать свой паровой клиперъ для сибирской экспедиціи, но, такъ какъ до того времени не было исходатайствовано у нашего правительства позволеніе на право входа иностраннымъ судамъ въ Обь и Енисей, то Фойнъ махнулъ рукой на російскую волокиту и отправилъ свой клиперъ на ловлю китовъ. При всемъ томъ, Сидоровъ продолжалъ упрямо преслѣдовать свою задушевную цѣль, которая стала для него какъ бы однопредметнымъ помѣшательствомъ. Не надѣясь на своихъ неповоротливыхъ соотечественниковъ, онъ старался раздражить алчность иностранцевъ и, между прочимъ, писалъ Норденшельду: «Такъ какъ открытіе морского пути въ устья Оби и Енисея для Норвегіи и Швеціи будетъ дѣломъ громаднѣйшей важности и произведетъ большой переворотъ въ торговлѣ, то нужно совѣтовать *всѣмъ* вашимъ купцамъ, имѣющимъ паровые клипера, стремиться въ устья этихъ сибирскихъ рѣкъ». Каково—*всѣмъ*! Это смѣлое предложеніе подкрѣплялось увѣреніемъ, что сибирскій морской путь дастъ шведской и норвежской торговлѣ самый дешевый и превосходнаго качества сибирскій хлѣбъ, цѣна котораго въ верховьяхъ Оби не превышаетъ 10—15 копеекъ за пудъ, а мясо—60 коп. пудъ. А другія богатства—милліоны кожъ, громадное количество сала, льна, пеньки, льняного сѣмени и т. д., и т. д., это—такая приманка, за которою алчная Европа готова идти на край свѣта. «Если, какъ выражался Сидоровъ въ письмѣ къ Норденшельду: — находить выгоднымъ для перевозки всѣхъ этихъ товаровъ устроить изъ Тюмени до Перми желѣзную дорогу, длиною до 600 верстъ, затративъ на это дѣло десятки милліоновъ, то не гораздо ли дешевле и выгоднѣе перевозить всѣ эти товары по готовой уже морской дорогѣ? Вашимъ соотечественникамъ, въ особенности норвежцамъ, не слѣдуетъ упускать изъ рукъ этого дѣла. Они—ближайшіе сосѣди по сѣверу съ Сибирью! Они имѣютъ отличный и многочисленный торговый флотъ и нуждаются во многихъ произведеніяхъ Сибири. Они—самые честные дѣятели и опытные моряки и купцы, въ чемъ я убѣдился еще болѣе, объѣхавши всѣ порты Нор-

вегін и большую часть Швеціи; это—такія достоинства, которыхъ не имѣютъ другія націи и каковы съ избыткомъ природа наградила ваше разумное и дѣятельное населеніе. А сибирскіе вупцы такимъ дорогимъ, уважаемымъ людямъ протятываютъ руки».

Но сибирскія и даже всероссійскія руки были все еще слишкомъ коротки для совершенія такого дѣла, какъ объединеніе Востока и Запада посредствомъ разумнаго рѣшенія «сѣвернаго вопроса». Кромѣ знанія, котораго у насъ не хватало, нужны были деньги, которыя у насъ тратятся, какъ извѣстно, не всегда съ достаточнымъ благоразуміемъ. Въ географическомъ обществѣ хранился капиталъ, пожертвованный Сидоровымъ для изслѣдованія Чернаго Иртыша. Черный Иртышъ не былъ изслѣдованъ, потому что предпріятію этому помѣшало дунганское возстаніе, и потому Сидоровъ желалъ обратить свой капиталъ на выполненіе ледовитой экспедиціи. Съ этою цѣлью онъ и обратился въ географическое общество съ предложеніемъ: «не признаетъ ли оно полезнымъ воспользоваться предложеніемъ и услугами профессора Норденшельда, совокупно съ Швеціею и Норвегіею, отправить экспедицію, съ учеными съ обѣихъ сторонъ, подъ руководствомъ г. профессора, труды и совѣты котораго, какъ одного изъ самыхъ опытныхъ и энергическихъ мореплавателей и геологовъ, были бы вѣрнымъ ручательствомъ за успѣхъ этого дѣла?» Въ случаѣ согласія общества, онъ просилъ отчислить на это дѣло 3,700 руб. изъ капитала, предвѣназначеннаго для иртышской экспедиціи, отложенной на неопредѣленное время. Но географическое общество насчетъ «сѣвернаго вопроса» имѣло свое собственное мнѣніе, которое не мѣшало князю Курякину спокойно спать въ своемъ историческомъ склепѣ. Графъ Литке отвѣчалъ Сидорову, что совѣтъ географическаго общества поручилъ ему выразить г. Сидорову «искреннѣйшую признательность общества за сообщенныя имъ крайне интересныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ плаваніяхъ, совершенныхъ въ сѣверномъ Ледовитомъ Океанѣ»; но «что касается до предположенія и о томъ, чтобы географическое общество приняло непосредственное участіе въ норвежской экспедиціи, то, по обстоятельному обсужденіи сего предположенія, совѣтъ пришелъ къ заключенію, что едва ли въ настоящее время можно ожидать существенной пользы отъ подобной экспедиціи». Вслѣдствіе этого, и въ выдѣлѣ на экспедицію денегъ было отказано.

Оставалась опять-таки надежда на «нѣмецкихъ людей» — и они не обманули насъ.

НА ДОСУГѢ ¹.

Едва еще было девять часовъ утра, какъ я былъ пробужденъ сильнымъ звонкомъ, раздавшимся въ передней. Вслѣдъ за тѣмъ, до слуха моего донеслись переговоры и пререканія, а черезъ минуту я уже зналъ, что господинъ Балалайкинъ настоятельно требуетъ видѣть меня по крайне нужному дѣлу.

— Свободныя деньги есть? такъ-таки прямо и оборвалъ онъ меня, какъ только я вошелъ въ кабинетъ.

Онъ расположился у меня, какъ свой человѣкъ, то-есть забрался на кушетку съ ногами и съ невыразимою наглостью покуривалъ сигару, осыпая пепломъ коверъ и обивку мебели.

Вопросъ о деньгахъ, признаюсь, нѣсколько смутилъ меня. Капиталъ у меня, хоть и небольшой, но есть. Какъ истинно-культурный русскій человѣкъ, я давно понялъ, что всякія недвижности, до которыхъ, подъ прикрытіемъ крѣпостного права, такъ падки были наши отцы, могутъ, на будущее время, служить лишь къ обремененію, и потому довольно ходко совершилъ ликвидацію суходоловъ и мокрыхъ мѣстъ, составлявшихъ совокупность полученнаго мною отцовскаго наслѣдія. Результатомъ этой ликвидаціи былъ капиталъ, часть котораго я, въ свою очередь, тоже ликвидировалъ въ увеселительныхъ заведеніяхъ обѣихъ столицъ, но, на мое счастье, нашлись добрые люди, которые въ-время остановили меня отъ дальнѣйшей ликвидаціи. Съ тѣхъ поръ, я окончательно сосчитался съ собой, спряталъ остатки капитала въ надежное мѣсто и... ожесточился. Вдрагиваю всякій разъ, когда кто-нибудь при мнѣ начинаетъ разговаривать объ отсут-

¹ См. предыдущій № «Отеч. Зап.».

ствѣ въ русскихъ духа предпріимчивости, и невольно блѣднѣю при мысли: а что, ежели явится оболъститель и отниметь у меня мои деньги?

Да и денегъ-то вѣдь немного... ахъ, какъ немного! именно въ обрѣвъ, столько, сколько нужно, чтобъ обезпечить человѣку возможность жить, раскладывая гранпасьянсъ, и не трепеща отъ ужаса при мысли о завтрашнемъ днѣ». Все у меня рассчитано заранѣе: сколько можно истратить въ день на извозчика, на ѣду, на папирсы, на прачку и проч. Слѣдовательно, унеси у меня сегодня кто-нибудь тысячу рублей, то я немедленно *застраже почувствую*, что въ моемъ годовомъ бюджетѣ послѣдовала убыль въ пятьдесятъ-шестьдесятъ рублей. А какъ только унесли тысячу, то за нею непременно послѣдуетъ другая, третья, четвертая—это ужъ я знаю по опыту. Стоить только разъ сойти со стези непреклонности, а затѣмъ — пиши пропало! Поэтому, я даже другу моему, Глузову, никогда о капиталахъ моихъ не говорю—все думаю: а вдругъ попросить? И онъ мнѣ о своихъ капиталахъ не говоритъ, тоже, конечно, думаетъ: а вдругъ попросить? Молчокъ—святое дѣло. Ибо ежели, съ одной стороны, въ человѣкѣ нѣтъ рѣшимости сдѣлаться червоннымъ валецомъ, а съ другой стороны, не предвидится и иныхъ путей для «полученій», то понятное дѣло, что вся его мысль исключительно поглощается однимъ предметомъ: охраненіемъ тайны существованія наслѣдственныхъ четвертаковъ и пятиалтынныхъ отъ нескромной любознательности постороннихъ лицъ. Подумайте! вѣдь на этихъ пятиалтынныхъ зиждется все благополучіе современнаго культурнаго русскаго человѣка! вѣдь человѣкъ этотъ все еще не утратилъ вкуса къ жизни, хотя и не можетъ дать себѣ отчета, чего ему отъ нея надобно.

— Деньги? какія же могутъ быть у меня деньги? отвѣчалъ я, усиливаясь придать моему голосу тонъ непринужденности, но, въ тоже время, чувствуя, что внутри у меня все дрожить.

— Рассказывайте! живете же чѣмъ нибудь!

— Конечно, живу... какой вы, однако, наглый, Балалайкинь! Вамъ недостаточно знать, что человѣкъ живетъ — нѣтъ, вы непременно хотите доискаться, на чей счетъ онъ живетъ, сколько тратитъ, дѣлаетъ ли долги, или, напротивъ, откладываетъ сбереженія для пріобрѣтенія бумагъ, дающихъ небольшой, но зато вѣрный доходъ.

— Совсѣмъ я этого знать не желаю; я просто спрашиваю: есть-ли у васъ свободныя деньги? потому что мнѣ нужно.

— Нужно!—а это развѣ не наглость! Вамъ—нужно, а мнѣ, можетъ, совсѣмъ не нужно, чтобъ вы знали. Нѣтъ, это ужъ така.

привычка у васъ пошла: не можете вы мимо человѣка пройти, чтобъ не заглянуть, что у него въ карманѣ! Нужно, изволите видѣть, ему знать... нужно!

— Да увѣраю васъ: нужно!

Настойчивость эта разсердила меня еще пуще. Не говоря ни слова, я присѣлъ къ письменному столу съ твердою рѣшимостью оставаться глухимъ къ какимъ бы то ни было обольщеніямъ.

— А я бы хорошей процентъ далъ! продолжаетъ Балалайкинь, располагаясь на кушеткѣ какъ можно комфортабельнѣе и даже потягиваясь.

Я молчу.

— Напримѣръ, два процента въ мѣсяцъ... и съ гарантіей, что въ этомъ размѣрѣ теченіе процентовъ будетъ продолжаться не менѣе года...

Прежнее молчаніе съ моей стороны, и выжидательный зѣвокъ со стороны Балалайкина.

— А возможно и такъ: половина всѣхъ прибылей предпріятія съ гарантіей минимума, напримѣръ, въ размѣрѣ двадцати четырехъ процентовъ.

Въ такомъ вкусѣ длятся краткіе монологи минутъ десять. Приносятъ два стакана чаю: для меня и для Балалайкина. Я беру свой стаканъ и отсылаю другой, говоря, что Балалайкинь можетъ и безъ чаю остаться. Но онъ и этимъ не прониимается.

— А я бы стаканъ выпилъ, говоритъ онъ: — впрочемъ... Такъ вотъ что, голубчикъ: — три процента въ мѣсяцъ съ учетомъ впередъ за цѣлый годъ. C'est à prendre ou à laisser!

— Слушайте, Балалайкинь! не выдерживаю я: — ежели вы не прекратите этого разговора — клянусь, я пошлю за городовымъ!

— Чтожь, и городской всякій скажетъ, что мое предпріятіе вѣрное. И не только вѣрное, но и... патріотическое... да!

— Вы — патріотъ! вскрикиваю я, внѣ себя отъ гнѣва и боли: — вы, Балалайкинь... вы! Вы, побочный сынъ не то Репетилова, не то Удушьева... вы! Вы — поставщикъ самыхъ достовѣрныхъ лжесвидѣтелей... ахъ!

— И все-таки, я повторяю: предпріятіе мое не только вѣрное, но и патріотическое... да! А обстоятельство, что я — побочный сынъ, не имѣетъ къ дѣлу никакого отношенія, и я даже удивляюсь, что человѣкъ образованный и въ нѣкоторомъ родѣ даже либераль... Впрочемъ, я не желаю оставаться на почвѣ инкриминацій, а повторяю: мое предпріятіе вѣрное и патріотическое... да! И я охотно предложилъ бы на выборъ: или принять непосредственное участіе въ дѣлѣ, или ссудить меня деньгами за хорошей процентъ!

*

Я смотрѣлъ и не вѣрилъ глазамъ. Потому брани, который я въ горячахъ вынулъ на него (я даже самъ укрѣпалъ себя: съ какой стати я объ Репетиловѣ и Удушьевѣ напоминаю), не только не заставилъ его покраснѣть или поколебаться, но, повидимому, даже овазалъ на него какъ бы укрѣпляющее дѣйствіе.

— Я уже былъ по этому дѣлу сегодня съ визитомъ у господина Глумова, продолжалъ онъ совершенно спокойно.

— Врете вы! ужь одно то, что только теперь бьетъ девять часовъ, доказываетъ...

— Былъ съ. И даже входилъ въ соглашеніе...

— Которое, конечно, кончилось тѣмъ, что Глумовъ предложилъ вамъ оставить его квартиру...

— Нѣтъ съ, господинъ Глумовъ обѣщалъ подумать...

Я въ волненіи ходилъ по комнатѣ. Вотъ тварь, думалось мнѣ, которая впиалась въ мое существованіе и отъ которой я ни подъ какимъ видомъ отцѣпиться не могу! Какой-то фатализмъ тагофѣтъ надо мной относительно Балалайкина—фатализмъ, воспріявшій начало еще въ то время, когда я вѣрилъ въ искренность и либерализмъ Ипполита Маркелыча Удушьева. Я помню: это было лѣтъ двадцать тому назадъ. Я сгаралъ жаждой подвига, который, по тогдашнему времени, заключался въ томъ, чтобы такую статейку тиснуть, въ которой бы не только цензура, но и самъ чортъ ногу переломилъ. Но прежде, нежели приступить къ выполненію подвига, нужно было, чтобы кто-нибудь изъ старыхъ воробьевъ благословилъ на него. Въ то время, всѣхъ благословлялъ Удушьевъ. Его только что откуда-то возвратили, и Москва, въ которой онъ поселился, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ прислушивалась къ его реченіямъ. Я нарочно поѣхалъ въ Москву изъ Петербурга и не безъ труда добился доступа къ Удушьеву. Онъ принялъ меня важно: въ халатѣ и полулежа въ длинномъ креслѣ. Это былъ старикъ бодрый, громаднаго роста, нѣсколько тучный и румяный; масса сѣдыхъ кудрей вѣнчала его словно ореоломъ. Въ его глазахъ непрерывно вспыхивалъ огонь («я старый крамольникъ», говорилъ онъ, «хотя сознаюсь, что въ настоящее время для крамольничества нѣтъ пици!»), а говорилъ онъ плавно, размыренно, начавъ собесѣдованіе важнымъ дактилемъ и незамѣтно перейдя въ игривый анапестъ. Часто ссылался на свой «Взглядъ и нѣчто» и, чтобы сдѣлать эти смыслы болѣе доступными, подкрѣплялъ ихъ цитатами изъ водевилей Репетилова. Теперь я понимаю, что въ рѣчахъ его ничего не было, кромѣ смѣси самаго обыкновеннаго риторическаго лгавья съ водевильнымъ легкомысліемъ, но тогда казалось, что это именно и есть языкъ, приличествующій глубокому убѣжденію.

смягченному привычками благовоспитанности. Странная вещь! Этотъ человекъ довольно-таки вытерпѣлъ, многое видѣлъ въ жизни, многое могъ лично наблюдать—и за всѣмъ тѣмъ былъ до того холодно отрываемъ изъ «Взглядъ и Нѣчто», что десятки лѣтъ, казалось, прошли мимо, не измѣнивши ни одной строки въ этомъ загадочномъ profession de foi. Повидимому, онъ интересовался и новой русской литературой, но преимущественно театромъ, причемъ—такова жизненность ренетилловскихъ преданій!—одобрялъ Лемскаго и Кони и сдержанно относился къ Островскому.

— Островскій интересенъ! отозвался онъ:—да... это несомнѣнно: онъ интересенъ! но мой почтеннѣйшій другъ Михайло Семеновичъ (актёръ Щепкинъ) не даромъ говоритъ, что со времени его появленія русская сцена пропала овчиннымъ полушубкомъ!

Одною изъ особенностей этого свиданія было то, что покуда Удушьевъ на тысячу ладовъ перифразировалъ передо мной свой «Взглядъ и Нѣчто», въ комнатѣ наявно копошился несовсѣмъ опрятный, но вороватый мальчишка, который дѣлалъ мнѣ тысячи надоедливыхъ пакостей: съ разбѣгу кидался мнѣ въ ноги, карабкался на спинку кресла, въ которомъ я сидѣлъ, теребилъ меня сзади за волосы и проч. И вотъ, когда началось «благословеніе», Удушьевъ, возложивъ обѣ руки на мою голову, подождалъ къ себѣ и вороватаго мальчишку.

— Балабайкинъ! преклони колѣна! сазалъ онъ торжественно, указывая на меня:—запомни черты этого многообщающаго юноши, ибо онъ—мой продолжатель! А вы, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—рукоположите въ свою очередь этого отрока. Онъ будетъ—*ооооооо* продолжателемъ!

Затѣмъ, онъ слегка приподнялся въ креслѣ, дрожащимъ голосомъ провѣлъ куплетъ изъ «Стряпчачаго подъ столомъ»—и церемоніалъ былъ выполненъ. Но когда я откланивался, то, на прощанье, онъ считъ долгомъ вновь напомнить мнѣ о Балабайкини.

— Поберегите его! сазалъ онъ мнѣ:—Богъ знаетъ, долго ли я проживу, а между тѣмъ... Балабайкинъ—это послѣдній отпрыскъ единственнаго человека, который въ совершенствѣ понималъ меня! Онъ—побочный сынъ Репетилова и Стѣшки... знаменитой Стѣшки... ахъ, бестія, какъ она заливалась въ «Настасьи!» Ея голосъ—покрывалъ весь хоръ!

Разумѣется, я долженъ былъ общать, и вотъ съ этихъ-то поръ Балабайкинъ вошелъ въ мое существованіе. Изгнанный изъ лицея Каткова за крамольно-легкомысленное отношеніе къ латинской грамматикѣ, онъ явился въ Петербургъ юношей, мол-

нимъ надеждѣ, и самымъ безцеремоннымъ образомъ потребовалъ, чтобъ я его поддержалъ. Я отнесся къ нему очень привѣтливо и тотчасъ же опредѣлилъ въ департаментъ «Напрасныхъ Тревогъ»; а когда ему тамъ не понравилось, то, въ теченіи одного года, послѣдовательно переводилъ его въ четыре другіе департамента, изъ коихъ послѣднимъ былъ департаментъ «Возбужденія вопросовъ и Оставленія таковыхъ безъ разрѣшенія». Но онъ нигдѣ не уживался, лѣнился, манкировалъ, не могъ путно двухъ строкъ написать, и, что всего важнѣе, однажды, во время доклада, во всеуслышаніе пропѣлъ «La chose» и тѣмъ произвелъ волненіе среди департаментскихъ чиновниковъ, которые, съ вице-директоромъ во главѣ, бросивъ занятія, начали ему поддѣвать. Съ тѣхъ поръ, онъ омончательно новнсъ у меня на шеѣ, и сколько двугривенныхъ и четвертаковъ передавалъ я ему—такъ и теперь встають дыбомъ волосы, когда я вспоминаю объ этомъ! Я не говорю, чтобъ я смиренно переносилъ его нахальство—нѣтъ: очень часто я даже объяснялся съ нимъ на самомъ чистѣйшемъ русскомъ діалектѣ, но онъ не только не смущался этимъ, но даже съ каждымъ подобнымъ объясненіемъ какъ бы усугублялъ свою привязанность ко мнѣ. Придетъ, бывало, дернетъ во всю мочь за звонокъ, устранить слугу, ежели послѣдній вздумаетъ попрепятствовать ему войти въ переднюю, и ворвется.

— Прикажете-ка, папенька-крѣстный, скажете:—извощику за меня заплатить, да встать ужъ каминчикъ бы затопить да котлеточку... Иззабъ и проголодался... смерти!

Только тогда я вздохнулъ свободно, когда былъ объявленъ скорый и правый судъ. Найдя въ немъ пріютъ въ качествѣ адвоката, Балалайкина, съ свойственною легкомыслию неблагодарностью, тотчасъ прекратилъ свои посѣщенія ко мнѣ,¹ чѣмъ я, впрочемъ, не опечалился, но даже втайнѣ ласкалъ себя надеждой, что теперь-то ужъ непременно сошлютъ его на поселеніе, ибо, въ противномъ случаѣ, какое же значеніе будетъ имѣть милостивый судъ?

И вдругъ, этотъ человѣкъ снова становится на моемъ пути и требуетъ у меня—чего?—ужъ не просто двугривеннаго или пятиалтыннаго, чтобъ заплатить за извощика, а... капитала!!

— Все-то вы врите, сказалъ я:—никогда Глумовъ не обѣщаль, да и не могъ обѣщать вамъ подумать. На васъ достаточ-

¹ Единственный случай, благодаря которому наши отношенія возобновились, описанъ мною въ «Современной Идиліи», которая—скажу кстати—будетъ окончена мною въ самомъ непродолжительномъ времени. *Лст.*

но взглянуть, чтобы сейчасъ же дать отвѣтъ на всякій вопросъ, который вы предложите!

— Будто ужъ у меня такая открытая физиономія?

— У васъ физиономія... у васъ, я вамъ скажу, такая физиономія...

— Не продолжайте. И все-таки я вамъ говорю правду: господинъ Глумовъ не только обѣщалъ подумать, но даже прямо выразился: предпріятіе ваше несомнѣнно выгодное, но прежде все-таки надо сообразить, какого сорта вознагражденія слѣдуетъ за него ожидать.

— Ну, да... конечно, такъ! то-есть, дивиденда или трѣнки!

— А я, напротивъ, увѣренъ, что господинъ Глумовъ хотѣлъ сказать совсѣмъ другое, а именно: такъ какъ предпріятіе все-таки сопряжено съ рискомъ, то сообразно съ этимъ должно быть опредѣлено и вознагражденіе. Какъ человѣкъ осмотрительный, онъ не бросился въ предпріятіе сразу, но пожелалъ предварительно сообразить размѣръ процента, основательно взвѣсивши всѣ шансы pro и contra...

Отвѣтъ этотъ заставилъ меня нѣсколько поколебаться. Конечно, я понималъ, что Балалайкины лгутъ, но ссылка на осмотрительность и сообразительность Глумова все-таки заключала въ себѣ нѣкоторое правдоподобіе. Дѣйствительно, и я, и Глумовъ (а, можетъ быть, и большинство нашихъ сверстниковъ вообще) не имѣемъ недостатка ни въ осмотрительности, ни въ сообразительности, чему нагляднымъ доказательствомъ служить уже одно то, что мы, несмотря на крамольный духъ, находимся только на замѣчаніи, но живота не лишены. Конечно, мы кассы гласныхъ ссудъ не откроемъ, но что касается до того, чтобы получить хорошей процентъ, и ежели притомъ благородно и для всѣхъ безобидно...

— Послушайте, что-жь это за предпріятіе, наконецъ? спросилъ я, значительно смягчаясь.

— Отбивать не будете?

— Балалайкины! вы сопли сума!

— Хорошо, я вамъ вѣрю. Итакъ, вотъ что: на-дняхъ я очень дешево присмотрѣлъ партію килекъ...

Онъ пристально взглянулъ на меня, словно наслаждаясь чувствомъ недоумѣнія, которое выразило мое лицо при этомъ неожиданномъ извѣстіи.

— Кильки ревелскія, настоящія, продолжалъ онъ:— съ запашкомъ, правда—ну, да вѣдь à la guerre comme à la guerre... И въ мирное время мы не всегда имѣемъ свѣжія!

— Ну?

— Присмотрѣлъ я партію въ сто тысячъ банокъ. Мы покупаемъ здѣсь въ лавкахъ банку по восьмидесяти копеекъ, а нѣтъ одинъ изъ моихъ кліентовъ уступаетъ банку по пятнадцати копеекъ, то-есть, собственно говоря, возвращаетъ себѣ лишь цѣнность стекла.

— Чортъ знаетъ, что вы городите!

— Дѣлаетъ онъ такую значительную уступку, разумеется, преимущественно потому, что, какъ я уже сказалъ, кильки мѣ держаны, съ запаскомъ. Но, во-первыхъ, ежели продавать кильки въ банкахъ, то даже и въ мирное время этотъ недостатокъ будетъ замѣтенъ лишь по откупоркѣ, а, во-вторыхъ, на полѣ битвы, когда люди ѣдятъ урывками и второпяхъ, воняетъ, конечно...

— Ахъ, да уйдите вы отъ меня, Христа ради!

— Выслушайте, прошу васъ, до конца. Когда мнѣ было сдѣлано предложеніе о покупкѣ упомянутой партіи килекъ, то у меня натурально сейчасъ же блеснула въ головѣ мысль, что килька должна сыграть на Дунаѣ большую роль. Въ настоящее время, какъ это подтверждаютъ корреспонденты всѣхъ русскихъ газетъ, въ нашей арміи ни въ чемъ не ощущается такого существеннаго недостатка, какъ въ закускахъ. Подмѣтивъ этотъ фактъ, я прежде всего остановилъ свой взоръ на сардинкѣ, но, покуда я входилъ въ сношенія по этому предмету, всю свободную сардинку уже скупилъ Новосельскій, который тоже недреманнымъ окомъ слѣдилъ за газетными корреспонденціями. Затѣмъ, я долгое время блуждалъ между икрой, балыкомъ и сиромъ, покуда счастливая случайность не натолкнула меня на кильку. Какъ вы думаете, сколько килекъ заключается въ каждой банкѣ?

— Не считалъ, не знаю.

— А я считалъ: ровно сто шестьдесятъ три. Тогда какъ въ корбѣ сардинокъ, стоящей столько же, сколько и цѣлая банка килекъ, помѣщается не больше пятнадцати рыбокъ. Теперь резюмируемъ нашу мысль. Получивъ единственный въ своемъ родѣ случай приобрести за ничто громадную партію килекъ, мы имѣемъ-возможность не только конкурировать съ сардиной Новосельскаго, но и положительнѣйшимъ образомъ убить ее. Какъ ни великъ патриотизмъ Новосельскаго, но онъ, какъ ни вертеться, не можетъ отпустить свою сардину дешевле, какъ по шести копеекъ за штуку, тогда какъ мы, даже принимая за норму цѣны, существующія на кильку въ петербургскихъ лавкахъ, имѣемъ полную возможность за копейку предложить потребителю двѣ штуки отличнѣйшей въ мірѣ закуски! Ясно, что маму закуску съ удовольствіемъ купитъ даже солдатъ, тогда какъ надѣ

закусой Новосельскаго, но временамъ, задумается и армейскій офицеръ. Но я иду дальше; радомъ неопровержимыхъ доводовъ я докажу вамъ, что *машу* закуску, преимущественно передъ закуской Новосельскаго, прибрѣтеть не только недостаточный чинъ арміи и флотовъ, но и баловень фортуны, гвардейскій офицеръ. И не потому только, что она *дешевле*, а потому, что она *лучше*. Дѣлая, въ теченіи десяти дней, самыя тщательныя опыты надъ сардинкой и килькой, какъ съ точки зрѣнія вкусоваго ощущенія, доставляемаго этими рыбами, такъ и со стороны сравнительнаго вліянія ихъ на физическій и духовный организмъ человѣка, я пришелъ къ слѣдующимъ неопровержимымъ выводамъ. Сардинка, будучи приготовлена на маслѣ, имѣетъ вкусъ прѣсный и потому скоро прѣдается, тогда какъ килька, одобренная перцемъ и лавровымъ листомъ—никогда! Въ военное время, это очень важно. На войнѣ, господа судьи (Балалайкины вдругъ всталъ и простеръ руки, вообразивъ, что онъ произноситъ на судѣ защитительную рѣчь), разнообразіе закусокъ—вещь очень желательная, но достижимая ли—это еще вопросъ. Это—идеаль, къ которому будутъ вѣчно устремляться всѣ помыслы заботливыхъ военачальниковъ, но идеаль, которому, смѣло могу сказать, никогда не суждено осуществиться. Подъ градомъ пуль и гранатъ, въ виду устремляющейся со всѣхъ сторонъ смерти, не столько важно разнообразіе закуски, сколько неприрѣдаемость ея. На этой незыблемой основѣ покоится изобрѣтеніе гороховой колбасы, и этимъ же свойствомъ въ высшей степени обладаетъ—килька!! Она имѣетъ ту же манность, какъ и сардинка, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обладаетъ задержкою, въ видѣ продольной кости, которая положительно препятствуетъ переходу манности въ приторность. Мало того: килька не развращаетъ вкусовыхъ органовъ, какъ сардинка, но дѣйствуетъ на нихъ возбуждающимъ и, такъ сказать, развивающимъ образомъ. Съѣшьте одну сардинку—и съ васъ достаточно; съѣшьте кильку—и вамъ захочется съѣсть еще пять, десять, сто, тысячу килекъ! Таковы, милостивые государи, результаты моихъ наблюденій съ точки зрѣнія непосредственно вкусовой. Что же касается до сравнительнаго вліянія сардинки и кильки на физическій и духовный организмъ человѣка, то наблюденія мои могутъ быть выражены въ слѣдующихъ немногихъ, но рѣшительныхъ выводахъ: 1) сардинка, даже при умѣренномъ употребленіи, производитъ отяжелѣніе въ желудкѣ, тогда какъ килька подстрекаетъ желудокъ къ новой и новой дѣятельности; 2) производя отяжелѣніе физическое, сардинка сообщаетъ вялость и умственнымъ отправленіямъ человѣка, вливаетъ ядъ сомнѣнія и нерѣшительности въ его дѣйствія, тогда

как килька—веселить и одушевляеть человека жаждою славы и подвиговъ... Вотъ, милостивые государи, не фантастическія, но вполне осязательныя и математически-вѣрныя основанія, которыя заставляютъ меня прозрѣвать въ недалекомъ будущемъ несомнѣнную побѣду килки надъ сардинкой, несмотря на патріотическія усилія г. Новосельскаго сдѣлать послѣднюю обязательною закуской русскихъ воиновъ на все время достославной борьбы за независимость единовѣрныхъ и единокровныхъ намъ славянъ. Представьте же себѣ теперь...

Онъ вдругъ поперхнулся и выпучилъ глаза. Ни судей, ни присяжныхъ, ни публики — никого передъ нимъ не было. Нѣсколько минутъ онъ стоялъ въ изумленіи, припоминая, какимъ образомъ онъ очутился въ моей квартирѣ и что собственно заставило его произнести вдохновенную рѣчь въ защиту килки. Наконецъ, онъ припомнилъ.

— Я, кажется, увлекся, сказалъ онъ: — но все равно. Высказанны мною сейчасъ основанія настолько вѣрны, что едва ли вы найдете возможнымъ опровергнуть ихъ. Теперь остается досказать самое существенное: то есть, опредѣлить ожидаемую отъ предпріятія прибыль. По моему, это очень просто. Употребивши на приобрѣтеніе ста тысячъ банокъ килекъ пятнадцать тысячъ рублей, предпріятіе, въ какихъ-нибудь два-три мѣсяца, получаетъ восемьдесятъ тысячъ, то есть учетверяетъ свой капиталъ... гдѣ, спрашиваю я васъ, въ какой странѣ возможно столь быстрое и, притомъ, ни съ чѣмъ несообразное накопленіе богатствъ?

Онъ обратилъ на меня взоръ, полный легкомысленной увѣренности, что нарисованная имъ перспектива заставитъ меня немедленно вынуть изъ кармана ключъ. Но увы! я уже охладѣлъ...

— Быть можетъ, вамъ недостаточно этихъ соображеній, и вы ожидаете отъ меня дальнѣйшихъ, вновь началъ онъ: — извольте, есть и дальнѣйшія. Во-первыхъ, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что въ настоящій моментъ на Дунаѣ всѣ расплаты производятся не кредитными рублями, а на звонкую монету. Слѣдовательно, повулая банку килекъ за восемь гривенниковъ, воинъ, собственно говоря, уплатитъ намъ не восемь гривенниковъ, а рубль двадцать копеекъ, что дѣлаетъ будущность, ожидающую предпріятіе, еще болѣе блестящею. Во-вторыхъ, учтѣвъ, въ теченіи двухъ-трехъ мѣсяцевъ, свой первоначальный фондъ, предпріятіе можетъ продолжать операцію дальше, то есть не только наводнитъ килькою поля битвы, но и накормитъ ею болгаръ, герцеговинцевъ, черногорцевъ и вообще всѣхъ, борющихся за святое дѣло свободы и независимости. Въ-третьихъ, предпріятіе, независимо

отъ громадныхъ матеріальныхъ выгодъ, навѣрное, будетъ пользоваться, въ глазахъ начальства, и патриотическою окраской. Конечно, мы приобретаемъ кильку почти за даромъ, но вѣдь это известно только намъ; въ глазахъ же дѣлаго міра будетъ стоять тотъ непререкаемый фактъ, что мы банку килекъ, стоящую въ Петербургѣ (то есть почти въ самомъ мѣстѣ ея производства) восемьдесятъ копеекъ, за тѣ же восемьдесятъ копеекъ продаемъ на Дунай! И пространство, и время, и даже законные проценты на затраченный капиталъ—все принесено нами на алтарь любви къ отечеству! Ужели это не величественное зрѣлище! И замѣйте: мы ничего не просимъ; мы не выговариваемъ въ свою пользу даже тѣхъ десяти процентовъ, которые получаютъ Коганъ, Горвицъ, Грегеръ и комп.; мы требуемъ только одного: дайте просторъ нашей килькѣ, не стѣсняйте естественное распространеніе ея въ средѣ русскихъ воиновъ! Разумѣется, если Новосельскій приметъ явно-насмѣшвенныя мѣры, чтобъ подчинить нашу вѣусную и вполне приспособленную къ военнымъ обстоятельствамъ закуску своей нецѣлесообразной и вредно дѣйствующей на духъ войскъ сардинкѣ — тогда... ну, тогда, конечно, окажите намъ защиту... но только защиту! Ужели и этого много?

Онъ вновь обратилъ ко мнѣ молящія взоры; но я продолжалъ оставаться безучастнымъ и холоднымъ. Мало того: я рѣшился сразу и окончательно высказать мое мнѣніе по этому дѣлу.

— Послушайте, Балалайкинь, сказалъ я: — я одному удивляюсь, какъ это вамъ не приходитъ въ голову: а что, если меня за такіе проэскты возьмутъ да повѣсятъ?

— Этотъ вопросъ уже былъ мнѣ предложенъ господиномъ Глузовымъ, отвѣтилъ онъ: — да, впрочемъ, я и самъ имѣлъ его въ виду, когда обсуждалъ шансы предпріятія.

— Вотъ видите! стало-быть, вы ужъ и сами догадывались, что предпріятіе ваше совсѣмъ не такое патриотическое, какимъ вы его хотите представить теперь.

— Нѣтъ, я не догадывался, а просто рассчитывалъ и соображалъ. Такъ какъ, въ военное время, возможны всякаго рода недоразумѣнія, то весьма естественно, что я, между прочимъ, принималъ во вниманіе и шансъ быть повѣшеннымъ.

— И разумѣется, по строгомъ размышленіи, пришли къ убѣжденію...

— Что вѣшать рѣшительно не-зачто. Вотъ еслибъ я распространялъ превратныя идеи—ну, тогда не спорю... Но килька, и притомъ по такой дешевой цѣнѣ...

— Балалайкинь! вы слишкомъ снисходительны къ себѣ! Подумайте, вѣдь вы сами только-что выразились — и, по моему,

черезчур даже деликатно — что ваши кильки съ запашидомъ, а на дѣлѣ-то онѣ должны быть просто на просто протухлыя. Я не спорю, вашъ проэктъ основанъ на такой мизерной частности, что назвать его злодѣйствомъ, въ строгомъ смыслѣ, нельзя; но ежели вы и не заслуживаете названія злодѣя, то совсѣмъ не потому, что бы у васъ не было доброй воли сдѣлаться имъ, а потому и только потому, что на изобрѣтеніе настоящаго злодѣйства у васъ не хватитъ ни смѣлости, ни воображенія. Переступите одну черту, только одну черту — и вы единогласно приговорены! Вѣдь вы ужь примирились съ мыслью, что войны, «въ торопахъ», могутъ гнилыя кильки глотать (на этой «мысли» вертится весь вашъ проэктъ); отчего же не примириться и съ тѣмъ, напримѣръ, что тѣ же войны, «въ торопахъ», могутъ гнилыми сухарями довольствоваться? Вы скажете, быть можетъ, что эта мысль уже предвосхищена и, по мѣрѣ возможности, приводится въ исполненіе: прекрасно! На это я могу отвѣтить вамъ слѣдующее: изобрѣтатели гнилыхъ сухарей, конечно, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, не избѣгнуть должнаго возмездія — по крайней мѣрѣ, вся образованная Россія съ надеждой ожидаетъ этого — но и вамъ, злодѣю мелкому, все-таки слѣдуетъ отнестись къ себѣ строже и спросить себя: не будетъ ли висѣлица лишь слабымъ вознагражденіемъ за вашу прожекторскую дѣятельность?

Балабайкинъ на минуту задумался и даже истинетивно потеръ рукою шею, словно ощущая на ней присутствіе веревки. Но сейчасъ же вслѣдъ за этимъ онъ уже смотрѣлъ по прежнему бодро.

— И такъ, вы возбуждаете вопросъ объ уголовномъ возмездіи...

— Я, собственно, ничего не возбуждаю; но думаю, что вопросъ возникаетъ самъ собою, силою вещей, какъ возникло, напримѣръ, дѣло московскаго учетнаго банка.

— И кончилось тѣмъ, что Струсбергъ *препровожденъ* за-границу, а Ландау самъ туда бѣжалъ... Моралистъ! пошутить онъ ужь совсѣмъ весело.

— Моралистъ — пожалуй. И даже неудачный — согласенъ и на это. Но вотъ въ чемъ дѣло. Давеча у меня сорвалось съ языка напоминаніе о томъ, что вы — сынъ Репетилова. Что я поступилъ въ этомъ случаѣ болѣе, нежели опрометчиво — въ этомъ я сознаюсь вполнѣ искренно. Но теперь я даже вдвойнѣ сознаю свою опрометчивость, потому что Репетиловъ — вѣдь это что же такое? Репетиловъ, это — идеалъ душевной опрятности, Репетиловъ, это — человѣкъ безъ упрѣка... разумѣется, говоря не абсолютно, а сравнительно. Репетиловъ легкомысленъ, назойливъ и даже, пожалуй, противенъ, но все-таки врядъ ли кому-либо изъ его сверст-

никогда могло придти на мысль сказать при взглядѣ на него: вотъ человѣкъ, котораго настоятельно нужно повѣсить! Подобный приговоръ былъ бы и жестокъ, и несправедливъ, потому что преступленія, совершаемыя Репетиловыми, таковы, что щелчокъ въ носъ служитъ вполне достаточною для нихъ оцѣнкою. Теперь сравните же... но нѣтъ! Ахъ, Балалайкины! еслибы вы могли сдѣлаться Репетиловымъ *сполна*—какъ бы это было хорошо и какъ бы я былъ счастливъ за васъ! Но, къ сожалѣнiю, въ тайнѣ вашего рожденія участвовала и Стѣшка цыганка, и я боюсь, что Стѣшкина вороватость и на будущее время возьметъ въ васъ верхъ надъ Репетиловскимъ легкомыслиемъ!

Покуда я отчеканивалъ эту предикъ, Балалайкины смотрѣли на меня пристально, но совершенно безучастно. Врядъ ли даже онѣ слышали что-нибудь изъ высказаннаго мною; скорѣе всего, въ его головѣ копошились въ это время новые промышленные прозекты, потому что, какъ только стихъ мой голосъ, онѣ сейчасъ же, какъ ни въ чемъ не бывало, опять возвратились къ своему предмету.

— И такъ, мое предпріятіе съ килькой кажется вамъ недостаточно выгоднымъ? спросилъ онѣ меня совершенно спокойно.

— Нѣтъ, не невыгоднымъ, а... Ахъ, Балалайкины, Балалайкины! какой вы наглый человѣкъ! именно наглый, наглый, наглый! Совсѣмъ не невыгоднымъ нахожу я ваше предпріятіе, а именно...

— Позвольте. Допустимъ, что только невыгоднымъ — зачѣмъ искать другихъ опредѣленій? Вѣдь не Богъ же знаетъ какое блаженство вы ощутите, ежели замѣните эпитетъ «невыгодный» какимъ-нибудь бурмицеймъ зерномъ изъ словаря Полторацкаго кабака. И такъ, мое предпріятіе кажется вамъ невыгоднымъ... хотя... Въ два-три мѣсяца возможность учетверить капиталъ — желалъ бы я знать: какое предпріятіе, кромѣ, разумѣется, Горвицевскаго, можетъ принести такой дивидендъ? И гдѣ же, наконецъ, предѣлъ человѣческимъ желаніямъ?

— Оставимте этотъ разговоръ, Балалайкины! вы—наглый! васъ не урезонить! оставимте!

— Прекрасно. Забудемъ о килькахъ. Но, въ такомъ случаѣ, у меня имѣется къ вашимъ услугамъ другая, ежели не болѣе, то отнюдь не менѣе выгодная операція.

И, замѣтивъ на моемъ лицѣ испугъ, онѣ, чтобы не дать мнѣ возможности возражать, поспѣшно продолжали:

— Вотъ въ чемъ дѣло, голубчикъ. На дняхъ мнѣ предложили

приобрѣсти партію махорки по баснословно-дешевой цѣнѣ... что въ родѣ шести гривенъ за пудъ.

— Это еще что?

— Махорка—это табакъ, родъ опиума самого сквернаго сорта. Мы съ вами, конечно, не будемъ его курить, ну, и господа офицеры—тоже... исключая, разумѣется, тѣхъ, которые выслужились изъ сдаточныхъ—тѣ будутъ! Но для солдатъ—это лучшее лакомство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекраснѣйшее возбуждательное средство, какого только можно желать!

— И, конечно, ваша махорка будетъ тоже гнилая?

— Гнилая—нѣтъ, подмоченная—да. Но я ужъ имѣю въ виду средство: стѣять только подмоченные листы вновь подмочить—и они будутъ опять совсѣмъ какъ свѣжіе.

— Ну да, на видъ, а, въ сущности, все таки гнилыя?

— Моралисты! но развѣ въ пылу битвы есть возможность отличить свѣжій табакъ отъ... подмоченнаго?

Это было ужасно. Битыхъ два часа онъ неуставаячи мучилъ меня, и я до того огупѣлъ подъ гнетомъ его приставаній, что даже утратилъ всякую изобрѣтательную энергію. Нѣсколько разъ спрашивалъ я себя: какъ бы поступилъ на моемъ мѣстѣ, напримеръ, французъ, нѣмецъ, англичанинъ? но нѣтъ, тамъ подобнаго случая даже быть не можетъ! Тамъ всякій свое мѣсто знаетъ: Балалайкины—между собою разговоры водятъ, Глумовы—между собою. Явился Балалайкинь-нѣмецъ къ Глумову-нѣмцу съ предложеніемъ о килькѣ—Глумовъ повернулся къ нему спиной—и дѣло съ концомъ. А у насъ, словно на днѣ зашпуннаго пруда, сплелось что-то до такой степени дивное, что хоть желѣзный ломъ въ ходъ пускай—и тѣмъ не раздерешь. Пришелъ Балалайкинь «посидѣть»—и будетъ сидѣть сколько ему Богъ на душу положить. Ни за городовымъ послать, ни отвернуться отъ него—даже въ голову не придетъ. А почему такъ?—да потому именно, что тутъ есть невообразимое сплетеніе. Сзади есть Удушьевъ, есть Репетилонъ—все люди, которые и изъ могилъ кричатъ: плоть отъ плоти! кость отъ костей! И кричатъ не только Балалайкину, но и мнѣ, и Глумову, и всѣмъ. Вотъ отъ чего, быть можетъ, у насъ такъ часто связи, повидимому, самыя прочныя, разрѣшаются дуэлями... не настоящими, разумѣется, а на манеръ нашихъ клубныхъ единоборствъ. Терпѣть-терпѣть человѣкъ, годъ средства изыскиваетъ, другой изыскиваетъ—и вдругъ мыслы: а попробую, нельзя ли хоть единоборство наглеца урезонить?

— Эхъ вы! продолжалъ, между тѣмъ, Балалайкинь:—и капиталъ у васъ есть, и даже хорошій—это я достоверно знаю—а вы сидите на немъ да по пяти копеечекъ съ рубля получаете! По-

думайте! время-то вѣдь летитъ! Вѣдь нынче человѣкъ, у котораго нѣтъ денегъ—это что такое? вѣдь это—презрѣнный, это больше чѣмъ презрѣнный это—каналья, которая, навѣрное, вернется и которая, слѣдовательно, рано или поздно, непременно попадетъ на скамью подсудимыхъ! Какую вы себѣ старость готовите!

Ужасно, ужасно, ужасно! Я сидѣлъ какъ на угольяхъ и безнадежно смотрѣлъ на часы. Мнѣ казалось: вотъ-вотъ сейчасъ раздастся звонокъ, и Глумовъ освободитъ меня отъ этого распутнаго юноши.

— Вы всю жизнь спустя рукава прожили, всю жизнь по верхамъ глазѣли! гудѣлъ въ моихъ ухахъ голосъ Балалайкина:—такъ хоть одинъ-то разъ взгляните на дѣло серьезно! Вѣдь я кому пользы желаю—все вамъ же! Потому что я самъ... мнѣ за чѣмъ? съ меня и практики моей адвокатской по горло будетъ! Вотъ я недалше, какъ вчера, одну дамочку съ мужемъ разлучилъ... штука, я вамъ доложу... пальчики оближешь! Десять тысячъ чистоганчикомъ за хлопоты вручила, да *приложение*... у Огюста въ отдѣльномъ кабинетѣ! Всю ночь до позднихъ пѣтуховъ мы съ ней прохороводились—я потому татарамъ двадцать пять рублей на водку далъ! А какой ужинъ! фрукты какіе! вино! Я было заплатитъ хотѣлъ—не допустила! Сама за все рассчиталась, а татарамъ, съ своей стороны, радужную выкинула! Такъ вотъ какую я жизнь веду! А вы... объ чемъ бишь, впрочемъ, я говорить началъ?.. да, объ махоркѣ! Слушайте: вѣдь это—какой проэктъ! вѣдь я не на офицеровъ рассчитываю, а на солдатъ, на большинство—понимаете? Махорку всякій куритъ, безъ махорки воину обойтись нельзя! Онъ на редутъ лѣзетъ, а трубка у него въ зубахъ! А ежели и этого вамъ мало, такъ можно *машу* махорку и обязательно сдѣлать... у меня и на счетъ этого ходы есть... По рукамъ, что ли?

Но я продолжалъ молчать и не сводилъ глазъ съ часовъ.

— Но вамъ, можетъ быть, и то не нравится, что я насчетъ ходовъ упомянулъ... моралистъ? такъ я вамъ доложу, что безъ этого нашему брату—мать! Конечно, можно дуракомъ и передъ открытою дверью стоять, да вѣдь дураки потому и называются дураками, что они ротъ развѣвають, а умные въ это время куски глотаютъ. Нѣтъ, вотъ какъ я тутъ позолочу, да тамъ посеребряю, а ежели и это не помогаетъ, такъ гдѣ ползкомъ, а гдѣ и на заднихъ лапкахъ... такъ-то, папенька крѣстный!

Говоря это, онъ дружески хлопалъ меня по колѣнѣ, и, уви я не оказалъ никакого противодѣйствія его ласкамъ! Я только старался окаменѣть въ ожиданіи чуда. Вдругъ звонокъ! Я бро-

сился на встрѣчу къ Глумову и, буквально дрожа всѣмъ тѣломъ, крикнулъ:

— Ахъ, какъ онъ мнѣ надоѣлъ! какъ надоѣлъ!

— Такъ я и зналъ! предвидѣлъ я, братецъ, что онъ къ тебѣ пойдетъ! Ахъ, Балалайка безструнная! Мало тебѣ того, что я тебя съ лѣстницы спустил?

— Помилуй! онъ хвастается, что ты выслушалъ его проклеты и общалъ подумать; сосплетничалъ я.

— Я тебѣ общалъ? я?

Голосъ Глумова звучалъ такъ сурово, видъ его былъ такъ грозенъ, что Балалайкинъ невольно смутился.

— Молись Богу! твой часъ наступилъ! Я тебя предупреждалъ давеча, что добромъ тебѣ не кончится! продолжалъ Глумовъ и прекраснѣйшимъ basso profundo пропѣлъ:

Твой сме-ртный часъ! твой гро-зный часъ!

— Душа моя, надо его повѣсить! обратился онъ ко мнѣ: — онъ, впрочемъ, ужъ знаетъ объ этомъ, а я и веревку съ собой захватилъ.

Дѣйствительно, Глумовъ вынулъ изъ кармана совсѣмъ новую веревку и поднесъ ее къ носу Балалайкина. Балалайкинъ старался улыбнуться, но отъ наблюдательности моей не укрылось, однако, что физиономія его замѣтно поблекла, въ виду рѣшимости, съ которою Глумовъ произнесъ свой приговоръ.

— А вотъ и гвоздь — молись, Балалайкинъ! Мало того, что ты людей до истерики своими пристававшими доводишь — ты, за одно съ турками, возмечталъ русскую армію истребить! Знаешь ли, чѣмъ это пахнетъ? Молись и снимай галстухъ!

Балалайкинъ, желая обратить дѣло въ шутку, охотно развязалъ галстухъ, растегнулъ воротникъ рубашки и даже шею подставилъ; я, съ своей стороны, въ качествѣ любителя юмористическихъ представленій, не менѣе охотно помогалъ Глумову надѣвать петлю... И вдругъ, Глумовъ схватилъ Балалайкина въ охапку и самымъ серьезнымъ образомъ потащилъ его къ гвоздю.

— Послушайте! это, наконецъ, ужъ выходить изъ предѣловъ шутки! протестовалъ на ходу Балалайкинъ.

Я тоже порядочно испугался.

— Чтò ты дѣлаешь, душа моя! взмолился я: — вѣдь насъ за это... Не лучше ли отправить его въ участокъ?

— Чтòбъ его оттуда выпустили... оставь меня! я знаю, чтò дѣлаю! Такъ ты, Балалайка, думаешь, что съ тобой шутки шутить... а? Нѣтъ, мой другъ! ты меня такъ огорчилъ, такъ огорчилъ... даже до глубины души! Государственную измѣну затѣвалъ... а?! Полѣзай, полѣзай! барахтаться нѣчего!

И онъ въ одинъ моментъ его вздернулъ, до такой степени вздернулъ, что Балалайкинь сейчасъ же и языкъ высунула.

— Теперь пойдёмъ къ Павлину завтракать, обратился ко мнѣ Глумовъ: — а онъ куда пускай повиситъ!

— Помилуй! да вѣдь онъ, того гляди, умреть!

— Не умреть — не бойся! Ты думаешь, онъ языкъ-то высунулъ — это онъ жеть! всю жизнь лгалъ и теперь жеть! Лжешь, Балалайка?

Балалайкинь не отвѣтилъ, а только еще больше высунула языкъ.

— Вотъ и прекрасно. Повиси тутъ, а мы пойдёмъ!

Я долженъ сказать, что Глумовъ увлекъ меня къ Павлину почти насильно. Я шель за нимъ, подчиняясь его авторитету, но, въ то же время, безпрестанно оглядываясь назадъ, какъ будто Балалайкинь съ высунутымъ языкомъ гнался за мной по пятамъ. Глумовъ съ обычною ласковостью успокоивалъ меня.

— Я человекъ не жестокий, говорилъ онъ: — но думаю, что въ настоящее время спасительный намѣкъ необходимъ. Такъ ужъ эти негодян нынче расходились и столько ихъ развелось... Помилуй! кровь пьютъ, обворовываютъ, а, наконецъ, и начисто морить собрались!.. Надо же намѣкъ сдѣлать, чтобъ хоть немножко поостепенились мерзавцы!

— Дѣйствительно, это великое; но все-таки прошу тебя имѣть въ виду, что Балалайкинь ужъ языкъ высунула. Дай мнѣ слово, что пробудешь у Павлина недолго.

— Пробуду столько, сколько требуется, чтобъ апшетить удовлетворить. Говорю тебѣ, что онъ жеть и, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ эту минуту ужъ лыжи наострилъ и бѣжить, слома голову, еще кого-нибудь своими проеѣтами соблазнять. Но ежели онъ и поболѣетъ — неужто же судъ не пойметъ, что иначе въ данномъ случаѣ нельзя было поступить? И неужто ты-то не благодаренъ мнѣ, что я тебя выручилъ? Оставимъ, мой другъ, этотъ разговоръ.

И точно: Глумовъ, не торопясь, съѣлъ котлетку, выпилъ бутылку пива и затѣмъ вступилъ со мной въ душевную бесѣду.

— Столько нынче по городу анекдотовъ про этихъ христопродавцевъ ходитъ, говорилъ онъ: — что другой, наслушавшись, невольно скажетъ: какая, однакожь, распутная страна!

— Да, голубчикъ! даже ужъ и говорятъ!

— Завелась-это шайка проходимцевъ, да дѣвиць международ-

наго поведения, выплась, сосеть... Осыпала сътъю наши Заманиловки, Погорѣловки, Проплѣванния; Бьются тамъ люди, словно рыба въ мотнѣ, ничего не понимаютъ, только чувствуютъ, что ихъ сейчасъ жрать будутъ... Бьются—и только! какъ будто въ этомъ одномъ и состоитъ ихъ провиденціальное назначеніе! Кто отомстить-то за это—вотъ ты мнѣ что скажи!

— Исторія послѣ все разбереть.

— Нѣтъ, не разбереть, потому что исторія только верхоглядничаетъ. Ей даже и узнать не откуда, что въ Заманиловкахъ честные люди живутъ. Струсберги, да Овсянниковы, да жидовствующая братія—вотъ матеріалъ, который она разработываетъ. Блескъ ей нуженъ, герои нужны!

— Что-жь, вѣдь, съ одной стороны, это и не худо. По крайней мѣрѣ, отъ компрометирующей солидарности заманиловцы ускользнуть.

— Врядъ ли. Это въ прежнее время бывало, что заладить историкъ: Мстиславъ, да Ростиславъ, а изъ партикулярныхъ людей Добрыня, да Блудъ. А нынче историкъ воровать сдѣлался; хоть и тѣ же Добрыни, да Блуды у него подъ руками, а онъ прямо такъ-таки и нахальничаетъ: я, говоритъ, знать не хочу, что на Васильевскомъ Острову, да на Английской Набережной происходило, я, говоритъ, народъ имѣю въ виду, народъ призываю къ суду исторіи! Вотъ и потянуть проплѣвановцевъ на цугундерь...

— Но какой же можетъ быть судъ, ежели о нихъ, какъ ты самъ сейчасъ выразился, и сказать-то нѣчего?

— То-то что солжетъ что-нибудь. А, впрочемъ, голубчикъ, еслибъ и удалось заманиловцамъ отъ солидарности ускользнуть, такъ вѣдь и тутъ барышъ не великъ. Солидарности-то не будетъ, да, пожалуй, и совсѣмъ ничею не будетъ—вотъ что нелестно! жили, молъ, да были непомятіе родства—хорошо развѣ этакъ-то?

— Однако, мы видимъ, что даже въ краткихъ учебникахъ и тамъ заманиловцевъ непомятими родства не называютъ, а, напротивъ, аттестаты даже выдаютъ.

— Ну, да; отличаются, молъ, твердостью въ бѣдствіяхъ и доблестнымъ очищеніемъ окладныхъ листовъ; такъ нынче вѣдь и этого человѣкъ съ совѣстью сказать не можетъ. Твердость въ бѣдствіяхъ кабаки пошатнули, а что касается до окладныхъ листовъ... ахъ, не радуются, мой другъ, сердца начальниковъ, глядя на нихъ!

— Неужто?

— Да, любезный! а, впрочемъ, ты не подумай... ни-ни! Простое ничего не подѣлаешь! «Ничего не подѣлаешь»—вотъ кличь,

который нынче несется въ край въ край по всей Руси! А тутъ, между тѣмъ, шайка международныхъ негодяевъ мрежи неуставяючи плететь!

Глумовъ вздохнулъ и спросилъ рюмку водки (послѣ завтрака!), что означало, что онъ находится въ ожесточеніи.

— Такъ ты думаешь, что Балалайкинь, напимѣръ, попадетъ въ исторію?

— Нѣтъ, Балалайкинь-имярекъ, Балалайкинь, котораго мы сейчасъ повѣсили—тотъ не попадетъ. Съ него достаточно и того, что онъ гдѣ-нибудь, въ концѣ тома, въ ученыхъ примѣчаніяхъ, фигурировать будетъ. Но Балалайкины вообще, Балалайкины, ихъ же имена ты, Господи, вѣси! — тѣ краугольный камень составляютъ. А отъ нихъ пойдетъ мораль и на заманиловцевъ, проплѣвановцевъ, погорѣловцевъ. Потому что кто же виновать, что о нихъ никакихъ свидѣтельствъ нѣтъ, кромѣ ревизскихъ сказокъ? Вотъ и скажетъ историкъ: на основаніи такихъ-то и такихъ-то данныхъ—я имѣю полное право заключить, что сія эпоха была эпохой распутства — *всеобщаю!* Всѣ, значить, безъ исключенія... Что-жъ! коли хочешь, оно вѣдь и правильно!

— Почему-же правильно?

— А потому: не хлопай глазами! Одно изъ двухъ: или ты человекъ, или волъ подъяремный. Ежели ты человекъ, и за всѣмъ тѣмъ у тебя подъ носомъ Балалайкины исторію народа російскаго созидаютъ—стало быть, ты самъ потатчикъ и попуститель; ежели ты только волъ подъяремный, стало быть, вѣчего объ тебѣ и говорить. Мало-ли на земномъ шарѣ земноводныхъ обитаетъ? мычатъ, блѣютъ, мяукаютъ, каркаютъ, свещутъ, квакаютъ—развѣ исторія обязывается принимать ихъ въ расчетъ?

Приговоръ былъ рѣшительный, и меня, признаюсь, даже неразъ передернуло, покуда Глумовъ высказывалъ его. Но, такъ какъ я зналъ навѣрное, что онъ говоритъ такимъ образомъ совсѣмъ не по убѣжденію, а единственно подъ вліяніемъ ожесточенія, то ограничился тѣмъ, что возразилъ ему:

— Ты этого не думаешь, а говоришь подъ вліяніемъ хотя и законнаго, но все-таки неполнѣ разумаго ожесточенія.

— Ужъ не противъ Балалайкина ли?

— Нѣтъ, Балалайкина мы ужъ повѣсили—будетъ съ него. Но сдѣлай транспортировку Балалайкиныхъ, переложи ихъ нѣсколькими тонами выше — гамма-то вѣдь безконечна! — усложни его ребяческіе прозекты, прибавь къ нимъ гнилые сухари, толченый уголь вмѣсто пороха (разумѣется, если только можно такое злодѣйство себѣ представить!)—и поводы для ожесточенія получаютъ ся до такой степени полные, что, въ виду ихъ, невольно притуту-

*

цится самое живое чувство справедливости. Не въ Балалайки-нѣ, а въ совокупности Балалайкинскихъ, въ ихъ общедоступности и общепризнанности, въ разлитости балалайкинскаго зѣра въ воздухъ—вотъ гдѣ настоящая причина негодования!

— Что же, однако, въ моихъ словахъ несправедливаго?

— Все несправедливо. Во-первыхъ, тутъ совсѣмъ не «хлопаютъ глазами», какъ ты говоришь, а совершенно серьезно истекаютъ кровью, и никакой историкъ не увольняется отъ обязанности знать это. Во-вторыхъ, дѣла о «претершѣнн» на столько сложны, что такими дилеммами, какъ: или ты человѣкъ, или ты вошь подъяремный, ихъ ни подъ какимъ видомъ не разрѣшишь. Есть, любезный другъ, еще третій субъектъ, коли ты хочешь, тоже подъяремный, но не вошь, а человѣкъ, мечущійся изъ стороны въ сторону подъ игомъ мысли, что его, какъ ты самъ сейчасъ выразился, немедленно жрать будутъ. Этотъ субъектъ не мычить, а пѣсни о своихъ боляхъ слагаетъ; не потворствуетъ и не потакаетъ, а просто не знаетъ. Положеніе трагическое и запутанное, но въ матеріалахъ для изученія его недостатка все-таки нѣтъ. Вѣдь балалайкинскіе-то проэкты на комъ отражаются? — на немъ, исключительно на этомъ мечущемся человѣкѣ! Стало быть, историкъ, ежели онъ не безумный, стѣять только разобраться въ этихъ проэктахъ, и сопоставить ихъ... Впрочемъ, ты вѣдь и самъ все это лучше меня знаешь, а только такъ, въ минуту жизни трудную, пофрондировать вдумалъ.

.....

Глумовъ, хотя и возражалъ, но не искренно, а скорѣе изъ упрямства, чтобъ сохранить за собой послѣднее слово. Впрочемъ, я тоже успѣшилъ переменить разговоръ, потому что замѣтилъ, что сидѣвшій за сосѣднимъ столомъ посѣтитель началъ что-то ужъ чересчуръ симпатично прислушиваться къ нашимъ рѣчамъ.

— А Балалайкины-то вѣдь все висить! сказала я.

— И пускай висить.

— Однако, знаешь-ли что? конечно, проэкты его гнусны, но ежели ихъ съ финансовой точки зрѣнія разобрать... право, они совсѣмъ не глупы!

— Еще какъ не глупы-то!

— Вѣдь это только такъ кажется, что вилка или махорка—нестоящіе вниманія предметы! а взгляни-ка на дѣло поглубже, особенно на махорку...

— И числа процентамъ не будетъ!

— И знаешь-ли еще что? нетолько осуществленіе этихъ проэктовъ вполне практично, но даже и характеръ имъ можно придать... именно патріотическій... да!

— Еще бы, восемь гривенниковъ на 'мѣстѣ производства и тѣже восемь гривенниковъ за двѣ тысячи верстъ—это хоть кому угодно въ носъ бросится!

— Такъ что, ежели бы, наприимѣръ...

— Постой! заключимъ лучше нашъ разговоръ такъ: но по этимъ-то именно соображеніямъ я надлежало Балалайкина повѣсвить! Правильно?

Я долженъ былъ согласиться, что правильно, и сдѣлалъ это тѣмъ охотиѣе, что вопросъ о томъ: что-то происходитъ теперь у меня дома? все-таки ни на минуту не оставилъ меня. Безъ особеннаго сожалѣнія оставили мы палкинскіе салоны, и, признаюсь, я не безъ тревоги позвонилъ у дверей моей квартиры. Къ счастью, проникательность Глумова на этотъ разъ не измѣнилась ему: Балалайкина и слѣдъ простылъ. Какимъ образомъ онъ ухитрился, на вѣсу, высвободиться изъ петли, это—его тайна; но на письменномъ столѣ моемъ лежала записка, гласившая такъ:

«Я могъ бы претендовать на васъ; но, понимая шутку, первый готовъ посмѣяться, ежели она остроумна. Поэтому, я считаю наши переговоры по извѣстому дѣлу не конченными, а только временно прерванными. Когда голосъ страстей умолкнетъ и правосудокъ вновь вступитъ въ права свои, то телеграфируйте мнѣ: Фонарный Переулокъ, домъ бывшій Зондермана. Я во всякое время къ вашимъ услугамъ.

Балалайкинъ».

Прошло два мѣсяца, въ продолженіи которыхъ я не слѣдилъ за Балалайкинымъ, хотя случайными путями и получалъ объ немъ отрывочныя свѣдѣнія. Но послѣднія были до такой степени ни съ чѣмъ не сообразны, что трудно было дать имъ какуюнибудь вѣру. Одни говорили, что Балалайкинъ вступилъ въ товарищество съ извѣстнымъ евреемъ Зельманомъ, и принялъ монсеевъ законъ, чтобъ получить больше свободы въ движеніяхъ по махорочной операціи; другіе рассказывали, что онъ потурчился и поступилъ адъютантомъ къ Осману-пашѣ наконецъ, третьи утверждали, что онъ сдѣлался приближеннымъ Мак-Магона и ѣздилъ отъ послѣдняго къ римскому папѣ за испрошеніемъ благословенія на совершеніе государственнаго переворота. Не потому трудно было повѣрить этимъ слухамъ, чтобъ Балалайкинъ, по легкомыслію и повадливости, неспособенъ былъ совершить всѣ эти метаморфозы, но потому, что невольно какъ-то представлялся вопросъ: на какой чортъ могъ понадобиться нашъ Балалайкинъ Зельману, Осману-пашѣ и Мак-Магону, когда у нихъ

подъ руками тьми темъ своихъ собственныхъ Балабайкиныхъ, всегда готовыхъ на всякія послуги?

Надняхъ, утромъ, передо мной, по обыкновенію, лежалъ мой любимый листокъ: «Чего изволите», газета ежедневно-либеральная». Простудировавъ извѣстія съ театра войны, я обратился къ «внутреннимъ дѣламъ», (прежде эта рубрика носила названіе «внутреннихъ безобразій», но, такъ какъ, со времени войны безобразій у насъ уже не совершается, то, взамѣнъ ихъ, явились «внутреннія дѣла»), и вдругъ, взоръ мой упалъ на корреспонденцію изъ Махорска, въ которой значилось слѣдующее:

«Намъ пишутъ изъ губернскаго города *Махорска*¹: На дняхъ въ нашемъ городѣ, по распоряженію административныхъ властей (?), подвергнуть наказанію на тѣлѣ розгами одинъ изъ проходимцевъ, порожденныхъ современными военными обстоятельствами. Это — нѣкто Балабайкинъ, довольно еще молодой человекъ, содержавшій, до начала войны, въ Петербургѣ адвокатскую контору, которая преимущественно принимала на себя веденіе бракоразводныхъ дѣлъ и подпискиваніе жесвидѣтелей. Преступленіе, за которое онъ нынѣ понесъ заслуженную кару, заключалось въ томъ, что онъ, прибывъ къ намъ подъ предлогомъ заготовленія махорки для находящихся на Дунаѣ русскихъ войскъ, имѣлъ отъ Османа-паши тайное порученіе слѣдить за распоряженіями здѣшняго губернскаго начальства. Употребивъ въ дѣло подкупъ, онъ постепенно переслалъ въ Плевну, въ копияхъ, всѣ журналы здѣшняго губернскаго правленія, и, между прочимъ, одинъ очень важный, въ которомъ обсуждались мѣры для приведенія Россійской Имперіи въ состояніе неуязвимости, причѣмъ главною и самую дѣйствительною мѣрою предполагалось немедленное и совершенное во всѣхъ мѣстахъ превращеніе книгопечатанія, съ оставленіемъ лишь небольшого числа литеръ для опубликованія театральныхъ афишъ и начальственныхъ циркуляровъ. Получивъ этотъ журналъ, Османъ-паша, конечно, сообразилъ, что если прописанная въ немъ мѣра будетъ принята, то неуязвимость будетъ достигнута неизбѣжно и притомъ въ самое короткое время, и тогда борьба съ сѣвернымъ колоссомъ сдѣлается совершенно немислимою, еслибъ даже вооруженіе его и заставляло желать многого. И вотъ подъ вліяніемъ этой мысли, турецкій главнокомандующій рѣшился сдѣлать цѣлый рядъ отчаянныхъ попытокъ, чтобы хотя въ послѣдній разъ потѣшить сердце повелителя правовѣрныхъ, и результатомъ

¹ Само-собой разумѣется, что всю отвѣтственность за вѣрность свѣдѣній, заключающихся въ этой корреспонденціи, мы оставляемъ на ея авторѣ. *Примеч. ред. газеты «Чего изволите».*

этого рѣшенія было, какъ извѣстно, нѣсколько эфемерныхъ успѣховъ, одержанныхъ турками. Долгое время, однако, виновники этой кровавой измѣны укрывались отъ взора правосудія, но на дняхъ, интрига разъяснилась, благодаря дѣятельнымъ розыскамъ, предпринятымъ частнымъ приставомъ Х., и Балалайкинъ, въ виду вѣсности собранныхъ противъ него уликъ, вынужденъ былъ во всемъ откровенно сознаться, причемъ сильно компрометировалъ Османа и Реуфа пашей.

«Разсказываютъ, что первоначально было предположено повѣсить Балалайкина, но, по ходатайству дамъ махорскаго международнаго beau monde'a, наказаніе это было замѣнено болѣе легкимъ—розгами. Обрядъ былъ совершенъ публично на главной городской площади, при чемъ, конечно, присутствовалъ и весь нашъ beau monde. Балалайкинъ—мужчина статный, хорошаго роста, очень пропорціонально сложенный. Онъ прибылъ на мѣсто экзекуціи въ коляскѣ и очень любезно раскланивался съ знакомыми, а въ особенности съ дамами; затѣмъ, бодро выскочилъ изъ экипажа, взбѣжалъ на устроенное возвышеніе, и самъ сдѣлалъ необходимый для совершенія обряда туалетъ. Криковъ не было, а потому въ пародѣ ходилъ слухъ, что сѣкуторы подкуплены. По окончаніи обряда, покуда Балалайкинъ, по обычаю, благодарилъ сѣкуторовъ за науку, дамы махали платками. Въ этотъ день Балалайкинъ былъ приглашенъ въ десяти домахъ на обѣдъ, но гостепріимные хозяева съ горечью узнали, что интересной жертвѣ махорскаго правосудія уже не суждено обѣдать въ Махорскѣ. Черезъ два часа по совершеніи обряда, проходимецъ, въ сопровожденіи двоихъ прохвостовъ, уже слѣдовалъ по назначенію, для принятія на тѣлѣ административныхъ распоряженій и въ прочихъ городахъ россійской имперіи».

— Добился таки! невольно вырвалось у меня, когда я прочитала это извѣстіе.

Разумѣется, я сейчасъ же поспѣшилъ къ Глумову, чтобъ подѣлиться съ нимъ вѣстью, но засталъ его за чтеніемъ «Красы Демидрона», въ которой о томъ же предметѣ писалось совершенно другое. А именно:

«Никто, въ теченіи столь короткаго времени, не былъ жертвою такого множества ложныхъ слуховъ и клеветъ, какъ уважаемый нашъ сотрудникъ Балалайкинъ, авторъ статьи: «При ходатайствѣ—и закону премѣна бываетъ». Чего-чего не распускали объ немъ: и жидовство-то онъ принялъ, и Осману-пашѣ передать будто бы важную государственную тайну, открытіе которой рѣшило эфемерный успѣхъ турокъ подъ Плевной, а вчера даже очень серьезные люди за вѣрное выдавали, что онъ высѣченъ въ гу-

бернскомъ городѣ Махорскѣ, гдѣ, въ послѣднее время, находился центръ его полезной дѣятельности по заготовленію махорки для войска дѣйствующей на Дунаѣ арміи! Изъ всѣхъ этихъ извѣстій похоже на правду одно: дѣйствительно, Балалайкинъ имѣлъ свиданіе съ Османомъ-пашой, но совсѣмъ не для сообщенія государственной тайны, а съ дипломатической миссіей отъ Грегера, Когана, Горвица, и всѣхъ вообще евреевъ, обитающихъ въ Россіи, поручившихъ Балалайкину убѣдить талантливаго турецкаго полководца, что усилія его приведуть лишь къ напрасной тратѣ порока. Все же остальное—чистѣйшая выдумка и самая наглая ложь. Будучи близко знакомы съ Балалайкиннмъ, мы, отъ лица всѣхъ его друзей и почитателей, можемъ удостовѣрять, что патріотическія операціи, предпринятія имъ по случаю настоящей войны, всѣ до одной увѣнчались успѣхомъ, и что онъ самъ, обремененный добычею, прибудеть въ Петербургъ не далѣе, какъ завтра, т. е. 12-го сего октября. Всѣ приготовления къ достойному приему его кончены, а именно: 1) въ домѣ Мурузи, на Литейной, занять, подъ его помѣщеніе, весь бѣлѣтажъ, не исключая и салоновъ, выходящихъ въ Спасскую Улицу; при чемъ особый обширный залъ отдѣленъ для игры въ чехарду, 2) на хрѣновскомъ заводѣ приобрѣтена, за баснословно дорогую цѣну, четверня породистыхъ орловскихъ лошадей (бѣлая съ розовымъ отливомъ), вывѣзанныхъ въ упряжи à la Daumont; 3) у Неллиса, Тацки и Вагнера заказано до двадцати великолѣпныхъ экипажей, а въ Москвѣ, у Арбатскаго—безчисленное множество дрожекъ, саней и прочей экипажной мелочи. Затѣмъ, намъ остается прибавить только одно: Балалайкинъ почтенъ отъ начальства единственнымъ въ своемъ родѣ отличіемъ: правомъ носить на спинѣ изображеніе бубноваго туза. Надѣмся, что отнынѣ ни зависть, ни клевета уже не достигнутъ его. Sapienti sat».

— 12-е октября,—да вѣдь это сегодня! стало-быть, онъ уже здѣсь! воскликнули мы въ одинъ голосъ и рѣшили тотчасъ же на мѣстѣ, въ домѣ Мурузи, удостовѣриться, которая изъ двухъ газетъ имѣетъ болѣе вѣрныхъ извѣстія съ театра войны.

Литейная была оживлена болѣе обыкновеннаго; мѣстами видѣлись кучки любопытныхъ, которыя, по мѣрѣ приближенія нашего къ Пантелеймоновской Улицѣ, встрѣчались все чаще и чаще. Около дома Мурузи мы нашли уже цѣлую толпу. У одного изъ подвѣздовъ красовалось новенькое съ иголки открытое ландо, запряженное à la Daumont четверкой великолѣпныхъ бѣлыхъ лошадей; за ландо тянулся цѣлый рядъ дрожекъ. Мы хотѣли-

было войти въ дверь подъезда, но вооруженный булавом и отличне откормленный швейцаръ сурово отогналъ насъ.

Съ четверть часа мы простояли въ нѣмомъ ожиданіи. Вдругъ, откормленный швейцаръ заметался, какъ будто его цѣлый годъ не кормили, и вслѣдъ затѣмъ обѣ двери подъезда растворились настезь. Нѣтъ сомнѣнія... это онъ, это—Балалайкинь! Но какъ онъ выросъ, возмужалъ, покорошѣлъ! какъ онъ выхолилъ свои щеки и какаѣ безконечно-блаженная улыбка играла на его алыхъ устахъ! Щегольской дорожный костюмъ плотно облегалъ его стрейнее тѣло; полированная сумка, переброшенная черезъ плечо, отливала на солнцѣ нестерпимымъ блескомъ; на головѣ была накинута легкая шотландская шапочка, въ околышѣ которой, вмѣсто пера, былъ воткнутъ листъ засохшей махорки; въ петличкѣ жакетки красовалась ленточка неизвѣстнаго ордена. За нимъ слѣдовала блестящая свита, въ которой я насчиталъ десять жидовъ, десять грековъ и десять армянъ; у всѣхъ въ рукахъ было по листу махорки. Шествіе было очень шумное, потому что армяне и греки препирались между собой о томъ, чья вѣра лучше, и только при взглядѣ на махорку убѣждались, что существуетъ нейтральная почва, на которой возможно легкое примиреніе. Жиды всѣхъ называли братьями. Обязанности церемоніймейстера исполнялъ оставшійся за штатомъ оберъ-секретарь одного изъ упраздненныхъ департаментовъ сената.

Балалайкинь, однакожъ, замѣтилъ насъ и... подошелъ къ намъ. Безъ особенной фамиллярности, но и безъ театральной напыщенности, свойственной выскочкамъ и временщикамъ. Просто, благо-родно.

— Господа! сказалъ онъ:—я васъ приглашалъ—вы сами не захотѣли! Пеняйте на себя.

Я не помню, что со мной было. Помню только, что я весь дрожалъ отъ волненія и, совершенно не понимаю какъ, произнесъ:

— Ваше сіятельство!..

— Шт... скромно остановилъ онъ меня, прижимая палецъ къ губамъ:—покажьтесь, я еще... просто Балалайкинь!

Быть можетъ, свиданье на этомъ и кончилось-бы, еслибъ Глу-мовъ не успѣшилъ исправить глупое впечатлѣніе, произведенное моею нелѣпою робостью.

— Стой, Балалайка безструнная! сказалъ онъ: — куда-жъ ты собрался такимъ франтомъ?

— Я отправляюсь теперь въ Монтекарло просить руки дочери мсье Блана ¹, отвѣтилъ онъ, не смущаясь выходкой Глумова:—но

¹ Бланъ—содержатель игорнаго дома въ Монтекарло.

сжали мнѣ это не удастся, то, во всякомъ случаѣ, я имѣю обѣщаніе, что первая вакансія крупье при рулеткѣ будетъ принадлежать мнѣ. Ахъ, господа, господа! не хотѣли вы въ то время..

— Объ этомъ—послѣ, прервалъ его Глумовъ:—но вотъ номеръ газеты, въ которой пишутъ, что въ Махорскѣ на площади, при громадномъ стеченіи народа...

— Было, господа, и это! все было!

— Чтожъ это за орденъ у тебя въ петлицѣ?

— А это—орденъ «борьбы». Его надняхъ учредилъ Мак-Магонъ и по секрету раздаетъ своимъ приближеннымъ. Разумѣется, прислалъ и мнѣ.

— Нѣтъ, какъ ты хочешь, а объяснись обстоятельнѣе. Чтѣ такое съ тобой? откуда все это? эта свита, эти экипажи, этотъ откормленный швейцаръ, это восточное великолѣпіе?..

— На это я могу сказать вамъ одно, господа. Чтѣ такое—а? чтѣ такое—все то, что вы теперь видите? Погодите! вотъ кончится война, и придутъ въ Петербургъ настоящіе... дѣльцы, хотѣлъ я сказать... Тогда—увидите!

Н. Щедринъ.

ЧЕТЫРЕ ДНЯ.

(Одинъ изъ эпизодовъ войны).

Я помню, какъ мы бѣжали по лѣсу, какъ жужжали пули, какъ падали отрываемыя ими вѣтви, какъ мы продирались сквозь кусты боярышника. Выстрѣлы стали чаще. Сквозь опушку показалось что то красное, мелькавшее тамъ и самъ. Сидоровъ, молодой солдатикъ первой роты («какъ онъ попалъ въ нашу цѣпь»? мелькнуло у меня въ головѣ), вдругъ присѣлъ къ землѣ и молча оглянулся на меня большими испуганными глазами. Изорта у него текла струя крови. Да, я это хорошо помню. Я помню также, какъ уже почти на опушкѣ, въ густыхъ кустахъ, я увидѣлъ... «о. Онъ былъ огромный, толстый турокъ, но я бѣжалъ прямо на него, хотя я слабъ и худъ. Что то хлопнуло, что то, какъ мнѣ показалось, огромное пролетѣло мимо; въ ушахъ зазвенѣло. «Это онъ въ меня выстрѣдилъ», подумалъ я. А онъ съ воплемъ ужаса прижался спиною къ густому кусту боярышника. Можно было обойти кустъ, но отъ страха онъ не помнилъ ничего и лѣзъ на колючія вѣтви. Однимъ ударомъ я вышибъ у него ружье, другимъ воткнулъ куда-то свой штыкъ. Что то не то зарычало, не то застонало. Потомъ я побѣжалъ дальше. Наши кричали ура! падали, стрѣляли. Помню, и я сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ, уже выйдя изъ лѣсу, на полянѣ. Вдругъ «ура» раздалось громче, и мы всѣ сразу двинулись впередъ. Т. е. не мы, а наши, потому что я остался. Мнѣ это показалось страннымъ. Еще страннѣе было то, что вдругъ все исчезло, всѣ крики и выстрѣлы смолкли. Я не слышалъ ничего, а видѣлъ только что-то синее—должно быть, это было небо. Потомъ и оно исчезло.

Я никогда не находился въ такомъ странномъ положеніи. Я лежу, кажется, на животѣ и вижу передъ собою только маленький кусочекъ земли. Нѣсколько травинокъ, муравей, ползущій съ одной изъ нихъ внизъ головою, какіе-то кусочки сора отъ

прошлогодней травы—вотъ весь мой міръ. И вижу я его только однимъ глазомъ, потому что другой зажать чѣмъ-то твердымъ, должно быть вѣткою, на которую опирается моя голова. Мнѣ ужасно неловко, и я хочу, но рѣшительно не понимаю почему не могу, шевельнуться. Такъ проходитъ время. Я слышу трескъ кузнечиковъ, жужжанье пчелы. Больше нѣтъ ничего. Наконецъ, я дѣлаю усиліе, освобождаю правую руку изъ подъ себя и, упираясь обѣими руками о землю, хочу встать на колѣни.

Что-то острое и быстрое, какъ молнія, пронизываетъ все мое тѣло отъ колѣнъ къ груди и голов, и я снова падаю. Опять мракъ, опять ничего нѣтъ.

Я проснулся. Почему я вижу звѣзды, которыя такъ ярво свѣтятся на черно-синемъ болгарскомъ небѣ? Развѣ я не въ палатѣ? Зачѣмъ я вылѣзъ изъ нея? Я дѣлаю движеніе и ощущаю мучительную боль въ ногахъ.

Да, я раненъ въ бою. Опасно или нѣтъ? Я хватаюсь за ноги тамъ, гдѣ болитъ. И правая, и лѣвая ноги покрылись заскорузлой кровью. Когда я трогаю ихъ руками, боль еще сильнѣе. Боль какъ зубная: постоянная, танущая за душу. Въ ухахъ звонъ, голова отяжелѣла. Смутно понимаю я, что раненъ въ обѣ ноги. Что жъ это такое? Отчего меня не подняли? Неужели турки разбили насъ? Я начинаю припоминать бывшее со мной, сначала смутно, потомъ яснѣе, и прихожу къ заключенію, что мы вовсе не разбиты. Потому что я упалъ (этого, впрочемъ, я не помню; но помню, какъ всѣ побѣжали впередъ, а я не могъ бѣжать, и у меня осталось только что-то синее передъ глазами)—и упалъ на полянкѣ на верху холма. На эту полянку намъ показывалъ нашъ маленькій батальонный. «Ребята, мы будемъ тамъ!» закричалъ онъ намъ своимъ звонкимъ голосомъ. И мы были тамъ; значитъ, мы не разбиты... Почему-же меня не подобрали? Вѣдь здѣсь на полянкѣ открытое мѣсто, все видно. Вѣдь, навѣрно, не я одинъ лежу здѣсь. Они стрѣляли такъ часто. Нужно повернуть голову и посмотрѣть. Теперь это сдѣлать удобнѣе, потому что еще тогда, когда я, очнувшись, видѣлъ травку и муравья, ползущаго внизъ головою, я, пытаюсь подняться, упалъ не въ прежнее положеніе, а перевернулся на спину. Оттого-то мнѣ и видны эти звѣзды.

Я приподнимаюсь и сажусь. Это дѣлается трудно, когда обѣ ноги перебиты. Нѣсколько разъ приходится отчаяваться; наконецъ, со слезами на глазахъ, выступившими отъ боли, я сажусь.

Надо мною—клочекъ черно-синяго неба, на которомъ горитъ

большая звѣзда и нѣсколько маленьких; вокруг что-то темное, высокое. Это—кусты. Я въ кустах; меня не нашли!

Я чувствую, какъ шевелятся корни волосъ на моей головѣ...

Однако, какъ это я очутился въ кустахъ, когда они застрѣлили меня на полянѣ? Должно быть, раненый я переползъ сюда, не помня себя отъ боли. Странно только, что теперь я не могу пошевелиться, а тогда сумѣлъ дотащиться до этихъ кустовъ. А, быть можетъ, у меня тогда была только одна рана, и другая пуля доканала меня ужъ здѣсь.

Блѣдныя, розоватыя пятна заходили вокругъ меня. Большая звѣзда поблѣднѣла, нѣсколько маленькихъ исчезли. Это всходитъ луна. Какъ хорошо теперь дома!..

Какіе-то странные звуки доходятъ до меня... Какъ будто бы кто-то стонетъ. Да, это—стонъ. Лежитъ ли около меня какой-нибудь такой же забытый, съ перебитыми ногами или съ пулею въ животъ? Нѣтъ, стоны такъ близко, а около меня, кажется, никого нѣтъ... Боже мой, да вѣдь это—я самъ! Тихіе, жалобные стоны; неужели мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, такъ больно? Должно быть. Только я не понимаю этой боли, потому что у меня въ головѣ туманъ, свинецъ. Лучше лечь опять и уснуть, спать, спать... Только проснусь ли я когда-нибудь? Это все равно.

Въ ту минуту, когда я собираюсь ложиться, широкая блѣдная полоса луннаго свѣта ясно озаряетъ мѣсто, гдѣ я лежу, и я вижу что-то темное и большое, лежащее шагахъ въ пяти отъ меня. Кое-гдѣ на немъ видны блики отъ луннаго свѣта. Это пуговицы или аммуниція. Это или трупъ или раненый.

Все равно, я лягу...

Нѣтъ, не можетъ быть! Наши не ушли. Они здѣсь, они выбили турокъ и остались на этой позиціи. Отчего же нѣтъ ни говора, ни треска костровъ? Да вѣдь я отъ слабости ничего не слышу. Они навѣрно здѣсь.

«Помогите!! Помогите!»

Дикіе, безумные, хриплые вопли вырываются изъ моей груди и нѣтъ на нихъ отвѣта. Громко разносятся они въ ночномъ воздухѣ. Все остальное молчитъ. Только сверчки трещать по прежнему неугомно. Луна жалобно смотритъ на меня круглымъ лицомъ.

Еслибы онъ былъ раненый, онъ очнулся бы отъ такого крика. Это трупъ. Нашъ или турокъ? Ахъ Боже мой, будто не все равно! И совѣ опускается на мои воспаленные глаза.

Я лежу съ закрытыми глазами, хотя уже давно проснулся. Мнѣ не хочется открыть глаза, потому что я чувствую сквозь закрытыя вѣки солнечный свѣтъ: если я открою глаза, то онъ будетъ рѣзать ихъ. Да и лучше не шевелиться.. Вчера (кажется, это было вчера?) меня ранили; прошли сутки, пройдутъ другія, я умру. Все равно. Лучше не шевелиться. Пусть тѣло будетъ неподвижно. Какъ было бы хорошо остановить и работу мозга, но ея ничѣмъ не удержишь. Мысли, воспоминанія тѣснятся въ головѣ. Впрочемъ, все это не на долго, скоро конецъ. Только въ газетахъ останется нѣсколько строкъ, что, молъ, потери наши незначительны: ранено столько-то, убитъ рядовой изъ вольноопредѣляющихся Ивановъ. Нѣтъ, и фамилин не напишутъ; просто скажутъ: убитъ одинъ. Одинъ рядовой, какъ та одна собаченка...

Цѣлая картина ярко вспыхиваетъ въ моемъ воображеніи. Это было давно; впрочемъ, все, вся моя жизнь, та жизнь, когда я не лежалъ еще здѣсь съ перебитыми ногами, была такъ давно.. Я шелъ по улицѣ, кучка народа остановила меня. Толпа стояла и молча глядѣла на что-то бѣленькое, окровавленное, жалобно визжавшее. Это была маленькая, хорошенькая собачка; вагонъ конно-железной дороги переѣхалъ ее. Она умирала, вотъ какъ теперь я. Какой-то дворникъ растолкалъ толпу, взялъ собачку за шиворотъ и унесъ. Толпа разошлась.

Унесетъ ли меня ктонибудь? Нѣтъ, лежи и умирай. А какъ хороша жизнь? Въ тотъ день (когда случилось несчастіе съ собачкой) я былъ счастливъ. Я шелъ въ какомъ то опьяненіи, да и было отчего. Вы, воспоминанья, не мучьте меня! оставьте меня! Былое счастье, настоящія муки... пусть бы остались одни мученія, пусть не мучатъ меня воспоминанія, которыя невольно заставляютъ сравнивать. Ахъ, тоска, тоска! Ты хуже ранъ.

Однако, становится жарко. Солнце жжетъ. Я открываю глаза, вижу тѣ же кусты, то же небо, только при дневномъ освѣщеніи. А вотъ и мой сосѣдъ. Да, это—турокъ, трупъ. Какой огромный! Я узнаю его: это тотъ самый...

Передо мною лежитъ убитый мною человѣкъ. За что я его убилъ?

Онъ лежитъ здѣсь, мертвый, окровавленный. Зачѣмъ судьба пригнала его сюда? Кто онъ? Быть можетъ, и у него, какъ у меня, есть старая мать. Долго будетъ она по вечерамъ сидѣть у дверей своей убогой мазанки, да поглядывать на далекій сѣверъ: не идетъ ли ея ненаглядный сынъ, ея работникъ и кормилецъ.

А я? И я также... Я бы даже помѣнялся съ нимъ. Какъ онъ счаст-

ливъ: онъ не слышитъ ничего, не чувствуетъ ни боли отъ ранъ, ни смертельной тоски, ни жажды. Штыкъ вошелъ ему прямо въ сердце... Вотъ на мундирѣ большая черная дыра; вокругъ нея кровь. *Это содлаалъ—я.*

Я не хотѣлъ этого. Я не хотѣлъ зла никому, когда шелъ драться. Мысль о томъ, что и мнѣ придется убивать людей, какъ-то уходила отъ меня. Я представлялъ себѣ только, какъ я буду подставлять свою грудь подъ пули. И я пошелъ и подставилъ.

Ну, и что же? Глупецъ, глупецъ! А этотъ несчастный феллахъ, (на немъ египетскій мундиръ) — онъ виноватъ еще меньше. Прежде, чѣмъ ихъ посадили, какъ сельдей въ бочку, на пароходъ и повезли въ Константинополь, онъ и не слышалъ ни о Россіи, ни о Болгаріи. Ему велѣли идти, онъ и пошелъ. Если бы онъ не пошелъ, его стали бы бить палками, а то, быть можетъ, какой-нибудь паша всадилъ бы въ него пулю изъ револьвера. Онъ шелъ длиннымъ, труднымъ походомъ отъ Стамбула до Рушукъ. Мы напали, онъ защищался. Но вида, что мы, страшные люди, не боимся его патентованной англійской винтовки Пибоди и Мартини, все лѣземъ и лѣземъ впередъ, онъ пришелъ въ ужасъ. Когда онъ хотѣлъ уйти, какой-то маленькій чело-вѣчекъ, котораго онъ могъ бы убить однимъ ударомъ своего чернаго кулака, подскочилъ и воткнулъ ему штыкъ въ сердце.

Чѣмъ же онъ виноватъ?

И чѣмъ виноватъ я, хотя я и убилъ его? Чѣмъ я виноватъ? за что меня мучаетъ жажда? Жажда! Кто знаетъ, что значить это слово! Даже тогда, когда мы шли по Румыніи, дѣлая въ ужасные сорока-градусные жары переходы по пятидесяти верстѣ, тогда я не чувствовалъ того, что чувствую теперь. Ахъ, еслибы ктонибудь пришелъ!

Боже мой! да у него въ этой огромной флягѣ, навѣрно, есть вода. Но надо добраться до него. Что это будетъ стоить! Все равно, доберусь.

Я ползу. Ноги волочатся, ослабѣвшія руки едва двигаютъ неподвижное тѣло. До трупа сажени двѣ, но для меня это больше — не больше, а хуже — десятковъ верстѣ. Все-таки нужно ползти. Горло горитъ, жжетъ, какъ огнемъ. Да и умрешь безъ воды скорѣе. Все-таки, можетъ быть...

И я ползу. Ноги цѣпляются за землю, и каждое передвиженье вызываетъ нестерпимую боль. Я кричу, кричу съ воплями, а все-таки ползу. Наконецъ, вотъ и онъ. Вотъ фляга... въ ней есть вода и какъ много! кажется, больше полфляги. О! воды мнѣ хватить надолго... до самой смерти!

Ты спасаешь меня, моя жертва. Я начал стазываться флягу, опершись на одинъ локоть и вдругъ, потерявъ равновѣсіе, упалъ лицомъ на грудь своего спасителя. Отъ него уже былъ слышенъ сильный трупный запахъ.

Я напился. Вода была тепла, но не испорчена, и, притомъ, ее было много. Я проживу еще нѣсколько дней. Помнится, въ «Физиологіи обыденной жизни» сказано, что безъ пищи человѣкъ можетъ прожить больше недѣли, лишь бы была вода. Да, тамъ еще разсказана исторія самоубійцы, уморившаго себя голодомъ. Онъ жилъ очень долго, потому что пилъ.

Ну и что же? Если я и проживу еще дней пять-шесть, что будетъ изъ этого. Наши ушли, болгаре разбѣжались. Дороги близко нѣтъ. Все равно — умирать. Только, вмѣсто трехдневной агоніи, я сдѣлаю себѣ недѣльную. Не лучше ли кончить? Около моего сосѣда лежить его ружье, отличное англійское произведеніе. Стоить только протянуть руку; потомъ — одинъ мигъ и конецъ. Патроны валяются тутъ же, кучею. Онъ не успѣлъ выпустить всѣхъ.

Такъ кончать или — ждать? Чего? Избавленія? Смерти? Ждать, пока прійдутъ турки и начнутъ сдирать кожу съ моихъ раненныхъ ногъ? Лучше ужъ самому...

Нѣтъ, не нужно падать духомъ; буду бороться до конца, до послѣднихъ силъ. Вѣдь если меня найдутъ, я спасенъ. Быть можетъ, кости не тронуты; меня вылечать. Я увижу родину, мать, Машу...

Господи, не дай имъ узнать всю правду! Пусть думаютъ, что я убитъ наповалъ. Что будетъ съ ними, когда они узнаютъ, что я мучался два, три, четыре дня!

Голова кружится; мое путешествіе къ сосѣду меня совершенно измучило. А тутъ еще этотъ ужасный запахъ! Какъ онъ почернѣлъ... что будетъ съ нимъ завтра или послѣ завтра. И теперь я лежу здѣсь только потому, что нѣтъ силъ оттащиться. Отдохну и поползу на старое мѣсто; кстати, вѣтеръ дуетъ оттуда и будетъ относить отъ меня зловоніе.

Я лежу въ совершенномъ изнеможеніи. Солнце жжетъ мнѣ лицо и руки. Накрыться нечѣмъ. Хоть бы ночь поскорѣе: это, кажется, будетъ вторая.

Мысли путаются, и я забываюсь.

Я спалъ долго, потому что, когда проснулся, была уже ночь. Все по прежнему: раны болятъ, сосѣдъ лежить такой же огромный и неподвижный.

Я не могу не думать о немъ. Неужели я бросилъ все милое, дорогое, шелъ сюда тысячеверстнымъ походомъ, голодалъ, холодалъ, мучался онъ зноя; неужели, наконецъ, я лежу теперь въ этихъ мѣхахъ только ради того, чтобы этотъ несчастный пересталъ жить? А вѣдь развѣ я сдѣлалъ что нибудь полезное для военныхъ цѣлей, кромѣ этого убійства.

Убійство, убійца... И кто же? Я!

Когда я затѣялъ идти драться, мать и Маша не отговаривали меня, хотя и плакали надо мною. Ослѣпленный идеею, я не видѣлъ этихъ слезъ. Я не понималъ (теперь я понимаю), что я дѣлалъ съ близкими мнѣ существами.

Да вспоминать ли? Прошлое не воротить.

А какое странное отношеніе къ моему поступку явилось у многихъ знакомыхъ. «Ну, юродивый! Лѣзетъ самъ не зная чего!» Какъ могли они говорить это? Какъ важутся такія слова съ ихъ представленіями о геройствѣ, любви къ родинѣ и прочихъ такихъ вещахъ? Вѣдь въ ихъ глазахъ я представлялъ всѣ эти доблести. И тѣмъ не менѣе, я—«юродивый».

И вотъ я ѣду въ Кишеневъ; на меня навьючиваютъ ранецъ и всякія военныя принадлежности. И я ѣду вмѣстѣ съ тысячами, изъ которыхъ развѣ нѣсколько наберется, подобно мнѣ, идущихъ охотно. Остальные остались бы дома, еслибы имъ позволили. Однако, они идутъ такъ же, какъ и мы, «сознательные», проходятъ тысячи верстъ и дерутся такъ же, какъ и мы или даже лучше. Они исполняютъ свои обязанности, несмотря на то, что сейчасъ же бросили бы и ушли—только бы позволили.

Понесло рѣзкимъ утреннимъ вѣтеркомъ. Кусты зашевелились, вспорхнула полусонная птичка. Звѣзды померкли. Темно-синее небо посѣрѣло, подернулось нѣжными перистыми облачками; сѣрый полумракъ поднимался съ земли. Наступалъ третій день моего... Какъ это назвать? Жизнь? Агонія?

Третій... Сколько ихъ еще осталось? Во всякомъ случаѣ, немного. Я очень ослабѣлъ и, кажется, даже не смогу отодвинуться отъ трупa. Скоро мы поровняемся съ нимъ и не будемъ неприятны другъ другу.

Нужно пить. Буду пить три раза въ день; утромъ, въ полдень и вечеромъ.

Солнце взошло. Его огромный дискъ, весь пересѣченный и раздѣленный черными вѣтвями кустовъ, красенъ, какъ кровь.

Сегодня будет, кажется, жарко. Мой сосѣдь—что станется съ тобою? Ты и теперь ужасенъ.

Да, онъ былъ ужасенъ. Его волосы начали выпадать. Его кожа, черная отъ природы, поблѣднѣла и пожелтѣла; раздутое лицо натянуло ее до того, что она лопнула за ухомъ. Тамъ копошились черви. Ноги, затынутыя въ штиблеты, раздулись и между крючками штиблетъ выдѣзли огромные пузыри. И весь онъ раздулся горю. Что сдѣлаетъ съ нимъ солнце сегодня?

Лежать такъ близко къ нему невыносимо. Я долженъ отползти во что бы то ни стало. Но смогу ли я? Я еще могу поднять руку, открыть флагу, напиться; но—передвинуть свое тяжелое, неподвижное тѣло? Все-таки буду двигаться, хоть понемногу, хоть на полшага въ часъ.

Все утро проходить у меня въ этомъ передвиженіи. Боль сильна, но что мнѣ она теперь? Я уже не помню, не могу представить себѣ ощущеній здороваго человѣка. Я даже будто привыкъ къ боли. Въ это утро я отползъ-таки сажени на двѣ и очутился на прежнемъ мѣстѣ. Но я недолго пользовался свѣжимъ воздухомъ, если можетъ быть свѣжій воздухъ въ шести шагахъ отъ гниющаго трупа. Вѣтеръ пере мѣняется и снова наноситъ на меня зловоніе до того сильное, что меня тошнить. Пустой желудокъ мучительно и судорожно сокращается; всѣ внутренности переворачиваются. А зловонный, зараженный воздухъ такъ и плыветъ на меня.

Я прихожу въ отчаяніе и плачу...

Совсѣмъ разбитый, одурманенный, я лежалъ почти въ безпамятствѣ. Вдруг... не обманъ ли это разстроенаго воображенія? Мнѣ кажется, что нѣтъ. Да, это—говоръ. Конскій топотъ, людской говоръ. Я едва не закричалъ, но удержался. А что, если это турки? Что тогда? Къ этимъ мученьямъ прибавятся еще другія, болѣе ужасныя, отъ которыхъ дыбомъ волосъ становится, даже когда о нихъ читаешь въ газетахъ. Сдерутъ кожу, поджарятъ раненыя ноги... Хорошо, если еще только это; но вѣдь они изобрѣтательны. Неужели лучше кончатъ жизнь въ ихъ рукахъ, чѣмъ умереть здѣсь? А если это—наши? О, проклятые кусты! зачѣмъ вы обросли вокругъ меня такимъ густымъ заборомъ? Ничего я не вижу сквозь нихъ, только въ одномъ мѣстѣ будто окошко между вѣтвями открываетъ мнѣ видъ вдаль, въ лощину. Тамъ, кажется, есть ручеекъ; изъ котораго мы пили передъ боемъ? Да, вонъ и огромная песчаниковая плита, положенная черезъ ручеекъ, какъ мостикъ. Они навѣрно пойдутъ черезъ нее.

Говоръ умолкаетъ. Я не могъ слышать языка, на которомъ они говорили: у меня и слухъ ослабѣлъ. Господи! если это наши... Я закричу имъ; они услышатъ меня и отъ ручейка. Это лучше, чѣмъ рисковать попасть въ лапы къ баши-бозукамъ. Что-жъ они такъ долго не ѣдутъ? Нетерпѣніе томить меня; я не замѣчаю даже и запаха трупа, хотя онъ нѣсколько не ослабѣлъ.

И вдругъ на переходѣ черезъ ручей показываются казаки! Синіе мундиры, красные лампасы, пики. Ихъ цѣлая полусотня. Впереди, на превосходной лошади, чернородый офицеръ. Только-что полусотня перебралась черезъ ручей, онъ повернулся на сѣдлѣ всѣмъ тѣломъ назадъ и закричалъ:

«Ры-ы-сю, ма-арш!»

— Стойте, стойте, Бога ради! Помогите, помогите, братцы! кричу я; но топотъ дюжихъ коней, стукъ шашекъ и шумный казачій говоръ громче моего хрипѣня—и меня не слышатъ!

О проклятіе! Я въ изнеможеніи падаю лицомъ къ землѣ и начинаю рыдать. Изъ опрокинутой мною фляжки течетъ вола, моя жизнь, мое спасеніе, моя отсрочка смерти. Но я замѣчаю это уже тогда, когда воды осталась уже не больше полстакана, а остальная ушла въ жадную, сухую землю.

Могу ли я припомнить то оцѣпенѣніе, которое овладѣло мною послѣ этого ужаснаго случая? Я лежалъ неподвижно, съ полужакрытыми глазами. Вѣтеръ постоянно перемѣнялся и то дулъ на меня свѣжимъ и чистымъ воздухомъ, то снова обдавалъ меня вонью. Сосѣдъ въ этотъ день сдѣлался страшнѣе всякаго описанія. Разъ, когда я открылъ глаза, чтобы взглянуть на него, я ужаснулся. Лица у него уже не было. Оно сползло съ костей. Страшная костяная улыбка, вѣчная улыбка, показалась мнѣ таковой отвратительной, такой ужасной, какъ никогда, хотя мнѣ случалось не разъ держать черепа въ рукахъ и препарировать цѣлыя головы. Этотъ скелетъ въ мундирѣ съ свѣтлыми пуговицами привелъ меня въ содроганіе. «Это—война, подумалъ я.— Вотъ ея изображеніе».

А солнце жжетъ и печетъ попрежнему. Руки и лицо у меня уже давно обожжены. Оставшуюся воду я выпилъ всю. Жажда мучила такъ сильно, что, рѣшившись выпить маленькій глотокъ, я залпомъ проглотилъ все. Ахъ, зачѣмъ я не закричалъ казакамъ, когда они были такъ близко отъ меня! Еслибы даже это были и турки, все-таки лучше. Ну, мучали бы часъ, два, а тутъ я и не знаю еще сколько времени придется валяться здѣсь и страдать. Мать моя, дорогая моя! Вырвешь ты свои сѣдые косы, ударишься головою объ стѣну, проклянешь тотъ день, когда

родила меня, весь міръ проклянешь, что выдумалъ на страданіе людямъ войну!

Но вы съ Машей, должно быть, и не услышите о моихъ мукахъ. Прощай, мать, прощай, моя невѣста, моя любовь! Ахъ, какъ тяжело, горько! Подъ сердце подходитъ что-то.

Опять эта бѣленькая собачка! Дворникъ не пожалѣлъ ея, ступнулъ головою объ стѣну и бросилъ въ яму, куда бросаютъ соръ и лютю помой. Но она была жива. И мучалась еще цѣлый день. А я несчастіе ея, потому что мучаюсь цѣлыя три дня. Завтра—четвертый, потомъ пятый, шестой... Смерть, гдѣ ты? Иди, иди! Возьми меня!

Но смерть не приходитъ и не беретъ меня. И я лежу подъ этимъ страшнымъ солнцемъ, и нѣтъ у меня глотка воды, чтобъ освѣжить воспаленное горло, и трупъ заражаетъ меня. Онъ со-всѣмъ расплылся. Мириады червей падаютъ изъ него. Какъ они копошатся! Когда онъ будетъ съѣденъ и отъ него останутся одни кости и мундиръ, тогда—моя очередь. И я буду такимъ же.

Проходитъ день, проходитъ ночь. Все то же. Наступаетъ утро. Все то же. Проходитъ еще день...

Кусты шевелятся и шелестятъ, точно тихо разговариваютъ. «Вотъ ты умрешь, умрешь, умрешь», шепчутъ они. «Не увидишь, не увидишь, не увидишь!» отвѣчаютъ кусты съ другой стороны.

— Да тутъ ихъ и не увидишь! громко раздается около меня.

Я вздрагиваю и разомъ прихожу въ себя. Изъ кустовъ глядятъ на меня добрые голубые глаза Яковлева, нашего ефрейтора.

— Лопаты! кричитъ онъ. — Тутъ еще двое; нашъ, да ихній!

— Не надо лопать, не надо зарывать меня, я живъ! хочу я закричать; но только слабый стонъ выходитъ изъ запекшихся губъ.

— Господи! Да никакъ онъ живъ? Борисъ Ивановъ! Ребята! вали сюда, нашъ баринъ живъ! Да доктора зови!

Черезъ полминуты мнѣ лютю въ ротъ воду, водку и еще что-то. Потомъ все исчезаетъ.

Мѣрно качаясь, двигаются посылки. Это мѣрное движеніе убаюкиваетъ меня. Я то проснусь, то снова забудусь. Перевязанныя раны не болятъ; какое-то невыразимо отрадное чувство разлило во всея тѣлѣ...

— Сто-о-ой! Опуска-а-й! Санитары, четвертая смѣна, маршъ! за посылки! Берись, подыма-ай!

Это командуетъ Петръ Ивановичъ, нашъ лазаретный офицеръ, высокій, худой и очень добрый человекъ. Онъ такъ высокъ, что,

обернувъ глаза въ его сторону, я постоянно вижу его голову съ рѣдкой, длинной бородой и плечи, хотя носилки несутъ на плечахъ четыре рослые солдата.

— Петръ Иванычъ! шепчу я.

— Чтò, голубчикъ?

Петръ Иванычъ наклоняется надо мною.

— Петръ Иванычъ, чтò вамъ сказалъ докторъ? Скоро я умру?

— Чтò вы, Ивановъ, полноте! Не умрете вы. Вѣдь у васъ всѣ кости цѣлы. Этакой счастливецъ! Ни кости, ни артеріи. Да какъ вы выжили эти трое съ половиною сутокъ? Чтò вы ѣли?

— Ничего.

— А пили?

— У турка взялъ флагу. Петръ Иванычъ, я не могу говорить теперь. Послѣ.

— Ну, Господь съ вами, голубчикъ, спите себѣ.

Снова сонъ, забытье...

Я очнулся въ дивизионномъ лазаретѣ. Надо мною стоятъ доктора, сестры милосердія, и, кромѣ ихъ, я вижу еще знакомое лицо знаменитаго петербургскаго профессора, наклонившагося надъ моими ногами. Его руки въ крови. Онъ возится у моихъ ногъ недолго и обращается ко мнѣ:

— Ну, счастливъ вашъ Богъ, молодой человѣкъ! Живы будете. Одну ножку-то мы отъ васъ взяли; ну, да вѣдь это—пустяки. Можете вы говорить?

Я могу говорить и рассказываю имъ все, чтò здѣсь написано.

Всеволодъ Гаршинъ.

Бала. Августъ, 1877 г.

П Р О С Т И !

(Изъ Байрона).

Коль небеса не остаются
Глухими къ пламенной молебъ,
То въ высоту ихъ донесутся
Мои молитвы о тебѣ.

Напрасны жалобы, рыданья:
Въ слезахъ кровавыхъ не найти
Такого жгучаго страданья,
Какъ въ этомъ горестномъ «прости».

И я молчу, въ устахъ—ни звука,
Слеза меня не выдаетъ;
Но грудь и мозгъ терзаетъ мука —
И эта мука не умереть.

Мой гордый духъ роптать не можетъ,
Но страсть въ немъ бѣшено кипить,
Ничто ея не уничтожить,
Ничто ея не усыпить.

Я только знаю, что напрасно
Сошлись съ тобой мы на пути,
И въ сердцѣ чувствую такъ страстно
И такъ мучительно «прости!»

Д. Михаловскій

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ И ЗЕМЛЕДѢЛІЕ ВЪ РОССІИ

и

ДРУГИХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ.

Князя Васильчикова. Спб. 1876 г.

Сочиненіе, заглавіе котораго мы выписали, представляетъ такой крупный фактъ въ исторіи нашей литературы, значеніе котораго во всемъ его объемѣ не можетъ быть оцѣнено тотчасъ послѣ его появленія. Вотъ почему, какъ намъ кажется, до сихъ поръ еще не появилось въ нашей литературѣ обстоятельнаго разбора этой книги. Мы читали выдержки, общія огульныя похвалы, подробныя извлеченія, но не видали подробнаго разбора этой книги, съ указаніемъ какъ достоинствъ, такъ и недостатковъ ея, и той важности значенія ея, которое оно имѣетъ при оцѣнкѣ цѣлаго строя нашей соціальной жизни. Не говоря уже о той массѣ фактическаго матеріала въ историческомъ и статистическомъ отношеніи, который собранъ авторомъ и могъ быть доступенъ только ему, не говоря о мастерской подѣ часть группировкѣ этихъ фактовъ и вѣрности выводовъ изъ нихъ, достаточно взглянуть на исходную точку автора, съ которой онъ смотритъ на аграрный вопросъ, чтобъ признать за этимъ сочиненіемъ европейское значеніе. Эта точка зрѣнія указываетъ не только ясное пониманіе народныхъ нуждъ и стремленій, но и вполне вѣрную оцѣнку тѣхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ гуманныя идеи лучшихъ людей Европы до сихъ поръ остаются благими пожеланіями и кажутся утопіей людямъ практическимъ. Мы не будемъ слѣдовать за авторомъ и рассказывать содержаніе его книги, а ограничимся, главнымъ образомъ, разборомъ его введенія, такъ какъ здѣсь высказаны, какъ намъ кажется, всѣ главные тезисы его книги, и обратимъ вниманіе читателя лишь

на тѣ мѣста его изслѣдованія, которыхъ мы не можемъ признать безусловно вѣрными. Если мы и не вполне согласны съ нѣкоторыми выводами автора, то это не мѣшаетъ намъ признать громадную его заслугу, состоящую въ самой постановкѣ вопроса. Никто, конечно, не будетъ отрицать важнаго значенія аграрнаго вопроса вообще, но въ томъ видѣ, какъ его поставилъ князь Васильчиковъ, онъ представляется краеугольнымъ камнемъ всего социальнаго строя общества, и благо тому народу, въ средѣ котораго эта точка зрѣнія усвоится и будетъ принята законодательствомъ. «Мы, говоритъ авторъ въ своемъ введеніи:—различаемъ въ аграрномъ вопросѣ двѣ главнѣйшія его стороны: а) состояніе земли и ея культуры, порядки владѣнія и пользованія и б) положеніе народа, на этихъ земляхъ поселеннаго и ихъ воздѣлывающаго. Мы принимаемъ этотъ предметъ въ этомъ двойномъ значеніи, потому что считаемъ эти два отношенія важнѣйшими и неразлучными факторами народнаго хозяйства». И такъ, авторъ не можетъ удовлетвориться одной стороной дѣла; для него состояніе земли и ея культура, порядки владѣнія и пользованія землей не составляютъ всего аграрнаго вопроса, какъ это было принято и законодательствомъ, и наукой въ западной Европѣ. Онъ вноситъ поправку въ эти воззрѣнія и утверждаетъ, что положеніе народа, водвореннаго на этой землѣ и воздѣлывающаго ее, составляетъ другую сторону вопроса, не менѣе важную и неразлучную съ первой. Эти два отношенія авторъ считаетъ важнѣйшими факторами народнаго хозяйства. Нельзя отрицать, что авторъ дѣлаетъ огромный шагъ впередъ въ социальной наукѣ и подходитъ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ западные мыслители и экономисты, не говоря уже о законодательствѣ западно-европейскихъ государствъ. Оно и понятно. Западно-европейскіе народы свои понятія объ отношеніи человѣка къ землѣ заимствовали изъ римскаго законодательства, по которому право на землю ничѣмъ не отличалось отъ другихъ видовъ строгой квинтиской собственности. Само собою разумѣется, что, при такихъ воззрѣніяхъ, состояніе земледѣльческой культуры было всегда на первомъ планѣ и составляло всю суть аграрнаго вопроса; рабочая же сила, поселенная на землѣ и неимѣвшая права собственности на землю, не могла имѣть значенія. Положеніе этого класса людей могло возбудить рабочій вопросъ, вопросъ объ отношеніяхъ къ нанимателю, къ собственнику земли, но не къ самой землѣ, которая принадлежала другому и къ которой эти массы, по крайней мѣрѣ, съ легальной точки зрѣнія, не имѣли никакого отношенія. Необходимость той поправки, которую дѣлаетъ князь Васильчиковъ, могла явиться только среди того народа, въ которомъ исторически сложилось другое понятіе объ отношеніяхъ человѣка къ землѣ, въ которомъ достаточный просторъ далъ возможность укорениться принципу распредѣленія земли соразмѣрно силамъ рабочаго класса. Принципы этотъ фактически постоянно регулировалъ наши поземельныя от-

ношенія впродолженіи всей нашей исторіи и привелъ къ такому порядку, вслѣдствіе котораго государственные крестьяне съ каждой ревизіей получали надбавки земли на прибылыя души изъ ближайшихъ казенныхъ свободныхъ земель, если находились таковыя, или передѣляли состоявшую въ ихъ пользованіи землю по числу душъ, если свободной земли не оказывалось. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ происходило тоже самое. Хотя наше законодательство и не выражало этого принципа вполне ясно, но на практикѣ такъ было всегда. Положеніемъ 19-го февраля этотъ народный обычай впервые признанъ и утвержденъ юридически, а, вслѣдствіе этого, явилась и необходимость внести поправку въ теорію аграрнаго вопроса, которую дѣлаетъ князь Васильчиковъ.

Мы сказали, что князь Васильчиковъ, внеся эту поправку, сдѣлалъ шагъ впередъ и подошелъ ближе къ истинѣ. Мы выразились такъ потому, что истина, какъ намъ кажется, все-таки ускользнула отъ него, хотя онъ и близко къ ней подходилъ. Намъ кажется страннымъ, что авторъ, говоря объ аграрномъ вопросѣ и указывая двѣ его стороны, прежде всего упоминаетъ о положеніи земли и ея культуры, а затѣмъ уже о положеніи народа, на ней поселеннаго и ее воздѣлывающаго, и считаетъ, что эти два фактора народнаго хозяйства одинаково важны и неразлучны. Неужели же положеніе рабочаго люда и положеніе земли и ея культуры должны имѣть одинаковое значеніе въ наукѣ? Заслуга князя Васильчикова состоитъ въ томъ, что онъ восполнилъ пробѣлъ въ аграрномъ вопросѣ, указавъ на положеніе народа, какъ на существенную его сторону, но онъ упустилъ изъ виду, что земля есть только орудіе производства, тогда какъ народъ или рабочая сила съ его потребностями есть не только факторъ народнаго хозяйства, но и конечная его цѣль, что положеніе рабочей силы должно разсматриваться не рядомъ съ положеніемъ земли, а впереди его, и что положеніе земли и ея культуры должно имѣть значеніе второстепенное, служебное. Даже съ точки зрѣнія увеличенія производства нельзя ставить рядомъ культуру земли съ интересами народа. Все богатство страны есть слѣдствіе приложенія народнаго труда къ вѣншему міру. Самый капиталъ есть результатъ этого приложенія — ничто иное, какъ накопленный и непотребленный трудъ. Земля же представляетъ самое легкое и удобное средство для приложенія труда. На этомъ основаніи, чѣмъ болѣе обезпечена возможность приложенія народнаго труда къ землѣ, тѣмъ обильнѣе должны быть и результаты этого труда. Стало быть, положеніе народа, поселеннаго на землѣ, и его отношеніе къ ней и съ этой точки зрѣнія получаютъ первенствующее значеніе. Такой недосмотръ тѣмъ непонятнѣе, что князь Васильчиковъ вовсе не считаетъ наемный трудъ вполне производительнымъ, а слѣдовательно и нормальнымъ; напротивъ, онъ думаетъ, что трудъ только тогда можетъ считаться вполне производительнымъ, когда онъ

*

прилагается къ собственному имуществу, т. е. когда результаты труда вполнѣ принадлежатъ рабочему. Отсюда уже прямо слѣдуетъ, что положеніе рабочей силы и ея отношеніе къ землѣ есть важнѣйшій вопросъ соціальнаго устройства, такъ какъ обезпеченіе полной возможности свободнаго и самостоятельнаго приложенія этой силы обуславливаетъ наибольшую производительность труда и, слѣдовательно, наибольшую сумму производства при данной степени развитія народа.

Изъ сказаннаго читатель видитъ, что аграрный вопросъ въ Россіи долженъ имѣть совершенно другое значеніе, чѣмъ на Западѣ Европы, и прямо противоположное послѣднему. На Западѣ, какъ замѣчаетъ совершенно правильно князь Васильчиковъ, всѣ законодательныя мѣры въ этомъ вопросѣ стремились къ упрощенію правъ частной собственности и къ развитію земледѣльческой культуры вообще, интересы же населенія, обрабатывающаго землю, или вовсе не обращали на себя вниманія, или приносились къ жертву общему обогащенію страны, вслѣдствіе чего наибольшая часть населенія была обезземелена; у насъ же, наоборотъ, право собственности на землю въ теченіи всей исторіи было весьма шатко (что и доказано авторомъ въ подлежащихъ главахъ его книги самымъ блестящимъ образомъ), и, вмѣстѣ съ тѣмъ, господствовалъ обычай обезпеченія рабочей силы земельнымъ надѣломъ, обезпеченія труда возможностью его приложенія, въ видахъ обложенія его тягломъ, т. е. повинностию. Обычай этотъ получилъ юридическое значеніе со времени высочайшихъ рескриптовъ, которыми разрѣшалось учрежденіе крестьянскихъ комитетовъ въ губерніяхъ. Въ этихъ рескриптахъ положительно говорится, что *крестьянамъ отводится земельный надѣлъ, въ видахъ обезпеченія ихъ продовольствія и исправнаго отбыванія повинностей*. Такимъ образомъ, при научной постановкѣ вопроса о поземельномъ устройствѣ, по нашему обычному праву и законодательству, требовалось не дополненіе его новою стороною дѣла, не бывшей въ виду у западныхъ экономистовъ, а установленіе совершенно новаго принципа. Вмѣсто того, чтобы принимать землю какъ предметъ культуры, русская жизнь смотритъ на нее прежде всего, какъ на средство обезпеченія народныхъ нуждъ, а затѣмъ уже, когда эта потребность удовлетворена, тогда только можетъ выступить другая сторона вопроса и земля можетъ разсматриваться какъ предметъ культуры, но такое значеніе земли, по всему складу русской жизни, будетъ всегда второстепеннымъ и подчиненнымъ первому ея значенію.

Еслибы князь Васильчиковъ не увлекся до извѣстной степени тѣми позднѣйшими порядками поземельнаго устройства, которые были къ намъ занесены въ послѣдній періодъ нашей исторіи, и удержался бы на обычномъ принципѣ, регулировавшемъ поземельныя отношенія нашего народа, то, конечно, онъ не впасть бы въ эту ошибку и не поставилъ рядомъ успѣхи земледѣльче-

ской культуры съ интересами и положеніемъ народа. Мы не хотимъ этимъ сказать, что авторъ пренебрегъ интересами народа, и тотъ очень ошибется, кто выведетъ изъ нашихъ словъ подобное заключеніе. Нѣтъ, мы не только этого не думаемъ, но убѣждены въ томъ, что авторъ принимаетъ весьма близко къ сердцу интересы населенія: это сочувствіе проходитъ черезъ всю его книгу и заставило его сдѣлать ту поправку въ значеніи аграрнаго вопроса, о которой мы говоримъ. Мы думаемъ только, что авторъ, сознавая вполне отчетливо всю ненормальность наемнаго труда и высказывая это положеніе не одинъ разъ, не рѣшился, однакожь, поставить его исходною точкою своего изслѣдованія и вывести изъ него логическія послѣдствія, долженствующія регулировать отношенія населенія къ занимаемой имъ территоріи. Въ одномъ мѣстѣ своего введенія онъ называетъ это соображеніе главнымъ исходнымъ положеніемъ его изслѣдованій, а между тѣмъ отказывается отъ его логическихъ послѣдствій. Но лучше предоставимъ говорить самому автору.

«Наемный трудъ, говоритъ авторъ на стр. XIII введенія:—никогда не можетъ быть признанъ вполне вольнымъ, и выраженіе, общепринятое въ современномъ быту, *«вольно-наемный трудъ»* заключаетъ въ себѣ очень рѣзкое противорѣчіе.

«Вольнымъ и производительнымъ трудомъ можетъ быть названъ только такой, который приспособляется къ собственному имуществу рабочаго, изъ коего онъ извлекаетъ всевозможную доходность и пользуется безъ дѣлежа всѣми произведеніями и прибылями своей хозяйственной эксплуатаціи.

«Это соображеніе составляетъ главное исходное положеніе нашихъ изслѣдованій...»

Въ этихъ строкахъ авторъ, повидимому, подошелъ къ самой сути дѣла; онъ нашелъ тотъ истинный путь, по которому должна бы слѣдовать экономическая и социальная наука, и мы подписываемся обѣими руками подъ этими положеніями автора. Но, къ сожалѣнію, авторъ какъ будто испугался своей собственной, вполне правильной мысли и спѣшитъ оговориться... «но такъ какъ безразсудно было бы предположить, продолжаетъ онъ:—что какая-либо страна, кромѣ развѣ дикихъ пустынь, могла бы вполне удовлетворить эту потребность, то есть надѣлать всѣхъ жителей имуществомъ, соответствующимъ ихъ рабочей силѣ, то приведенное выше положеніе сводится къ слѣдующему началу:

«Благосостояніе народа будетъ лучше обеспечено въ тѣхъ странахъ, гдѣ наибольшая масса жителей занята работою на себя, на собственной своей землѣ, въ своемъ хозяйствѣ, чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ большинство обывателей большую часть года или даже круглый годъ и въ свой вѣкъ работаетъ по найму, подневно или поштучно, по наряду на другихъ—на хозяевъ».

Прежде всего замѣтимъ автору, что въ странѣ, гдѣ принципъ поголовнаго надѣла рабочихъ землею не только проходитъ черезъ всю исторію, но и признанъ существующимъ законодательствомъ,

въ видахъ обезпеченія продовольствія населенія и исправнаго отбыванія повинностей, нѣтъ ничего *безразсуднаго* предположить, что этотъ надѣлъ для всѣхъ желающихъ имъ пользоваться возможенъ, въ особенности, когда государство обладаетъ огромнымъ пространствомъ совершенно свободныхъ земель не только въ видѣ оброчныхъ статей, но и значительныхъ угодій, неприносящихъ вовсе никакого дохода. Поэтому нѣтъ ничего несбыточнаго въ этомъ предположеніи. Затѣмъ, соглашаясь вполне съ положеніемъ автора, выписаннымъ нами выше курсивомъ, мы замѣтимъ, что, иди логическимъ путемъ, указаннымъ самимъ авторомъ, слѣдовало бы придти къ дальнѣйшему выводу, что *благосостояніе народа еще лучше будетъ обезпечено въ тѣхъ странахъ, гдѣ вся масса жителей будетъ занята работою на себя, въ своемъ хозяйствѣ и наемная работа будетъ существовать только въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда задѣльная плата превышаетъ заработокъ въ своемъ собственномъ хозяйствѣ*. Мы готовы согласиться, что на практикѣ установить такой порядокъ вещей довольно затруднительно, въ особенности въ виду того противодѣйствія, которое онъ можетъ встрѣтить; но въ дѣлѣ авторъ устанавливаетъ теоретическую точку зрѣнія и потому онъ не долженъ былъ останавливаться на полумѣрѣ. Тѣмъ-то и хороша теоретическая разработка социальныхъ вопросовъ, что она заранѣе указываетъ ту цѣль, къ которой необходимо стремиться, и не только подготавливаетъ умы къ принятію болѣе справедливыхъ социальныхъ началъ, но и заставляетъ подумать своевременно о средствахъ перейти отъ стараго порядка къ новому безъ потрясеній и катаклизмовъ, безъ нарушенія частныхъ интересовъ.

Къ этому мы можемъ прибавить, что для достиженія той цѣли, которую намѣтилъ авторъ, т. е. для того, чтобы вся масса населенія работала въ собственномъ хозяйствѣ, нѣтъ никакой надобности надѣлять всѣхъ жителей поземельнымъ надѣломъ. Способности и стремленія людей настолько разнообразны, что никакъ нельзя предположить, чтобы вся масса населенія пожелала посвятить свой трудъ исключительно земледѣлію. Не подлежить никакому сомнѣнію, что всегда будетъ много людей, которые будутъ заниматься другими отраслями производства. Эта рабочая сила имѣетъ также право на вниманіе законодательства, по крайней мѣрѣ, въ той же степени, какъ земледѣльческое сословіе. Если же законъ обезпечиваетъ земледѣльческому сословию возможность приложенія его труда, признавая за нимъ права на извѣстный земельный надѣлъ, то нѣтъ и не можетъ быть никакого основанія отказывать и другимъ рабочимъ въ обезпеченіи имъ возможности приложенія ихъ труда. Для этого нѣтъ никакой надобности строить національныя мастерскія, какъ предлагали социаллисты 1848 года, или измышлять общественныя работы, какъ дѣлали бонапартисты: стоить только сдѣлать кредитъ доступнымъ для рабочаго. Насколько земля обезпечиваетъ

земледѣльческое сословіе, настолько кредитъ можетъ обезпечить ремесленное. Земельный надѣлъ имѣетъ очень много сходнаго съ ссудой капитала: вы его отводите за извѣстную ежегодную плату, съ погашеніемъ или безъ онаго, и подѣ круговую отвѣтственность всѣхъ рабочихъ силъ общины, ссуда можетъ быть дана на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ. Еслибъ со стороны государства для рабочаго сословія была сдѣлана хотя бы десятая доля того, что сдѣлано для предпринимателей и капиталистовъ, то положеніе рабочаго, конечно, было бы совершенно иное. Создать кредитъ для нашего кустаря, поддержать нашу рабочую артель—вотъ практическія средства, чтобъ выйти на ту дорогу, на которой мы уже стоимъ по отношенію къ земледѣльческому классу рабочихъ и которая должна со временемъ привести къ достиженію цѣли, т. е. къ дѣйствительному свободному труду. Мы не хотимъ этимъ сказать, что у насъ сдѣлано все для нашихъ сельскихъ рабочихъ и что намъ не остается ничего желать въ этомъ отношеніи, но мы указываемъ только на то, что за ними признано право на обезпеченіе возможности приложенія ихъ труда, тогда какъ рабочіе-ремесленники этого права не имѣютъ. Князь Васильчиковъ находитъ утопичнымъ такой порядокъ вещей, который далъ бы возможность каждому желающему работать за свой счетъ, мы же съ своей стороны не находимъ въ немъ ничего невозможнаго, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ, если только мы, при развитіи нашего соціальнаго строя, не будемъ слѣдовать по торной дорогѣ, пробитой западной жизнію, а поищемъ заблаговременно другого пути, болѣе соответствующаго нынѣшнему состоянію знаній. Мы вѣримъ въ это лучшее будущее и убѣждены, что нашему отечеству суждено разрѣшить этотъ трудный вопросъ гораздо правильнѣе: не даромъ же наша исторія землевладѣнія подготовила къ тому данныя и не даромъ же мы имѣемъ въ виду опытъ другихъ народовъ. Стѣдить только не повторять ихъ ошибокъ, породавшихъ столько страданій и угрожающихъ въ будущемъ, быть можетъ, еще болѣшими.

Перейдя къ разсмотрѣнію взглядовъ князя Васильчикова на положеніе рабочаго сословія, что, по его программѣ, составляетъ вторую часть аграрнаго вопроса, мы слѣдали небольшой пропускъ при разсмотрѣніи введенія въ его книгу и не коснулись его взглядовъ на положеніе поземельнаго вопроса въ Европѣ, а потому считаемъ нужнымъ возвратиться нѣсколько назадъ и указать на эту точку зрѣнія автора.

«Въ европейскихъ обществахъ, говоритъ авторъ:—на землю, на сельско-хозяйственную культуру, на территоріальныя и владѣльческія права обращено было болѣе вниманія, чѣмъ на рабочую силу, воздѣлывающую земли, въ томъ предположеніи, что съ улучшеніемъ культуры вообще, съ усиленіемъ производительности и плодородія, состояніе народа и всѣхъ классовъ жителей само собой равномѣрно улучшается». Мы, съ своей стороны, позволимъ себѣ замѣтить, что авторъ въ этомъ случаѣ выражается не впол-

нѣ точно: намъ бы казалось, что правильнѣе было бы сказать, что на Западѣ все вниманіе было обращено на упроченіе владѣльческихъ правъ и на улучшеніе культуры, на интересы же рабочихъ классовъ не только не обращалось никакого вниманія, но они прямо приносились въ жертву интересамъ правящихъ классовъ. Вся книга князя Васильчикова, такъ талантливо имъ написанная, служить прямымъ тому подтвержденіемъ. Еслибы интересы рабочихъ классовъ принимались въ какое-либо вниманіе, то развѣ могло бы явиться обезземеленіе жителей въ Англии и Римской Области полное, въ Германіи на двѣ трети, а во Франціи на половину? Вспомнимъ о тѣхъ юридическихъ правахъ, признанныхъ даже законодательствомъ, которыми пользовались Rittergutbesitzer'ы въ Германіи не далѣе, какъ въ прошедшемъ столѣтїи, права, перешедшія и въ нашъ остзейскій край и уничтоженныя весьма недавно. Вспомнимъ названія vilain'овъ, которымъ обзывались французскіе крестьяне. Презрѣніе аристократическихъ классовъ къ рабочему люду было господствующимъ въ западной Европѣ и перешло даже въ Польшу, гдѣ рабочій людь назывался *бид.омъ*. Еслибы интересы этихъ классовъ принимались въ соображеніе, то развѣ могли явиться хлѣбныя законы въ Англии и l'échelle mobile во Франціи. При такомъ отношеніи высшихъ классовъ къ низшимъ, могли ли имѣть какое-нибудь значеніе интересы коренныхъ жителей, обрабатывающихъ землю въ пользу аристократовъ. Точно также намъ кажется невѣрнымъ и мотивъ, выставляемый княземъ Васильчиковымъ. Всѣ мѣры къ улучшенію культуры и производительности почвы принимались отнюдь не вслѣдствіе того взгляда, что вмѣстѣ съ тѣмъ улучшается и общее положеніе народа, а просто вслѣдствіе эгоистическихъ стремленій землевладѣльцевъ, для которыхъ эти мѣры были выгодны и они имѣли возможность ихъ проводить въ законодательство. Подобное натакнутое оправданіе вѣковой безсердечной политики придумано было уже вслѣдствіемъ учеными экономистами, возвѣстившими міру ученіе о благотѣльныхъ послѣдствіяхъ крупной промышленности, при которой громадные капиталы скопляются въ немногихъ рукахъ, а рабочая плата сводится на minimum. Люди эти, по словамъ нашего автора, «вѣрили и исповѣдывали символъ экономической науки (мы скажемъ псевдо-экономической науки), что освобожденіе землевладѣнія отъ узъ патримоніальнаго права и земледѣльцевъ отъ крѣпостной зависимости есть послѣднее слово прогресса, послѣ котораго не остается ничего желать, и что для поднятія общаго уровня народнаго богатства нужно только предоставить каждому полную свободу владѣнія и труда». Само собою разумѣется, что авторъ не принадлежитъ къ ихъ числу, и потому мы очень удивляемся его предположенію, что положеніе народа обращало на себя хотя сколько-нибудь вниманія на Западѣ и что порядоке вещей, водворившейся тамъ, явился вслѣдствіе оши-

бочнаго взгляда, а не вслѣдствіе эгоистическихъ стремленій людей сильныхъ.

Свобода труда есть, дѣйствительно, великое начало, и господство его въ самомъ обширномъ смыслѣ, конечно, весьма желательна: оно въ состояніи было бы обезпечить обществу великія блага, еслибъ нашло примѣненіе съ самаго основанія существующихъ обществъ. Къ сожалѣнію, исторія распорядилась иначе. Съ самаго начала она предоставила однимъ классамъ всѣ права, а на другихъ возложила только обязанности, не давъ имъ даже обще-человѣческихъ правъ. Слѣдствіемъ такого порядка вещей образовалась громадная бездна, раздѣляющая людей. Одни присвоили себѣ всю землю и въ теченіи вѣковъ успѣли пріобрѣсти капиталы, другіе же имѣли только возможность поддерживать свое существованіе и весь свой вѣкъ работать на другихъ. Затѣмъ являютсѣ мѣры, исходящія отъ первыхъ, которыя лишаютъ послѣднихъ даже возможности трудиться на той землѣ, которую они облили своимъ потомъ и кровью, и эти порядки оправдываются необходимостію улучшенія почвы и увеличенія ея производительности, и, наконецъ, когда большинство населенія остается въ обладаніи только своихъ мускуловъ, ему говорятъ, что свобода труда ему будетъ обезпечена и что это — послѣднее слово прогресса. Но спрашивается: что такое голое право свободы труда безъ всякой возможности приложить его къ чему-либо? Вѣдь этимъ правомъ не наполнишь желудка, который требуетъ ежедневной пищи. И идетъ бѣднякъ продавать свой трудъ за всякую цѣну, лишь бы не умереть съ голода, а насъ увѣряютъ, что есть какой-то естественный законъ спроса и предложенія на трудъ, который будто бы регулируетъ величину заработной платы. Нѣтъ, скажемъ мы, заработную плату регулируетъ пустой желудокъ рабочаго люда. Вотъ къ чему привели западно-европейскіе культурные порядки!

Даже 1789 годъ, съ его гуманными началами, провозгласивши общія права человѣка, не принесъ улучшеній въ судьбѣ пролетарія. Этими правами человѣка воспользовалась буржуазія и закрѣпила, такъ сказать, право эксплуатаціи голодныхъ сытыми, внеся въ научный догматъ голое и ничѣмъ не обезпеченное право свободы труда. Нѣтъ, послѣ столькихъ вѣковъ несправедливыхъ социальныхъ отношеній, когда въ однихъ рукахъ сосредоточены всѣ средства для приложенія труда, а другія вооружены только мускулами, одна свобода труда не гарантируетъ рабочаго. Право на свободный трудъ безъ средствъ приложить его къ дѣлу равносильно праву безногаго ходить гдѣ ему угодно. Такое право всегда должно быть въ зависимости отъ соизволенія другого лица, а потому не можетъ быть ни свободнымъ, ни вполне производительнымъ. Намъ говорятъ, что спросъ на трудъ и конкуренція между капиталистами обезпечиваетъ рабочаго. Но такъ ли это? Вѣдь покупающихъ трудъ всегда несравненно меньше, чѣмъ продающихъ его, въ особенности въ запад-

ной Европѣ, гдѣ вѣками недобросовѣтной политики капиталы и земли сосредоточены въ рукахъ относительно немногихъ и тѣмъ искусственно увеличено предложеніе труда. Хотите убѣдиться въ справедливости этого — взгляните на сѣверо-американскіе штаты: тамъ равноправность существуетъ съ основанія общества и задѣльная плата настолько высока, даже въ самыхъ населенныхъ штатахъ, что каждый рабочій не только надѣется, но и положительно убѣжденъ въ возможности обзавестись собственнымъ хозяйствомъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ трудолюбивой жизни, тогда какъ въ западной Европѣ это бываетъ лишь въ рѣдкихъ и особенно счастливыхъ случаяхъ.

Итакъ, въ западной Европѣ интересы культуры поставлены были впереди интересовъ населенія. «Словіе крестьянъ собственниковъ», говоритъ князь Васильчиковъ (см. Введение, стр. III и IV):—въ однихъ государствахъ вовсе исчезло съ лица земли, въ другихъ сократилось на половину, въ третьихъ дошло до такого измельченія семейныхъ участковъ, что превратилось въ состояніе бобылей. Земледѣліе отъ этого много выиграло; земли переходили изъ рукъ людей бѣдныхъ къ зажиточнымъ и повсемѣстно улучшались; все, повидимому процвѣтало, какъ вдругъ въ половинѣ настоящаго столѣтія раздалось сначала невнятная, а потомъ гласныя жалобы и даже стоны, исходившіе изъ тѣхъ низшихъ слоевъ народа, о существованіи которыхъ гуманная и либеральная Европа давно забыла и которые оказались потомками и родственниками прежнихъ землевладѣльцевъ, изгнанныхъ изъ родительскихъ дворовъ по неспособности и несостоятельности.

«Жалобы и стоны этихъ людей породили самые сложные и самые спорные вопросы, которые всѣ вмѣстѣ получили названіе рабочаго вопроса. Но въ нихъ скрывается какое-то глубокое, неразрѣшимое недоразумѣніе, ибо, очевидно, что пренія о рабочей платѣ не имѣютъ исхода, не могутъ привести къ соглашенію и что всѣ сдѣлки, заключаемыя по этому предмету, имѣютъ только значеніе краткосрочнаго перемирія между двумя враждующими сторонами. Настоящій предметъ спора долженъ быть другой, и, дѣйствительно, вникая въ сущность возбужденныхъ въ современной Европѣ пререканій и смуть, нельзя не признать, что подъ личиною рабочаго вопроса скрывается другой—болѣе существенный,—что народныя массы, безсознательно стремясь къ улучшенію своего быта, имѣютъ въ виду не то, чего онѣ просятъ, и требуютъ не устройства на другихъ основаніяхъ наемнаго труда, а отміны этого труда, что онѣ ищутъ собственности, осѣдлости, хозяйства».

Мы сдѣляли эту выписку изъ книги автора на томъ основаніи, что нельзя рельефнѣе и правдивѣе представить положеніе западно-европейской жизни. Несмотря на богатство и роскошь высшихъ классовъ, несмотря на полное довольство среднихъ, подъ вѣсьмъ этимъ внѣшнимъ благосостояніемъ кроется глу-

бежалъ рана, нанесенная европейскому организму исторической несправедливостію къ низшимъ классамъ общества. Удастся ли Европѣ предупредить катализмъ и перестроить социальный бытъ безъ особыхъ потрясеній—покажетъ, конечно, будущее; но мы бы желали, чтобы наше отечество своевременно остереглось и не вступило на ту дорогу, которая приводитъ къ такому положенію. У насъ есть еще и время, и средства для того, чтобы выбрать другой путь.

«Для насъ, продолжаетъ разбираемый нами авторъ:—нѣтъ предмета болѣе поучительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе своевременнаго, какъ изслѣдованіе тѣхъ превратностей, черезъ которыя прошло землевладѣніе въ Европѣ. Оно своевременно, потому что мы именно съ освобожденіемъ крестьянъ вступаемъ въ такой періодъ общественнаго устоятва, когда закладываются главныя основы социальнаго быта. Оно поучительно, потому что въ исторіи европейскаго землевладѣнія можно прослѣдить рядъ грубѣйшихъ ошибокъ, насильствъ, несправедливостей и *правильный ходъ цивилизаціи, достигшей высшей ступени культуры*». Соглашаясь вполне съ главной мыслию автора, высказанной въ этихъ строкахъ, кромѣ послѣднихъ словъ, подчеркнутыхъ нами, мы желали бы добавить, что установленіе этихъ отношеній на Западѣ шло путемъ эмпирическимъ: оно относится къ тому времени, когда опытъ не выказалъ еще всѣхъ послѣдствій пренебреженія интересовъ низшихъ классовъ общества и наука не указывала никакой путеводной нити въ этомъ отношеніи. На этомъ основаніи, тотъ длинный рядъ грубѣйшихъ ошибокъ, насильствъ и несправедливостей, о которыхъ говорить авторъ, не можетъ быть поставленъ въ слишкомъ большую вину государственнымъ дѣятелямъ того времени: *они не отдали бо, что творятъ*. Въ настоящее же время, когда мы только-что вступаемъ въ періодъ социальнаго устройства, при томъ свѣтѣ, который бросила критика на слабыя стороны прежнихъ экономическихъ теорій и доказала ясно и положительно, что человѣку, вооруженному только мускулами и свободой, невозможно устоять въ борьбѣ съ землевладѣльцами и капиталистами — въ то время, говоримъ мы, когда появляются такіе труды, какъ книга князя Васильчикова, если мы не примемъ въ соображеніе указаній опыта и науки, то передъ судомъ исторіи мы, русскіе люди, не будемъ въ правѣ пользоваться смягчающими вину обстоятельствами, тѣмъ болѣе, что вся наша прежняя исторія указываетъ намъ тотъ путь, по которому намъ слѣдуетъ идти. Чтобы идти той дорогой, по которой шла западная Европа въ устройствѣ своихъ повемельныхъ отношеній, намъ нужно ломать всё вѣками сложившіяся возрѣнія народа на его отношенія къ землѣ, а между тѣмъ, при нашемъ обиліи земель совершенно свободныхъ, нетрудно установить порядокъ вещей, вполне соответствующій этимъ возрѣніямъ и обезпечивающій положеніе рабочаго люда.

Мы сказали, что съ заключительными словами сдѣланной нами

выписки мы согласиться не можемъ. И, дѣйствительно, возможно ли назвать *правильнымъ* ходъ цивилизаціи, когда въ немъ можно найти длинный рядъ грубѣйшихъ ошибокъ, насильствъ и несправедливостей, породившихъ собою, по словамъ того же автора, безысходныя пренія о рабочемъ вопросѣ? Неужели авторъ не замѣтилъ того противорѣчія, въ которое онъ впадаетъ, выражившись такимъ образомъ? Вѣроятно, авторъ хотѣлъ указать на быстрый ходъ развитія производительной промышленности и образованія въ высшихъ и среднихъ классахъ западной Европы и только выразился не вполне точно? Если это такъ, то, во-первыхъ, подобный ходъ развитія меньшинства, при совершенномъ обѣдѣннѣ большинства, нельзя назвать *правильнымъ*, а, во-вторыхъ, такое послѣдствіе весьма понятно, такъ какъ, при значительности населенія, сосредоточеніе земель и власти въ рукахъ культурныхъ классовъ общества давало послѣднимъ полную возможность сосредоточивать въ своихъ рукахъ результаты народнаго труда, т. е. капиталы и дѣлать значительныя сбереженія. Все это явилось слѣдствіемъ того, что массы рабочаго люда были поставлены въ такія условія, при которыхъ они не могли пользоваться всѣми плодами своего труда, а должны были довольствоваться только частію ихъ въ видѣ скудной заработной платы, другая же часть, быть можетъ, болъшая, оставалась въ рукахъ людей болѣе сильныхъ и давала возможность къ накопленію громаднхъ капиталовъ. Князь Васильчиковъ ставитъ вопросъ: можетъ ли такая же высокая степень цивилизаціи быть достигнута другими путями? Но, по нашему мнѣнію, тутъ и вопроса быть не можетъ: она *должна быть достигнута другими путями*, иначе всякая мысль о необходимости общественныхъ организмовъ является абсурдомъ, а самая цивилизація—положительнымъ зломъ. Одна возможность сомнѣнія въ этомъ и выраженіе этого сомнѣнія въ видѣ вопроса уже есть начало полнаго отрицанія. Намъ кажется, что представители крайнихъ отрицательныхъ теорій на Западѣ исходили именно изъ этого вопроса и приходили къ своимъ отрицательнымъ выводамъ именно потому, что не могли уяснить себѣ причинъ народныхъ страданій, не находили возможности избавить рабочій людь отъ наемной кабалы и тѣмъ обезпечить ему возможность вполне свободнаго труда. Имъ казалось, что наемный трудъ есть безусловно необходимый факторъ всякаго производства и послѣднее не можетъ быть ведено на другихъ основаніяхъ; тогда какъ, въ сущности, такое отношеніе между людьми не можетъ считаться нормальнымъ и въ будущемъ должно уступить свое мѣсто другому порядку вещей, болѣе раціональному. Въ густо населенныхъ странахъ, богатыхъ капиталами, устройство дешеваго кредита для рабочаго люда представляеть тотъ же выходъ изъ критическаго положенія, какъ и поголовный надѣлъ землею въ странахъ относительно мало населенныхъ. Впрочемъ, князь Васильчиковъ, высказывая свою мысль въ видѣ вопроса, отнюдь

не склоняется къ отрицательному отвѣту. Напротивъ, вся его книга направлена къ тому, чтобы разрѣшить вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, а поэтому его вопросъ мы должны принять за простой полемическій приемъ.

Что же касается до тѣхъ людей науки и практики, которые, по словамъ князя Васильчикова, утверждаютъ, что всѣ человѣческія общества должны пройти чрезъ одни и тѣ же фазисы развитія, что, какъ было въ Греціи и Римѣ, такъ и быть должно, то намъ кажется, что на такія мнѣнія и отвѣчать не слѣдуетъ.

Издживъ такимъ образомъ общій взглядъ князя Васильчикова на аграрный вопросъ и тѣ соображенія, которыя этотъ взглядъ вызвалъ съ нашей стороны, мы вновь обращаемъ вниманіе читателя на важность этого вопроса для насъ, русскихъ, и притомъ въ настоящую минуту. Мы дѣлаемъ это потому, что западно-европейскіе порядки поземельнаго устройства неполнѣ чужды нашему отечеству: они охватили всю его западную часть, и, хотя въ 1863 году и послѣдующихъ они значительно были поколеблены въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ, но все-таки тамъ осталось еще много безземельныхъ сельскихъ рабочихъ. Въ остзейскихъ же провинціяхъ эти порядки осяли очень крѣпко, и измѣнить ихъ будетъ не легко. Это будетъ тѣмъ труднѣе, что отголоски усвоенныхъ тамъ мнѣній слышатся отчасти и въ нашемъ обществѣ, въ особенности въ высшихъ его сферахъ. Прозвѣты о всеословной волости, о необходимости вооружить землевладѣльцевъ правомъ извѣстной юрисдикціи и объ обязательности рабочихъ книжекъ, какъ ограниченія необузданности рабочихъ, еще у всѣхъ на памяти, и цѣль этихъ прозвѣтовъ очень ясна. Если эти попытки и не представляютъ прямой возможности обезземеленія крестьянъ, то онѣ ведутъ къ тому же путемъ военнымъ, поставляя рабочихъ людей въ полнѣйшую зависимость отъ нанимателей. Кромѣ того, въ нашей внутренней жизни встрѣчаются иногда явленія, которыя по своимъ послѣдствіямъ могутъ быть отнесены къ явленіямъ той же категоріи. Такъ, напримѣръ, право выкупа государственнымъ крестьянами въ собственность отведенныхъ имъ въ пользованіе земель. Становясь такимъ образомъ собственниками земли, крестьяне перестаютъ пользоваться правомъ увеличенія надѣловъ на прибывающую души по новой ревизіи. Слѣдовательно, все прибывающее населеніе будетъ оставаться безземельнымъ. Право выкупа не въ общинное, а въ подворное владѣніе ведетъ къ той же цѣли, въ особенности, если будетъ разрѣшенъ переходъ отъ общиннаго къ подворному владѣнію вслѣдствіе абсолютнаго большинства голосовъ на сходѣ. Сюда же должна быть отнесена раздача значительныхъ пространствъ казенной земли частнымъ лицамъ за ихъ гражданскія и военныя заслуги въ губерніяхъ Екатеринославской, Самарской и на Кавказѣ, тогда какъ земли эти могли бы служить для колонизаціи переселенцевъ изъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ населенію становится уже тѣсно. Такіе факты со-

вершаются именно въ то время, когда переселенцы, отправляясь на новыя земли, часто не находят мѣстъ для поселенія и возвращаются назадъ, проѣздивъ туда и обратно совершенно напрасно.

Все это — такіе факты, которые указываютъ, что и въ нашемъ обществѣ западно-европейскіе взгляды на поземельныя отношенія имѣютъ право гражданства и не остаются безъ вліянія. Въ одной изъ главъ своего сочиненія, князь Васильчиковъ указываетъ на быстрое возрастаніе количества безземельныхъ крестьянъ и приводитъ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, въ 10 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ и надѣла всѣхъ домохозяевъ, число безземельныхъ жителей возрасло до 5, 12 и 15% всего сельскаго населенія. — Фактъ весьма печальный, на который, конечно, стоить обратить особенное вниманіе. Если наша административная, судебная и законодательная практика въ отдѣльныхъ вопросахъ о поземельномъ устройствѣ будетъ придерживаться направленія, отразившагося въ вышеприведенныхъ фактахъ, а не усвоить себѣ тѣхъ принциповъ, которыми проникнута вся наша исторія и о которыхъ мы говорили выше, то можно смѣло утверждать, что сельскій пролетаріатъ будетъ сильно увеличиваться, и мы, пожалуй, можемъ пойти по торной дорогѣ, избитой западной жизнью.

Князь Васильчиковъ, въ своемъ предисловіи, излагаетъ и программу своего сочиненія, объясняя какъ связь отдѣльныхъ статей, такъ и ихъ послѣдовательность. Само собою разумѣется, что, при такомъ изложеніи, онъ указываетъ на главные тезисы своего сочиненія. Не желая вдаваться въ разсмотрѣніе подробностей, чтобы тѣмъ не уменьшить для читателя интересъ при чтеніи книги, мы остановимся преимущественно на этой программѣ.

Прежде всего авторъ предлагаетъ вопросъ: «Общественное разстройство, которое проявляется въ безплодныхъ агитаціяхъ рабочихъ классовъ въ западной Европѣ, слѣдуетъ ли признать дѣйствительнымъ и приписать его органическому пороку этого общества и человѣческихъ обществъ вообще, когда они достигаютъ извѣстной степени пресыщенія, или можно предположить, что это — явленіе случайное и временное, что оно происходитъ отъ невѣжества простаго народа, не понимающаго своихъ прямыхъ интересовъ, отъ подстрекательства народныхъ агитаторовъ?» Послѣднее мнѣніе, по словамъ князя, защищается почти единодушно интеллигенціей (?) и имущественными классами въ образованнѣйшихъ странахъ свѣта. «Такое мнѣніе, говоритъ авторъ: — подтверждается исчисленіями, что получалъ рабочій чуть ли не до Рождества Христова, и доказывается, что въ наше время рабочій и кормится лучше, и зарабатываетъ больше

и что поэтому неудовольствіе его несправедливо и благополучіе его обезпечено».

Князь Васильчиковъ не раздѣляетъ этого послѣдняго мнѣнія, но не потому, чтобы эти аргументы были неосновательны — напротивъ, онъ говоритъ, что противъ нихъ нельзя бы и спорить, еслибы не существовало одного явленія, убѣдительно доказывающаго глубокое разстройство социальнаго быта. Это явленіе, заставляющее автора сомнѣваться въ основательности подобной аргументаціи, есть *эмиграція*. Трудно, говоритъ онъ, повѣрять, чтобы люди изъ наилучше устроенныхъ государствъ стремились въ дикія пустыни, оставляя родину и близкія связи въ виду фальшивой тревоги.

Мы не только не оснориваемъ такого соображенія автора, но вполне раздѣляемъ его. Дѣйствительно, нельзя отвергать бѣдственнаго положенія рабочихъ классовъ на Западѣ, и въ особенности въ виду тѣхъ частыхъ торговыхъ кризисовъ, которыми подвергается крупное производство, работающее для сбыта въ виду гадательнаго спроса. Но мы замѣтимъ автору, что эмиграція, выставляемая имъ, какъ доказательство разстройства социальнаго быта и, притомъ, доказательство единственное, можетъ возбудить очень вѣскія возраженія въ средѣ людей противнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе, что въ главѣ объ эмиграціи самъ авторъ указываетъ, что главный контингентъ эмигрантовъ составляютъ не вполне разоренные пролетаріи, а преимущественно состоятельные рабочіе, люди, имѣющіе средства оплатить расходы переселенія и первоначальнаго обзаведенія на мѣстѣ. Стало быть, эмиграція можетъ объясняться не бѣдственнымъ положеніемъ народа, а естественнымъ желаніемъ cadaго человѣка улучшить свое положеніе.

Намъ кажется, что есть болѣе неотразимыя доказательства бѣдственнаго положенія рабочихъ классовъ на Западѣ. Фактъ улучшенія положенія рабочаго во времени совершенно справедливъ, но онъ, какъ мы думаемъ, ничего не доказываетъ. Абсолютно, положеніе рабочаго дѣйствительно улучшается, но вопросъ состоитъ въ томъ: улучшается ли его положеніе въ той мѣрѣ, въ какой улучшается положеніе другихъ классовъ общества и въ какой возрастаютъ потребности рабочихъ людей? Въ мірѣ нѣтъ ничего абсолютнаго и все относительно. Мы знаемъ, что потребности людей постоянно прогрессируютъ и рождаются всегда прежде, нежели являются средства къ ихъ удовлетворенію. Это — великій историческій законъ, которымъ обуславливается прогрессъ человѣчества. Еслибы потребности человѣка не возрастали, то никакое движеніе впередъ было бы невысказуемо. Принимая же въ соображеніе этотъ великій законъ природы, нельзя говорить, что, если по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ человѣкъ кормится лучше и зарабатываетъ больше, то положеніе его улучшилось; надо вмѣстѣ съ этимъ принять въ соображеніе, насколько возрасли за это время и потребности человѣка и, кромѣ того, какъ

велика разница въ положеніи уровня достаточныхъ и бѣдныхъ классовъ общества. Если эта разница увеличилась, то хотя бы положеніе рабочихъ классовъ и улучшилось абсолютно, относительно—оно все-таки ухудшилось. Для человѣка плохое утѣшеніе, что предокъ его жилъ еще хуже, если сумма его потребностей, остающихся безъ удовлетворенія, возрасла, и въ особенности, когда онъ видитъ передъ собою неизмѣримо высшій уровень потребностей другихъ классовъ общества вполне удовлетвореннымъ.

Намъ кажется, что приведенное нами возраженіе противъ теоріи оптимистовъ представляется болѣе существеннымъ, такъ какъ оно подрываетъ ее въ самомъ основаніи. Дѣйствительно, если потребности человѣка безграничны, то для того, чтобы сказать, насколько положеніе его обезпечено, нельзя принимать въ соображеніе сумму тѣхъ потребностей, которымъ онъ въ состояніи удовлетворять, а надо идти путемъ отрицательнымъ и опредѣлять, какая сумма потребностей не можетъ быть удовлетворена. Если же мы обратимся къ исторіи, то должны прийти къ неизбѣжному выводу, что потребности низшихъ классовъ общества, которымъ они удовлетворить не могутъ, въ настоящее время возрасли и количественно, и качественно, а слѣдовательно положеніе ихъ менѣе обезпечено.

Но, если даже слѣдовать методу князя Васильчикова и, оставляя въ сторонѣ критику подобнаго взгляда по существу, доказывать разстройство социальнаго быта указаніемъ на симптомы ненормальнаго свойства, то и здѣсь мы избрали бы болѣе рѣзкое явленіе, вполне характеризующее шаткое положеніе социальнаго устройства западной Европы. Явленіе это—*революція*.

Эмиграція представляетъ собою явленіе болѣе мягкое, если можно такъ выразиться, и, какъ мы сказали выше, можетъ быть объясняема общимъ и естественнымъ стремленіемъ человѣка къ еще болѣшему улучшенію его быта. Въ этомъ стремленіи у человѣка есть не только надежда, но почти убѣжденіе, что впереди ожидаетъ его лучшее будущее. Но революція есть слѣдствіе отчаянія и полной безнадежности. Народъ встаетъ только въ такомъ случаѣ, когда ему терять нечего, когда имъ потеряна всякая надежда на возможность добиться улучшеній своего быта другимъ путемъ; если же есть какая нибудь возможность существовать, то человѣкъ не возьмется за оружіе, чему наилучшимъ доказательствомъ служатъ долготерпѣніе балканскихъ христіанъ подъ игомъ Турціи. Напрасно было бы думать, что народныя агитаторы способны возмутить грубые умы простонародья, если условія социальнаго быта сносны. Народъ—консерваторъ по премуществу, и, если у него есть хоть что нибудь, то онъ не рискнетъ этимъ немногимъ изъ за непонятныхъ для него идей и стремленій.—Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ народъ пользуется политическими правами, онъ долго еще идетъ за властію, не-

смотря на то, что эта власть (какъ показалъ намъ примѣръ Наполеона III) руководится эгоистическими, а не народными интересами. Между тѣмъ, революція въ западной Европѣ представляется какимъ-то хроническимъ, періодически возвращающимся явленіемъ. На Западѣ образовалось даже такое мнѣніе, что только тѣ реформы прочны, которыя вытребованы такимъ путемъ, хотя примѣръ Англіи въ послѣдніе два вѣка говоритъ противное. Намъ кажется, что это мнѣніе есть слѣдствіе упрямаго сопротивленія имущественныхъ классовъ кореннымъ реформамъ, клонящимся къ обезпеченію быта рабочихъ классовъ, и постоянное стремленіе первыхъ возвратиться къ старымъ порядкамъ. Экономическій принципъ, что для улучшенія быта рабочихъ классовъ нужна только полная свобода труда и нѣтъ надобности въ другихъ законодательныхъ мѣрахъ, обезпечивающихъ возможность приложенія труда къ дѣлу, крѣпко вошелъ въ понятія западнаго буржуазнаго общества и трудно ожидать, чтобы эти понятія исчезли въ ближайшемъ будущемъ. Но для того, чтобы доказать всю неосновательность подобной точки зрѣнія, достаточно предложить одинъ вопросъ: не представляетъ ли историческій ходъ развитія западно-европейскаго общества господства другого принципа, въ силу котораго всѣ законодательныя мѣры стремились къ огражденію интересовъ меньшинства, принося въ жертву этимъ интересамъ самыя неотъемлемыя и естественныя права большинства? Само собою разумѣется, что утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ несомнѣненъ, и поэтому, такъ какъ исторія измѣнить нельзя, то нельзя и оставлять обдѣленныхъ судьбою гражданъ поправлять историческія несправедливости собственными силами, безъ всякаго содѣйствія законодательства.

Да не подумаетъ читатель, что мы, говоря такимъ образомъ, желаемъ проповѣдывать какія нибудь несбыточныя, утопичныя идеи объ обезпеченіи бѣдныхъ на счетъ богатыхъ. Нѣтъ, мы совершенно далеки отъ этихъ мыслей; мы не одобряемъ даже англійскаго закона о бѣдныхъ, содержимыхъ на счетъ приходовъ, находя его несправедливымъ, и думаемъ, что, если и была возможность, при посредствѣ крѣпостной зависимости, различныхъ монополій и привилегій, эксплуатировать большинство въ пользу меньшинства, то нѣтъ никакой физической возможности обезпечить большинство на счетъ меньшинства, хотя бы богатства этого меньшинства были громадны. Эти богатства, раздѣленные на всѣхъ, не обезпечили бы никого. Ненормальность созданныхъ исторіею порядковъ состоитъ въ томъ, что богатства, создаваемые народнымъ трудомъ, при неправильномъ ихъ распредѣленіи, расточаются самымъ непроизводительнымъ образомъ тѣми, кому они достаются въ излишествахъ, и, въ концѣ концовъ, они исчезаютъ для всѣхъ. Недавно въ газетахъ оглашенъ случай растраты въ обществѣ взаимнаго кредита. Куда дѣвались эти деньги? спрашиваетъ газета «Новое Время», когда виновникъ ле-

жить на смертность одрѣ и безъ всякихъ средствъ. «Ихъ поглотила биржевая игра!» отъбичаетъ газета. Нѣчто подобное совершилось и въ ходѣ исторіи. Народы не получали всѣхъ результатовъ своего труда, а люди, въ рукахъ которыхъ оставались эти результаты, переуступали ихъ другимъ ниже ихъ дѣйствительной стоимости и затѣмъ тратили ихъ выше мѣры и совершенно непроизводительно. Въ силу этого порядка вещей, всѣхъ богатствъ земнаго шара не достанетъ для того, чтобъ обезпечить и десятую долю нуждающихся. Поэтому, дѣло вовсе не въ томъ, чтобы взять у богатаго и отдать бѣдному, какъ привыкли понимать ограниченные люди указанія на ненормальность существующихъ условій въ жизни рабочаго класса, а въ томъ, чтобы создать такіе порядки, при которыхъ человѣкъ трудящійся могъ рассчитывать не на одно дневное пропитаніе, но и на возможность, въ концѣ концовъ, создать для себя обезпеченное положеніе. Въ такихъ ожиданіяхъ нѣтъ ничего несбыточнаго и утопичнаго. А средства для достиженія такого порядка вещей въ будущемъ составляютъ: *правильное законодательство о земельномъ устройствѣ и широкое развитіе системы дѣйствительно народнаго кредита.*

Еслибъ для развитія народнаго кредита сдѣлана была только десятая часть того, что сдѣлано въ этомъ отношеніи для достаточныхъ классовъ общества, то и тогда мы бы сказали, что общество находится на хорошемъ пути къ лучшему. Но, къ сожалѣнію, народнаго кредита, въ широкомъ смыслѣ этого слова, не существуетъ и пишущій, эти строки очень хорошо знаетъ, какъй процентъ платитъ нашъ народъ за ссуды. Такъ, напримѣръ, крестьянину нуженъ весной овесъ на сѣмена, и онъ идетъ къ кулаку или міроѣду за ссудой. Бѣльшею частью, эти ссуды дѣлаются на слѣдующихъ условіяхъ: овесъ долженъ быть возвращенъ осенью въ количествѣ, представляющемъ одинаковую цѣнность со взятымъ, и, сверхъ того, по двѣ мѣры на четверть прикладу, въ видѣ процентовъ. Но такъ какъ весной овесъ всегда на 25 или на 30% дороже осени, когда происходитъ сборъ повинностей, то оказывается, что за взятую четверть овса крестьянинъ, по меньшей мѣрѣ, платитъ полторы четверти или 50% за пять мѣсяцевъ ссуды, что составляетъ 120% годовыхъ. Но это—еще довольно легкія условія; бываютъ и болѣе обременительныя, если вознагражденія за ссуду опредѣляются работою, такъ какъ во многихъ мѣстностяхъ нашего отечества упущенія въ своемъ собственномъ хозяйствѣ крестьянинъ не привыкъ измѣрять деньгами.

Но возвратимся къ труду князя Васильчикова. И такъ, намъ кажется, что авторъ невольно правъ; мы замѣтимъ ему, что не только можно спорить противъ мнѣнія о настоящемъ возрастаніи благосостоянія рабочаго, но и доказать его несостоятельность; кромѣ того, мы думаемъ, что не одна эмиграція представляетъ симптомъ ненормальности западныхъ порядковъ и

что революціонное броженіе служитъ гораздо болѣе вѣрнымъ признакомъ этой ненормальности. Последнее можно вызвать только бѣдственнымъ положеніемъ рабочаго класса—другого средства на это нѣтъ и быть не можетъ. Мы готовы допустить, что эмиграція есть слѣдствіе неблагоприятнаго положенія массъ, и оно выражается въ рѣшимости отдѣльныхъ личностей покинуть родину. Но въ этихъ единичныхъ фактахъ можетъ выражаться также и предпримчивость народа, желаніе быстро улучшить свое положеніе. Совсѣмъ другое значеніе имѣетъ неудовольствіе народа, когда оно выражается въ революціонномъ броженіи. Здѣсь уже нельзя говорить о случайности: подобное явленіе имѣетъ гораздо болѣе общій характеръ и порождается бѣдственнымъ положеніемъ не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлыхъ массъ, и слѣдовательно представляется гораздо болѣе знаменательнымъ, чѣмъ эмиграція.

Мы знаемъ, что за эти мысли возстанутъ на насъ наши охранители, но мы оставимъ безъ вниманія ихъ лай. Мы твердо убѣждены, что, указывая на дѣйствительныя, а не на мнимыя причины народныхъ волненій, мы тѣмъ самымъ гораздо болѣе служимъ торжеству охранительныхъ началъ, чѣмъ всѣ наши псевдо-консерваторы, коснѣющіе въ невѣжествѣ и жаждущіе только одного—возможности тѣмъ или другимъ путемъ удержать хвостикъ крѣпостныхъ отношеній въ своихъ рукахъ.

Указавъ на то, что въ послѣднія 50 лѣтъ изъ Европы выселилось около 10-ти милліоновъ жителей въ Новый Свѣтъ, князь Васильчиковъ выводитъ заключеніе, что такое явленіе обуславливается глубокими причинами, лежащими въ основахъ хозяйственной жизни европейскихъ народовъ, и что первый вопросъ, который возникаетъ, есть вопросъ поземельный. Затѣмъ, обращаясь къ выселенію, какъ къ признаку, характеризующему ненормальное положеніе дѣлъ, онъ старается вникнуть въ причины его и ставить слѣдующій вопросъ: происходитъ ли это выселеніе отъ густоты населенія и естественнаго его приращенія, или отъ неправильнаго распредѣленія недвижимыхъ имуществъ между лицами и обществами, вслѣдствіе котораго рядомъ съ тѣсною представляется пустота?

Понятно, что дальнѣйшее разрѣшеніе аграрныхъ вопросовъ въ томъ или другомъ смыслѣ должно обуславливаться тѣмъ или другимъ положеніемъ дѣлъ. «Если дѣйствительно нѣкоторыя государства, продолжаетъ князь Васильчиковъ:—достигли такого избытка населенія, что производительность почвы не покрываетъ насущныхъ нуждъ пропитанія, что заработки дешевѣютъ отъ излишества рабочихъ рукъ и что большинство жителей не имѣетъ возможности пріобрѣсти осѣдлости, то выселеніе извѣстной бѣднѣйшей (?) части населенія есть единственный исходъ, могущій имѣть отчасти благія послѣдствія. Если же дѣло представляется иначе, то есть, что неимущество однихъ происходитъ отъ неправиль-

наго размѣщенія жителей и распредѣленія недвижной земельной собственности и что у казны остается еще запасъ пустопо-рожныхъ земель, то колонизація, продажа земель бѣднымъ обывателямъ, съ разсрочкою, ссудами и льготами и въ небольшихъ участкахъ, соотвѣтствующихъ рабочей силѣ крестьянской семьи, можетъ, въ такомъ случаѣ, возстановить правильное со-отношеніе между капиталомъ и работой, землевладѣніемъ и землей».

Но такая постановка вопроса и такое его разрѣшеніе, какъ намъ кажется, далеко не выдерживаютъ критики: они вовсе не обнимаютъ всѣхъ сторонъ дѣла и далеко не соотвѣтствуютъ той задачѣ, которую ставитъ себѣ авторъ, а именно—указать раціональныя основы для устройства хозяйственнаго быта населенія. Прежде всего мы укажемъ на то обстоятельство, что и самъ авторъ считаетъ выселеніе изъ странъ, гдѣ оказывается избытокъ населенія, мѣрою, *моущею принести только отчасти блага послѣдствія*; слѣдовательно, это—пальятивъ, который не разрѣшаетъ вопроса, а только отсрочиваетъ его рѣшеніе. Затѣмъ, еслибы и удалось удалить такимъ образомъ вновь нарастающій избытокъ населенія, возможность чего представляется еще проблематичною, то положеніе рабочаго люда только не ухудшилось бы, между тѣмъ какъ разниа между богатымъ и бѣднымъ возрастала бы постоянно, въ виду возможности достаточныхъ классовъ улучшать свое положеніе. Пролеторіатъ со всѣмъ желчнымъ его настроеніемъ оставался бы во всей силѣ и постоянно угрожалъ бы нарушеніемъ общественнаго порядка. Быть можетъ, намъ скажутъ, что выселеніе можетъ производиться въ такихъ размѣрахъ, чтобъ населеніе страны не только бы не увеличивалось, но уменьшалось. Но на это, повидимому, не разсчитываетъ и самъ авторъ и, какъ намъ кажется, весьма основательно. Во-первыхъ, потому, что выселять можно только желающихъ покинуть родину, такъ какъ нельзя же свободныхъ гражданъ, не совершившихъ никакого преступленія, выселять насильно изъ отечества; во-вторыхъ, чтобъ имѣть достаточное количество желающихъ, необходимо предлагать имъ такія условія, чтобъ они рѣшились на переселеніе и, сверхъ того, употребить значительныя средства на расходы переѣзда и обзаведенія на новыхъ мѣстахъ, а это повело бы къ такимъ издержкамъ, которыя далеко превысили бы средства, необходимыя для существованія переселенцевъ на мѣстѣ. Примѣръ Англіи достаточно подтверждаетъ эту истину, и она охотнѣе соглашается на налогъ въ пользу бѣдныхъ, чѣмъ на издержки по ихъ переселенію и водворенію. Изъ сказаннаго ясно, что выселеніе не разрѣшаетъ вопроса. Но и помимо означенныхъ соображеній можно многое возразить противъ подобной мѣры, въ особенности при тѣхъ условіяхъ, которыми обставляется ее авторъ. Онъ указываетъ на этогъ исходъ, во-первыхъ, въ томъ случаѣ, когда *производительность почвы не покрываетъ насущныхъ нуждъ пропитанія*; но можно ли говорить серьезно, въ настоящее время и при существующихъ средствахъ

сообщенія, о соотвѣтствіи количества населенія съ производительностію почвы данной мѣстности, когда жизнь указываетъ намъ, что рабочій Лондона питается пшеницей, вырощенной въ степяхъ Самарской Губерніи или западныхъ штатовъ Америки? Точно также дешевизна заработковъ не можетъ служить ни оправданіемъ подобныхъ мѣропріятій, ни указаніемъ ихъ необходимости. При настоящемъ разнообразіи занятій и специализаціи труда, при настоящей системѣ крупнаго производства на сбытъ, задѣльная плата можетъ сильно падать въ одной отрасли промышленности и вызывать страданія значительныхъ массъ рабочаго сословія и возвышаться въ другихъ. Каждое новое изобрѣтеніе и открытіе можетъ оставлять безъ дѣла множество людей, тогда какъ общій уровень заработной платы нисколько не понижится. Между тѣмъ, именно эти-то обстоятельства, падающія на людей, не приготовленныхъ къ другимъ родамъ дѣятельности, и вызываютъ необходимость такихъ условій общественнаго быта, которыя представляли бы возможность рабочему человѣку отложить копейку на черный день или обезпечить себя подъ старость. Наконецъ, и то условіе, когда *большинство не можетъ приобрести осядлости*, представляется намъ крайне неопредѣленнымъ. Прежде всего, необходимо установить, что понимать подъ словомъ *осядлость*. Если подъ этимъ словомъ понимать такое количество земли, воздѣлываніе которой требовало бы всѣхъ силъ семьи рабочаго человѣка, то тогда необходимо придти къ заключенію, что большинство европейскихъ государствъ уже переполнено населеніемъ и, слѣдовательно, находится въ безвыходномъ положеніи, не имѣя возможности произвести выселеніе въ размѣрахъ, которыхъ требуютъ обстоятельства. Если же взять другую крайность, при которой семейство рабочаго человѣка имѣетъ только необходимое жилище, то такое положеніе вовсе не обезпечиваетъ существованія рабочаго класса и не уничтожаетъ язвы пролетаріата. Какая же граница между этими двумя крайностями должна быть принята? Это—вопросъ, котораго не разрѣшилъ и, конечно, не могъ разрѣшить князь Васильчиковъ съ его точки зрѣнія и, слѣдовательно, не пришелъ ни къ какому практическому выводу. Къ тому же, и причины невозможности пріобрѣтенія осядлости могутъ быть различны: онѣ могутъ явиться или вслѣдствіе положительнаго отсутствія продажныхъ земель, на томъ основаніи, что настоящіе владѣльцы, понимающіе всю выгоду подобной собственности, дорожатъ ею не только въ силу экономическихъ, но даже политическихъ причинъ, или вслѣдствіе крайней бѣдности рабочаго сословія, не имѣющаго средствъ пріобрѣсти осядлость за какую бы то ни было цѣну, или, наконецъ, эту невозможность могутъ породить причины того и другого рода вмѣстѣ. Неужели же въ каждомъ изъ указанныхъ нами случаевъ, единственнымъ коррективомъ даннаго положенія дѣлать *можетъ служить выселеніе*, признаваемое самимъ авторомъ мѣроу

недостаточно? Нѣтъ, мы этого не думаемъ и вѣруемъ, что разумное разрѣшеніе подобной задачи должно быть найдено.

Точно также односторонне разобранъ авторомъ и другой предположенный имъ случай, когда выселеніе является не слѣдствіемъ избытка населенія, а происходитъ вслѣдствіе неправильнаго размѣщенія жителей и распредѣленія недвижимой собственности и, притомъ, когда у государства остается еще запасъ пустопорожныхъ земель. Мы совершенно согласны съ авторомъ, что въ этомъ случаѣ продажа казенныхъ земель на льготныхъ условіяхъ есть мѣра очень полезная, хотя мы, съ своей стороны, предпочли бы такой продажѣ отдачу въ безсрочное пользованіе за извѣстную арендную плату, для того, чтобъ не связывать такимъ образомъ свободы дѣйствій будущихъ поколѣній частнымъ правомъ собственности отдѣльныхъ лицъ. Но мы позволимъ себѣ спросить у автора, что дѣлать въ такомъ случаѣ, когда у государства запаса пустопорожныхъ земель нѣтъ или онъ истощился, а между тѣмъ, неправильное распредѣленіе земельной собственности существуетъ и порождаетъ неимущество большинства, хотя при этомъ производительность почвы покрываетъ насущныя нужды пропитанія, а потому нѣтъ надобности прибѣгать къ выселенію, которое, при такихъ условіяхъ, подѣйствовало бы очень вредно на развитіе производительности въ странѣ? Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать въ такомъ случаѣ? Затѣмъ, что дѣлать съ тѣми неимущими людьми, которымъ вовсе неудобно принимать земельный надѣлъ и которые не могли бы извлечь изъ него никакой пользы? Люди эти также имѣютъ право на вниманіе законодательства и, конечно, могутъ желать обзавестись своимъ хозяйствомъ, хотя и въ другомъ родѣ. Неужели и въ этихъ случаяхъ нужно ждать рокового рѣшенія вопроса и нѣтъ разумныхъ для этого основаній?

Вся ошибка князя Васильчикова заключается въ томъ, что онъ взглянулъ на дѣло устройства хозяйственнаго быта народа довольно односторонне и видитъ все спасеніе только въ правильномъ разрѣшеніи поземельнаго вопроса. Если князь Васильчиковъ возразить намъ, что это не такъ, что онъ не ставитъ улучшеніе быта рабочихъ классовъ *исключительно* въ зависимость отъ правильнаго разрѣшенія поземельнаго вопроса, но считаетъ его *первымъ и главнымъ* вопросомъ, то и тогда мы позволимъ себѣ замѣтить ему, что такой взглядъ кажется намъ одностороннимъ. Мы готовы согласиться съ авторомъ, что вопросъ этотъ имѣетъ большое значеніе и особенно въ странахъ, обильныхъ землею и относительно рѣдко населенныхъ, но придавать ему первенствующее значеніе, даже въ странахъ густо населенныхъ, съ сильно развитой мануфактурой и заводской промышленностью, положительно невозможно. При настоящихъ условіяхъ производства, даже въ странахъ, гдѣ преобладаетъ земледѣльческій классъ рабочихъ, есть мѣстности и условія, въ которыхъ люди вовсе не заинтересованы въ непрерывномъ обладаніи земельнымъ надѣ-

ломъ и предпочли бы имѣть хозяйство въ другомъ родѣ, посвящая свой трудъ ремесленному производству или торговлѣ. Въ наше время даже немислимо предположить сколько нибудь цивилизованное государство, въ которомъ вся дѣятельность населенія сосредоточивалась бы на земледѣліи, которое поглощало бы всѣ силы рабочаго класса людей. На этомъ основаніи, въ каждомъ государствѣ существуетъ классъ рабочихъ людей, не занимающихся земледѣліемъ и, между тѣмъ, имѣющій такое же право рассчитывать на возможность выйти изъ положенія наемнаго рабочаго и обзавестись собственнымъ хозяйствомъ. Право на обеспеченное положеніе, на возможность самостоятельной приложенія труда не можетъ быть признано исключительной привилегіей одного земледѣльческаго сословія. Если вы признаете необходимымъ создать такое положеніе для земледѣльцевъ, то вы тѣмъ самымъ признаете необходимость создать такое же положеніе и для людей, занимающихся другимъ родомъ дѣятельности, а поэтому вопросъ о правильномъ поземельномъ устройствѣ не можетъ имѣть преимущественнаго значенія и долженъ разрѣшаться вмѣстѣ съ вопросомъ о системѣ народнаго кредита въ широкомъ значеніи этого слова.

Если же это будетъ не такъ, если интересы неземледѣльческаго рабочаго сословія не будутъ приняты во вниманіе, то этимъ будетъ положено основаніе началу пролетаріата со всѣми гибельными его послѣдствіями: зло будетъ расти вмѣстѣ съ возростаніемъ населенія въ геометрической прогрессіи. Обстоятельство это имѣетъ особенное значеніе въ нашемъ отечествѣ, гдѣ покровительственная система искусственно развиваетъ фабричное производство и отвлекаетъ рабочія силы отъ земледѣлія, ремесленнаго и кустарнаго производства. Поощряемое высокимъ тарифомъ, оно возвышаетъ временною задѣльной платой и привлекаетъ къ себѣ рабочія силы, а затѣмъ, когда онѣ свыклись съ подобной работой, бросили земледѣльческія занятія и, быть можетъ, поселились въ городахъ и на фабрикахъ, производство оказывается мало выгоднымъ по невозможности конкурировать съ заграничными производителями, вслѣдствіе сдѣланныхъ послѣдними улучшеній, за которыми не успѣваетъ слѣдить наша юная промышленность по недостатку матеріальныхъ и умственныхъ капиталовъ. Для сокращенія издержекъ производства приходится прибѣгать къ пониженію заработной платы, къ увеличенію числа рабочихъ часовъ, къ различнымъ штрафамъ и вычетамъ, при которыхъ рабочему остается только скудное дневное пропитаніе и никакого обезпеченія впереди, ни на время застоя въ работахъ, ни подъ старость. Благо тому, кто не разстался еще совершенно съ своимъ земледѣльческимъ положеніемъ: онъ уходитъ и возобновляетъ свои прежнія занятія; но чисто фабричному люду приходится плохо, а число этого люда возрастаетъ постоянно. Мы обращаемъ на это обстоятельство вниманіе тѣхъ лицъ, которымъ о томъ вѣдать надлежитъ, и повторя-

емъ, что широкая система народнаго кредита въ Россіи есть необходимое условіе, безъ котораго мы можемъ легко очутиться на той же торной дорожкѣ, по которой шла и западная Европа. Вопросъ этотъ не можетъ считаться преждевременнымъ, и чѣмъ раньше мы его разрѣшимъ, тѣмъ лучше, такъ какъ отладываніе дѣла въ дальній ящикъ можетъ породить затрудненія, устранить которыя впоследствии будетъ гораздо труднѣе. Въ настоящее время создать обезпеченное положеніе для рабочаго и удовлетворить его потребности въ кредитѣ гораздо легче, чѣмъ тогда, когда пролетаріатъ усилится значительно. На первый разъ, поддержать нашего кустаря и рабочую артель было бы довольно, а затѣмъ самый кредитъ дать средства для дальнѣйшаго развитія дѣла.

Въ видахъ разъясненія всѣхъ послѣдствій невниманія къ интересамъ рабочаго класса и неправильнаго направленія аграрнаго законодательства на западѣ, князь Васильчиковъ излагаетъ въ своемъ сочиненіи исторію поземельнаго устройства въ Англіи, Франціи и Германіи и нынѣшнее распределеніе земель между крупными, средними и мелкими собственниками. Картина, нарисованная авторомъ, поразительна: она указываетъ читателю до очевидности ясно, какъ политика имущественныхъ классовъ, несмотря на различіе основаній, регулировавшихъ поземельныя отношенія въ различныхъ государствахъ, привела вездѣ къ одному и тому же послѣдствію, а именно: обратила всѣхъ или большинство самостоятельныхъ хозяевъ въ чернорабочихъ и поденщиковъ, сохраняющихъ чувства общей солидарности и общаго неудовольствія противъ существующаго порядка вещей.

Повторяемъ, картина эта поразительна и подсказала князю цѣлую массу вопросовъ весьма серьезнаго свойства, постановка которыхъ составляетъ несомнѣнную заслугу автора. Что же касается разрѣшенія этихъ вопросовъ, то многіе изъ нихъ оказались автору не подъ силу. Онъ часто становится на очень широкую точку зрѣнія, довольно близко подходитъ къ истинѣ, но вдругъ что-то тянетъ его назадъ, и онъ вступаетъ на дорогу компромиссовъ, тѣмъ болѣе неожиданныхъ, что они касаются вопросовъ принципиальныхъ.

Есть что-то непонятное, мѣшающее автору идти тѣмъ логическимъ путемъ, на который постоянно выдвигаетъ его умъ и безпристрастное отношеніе къ дѣлу. Такъ, онъ признаетъ необходимымъ надѣлъ бѣдныхъ людей землею соразмѣрно съ рабочими силами, но лишь изъ земель, принадлежащихъ государству, и не подчиняетъ тому же условію частныхъ имуществъ, которыя, при содѣйствіи выкупной операціи, могли бы сдѣлаться также казенными, и такимъ образомъ оставляетъ вопросъ не разрѣшеннымъ въ томъ случаѣ, когда казенныхъ земель нѣтъ или запасъ ихъ истощился. Другой примѣръ: вполне ясно сознавая всю суть рабочаго вопроса и находя, что вольнымъ и вполне производительнымъ трудомъ можетъ быть названъ только

трудъ, прилагаемый къ собственному имуществу, онъ утверждаетъ, что надѣлать всѣхъ гражданъ имуществомъ нѣтъ возможности, забывая при этомъ, что въ земельномъ надѣлѣ нуждается только земледѣльческое сословіе рабочихъ и это правило въ Россіи могло бы получить полное примѣненіе, еслибы наши редакціонныя комиссіи дѣйствовали болѣе послѣдовательно и не допустили бы изъятій изъ общаго правила, принятаго положеніемъ 19-го февраля, т. е. не ввели бы правила о даровомъ уменьшенномъ надѣлѣ и подчинили бы дѣйствию положенія горноводскія имѣнія и Остзейскій Край. Что же касается остальныхъ рабочихъ, не принадлежащихъ къ земледѣльческому классу, то надѣлать ихъ какимъ бы то ни было имуществомъ нѣтъ никакой надобности, и здѣсь необходимо только поставить рабочаго человека, достойнаго довѣрія, въ возможность работать за свой счетъ, что достигается развитіемъ кредита. При такомъ порядкѣ, быть можетъ, не развились бы у насъ фабрики, эксплуатирующія рабочаго и удовлетворяющія утонченнымъ потребностямъ ничтожнаго меньшинства, но за то развились бы ремесла, способныя удовлетворять непреходивымъ вкусамъ громаднаго большинства, которому такимъ образомъ жизнь обходилась бы гораздо дешевле.

Чтобы доказать справедливость нашего взгляда на идеи князя Васильчикова, мы обратимся къ его книгѣ. «Чѣмъ крупнѣе итогъ наемныхъ работъ, говоритъ онъ, на стр. XIV своего введенія:— въ сравненіи съ хозяйственными (т. е. такими, которыя прилагаются къ собственному имуществу), тѣмъ болѣе шатко экономическое положеніе народа, хотя бы оно и способствовало обогащенію страны и меньшинства жителей, домохозяевъ, собственниковъ и капиталистовъ, пользующихся рабочей силой».

Отсюда князь дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «Надѣлать наибольшее число жителей имуществомъ, соответствующимъ ихъ рабочей силѣ—такова должна быть идеальная (?) цѣль экономического прогресса; но такъ какъ она недостижима (почему?), то надо обратиться къ тѣмъ практическимъ и исполнимымъ мѣрамъ, которыя не выходятъ изъ предѣловъ возможнаго».

Первая часть этого вывода возвышается до общаго и вполне яснаго экономического закона, противъ котораго не можетъ быть спора. Мы замѣтимъ только автору, что напрасно онъ называетъ эту цѣль идеальной, напротивъ, она кажется намъ вполне реальной, такъ какъ нетолько стремленіе къ ней, но и достиженіе ея весьма возможно. Высказавши, такимъ образомъ, общій научный законъ, авторъ сейчасъ же дѣлаетъ уступку предрассудкамъ времени и утверждаетъ, что этотъ законъ непрактиченъ. Противъ подобнаго приѣма мы должны замѣтить, что непонимаемъ, для чего необходимо смѣшивать научныя положенія съ практическими мѣрами, служащими къ осуществленію этихъ положеній, и умалать значеніе первыхъ только потому, что мы не замѣчаемъ средствъ къ практическому ихъ примѣненію. Путемъ труднаго

практическаго анализа историческихъ явленій вы приходите къ открытію извѣстнаго экономическаго закона, вы находите, что если событія складываются согласно этому закону, то благосостояніе жителей растетъ быстрѣе; если же нѣтъ, то этотъ ростъ замедляется. Отсюда, казалось бы, прямой выводъ, что реальная цѣль практической дѣятельности состоитъ въ томъ, чтобы стремиться къ порядку вещей, согласному съ выведеннымъ закономъ. Но намъ говорятъ, что эта цѣль недостижима, вслѣдствіе отсутствия практическихъ мѣръ къ ея осуществленію. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Законъ всетаки остается закономъ, и его значеніе въ сферѣ экономическихъ отношеній будетъ дѣйствовать, и тѣмъ хуже для общества, которое не устранитъ въ своей средѣ причинъ, препятствующихъ естественному ходу развитія благосостоянія гражданъ.

Что до насъ касается, то подобное отношеніе къ дѣлу представляется намъ неимѣющимъ научнаго характера. Если экономическое положеніе народа тѣмъ болѣе шатко, чѣмъ крупнѣе итогъ наемныхъ работъ, то, по нашему мнѣнію, практическая цѣль всѣхъ и каждаго—стремиться къ такому положенію, чтобы наемныя работы совершенно исчезли. Что за дѣло, что мы въ настоящую минуту не видимъ средствъ достигнуть этой цѣли? Огъ этого нисколько не измѣнится значеніе ни нашей послышки, ни нашего вывода. Вся разница состоитъ только въ томъ, что теперь мы должны искать средствъ, а впослѣдствіи, когда эти средства найдутся, тогда наступитъ время ихъ примѣненія.

Для полнаго уясненія нашей мысли, возьмемъ въ примѣръ науки точныя. Мы знаемъ, что и физика, и химія открыли очень много законовъ, которые были бы весьма полезны человѣчеству, если бы технологія нашла возможнымъ примѣнить ихъ на практикѣ. Къ несчастію, однакожь, технологія до этого не доросла, и теоретическія открытія физики и химіи остаются безъ примѣненія. Технологія, однакожь, не враждуетъ противъ подобныхъ открытій физики и химіи, а, напротивъ, вполне понимаетъ, что эти науки прокладываютъ пути для дальнѣйшаго развитія технологіи и необходимо должны идти впереди. Точно также и люди теоріи не возстаютъ противъ технологіи за то, что она не успѣваетъ въ своемъ развитіи слѣдовать по пятамъ за открытіями физики и химіи, вполне понимая, что для этого нужно найти средства.

Мы не даромъ остановились на этомъ приѣмѣ уважаемаго автора—оцѣнивать значеніе экономическаго закона предполагаемому имъ невозможностію пракческаго его примѣненія, и представили въ примѣръ науки точныя. Намъ кажется, что подобный приѣмъ порождаетъ большія недоразумѣнія и даетъ людямъ, менѣе развитымъ, поводъ къ возбужденію гоненій на теоретическія изслѣдованія въ области социальныхъ знаній. Въ сферѣ положительныхъ знаній, всѣ очень хорошо понимаютъ значеніе теоріи и практики, но совсѣмъ другое отношеніе къ дѣлу является у

людей, какъ скоро вопросъ касается области экономическихъ или социальныхъ наукъ. Здѣсь, какъ скоро научное изслѣдованіе доказываетъ какую-либо новую мысль или ненормальное явленіе, задерживающее общественное развитіе, сейчасъ же на голову человѣка, дерзнувшаго высказать что-либо подобное, со стороны людей рутинны сыплются различныя обвиненія въ недостаткѣ патриотизма, въ подстрекательствѣ, въ желаніи колебать основы. Эти близорукие люди не могутъ простить человѣку, что онъ смотритъ нѣсколько далѣе своего носа и не закрываетъ глазъ передъ тѣми послѣдствіями, которыя обусловливаются данными явленіями. Они никакъ не могутъ понять, что данный экономическій и социальный строй общества есть слѣдствіе цѣлой исторической жизни народа и не можетъ измѣняться мгновенно. Опасаясь за свои личные или кастовые интересы, они клеймятъ всякую новую мысль общимъ наименованіемъ *вредныхъ идей*. Люди эти забываютъ, что всякое теоретическое положеніе прежде, нежели оно получитъ какое-либо практическое значеніе, должно подвергнуться всестороннему обсужденію и что, даже послѣ такого критическаго разбора, оно можетъ стать безспорнымъ только въ наукѣ, а отсюда до практическаго его примѣненія еще далеко. Необходимо, чтобы большинство людей, составляющихъ общество, освоилось съ этой идеей и нашло средство для практическаго ея примѣненія. Стало быть, научная разработка экономическихъ и социальныхъ вопросовъ должна идти далеко впереди тѣхъ условій, въ которыхъ находится общественная жизнь, и только въ такомъ случаѣ она можетъ дѣйствительно освѣщать путь людямъ практическимъ—этимъ технологамъ общественной жизни. Если же такой подготовительной работы нѣтъ, если практическіе дѣятели и руководители общественной жизни не имѣютъ передъ собою свѣта общихъ руководящихъ началъ, признанныхъ безспорными въ теоріи, то поневолѣ на практикѣ, въ жизни, они должны слѣдовать ощупью, путемъ чисто эмпирическимъ, постоянно ошибаясь и наталкиваясь на препятствія, а такой порядокъ вещей не можетъ не вызывать недоразумѣній и недовольства. Намъ могутъ сказать, что и наука можетъ ошибаться. Не споримъ, но потому-то мы и говоримъ, что теоретическіе дебаты должны идти впереди практическаго примѣненія общихъ началъ къ общественной жизни, чтобы подобные шансы теоретическихъ ошибокъ могли быть устраняемы безъ вреда для людей, составляющихъ общество. Десять теоретическихъ ошибокъ менѣе опасны нежели одна, допущенная на практикѣ, въ особенности, если она касается не мертвой природы, а живого человѣка. Стало быть, въ виду разумнаго прогресса, въ виду интереса охранительныхъ началъ, требующихъ осторожнаго движенія впередъ, нельзя стѣснять теоретическое изслѣдованіе и заподозрѣвать людей, имъ занимающихся, въ желаніи подрывать основы только потому, что они видятъ истину не въ томъ, что существуетъ на дѣлѣ. Между тѣмъ, люди ру-

тины относятся къ этимъ изслѣдованіямъ весьма враждебно, и въ нашей первопрестольной столицѣ образовались даже органы печати, которые приобрѣли себѣ печальную извѣстность, специально занимаясь изобличеніемъ всякой мысли, выходящей изъ предѣловъ рутиннаго взгляда, наускивая и натравливая на нее общественное мнѣніе. Понятно, что, въ силу реакціи, и люди мысли становятся менѣе терпимыми, и между двумя лагерями людей, долженствующихъ трудиться для разрѣшенія вопросовъ общаго интереса, образуется цѣлая бездна, мѣшающая имъ поимать другъ друга—бездна, которой вовсе не существуетъ между людьми теоріи и практики въ области положительныхъ знаній, вслѣдствіе чего и успѣхъ этихъ знаній идетъ гораздо болѣе быстрыми шагами впередъ.

И такъ, важность и значеніе научныхъ принциповъ несомнѣнны, а потому слѣдовало бы относиться къ нимъ осторожно, не затемняя ихъ практическими требованіями времени, тѣмъ болѣе, что въ области сложныхъ экономическихъ и социальныхъ явленій выдѣлится постоянный законъ отъ всѣхъ временныхъ и стороннихъ вліяній, усложняющихъ явленіе, чрезвычайно трудно. Къ сожалѣнію, господствующая рутина повліяла даже на такихъ людей, которые ищутъ и даже находятъ общіе законы, управляющіе социальнымъ строемъ общества. Казалось бы, князь Васильчиковъ, при томъ положеніи въ обществѣ, которое онъ занимаетъ, скорѣе всякаго другого могъ бы удержаться на высотѣ научныхъ принциповъ, такъ какъ онъ не могъ быть заподозренъ въ желаніи колебать основы, а между тѣмъ и онъ, высказавъ общій социальный законъ, сейчасъ же дѣлаетъ оговорку, уступку требованіямъ времени, и называетъ такой законъ неисполнимымъ въ виду практическихъ затрудненій.

Цѣлымъ рядомъ трудныхъ и вполнѣ добросовѣстныхъ изслѣдованій, однимъ вамъ, князь, быть можетъ, доступнымъ, вы приходите къ ясному и вполнѣ логичному выводу, который достигаетъ высоты научнаго закона. Что же вамъ за дѣло, что современная жизнь не имѣетъ средствъ для его примѣненія? Зачѣмъ вы умаляете вашу заслугу, называя указанную вами цѣль идеальной и лишенной пракческаго значенія? Если мы съ вами не видимъ средствъ къ осуществленію этой цѣли, то наши дѣти ихъ найдутъ, а наукѣ до этого нѣтъ никакого дѣла: научная истина все-таки останется истиной и не потеряетъ своего значенія. Наука не можетъ и не должна входить въ компромиссъ: это—дѣло практики.

Мы надѣемся, что читатель, а также и разбираемый нами авторъ, не посѣтуютъ на насъ за это отступленіе, сдѣланное въ интересахъ строгаго научнаго изслѣдованія. Намъ казалось оно необходимымъ въ видахъ разграниченія теоретической и практической постановки социальныхъ вопросовъ, въ видахъ установленія въ области социальныхъ знаній такого же отношенія между теоріей и практикой, какое существуетъ въ области знаній

положительныхъ. Еслибы эти отношенія установились и еслибы наше общество научилось ихъ понимать, то тѣмъ самымъ мы избѣжали бы многихъ весьма печальныхъ недоразумѣній и даже бѣдствій.

Указывая на практическую невозможность обезпечить рабочихъ имуществомъ, соотвѣтствующимъ ихъ рабочей силѣ, князь Васильчиковъ приводитъ въ примѣръ періодическіе перерывы извѣстныхъ работъ по временамъ года, а также случаи надѣла незначительнымъ количествомъ угодій или неплодородными землями, и во всѣхъ этихъ случаяхъ признаетъ необходимость постороннихъ заработковъ и отхожихъ промысловъ. Къ подобному выводу, конечно, необходимо было прийти, если признать, что содѣйствіе законодательства къ разрѣшенію рабочаго вопроса можетъ касаться только однихъ поземельныхъ отношеній и что затѣмъ не остается ничего болѣе, какъ предоставить рабочіе классы ихъ собственнымъ силамъ въ борьбѣ съ капиталомъ. Но мы уже говорили, что подобный взглядъ мы считаемъ одностороннимъ и думаемъ, что поземельный вопросъ долженъ разрѣшаться вмѣстѣ съ вопросомъ о народномъ кредитѣ, вполне доступномъ и недорогомъ. Если народъ найдетъ въ этомъ кредитѣ возможность обратиться къ ремесламъ и домашнимъ заработкамъ, которые и въ настоящее время существуютъ во многихъ мѣстностяхъ и затрудняются въ развитіи только потому, что пользуются кредитомъ отъ скущичиковъ произведеній ихъ труда на условіяхъ весьма обременительныхъ, то подобными заработками народъ найдетъ возможность вознаградить себя за періодическіе перерывы, происходящіе по временамъ года въ его занятіяхъ, и за неудовлетворительность надѣла въ количественномъ и качественномъ отношеніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, избавится отъ необходимости пользоваться посторонними заработками и отхожими промыслами. Если намъ скажутъ, что это невозможно, то мы, во первыхъ, не повѣримъ этому, на томъ основаніи, что, если найдется возможность удовлетворять потребности въ кредитѣ людей богатыхъ на десятки и даже сотни милліоновъ рублей, то тѣмъ болѣе можно найти средства для удовлетворенія потребности въ кредитѣ людей бѣдныхъ, которымъ кредитъ нуженъ лишь для обезпеченія возможности работать у себя дома, а вовсе не на производство громадныхъ оборотовъ, тѣмъ болѣе, что едва ли и половина всѣхъ рабочихъ пожелаетъ воспользоваться кредитомъ. Всѣхъ рабочихъ рукъ въ Россіи можно насчитать не болѣе 14 милліоновъ слѣдовательно, считая на каждого желающаго воспользоваться кредитомъ по 100 рублей, мы видимъ, что вся сумма подобныхъ оборотовъ не превыситъ 1400 мил. рублей на цѣлую Россію. Расчитывая же, что каждый банкъ можетъ имѣть количество вкладовъ, въ 10 разъ превышающее его капиталъ, окажется, что для удовлетворенія подобной народной потребности нужно всего основнаго капитала 140 мил. руб. Но такъ какъ немислимо было бы предполагать, чтобы всѣ рабочіе воспользова-

лись кредитомъ, то и четвертая часть этого капитала была бы вполне достаточно для удовлетворенія народной потребности, тѣмъ болѣе, что прямымъ послѣдствіемъ такой мѣры было бы возвышеніе заработной платы и быстрое улучшеніе народнаго быта.

Свободное переселеніе рабочихъ силъ, недостаточно надѣленныхъ земельными угодьями, князь Васильчиковъ считаетъ первымъ и необходимымъ условіемъ благосостоянія рабочихъ классовъ и всякое стѣсненіе этой свободы, подъ предлогомъ полицейскаго или фискальнаго надзора, онъ считаетъ прямою потерю для народнаго хозяйства. Совершенно соглашаясь съ авторомъ въ этомъ случаѣ, мы должны добавить, что на средство переселенія слѣдуетъ смотрѣть какъ на послѣднее, крайнее средство, и рабочіе классы рѣшаются на него только въ томъ случаѣ, когда не видятъ передъ собою другого выхода изъ бѣдственнаго своего положенія. Во всякомъ случаѣ, значеніе этой мѣры и необходимость прибѣгать къ ней значительно должны ослабѣть, если будетъ создана возможность пользоваться кредитомъ и переходить къ другимъ родамъ дѣятельности, оставаясь хозяиномъ своего труда.

Вообще мы не видимъ никакой надобности обращать всѣхъ и каждого къ земледѣльческой дѣятельности и съ этой цѣлю поощрять выселеніе на новыя земли такими льготами и выгодами, при которыхъ оно могло бы поглощать все нарастающее населеніе. Подобныя мѣры могли бы искусственно вести къ поддержанію рѣдкости населенія, къ невозможности раздѣленія труда и къ устраниенію тѣхъ выгодъ обмѣна, которыя могутъ установиться только при извѣстной густотѣ населенія. Извѣстная густота населенія нужна также и для того, чтобы могло установиться между гражданами извѣстное общеніе, слѣдствіемъ котораго является развитіе образованія, возникновеніе общихъ матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ и стремленіе удовлетворить ихъ общими силами. При рѣдкости же и разбросанности населенія, такихъ потребностей вовсе не возникаетъ точно такъ же, какъ не можетъ быть и чувства солидарности. При значительномъ развитіи системы народнаго кредита, доставляющаго каждому добросовѣстному работнику одному или въ сообществѣ съ другими, возможность быть хозяиномъ своего труда, густота населенія не опасна. Запасы пищи, въ виду существующихъ средствъ перевозки, всегда могутъ быть найдены. Законъ Мальтуса въ наше время уже не можетъ пугать никого: изобрѣтательность человѣческаго генія возрастаетъ въ болѣе сильной прогрессіи, нежели количество населенія, и къ тому времени, когда продуктовъ почвы всего земнаго шара не будетъ доставать на прокормленіе живущаго на немъ человѣчества, питательныя вещества, по всей вѣроятности, будутъ производиться искусственно.

Впрочемъ, мы вполне готовы согласиться съ положеніемъ князя Васильчикова, что право переселенія, въ томъ видѣ, какъ оно признается законодательствами, въ сущности не имѣетъ эконо-

мическаго значенія, такъ какъ переселеніе вызывается крайнею бѣдностію, а между тѣмъ требуетъ отъ переселяющагося особыхъ средствъ на путевые расходы и первоначальное обустройство на новомъ мѣстѣ, и поэтому, для того, чтобы это право получило реальное значеніе, необходимы вспомогательныя мѣры, если избытокъ населенія дѣлается чувствительнымъ.

Установивъ такимъ образомъ главныя условія, которыя должно имѣть въ виду при обсужденіи аграрнаго вопроса, нашъ авторъ указываетъ, какими путями на западѣ Европы сельскіе рабочие классы были приведены въ состояніе безземельныхъ батраковъ, принужденныхъ работать по найму. Это явленіе, говоритъ князь Васильчиковъ, нельзя приписать естественному ходу вещей, возрастающей густотѣ населенія, малоземельности. Въ то время, когда въ средней Европѣ приступлено было къ освобожденію крестьянъ, было еще много земель свободныхъ и большая часть безземельныхъ батраковъ могла быть на нихъ водворена. Между тѣмъ, раздѣлъ этихъ земель произведенъ между собственниками крупными и мелкими, уже и прежде владѣвшими землями. Часть государственныхъ земель была раздарена королевскимъ любимцамъ и заслуженнымъ сановникамъ, другая обращена въ королевскія фермы; общинныя земли подѣлены между вотчинниками и домохозяевами изъ крестьянъ, уже надѣленныхъ землею, а сельскіе пролетаріи остались не причѣмъ.

На этомъ порядкѣ распредѣленія земельныхъ угодій нельзя не остановиться, такъ какъ онъ основывается на двухъ деморализующихъ общество принципахъ, логически вытекающихъ изъ системы завоеванія и образованія двухъ классовъ общества, привилегированнаго и безправнаго, принципахъ, обусловливающихъ до нынѣ шаткое экономическое положеніе западныхъ государствъ. Съ одной стороны, земля, какъ доходная статья, пріобрѣтенная силою оружія, должна была принадлежать завоевателямъ и прежде всѣхъ ихъ предводителю, который и раздавалъ ее своимъ близкимъ. Этотъ принципъ сохранился до послѣднихъ временъ и практиковался даже въ настоящемъ вѣкѣ, такъ какъ частная собственность королей и германскихъ императоровъ весьма недавно отдѣлена отъ государственной. Съ другой стороны, нельзя было лишить поголовно все мѣстное населеніе права пользованія землей, какъ потому, что это повлекло бы за собой отчаянную борьбу противъ завоевателей, такъ и потому, что безъ участія мѣстнаго населенія, представлявшаго собой рабочую силу, завоеватели не знали бы что дѣлать съ землей. И вотъ это право на владѣніе землей оставляется за мѣстнымъ населеніемъ на льготныхъ условіяхъ, а затѣмъ, въ смутное время и царство произвола, права эти стѣсняются постепенно. Но для того, чтобы не возбудить общаго крестьянскаго возстанія, необходимо было созд-

дать себѣ союзниковъ въ массахъ изъ людей болѣе состоятельныхъ и энергичныхъ. Правящіе классы дѣйствовали на этомъ пути весьма практично: изъ среды крестьянскаго сословія выдѣлялись лица, имѣвшія какое-либо вліяніе, и изъ нихъ образовывался классъ домохозяевъ. Эти люди пользовались трудомъ остальныхъ менѣе состоятельныхъ и частію приобретали свои участки въ собственность. Интересы этихъ лицъ оберегались до известной степени, и они получали даже свою долю при разверстаніи общихъ угодій въ видѣ округленія ихъ участковъ. Такимъ образомъ, эта система вносила раздвоеніе въ массу крестьянскаго сословія, часть котораго, наиболѣе состоятельная и, разумѣется, наиболѣе вліятельная, была вполне солидарна съ крупными и средними землевладѣльцами; остальная же масса, безъ этихъ выдѣлявшихся лицъ, не имѣла ни средствъ, ни возможности отстаивать свои права и была принесена въ жертву развитію земледѣльской культуры. Оно и понятно: въ Западной Европѣ никогда, не могъ возникнуть и войти въ народное сознаніе тотъ принципъ, что земля служить первымъ и наиболѣе удобнымъ средствомъ для приложенія народнаго труда, вѣрнѣшимъ обезпеченіемъ возможности этого приложенія и слѣдующихъ за то государственныхъ повинностей. Такая функція государственной территоріи была немислима въ обществахъ, образовавшихся вслѣдствіе завоеванія и получившихъ первыя юридическія понятія изъ римскаго права. Мысль о такой функціи государственной территоріи могла возникнуть только въ средѣ народа, у котораго сохранился обычай раздѣла земли сообразно рабочимъ силамъ каждаго семейства и вылился въ систему общиннаго владѣнія, какъ оно у насъ существуетъ. Напрасно утверждаютъ многіе, что наше общинное владѣніе есть известная форма, существовавшая прежде на Западѣ. Мы этого не думаемъ и вполне согласны съ авторомъ, что русское мірское владѣніе не имѣетъ ничего сходнаго съ существовавшими на Западѣ общинными землями. Если это сходство есть въ какой либо формѣ нашихъ поземельныхъ отношеній, то развѣ только въ нашихъ такъ называемыхъ вѣзжихъ лѣсахъ. Наше общинное владѣніе и разверстаніе между членами крестьянскихъ обществъ есть совершенно самобытная форма поземельныхъ отношеній. Мы готовы согласиться, что въ существующихъ порядкахъ есть известные недостатки, но самый принципъ, выразившійся въ этихъ порядкахъ и состоящій въ надѣлѣ каждаго члена общества известнымъ участкомъ, соразмѣрнымъ съ его рабочими силами, представляется спасительнымъ и предупреждающимъ развитіе пролетаріата на долгое время. «Нигдѣ въ Европѣ, говоритъ авторъ:—не было принято своевременныхъ мѣръ къ размѣщенію жителей, къ колонизаціи на пустыхъ земляхъ, а напротивъ, когда земли приобретали высшую цѣнность, люди сильные и богатые разбирали ихъ добровольно или насильственно, покупали, мѣняли, разверстывали между собою или,

подъ разными благовидными предлогами, отбирали у слабѣйшихъ хозяевъ ихъ дворы и земли, въ виду общей пользы народнаго хозяйства. Слѣдствіемъ подобнаго порядка во всей Европѣ, не исключая и Франціи (называемой обыкновенно страной мелкаго землевладѣнія), общій итогъ крестьянскихъ земель въ теченіи настоящаго столѣтія уменьшился, между тѣмъ какъ населеніе удвоилось».

Само собою разумѣется, что это и не могло быть иначе, когда законъ смотритъ на землю, какъ на обыкновенную собственность, какъ на доходную только статью, не придавая ей никакого другаго значенія. Такое возрѣніе съ начала прошлаго столѣтія перешло и къ намъ: вотчинное право вполне замѣнило помѣстное, но, благодаря слишкомъ большому простору и поэтому не высокой цѣнности на землю, закрѣпленіе земли въ частную собственность не развилось въ той степени, какъ на Западѣ; у насъ, благодаря дешевизнѣ земли, сильные люди старались закрѣпить за собою, вмѣстѣ съ землею, владѣніе и личностью земледѣльца, но этотъ порядокъ не могъ продолжаться, а потому, какъ скоро прекратилось вѣрностное право, вмѣстѣ съ тѣмъ должны были измѣниться и отношенія къ землѣ. Кромѣ того, слабое развитіе обрабатывающей промышленности имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что громадная масса населенія осталась земледѣльческимъ сословіемъ, въ которомъ удержался историческій характеръ поземельныхъ отношеній до настоящаго момента, т. е. до того времени, когда несостоятельность западныхъ порядковъ и римскихъ понятій о правѣ собственности на землю выказались вполне ясно не только въ наукѣ, но и въ законодательствѣ. Мы говоримъ въ *законодательствѣ* на томъ основаніи, что не только въ положеніи 19 февраля, но и въ высочайшихъ рескриптахъ, положившихъ первый краеугольный камень освобожденію нашихъ крестьянъ, за послѣдними признается право на земельный надѣлъ для обезпеченія ихъ продовольствія и отбыванія ими повинностей. Слѣдовательно, *за землю, помимо частнаго ея значенія, признается другое чисто государственное: она считается средствомъ обезпеченія продовольствія народа и исправнаго отбыванія повинностей.* Такое значеніе земли вполне согласуется съ ходомъ историческаго развитія нашего землевладѣнія, отъ котораго оно уклонилась только въ послѣднее столѣтіе. Хотя это уклоненіе сдѣлало уже большіе успѣхи, тѣмъ не менѣе, оно еще не успѣло закрѣпить и половины земель въ частную собственность, вслѣдствіе чего намъ еще есть время остановиться и не слѣдовать примѣру Западной Европы, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи тѣхъ земель, которыя нынѣ остаются за государственнымъ казначействомъ, а держаться другихъ порядковъ, болѣе обезпечивающихъ народныя нужды въ будущемъ. Впрочемъ, мы будемъ имѣть случай возвратиться къ этому вопросу ниже, когда перейдемъ къ разсмотрѣнію взглядовъ автора на существо-

вавшіе у насъ порядки землевладѣнія и на предстоящій намъ образъ дѣяствій въ будущемъ.

Другое обстоятельство, отличающее нашу исторію землевладѣнія отъ западно-европейской, заключается въ порядкѣ закрѣпленія и послѣдующаго освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости.

У насъ, говорить авторъ, оба эти акта были одновременными мѣропріятіями высшей верховной власти; весь періодъ крѣпостнаго права заключается у насъ между двумя положительными числами—1602 и 1861 годами.

Конечно, если считать установленіе начала крѣпостнаго права съ отмѣны вольнаго перехода на юрьевъ день, то это будетъ вполнѣ вѣрно, но противъ такого положенія самъ же авторъ возражаетъ въ своемъ историческомъ очеркѣ крѣпостныхъ отношеній въ Россіи. Онъ прямо указываетъ, что отмѣна свободнаго перехода въ юрьевъ день была вовсе не закрѣпошевіемъ людей владѣльцу земли, а простая мѣра пресѣченія бродяжничества и злоупотребленій по уклоненію отъ платежа повинностей вслѣдствіе ложныхъ показаній большаго количества пустыхъ дворовъ, оставленныхъ будто бы крестьянами. Слѣдовательно, въ началѣ эта мѣра, хотя и была ограниченіемъ правъ крестьянъ, но не касалась ихъ потомства и имѣла только полицейскій и фискальный характеръ. Изъ всего мастерски изложеннаго авторомъ очерка возникновенія нашихъ крѣпостныхъ порядковъ читатель выноситъ положительное убѣжденіе, что крѣпостное право у насъ не было никогда установлено закономъ. Оно явилось частію слѣдствіемъ небезопаснаго положенія бѣдныхъ людей во время смутъ, частію же слѣдствіемъ произвола, самоуправства и злоупотребленій владѣльцевъ, съ одной стороны, и приказныхъ людей—съ другой. Оно установилось, такъ сказать, фактически въ силу обычая и постепенно, а затѣмъ признано и юридически съ изданіемъ сенатскаго указа 1767 года, которымъ воспрещалось крестьянамъ жаловаться въ судъ на помѣщиковъ. Впрочемъ, какъ бы оно ни установилось, это все равно; гораздо важнѣе то обстоятельство, что оно отмѣнено на всемъ пространствѣ Россіи одновременно положеніемъ 19 февраля 1861 года.

«Совсѣмъ другое дѣло было въ Западной Европѣ. Ни начало, ни конецъ крѣпостной зависимости неизвѣстны. Всѣ вопросы, связанные съ землевладѣніемъ, крѣпостнымъ и вольнымъ, съ полнымъ и неполнымъ правомъ собственности, темны и сбивчивы; люди вольные и невольные постоянно смѣшивались, различались по личнымъ правамъ и сравнивались по одинаковой зависимости въ реальныхъ имущественныхъ своихъ отношеніяхъ. Эта всеобщая сбивчивость понятій о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ и въ особенности долгій, медленный ходъ крестьянской реформы

дали всему этому дѣлу оборотъ очень выгодный для помѣстнаго сословія и очень убыточный для крестьянъ. Въ Англіи крѣпостное право, стмѣненное положительно въ XII столѣтіи, протянулось до царствованія Елизаветы. Въ Германіи и средней Европѣ первыя мѣропріятія къ освобожденію крестьянъ относятся къ началу XVIII столѣтія, а послѣднія наиболее дѣйствительныя законоположенія о выкупѣ крѣпостныхъ повинностей—къ 1848 и послѣдующимъ годамъ. Этими отсрочками, разумѣется, пользовалась та сторона, которая располагала властію, и, въ то время, пока шли споры о правахъ челоуѣка, пока энциклопедисты и государственные люди сочиняли проекты эмансипаціи рода челоуѣческаго—половина этого рода была обобрана другой».

Да, картина полумѣръ и ихъ послѣдствій, нарисованная въ этихъ словахъ авторомъ, поразительна. Неужели всего этого зла, всѣхъ несправедливостей, притѣсненій и захватовъ недостаточно, чтобъ убѣдить людей въ несостоятельности полумѣръ вообще—вездѣ и во всемъ? Послѣдствія всегда будутъ одни и тѣ же—прямо противоположныя тѣмъ цѣлямъ, которыхъ желали достигнуть. Каждая полумѣра заключаетъ въ себѣ компромисъ между двумя противоположными принципами, непременно подрывающими значеніе и того, и другого, и вмѣсто порядка является анархія, поражаемая неопредѣленностію и неясностію возникающихъ вопросовъ и недоразумѣній. Этимъ анархическимъ, такъ сказать, положеніемъ дѣлъ разумѣется пользуется одна сторона, наиболее сильная въ какомъ либо отношеніи, и разрѣшаетъ всѣ недоразумѣнія въ пользу своихъ интересовъ. Что же касается до слабѣйшей стороны, то она не только не пріобрѣтаетъ новыхъ правъ, которыя законъ имѣлъ въ виду ей предоставить, но теряетъ и тѣ, которыми до сихъ поръ пользовалась. Такъ, освобожденіе крестьянъ безъ земли или съ ничтожнымъ надѣломъ, провозглашая громкій принципъ полной свободы труда, въ сущности, не предоставляетъ возможности пользоваться этой свободой, и люди остаются въ полной экономической зависимости отъ землевладѣльца, а между тѣмъ, послѣдній не несетъ уже никакой обязанности по отношенію къ нимъ на случай неурожая. Но есть и другая вредная сторона полумѣръ и въ особенности тѣхъ полумѣръ, которыя до извѣстной степени позволяютъ рассчитывать на улучшенія. Въ этихъ случаяхъ, въ страѣ возбуждаются несбыточные надежды, люди рукоплещутъ новымъ мѣропріятіямъ; но вотъ проходятъ годы, хорошихъ послѣдствій не оказывается, и наступаетъ разочарованіе, тѣмъ болѣе глубокое, чѣмъ болѣе блестящи были надежды, а съ нимъ возникаетъ и непріязненное чувство; иногда же въ натурахъ болѣе впечатлительныхъ можетъ родиться и мысль, что мирный путь прогресса невозможенъ. Конечно, мы не будемъ оправдывать подобныхъ увлеченій, но они возможны, и всегда вызываютъ явленія неутѣшительнаго свойства.

Въ виду вышеозначеннаго факта въ западно-европейской

жизни, а именно экспроприация большинства народа, авторъ ставитъ такой вопросъ: возможно ли требовать отъ людей, чтобы они, по чувству высшей правды и справедливости, признали, что эта экспроприация необходима для улучшения культуры, для благоустройства современныхъ обществъ? и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно, такъ какъ народныя массы видятъ, что рабочая плата, несмотря на ея возвышеніе, не оставляетъ сбереженій, достаточныхъ для пріобрѣтенія какого либо уголка земли, и что поэтому ни трудолюбіе, ни бережливость не въ состояніи ихъ вывести изъ кабалы наемнаго труда.

Мы совершенно согласны съ авторомъ, что нельзя ожидать отъ народныхъ массъ такого великодушія, чтобы онѣ сознательно помирились съ своимъ положеніемъ; но что можно требовать смиреннаго подчиненія такому порядку вещей и добиться его, то это доказываетъ вся исторія землевладѣнія Западной Европы, такъ краснорѣчиво изложенная княземъ Васильчиковымъ. Фактъ возможности такого подчиненія весьма рельефно выступаетъ въ сочиненіи почтеннаго автора и, намъ странно было встрѣтить въ его введеніи такой вопросъ и отрицательный на него отвѣтъ. Быть можетъ, авторъ возразитъ намъ, что волненія рабочихъ классовъ отнюдь не указываютъ на это подчиненіе. Но что такое эти волненія и стачки? Они ведутъ только къ еще болѣе-му объединѣнію и дальнѣйшему угнетенію рабочаго люда; они представляютъ мимолетныя вспышки, бури въ стаканѣ воды и ничего болѣе. Что можетъ сдѣлать голодный и разъединенный нуждою рабочій классъ въ борьбѣ съ капиталомъ и имуществомъ? Еслибы даже сила очутилась, вопреки ожиданіямъ, на сторонѣ рабочихъ классовъ, то и тогда недостатокъ образованія, единства и умѣнья устроить и поддержать порядокъ лишили бы эту силу всякаго значенія, и она выразилась бы въ какой-нибудь нежданной оргіи, подавить которую имущественнымъ классамъ всегда будетъ нетрудно, при содѣйствіи части тѣхъ же рабочихъ классовъ. Все это заставляетъ насъ думать, что большинство рабочихъ классовъ, при ихъ неразвитости, хотя и сознаетъ свое незавидное положеніе, но не можетъ представить себѣ другого порядка вещей и жалуется только на недостаточность рабочей платы. Организуйте правильную и удобную эмиграцію, доступную большинству недовольныхъ, и мы почти убѣждены, что остальные примирятся съ своимъ положеніемъ, конечно, не по чувству *высшей правды и справедливости*, но въ виду необходимости. По-видимому, большинство рабочихъ людей, въ особенности въ Германіи, не видитъ другого выхода.

Но если уже говорить о великодушіи, о чувствѣ правды и справедливости при разрѣшеніи социальныхъ вопросовъ, то намъ бы казалось, что ихъ слѣдовало бы ожидать отнюдь не въ низшихъ классахъ, принесенныхъ въ жертву историческому прогрессу. Обращаться къ нимъ съ подобнымъ требованіемъ, по

мѣншей мѣрѣ, нелогично, а вѣрнѣе всего спросить достаточные классы общества: насколько сообразно съ чувствомъ правды и справедливости оставлять такой порядокъ вещей, при которомъ цѣлая жизнь труда и бережливости не можетъ доставить человѣку угла, хотя бы подъ старость?

Неужели, спросимъ мы, только настоятельныя и угрожающія требованія народа могутъ вызвать въ западныхъ государствахъ необходимость реформъ, обеспечивающихъ его участь? И что дѣлать тогда, если этихъ требованій не будетъ? Неужели можно оставаться спокойнымъ, въ виду ужасающаго развитія бѣдности и нищеты, при постоянномъ возрастаніи цѣны на поземельную собственность? Неужели необходимость нравственныхъ началъ въ социальномъ строѣ въ нашъ образованный вѣкъ еще недостаточно ясна и не заставитъ людей подумать о необходимости исправить эту историческую, вопіющую неправду? Все это вопросы, разрѣшеніе которыхъ на Западѣ трудно ожидать въ ближайшемъ будущемъ. Буржуазное общество, модъ вліяніемъ котораго слагается тамъ весь общественный бытъ, настроено далеко не въ тонъ чувству правды и справедливости, а скорѣе въ видахъ наживы и своекорыстія. А гдѣ весь корень зла? въ юридическихъ понятіяхъ, выработанныхъ давно умершею римскою цивилизаціею и свято чтимыхъ до сихъ поръ современными обществами, несмотря на то, что жизнь предъявляетъ совсѣмъ другія требованія. Вотъ плоды классическаго образованія!

Благо нашему отечеству, въ которомъ удержался другой принципъ, другіе взгляды на функцію земли! Много неурядиць въ нашей землѣ, много бѣдности и страданій, но мы сохранили поголовный надѣлъ землею и общинное владѣніе — а это главное. Всѣ другія неурядицы исправить можно, но закрѣпленіе всей территоріи въ частную собственность передѣлать нелегко. Порядокъ этотъ создаетъ такіе важные интересы и сосредоточиваетъ такія силы въ рукахъ этихъ интересовъ, что борьба противъ нихъ почти немислима.

А къ чему ведетъ этотъ порядокъ, въ концѣ-концовъ? На это отвѣчаетъ намъ исторія. «Еслибы, говоритъ князь Васильчиковъ: — изученіе классической цивилизаціи Греціи и Рима послужило въ пользу романо-германской цивилизаціи, то она извлекла бы изъ нея общее указаніе, что *централизація собственности въ высшихъ сословіяхъ, крупное землевладѣніе и денежная олигархія были и въ прежнія времена признаками и предвѣстниками распаденія общества*». Въ подтвержденіе этого тезиса, князь указываетъ на греческія республики и Римъ, Италію во время эпохи возрожденія, Испанію и Португалію въ XVII вѣкѣ.

То же самое, замѣтимъ мы отъ себя, произошло и въ Польшѣ, въ которой народъ былъ забытъ въ интересахъ аристократіи. Венгрія также идетъ по этому пути, и недалеко то время

когда она будет поглощена съ одной стороны нѣмцами, съ другой — славянами.

Вездѣ одинаковыя причины вызывали одни и тѣ же послѣдствія.

Указавъ на главную причину социальныхъ неурядицъ въ Западной Европѣ, князь Васильчиковъ даетъ въ своемъ введеніи общій очеркъ историческаго развитія нашихъ поземельныхъ порядковъ и выставляетъ очень рельефно причины, обусловившія совершенно иной ихъ характеръ. Мы уже выше замѣтили, что въ этомъ отношеніи вполне согласны съ авторомъ. Изъ такихъ различныхъ условий не могутъ явиться одинаковыя послѣдствія, и мысль, что всѣ народы должны пройти въ своемъ развитіи одинаковыя фазисы и что формы нашего землевладѣнія встрѣчаются, будто бы, въ прежнихъ западно-европейскихъ обществахъ, кажется намъ грубѣйшею ошибкой, явившейся вслѣдствіе малаго знакомства съ характеромъ нашей поземельной общины и со взглядами нашего народа на его отношеніе къ землѣ. Другая причина этого ошибочнаго взгляда состоитъ въ тѣхъ позднѣйшихъ возрѣніяхъ на поземельную собственность, которыя стали къ намъ проникать съ Запада въ половинѣ прошлаго столѣтія, а, можетъ быть, и еще ранѣе, и оттѣснять возрѣнія, господствовавшія у насъ до тѣхъ поръ. Въ мирѣ официальномъ эти взгляды сдѣлали такой значительный успѣхъ, что въ дѣйствующемъ законодательствѣ о прежнихъ порядкахъ нѣтъ уже и помину; нигдѣ не упоминается о поземельной общинѣ и о тѣхъ порядкахъ, которые въ ней существуютъ. Къ счастью, однакожь, Россія, фактически она сохранилась въ средѣ нашего крестьянства, мимо котораго прошло почти все наше гражданское законодательство, не коснувшись его быта. Въ самомъ дѣлѣ, въ сводѣ нашихъ гражданскихъ законовъ замѣчается сильное вліяніе римскаго права и западно-европейскихъ законодательствъ, и, наоборотъ, въ немъ нѣтъ никакихъ признаковъ народныхъ юридическихъ возрѣній. Вслѣдствіе этого, нашъ сводъ гражданскихъ законовъ служитъ руководствомъ въ гражданскихъ отношеніяхъ только высшихъ классовъ общества, а народныя массы живутъ и дѣйствуютъ, руководствуясь обычнымъ правомъ. Этотъ фактъ признанъ даже судебными уставами: мировые судьи и волостные суды, при разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ, имѣютъ право руководиться мѣстными обычаями.

Прежній характеръ поземельныхъ отношеній сохранился также и въ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, которые до настоящаго времени получали земельный надѣлъ за извѣстную повинность отнюдь не въ собственность, а лишь въ пользованіе. Нельзя не пожалѣть, что этотъ порядокъ измѣняется со введе-

ніемъ между государственными крестьянами выкупной операціи. Эта мѣра можетъ считаться первымъ шагомъ къ уничтоженію общины и къ развитію пролетаріата.

Итакъ, западно-европейскіе порядки повліяли на наше поземельное устройство только частію, а именно на земли, оставшіяся во владѣніи помѣщиковъ и розданныя въ награду лицамъ заслуженнымъ. Чтò же касается остальныхъ земель, принадлежащихъ казнѣ и крестьянамъ, то во всѣхъ великорусскихъ губерніяхъ, за ничтожными исключеніями, древній обычай удержался во всей силѣ, а Положеніе 19-го февраля, признавъ за крестьянами право поголовнаго надѣла земельными участками, придало ему и юридическую санкцію. Точно также этимъ законодательнымъ актомъ придано юридическое значеніе и общинному владѣнію землею, такъ какъ крестьянамъ предоставлено право выкупать землю въ общинную собственность. Имѣя это въ виду, а также то обстоятельство, что большинство земель въ Россіи принадлежитъ крестьянамъ и въ послѣднее время владѣльческія земли переходятъ въ руки крестьянъ, можно утвердительно сказать, что въ нашихъ поземельныхъ отношеніяхъ долженъ установиться совершенно иной характеръ, отличный отъ тѣхъ понятій, которыя господствуютъ на Западѣ Европы, и что западно-европейскіе порядки въ поземельныхъ отношеніяхъ, водворившіеся у насъ съ прошлаго столѣтія, какъ противорѣчащія дѣйствительнымъ интересамъ народа, будутъ постепенно измѣняться и принимать формы, согласныя съ народнымъ воззрѣніемъ.

Указывая на различіе этихъ формъ съ западно-европейскими, князь Васильчиковъ старается объяснить причины этого различія и прежде всего указываетъ, что западно-европейскія общества образовались изъ нѣсколькихъ слоевъ, что туземные порядки, вмѣстѣ съ слѣдами древней римской цивилизаціи, были подавлены и смѣшаны нашествіемъ варваровъ, которое представляетъ собою аграрный переворотъ—эмиграціонное движеніе цѣлыми полчищами, занимавшее не только пустыя земли, но и заселенныя, отбирая ихъ у коренныхъ жителей. Авторъ думаетъ, что въ Россіи ничего подобнаго не происходило. Это едва ли такъ. Народы, хлынувшіе въ началѣ нашей эры на Западную Европу, шли изъ Азіи и должны были пройти черезъ Россію, которая лежала на ихъ пути. Но дѣло въ томъ, что нашъ негостепріимный климатъ, по всей вѣроятности, не позволилъ осѣсться этимъ полчищамъ на нынѣшней нашей тирриторіи, а заставилъ ихъ перекочевать далѣе на западъ, оставляя послѣ себя очень рѣдкое населеніе. Этихъ народныхъ переселеній, конечно, не запомнила ни русская, ни западно-европейская исторія, такъ какъ они происходили гораздо ранѣе и, притомъ, вдали отъ центра цивилизаціи того времени. Въ эпоху же исторіи, дѣйствительно, завоеваній, какъ они совершались на Западѣ, у насъ не было. «Наши русскія земли, говоритъ авторъ: — пред-

ставляли мало прелести какъ для варяговъ, такъ и для татаръ. Наши князья и дружинники заставляли только платить дани и кормились на счетъ покоренныхъ, но земель ни у кого не отбирали и не находили ни выгоды, ни удобства въ присвоеніи дикихъ пустошей; они заботились только о томъ, какъ бы привлечь новыхъ поселенъ, какъ бы земли не пустыли и люди не уходили. Во всякомъ случаѣ, по естественнымъ или политическимъ причинамъ, но первоначальная основа русскаго землевладѣнія была въ Россіи иная, чѣмъ въ Европѣ, и эта основа сохранилась въ коренной Россіи во все продолженіе русской исторіи до нашихъ временъ. Она состояла не въ правѣ завоеванія, а въ правѣ первоначальнаго поселенія и занятія пустопорожныхъ земель, подъ условіемъ извѣстной повинности.

«Другой фактъ, составляющій рѣзкую черту различія между Западной Европой и Россіей, говоритъ авторъ: — есть то, что землевладѣльческій элементъ нигдѣ и никогда не могъ приобрести въ Россіи то первенствующее и подавляющее значеніе, которое онъ имѣлъ на Западѣ. Владѣніе землей было у насъ не правомъ, а обязанностію; право собственности было шаткое и неопредѣленное. Вообще, самое понятіе о собственности, какъ неотъемлемой и наслѣдственной принадлежности земли частному лицу и его роду, и выраженіе это едва ли существовали въ древней Руси. Слова: «собственность и наслѣдство» не встрѣчаются ни въ лѣтописяхъ, ни въ грамотахъ до временъ Петра... Собственность была не частное право, а только фактъ владѣнія, основанный или на мірскихъ разрубкахъ и разметахъ, или на верстаньи помѣстьями для службы, или на милости царской. Вообще, всякая поземельная собственность была условною, подначальною и обязанною. Точно также чуждо было русскому быту и понятіе о наслѣдствѣ, разумѣя подъ этимъ словомъ право дѣтей на полученіе части имущества по смерти родителей.

«Третья и главнѣйшая черта различія русскаго быта отъ западно-европейскаго состоитъ въ организаціи мірскаго землевладѣнія. На Западѣ Европы, хотя и существовали общинныя земли, но онѣ составляли только придачу, запасъ къ кореннымъ участкамъ, принадлежащимъ семьямъ и домохозяевамъ, и состояли изъ выгоновъ и лѣсныхъ угодій, между тѣмъ какъ пашни и луга признавались частною и наслѣдственною собственностію; въ Россіи же, наоборотъ, пахатныя и луговые земли находились въ общинномъ или мірскомъ владѣніи и подлежали мірскимъ разверсткамъ, уравниенію и передѣламъ по рабочимъ силамъ каждаго семейства».

Вотъ отличительныя черты нашего поземельнаго устройства, выработаннаго исторіей: онѣ придаютъ совершенно особый, своеобразный характеръ нашему землевладѣнію и указываютъ, что государственная территорія въ нашемъ народномъ хозяйствѣ имѣетъ далеко не то значеніе, которое привыкли въ ней видѣть на Западѣ Европы. Въ самомъ дѣлѣ, если каждый рабочий, по

достиженіи совершеннѣйшаго, имѣеть, право на земельный надѣлъ, если владѣніе помѣстьями обусловливалось службой, если въ законодательствѣ существовалъ принципъ, что только тотъ владѣеть, кто служитъ или платитъ, то земля представляетъ собою прежде всего средство для обезпеченія приложенія народнаго труда. Отсюда ясно, что, при такомъ порядкѣ вещей, не могло явиться и самое понятіе о частной и, притомъ, наследственной собственности на землю иначе, какъ въ самомъ неопредѣленномъ видѣ. Это—понятіе позднѣйшаго происхожденія и заимствовано нами съ Запада вмѣстѣ съ другими плодами цивилизаціи, породившей тотъ порядокъ вещей, при которомъ большинство населенія было обобрано меньшинствомъ и впало въ вѣчную наемную кабалу, которая нисколько не лучше крѣпостной зависимости.

Намъ, конечно, могутъ замѣтить, что, хотя эти понятія и чужды нашей исторіи, но отнюдь не настоящему порядку вещей, и что въ настоящее время значительная часть прежнихъ, такъ называемыхъ, государевыхъ земель уже перешла въ частную собственность. Конечно, это такъ, но все же болѣе двухъ третей нашей территоріи принадлежитъ крестьянскимъ обществамъ и казѣ, и, по отношенію къ этимъ землямъ, мы еще можемъ удержатъ порядокъ вещей, выработанный исторіей и всего болѣе соответствующій интересамъ массы. Поэтому мы вполне согласны съ княземъ Васильчиковымъ, когда онъ говоритъ, что для насъ особенно важно обратить вниманіе на аграрный вопросъ въ настоящее время, когда еще есть и время, и возможность избѣжать тѣхъ ошибокъ, которыя сдѣлали западные государства.

Само собою разумѣется, что ни поголовный надѣлъ землею, ни даже общинное владѣніе не можетъ обезпечить народныхъ массъ на вѣчныя времена. Прибыль населенія непременно будетъ нарушать всякое равновѣсіе между количествомъ рабочихъ силъ и занимаемымъ пространствомъ, если это равновѣсіе не будетъ поддержано другими мѣрами, представляющими собой достаточный коррективъ противъ этихъ нарушеній, создаваемыхъ самой природой человѣка. Такимъ коррективомъ въ государствахъ, обладающихъ большимъ пространствомъ незанятыхъ земель, князь Васильчиковъ считаетъ колонизацію. «Но для этого, говоритъ онъ:—необходимо заблаговременно обсудить и принять колонизаціонную политику, пока люди сильные и богатые не захватили еще лучшихъ частей территоріи, оставляя будущимъ поколѣніямъ только крупицы съ трапезы, тундры, солончаки или выгоны и нивы, выпавшія предъидущими поколѣніями; нужно сообразить, что начало вольнаго перехода и свободы дѣйствій недостаточно для регулированія такого передвиженія, какъ заселеніе новыхъ земель, что тутъ нужно содѣйствіе, руководство,

матеріальная и денежная помощь, однимъ словомъ, совокупныя силы частныхъ лицъ, общества и государства, и, наконецъ, что это содѣйствіе всѣхъ общественныхъ силъ для облегченія колонизаціи вполне справедливо, потому что отъ переселенія и занятія новыхъ земель выигрываютъ не столько сами переселенцы, сколько сторонніе люди, которые, оставаясь на мѣстахъ, покинутыхъ выходцами, получаютъ болѣе простора и вообще расширяютъ свой бытъ, свою культуру по мѣрѣ выселенія прочихъ жителей».

Конечно, не мы станемъ возражать противъ мысли о необходимости организаціи колонизаціонной системы, въ особенности въ примѣненіи къ нашему отечеству, въ которомъ есть огромныя пространства незанятыхъ земель и, вмѣстѣ съ тѣмъ, встрѣчаются мѣстности, гдѣ населеніе уже затрудняется въ приложеніи своего труда и принуждено искать заработковъ, переходя огромныя пространства. Мы прибавили бы только къ словамъ почтеннаго автора, что прежде, нежели избирать какую бы то ни было систему колонизаціи, необходимо установить тотъ принципъ, что *земля есть средство для приложенія народнаго труда, а незанятая до сего времени земля представляетъ обезпеченіе существованія грядущихъ поколѣній*. Разъ этотъ принципъ будетъ установленъ и ясно выраженъ въ законодательствѣ, тогда Россія будетъ въ состояніи спокойнѣе взирать на свое будущее. Тогда будутъ немислимы ни продажа казенныхъ земель по существующимъ цѣнамъ въ частную собственность, ни раздача ихъ въ вознагражденіе какихъ бы то ни было заслугъ. Въ самомъ дѣлѣ, при нашемъ обиліи земель, въ мѣстностяхъ, мало населенныхъ, существующія на земли цѣны не могутъ соотвѣтствовать тому значенію, которое они должны имѣть въ очень недалекомъ будущемъ, въ особенности при такомъ быстромъ развитіи желѣзнодорожной сѣти, которое совершается на нашихъ глазахъ. Кромѣ того, мы спросимъ: въ правѣ ли настоящее поколѣніе изъ отчужденія въ частную собственность средствъ существованія грядущихъ поколѣній создавать для себя источникъ дохода? другими словами: въ правѣ ли оно растрачивать капиталы, обезпечивающіе существованіе вновь нарастающаго населенія и, притомъ, не въ видахъ доставленія возможности приложенія труда людямъ, поселяющимся на этихъ земляхъ, а въ видахъ эксплуатаціи этихъ земель предпринимателями посредствомъ наемнаго труда? Само собою разумѣется, что на этотъ вопросъ всякій добросовѣстный человѣкъ дастъ отрицательный отвѣтъ. Точно также несправедливо раздавать эти земли въ вознагражденіе какихъ бы то ни было заслугъ. Всякая заслуга передъ обществомъ, какъ бы она ни была значительна, все-таки имѣетъ временный характеръ, ограничивается лишь временною дѣятельностію извѣстнаго лица, и поэтому не можетъ и не должна получать вѣчное и потомственное вознагражденіе, какъ это бываетъ при пожалованіи землями въ собственность.

Такое вознагражденіе тѣмъ болѣе несправедливо, что потомки награжденнаго лица пользуются этой наградой безъ всякихъ заслугъ, а иногда употребляютъ ее даже во вредъ обществу. Если же принять въ соображеніе, что подобныя награды могутъ выпадать и на долю фиктивныхъ заслугъ, считаеваемыхъ таковыми только вслѣдствіе ошибочности человѣческихъ сужденій, то ясно, что система наградъ раздачею земель въ собственность должна быть признана весьма вредною.

Если справедливость этихъ соображеній будетъ вполне признана и въ законодательство войдетъ правило о неотчуждаемости казенныхъ земель, то, само собою разумѣется, и опасенія князя Васильчикова о захватѣ лучшихъ частей территоріи людьми сильными и богатыми не будутъ имѣть основанія, а, слѣдовательно, не будетъ и надобности, въ виду этихъ опасеній, спѣшить выборомъ системы колонизаціи и примѣненіемъ ее въ широкихъ размѣрахъ, тѣмъ болѣе, что извѣстная густота населенія имѣетъ свои хорошія стороны.

Повторяемъ, мы не отрицаемъ пользы организовапія правильной колонизаціи, но не считаемъ ее достаточнымъ коррективомъ для того, чтобы, при возрастаніи населенія, вполне обезпечить работнику свободу труда, въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ ее князь Васильчиковъ, и думаемъ, что колонизація есть только крайнее средство, на которое человѣкъ рѣшается только тогда, когда онъ не видитъ другого средства для улучшенія своего положенія. Кромѣ того, необходимо принять въ соображеніе, что не всѣ же люди должны быть земледѣльцами, не всѣ имѣютъ одинаковыя способности и не всѣ пожелаютъ разстаться съ тою мѣстностію, къ которой они привыкли и гдѣ имѣютъ родныхъ и близкихъ, а между тѣмъ, всѣ эти люди имѣютъ одинаковое право и желаніе приложить свой трудъ къ дѣлу. Неужели же только людямъ, занимающимся земледѣліемъ, можетъ быть обезпечена возможность приложенія ихъ труда, всѣ же другіе должны оставаться паріями, недостойными этого вниманія? Подобное положеніе можетъ заставить многихъ рѣшиться на большія жертвы и предпочесть полную экономическую зависимость тому извѣстному и рискованному положенію, которое сулитъ колонизація. Спрашивается: на сколько подобный порядокъ вещей обезпечиваетъ дѣйствительную свободу труда?

Вотъ почему мы называемъ взглядъ князя Васильчикова одностороннимъ, а мѣру, имъ предлагаемую, недостаточною и недостигающею цѣли. Мы думаемъ, что свободу труда, какъ ее понимаетъ князь Васильчиковъ, прежде всего гарантируетъ земельный надѣлъ въ размѣрахъ, соответствующихъ рабочей силѣ *при общепотребительной системѣ хозяйства*; затѣмъ—широкое развитіе системы народнаго кредита, для того, чтобы работникъ и въ другихъ отрасляхъ производства могъ сдѣлаться хозяиномъ своего труда, и, наконецъ—колонизація, какъ крайнее и послѣднее средство.

Мы подчеркнули слова *при общеупотребительной системѣ хозяйства* и сдѣлали это съ цѣлю, чтобъ возразить на мнѣніе почтеннаго автора, высказанное имъ во второй части его труда. Мы говоримъ о размѣрахъ крестьянскаго надѣла. Почтенный авторъ находитъ вреднымъ увеличеніе нынѣ существующихъ крестьянскихъ надѣловъ, такъ какъ это повело бы, по его мнѣнію, къ экстензивному хозяйству, тогда какъ менѣе значительный надѣлъ долженъ привести крестьянъ къ системѣ интензивнаго хозяйства, гораздо болѣе выгоднаго. Мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ автора. Мы думаемъ, что тотъ или другой способъ хозяйства ни въ какомъ случаѣ не зависитъ отъ размѣровъ крестьянскихъ надѣловъ, а скорѣе отъ степени ихъ развитія и возможности понять выгоду болѣе правильной системы хозяйства. Приобрѣсти же эту степень развитія, конечно, скорѣе будетъ въ состояніи тотъ крестьянинъ, который болѣе обезпеченъ и менѣе стѣсненъ въ своихъ средствахъ. На этомъ основаніи, ограниченный надѣлъ, ставя крестьянина, въ настоящую минуту, въ стѣсненное положеніе, скорѣе удаляетъ, чѣмъ подвигаетъ его къ рациональнымъ приемамъ хозяйства. Только зажиточный крестьянинъ въ состояніи обзавестись необходимымъ количествомъ скота для удобренія своей земли; бѣднякъ же этого сдѣлать не въ состояніи. Пишущему эти строки, въ теченіи многихъ лѣтъ, приходилось убѣждаться въ этомъ, и онъ смѣло можетъ увѣрить князя Васильчикова, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земли удобряются, полосы зажиточныхъ крестьянъ всегда отличаются болѣе обильными урожаями. Если допустить, что мысль князя Васильчикова вѣрна, то отсюда необходимо придетъ къ тому заключенію, что въ имѣніяхъ помѣщиковъ не можетъ быть вовсе интензивнаго хозяйства, такъ какъ размѣры состоящихъ въ ихъ распоряженіи земель далеко превышаютъ крестьянскіе надѣлы. Говоря о размѣрахъ крестьянскихъ надѣловъ, мы должны замѣтить, что во многихъ мѣстностяхъ нашего отечества они далеко недостаточны, въ особенносн въ тѣхъ, гдѣ крестьяне заняты исключительно хлѣбопашествомъ. На этомъ основаніи, мы думаемъ, что допущенный положеніемъ 19 февраля даровой надѣлъ въ количествѣ четвертой части земли противъ нормальнаго, едва ли не представляетъ ошибки, которая, понятно, не замедлитъ обнаружиться. Точно также слѣдуетъ отнести къ ошибочнымъ постановленіямъ ограниченіе надѣловъ во многихъ черноземныхъ губерніяхъ до 2 десятинъ на душу. Подобная мѣра не заставитъ крестьянина лучше обрабатывать или удобрять свою землю. Онъ ведетъ свое хозяйство по существующему обычаю, принятому въ окрестной мѣстности, и притомъ вполне рутинно, и, если отведенный ему участокъ не поглощаетъ всѣхъ его рабочихъ силъ, то онъ или нанимаетъ землю у сосѣднихъ землевладѣльцевъ, или самъ нанимается въ работу. Въ первомъ случаѣ, онъ подвергается всей невыгодѣ высокой арендной платы и окончательно выпаживаетъ нанимаемую имъ землю; во второмъ же

становится въ то зависимое положеніе наемной кабалы, при которой, по словамъ же самого князя Васильчикова, нѣтъ вольнаго и вполне производительнаго труда.—Интензивнаго же хозяйства подобная мѣра не выработаетъ, напротивъ: она приводитъ прямо къ развитію системы экстензивной, такъ какъ крестьяне, нанимая чужую землю на короткіе сроки, заботятся только о томъ, чтобы вспахать какъ можно болѣе. Единственное средство ввести между крестьянами рациональныя приемы хозяйства это—поднять уровень ихъ образованія и развитія, что не можетъ быть сдѣлано безъ упроченія ихъ матеріальнаго благосостоянія.

Князь Васильчиковъ, въ своемъ предисловіи, указываетъ и на трудности, которыя мы можемъ встрѣтить на пути нашего аграрнаго устроенія, если пожелаемъ упрочить и развить тѣ начала, которыя введены положеніемъ 19 февраля 1861 года. Эти трудности онъ видитъ въ томъ сопротивленіи и отпорѣ со стороны тѣхъ интересовъ и классовъ жителей, которые устроили свой бытъ на началахъ древне-римской и новѣйше-германской цивилизаціи.—Это опасеніе внушаетъ князю Васильчикову рядъ блестящихъ страницъ, которыя мы должны отнести къ лучшимъ мѣстамъ его книги.

«Понятіе о мірскомъ, или общинномъ владѣніи, говоритъ авторъ:—о семейныхъ раздѣлахъ, о правѣ всякаго жителя на земельный надѣлъ, о колонизаціи на счетъ государства, о разверсткѣ и передѣлѣ земель (я объ устройствѣ системы народнаго кредита въ широкомъ смыслѣ этого слова, прибавимъ мы отъ себя)—все это представляется имъ (т. е. людямъ, устроившимъ свой бытъ на началахъ германской цивилизаціи) анти-соціальными началами, подрывающими всякую общественность, и, прежде чѣмъ допустить такой порядокъ вещей, они вѣроятно не разъ попытаются разстроить его, обратить насъ на путь истины, т. е. на ту дорогу, по которой шли и благополучно дошли до высшей культуры помѣстные и владѣльческіе классы западной Европы».

«Мы постараемся доказать, продолжаетъ авторъ:—что этотъ путь едва ли истинный (далеко не истинный), что онъ привелъ, вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ, вольныхъ обывателей въ состояніе худшее, чѣмъ прежде, что кабала наемнаго труда такъ же тягостна, какъ и барщинное тягло, однимъ словомъ, что высшая культура, которою прославилась франко-германская цивилизаціи, не обезпечиваетъ благосостоянія народныхъ массъ, убѣгающихъ отъ этого благоустройства въ другія части свѣта, на дикія земли».

Или, что еще хуже, прибавимъ мы, отъ себя, производить періодическія революціонныя броженія, которыя постоянно угрожаютъ развиться общественнымъ катаклизмомъ.

Въ виду этихъ соображеній, авторъ желаетъ указать, откуда надо ожидать противоѣдствія, чтобы напередъ приготовиться къ самозащитѣ.

«Внутри Россіи, говоритъ онъ: — нельзя ожидать сопротивленія: въ коренныхъ великороссійскихъ областяхъ землевладѣльческой элементъ слабъ, происхожденіе его слишкомъ новое, родословная его слишкомъ двухсмысленна, чтобы онъ могъ получить перевѣсъ надъ интересами всенародными; притомъ же, нельзя не отдать справедливости великороссійскому помѣстному сословію, что оно держало себя въ отношеніи къ низшимъ классамъ несравненно дружелюбнѣе, мягче, доступнѣе, чѣмъ имущественные классы романской и въ особенности германской расы; оно свыкло съ мірскимъ бытомъ крестьянъ и, покоряясь совершившимся фактамъ, прямо отъ крѣпостной зависимости перешло къ равноправности и самоуправленію».

Какъ бы мы ни желали вѣрить этимъ словамъ автора, но все-таки взглядъ, въ нихъ выраженный, кажется намъ нѣсколько оптимистскимъ. Конечно, въ словахъ князя Васильчикова много правды, но все-таки мы не думаемъ, чтобы и внутри Россіи не было того отпора нашему національно-аграрному устройству и того желанія вывести Россію на торную дорогу Западной Европы, которыхъ опасается князь Васильчиковъ. Мы не можемъ забыть ни стремленій нашихъ охранителей, если не сильныхъ числомъ, то сильныхъ вліаніемъ, которые постоянно старались ослабить значеніе общихъ началъ, положенныхъ въ основаніе нашего социальнаго строя законодательнымъ актомъ 19-го февраля 1861 года; мы не можемъ забыть ни проэктовъ всесословной волости, ни разглагольствованій тѣхъ органовъ печати, которые прямо возставали противъ всѣхъ важнѣйшихъ реформъ нынѣшняго царствованія. Намъ случалось не одинъ разъ слышать даже священнослужителей, которые, забывая, что ихъ вѣдомство не отъ міра сего, проповѣдывали съ каедръ, въ защиту священныхъ правъ собственности, какъ будто эти права когда нибудь въ нашемъ обществѣ подвергались сомнѣнію и остракизму. Намъ кажется, что безъ особенныхъ вліаній и извѣстной агитаціи наши священнослужители не позволили бы себѣ причислять вопросы социальнаго свойства къ дѣлу религіи и нравственности. Стало быть, нельзя утверждать, что и внутри Россіи нѣтъ лицъ, которымъ наши національныя основы аграрнаго устройства могутъ вазаться антисоциальными.

Кромѣ того, нельзя поручиться, что уставныя грамоты, которыми опредѣлилось положеніе нашихъ крестьянъ, повсемѣстно составлены согласно съ духомъ положенія 19-го февраля. Не говоря уже о томъ, что качество почвы разнообразно до безконечности и есть много селеній, лежащихъ радомъ, платящихъ одинаковые выкупные платежи при одинаковомъ размѣрѣ надѣла, но имѣющихъ совершенно различную по своимъ качествамъ землю, нельзя отвергать даже того, что многіе акты не соотвѣт-

ствуютъ даже буквѣ положенія. Вспомнимъ, сколько неправильно-стей въ уставныхъ грамотахъ открыто было повѣрочными комиссіями въ западныхъ губерніяхъ: у насъ же, въ великороссійскихъ губерніяхъ этихъ комиссій не было, а люди—ведѣ люди и желаніе надѣлать крестьянъ меньшимъ количествомъ или худшимъ качествомъ земли могло явиться и въ центральныхъ губерніяхъ, точно такъ же, какъ и на окраинахъ Россіи. Подобныя стремленія являлись, конечно, не со стороны поборниковъ началъ, утвержденныхъ положеніемъ 19-го февраля, и эти люди всегда будутъ противниками нашего національнаго аграрнаго устройства. Число этихъ лицъ очень значительно, въ особенности, если къ этому числу присоединить лицъ, надѣланныхъ крестьянъ даровымъ надѣломъ, а также не предоставившихъ до сихъ поръ крестьянамъ права на выкупъ ихъ надѣловъ. Этихъ лицъ мы можемъ смѣло причислить къ противникамъ системы русскаго аграрнаго устройства и защитникамъ феодальныхъ правъ землевладѣльцевъ. Поэтому, намъ кажется, что помирить съ началами, принятыми въ основаніе нашего сельскаго быта, будетъ не легко не однимъ иноплеменнымъ владѣльцевъ германской и польской крови, какъ думаетъ князь Васильчиковъ, но что найдутся и между нашими коренными русскими такіе, которые въ своихъ взглядахъ на землю придерживаются воззрѣній нѣмецкихъ бароновъ и польскихъ пановъ.

Къ числу противниковъ нашего поземельнаго устройства князь относить также помѣстныя сословія Европы и приводитъ, со словъ нѣмецкаго экономиста Рошера, замѣчаніе графа Кавура, высказанное одному русскому сановнику: «*Ваше крестьянское положеніе съ подушнымъ земельнымъ надѣломъ страшнѣе для Европы, чѣмъ всѣ ваши арміи*». Въ этихъ словахъ очень ясно выразилась тотъ антагонизмъ, который существуетъ между германской и славянской расой и обуславливается различіемъ социальнаго быта. Продолжительная борьба этихъ двухъ племенъ въ средніе вѣка окончилась, говоритъ авторъ, поглощеніемъ многихъ передовыхъ славянскихъ племенъ германской культурой. Польша, Литва, всѣ остзейскія губерніи и часть Бѣлороссіи покорились вліянію нѣмецкаго принципа, и это вліяніе остановилось только въ Кіевѣ и Новгородѣ, гдѣ оно встрѣтилось съ кровнымъ велико-и малороссійскимъ племенемъ. Во всей западной части нѣвѣшной Россіи участковое владѣніе замѣнило общинное или мірское, значительная часть крестьянъ осталась безъ земли, и германское рыцарство, вмѣстѣ съ польскою шляхтой, подѣлило между собой обширныя земли, отобранныя отъ крестьянскихъ обществъ. Все это хищничество признавалось прогрессомъ, а наши національные порядки, обезпечивающіе приложеніе труда—варварствомъ. Когда же реформа 1861 года провозгласила принципъ подушнаго земельного надѣла, враждебное настроеніе европейской интеллигенціи противъ Россіи не только не смягчилось, но, напротивъ, разразилось съ полнымъ единодушіемъ. Подобное

явление весьма понятно. Принцип поголовнаго земельного надела колебалъ всѣ понятія о социальныхъ и имущественныхъ правахъ, сложившихся въ Западной Европѣ.

Знамя противодѣйствія, продолжаетъ авторъ, противъ нашей великой реформы было поднято польскими панамъ и остзейскими баронами. Они указывали какъ главнѣйшимъ дѣятелямъ германскихъ государствъ, такъ и высшимъ русскимъ сферамъ, что введеніе крестьянскаго и земскаго положеній есть роковой шагъ къ демократизаціи поземельной собственности; что общинное владѣніе есть непреодолимое препятствіе къ улучшенію сельскаго хозяйства, что крестьянское самоуправленіе есть революціонное начало, и, примѣшивая къ своимъ эгоистическимъ стремленіямъ, либеральныя фразы о личной свободѣ, индивидуальной инициативѣ, о производительности вольнаго труда и нажитой собственности, распространяли въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, что русское аграрное положеніе есть плодъ, исчадіе коммунистическихъ учений, проникнувшихъ въ наше отечество.

Авторъ сильно вооружается противъ подобныхъ инсинуацій, мотивомъ которыхъ служатъ весьма понятныя эгоистическія дѣла, и доказываетъ, что наше русское мірское владѣніе выросло на русской землѣ и не имѣетъ ничего общаго съ западнымъ коммунизмомъ. Конечно, эта мысль вполне вѣрна, и находить въ подобномъ порядкѣ вещей коммунистическія идеи могутъ только люди, которые, въ видахъ огражденія своихъ узкихъ интересовъ, не гнушаются никакими натяжками; но способъ доказательства этой истины выбранъ княземъ Васильчиковымъ не вполне удачно. Онъ видитъ различіе нашихъ порядковъ отъ коммунистическихъ идей въ томъ, что у насъ дѣлится сообразно рабочимъ силамъ земля, а не продукты урожая, и что обработка полей у насъ въ каждомъ семействѣ идетъ отдѣльно, а не сообща всѣмъ селеніемъ, что совершенно чуждо и противно русскому земледѣльцу. Съ такимъ доводомъ мы никакъ не можемъ согласиться и думаемъ, что даже и въ томъ случаѣ, еслибъ крестьяне обрабатывали свои земли сообща и производили раздѣлъ продуктовъ земли, то и подобный порядокъ вещей не имѣлъ бы ничего общаго съ западнымъ коммунизмомъ. Это была бы просто кооперация труда, примѣровъ которой мы находимъ множество въ быту нашихъ рабочихъ сословій. Развѣ работа артелями не представляетъ того же самаго начала кооперации труда, какъ и обработка полей сообща. Мы знаемъ даже случаи, гдѣ подобной обработки избѣжать нельзя. Такъ, на примѣръ, когда селеніе владѣетъ незначительнымъ количествомъ поемной пашни, которую дѣлить неудобно на томъ основаніи, что полосы будутъ слишкомъ мелки; на поемныхъ покосахъ разныхъ качествъ, когда уравненіе cadaго участка становится также затруднительнымъ; при общей сѣмкѣ части помѣщичьихъ земель, различіи по качеству, во всѣхъ этихъ случаяхъ крестьяне очень часто дѣлятъ не землю, а продукты урожая: въ особенности это бываетъ часто въ

тѣхъ случаяхъ, когда помѣщикъ отдастъ свою землю изъ части урожая. Точно также сообща производится расчистка или распашка новыхъ земель, устройство плотинъ, вырубка и сплавъ лѣсовъ изъ своихъ и купленныхъ дачъ, а иногда даже вывозка удобренія. Слѣдовательно, нельзя сказать, что обработка полей сообща и раздѣль получаемого продукта чужды и противны русскому земледѣльцу. Авторъ, вѣроятно, не вполне уяснилъ себѣ значеніе коммунистическаго начала и смѣшиваетъ его съ простой кооперацией труда—началомъ, которое признается со стороны всѣхъ экономистовъ за самое благотворное по степени его производительности и, притомъ, неизмѣющее ничего общаго съ коммунизмомъ. Джона Стюарта Милля, конечно, никто не заподозритъ въ коммунистическихъ тенденціяхъ, а между тѣмъ, посмотрите какое громадное значеніе онъ придаетъ кооперациі силъ отдѣльныхъ рабочихъ и насколько онъ считаетъ производительнѣе подобный порядокъ работы. Но, не говоря уже о болѣе высокой производительности совокупно дѣйствующихъ силъ, уважемъ на одну несомнѣнную выгоду, которая получается при обработкѣ полей сообща. Въ мѣстностяхъ, гдѣ земли удобряются, всякій знаетъ, что такое одворица, то-есть земля, лежащая около селенія. Въ этихъ мѣстностяхъ съ увѣренностію можно сказать, что качество земли тѣмъ лучше, чѣмъ ближе она лежитъ къ селенію. На этомъ основаніи, чтобы, по возможности, уравнивать отдѣльныхъ домохозяевъ, поля дѣлятся на очень мелкія полосы, между которыми остается борозда, на которой почти вовсе нѣтъ хлѣба. Такимъ образомъ, чѣмъ мельче единица дѣленія (а она становится тѣмъ мельче, чѣмъ разнообразнѣе качество почвы и чѣмъ больше число дворовъ въ селеніи), тѣмъ болѣе пространство занимаютъ эти борозды. Пишущій эти строки много разъ наблюдалъ это обстоятельство и съ увѣренностію можетъ сказать, что изъ всей площади пахатной земли пропадаетъ подъ бороздами отъ 15-ти до 20%. Еслибы крестьяне наши обрабатывали землю сообща, то они не имѣли бы этой потери; ихъ урожай увеличился бы на пятнадцать процентовъ при той же затратѣ труда. А сколько за тѣмъ теряется золотого времени въ самую рабочую пору при переѣздѣ и переходѣ съ одной полосы на другую, очень часто отстоящихъ на нѣсколько сотъ сажень! Преимущество кооперативнаго труда передъ единоличнымъ поражаетъ всякаго, кто хоть немного наблюдалъ за выгодами хозяйства большахъ семей и одинокихъ домохозяевъ.

На этихъ основаніяхъ, мы думаемъ, что раздѣлъ земель, а не продуктвъ земли, составляетъ весьма крупный недостатокъ нашего общиннаго владѣнія и удерживается только вслѣдствіе неразвитости нашихъ крестьянъ. Намъ кажется, что дальнѣйшая степень развитія нашего мірскаго владѣнія будетъ состоять именно въ обработкѣ полей общими силами, чему уже появляются иногда примѣры. Такъ, въ прошломъ году, въ газетахъ было опубликовано нѣсколько попытокъ въ этомъ родѣ, и всѣ они ока-

зались весьма выгодными. При этомъ, конечно, облегчится и употребленіе улучшенныхъ орудій, приобрѣтеніе которыхъ цѣлымъ селеніемъ сдѣлается гораздо возможнѣе. Конечно, это — еще только мечты объ отдаленномъ будущемъ, но, во всякомъ случаѣ, въ этихъ мечтахъ нѣтъ и тѣни коммунистическихъ идей.

Князь Васильчиковъ упустилъ изъ виду, что коммунистическія идеи отрицаютъ всякую собственность, тогда какъ порядокъ вещей, указанный нами, вовсе ея не отрицаетъ: здѣсь только слагаются силы для скорѣйшаго и болѣе легкаго приобрѣтенія этой собственности.

Если въ нашемъ русскомъ быту можно гдѣ-нибудь встрѣтить коммунистическое начало, то это только въ нашихъ религиозныхъ общинахъ, гдѣ люди, принимая иноческое званіе, отрекаются не только отъ всѣхъ правъ собственности, но даже отъ всѣхъ правъ человѣческихъ, что дѣлается уже съ цѣлями *не отъ міра сего*.

Не коммунистическія идеи нашего крестьянства пугаютъ буржуазное общество западной Европы, а поголовный надѣлъ землей, который представляетъ прямое отрицаніе собственности, основанной на завоеваніи, и можетъ показаться соблазнительнымъ пролетарію, которому предстоитъ или покинуть родину и искать счастья за океанами, или оставаться въ вѣчной наемной каблѣ.

Въ заключеніе своего предисловія, авторъ указываетъ, что къ окончательному регулированію поземельныхъ отношеній въ нашемъ отечествѣ надо приступить вскорѣ, чтобы не впасть въ ту же ошибку, какъ другіе народы, которые принялись писать и разсуждать о социальномъ аграрныхъ устройствахъ, когда уже всѣ земли были разобраны, всѣ общественныя отношенія установлены и когда не оставалось болѣе ни въ странѣ, ни въ обществѣ свободныхъ мѣстъ для прибывающаго населенія.

Что касается Россіи, то хотя и нынѣ, послѣ недавняго поголовнаго надѣла всѣхъ крестьянъ, малоземелье уже зарождается въ разныхъ мѣстностяхъ, но время еще не ушло, и вопреки аграрнаго и социальнаго устройства, давно закрытое для европейскихъ обществъ, еще не замкнуто для русскаго; мы можемъ еще воспользоваться необъятнымъ просторомъ для новыхъ поселеній. Намъ стоитъ только приступить къ такой организаціи, которая бы само собой сглаживала, по возможности, социальныя неровности и предотвращала бы какъ чрезмѣрное развитіе крупнаго землевладѣнія, такъ и приращеніе сельскаго пролетаріата, открывая всѣмъ и каждому доступъ къ владѣнію землей. Игнорируя сотни миліоновъ десятинъ незанятыхъ земель, какъ повѣствуетъ о томъ летопись всѣхъ гражданскихъ обществъ, повторяющая изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, все одно и то же поученіе, что *нравильное распределеніе имущества между различными классами народа было всюду и въ самыхъ высокообразован-*

ныхъ обществахъ первой причиною раздоровъ и междоусобій, а эти смуты первыми предвѣстниками расторженія общественной связи и паденія государства, достигшихъ высшей культуры».

Этимъ поученіемъ, извлеченнымъ авторомъ изъ лѣтописей всѣхъ странъ и народовъ, мы и заканчиваемъ выписки изъ книги уважаемаго автора. Было бы желательнo, чтобъ это поученіе проникло въ сознаніе не только тѣхъ лицъ, которыя правятъ судьбами народовъ, но чтобъ оно сдѣлалось безспорною и ходячей истинной между всѣми людьми—обыкновенной посылкой, долженствующей служить основаніемъ при рѣшеніи всѣхъ социальныхъ вопросовъ.

Не можемъ, однакожь, въ заключеніе нашей статьи, не указать автору на одно противорѣчіе, которое бросается въ глаза въ его книгѣ. Авторъ, повидимому, защитникъ мірскаго общиннаго владѣнія: онъ указываетъ не одинъ разъ на преимущество подобнаго порядка пользованія землей, порядка, гораздо болѣе гарантирующаго населеніе отъ безземелья и кабалы наемнаго труда, чѣмъ участковый и подворный надѣлъ въ личную собственность. Между тѣмъ, когда онъ, во второй части своего труда, говоритъ объ устройствѣ колонизаціонной системы, то здѣсь какъ будто забываетъ о преимуществахъ общиннаго владѣнія и предлагаетъ продавать переселенцамъ участки земли извѣстныхъ размѣровъ въ собственность, допуская уплату опредѣленной за нихъ суммы на самыхъ льготныхъ условіяхъ. Какъ согласить это противорѣчіе?

Что касается до насъ, то мы бы думали, что никакой продажи участковъ поселенцамъ на новыхъ мѣстахъ допускать нельзя, а необходимо отводить имъ земли въ вѣчное и общинное владѣніе за извѣстныя повинности, отъ которыхъ на первое время, конечно, ихъ можно освободить. Въ противномъ случаѣ, при той системѣ колонизаціи, какую предлагаетъ князь Васильчиковъ, въ новыхъ поселеніяхъ можетъ водвориться романо-германскій порядокъ вещей, противъ котораго нашъ авторъ такъ горячо и такъ правильно вооружается.

А. Головачовъ.

*

НѢСКОЛЬКО СТРАНИЦЪ ВЪ ФАБРИЧНУЮ ХРОНИКУ.

Только въ нашемъ столѣтїи стало слагаться убѣжденіе, что простое описаніе явленій общественной жизни не ведетъ къ познанію управляющихъ ею законовъ, что сказать о странѣ: у нея много скота, процвѣтають промышленность и торговля, смертность незначительна, значить дать очень туманную картину о ея благосостояніи. Чтобы возвести обществознаніе на степень науки, построить ее на прочныхъ основаніяхъ, изслѣдовать законы, управляющіе общественною жизнью, стало безотлагательно нужно перенести въ область изслѣдованія явленій общественныхъ методовъ, уже давно усвоенный естественными науками—методъ индукціи, систематическаго наблюденія. Систематическій или потенцированно-индуктивный методъ, наблюденіе массъ для отысканія ихъ типичныхъ признаковъ и возведеніе причинъ, колеблющихся отъ особи къ особи, въ постоянныя причины группъ усвоены наукой, и практика стала дружно вторить ей: оффиціальныя изслѣдованія явленій общественной жизни приваля характеръ систематическихъ наблюденій; предѣль ихъ расширяется съ каждымъ годомъ. Съ каждымъ годомъ, статистика стремится выразить въ числахъ все болѣе и болѣе явленій хозяйственной, умственной и нравственной жизни общества.

Наше отечество въ дѣлѣ статистическихъ изслѣдованій еще далеко отстало отъ Западной Европы. Статистическія свѣдѣнія не всегда достовѣрны, и многія стороны общественной жизни, изслѣдованныя въ Западной Европѣ, остаются у насъ нетронуемыми. Земства, для которыхъ точное знаніе мѣстныхъ обстоятельствъ—необходимѣйшее условіе всякой успѣшной дѣятельности, начали только въ послѣдніе годы производить статистическія изслѣдованія. Къ земствамъ, всего болѣе сдѣлавшимъ на этомъ поприщѣ, нужно отнести московское. Кромѣ изслѣдованія Московскаго Уѣзда въ земледѣльческомъ и промышленномъ отношеніяхъ, московскимъ уѣзднымъ земствомъ произведено лѣтомъ, 1876 года, изслѣдованіе фабрикъ Московскаго Уѣзда, которое и служило матерьяломъ для настоящей статьи. Изслѣдованіе это, предпринятое съ цѣлью выработать правиль-

ныя начала для земскаго обложения, распадается на двѣ части: техническую и экономическую. Исслѣдованіе стороны технической стояло на первомъ планѣ, и потому данныя объ экономическихъ условіяхъ, добытыя комиссіей, отличаются весьма замѣтной неполнотой и часто, теряя путь статистическаго метода, ограничиваются простымъ описаніемъ явленій. Этимъ второстепеннымъ значеніемъ, которое имѣло исслѣдованіе экономическихъ условій фабрикъ, быстротой работы, небольшимъ вызванною ею затратою и, вѣроятно, нѣсколько послѣднимъ составленіемъ программы объясняется неполнота собранныхъ свѣдѣній, не касающихся многихъ важныхъ сторонъ фабричной жизни. Но нужно примириться съ этой неполнотой и помнить мудрое правило статистики, совѣтующей, за исключеніемъ точныхъ данныхъ, не пренебрегать и менѣе точными, въ увѣренности, что онѣ подвинутъ насъ къ открытію истины.

Число всѣхъ фабрикъ и заводовъ въ Московскомъ Уѣздѣ—156. По роду производства они могутъ быть разбиты на 27 группъ: кирпичные заводы, ткацкіе, прядильные, красильные, шелковые, суконные, парчевые, рогожные, и т. д. Среди нихъ есть даже такія рѣдкія производства, какъ сандалное, искусственной каменди и альбуминное.

Число рабочихъ на 11 фабрикахъ неизвѣстно. На остальныхъ 145—21,477. Въ 2 намъ извѣстны только общіе итоги работающихъ. Остаются 143 фабрики съ 20,207 рабочими. Изъ нихъ:

Мужчинъ . . .	13,792	66,4%	
Женщинъ . . .	4,152	20,1%	
Мальчиговъ . . .	1,802	8,7%	} 13,5%
Дѣвочекъ . . .	861	4,8%	

Дѣти, въ совокупности, составляютъ нѣсколько меньше $\frac{1}{7}$ взрослыхъ. Если соединить женщинъ и дѣтей въ одну группу, то она будетъ равна $\frac{1}{2}$ числа мужчинъ.

Но болѣе детальное разсмотрѣніе даетъ машинное распределеніе по поламъ и возрастамъ. Если мы исключимъ кирпичные заводы (53) и мельницы (6), гдѣ работаютъ почти исключительно мужчины, то въ остальныхъ 84 съ 14,011 рабочими имѣемъ:

Мужчинъ . . .	7,339	52,4%
Женщинъ . . .	4,128	29,3%
Дѣтей	2,544	18,3%

Здѣсь женщины съ дѣтьми составляютъ почти половину работающихъ.

Если изъ 84 фабрикъ исключить 64, то въ остальныхъ 20 (преимущественно ткацкихъ и прядильныхъ) съ 70,802 рабочими число женщинъ и дѣтей значительно превышаетъ число мужчинъ:

Мужчинъ . . .	2,754	38,9%
Женщинъ . . .	2,870	40,5%
Дѣтей	1,458	20,6%

Наконецъ, есть 2 фабрики, шелковая и бумажно-мишурная, на которыхъ работаютъ только мужчины и дѣти.

Цифры эти говорят намъ, что женскій трудъ примѣняется на фабрикахъ Московскаго Уѣзда въ весьма значительныхъ размѣрахъ. Возможность нѣкоторыхъ заработковъ побуждаетъ население нашихъ промышленныхъ мѣстностей посылать дѣтей на фабрики съ самаго ранняго возраста. Не задаваясь вопросами о послѣдствіяхъ, простирающихся изъ преждевременной работы, родители спѣшатъ утилизировать неразвившуюся силу дѣтей и увеличить доходы семьи немногими доставляемыми малолѣтними грошами. Такъ какъ въ большинствѣ производства есть работа даже для самыхъ маленькихъ дѣтей, то этимъ и объясняется ихъ слишкомъ ранній приемъ на фабрики. Изъ 90 фабрикъ, о которыхъ есть свѣдѣнія по этому вопросу, принимаютъ: старше 13 лѣтъ 23, 12—23, 11—9, 10—20, 9—9, 8—6 фабрикъ. Считая употребленіе дѣтской силы на фабрикахъ неестественно раннимъ до 12 лѣтъ, раннимъ—отъ ¹ 12—14 и своевременнымъ—съ наступленіемъ 15 года, мы можемъ раздѣлить фабрики на 3 группы: въ первую отнести всѣ, принимающія дѣтей до 12 лѣтъ, во вторую 12—14 и третью—послѣ 14.

I	44	49%
II	46	51%
III	0	0

Оказывается, что на фабрикахъ, гдѣ возрастъ принимаемыхъ дѣтей намъ извѣстенъ, почти половина принимаетъ раньше 12 лѣтъ. Въ первую группу отходятъ ткацкія, красильныя, сургучныя, гончарныя. Остальныя заведенія относятся къ второй группѣ. На кирпичныхъ заводахъ малолѣтніе не принимаются; но достигшихъ 14 лѣтъ считаютъ уже взрослыми и взваливаютъ работу едвали болѣе легкую, чѣмъ на взрослыхъ; и потому 14-ти лѣтній возрастъ, на который было указано, какъ нормальный для начала фабричной работы, слишкомъ низокъ для кирпичныхъ заводовъ, гдѣ возка глины, обжиганье кирпичей и другія работы требуютъ гораздо болѣе развитой тѣлесной силы.

Длина рабочаго дня на большинстваѣ заводовъ приблизительно одинакова. Начинается работа въ 4—5 часовъ утра и оканчивается въ 8 часовъ вечера; въ теченіи дня дается часовой отдыхъ на обѣдъ и два получасовые—на завтракъ и полдникъ. На нѣкоторыхъ фабрикахъ только два часовые перерывы; есть фабрики, гдѣ дается время только на обѣдъ. Для работы остаются 13—14 часовъ. Уклоненій въ ту и другую сторону немного: одна мельница ввела 17-ти часовой рабочей день, а нѣкоторыя фабрики значительно удлиннили его. Такъ, въ красильномъ заведеніи Миттельштедта въ двѣ полныхъ 16 рабочихъ часовъ, на обѣдъ времени не дается: рабочіе должны совершать свою трапезу, не отходя отъ котловъ красильной. На одной бумагопрядильной фабрикѣ рабочей день заключаетъ въ себѣ 17 часовъ, отъ 4 утра до

¹ Придерживаясь новаго, вышедшаго на - дняхъ швейцарскаго фабричнаго законодательства, запрещающаго работу до достиженія 14 лѣтъ.

9 вечера. Есть кирпичные заводы, гдѣ порядовщики (получающіе сдѣльную плату) работаютъ отъ 3 ч. утра до 9 вечера, и, наконецъ, на двухъ рогожныхъ фабрикахъ Бѣльева и Емельянова рабочий день достигаетъ 20-ти часовъ съ 2-мя часами для отдыха! Этимъ общимъ нормамъ подчиняются, на ряду со взрослыми, и малолѣтніе. Только ткацкая фабрика Поляковой, установивъ 15 часовый день для взрослыхъ, говорить, что малолѣтніе работаютъ *только* 14 часовъ и то «если есть пражка». Работа въ праздники является рѣдкимъ исключеніемъ: ее мы встрѣчаемъ только на французской маслобойнѣ, владѣлецъ которой считаетъ излишнимъ давать рабочимъ воскресный досугъ, освобождая ихъ отъ работъ только въ двенадцатые праздники, и еще на одной, гдѣ работа въ праздники служитъ штрафомъ за прогулы рабочего дня.

Было бы ошибочно думать, что заработная плата стоитъ въ какой-либо связи съ длиною рабочего дня; если и можно подмѣтить связь, то, какъ будетъ показано ниже, она обратно пропорціональна длинѣ рабочего дня. Рабочая плата—повременная и сдѣльная, смотря по роду работъ: гдѣ результаты труда легко поддаются оцѣнкѣ, рабочий получаетъ сдѣльную плату; гдѣ оцѣнка была трудна и сложна—онъ получаетъ мѣсячную или полугодовую. Всѣмъ руководитъ всеильный обычай. На кирпичныхъ заводахъ хозяинъ часто самъ не занимается производствомъ и договариваетъ подрядчика, обязаннаго поставить рабочую артель. Изъ кирпичниковъ всего лучше оплачиваются порядовщики, формовщики кирпича, получающіе за 1,000 штукъ 2 р. 10 к. При изготовленіи 20,000 шт. въ мѣсяцъ вдвоемъ, мѣсячный заработокъ каждаго составляетъ 21 р. Рабочіе, занимающіеся колоніемъ глины, обжиганіемъ кирпича, подряжаются на лѣтніе 5—6 мѣсяцевъ (съ 15-го апрѣля до 15-го октября), которыми ограничивается кирпичное производство. Средняя плата ихъ за полугодіе достигаетъ 70 рублей. Есть заводы, гдѣ каждая группа рабочихъ, производящихъ извѣстную часть работы, имѣетъ своего подрядчика; онъ получаетъ отъ хозяина сдѣльную плату и рассчитывается съ своей артелью. Мальчики, которымъ, впрочемъ, приходится исполнять не менѣе легкую работу, чѣмъ взрослымъ, получаютъ въ лѣто 20 р. Мѣсячные заработки на кирпичныхъ заводахъ выше, нежели на другихъ фабрикахъ, что объясняется только полугодичнымъ производствомъ кирпича. На суконныхъ фабрикахъ трепальщики получаютъ 7—8 рублей въ мѣсяцъ; чесальщики—6 р.—6 р. 50 к.; сукновалы—9—12 р.; прядильщики получаютъ съ 1 п. пражки 30—50 коп., что, при среднемъ пряденіи 1 п. въ день, даетъ 10 р. въ мѣсяцъ; ткачи, при платѣ въ 5—10 к. за 1 аршинъ, зарабатываютъ 10—13 р. въ мѣсяцъ, изъ чего выдаютъ 1 р. въ мѣсяцъ шпульникамъ; мѣсячная плата красильщиковъ—10 р.; промывальщиковъ—9—13 р.; женщины на аппаратахъ и въ разборной зарабатываютъ не больше 5—8 р. въ мѣсяцъ; почти тоже полу-

чаютъ мальчишки; дѣвочки же зарабатываютъ не больше 3—5 р. Въ другихъ заведеніяхъ плата мало уклоняется отъ этого уровня. Въ бумагопрядильныхъ женщины зарабатываютъ 25 к. въ день или 6 р. 50 к. въ мѣсяцъ; мотальщицы — 8 р., нѣкоторые прядильщицы, однако, до 20 р. На парчевыхъ фабрикахъ получаютъ 10—12 р., ткачихи — 7 р. На ватной фабрикѣ заработокъ составляетъ 35—55 к. въ день или 12 р. въ мѣсяцъ. На химическомъ, альбуминномъ заведеніи и другихъ плата мужчинъ также колеблется между 10 и 12 рублями. Рогожныя заведенія съ своимъ безконечно-длиннымъ рабочимъ днемъ имѣютъ крайне низкую плату: она не превышаетъ 25 к. въ день и упадаетъ до 10 к., т. е. составляетъ не болѣе 3—6 р. въ мѣсяцъ. Среди этой массы рабочаго люда есть и привилегированные рабочіе: не говоря уже о мастерахъ-иностранцахъ, получающихъ на большихъ фабрикахъ по нѣсколько тысячъ рублей въ годъ, сравнительно хорошо оплачиваются слесаря, рабочіе на механическихъ заведеніяхъ и др.; ихъ годовые заработки достигаютъ 300 р.

На большинствѣ фабрикъ заработанныя деньги уплачиваются по субботамъ, хотя это общее правило имѣетъ много исключеній. На кирпичныхъ заводахъ особенно замѣтную роль играетъ Петровъ день: такъ какъ послѣ Петрова дня одни рабочіе уходятъ въ деревни на полевая работы, другіе остаются на заводахъ, то хозяева производятъ генеральный расчетъ, и только тутъ, по словамъ рабочихъ, узнаютъ они, какую плату придется получить: часто, къ ихъ удивленію, плата оказывается ниже той, за которую они весной уговаривались работать—вмѣсто 50 р., хозяинъ выдаетъ только 40 р. На выраженіе рабочимъ неудовольствія хозяинъ указываетъ ему дверь, предлагая убраться съ завода, если такая плата кажется недостаточной. Насколько произвольны скидки съ заработанныхъ денегъ, насколько мало защищенъ рабочій отъ удержанія хозяиномъ части его заработка, настолько же всеупотребительны крайне тяжелые штрафы, устанавливаемые хозяевами за прогульные дни, порчу товара, опоздалый приходъ на фабрику, оказаніе неуваженія смотрителю и т. п. За прогульный день рабочій обязанъ или уплатить штрафъ въ размѣрѣ 1—2 р., или безвозмездно отработать два дня. Только на немногихъ фабрикахъ штрафъ за прогульный день ровенъ однодневной платѣ. Есть фабрики, гдѣ опозданіе на $\frac{1}{4}$ часа влечетъ за собою рублевый штрафъ. На бумагопрядильной фабрикѣ балашинской мануфактуры выработана цѣлая система штрафовъ отъ 5 к. до цѣны трехъ рабочихъ дней. Малые штрафы налагаются за нечистоту въ фабричныхъ и жилыхъ помѣщеніяхъ, за починку платья въ рабочее время, неуваженіе къ смотрителю; крупныя—за порчу товара, машинъ, прогулы. Есть фабрики, гдѣ прогулъ наказывается даже въ томъ случаѣ, когда онъ вызванъ болѣзнью. На кирпичномъ заводѣ Гусарева прибогають, по истинѣ, къ мѣрамъ устрашенія: порядовщики за порчу кирпича наказываются штрафами, часто въ десять разъ превос-

ходящими стоимость испорченнаго товара. Чтобы избѣгнуть вычислений, хозяинъ или приказчикъ прибѣгаютъ къ слѣдующему немногосложному приему: подходи къ столу и види негодный кирпичъ, они начинаютъ бить и мять направо и налево, такъ что иногда уничтожаютъ 2—3 тысячи штукъ, хотя бы испорченнаго было только нѣсколько сотенъ. Хотя рабочіе книжки заведены въ послѣднее время повсемѣстно, но штрафы пишутся не въ нихъ, а отмѣчаются хозяевами отдѣльно. При общераспространенности штрафовъ, строго карающихъ ущербъ, понесенный хозяиномъ, есть только одно заведеніе (воскоблительное Протопопова), на которомъ рабочіе уже давно привлечены къ участию въ хозяйской прибыли. Въ октябрѣ, по заключенію рабочаго сезона, производится подробный расчетъ, и рабочіе получаютъ награду соразмѣрно съ количествомъ выработаннаго воска; награда эта тѣмъ больше, чѣмъ больше количество и цѣнность продуктовъ превышаютъ предварительную смету хозяина.

Большинство фабричныхъ помѣщеній неудовлетворительно. Это всего менѣе относится къ кирпичнымъ заводамъ, гдѣ работа длится только въ теченіи лѣта, на открытомъ воздухѣ, и гдѣ, потому, ея условія не могутъ оказывать такое вредное вліяніе на здоровье рабочихъ. Другія заведенія, за немногими хорошими исключеніями (фабрика Сапожниковыхъ, свѣтлая, просторная, чистая, снабженная вполне достаточной вентиляціей, Юхима и нѣкоторыя др.), крайне неудовлетворительны: $\frac{7}{8}$ заведеній темны, тѣсны, лишены всякой вентиляціи, кромѣ естественной—изъ щелей или отворенныхъ дверей. Еслибы описывать всѣ заведенія съ дурнымъ рабочимъ помѣщеніемъ, то пришлось бы перечислить почти всѣ и о каждомъ послѣдующемъ повторить все уже сказанное о предъидущихъ. Земская комиссія описываетъ большинство помѣщеній неудовлетворяющими требованіямъ гигиены. Одни слишкомъ тѣсны и рабочіе скучены, другія наполнены пылью, третьи, какъ красильня, такъ наполняются густымъ паромъ, поднимающимся отъ котловъ во время крашенія товара, что застилаются даже силуэты людей; въ заведеніяхъ химическихъ и альбуминномъ распространено сильнѣйшее зложеніе, во-первыхъ, отъ скопленія газовъ, а во-вторыхъ, отъ разложенія крови—сырого матеріала для производства альбумина. Данныхъ о жилыхъ помѣщеніяхъ для рабочихъ гораздо болѣе подробно. Рабочіе съ 10 фабрикъ живутъ на вольныхъ квартирахъ остальные 146, относительно жилыхъ помѣщеній, можно раздѣлить на три группы. Въ первую отходятъ тѣ 18 заведеній, при которыхъ вовсе нѣтъ жилыхъ помѣщеній; большая часть изъ нихъ — кирпичные заводы. Рабочіе ночуютъ на открытомъ воздухѣ, гдѣ попало, положивъ подъ голову кирпичъ и укрывшись полусубкомъ. Наступить ненастье — и они ложатся подъ навѣсомъ, устроеннымъ для сушки кирпичей; кровля навѣса, налегкѣ сложенная, мало защищаетъ ихъ отъ дождя и вѣтра.

Если ненастье уже очень сильно, то рабочіе почувутъ въ обжигальной печи послѣ того, какъ изъ нея вынуть кирпичъ. Одинъ заводчикъ самъ такъ показываетъ о ночлегѣ рабочихъ: «они спать на доскахъ и кирпичахъ, какъ Богъ послалъ». Къ этой же группѣ относятся нѣсколько ткацкихъ и красильныхъ фабрикъ. Хозяева, мотивируя отсутствіе жилыхъ зданій тѣмъ, что рабочему человѣку гораздо лучше проводить всю жизнь въ мастерской, чтобы быть ближе къ дѣлу, особыхъ помѣщеній не устраиваютъ. Просидѣвъ 14 часовъ въ день за столомъ, ткачъ приспособляетъ себѣ ложе надъ или подъ нимъ; рядомъ съ нимъ поучетъ жена; по другую сторону ткачихи—дѣвушки; тутъ же виситъ люлька съ ребенкомъ. Земская комиссія такъ описываетъ, напримѣръ, жилое помѣщеніе рабочихъ на рогожной фабрикѣ Емельянова. «Во время и внѣ работъ рабочіе помѣщаются въ фабричныхъ отдѣленіяхъ; здѣсь же устроены большія русскія печи для варки и сна; эти помѣщенія очень низкія, полутемныя и душныя. Каждая баба для своей семьи готовить пищу отдѣльно; тутъ же около печей нерѣдко висятъ люльки съ новорожденными младенцами. Вслѣдствіе самого производства и такого устройства помѣщеній, въ нихъ постоянно не малое количество сора, пыли; воздухъ душный и зловонный; вентиляціи нѣтъ никакой... вся обстановка самая жалкая». Тамъ же мы читаемъ о ткацкой фабрикѣ Прибылова: «...спать ткачи на палатахъ, устроенныхъ подъ столами, а остальные рабочіе—прямо на полу, на собственной одеждѣ, въ пыли и сору; мужчины спать отдѣльно отъ женщинъ, а въ ткацкомъ отдѣленіи вмѣстѣ, каждый подъ своимъ столомъ». Ткацкая фабрика Пустовилова описывается слѣдующимъ образомъ: «Ткачи помѣщаются въ ткацкомъ корпусѣ, въ которомъ работаютъ, спать на своихъ столахъ, а шпульники—на полу. Корпусъ загроможденъ столами, такъ что надо перелѣзать черезъ нихъ, чтобы пройти по нему; пыль и грязь; моютъ одинъ разъ въ годъ. Красильщики живутъ въ упаковочной. Женщины размѣщаются кое-гдѣ по красильному корпусу, особыхъ помѣщеній нѣтъ». За первой группой слѣдуетъ вторая — фабрики, имѣющія жилыя помѣщенія, общія для обонхъ половъ; такихъ фабрикъ 27. Жилыя зданія состоятъ обыкновенно изъ одной большой казармы, раздѣленной пополамъ досчатой перегородкой; по одну сторону помѣщаются семейные, по другую — холостые, мужчины и женщины. Во многихъ изъ нихъ нѣтъ ни наръ, ни кроватей; рабочіе устраиваютъ себѣ ложе изъ старыхъ дверей, дровъ и всякаго другого хлама. Большинство помѣщеній низкія, холодныя, грязныя, не имѣютъ форточекъ и моются только 1—2 раза въ годъ. На человѣка приходится часто не больше $\frac{1}{2}$ куб. саж. воздуха, тогда какъ необходимый гигиеническій минимумъ превышаетъ 1 куб. саж. Наконецъ, третью группу составляютъ заведенія, имѣющія жилыя помѣщенія, отдѣльныя для мужчинъ и женщинъ. Хотя такихъ заведеній 101, но не нужно забывать, что въ ихъ числѣ есть

много кирпичныхъ заводовъ, гдѣ работаютъ только одни мужчины, и самый родъ производства не исключаетъ жилыхъ помѣщеній, общихъ для обоихъ половъ. Большинство жилыхъ зданій этой группы фабрикъ отличается тѣми же недостатками, какъ и въ предшествующей. На кирпичныхъ заводахъ эти помѣщенія особенно неудовлетворительны: они часто состоятъ изъ землянокъ безъ оконъ, переполненныхъ по ночамъ рабочими. Комиссія такъ описываетъ помѣщеніе рабочихъ на заводѣ Кокунова. «Для помѣщенія рабочихъ выкопано 14 землянокъ; землянка имѣетъ 5 арш. длины, 5—ширины и 3 арш. высоты. Въ одной такой землянкѣ спятъ 8 — 12 человѣкъ на нарахъ; постелью служатъ цыновка безъ подушки и одеялъ; то и другое замѣняется кафтаномъ. Для согрѣванія землянки сами рабочіе дѣлаютъ въ ней очагъ съ трубой изъ кирпичей. Отверстій для свѣта землянка не имѣетъ». На основаніи данныхъ размѣровъ землянки, вмѣстимость ея равна 924 куб. ф., т. е, при 10 ночлежникахъ, на каждого приходится 92 куб. ф. воздуха (сравнительно съ 500 куб. ф., необходимыми для человѣка). Такъ какъ число рабочихъ на заводахъ періодически мѣняется, то приходится иногда очень большому числу жить въ помѣщеніи, предварительно назначенномъ для числа въ 3—4 раза меньшаго. Такъ, на кирпичномъ заводѣ Ласкова, гдѣ жилымъ помѣщеніемъ служатъ кухня, весною 1876 г., жило въ ней 200 человѣкъ; они спали на полу въ повалку. Такое скученіе повлекло за собой болѣзни, но больные еще долго оставались вмѣстѣ съ здоровыми. На суконныхъ, прядильныхъ, ткацкихъ и другихъ фабрикахъ жилыя помѣщенія состоятъ изъ нѣсколькихъ казармъ, для отдѣльнаго помѣщенія семейныхъ, холостыхъ мужчинъ и дѣвушекъ. Вдоль казармъ идутъ нары, иногда въ два яруса; каждому семейству отведено на нарахъ два аршина въ ширину; семья отдѣляется отъ соседней семьи, развѣшивая какую-нибудь ветошь. Среди этой невеселой картины нужно отмѣтить нѣсколько блестящихъ точекъ, особенно фабрики Сапожниковыхъ и реутовской мануфактуры. Жилыя зданія на фабрикѣ Сапожниковыхъ состоятъ изъ чистыхъ, свѣтлыхъ, сухихъ, хорошо освѣжаемыхъ комнатъ съ желѣзными кроватями, матрацами, одеялами, подушками; въ кухнѣ устроены хорошіе умывальники, и вездѣ проведена вода. На фабрикѣ реутовской мануфактуры устроены отдѣльныя комнаты для семейныхъ въ 8 арш. длины, 5 ширины и 4 вышины, съ 1 окномъ. Въ каждой помѣщается по 2 семейства 4 — 8 человѣкъ. Холостые спятъ по 9 — 15 человѣкъ въ комнатахъ вдвое большихъ, съ 2 окнами въ каждой. Вездѣ желѣзныя кровати съ матрацами и вентилирующія досчатыя трубы съ флюгерами. Эти и еще нѣкоторыя помѣщенія отчасти удовлетворяютъ требованіямъ отъ рабочихъ жилищъ. На нѣкоторыхъ фабрикахъ рабочіе переводятся лѣтомъ на ночлегъ въ особые бараки.

На хозяйскихъ харчахъ живетъ меньшинство рабочихъ, пре-

имущественно пришлые издалека, нанимаемые по полугодіямъ. Харчи состояли изъ хлѣба съ солью, мяса, свинины, солонины или говядины по $\frac{3}{4}$ —1 ф. на человѣка и каши, съ коноплянымъ масломъ, какъ въ скромные дни, такъ и въ постъ. У нѣкоторыхъ хозяевъ по праздникамъ даютъ, сверхъ того, жаркое. Есть 2—3 хозяина, которые, изъ нежеланія хлопотать о прокормленіи рабочихъ, выдаютъ имъ еженедѣльно по 1 р. на человѣка, и рабочіе нанимаютъ кухарку, сами заботясь о пищѣ. Комиссія, основываясь на словахъ рабочихъ, нашла въ большинствѣ случаевъ хозяйскіе харчи удовлетворительными; случаи недовольства такъ же исключительны, какъ единиченъ примѣръ французской маслобойни Маривса, содержатель которой принимаетъ къ себѣ рабочихъ подъ условіемъ ѣсть круглый годъ скромное и кормить ихъ, какъ на убой, «чтобы лучше работали». Но большинство рабочихъ живетъ на своихъ харчахъ. На небольшихъ заведеніяхъ всѣ они соединяются въ одну харчевую артель; на большихъ же—образуется нѣсколько артелей согласно съ группами рабочихъ. Образование разныхъ харчевыхъ артелей объясняется неодинаковыми заработками: «кто больше зарабатываетъ—больше и проѣсть», говорили сами рабочіе. Иногда образуются только 2 харчевыя артели: въ одну входятъ мужчины, а въ другую—женщины и дѣти. Харчевая артель выбираетъ старосту, вѣдающаго всѣ ея дѣла: онъ обязанъ договаривать кухарку, закупить провизію, рассчитываться за нее и т. д. Въ старосты выбираютъ ловкаго, зажиточнаго работника, умѣющаго пріобрѣсти кредитъ у лавочниковъ; эту должность принимаютъ на себя охотно, потому что она не лишена выгоды: всякій лавочникъ подаритъ старосту за выборъ именно его лавки для покупки провизіи, да и артель вознаграждаетъ его 3 рублями въ мѣсяцъ. Нѣкоторые хозяева не стѣсняютъ рабочихъ въ покупке провизіи, но большинство старается извлечь для себя какую-нибудь выгоду изъ рабочихъ харчей. Съ этой цѣлью, они или предписываютъ брать провизію въ какой-нибудь определенной лавкѣ, содержатель которой отпускаетъ товаръ въ долгъ и затѣмъ рассчитывается съ хозяиномъ или ѣздитъ 1—2 раза въ недѣлю въ Москву, привозитъ съѣстные припасы и получаетъ плату за провозъ, или, наконецъ, устраиваютъ при фабрикахъ лавки, обязывая рабочихъ покупать въ нихъ товаръ. Наиболее снисходительные хозяева принуждаютъ рабочихъ брать въ своихъ лавкахъ только муку, крупу и соль, но есть и другіе, не позволяющіе купить даже сельдей, чаю или сахару помимо фабричной лавки. Цѣны на продукты въ фабричныхъ лавкахъ слѣдующія: хлѣбъ 65—80 к. за пудъ, соль—80 к.—1 р., гречиха—1 р. 30—1 р. 40 к. за мѣру и т. д. Стоимость харчей для рабочихъ различна: мужчины продаютъ въ мѣсяцъ 5—6 р., женщины $3\frac{1}{2}$ р., а малолѣтніе—только $2\frac{1}{2}$ р. Мужчинамъ полагаютъся по 1 ф. мяса въ день, женщинамъ по $\frac{1}{2}$ ф., а малолѣтніе вовсе не ѣдятъ мяса; исключеніемъ служатъ воскресные и дру-

гіе праздники, когда и малолѣтніе сѣдають по $\frac{1}{4}$ ф. мяса. Многія семьи не принимаютъ участія въ харчевыхъ припасахъ, а сами готовятъ себѣ пищу.

На радѣ съ неудовлетворительностью жилищъ, почти всѣ фабрики грѣшатъ и другими санитарными недостатками. Я не коснусь здѣсь того, что всякій трудъ располагаетъ человѣка къ какой-либо специфической болѣзни, вызываемой даннаго рода производствомъ. Я не укажу даже на печальное вліяніе, которое можетъ имѣть и имѣеть непомѣрно длинный рабочий день. Я затрону здѣсь только тѣ противусанитарныя условія фабрики, которыя легко могли бы быть устранены фабричными хозяевами.

Особенно видное мѣсто занимаетъ вопросъ объ устройствѣ мѣсть для нечистотъ и о способахъ ихъ очистки. При всемъ незначествѣ этого вопроса, онъ слишкомъ важенъ, чтобы пройти мимо него съ закрытыми глазами. Данныя объ этомъ предметѣ имѣются по 152 фабрикамъ, т. е. обнимаютъ почти весь изслѣдуемый районъ. Изъ нихъ 30, т. е. около 20%, особыхъ мѣсть для нечистотъ не имѣютъ вовсе. Другія 30 или 20% имѣютъ особыя мѣста, впрочемъ, никогда не очищаемыя. Остальныя 92 или 60% имѣютъ особыя мѣста и очищаютъ ихъ; изъ нихъ только 4 прибѣгаютъ къ правильной, согласной съ санитарными требованіями очисткѣ. Хозяева первой группы заведеній считаютъ устройство подобныхъ учрежденій совершенно излишнимъ, говоря, что для скопленія нечистотъ служить любое мѣсто около завода и, конечно, частію по неразумнью, частію изъ излишней бережливости, не считаютъ неудобнымъ повсемѣстное зараженіе воздуха. Въ заведеніяхъ второй группы очистки не производили вовсе и, по показаніямъ комиссіи, къ ней прибѣгаютъ только тогда, когда мѣсто сосредоточенія нечистотъ принимаетъ до того отвратительный видъ и распространяетъ такое зловоніе, что пользованіе имъ становится рѣшительно невозможнымъ. На воскреснѣльномъ заводѣ Котельникова практикуется очень любопытный способъ устройства мѣсть для нечистотъ: вырываютъ большую яму и кладутъ поперегъ нея доски; она служитъ своему назначенію до тѣхъ поръ пока не наполнится нечистотами до $\frac{3}{4}$ вмѣстимости; тогда ее зарываютъ и дѣлается новая яма. Естественно возникаетъ вопросъ, каковы будутъ чрезъ 50 лѣтъ санитарныя условія на этомъ заводѣ, если практикуемый способъ не будетъ оставленъ? О кирпичномъ заводѣ Богданова я скажу словами комиссіи: «мѣсто для нечистотъ выстроено на верху горы такъ, что, еслибы имъ пользовались, то очищать его не было бы надобности: нечистоты расходились бы горѣ, а, въ случаѣ дождя, смывались бы въ Москворѣку». — Но намъ еще болѣе интереса представляютъ тѣ 62 заведенія, которыя прибѣгаютъ къ очисткѣ нечистотъ. Способы, примѣняемые на 21 изъ нихъ, очень несложны: ночью запрягается хозяйская лошадь въ телегу, и нечистоты свозятся въ

ближайшую рѣку или прудъ, такъ что рѣки Пехорка, Лихоборка, Москва и, особенно, Яуза служатъ радужными приемниками нечистотъ. Въ послѣднюю они возятся въ такомъ изобиліи, что вода получила какой-то мутно сѣрый цвѣтъ; нѣкогда она изобиловала рыбой, теперь же рыба не живетъ въ ней. Остальные фабричныя хозлева подражаютъ крестьянъ для вывоза нечистотъ на поля или прибѣгаютъ къ обществу ассенизаціи, которое въ дѣлѣ спуска нечистотъ въ воду нисколько не уступаетъ многимъ хозлевамъ. Между фабриками Даниловскаго товарищества, Любушкина, Поляковой и Смитъ есть два огромные пруда, нѣкогда изобиловавшие рыбой; теперь они представляютъ зеленоватую мутную грязность, испускающую ужасныя зловонія: эти два пруда служатъ для общества ассенизаціи главнымъ мѣстомъ для спуска московскихъ и подмосковныхъ нечистотъ. По меткому замѣчанію земской комиссіи, общество ассенизаціи съ лихвой вознаграждаетъ Москву за вывозъ нечистотъ разными зловредными газами, служащими источниками эпидемій. Есть, наконецъ, четыре фабрики, гдѣ очистка нечистотъ производится вполне разумно и онѣ вывозятся въ плотно закупоренныхъ бочкахъ, а мѣста дезинфицируются.

Свѣдѣній о болѣзняхъ, наиболѣе распространенныхъ въ фабричномъ населеніи, очень немного, да и имѣющіяся данныя отличаются неполнотой. Среди рабочихъ вышеназванныхъ четырехъ заведеній, окружающихъ два зараженные пруда, свирѣпствуютъ часто разныя сильныя повальныя болѣзни (жаль, что комиссія не выразилась болѣе опредѣленно). Обжигалы на кирпичныхъ заводахъ часто страдаютъ воспаленіемъ глазъ отъ постоянного пребыванія въ высокой температурѣ близъ обжигательныхъ печей. На суконной фабрикѣ Суворова, судя по книгамъ для записи больныхъ, часто свирѣпствуетъ сифилисъ. Въ красильной Миттельштадта отъ разныхъ переходовъ изъ высокой температуры красильныхъ въ низшую—упаковочныхъ часты горячки, лихорадки и воспаленіе глазъ. На мельницѣ Чухнова всѣ рабочіе болѣны ревматизмомъ, такъ какъ работа производится постоянно подъ водой. На химическомъ заведеніи Кудравцева всѣ работающіе долго оканчиваютъ чахоткой.

За немногими исключеніями, на фабрикахъ нѣтъ средствъ для борьбы съ болѣзнями: нѣтъ ни больницъ, ни врачей, ни фельдшеровъ. Изъ фабрикъ только 5 имѣютъ больницы (меньше 4⁰/о!) съ 5—6 койками, помѣщающимися въ какомъ-нибудь легкомъ флигелькѣ. Но даже и эти больницы служатъ только вывѣсками: больные предпочитаютъ не поступать туда. Хотя врачъ или фельдшеръ и прѣзжаютъ на эти фабрики 3—4 раза въ мѣсяцъ, но заболѣвшіе рабочіе или «отлеживаются» на нарахъ, или отправляются на исцѣленіе въ деревню. Дальнихъ же везутъ въ одну изъ московскихъ больницъ. Приятнымъ исключеніемъ служить ткацкая фабрика Мещеринова, при которой устроено небольшое родильное заведеніе. Помѣщеніе это состоитъ изъ двухъ

отдѣленій: въ первомъ лежатъ родильницы, во второмъ висятъ 12 люлекъ съ пологами; при дѣтяхъ 7 нянекъ. При заведеніи постоянная акушерка. Оно содержится на счетъ хозяина, строившаго его съ той цѣлью, чтобы матери спокойно могли работать на фабрикѣ, видя своихъ дѣтей подъ присмотромъ.

Какъ мало принимается мѣръ для охраненія здоровья фабричнаго люда, такъ же мало содѣйствуется его умственному развитію. Школы при фабрикахъ нѣтъ, учителя не нанимаются. Я встрѣтилъ только два заведенія, гдѣ введено обученіе малолѣтнихъ. Хозяинъ одного изъ нихъ принимаетъ участіе въ расходахъ по содержанію школы въ ближнемъ селеніи; хозяинъ другого пригласилъ дьякона сосѣдней приходской церкви для обученія дѣтей. При этомъ, не излишне замѣтить, что нѣкоторые хозяева, блудя за нравственностью рабочихъ, запрещаютъ не только продажу водки въ фабричной лавкѣ, но даже приносятъ на фабрику, конфискуя запрещенный товаръ на мѣстѣ преступленія.

На этомъ мы заканчиваемъ очеркъ экономическихъ условій рабочаго люда на фабрикахъ Московскаго Уѣзда и стараемся сдѣлать выводы изъ свѣдѣній, доставленныхъ земскою комиссіей. Добытыя свѣдѣнія рисуютъ намъ такъ много печальныхъ сторонъ фабричной жизни, что мы, поневолѣ, приходимъ къ невеселымъ заключеніямъ.

Выше было показано, что среди работающихъ женщины и дѣти занимаютъ слишкомъ замѣтное мѣсто. Взамѣнъ того, чтобы, оставаясь дома, женщина могла удовлетворять потребности семьи, какъ жена, мать и хозяйка, она отрывается отъ дома, идетъ на фабрику, работаетъ длинный рабочий день наравнѣ съ мужчиной и, добывая ничтожную заработную плату, своей конкуренціей понижаетъ заработки мужчинъ. Дѣти съ самаго ранняго возраста, едва достигши 8—10 лѣтъ, вмѣсто обученія грамотѣ, поступаютъ на фабрику, и шпульное колесо становится ихъ единственнымъ воспитательнымъ средствомъ. У насъ получаются очень интересныя данныя, если мы сравнимъ рабочий персоналъ фабрикъ Московскаго Уѣзда съ распредѣленіемъ рабочихъ по поламъ и возрастамъ въ двухъ странахъ съ высокоразвитой промышленностью—Англіи и Уэльсѣ, какъ представителей западной культуры, и Америкѣ—представительницъ восточной. По статистическимъ даннымъ за 1870 годъ, было фабричныхъ рабочихъ:

	Англія ¹ и Уэльсъ	Америка ²	Моск. Уѣздъ (1876 г.)
мужчинъ.	27,0%	78,6%	66,4%
женщинъ	61,9%	15,8%	20,1%
дѣтей . .	11,1% (до 13 л.)	5,6% (до 16 л.)	13,5% (до 14 л.)

¹ Даныя касаются производствъ, обрабатывающихъ волокнистыя вещества въ 607,847 рабочихъ рукъ.

² Даныя касаются всѣхъ производствъ, кромѣ рудникъ, каменоломенъ и рыболовства; обнимаютъ 2.038,996 рабочихъ рукъ.

Эти данныя приводят насъ къ неотвѣнительнымъ заключеніямъ. Въ Московскомъ Уѣздѣ, относительно, число работающихъ дѣтей больше, чѣмъ въ классической странѣ промышленности и въ 2 1/2 раза больше, чѣмъ въ Америкѣ. Если женскій трудъ принимается въ Московскомъ Уѣздѣ въ гораздо слабѣйшей степени, нежели въ Англии, то онъ даетъ на 33% больше представительницъ, чѣмъ въ Америкѣ. Молодая культурная страна западнаго полушарія находится въ гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ молодая культурная страна полушарія восточнаго. Эта разница еще болѣе будетъ замѣтна, если мы обратимъ вниманіе на то, что у насъ въ число малолѣтнихъ не попали всѣ достигшіе 14 лѣтъ, тогда какъ въ Америкѣ въ этомъ числѣ находятся всѣ недостижшія наступленія 17-го года. Этотъ фактъ заставляеть придумать надъ грустными послѣдствіями столь значительнаго примѣненія на фабрикахъ женской силы и ранней—дѣтской. Послѣдствія это—разложеніе семьи и препятствія къ тѣлесному и духовному развитію человѣка.

Рабочій день на подмосковныхъ фабрикахъ состоитъ не менѣе какъ изъ 13 рабочихъ часовъ и, удлиняясь до 17 и 18, не знаетъ различія пола и возраста, хотя онъ давно осужденъ науками экономической и гигиенической. Онъ осужденъ экономической наукой потому, что удлинненіе рабочаго дня за извѣстные предѣлы понижаетъ производительность труда, и общественное имущество извлекаеть изъ каждой рабочей силы мѣньшій приростъ, нежели получаемый имъ при менѣе длинномъ рабочемъ днѣ, увеличивающемъ напряженіе труда и его производительность. Онъ осужденъ наукой гигиенической потому, что искалчиваетъ человѣка, пресѣкаетъ его развитіе въ юности, лишаетъ его слишкомъ преждевременно рабочей силы и не даетъ ему досуга для дѣятельности мозга, пользованія плодами цивилизаціи. Получаемая заработная плата, хотя добывающей силой служить не одинъ мужъ, а, на ряду съ нимъ, и женщины и малолѣтніе, не достаточно для покрытія необходимѣйшихъ расходовъ семьи, какъ будетъ тотчасъ доказано. Нераздѣленіе подмосковныхъ рабочихъ по состоянію и мѣсту происхожденія нѣсколько затрудняетъ наши вычисленія: мы не можемъ опредѣлить, какъ велики доходы, извлекаемые фабричными рабочими изъ ихъ земельныхъ надѣловъ. Но это затрудненіе не лишаетъ насъ возможности произвести вычисленіе надъ семьей гипотетической и посмотрѣть, насколько обезпечиваетъ ее заработная плата, какъ удовлетворяется ея скромныя потребности. Пусть наша гипотетическая семья, происходящая изъ одной изъ русскихъ центрально-промышленныхъ губерній (что согласно съ дѣйствительностью: гдѣ земская коммиссія не забываетъ упомянуть о мѣстѣ происхожденія пришлыхъ фабричныхъ рабочихъ, она показываетъ губерніи Смоленскую, Калужскую, Костромскую, и т. д.), состоитъ изъ 5 душъ—мужа, жены, малолѣтца, ходящаго на фабрику, и 2 неспособныхъ къ работѣ малолѣтковъ. На основаніи вышеприведенныхъ цифръ,

средняя мѣсячная заработная плата мужчины—10 р., женщины—7 и малолѣтка—5 р. Но было бы ошибочно считать годовой заработокъ 12 разъ больше приведеннаго мѣсячнаго. Даже исходя отъ предположенія, что наша рабочая семья остается на фабрикѣ цѣлый годъ и не ходитъ въ деревню на полевныя работы, мы должны принять во вниманіе многіе праздники въ году, занимающіе нѣсколько дней (Святая съ 10 нерабочими днями, масленица—3, Рождество—3, нерабочіе святочные вечера, хромовые праздники и проч.); въ сложности, праздники составляютъ не менѣе мѣсяца, и съ присоединеніемъ другихъ однодневныхъ, большихъ и малыхъ, остается 11 рабочихъ мѣсяцевъ по 24 дня, т. е. 264 рабоче дня (только на 36 дней менѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ, гдѣ считаютъ въ году 300 рабочихъ дней). Полагая, что женщины и дѣти не прогуливаютъ и не несутъ штрафовъ, мы не въ правѣ сдѣлать то же предположеніе о мужчинахъ; только при одномъ прогульномъ днѣ въ каждые 2 мѣсяца (за неимѣніемъ данныхъ по этому предмету трудно сдѣлать какое-либо точное вычисленіе, но всякій знающій русскаго челоука сочтетъ 5 прогульныхъ дней въ годъ не преувеличеннымъ) штрафъ составляетъ 5 р. Отсюда годичный заработокъ мужчины—105 р., женщины—77 и малолѣтняго—55, а общій заработокъ 5-ти душевой семьи съ 3 рабочими силами—237 р. Посмотримъ, каковы ея расходы. На основаніи вычисленій, сдѣланныхъ мной для Московской Губерніи (Промыслы Московской Губерніи II стр. 79 80), такая семья должна потребить:

ржаного хлѣба 84 п. по 70 к.	58 р. 80 к.
гречневыхъ крупъ 16 мѣръ по 1 р. 30	20 » 80 »
картофеля 15 мѣръ по 25	3 » 75 »
коноплянаго масла 2 п. по 6 р.	12 » — »
мяса 7 п. 3 р. 20	22 » 40 »
огурцовъ, капусты, свеклы	10 » — »
чаю 6 ф. по 1 р. и сахару 12 ф. по 20	8 » 40 »
обувь	25 » — »
одежда	20 » — »
расходъ на церковь	2 » — »
бани, угощенье, водка	10 » — »
податей	20 » — »

Итого 233 р. 15. к.

Оказывается, что заработная плата достаточна на покрытие расходовъ семейства. На возраженіе, что эта семья, платящая 20 р. податей, (что скорѣе ниже, нежели выше дѣйствительности), предполагается владѣющей 2 мя душевыми надѣлами и имѣетъ еще землю, какъ источникъ дохода, я отвѣчу, что такая семья, если у нея есть старикъ или старуха, предоставляет имъ веденіе хозяйства въ деревнѣ; въ этомъ случаѣ, такъ какъ 2-хъ душевой надѣлъ въ великороссійскихъ губерніяхъ едва достаточенъ для прокормленія одного, то отсутствующая семья не-

только ничего не извлекаетъ изъ земли, но и подати должна платить изъ своихъ промышленныхъ заработковъ¹. Если старика или старухи дома нѣтъ, крестьянинъ, работающій на сторонѣ и не возвращающійся домой на полевныя работы, сдаетъ землю кому-либо изъ сосѣдей; съемщикъ не платитъ владѣльцу ренты и лишь обязывается вносить за него сельскіе сборы, составляющіе 3—4 р. въ годъ за 2-хъ душевой надѣль. Такимъ образомъ, работа семьи на фабрикѣ служитъ единственнымъ источникомъ ея доходовъ. Сказавъ, что заработокъ семьи покрываетъ ея расходы ниже нормы необходимѣйшихъ потребностей, я положилъ на семью только 7 пудовъ мяса въ годъ; раздѣленные на число скоромныхъ дней, они даютъ 1½ ф. въ день: 1 ф. отцу, ½ ф. матери; дѣти же остаются безъ мясной пищи (что вполне согласуется показаніями земской комиссіи о пищѣ малолѣтнихъ). Въ списокъ расходовъ я не ввелъ молока, которое могло бы замѣнить дѣтямъ мясную пищу. Наконецъ, положилъ на семью только 6 ф. чаю въ годъ, что слишкомъ недостаточно въ фабричной Россіи, гдѣ этотъ напитокъ сталъ предметомъ существеннаго потребленія. Словомъ, означенные расходы — *minutit*, едва ли достаточный для непрестаннаго возобновленія растрачиваемой рабочей силы.

Но если средняя заработная плата и даетъ возможность семьѣ покрыть только ея текущіе расходы, то неужели она достаточна? До сихъ поръ мы сравнивали ее только съ расходами, вызываемыми необходимостью непрерывнаго поддержанія и возобновленія силъ. Посмотримъ, какіе еще расходы должны быть покрыты ею.

Статистика дѣлитъ жизнь чеговѣка на три періода: 1) юношескій непродуцительный возрастъ до 15 лѣтъ; 2) продуцительный — 15—65; 3) старческій — выше 65. Такъ какъ въ 1-мъ и 3-мъ періодахъ человекъ — нерабочая сила, то, для предохраненія общества отъ уменьшенія его капитала, онъ долженъ во 2-мъ періодѣ зарабатывать столько, чтобы не только поддерживать свою рабочую силу, но покрыть капиталъ, затраченный на его воспитаніе до достиженія рабочей зрѣлости, и сберечь на содержаніе себя отъ наступленія старческаго возраста до конца жизни. Соотвѣтственно затратамъ на человекъ въ разные періоды его жизни, заработная плата должна состоять изъ слѣдующихъ статей.

1. Возвращеніе капитала, затраченнаго въ періодъ юности на воспитаніе.

1) Погашеніе капитала 10 процентами.

2) Застрахованіе отъ опасности непогашенія капитала:

¹ См. Якоба «Опыты статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ», гдѣ на основаніи точныхъ вычисленій оказывается громадный перевѣсъ обложенія земли надъ ея доходностью. Особ. глава II стр. 32 и друг.

- а) по случаю смерти до полного погашенія;
- б) по случаю преждевременной утраты рабочей силы;
- в) по случаю временнаго перерыва въ работѣ вслѣдствіе причинъ внутреннихъ и внѣшнихъ.

II. Содержаніе рабочей силы во время рабочаго періода.

- 1) Покрытіе расходовъ на поддержаніе и возобновленіе силъ.
- 2) Застрахованіе отъ опасности преждевременной утраты силъ.
- 3) Застрахованіе отъ опасности перерыва работъ:
 - а) по случаю болѣзни;
 - б) по случаю промышленныхъ кризисовъ.

III. Поддержаніе жизни въ старческомъ періодѣ ¹.

Сравненіе заработной платы съ текущими расходами рабочей семьи показало, что они покрываются, но нѣтъ излишка, который покрывалъ бы другія статьи. Долю заработной платы, покрывающую расходы на воспитаніе, человекъ возвращаетъ обществу въ лицѣ своихъ дѣтей. Оно расходуетъ на содержаніе ихъ въ непроизводительномъ возрастѣ то, что родители расходовали на него и, сходя со сцены, оставляютъ обществу дѣтей со вложеннымъ въ нихъ капиталомъ. Такъ какъ наша заработная плата покрываетъ расходы цѣлой семьи, то она содержитъ въ себѣ долю, соответствующую затраченному на воспитаніе работника капитала съ процентами. Не имѣя данныхъ, чтобы рѣшить, какъ велика должна быть страховая премія для застрахованія отъ опасности преждевременной утраты силъ или смерти, мы попытаемся опредѣлить вліяніе, оказываемое на заработную плату болѣзнью работника и промышленными кризисами. На болѣзнь въ разные періоды жизни падаетъ дней: въ 20 лѣтъ — 6, 40 — 8, 60 — 17, 65 — 23 ². Если считать въ теченіи 50-ти лѣтняго рабочаго періода ежегодно восемь дней болѣзни на человека, то у семьи изъ 3 хъ рабочихъ душъ въ году 24 дня будутъ отняты болѣзнью (что скорѣе мало, нежели много, принимая во вниманіе беременность) или $\frac{1}{3}$ рабочаго года. Отсюда заработная плата будетъ равна ужъ не 237 рублямъ, а $\frac{237 \cdot 32}{83} = 229$ р. 81 к. Нѣтъ данныхъ для опредѣленія, сколько дней ежегодно отнимаютъ въ Россіи у рабочаго промышленные кризисы. Въ Пруссіи считаютъ ежегодно только 10 рабочихъ мѣсяцевъ, отчисляя два мѣсяца на кризисы. Быть можетъ, въ Россіи должна быть отчислена на кризисы также $\frac{1}{6}$ года, но, за неимѣніемъ данныхъ, я возьму только половину — 1 мѣс. Если, въ среднемъ выводѣ кризисы отнимаютъ у рабочаго ежегодно только мѣсячную плату, то годовая заработокъ нашей семьи будетъ не 229 р. 81 к., а 237 р. — $(\frac{237}{33} + \frac{237}{12}) = 210$ руб. 6 коп. Что касается до обезпеченія старости, то мы можемъ не отчислять въ заработной платѣ особой доли для этого; такъ какъ большинство фабрич-

¹ Engel «Der Preis der Arbeit» 2 Vorles. 36—37.

² Engel. «Der Preis der Arbeit» 2 Vorl. S. 42. Дробы отняты.

ных рабочих—крестьяне-собственники, то, по утратѣ рабочей силы, человекъ возвратится въ деревню и его скромныя потребности будутъ покрываться тѣмъ, что дастъ земля (вычисленіе это правильно для взятой статистической крестьянской семьи; для безземельной рабочей семьи въ заработной платѣ должна заключаться доля для покрытія расходовъ въ 3-мъ періодѣ).

Въ итогъ, годичный заработокъ семьи—210 р. 6 к., т. е. равенъ 90,1% того, что нужно для покрытія необходимѣйшихъ расходовъ. Недочетъ въ бюджетъ равенъ почти 10%.

Итакъ, несмотря на употребленіе женской и дѣтской рабочей силы, заработная плата недостаточна: 5-ти-членная семья не можетъ содержаться работою 3 членовъ. Прямымъ послѣдствіемъ этого является необходимость сокращенія расходовъ, и прежде всего расходовъ на пищу: человекъ предпочтетъ хуже поѣсть, жить впроголодь, нежели носить дырявые сапоги или не имѣть праздничной одежды. Недоразвитіе тѣлесное, уменьшеніе роста и силы, преждевременное наступленіе 3-го періода—неизбѣжныя послѣдствія 10-процентнаго недочета.

Но и эта низкая заработная плата не гарантирована рабочему: желая извлечь выгоды изъ харчеванія рабочихъ, фабрикантъ обявываетъ или покупать въ своей лавкѣ, или въ лавкѣ сосѣда и, пользуясь 15, 10 даже 5%, заставляетъ рабочаго еще болѣе сокращать расходы, довольствоваться еще худшей пищею.

Къ длинному рабочему дню и недостаточной заработной платѣ присоединяются многія другія условія, такъ пагубно вліяющія на здоровье. Устройство многихъ фабрикъ въ сырыхъ мѣстахъ на берегахъ рѣкъ и прудовъ, заражаемыхъ сваливаемыми нечистотами, фабричныя и жилия помѣщенія, лишенныя первоначальныхъ удобствъ, часто отсутствіе ночлежныхъ зданій и необходимость проводить день и ночь въ фабричныхъ корпусахъ мѣтко и вѣрно подкапываютъ подъ самое крѣпкое здоровье. У насъ мало данныхъ о болѣзняхъ, посѣщающихъ рабочихъ, но показаніе земской комиссіи о большинствѣ фабрикъ—что рабочіе «худы и зелены», не должно быть опущено: оно свидѣтельствуешь о вліяніи на людей ихъ жизненныхъ условій. Медицинская помощь, за немногими исключеніями, не существуетъ, и болѣзни предоставляются врачеванію *жизненной силы*, плохого цѣлителя, при существованіи вышеприведенныхъ обстоятельствъ. Нѣтъ школы, которая могла бы хоть немного часовъ въ недѣлю воспитывать малолѣтнихъ, и единственнымъ воспитательнымъ учрежденіемъ служить та же фабрика. Нечего говорить, насколько хорошо ея воспитывающее вліяніе: это извѣстно всякому.

Общій выводъ тотъ, что всѣ условія жизни фабричнаго люда крайне дурны въ тѣлесномъ и духовномъ, или шире, въ общественномъ отношеніи. Все сказанное о фабрикахъ Московскаго Уѣзда, съ ихъ 20-ю тысячами рабочихъ, одинаково примѣнимо по всѣмъ другимъ промышленнымъ мѣстностямъ Россіи, ко всѣмъ

другимъ русскимъ фабрикамъ. Периодическая печать приноситъ намъ, отъ времени до времени, свѣдѣнія со всѣхъ концовъ русской земли, гласящія, что вездѣ повторяется одно и то же: частности видоизмѣняются, но фонъ картины окрашенъ тою же краской.

Уже давно настало для государства время врѣзаться въ среду промышленной жизни, законодательно опредѣлить взаимныя отношенія дѣйствующихъ въ ней силъ, устранить произволъ, замѣнить его нормами закона и содѣйствовать установленію отношеній болѣе разумныхъ и справедливыхъ. Всегда, когда рѣчь идетъ о государственномъ вмѣшательствѣ въ какую-либо сторону общественно-хозяйственной жизни, слышатся дружные голоса, что дѣйствующія на этомъ поприщѣ силы должны быть предоставлены самимъ себѣ, что свободная воля сторонъ устроить болѣе совершенный и выгодный для всѣхъ порядокъ вещей, нежели законодательство. Изъ приведеннаго очерка видно, насколько условія жизни большинства являются слѣдствіемъ не свободнаго договора, а произвола, давленія сильнѣйшей стороны на слабѣйшую: если фабрикантъ объявляетъ рабочаго брата товаръ изъ своей лавки, если онъ гласно субъективно устанавливаетъ штрафы, то, конечно, государство имѣетъ и право, и обязанность уничтожить этотъ произволъ и замѣнить его закономъ. Призвать царство закона въ такія односторонне-произвольныя отношенія— великая государственная задача. Если тотъ же произволъ, исходя отъ лица, проникнутаго началами человѣчности, устраиваетъ иногда хорошія жилища или награждаетъ рабочихъ сообразно съ количествомъ и цѣнностью продуктовъ, то онъ тысячекратно чаще, руководимый узко-себялюбивыми побужденіями, ведетъ къ злоупотребленію силой.

Мы не беремъ на себя смѣлости указывать здѣсь на путь, по которому должно пойти наше фабричное законодательство. Что оно необходимо, доказывается примѣрами нѣкоторыхъ изъ нашихъ западныхъ сосѣдей, гдѣ государственная власть, не взирая на весь отпоръ либеральныхъ экономическихъ партій, врѣзалась въ среду промышленной жизни и установила въ ней непреложныя законныя нормы.

Медленно развивавшееся англійское фабричное законодательство ограничиваетъ число рабочихъ часовъ мужчинъ, недостигшихъ 18 лѣтъ, и женщинъ, запрещаетъ для нихъ ночную работу, съ особеннымъ тщаніемъ регулируетъ производства, особенно вредныя для здоровья. Законъ 1875 г. о рабочихъ жилищахъ требуетъ устройства ихъ по извѣстному плану и даетъ мѣстнымъ властямъ обширное право экспроприаціи зданій и цѣльныхъ улицъ, гдѣ постройки не удовлетворяютъ законнымъ требованіямъ.

Французское законодательство 1874 г. безусловно запрещаетъ работу на фабрикахъ дѣтямъ до достиженія ими 10-ти лѣтняго возраста. Между 10 и 12 годами дѣти могутъ быть принимаемы

на работу въ нѣкоторыхъ производствахъ, но рабочій день ихъ не долженъ превышать 6 часовъ. Съ 12-ти до 18-ти лѣтъ для юношей и 21 года для женщинъ безусловно запрещается ночная работа; рабочій день ограничивается 12 часами, а въ рудникахъ—8 ю. Законъ опредѣляетъ максимумъ тяжести, которыя должны носить малолѣтніе и т. д.

Только-что вышедшее въ свѣтъ швейцарское фабричное законодательство безусловно запрещаетъ работу до 14-ти лѣтъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ производствъ по опредѣленію Соціального Совѣта. Ночная работа женщинъ и юношей до 18-ти лѣтъ запрещается. Штрафы не должны превышать половины дневной рабочей платы; они поступаютъ въ пользу вспомогательныхъ кассъ для рабочихъ. Работа въ послѣднее время беременности и первое послѣ родовъ запрещается и т. д.

Во всѣхъ этихъ трехъ странахъ за исполненіемъ законовъ наблюдаютъ назначаемые отъ правительства фабричные инспектора.

По германскому промышленному уставу, дѣти не должны работать на фабрикахъ раньше 12-ти лѣтъ; отъ 12—14 рабочій день не долженъ превышать 6 часовъ. Теперь парламентская комиссія занята обсужденіемъ проекта новаго фабричнаго закона, по которому, между прочимъ, ограничивается рабочій день, работа беременныхъ женщинъ и запрещается ночная работа. Кроме того, предполагается ввести институтъ фабричныхъ инспекторовъ, для наблюденія за исполненіемъ законовъ.

Если на Западѣ Европы признали необходимость зарегулированія отношеній между покупателями и продавцами труда, то и намъ пора признать ее: она не менѣе настоятельна, какъ, полагаемъ, доказано настоящимъ очеркомъ. Вошедши посредникомъ между фабрикантами и рабочими, государство можетъ предупредить расчлененіе нашего общества на двѣ враждебныя партіи, представляемое Западною Европой. Ограниченіе работы женщинъ и дѣтей уменьшить на рабочемъ рынкѣ соперничество, поднять заработную плату мужчинъ и улучшить семейныя отношенія; сокращеніе рабочаго дня и соблюденіе гигиеническихъ условій въ устройствѣ рабочихъ и жилыхъ помѣщеній подниметъ тѣломъ и духомъ многочисленный общественный классъ. *Государственное вмѣшательство установитъ господство закона въ той области, которая страдаетъ отъ ставшаго обычаемъ произвола.*

Андрей Исавъ.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Нерѣшительность правительства въ назначеніи срока выборовъ. — Предусмотрительность членовъ кабинета относительно личныхъ ихъ дѣлъ: передача дома де-Брольи - отцомъ сыну. — Походъ «Фигаро» противъ министровъ де-Брольи и Берто. — Секретныя обязательства 24 мая. — Дюкрэ и министерство дѣйствія. — Поездикъ «Фигаро» съ «Moniteur»'омъ. — Несогласіе военного министра на государственный переворотъ. — Опасности, къ какимъ можетъ привести подобное предпріятіе.

Срокъ общихъ выборовъ до сихъ поръ еще не назначенъ, но на близость его указываетъ довольно вѣроятно слѣдующее обстоятельство: резервисты обыкновенно собираются во Франціи въ сентябрѣ, но нынѣ срокъ ихъ сбора назначенъ на 20 августа, да и число дней, въ продолженіи которыхъ они должны, на основаніи военного регламента, находиться подъ ружьемъ, сокращено съ 28 на 20. Изъ этого легко уже выводится заключеніе, что правительство думаетъ созвать избирательныя коллегии въ первыхъ числахъ сентября, такъ какъ 25 сентября кончается законный срокъ распущенія, считая въ числѣ трехъ мѣсяцевъ (палата разошлась 25 іюня) и двадцатидневный выборный періодъ; декретъ же о выборахъ долженъ появиться еще за четыре дня, такъ какъ 20 дней считаются до того времени, когда декретъ президента получитъ въ самыхъ дальнихъ отъ Парижа общинахъ Франціи. Если правительство пропуститъ первыя числа сентября, то день выборовъ произойдетъ уже въ октябрѣ, а хотя прибавленіе 20-дневнаго избирательнаго періода къ 3 мѣсяцамъ распущенія и было признано законнымъ въ «Gazette des Tribunaux», въ толкованіи какого-то неизвѣстнаго officialнаго юриста, но комитетомъ присконсультовъ оно было провозглашено противу-конституционнымъ — и общественное мнѣніе рѣшительно на сторонѣ такого рѣшенія этого вопроса. Такимъ образомъ, медленность правительства можетъ подать поводъ республиканскому большинству, если таковое будетъ въ результатѣ выборовъ, начать свой обвинительный актъ противъ виновниковъ переворота 16 мая прямо съ обвиненія въ нарушеніи законно-конституціоннаго срока собранія палаты. Это же не можетъ по-

нравиться кабинету, который не прочь обходить законъ, если это возможно совершать безъ послѣдствій, но никогда не откажется на явное его нарушеніе. Онъ знаетъ, что первое ему можетъ еще сойти съ рукъ, если онъ заручится въ новой палатѣ реакціоннымъ большинствомъ противъ всякихъ запросовъ лѣвыхъ, но явныхъ его беззаконій, конечно, не согласатся защищать и весьма многие изъ монархистовъ. Вообще говоря, кабинетъ въ настоящее время ничего бы не желалъ такъ, какъ возвратиться, еслибы это было возможно, на легально парламентскій путь и поддерживать, при помощи снисходительной къ его недавнему прошлому палаты депутатовъ, до 1880 года—республику. Утопія монархической реставраціи теперь правительствомъ положительно оставлена, такъ какъ оно имѣло возможность убѣдиться на дѣлѣ въ ея неосуществимости, вслѣдствіе одновременнаго существованія нѣсколькихъ претендентовъ. Еслибы кабинету удалось извратить всеобщее голосованіе, то, при образованіи палаты съ благоприятнымъ ему большинствомъ—онъ достигъ бы того, чтобы въ какіе-нибудь 15 дней былъ утвержденъ бюджетъ и пренія обо всемъ происшедшемъ съ 15 мая прошли въ наиболѣе краткій срокъ. Затѣмъ, все это было бы предано забвенію, и «правительство борьбы» мало по малу стало бы превращаться въ правительство кротости и незлобія. Но до образованія палаты по желанію кабинета положительно не допустить страна, рѣшившаяся противодѣйствовать дѣятелямъ 16 мая гораздо серьезнѣе, чѣмъ это можетъ казаться людямъ, мало знакомымъ съ правяи и характеромъ массы французскаго народа, и объ этомъ начинаетъ догадываться само наше трехмѣсячное министерство. Затруднительность положенія министровъ усиливается, съ другой стороны, еще и недостаткомъ въ финансахъ, а деньги—какъ всякому понятно—рѣшительно необходимѣйшій двигатель въ этомъ мѣрѣ, и безъ нихъ не начнешь ни внѣшней войны, для отвлеченія народа отъ внутреннихъ интересовъ страны, не затѣнешь и междуусобія. Распущенная палата знала, что дѣлала, заперевъ передъ носомъ бойцовъ 16-го мая сундуки съ національными ресурсами. Такъ, министръ финансовъ уже былъ вынужденъ, съ разрѣшенія совѣта министровъ и государственнаго совѣта, прибѣгнуть къ незначительному, впрочемъ, сверхсметному кредиту авансомъ на текущій годъ. Отважился онъ на таковой шагъ на основаніи одного изъ законовъ 1871 года, въ силу котораго подобныя авансы на чрезвычайныя и неотложныя нужды разрѣшаются во время приостановки засѣданій палатъ, подъ тѣмъ непременнымъ условіемъ, чтобы немедленно по открытіи парламентской сессіи эти кредиты были ратификованы. Несмотря, однако, на то, что кредитъ, понадобившійся министру, весьма незначительный по суммѣ, предназначался на окончаніе постройки одной изъ вѣтвей правительственной желѣзной дороги, и въ томъ, что онъ будетъ ратификованъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, «Journal des Débats» нашелъ дѣйствіе министра непра-

шланнымъ, указавъ на то, что законъ, на который онъ ссылается, говоритъ только о времени между парламентскими сессіями, а не о такомъ, когда палата распущена, и заявивъ, что всякое касательство до общественныхъ фондовъ требуетъ немедленнаго созыва народныхъ представителей, для провѣрки необходимости аванса и его утвержденія. «Иначе—таковы подлинныя слова этого конституціоннаго органа—министрамъ придется нести весьма важную отвѣтственность передъ новой палатой, и, въ случаѣ, если предъявленные ими поводы къ авансамъ не будутъ сочтены основательными, *отвѣчать даже и личнымъ своимъ имуществомъ*». Нужно замѣтить, что, недѣли за двѣ до этого, въ «Petites affiches», въ которыхъ печатаются въ подлинникахъ какъ нотаріальные, такъ и судебные акты, было помѣщено извѣстіе о продажѣ герцогомъ де-Брелли-отцомъ сыну своему за 1.885,000 франковъ дома его, находящагося въ Парижѣ, въ улицѣ Сольферино. Домъ этотъ историческій. Передъ 24 мая 1873 года, онъ такъ былъ отягощенъ залогами, что предназначался къ продажѣ съ публичнаго торга и былъ бы навѣрное проданъ, еслибы пресловутый переворотъ не удался. Теперь же, предсѣдатель совѣта министровъ выказываетъ немалую предусмотрительность, желая фиктивнымъ отчужденіемъ своего имущества избавить себя отъ ущерба, въ какому можетъ привести его неудачный исходъ предпріятія 16 мая 1877 г. Это дѣйствіе де-Брелли доказываетъ весьма ясно для всѣхъ, во-первыхъ, что изобрѣтатель «нравственнаго порядка» любить, чтобы и матеріальныя, частныя его дѣла были «въ порядкѣ», и, во-вторыхъ, что онъ лично сомнѣвается въ благопріятномъ для него исходѣ затѣи, въ которую, кромѣ себя, вовлекъ онъ и цѣлую Францію. Острымъ предусмотрительный образъ дѣйствій герцога далъ поводъ утверждать, что «спасители» Франціи начинаютъ съ личнаго своего спасенія, а пессимистамъ подалъ основаніе для мрачныхъ заключеній, что дѣятели 16 мая, видя безвыходность своего положенія, вынуждены уже будутъ логически не останавливаться ни передъ чѣмъ для достиженія успѣха. Поэтому, хотя большинство республиканцевъ, въ твердой увѣренности въ своемъ правѣ и силѣ, совершенно спокойно ожидаетъ будущаго, немало въ средѣ ихъ появилось и такихъ лицъ, которыя начинаютъ опасаться, что во Франціи неизбежно произойдетъ революція или до начала выборовъ, или тотчасъ же вслѣдъ за ихъ окончаніемъ. Старые полптики, хорошо знакомые съ исторіею 1830 года, однако, послѣдняго мнѣнія не раздѣляютъ и считаютъ, что правительственная провокація не вызоветъ на этотъ разъ народнаго возстанія. Такъ думалъ и покойный Тьеръ, близости смерти котораго въ августѣ никто не ожидалъ.

Но пока кризисъ, переживаемый Франціею, еще не обострился, аварія въ средѣ консерваторовъ, о которой я писалъ въ прошломъ моемъ письмѣ, поставила правительство въ весьма незавидное положеніе. Сами министры несогласны между собою въ

томъ, какъ имъ слѣдуетъ дѣйствовать: одни стоятъ за способность дѣйствій быстрый, другіе—за выжидательный, рассчитавъ, что страна, несущая значительный матеріальный ущербъ отъ неопредѣленности своего политическаго положенія, утомится, а монархисты различныхъ фракцій услѣдятъ кое-какъ между собою спориться и поладить. Доктринеры, въ родѣ де-Брольи, весьма много рассчитываютъ на легковѣрность французовъ и на недостатокъ въ нихъ выдержки, т. е. на такія національныя качества, изъ за которыхъ уже столько разъ въ теченіи исторической жизни Франціи національныя революціи въ ней не удавались и не были доводимы до конца. Но горячіе консерваторы, въ родѣ Фуру, видя, что легальная оппозиція народа нетолько поддерживается, но даже все болѣе и болѣе разрастается, что различіе судебныхъ рѣшеній по однимъ и тѣмъ же вопросамъ какъ бы еще подливаетъ масла въ огонь и что самыя нелѣпо незаконныя распоряженія префектовъ никого не устрашаютъ, а производятъ только смѣхъ—считаютъ необходимымъ объявленіе чуть не въ цѣлой Франціи осаднаго положенія. Тогда, по крайней мѣрѣ, какъ елейно замѣчаетъ іезуитскій «Univers», «правительство сохранить свою свободу во время выборовъ».

Для доставленія подобной свободы министерству, «Фигаро», по слѣдамъ «Раус», началъ вести весьма энергическую агитацію, которая, въ виду терпѣливаго выжиданія народомъ будущихъ выборовъ, не лишена и комической стороны. Съ нѣкотораго времени, въ этомъ привилегированномъ органѣ дамъ полусвѣта, на пятомъ или шестомъ столбцѣ стали ежедневно появляться зажигательныя статьи, принадлежащія развязному перу ех-министра Дювернуа, еще такъ недавно выпущеннаго изъ тюрьмы, гдѣ онъ высидѣлъ два года, по приговору суда, за мошенничество въ дѣлѣ испанскаго банка, и ставшаго въ послѣднее время однимъ изъ извѣстныхъ составителей брошюръ, которыми рекомендуется чистѣйшій и безпримѣсный мак-магонизмъ во французской политикѣ. Въ статьяхъ этихъ доблестный рыцарь «безъ страха и упрека» соблазняетъ мирныхъ буржуа прелестями военнаго управленія, при которомъ промышленность и торговля не подвергаются вреднымъ для нихъ колебаніямъ, свобода объявленій, въ родѣ печатаемыхъ въ «Фигаро» о дамахъ, «готовыхъ на всякія услуги за нѣкоторое вознагражденіе», даже поощряется и преслѣдуются развѣ только комитеты юрисконсультовъ, да избирательные, при которомъ правительство можетъ развѣ приостанавливать и запрещать недолюбимыя имъ газеты, да призывать къ военному суду неприятныхъ ему гражданъ, которыхъ гражданскіе судья не соглашались бы признавать виновными. Въ то же время, другой публицистъ веселой газеты, симпатичный публикѣ не менѣе Дювернуа, Сен-Женэ, ежедневно приглашаетъ правительство оставить всякія свои колебанія и дѣйствовать со всею энергіею, на какую только способны люди, смотрящіе на законъ и совѣсть, какъ на лишній баластъ, мѣшающій только

илить къ цѣли на всѣхъ парусахъ. «Правительство борясь, воскликаетъ онъ: — обязывается, самымъ своимъ наименованіемъ бороться безпощадно и до конца.» «Предпріятія 16 мая, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ:—можно было не затѣвать... Но разъ оно начато—необходимо уже идти впередъ, ломая на пути всякія препятствія. Быть разсудительнымъ, быть умѣреннымъ—уже поздно.. Война объявлена... Будемъ же драться! Долгъ обязываетъ правительство сжечь въ свои корабли и уже компрометироваться до конца!» «Нѣкоторые изъ министровъ, продолжаетъ онъ далѣе:—выказываютъ нерѣшительность, а предсѣдатель совѣта даже принимаетъ мѣры предосторожности на случай неуспѣшности выборовъ, слѣдовательно, должно произвести «необходимую жертву» и отстранить отъ кабинета герцога де-Брольи!» Отстраненіе это, по мнѣнію Сен Жена, должно быть временное, только до тѣхъ поръ, пока выборы не будутъ окончены сообразно съ желаніемъ правительства, т. е., другими словами, де-Брольи обязывается заявить передъ цѣлымъ міромъ свою трусость, а потому, какъ ни въ чемъ ни бывало, снова явится министромъ. Когда де-Брольи не послушался его совѣта, то горячій публицистъ нашель, что онъ вредитъ не только внутреннимъ дѣламъ Франціи, но служитъ значительнымъ препятствіемъ благу Франціи во внѣшней политикѣ. «Люди, понимающіе, что отставка герцога де-Брольи, говоритъ онъ:—временно необходима съ точки зрѣнія внутренней политики, видятъ только половину дѣла. Они едвали знаютъ, какъ эта отставка облегчитъ всѣ наши международныя отношенія. Между тѣмъ, ея имя—и отрицать, этого невозможно—служитъ однимъ изъ значительнѣйшихъ затрудненій во внѣшнихъ нашихъ отношеніяхъ.» «Вмѣсто того, чтобы видѣть въ немъ то, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, великаго представителя консервативной идеи и бойца общественной защиты, Европа, къ сожалѣнію, видѣла въ немъ только клерикала, пытавшася въ 1873 году произвести монархическую реставрацію... Мы, которые отсутствовали во время образованія новаго кабинета (почтенный публицистъ удостоивалъ въ это время своимъ посвѣщеніемъ Россію), можемъ достоверно утверждать, что такое мнѣніе о герцогѣ было всеобщимъ. Имя его произвело впечатлѣніе призывной трубы войны. Это имя было поводомъ къ недовѣрію къ намъ со стороны Германіи и Италіи; оно же обусловило и появленіе извѣстныхъ циркуляровъ графа Бисмарка; это имя заставило и маршала Мак-Магона сдѣлать тѣ его противо-ультрамонтанскія и антимонархическія заявленія, произносить которыя еще никогда никакой глава государства не былъ ничѣмъ вынуждаемъ».

Рядомъ съ безпощадными характеристиками де-Брольи, Сен-Женъ изрекаетъ щедро свои совѣты маршалу о томъ, какъ долженъ онъ дѣйствовать, не стѣсняясь ни законностью, ни конституціей. Законность слѣдуетъ, по его мнѣнію, нарушать всегда, когда это можетъ прямѣе приводить къ цѣли, всеобщее голосованіе можно заставить запѣть что угодно, дѣйствуя при помо-

щи военной силы, конституцію же просто можно спрятать въ карманъ. Въ точномъ исполненіи подобной явно безстыдной программы заинтересована, по мнѣнію Сень-Женз, «личная честь маршала», такъ какъ онъ—не глава республики, подобно другимъ президентамъ, и не конституціонный король который былъ бы обязанъ терпѣть министровъ, доставляемыхъ палатами. «Маршалъ получилъ свою власть, говорить онъ:—при обстоятельствахъ исключительныхъ и только потому, что *далъ исключительная обязательства*». Подчеркнутыя наши слова имѣютъ чрезвычайно важное значеніе. Ни для кого не было тайной, что коалиція 24-го мая стремилась къ тому, чтобы сдѣлать Мак-Магона орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей; всѣ видѣли ясно, что маршалъ употреблялъ всяческія свои усилія, чтобы затѣянная роялистами бурбонская реставрація могла осуществиться; но никто не сомнѣвался, что невозможность возстановленія Генриха V освобождала герцога Маджентскаго отъ дальнѣйшаго содѣйствія роялистамъ, а принятіе имъ конституціи 25-го февраля 1875 г. предоставило ему возможность согласить существованіе республики съ личнымъ его интересомъ—удержаніемъ своей власти до 1880 года. Конечно, и предпріятіе 16-го мая немало способствовало разсвѣнію иллюзій нѣкоторыхъ изъ республиканцевъ о пресловутой «легальности» честной шпаги и даже о степени интеллигентности маршала, но для полного опозоренія Мак-Магона необходима была пикантная нескромность «Фигаро». Благодаря ей, оказалось, что маршалъ, при своемъ избраніи, былъ связанъ тайнымъ договоромъ и что въ продолженіи двухъ лѣтъ существованія республики человекъ, «въ словѣ котораго никто въ Европѣ не сомнѣвается», какъ выражаются о Мак-Магонѣ официальные риторы, игралъ заранѣе условленную роль и всѣми своими словами и дѣйствіями систематически лгалъ, обманывая цѣлый рядъ лицъ, которыхъ онъ выносилъ въ качествѣ ответственныхъ министровъ: Дюфора, Ривара, де-Марсера и Жюля Симона! Мало того, путь обмана привелъ его въ такое унижительное положеніе, что теперь, когда обстоятельства должны были бы заставить его хотя сколько-нибудь открыть глаза, онъ обязывается все-таки «до конца» служить своекорыстнымъ стремленіямъ конспираторовъ, доставившихъ ему высокой постъ только для того, чтобы онъ былъ ихъ орудіемъ и ширмами для ихъ продѣлокъ. Иначе... но предоставимъ опять слово Сень-Женз: «иначе лица, доставившія ему власть, сочтутъ себя въ правѣ обратиться къ нему съ укорами и упреками. Вы—скажутъ они ему—причина всѣхъ нашихъ неудачъ и несчастій. Еслибы вы не приняли отъ насъ намѣстничества Тьера, еслибы потомъ вы не согласились на септеннатъ или, по крайней мѣрѣ, не проивели бы попытки 16-го мая, то, можетъ быть, Франція наслаждалась бы уже полнымъ спокойствіемъ и миромъ. Вы, замѣнивъ свою шпагой политику выжиданія, ускорили ходъ событий и создали горячее положеніе настоящей минуты. Если

вы не чувствуете себя способнымъ вести борьбу, то для чего вы провозглашали «правительство борьбы»? Для чего было, въ такомъ случаѣ, распускать министерство, обладавшее большинствомъ въ палатѣ? Для чего было повергать страну въ водоворотъ переживаемаго ею въ настоящее время кризиса?»

Въ тотъ самый день, когда только-что приведенный мною отрывокъ былъ напечатанъ въ «Фигаро», редакторъ республиканской газеты «Union libérale de Seine et Oise» былъ приговоренъ исправительнымъ судомъ въ Версали къ трехмѣсячному тюремному заключенію и 5,000 фр. штрафу за помѣщеніе статьи, найденной судомъ обидною для маршала. Между тѣмъ, въ статьѣ этой не заключалось ничего иного, кромѣ сѣтованія, что Мак-Магонъ пренебрегъ тѣмъ завиднымъ и почетнымъ положеніемъ, которое было ему создано конституціей, вставъ во главѣ 158 противъ 363, во главѣ коалиціи партій, враждебныхъ тому самому правительству, главнѣйшимъ представителемъ котораго служить онъ самъ, и тому образу правленія, названіе котораго находится въ титулѣ занимаемаго имъ поста! Статью Сень-Женэ маршалъ—любимѣйшее, если не единственное, чтеніе котораго составляетъ газета «Фигаро»—не нашелъ для себя несколько оскорбительною! Когда, въ совѣтѣ министровъ, де-Брольи обратился къ нему съ вопросомъ: не слѣдуетъ ли начать преслѣдованіе «Фигаро»? то онъ только сладко улыбнулся и замѣтилъ, что особенно серьезнаго значенія придавать газетѣ этой не подобаетъ, такъ какъ Вильмессана нельзя подозрѣвать въ злыхъ умыслахъ. Поэтому, первый министръ ограничился только доставленіемъ небольшою телеграммой въ «Агентство Гавасъ» и сообщенія въ «Moniteur Universel»—органъ герцога Деказа. Сообщеніе проводило ту же мысль, которая заключалась и въ телеграммѣ. Привожу его, впрочемъ, цѣликомъ:

1) Вопросъ объ осадномъ положеніи не только не обсуждался, но даже и не поднимался въ совѣтѣ министровъ.

2) Ни по этому вопросу и ни по какимъ другимъ въ кабинетѣ не существовало и не существуетъ никакихъ разногласій. Между де-Брольи и де-Фурту господствуетъ полнѣйшее единодушіе.

3) Ни германское правительство и никакое другое не представляло никакихъ своихъ соображеній посланникамъ по поводу нахождения де-Брольи во главѣ кабинета.

4) Маршалъ-президентъ республики твердо рѣшился сохранить министерство 16-го мая въ полномъ его составѣ впредь до выборовъ.

5) Соображенія политическихъ статей «Фигаро», лишенные всякой фактической основы, служатъ выраженіемъ взглядовъ только личной политики ихъ составителей. Сущность такой политики понять затруднительно, но консерваторы не могутъ не сожалѣть объ ней въ виду того, что ею доставляются ихъ противникамъ орудія противъ нихъ.

Послѣднимъ параграфомъ сметливый «Фигаро» не преминулъ воспользоваться, какъ аргументомъ для доказательства полнѣйшей своей политической независимости. «Послѣднія наши статьи, успѣвши онъ заявить:—пришлись такъ не по вкусу министерству, что мы увѣрены, даже и самые наивные люди послѣ нихъ перестанутъ вѣрить слухамъ, распространяемымъ объ насъ, будто мы ихъ печатаемъ въ угоду правительству!»

Черезъ два же дня послѣ этого, какъ ни въ чемъ не бывало, тотъ же Сенъ-Женэ сталъ печатно хвалиться, что онъ могъ бы фактами безслѣдно уничтожить всѣ пять опроверженій «Mou-teur»'а, но рѣшился изъ политическихъ видовъ не дѣлать этого, «желая болѣе, чѣмъ когда-нибудь, слѣпо служить маршалу и понимая, что, если де Броли остается въ кабинетѣ и между нимъ и де Фурту произошло соглашеніе, то это значитъ, что глава министерства *понялъ, наконецъ, необходимость выступить на дорожку энергии и дѣятельности*». Но такимъ отрицаніемъ правительственныхъ опроверженій своихъ преступныхъ, если только не безумныхъ, откровеній Сен-Женэ не окончилъ еще своего похода противъ медленности правительства въ низверженіи республики. Послѣ атаки на де Броли, онъ повелъ атаку на другого министра—военнаго, и сталъ требовать смѣщенія генерала Берто. Послѣднему онъ вѣнчаетъ въ преступленіе сочувствіе въ нему республиканцевъ и то, что во время послѣдней сессіи онъ сохранилъ хорошія отношенія какъ съ бюджетной комиссіей, такъ и съ военными комиссіями распущенной палаты. Онъ горько жалуется на мелочность Берто «въ погонѣ за правильностью цифръ и преслѣдованіи вкравшихся въ отчеты ошибокъ» и на педантизмъ выполненія военнаго регламента, какъ будто бы онъ былъ «вѣмцевъ чиновникъ». Министръ этотъ, по словамъ Сен-Женэ, недосыгаемъ для имѣющихъ въ немъ нужду, высокомеренъ, сухъ въ сношеніяхъ съ высшими военными начальниками и съ своими подчиненными, съ бюро, съ цѣлымъ міромъ!» «Возникаетъ 16-го мая, общество спѣшитъ раздѣлиться на два враждебные лагеря, революція встаетъ, какъ угроза... а нашъ министръ все сводитъ какіе-то счеты, все что-то провѣряетъ и учитываетъ... Наконецъ, наступаетъ моментъ, когда правительство находитъ нужнымъ проявить особенную энергію. *Большая часть министровъ спѣшитъ съ предложеніями мѣръ для поддержанія общественной безопасности; только нашъ генералъ одинъ ихъ не одобряетъ, такъ какъ, очевидно, не подозреваетъ опасности!*»

Хотя Вильмессана, по мнѣнію маршала, и «нельзя подозревать въ злыхъ умыслахъ», но, если только статьи Сен-Женэ не внушаются ему свыше, то рѣшительно невозможно понять, какъ ему проходить безнаказанными всѣ его положительно преступныя выходки—въ наши дни во Франціи—когда суды то и дѣло преслѣдуютъ и караютъ самые невинные проступки свободной печати.

Официозный «Moniteur», при решительно непостижимомъ молчаніи «Официальнаго Журнала», послѣ новой выходки ретиваго Сен-Женэ снова напечаталъ замѣтку «о полнѣйшемъ единодушіи членовъ кабинета» и «твердой рѣшимости маршала не отстранять ни одного изъ министровъ вплоть до выборовъ»; при этомъ въ сообщеніи снова повторено, что «въ совѣтъ не приходило никакихъ споровъ по поводу осаднаго положенія», и заявлено, что Сен-Женэ за послѣднее время очень сблизился съ генераломъ Дюкрэ, взгляды котораго, по всѣмъ вѣроятностямъ, и высказываетъ. Идея же этого корпуснаго командира давно всѣмъ извѣстна; онъ — отъявленный сторонникъ политики насилія и управленія страной при помощи осаднаго положенія; извѣстно также и то, что онъ немало сокрушался о томъ, что не попалъ въ число членовъ кабинета 16-го мая, чтобы имѣть возможность приложить къ практикѣ свою программу; понятно поэтому, что онъ желалъ бы, чтобы настоящій составъ министерства распался. Все это напечатано въ «Монитерѣ»; не напечатано тамъ только одного, что всякій разъ когда въ Елисейскомъ Дворцѣ замыслилось что либо недоброе или обсуждались шансы государственнаго переворота — тамъ произносилось имя Дюкрэ, какъ наиболее удобнаго для такихъ предприятий военнаго министра. Можно сказать навѣрное, что еслибы образовался такой кабинетъ, въ которомъ де-Фурту явился бы предсѣдателемъ совѣта министровъ и министромъ юстиціи, Сен Поль — министромъ внутреннихъ дѣлъ, а Дюкрэ — военнымъ министромъ, то такой кабинетъ служилъ бы вѣрнѣйшимъ признакомъ, что правительствомъ рѣшено произвести государственный переворотъ. Если такой кабинетъ не состоялся точасъ же вслѣдъ за 16 маемъ, то единственной помѣхой этому былъ Деказь, твердо стоявшій на томъ, что образование такого министерства вызвало бы безчисленныя международныя затрудненія для Франціи и неизбежно привело бы ее къ внѣшней войнѣ. Правительству необходимо было выказаться передъ Европой мирно настроеннымъ, а храбрый Дюкрэ Седанскій, неоказавшійся послѣ осады Парижа «ни мертвымъ, ни побѣдителемъ» — одинъ изъ тѣхъ людей, которые продолжаютъ мечтать объ отомщеніи Германіи почему Бисмаркъ его особенно недолгобливаетъ. Кромѣ того, читатели, можетъ быть, еще не забыли, какъ отличался онъ въ прошломъ году своимъ клерикализмомъ. Онъ просилъ папскаго благословенія на командуемый имъ корпусъ и во время большихъ манѣвровъ объявилъ о полученіи его войску при пушечной пальбѣ и послѣ проповѣди епископа неверскаго, въ которой этотъ пастыръ стада Христова заявлялъ, что этому корпусу предстоитъ быть орудіемъ наказанія «внутреннихъ враговъ Франціи и противниковъ святѣйшаго отца». Довольно опасно уже и то, что человѣку такого закала поручено командованіе цѣлымъ значительнымъ корпусомъ (8-мъ); возвести же его въ званіе главы всего французскаго войска было бы равнозначи-

тельно поднесенію зажженного фитиля къ пороховому погребу, какъ въ отношеніи внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ дѣлъ Франціи.

Нѣчего и говорить, что разъясненіе «Монитѣра» было встрѣчено «Фигаро» съ крайнимъ безстыдствомъ. Сен-Женэ — дюкрофиля котораго служить признакомъ крайней политической безнравственности и совершеннаго отсутствія въ немъ логики, если вспомнить еще такъ недавнія его выходы противъ клерикализма — не стѣснился обозвать разъясненія «Монитѣра» «абсолютно лживыми». Онъ видитъ въ словахъ «Монитѣра» крайнюю обиду себѣ, газетѣ и цѣлой арміи. «Никогда, рѣшительно никогда, печатаеть онъ курсивомъ:—ни одинъ военнопольный, ни одинъ корпусный или полковой командиръ не позволяли себѣ обращаться къ намъ съ предложеніемъ сдѣлать нашу газету отголоскомъ ихъ идей, а въ особенности личныхъ ихъ интересовъ». Заявивъ такимъ образомъ о своей высокой чести, онъ тотчасъ же сталъ продолжать свою атаку противъ Берто и на этотъ разъ прибѣгнувъ къ аргументу, долженствовавшему всего болѣе подѣйствовать на подозрительность маршала, а именно, что, со времени образованія комиссіи для сокращенія срока солдатской службы, Берто сталъ раздѣлять взгляды Тьера, почему въ настоящей полемикѣ всѣ республиканскія газеты, начиная отъ «France» и «Temps» до «Mot d'Ordre» и «Фонаря», приняли сторону Берто противъ «Фигаро», называя его «жертвой газеты Вильмессана, добросовѣстнымъ администраторомъ, строгимъ сторонникомъ законности и честнымъ человекомъ». Последнее наименованіе въ приложеніи къ одному изъ членовъ министерства борьбы — по мнѣнію Сен-Женэ — до-нельзя оскорбительно, и если Берто не сталъ отъ него отчуровываться, то это служить явнымъ признакомъ его измѣны!

Что какой-нибудь Сен-Женэ можетъ безнаказанно, въ теченіи чуть не цѣлаго мѣсяца, вести такую полемику съ министерствомъ, это, очевидно — признакъ весьма важный, указывающій на то, что въ средѣ, окружающей маршала, существуютъ лица, замышляющія нѣчто недоброе. Но особенныхъ бѣдствій отъ этого нѣчего опасаться, если такой человекъ, какъ Берто, не имѣющій никакихъ политическихъ мнѣній, но за то обладающій, какъ военный, огромными техническими знаніями, съ непоколебимой энергіей противится допущенію разрѣшенія конституціоннаго вопроса путемъ насилія и при помощи войска. Непоколебимость Берто въ этомъ случаѣ можетъ обусловливаться весьма разнообразными мотивами. Весьма можетъ быть, что онъ питаетъ инстинктивное отвращеніе къ *coup d'état* въ родѣ бромѣра или 2 декабря, или путемъ опыта знаетъ, что изъ преторіанцевъ выходятъ обыкновенно отвратительные солдаты, неспособные на защиту своего отечества, поработеннаго при ихъ посредствѣ. Можетъ быть, что, и не задаваясь такими отвлеченными вопросами, онъ, работающій столько времени надъ реорганизаціей арміи, ясно понимаетъ, что едва войско вмѣшается въ политику,

то всякая дальнейшая его реорганизация станет невозможной. Может быть, просто из бесѣдъ съ начальниками отдѣльных частей онъ знаетъ, что въ средѣ ихъ уже не столько, какъ въ 1851 году, сторонниковъ грубой силы или лицъ, идущихъ на подкупъ въ той или другой формѣ. Можетъ быть даже, онъ понимаетъ и то, что еслибы въ средѣ войска можно было найти нѣсколько тысячъ негодяевъ, которые рѣшились бы арестовать, а въ случаѣ надобности, даже и разстрѣлать 363 республиканскихъ депутатовъ, то остальная часть войска возстанетъ противъ нихъ, а если и этого не случится, то мстителемъ явится самый народъ.

Да и во имя чего можетъ быть произведенъ государственный переворотъ? Вотъ еслибы въ 1873 году Генрихъ V, согласился принять трехцвѣтное знамя, то на него еще могла бы рѣшиться армія. Такая реставрація имѣла за собою шансы удачи. Но теперь вопросъ идетъ не о бурбонской монархіи, и переворотъ могъ бы быть задуманъ лишь для восстановления наполеоновской династіи. Но его едва ли можетъ ожидать удачный исходъ. Память о 1870 и 1871 годахъ еще слишкомъ жива въ войскахъ, да и роялисты еще не совершенно утратили свои надежды. Переворотъ же въ личную пользу Мак-Магона приведетъ только сѣданаго раженнаго на ту же скамью подсудимыхъ военнаго суда, гдѣ еще такъ недавно сидѣлъ его знаменитый соратникъ Базень... только на судѣ не будетъ уже голоса Тьера—за смягченіе приговора...

II.

Ссора между новыми и старымъ обществомъ. — Начало скитаній маршала — Его побѣда въ Буржѣ. — Архиепископъ и Мак-Магонъ I—герцогъ Франціи. — Двусмысленная рѣчь президента. — Клерикалы и искушенія членовъ лѣваго центра. — Письмо сенатора Феро — Побѣда Тьера въ Сторъ и Дженъ. — Мак-Магонъ въ Эврѣ. — Скандалъ съ выборными властями — Нормандскіе епископы и правительство духовныхъ. — Шербурскій скачекъ. — Огчальніе консерваторовъ.

Разсматривая совершенно безпристрастно современный кризисъ, переживаемый Франціею, я полагаю, что оцасаться какого-нибудь выхода изъ него, въ родѣ повторенія 2 декабря 1851 года—совершенно неосновательно и напрасно. Настроеніе французскаго общества въ наши дни не имѣетъ никакого сходства съ его настроеніемъ въ 1851 году. Кто бы что ни говорилъ, и какъ бы ни старались обмануть націю, она очень хорошо понимаетъ, что такъ называемые «консерваторы», немогущіе даже между собою ни о чемъ сговориться, стремятся только къ одному — къ порабощенію народа и суть истинные враги интересовъ демократіи. Вся суть трагикомедіи, разыгрывающейся передъ

Т. ССXXXIV. — Отд. II. 6

нашими глазами, заключается въ вопросѣ: должна ли Франція вернуться къ своему прошлому—къ эпохѣ до-революціонной—какъ этого желаютъ, нисколько не скрывая, клерикалы—или выступить окончательно на путь мирнаго развитія демократическаго прогресса? Во всѣхъ классахъ общества, воспользовавшихся результатами революціи 89 года, живетъ сознание, что наступаетъ минута торжественной борьбы новаго общества противъ стараго, что реакція дѣлаетъ немовѣрныя усилія для своего самосохраненія, но, къ счастью, въ ея рукахъ для борьбы съ несокрушимымъ союзомъ 363-хъ важнѣйшимъ орудіемъ только... громадная непопулярность Мак-Магона. Приобрѣтеніе возможно большаго числа сторонниковъ маршалу-президенту, привлеченіе подъ его знамя всей невѣжественной или испорченной части населенія Франціи, отчаянное желаніе остановить ходъ времени между монархическимъ прошедшимъ и республиканскимъ будущимъ—такова утопія изобрѣтателей септената и коноводовъ 16 мая. Составленіе списковъ официальныхъ кандидатуръ, причемъ проявилось сильное соперничество реакціонеровъ различныхъ партій и никто изъ нихъ не захотѣлъ пожертвовать личными своими интересами ради успѣшнаго достиженія общей ихъ цѣли—значительно поколебало въ нихъ надежду на благоприятный для нихъ исходъ ихъ затѣи. Тогда они пустили въ ходъ послѣднюю свою карту, уговоривъ маршала проѣхать по Франціи и посѣтить наиболѣе реакціонныя ея мѣстности, чтобы совершить, такъ сказать, личную вербовку въ свой лагерь населеній этихъ мѣстностей. Но, увы! если маршалъ и умѣетъ картинно сидѣть на лошади, если блестящая форма офицеровъ его штаба и производятъ нѣкоторый эффектъ на уличныхъ зѣвакъ, то сама армейски-полюная внѣшность маршала не обладаетъ даромъ увлекать за собою массы; въ манерахъ же его и обращеніи нѣтъ рѣшительно ничего, кромѣ самой пошлой заурядности. Въ собесѣдованіяхъ своихъ съ другими лицами онъ сухъ и баналенъ, въ появленіяхъ передъ публикой—неловокъ и ненаходчивъ. Дара краснорѣчія онъ лишенъ окончательно, и такъ какъ очень дурно читаетъ свои рѣчи—заранѣе написанныя для него министрами—то это обыкновенно производитъ на публику самыя неблагоприятныя впечатлѣнія. Когда рѣчи эти печатаются и наклеиваются на стѣнахъ домовъ, то, такъ какъ обыкновенно отличительный ихъ признакъ—неопредѣленность, то и тутъ онѣ не достигаютъ своихъ цѣлей. Одна часть публики толкуетъ ихъ наоборотъ, другая и вовсе не понимаетъ. Фальшивое его политическое положеніе сдѣлало то, что и въ официальныхъ рѣчахъ видна, обыкновенно, фальшь, неизбѣжно портящая то хорошее впечатлѣвіе, которое должны были бы производить слова чловека, такъ долго считавшагося цѣлой Франціей за непоколебимостнаго. Нравственную же честность и ясность рѣчи французскій народъ считаетъ чуть не синонимомъ, и онъ въ этомъ, конечно, правъ.

Население беррийского округа считается самым наивным и простоватым в цѣлой Франціи, хотя это и не помѣшало на послѣднихъ выборахъ тамъ провалиться и Бюффе, и де-Фурту. И на этотъ разъ, еще до прїѣзда туда маршала, въ Буржѣ неожиданно произошелъ скандалъ. Когда въ муниципальномъ совѣтѣ этого города зашелъ вопросъ объ ассигнованіи суммы на устройство встрѣчи президенту, то большая часть членовъ его на него не согласилась, на основаніи того, что въ распущенной палатѣ, по предложенію республиканскаго депутата Пруста (одного изъ сотрудниковъ «République Française»), мѣсячное содержаніе Мак-Магона было увеличено до 300,000 франковъ на издержки въ путешествіяхъ. Фонды не были ассигнованы, и духовенству съ дворянствомъ пришлось на свой счетъ устраивать скудную иллюминацію и фейерверкъ въ день прїѣзда Мак-Магона. Въ аворскомъ лагерѣ, близъ Буржа, за то военнымъ начальствомъ былъ придуманъ не столько остроумный, сколько фантастическій въ географическомъ смыслѣ, транспарантъ. На трехсаженномъ транспарантѣ этомъ изображена была маджентская равнина, на которой возвышался Малаховъ Курганъ; внизу девизъ—извѣстный слова Мак-Магона: «я остаюсь—гдѣ нахожусь» (J'y suis et j'y reste),

Тотъ же девизъ послужилъ и тѣмъ для привѣтственной рѣчи маршалу, произнесенной архіепископомъ ла-Тур-д'Овернемъ, встрѣтившимъ президента на паперти кафедральнаго собора. Назвавъ Мак-Магона союзомъ сердецъ (union des coeurs), пастыръ душъ началъ съ такого къ нему обращенія: «мы знаемъ, что вы всегда остаетесь тамъ, гдѣ находитесь, и идете до конца», забывъ, вѣроятно, что маршалъ былъ въ Эльзасѣ—и не остался, а подъ Седаномъ неособенно озабочивался отысканіемъ себѣ конца. Далѣе, духовный ораторъ продолжалъ такъ: «Французскіе короли многократно посѣщали нашу церковь, следовательно, я ждалъ и вашего посѣщенія». Это следовательно обратило прямо всю Францію въ герцогство, а маршала—въ Мак-Магона I-го, и, должно быть, такова и была мысль устроителей приѣма, такъ какъ повсюду, гдѣ обыкновенно на уличныхъ декораціяхъ помѣщаются буквы R. F. (Французская Республика), они замѣнены были буквою М (Мак-Магонъ) или гербомъ герцога Маджентскаго.

Въ Hôtel de ville маршала привѣтствовалъ не выборный изъ обывателей, какъ это всегда водится, а мэръ, только-что назначенный туда де-Фурту. Въ отвѣтъ ему маршалъ въ такихъ выраженіяхъ постарался опредѣлить свою политическую программу: «Во внѣшнихъ дѣлахъ— поддерживать миръ, внутри страны—идти конституционнымъ путемъ во главѣ людей порядка всѣхъ партій, охраняя ихъ не только отъ противодѣйствія зловредныхъ ученій, но и отъ личныхъ ихъ увлеченій, приглашая ихъ подавить ихъ несогласія для избѣжанія радикализма, составляющаго опасность для всѣхъ насъ. Такова моя цѣль, и другой у меня никогда не было». Каждое слово этой рѣчи—непозволительная

натяжка. Поддерживать миръ, конечно—дѣло хорошее, но только едва ли 16 мая способствовало къ облегченію такой задачи. Идти конституціоннымъ путемъ—тоже дѣло похвальное, да только путь этотъ былъ несравненно солиднѣе, когда онъ находился подъ охраною республиканцевъ, нежели теперь, когда его собираются перемазывать ревизіей монархисты. Призывъ къ единодушію консерваторовъ, къ сожалѣнію—гласъ вопіющаго въ пустынь, и одновременно съ произнесеніемъ рѣчи въ Буржъ—несогласія между легитимистами, орлеанистами и бонапартистами еще усложнились плоскადной полемикой, возникшей между Руэромъ и Полемъ де-Кассаньякомъ. Что касается фразы о людяхъ порядка *всѣхъ партій*, то «Мониторъ» герцога Деказа и «Union conservateur» — литографированное изданіе министерства внутреннихъ дѣлъ—тотчасъ же подхватили ее, съ цѣлью воспользоваться ею для привлеченія въ лагерь маршала «консерваторовъ» лѣваго центра. Въ газетахъ этихъ официально инсинуировалось, что Мак-Магонъ охотно сталъ бы дѣйствовать совмѣстно съ такими честными людьми, какъ, на примѣръ, Дюфоръ и нѣкоторые другіе. Мы увидимъ далѣе, что никто изъ 363-хъ не соблазнился такимъ приглашеніемъ, и члены лѣваго центра гордо отклонили отъ себя случай сдѣлаться одновременно и измѣнниками, и одураченными.

«Намѣренія мои были перетолкованы, продолжалъ въ своей рѣчи маршалъ:—и дѣйствіямъ моимъ приданъ превратный характеръ. Говорили, что изъ-за нихъ наши международныя отношенія поколеблены, конституція нарушена и свободѣ сознанія угрожаетъ опасность. Дошло до того, что на свѣтъ вызванъ былъ даже призракъ какого-то возвращенія къ старымъ порядкамъ и толковали о какомъ-то тайномъ на меня вліяніи, изъ за котораго мое правительство было прозвано *правительствомъ священниковъ*».

«Все это одна клевета! воскликнулъ маршалъ, выказавъ этимъ восклицаніемъ черную неблагодарность архіепископу, устроившему ему королевскую встрѣчу, и возбудивъ тѣмъ крайнее противъ себя недовольство легитимистовъ и клерикаловъ. Графъ де-Менъ представляя себя избирателямъ въ округѣ Понтиви, открыто проповѣдывалъ тамъ, что настоящіе выборы—«борьба между революціей и контръ-революціей, между радикализмомъ и католицизмомъ, между идеями 89 го года и религіею». Адвокатъ Терри, одинъ изъ основателей католическаго университета въ Лиллѣ, напечаталъ въ «Revue Catholique» статью, перепечатанную потомъ въ «Univers», заключающую въ себѣ полнѣйшее опроверженіе деклараціи правъ человѣка — именемъ Syllabus'a. Въ «Monde», въ дѣломъ рядѣ статей, отрицался всякій смыслъ движенія 89-го года и подвергался осмѣянію какъ де-Фурту, за то, что онъ выдавалъ себя за сторонника идей 89-го года, противодѣйствующаго идеямъ 93-го, такъ и самъ маршалъ, отчурывавшійся отъ того, что онъ—представитель «правительства

священниковъ», какъ будто бы онъ, въ его положеніи, могъ еще быть чѣмъ либо инымъ!..

Закончилъ маршалъ свою буржскую рѣчь такимъ образомъ:

«Всѣ подобныя клеветы ни на минуту меня не обезкуражили. Онѣ не помѣшаютъ мнѣ докончить *мое дѣло* при пособіи людей, бывшихъ *преданными помощниками моей политики*.

«Я совершенно увѣренъ, что нація откликнется на мой призывъ и захочетъ выборомъ новыхъ своихъ уполномоченныхъ положить конецъ кризису, *продолженіе котораго можетъ только повредить всѣмъ ея интересамъ и воспрепятствовать мирному развитію ея величія*».

Эти послѣднія слова рѣчи маршала произвели на всю Францію самое тяжелое и неблагоприятное впечатлѣніе. Въ нихъ, дѣйствительно, хотя и темно, намекается на возможность государственнаго переворота. «Мониторъ» и даже «Correspondance» де-Фурту догадались, что маршаломъ сдѣлана значительная неловкость, и потому стали перетолковывать эти фразы въ смыслѣ, благоприятномъ для лѣваго центра, но такъ какъ одновременно съ этимъ былъ уволенъ въ отставку эссонскій мэръ, миллионеръ Ферэ, 30 лѣтъ исполнявшій эту должность и основатель группы лѣваго центра, то, въ отвѣтъ на это толкованіе, Ферэ, консерватизмъ котораго всѣмъ извѣстенъ, напечаталъ громовую статью противъ правительства 16-го мая, предостерегая отъ него членовъ лѣваго центра. Онъ перечислилъ въ ней различныя злоупотребленія префектовъ и обнаружилъ всякія ихъ продѣлки, съ цѣлью низверженія республики, «*ненавидимой правительствомъ*», хотя она возвысила Францію послѣ безумствъ имперіи и дала странѣ возможность шестилѣтняго отдыха и возрожденія, въ каковомъ состояніи она находилась бы и теперь, не образуйся министерства 16-го мая. Далѣе Ферэ энергически заявляетъ, что «великодушная Франція живо чувствуетъ всѣ наносимыя ей оскорбленія, но рѣшилась вынести ихъ съ героическою твердостью и, конечно, не доставитъ правительству борьбы ни малѣйшаго повода *радоваться*, т. е. не станетъ дѣлать никакихъ попытокъ къ возстанію». Заканчиваетъ Ферэ свою статью совѣтомъ 363 депутатамъ и народу, которому предстоитъ на выборахъ подавать за нихъ голоса, избрать своимъ девизомъ слова: «*Законъ, миръ и республика*».

Черезъ недѣлю послѣ поѣздки маршала въ Шерскій Департаментъ, покойный Тьеръ, тогда еще совершенно здоровый, поѣхалъ въ замокъ Сторъ къ владѣльцу его Шевье, дядѣ бывшаго министра Леона Са, чтобы рекомендовать избирателямъ департамента Сены-и-Уазы, въ качествѣ республиканскаго кандидата, адвоката Сенара, бывшаго предсѣдателя учредительнаго собранія 1848 года. Длинной рѣчи онъ не произносилъ, но утверждалъ только, что и въ настоящее время во Франціи возможна одна республика», и однимъ утвержденіемъ этой простой мысли вызвалъ сильнѣйшій народный энтузіазмъ, составлявшій значительный

контрастъ съ тою всеобщою холодностью, съ которою народъ встрѣчалъ Мак-Магона, несмотря на всѣ полицейскія старанія и возбужденія.

Сенаръ, котораго, конечно, никакъ нельзя принимать за радикала, заклеилъ въ своей рѣчи образъ настоящаго правительства названіемъ «кошемара», высказалъ мысль, что министерство 16-го мая «дѣйствуетъ рѣшительно, наперекоръ разуму, здравому смыслу и честности», и гарантировалъ невозможность «для кого бы то ни было *идти до конца* противъ воли народа въ дѣлѣ, гдѣ народу предоставлено *последнее слово?* Замѣтимъ, что подобную же мысль высказалъ своимъ избирателямъ и бывший полицейскій префектъ Леонъ Рено — то самое лицо, на котораго рассчитывалъ маршалъ, чтобы его именемъ прикрыть свое отступленіе отъ плановъ 16 го мая. «Когда страна выразитъ свою волю, говоритъ онъ:—ей никто не осмѣлится сопротивляться».

Послѣ поѣздки въ Стуръ, Тьеръ поѣхалъ въ Діеппъ, гдѣ былъ встрѣченъ жителями и купальщиками совершенно съ такимъ же почетомъ, съ какимъ былъ бы встрѣченъ, еслибы все еще былъ президентомъ. Когда изъ Діеппа онъ поѣхалъ въ небольшой находящейся вблизи его портъ Пюй, чтобы навѣстить своего пріятеля, бывшаго депутата Тернэ, то его встрѣтила депутація молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ костюмы альзасокъ, съ заявленіемъ ему благодарности за то, что онъ отстоялъ Бельфоръ, а мѣстные рыбаки привѣтствовали его, какъ президента республики, какъ будто бы всего происшедшаго послѣ 24-го мая и самого Мак-Магона и не существовало!

Чтобы изгладить впечатлѣніе такихъ пріемовъ Тьера, министры борьбы направили и Мак-Магона въ Нормандію. Но и вторая избирательная поѣздка президента не была для него счастливѣе первой. Хотя за два или за три дня до того, какъ маршалъ долженъ былъ появиться въ Эврѣ, министръ и поторопился смѣнить тамъ мэра Лепузе, одного изъ 363-хъ вышедшихъ депутатовъ, но не было принято никакихъ мѣръ для воспрепятствованія муниципальному совѣту собраться для обсужденія рѣчи, которую долженъ былъ произнести помощникъ мэра — Корбо. Послѣ такого обсужденія, префектура не могла уже измѣнить этой рѣчи или назначать кого нибудь другого для произнесенія привѣтствія, такъ какъ было бы въ высшей степени скандально, еслибы въ первомъ же большомъ городѣ западной Франціи, въ которомъ появился президентъ, при встрѣчѣ его, не было бы представителей муниципальной власти или нието изъ нихъ не произнесъ бы рѣчи.

Рѣчь Корбо заключала въ себѣ слѣдующую мысль: «Населеніе, котораго мы служимъ представителями, *глубоко привязано къ республиканскому образу правленія*, и все, что вы предпримите для его поддержанія, принесетъ вамъ живѣйшія его симпатіи. Продолженіе вашей поѣздки по Нормандіи заставитъ васъ убѣ-

даться, что таково именно настроеніе всего нашего благоразумнаго народа. Жители Нормандіи нетерпѣливо ожидаютъ окончанія настоящаго кризиса, чтобы спокойно отдаться своимъ деламъ и занятіямъ».

Герцогу де-Брольи, сопровождавшему въ этой поѣздкѣ маршала, какъ въ первой сопровождалъ его Фурту, пришлось наскоро набросать отвѣтъ, и маршалъ, нахмурился, прочиталъ: «Вы правы, думая, что «конституція» не станетъ угрожать то лицу, охраня котораго она вѣрена.

«Угрожаютъ ей существованію тѣ люди, доктрины которыхъ подрываютъ всѣ интересы и расшатываютъ тѣ принципы, поддержка которыхъ одинакова обязательна для правительства при всякомъ образѣ правленія.

«Я, какъ и вы, желаю прекращенія настоящаго кризиса. Оно окончится, не сомнѣвайтесь, когда «благоразуміе» страны своимъ выборомъ новыхъ уполномоченныхъ возобновитъ союзіе, временно нарушившееся между общественными властями».

Вслѣдъ за Корбо говорилъ предсѣдатель коммерческаго суда въ Эврѣ, рѣчь котораго тоже не была подвергнута предварительной цензурѣ властей.

«Интересы страны, сказалъ онъ:—требуютъ устойчивости, а такую устойчивость странѣ можетъ дать только вполне организованное правительство, т. е. исполнительная власть, опирающаяся на выборный парламентъ. Вѣрите, господинъ президентъ, что, обращаясь къ вамъ съ такими словами, я передаю только взглядъ всѣхъ тѣхъ гражданъ, личное благополучіе которыхъ въ тѣсной зависимости съ преуспѣваніемъ промышленности и торговли».

На это президентъ, уже вышедшій изъ себя, отвѣчалъ рѣзко и недовольно:

«Я знаю уже и до этого нужды и желанія населенія Нормандіи, трудолюбиваго и богатаго, преданнаго порядку и почтительнаго передъ властью».

«Оно, дѣйствительно, жаждетъ правительственной устойчивости, и для того-то именно, чтобы обезпечить такую устойчивость въ будущемъ я предпочелъ неизбежный, хотя и кратковременный, кризисъ—умаленію власти предъ чрезмѣрными требованіями одной изъ двухъ палатъ».

«Да, благополучіе страны въ зависимости отъ хорошаго политическаго управленія, и поэтому-то всѣ дѣла пойдутъ прекрасно, когда «мое» правительство, вмѣсто того, чтобы защищаться отъ безпрестанныхъ нападений, можетъ направить всю свою дѣятельность къ попеченію о истоящихъ интересахъ страны».

Бездеревонность Мак-Магона въ заявленіи о своей личной власти и нежеланіи его торопиться съ окончаніемъ кризиса, ироническій призывъ Нормандіи къ благоразумію, т. е. къ выбору такихъ депутатовъ, которые были бы пріятны безразсудному мнѣнію

стерству, и косвенное указаніе на нежеланіе маршала подчиняться волѣ Франціи—все это произвело самое неблагоприятное впечатлѣніе на мирныхъ жителей Эврѣ, такъ что во все время пребыванія у нихъ высокаго гостя вездѣ и повсюду раздавались крики: «да здравствуетъ республика!» Корбо, разумѣется, черезъ нѣсколько дней былъ смѣненъ за его республиканскія чувства и за дурное настроеніе жителей Эврѣ.

Въ Канѣ правительство не осмѣлилось смѣнить предварительно мэра Берто, предсѣдателя лѣваго центра въ сенатѣ, но онъ рѣчи и не произносилъ, а удовольствовался нѣсколькими словами банальнаго привѣтствія Мак-Магона, какъ «храбраго маршала, перваго сановника республики и хранителя существующихъ учрежденій». Другой ораторъ, то же сенаторъ лѣваго центра, говоря отъ лица генеральнаго совѣта Кальвадоса, замѣтилъ въ своей рѣчи не безъ ехидства, что «принципы порядка и охраненія» не составляютъ монополіи той или другой партіи, но «лежатъ въ основѣ республиканскаго образа правленія точно такъ же, какъ и монархическаго». На это маршалъ ровно ничего не отвѣчалъ, но за то съ благоволеніемъ и благосклонностію прослушалъ рѣчь другого оратора, предсѣдателя апеллаціоннаго суда, назвавшаго героемъ 16-го мая «людьми добра»—за что, впрочемъ, сдѣлался тотчасъ же притчею во-языцахъ всей честной и либеральной печати.

Хотя маршалъ и назвалъ въ Буржѣ клеветою мысль, что онъ выражаетъ собою правительство духовенства, хотя въ путешествіи по Нормандіи онъ и принялъ системою отмалчиваться на привѣтствія представителей клерикализма, тѣмъ не менѣе, епископы Байё и Кутанса приподнесли ему такіа рѣчи, которыя ясно доказываютъ, что ультрамонтаны на него нисколько не въ претензіи за его мнимое равнодушіе къ дѣламъ церкви и предоставляютъ ему временно свободу—раздѣлаться сначала съ республикой, чтобы потомъ уже тѣмъ съ большею силою поддерживать церковь.

Епископъ Байё «благословлялъ небо за то, что оно отдало судьбы Франціи въ такіа честныя руки», и гарантировалъ, «что Провидѣніе поможетъ успѣху всѣхъ его великодушныхъ и патриотическихъ начинаній». Епископъ Кутанса, подобно буржскому архіепископу, назвалъ его тоже «соювомъ сердець», сравнилъ его съ Іудею, конечно, не Искаріотскимъ, а Маккавеемъ, и указалъ на то, что «Перстъ Божій» неукоснительно поддерживаетъ «человѣка безъ страха и упрека» въ «утвержденіи и возрожденіи принциповъ порядка, власти и религии».

Муниципальный совѣтъ въ Сен-Ло отказался назначить сумму на встрѣчу маршала; на официалномъ приемѣ никто почти изъ членовъ муниципалитета не присутствовалъ, привѣтствіе говорилъ мэръ изъ назначенныхъ министерствомъ 16-го мая, не отличающійся краснорѣчіемъ, такъ что онъ только и сказалъ: *«Поздравте, нашъ городъ за васъ, что бы въ немъ ни говорилось и*

ни *дѣлалось*». Дѣлалось же во время присутствія маршала въ Сен-Ло только то, что жители положительно не давали ему покоя громкими криками республиканскаго характера.

Предсѣдатель генеральнаго ламааншскаго совѣта позволилъ себѣ высказать, отъ имени всего департамента, одобрение дѣлу 16-го мая, что вызвало противъ него протестъ 17-ти членовъ совѣта подъ предводительствомъ Саваря, одного изъ умѣренныхъ депутатовъ лѣваго центра, о которомъ еще очень недавно думали, будто бы онъ, вмѣстѣ съ другимъ своимъ Леономъ Рено, замышлялъ устроить слияніе центровъ, чтобы спасти при предстоящихъ выборахъ отъ пораженія хотя личность самого маршала и придать ему снова видимость конституціоннаго президента, какъ будто бы 16-го мая совсѣмъ не было.

Путешествіе Мак-Магона окончилось посѣщеніемъ имъ Шербурга, гдѣ происходили довольно интересныя морскія эволюціи и былъ пущенъ фейерверкъ на суммы, собранныя по подпискѣ. Горѣлъ, между прочимъ, огромный вензель съ буквою М, украшенной герцогской короной. Мысль сдѣлать изъ президента республики какаго-то герцога Франціи была уже достаточно тупа, но распорядители приѣма еще болѣе отличились, воздвигнувъ «сѣданскому раненному» триумфальную арку! Это возбудило рѣшительное негодованіе жителей, и «ледяной» приѣмъ маршала въ первые два дня его пребыванія въ Шербурѣ обратился на третій, когда арка была открыта, во всеобщій взрывъ недовольства. Маршалу и его штабу пришлось ѣхать на желѣзную дорогу среди огромныхъ массъ народа, кричавшихъ все время: «Да здравствуетъ Тьеръ! Да здравствуютъ 363! Да здравствуетъ республика!» Кроме того, нѣсколько разъ была пропѣта «Марсельеза», а, когда поѣздъ тронулся, то Мак-Магону пришлось прослушать напутственный свистъ и шиванье огромной толпы народа. Одинъ изъ савонниковъ, сопровождавшихъ маршала, не выдержалъ и, несмотря на то, то въ одномъ вагонѣ съ нимъ сидѣлъ репортеръ большой газеты, воскликнулъ: «Les élections sont fu...si!» (Дѣло выборовъ пропало!). Нѣчего и говорить, что его изящное выраженіе на другой же день было напечатано во всѣхъ либеральныхъ газетахъ—и до сихъ поръ служитъ въ немалому увеселенію парижанъ.

«Univer» сознается, что, несмотря на лъстивыя описанія поѣздки маршала въ «Официальномъ Журналѣ» и официозныхъ органахъ, ему въ нихъ не повезло и населенія не выказали при встрѣчахъ его особеннаго энтузіазма. «Нельзя не сознаться, говоритъ одинъ изъ такихъ органовъ:—что въ массахъ избирателей живетъ значительная глухая вражда противъ правительства». «Constitutionnel» высказываетъ свои сокрушенія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Сколько иллюзий консервативовъ погибло за послѣдніе три мѣсяца! Сколько людей, ликовавшихъ въ твердой надеждѣ на успѣхъ, поникли теперь головами съ мрачнымъ недоуміемъ». Да, еслибы было возможно, чтобы 16-го мая было вычеркнуто изъ на-

шей исторіи, еслибы было возможно, чтобы оно вовсе не существовало и еслибы такого чуда могла достигнуть консервативная печать, то съ какою единодушною радостью вся она подымалась бы, чтобы произвести это благодѣтельное забвеніе». «Moniteur» (герцога Деваза и де-Брольи), доведя до крайности свою полеміку съ «Фигаро» и другими газетами, возбуждающими правительство къ государственному перевороту и составленію «кабинета дѣйствія», требуетъ, чтобы правительство, наконецъ, формально опровергло инсинуаціи «Фигаро» и дало отставку генералу Дюкрд. Подобно утопающему, хватящемуся за соломенку, органъ этотъ всѣ свои упованія возложилъ на иллюзію соблазна членовъ лѣваго центра, какъ будто бы Саварі, Рено и Феро, совершенно подобно тому, какъ въ 1870 г. Одилонъ Баррр, Гизо и де-Брольи, не произнесли уже своего рѣшительнаго: *слишкомъ поздно!*

III.

Рѣчь Гамбетты въ Лиллѣ.—Соединеніе буржуазіи съ народомъ.—«Подчиниться или удалиться». — Попытки опроверженія министровъ Фурту, Брюнѣ и де-Брольи.—Продолженіе дѣятельности «Фигаро». — Конецъ дѣла Дюкрд-Бертр.—Сессія генеральныхъ совѣтовъ и легальная оппозиція.—Терь въ Сен-Жерменѣ.—Спасающіеся спасители.—Плачъ «Фигаро».

Наканунѣ поѣздки маршала въ Нормандію, Гамбетта отправился въ Лиллѣ, на банкетъ, происходившій въ этомъ городѣ, подъ предсѣдательствомъ сенатора Тестелэна и на которомъ присутствовало 160 человекъ бывшихъ депутатовъ муниципальных, генеральныхъ и окружныхъ совѣтовъ и мэровъ, уже отставленныхъ или еще исполняющихъ свои обязанности, но не особенно страшавшихся гнѣва правительства. Среди несомкавшихъ криковъ одобренія, Гамбетта, въ длинной рѣчи, изложилъ современное состояніе Франціи, какъ бы отвѣчая на вопросы: «къ чему мы пришли, куда идемъ и каковы должны быть надежды и стремленія честныхъ гражданъ, на которыя они имѣютъ право? и, будучи самъ въ настоящую минуту жертвою всякихъ клеветъ и нападеній по поводу уже извѣстнаго читателямъ дѣла бывшаго депутата Ординэра, Гамбетта со страстной энергіей возсталъ противъ «моря чернилъ», пролитаго дѣятелями 16-го мая, съ цѣлью замаскировать истинный смыслъ своихъ дѣйствій и очернить, на сколько удастся, своихъ противниковъ при оптовой закупкѣ «продажныхъ и безстыдныхъ перьевъ», доставляющихъ бумажныя горы въ различныя газеты, начиная отъ оффиціального «Лжеца общинъ» и кончая «Фигаро». Къ счастью, сказалъ онъ:—общественное негодованіе и здравый смыслъ французовъ дѣлаютъ то, что весь этотъ потокъ грязи и нечистоты

протезает безслѣдно по Франціи, нисколько не заражая атмосферы и не пачкая народнаго сознанія».

Несравненно строже относится онъ къ газетнымъ возбужденіямъ къ употребленію правительствомъ силы противъ конституціи и къ государственному перевороту. Его изумляетъ, что такія дѣйствительныя преступленія печати проходятъ рѣшительно безнаказанно и что министры даже и не думаютъ о томъ, какую несутъ они за это отвѣтственность предъ страной, особливо въ такое время, когда невиннѣйшій «Journal des Débats» запрещено продавать на желѣзныхъ дорогахъ, когда продавцы оппозиционныхъ органовъ подвергаются всевозможнымъ преслѣдованіямъ и по всей Франціи, наперекоръ всѣмъ требованіямъ законности, организована самая безпощадная административная «травля истины».

«Изъ кого же состоитъ та группа лицъ или партій, которая рассчитываетъ, что ей удастся, при помощи хитрости, произвола и насилія, вырвать изъ народнаго сознанія, при всеобщей подачѣ голосовъ, какъ бы крикъ самообвиненія за выборы 20 го февраля 1876 года? Она состоитъ изъ тѣхъ лицъ, которые 24-го мая ниспровергли Тьера за то, что онъ высказался о невозможности какой-либо монархіи, изъ лицъ, которымъ не удалось никакая бурбонская реставрація ни съ бѣлымъ, ни съ трехцвѣтнымъ знаменемъ, столкнувшихся съ тѣми дѣятелями, которые во что бы то ни стало желаютъ возвращенія безчестнаго недоразумѣнна имперіи. Казалось бы, конституція 25 го февраля 1875 года должествовала отнять у нихъ всякую возможность доступа къ власти, а они все-таки до нея добрались! Поэтому, кто станетъ имъ вѣрить, что они стремятся къ утверженію республики и упроченію существующихъ учреждений... до 1880 года? Страна видитъ, кто ею управляетъ и кто противъ нея конспирируетъ. Она никогда не приметъ де-Брольи за республиканца и знаетъ очень хорошо, что де-Фурту и Брюнѣ—бонапартисты. Она видитъ, что ни одного изъ министровъ ни въ какомъ смыслѣ нельзя признать за сторонника законно существующихъ учреждений и что всѣ дѣйствія ихъ, подъ предлогомъ противодѣйствія какому-то «скрытому радикализму», суть ничто иное, какъ явная общественная дезорганизація, противная здравому смыслу и худшее изъ социальныхъ бѣдствій, какимъ можетъ подвергаться страна. Въ виду такого злополучнаго министерства и коалиціи противъ конституціи, нельзя не удивляться гражданскому мужеству *всѣхъ республиканцевъ*, неразрывно соединившихся между собой для защиты закона и мира. Рядомъ съ консервативной анархіей встаетъ страна, единая и сильная, переносящая съ изумительнымъ самоотверженіемъ и спокойствіемъ всѣ оскорбленія и провокаціи, направленные на нее; французская демократія встрѣчаетъ только одною насмѣшкой всю массу усилій реакціи, принявъ за окончательную систему своего поведенія *легалное и юридическое противодѣйствіе всякимъ выход-*

как личной власти. Она не даст «разбойникамъ пера» (bandits de plume), надѣющимся на государственный переворотъ, никакого случая взывать къ военной силѣ для ея усмиренія и вызвать «спасеніе общества помощію штыковъ». Впрочемъ, войско и не пойдетъ на такое дѣло, такъ какъ нигдѣ лучше, чѣмъ въ его рядахъ, не понимаютъ, что если еще одинъ разъ станетъ возможно во Франціи вооруженное покушеніе противъ закона, то она перестанетъ существовать».

Вслѣдъ за этимъ, Гамбетта краснорѣчиво защищаетъ уваженіе къ закону, престижъ власти и принципъ авторитета противъ покушеній на нихъ сторонниковъ всего ненавистнаго народу при прежнихъ правительствахъ, предающихъ всю администрацію въ руки людей одной партіи, увѣчающихъ и безобразящихъ законодательство, котораго они должны бы были честными истолкователями, и ломающихъ всѣ основы общественнаго порядка—для своихъ цѣлей при будущихъ выборахъ. «Ничего нѣтъ опаснѣе, говорить онъ:—того, когда законъ попадаетъ въ руки людей, обращающихъ его въ жалкое орудіе для удовлетворенія страстей партіи... Это ведетъ въ политикѣ къ разгулу самыхъ мрачныхъ ея элементовъ: духу ожесточенія и репрессалиямъ... Я бы хотѣлъ, чтобы изъ политическаго языка было изгнано самое слово репрессалии, такъ какъ оно можетъ быть удобно замѣнено выраженіемъ: неистовство власти. Конечно, однодневные власти-тели сами могутъ разсудить, до какихъ размѣровъ хотятъ они довести свою отвѣтственность предъ страной. Что же касается насъ, то мы, какъ сторонники умѣренности, не исключаящей твердости и ясности взгляда, считаемъ необходимымъ заявить, до наступленія еще тѣхъ событій, которыя намъ придется переживать—*всѣмъ лицамъ, затѣявшимъ безумную борьбу противъ нации, что ихъ образъ дѣйствіи неизбѣжно подвергнется осужденію, и, можетъ быть, ихъ побѣдители почеркнутъ изъ него новый поводъ къ умѣренности*».

Ораторъ великодушно не позволяетъ себѣ даже подозрѣвать, чтобы ктонибудь изъ членовъ кабинета желалъ явнаго нарушенія закона и мечталъ о государственномъ переворотѣ. Онъ надѣется даже, что законный срокъ для созыва избирателей не будетъ нарушенъ. Предсказывая торжество республиканцевъ передъ послѣдними выборами, онъ гарантировалъ цифру депутатовъ изъ нихъ—которая, въ дѣйствительности, была превзойдена на 100 человекъ—теперь онъ утверждаетъ, что, вмѣсто 363-хъ, въ новую палату войдетъ, по крайней мѣрѣ, 400 республиканцевъ! «И это должно быть достигнуто, настаиваетъ онъ:—*чтобы новые выборные имѣли достаточный авторитетъ для возможности покончить сразу съ политикой колебаній и толчковъ*».

Очевиднымъ подспорьемъ для его надеждъ служить то, что, по его мнѣнію, настоящій кризисъ послужилъ для окончанія соперничества между деревнями и городами и уничтоженія разлада между высшей буржуазіей и «новыми общественными сло-

ями». Своими ошибками коалиція реакціонеровъ произвела «сли-
тіе между капиталомъ и трудомъ (??), взаимно оплодотворяю-
щими другъ друга». Европа съ изумленіемъ видитъ, какъ наи-
болѣе выдающіяся личности изъ міра финансовъ, торговли, про-
мышленности и земледѣлія идутъ по стопамъ традицій 89 года,
и іюльскихъ дней 1830 г. *«Осуществившаяся республика скрѣп-
лена печатью союза буржуазіи съ пролетаріатомъ».*

Такъ какъ всѣ живые элементы страны стануть двигаться въ
одномъ направленіи, то выборы 1877 года—подобно тому, какъ
прошедшіе выборы покончили съ соперничествомъ бурбоновъ—
раздавать бонапартизмъ—«эту партію, несущую съ собою пре-
ступное нашествіе, угнетеніе Франціи и даже ея исчезновеніе».

Ораторъ указываетъ слушателямъ на то «сочувственное без-
покойство», съ какимъ весь цивилизованный міръ ожидаетъ ре-
зультатовъ «великаго опыта» французской демократіи. «Онъ на-
дѣется увидать осуществленіе государства, мирнаго—извнѣ, про-
грессивнаго—внутри, освобожденнаго отъ теократическаго и
ультрамонтанскаго духа, государства, ставшаго исключительно
гражданскимъ установленіемъ, устойчивымъ при непрекращаю-
щихся реформахъ, такъ какъ цивилизованный міръ знаетъ, что
Франція не хочетъ кабалы Syllabus'a и иезуитизма и послѣднее
ея слово будетъ внушено ей духомъ 89 года».

Ованчивая свою рѣчь, Гамбетта констатируетъ тотъ фактъ,
что «явнымъ выигрышемъ Франціи отъ событія 16-го мая бу-
детъ тотъ, что, благодаря ему, срокъ неопредѣленностей и ощу-
пыванія, на который она была осуждена случайностями, проис-
шедшими въ національномъ собраніи, избранномъ въ несчастный
день—сократится, можетъ быть, на 3 года, а можетъ быть, и на
цѣлыхъ 10 лѣтъ». Онъ громко отказывается допустить возмож-
ность нелѣпой гипотезы Мак-Магона, что въ случаѣ выбора
страною большинства республиканцевъ, онъ не станеть этимъ
стѣсняться въ своей дальнѣйшей дѣятельности. «Подобныя ве-
щи можно говорить, не вѣря въ нихъ внутренно, только передъ
битвой, для возбужденія падающихъ духомъ своихъ соратниковъ.
Но послѣ того, какъ страна произнесетъ свой приговоръ, не-
вѣроятно, чтобы могъ найтись человекъ такой силы, чтобы
осмѣлился помѣряться съ народнымъ самодержавіемъ. Не ду-
майте, что когда миллионы французовъ, земледѣльцы, рабочіе,
буржуа—избиратели свободной французской земли—сдѣлають свой
выборъ... нашелся бы кто-либо, на какой бы высокой ступени
политической или административной лѣстницы онъ ни стоялъ—
кто могъ бы ему сопротивляться. Когда раздастся державный го-
лось Франціи, придется ему или подчиниться, или удалиться».

Это блестящее окончаніе рѣчи имѣло огромный успѣхъ, и рѣчь
разнеслась по всей Франціи. Она положила конецъ всей прежней
газетной полемикѣ и сдѣлала предметомъ новой вопросъ о ми-
нистерскихъ претензіяхъ и несоразмѣрности личной власти мар-
шала съ силою цѣлой страны. Въ двухъ словахъ, отличающихъ

ся одно отъ другого однимъ только слогомъ (*se soumettre ou se démettre*) и также легко запоминающихся, какъ и понятныхъ для самого невѣжественнаго изъ избирателей, Гамбетта далъ формулу всего современнаго положенія вещей, сразу покончили съ пресловутою «лояльностью» Мак-Магона и пробудили чувство собственной силы въ народѣ, пользующемся правомъ самодержавія и сознающимъ это. Напрасно трое изъ министровъ: де-Брольи на банкетѣ префекта Эрсакаго Департамента, данномъ имъ муниципалитету, де-Фурту при закладкѣ моста въ одномъ изъ избирательныхъ округовъ (Дордонь) и Брювѣ на праздникъ въ Тюллѣ, данномъ ему его земляками, довольными тѣмъ, что одинъ изъ ихъ среды достигъ высокаго общественнаго положенія — пробовали не прямо направлять свои удары противъ рѣчи Гамбетты. Адмиралъ Ла-Ронсьеръ де-Нурри, предложившій тостъ за де-Брольи въ благодарность за его призывъ къ союзу всѣхъ консерваторовъ, т. е. за доставленіе случая орлеанистамъ еще разъ запятнать себя связью съ бонапартистами — вызвалъ противъ себя недовольство, даже въ средѣ самого официального міра въ Эврѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ просто былъ выслушанъ среди смѣха, когда онъ сталъ шагъ за шагомъ развивать всѣ «клеветы», о которыхъ упоминалъ маршалъ въ Буржѣ, вѣялся, что не правительство 16-го мая, а правительство радикаловъ могло бы привести страну къ войнѣ, что названіе «правительства духовенства» несоотвѣтственно и могло бы быть замѣнено названіемъ «правительства каждаго у себя», такъ какъ оно оставляетъ право духовенству находиться въ церкви, а государству даетъ возможность заставлять всѣхъ себя подчиняться, даже и епископовъ! Кромѣ того, онъ утверждалъ, что «всѣ злоупотребленія прошлаго времени давно погребены» и ничто не заставить Францію вернуться къ эпохѣ, предшествовавшей 89 году. Что касается до министра исповѣданій и народнаго просвѣщенія, то онъ всячески старался спрятать свою империалистскую кокарду и выдавать себя за *восемьдесятъ-девятчика* (*quatre-vingt-neuviste*, какъ прозвалъ его Вейльйо), утверждая, что деготь въ умѣренныхъ дозахъ иногда слаще самаго меда. Если рѣчь его и была встрѣчена сочувственно лицами официального міра, его сотрапезниками, то ихъ рукоплесканія послужили какъ бы лозунгомъ для громкихъ криковъ съ улицы: «Да здравствуетъ республика! Да здравствуютъ 363! Да здравствуетъ Гамбетта! Да здравствуетъ Тьеръ!» Въ то время, когда повсюду, какъ въ самомъ Тюллѣ, такъ и по всей Франціи, въ оживленныхъ разговорахъ и даже въ припѣвахъ новыхъ пѣсень повторялось безчисленное множество разъ: «подчиниться или удалиться!»

Все это было мало утѣшительнымъ для реакціи. «Фигаро» сталъ уже прямо требовать, чтобы правительство заставило Гамбетту замолчать (желаніе это впоследствии и было исполнено преданіемъ его суду), а къ дверямъ Тьера приставило жандармовъ (внезапная смерть его избавила правительство отъ подоб-

наго шага). Чтобы сразу освободиться отъ 363-хъ, «Фигаро» придумать ничего не умѣлъ, а потому и возложилъ свое упованіе на Провидѣніе, въ надеждѣ, что оно какимъ-нибудь чудомъ—избавитъ отъ нихъ Францію. Сен-Женэ продолжалъ возбуждать маршала, «объявившаго странѣ войну»—«воевать» и «стрѣлять!» Нападки его на военнаго министра еще значительно усилились послѣ того, какъ въ «красныхъ» газетахъ были напечатаны слова Берто, сказанныя имъ сенатору Пеллисе: «Никогда или до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока я стою во главѣ арміи, Франція не покроетъ себя позоромъ государственнаго переворота». Дошло до того, что онъ сталъ прямо требовать отъ маршала назначенія слѣдствія надъ Берто, за то, что имъ якобы «недовольны всѣ его подчиненные», хотя во многихъ мѣстностяхъ Франціи и даже въ самомъ Парижѣ кружки офицеровъ, въ клубахъ и на товарищескихъ обѣдахъ, стали производить заявленія своего негодованія противъ «Фигаро». Были, наконецъ, и такія строки въ этой газетѣ, которыя составляли прямое воззваніе къ военному мятежу и покушеніе на дисциплину, такъ какъ возстановляли корпусныхъ командировъ большихъ армейскихъ корпусовъ противъ всѣхъ распоряженій Берто. Последняя выходка «Фигаро» обусловила, вѣроятно, то, что 24 августа, «Официальный Журналъ», хотя и самымъ жалкимъ образомъ выѣшался въ полемику «Фигаро» съ *Moniteur*'омъ Деказа. Онъ помѣстилъ именно замѣтку, въ которой отрицалось всякое соучастіе генерала Дюкрэ въ нападкахъ «Фигаро» на военнаго министра, несмотря на неоднократное утвержденіе этого *Moniteur*'омъ, обѣщавшимъ даже подтвердить свои слова фактическими доказательствами. «Генералъ Дюкрэ, говорится въ этой замѣткѣ:— съ перваго же дня просилъ назначенія слѣдствія, которое разъяснило бы несправедливость подобнаго предположенія. Но г. военный министръ, къ которому онъ съ этою просьбою обращался, нашелъ, что *чувство долга и подчиненіе дисциплинѣ генерала Дюкрэ на столько важны извѣстны, что въ этомъ смыслѣ не можетъ существовать ни малѣйшаго сомнѣнія, почему и просилъ его не обращать вниманія на всѣ эти толки, мишенные всякаго основанія*». Разумѣется, что этому сообщенію мало кто повѣрилъ, но всѣ поняли, что для военнаго министра этого было достаточно. Еще наканунѣ была въ «Фигаро» замѣтка, въ которой говорилось, что генералъ Дюкрэ готовъ подать въ отставку, если ему не будетъ разрѣшено начатіе преслѣдованія противъ *Moniteur*'а. Теперь Дюкрэ подчинился, не затѣвая процесса, и, слѣдовательно, военная дисциплина была спасена. Для большаго еще ея спасенія пылкій публицистъ Сен-Женэ, «поручикъ» резервистовъ, въ настоящее время находящихся въ сборѣ, подвергнуть на мѣсяцъ «строному аресту». При этомъ, всѣмъ стало извѣстно, что отставной кавалерійскій унтер-офицеръ Бюшеронъ, пишущій подъ псевдонимомъ Сен-Женэ, хлопоталъ недавно о порученіи ему какой-то поставки для территоріальной арміи, но не былъ воен-

нымъ министромъ признанъ для этого благонадежнымъ. *Inde ira!* Какъ бы то ни было, Елисейскій дворець вынужденнымъ нашелся приобрести собственный органъ (имъ купленъ «le Petit Parisien»), гдѣ Сен-Женэ названъ «личностью безъ полномочій», отличающейся «крайнею невоздержанностью пера и языка» — а «Фигаро» можетъ спокойно благоденствовать, не опасаясь никакихъ судебныхъ преслѣдованій послѣ своей кампаніи, веденной имъ съ такимъ шумомъ и дерзостью противъ конституціи, послѣ того какъ успѣлъ напечатать свои воззванія ко всѣмъ государственнымъ преступленіямъ, предусмотрѣннымъ въ уголовномъ кодексѣ, и законахъ о печати, послѣ всѣхъ своихъ покушеній къ восстановленію однихъ министровъ противъ другихъ и корпусныхъ командировъ противъ военнаго министра.

Но—и это самое главное—«министерство дѣйствія», о которомъ столько говорили и которое подверглось полному осмѣянію до своего появленія на свѣтъ, не осуществилось; а между тѣмъ, время идетъ, срокъ выборовъ приближается, и правительство, мечтая о путяхъ, по какимъ ему слѣдуетъ идти «до конца», фактически не можетъ даже сдвинуться съ мѣста, чувствуя, можетъ быть, что тутъ-то и есть его конецъ.

Погибла, между прочимъ, и та надежда правительства, что засѣданія генеральныхъ республиканскихъ совѣтовъ, обыкновенная августовская сессія которыхъ открылась въ настоящемъ году при условіяхъ, въ законѣ непредусмотрѣнныхъ, вызовутъ въ ихъ средѣ протесты, уличный откликъ которымъ въ большихъ городахъ дастъ предлогъ къ объявленію послѣднихъ въ осажденномъ положеніи. Положеніе этихъ департаментскихъ собраній въ настоящее время дѣйствительно весьма странно. Съ одной стороны, они не могутъ заняться распределеніемъ прямыхъ налоговъ, по той простой причинѣ, что они не вотированы палатой, съ другой, одна половина ихъ членовъ должна была по закону выбыть въ этомъ же мѣсяцѣ и быть замѣнена новыми выборными. Республиканцы заявили повсюду, что они засѣдаютъ безъ законныхъ полномочій, а тамъ, гдѣ они составляютъ большинство (въ 42 совѣтахъ), новыя бюро избирались не на годъ, какъ это водится, а только временно, впродъ до собранія избирателей. Повсюду было заявлено, на первыхъ же засѣданіяхъ или въ рѣчахъ, которыми они открывались, или (тамъ гдѣ республиканцы въ меньшинствѣ) во время преній, что, если совѣты не могутъ приступить къ занятіямъ, то происходитъ это по винѣ правительства, распустившаго палату и отсрочивающаго на неопредѣленное время созванія новой. Во многихъ департаментахъ, совѣты думали, по крайней мѣрѣ, заниматься дѣлами мѣстнаго интереса, но префекты преднамѣренно ничего для этого не подготовили, такъ какъ въ министерскій планъ входило закрытіе совѣтовъ въ самый день ихъ открытія и лучшимъ предлогомъ для этого было не имѣніе ими никакихъ занятій. Такимъ образомъ, единственное уцѣлѣвшее выборное учрежденіе могло быть въ трудную для

правительства минуту отстранено съ политической арены. И уже не однажды говорилъ о томъ значеніи генеральныхъ совѣтовъ, которое они, на основаніи закона Тревенёка, должны имѣть въ случаѣ государственнаго переворота при отсутствіи палаты или невозможности ея собраній. Такъ еслибы, напримѣръ, полемика «Фигаро», вмѣсто того, чтобы окончиться комическимъ финаломъ, привела, напримѣръ, къ отставкѣ Берто и замѣщенію его генералами Дюкрэ или Дуэ съ возникновеніемъ «министерства дѣйствія», то вопросъ о предварительной организаціи легальнаго противо-дѣйствія былъ бы открыто поднятъ на нѣкоторыхъ изъ этихъ департаментскихъ совѣтовъ. Но, такъ какъ такое предпріятіе не осуществилось, то въ большинствѣ совѣтовъ, даже и въ тѣхъ, гдѣ республиканцы преобладаютъ, было положено закрыть засѣданія послѣ чтенія правовыхъ протестовъ противъ медленности правительства въ созывѣ законодательныхъ избирателей и отсрочки выборовъ въ департаментскіе совѣты. Въ пятнадцати изъ нихъ, однакоже, засѣданія отложены на мѣсяць, чтобы, въ случаѣ, если законный срокъ созыва избирателей будетъ правительствомъ нарушенъ, имѣть возможность начать дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. Бывшій первый министр Дюфоръ въ Шарантскомъ Департаментѣ вполне согласился съ резолюціей республиканскихъ юрисконсультовъ, признавшей, что конституція будетъ нарушена, если правительство не будетъ считать 20 дней избирательнаго періода въ числѣ трехъ мѣсяцевъ законнаго срока для созванія новыхъ выборовъ. Это мнѣніе такого законника, какъ Дюфоръ, и такого дальновиднаго человѣка весьма неприятно подѣйствовало на де-Брольи и на самого маршала. Министерству пришлось понять, что ему будетъ едвали возможно сломить дѣятельное противо-дѣйствіе значительнаго числа генеральныхъ совѣтовъ, которые, при всякомъ явномъ нарушеніи закона, немедленно откроютъ свои засѣданія для организаціи юридической оппозиціи, въ которой они, конечно, будутъ поддержаны наиболѣе просвященными и многочисленными центрами населенія Франціи.

Тьеръ, чувствовавшій себя за послѣднее время не особенно хорошо и не выдержавшій слишкомъ суроваго воздуха Діенпа, гдѣ думалъ купаться, рѣшился недѣлю на двѣ переселиться въ Сен-Жерменъ, окруженный густымъ лѣсомъ (тамъ онъ 3-го сентября и скончался). Жители этого небольшого городка департамента Сены-и-Уазы устроили ему при его въѣздѣ овацію, чѣмъ и подали поводъ покойному высказать, въ послѣдній разъ, свой взглядъ на современное положеніе вещей, неособенно благоприятный для «нравственнаго порядка». — «Уже нѣсколько лѣтъ сраду, сказалъ онъ: — я смотрю на республику, какъ на единственный образъ правленія, возможный для Франціи. Тѣ, кто, не имѣя ничего, чѣмъ ее замѣстить, упорствуютъ въ своемъ противо-дѣйствіи къ ея водворенію — суть настоящіе нарушители общественнаго спокойствія, настоящіе анархисты». По-
Т. ССХХХІV.—Огд. II.

томъ, не безъ умысла, говоря о республикѣ, онъ назвалъ ее своимъ любимѣйшимъ прозвищемъ «консервативной», хотя, въ то же время, она должна быть вполне либеральной и устойчивой». Онъ выразилъ полную увѣренность въ торжество республиканцевъ на послѣднихъ выборахъ и предсказалъ дѣятелю 16 мая, что *«приближается часъ, когда Франція потребуетъ отъ нихъ отчета за тотъ нравственный и матеріальный ущербъ, который они заставили ее понести въ настоящемъ году»*.

Боязнь ответственности начинается и дѣйствительно не на шутку начинаетъ одолаживать нашихъ комическихъ административныхъ тирановъ—и въ Марсели упорно держится слухъ, что министерство рѣшилось назначить выборы въ день послѣдняго законнаго для нихъ срока (23 сентября). Всѣ сторонники правительства значительно приуныли, и даже самъ недавно столь воинственный «Фигаро» уже потерялъ всякую вѣру въ возможность правительственного успѣха на выборахъ. Сен-Женэ впалъ въ мрачнѣйшую меланхолію. Онъ предсказываетъ, что правительство на выборахъ будетъ «безопасно побито» и что послѣ нихъ «въ продолженіи *ста лѣтъ* не будетъ уже и помину о монархическомъ принципѣ во Франціи», что «всякій доступъ къ власти будетъ окончательно прекращенъ для орлеанистовъ, легитимистовъ и католиковъ», и на политической аренѣ останутся «только двѣ демократіи—республиканская и имперіалистская!!»

Людвигъ.

Парижъ, 4-го сентября 1877 г.

НОВЫЯ КНИГИ.

Современные Соединенные Штаты. *Жанс.* Спб. 1876.

Было время—и это еще очень недавно—когда наша литература малевала Америку: писала о ней только все хорошее и умалчивала о дурномъ. Америка для либеральной прессы была воплощеніемъ всего прекраснаго, идеаломъ и критеріумомъ государственнаго устройства; съ нею обыкновенно сравнивалась Европа, когда желали показать, какъ нужно устроить что нибудь и поступать въ томъ или иномъ случаѣ. Заговорить объ Америкѣ въ отрицательномъ тонѣ было все равно, что объявить себя отчаяннымъ консерваторомъ, отчаяннымъ, потому что умѣренные консерваторы, подавленные политическимъ и экономическимъ ростомъ этой новой страны, молчали. За послѣдніе годы подобное отношеніе стало измѣняться: отъ времени до времени стали появляться критическія статьи и даже цѣлыя сочиненія, обнаруживающія дурныя стороны Америки и кладущія на нее подчасъ даже черезчуръ густую тѣнь. Нечего говорить о томъ, насколько критическое и вообще болѣе трезвое отношеніе къ предмету лучше слѣплаго поклоненія ему, насколько скриваніе дѣйствительности непрактично и вредно для общественнаго сознанія, въ особенности въ то время, когда слабыя стороны американской жизни обнаружались яснѣе; когда, несмотря на многіе дѣйствительно превосходные порядки, стало ясно, что въ основѣ этихъ порядковъ лежатъ тѣ же самыя начала, что и въ Европѣ, съ тою развѣ только разницею, что Европа во многихъ отношеніяхъ отстала отъ Америки и не отрѣшилась еще вполне отъ средневѣковыхъ традицій. Мы въ особенности должны быть чутки ко всѣмъ подобнымъ изслѣдованіямъ и наблюденіямъ, потому что наша жизнь стоитъ въ настоящую минуту на распутьи двухъ дорогъ: одной—совершенно самостоятельной и своеобразной, болѣе соответствующей народному быту и возрѣніямъ, а равно и болѣе соответствующей высшимъ ступенямъ цивилизаціи, и другой—общей со всѣми народами, на которую стараются направить ее большинство нашихъ культурныхъ людей всѣхъ отѣнковъ, не исключая и тѣхъ, кто желаетъ сохранить не дѣйствительные «живые ключи народнаго духа», а только національный или, лучше сказать, московскій букетъ. У насъ, къ со-

*

жагѣнію, очень мало толковыхъ сочиненій и путешествій по Америкѣ. Изъ лучшихъ авторовъ: одни, какъ Токвилль («Демокр. въ Америкѣ»), достаточно уже устарѣли; другіе, какъ Гиппо («Обществ. образован. въ Соед. Шт.»), касаются только одной стороны жизни—школы и т. п. Переводъ сочиненія Жаннѣ можетъ отчасти пополнить этотъ пробѣлъ: оно объимаетъ собою всю современную американскую жизнь, начиная съ политическаго ея устройства и кончая семейною нравственностью, и даетъ массу фактовъ для характеристики настоящаго положенія. Только читатель долженъ знать, что Жаннѣ принадлежитъ къ разряду тѣхъ людей, про которыхъ говорятъ, что у нихъ въ головѣ гвоздь безъ шляпки и которые на все смотрятъ съ точки зрѣнія этого гвоздя. Жаннѣ—заядлый католикъ и слѣпой приверженецъ европейскихъ аристократическихъ традицій. Съ этой точки зрѣнія онъ и смотритъ на американскую жизнь, благодаря чему и умѣнью освѣщать предметъ извѣстнымъ образомъ, въ чемъ такъ искусились люди европейскихъ политическихъ партій, иному читателю многое можетъ показаться совершенно въ обратномъ видѣ.

Исторію Соединенныхъ Штатовъ, со времени объявленія независимости (1776 г.) до нашихъ дней, говоритъ авторъ, можно раздѣлить на два періода, рѣзко отличающіеся другъ отъ друга, между которыми десятилѣтіе, съ 1830 по 1840 г., будетъ составлять раздѣльную черту. Въ первомъ періодѣ преобладаетъ духъ Уашигтона и его современниковъ, во второмъ, почти одновременно съ тѣмъ, какъ послѣднее поколѣніе, воспитанное въ школѣ Уашигтона, сходитъ въ могилу, наступаетъ новая эра—политическое преобладаніе народа и торжество радикализма. Сильный приливъ эмиграціи и всеобщая подача голосовъ были причинами этого глубокаго переворота, однимъ изъ эпизодовъ котораго была война съ вера съ югомъ и который не закончился еще и до сихъ поръ и грозитъ принять снова острый характеръ. Оцѣнивая новые порядки и новые соціальныя элементы, авторъ прежде всего напоминаетъ тѣ благоустроенныя времена, когда политическій суверенитетъ принадлежалъ ограниченному числу лицъ, когда правосудіе и все управление страной находилось въ рукахъ богатыхъ землевладѣльцевъ и денежной аристократіи. Это время объимаетъ собою колониальный періодъ и первое время республики. Авторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на Виргиніи, игравшей, дѣйствительно, значительную роль въ борьбѣ за независимость, и съ большою любовью описываетъ то время, когда ея управляла «раса энергическая и гордая, обладавшая всѣми качествами средневѣкового дворянства, способнаго къ войнѣ и къ самоуправленію». Федеральная конституція 1787 г. была не особенно либеральна, да и вообще «первыя конституціи были въ сущности очень консервативны» (XVII). Когда Токвилль посѣтилъ Америку, говоритъ Жаннѣ, то большинство старыхъ штатовъ сохранили еще это законодательство; «поэтому было совер-

шенно невѣрно представлять тогда Соединенные Штаты демократіей въ ея чистомъ видѣ» (23). Настоящіе демократическіе порядки наступаютъ уже въ послѣднее время — съ 50 къ годовъ и, главнымъ образомъ, послѣ войны съѣвера съ югомъ, когда послѣдовали такъ называемые «акты по преобразованію». Избирательный цензъ въ нѣкоторыхъ штатахъ былъ совсѣмъ уничтоженъ, а въ другихъ уменьшонъ на столько, что сдѣлался доступнымъ для всѣхъ; негры, въ числѣ 4 милл., получили право голоса наравнѣ съ прочими гражданами; судьи, губернаторы и другія власти стали избираться общему подачею голосовъ на короткіе сроки (отъ 1 года до 4 лѣтъ) и съ правомъ смѣнять ихъ раньше срока, если это окажется нужнымъ. Суверенитетъ народа выразился въ стремленіи путемъ законодательства регулировать число часовъ труда, въ уменьшеніи рабочаго дня до 8 часовъ, въ воспрещеніи дѣтской работы въ раннемъ возрастѣ и вообще стремленіемъ регламентировать фабрики, торговлю, банки, а равно централизовать финансы, непосредственно участвовать въ дѣлѣ народнаго образованія и проч. Словомъ, стало очевиднымъ стремленіе замѣнить федеративный союзъ — унитарною республикой. Штаты уже и теперь преобразились «въ провинціи съ весьма обширною административною децентрализацией» (37). Но этимъ дѣло не ограничивается: господство радикаловъ все болѣе и болѣе возрастаетъ; они оттѣсняють партіи либеральныхъ или умѣренныхъ республиканцевъ и умѣренныхъ демократовъ и «хотятъ, наперекоръ всѣмъ правамъ, приобрѣтеннымъ штатами, сдѣлать изъ союзаго правительства всемогущаго исполнителя народной воли. Съ фанатизмомъ, присутимъ космополитической революціи, они водружаютъ полный социальный и философскій символъ, чего до сихъ поръ не дѣлала ни одна партія въ Соединенныхъ Штатахъ» (49).

Словомъ: все зло въ Америкѣ авторъ приписываетъ преобладанію радикальной партіи, и суверенитету народа. Относительно зла и причинъ его авторъ вообще высказываетъ довольно своеобразныя взгляды. Такъ, наприимѣръ, онъ называетъ зломъ предоставленіе неграмъ гражданскихъ правъ, предоставленіе права голоса женщинамъ, обязательное обученіе, недостаточное вниманіе къ католицизму, выражающееся въ недопущеніи католическихъ священниковъ въ общественныя школы и т. п. Онъ думаетъ, что освобожденіемъ негровъ съѣверъ совершилъ надъ югомъ вмушественное и политическое насиліе, напоминающее Аттилу и Чингис-Хана, а, предоставивъ имъ гражданскія права, тѣмъ самымъ подчинилъ имъ «несчастное» бѣлое народонаселеніе юга и заставилъ его нести на себѣ «иго негровъ» (67). По мнѣнію автора, не сочувствующаго и рабству, негровъ слѣдовало сначала перевести въ крѣпостное состояніе. «Вопросъ, говоритъ онъ: — разрѣшился бы гораздо лучше посредствомъ крѣпостной системы. Такой переходный періодъ могъ бы, конечно, продолжаться долго; но, по крайней мѣрѣ, не пострадало бы ни благосостояніе

страны, ни нравственность тѣхъ, которыхъ разсчитывали освободить» (271). «Негръ не лишонъ абсолютно умственныхъ способностей» (268); но это, несомнѣнно—«низшая и безнравственная раса» (271). Что же касается обиженныхъ ихъ владѣльцевъ, то «мужественные, просвѣщенные, великодушные *плантаторы* составляли общество, заключающее въ себѣ превосходные элементы. *Рыцарство юга* оправдывало свое господство мудрыми и честными дѣйствіями своего правительства, и, что бы ни говорили о *маленькихъ бѣдлахъ*, о гармоніи, существовавшей между различными классами, можно судить по тому единодушію, съ которымъ народонаселеніе одиннадцати соединенныхъ штатовъ поддерживало борьбу въ продолженіи 4-хъ лѣтъ, и по тѣмъ чувствамъ, которыя пережили самое пораженіе» (29). Это рыцарство юга достаточно заявило себя, чтобы не жалѣть о немъ; скорѣе можно жалѣть о томъ, что, оправившись отъ пораженія, оно снова приобрѣтаетъ силу и начинаетъ эксплуатировать черную расу мирнымъ путемъ: пользуясь бѣдностью негровъ, заставляетъ ихъ работать на своихъ плантаціяхъ изъ за $\frac{1}{4}$ урожая (268) и стремится отгѣснить ихъ отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, употребляя для этого и интригу, и насиліе. Многіе, болѣе безпристрастные путешественники свидѣтельствуютъ, что негры пользуются предоставленными имъ правами съ достоинствомъ, обнаруживаютъ громадныя успѣхи въ образованіи, получаютъ ученые степени, занимаютъ важныя общественныя посты, издають и редактируютъ журналы, устраиваютъ ассоціаціи и проч. Гиппо, сообщая о томъ, что въ 1868 году 10 черныхъ дѣвушекъ и 15 молодыхъ людей получили званіе бакалавра, говоритъ, что директоръ въ своей рѣчи объявилъ, что «эти ученики не имѣютъ себѣ равныхъ въ заведеніи въ отношеніи филологическихъ знаній и литературнаго образованія»¹. Гиппо разсказываетъ объ удивительномъ стремленіи негровъ къ просвѣщенію: «съ меньшею жадностью бросается голодный человѣкъ на предлагаемыя ему яства, чѣмъ эти несчастные бѣглецы бросались на духовную пищу, которую они, по чудному инстинкту, считали первымъ условіемъ для своего возрожденія».

Жаннѣ, очевидно, относится къ этой расѣ далеко не безпристрастно, усматривая въ ней только орудіе радикальной партіи. Безнравственность, малоспособность и думая, что лучше было бы ее предварительно спеленать крѣпостными пеленками. Соображенія автора на счетъ преждевременности дарованія права голоса женщинамъ, выставившимъ изъ своей среды уже немало докторовъ, ученыхъ законовѣдовъ и держащихъ въ своихъ рукахъ почти все народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ, настолько нелѣпы, что о нихъ, конечно, не стоить и говорить. Не менѣе странно съ его стороны видѣть и притѣсне-

¹ Гиппо «Общ. обзор. въ Соед. Шт.» стр. 122.

ніе католицизма въ томъ, что въ большей части общественныхъ школъ законъ Божій исключается изъ предметовъ преподаванія. Въ одинаковомъ положеніи съ католицизмомъ находятся и другія вѣроисповѣданія однако, кромѣ католиковъ, всѣ признають, что это — лучшая мѣра при томъ множествѣ вѣроисповѣданій, какое встрѣчается въ Америкѣ. Но авторъ указываетъ и на многія дѣйствительно слабыя стороны Америки. Такъ, напримѣръ: говоря о борьбѣ партій, объ интригахъ, подкупахъ, подлогахъ и проч., употребляемыхъ ими, и о торжествѣ радикальной партіи, онъ говоритъ, что «правительство Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ провозглашены народное самодержавіе и всеобщая подача голосовъ, дѣйствуетъ, однако, вовсе не въ пользу интересовъ низшихъ классовъ. «На дѣлѣ оказывается, что политическою завѣдываетъ особенный классъ людей, которые дѣлають изъ этого свое ремесло и поощряють страсти простого народа, чтобы захватывать власть въ свои руки и приобрѣтать посредствомъ нея богатство. Люди, составляющіе этотъ классъ и извѣстные подъ именемъ политикановъ, сами, по большей части находятся въ рукахъ крупныхъ банкировъ, спекуляторовъ, подрадчиковъ общественныхъ работъ, однимъ словомъ — денежныхъ дѣльцовъ, которые дѣлають изъ нихъ свое орудіе» (66). Главный контингентъ политикановъ состоитъ изъ второстепенныхъ адвокатовъ и всякаго цивилизованнаго и полувиллизированнаго сброда. Они монополизируютъ политику; отъ нихъ зависятъ все въ странѣ; выборы производятся подъ ихъ вліяніемъ и выборныя лица вполнѣ отъ нихъ зависятъ». Этими Жаннѣ объясняетъ тѣ многочисленныя злоупотребленія должностныхъ лицъ и расхищеніе общественныхъ суммъ, которыя мы встрѣчаемъ въ Америкѣ. Большія финансовыя компаніи не рѣдко услѣвають подчинить себѣ въ нѣкоторыхъ штатахъ всѣ общественныя власти и добиться чудовищныхъ монополій. Такъ, напримѣръ, за исключеніемъ весьма немногихъ мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ линій, всѣ главныя линіи находятся въ настоящее время въ рукахъ «трехъ или четырехъ компаній, которыя устранили всякую конкуренцію и предписываютъ своими тарифами законы народонаселеніямъ» (90). Эти компаніи приобрѣли каналы и цѣлыя округи съ каменноугольными копями и захватили, при полученіи концессій на постройку дорогъ, громадная пространства общественныхъ земель по протяженію всей линіи и продають теперь эти земли переселенцамъ по дорогой цѣнѣ. Господство капитала страшно развращаетъ общественную нравственность. «Несмотря на всеобщую подачу голосовъ и на полнѣйшее политическое равенство, говоритъ Жаннѣ: — ни въ одной странѣ не существуетъ такой глубокой бездны между богатыми и бѣдными, какъ здѣсь» (116). Они различаются даже передъ судомъ: богатый нанимаетъ хорошихъ адвокатовъ, подкупаетъ судей и присяжныхъ, выходитъ изъ-подъ ареста на поруки и т. п. Богатые все болѣе и болѣе обособляются въ особый міръ. Рядомъ

съ общественными школами возникают частныя школы для дѣтей состоятельныхъ людей, и число такихъ школъ все болѣе и болѣе возрастаетъ. Хотя общественныхъ школъ и гораздо больше и число учениковъ въ нихъ простирается до 8 милл., но частныя школы уже насчитываютъ до 500,000 учениковъ. Гипно замѣчаетъ, что съ открытіемъ частныхъ школъ богатые люди перестаютъ заботиться объ общественныхъ школахъ, и послѣднія приходятъ въ упадокъ. Плата во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ настолько велика, что дѣлаетъ ихъ недоступными для бѣдняковъ. Забота о деньгахъ составляетъ общую и едва ли не самую важную заботу. «Эта забота является у каждаго юноши съ самыхъ раннихъ лѣтъ и мѣшаетъ старцу предаваться отдыху и покою на закатѣ своей жизни. Никто не старается выказывать безкорыстія. Судьи, генералы, государственные люди принимаютъ, какъ заявленіе общественнаго уваженія, деньги, собираемыя по подпискамъ» (115). Число независимыхъ газетъ «очень ограничено» (106). Человѣку богатому все прощается; банкротство въ глазахъ большинства ни мало не клеймитъ человѣка; литература, искусство и вообще либеральныя профессіи носятъ меркантильный характеръ. «Доктора, адвокаты и самыя священники (ясно, добавляетъ авторъ въ скобкахъ, что мы говоримъ только о протестантскихъ пасторахъ) требуютъ немедленно и нахально вознагражденія за отпугивленіе своихъ обязанностей, какъ простые ремесленники» (116). Къ бѣдности всѣ относятся «съ презрѣніемъ». Акціонерная дѣятельность служитъ для мошенниковъ средствомъ производить подлоги и грабежи: дутыхъ предпріятій и бумагъ—масса. Число банкротствъ все возрастаетъ. Злоупотребленія проникаютъ даже въ благотворительныя учрежденія, въ которыхъ администрація расхищаетъ громадныя суммы. Стала формироваться крупная поземельная собственность и стали появляться землевладѣльческія доктрины (Жанне видитъ въ этомъ, разумѣется, хорошій признакъ). Семейная нравственность, по словамъ автора, также пострадала. Быть матерью считается съ нѣкотораго времени противнымъ фэшэбельности. Искусственные выкидыши и вытравленіе плода до такой степени распространены, что въ 1872—73 г. правительство штатовъ и конгрессъ должны были издать противъ этого спеціальныя законы. Положеніе рабочихъ въ Америкѣ воистинѣ необезпеченно: высокой заработной платѣ соответствуетъ и дороговизна жизни. Только просторъ и богатство страны предупреждаютъ накопленіе пролетаріата или, лучше сказать, не накопленіе, а обнаруженіе и взрывъ его. Каждый кризисъ, каждое промышленное или финансовое потрясеніе оставляетъ десятки и сотни тысячъ рабочихъ рукъ безъ работы и безъ хлѣба; такъ напримѣръ, 12-го сентября 1873 г. въ Нью-Йоркѣ, собирався колоссальный митингъ изъ делегатовъ рабочихъ, не имѣющихъ занятій или получающихъ недостаточную для существованія плату; делегаты заявили, что такихъ рабочихъ ома-

зывается 180,000 чел. въ штатѣ, 110,000 въ городѣ и 38,000 женщинъ, и что они, представители ихъ, объявляютъ правительству, что, «не желая прибѣгать ни къ какимъ насиліямъ противъ лицъ и собственности, они, однако же, намѣрены обезпечить себя и свои семейства отъ нужды, т. е. снабдить себя помѣщеніями и всѣмъ необходимымъ для жизни, и счета всѣхъ этихъ расходовъ присылать въ казначейство сѣти до тѣхъ поръ, пока они не получаютъ работу» (287). «Если рабочіе, говоритъ авторъ:—дѣлаютъ такіа манифестаціи, то это потому, что они терпятъ страшную нужду». Составляютъ работники, по примѣру англійскихъ, и рабочіе союзы, устраиваютъ и громадныя стачки, но все это оказывается далеко недѣйствительнымъ въ борьбѣ съ хроническимъ зломъ: позиція на время берется, но вскорѣ опять уступается, отдѣльные отряды рабочихъ по временамъ проникаютъ довольно далеко, но вся масса ихъ все болѣе и болѣе оттѣсняется. Имѣютъ американцы и превосходный законъ 1862 г.—«homestead», законъ, котораго не имѣетъ никакая другая страна и въ силу котораго каждый гражданинъ штатовъ и каждый иностранецъ, изъявляющій желаніе принять американскую національность, имѣютъ право приобрести на выборъ 160 акровъ земли съ уплатою только 10 или 12 центовъ съ акра землемѣрныхъ расходовъ¹, но, къ сожалѣнію, не всѣ имѣютъ возможность сдѣлать необходимое хозяйственное обзаведеніе и приступить къ хозяйству. Все это для многихъ представляетъ такіа затрудненія, что они продолжаютъ голодать въ городахъ или даже переселяются обратно въ Европу. Такимъ образомъ въ 1873—74 г. выбыло 134,686 переселенцевъ.

Къ социальному антагонизму присоединяются еще племенные антагонизмы, которые тѣсно переплетаются между собою и обѣщаютъ принять грозныя размѣры. Янки смотрятъ въ высшей степени недружелюбно на китайцевъ, ирландцевъ и нѣмцевъ. Въ особенности ихъ беспокоитъ стремленіе переселенцевъ обособляться по національностямъ: ирландцы, нѣмцы, франко-канадцы занимаютъ въ городахъ различные кварталы, имѣютъ свои журналы (нѣмцы въ 1870 г. имѣли уже 341 изданіе), свои церкви, кассы, національныя общества и женятся почти исключительно между собою (275). Кромѣ того, они сосредоточиваются еще въ извѣстныхъ территорияхъ: такъ, напр., нѣмцы, которыхъ, между прочимъ, по однимъ свѣдѣніямъ считается 5 милл., а по другимъ 10 милл. душъ, сосредоточиваются преимущественно на западѣ, гдѣ образуютъ еще болѣе плотную массу. Со времени побѣды Бисмарка, они убѣждены, говоритъ Жаннѣ, что ихъ расъ предназначено господствовать надъ всѣмъ міромъ, и мечтаютъ

¹ Кромѣ того, каждый можетъ приобрести еще такое же количество земли для каждаго изъ членовъ своей семьи (въ общей, суммѣ не больше, однако, 640 акровъ) покупкою, уплачивая, смотря по категоріи, къ какой причислена земля, отъ 1 долл. 25 сент. до 2 долл. за акръ.

о созданіи въ Соединенныхъ Штатахъ нѣмецкаго государства (283). Къ этому надо еще прибавить замѣтную вражду различныхъ частей союза: сѣвера и запада съ югомъ и сѣвера съ западомъ. Смотри на все это, многіе американцы изъ консервативныхъ лагерей — умѣренно республиканскаго и умѣренно демократическаго, какъ свидѣтельствуеетъ Жаннѣ — вспоминаютъ англійскіе порядки и поговариваютъ о конституціонной монархіи; онъ самъ слышалъ отъ «большинства» американцевъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться, что они «читаютъ глубокое благоговѣніе къ правительству Наполеона III» (111). Поворотъ къ монархіи, однако, кажется автору менѣе вѣроятнымъ въ Америкѣ, хотя въ попыткѣ Гранта быть избраннымъ въ президенты на 3-й срокъ и видна, по его мнѣнію, возможность такого исхода радикализма; ему кажется болѣе вѣроятнымъ, что изъ одного союза образуются три-четыре новыя федераціи. Необходимо сказать еще нѣсколько словъ о религиозныхъ вопросахъ, снова выступающихъ на сцену и въ особенности разжигаемыхъ католицизмомъ, который дѣлаетъ все большіе и большіе успѣхи. Различныя вѣроисповѣданія и секты жили между собою достаточно мирно. Съ усиленіемъ же католицизма это положеніе все болѣе и болѣе измѣняется. Въ 1875 году, «по самому умѣренному счету», католиковъ въ Америкѣ считалось уже 6—7 мил., то есть $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{7}$ всего населенія. Бѣлаго числа адептовъ не имѣетъ ни одно изъ протестантскихъ вѣроисповѣданій, взятое въ отдѣльности. Католики имѣютъ уже большое вліяніе на выборы (204). Жаннѣ, разумѣется, торжествуетъ при видѣ этихъ успѣховъ. Онъ видитъ въ католицизмѣ чуть ли не единственный якорь спасенія отъ всѣхъ золъ, удручающихъ Америку, и, главнымъ образомъ, отъ радикализма; но едва ли это универсальное средство не причинитъ Америкѣ гораздо больше зла, чѣмъ всѣ радикалы, начиная съ Джефферсона и кончая Грантомъ. Приписывая все зло народному суверенитету, народной партіи и, главнымъ образомъ, радикаламъ послѣдняго времени, авторъ обнаруживаетъ крайне узкій консерватизмъ, слабость мысли и часто впадаетъ въ натяжки. Зло порождено вовсе не радикализмомъ, а тѣми самыми прекрасными порядками, которыми такъ восхищается авторъ и противъ которыхъ народъ постоянно, чуть ли не съ самыхъ первыхъ дней независимости Америки, протестовалъ. Соціальная рознь и политическая безправность большинства явились на первыхъ ступеняхъ новой республики, и онѣ-то и породили все развращеніе нравовъ и всѣ бѣды. Не затѣмъ, конечно, люди стремились въ Америку и проливали свою кровь за ея независимость, чтобы создать въ ней тѣ же самые порядки, отъ которыхъ они убѣжили изъ Европы. Суверенитетъ народа, столь ненавистный нашему автору, вовсе не есть порожденіе послѣдняго времени: онъ всегда жилъ въ народномъ сознаніи и былъ провозглашенъ еще въ 1776 году Джефферсономъ, когда континентальный конгрессъ

поручилъ ему составить декларацію правъ. Филадельфійскій конвентъ, выработывавшій конституцію 1787 года во время отсутствія Джефферсона, когда тотъ былъ посланникомъ въ Парижъ, счелъ за лучшее игнорировать этотъ органическій, народный принципъ, провозглашенный уже народомъ, и замѣнилъ его принципомъ имущественнаго меньшинства. Даже самая конституція была утверждена вовсе не плебисцитомъ, а была только ратификована властями штатовъ. Это было, безъ всякаго сомнѣнія, самоуправство со стороны филадельфійскаго собранія, и съ самыхъ первыхъ дней начался протестъ, упорная борьба между партіей Джефферсона и Уашигтона, то-есть между республиканцами и федералистами. Самъ же авторъ говоритъ мимоходомъ объ этой борьбѣ, кончившейся, однако, тѣмъ, что въ 1821 году право голоса для выбора представителей, сенаторовъ и губернатора было распространено безразлично на всѣхъ гражданъ, если они въ теченіи года заплатили только какую-нибудь подать, служили въ милиціи или содѣйствовали исправленію дорогъ (21). Въ 1824 году, выборное начало было распространено на мировыхъ судей, а въ 1826 году, подъ натискомъ возмущенія, законодательное собраніе отказалось назначать избирателей въ президенты и предоставило ихъ назначеніе народному голосованію (21). И этотъ суверенитетъ народа вовсе не повредилъ странѣ, а, напротивъ, какъ разъ совпадаетъ съ временемъ наибольшаго ея процвѣтанія и внутренняго порядка, съ временемъ, которое извѣстно въ исторіи Америки подъ именемъ эры благоденствія, «Аега of good feeling». Эта эра заканчивается 1850 годомъ, когда начинаются спекуляціи съ ихъ послѣдствіями и смуты чисто-соціального, экономическаго характера, вытекающія прямо изъ того, что американцы сосредоточились преимущественно на политическихъ теоріяхъ и борьбѣ и не обратили должнаго вниманія на соціально-экономическое устройство, вѣроятно, и не представляя себѣ того, что богатства страны могутъ истощиться и что, несмотря ни на какія богатства, скопленіе капиталовъ въ рукахъ немногихъ можетъ породить страшныя общественныя язвы. Между тѣмъ, соціальный вопросъ усложнился и затянулъ всю жизнь гордѣвымъ узломъ. Точно также невѣрно толкуеть и комментируетъ авторъ и другіе факты изъ американской жизни. Вмѣшательство федеральной власти въ дѣла штатовъ вовсе не проистекаетъ исключительно изъ безнравственнаго стремленія народа къ господству, къ цезаризму, къ порабощенію меньшинства... Мотивами для такого вмѣшательства всегда почти служили самыя высокія, самыя гуманныя цѣли, которыя показываютъ только, что народъ умѣетъ пользоваться властью и понимаетъ государственное право и человѣческую справедливость. Онъ не подавляетъ меньшинства, занимающагося наукой, но вмѣшивается въ промышленность, когда фабриканты эксплуатируютъ рабочихъ, вмѣшивается въ школу, когда туда входятъ іезуиты и грозятъ умственной и нравственной сво-

бодѣ дѣтей, вмѣшиваются въ дѣла плантаторовъ, когда они ведутъ невольничій торгъ и держатъ въ рабствѣ цѣлые милліоны людей. Говоря объ интригахъ радикальной партіи и продѣлкахъ радикальныхъ янки противъ благородныхъ рыцарей юга, авторъ точно забываетъ, что самъ же приводитъ ужасныя, неизмѣримо большія интриги этихъ рыцарей, когда они грозили смертью, вырываніемъ языковъ и пытками всякому, кто заговаривалъ объ уничтоженіи невольничества (30—31), когда они устраивали коммюгеты бдительности и знаменитую ассоціацію Ku-Klux-klan съ ея страшною полиціей и ужасными трибуналами. Это онъ объясняетъ весьма мягко: «вслѣдствіе отсутствія правильнаго правосудія, бѣлое народонаселеніе вынуждено было прибѣгнуть къ революціоннымъ средствамъ защиты» (43). Приводя комедію Гайарре «Школа политики», изображающую выборы, подкупы и интриги политикановъ, Жаннѣ примѣняетъ ее къ Нью Йорку, а не къ излюбленной имъ Луизианѣ, которая въ ней изображена (74—9). Говоря о развращенности американскихъ нравовъ и противопоставляя ей католическую нравственность, онъ, кажется, совершенно забываетъ, что такого разврата, какой намъ можетъ представить исторія католическихъ странъ и самого католицизма, не было и нѣтъ нигдѣ, что самъ же онъ высказываетъ, что «обязательное раздѣленіе имущества между всѣми дѣтьми побуждаетъ множество французскихъ семействъ прибѣгать къ дѣтубійству» (130), что расхищеніе общественныхъ суммъ встрѣчается и въ конституціонной Европѣ и т. п. Вообще авторъ очень часто противорѣчитъ себѣ и обнаруживаетъ тѣ грубыя тенденціозныя нитки, которыми шита его книга. Такъ напримѣръ, говоря о томъ, что краткіе сроки и смѣняемость судей должны породить неуваженіе къ суду, авторъ самъ же говорить, что судьи въ Америкѣ очень уважаются; говоря, что богатые люди, представляющіе гарантію честности, устранены изъ политики, говорить, что сами они удаляются отъ дѣлъ, находя «невыгоднымъ терять время на исправленіе общественнаго зла» (109) и т. п. Въ особенности много тенденціозности проглядываетъ у автора при обсужденіи американскаго воспитанія: онъ не сочувствуетъ бесплатному и обязательному образованію, находя его, сверхъ всего прочаго, «ствѣснительнымъ»; онъ считаетъ направленіе американской школы «гибельнымъ»; преподаваніе конституціи штатовъ «неблагоразумнымъ»; совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ «безнравственнымъ» и проч. (244—251). Советуемъ читателямъ, интересующимся педагогическими вопросами, по прочтеніи Жаннѣ, прочесть книгу Гиппо, если только они не читали ея. Гиппо очень высоко ставитъ американскую школу и приводитъ множество свидѣтельствъ американскихъ педагоговъ по поводу совмѣстнаго обученія половъ, которое дѣйствуетъ какъ разъ обратнo, чѣмъ это думаютъ люди съ развращеннымъ воображеніемъ, которое ослабляетъ волевое влеченіе, замѣняя его дружескими, братскими отношеніями (101), кото-

рее оказываетъ морализующее вліяніе и которое настолько приобрѣло уже въ Америкѣ право гражданства, что не только низшія школы, но даже университеты, въ которыхъ прежде были перегородки, поломали эти перегородки. Мы распространились о книгѣ Жюльена довольно подробно потому, что къ Америкѣ, въ особенности со стороны рассматриваемыхъ авторомъ вопросовъ, замѣчается въ нашемъ обществѣ довольно сильная жажда, и многіе, вѣроятно, будутъ читать его книгу. Когда чувствуется жажда и нѣтъ чистой рѣки, то люди пьютъ изъ лужи, а изъ лужи надо пить поменьше и съ осторожностью. Вотъ это-то мы и хотѣли сказать...

Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. *Герберта Спенсера.* Переводъ съ англійскаго. Спб. 1877 г. Изданіе Н. П. Карбасникова.

Мы имѣли уже одинъ переводъ сочиненія Спенсера о воспитаніи, вышедшій ровно десять лѣтъ тому назадъ (изданіе Тиблена 1867 г.); но судьба этого перевода была какая-то странная: несмотря на почетное имя автора въ европейской наукѣ и литературѣ, несмотря на несомнѣнное достоинство самого сочиненія, оно у насъ какъ-то затерялось, какъ-то прошло незамѣченнымъ мимо вниманія родителей и наставниковъ и не провело замѣтнаго слѣда ни въ педагогикѣ, ни въ педагогической литературѣ, гдѣ имя Спенсера почти не упоминается. Мы говоримъ сочиненіе «затерялось», потому что не имѣемъ ни такого высокаго мнѣнія о нашихъ педагогахъ, чтобы считать ихъ въ правѣ игнорировать одно изъ лучшихъ сочиненій Спенсера, ни такого невыгоднаго мнѣнія о ихъ умственномъ уровнѣ, чтобы считать ихъ недорослыми до Спенсера или желанными замолчать то, что пришлось не по вкусу. Сочиненіе для многихъ, дѣйствительно, могло затеряться, какъ это у насъ и случается довольно нерѣдко: оно не было отдѣльнымъ изданіемъ, не имѣло своего заглавія и составляло III томъ «Собранія сочиненій», предполагавшагося къ изданію въ 7 томахъ; въ философскую же литературу, какъ извѣстно, у насъ заглядываютъ немногіе. Желаемъ отъ души, чтобы второй переводъ, сдѣланный, къ сожалѣнію, довольно небрежно, имѣлъ болѣе счастливую участь, такъ какъ врядъ ли найдется въ нашей литературѣ какое-либо другое сочиненіе, которое могло бы бросить такой яркій лучъ свѣта на воспитаніе и разсвѣять педагогическіе туманы.

Авторъ разбираетъ современныя теоріи и практику воспитанія въ Европѣ и находитъ, что онѣ не выдерживаютъ критики. Онъ прежде всего указываетъ на преобладаніе въ воспитаніи украшающаго элемента надъ полезнымъ—черту, которую въ особенности часто можно наблюдать у дикихъ народовъ, которые цѣнять цвѣтныя бусы и пубрякушки гораздо дороже коленкора и сукна, которые выносятъ страшныя муки татуированія, подпаливаютъ себѣ зубы, въ хорошую погоду носятъ плащи, а во время дождя снимаютъ ихъ, чтобы не попортились, которые ходятъ

голые по улицѣ, но «никогда не рѣшатся нарушить благопристойности и выйти изъ дому неразрисованными» (1). Также самое отсутствіе правильности понятій мы видимъ и при опредѣленіи цѣнности знаній. Въ соображеніе принимается не то знаніе, которое наиболѣе цѣнно, а то, которое доставляетъ больше похвалъ, почестей и съ помощью котораго мы вѣрнѣе достигаемъ положенія въ обществѣ. «Какъ индѣецъ Ориново, прежде чѣмъ выйти ему изъ своей лачуги, раскрашиваетъ себя не для дѣйствительной какой-нибудь выгоды, а только потому, что иначе онъ будетъ осмѣянъ, такъ и мальчика заставляютъ долбитъ латинскій и греческій языки не въ виду ихъ существенной необходимости, а во избѣжаніе упрека въ незнаніи этихъ языковъ, для того, чтобы онъ получилъ «воспитаніе джентльмена», отличіе, указывающее на извѣстное социальное положеніе и доставляющее извѣстное уваженіе» (4). «Рожденія, кончины и браки королей и другія ничтожныя историческія свѣдѣнія набиваются въ память не для какой-нибудь прямой выгоды, но потому, что общество считаетъ это принадлежностью хорошаго воспитанія, потому что отсутствіе этихъ познаній могло бы навлечь насмѣшки» (6). «Тѣ, продолжаетъ Спенсеръ:—которые покраснѣли бы, еслибы кто-нибудь поймалъ ихъ, что они провозносятъ Ифигенія, вмѣсто Ифигенія, или сочли бы оскорбительнымъ обвиненіе ихъ въ незнаніи вымышленныхъ подвиговъ вымышленнаго полубога, ни мало не конфузясь признаются въ томъ, что имъ неизвѣстно, гдѣ находятся Евстахіевы трубы, каковы дѣйствія спиннаго хребта, каково нормальное біеніе пульса или какъ раздуваются легкія» (32). Въ женскомъ воспитаніи преобладаніе декоративнаго элемента еще больше: танцы, манеры, пѣніе, самые предметы преподаванія. Спросите, напримѣръ: для чего заставляютъ женщинъ изучать французскій, нѣмецкій и итальянскій языки? Совсе не для того, чтобы читать книги на этихъ языкахъ: «объ этомъ обыкновенно не бываетъ и рѣчи, но для того, чтобы слѣть итальянскую и нѣмецкую пѣсенку и чтобы обширными дарованіями возбудить удивленіе» (5). Въ самомъ методѣ и приемахъ существующаго воспитанія, начиная съ дѣтской и кончая высшими учебными заведеніями, Спенсеръ видитъ и показываетъ намъ съ ясностью бошняго дня полное незнаніе психологіи и глубокое педагогическое невѣжество. Образованіе понятій и сообщеніе знаній не только не ведется согласно съ требованіями психологіи: переходитъ отъ простаго къ сложному, отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному, отъ конкретнаго къ абстрактному, отъ эмпирическаго къ рациональному, но ведется, по большей части, какъ разъ наоборотъ. Затѣмъ, обыкновенно учениковъ заставляютъ пассивно воспринимать чужія мысли, подавляютъ ихъ самостоятельность, индивидуальность; ихъ обременяютъ еще такою массою ненужныхъ предметовъ, что, «вслѣдствіе чрезмѣрнаго напряженія способностей, весьма немногіе изъ нихъ обладаютъ тою силою ума, какою могли бы обладать» (58), но за

то многіе теряютъ здоровье (332). Въ особенности возмущается Спенсеръ противъ стѣсненія дѣтской самостоятельности и процесса саморазвитія: «Стремленія развивающагося ума вовсе не такіа дьявольскія, какъ прежде предполагалось» (107); эти стремленія естественны, законны; если они иногда и становятся неправильными, то по болѣе части вслѣдствіе нашего неумѣлаго вмѣшательства, и вообще на нихъ можно гораздо болѣе положиться, чѣмъ на наши размышленія, потому что мы еще очень мало знаемъ о законахъ умственнаго развитія человѣка. Стѣсненіе самостоятельности и чрезмѣрность занятій порождаютъ, кромѣ того, отвращеніе къ умственнымъ занятіямъ. Физическое воспитаніе ведется крайне небрежно, оно совершенно отстѣснено умственнымъ воспитаніемъ на задній планъ. Родители «съ жестокою безпечною пренебрегаютъ изученіемъ тѣхъ жизненныхъ процессовъ, на которые они непременно вліяютъ своими приказаніями и запрещеніями» (51). Совершеннымъ незнаніемъ самыхъ простыхъ фізіологическихъ законовъ они съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе подрываютъ здоровье своихъ дѣтей и, главнымъ образомъ, сами виноваты во всѣхъ ихъ болѣзняхъ и въ преждевременной смерти нетолько ихъ, но и ихъ потомковъ. Опасность чрезмѣрнаго умственнаго воспитанія и небрежность къ физическому здоровью настолько велика, что Спенсеръ посвящаетъ цѣлую главу, гдѣ доказываетъ, что современныя поколѣнія вырождаются подъ вліаніемъ этихъ причинъ. «Обращаясь отъ физическаго воспитанія къ нравственному, говоритъ Спенсеръ: — мы видимъ то же самое невѣжество и тѣ же самыя пагубныя послѣдствія» (52). Молодая и малоучившаяся мать, обыкновенно, вовсе не знаетъ природы душевныхъ движеній, ихъ развитія и проявленій. Она постоянно противолѣствуетъ тому или другому проявленію жизни дитяти, совершенно нормальному и благотворному, уменьшаетъ его счастье, портитъ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свой характеръ, заставляетъ его чуждаться ея. «Желая, на примѣръ, поощрить какіе нибудь поступки, она прибѣгаетъ къ угрозамъ и подаркамъ или старается пробудить желаніе похвалъ, обращая, такимъ образомъ, мало вниманія на внутреннее побужденіе, лишь бы было сообразное внѣшнее поведеніе, и тѣмъ самымъ, вмѣсто хорошихъ чувствъ, развиваетъ лицемеріе, трусливость, самолюбіе» (53). Требуя правды, она постоянно показываетъ примѣръ лжи и т. д. Вмѣшательство такой матери-воспитательницы, говоритъ Спенсеръ, «вреднѣе полнѣйшаго ея безучастія». «Вообще предполагаютъ, продолжаетъ онъ, обсуждая вопросы домашней дисциплины: — какъ относительно управленія семьей, такъ и относительно управленія націей — что правители соединяютъ въ себѣ добродѣтели, а управляемые пороки» (206) и доказываетъ, но крайней мѣрѣ, относительно семьи, что это по болѣе части бываетъ наоборотъ. Вообще, вся критическая, отрицательная сторона сочиненія Спенсера превосходна. Читатель тѣмъ болѣе

можетъ считать эту картину основательною, что Спенсеръ стоитъ на почвѣ тѣхъ же самыхъ умѣренныхъ воззрѣній на задачи человѣчества, на какой стоятъ всѣ филистеры и на которой по-воится и наше школьное и семейное воспитаніе. Это послѣднее обстоятельство заставляетъ насъ сказать, что положительная сторона его сочиненія, т. е. когда авторъ переходитъ къ совѣтамъ, къ установленію новаго метода, новой системы воспитанія и т. д., не годится для руководства. Мы не будемъ въ настоящій замѣткѣ распространяться объ этихъ недостаткахъ, а рассмотримъ ихъ въ отдѣльной статьѣ, въ одномъ изъ ближайшихъ №№ «Отвч. Зап.», такъ какъ предметъ требуетъ болѣе внимательнаго отношенія къ нему.

Исторія банковъ. Выпускъ первый. Исторія старинныхъ кредитныхъ учреждений. Пьетро Рота. Съ введеніемъ, примѣчаніями и дополненіями *И. И. Кауфмана*.—Выпускъ второй. Исторія банковаго дѣла въ Великобританіи и Ирландіи *И. И. Кауфмана*. Спб. 1877 г.

По истинѣ, трагично бываетъ положеніе ученаго, настолько опередившаго ту эпоху или ту среду, въ которой ему суждено жить, что его идеи не могутъ быть не только оцѣнены, но даже поняты «толпою». Исторія сохранила намъ имена многихъ геніевъ, прошедшихъ незамѣченными среди своихъ современниковъ. Геніямъ оставалась, впрочемъ, хоть та надежда, что потомство рано или поздно ихъ оцѣнитъ, и плоды ихъ работы когда-нибудь да выкажутся. Но ученые, которые не могутъ претендовать на геніальность, лишены даже и этого утѣшенія. Volens-potens они должны примириться съ тѣмъ, что ихъ труды ненужны ни современникамъ, ни потомству, и довольствоваться мыслью, что «мудрецъ самъ себя довѣдетъ», какъ говорили древніе циники. Отъ этого ихъ положеніе еще болѣе трагично, хотя, конечно, не трагичнѣе положенія несчастной толпы, которая весьма дорогою цѣною окупаетъ возможность имѣть въ средѣ своей мудрецовъ и къ ужасу которой мудрецы эти оказываются «самодовлѣющими». И замѣчательно, что число «самодовлѣющихъ» ученыхъ бываетъ, говоря относительно, едва ли не значительнѣе всего тамъ, гдѣ вообще ученыхъ весьма мало и гдѣ въ производительныхъ интеллектуальныхъ силахъ чувствуется особенно настоятельная потребность. За примѣрами ходитъ далеко нечего. Ужъ на чтò мы не богаты научными силами, а сколько можно насчитать ученыхъ, работы которыхъ съ полнымъ правомъ могутъ быть отнесены къ категоріи упражненій въ «самодовлѣніи!» Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ профессоръ римской словесности написалъ, напримѣръ, сочиненіе, для пониманія котораго, по словамъ его, требовались такія знанія, которыми никто изъ соотечественниковъ почтеннаго ученаго не обладалъ; недавно другой ученый подарилъ насъ изслѣдованіемъ о нарѣчій, которое никому изъ отечественныхъ лингвистовъ, не

говоря уже о толпѣ, не было извѣстно и не сдѣлалось извѣстнымъ и послѣ появленія упомянутаго труда.

Всѣ эти соображенія припомнились намъ по поводу новаго сочиненія г. Кауфмана, хотя къ г. Кауфману они примѣняются только отчасти. Онъ тоже находится въ положеніи ученаго, который вмѣщаетъ въ себѣ то, чего современники и соотечественники его вмѣстить не могутъ. Г. Кауфманъ задумалъ трудъ о кредитѣ, но вскорѣ убѣдился, «что писать о нашихъ кредитныхъ учрежденіяхъ сравнительно съ заграничными на русскомъ языкѣ, на которомъ результаты науки, по изслѣдованію теоріи и исторіи кредитныхъ установленій, никогда не излагались съ полнотою, сколько-нибудь соответствующею ихъ богатству, значить писать, совершенно игнорируя положеніе науки въ Россіи, сознательно содѣйствуя ея бесплодности». Г. Кауфманъ не хочетъ содѣйствовать этой бесплодности; поэтому, онъ предпринялъ почтенную, но тяжкую задачу — подготовить публику къ воспріятію его выводовъ, построить лѣса, которыя помогли бы непосвященнымъ добраться до тѣхъ высшихъ регіоновъ науки, въ которыхъ онъ пребываетъ. Этими лѣсами служило изданное имъ въ 1873 г. сочиненіе «Кредитъ, банки и денежное обращеніе», ту же роль должна играть и «Исторія банковъ», первые два выпуска которой появились въ нынѣшнемъ году.

Повторяемъ, предпріятіе г. Кауфмана весьма похвально, но и весьма нелегко. Немудрено, поэтому, что г. Кауфманъ не выдержалъ его бремени, «напрягся и изнемогъ», говоря словами покойнаго «Атенея». Быть можетъ, въ тайникахъ своего ума онъ и могъ вмѣстить «всѣ тѣ результаты чисто теоретическихъ изслѣдованій (о кредитѣ), которые въ XIX столѣтіи наука дала въ Англіи, Франціи, Германіи и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, но тѣ примѣненія, которыя онъ дѣлаетъ изъ нихъ въ «Исторіи банковъ», поневолѣ наводятъ на мысль, что ученость г. Кауфмана тоже «сама себѣ довлѣетъ» и фатально остается мертвымъ капиталомъ среди общаго научнаго бездежья.

Книга г. Кауфмана, какъ мы уже упоминали, занимается исторіею кредита. Историческое изслѣдованіе экономическихъ вопросовъ приобрѣло въ послѣднее время, какъ извѣстно, чрезвычайно важное значеніе въ наукѣ. Яркій и новый свѣтъ былъ пролитъ историческимъ анализомъ на многія явленія, представлявшія совершенно въ другомъ видѣ при господствѣ абстрактныхъ пріемовъ изслѣдованія. Но историческое изученіе, чтобы дать подобный результатъ, должно быть поставлено на широкомъ основаніи. Въ трудѣ г. Кауфмана такая широкая постановка совершенно отсутствуетъ. Почти во всей книгѣ онъ приводитъ факты и цифры, относящіеся только къ тѣсной сферѣ собственно банковыхъ операцій. Вопросы о томъ, какое *соціальное* вліяніе оказывалъ кредитъ и кредитныя учрежденія, г. Кауфманъ почти не касается. Только во введеніи къ первому вы-

пуску и въ заключеніи втораго онъ даетъ нѣсколько выводовъ въ этомъ отношеніи; но выводы эти—вообще довольно скудные—съ содержаніемъ остальной части книги почти никакой связи не имѣютъ. Такъ, во введеніи къ исторіи старинныхъ кредитныхъ учреждений, г. Кауфманъ указываетъ, между прочимъ, на *патологическія* явленія кредита, которыя должны занимать въ историческомъ изслѣдованіи одинаковое мѣсто съ нормальными. Онъ прямо становится, повидимому, на ту точку зрѣнія, что, при изученіи всякаго экономическаго явленія, необходимо выяснитъ: какое вліяніе оказывало оно на *благосостояніе* различныхъ общественныхъ элементовъ; въ послѣдующемъ изложеніи эта точка зрѣнія, однако, совершенно отсутствуетъ. Въ особенности во второмъ выпускѣ (составляющемъ самостоятельный трудъ г. Кауфмана) нашъ авторъ зачастую выражается такимъ образомъ, что поневолѣ приходится заподозрить, сознаетъ ли онъ вполне отчетливо различіе между понятіемъ благосостоянія и богатства, въ смыслѣ развитія промышленности. Первое понятіе у него какъ-то тонетъ и расплывается во второмъ. Интересы промышленниковъ заслоняютъ собою прочіе и не отличаются отъ интересовъ страны.

Но даже и въ той узкой сферѣ, которую отмежевываетъ себѣ г. Кауфманъ, изслѣдованіе его грѣшитъ весьма капитальными недостатками. Ядро книги составляетъ ея IX глава (докторская диссертация автора), посвященная исторіи періода неразвѣнныхъ бумажныхъ денегъ въ Англіи. Г. Кауфманъ находитъ вполне справедливо, что изслѣдованіе вопроса о неразвѣнныхъ деньгахъ имѣетъ для Россіи непосредственно практической интересъ, и потому особенно подробно останавливается на томъ времени, когда въ Великобританіи господствовало бумажное денежное обращеніе. Г. Кауфманъ приводитъ громадную массу цифръ и фактическихъ данныхъ, рассматриваетъ подробно всѣ балансы и главные счета англійскаго банка, самымъ тщательнымъ образомъ слѣдитъ за отношеніями банка къ казначейству, рассказываетъ исторію всѣхъ парламентскихъ комиссій и дебатовъ по вопросу о размѣнѣ; но весь этотъ сырой матеріалъ такъ и остается сырымъ матеріаломъ. Онъ не только весьма мало разработанъ г. Кауфманомъ, но даже и изложенъ въ самомъ хаотическомъ видѣ. Все это дѣлаетъ пользование книгою г. Кауфмана крайне неудобнымъ. Но главнѣйшій недостатокъ книги лежитъ еще не въ этомъ. Читателя, внимательно прослѣдившаго изложеніе г. Кауфмана отъ начала до конца, всего болѣе можетъ поставить въ недоумѣніе крайняя запутанность и противорѣчія въ выводахъ, которые дѣлаетъ г. Кауфманъ изъ собраннаго имъ матеріала. Впродолженіи всего изложенія фактической стороны дѣла, г. Кауфманъ является самымъ рѣшительнымъ противникомъ бумажныхъ денегъ; прекращеніе размѣна онъ характеризуетъ, какъ «изувѣченіе всего циркуляціоннаго механизма страны», вызванное неблагоприятною финансовою политикою; при

каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, и министерству, и банку расточаются самыя суровыя и бѣдыя упреки за продолженіе неразмѣнности, безъ настоятельной въ томъ необходимости. Это не мѣшаетъ ему, однако, въ концѣ книги высказывать, въ качествѣ общаго вывода изслѣдованія, совершенно другое: прекращеніе размѣна является уже естественнымъ выходомъ изъ тяжелыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, самыя послѣдствія неразмѣнности получаютъ гораздо менѣе мрачную окраску; тяжелая отвѣтственность, которую авторъ возлагалъ на лицъ, виновныхъ въ приостановленіи размѣна, почти исчезаетъ. Г. Кауфманъ признаетъ даже, что временная замѣна металлическаго обращенія кредитнымъ была *совершенно необходима* для казначейства и не осталась безъ пользы для промышленности. Безъ этой замѣны, по словамъ его, англійское производство никакъ не достигло бы того развитія, которое характеризуетъ эпоху. И замѣчательно, что большая часть всѣхъ этихъ выводовъ рѣшительно виситъ въ воздухѣ. Они сами по себѣ, а матеріалъ, собранный г. Кауфманомъ—самъ по себѣ. Дѣло въ томъ, что матеріалъ этотъ до крайности одностороненъ: г. Кауфманъ ограничивается почти исключительно банковыми явленіями, да анализомъ вексельныхъ курсовъ. Остальныя стороны дѣла фигурируютъ только случайно. Достаточно упомянуть, напримѣръ, что движенія цѣнъ онъ почти вовсе не касается, хотя, конечно, для оцѣнки вліянія бумажныхъ денегъ на промышленность и благосостояніе страны анализъ отношеній выпусковъ денегъ къ товарнымъ цѣнамъ имѣетъ самое капитальное значеніе. Только въ концѣ книги г. Кауфманъ приводитъ мнѣніе Тука (съ которымъ и самъ соглашается), что выпуски неразмѣнныхъ денегъ въ Англіи вообще не имѣли вліянія на товарныя цѣны. Это мнѣніе находится въ самомъ рѣшительномъ противорѣчій со многими выводами г. Кауфмана, но, повидимому, онъ не замѣчаетъ этого противорѣчія, точно такъ же, какъ не замѣчаетъ и другихъ противорѣчій, въ изобиліи встрѣчающихся въ его изслѣдованіи.

Изъ всего сказаннаго можно видѣть, какое научное достоинство имѣетъ книга г. Кауфмана. Читатель не найдетъ въ ней ничего, кромѣ безпорядочной массы сырого и, притомъ, односторонняго матеріала. Если дальнѣйшіе выпуски «исторіи банковъ» будутъ имѣть такой же характеръ, то едва ли русская публика вынесетъ изъ нихъ много поучительнаго.

Общественные вопросы Закавказскаго Края. II. Сельское хозяйство. Анализъ сельско-хозяйственнаго культа и промышленность сельскаго хозяйства въ Россіи и Закавказскомъ Краѣ въ связи съ торговлею и промышленностью. *М. Г. Мамцева.* Раздѣлъ 1, выпускъ 1. Тифлисъ 1877 г.

Подъ такимъ громкимъ заглавіемъ какой-то г. Мамацевъ предлагаетъ свои разсужденія на экономическія или даже на социологическія тѣмы. Онъ прежде всего высказываетъ въ предисловіи соболѣзнованіе о томъ, что въ процессѣ цивилизаціи мысль

*

стоятъ, обыкновенно, «ниже уровня дѣйствительнаго развитія общества», вслѣдствіе чего «общественный организм» самъ проявляетъ поступательное движеніе въ видѣ войнъ и революцій, и мысль, всё усиляя которой, по самому существу ея, «включается къ тому, чтобы эта потасовка была предупреждена», оказывается безсильною въ такомъ предупрежденіи. Авторъ несомнѣнно имѣетъ намѣреніе содѣйствовать поднятію уровня мысли... Онъ пишетъ несомнѣнно важное сочиненіе: «Если, говоритъ онъ: — рядъ научныхъ положеній, фактовъ, длинныхъ цифръ, обобщеній и выводовъ, къ которымъ мы прибѣгаемъ въ данномъ вопросѣ, какъ единственному возможному средству для облегченія отысканія синтеза его, могутъ бросить тѣнь на занимательность изложенія его, то самый предметъ заслуживаетъ вниманія». Такъ начинается сочиненіе. Авторъ надѣется, что вносить въ область человѣческаго знанія и мышленія нѣчто новое: «Я позволю себѣ надѣяться, что объединеніемъ различныхъ неэкономическихъ и непромышленныхъ элементовъ, входящихъ въ производство сельскохозяйственнаго культа терминологическимъ обобщеніемъ ихъ въ такъ мною названный *сельскохозяйственный модуль* производства, и сопоставленіемъ его съ такъ мною же названнымъ *капиталистическимъ модулемъ* производства, я дѣлаю приобрѣтенію» и т. д. Очень жаль, что трудно опѣнить по достоинству это приобрѣтеніе, какъ потому, что г. Мамацевъ излагаетъ свои мысли совсѣмъ необыкновеннымъ и непонятнымъ языкомъ, такъ и потому, что самыя мысли, насколько до нихъ можно добраться, представляютъ собою какое-то коловращеніе: передъ вами выскакиваютъ какіе-то концы, какіе-то скользкіе языки, за которые нѣтъ никакой возможности ухватиться. Кажется, что авторъ толкуетъ объ обыкновенныхъ вещахъ, напримѣръ: о связи сельскаго хозяйства съ промышленностью, о томъ, что, изолированное отъ промышленности, оно обречено на застой, что порядокъ собственно капиталистическаго промышленнаго хозяйства представляется ему болѣе развитымъ, болѣе совершеннымъ и т. п.; но не ручаемся за то, что понимаемъ мысли автора вѣрно. Не пойметъ автора и миръ и лишится, можетъ быть, въ лицѣ его лучшаго своего друга, лишится повѣданной имъ истины, которая, можетъ быть, лежитъ въ его сочиненіи. Къ сочиненію нуженъ подстрочный переводъ, который объяснялъ бы непостижимыя письма. Безъ такого объясненія, намъ кажется даже, что г. Мамацевъ самъ не понимаетъ того, о чемъ толкуетъ: представляется намъ, что онъ просто начитался разныхъ разностей (а читалъ онъ дѣйствительно разныя разности: К. Маркса, Шеффле, Прудона, Шекспира, Гёте, Ситовскаго, Пахомова, Я. Гейдука, «Записки Кав. Общ. Сельск. Хоз.» и т. д.) и захотѣлъ самъ поупражняться въ сочинительствѣ на серьёзныхъ тѣмъ. Что-жъ, подумалъ онъ: — если Марксъ занимается наукой, то отчего же не могу заняться ею и я? Отношеніе къ наукѣ у г. Мамацева самое смѣлое,

кавказское: точно передъ нимъ не наука, а какой-нибудь турецкій редутъ, точно даже передъ нимъ не редутъ, а гладкая дорога, на которой не виднѣтся ни опасности, ни срама и на которой предстоитъ только джигитовка. Ученые у него, повидимому, всѣ равны: Марксъ, Шеффле, Прудонъ, Ситовскій, Гейдуть — всѣ стоятъ рядомъ. Онъ производитъ поправки у Маркса, даже какъ будто изъявляетъ желаніе дополнить его, замѣняя выраженіе: «добавочная стоимость капиталистическаго производсва» выраженіемъ — «нѣчто капиталистическое» или «капиталистическій модуль» (51) и развивая ученіе объ этомъ модулѣ. Собственно для увеселенія читателя, а также для нагляднаго ознакомленія съ трудомъ г. Мамацева, мы приведемъ одну-двѣ тирады.

«Если бы даже, при самопознаніи с. х. модуля, оказалось, что постоянное участіе въ матеріальныхъ и духовныхъ произведеніяхъ этого неэкономическаго и непромышленнаго элемента происходитъ исключительно отъ того, что культъ этотъ все болѣе и болѣе расширяетъ свои предѣлы на новыя «республики», то даже при неизбѣжности этого хода развитія его, не отъ него слѣд. зависящаго и обусловленнаго его миссією, — все же, при всемъ гнетѣ этого модуля, воплощалась бы свобода культа, геній его сдѣлался бы яснѣе, чѣмъ въ скульптурѣ, который до тѣхъ поръ будетъ фетишемъ культа — «ужо тебя!» — и обращать всякаго дерзновеннаго, осмѣливавшагося выразить ему дружескій привѣтъ и до тѣхъ поръ преслѣдовать съ угрозою подобнаго смѣльчака и какъ привидѣніе скакать за нимъ съ тяжелымъ топотомъ, «простерши руку въ вышинѣ», — покуда этотъ с. х. модуль не будетъ выпѣженъ, выдестиглированъ, переведенъ въ самосознаніе и такъ или иначе реализированъ, какъ составная часть всякой цѣнности» (50).

«Очевидно, культъ рушился бы въ ужасныхъ судорогахъ, насколько онъ обусловленъ с. х. модулемъ, если бы не имѣлъ силы устоять предъ гнетомъ этого модуля, если бы въ немъ не нашлось самообладанія (чѣмъ бы оно ни достигалось) стать передъ нимъ лицомъ къ лицу, съ спокойствіемъ и энергією, и перевести его въ самосознаніе. — а не пасть до страха передъ нимъ и — «ужо тебя!» — вдругъ простерши руку въ вышинѣ, стремглавъ бѣжать пуститься вонъ, съ тяжелымъ топотомъ скача по полямъ, судамъ, острогамъ и пр., провозглашая въ странѣ унылой обанеручиваніе; тогда какъ вся задача культа, насколько онъ самобытный, заключается единственно въ томъ, чтобы реализовать с. х. модуль, опредѣлить величину долга, который каждый охотно желалъ бы платить, насколько онъ охотно желаетъ свободы и равенства, но не можетъ этого подъ бременемъ с. х. модуля, — а никакъ не въ томъ, чтобы объявлять и дѣлать должниковъ величайшими въ мірѣ банкротами...»

Новѣйшій спиритуализмъ, его феномены и ученіе. Пріятельскія бесѣды *Василія Маркова*. Спб. 1877.

Что такое г. Мамацовъ, намъ неизвѣстно. Г. же Василій Марковъ есть литературный хроникеръ одной большой газеты. Еже-недѣльно подвергаетъ онъ строгому суду содержаніе вновь выходящихъ книжекъ толстыхъ журналовъ, судить, рядить и расправу чинить. Что касается его собственныхъ трудовъ въ области науки и литературы, то вотъ образчикъ:

«Мы видѣли, что та часть духовнаго мозга, въ которой пребываетъ коренная духовная сущность — сочетаніе безличныхъ божественныхъ принциповъ, оживляющихъ внутренность духовнаго тѣла, можетъ быть уподоблена золотой звѣздѣ, по тому впечатлѣнію, какое, внѣшнимъ своимъ видомъ, она производитъ на глазъ ясновидящаго. Близъ средоточія физическаго мозга находится центральный духовный магнитъ—твердыня, возлѣ которой собираются духовныя силы и сосредоточиваютъ всю свою органическую дѣятельность. Эта высшая, чисто духовная сущность—душа—проникаетъ во всѣ нервныя нити, легко сжимаетъ и расширяетъ неподвижные мускулы, заставляетъ кровь двигаться по всему организму, мыслить и разсуждаетъ, учитъ разумъ и сердце признавать вѣчто высшее, чѣмъ временныя обстоятельства, которыми она связана и которыя вынуждаютъ ее покориться житейскому злу... Эта духовная твердыня казалась взору (ясновидящаго) таинственнымъ дискомъ зари, трепещущей золотомъ и горящей божественной чистотой; по размѣру своему, она не превышала дѣтскаго мячика» (Новѣйшій спиритуализмъ», 58).

Таковы наши цѣнители и судьи. «Безъ працы не бенди кололацы» — эту великую истину давно изрекъ знаменитый московскій юродивый. Но почему этотъ юродивый не писалъ еже-недѣльныхъ литературныхъ обзорѣній?

ПИСЬМА О ВОЙНѢ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Вы задаете мнѣ тяжелую задачу... Не то, чтобы мнѣ трудно было отвѣчать на тѣ вопросы, которые вы мнѣ предлагаете; нѣтъ, отвѣчать на нихъ очень легко. Но я боюсь, что въ моихъ отвѣтахъ вы встрѣтите не мало такого, что можетъ васъ, при вашемъ настоящемъ настроеніи, затронуть непріятно, болѣзненно. Вамъ, горячему патриоту, размышляющему и дѣйствующему подъ вліяніемъ общаго увлеченія, охватившаго все русское общество, можетъ по мѣстамъ показаться страннымъ то освѣщеніе, которое я даю предметамъ; можетъ показаться непонятнымъ, какъ я могу на то или другое смотрѣть иначе, чѣмъ смотреть всѣ... Тѣмъ не менѣе, я берусь за перо, чтобы отвѣчать вамъ, въ твердой увѣренности, что, поразмысливъ немного, вы поймете, что перомъ моимъ руководятъ не враждебныя чувства къ Россіи и русскимъ, но таже самая любовь, которая воодушевляетъ и васъ. Разница между мной и вами только въ различныхъ точкахъ зрѣнія на предметы, обусловливаемая нашимъ различнымъ индивидуальнымъ умственнымъ складомъ и темпераментомъ, но никакъ не степенью любви къ Россіи и русскимъ. Вы видите, что я, хотя и иностранецъ по происхожденію, но никакъ не хочу уступить вамъ въ этой любви, и думаю, что имѣю на это право. Я тридцать слишкомъ лѣтъ прожилъ въ Россіи, вполне сросся съ ея жизнію и бытомъ; ни для себя, ни для дѣтей моихъ другого лучшаго отечества не желаю; счастье, величіе, слава Россіи для меня такъ же дороги, какъ и для каждаго русскаго. Съ какимъ восторгомъ привѣтствовалъ я благородный порывъ русскаго общества, когда оно, во время сербской войны, свободно, по собственной инициативѣ, само маломощное, потекло на помощь своимъ братьямъ славянамъ! Съ неменьшимъ восторгомъ я слѣдовалъ за побѣдоноснымъ шествіемъ русской арміи отъ

Дуная за Балканы, удивляясь поистинѣ удивительнымъ геройскимъ подвигамъ какъ разныхъ частныхъ лицъ, начиная отъ Шестакова и Дубасова до Гурко, такъ и цѣлой арміи, которая въ короткое время, безъ всякаго почти урона, успѣла отъ Дуная проникнуть за Балканы! Само собою разумѣется, что при этомъ я, какъ и всякій русскій, отъ души желаю, чтобы, оправившись отъ неудачъ при Плевнѣ, русская армія также побѣдоносно продолжала свое шествіе, какъ и начала, чтобы Россія вполне достигла тѣхъ благородныхъ и гуманныхъ цѣлей, которыми задалась, освободила славянскія племена отъ турецкаго владычества и дала имъ политическую самостоятельность. Въ искренности моихъ чувствъ, въ этомъ случаѣ, вы, конечно, не можете сомнѣваться уже потому одному, что трудно человѣку, не только хорошо знакомому съ Россіей, но даже живущему внѣ ея, не увлекаться грандіозностью той идеи, которою теперь проникнуто русское общество, не сочувствовать носителямъ этой идеи и не удивляться величію жертвъ, которыя они приносятъ для ея осуществленія.

Но когда отъ увлеченій переходимъ къ трезвому размышленію и начинаешь разсматривать практическую сторону дѣла, то, при всемъ благоговѣніи предъ его нравственною красотою, невольно является вопросъ: имѣло ли русское интеллигентное общество право, въ виду далеко не блестящаго экономическаго состоянія своего народа, возлагать на него тѣ великія жертвы, какія возлагаются на него теперь, ради дѣла, для него, во всякомъ случаѣ, болѣе или менѣе чуждаго, по крайней мѣрѣ, неразрывно не связаннаго съ его собственнымъ благосостояніемъ? Предполагая даже, что на русскомъ народѣ, какъ старшемъ и самомъ сильномъ, и даже, можно сказать, единственно сильномъ изъ всѣхъ славянскихъ народовъ, лежитъ святой долгъ помочь освобожденію своихъ младшихъ братьевъ—не требовала ли справедливость предварительно дать самому русскому народу, только вчера еще вышедшему изъ крѣпостнаго состоянія, богѣе или менѣе прочно и удобно устроиться, сколько-нибудь сдѣлаться состоятельнымъ, чтобы онъ могъ снять тяжесть съ другихъ рукою сильною, не напрягая своихъ силъ до крайняго истощенія, не подавляя чужою тяжестію своего собственнаго, едва только начинающагося—да и далеко не вездѣ еще даже начинающагося—благосостоянія? Другими словами: была ли необходимость *настоятельная, неотложная* поднимать вопросъ объ освобожденіи славянъ именно *теперь въ данное время*, во что бы разрѣшеніе этого вопроса ни обошлось русскому народу, какихъ бы оно жертвъ отъ него ни потребовало? Мнѣ представляется, что такой неотложной, настоятельной необходимости не существовало. Славянскій вопросъ могъ легко быть отложенъ на десятка два или даже три лѣтъ, пока устроился бы надлежащимъ и правильнымъ образомъ самъ русскій народъ. Съ устройствомъ и возвышеніемъ благосостоянія русскаго народа для него облегчилась бы задача

освобожденія своихъ братьевъ-славянъ съ матеріальной стороны, и со стороны моральной не представилось бы столько препятствій къ близкому братскому съ освобожденными единенію, сколько неминуемо представится теперь, при болѣе близкихъ отношеніяхъ съ ними, во всѣхъ сферахъ дѣятельности, начиная отъ политической до полицейской.

Вы, можетъ быть, удивитесь тому, что я, такъ горячо сочувствующій дѣлу освобожденія славянъ, благословляющій успѣхи русскаго оружія, поднятаго для этой цѣли, высказываю такія мысли. Вамъ покажется непонятнымъ: какимъ образомъ я могу, въ одно и тоже время, и желать скорѣйшаго освобожденія славянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ точно почти-что жалѣть, что русскіе такъ поспѣшно взялись за это дѣло. А между тѣмъ, въ сущности, тутъ никакого противорѣчія нѣтъ. Каждое положеніе имѣетъ свою логику, обусловливаемую самою силою вещей. По моему мнѣнію, было бы лучше, еслибы Россія начала войну за освобожденіе славянъ спустя лѣтъ двадцать или тридцать. Но разъ война начата теперь—ничего не остается болѣе желать, какъ скорѣйшаго, благополучнаго ея исхода въ пользу славянъ. Уже и теперь и по сѣ сторону Балканъ, и за Балканами началась ожесточенная, племенная война между болгарами и турками. Оставить болгаръ и послѣ этого опять во власти турокъ значитъ обречь ихъ на окончательное истребленіе.

«Но въ такомъ случаѣ, спросите вы меня:—зачѣмъ я не предаюсь увлеченію данной минуты всецѣло, какъ другіе? зачѣмъ напрасно мучу себя безплодными рефлексіями? зачѣмъ думаю и говорю о томъ, что, при наступившей совершенно новой фазѣ развитія дѣлъ, воротить уже невозможно?»—Что я могу отвѣтить вамъ на эти: *зачѣмъ?* — Я думаю, прежде всего, затѣмъ, что я такъ устроенъ, что не могу увлекаться, такъ сказать, запоемъ, не давая себѣ время отъ времени отчета въ своемъ увлеченіи, а потому, мнѣ кажется, что въ ретроспективномъ взглядѣ можетъ найтись и извѣстная доля практической пользы для будущаго. Разъ мы (вы позволите мнѣ говорить «мы» — я уже сказалъ вамъ, что не отдѣляю себя отъ васъ, русскихъ) съ достаточною отчетливостію и ясностію освѣтимъ для себя, что мы сдѣлали поспѣшный шагъ, начиная войну, мы будемъ знать тѣ условія, въ которыхъ мы находимся въ данную минуту, будемъ понимать, чего намъ недостаетъ, и, слѣдовательно, будемъ знать: какъ далеко, въ видахъ нашихъ собственныхъ интересовъ и интересовъ освобождаемаго народа, мы должны идти въ нашихъ требованіяхъ и предположеніяхъ относительно Болгаріи.

Въ вашемъ письмѣ во мнѣ вы доказываете настоятельную, неотложную необходимость войны за освобожденіе славянъ именно въ данное время. Вы говорите: «постыдно народу сильному, который можетъ освободить народъ слабый отъ угнетенія, смотреть на свои карманы и ждать, пока они наполнятся, чтобы подвигъ освобожденія не обошелся очень дорого. Это все равно,

что оставлять без помощи человека, утопающего или подвергнутого нападению разбойника, единственно изъ опасенія, что разорвешь и испортишь свое дорого стоящее платье и тѣмъ причинишь себѣ большой убытокъ». Признаюсь вамъ, сколько я ни усиливался, напрасно старался отыскать въ приводимомъ вамъ сравненіи какую-нибудь логическую точку опоры для доказываемой мысли. Сравненіемъ, нисколько неподходящимъ къ дѣлу, вы прикрываете чистѣйшій софизмъ, на видѣ очень гуманный, но въ дѣйствительности самый разрушительный для благосостоянія народныхъ массъ, а, главное, въ данное время совершенно немислимый для практическаго примѣненія. Ошибка ваша состоитъ въ томъ, что вы на карманъ народный смотрите, какъ на карманъ частный, и относитесь къ нему съ полнымъ пренебреженіемъ. Но народный карманъ—вовсе не пустое дѣло, и пренебрегать имъ никакъ нельзя. Его полнотою или скудостью обусловливается та или другая степень нетолько матеріальнаго, но и моральнаго благосостоянія народа. Да для чего же, между прочимъ, скажите, пожалуйста, какъ не для избавленія славянскаго кармана отъ безконтрольнаго завѣдыванія турокъ, ведется и нынѣшняя война? Другую, не менѣе важную ошибку дѣлаете вы, когда возводите въ принципъ положеніе, что надобно спѣшить немедленно на помощь каждому угнетаемому народу. Держась строго этого принципа, европейскіе народы должны бы находиться въ непрестанной войнѣ другъ съ другомъ. Ибо въ современной фазѣ человѣческаго развитія трудно отыскать страху въ Европѣ, гдѣ бы то, что принято называть народомъ, т. е. народныя собственно массы, не находились въ угнетеніи въ томъ или другомъ отношеніи. Россія, надѣлвшая своихъ крестьянъ землею, имѣла бы право смотрѣть на всѣ другіе народы, неизмѣннѣе подобнаго аграрнаго устройства, какъ на угнетенные—а это дѣйствительно самое тяжелое угнетеніе—п съ оружіемъ въ рукахъ идти на ихъ защиту. Съ своей стороны, европейскія государства могли бы въ Россіи отыскать не мало такихъ порядковъ, которые, съ ихъ точки зрѣнія, не могутъ быть названы иначе, какъ угнетеніемъ, и были бы также вправѣ вооруженною рукою требовать ихъ отмены. Однимъ словомъ, на той исторической почвѣ, на которой выросла и существуетъ Европа, абсолютное примѣненіе принципа защиты угнетаемыхъ народовъ также немисливо, какъ и примѣненіе принципа верховныхъ правъ человека. Если же вы скажете, что подѣ угнетаемыми народами, которыхъ надобно спасать отъ угнетенія, вы разумете только тѣ народы, которые подвергаются наивысшей мѣрѣ угнетенія сравнительно съ другими, то какъ и чѣмъ опредѣлите вы эту мѣру? Какое, напримѣръ, угнетеніе, спрошу я васъ, тяжелѣе и непереносимѣе: то ли, которое принципиально и систематически, какъ въ Англіи, легальнымъ образомъ лишаетъ народныя массы натуральныхъ фондовъ и орудій производства, обращаетъ ихъ въ сплошной пролетариатъ, вѣчно

голодающій, веивающій собственнаго крова, влачащій самую жалкую жизнь, исполненную всевозможныхъ лишений, бѣдствій болѣзней, или то, которое выражается въ спорадическихъ, положимъ, самыхъ грубыхъ посягательствахъ на имущество, честь и даже жизнь немногихъ частныхъ лицъ? На мой взглядъ, первое угнетеніе въ тысячу разъ тяжелѣе послѣдняго, и ужъ если нужно кого спасать, то скорѣе нужно спасать англійскія народныя массы, стонущія подъ принципіальнымъ легальнымъ гнетомъ высокообразованныхъ англійскихъ лордовъ и не менѣе образованной англійской буржуазіи, нежели народныя массы, находящіяся въ грубой деспотической власти турокъ и подвергающіяся спорадическимъ грабежамъ и насиліямъ. Я не удивляюсь тому англійскому корреспонденту, который, познакомившись съ бытомъ болгаръ, сказалъ, что онъ счелъ бы Англію самую счастливою страню, еслибы благосостояніе ея народныхъ массъ походило на благосостояніе болгаръ. Онъ имѣлъ полное основаніе завидовать народностямъ, томящимся подъ игомъ турецкаго владычества. Временныя насилія, самыя даже грубыя и дикія, временныя грабежи и разбои могутъ только временно нарушать существующее благосостояніе народныхъ массъ, но не разрушать его; насиліе же и грабежъ народныхъ массъ, принципіально проведенныя въ политическомъ міросозерцаніи и устройствѣ страны и постоянно проводимыя въ законодательствѣ, разрушаютъ въ корнѣ самую возможность каковаго бы то ни было благосостоянія.

Вы, конечно, удивляетесь тому, что въ настоящій патриотическій сезонъ, когда всякій истинный патриотъ въ Россіи обязанъ кипѣть самою ярою ненавистью противъ турокъ, я позволяю себѣ такую ересь—говорить о возможности каковаго бы то ни было благоденствія подъ турецкимъ владычествомъ. Большинство нашего общества въ пониманіи патриотизма по отношенію къ врагамъ данной минуты, повидимому, не далеко ушло еще отъ блаженной памяти нашихъ дѣдовъ и отцовъ 1812 года, когда считали приличнымъ намѣренно разглашать, что Наполеонъ I-й есть именно предсказанный въ Апокалипсисѣ антихристъ, и ради этой цѣли даже изображали его съ рогами и копытами. Можетъ быть, бываютъ такія темныя времена въ жизни народовъ, когда подобная мистификація, въ видахъ наэлектризованія народныхъ массъ, можетъ быть если не оправдываема, то извиняема; но Россія настоящаго времени—въ другомъ положеніи. Разъ общество поняло свое нравственное чело-вѣческое достоинство и считаетъ себя въ правѣ называться просвѣщеннымъ, ему стыдно прибѣгать нетолько къ подобнымъ мистификаціямъ относительно своихъ враговъ, но и вообще поддѣлывать дѣйствительную опѣнку ихъ какими-нибудь намѣренными сплетнями или легкомысленными и поверхностными показаніями людей, мало знакомыхъ съ дѣломъ. Я не скажу, чтобы въ подобномъ грѣхѣ можно было упрекнуть нашу нынѣшнюю прессу;

нѣтъ, насколько возможно, она старается сообщать свѣдѣнія о туркахъ болѣе или менѣе вѣрныя. Тѣмъ не менѣе, и въ ней нельзя не замѣтить тенденцію къ оглашенію свѣдѣній о туркахъ, по преимуществу почти только сенсационныхъ, т. е. такихъ только, которыя могли бы возбуждать и поддерживать въ обществѣ исключительно враждебное настроеніе по отношенію къ туркамъ. Она показываетъ намъ отношенія турокъ къ славянамъ и вообще къ обитающимъ въ Турціи христіанскимъ народностямъ только во время войны или во время какихъ-нибудь смуть и волненій, но не въ обыкновенное мирное время. О томъ же, какъ живутъ и ладятъ между собою въ Турціи турки и славяне и вообще христіанскія народности въ мирное время, хотя изрѣдка и попадаютъ мѣстами тамъ и самъ отрывочныя свѣдѣнія, но, оставаясь безъ группировки и должнаго освѣщенія, они, среди сплошной массы свѣдѣній совершенно другого характера и направленія, иногда діаметрально имъ противоположныхъ, всегда при этомъ ловко подобранныхъ для одной цѣли, ускользаютъ отъ вниманія читателя, не производя на него должнаго впечатлѣнія. Мало того: если читатель и остановится иногда на подобномъ отрывочномъ свѣдѣніи, ему трудно бываетъ оцѣнить: насколько можно считать это свѣдѣніе истиннымъ въ виду иногда рядомъ съ нимъ стоящихъ и исполнѣ его исключяющихъ свѣдѣній, а еще труднѣе составить по нему какое-нибудь дѣльное представленіе, противоположное тому, какое даетъ весь остальной газетный матеріалъ; такъ что читатель поневолѣ по сообщаемымъ газетами жестокостямъ и звѣрствамъ военнаго или смутнаго времени, а также по теоретическимъ соображеніямъ о фанатизмѣ, который долженъ возбуждаться и поддерживаться ученіемъ корана, заключаетъ, что положеніе христіанскаго населенія Турціи и въ мирное время малымъ чѣмъ разлѣчается отъ военнаго или смутнаго времени. А между тѣмъ, насколько такія наши заключенія совпадаютъ съ дѣйствительностію, это можетъ быть разрѣшено только точнымъ фактическимъ указаніемъ взаимныхъ отношеній турокъ и христіанскаго населенія въ мирное время: это именно составляетъ еще то, quod probandum est. И только тогда, когда бы было несомнѣнно доказано, что и мирное время для христіанскаго населенія въ Турціи ничѣмъ почти не отличается отъ военнаго или смутнаго, что и въ это время оно подвергается непрерывнымъ убійствамъ, грабежамъ, раззореніямъ и т. п., можно бы было утверждать, что существовала настоятельная, неотложная необходимость идти немедленно для освобожденія его отъ власти турокъ.

Есть, однакожъ, не мало данныхъ въ показаніяхъ нашихъ и иностранныхъ корреспондентовъ, сопровождающихъ наши войска и познакомившихся съ бытомъ Болгаріи, которыя отношенія турокъ и болгаръ въ мирное время рисуютъ совершенно въ иномъ видѣ, чѣмъ въ какомъ мы привыкли ихъ представлять по нашимъ предвзятымъ мнѣніямъ.

Я постараюсь вкратцѣ сгруппировать вамъ здѣсь всѣ эти данныя. Но прежде, чѣмъ я приступлю къ этому, позвольте мнѣ предварительно сказать нѣсколько словъ о варварствахъ и звѣрствахъ турокъ въ военное время, чтобы потомъ не возвращаться къ этому предмету.

Варварства и звѣрства турокъ во время войны — вещь вполне доказанная и не подлежащая никакому сомнѣнію. Но чтобы правильно судить о нихъ, надобно различать три рода варварствъ и звѣрствъ.

Самыя грубыя и безчеловѣчныя изъ нихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безпричинныя, совершаемыя или просто для грабежа, или даже по одному какому-то непонятному животному озлобленію, практикуются единственно башибузуками и черкесами. Башибузуки и черкесы не даютъ пощады и магометанскому населенію, и послѣднее также ненавидитъ ихъ, какъ и христіанское.

Другой родъ варварствъ и звѣрствъ совершается по мѣстамъ самимъ турецкимъ магометанскимъ населеніемъ. Ни оправдывать, ни даже извинять ихъ, конечно, нельзя, но очень нетрудно понять, что эти звѣрства суть нѣчто случайное, вызванное войною, и не зависятъ отъ природной жестокости турокъ или отъ ихъ непримиримой ненависти къ христіанамъ. Представьте себѣ, что Турція объявила бы войну Россіи, провозгласивъ цѣлю войны освобожденіе всего магометанскаго населенія изъ подъ владычества русскихъ. И вотъ магометанское населеніе съ распростертыми объятіями встрѣчало бы приходшія въ Россію войска, снабжало бы ихъ всѣмъ, чѣмъ можетъ, доставляло бы имъ всѣ свѣдѣнія о мѣстахъ, числѣ, расположеніи русскихъ войскъ, указывало бы пути и мѣстности, удобныя для лучшаго, быстрѣйшаго прохода и для болѣе безопаснаго нападенія на русскія войска. Въ добавокъ къ этому, образовало бы изъ себя особенныя отряды въ помощь турецкимъ войскамъ. Скажите, пожалуйста: можно ли было бы, при такомъ положеніи дѣла, ожидать и требовать, чтобы въ русскомъ населеніи не возникло самаго яраго озлобленія на магометанъ, чтобы оно не подвергло послѣднихъ всѣмъ ужасамъ истребленія всюду, откуда вышли защищавшія ихъ турецкія войска? Я думаю, что этихъ ужасовъ нельзя было бы предупредить никакими, самыми даже свирѣпыми мѣрами. А вѣдь уже никто, конечно, не обвинитъ русскаго народа ни въ природномъ жестокосердіи, ни въ нетерпимости его къ иновѣрцамъ. И изъ тако-го его поведенія во время подобнаго исключительнаго положенія, какое мы представили, никакъ нельзя было бы заключать, что онъ не можетъ жить въ мирѣ и даже дружбѣ съ магометанскимъ населеніемъ и въ обыкновенное спокойное время. Въ такомъ же точно исключительномъ положеніи находятся, въ настоящее время, турки по отношенію къ болгарамъ. Для каждаго турка каждый болгаринъ — теперь врагъ отечества, изменникъ, предатель, который накликалъ войну на Турцію и который нещадитъ ни своихъ силъ, ни средствъ, чтобы низвергнуть турец-

вое владычество и на развалинахъ его основать свое благосостояніе. Не забудемъ, при этомъ, что болгаре это весьма естественное ослобленіе противъ нихъ турокъ еще болѣе разжигаютъ частными преслѣдованіями, убійствами, грабежами турокъ всюду, гдѣ представляется къ тому благоприятный случай. Русскіе корреспонденты, правда, не совсѣмъ откровенны на этотъ счетъ: о грабежахъ болгаръ вскользь они еще говорятъ, а объ убійствахъ, ими совершаемыхъ, почти совсѣмъ умалчиваютъ. Но корреспонденціи иностранныя — и не туркофильскія, а болѣе или менѣе сочувственныя Россіи — не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что болгаре отличаются также кровожадностію, какъ и турки. Корреспондентъ «Indépendance Belge» пишетъ, отъ 24-го іюля (5 го августа): «Какъ только болгаре завидятъ или казачьяго авангарда, будь это хотя бы патруль, производящій простую рекогносцировку, они бросаются въ дома турокъ и сперва грабятъ ихъ, потомъ жгутъ. Таковой порядокъ существуетъ повсюду и производится регулярно, методически. Какъ только увидятъ казаки, являются турецкіе жители, расположенные невдалекѣ отъ ихъ деревни, и тогда наступаютъ жестокія репрессаліи. Такимъ образомъ, одна половина деревни уничтожаетъ другую. Слѣдуетъ признаться, что болгарское населеніе представляется не въ очень благоприятномъ свѣтѣ, и даже русскіе офицеры въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ высказываются по поводу этой жажды къ грабежу, которая, къ тому же, нисколько не связана съ военнымъ духомъ, необходимымъ для организаціи серьезной инсуррекціи» («Голосъ № 175). Другой корреспондентъ, газеты «Times», полковникъ Брѣвенбери, въ корреспонденціи отъ 22-го іюля, говоритъ о болгаряхъ слѣдующее: «Возвратившись сегодня съ той стороны Балкановъ, я изъ номера «Times», найденнаго мною въ Буварештѣ, увидалъ, что великій князь Николай Николаевичъ обращается къ моему свидѣтельству по вопросу о жестокостяхъ. Въ интересѣ правды, я отвѣчаю на сдѣланный мнѣ призывъ слѣдующее: что касается такъ называемыхъ русскихъ жестокостей, то я не вѣрю ни одному слову о нихъ. Болгарскіе крестьяне, измученные столѣтіями дурного управленія, повсюду являютъ результаты своего воспитанія, убивая турокъ подобно тому, какъ турки убивали ихъ; солдаты болгарской дружины также грабятъ всюду, куда только придутъ, къ ужасу русскихъ офицеровъ, которые, на моихъ глазахъ, выгнали ихъ нагайками изъ турецкихъ домовъ. Между русскими и турецкими аванпостами къ югу отъ Балкановъ находится нейтральная полоса въ томъ лишь смыслѣ, что ужасныя дѣянія болгаръ нейтрализуютъ такіа же дѣянія турокъ. Повидимому, въ этихъ мѣстностяхъ не существуетъ никакого понятія о цѣнности человеческой жизни, и я не вижу никакой существенной разницы между христіанами-болгарами и мохамеданами-турками. Болгаре претендуютъ на превосходство потому, что они не убиваютъ женщинъ и дѣтей, между тѣмъ какъ турки не обращаютъ внима-

нѣ ни на возрастъ, ни на полъ; но понятіе о томъ, что турокъ — дикое животное, которое слѣдуетъ истреблять, до того ясно проявляется у болгаръ, что я могу считать ихъ способными на всякіе ужасы. Даже болгарская дружина заражена такою же свирѣпостью. Русскіе употребляютъ всё свои усилія къ тому, чтобы прекратить всякія подобныя дѣйствія, и въ отрядѣ генерала Гурко начинаютъ даже говорить, что хотя русскіе пришли сюда вести войну противъ турокъ за болгаръ, однако, они кончатъ тѣмъ, что будутъ воевать противъ болгаръ въ защиту турокъ» («Голосъ № 172). Наконецъ, я приведу и еще одну выдержку изъ корреспонденціи «Times» отъ 9-го іюля, въ которой корреспондентъ, описывая жестокости турокъ, говоритъ, что владычество ихъ надъ христіанами непремѣнно должно быть уничтожено, но что «совершенно вѣрно и то, что въ настоящее время» болгарамъ не можетъ быть предоставлено управленіе турками. Гнетъ, тяготѣвшій надъ ними въ теченіи столѣтій, оставилъ свои слѣды жестокости. Въ противномъ случаѣ, окажется, что жестокое управленіе господъ будетъ лишь замѣнено жестокимъ управленіемъ рабовъ. Въ тотъ самый моментъ, когда турецкіе угнетатели покидаютъ домъ или часть своей деревни, толпа болгаръ налетаетъ для грабежа. Когда негодующіе русскіе офицеры прогоняютъ ихъ, болгаре говорятъ, что они только берутъ то, что составляетъ ихъ собственность. У нихъ нѣтъ никакого понятія о законѣ и правѣ. Когда турки будутъ подавлены, болгаре будутъ топтать ихъ. Удивленіе ихъ при видѣ того, что русскіе не убиваютъ плѣнныхъ, равносильно удивленію чловека, привыкшаго ежедневно видѣть страшныхъ пресмыкающихся и на глазахъ котораго иностранецъ спасаетъ жизнь очковой змѣѣ и даетъ ей возможность уйти. Для нихъ единственная надежда на свободу заключается въ уничтоженіи ихъ властелиновъ. Единственное понятіе ихъ о справедливости состоитъ въ томъ, чтобы отнять у своего господина его добро, въ вознагражденіе за то, что онъ отнял у него. Повсюду на нашемъ пути болгарскій легіонъ грабитъ и соблазняетъ наивныхъ казаковъ дѣлать тоже. Сегодня утромъ, офицеры обыскали одинъ турецкій домъ и захватили въ немъ 29 грабителей, въ числѣ которыхъ было 19 болгаръ и одинъ казакъ. Немного позже, они открыли, что тѣже болгарскіе солдаты нашли турецкій военный складъ и разграбили его; тѣже офицеры явились въ складъ и выгнали ихъ оттуда нагайками. Подобныя вещи я видѣлъ и слышу ежечасно выраженія негодованія по поводу грабежей и готовность положить имъ конецъ разстрѣлианіемъ виновныхъ, если окажется нужнымъ» («Голосъ» № 170).

Изъ всѣхъ этихъ показаній корреспондентовъ нетрудно понять, что войною за освобожденіе славянъ создалось въ Турціи такое положеніе, которое дѣлаетъ взаимную истребительную борьбу между магометанскимъ и христіанскимъ населеніемъ неизбежною. Нѣкоторые корреспонденты говорятъ, что «нельзя слыш-

комъ строго судить болгаръ за ихъ жестокости противъ турокъ. Получивъ оружіе отъ русскихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность расправляться съ своими вѣковыми врагами, они не могутъ удержаться, чтобы не сорвать сердца надъ турками, какъ скоро представляется къ тому случай».—Положимъ, такъ; положимъ, что съ животной точки зрѣнія это очень естественно; но съ этой точки зрѣнія еще болѣе естественно то озлобленіе, которое возбуждается подобными дѣйствіями со стороны болгаръ въ туркахъ. Какъ могутъ турки—эта въ теченіи вѣковъ господствовавшая надъ славянами раса—не свирѣпѣть и не нествовать, вида, какъ вчерашніе ихъ рабы, болгаре, сдѣлались нетолько скрытыми ихъ измѣнниками, предателями, союзниками русскихъ, но и осмѣливаются открыто поднимать на нихъ руку?—Напрасно звѣрства турокъ во время нынѣшней войны хотять объяснять ихъ природною жестокостію и низкимъ уровнемъ ихъ общественнаго развитія. Примѣры звѣрства въ случаѣ открытаго возстанія бывшихъ подданныхъ, въ случаѣ ихъ тайной измѣны, въ случаѣ даже только подозрѣнія этой измѣны, мы встрѣчаемъ въ самыхъ образованныхъ націяхъ. Припомните крестьянскія войны въ Германіи, возстанія крестьянъ въ Англіи. Припомните что дѣлали съ сипаями англичане. Припомните положеніе ни въ чемъ неповинныхъ, а только подозрѣваемыхъ нѣмцевъ въ Парижѣ во время французско-прусской войны. Наконецъ, мнѣ хочется привести свѣжій, сейчасъ мною прочитанный, хотя и не совсѣмъ подходящий сюда примѣръ того, какъ легко приходитъ въ раздраженіе масса въ случаѣ какихъ нибудь тайныхъ подкоховъ противъ нея живущихъ среди ея инородцевъ и какъ она въ такомъ состояніи за вину нѣсколькихъ вымещаетъ свою злобу на всѣхъ нихъ. Кіевскій корреспондентъ «Сѣвернаго Вѣстника» рассказываетъ, что «по слухамъ, почти всѣ евреи, подлежащіе призыву въ ополченіе, переписались къ различнымъ участкамъ Бессарабской Губерніи, въ которой, какъ извѣстно, ополченцы избавлены отъ призыва». Вслѣдствіе этого, въ Кіевѣ, въ самомъ центральномъ мѣстѣ, у городской думы, гдѣ производился приемъ ополченцевъ, производилось ополченцами побіеніе евреевъ. «Нельзя было ни пройти, ни проѣхать евреямъ мимо городского дома: цѣлая толпа, человекъ 50, стоитъ и высматриваетъ; лишь только показывается еврей, она съ криками «ура!» бросается на него и начинаетъ бить; были случаи, что, остановивъ фаэтоны, вскакивали туда и били евреевъ, весьма хорошо одѣтыхъ—здѣшнихъ купцовъ первой гильдіи: одного старика избивали, говорятъ, до полусмерти». Повидимому, полиція была не въ силахъ справиться съ ополченцами; по крайней мѣрѣ, она не принимала ничего рѣшительнаго въ теченіи трехъ дней: нѣсколько появившихся въ это время городскихъ и одинъ околоточный были также избиты ополченцами. Только на третій день побойща явился полицеймейстеръ и усмиралъ ополченцевъ, но и то, по словамъ корреспондента, на

время. Ибо ошолченцы собирались отправиться еще на Подоль «задать гонку жидамъ», гдѣ ихъ видимо-невидимо.

Итакъ, вотъ какая исторія вышла изъ того только, что евреи залодозривались въ отлыниваніи отъ военной службы разными нечестными путями. Представьте же себѣ теперь, что евреи навели бы на богоспасаемый Кіевъ, положимъ, хоть австрийцевъ и поляковъ, служили бы имъ лазутчиками и шпионами—этого мало: подъ защитою приведеннаго ими войска, стали бы открыто нападать на русскихъ, убивать, грабить, жечь ихъ дома—что бы тогда сдѣлали съ еврейскимъ племенемъ граждане города Кіева?—Подумайте объ этомъ внимательно и потомъ рѣшайте, насколько можно приписывать природному жестокосердію или крайней неразвитости турокъ тѣ жестокости, которыя они учиняютъ надъ болгарами въ нынѣшнюю войну. Не забудьте при этомъ принять во вниманіе еще вотъ какое весьма важное обстоятельство. Низшіе классы мусульманскаго населенія не знаютъ ничего ни о гуманныхъ намѣреніяхъ, ни о гуманныхъ дѣйствіяхъ русской регулярной арміи. «Они, говоритъ одинъ корреспондентъ «Times»'а:—считаютъ русскихъ способными на всякія злодѣянія и твердо вѣрятъ въ истину всѣхъ помѣщаемыхъ въ стамбульскихъ газетахъ сказокъ о жестокостяхъ, совершаемыхъ русскими войсками. Подъ вліяніемъ чувства мести и негодованія, они считаютъ себя въ правѣ обращаться съ христіанами (друзьями русскихъ) такимъ же образомъ, какъ русскіе, по ихъ мнѣнію, поступаютъ съ турецкими мусульманами («Бирж. Вѣд.» № 134).

Эта корреспонденція, впрочемъ, съ мало-азіатскаго театра войны. На европейскомъ театрѣ теперь, конечно, отчасти и для низшихъ классовъ выяснились гуманныя намѣренія собственно русской регулярной арміи—и не мѣшайся въ войну болгаре, конечно, той страшной рѣзни, которая идетъ теперь, не было бы. По моему мнѣнію, мысль о привлеченіи болгаръ къ открытому участію въ войнѣ противъ турокъ вмѣстѣ съ русскими есть большая ошибка. Большой помощи они русской арміи не доставятъ—а между тѣмъ, позора навлекутъ много. Во многихъ случаяхъ, звѣрства, совершенныя болгарами, будутъ приписываться если не русскимъ регулярнымъ войскамъ, то казакамъ. А главное: возстаніемъ болгаръ неизбежно обусловливается взаимная истребительная война между турецкимъ и болгарскимъ населеніемъ Турціи. Этого нельзя было не предвидѣть, и, разъ имѣлось въ виду привлечь болгаръ къ участію въ войнѣ, надобно было принять всѣ мѣры къ тому, чтобы мѣста, занятыя разъ русскими войсками, ни въ какомъ случаѣ не были потомъ оставляемы. Теперь же безчисленныя убійства, совершенныя въ Эски-Загрѣ, Ени-Загрѣ, Карловѣ, Калоферѣ и другихъ мѣстахъ, поспѣшно занятыхъ русскими войсками и потомъ немедленно оставленныхъ безъ всякой защиты, должны лежать на совѣсти русскихъ. — Нельзя къ этому не присовокупить, что взаимная истребительная

война между болгарами и турками, обнаруживающаяся со стороны послѣднихъ въ самыхъ звѣрскихъ истязаніяхъ и мученіяхъ своихъ жертвъ предъ смертію, ожесточающимъ образомъ дѣйствуетъ въ русской арміи не только на низшіе, но и на высшіе ея чины. Помянутый нами выше корреспондентъ «Indépendance Belge» пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Вообще война за Балканами приняла характеръ дикости. Турки превратили въ систему изувѣченіе раненыхъ, и исторія двадцати трехъ отрѣзанныхъ головъ, валявшихся вокругъ телеграфнаго столба при входѣ въ Шипку, не есть мрачная сказка, выдуманная, потѣхи ради. Съ своей стороны, у генерала Гурко расправа коротка, и онъ не задумывается вздернуть на дерево какую-нибудь дюжину турокъ, оказавшихся виновными въ сокрытіи оружія. Послѣ формальнаго приказанія выдать начальству сабли, пистолеты, ружья, пива и проч. казаки ожесточенно преслѣдуютъ башибузуковъ и, при встрѣчѣ ихъ другъ съ другомъ, на мѣстѣ остается или казакъ, или башибузукъ. Плѣнныхъ не берутъ ни тѣ, ни другіе».

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о третьемъ рядѣ жестокостей и звѣрствъ, совершаемыхъ регулярными войсками, хотя относительно этого, если и имѣются достовѣрныя данныя, то очень немногія и случайныя. О турецкихъ регулярныхъ войскахъ почти всѣ корреспонденты говорятъ, что они не причастны звѣрствамъ и жестокостямъ. Одинъ драгоманъ—христіанинъ и грекъ—объяснялъ корреспонденту «Times»'а, что «такое поведеніе турецкихъ регулярныхъ войскъ зависитъ не столько отъ отсутствія въ нихъ фанатизма или ненависти къ христіанамъ, сколько отъ того, что они не имѣютъ возможности покидать лагерь, подобно иррегулярнымъ войскамъ и совершать разбойничьи и грабительскіе наѣзды». («Гол. № 179»). Это объясненіе очень вѣроятно. Турецкій солдатъ—также мусульманинъ. Очень естественно, что не можетъ же онъ, когда идетъ истребительная междоусобная война между населеніемъ магометанскимъ и болгарскимъ, не питать тѣхъ же чувствъ озлобленія и мщенія къ русскимъ и болгарамъ, какія имѣютъ и его единовѣрцы. Поэтому очень вѣроятно, что когда представляется благопріятный случай совершать злодѣйства надъ русскими или болгарами за глазами начальства или съ позволенія какого-нибудь низшаго начальства, одинаково дышащаго злобою и мщеніемъ, они этого случая не пропускаютъ. Но надобно полагать, что эти случаи бывають рѣдко, потому что, повторяю, корреспонденты отзываются вообще одобрительно о поведеніи регулярныхъ турецкихъ войскъ. И, по моему мнѣнію, нельзя не поставить командующимъ турецкую армію въ великую заслугу, что они, при томъ озлобленномъ противъ болгаръ и русскихъ настроеніи, въ какомъ находится мусульманское населеніе Турціи, сумѣли все-таки сохранить въ регулярныхъ войскахъ дисциплину. Какъ это трудно, можно су-

дять по тѣмъ мѣрамъ, которыя принимаются для охраненія дисциплины въ нашихъ регулярныхъ войскахъ, хотя нашъ солдатъ сражается внѣ своего отечества и предъ глазами его нѣтъ врага, который грабилъ бы его имущество, жегъ его дома, умерщвлялъ его семью и т. п., какъ дѣлають болгаре съ турками. По словамъ корреспондента «Новаго Времени» (№ 503), при остановкѣ войскъ подлѣ какихъ-нибудь селеній, у насъ учреждается такой порядокъ:

«Войска становятся бивуакомъ внѣ селеній, тотчасъ же одѣлаются часовыми, которые даже днемъ не пропускають въ село никого безъ особенной надобности или безъ разрѣшенія; если въ селеніи есть лавка и корчма, то возлѣ нихъ становятся особые часовые. Полевые жандармы расхаживають и развѣзжаютъ постоянно и очень тщательно освѣдомляются о всякой вещи, появленіе которой въ рукахъ солдата кажется мало-мальски подозрительнымъ».

Но и при такомъ строгомъ надзорѣ, начальство русской арміи не можетъ усмотрѣть за всѣми войсками. Солдаты русскіе пользуются безукоризненною репутациею; объ нихъ всѣ корреспонденты отзываються съ безусловною похвалою. Но казаки пошаливають... о болгаряхъ и говорить нечего, какъ это вы уже и видѣли изъ приведенныхъ мною выше корреспонденцій.

Соображая все вышесказанное, я думаю, что я въ правѣ буду сдѣлать такое заключеніе:

Изъ числа всѣхъ жестокостей и звѣрствъ, приписываемыхъ туркамъ, къ числу жестокостей и звѣрствъ, не вызванныхъ войною, не случайныхъ, не преходящихъ, а болѣе или менѣе постоянныхъ, совершаемыхъ безпричинно, должно причислять только тѣ, которыя совершаются черкесами и башибузукми. Но такъ какъ черкесы и башибузуки, какъ я уже сказалъ выше, равно ненавистны какъ христіанскому, такъ и магометанскому населенію въ Турціи, и, въ случаѣ нападеній, сообща тѣмъ и другимъ отражаются и преслѣдуются, то я никакъ не вижу причины, почему бы жестокости и звѣрства черкесовъ и башибузукмовъ, когда таковыя и случаются въ мирное время, должно ставить въ вину туркамъ, т. е. не правительству турецкому, а турецкому населенію, и, вслѣдствіе этого, изображать турецкое населеніе въ видѣ какихъ-то сплошныхъ разбойниковъ, которые какъ бы только тѣмъ и занимаються, что постоянно убивають, грабятъ, насилуютъ мирное славянское племя и дѣлають положеніе его до того невыносимымъ, что спасеніе его отъ владычества турецкаго нельзя отложить не только на годы, но и на мѣсяцы. Въ какомъ отношеніи собственно турецкое населеніе находится къ болгарамъ въ мирное время, это, какъ я уже сказалъ выше, можетъ быть выяснено только фактическими показаніями, къ которымъ я теперь и обращаюсь.

Надобно сказать, что положеніемъ славявъ въ Турціи, иль

*

отношеніемъ къ туркамъ до времени войны никто особенно не интересовался въ Россіи, исключая, можетъ быть, славянофилъ. Но и тѣ интересовались этимъ дилетантски, изъ прекраснаго далека, черпая свои свѣдѣнія о славянскомъ житіи бытіи въ Турціи изъ книгъ путешественниковъ, газетъ, слуховъ, а не изъ личныхъ непосредственныхъ наблюденій, добытыхъ во время болѣе или менѣе долгаго проживанія въ турецкихъ областяхъ. Относительно же гласности въ европейской прессѣ, Турція стоитъ въ особенномъ, исключительномъ положеніи сравнительно съ другими державами. Со времени парижскаго трактата, Турція находится подъ опекою всѣхъ великихъ европейскихъ державъ. Посланики, консулы этихъ державъ зорко слѣдятъ за всѣми выдающимися казусами несправедливости, жестокости, насилій, случающихся въ Турціи надъ подданными той или другой державы или покровительствуемыми ими — и все это быстро оглашается въ европейской прессѣ. Казусы крайней несправедливости, жестокостей, насилій бывають по временамъ во всѣхъ странахъ, самыхъ даже цивилизованныхъ; но въ другихъ странахъ остается все это шитымъ и крытымъ, въ Турціи все это выходитъ наружу, доводится до свѣдѣнія всей Европы, мало того — подвергается иногда даже формальному обслѣдованію агентовъ разныхъ державъ. Благодаря этому, каждый европеецъ-путешественникъ, прежде, чѣмъ онъ отправится въ Турцію, бываетъ уже предубѣжденъ противъ нея, противъ существующаго въ ней управленія, суда и т. д., тѣмъ болѣе, что все, что сообщала ему пресса о разныхъ необыкновенныхъ казусахъ турецкой несправедливости, жестокости, насилій, какъ разъ совпадаетъ съ его теоретическими свѣдѣніями о характерѣ ислама: такимъ образомъ, не видавъ Турціи, онъ уже составляетъ себѣ извѣстное представленіе о тяжеломъ положеніи обитающихъ въ ней христіанъ. Чтобы разсѣять это предубѣжденіе личнымъ наблюденіемъ надъ жизнію и бытомъ проживающей въ Турціи райи, для этого надобно образованному путешественнику принести много жертвъ, на которыя способны очень не многіе: для этого надобно прожить долго въ Турціи въ разныхъ маленькихъ городкахъ ея и деревняхъ, проѣзжая по невозможнымъ дорогамъ, помѣщаясь въ конурахъ, и пропитываясь кой-какъ и чѣмъ попало. По своей культурѣ, Турція — страна первобытная; въ ней путешественникъ долженъ забыть не только о всѣхъ удобствахъ, даже самыхъ незначительныхъ, примитивныхъ, которыя онъ найдетъ въ любой европейской деревнѣ, но долженъ быть постоянно на готовѣ на борьбу съ препятствіями даже въ средствахъ передвиженія и пропитанія. Понятно, что, при такомъ положеніи дѣла, большинство европейскихъ путешественниковъ не можетъ изучать Турцію внутри провинцій; они изучають ее въ большихъ городахъ, собирая въ посольствахъ, консульствахъ, а также у проживающей въ этихъ городахъ райи, свѣдѣнія о внутренней странѣ. Какія здѣсь до-

ставляются путешественнику свѣдѣнія о Турціи — нетрудно понять. Посольства и консульства сообщаютъ тоже самое, что сообщала ему и европейская пресса. Райя, конечно, интеллигентная райя, къ которой обращается путешественникъ, въ свою очередь, натурально, также вторитъ посольствамъ и консульствамъ и прессѣ, такъ какъ она преимущественно и доставляетъ свѣдѣнія о Турціи и первымъ, и послѣдней. Райя же, еслибы ея положеніе было и самымъ счастливымъ въ Турціи, никогда не будетъ имъ довольна до тѣхъ поръ, пока она не получитъ полнога освобожденія отъ Турціи. Это — законъ общій, что никогда покоренный народъ не будетъ чувствовать себя ни довольнымъ, ни счастливымъ во власти побѣдителя, какъ бы хорошо здѣсь положеніе его ни было. Чехи, кроаты, словаки и т. п. недовольны Австріей, поляки недовольны ни Австріей, ни Пруссіей, ни Россіей, и т. д., и это весьма естественно: потому что, когда тотъ или другой народъ находится во власти чуждаго ему народа, онъ всѣ недостатки управленія, суда и т. п., однимъ словомъ, всякое зло, приписываетъ тому, что имъ владѣетъ народъ иноплеменный, что, управляйся онъ самъ собою, своимъ народнымъ правительствомъ, у него никакихъ несправедливостей не было бы. Богемія, напримѣръ, составляетъ одну изъ богатѣйшихъ провинцій Австріи, Болгарія также — золотое дно Турціи; но подите увѣрите чеховъ или болгаръ, что, при всѣхъ неудобствахъ чуждаго управленія, они пользуются гораздо большимъ благосостояніемъ, чѣмъ даже богатѣйшія провинціи русскія — они никогда этому не повѣрятъ. Они, какъ и всѣ люди, не даютъ никакой цѣны тому, чѣмъ они владѣютъ, наивно полагая, что то, что у нихъ есть теперь, останется всегда за ними и никогда не можетъ быть отнято — потому всѣ мысли свои и желанія сосредоточиваютъ на томъ, чего у нихъ нѣтъ. Я не хочу этимъ, конечно, сказать, чтобы у болгаръ порядокъ управленія былъ хорошъ; я, напротивъ, вполне убѣжденъ, что онъ гораздо хуже, чѣмъ во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ; я хочу сказать только то, что, обращая все свое вниманіе исключительно на недостатки управленія, рисуя ихъ самыми черными красками и опуская изъ виду другія хорошія стороны своего быта, болгаре вводятъ въ заблужденіе путешественниковъ, собирающихъ отъ нихъ свѣдѣнія объ ихъ жизни и бытѣ. Принимая подобныя показанія интеллигентной райи за чистую монету, большинство путешественниковъ считаетъ себя въ правѣ обобщать слышанные ими частныя казусы разныхъ жестокостей и насилій, а также выдавать за существующее на самомъ дѣлѣ то, что предписывается и рекомендуется относительно христіанъ въ священныяхъ мусульманскихъ книгахъ, хотя бы эти правила и совѣты на практикѣ никогда не исполнялись. Къ числу такихъ путешественниковъ должно несомнѣнно причислить и Малькома Макгола, издавшаго недавно въ Лондонѣ книгу о восточномъ вопросѣ, насколько

можно судить по тѣмъ выдержкамъ, которыя сдѣлало изъ этой книги «Новое Время» (№ 515).

Макколь пишетъ, наприѣръ: «Въ Ени-Ханѣ заплѣи, среди бѣлаго дня бросились на женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, пришедшихъ на ярмарку изъ сосѣднихъ деревень, ханджарами и саблями изранили они человекъ съ двадцать и затѣмъ изнасиловали до десяти дѣвушекъ, просившихъ у нихъ пощады. Каймакамъ отнесся ко всему этому вполне безучастно. Въ другой деревнѣ заплѣи, посланные взыскать податную недоимку, совершили еще худшія злодѣянія. Они согнали до десятка женщинъ и, изнасиловавъ ихъ, забавлялись ими слѣдующимъ образомъ. Одна изъ женщинъ должна была пристально, не моргая, смотреть на солнце; при каждомъ движеніи глазъ, ей наносили саблею удары по глазамъ. Другую же заставили держать въ рукѣ кусокъ зажженнаго трута до тѣхъ поръ, покуда онъ не истлѣлъ совершенно». Вотъ факты! По всей вѣроятности, Макколь, передавая эти факты, сообщаетъ поводъ, по которому они произошли, затѣмъ дальнѣйшій ходъ дѣла Авторъ, дѣлавшій въ «Новомъ Времени» выдержки изъ Макколя, ничего этого не передаетъ, а только, сообщивъ означенные факты, прибавляетъ: «Эти картины дикаго разгула и насилія—не единичные случаи, а повсемѣстно (!) и постоянно (!) повторяющіяся явленія». Я не знаю: сдѣлано ли такое обобщеніе самимъ Макколемъ, или авторъ дѣлаетъ его отъ себя. Если онъ дѣлаетъ его отъ себя, то подобный литературный приемъ, по моему мнѣнію, ничѣмъ не отличается отъ приемовъ того блаженнаго времени и той литературы, когда Наполеона I изображали въ видѣ нечистаго, съ рогами и копытами. Я нисколько не сомнѣваюсь, что сообщенные Макколемъ факты дѣйствительно происходили, можетъ быть, и въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ передаетъ, а можетъ быть, въ нѣсколько иномъ, менѣе ужасномъ видѣ; но имъ сочли нужнымъ дать такой ужасный колоритъ лица, передававшія ихъ Макколю, конечно, въ расчетъ, какъ это обыкновенно дѣлается, на то, что оглашеніе подобныхъ ужасовъ произведетъ сенсацію въ Европѣ и, слѣдовательно, не останется безъ извѣстнаго вліянія на турецкое правительство. Какъ факты единичные, а вполне готовъ признать ихъ и допустить и въ томъ, и въ другомъ видѣ. Мало ли какихъ дикихъ выходовъ не могутъ дѣлать по временамъ заплѣи не то, что въ Турціи, а въ странѣ и болѣе благоустроенной, наприѣръ, какъ Россія? Понимаемъ, наприѣръ, что сообщила на дняхъ газета «Кавказъ» о подвигѣ одного русскаго заплѣи:

«Возвращаясь однажды изъ Пятигорска въ станицу Горячеводскую черезъ рѣку Подкумокъ, нѣкто (газетой не названный, конечно, потому что принадлежитъ къ мѣстнымъ заплѣямъ, какъ видно и изъ хода дѣла) замѣтилъ купавшагося въ рѣкѣ мѣщанина, совершенно ему незнакомаго. Подъѣзжаетъ къ нему бли-

же и спрашивать: почему тотъ дозволяетъ себѣ купаться въ неуказанномъ мѣстѣ? Замѣтивъ удивленіе, выказанное на его вопросъ, онъ, не долго думая, раза два ударилъ купавшагося плетью по обнаженному тѣлу. Послѣдній, въ сильномъ негодованіи, схватилъ камень и хотѣлъ имъ бросить въ противника, но тотъ, угадавъ его намѣреніе, выхватилъ какъ-то особенно геройски пашку и приказалъ сопровождавшимъ его четыремъ казакамъ схватить купавшагося и, оставивъ на берегу принадлежащее ему платье, вести его въ городъ. Несчастливаго повели, а господинъ (заптіи), сидя на лошади, стегалъ его плетью. Такъ его обнаженнаго вели подъ руки два казака до самой части, гдѣ онъ и былъ арестованъ».

Скажите пожалуйста: чѣмъ этотъ русскій заптіи отличается отъ тѣхъ, о которыхъ повѣствуетъ Макколю? Можно ли сомнѣваться, что онъ способенъ производить самоуправства и звѣрства гораздо гнуснѣйшія разсказанныхъ Макколемъ? И еслибы мы стали внимательно, въ теченіи года, слѣдить за тѣми только гнусностями русскихъ заптіевъ, которыя прорываются въ печать, то какую длинную серію ихъ мы собрали бы? Но кто же отъ такихъ все такіе частныя фактовы будеть дѣлать заключеніе не только относительно русскаго народа, но даже и относительно полицейскаго персонала, большинство котораго несомнѣнно дѣйствуетъ законно? Точно также изъ двухъ возмутительныхъ фактовъ, разсказанныхъ Макколемъ, невозможно дѣлать заключеніе не только относительно всего турецкаго населенія, но и всѣхъ турецкихъ заптіевъ. Еслибы подобные факты были неодинокими, а составляли повсемѣстно и постоянно повторяющіяся явленія, какъ увѣряетъ авторъ, комментирующійся Макколю, то всѣ болгаре давно разбѣжались бы: при подобныхъ условіяхъ жить никто не можетъ, тѣмъ болѣе состоятельныя болгаре, имѣющіе въ рукахъ имущественную силу. Но болгаре не только не разбѣгаются, но, какъ мы увидимъ, благоденствуютъ лучше самихъ турокъ.

Макколю, желая представить турокъ въ самомъ дурномъ свѣтѣ и не имѣя для этого доказательныхъ фактовъ, хватываетъ для обвиненія ихъ всякую дребедень, какая только попадетъ ему. Такъ, въ доказательство деморализаціи турокъ, онъ приводитъ слѣдующія слова консула Блента, служившаго въ разныхъ частяхъ Турціи: «Въ низшихъ слояхъ населенія я чаще встрѣчалъ добросовѣстность, въ среднихъ—рѣдко, въ высшихъ—никогда. Низшіе классы измѣнились въ послѣднее время къ худшему. 25 лѣтъ тому назадъ, можно было послать деньги съ простымъ носильщикомъ—это было общепринятымъ обычаемъ—теперь же никто на это не рѣшится». Авторъ, дѣлающій изъ Макколя выдержки, эту пустопорожную консульскую болтовню обязательно снабжаетъ такимъ комментариемъ: «Видите ли, говоритъ, симптомы неминуемаго разложенія видны вездѣ... гангрена охватываетъ весь организмъ... турки утратили добродѣтели, свойственныя первымъ степенямъ культуры, не приобрѣта качествъ, присущихъ выс-

шимъ ступенямъ цивилизаци». — Желалъ бы я знать: въ какой европейской націи нельзя приложить той характеристики, которую дѣлаетъ консулъ Блэнтъ о туркахъ? И гдѣ это есть такая европейская страна, гдѣ можно бы было кошельки съ деньгами разсылать съ простыми носильщиками? или, по мнѣнію автора, какъ скоро страна «пріобрѣла качества, присущія высшимъ степенямъ цивилизаци, то воровство кошельковъ съ деньгами въ ней дѣлается знаменемъ высокаго полета цивилизаци, и только для странъ, необразованныхъ въ родѣ Турціи, оно служитъ признакомъ разложенія и гангрены.

Приведу и еще одно показаніе изъ Макколя въ доказательство того, какъ ошибочно, основываясь на предписаніяхъ или совѣтахъ, начертанныхъ въ мусульманскихъ священныя книгахъ для правовѣрныхъ, дѣлать заключеніе къ дѣйствительно существующимъ отношеніямъ между мусульманскимъ и христіанскимъ населеніемъ. Существуетъ нѣкая священная мусульманская книга *Мультека*, служащая комментариемъ корану. Книга эта, по словамъ Макколя или, по крайней мѣрѣ, автора, его излагающаго, для Турціи имѣетъ якобы такое же значеніе, какое имѣлъ законъ Моисеевъ для Царства Израильскаго. «Это есть основа и санкція всего соціальнаго, политическаго и религіознаго строя въ Турціи. Мультека есть существо ислама; не соблюдать ея означало бы тоже, что отрѣшиться отъ ислама». Книга эта отличается крайнею нетерпимостью къ религіи христіанской и христіанамъ во всемъ, начиная отъ мелочей, въ родѣ запрещенія звонить въ колокола, до вещей очень важныхъ. Такъ, она не признаетъ законнымъ разрѣшать христіанамъ строить новыя церкви и монастыри, дозволяя только поправлять ветхія, и то не иначе, какъ старымъ матеріаломъ, на тѣхъ же мѣстахъ, безъ всякаго увеличенія ихъ размѣра. Звонъ колоколовъ воспрещается; дозволяется только звонить лишь внутри церкви, и притомъ такъ тихо, чтобы правовѣрные не могли слышать извѣй. Христіанамъ не дозволяется строить дома и проживать въ турецкихъ кварталахъ. Они должны отличаться отъ турокъ платьемъ и головнымъ уборомъ. Они могутъ ѣздить верхомъ не на верблюдахъ и лошадяхъ, а на ослахъ и мулахъ. Въ знакъ униженія, они должны носить особую обувь. Встрѣчаясь на улицѣ съ правовѣрными, они должны почтительно посторониться. Сборщикамъ предписано относиться къ христіанамъ съ самымъ полнымъ презрѣніемъ. Принимая отъ христіанъ деньги, сборщикъ можетъ бить его, таскать по полу и всячески унижать, приговаривая: «отдавай подать, врагъ Аллаха». При неуплатѣ подати, неисправный плательщикъ можетъ быть наказанъ мечемъ или проданъ въ рабство; если невѣрный будетъ поносить Аллаха, то онъ долженъ быть сожженъ.

Несомнѣнно, что было время, когда всѣ эти предписанія Мультеки были исполняемы самымъ строгимъ образомъ; это было, вѣроятно, тогда, когда въ Европѣ всѣ христіанскія вѣроисповѣданія, согласно предписаніямъ своихъ церковныхъ книгъ, служив-

шихъ комментаріями къ евангелію, дышали также нетерпимостію одно къ другому, и тѣмъ болѣе къ магометанству и язычеству. Но частыя сношенія и сближеніе европейскихъ народовъ другъ съ другомъ и прогрессъ уничтожили прежнюю религиозную нетерпимость, и церковныя книги, ее предписывавшія, потеряли свою дѣйствующую силу, превратившись въ историческіе документы. Послѣ этого не могла оставаться на своей Мультекѣ и Турція, хотя и мало участвовавшая въ европейскомъ прогрессѣ, но находившаяся въ постоянныхъ отношеніяхъ и сношеніяхъ съ Европою и, по своему политическому безсилію, ставшая въ зависимость отъ Европы. Примѣненіе Мультеки во всей ея точности и именно въ важнѣйшихъ ея пунктахъ сдѣлалось немислимымъ, какъ потому, что религиозная ревность самихъ мусульманъ много измѣнилась отъ вліанія европейскаго, такъ, въ особенности потому, что Турція европейскими трактатами обязана соблюдать вѣротерпимость и, если можетъ нарушать это обязательство, то только въ извѣстныхъ очень умѣренныхъ предѣлахъ. Однимъ словомъ, Мультека можетъ считаться въ настоящее время если не совсѣмъ такимъ же историческимъ документомъ, какимъ сдѣлались и предписывавшія нетерпимость священныя книги разныхъ христіанскихъ исповѣданій, то, во всякомъ случаѣ, по своему настоящему значенію, очень близко подходятъ къ этому. Между тѣмъ, на основаніи именно этой почти что упраздненной Мультеки, Макколь усиливается опровергнуть мнѣніе писателя Кембеля, утверждавшаго, что турки отличаются полной терпимостію. А, въ подкрѣпленіе Мультекѣ, приводится свидѣтельство изъ «Синей Книги» за 1875 годъ, гдѣ, въ отдѣлѣ о религиозномъ преслѣдованіи въ Турціи, между прочимъ, изображено, что «Порта окончательно отказалась разрѣшить строить христіанскія школы, печатаніе библіи по турецки и признавать за христіанами права, дарованныя имъ закономъ, и что на всѣ представленія противъ этого (англійскаго) посла великій визирь давалъ самыя уклончивыя отвѣты, и когда ему указывали на статьи различныхъ фирмановъ и ирадѣ, то онъ, вмѣсто отвѣта, только пожималъ плечами и выражалъ сожалѣніе, что британцы неспособны понимать такого смысла турецкихъ законовъ». Я не знаю, говоритъ ли что-нибудь Макколь въ объясненіе этого свидѣтельства изъ синей книги: по какому случаю послѣдовало записанное въ «Синей Книгѣ» запрещеніе Порты о постройкѣ христіанскихъ школъ и т. д., осталось ли оно въ силѣ, или уничтожено, примѣняемо было гдѣ-нибудь, или нѣтъ. Излагатель Макколя ничего этого не объясняетъ, принимая при этомъ за несомнѣнно дѣйствующія въ Турціи помянутыя въ «Синей Книгѣ» запрещенія и, подсмѣиваясь надъ Кембелемъ, который увѣряетъ, что турки отличаются полною терпимостію.

Представьте себѣ теперь, что у насъ съ вами находилась бы въ рукахъ одна только книга Макколя или какого-нибудь другого подобнаго путешественника, съ комментаріемъ такого же излагате-

ля, который знакомить читателей «Новаго Времени» съ Макколемъ, и только изъ этого единственнаго источника мы должны бы были черпать свѣдѣнія о настоящемъ положеніи христіанскихъ народностей и, въ частности, болгаръ въ Турціи—какое бы мы вынесли представленіе объ участи болгаръ? Конечно, самое плачевное. Участъ послѣдняго самаго бѣднаго, самаго забитаго изъ русскихъ мужиковъ представилась бы намъ завидною, блестящею въ сравненіи съ участію болгаръ. Какъ же! Несчастные лишены даже послѣдняго религіознаго утѣшенія—не имѣютъ права ни строить храмовъ, ни даже обновлять старыя, и обречены на вѣчное невѣжество, не имѣя права заводить школы, преданы всевозможнымъ притѣсненіямъ со стороны каждаго правовѣрнаго, при платежѣ подати могутъ быть, ни съ того, ни съ сего, законно истязуемы каждымъ сборщикомъ податей сколько душѣ угодно, за неуплату податей могутъ быть усѣчены мечемъ и даже проданы въ рабство и т. п. Такія же точно представленія или похожія на это о положеніи болгаръ въ Турціи существовали въ Россіи у всѣхъ почти до начала нынѣшней войны, не потому, конечно, что русскіе считались Макколею, книга котораго явилась только недавно, или какого-нибудь другаго, подобнаго ему путешественника, а потому, какъ я уже сказалъ выше, что положеніемъ славянъ въ Турціи до войны никто не интересовался. Каждый довольствовался относительно этого предмета тѣмъ темнымъ представленіемъ, получаемымъ по разговорамъ и по слухамъ, что имъ тамъ худо. И въ это «худо» безъ всякаго разбора и критики принимались всякіе слухи, и даже, чѣмъ они содержали болѣе ужаснаго относительно турокъ, тѣмъ принимались охотнѣе. Каждый народъ склоненъ вѣрить всякимъ дурнымъ вымысламъ и сказкамъ относительно другаго народа, въ особенности, если этотъ послѣдній, по культурѣ, стоитъ ниже его, такъ какъ эти вымыслы и сказки льстятъ народному самолюбію, tacito modo подсказывая ему униженіемъ другихъ, что вотъ, дескать, какіе бываютъ народы, а мы—не такіе! Писатели толпы, какъ Макколь и подобные ему, всегда найдутъ скорѣе вѣру и пріемъ, чѣмъ писатели добросовѣстные, и, несмотря на то, что количество экземпляровъ ихъ сочиненій не расходится и въ нѣсколькихъ тысячахъ, извѣстные рассказы этихъ сочиненій облетятъ цѣлый міръ и укоренятся въ умахъ и традиціяхъ массъ.

Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, что и русскіе, нибогда не читавъ ни Макколя, ни подобныхъ ему путешественниковъ, имѣли о положеніи болгаръ представленіе именно такое, какое сообщалось въ ихъ сочиненіяхъ, и что русскія войска, отправляясь на освобожденіе братій, не думали встрѣтить здѣсь ничего, кромѣ нищеты, рабства, загнанности и страданій. Вообразите же ихъ удивленіе, когда, прибывъ туда, они не нашли тамъ ничего, что хотя бы самымъ отдаленнымъ образомъ, въ какомъ-нибудь отношеніи, намекало на тѣ представленія, которыя они составили о Болгаріи и болгаряхъ. Напротивъ, въ прекрас-

ной, цвѣтущей странѣ, какова Болгарія, они увидѣли болгаръ въ такомъ довольствѣ, обилии, благоденствіи, какого они никогда не встрѣчали въ своемъ отечествѣ. Это впечатлѣніе, конечно, сильно должно было поразить людей, которые пришли спасать болгаръ и которые понимали, какія великія жертвы приноситъ Россія на ихъ спасеніе, напрягаясь, такъ сказать, изъ послѣднихъ силъ — и вотъ тѣ отзывы и мнѣнія, которые русскіе офицеры, въ томъ числѣ высокопоставленные, высказывали корреспонденту «Daily News», по этому поводу: «По ихъ словамъ, говоритъ корреспондентъ: — они все болѣе и болѣе убѣждаются въ томъ, что до сихъ поръ сильно заблуждались въ своемъ взглядѣ на положеніе болгарскаго населенія въ Турціи. Они смотрѣли на него, какъ на массу людей угнетенныхъ, нищихъ, встрѣчающихъ постоянныя препятствія въ исполненіи своихъ религіозныхъ обрядовъ, не имѣющихъ возможности оставаться хоть на одинъ часъ спокойными за свою жизнь, за честь своихъ женъ и дочерей. Подъ этимъ впечатлѣніемъ, говорятъ русскіе, мы съ восторгомъ сдѣлались участниками этой войны, которая являлась въ нашихъ глазахъ истинною войною за освобожденіе. А что же обазывается теперь? Эти люди живутъ среди самаго полнаго комфорта; русскому крестьянину и думать нечего сравниться съ ними относительно удобствъ жизни и благосостоянія. Къ этимъ разсужденіямъ, съ своей стороны, могу прибавить, что былъ-бы очень радъ, еслибъ и англійское земледѣльческое сословіе пользовалось всѣми тѣми матеріальными благами, какія окружаютъ болгаръ, и въ такой же мѣрѣ. Ихъ хлѣбные амбары тянутся на далекое разстояніе и наполнены обильными запасами. Въ каждомъ селѣ вы найдете большія стада рогатаго скота, лошадей, козъ и овецъ. Дома — сущіе дворцы сравнительно съ невзрачными избушками молдавскихъ и валахскихъ крестьянъ. Солома прошедшаго года до сихъ поръ еще не истреблена вся — такъ велико ея количество. Молока можно купить въ каждомъ домѣ. Въ деревнѣ на одну мечеть приходится полдюжины христіанскихъ церквей. Размѣнять золотую монету на серебро не представляется никакой трудности. Болгарскій крестьянинъ относится къ своему «освобожденію» отнюдь не съ особенною восторженностію, тѣмъ болѣе, когда оно неизбежно влечетъ за собою сожженіе его дома или перерѣзываніе его горла турецкими башибузками» («Сѣвер. Вѣстникъ» № 95).

Почти тоже самое, что говоритъ англійскій корреспондентъ, повторяетъ и одинъ русскій въ своей корреспонденціи въ «Новое Время» изъ села Павло: «Большинство русскихъ офицеровъ, говоритъ онъ: — было крайне удивлено, встрѣтивъ въ Болгаріи такія цвѣтущія села и такую общую среднюю зажиточность между крестьянами, которую отъ всей души можно только пожелать нашимъ земледѣльцамъ. Забитости народа мы также не нашли; напротивъ, здѣшнее населеніе въ первый же день прихода русскихъ авангардныхъ войскъ держало себя вездѣ какъ недвѣя

болѣе самостоятельно и безъ тѣни униженія. Исключенія я видѣлъ только въ Систовѣ, гдѣ видѣлъ страхъ передъ нами. («Новое Время» № 510).

Таково впечатлѣніе русскихъ офицеровъ и англичанина-корреспондента сочувственной намъ газеты «Daily News» при видѣ положенія болгаръ! Чтобы оно не показалось слишкомъ преувеличеннымъ, вообще бездоказательнымъ, а главное, чтобы вы получили понятіе о взаимныхъ отношеніяхъ болгаръ къ туркамъ въ мирное время, я представлю статистическія данныя о современномъ состояніи нѣкоторыхъ болгарскихъ городовъ, сообщаемыя въ «Голосѣ», и затѣмъ описаніе экономическаго и социальнаго положенія болгарскихъ крестьянъ среди турокъ по сейчасъ поманутой мною прекрасной корреспонденціи «Новаго Времени» изъ болгарско-турецкаго села *Пава*.

Въ *Плевнѣ* считается 1,627 махомеданскихъ и 1,474 христіанскихъ дворовъ и около 17,000 душъ населенія. Плевно считается городомъ промышленнымъ. Промышленность его состоитъ въ производствѣ кузнечномъ, кожевенномъ, слесарномъ и т. д. Хлѣбная торговля весьма значительна, благодаря тому, что какъ въ округѣ Плевны, такъ и сосѣднемъ ему, Ловачскомъ, земля даетъ весьма хорошіе урожаи. Степень образованія городскаго населенія, сравнительно, значительная, какъ между болгарами, такъ и мусульманами. Въ 1871 году, въ Плевнѣ была одна нормальная школа, восемь турецкихъ начальныхъ училищъ, въ которыхъ училось 1,654 мальчиковъ, 110 дѣвочекъ и *пять болгарскихъ училищъ съ 920 учениками и 50 ученицами.*

Въ *Ловачѣ* 1,200 мусульманскихъ и 800 христіанскихъ домовъ, всего населенія—12,000 душъ. Мусульманскій элементъ преобладаетъ въ Ловачѣ по количеству; но ловачскіе мусульмане—не природные турки, а такъ называемые *помаки*, т. е. отурчившіяся принятіемъ ислама болгаре. Помаки сохраняютъ въ своей личной частной жизни черты народнаго болгарскаго быта. Живутъ съ христіанами-болгарами въ прекрасныхъ отношеніяхъ и даже въ тайнѣ придерживаются христіанскихъ обрядовъ и преданій. Помаки живутъ, обыкновенно, въ деревняхъ отдѣльными поселеніями или смѣшанно съ своими единоплеменниками-христіанами, а также черкесами и татарами; въ городахъ же нѣтъ помаковъ. Ловачъ составляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе. Въ главѣ управленія Ловача и его округа стоитъ каймакамъ, присылаемый, обыкновенно, изъ Константинополя; но онъ почти никогда не входитъ настолько въ интересы города и округа, чтобы оставался на долго жить въ Ловачѣ; поэтому меджлисъ (городской совѣтъ) Ловача, хотя и состоитъ изъ мусульманъ, завѣдуетъ управленіемъ города, не стѣсня въ новѣйшее время своихъ христіанскихъ единоплеменниковъ. Въ Ловачѣ три христіанскія храма, по архитектурѣ не относящіяся къ далекому періоду, именно: Богородицкій, Троицкій и Воскресенскій. Въ христіанской общинѣ въ Ловачѣ существуетъ патріотическое настроеніе,

и національная партія очень сильна. Она старается поддерживать и развивать національныя стремленія и черезъ церковныя установленія, борясь съ приверженцами фанариотства, и черезъ школы, которыя держатъ на всевозможной высотѣ совершенства; существуютъ собранія, въ которыхъ поются народныя пѣсни, поддерживаются народныя обычаи, празднества, увеселенія и танцы. Национальная христіанская партія не безъ успѣха привлекаетъ къ своимъ стремленіямъ и «помаковъ».

Въ Сельви считается 550 турецкихъ домовъ и 668 болгарскихъ. Православная община города Сельви имѣетъ двѣ церкви и нѣсколько школъ. Жители Сельви отиравлиютъ своихъ стипендіатовъ для приготовленія въ учительское званіе въ Россію, Сербію, Австрію и Францію.

Въ Казанлыкѣ 2,500 болгарскихъ, 1500 турецкихъ, 30 еврейскихъ и 80 цыганскихъ домовъ; все населеніе опредѣляется въ 21,000 душъ. Турки имѣютъ 16 мечетей, у христіанъ четыре церкви, одинъ женскій монастырь, *масляная школа съ шестью учителями, женскій институтъ и четыре нормальныя школы*. Жители Казанлыка живутъ въ довольствѣ, занимаясь разведеніемъ розовыхъ плантацій и выгонкою розоваго масла. По своимъ торговымъ дѣламъ они имѣютъ сношенія съ Германіей, Франціей и Англіей. Многіе говорятъ на нѣсколькихъ языкахъ, знакомы съ различными формами государственной и общественной жизни и, по своимъ условіямъ, стоятъ въ уровнѣ съ образованными людьми европейскихъ странъ.

Калоферъ—болгарскій городъ. Въ немъ 1,100 болгарскихъ семействъ и около 40 цыганскихъ. Представителемъ турецкой власти въ городѣ остается единственно мударъ съ нѣсколькими заптіями, но управленіемъ завѣдываютъ сами болгаре, ни въ чемъ не уступая мудару, хотя и платятъ налоги. Въ городѣ три церкви: Введенская, Рождественская и Троицкая; *одна изъ нихъ недавно выстроена* и служитъ украшеніемъ внѣшней постройки города. Въ Калоферѣ два небольшіе женскіе монастыря, а вблизи его знаменитый мужской богородицкій монастырь. Калоферъ—фабричный городъ. Въ немъ множество прядильныхъ фабрикъ, изъ которыхъ нѣкоторыя работаютъ въ 700 веретенъ.

Карлово, какъ и Калоферъ—городъ промышленный и фабричный. Онъ—городъ новый, существуетъ не болѣе 100 лѣтъ и развился очень быстро. Въ городѣ 1,200 болгарскихъ домовъ, 300 турецкихъ, 50 еврейскихъ, всего населенія до 10,000 душъ. У турокъ семь мечетей, у болгаръ двѣ церкви: богородицкая, *построенная въ 1848 году, и николаевская—въ 1852. Дѣтъ школы карловскія, мужская и женская, принадлежатъ къ лучшимъ въ странѣ.*

И такъ вотъ болгарскіе города! Вы видите, что тутъ нѣтъ ничего похожаго на то, что рассказываетъ Макколъ и его излагатель. Никакого тутъ и запаха Мультеки не чувствуется. Во всѣхъ городахъ видите церкви и, среди нихъ, въ нѣкоторыхъ даже

церкви, построенныя недавно; вездѣ почти есть и школы, и мужскія, и женскія; не существуетъ никакого запрещенія отсылать молодыхъ людей для приготовленія къ учительскому званію въ разныя иностранныя земли, даже въ соплеменную Россію, чего сильно могла бы бояться Турція. Политическихъ подозрѣній и политическаго надзора никакого: свобода въ этомъ отношеніи полная. Въ городахъ чисто болгарскихъ, а также въ Ловачѣ, населенномъ вмѣстѣ съ болгарами, и помаками, даже все управленіе находится въ рукахъ болгаръ, и никто не препятствуетъ болгарамъ публично развивать свои національныя идеи. Судя потому, что тамъ, даже для приличія, не поставлено ни одного жандарма для наблюденія за направленіемъ народнаго духа, какъ это водится во всѣхъ благоустроенныхъ европейскихъ государствахъ, и что вся турецкая власть представляется единственно турецкимъ городничимъ, т. е. мудромъ, съ нѣсколькими запятіями, ни во что не вмѣшивающимся и требующимъ только уплаты податей, надобно заключать, что и въ городахъ съ мусульманскимъ населеніемъ за болгарами тѣмъ болѣе нѣтъ никакого политическаго надзора, предоставляютъ имъ жить какъ знаютъ и дѣлать у себя что хотятъ, требуя только исправной уплаты налоговъ. Разница между городами чисто-болгарскими и мусульманско-болгарскими заключается, вѣроятно, лишь въ томъ, что здѣсь управленіе находится въ рукахъ магометанъ, и болгарамъ, конечно, нельзя тутъ свои національныя идеи проводить публично. Но непублично, судя по той быстротѣ, съ которой шло національное развитіе въ Болгаріи въ послѣднее время, надобно полагать, они дѣлали тоже самое, что и въ городахъ чисто-болгарскихъ. Стѣсненія и преслѣдованія временныя, случайныя, по мѣстамъ бывали, какъ, напримѣръ, о чемъ скажу ниже, въ Македоніи, гдѣ болгарская пропаганда должна была бороться въ греческой пропагандой, поддерживаемой сильнымъ греческимъ духовенствомъ, дѣлавшимъ политическіе доносы на болгаръ и натравливавшимъ на послѣднихъ турокъ, а также, вѣроятно, во время внутреннихъ смуть, въ которыхъ обнаружилось видимое участіе болгарской молодежи. По поводу подобныхъ смуть или раскрытаго подговора къ нимъ, явилось, вѣроятно, у турецкаго правительства и то намѣреніе запретить основаніе христіанскихъ школъ, извѣстіе о которомъ приведено выше Макколемъ изъ «Синей Книги» 1875 года—намѣреніе, такъ только, надобно полагать, и оставшееся намѣреніемъ, или, если оно и осуществилось въ дѣйствительности, то примѣненіе его было очень ничтожно. Но, сколько бы намъ ни указывали случавшихся по временамъ въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ стѣсненій или преслѣдованій національнаго развитія, несомнѣнно, что они, во всякомъ случаѣ, были незначительны и не препятствовали быстрому ходу этого развитія, что доказывается количествомъ существующихъ въ Болгаріи среднихъ учебныхъ заведеній и довольно значительнымъ процентомъ

населенія, прошедшимъ черезъ эти среднія и низшія школы. Гимназій существуютъ въ городахъ: Трновѣ, Рушукѣ, Шумлѣ, Сливно, Софіѣ, Котлѣ, Плевнѣ, Ловачѣ, Систовѣ, Битолин, также въ Габровѣ, Филиппополѣ и др. Близъ Трнова, въ деревнѣ Лесковицахъ есть семинарія. Недавно въ Рушукѣ, Шумлѣ, Филиппополѣ были устроены «училищные соборы», гдѣ учителя собираются и условливаются относительно системы преподаванія.

Распространеніе грамотности по округамъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

1) «*Тракія*», въ уѣздѣ Филиппополя, около городовъ Калофера, Карлова и т. д.: изъ мужскаго населенія умѣютъ читать и писать 60%; въ уѣздѣ Ямболя 20%; въ остальныхъ уѣздахъ отъ 5 до 10%.

2) «*Мозсія*» или *Коренная Бомарія*. Уѣздъ Трновъ самый грамотный; въ немъ грамотнаго населенія 50%; въ уѣздахъ Рушукѣ, Шумлѣ, Силистрии 35%; Добруджа 20%; Средняя Болгарія: въ уѣздахъ Ловчи, Плевны, Вратцы, Софіи—20—25%; въ уѣздахъ: Виддина, Ниша, Пирота около 10—15%.

3) «*Македонія*». Здѣсь грамота смѣшанная: болгарская съ греческою; народъ пишетъ по болгарски греческими буквами. Въ городахъ Битолин населеніе, умѣющее читать и писать по гречески или болгарски, доходитъ до 60%; въ деревняхъ же не превышаетъ 5%. Въ городахъ Велесъ-Прилепъ умѣющихъ читать 50%, въ деревняхъ—отъ 10 до 12%. Въ городахъ Охридѣ 40%, въ деревняхъ—3%. Въ Скопії, Враніи, Комановѣ учатся на болгарскомъ языкѣ; умѣющихъ читать и писать 10—12%. Въ Ведонѣ 5%. Грамотность смѣшанная. Въ Салоникахъ—Касторіи 3%.—Всѣ школы содержатся народомъ, т. е. каждый уѣздъ самъ независимо управляетъ ими («Русск. Миръ» № 184).

Отъ быта городского населенія и состоянія болгарской образованности я перейду къ быту болгарскихъ крестьянъ. О положеніи болгарскихъ крестьянъ мы имѣемъ прекрасную, какъ уже я сказалъ выше, корреспонденцію, напечатанную подъ заглавіемъ: *Письма на родину* въ трехъ №№ «Новаго Времени» 502, 504 и 510. Авторъ ея, В., вѣроятно, одинъ изъ русскихъ офицеровъ имѣлъ случай нѣсколько времени прожить близъ довольно большого смѣшаннаго болгарско мусульманскаго, (находящагося въ 30 ти верстахъ отъ Систова) села Павло, подлѣ котораго стояли русскія войска: «Нашъ бивуакъ, говоритъ корреспондентъ:—расположился у дороги, отдѣлявшей турецкую часть деревни отъ болгарской, рядомъ съ тѣнистымъ садомъ одного болгарина, на котораго мы смотрѣли, какъ на своего хозяина, потому что въ этомъ саду постоянно скрывались отъ жары». Это сосѣдство дало корреспонденту возможность хорошо познакомиться съ хозяиномъ или, правильнѣе сказать, съ двумя хозяевами сада—двумя братьями Саввою и Сидеромъ, въ свободное время часто бесѣдовать какъ съ ними, такъ и ихъ посѣтителами. Старшій братъ Савва занимается исключительно только хозяйствомъ, Сидеръ принад.

лежитъ въ болгарской интеллигенціи—служить учителемъ въ школъ сосѣдняго села и только дѣломъ, когда ученѣе прекращается, живетъ въ Павлѣ.

«У обоихъ братьевъ (*они не раздѣлены*), говоритъ корреспондентъ:—очень изрядное хозяйство. Подъ виноградниками, покосами, садомъ, дворомъ они имѣютъ до 400 джелюмовъ (около 65 десятинъ) земли; у нихъ изрядное количество лошадей, воловъ, овецъ, очень много домашней птицы, нѣсколько десятковъ колодъ пчелъ; хорошій садъ и огородъ. Зажиточность ихъ, по здѣшнему, такъ сказать, средняя. Въ Павло есть много семей несравненно болѣе богатыхъ. Земля составляетъ полную наследственную собственность братьевъ, которую они могутъ увеличивать покупкой свободныхъ казенныхъ земель или частныхъ лицъ».

Часто у корреспондента шелъ съ хозяевами разговоръ о налогахъ. Оказывается, что, кромѣ налога *бетель* въ 2 р. 30 к., которую платятъ христіане мужчины и ихъ дѣти старѣе 10 лѣтъ за освобожденіе отъ военной службы, всѣ остальные налоги—одинаковы для турокъ и для болгаръ и взыскиваются съ одинаковою строгостію какъ съ тѣхъ, такъ и съ другихъ. На вопросъ корреспондента: «Что дѣлаютъ у васъ съ неисправными плательщиками?» Сидѣрь отвѣчалъ: «Запрутъ на день, на два при домѣ чорбаджи (старосты).—А палками наказываютъ».—Случается.—Кого? болгаръ или турокъ?—Турокъ больше; они хуже платятъ». Судя поэтому, въ Турціи до сихъ поръ нѣтъ обычая описывать у неисправныхъ въ платежѣ податей крестьянъ имущество и продавать его съ публичнаго торга. Еще черта замѣчательная для Турціи, обвиняемой обыкновенно въ самыхъ несправедливыхъ поборахъ: «До послѣдняго времени, говоритъ корреспондентъ:—подати уплачивались звонкой монетой, а съ введеніемъ бумажныхъ денегъ въ послѣдніе полгода—и каиме. Савѣ, при разсказѣ объ этомъ, доставляло немало удовольствія воспоминаніе о томъ, какъ, покупая въ Систовѣ каиме за 70^о, онъ отдавалъ ихъ въ уплату податей по нарицательной цѣнѣ».

«Насъ интересовало, говоритъ корреспондентъ:—въ какихъ отношеніяхъ жили между собой болгаре и турки, такъ какъ деревня, по числу домовъ, почти на одну треть турецкая. Мы спрашивали о томъ очень многихъ, и въ томъ числѣ Сидѣра. Общій отвѣтъ былъ тотъ, что жили дружно и терпѣли одинаковую обиду только отъ черкесовъ, жившихъ по сосѣдству въ деревнѣ Кеневерлихъ; тѣ крали у окрестныхъ жителей лошадей, овецъ, хлѣбъ» и т. н.

«Отчего турецкіе дома гораздо хуже болгарскихъ? Отчего турки бѣднѣе болгаръ?»—спрашивалъ корреспондентъ болгаръ. Ему отвѣчали: «Турки лѣнивы работать». Несмотря на то, говоритъ корреспондентъ, что они такіе же собственники, они предпочитали работать по найму у болгаръ. Сидѣрь со смѣхомъ передавалъ, что у нихъ въ селѣ свинымъ пастухомъ былъ природный турокъ.—А надобно замѣтить, что заработная плата въ Болгаріи, по словамъ корреспондента, самая ничтожная. Такъ, онъ го-

ворить, что на дѣтнія работы, т. е. въ самое дорогое время, его хозяева нанимали 10—15 рабочихъ, съ платой имъ по 5—7 грошей (25—35 к.) въ день, на хозяйскихъ харчахъ. «А турки работали у васъ?—спрашивалъ корреспондентъ Сидѣра объ этихъ работахъ.—Какъ же, работали.—И они ѣли вмѣстѣ съ вами?—Да.—Ну, а свинину ѣли?—О, турокъ бывало спроситъ: что это—свинина? ему скажешь: нѣтъ, нѣтъ, говядина, и онъ ѣсть ее какъ нельзя лучше».

Не правда ли, что, еслибы все это сталъ читать человѣкъ, не знающій кто кѣмъ владѣть: турки ли болгарами, или болгаре турками, то онъ никакъ бы не догадался, что господствующая раса въ Болгаріи—турки, а подвластная и считаемая даже угнетенною, за освобожденіе которой ведется война—болгаре. Онъ вывелъ бы какъ разъ обратное заключеніе.

Приведу и еще одно свѣдѣніе изъ корреспондента, показывающее, какъ несправедливо мнѣніе, будто турки стѣсняютъ болгаръ въ постройкѣ церквей и основаніи школъ.

«Между прочимъ, пишетъ корреспондентъ:—мы полюбопытствовали узнать: большихъ ли хлопотъ и у кого стоило получить разрѣшеніе на постройку церкви и школы. Оказалось, что церковь построена лѣтъ семь тому назадъ, по разрѣшенію систовскаго архіерея, а школа была заведена нѣсколько раньше, по настоянію Митхадъ-паши. Этотъ замѣчательный человѣкъ оставилъ по себѣ въ Павло и сосѣднихъ селахъ прочную и, что гораздо важнѣе, хорошую память. Старуха мать нашихъ хозяевъ рассказывала, что Митхадъ-паша неоднократно бывалъ въ Павло, по долгу говорилъ съ жителями и всякій разъ увѣщевалъ какъ болгаръ, такъ и турокъ, заводить школы и попеременно посылалъ въ нихъ всѣхъ дѣтей безъ различія. Намъ, рассказывала старуха:—паша говорилъ еще немного, но турокъ онъ усовѣщевалъ долго и по нѣскольку разъ; говорилъ, что они будутъ въ зависимости не только отъ румынъ, но и отъ болгаръ-купцовъ, если они будутъ пренебрегать обученіемъ. Турки послѣ этого завели въ Павло медресе. Голямъ человѣкъ (великій человѣкъ)! прибавляла, качая головой, старуха».

Теперь я прошу васъ сообразить всѣ выше приведенныя мною показанія, въ истинности которыхъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, тщательно взвѣситъ ихъ и потомъ откровенно сказать: можно ли указать еще страну въ Европѣ, гдѣ бы населеніе, какъ городское, такъ и сельское, жило въ такомъ же довольствѣ и обилии и, при этомъ, не только не будучи единоплеменнымъ народу, среди котораго живетъ, но и, извѣстное своею враждебностію къ нему, пользовалось такою независимостію и даже свободою въ развитіи и проявленіи своихъ національныхъ стремленій, какъ болгаре?—Очень можетъ быть, что, при томъ патриархальномъ состояніи, въ какомъ до настоящаго времени находятся турецкая администрація и турецкій судъ, въ Болгаріи нѣрѣдко

встрѣчаются частныя казусы несправедливостей, насилій, жестокостей; но я желалъ бы, чтобы мнѣ указали такую изъ благоустроенныхъ странъ въ Европѣ, гдѣ бы подобныхъ казусовъ въ той или другой формѣ не случилось съ людьми непривилегированныхъ классовъ, не возмѣщаясь для послѣднихъ ни тѣмъ матеріальнымъ благосостояніемъ, въ которомъ живетъ население Болгаріи, ни тою независимостію и свободою, которою оно пользуется, благодаря полному отсутствію не только политическаго, но почти и полицейскаго надзора.

Очевидно, что не только Россія, но и вся Европа, была обманута насчетъ истиннаго положенія болгаръ въ Турціи. Какимъ образомъ могъ совершиться такой колоссальный обманъ, корреспондентъ и относительно этого дѣлаетъ нѣкоторыя указанія. Болгарское возстаніе прошедшаго года, повлекшее за собою такую страшную рѣзню, которая привела въ ужасъ всю Европу, онъ приписываетъ двумъ причинамъ: во-первыхъ, неустройству и распущенности турецкаго фиска, а, главнымъ образомъ, честолюбію болгарской интеллигенціи.

Относительно послѣдней онъ говоритъ слѣдующее:

«Другимъ важнымъ источникомъ народнаго неудовольствія было устраненіе болгаръ, особенно выдающихся ихъ представителей отъ какихъ бы то ни было административныхъ должностей. Что оставалось дѣлать представителямъ интеллигенціи, особенно тѣмъ, которые воспитывались въ Россіи, Франціи, вообще внѣ Турціи? Большинство ихъ, если только не всѣ, силой обстоятельствъ дѣлались народными сельскими учителями, и они-то внесли сознание въ народъ. Не даромъ турки такъ неохотно отпускали болгарскую молодежь за границу, особенно въ Россію; нечего и говорить, какому надзору подвергались эти по возвращенію на родину. Конечно, подобныя мѣры только ухудшали, а не ослабляли опасность оттоманскаго правительства. Возстанія, болѣе или менѣ частныя, повторялись въ теченіи послѣдняго десятилѣтія неоднократно; возстаніе же 1875 г. было задумано широко, по опредѣленному плану, подготовлено очень недурно. Громадный недостатокъ былъ только въ средствахъ. Возставшіе знали это, знали, что сопротивленіе не можетъ быть продолжительнымъ; но вожаки ихъ хотѣли обратить на Болгарію вниманіе Европы, хотѣли показать, что и ихъ родина имѣетъ право на жизнь цивилизованныхъ народовъ. Они не ожидали, конечно, ни жестокостей, сопровождавшихъ усмиреніе возстанія, ни равнодушія».

Корреспондентъ весьма справедливо говоритъ, что настоящее положеніе вещей въ Болгаріи вызвано и создано болгарской интеллигенціей. Но я не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы эта интеллигенція въ своей дѣятельности водилась честолюбіемъ. Желаніе освободить свою родину отъ иноплеменнаго владычества, какъ бы хорошо даже оно ни было, равно какъ и поставить свой народъ еще въ лучшія условія существованія, тѣмъ

какими онъ пользуется—это такъ естественно и понятно въ каждомъ истинно образованномъ и любящемъ свой народъ человѣкѣ, что было бы странно бросать за это камень осужденія въ болгарскую интеллигенцію. Но болгарской интеллигенціи нельзя не обвинять за то, что она плохо изучила положеніе своего народа, сравнительно съ другими народами, и повела его къ свободѣ совсѣмъ не тѣмъ путемъ, какимъ бы слѣдовало и какимъ она могла бы вести его безъ всякихъ препятствій. Даже изъ тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя я собралъ и представилъ выше, нетрудно видѣть, что въ рукахъ болгаръ, а не турокъ, находится въ настоящее время въ Болгаріи не только матеріальная сила, сила вышаго благосостоянія, но отчасти и сила моральная. Болгарамъ недоставало только одного — сознанія этой силы всѣмъ болгарскимъ народомъ или, говоря другими словами, распространенія образованія среди народа, съ которымъ неизбежно явилось бы національное сознаніе и единство. Турція давала полный для этого просторъ своимъ политѣйшимъ невмѣшательствомъ во внутреннія дѣла болгаръ. Авторъ напрасно говорить, что Турція окружала стѣснительнымъ надзоромъ болгарскую интеллигенцію. Это свѣдѣніе онъ почерпнулъ изъ сомнительныхъ источниковъ. Намѣреніе стѣснить интеллигенцію явилось въ турецкомъ правительствѣ только послѣ задуманнаго болгарами возстанія, но и то, кажется, только намѣреніемъ и осталось. По крайней мѣрѣ, не имѣется пока въ виду никакихъ данныхъ въ подтвержденіе того, чтобы это намѣреніе было приведено въ исполненіе. Просиди болгаре смирно нынѣшнее славянское возстаніе—турки слѣбались бы къ нимъ еще довѣрчивѣе, чѣмъ были, и интеллигенція болгарская могла бы идти безъ всякой помѣхи тѣмъ путемъ, какимъ шла, т. е. путемъ образованія и національнаго развитія болгарскаго народа. Черезъ нѣсколько лѣтъ такой ея дѣятельности, власть турокъ въ Болгаріи стала бы сама собою только номинальною, а затѣмъ и освобожденіе послѣдовало бы неминуемо. Но болгарская интеллигенція пошла другимъ путемъ. Она составила планъ освобожденія народа путемъ чужеземной силы, рассчитывая въ этомъ случаѣ, конечно, главнымъ образомъ, если не исключительно, на Россію. Для исполненія этого плана ей необходимо было достигнуть двухъ цѣлей: возставить болгарскій народъ противъ турецкаго правительства, а, главное, убѣдить Европу въ невыносимомъ положеніи болгарскаго народа подъ турецкимъ владычествомъ.

Первой цѣли она старалась достигнуть агитаціей въ кружкахъ, школахъ и непосредственно въ народѣ. Агитація кружковая и въ школахъ шла очень успѣшно. Главный и самый вліятельный изъ кружковъ образовался въ Константинополѣ изъ болгарской молодежи. Онъ отпечаталъ тысячи экземпляровъ книгъ для первоначальнаго обученія и разослалъ ихъ по деревенскимъ школамъ; въ то же время, онъ поддерживаетъ нѣсколькихъ молодыхъ людей

*

въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Примѣру этого кружка послѣдовала вся интеллигенція Болгаріи. Начали устраиваться читальни сначала въ большихъ городахъ: Трновѣ, Русдукѣ, Филиппополѣ, Тульчѣ, потомъ и въ деревняхъ. За образованіе кружковъ принялись и дамы, все съ тою же цѣлю поддерживать мѣстное обученіе и зачатки мѣстной журналистики; онѣ изъ собственныхъ денегъ платили мѣстнымъ учительницамъ и поддерживали дѣвочекъ, обучающихся за границею. Константинопольскій кружокъ главное свое вниманіе обратилъ на Македонію, которую оспаривали у болгаръ—съ одной стороны, греки, внушая жителямъ, что они—потомки славныхъ эллиновъ, съ другой—сербы, увѣрявшіе ихъ, что они—потомки славнаго Душана. Греческая пропаганда, подѣ влияніемъ весьма вліятельнаго тамъ греческаго духовенства, была очень сильна. Изъ Константинополя и Аѳинъ туда посылались греческіе учителя и учительницы и греческія книги. Чтобы противодѣйствовать греческой и сербской пропагандѣ, константинопольскій кружокъ обратилъ вниманіе на существовавшую близъ Константинополя болгарскую колонію изъ Македоніи, которая считала въ средѣ своей до 20,000 душъ, занималась садоводствомъ, имѣла громадныя огороды и многочисленныя стада скота, и поставляла свои произведенія въ Константинополь. Кружокъ открылъ тамъ общество, подѣ названіемъ: «Болгарско-благодѣтельно-братство», которымъ было открыто нѣсколько школъ, въ которыхъ не бралась плата ни за ученье, ни за книги; для взрослыхъ открыты были воскресныя лекціи. Отцы, видя, что дѣти ихъ въ короткое время начали читать на родномъ языкѣ, а не на греческомъ, котораго никто не понималъ, приходили въ восторгъ отъ новыхъ школъ, которыя такимъ образомъ получили огромное вліаніе на богатую колонію, а, черезъ нее, и на Македонію. Жители колоніи, возвращаясь на родину, дѣлались тамъ горячими пропагандистами національной школы и національнаго развитія. Вслѣдствіе этого, во многихъ мѣстахъ греческіе учителя начали замѣняться болгарскими, начали основываться болгарскія школы; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уговаривали духовенство употреблять въ богослуженіи языкъ болгарскій, а не греческій, какъ было до сихъ поръ. Пропаганда еще болѣе усилилась, когда въ качествѣ мѣстныхъ учителей явились въ Македонію воспитанники школъ «Болгарско-благодѣтельно-братство». Въ 1870 году, константинопольскимъ обществомъ основана была особая коммисія въ Македоніи, подѣ названіемъ «Македонска Дружина», съ цѣлю окончательнаго преобразования Македоніи. Дружина начала свою дѣятельность именно съ тѣхъ мѣстъ, которыя считались уже греческими: съ Салоникъ, Сереса и Касторіи. Въ этихъ городахъ открыты были школы съ болгарскими учителями. Греческая пропаганда, вмѣстѣ съ греческимъ духовенствомъ, употребили все, чтобы воспрепятствовать развитію болгарской національности: подѣ угрозой отлученія отъ церкви, вос-

прещали родителямъ посылать дѣтей въ болгарскія школы, подкупали нарочно людей, которые били дѣтей, приходящихъ въ эти школы, и даже учителей, ломали окна въ школахъ; школьные учителя были обвиняемы духовенствомъ и греческою пресою въ томъ, что служили панславистскими агентами, будто бы посланными отъ Россіи возстановить народъ противъ правительства; ихъ осуждали въ произведеніи безпорядковъ и возбужденіи страстей, сажали въ тюрьмы, преслѣдовали всѣми способами. Но, послѣ двухлѣтней борьбы, греческая и сербская пропаганда должны были уступить болгарской, Послѣдствіемъ этого торжества было возстановленіе въ Македоніи національной церкви. («Русскій Міръ» № 184). Такимъ образомъ, благодаря усиліямъ кружковъ въ Македоніи, почти потерянной уже для славянства, восстановлена снова національность; благодаря дѣятельности тѣхъ же кружковъ, созданы во всей Болгаріи гимназіи, народныя школы, и, какъ мы уже видѣли, не незначительный процентъ молодого поколѣнія сталъ проходить черезъ школы. Сознаніе національности и польза національнаго развитія стали теперь болѣе или менѣе присущи болгарскому народу. Но отсюда еще далеко до того, чтобы народъ сдѣлался готовъ къ политической дѣятельности. Это пока еще in spe. Понятно, что пропаганда возстанія непосредственно народу теперь не могла быть успѣшною. Народъ, пока его не поднимутъ какія нибудь чрезвычайныя событія или обстоятельства или пока онъ не будетъ достаточно развитъ, представляетъ вездѣ инертную массу, нелегко поддающуюся и вѣрующую въ возможность лучшаго, даже тогда, когда онъ находится дѣйствительно въ бѣдственномъ состояніи. Тѣмъ труднѣе поднять его было въ Турціи, гдѣ онъ пользуется цвѣтущимъ матеріальнымъ благосостояніемъ. Поэтому, когда началось прошлогоднее болгарское возстаніе въ Турціи, народъ остался спокойнымъ зрителемъ, и возстаніе оказалось комическимъ по существу, но, къ сожалѣнію, очень и очень трагическимъ по послѣдствіямъ, для безчисленнаго множества ни въ чемъ неповинныхъ болгаръ, какъ это, впрочемъ, бываетъ всегда и вездѣ.

Второй цѣли болгарская интеллигенція достигла вполне. Ей удалось обмануть и Россію, и всю Европу, относительно дѣйствительнаго положенія болгаръ въ Турціи. Какъ это могло случиться—понять трудно. Я уже сказалъ, что ни европейцы, ни русскіе не знаютъ лично быта болгаръ въ Турціи. Всѣ свѣдѣнія объ этомъ, добываемыя въ посольствахъ, консульствахъ, вообще большихъ городахъ Турціи, поставлялись разсѣянною вездѣ болгарскою или христіанскою интеллигенціею. Всѣ казусы несправедливостей, жестокостей, насилій, случавшіяся въ Турціи, она не только немедленно оглашала, но въ своихъ видахъ преувеличивала ихъ, росписывая самыми темными красками и обобщая; очень можетъ быть, что нѣкоторые и просто выдумывала. Звѣрства и жестокости, обнаруженныя турками во время возстанія при преслѣдованіи виновныхъ или подозрѣваемыхъ виновными,

какъ это бываетъ у всѣхъ мало цивилизованныхъ народовъ при отсутствіи порядочной администраціи и суда, косвеннымъ образомъ подтверждали то, что распускалось болгарской интеллигенціей относительно казусовъ мирнаго времени. Рассказамъ болгарской интеллигенціи о бѣдственномъ матеріальномъ состояніи болгаръ давало вѣсь и достовѣрность, въ глазахъ Европы и Россіи, всѣмъ извѣстное финансовое разстройство Турціи. Однакожь, представление объ этомъ финансовомъ разстройствѣ Турціи, благодаря болгарской интеллигенціи, и въ Россіи, и въ Европѣ существовало совсѣмъ не соответствующее дѣйствительности. Всѣ думали, что Турція обираетъ своихъ подданныхъ, въ особенности райю, чуть не до послѣдней рубашки, и что, обобравъ у послѣднихъ все, что можно, она пустила ихъ чуть не по міру, а самой теперь не съ кого и нечего взять. Въ дѣйствительности же оказывается, что общій уровень благосостоянія массъ нигдѣ не стоитъ такъ высоко, какъ въ Турціи, по крайней мѣрѣ, въ Болгаріи, и, находясь Болгарія въ рукахъ какой-нибудь европейской цивилизованной страны, послѣдняя, другимъ способомъ взиманія, совершенно легальнымъ, взяла бы съ болгаръ вдесятеро больше, чѣмъ беретъ теперь Турція со всѣми своими незаконными поборами, и никто бы не упрекнулъ эту цивилизованную страну въ угнетеніи, ибо способъ ея взиманія былъ бы легальный, хотя бы благосостояніе болгаръ и ухудшилось вдесятеро, если не болѣе, противъ теперешняго. Однимъ словомъ, то, что мы называемъ финансовымъ разстройствомъ Турціи, происходитъ вовсе не отъ истощенія платежныхъ силъ страны, не оттого, что Турція выжимаетъ что возможно изъ плательщиковъ, въ особенности райю, какъ это распущено болгарской интеллигенціей, а отъ неустройства и распушенности турецкаго фиска, какъ вы легко усмотрите изъ нижеслѣдующаго.

Кромѣ налога *бедэль*, исключительно взимаемаго съ христіанъ, о которомъ я уже сказалъ выше, вотъ, по исчисленію корреспондента, другіе налоги, платимые одинаково какъ турками, такъ и христіанами:

«1) *Эмлякъ* или процентъ съ оцѣнки стоимости земли, скота и дома. До послѣдняго времени, Савва и Сидѣръ за 400 дзельмовъ земли и за свое хозяйство платили 5 р. 67½ к. въ годъ. Сколько можно заключить изъ рассказовъ, эмлякъ составляетъ 2% съ оцѣнки, но ручаться за эту цифру нельзя, такъ какъ крестьяне очень уклончиво опредѣляли цѣнность своего имущества; 2) *безмикъ*—подать за овецъ и свиней. За каждую овцу казна взимаетъ 22½ коп., а за свинью 12½ коп.; 3) *шарань-марасъ* — подать за вино, составляетъ 42½ коп. за 10 ведеръ вина».

Кромѣ этихъ налоговъ, существуютъ еще налоги на всѣ сельскія произведенія. Главнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе: 1) десятая часть съ жатаго хлѣба, кукурузы и т. д.; 2) 5 коп. съ каждаго

воза сѣна; 3) 10 коп. съ cadaго огорода; 4) 12½ коп. съ cadaго виноградника; 5) 10 коп. съ cadaго улья пчель.

Общественныхъ сборовъ существуетъ только два: 1 рубль съ дома учителю и 30—35 коп. кабакчию.

Вы видите, что во всѣхъ податахъ и налогахъ примитивны какъ характеръ и способъ обложенія, такъ и оцѣнка предметовъ обложенія. Съ земли и вообще съ хозяйства, какой бы они ни могли приносить доходъ, берется самый ничтожный процентъ, пока тутъ вы ничего не производите. Лошадей и коровъ вы можете держать табуны на вашей землѣ; но предполагается, что лошадей и корова нужны въ каждомъ хозяйствѣ для собственнаго пропитанія и обихода, потому за нихъ ничего не берется, а подъ этимъ предлогомъ и ваши табуны коровъ и лошадей остаются безъ налога. Но, если вы завели одну свинью и одну овцу, то за нихъ должны платить; ибо это—уже роскошь, безъ которой хозяйство существовать можетъ. За 10 овецъ платять налога 2 р. 25 к., а за 50 ведеръ вина 2 р. 12½ к., хотя за 50 ведеръ вина вы можете получить, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ болѣе, чѣмъ за 10 овецъ. И такъ далѣе, всѣ оцѣнки въ томъ же родѣ. Европейецъ, оцѣнивъ, наприимѣръ, весь доходъ съ имѣнія Саввы и Сидѣра по истиннымъ существующимъ цѣнамъ cadaго предмета его хозяйства, сказалъ бы Саввѣ и Сидѣру: ваше хозяйство, по моему точному исчисленію, сдѣланному по всѣмъ правиламъ науки, даетъ вамъ въ годъ 1,000 р. А, такъ какъ, по исчисленію государственнаго хозяйства, требуется въ годъ столько-то, а по соображенію доходности всѣхъ имѣющихся въ государствѣ имуществъ, съ доходовъ cadaго слѣдуетъ получить въ казну 50%, то и пожалуйста мнѣ 500 р., которые взялъ бы и положилъ въ карманъ. Турокъ, по своему примитивному способу обложенія и оцѣнки, не можетъ насчитать доходовъ Саввы и Сидѣра и трети того, что насчиталъ европейецъ по своему новѣйшему способу, и, какъ онъ ни усиливается обложить Савву и Сидѣра, онъ не рассчитываетъ получить съ нихъ четвертой части того, что насчиталъ и взялъ уже европейецъ.

Между тѣмъ, для турка, при его примитивномъ способѣ обложенія, иное дѣло—рассчитать, иное—взять. Правительству турецкому надобно было бы содержать тысячи агентовъ, расходы на которыхъ стоили бы дороже, чѣмъ сколько дали бы налоги, чтобы усмотрѣть: у кого сколько будетъ сжато равныхъ хлѣбовъ, сколько будетъ возовъ сѣна и т. п. Поэтому, правительственные чиновники—чорбаджи или старосты—собираютъ бедаль и первые три налога, менѣе трудные для исчисления. Остальные же налоги съ сельскихъ произведеній собираются кабакчиями или откупщиками, которымъ налоги эти отдавались на откупъ. Этотъ способъ взиманія дѣйствительно составляетъ источникъ безчисленнаго множества злоупотребленій, какъ это бываетъ и при всякихъ откупахъ. Какъ у насъ, во время процвѣтанія винныхъ откуповъ, старались

возвысить цѣну откупнаго дохода и тѣмъ, кто наддавалъ на торгахъ слишкомъ крупныя суммы противу существовавшихъ, дѣлали разныя льготы относительно размноженія количества кабаковъ, времени продажи въ нихъ вина, съвозъ пальцы смотрѣли на разныя вопіющія злоупотребленія, тамъ совершавшіяся, не обращая вниманія на то, какое страшное истощеніе производится черезъ это въ народѣ—такъ точно и турецкое правительство смотритъ на откупъ, какъ на средство возвысить свой доходъ, и позволяетъ себѣ въ этомъ иногда даже непосредственное злоупотребленіе. «Произвольнѣ всего, говоритъ корреспондентъ:—взималась десятина съ жатвы (ишюръ). Законъ опредѣляетъ ее всего въ $\frac{1}{10}$ количества полученныхъ сноповъ или зерна; но само же правительство, смотря по своимъ нуждамъ, измѣняло величину этой дроби до $\frac{1}{8}$, даже до $\frac{1}{5}$ (правда, рѣдко). Само собою разумѣется, что оно, кромѣ того, должно съ послабленіемъ относиться къ злоупотребленіямъ откупщиковъ, для того, чтобы откупщики находили для себя выгоду въ этомъ дѣлѣ и старались возвышать доходъ правительства, а не уменьшать его». И откупщики, понятно, не упускали случая этимъ пользоваться. Но главное зло составляли еще не сами откупщики, а перепродавцы или, по нашему, цѣловальники. «По закону, говоритъ корреспондентъ:—откупщикъ могъ перепродать свое право взиманія другому лицу, и вотъ эти-то послѣдніе господа, въ большинствѣ случаевъ, были истинными бичами божьими, вынуждая (способовъ было много) крестьянъ идти въ самыя невыгодныя сдѣлки. Достаточно было, на примѣръ, откупщику не соглашаться принимать десятину до окончанія жатвы во всемъ округѣ. Крестьянинъ, до уплаты ишюра, не имѣетъ права съвозить снопы съ поля; между тѣмъ, въ дождливую погоду хлѣбъ гнѣетъ, въ сухую осыпается зерно, и земледѣлецъ охотно отдастъ четвертую, третью часть, чтобы только спасти остальные. Ремесленники и купцы страдали, въ свою очередь, отъ *тсмете* или 3% подати съ заработка лицъ отъ 16-ти до 65-ти лѣтнаго возраста; поводовъ къ огромному злоупотребленію этой податью было много, потому что администрація опредѣляла величину подати, и часто случалось, что лица, заработавшія 500 піастровъ, платили проценты съ 1,500—3,000 піастровъ».

Вотъ тѣ злоупотребленія, которыя расписывала болгарская интеллигенція Европѣ на всѣ лады, чтобы убѣдить ее, что Болгарія находится въ матеріальномъ бѣдственномъ положеніи, умалчивая, конечно, о томъ, что «наиболѣе жадными пиявцами народа, какъ сообщаетъ корреспондентъ, были не турки, а откупщики и чорбаджи, старосты изъ своихъ же братьевъ болгаръ, и что огромное большинство болгаръ разбогатѣло этимъ». Злоупотребленія были дѣйствительно велики, приводили въ ужасъ Европу, и она вѣрила, что болгаре—народъ разоренный въ пухъ и прахъ и несчастнѣйшій изъ народовъ, и что Турція,

высосавъ всё соки изъ своихъ подданныхъ, находится въ матеріальномъ истощеніи отъ истощенія ея платежныхъ силъ.

Теперь оказалось, что злоупотребленія были великія, но что, несмотря на то, народныя массы въ Болгаріи пользуются такимъ цвѣтущимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, какого не видно среди народныхъ массъ ни въ какой другой странѣ. Какимъ образомъ это могло случиться? Говорятъ въ объясненіе этого: Болгарія, по своей роскошной природѣ—такая благодатная страна, что, сколько не обирай въ ней народъ, онъ все-таки будетъ благоденствовать. Однако, Италія—также благодатная страна, но народъ нищенствуетъ. И мало ли можно указать такихъ странъ, гдѣ народъ далеко не благоденствуетъ при всей благодатности природы? Никто не хочетъ принять во вниманіе того, что Турція, при примитивномъ способѣ своего обложенія и оцѣнки облагаемыхъ предметовъ, несмотря на всё существовавшія въ ней злоупотребленія, не брала съ народа и десятой доли того, что беретъ любая изъ самыхъ цивилизованныхъ странъ Европы, и что потому и легальные, и нелегальные поборы въ ней захватывали только большую или меньшую часть плодовъ производительности страны, но не уничтожали этой производительности въ корнѣ, брали у курицы только золотыя яйца, которыя она несла, но сама курица не разрѣзалась для того, чтобы гуртомъ за разъ взять въ ней все золото. Европа до сихъ поръ остается очень наивною: она считаетъ народъ благоденствующимъ или долженствующимъ благоденствовать, когда у него совершенно легальнымъ путемъ отбираются всё натуральные фонды и орудія производства и онъ обращается въ безпріютнаго пролетарія, едва пробивающагося случайно поденною платою. И та же самая Европа приходитъ въ ужасъ и негодованіе, когда видитъ, что народъ, обладая большимъ количествомъ земли, множествомъ разныхъ доходныхъ угодьевъ, живя вообще въ довольствѣ и обиліи, къ незначительнымъ легальнымъ налогамъ приплачиваетъ такое же количество нелегальныхъ поборовъ, нисколько тѣмъ не ослабляясь въ своемъ благосостояніи. Точно народъ предпочелъ бы легально нищенствовать, чѣмъ нелегально благоденствовать! Ужасъ и негодованіе Европы на нелегальные поборы въ Турціи были бы еще понятны, если бы благоденствіе народныхъ массъ въ ней самой были на первомъ планѣ, если бы легальныя формы ея были направлены къ тому только, чтобы возвысить ихъ благосостояніе. Между тѣмъ, мы видимъ совершенно противное... Я полагаю, что всё злоупотребленія самого турецкаго правительства и широмъ, въ совокупности со всѣми злоупотребленіями откупщиковъ, и большихъ, и малыхъ, въ Турціи не высасывали изъ народа даже и такого количества денегъ, какое въ какой-нибудь европейской цивилизованной странѣ высасывается изъ народа однимъ косвеннымъ налогомъ—питейнымъ. О другихъ налогахъ Турціи и говорить нечего. По соображеніи тѣхъ натуральныхъ фондовъ, какіе

ниются въ рукахъ народныхъ массъ, они просто, въ сравненіи съ европейскими, ничтожны. Впрочемъ, лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить цвѣтущее состояніе болгарскаго населенія.

Это цвѣтущее состояніе Болгаріи, я полагаю, должно убѣдить и васъ, что, при всѣхъ злоупотребленіяхъ, существующихъ въ Турціи при вниманіи податей, при всѣхъ случайныхъ казусахъ несправедливостей, жестокостей, насилій, тамъ встрѣчающихся, не предстояло никакой неотложной настоятельности спасать Болгарію отъ турецкаго владычества именно въ данное время, а что этимъ дѣломъ, какъ я сказала въ началѣ, можно было погодить, что, начавъ войну за освобожденіе Болгаріи, мы сдѣлали послѣдній шагъ.

Но *alea jacta est*. Поворотить назадъ нельзя. Съ того времени, какъ началась междоусобная истребительная война между турками и болгарами, оставить болгаръ во власти турокъ значило бы обречь ихъ, какъ я уже сказала выше, на конечное истребленіе, хотя многіе думаютъ, что, въ случаѣ, если война будетъ продолжаться, въ особенности если она затянется, болгаръ все равно въ живыхъ останется немного. Положеніемъ вещей создана убійственная дилемма, изъ которой трудно найдти какой нибудь сносный выходъ.

Но и, по счастливомъ окончаніи войны, трудностей для Россіи представится немало. Освобожденные болгаре если не навсегда, то на нѣсколько, вѣроятно, лѣтъ, останутся во власти русскихъ. Существенная задача для насъ будетъ состоять въ этомъ случаѣ: поставить ихъ такъ, чтобы они почувствовали, что имъ въ рукахъ освободителей стало жить если не лучше, то и не хуже, чѣмъ жилось прежде подъ властію притѣснителей-турокъ. А это сдѣлать не такъ легко, какъ оно представляется съ перваго взгляда.

Но объ этомъ до слѣдующаго письма.

1877 года. Августа 17 дня.

ИЗЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ.

СКАНДАЛЬ ВЪ БЕРЛИНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ. — СМЕРТЬ ТЪЕРА.

Въ берлинскомъ университетѣ разыгралась недавно исторія, дѣлающая и въ общемъ, и въ подробностяхъ очень мало чести ученому сословію, но окончившаяся такъ благополучно, какъ трудно было ожидать и какъ рѣдко случается съ подобными исторіями.

Былъ въ берлинскомъ университетѣ приватъ-доцентъ Эженъ Дюрингъ, былъ — и сплылъ. Сплылъ со скандаломъ. При той важной роли, которую, если не сама по себѣ, то по сравненію съ нашими университетами, играетъ университетская жизнь въ Германіи (времена очень широкаго вліянія прошли и для нея), скандалъ не могъ пройти совсѣмъ незамѣченнымъ. Но онъ былъ такого необычайнаго, исключительнаго свойства, что получилъ видъ чрезвычайно важнаго событія и окончился, дѣйствительно, событіемъ, имѣющимъ, можетъ быть, составить новую эру въ исторіи европейской образованности. Непосредственно практическаго значенія это событіе для насъ, русскихъ, имѣть не можетъ, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, но косвенно можетъ отразиться и на насъ, не говоря уже объ общемъ теоретическомъ значеніи событія. Скандалъ, во всякомъ случаѣ, любопытный, и читатель, надѣмся, не посѣтуетъ на насъ за повѣствованіе о немъ.

Далеко не юношей выступилъ Дюрингъ на учено-литературное поприще (теперь ему около сорока пяти лѣтъ). Дѣло въ томъ, что, окончивъ курсъ въ университетѣ, онъ посвятилъ себя юридической карьерѣ, но скоро ослѣпъ и долженъ былъ бросить службу по судебному вѣдомству, продолжавшуюся, однако, три года. Такое страшное несчастье, какъ потеря зрѣнія, можетъ хоть кого обезкуражить. Но Дюрингъ не унывалъ. Съ огромнымъ трудолюбіемъ принялся онъ за изученіе философіи, мате-

матики, политической экономіи, защищалъ докторскую диссертацию и занялъ мѣсто привать-доцента при берлинскомъ университетѣ. Положеніе привать-доцентовъ въ германскихъ университетахъ извѣстно: много свободы и мало денегъ. Жалованья привать-доценты не получаютъ и живутъ исключительно гонораромъ, получаемымъ отъ студентовъ, которые также воленъ слушать и не слушать привать-доцента, какъ онъ воленъ читать или не читать лекціи. На тѣ двѣсти талеровъ, которые Дюрингъ зарабатывалъ въ годъ частными, то есть оплачиваемыми лекціями, существовать, конечно, трудно. Такъ прошли три года, въ теченіи которыхъ Дюрингъ издалъ нѣсколько сочиненій, дававшихъ, какъ ему казалось, право на открывшуюся въ 1866 году ваканцію профессора философіи. Онъ потерпѣлъ, однако, полное фіаско. Вожакъ философскаго факультета, извѣстный своей неизвѣстностью Тренделенбургъ, «Логическія изслѣдованія» котораго имѣются почему-то даже въ русскомъ переводѣ, объявилъ, что Дюрингъ — «камералистъ», а намъ, дескать, требуется «настоящій философъ». Замѣчено было также, что такъ какъ Дюрингъ слѣпъ и самъ читать и писать не можетъ, то назначеніе его профессоромъ можетъ подвергнуть опасности канцелярско-факультетскія тайны. Наконецъ, факультетъ, то есть, главнымъ образомъ, Тренделенбургъ полагалъ, что мнѣніямъ Дюринга недостаетъ еще «зрѣлости». Снисходя, однако, къ крайне плохому матеріальному положенію Дюринга, факультетъ ходатайствовалъ о выдачѣ ему нѣкотораго денежнаго пособия, не изъ университетскихъ суммъ, а какъ особой милости короля. Дюрингъ, узнавшій объ этомъ ходатайствѣ только отъ министра просвѣщенія, отказался. Надо замѣтить, что привать-доцентамъ выдаются время отъ времени пособія изъ университетскаго фонда, и впослѣдствіи Дюрингъ четыре раза получалъ такіа пособія, въ такомъ, однако, размѣрѣ, что, если разложить ихъ на все время его привать-доцентства, то придется меньше трехъ талеровъ въ мѣсяцъ.

Дюрингъ съ большою горечью рассказываетъ исторію этого перваго своего фіаско. Онъ правъ, конечно, потому что всѣ эти жалкія придирки къ слѣпотѣ и къ «камералисту» достойны и смѣха, и негодованія. Можно бы было замѣтить въ оправданіе берлинскихъ «схоларховъ», что первыя произведенія Дюринга (средины шестидесятыхъ годовъ) далеко не отличаются такими достоинствами, какія онъ самъ готовъ имъ приписать. Однако, онъ росъ чрезвычайно быстро и съ 1869 года издалъ рядъ уже дѣйствительно выдающихся сочиненій: «Критическую исторію философіи» въ 1869 (второе изданіе 1873), «Критическую исторію политической экономіи и социализма» въ 1871 (второе изданіе 1875), «Курсъ политической экономіи» въ 1873 (второе изданіе 1876), «Критическую исторію общихъ принциповъ механики» также въ 1873 (второе изданіе 1877), «Курсъ философіи» въ 1875. Этими пятью объемистыми томами Дюрингъ твердо

вписалъ свое имя въ исторію науки и будетъ, безъ сомнѣнія, въ самомъ непродолжительномъ времени пользоваться всеевропейскою извѣстностью; всякому, интересующемуся философскими и нравственно-политическими вопросами, придется его читать и передумывать. «Критическая исторія общихъ принциповъ механики», написанная для конкурса на тѣму, заданную философскимъ факультетомъ гёттингенскаго университета, получила первую премію при самомъ лестномъ отзывѣ о «великой любви» къ дѣлу, «изумительной начитанности автора» и проч. Репутація Дюринга между слушателями постоянно росла. Въ литературѣ все чаще поминалось его имя. Напримѣръ, въ прошломъ году вышла книга Вайхингера (Hartmann, Dühring und Lange. Zur Geschichte der deutschen Philosophie im XIX Jahrhundert), въ которой Дюрингъ, со стороны, далеко не вполне ему сочувственной, объявляется однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ мыслителей и главой новой философской школы. Самъ Дюрингъ все больше проникался сознаниемъ своихъ заслугъ и рѣзко говорилъ о своей «философіи дѣйствительности» (Wirklichkeitsphilosophie), какъ о реформаторскомъ подвигѣ. А между тѣмъ, вплоть до нынѣшняго лѣта, его положеніе въ берлинскомъ университетѣ не измѣнилось ни на волосъ: онъ оставался все тѣмъ же приватъ-доцентомъ. Два раза открывались подходы ваканціи, разъ по кафедрѣ политической экономіи, другой — по кафедрѣ философіи; Дюрингъ пытался занять ихъ и оба раза безуспѣшно. Теперь его положеніе измѣнилось радикально: онъ — даже не приватъ-доцентъ, потому что торжественно изгнанъ изъ берлинскаго университета.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности философскихъ и нравственно-политическихъ взглядовъ Дюринга (задача, мимоходомъ сказать, и вообще не особенно удобная для русскаго писателя). Скажемъ только, что въ философіи онъ ближе всего стоитъ къ Контю, Фейербаху, отчасти, къ чистымъ матеріалистамъ, и общей своей физиономіей напоминаетъ характерныхъ, крупныхъ вольнодумцевъ прошлаго столѣтія. Въ политической экономіи ученіе его, какъ онъ и самъ указываетъ, представляетъ своеобразную переработку трехъ элементовъ: во-первыхъ, классической экономіи (Рикардо), во-вторыхъ, «нѣмецко-американской» школы (Листъ, Кери), въ третьихъ — социализма.

Можно бы было думать, что удары судьбы, такъ обильно сыплющіеся на «бѣднаго Макара» Дюринга, отразятся какими-нибудь мрачными пятнами, своего рода синяками на тѣлѣ его философіи. Можно бы, напримѣръ, было ожидать, что, отравленный горечью личной жизни, онъ примкнетъ къ пользующемуся теперь въ Германіи успѣхомъ пессимизму à la Шопенгауеръ и Гартманъ. Или, что онъ замкнется наглухо въ раковинѣ «чистой идеи» какого-нибудь самодовлѣющаго абсолюта и, отвернувшись отъ жизни, не дававшей ему ничего, кромѣ лишений и оскорбленій, весь отдастся слушанію шума въ собственныхъ ушахъ,

какъ это часто бываетъ съ нѣмецкими философами; что онъ будетъ мирно и тихо культивировать какую-нибудь безобидную философію забитаго, загнаннаго человѣка. Но Дюрингъ оказывается не забытымъ и не забытымъ. Онъ—бодрый борецъ, съ рѣзкою, смѣлою рѣчью, готовый праздновать свою побѣду. Общій характеръ его мировоззрѣнія выражается уже въ самомъ заглавіи его курса философіи: *Cursus der Philosophie als streng wissenschaftlicher Weltanschauung und Lebensgestaltung*. Объединеніе понятій о внѣшнемъ мірѣ и практическихъ идеаловъ на строго научной почвѣ—такова задача. Меньше всего идетъ къ міросозерпанію Дюринга буквальный смыслъ слова *міросозерпаніе*. Просто *созерцать* міръ въ его совершенствахъ или несовершенствахъ, даже просто изучать его—совсѣмъ не въ характерѣ пылаго ек-привата-доцента. Онъ требуетъ дѣятельнаго вмѣшательства въ естественный ходъ вещей. Философія, «вышшая форма сознанія міра и жизни», представляется ему двуединою: «какъ наука и какъ стремленіе (*Gesinnung*), какъ міросозерпаніе и какъ жизнедѣятельность, какъ сосредоточенное умозрѣніе и какъ практически заявляющая себя сила». Дюрингъ ставитъ въ связь съ этимъ понятіемъ свои одновременныя работы по философіи и политической экономіи: «Хотѣть быть истиннымъ философомъ, говоритъ онъ:—и оставаться чуждымъ социальному движенію нашего времени значить претендовать на нѣчто, совершенно невозможное». Какъ выжета у Дюринга практическая философія съ теоретической, объ этомъ мы говорить не будемъ и отмѣтимъ только одну характерную черту. Объединеніе объективнаго и субъективнаго понятій о внѣшнемъ мірѣ и практическихъ идеаловъ предпринимается не въ первый разъ. Это—задача вѣковѣчная, современная возникновенію перваго проблеска объединяющей мысли. Она ставится одною изъ самыхъ общихъ и элементарныхъ потребностей человѣка. Но съ теченіемъ времени задача эта все усложняется и требуетъ все болѣшихъ и болѣшихъ усилій для своего разрѣшенія. Пока были цѣлы наивныя, древнія вѣрованія, въ ихъ плотную теанъ были затканы практическіе идеалы, какъ нѣчто вполне однородное: внѣшнія велѣнія представляли истинно могучій мотивъ слѣдованія тому или другому жизненному пути. Но, съ ростомъ сознанія и критики, эта цѣльная, однородная теанъ постепенно разрушалась. И, спрашивается, откуда же теперь взять не только голое убѣжденіе, что жить слѣдуетъ такъ-то и такъ-то, но и внутреннюю силу непобѣдимаго влеченія именно къ такому-то практическому идеалу? Мы видимъ кругомъ себя разладъ, ответственную анархію, какъ говорилъ еще Контъ. Наука, напримѣръ, въ лицѣ Дарвина и его многочисленныхъ послѣдователей, провозглашаетъ борьбу за существованіе творческимъ, прогрессивнымъ началомъ и, указывая на связь этой идеи съ знаменитой теоріей Мальтуса, пытается основать на ней нѣкоторые практическіе идеалы. Но, всецѣльная въ дѣйствительности борьба за

существованіе давно уже пережита человѣчествомъ, какъ практическій идеалъ. Отсюда противорѣчіе между наукой и нравственностью, доказывающее, что они развивались далеко не рука объ руку. Нельзя поступиться наукой, истиной, если идея борьбы за существованіе, какъ прогрессивнаго начала, дѣйствительно истина; нельзя поступиться и практическимъ идеаломъ мирнаго существованія, взрожденнымъ вѣками борьбы и страданій. Но, положимъ, что противорѣчіе это устранено. Положимъ, что (какъ думаетъ Дюрингъ, какъ думаемъ и мы) освѣщеніе, придаваемое дарвинистами принципу борьбы, есть не истина, а ложь. Тогда на этомъ пунктѣ строго научное объединеніе теоретической и практической философіи не встрѣчаетъ препятствій. Такъ и выходитъ у Дюринга. Ярый врагъ всякой теософіи и метафизики, даже, по нѣмецкой поговоркѣ, выплескивающей иногда, вмѣстѣ съ водой, и ребенка изъ ванны, рѣзко объявляющій себя человѣкомъ науки и материалистомъ (послѣднее несовсѣмъ вѣрно) онъ отвергаетъ, однако, дарвинизмъ съ двуединой точки зрѣнія своей философіи, «какъ науки и стремленія (Gesinnung)». Но вѣдь этого мало. Мало оправдать наукою извѣстный идеалъ. Нужно еще придать ему внутреннюю привлекательность, которая вела бы къ нему людей съ наибольшою силою. Нужно показать, что этотъ идеалъ возможенъ и нуженъ. Нужда, однимъ словомъ, теорія счастья. Какъ бы ни была исполнена эта часть философской работы Дюринга, но она у него есть и занимается въ общей системѣ очень видное мѣсто. Достойно вниманія, что этотъ измученный, нищій, оскорбленный, больной чеговѣкъ полонъ вѣры въ возможность и необходимость счастья человѣчества. Еще въ 1865 году, слѣдовательно, отнюдь не стимулируемый гартмановскимъ пессимизмомъ (потому что книга Гартмана вышла въ 1869 году), Дюрингъ издалъ небольшое сочиненіе «Der Werth des Lebens», «Цѣнность жизни», второе, расширенное изданіе которой явилось въ нынѣшнемъ году. Въ немъ онъ самъ отмѣчаетъ любопытное совпаденіе своей вѣры въ счастье и жизнь съ своею несчастною жизнью. Мы приведемъ этотъ отрывокъ, собственно какъ образчикъ тѣхъ публичныхъ жалобъ и разоблаченій, которыя окончились для Дюринга изгнаніемъ изъ берлинскаго университета.

«Читатель можетъ спросить: не проистекаетъ ли моя, если угодно, оптимистическая, а, вѣрнѣе сказать, жизнерадостная философія изъ особенно благоприятныхъ условій личной жизни, изъ отсутствія тяжелыхъ испытаній? На это, я думаю, отвѣчать мнѣ очень просто. Борьба съ жизненными препятствіями никогда не давалась мнѣ легко. Двадцати восьми лѣтъ я, имѣя въ распоряженіи только свою рабочую силу, долженъ былъ, слѣпой, прокладывать писательскую и профессорскую карьеру. При высоко развитой самостоятельности моихъ идей и характера, я встрѣчалъ со стороны ученыхъ только зависть и всяческія препятствія. Мое жалкое матеріальное положеніе и моя слѣпота

давали завистникамъ двойной поводъ для держанія меня впроголодь. Всякіе крючки пускались въ ходъ, чтобы сократить мои доходы, состоящіе только въ гонарарѣ, получаемомъ отъ студентовъ; они пускаются въ ходъ и теперь, послѣ четырнадцати-лѣтней усиленной преподавательской дѣятельности безъ жалованья. Сначала говорили, что я, какъ преподаватель, недостаточно «практиченъ», а когда этотъ упрекъ былъ опровергнутъ фактами, стали прибѣгать къ болѣе сильнымъ средствамъ. Профессора чужихъ университетовъ внушали студентамъ, отправляющимся въ Берлинъ, что я—соціально-демократъ, даже соціально-демократическій агитаторъ и что поэтому слушаніе моихъ частныхъ лекцій можетъ вредно отозваться на будущей карьерѣ слушателей. И между студентами находились и находятся профессорскіе прихвостни, пускающіе подобные слухи въ средѣ непоймной учащейся молодежи».

Оптимизмъ Дюринга далекъ отъ пошлости Панглосса. Напротивъ, лейбницевскую вѣру въ безусловную прелесть наличной жизни онъ громитъ всей силой своей рѣзкой и подчасъ грубоватой рѣчи. Но не менѣе того онъ преслѣдуетъ различные виды пессимизма, начиная съ Гартмана, о которомъ говоритъ не иначе, какъ съ величайшимъ презрѣніемъ, и кончая извѣстнымъ тезисомъ нѣкоторыхъ радикаловъ: тѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Только пессимизмъ «гнѣва и негодованія», образецъ котораго онъ видитъ въ поэзіи Байрона, считаетъ Дюрингъ родственнымъ и близкимъ своей философіи. Вообще, онъ нисколько не склоненъ закрывать глаза передъ существующимъ зломъ или оправдывать его—совсѣмъ напротивъ. Но, въ концѣ концовъ, онъ вѣритъ, что цѣнность жизни сама по себѣ велика и будетъ все расти и расти, для чего требуются извѣстныя соціальныя условія.

Практической философіи Дюрингъ придаетъ вообще преобладающее значеніе или, по крайней мѣрѣ, отводитъ ей въ своихъ сочиненіяхъ наибольшее мѣста. Такъ соотвѣтственныя главы занимаютъ $\frac{3}{5}$ его «Курса философіи». Въ «Критической исторіи философіи» онъ также постоянно имѣетъ въ виду эту сторону дѣла и, вдобавокъ, удѣляетъ много мѣста біографическому элементу. Это очень естественно при тѣхъ широкихъ требованіяхъ, которыя онъ ставитъ философіи. Если философія есть не только «сосредоточенное умозрѣніе», но и «практически заявляющая себя сила», не только наука, но и стремленіе, и направленіе, *Gesinnung* (авторъ вышеупомянутой параллели между Гартманомъ, Дюрингомъ и Ланге поясняетъ эту мысль Дюринга словами В. Гюго въ «Les Misérables»: «Voir et montrer, cela même ne suffit pas; la philosophie doit être une énergie; elle doit avoir pour effort et pour effet d'améliorer l'homme»), то, само собою разумѣется, исторія философіи должна быть исторіей не только ея научнаго элемента, но и нравственнаго и именно этологическаго. Знаніе, съ точки зрѣнія Дюринга, тогда только можетъ быть вполне плодотворно, когда носителемъ его является харак-

теръ высокаго нравственнаго уровня. Очень интересно слѣдить въ «Критической исторіи» за приложеніемъ этой точки зрѣнія къ такимъ, напримѣръ, явленіямъ, какъ Бэконъ. Съ особенною любовью останавливается Дюрингъ на біографическихъ чертахъ благородныхъ мучениковъ за истину, въ родѣ Бруно, и преслѣдуемыхъ официальными представителями науки философовъ, въ родѣ Конта. Онъ пользуется всѣми удобными и неудобными случаями для болѣе или менѣе ядовитыхъ упрековъ представителямъ школьной, академической науки вообще и не прочь, въ частности разсказать лишній разъ исторію своихъ мытарствъ въ берлинскомъ университетѣ.

Это настойчивое напоминаніе своихъ личныхъ неудачъ производитъ явсколько непріятное впечатлѣніе. Труды Дюринга несомнѣнно очень почтенны; онъ несомнѣнно человекъ высоко даровитый и трудолюбивый и несомнѣнно обладаетъ совершенно исключительно обширностью свѣдѣній въ разнообразныхъ сферахъ науки. Все это до такой степени несомнѣнно, что странно и непріятно читать, напримѣръ, въ «Курсѣ философіи» такую похвалу себѣ: «Университетскій цехъ (и именно онъ одинъ, а не правительство, первоначально совершенно индифферентное) думалъ меня уничтожить, осудивъ на внѣшнимъ образомъ и матеріально незначительное двѣнадцатилѣтнее («Курсъ» вышелъ въ 1875 г.) привать-доцентство; онъ не сообразилъ, что иногда и маленькая, и плохая рамка можетъ получить высокую цѣнность, благодаря вставленной въ нее значительной картинѣ», и т. д. Притомъ, изъ всѣхъ этихъ жалобъ и разоблаченій можно, пожалуй, вывести заключеніе, что Дюрингъ, полный крайняго презрѣнія къ представителямъ университетской науки и предрекающій даже близкое исчезновеніе университетовъ, очень желаетъ занять профессорскую кафедру въ берлинскомъ университетѣ и очень доволенъ лестнымъ отзывомъ гёттингенскаго университета о его «Принципахъ механики». Если все это вмѣстѣ непріятно дѣйствуетъ на посторонняго человѣка, то на вѣсѣхъ сужденія берлинскаго ученаго сословія лежала еще добавочная и очень тяжелая гиря личнаго оскорбленія, тѣмъ болѣе, что ѣдкая и горькая нота Дюринга связывалась, вѣроятно, и въ личныхъ съ нимъ сношеніяхъ.

Какъ бы то ни было, но берлинское ученое сословіе имѣло въ рукахъ очень простое средство для обузданія своего пылкаго врага собрата: на критику существуетъ антикритика. Университетскія свѣтила могли съ высоты своего величія презрѣть зазорныя личныя выходки Дюринга и, затѣмъ, критическимъ разборомъ его ученыхъ работъ показать, что, по крайней мѣрѣ, знаніе на ихъ сторонѣ, а онъ — не больше, какъ «незрѣлый» диллетантъ, «незаконная комета среди расчисленныхъ свѣтилъ», совершенно основательно осужденная на четырнадцати лѣтнюю каторжную работу привать-доцентства. Но свѣтила предпочли иной путь. Не обмолвившись ни однимъ публичнымъ критиче-

скимъ словомъ, они стали выживать Дюринга изъ университета помощью интригъ и доносовъ и тѣмъ самымъ, разумѣется, только подтвердили неслестное для нихъ мнѣніе преслѣдуемаго. Первая попытка была сдѣлана въ 1875 г. и не удалась. Въ 1876, профессора выжили Дюринга изъ берлинскихъ высшихъ женскихъ курсовъ (Victoria Lyceum), гдѣ онъ, возлагающій огромныя надежды на будущность высшаго женскаго образованія, читалъ лекціи. Дюрингъ отвѣчалъ новыми обличеніями въ брошюрѣ «Der Weg zum höheren Berufsbildung der Frauen und die Lehrweise der Universitäten». А тутъ случился и еще казусъ. Выше было уже говорено, что Дюрингъ получалъ, по приговору философскаго факультета гёттингенскаго университета, первую премію за сочиненіе о принципахъ механики. Выпустивъ это сочиненіе въ нынѣшнемъ году вторымъ изданіемъ, Дюрингъ значительно дополнилъ его и, по обыкновенію, одобрилъ выходками противъ университетскихъ свѣтилъ вообще и противъ нѣкоторыхъ въ особенности. Надо, однако, замѣтить, что сдѣлавъ онъ это несравненно скромнѣе, въ болѣе мягкихъ формахъ и въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ въ прежнихъ сочиненіяхъ. Преступна, то есть оказавшаяся въ глазахъ берлинскихъ схоластовъ преступными, замѣчанія можно пересчитать по пальцамъ, хотя книга состоитъ изъ 35 листовъ убористой печати. Тамъ была задана гёттингенскимъ философскимъ факультетамъ для соисканія преміи, основанной, по завѣщанію нѣкоего Бенеке, въ память его брата, извѣстнаго философа. Объясняя это въ предисловіи, Дюрингъ не преминулъ вернуть слѣдующія строки: «Что касается судьбы Ф. Е. Бенеке, въ честь и въ духъ котораго учредитель преміи сдѣлалъ свое распоряженіе, то уже въ 1822 году, онъ, приватъ доцентъ философіи, былъ, въ виду будто бы его матеріализма, изгнанъ изъ берлинскаго университета министромъ Альтенштейномъ, по настоянію тогдашняго главнаго профессора философіи Гегеля. Впослѣдствіи, со смертію Гегеля, онъ достигъ, по крайней мѣрѣ, экстраординарной профессуры, но дальше не шолъ, хотя имѣлъ на то полное право по своей дѣятельности въ университетѣ и въ литературѣ, такъ какъ философскія работы его далеко превосходили упражненія очень низкопробныхъ ординарныхъ профессоровъ, въ родѣ госнадина Тренделенбурга. Бенеке не оставался, повидимому, равнодушнымъ къ такимъ университетскимъ порядкамъ и въ 1854 г. исчезъ на 57 году своей жизни Тѣло его нашли въ водѣ, близъ Берлина. Впрочемъ, это не единственный случай несчастія берлинскаго университета съ выдающимися приватъ-доцентами. Лѣтъ за двадцать передъ смертію Бенеке, отъ университета, послѣ десятилѣтняго приватъ-доцентства, отъвернулся Шопенгауеръ, только не для того, чтобы броситься въ воду, а чтобы жестоко отплатить университетской философіи. А двадцать лѣтъ спустя послѣ смерти Бенеке (1875), университетъ хлопоталъ—до сихъ поръ, правда, неудачно—объ

изгнанин автора этой книги». Въ другомъ мѣстѣ, говоря о заслугахъ Роберта Майера по механической теоріи теплоты, Дюрингъ замѣчаетъ, что въ знаменитой статьѣ «о сохраненіи силы» Гельмгольцъ совсѣмъ не упоминаетъ о трудахъ своего предшественника. «Что касается непризнанія Майера со стороны профессоровъ, продолжаетъ Дюрингъ:— то подобнаго рода забавные фокусы встрѣчаются и 10, 15 лѣтъ спустя. Берлинскій профессоръ физики Поггендорфъ пишетъ въ своемъ біографическомъ словарѣ въ жалконькой статьѣ о Майерѣ: «по словамъ «Аугсбургской Всеобщей Газеты», умеръ въ 1858 году въ сумасшедшемъ домѣ», а въ концѣ тома дѣлаетъ поправку: «не умеръ въ сумасшедшемъ домѣ въ 1858 году, какъ передавала «Аугсбургская Газета», а и понинѣ (1862) живъ». Профессорская газета натурально есть авторитетный источникъ для профессора. Въ качествѣ профессорскаго органа, «Аугсбургская Всеобщая Газета», еще лѣтъ за десять до объявленія Майера сумасшедшимъ и покойникомъ, именно въ 1849 году, предостерегала читающую публику отъ «мнимаго открытія г. докт. мед. Майера» и указывала на него, какъ на мало свѣдущаго диллетанта, «несостоятельность выводовъ котораго достаточно освѣщена научными органами». Впрочемъ, досадливая зависть профессоровъ къ такъ называемому диллетанту, который бросилъ свѣтъ на главную струю физики въ XIX вѣкѣ, очень понятна для всякаго, знакомаго съ особенностями профессорской породы». И т. д. Говоря о такъ называемой неевклидовой геометріи, которую Дюрингъ рѣшительно отрицаетъ (что, мимоходомъ сказать, очень характерно и для сильной, и для слабой сторонъ его философіи), онъ замѣчаетъ, между прочимъ: «Неудивительно, что неясно немножко философствующій физиологическій профессоръ физики господинъ Гельмгольцъ (der unklar ein wenig philosophierende, physiologische Physik professor) и тутъ не упустилъ случая вмѣшаться въ бесѣду, и въ статьѣ «О фактахъ, лежащихъ въ основаніи геометріи» комментировалъ пикантную безмыслицу». Еще одно подобное же мѣсто объ отвошеніи берлинскаго университета къ математикѣ Штейнеру— вотъ и всѣ пункты обвинительнаго акта противъ Дюринга. Потому что представители ученаго сословія составили настоящій обвинительный актъ и представляли его куда слѣдуетъ.

Дѣло на этотъ разъ кончилось удачей кампаніи: Дюрингу запрещено было читать лекціи и не позволено даже было протѣяться со слушателями. Но слушатели узнали исторію еще прежде, чѣмъ послѣдовалъ министерскій указъ объ удаленіи Дюринга, и между ними поднялось нѣкоторое волненіе. Дальше— больше, и, наконецъ, скромный эпилогъ всей этой исторіи—отставка приватъ-доцента—разросся въ прологъ новой организаціи ученыхъ и учащихся силъ.

Рѣзкими и во многомъ вѣрными штрихами стѣщая въ заключительныхъ главахъ «курса философіи» роль академической,

*

университетской науки въ современномъ обществѣ, Дюрингъ рисуетъ общій планъ будущаго зданія науки, причѣмъ жестоко расправляется съ нѣкоторыми специальностями: одніе совѣтъ упраздняетъ, другія урѣзываетъ, третьи отгоняетъ на задній планъ. Но такъ какъ, по его мнѣнію, торжество истины неотдѣлимо отъ торжества справедливости, то фактически реорганизация общаго плана и соотношенія частей науки возможна лишь въ болѣе и менѣе близкомъ будущемъ, послѣ извѣстныхъ социальныхъ реформъ. Нынѣ мы должны довольствоваться нѣкоторымъ переходнымъ состояніемъ, и именно возникновеніемъ, на ряду съ существующими университетами, частныхъ, вольныхъ учреждений для высшаго образованія. Пусть государство требуетъ опредѣленныхъ испытаній и экзаменовъ отъ своихъ слугъ, но затѣмъ пусть оставитъ на добрую волю и на совѣсть этихъ самыхъ слугъ тѣ пути, которыми они прибрѣтаютъ нужныя свѣдѣнія. Если, напримѣръ, отъ юриста требуется понимание источниковъ римскаго права (предоставляя вопросъ о степени и размѣрахъ надобности самого римскаго права будущему), то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ долженъ былъ продѣлывать надъ латынью «грамматическіе и стилистическіе фокусы» нынѣшняго гимназическаго курса. Онъ можетъ и инымъ, кратчайшимъ путемъ прибрѣсти требуемыя свѣдѣнія.

Не развивая въ подробностяхъ плана проеэтируемыхъ имъ вольныхъ университетовъ, Дюрингъ возлагаетъ, однако, на нихъ большія надежды. Ему кажется, что подобныя свободныя учреждения, не требующія отъ слушателей никакихъ обязательствъ и не предоставляющія имъ никакихъ привилегій, должны сильно двинуть впередъ и науку, и общество. Наименшій изъ благихъ результатовъ ихъ возникновенія долженъ состоять въ нѣкоторомъ оживленіи самихъ университетовъ: имѣя ихъ бокъ-о-бокъ, университеты, по необходимости, въ видахъ конкуренціи, должны будутъ стряхнуть съ себя вѣковую пыль преданія и непопулярныхъ претензій полуучености. Правда, позиція, занимаемая университетами—обезпеченность казенными средствами, привычка публики—дать имъ на нѣкоторое время значительные шансы для конкуренціи съ новыми учреждениями. Но, въ концѣ концовъ, университеты не выдержатъ. Гораздо важнѣе вѣроятные результаты реформы для учащихся. Для послѣднихъ, по ихъ относительной свѣжести, ясно, что получаемое ими знаніе совершенно безплодно, что они только отбываютъ «тяжелую барщину шельга», говоритъ Дюрингъ словами Байрона въ другомъ своемъ сочиненіи (*Werth des Lebens*). Молодой человекъ, такимъ образомъ сознательно убиваетъ лучшіе свои годы на трудное и ненужное дѣло. Если прибавить къ возникающей отсюда раздвоенности то обстоятельство, что онъ видитъ кругомъ себя самодовольную рутину, тщательно прячущуюся и другихъ прячущую отъ лучей свѣта и свѣжаго воздуха; интриги, лѣнь, неспособность и болѣе чѣмъ холодное отношеніе къ наукѣ, то изъ всего этого слагает-

са такая сѣть, среди которой молодому человѣку трудно не запутаться. Онъ выносить изъ университета полное равнодушіе къ истинѣ и справедливости и несетъ этотъ ядъ дальше, по тѣмъ жизненнымъ путямъ, которые предстоятъ ему съ окончаніемъ школьнаго образованія, то-есть въ общество и государство. Здѣсь, на этой общественной почвѣ, ядъ разрастается, даетъ цвѣтъ и плодъ, а плодъ даетъ новыя сѣмена. Все это должно, по мнѣнію Дюринга, если не съ разу прекратиться, то постепенно исчезнуть съ осуществленіемъ его проекта свободныхъ образовательныхъ учреждений, который, такимъ образомъ, можетъ оказаться источникомъ обширной и благотворной общественной реформы, не говоря уже объ облагороженіи роли науки.

Читатель очень ошибется, если припишетъ эти взгляды Дюринга цѣлкомъ оскорбленному самолюбію загнаннаго приватдоцента. Что самолюбіе Дюринга велико, что оно жестоко уязвлено — это несомнѣнно. Но на неблагоприятной почвѣ уязвленнаго самолюбія нельзя построить цѣльной философской системы съ обширными перспективами влѣдь, по направленію къ будущему. А Дюрингъ такую систему имѣеть, какъ бы кто ни судилъ о ней, и его взгляды на прошедшее, настоящее и будущее университетскаго образованія не приклеены къ этой системѣ внѣшнимъ образомъ, а внутренно, многочисленными нитями съ нею связаны. Непріятная назойливость самовосхваленія и личныхъ жалобъ, легко, впрочемъ, объяснимая, есть только неудачная иллюстрація, да и неудачная единственно потому, что слишкомъ уже часто повторяется. Затѣмъ, все его міровоззрѣніе, его взгляды на задачи науки и философіи, на прошедшій, настоящій и будущій строй общественныхъ союзовъ, логически завершаются отрицательнымъ отношеніемъ къ наличной школьной наукѣ и къ требованію полной свободы высшаго образованія. Онъ былъ бы только непослѣдователенъ или трусливъ, еслибы разсуждалъ иначе или вовсе не разсуждалъ о предметѣ, теперь его такъ глубоко интересующемъ. Кривливая нота личнаго раздраженія томитъ въ цѣльномъ и стройномъ міросозерцаніи человѣка, глубоко преданнаго истинѣ и справедливости, всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ отдавагося дѣлу соціальной реформы. И очень характерно для Дюринга то обстоятельство, что онъ около себя, въ сферѣ своей собственной специальной дѣятельности, ищетъ точки опоры для соціальнаго рычага. Это вполне согласуется какъ съ его въ высшей степени дѣятельнымъ личнымъ характеромъ, такъ и съ дѣятельнымъ характеромъ его философіи.

Читатель припомнить, можетъ быть, что нѣчто подобное проекту Дюринга предлагалъ у насъ въ началѣ шестидесятихъ годовъ г. Костомаровъ, что нѣчто подобное же развивалъ и графъ Левъ Толстой, это удивительное воплощеніе того первобытнаго хаоса, когда вода не была еще отдѣлена отъ земли, добро отъ зла, черное отъ блага, смѣлая идея отъ умственной трусости.

Небезинтересно было бы освѣжить воспоминанія объ этикъ нѣшнихъ разговорахъ, но — миръ ихъ праху!..

Въ Германіи, во всякомъ случаѣ, дѣло разговорами не кончилось. Судьбѣ угодно было, чтобы именно отставка Дюринга дала толчокъ къ осуществленію его завѣтной мечты. Все, что было въ Берлинѣ посвяще изъ публики, слушателей и литературы, движимое отчасти репутаціей Дюринга, отчасти возмущительными сторонами устроеннаго ему скандала, отнеслось къ нему съ величайшимъ сочувствіемъ. Былъ устроенъ митингъ съ цѣлю сгруппировать «всѣхъ, кому дорого свободное развитіе науки», и на митингъ было рѣшено учредить общество для свободнаго самообразованія. Руководителемъ занятій былъ, конечно, избранъ Дюрингъ, имѣющій на этотъ постъ полное право, какъ по своему энциклопедическому образованію, такъ и потому, что онъ былъ провозвѣстникомъ учрежденія. Правда, нѣкоторыя газеты не преминули заговорить о подозрительности новаго общества, съ точки зрѣнія политической благонамѣренности, но имъ было отвѣчено, что прямыхъ политическихъ цѣлей общество не имѣетъ. Правительство прусское, по всей вѣроятности, препятствовать не будетъ, такъ какъ оно не препятствовало обнародованію сочиненій Дюринга и даже въ дѣлѣ его изгнанія можетъ умыть руки, какъ Пилать.

Мудрено, кажется, найти изреченіе ходячей мудрости, которое было бы такъ же всеильно, какъ извѣстная поговорка, что о мертвыхъ надо или хорошо говорить, или ничего не говорить. Въ распространенности этого правила сказывается то дешовое добродушіе, которое присуще большинству экземпляровъ чело-вѣческой породы. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, дурно говорить о чело-вѣкѣ, который, во-первыхъ, не можетъ оправдываться, а, во-вторыхъ, не можетъ дѣлать то дурное, что дѣлалъ, если дѣлалъ? Богъ съ нимъ, «мертвый въ гробѣ мирно спи». Таковъ сознательный или бессознательный психическій процессъ большинства живыхъ при извѣстіи о покойникѣ. И вотъ даже горы зла, нагроможденныя покойникомъ — горы, подъ которыми еще задыхаются живые, забываются, а крупницы добра арго расцѣпчиваются устными и письменными некрологами.

Такъ было и съ Тьеромъ. Даже русскія газеты, представляющія, впрочемъ, въ этомъ отношеніи не самостоятельные голоса, а эхо французскихъ газетъ, съ горяча объявили покойника «великимъ» и даже «величайшимъ» гражданиномъ Франціи XIX вѣка. Это возвеличеніе Тьера и униженіе Франціи въ русскихъ газетахъ приостановилось только съ опубличиваніемъ писемъ и мнѣній Тьера о восточномъ вопросѣ: «маленькій буржуа», какъ и всегда, былъ противъ Россіи и за Турцію, а потому «величайшій» гражданинъ ступевался. Во Франціи понатымъ подобныя возведенія достоинствъ и заслугъ Тьера въ квадратъ и подобныя извлеченія квадратныхъ корней изъ его недостатковъ и,

прямо сказать, преступлений. Къ обыкновенному дешевому благодушію передъ гробомъ тамъ прибавляются сложныя политическія комбинаціи, придающія имени Тьера смыслъ знамени, то есть тряпицы, прибитой къ палкѣ, но такой тряпицы, которая, благодаря своему условному, символическому значенію, можетъ увлекать, воодушевлять, вести на смерть, вести къ побѣдѣ. Франціи удавалось быть въ теченіи своей исторіи Франціей, и, когда она обратилась теперь въ «герцогство маджентское» (острота Тьера), понятна миллионная масса провожавшихъ гробъ Тьера, понятны и двѣрамбы покойнику, распѣваемыя въ газетахъ. Понятна, однако, и ругань отребья, въ родѣ «Figaro». Имя Тьера играетъ теперь во Франціи роль бильярднаго шара, которому случайности хода игры придали извѣстное и временное значеніе. Одни изъ игроковъ стараются положить его въ одну лузу, другіе—въ другую. Обѣ стороны горячатся, хотя шаръ у любого токарнаго мастера можно купить за полтинникъ и положить его куда угодно, не встрѣчая никакихъ препятствій со стороны самого шара, какъ предмета небольшого, шарообразнаго и гладко отточеннаго. Мы находимся въ совсѣмъ иномъ положеніи. Намъ можетъ интересовать судьба «герцогства маджентскаго», но мы рѣшительно не при чемъ въ той комбинаціи мелкихъ и случайныхъ интересовъ, которые поставили имя Тьера такъ, какъ оно стоитъ для различныхъ французскихъ партій. Мы вѣдь не можемъ обольщаться надеждой такъ или иначе повліять на судьбы герцогства маджентскаго при помощи демонстрацій въ честь Тьера, хотя бы демонстраціи эти имѣли видъ даже чрезвычайно пламенныхъ или глубокомысленныхъ передовыхъ статей. У насъ есть своя публика; передъ ней мы, русскіе писатели, несемъ свои обязательства и должны ихъ исполнить. Повторяя французскія разсужденія о величій Тьера или на собственный страхъ слѣдуя правилу дешеваго благодушія: *de mortuis aut bene, aut nihil*, мы отнюдь не исполнимъ своихъ обязательствъ. Дешевое благодушіе очень хорошо для домашняго обихода и свидѣтельствуетъ, что вообще человѣкъ—животное не злое. Но домашній обиходъ—одно дѣло, а органъ печати—другое дѣло, и въ немъ съ благодушіемъ далеко не уѣдешь. Для органа печати покойникъ есть предметъ изслѣдованія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже болѣе удобный, чѣмъ живой человѣкъ. Покойникъ подписалъ на задней страницѣ своей жизненной книги: «Конецъ послѣдней части». Вся книга у насъ, значить, въ рукахъ и мы можемъ съ удобствомъ подвести итоги. И это очень важно какъ относительно историческихъ мертвыхъ тѣлъ вообще, такъ относительно Тьера въ особенности, какъ для литературы вообще, такъ для русской въ особенности. Въ смыслѣ непосредственнаго вмѣшательства въ ходъ событий, самая вліятельная часть русской печати есть такъ-называемая мелкая пресса. Укажемъ она, что въ такой-то улицѣ мостовая не хорошая, ну—и обратятъ вниманіе и починятъ мостовую. Вся

остальная печать обречена главнымъ образомъ на воспитательную роль. По поводу текущихъ, русскихъ и иностранныхъ, событий, по поводу крупныхъ историческихъ явленій прошлаго, по поводу новыхъ явленій въ мѣрѣ науки, искусства и проч., печать сознательно или бессознательно влѣдряетъ своимъ читателямъ извѣстныя идеи, извѣстныя чувства, которыя съ теченіемъ времени, можетъ быть, и обратятся въ плоть и кровь настоящаго, активнаго, непосредственнаго вліянія на жизнь. Вотъ, напримеръ, за послѣднее время большія газеты, чрезвычайно сильно, часто и справедливо нападаютъ на театральныя комитеты за изгнаніе крупныхъ талантовъ и переполненіе сцены бездарностями. Комитеты остаются тверды, какъ скала, подножіе которой напрасно омывается сердито мятущимися морскими волнами; но на выработку вкуса публики, на возвышеніе уровня ея эстетическихъ требованій, сѣтованія газетъ могутъ имѣть вліяніе; а тамъ—кто знаетъ?—можетъ быть публика, проглотивъ достаточное количество воспитательнаго декокта, съумѣетъ, какими-нибудь средствами добиться постоянного лицезрѣнія гг. Самойлова, Васильева, Лавровской и проч. Если дѣла такъ стоятъ относительно театральнаго комитета, то тѣмъ паче относительно другихъ вещей. Значитъ, печати надо свои дѣйствія располагать соотвѣтственно своему положенію, то-есть твердо помнить, что центръ ея тяжести лежитъ въ воспитательномъ ея значеніи. Возвращаясь къ Тьеру и памятуя, что герцогство мажентское не шелохнется ни вправо, ни влево отъ нашихъ значительныхъ демонстрацій, спрашивается: какое воспитательное значеніе можетъ имѣть благодунное возвеличеніе памяти Тьера? Безъ сомнѣнія, очень плохое, какъ убѣдится любой читатель, припомнивъ нѣкоторыя черты долгой и лихорадочно-дѣятельной жизни этого маленькаго великаго человѣка. Читатель скажетъ, можетъ быть, что Тьеръ намъ до такой степени чужой, что по отношенію къ нему нѣкоторыя уклоненія русской печати отъ своихъ естественныхъ обязанностей не представляютъ никакой важности. Это будетъ неправда, потому-что Тьеръ намъ все не до такой степени чужой. Напротивъ, именно для насъ, русскихъ людей, онъ можетъ имѣть очень большой интересъ.

Въ 1820 году, Тьеръ, тогда еще двадцати трехъ-лѣтній юноша, безъ средствъ, безъ опыта, безъ знаній, безъ извѣстности, сдѣлалъ свой первый шагъ на поприщѣ общественной дѣятельности, шагъ очень скромный: написалъ похвальное слово Вовенаргу на премію, предложенную академіей въ Э. Сочиненіе его заслужило одобреніе, но, признавъ его литературныя достоинства, почтенные мужи академіи не могли одобрить его революціоннаго духа, а потому преміи Тьеру не выдали и назначили новый конкурсъ. Тьеръ написалъ новое похвальное слово, которое, отличаясь такою же литературною обработкой, какъ и первое, вполне подходило къ политическому образу мыслей академическихъ судей. Этотъ первый шагъ, рассказываемый теперь

(и русскими газетами) такъ, будто Тьеръ посмѣялся надъ академіей и отомстилъ ей, а въ сущности представляющій эпизодъ изъ исторіи газеты «Чего изволите?», очень характеренъ для Тьера. Такъ онъ началъ, такъ и продолжалъ. Онъ требовалъ свободы и давилъ ее. Онъ громилъ короля Фердинанда, прозваннаго королемъ Бомбой, за бомбардированіе Палермо и самъ бомбардировалъ Парижъ и получилъ прозвище Тьера-бомбардира. Онъ былъ другомъ и совѣтникомъ Лафита и предалъ его. Онъ требовалъ завоеванія Бельгій и отталкивалъ бельгійцевъ. Онъ протестовалъ противъ кандидатуры Луи-Наполеона въ президенты республики и вотировалъ за него. Онъ писалъ противъ наследственной пэріи и говорилъ за нее, такъ что въ его министерство Арманъ Каррель могъ на судѣ, передъ пэрами, цитировать его, какъ врага пэріи. Онъ требовалъ свободы печати, когда былъ журналистомъ, и былъ грозой журналистики, когда сидѣлъ на министерской скамьѣ. Если у него были какія-нибудь убѣжденія, пронесенныя имъ неприкосновенными по всей жизни, такъ это — протекціонистскія идеи, которыхъ онъ никогда не скрывалъ, и культъ первой имперіи, который онъ по временамъ пряталъ. Столкновеніе этого культа съ парламентаризмомъ, въ которомъ и при помощи котораго Тьеръ только и могъ фигурировать въ качествѣ политическаго дѣятеля, составляетъ основное хроническое противорѣчіе всей его жизни, украшенное многочисленными частными походами въ область газеты «Чего изволите?»

По своей необычайной, почти нечеловѣческой, а обезьяней ярости, Тьеръ никогда не могъ усвоить себѣ мало-мальски основательныя свѣдѣнія въ какой бы то ни было теоретической области. Его книга о собственности есть совершенно смѣхотворное произведеніе, а въ желѣзныя дороги онъ, какъ извѣстно, рѣшительно отказывался вѣрить: колеса, говорить, не будутъ вертѣться. При всей своей ярости, онъ толкался только, такъ сказать, въ пространство и не дѣлалъ ни шагу во времени. Въ семидесятихъ годахъ онъ также боялся даже подоходнаго налога (онъ видѣлъ въ немъ «волка въ овечьей шкурѣ», скрытый социализмъ), какъ всю жизнь боялся свободной торговли. Но зато, благодаря своимъ недюжиннымъ способностямъ, онъ очень хорошо усвоилъ механику парламентарнаго порядка правленія и необыкновенно ловко разыгрывалъ на этомъ инструментѣ пьесы собственнаго сочиненія. Власть онъ любилъ страстно, упивался ею, потому что она давала ему право и возможность всюду совать носъ. Другой власти рядомъ съ собой онъ, конечно, терпѣть не могъ, но любоваться на чужую власть въ исторической дали ему нравилось. Его «Исторія революціи» есть панегирикъ власти въ той послѣдовательности, какъ она переходила изъ рукъ въ руки въ ту году великихъ смуть. Переходъ этотъ окончился Наполеономъ I, наложившимъ узду не только на Францію, но и на пол-Европы. Наполеонъ сталъ идеа-

ломъ Тьера, его путеводною звѣздой, вплоть до военныхъ талантовъ, на которые Тьеръ серьезно претендовалъ. (Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что его «Исторія консульства и имперіи», разошедшаяся въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, не мало способствовала расширенію пути для «наполеоновскихъ идей» и 2 декабря). Такъ какъ наполеоновскихъ талантовъ въ дѣйствительности не было у Тьера, да и времена были не подходящія, то Наполеономъ онъ и не сдѣлался, а остался Тьеромъ, плебеємъ, не имѣвшимъ другихъ способовъ забрать въ руки власть, какъ при помощи парламентаризма. Несмотря на остроту Талейрана, онъ былъ все-таки только *parvenu*, а не *arivé*. Но мало-мальски искреннимъ и послѣдовательнымъ конституціоннымъ министромъ онъ опять таки не могъ быть, потому что память о Наполеонѣ и собственные аппетиты тянули его къ всепоглащающей дѣятельности и крутымъ мѣрамъ. Такимъ образомъ, имперія и парламентаризмъ стали для него Сциллою и Харибдой, изъ которыхъ онъ всю жизнь не могъ выбраться. А такъ какъ власть не разъ попадала въ его крошечныя руки, то и Франція вынуждена была, вслѣдъ за нимъ, совершать эти колебанія.

Два періода особенно выдаются въ жизни Тьера: царствованіе Луи-Филиппа, когда онъ, играя мистическими формулами, въ родѣ «свобода и порядокъ», «король царствуетъ, а не управляетъ», громоздилъ парламентскую интригу на интригу и прыгалъ, какъ обезьяна, съ вѣтки одного министерства на вѣтку другого, и третья республика, когда онъ въ качествѣ спасителя Франціи, достигъ высшей ступени власти. Приглядываясь къ царствованію Луи Филиппа, не знаешь чему удивляться: изумительной ли суетливости Тьера, или тому, что вся эта суетливость дала только отрицательные результаты, только дискредитировала тѣ самые принципы, которымъ, повидимому, служилъ этотъ самый человѣкъ съ такой энергіей. *Повидимому*, потому что, въ дѣйствительности, Тьеръ никогда никакимъ принципамъ не служилъ, не служилъ, впрочемъ, и людямъ. Какъ Нарциссъ, искалъ онъ вездѣ, въ принципѣхъ, въ людяхъ, въ событіяхъ — собственнаго отраженія. Онъ низко кланялся своему отраженію въ грушевидной фізіономіи «короля-гражданина» и подготовилъ его паденіе; любовался на свое отраженіе въ историческомъ образѣ Наполеона I и унижилъ Францію. «Порядокъ» требовалъ кровавыхъ репрессалій противъ республиканцевъ и Тьеръ далъ ихъ, но царствованіе Луи-Филиппа все-таки оборвалось республикой. «Свобода» требовала разгрома легитимистовъ, и Тьеръ довелъ, повидимому, это дѣло до конца, но на дѣлѣ имѣлъ удовольствіе слышать, въ качествѣ президента третьей республики, легитимистскія угрозы и попреки за герцогиню Беррійскую. Въ выборѣ средствъ для суетливой борьбы съ врагами порядка и свободы Тьеръ не стѣснялся ни на волосъ. Тривиальный фарсъ, парламентскіе софизмы и подтасовки фактовъ, штыковая работа — все шло въ дѣло.

Получаетъ разъ Тьеръ анонимное письмо съ приглашеніемъ

пожаловать вечеромъ въ Елисейскія Поля для выслушанія свѣдѣній высокой важности. Какой министръ отзовется на подобное приглашеніе? Но Тьеръ былъ слишкомъ севильскій цирюльникъ, какъ прозвалъ его одинъ русскій писатель; онъ слишкомъ любилъ видѣть, что Фигаро—здѣсь! Фигаро — тамъ! Фигаро — на расхват! — чтобы отказаться отъ такого удобнаго случая для удовлетворенія своего обезьяньяго любопытства и юркости. Засунувъ пару пистолетовъ въ карманы, маленькій великій человекъ отправился въ назначенное мѣсто, гдѣ и встрѣтилъ еврея Дейтца, предателя герцогини Беррійской. Тьеръ не погнушался лично условиться съ этимъ Иудой. Онъ не понималъ ни гнусной, ни трагической, ни комической стороны этого эпизода, равно какъ и всего кавардака съ герцогиней Беррійской, ожидающаго своего Оффенбаха, но могущаго имѣть и своего Шекспира. Не всегда, однако, этотъ лиллипутъ былъ только комиченъ въ своихъ стремленіяхъ всюду совать носъ и всѣмъ лично заправлять. Плебей, котораго вся личная судьба неудержимо влекла къ парламентаризму, онъ былъ, въ тоже время, слишкомъ самолюбивъ, честолюбивъ и властолюбивъ, чтобы выдержать самыя элементарныя требованія конституціоннаго порядка и не казнить прибѣгавшихъ подъ сѣнь этого самаго порядка съ беззащитностью полнаго самовластія. Нетолько при Луи-Филиппѣ, но и при Луи-Наполеонѣ, онъ всегда былъ противъ права политическихъ сходокъ и ассоціацій и противъ свободы печати. А если ему и случалось, въ качествѣ депутата, конечно, а не министра, обмолвиться добрымъ словомъ въ пользу печати, той самой печати, въ качествѣ представителя которой онъ первый подписалъ при Карлѣ X-мъ знаменитый протестъ журналистовъ, то онъ это дѣлалъ въ такой формѣ: «берегитесь! принимаемая мѣры противъ Спинозы, вы можете наложить руку и на Платона!» Спиноза, значитъ, самимъ Господомъ Богомъ обреченъ на то, чтобы противъ него принимались мѣры. Къ чести тьеровскаго безпристрастія надо замѣтить, что Платонъ и Спиноза были для него въ совершенно равной степени чужіе, незнакомые люди или знакомые только по имени, да по наслышѣ. На душѣ Тьера лежитъ грѣхъ нетолько парижскаго разгрома 1871 года, но и лондонскихъ и парижскихъ кровавыхъ сценъ средины тридцатыхъ годовъ. Что касается иностранныхъ дѣлъ, то, благодаря Тьеру, монархія Луи-Филиппа нетолько не добилась того положенія въ европейскомъ совѣтѣ, какое было бы желательно для свѣжеиспеченнаго «баррикаднаго короля», но не разъ подверглась большимъ униженіямъ, какъ, на примѣръ, въ моментъ турецко-египетской распри, когда европейскія державы обошлись съ Франціей такъ, какъ не рѣшились бы, можетъ быть, обойтись даже теперь, послѣ франко-прусской войны.

Несмотря на полную общезвѣстность многочисленныхъ грѣховъ Тьера, онъ умираетъ «величайшимъ гражданиномъ Франціи XIX вѣка»... Всю жизнь человекъ везло, везетъ и по смер-

ти. Говорятъ, онъ искунилъ свои старыя грѣхи своимъ поведениемъ въ годину величайшихъ внутреннихъ и вѣншихъ затрудненій для Франціи. Но грѣхи сугубыми грѣхами не искупаются. Нѣкоторой реабилитаціи Тьера способствовала его знаменитая, хотя и мало полезная поѣздка по нейтральнымъ державамъ. Симпатіи къ Франціи, побѣжденной и еще придавленной ногой побѣдителя, невольно переносились на этого сѣдовласаго старца, просящаго пощады для своего нѣкогда славнаго отечества. И даже все, что было унижительно въ этой поѣздкѣ, какъ-то ступенывалось въ глазахъ изумленнаго событіями міра. Затѣмъ, къ этой едничѣ прибавилось нѣсколько нулей, которые, если ихъ поставить справа, сильно поднимутъ цѣнность заслугъ Тьера, но, будучи поставлены слѣва, въ такой же мѣрѣ ихъ уменьшатъ.

Тьеръ уплатилъ пятимиллиардную контрибуцію—какъ будто тутъ изумительна не Франція, а Тьеръ—точно онъ пять миллиардовъ изъ своего кармана вынулъ. Тьеръ очистилъ территорію отъ непріятеля—какъ будто этотъ непріятель не самъ ушелъ, прихвативъ кусокъ французской земли. Тьеръ установилъ республиканскій порядокъ—какъ будто знаменитый «бордоскій договоръ» и послѣдующая «консервативная республика» не суть, въ своемъ родѣ замѣчательныя, но стародавнія тьеровскія штуки, при помощи которыхъ онъ роздалъ всѣмъ сестрамъ по серьгамъ, а себѣ президентское кресло. Тьеръ просто лишній разъ показалъ, что онъ—великій парламентарныхъ дѣлъ мастеръ, и такъ проникся самъ этимъ своимъ величіемъ, что поминутно пугалъ палату и страну своей отставкой. Въ одинъ прекрасный день, отставка, къ удивленію Тьера, была принята, и онъ самъ палъ, низвергнутый парламентскою интригой. Въ результатѣ—республика, въ которой крикъ: «да здравствуетъ республика!» составляетъ если не преступленіе, то, по крайней мѣрѣ, манифестацію противъ верховной республиканской власти. Допустимъ, что положеніе было невозможное; допустимъ, что и Тьеръ, и Пьеръ, и всякій другой, будь онъ хоть семи пядей во лбу, ничего бы тутъ не подѣлалъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы Тьеръ скрасилъ это положеніе. Онъ получилъ въ свое распоряженіе готовый государственный насосъ и, не сдѣлавъ въ немъ ни одного существеннаго измѣненія, накачалъ имъ столько миллиардовъ, сколько потребовалъ Бисмаркъ. Онъ засталъ разладъ политическихъ партій, предложилъ имъ сойтись временно на его, Тьера, будто бы нейтральной личности и оставилъ послѣ себя тотъ же разладъ, только обостренный. Была, правда, одна партія, съ которою онъ круто покончилъ кровавою расправой съ Парижемъ. И это ставится ему также въ заслугу, какъ «умиротвореніе» Франціи и прекращеніе гражданской войны. Но этотъ, самъ по себѣ въ высокой степени важный и любопытный эпизодъ не играетъ большой роли въ дѣлѣ характеристики Тьера. Здѣсь онъ столкнулся съ идеями и фактами, ему

совершенно чуждыми. И что мудреного, что онъ оказался ихъ палачемъ, когда онъ на своемъ вѣку столько разъ давилъ идеи и факты, ему близкіе и родственные, или, по крайней мѣрѣ, долженствовавшіе быть ему родственными и близкими?

Обыкновенно считаютъ Тьера типомъ французскаго буржуа. Это несомнѣнно вѣрно. Несомнѣнное отродье французской буржуазіи, онъ былъ, однако, отродьемъ очень своеобразнымъ; онъ былъ Тьеромъ, который можетъ повториться во всякой странѣ при извѣстныхъ условіяхъ, даже тамъ, гдѣ нѣтъ политически развитой буржуазіи, въ настоящемъ смыслѣ слова. А условій, при которыхъ Тьеръ былъ возможенъ во Франціи, при которыхъ онъ могъ быть Тьеромъ, только два: наполеоновская легенда и парламентаризмъ. Сочетаніе этихъ условій, въ другихъ, разумѣется формахъ—совсѣмъ неособенная историческая рѣдкость. Они могутъ даже осложняться побочными обстоятельствами, благопріятствующими появленію Тьеровъ. Взять хоть бы, на примѣръ, Турцію, собственно Турцію, хотя и воинствующую, но независимо отъ ея отношеній къ славянамъ. Кажется, какое можетъ быть тутъ сходство съ Франціей? А между тѣмъ, турецкій Тьеръ вполне возможенъ, возможноже даже, если позволительно такъ выразиться, чѣмъ французскій. Французскій Тьеръ не разъ выслушивалъ упреки въ предательствѣ, въ измѣнѣ своему дѣлу, своимъ принципамъ, и, какъ ни велика была его беззащитность, нѣкоторую оглядку онъ долженъ былъ имѣть. Турецкому Тьеру она вовсе не понадобится. Турція есть своего рода кисель, безформенная студенистая масса, въ которой не образовались еще кристаллы партій и интересовъ въ европейскомъ смыслѣ, съ ихъ рѣзкими, острыми, математически правильными ребрами и углами. Каковы бы ни были эти кристаллы, но ихъ твердые, острые края могутъ больно рѣзать и колоть. Ихъ нѣтъ въ Турціи, а потому Тьеръ-пашѣ не придется считаться со многими изъ затрудненій, лежавшихъ поперекъ дороги Адольфа Тьера. Тьеръ-пашѣ много вольнѣ будетъ. Затѣмъ, наполеоновской легенды у Турціи нѣтъ, но у нея есть прочно укоренившееся преданіе сильной автократической власти, подбитое военной подкладкой. Фанатическое увлеченіе этимъ преданіемъ, пожалуй, поспоритъ съ фанатическимъ культомъ Бонапарта. Есть теперь у Турціи и парламентаризмъ, обоедѣшій всю западную Европу. Онъ теперь отошелъ на задній планъ, но, съ окончаніемъ войны (если Турція уцѣлѣетъ, разумѣется), можетъ получить достодолжное развитіе. Тогда потребуется только непосредственный матеріалъ для тьерообразованія: юркій, беззащитный, властолюбивый и способный человекъ. Ну, этого добра вездѣ много, тѣмъ болѣе, что способности тутъ требуются, хоть и большія, но низшаго калибра: способности маневрированія на узкомъ полѣ парламентскихъ партій. И вотъ готовъ турецкій Тьеръ. На него работали и тѣ, кто трубилъ о военной славѣ оттомановъ и подвѣлялъ турецкую наполеоновскую легенду, работали и тѣ, кто

требовалъ и добился конституціи. Готовъ турецкій Тьеръ со всѣми развращающими страну колебаніями отъ деспотической сущности къ парламентарнымъ формамъ и не менѣе тяжело отзываются на странѣ интригами изъ-за министерскихъ портфельей. Готовы репрессалии за пользованіе элементарными правами, гарантируемыми на бумагѣ, по крайней мѣрѣ, каждой конституціей. Готовы траги-комическіе эпизоды въ иностранной политикѣ и сплошь трагическіе въ политикѣ внутренней. Готова страшная неподвижность страны при всепожирающей дѣятельности любителей совать всюду носъ. Готово все, что навлекло на свою родную страну Адольфъ Тьеръ.

Изъ этого болѣе или менѣе фантастическаго примѣра видно, что біографія Тьера поучительна даже для Турціи. Тѣмъ паче должны интересоваться ею мы, признанные члены европейской семьи. Тѣмъ паче, значить, не резонъ намъ—производить его въ чинъ величайшаго гражданина Франціи XIX вѣка.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОФИЛИ XIX ВѢКА.

Hauptströmungen der Literatur des neunzehnten Jahrhunderts von G. Brandes. Uebersetzt und eingeleitet von Adolf Strodtman.

Съ 1872 г. выходитъ въ Берлинѣ переводъ лекцій копенгагенскаго профессора литературы, Г. Брандеса, о литературѣ XIX вѣка. До 1877 г. вышло четыре тома, и каждый выходившій томъ производилъ все большее и большее впечатлѣніе на публику и литературный міръ. Молодой критикъ поражалъ свѣжестью и силой мысли, оригинальностью приговоровъ, вмѣстѣ съ глубокимъ пониманіемъ историческихъ и психологическихъ условий, какъ общественныхъ такъ и личныхъ, которыя создали литературу XIX вѣка. И въ тоже время, ничто такъ не чуждо Брандесу, какъ индеферентизмъ, который у насъ связали съ исторической и эстетической критикой, судя объ этихъ обоихъ родахъ критики по нашимъ доморощеннымъ образцамъ. У Брандеса есть свой символъ вѣры, и, хотя онъ не обращаетъ его въ прокустово ложе, чтобы по немъ мѣрять литературныя произведенія, но онъ постоянно указываетъ, какъ всѣ стихіи литературнаго творчества, даже и враждебныя, выработывали этотъ символъ. Лекціи Брандеса—трудъ строго научный, хотя онъ является въ публику не въ образѣ черстваго и высохшаго ученаго педанта, въ родѣ Вагнера, но въ образѣ Фауста, дыщащаго молодостью и силой. Истинно научный трудъ о такомъ трепещущемъ жизнью предметѣ, какъ литература XIX вѣка, не могъ быть инымъ; въ наукѣ—истина и жизнь, и лекціи Брандеса были смѣлымъ вызовомъ на борьбу со всѣмъ, что есть невѣжества и мрака въ Даніи. Вліяніе ихъ на датскую молодежь можно сравнить съ вліяніемъ лекцій Грановскаго и статей Бѣлинскаго, развѣивавшихъ наши авторитеты. На лекціи Брандеса мѣста брали чуть не приступомъ, по цѣлымъ часамъ ждали подъ дождемъ и снѣгомъ, когда отпрутятся двери, и потомъ долго говорили о

Т. ССXXXIV.—Отд. II. 12

новизнѣ и смѣлости идей, которыя провозглашалъ съ каѳедры молодой профессоръ.

Нашего общества или, вѣрнѣе, той части его, которая переживала хотя платонически движенія европейской мысли, идеи Брандеса не поразить ни особенной новизной, ни особенной смѣлостью. Датское общество, несмотря на извѣстныя условія, которыя должны бы были, казалось, способствовать принятію этихъ идей, осталось чуждо имъ. Данія застыла въ протестантскихъ идеяхъ XVI вѣка, нѣсколько видоизмѣненныхъ мистицизмомъ XIX. Революціонное движеніе французской мысли XVIII вѣка едва коснулось Даніи; до нея докатились только низкія окраины волны, принесшей новые идеалы европейскимъ литературамъ. Зато тѣмъ сильнѣе было реакціонное движеніе. Де-Местръ, непримиримый врагъ реформаціи, который приписывалъ ей болѣе, чѣмъ слѣдовало бы, пороженіе французской революціи, отзывается даже съ нѣкоторымъ одобреніемъ о Даніи. «Богопротивный конституціонный порядокъ, связанный съ реформаціею во всѣхъ странахъ, повелъ за собою божескую кару— кратковременность правительствъ; только одна Данія, въ силу той или кругой причины, скрытой, но несомнѣнно дѣлающей націи честь, не была подвергнута дѣйствию этого закона кратковременности», такъ говоритъ де Местръ.

Мысль и литература Даніи постоянно отличались реакціоннымъ и пѣтистскимъ характеромъ. Не Лессингъ, Шиллеръ и Гете были образцами для датскихъ писателей, но нѣмецкіе романтики эпохи реакціи. Въ поэзіи Оленшлегера и Ингемана слышится сильный протестъ противъ идей XVIII вѣка. Изъ датскихъ писателей у насъ посчастливилось Андерсену; но весь юморъ и поэзія его сказокъ не скроютъ бѣдности мысли. Самая живая сторона ея— демократизмъ, который немного чѣмъ отличается отъ сантиментальнаго демократизма нашихъ сельскихъ идилликовъ и повѣствователей о крестьянской жизни начала нынѣшняго столѣтія. Андерсенъ проникнутъ фантастическимъ мистицизмомъ, отличающимъ датскую литературу. Стойкость характера, свойство сѣверныхъ расъ, упрочивало неблагоприятныя условія, въ которыхъ стояла датская литература. Она отличалась теологически-полемическимъ характеромъ, когда оживлялась; оживленіе это мѣнялось долгими пробѣлами бездѣйствія, послѣ которыхъ раздавались хвалебныя гимны Даніи.

Брандесъ сказалъ съ каѳедры и, что всего обиднѣе, доказалъ датскому обществу, что изучать датскую литературу— дѣло неплодотворное. Данія не произвела ни одного великаго движенія европейской мысли. Были цѣлыя періоды, когда въ Даніи «не появлялось ни одного поэтическаго или психологическаго памятника», свидѣтельствовавшего о жизни мысли. «Были времена, о которыхъ мы не знаемъ, что тогда думали и чувствовали, говоритъ Брандесъ. — Но бываютъ времена, когда думаютъ чувствуютъ изъ вторыхъ рукъ, слабѣе и вялѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни

было. Одинъ лозунгъ доходилъ до насъ, другой—нѣтъ». Раціонализмъ, предшествовавшій въ Германіи возрожденію философіи, имѣлъ своихъ представителей въ Даніи. Философія Гегеля тоже. На ней остановилась датская мысль. Фейербахъ и Штраусъ не проникли въ университетскую науку.

Всѣ политическія движенія Европы, которыя вели за собою великія движенія въ литературѣ, не касались Даніи. Борьба за свободу Греціи, бывшая сигналомъ торжества байронизма и погнавшая романтиковъ, какъ Гюго и Ламартина, въ оппозицію, не оставила въ датской литературѣ другого слѣда, кромѣ шутовскаго вопроса въ водевилѣ одного прославленнаго датскаго писателя: «Что думаетъ господинъ баронъ о положеніи Греціи?» Юльскіе дни тридцатаго года, отозвавшіеся въ цѣлой Европѣ, вызвавшіе во Франціи и Германіи много богатыхъ литературныхъ силъ и замѣчательныхъ произведеній, оставили въ датской литературѣ единственный памятникъ—прекрасное, по виртуозности, стихотвореніе Поля Мёллера: «Художникъ посреди возмутителей», въ которомъ сказалось все эстетическое презрѣніе къ великимъ общественнымъ движеніямъ. Люди 30-хъ годовъ были олицетворены поэтомъ въ видѣ двухъ «свободомыслящихъ юношей и одного хромого редактора», о которыхъ онъ неодобрительно отзывался. У Байрона датскіе поэты заняли ритмъ и переходы его отъ паэоса къ ироніи для того, чтобы защищать прописную мораль и грунтивигианизмъ, мистическую секту, которой принадлежитъ большинство народа и образованныхъ классовъ Даніи. Датскіе поэты выработали въ совершенствѣ красоту, форму; но это совершенство красоты можно сравнить съ махровостью цвѣтка. Она—искаженіе естественнаго развитія растенія. Разведеніе этихъ цвѣтовъ стоитъ дорого и они часто не даютъ сѣменъ. Сѣверно-рыцарскіе образы Оленшлегеровыхъ героевъ прекрасны, но въ нихъ не отражается духъ времени, и, хотя они несравненно болѣе художественно обработаны, нежели герои Виктора Гюго, но «мы чувствуемъ вѣяніе новаго времени, когда дышащій гнѣвомъ плебей, герой Гюго, проходить по сценѣ», говоритъ Брандесъ.

Вся пресса Даніи, даже старая оппозиціонная пресса, давитъ малѣйшую попытку свободной мысли. Поэтъ Бьёрнстеръ-Бьёрсонъ, такъ же не въ мѣру прославленный датчанами, какъ и Андерсенъ, въ нѣсколько лѣтъ по нѣскольку разъ мѣнялъ свои идеи и, наконецъ, изъ гегелианца обратился въ грунтивигианца и потребовалъ, чтобы офицеры передъ фронтомъ пѣли гимны.

Лекціи Брандеса были свѣжимъ вѣяніемъ, принесшимъ потоки европейской мысли въ болота датской; но за то изъ взволнованныхъ болотъ поднялись массы мiazмовъ. Брандесъ былъ присужденъ прекратить свои лекціи, быть можетъ, навсегда. Близорукій патріотизмъ не простилъ смѣлому критику, дерзнувшему свергнуть литературныхъ боговъ его съ Олимпа. Духовенство, мистики и стая газетчиковъ подняли крикъ при появленіи лек-

цій Брандеса въ печати. Посыпались обвиненія въ нравственномъ растлѣніи, въ проповѣди «разрушительныхъ тенденцій». Повторилась старая и вѣчно новая исторія. «Свободная мысль есть свободная похоть», кричали одни. «Твои идеи—петролейницы, ступай къ социалистамъ», кричали другіе. Отвѣты Брандеса не были приняты ни въ одной газетѣ. Брандесъ отвѣчалъ на нихъ брошюрой, показавшей, что онъ не упалъ духомъ, хотя, отвѣчая нѣсколькими сотнями экземпляровъ своей брошюры противъ ежедневныхъ нападокъ прессы, онъ, какъ онъ самъ говорить, находился въ положеніи человека, который одной пушкой, стрѣляющей разъ въ мѣсяць, долженъ отстрѣливаться отъ отряда стрѣлковъ, хорошо прикрытыхъ и вооруженныхъ оружіемъ, стрѣляющимъ десять разъ въ минуту и въ десять разъ далѣе его. Послѣднее справедливо только относительно пространства, но не времени.

«Меня преслѣдуютъ, какъ будто идеи, вдохновляющія меня и высказываемыя мною—мое изобрѣтеніе, говоритъ Брандесъ:—эти идеи—идеи просвѣщенной Европы. Если люди поколѣнія, принимающаго эти идеи—возмутители, то вина падаетъ на европейскую науку и на старое поколѣніе. Зачѣмъ вы не воспитали лучше? Если можно повести современное поколѣніе на борьбу съ свободною мыслью, зачѣмъ вы не ведете? Вы не дѣлаете этого, потому что это невозможно, потому что идеи эти неопровержимы».

Основная идея лекцій Брандеса—свобода мысли и развитія, которое идетъ неуклонно какъ въ эпохи движенія, такъ и въ эпохи реакціи. Реакція не всегда означаетъ регрессъ. Каждое движеніе несетъ въ себѣ реакцію, которая проявится, когда оно, достигнувъ высшей степени своей силы, выкажетъ и свою крайность. Даже если реакція и регрессивная, то она все же сохраняетъ въ себѣ частицы прогрессивнаго движенія и полное возвращеніе назадъ невозможно. Эта идея ненова. Давно уже была высказана мысль, что развитіе идетъ спиралью, и каждый оборотъ и впередъ, и назадъ выше и захватываетъ болѣе широкій кругъ, нежели прежніе. Но до Брандеса еще не было такого глубокаго и многосторонняго примѣненія этой идеи въ литературѣ. Въ каждой группѣ писателей и поэтовъ и въ каждомъ писателѣ и поэтѣ, дававшихъ ораску своему вѣку, онъ указываетъ на элементы общественнаго прогресса, создавшіе ихъ, и на тѣ, которые они сами внесли въ литературу, сознательно ли, становясь подъ знамя той или другой партіи, или безсознательно путемъ такъ называемаго непосредственнаго творчества. Брандесъ, реалистъ въ своей критикѣ, но реализмъ его—не плоскій реализмъ, утверждающій, что искусство—рабская копія природы; онъ, въ тоже время и не естественно-научная критика Тэна, которая слишкомъ исключительно настаиваетъ на вліяніи этнографическихъ и національныхъ условій. Брандесъ указываетъ на роль, какую играютъ эти вліянія въ развитіи литературы; но

но выше ихъ онъ ставитъ политическое, общественное и философское вліаніе. И онъ правъ. Прогрессъ въ освобожденіи чело-вѣка отъ темныхъ силъ природы, отъ гнета мѣстныхъ условій. Литература тѣмъ богаче, чѣмъ болѣе въ ней общечеловѣческихъ элементовъ. Одни и тѣ же политическія и общественныя условія произведутъ одинаковыя послѣдствія и подъ сѣрымъ небомъ Скандинавіи, и подъ лазурнымъ небомъ Неаполя. Этнографическія и національныя условія могутъ вліять на колоритъ, на форму художественныхъ произведеній, но не на содержаніе ихъ.

Брандесъ съ замѣчательнымъ эстетическимъ чутьемъ оцѣниваетъ форму; но онъ не поклонникъ чистаго искусства. Живучесть литературы, говоритъ онъ, доказывается жизненностью вопросовъ, которые она застрогиваетъ. Напримѣръ, въ нашемъ вѣкѣ Жоржъ-Зандъ подняла споръ о бракѣ, Байронъ и Фейербахъ о религіи, о собственности, Александръ Дюма-сынъ объ отношеніяхъ обоеихъ половъ, а Эмиль Ожье объ отношеніяхъ классовъ общества. Если литература не возбуждаетъ никакихъ вопросовъ, то это — доказательство, что она утрачиваетъ всякое вліаніе. Народъ, создавшій ее, можетъ воображать, будто отъ него придетъ спасеніе міру, но ожиданія его будутъ обмануты: онъ также мало можетъ быть народомъ, направляющимъ развитіе и прогрессъ, какъ муха, сидящая на возу и иногда жалящая лошадей, которыя тащатъ возъ. Общество, въ которомъ нѣтъ живой литературы, можетъ сохранить нѣкоторыя добродѣтели, напримѣръ, военное мужество; но подобныя добродѣтели никогда не поддержать литературы, когда въ обществѣ нѣтъ нравственнаго мужества. «Каждая реакція застою деспотична; въ такомъ обществѣ каждое свободное заявленіе мысли — сигналъ къ изгнанію изъ него, изъ прессы, заслуживающей уваженія, изъ общественныхъ должностей. Тогда нужны особенныя условія, чтобы создать способности, характеры того рода, отъ которыхъ зависитъ прогрессъ. Такого рода общество можетъ создать поэзію, которая современнаго чело-вѣка представляетъ все болѣе и болѣе жалкимъ ничтожествомъ, и произведенія, которыя наиболѣе раскупаются и восхваляются въ такомъ обществѣ — произведенія, «въ которыхъ читатель сначала съ ужасомъ, а потомъ съ какимъ-то наслажденіемъ чувствуетъ, что онъ, червь ничтожный, трусливый червь». Эти вымученныя горькія строки говорятъ ясно, что для Брандеса цѣль литературы — не упоеніе эстетическими восторгами, но провозглашеніе идеаловъ. Идеалы свободы, чело-вѣчности, прогресса, поставленные XVIII вѣкомъ, и которымъ XIX придалъ плоть и кровь, должны обновить датское общество. «Недостойный измѣнникъ отечеству» не теряетъ ни на одну минуту изъ вида то вліаніе, которое должны имѣть на отечество его эти идеалы, и въ каждой строкѣ его слышится глубокая скорбь о томъ, что они чужды Даніи.

Это постоянное отношеніе къ датской злобѣ дня было причиною, что критикѣ, разъясняющей мертвящее вліаніе нѣмецкаго мистицизма и регрессивнаго романтизма, отведено такъ много мѣста.

Русскому читателю может показаться, что Брандесъ тратитъ выстрѣлы на мертвецовъ; мистицизмъ былъ въ Россіи мѣстной и спорадической болѣзью, но никогда не имѣлъ характера постоянной эпидеміи, какой онъ имѣетъ въ Даніи. За исключеніемъ этой стороны, отношеніе европейской литературы къ русскому обществу можно сравнить съ отношеніемъ ея къ датскому. И то, и другое стояло на окраинахъ движенія европейскихъ литературъ, и для того и другого онѣ были и есть живой водой, смывающей крѣпкій сонъ. Въ наше время застоя критики, лекціи Брандеса являются какъ нельзя болѣе кстати, чтобы освѣтить спорные вопросы объ идеализмѣ и реализмѣ въ искусствѣ и разъяснить настоящее значеніе его.

Положеніе Брандеса, какъ датчанина, т. е. представителя литературы, не внесшей ничего въ европейскую мысль, особенно выгодно для безпристрастной оцѣнки трехъ литературъ, французской, нѣмецкой и англійской, которыя одиѣ и подразумеваются, когда рѣчь идетъ о европейской литературѣ. Какъ ни будь чуждымъ чуждымъ національныхъ предрасудковъ, вполне отрѣшиться отъ нихъ трудно, и это доказалъ даже самъ Шерръ, послѣ Комедіи всемірной исторіи писавшій диѳирамбы объѣмчиванью Эльзаса и Лотарингіи. Чувство соперничества скazujeя порою и совершенно безсознательно, когда критикъ которой нибудь изъ европейскихъ литературъ судить о другихъ; и тамъ, гдѣ оно не скazujeя, онъ бываетъ слишкомъ склоненъ иногда цѣнить выше, чѣмъ слѣдуетъ, качества чужихъ литературъ, недостающія его родной литературѣ. Этой крайности не чужды и Тэнъ, который, въ виду декламации и риторичности нѣкоторыхъ произведеній французской поэзіи, придавалъ слишкомъ много значенія простотѣ и безыскусственности поэзіи англійской школы лэкистовъ, переходившей въ плоскую прозу. Брандесъ могъ быть наблюдателемъ, чуждымъ всякаго чувства соперничества, которое перетягиваетъ вѣсы въ ту или другую сторону.

Европейская литература XIX вѣка была отраженіемъ великой драмы исторіи, говоритъ Брандесъ. Онъ дѣлитъ драму на шесть актовъ, которые былъ олицетворены шестью литературными группами. Въ первой группѣ французскихъ писателей—представителей литературы эмигрантовъ, созданной подъ влияніемъ идей Руссо, начинается реакція, хотя къ ней примѣшиваются еще у нѣкоторыхъ писателей революціонные элементы. Во второй группѣ нѣмецкихъ романтиковъ, кончившей католицизмомъ, реакція усиливается и высказываетъ ясно вражду свою къ идеямъ XVIII вѣка. Третья группа, во главѣ которой стоятъ Бональдъ и де-Местръ, къ которой принадлежатъ Ламенне, Викторъ Гюго и Ламартинъ въ первомъ періодѣ своей дѣятельности, представляетъ торжествующую реакцію, неумолимо избивающую мысль. Четвертая группа—Байрона была набатомъ, пробудившимъ французскую литературу. Тогда создалась во Франціи пятая группа—школа либеральнаго и социалистическаго роман-

тизма, къ которой применили перешедшіе въ оппозицію Ламартины, Гюго и Ламенне, которая создала Мюссе, Жоржъ-Зандъ. Изъ Франціи освобождающій романтизмъ перешель въ Германію и вызвалъ шестую группу писателей, отвѣчавшую шестому акту драмы, вдохновенную отчасти тѣнью Байрона, отчасти французскимъ романтизмомъ, на подкладѣ великихъ преданій нѣмецкой литературы. Къ этой группѣ принадлежали Гейне, Бёрне, Ауэрбахъ и другіе писатели. Это дѣленіе на группы вѣрно указываетъ на характеристическія черты историческаго и литературнаго движенія XIX вѣка, и можно замѣтить только одно, что въ сущности пятый и шестой акты великой драмы—одинъ и тотъ же актъ, только разыгранный на двухъ разныхъ сценахъ, двумя группами актеровъ на разныхъ языкахъ. Дѣйствіе и слова въ обоихъ актахъ одни и тѣже по содержанию и значенію. Въ настоящее время, вышли четыре тома, содержащіе исторію первыхъ четырехъ группъ. Въ нихъ Брандесъ указываетъ на взаимное вліаніе европейскихъ литературъ, и въ этомъ отношеніи трудъ его служитъ продолженіемъ исторіи Геттнера литературы XVIII вѣка. Но Геттнеръ даетъ подробную картину со всѣми деталями. Брандесъ держится иного плана. Онъ выбираетъ тѣхъ писателей, которые были представителями кульминаціоннаго пункта какого-либо движенія европейской мысли, и, разбирая ихъ, останавливается преимущественно на тѣхъ сторонахъ, въ которыхъ высказались общеевропейскія, а не національныя черты. Национальность литературъ Брандесъ сравниваетъ съ пиццей, положенной въ сосудъ съ длиннымъ горлышкомъ для лисицы и въ плоское блюдо для журавля. Народы долгое время играли въ отношеніи другъ друга роли лисицы и журавля. Дѣло историка литературы и до сихъ поръ еще состоитъ отчасти въ томъ, чтобы перекладывать пищу изъ сосуда въ блюдо и наоборотъ для очереднаго угощенія журавля и лисицы.

Девятнадцатый вѣкъ еще не оконченъ. Многія стихіи мысли, поднимающіяся въ немъ, не нашли еще полного воплощенія своего въ художественныхъ произведеніяхъ. Въ иныхъ только намѣчены черты, которымъ нужно время для развитія. Это, безъ сомнѣнія, должно быть причиной, почему Брандесъ, какъ онъ самъ сознается, не далъ полного и законченнаго образа литературы XIX вѣка. Онъ удовольствовался профилями. Въ профиль рѣзче обрисовываются характеристическія черты физиономіи. Бросивъ яркій свѣтъ на литературные профили главныхъ группъ, Брандесъ въ четырехъ вышедшихъ томахъ показалъ, что отыскать невозможно исключительно національное развитіе для какой-бы то ни было литературы. Каждая литература, ставя плотины противъ потока другихъ литературъ, обрекаетъ себя на застой, какъ датская, которая постоянно на сорокъ лѣтъ отстаётъ отъ Европы, говоритъ Брандесъ. Только сравнительный методъ изученія другихъ литературъ опредѣляетъ настоящее зна-

ченіе какой-бы то ни было литературы. Изученіе политическихъ, культурныхъ и общественныхъ условій страны—ключъ къ пониманію литературы страны, но не критерій ея. Значеніе литературы—въ томъ словѣ, которое она говоритъ въ хорѣ европейскихъ литературъ. Если это—слово, котораго не слышали другіе народы и которое указываетъ имъ путь впередъ, то литературѣ принадлежатъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду литературъ. Если она можетъ только «слабѣе и выгѣе» повторять сказанное другими, то роль ея—подчиненная. У нея можетъ быть оригинальная фізіономія, данная ей національностью, но она не можетъ имѣть оригинальности мысли.

ЛИТЕРАТУРА ЭМИГРАНТОВЪ.

I.

Франція произвела въ концѣ восемнадцатаго столѣтія революцію въ политикѣ и правахъ, но революцію въ литературѣ произвела Германія, чуждая въ то время всякихъ стремленій къ свободѣ и подобострастно преклонявшаяся передъ каждымъ ратомъ и графомъ. Въ раздробленной на множество мелкихъ владѣтелей Германіи было невозможно никакое общее движеніе, ни общественная жизнь. Всѣ силы уходили внутрь. Форма псевдоклассицизма стѣсняла выраженіе мысли и была разбита. Литература во Франціи оставалась псевдоклассической по формѣ и аристократической по содержанію, несмотря на то, что на сценѣ, при громкихъ кликахъ публики, декламировались революціонныя тирады римлянъ-республиканцевъ, а въ идилліяхъ воспѣвалась простота сельской жизни, овечки и пастушкы. Анализъ Вольтера разъядалъ сословные предрасудки, «Новая Элоиза» Руссо—апостеоу чувства и страсти, разрушающихъ сословныя перегородки; но они не дали еще въ литературѣ права гражданства демократіи. Сень-Прё—буржуа, который хочетъ пробить себѣ дорогу, чтобы обладать Юліей. И Вольтеръ, и Руссо внесли революціонные элементы въ содержаніе литературы, но формы не тронули. Это сдѣлали Лессингъ, Шиллеръ и Гёте, которые сами были отчасти учениками Руссо. Шиллеръ за своихъ «Разбойниковъ», съ которыми впервые ворвался въ литературу духъ безпощадной борьбы, получилъ, подъ именемъ *monsieur Gilles*, званіе гражданина французской республики. Второй былъ чуждъ всякихъ стремленій борьбы и, когда его послѣ июльскихъ дней спросили: «что вы скажете о великомъ событіи? Вулканъ разразился наконецъ?» то онъ подумалъ, что вопросъ относился къ спору между Кювье и Сент-Илеромъ о зоологическихъ видахъ. Гёте еще болѣе, чѣмъ Шиллеръ, повліялъ на литературу эми-

грантовъ, и произведенія ихъ отмѣтили новую эпоху французской литературы.

Мысль вырвалась изъ оковъ классицизма. Пудра, парикъ, фижмы и корсетъ были сброшены. Движенія получили свободу; когда смылись бѣлилы и румяна, стало видно, какъ въ жилахъ переливалась кровь. Французская революція была причиной прививки новой формы. Французы считали себя первымъ народомъ и въ литературѣ. Что могло быть совершеннѣе литературы, созданной въ Аѳинахъ Европы? Они и не воображали, что сосѣди ихъ, тяжеловѣсныя нѣмцы, которыхъ они глубоко презирали, которые такъ неуклюже обезьянничали ихъ и которыхъ Вольтеръ пожелалъ болѣе ума и менѣе согласныхъ, могутъ быть учителями ихъ въ литературѣ. Эмигрантамъ пришлось выучиться чужому языку и увидѣть, что неуклюжіе, тяжеловѣсныя нѣмцы создали много великихъ произведеній. Но новая форма служила и прогрессивной, и регрессивной мысли, хотя элементовъ прогресса было менѣе. Литература эмигрантовъ не могла не быть реакціей противъ XVIII вѣка; но реакція была разная, какъ и эмигранты были разные. Одни уѣхали съ графомъ д'Артуа, въ то время когда лучшая часть французскаго дворянства жгла свои родовые пергаменты; эти ничему не выучились и ничего не забыли. Позже они дали Бональда и де Местра. Другіе уѣхали отъ террора; то были либералы, конституціонисты, и во главѣ ихъ стояла Сталь. Въ потокъ литературы эмигрантовъ, забившемъ противъ идей XVIII вѣка, была одна струя, несшая эти идеи, струя значительно ослабленная; но она передала ихъ позже другимъ обновляющимъ теченіямъ. Эта струя была идеи Руссо. Въ Шатобрианѣ, Сталь, Бенжаменъ-Констанъ, Сенанкуръ, Гюго и Ламартинъ слышится сильное вліяніе Руссо. Только съ 48 г., во Франціи снова воскресло вліяніе Вольтера, и представителемъ идей его явился Ренанъ.

Самымъ типическимъ произведеніемъ литературы эмигрантовъ былъ Рене—представитель больного, отравленнаго жизнью и упоеннаго своимъ величіемъ поколѣнія. Меланхолическое малокровіе, слѣдствіе кровопусканій Наполеона, овладѣло обществомъ. Вся сила, вся энергія Франціи была сосредоточена въ одномъ человѣкѣ, которому жажда спокойствія отдала въ руки власть—въ Наполеонѣ. Онъ одинъ свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ. Люди, не хотѣвшіе, какъ дисциплинированные солдаты, маршировать по командамъ его въ рядахъ того строя, въ какой онъ превратилъ Францію, были осуждены перегорать въ неудовлетворенныхъ стремленіяхъ и, если у нихъ былъ талантъ, воплощать эти стремленія въ искусство. Стремленія обманчивы. Пока они не сказались въ дѣлѣ, они не могутъ дать настоящую мѣрку человѣка. Дѣло одно рельефно, осязательно. Сквозь стремленія, какъ сквозь туманъ, всѣ предметы кажутся больше, нежели они есть въ дѣйствительности. Дѣло—внѣшній фактъ; чтобы оцѣнить его, нужно выйти изъ своего я, размот-

рѣтъ всѣ силы, которыя слились въ дѣлѣ: стремленія—фактъ внутренний, до того интимный, что человѣкъ можетъ знать хорошо только свои собственные стремленія. И писатели, создавшіе героевъ стремленій, носились постоянно съ своимъ я; самый чудовищный эгоизмъ былъ отличительной чертой Рене и прочихъ героевъ его пошиба.

Рене происходитъ по прямой линіи отъ Новой Элоизы Руссо и Вертера Гёте; но наполеоновская реакція придала ему и другія черты. Въ Сен-Прѣ, молодыя силы буржуазіи, которыя рвутся разнести плотину, поставленную средними вѣками. Плотина крѣпка, силы ихъ слабы еще; но у нихъ впереди надежда, и въ недовольствѣ ихъ нѣтъ развѣдающаго безвѣрія въ жизнь. Въ нихъ самихъ еще живетъ отчасти преданіе. Деизмъ побѣждаетъ природу. Вертеръ—больной мечтатель. Онъ принадлежитъ вѣку, который предчувствуетъ и ждетъ. Вертера у насъ почему-то считаютъ жертвой одной несчастной любви. Вертеръ—выраженіе страсти, мукъ и стремленій цѣлаго поколѣнія. Онъ—голосъ природы и чувства, возмущенныхъ мертвыми строемъ филистерской жизни. Бѣдный секретарь, котораго баре считаютъ лакеемъ, мечтаетъ осчастливить міръ: его сердце разрывается при видѣ страданій ремесленниковъ. Жизнь для него—тюрьма, разгороженная сословными стѣнами, и онъ разбиваетъ голову объ эти стѣны. Отверженнаго самоубійцу ремесленники несутъ на рукахъ до могилы. «Зачѣмъ въ обществѣ, устроенномъ такъ, что человѣкъ съ двумястами талеровъ содержанія не имѣетъ права на счастье, а человѣкъ, рожденный безъ придатка фон или де къ имени, не имѣетъ права свободно мыслить, дѣйствовать и жить, природа даетъ такому человѣку стремленіе и къ счастью, и къ свободѣ? спрашиваетъ Брандесъ. Это—трагизмъ Вертера.

И въ Сен-Прѣ, и въ Вертерѣ—стремленіе смутнаго ожиданія, тревога нетерпѣнія. Голосъ природы и порывъ къ свободѣ не были разбавлены въ Вертерѣ деизмомъ Сен-Прѣ. Въ Рене тѣ же стремленія отравлены ядомъ разочарованія. Надежды на счастье, которое сулилъ XVIII-й вѣкъ, были разбиты. Каждая обманутая надежда поднимаетъ взаимныя обвиненія, упреки. Всѣмъ нужно найти виноватаго, и, какъ всегда, всѣ оказываются болѣе или менѣе виноватыми и для успокоенія самолюбія сваливаютъ вину на судьбу, т. е. на жизнь. Рене менѣе, чѣмъ кто либо, могъ признать себя виновнымъ. Когда прекрасный сонъ братства разлетѣлся въ пороховомъ дымѣ наполеоновскихъ боенъ, Рене проклялъ жизнь и людей, и понесъ праздное, ненужное никому страданіе и ненависть свою къ людямъ въ дѣвственные лѣса дикихъ индѣйцевъ. Руссо звалъ на лоно природы забывать всѣ страданія.

Съ легкой руки Рене, мизантропія стала болѣзью вѣка. Мизантропія—черта не новая въ человѣчествѣ. Всегда были люди, которыхъ глубоко возмущало ничтожество человѣчества, оскорблявшаго ихъ идеалы добра и правды. Въ пророкахъ Библии встрѣчаются потрясающія обличенія, которыя подали первый го-

лось хору проклятія людямъ, раздающемуся то въ горькихъ діатрибахъ мизантроповъ, то въ злостномъ смѣхѣ сатириковъ. Эта ненависть—оборотная сторона любви. Мизантропъ Шекспира Тимонъ Аѳинскій, «другъ человѣчества», вино любви котораго обратилось въ уксусъ. Онъ созданъ обстоятельствами, какъ и мизантропъ Мольера, Альцестъ, отчасти напоминающій нашего Чацкаго тѣмъ, что учить естественности и правдѣ, изолгавшееся до мозга костей общество. Измѣните обстоятельства, и Альцестъ излечится отъ мизантропіи, какъ излечился Тимонъ Аѳинскій, когда любовь преданной дѣвушки воскресила въ немъ вѣру въ людей. У Шекспира есть типъ мизантропа, созданнаго столько же темпераментомъ, какъ и жизнью. Это—его Жакъ, врагъ людей; нѣжная поэтическая дума его не выноситъ вида страданій оленя, и онъ горько прокликаетъ людское варварство и жестокость. Онъ—сынъ страны, туманы которой навѣваютъ сплинъ. Мизантропія XIX-го вѣка—не спорадическая болѣзнь. Мизантропію прежнихъ вѣковъ можно сравнить съ острымъ помѣшательствомъ полнокровныхъ людей; отъ нея излечиваются. Она—недостатокъ объективности; новые факты, показывающіе людей въ свѣтломъ цвѣтѣ, изглаживаютъ прежній горькій опытъ. Мизантропія XIX-го вѣка была эпидеміей; она—меланхолія худосочія. Она—тоже недостатокъ объективности; только прежніе мизантропы видѣли все человѣчество въ горсти людей, которыхъ знали; а мизантропы пошиба Рене, сверхъ того, видѣли и всю будущность человѣчества въ переживаемой ими самими эпохѣ. Вотъ почему они не могли излечиваться, встрѣчая и свѣтлыя стороны человѣчества. Все свѣтлое было въ глазахъ ихъ обречено на гибель. Мизантропія Рене сродни тѣмъ религиознымъ болѣзнямъ, которыя распространялись въ средніе вѣка, говорить Брандесъ.

Рене—мистикъ; но мистицизмъ его особаго рода. Въ своихъ мистическихъ экстазахъ онъ обоготворяетъ самого себя. Ни одинъ изъ писателей не представлялъ примѣра такого обожанія себя, какъ Шатобрианъ; а Рене—его исповѣдь. Онъ писалъ одной женщинѣ, влюбленной въ него: «Жизнь моя — случай. Берите изъ этого случая страсть, вихрь и несчастье; я дамъ вамъ болѣе всего этого, чѣмъ другіе въ долгіе годы». Рене пишетъ Целютѣ: «Да, Целюта, когда ты потеряешь меня, ты будешь жить вдовой. Кто же можетъ окружить тебя тѣмъ пламенемъ, которое я излучаю, даже когда я не люблю». Въ другомъ мѣстѣ Рене говоритъ: «Изъ этого сердца вырываются потоки пламени, которые могутъ пожрать все твореніе, и не быть насыщенными и которые могутъ пожрать и тебя». Это—самообожаніе сатаны и начала демонизма въ литературѣ, хотя того не подозревалъ ни самъ Шатобрианъ, ни всѣ люди его партіи, видѣвшіе возрожденіе католицизма въ его «Геніи Христіанства», однимъ изъ эпизодовъ котораго былъ Рене.

Духъ вѣка, какъ ни отрещивался отъ преданій XVIII вѣка, не могъ вытравить ихъ всѣ, и кончикъ рога Мефистофеля вы-

глядываетъ изъ подъ ореола проповѣдника, помазаннаго свыше на проповѣдь католицизма людямъ, сидящимъ во мракѣ волтеріанства. Рене долженъ былъ доказать необходимость опоры для слабого, уносящагося въ вихрь страстей человѣчества, необходимость монастырей, гдѣ бы оно находило мирное пристанище отъ бури и грѣха. И онъ не доказалъ ни того. ни другого. Сестра Рене, скрывшая свою страстную и неестественную любовь къ нему, умираетъ въ монастырѣ жертвой этой любви и тѣмъ доказываетъ одно, что католическіе монастыри—удобное мѣсто скрывать скандалы и морить себя аскетическими упражненіями. Обязанности сестры милосердія или работа поденщицы сдѣлали бы тоже самое изъ той же героини. Самъ Рене нисколько не похожъ на человѣка, имѣющаго какую бы то ни было опору противъ вихря страстей; несмотря на всѣ увѣренія его, что онъ нашелъ ее, онъ производитъ впечатлѣніе безумца, готоваго на самыя дикія преступленія и не совершающаго ихъ только потому, что у него хватаетъ силы на одинъ порывъ. Рене пишетъ Целютѣ: «Я прижималъ тебя среди пустыни къ своему сердцу и въ ту же минуту, съ какимъ наслажденіемъ я пронзилъ бы тебя кинжаломъ, чтобы навсегда закрѣпить въ груди твоей блаженство и казнить себя самого за то счастье, которое я тебѣ далъ». Такъ заставляетъ писать женѣ индіанкѣ своего героя авторъ, который возрождаетъ католицизмъ и католическій бракъ. Природа, вырвавшаяся изъ оковъ средневѣковаго мистицизма и которую снова заковываютъ въ нихъ—не здоровая природа. Вмѣсто свѣтлой радости, у нея судороги экстаза. Вмѣсто древнихъ дѣсенъ и плясокъ геніевъ, мы видимъ кривлянья пляски св. Вита и слышимъ визгъ кликушъ. Атала, эта кроткая, благочестивая дѣвушка, отвергнувшая жениха-язычника и умирающая дѣственницей, восклицаетъ въ предсмертныя минуты. «Были минуты, когда я желала остаться съ тобою однимъ единственными живыми существами на землѣ, а другимъ, и даже божеству самому, еслибы оно захотѣло препятствовать моему страшному желанію, я бы пожелала уничтоженія, лишь бы только я за то могла, прижавшись къ груди твоей, катиться съ тобой изъ пропасти въ пропасть, педь развалинами Бога и міра». Такія слова могъ вложить въ уста своей героини Байронъ, а не защитникъ католицизма.

Рене, несмотря на враждебность мировоззрѣнія Шатобриана и Байрона, послужилъ во многомъ образцомъ Чайльд-Гарольду: тотъ же всепожирающей эгоизмъ, тоже ослѣпленіе собственнымъ величіемъ, тоже равнодушіе ко всему, что не происходитъ въ тѣсномъ мирѣ своего сердца, та же ненависть и презрѣніе къ людямъ, презрѣніе, которое, въ минуты отрезвленія отъ чадъ самообожанія, переходитъ въ отвращеніе къ самому себѣ. Помазаніе, отмѣтившее Рене печатью избранника, оказалось бессильно о излечить его. Прошло время, когда оно было силой—то были времена Петра Пустынника; теперъ оно доживало свой

вѣкъ въ формѣ безплоднаго стремленія, вызывавшаго, на равнѣ съ другими, ненужныя нивому муки Рене.

Рене—апоэезъ гордости человѣческой, которая гибнетъ не отъ того, что она возстаетъ, а отъ того, что она не видитъ ничего, кромѣ себя самой. Рене и масса героевъ, порожденныхъ имъ, не похожи на того русскаго богатыря, который не могъ жить, потому что земля не сносила его силушки. Мать-земля много сносила героевъ, которые были не чета Рене и его рожденіямъ. Герои эти гибли смертью миеологическаго Нарцисса, который зачахъ, любуясь своимъ отраженіемъ въ ручьѣ. Человѣчество, судьбы его—все было пьедесталомъ, на который громоздились эти герои, чтобы созерцать въ полнѣйшемъ одиночествѣ собственное величіе. Немудрено, что ихъ развѣдала скука; отъ нихъ вѣтъ холодомъ, несмотря на всѣ увѣренія ихъ о пламени, пожирающемъ ихъ и имѣющемъ пожрать всѣхъ, кто ни приблизится къ нимъ.

Первая попытка литературы эмигрантовъ—воскресить разрушенное XVIII вѣкомъ не могла быть прочна, несмотря на весь громадный успѣхъ, который она имѣла въ свое время. Фаустъ Гёте, Гамлетъ Шекспира живы и будутъ долго жить еще. Рене былъ пережитъ своимъ авторомъ. Онъ остался какъ памятникъ, въ который съ любопытствомъ заглянегъ критикъ, писатель, историкъ, который нужно знать только для того, чтобы имѣть понятіе о характеристической чертѣ, пережитой обществомъ и которая не переживется болѣе потому, что назадъ на ту же точку не возвращаются.

II.

За Рене появился «Оберманъ» Сенанкура, который вызвалъ во Франціи столько же самоубійствъ, сколько ихъ вызвалъ въ Германіи Вертеръ. Но герой не былъ самоубійцей: онъ былъ глубоко несчастный человѣкъ, ушедшій отъ жизни и людей, на вершины Альпъ, туда, «гдѣ кончается всякая жизнь». Сенанкуръ—больной сынъ больного вѣка, какъ и Рене. «Основные черты этой болѣзни были даны человѣческому духу съ революціей», говоритъ Брандесъ. «Всѣ болѣзни духа, появившіяся въ послѣдствіи, объясняются какъ симптомы двухъ великихъ событий: эманципаціи личности и освобожденія мысли». Но онъ не договариваетъ, что событія эти могли привить болѣзни только къ разстроенному организму. Человѣкъ, вырвавшійся изъ мрачной темницы на свѣтъ, не выносить сначала лучей солнца. Человѣкъ, вырвавшійся изъ больницы на свѣжій воздухъ, чувствуетъ себя разбитымъ. Организму нужно еще привыкнуть и къ свѣту, и къ воздуху. Всѣ больные герои порождены этою непривычкою челоѣчества къ свѣту и воздуху.

До революціи общество было разгорожено стѣнами, и каждый зналъ, что ему нельзя переступить за свою стѣну. Роковое слово: «невозможно» убивало всѣ желанія. Провозглашеніе братства сломило стѣны и открыло просторъ честолюбію. Въмѣсто ожидаемаго общаго братскаго пира во времена имперіи, оказалось, что по прежнему было мало избранныхъ, только избранные были не тѣ; а званыхъ явилось несравненно болѣе, чѣмъ прежде. Революція призывала всѣхъ; слово «для тебя это невозможно», не существовало, говорить Брандесъ: — барабанная палка въ рукѣ солдата превращалась въ маршальскій жезлъ». Когда реакція сказала: тебѣ это невозможно, человѣкъ уже привыкъ вѣрить въ возможность и привыкъ желать. Отсюда—безграничность желаній и безграничность тоски. Горячее честолюбіе, пускающее пулю въ лобъ и въ наше время—отличительная черта Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Освобожденная личность не нашла еще своего регулятора, «Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ пересталъ снимать шляпу передъ раззолоченной колесницей, за позолоту которой онъ заплатилъ, говорить Брандесъ:—онъ пересталъ преклоняться передъ всякимъ запретомъ, человѣческое происхожденіе котораго онъ теперь увидѣлъ. На каждый запретъ онъ отвѣчаетъ вопросомъ: «почему?» Съ освобожденіемъ мысли, человѣкъ пересталъ сознать себя винтомъ, заклепаннымъ въ машину, наперекоръ своей волѣ и обреченнымъ дѣйствовать съ нею. Онъ увидѣлъ въ себѣ самомъ цѣлый міръ и не захотѣлъ признавать никакихъ другихъ законовъ, кромя своей воли. Что ему было за дѣло до тысячей братьевъ, которые, выбываясь изъ силъ, тянули лямку жизни. Жизнь не дала ему того, что онъ требовалъ; люди не признали его величія, и онъ ушелъ отъ нихъ».

Въ романѣ Сенанкура нѣтъ любви, и тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на читателя его мрачная меланхолія. Люди, въ чьи проклятія жизни на половину входитъ несчастная любовь, заставляютъ предполагать, что, переживи они періодъ горячки страсти, и они были бы на половину утѣшены. Свѣтъ не клиномъ сошелся и, право, Шарлотты—не такая рѣдкость въ жизни, и Вертеръ могъ бы найти другую Шарлотту, еслибы не поторопился пустить себѣ пулю въ лобъ, и зажилъ бы на половину примиреннымъ съ жизнью, какъ живетъ много людей, которые у огонька домашняго очага стараются забыть грызущую тоску о томъ, что для нихъ невозможно. Сенанкуръ—весь въ тоскѣ по этомъ «невозможно». Онъ не избранныкъ, отмѣченный помазаніемъ, какъ Рене, онъ—рядовой. Но онъ не человѣкъ пошлой толпы. Онъ можетъ быть голосомъ въ хорѣ. Но хора нѣтъ. Онъ—исповѣдь самого автора, написанная въ отшельничествѣ и изгнаніи стоикомъ и атеистомъ, натурой, глубоко чувствительной и нѣжной, несмотря на стоицизмъ. Они въ себѣ черпаютъ силу и несутъ жизнь, не ища опоры. Они сами—«свой высшій судъ». Слыша

рукоплесканія толпы, они скажутъ, какъ древній мудрецъ: какую я сказалъ глупость?

Разница между мудрецомъ древности и героемъ Сенанкура та, что мудрецъ, презирая людей, работалъ для нихъ же. Свобода древнихъ не была свободой Обермана. Она не разнуздывала личность; она уживалась съ тѣмъ стѣсненіемъ, которое налагаетъ всякая работа. Оберманъ, чтобы быть вполне свободнымъ, зажилъ отшельникомъ на границѣ ледниковъ. Онъ родился въ несчастное время. «Кто не знаетъ тѣ мрачныя дни самаго холоднаго времени года, говоритъ онъ:—когда даже утро приноситъ болѣе густой туманъ, и только двѣ темно-огневныя полосы бросаютъ свѣтъ на тяжело нависшія облака. Подумайте о завѣсѣ тумана, о порывахъ урагана, о блѣдномъ брежжаньи свѣта, о шумѣ деревьевъ, которыя, дрожа, гнутса, о рѣзкомъ воѣ вѣтра, который похожъ на раздрающія жалобы. Къ полудню еще болѣе холодная и продолжительная буря; къ вечеру еще болѣе густой мракъ, и день человѣка конченъ». Ему привольно среди ледниковъ. Онъ свободенъ отъ условныхъ понятій о чести и даже отъ мысли объ общемъ благѣ. «Здѣсь человѣкъ естествененъ; онъ даже не думаетъ о томъ, какъ употребить настоящую минуту, онъ не управляетъ своими мыслями, онъ не требуетъ отъ своего ума разгадать скрытыя вещи, сказать слово, которое еще не было сказано. Мысль болѣе не активна, не свована правилами, она пассивна; человѣкъ уменъ безъ остроумія, великъ безъ одушевленія, энергиченъ безъ воли». Бѣдный рядовой, не справившійся ни съ мыслью, ни съ жизнью безъ вождя; онъ великъ только среди мертвой природы; только передъ лицомъ неподвижности ея можетъ онъ похвалиться своей энергіей безъ воли.

Оберманъ—тяжеловѣсно и утомительно длинно написанная книга—произвелъ потрясающее впечатлѣніе во Франціи; онъ былъ исповѣдью многихъ людей. Прочтя Обермана, они нашли слово тому, что мучило ихъ, и сказали: если жизнь—мрачный день, оканчивающійся ночью, то лучше уйти изъ жизни, чѣмъ жить отшельникомъ на Альпахъ. Оберманъ не дѣлаетъ этого. Онъ отрекся отъ погони за счастьемъ; все ничтожно, потому что все преходяще; но онъ будетъ жить изъ гордости. Если его ждетъ «вѣчное ничто, то онъ не хочетъ заранѣе вызвать его, какъ будто оно было заслужено». Одна эта мысль удерживаетъ его отъ самоубійства. Терроръ, а еще болѣе наполеоновскія бойни научили дешево цѣнить жизнь. Милліоны безпрекословно шли на смерть и несли смерть, повинувась прихоти одного человѣка. Честные глупцы видѣли въ этомъ законъ. Умные плуты подерживали эту вѣру, чтобы загрести золото и власть. Сегодня казнили за то, за что увѣнчивали вчера. «Моею жизнью можно играть подъ тысячью то софистическихъ, то забавныхъ предлоговъ, говоритъ Оберманъ:—а я одинъ буду лишентъ права нать самимъ собой. Считается честью отречься отъ жизни, когда жизнь

прекрасна, позволено убивать тѣхъ, которые хотѣли бы жить; но самому убить себя—преступленіе. Но если я не имѣю права на свою жизнь, то и вы не имѣете права посылать меня на смерть. Я не могъ передать вамъ права, котораго не имѣлъ».

Человѣкъ имѣетъ право надъ своею жизнью — вотъ что сказать Оберманъ обществу, и почему романъ этотъ, хотя далеко не образцовое произведеніе искусства, останется полнымъ интереса документомъ о мучительномъ фазисѣ, пережитомъ обществомъ. Древніе считали самоубійство подвигомъ. Жизнь была для нихъ благомъ. Когда жизнь стала мрачнымъ днемъ, освѣщеннымъ только темною огненною полосою—нести ее стало подвигомъ болѣе труднымъ, нежели рвать ее нить, и Оберманъ выбралъ послѣдній, хотя ни одной живой душѣ не стало лучше отъ этого подвига, какъ не стало бы хуже, еслибы онъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Оберманъ убѣжденъ, что потомство оцѣнитъ его. Но потомство сказало, что въ честныхъ глупцахъ, которые, дорожа своею темною жизнью, безропотно шли на убой, въ простотѣ души вѣря, что такъ должно, больше задатковъ лучшей иной поры, чѣмъ въ гордомъ несеніи страданія въ одиночествѣ мизантропіи. Для этихъ честныхъ глупцовъ есть нѣчто высшее своего я. Научите ихъ видѣть это высшее въ иномъ, и, вмѣсто смерти, они понесутъ жизнь. Оберманъ не признаетъ, что мысль о другихъ людяхъ должна остановить руку самоубійцы. Онъ освободилъ себя отъ всякихъ связей съ человѣчествомъ. Но человѣчество никогда не признаетъ права бросить жизнь, пока жизнь эта нужна ему. Солдатъ долженъ стоять у знамени, пока есть сила держаться на ногахъ. Не станеть ея—дѣло другое. Тогда нѣтъ повода влечь жизнь, которая пытка для него и бесполезное бремя для другихъ. Самоубійцы, которые до этой роковой минуты пускаютъ себѣ пулю въ лобъ — жалкіе, мелкіе эгоисты, и суровый духъ критики долженъ разбить поэтическій ореоль, которымъ окружала ихъ увлекающаяся сентиментальность.

III.

Старый средневѣковой замокъ съ его темными исповѣдальнями, душными, раззолоченными капеллами, мраморными роскошными палатами, тѣсными смрадными углами и страшными подземельями—былъ разрушенъ. Вмѣсто него, на скорую руку сколотили казармы, въ которыхъ нашлись и палаты, и углы, и подземелья, и капеллы; не было только того убѣжденія въ прочности и неизблемости, какое давали толстыя каменные стѣны средневѣковой постройки, да безвкусность и аляповатость роскоши казармъ напоминала выскочку, оскорбляла эстетическое чувство и раздражала зависть и самолюбіе. Люди, незахотѣвшіе жить въ казармахъ, задумали возобновить старый замокъ. Но имъ

пришлось брать пережженные и рассыпавшиеся кирпичи и камни старого замка. Несмотря на все желаніе отвести себя глаза, они не могли не видѣть непригодность матеріала. Это сознаніе невольное, которое они заглушали, насильно вызывая мечты о возможности возстановить старый замокъ во всей его крѣпости и блескѣ, сказывается въ литературѣ эмигрантовъ и всего сильнѣе въ писателѣ того времени, который былъ первымъ баловнемъ своего круга послѣ Шатобріана—въ Бенжаменѣ Констанѣ.

Констанъ былъ представителемъ извѣрившагося поколѣнія, перекидывавшагося съ каждымъ порывомъ вѣтра изъ стороны въ сторону. Худосочіе вѣка развило въ немъ болѣзнь, называемую метко собачьей старостью—и нравственная фізіономія его носитъ слѣды этой болѣзни. Его дѣтскія нысма къ бабушкѣ и признанія его молодости показываютъ, что онъ и въ свѣжую пору дѣтства, и въ кипучую пору юношества былъ старикомъ. Въ дѣтствѣ его волновалъ только видъ золота, перекачивавшагося по игорному столу; въ молодости онъ говорилъ: я забавляюсь всѣми затрудненіями, въ какихъ нахожусь, какъ будто то были затрудненія другого. Онъ всегда былъ подъ вліяніемъ женщины, такъ мало въ немъ было своей жизни. Сталъ заставила его писать во время революціи сочиненія въ пользу роялизма. Г-жа Рекамье заставила его написать ѣдкую филиппику противъ возвращенія Наполеона, послѣ которой его переходъ на сторону императора имѣлъ видъ измѣны, хотя не былъ измѣной, потому что въ глубинѣ души его было полное равнодушіе и къ Бурбонамъ, и къ Наполеону. Первая связь его съ извѣстной писательницей того времени, г-жею Шаррьеръ, которая была двадцатью пятью годами старше его, была однимъ изъ поводовъ, побудившихъ его написать большое сочиненіе о религіи, которымъ онъ мечталъ возстановить католицизмъ и которое было предвѣстникомъ «Генія христіанства» и «Мучениковъ» Шатобріана. Онъ началъ этотъ трудъ двадцати лѣтъ отъ роду и набрасывалъ первыя страницы на оборотной сторонѣ игорныхъ картъ, которыя онъ передавалъ г-жѣ Шаррьеръ. Трудъ былъ оконченъ черезъ тридцать лѣтъ, въ свободныя минуты отъ парламентскихъ засѣданій и засѣданій въ игорныхъ домахъ. Не такъ работали первые апостолы католицизма. У новыхъ вѣры, двигающей горы, быть не могло, а было только безсильное порыванье, да холодные доводы разума о необходимости точки опоры среди вихря, крутившаго всѣхъ и все. И люди того времени отдавались крутившему вихрю; они съ откровеннымъ цинизмомъ смѣялись надъ своими перекидываньями изъ стороны въ сторону. Когда Констану сказали, что Людовикъ XVIII былъ убѣжденъ его просьбою о прощеніи, въ которой было краснорѣчивое оправданіе его перехода на сторону Наполеона, во время ста дней, и увѣренія въ его вѣрности Бурбонамъ, то Констанъ, при многочисленномъ обществѣ, отвѣчалъ, ни мало не смутясь! «Еще бы; эта просьба убѣдила бы и меня самого».

Человѣкъ, чуждый страсти, убѣжденія, холодноу крѣмъ вѣсого-раге могло волновать только золото, человѣкъ, въ двадцать лѣтъ говорившій: «когда я былъ молодъ и мнѣ было шестнадцать лѣтъ», человѣкъ, видѣвшій въ политикѣ одно средство удовольстворенія самолюбія, которому любовь была нужна только для того, чтобы быть кумиромъ своихъ обожательницъ и въ страданіяхъ ихъ видѣть потѣху отъ скуки и омнѣямъ своему величію— такой человѣкъ могъ создать только ничтожнаго безхарактернаго героя, заѣденнаго чудовищнымъ тщеславіемъ, съ горчачнымъ воображеніемъ, которымъ онъ обманиваетъ и себя, и легковѣрныхъ женщинъ, принимающихъ за чистую монету его похвалу своими стремленіями и мечтами. Таковъ Адольфъ Бенжамена Констанъ, воздвѣвшее видоизмѣненіе тина Рене. Онъ былъ доказательствомъ того, что реакція сдѣлала еще шагъ назадъ и люди стали мельчать. Оберманъ Сенанкура, хотя и былъ протестомъ противъ суроваго духа революціонеровъ, воскресившихъ древнихъ римлянъ, былъ глубоко проникнутъ и стончивомъ, и міросозерцаніемъ древнихъ римлянъ, несмотря на всю заѣдавшую его рефлексію XIX вѣка. Онъ презираетъ потѣхи самолюбія и тщеславія. Онъ не перекидывается изъ стороны въ сторону и не зажигаетъ себя алтарей изъ женскихъ сердецъ, чтобы потѣшать скуку жизни. Этотъ человѣкъ, «энергичный безъ воли», все-таки—сила въ сравненіи съ Адольфомъ.

Адольфъ, въ художественномъ отношеніи—произведеніе такъ же мало удовлетворительное, какъ и Оберманъ; но оно имѣло чудовищный успѣхъ. Съ одной стороны потому, что это была любовная исторія, и женщины, не заглядывавшія въ Обермана, зачитывались Адольфомъ и пѣли хвалебные гимны автору; съ другой стороны, потому, что вопросъ любви—вопросъ, глубоко захватывающій жизнь человѣчества, и обходить его могутъ только отшельники, какъ Оберманъ. Съ любовью связаны отношенія мужчины и женщины, отца и матери къ дѣтямъ. И законодатели, и проповѣдники, и мыслители, и поэты рѣшали этотъ вопросъ каждый по своему. Революція сказала свое слово, она разводомъ освобождала любовь; она признавала бракъ гражданскимъ договоромъ, имѣвшимъ цѣлью счастье супруговъ, дѣломъ човѣческимъ, уничтожаемымъ, какъ скоро оно не достигло своей цѣли. Литература эмигрантовъ должна была разрушать дѣло революціи и возстановлять потрясенныя преданія. Чтобы достигнуть этой цѣли, ей слѣдовало представить любовь внѣ брака, какъ бѣсовское навожденіе, какъ то представляли писатели первыхъ вѣковъ католицизма. Но литература эмигрантовъ наслѣдовала и преданія Руссо, Гёте и Шиллера. Сверхъ того, эмигранты, по своему положенію, не могли видѣть бѣсовскаго навожденія въ любви. Политическая жизнь была закрыта для нихъ, и въ любви они находили борьбу, дѣятельность, торжество тщеславія, волненія страсти, исходъ силамъ, замѣну всего, что было у нихъ отнято. Жизнь внесла въ любовь много новыхъ эле-

ментовъ, которыхъ не было, когда ее считали бѣсовскимъ на-
рожденіемъ. и они вызвали новый типъ героини — тридцатилѣт-
нюю женщину. Бальзакъ только воспользовался мыслью Бенжа-
мена Констана, говорить Брандесъ.

Старинные романы, отъѣнно длинные и нравоучительные, бы-
ли романами любви до брака. Героиней была молодая дѣвушка,
незавшая жизни. Канвой романа служили препятствія, борьба
съ ними оканчивалась торжествомъ любви и счастливымъ бра-
комъ, и романистъ заключалъ имъ свое произведеніе. Рядъ игри-
выхъ повѣстей, описывавшихъ любовныя похождения аристокра-
тін, заводившей *petites maisons*, смѣняли поучительные романы,
но повѣсти эти стоятъ вѣкъ искусства. Серьезное искусство могло
видѣть въ нравахъ аристократіи только пищу для сатиры. Со
времени Руссо пошли романы другого рода; революція, допу-
стивъ разводъ, указала на возможность романовъ послѣ брака.
Для скучающаго, празднаго, засохшаго въ безплодныхъ стремле-
ніяхъ поколѣнія, свѣжесть наивнаго чувства и пробужденіе мо-
лодыхъ силъ было слышомъ прѣсной пищи. Побѣда надъ на-
ивной молодой дѣвушкой не могла льстить тщеславію; за нее
шла или прозаическая развязка мѣщанскаго брака, или траге-
дія, какъ въ Маргаритѣ Гёте. Роль героя была позорной ролью
обольстителя, и угрызенія совѣсти за нее не оупались интере-
сомъ интриги. Маргарита отдается безъ борьбы такъ доврчиво
и покорно. Тридцатилѣтняя героиня — не то; она опытна, она
жила; побѣда надъ нею труднѣе. И герои эмигрантовъ торже-
ствуютъ. Чтѣ стали бы они дѣлать безъ этого торжества? Имъ
не было другого выбора: или уходить въ пустыню, или жить
волненіями романа. У Руссо, хотя онъ — революціонный писатель,
деишь торжествуетъ надъ страстью; но за то его новая Элоиза
шлоко напоминаетъ свой прототипъ: она — резонерка и изъясняетъ
ся длинными реторическими тирадами. У писателя-эмигранта
страсть торжествуетъ надъ всѣми законами общества и казнитъ
ся за свое торжество.

Элеонора любила; она все принесла въ жертву своей любви,
послѣдовала за милымъ, бросивъ семью и отечество. Свѣтъ пре-
слѣдовалъ ее своимъ презрѣніемъ; она все гордо выносила и
была счастлива любовью. Если я преступница, то я искунула
свое преступленіе вѣрностью, говоритъ она. Но любимый чело-
вѣкъ разлюбилъ ее. Его связываетъ съ нею честь и благодар-
ность. Любовь, ея единственная опора, исчезла. Элеонора, изму-
ченная, разбитая, встрѣчается съ Адольфомъ. Въ немъ — неопыт-
ность и жажда жизни вмѣстѣ съ тщеславіемъ; въ ней — ода
жажда счастья, страсти, отравленная отчаяніемъ. Результатъ
новатень. Послѣ упоенія перваго года любви, Адольфъ начи-
наетъ охладѣвать. Элеонора привязывается къ нему все страст-
нѣе и страстнѣе. Она требуетъ его постоянного присутствія;
она требуетъ, чтобы вся жизнь его была въ ней одной. Адольфъ
порвалъ для нея съ родными; карьера закрыта для него. Куда

бы онъ ни пошелъ—ведѣ между нимъ и цѣлью стоять Элеонора. Жизнь его проходитъ безъ смысла. Любовь не даетъ счастья болѣе, но и разрывъ мучителенъ. Адольфа убѣждаютъ, что долгъ его къ отцу, къ обществу, къ несчастной женщинѣ, жизнь которой онъ губить—порвать съ нею. Она, въ отчаяніи, старается возбудить его ревность. Адольфъ не рѣшается порвать: но услужливые друзья показываютъ Элеонорѣ письмо, въ которомъ Адольфъ говоритъ о своемъ намѣреніи разорвать нею, и она умираетъ въ горячкѣ, оставаясь до послѣдней минуты вѣрна своей любви.

Констанъ такъ поучаетъ общество своимъ романомъ: «Страсть не можетъ бороться противъ общественнаго порядка. Общество сильнѣе ея. Оно дѣлаетъ несчастною и горькою любовь, которую оно не оправдываетъ. Горе женщинѣ, если она ищетъ свою опору въ чувствѣ, отравить которое всѣ сговорились, и идетъ противъ общества, не хотащаго признать законнымъ чувство и вооружающагоося всѣмъ, что есть худшаго въ человѣческомъ сердцѣ, чтобы растоптать все прекрасное». Этими словами Брандесъ объясняетъ мораль Констана. Ту же мораль прочиталъ обществу и Л. Н. Толстой своей Анной Карениной. Несмотря на нѣкоторую разность условий, и въ Аннѣ Карениной, и въ Элеонорѣ есть общія черты. Любовь для нихъ—все въ жизни. Толстой, какъ реалистъ, напираетъ болѣе, нежели Констанъ, на черты, доказывающія, что такія женщины близки къ перерожденію въ гетеръ. Анна Каренина кокетничаетъ, Элеонора дразнитъ ревностью Адольфа. Обѣ гибнутъ отъ того, что пошли противъ общества. Но поставимъ дѣло иначе: будь любовь обѣихъ героинь законна, оформлена общественной санкціей, или признай общество право страсти—и не было бы романа. Тревожныя, страстныя натуры героинь не нашли бы себѣ пищи въ любви безъ препятствій, безъ волненій, безъ жертвъ. Трагедій не было бы, но, послѣ первыхъ мѣсяцевъ счастья, наступила бы скука, убійственна, мертвящая. Героини привязывались все болѣе и болѣе приносимыми жертвами; у нихъ было гордое упоеніе борьбою противъ общества, любовь, именно вслѣдствіе выносимыхъ оскорбленій и мукъ, была полна интереса. Отнимите этотъ интересъ и вы отнимете все, что было наиболее живаго въ ихъ чувствѣ, и онѣ превратятся въ нѣсколько болѣе изящные экземпляры Грибоѣдовской Натальи Дмитріевны. Онѣ романичностью свою обязаны обществу, которое не признаетъ чувства, не освященнаго закономъ. Этому же обществу онѣ обязаны и лишними минутами своего бурнаго отравленнаго счастья. Такимъ героямъ, какъ Адольфъ и Вронскій, нужны волненія, щебетаніе тщеславія, чтобы наполнить безсодержательную жизнь. Не дѣлай общество своимъ гонимымъ героинь такъ романичными и интересными, они не обратили бы на нихъ вниманія.

Мораль романа слѣдовало бы формулировать такъ: горе женщинѣ, которая опору жизни ищетъ въ одномъ чувствѣ, все равно

награждает ли ее за то общество монтюновской премией, или закидывает камнями. Прошло то время, когда идеаломъ женщины были безотвѣтныя, преданныя Клерхенъ и Гретхенъ, которыя благоговѣли передъ своими кумирами и не думали роптать на то, что любовь ихъ была для кумировъ только однимъ эпизодомъ жизни, тогда какъ для нихъ самихъ она была все. Въ Элеонорѣ женщина сознала это неравенство и возмущалась. Но она сдѣлала чисто женскій выводъ; она сказала: если я отдаю все, то и я требую всего. Элеонора неспособна быть колѣнопреклоненной рабой, смиренно признающей, что у владыки ея есть жизнь, въ которую она не смѣетъ проникнуть. Но Элеонора еще не досрела до сознанія своего права дѣлать эту жизнь, и она, съ слѣпой тираннiей страсти, требуетъ, чтобы избранникъ ея не зналъ другой жизни, кромѣ постоянного «влюбленнаго присутствiя» при ея особѣ. Пожалуй, можно найти мужчинъ, неспособныхъ къ другой роли въ жизни; но дѣло въ томъ, что Элеоноры не полюбятъ ихъ никогда, и потому онѣ обречены на вѣчное страданiе.

Байронъ отозвался объ Адольфѣ, что это— печальная книга, въ которой много мрачныхъ истинъ. Мрачныя истины Бенжамена Константа противорѣчатъ мрачнымъ истинамъ Байрона. Последнiй доказывалъ, что счастье въ бракѣ невозможно, первый— что оно невозможно внѣ брака. Г-жа Сталь сказала, что не всѣ мужчины походятъ на Адольфа, но только тщеславные мужчины, и приговоръ вѣренъ съ одной стороны. Счастье было невозможно ни въ бракѣ, ни внѣ брака, когда любовь—потѣха отъ пражной скуки, а не жизнь вдвоемъ во имя всего святаго, что есть въ человѣчествѣ, не товарищество въ великой общей работѣ вѣка. Адольфъ, освобожденный смертью Элеоноры, не знаетъ, что дѣлать съ своей свободой, и тоскуетъ по старымъ цѣпямъ. Авторъ на этомъ заключилъ свой романъ; но можно, не рискуя ошибиться, сказать, что Адольфъ не замедлилъ отыскать себѣ новый романъ, когда горе поулеглось. Но, чтобы приговоръ г-жи Сталь былъ вполне вѣренъ, ей слѣдовало бы сказать, что женщины не должны походить и на Элеонору. Дать типъ женщинъ, которыя могутъ взять счастье любви, было удѣломъ другой гениальной писательницы.

IV.

Общественная борьба, начатая революцiей, глухо продолжалась и въ эпоху реакцiи, какъ частная борьба личности противъ общества. Революцiя обѣщала счастье, и личность жадно искала его. Въ чемъ же счастье нынѣшняго общества? спрашивали всѣ писатели и всего упорнѣе г-жа Сталь. Она рѣшаетъ этотъ вопросъ не приговоромъ аскетической морали. Въ своемъ извѣст-

номъ сочиненіи о страстяхъ, она подчиняетъ ихъ не идеѣ долга, но счастья, и указываетъ, въ какой степени онѣ вліяютъ на него. Идеаль счастья для нея—счастье любви. Это—идеаль романовъ ея «Дельфина» и «Коринна». Она горкимъ опытомъ узнала невозможность найти это счастье и въ бракѣ, и внѣ брака, при тѣхъ общественныхъ условіяхъ, среди которыхъ жила. Романы ея описываютъ несомвѣстность домашняго счастья съ гениемъ и страстью; они—жалоба истерзаннаго сердца. Г-жа Сталь, несмотря на весь ея умъ и характеръ, прежде всего и болѣе всего—женщина. Гений, по мнѣнію ея, для женщины—только якорь, чтобы спастись отъ бурь сердца. Она говоритъ: «въ то время, какъ я искала славы, я постоянно надѣялась, что это заставитъ полюбить меня». Въ другомъ мѣстѣ она говоритъ: «Не дадимъ нашимъ несправедливымъ врагамъ и неблагодарнымъ друзьямъ торжества сломить наши силы. Они заставили того, кто такъ охотно удовольствовался бы жизнію чувства, искать славы». Она промѣняла бы и славу свою, и наслажденіе творчества, и свою упорную, беспощадную борьбу противъ Наполеона—на вѣрность Бенжамена Констана, этого политическаго хамелеона и сухого эгоиста, котораго прозвала l'Inconstant. При такомъ упорствѣ и такой слѣпотѣ страсти, въ невозможности счастья не всегда виновато общество.

Она указываетъ на славу и гений, какъ на исходъ, на худшій выборъ, на которомъ примиряются люди, обойденные счастьемъ. Но развѣ слава и гений доступны всѣмъ? Какъ послѣдовательница идей равенства, она утверждала, что между гениемъ и простымъ смертнымъ нѣтъ разницы. Нѣтъ разницы въ отношеніи правъ, но не въ отношеніи силъ; въ отношеніи средствъ наполнить жизнь—громкая разница. Г-жа Сталь ставила вопросъ о счастьѣ крайне узко и въ другомъ отношеніи. Какъ ни возмущалась она неравенствомъ общественнымъ, но она, какъ истая дочь буржуазіи, признавала равенство только до третьяго сословія. Она съ восторгомъ встрѣтила 1789 г., т. е. революцію tiers état. Когда началась революція, она не поняла ея смысла и бѣжала отъ террора. Ни генія, ни сердца ея не хватало познать великую задачу, поставленную XVIII вѣкомъ. Она осталась на 1789 г.—ея цѣль была достигнута. Ни Наполеонъ, ни Бурбоны не могли отнять всего, что было дано Франціи 1789 г. Политическимъ и общественнымъ идеаламъ ея недоставало той шири, въ которой привольно гению, того величія, которое неотразимо влечетъ и простого честнаго человѣка. Вотъ почему все, что писала Сталь, носитъ печать сильнаго таланта, обреченнаго вращаться въ тѣсномъ кругу. Порыву ея недостаетъ полной мощи свободы. Заранѣе чувствуется, что есть стѣна, у которой онъ остановится.

Въ Коппе она жила законодательницей литературы, поэзіи и искусства. Всѣ знаменитости Европы сѣзжались на поклоненіе къ ней. Наполеонъ, несмотря на громко высказываемое презрѣ-

нѣ въ идеологу въ шпѣ, чутко прислушивался и присматривался къ тому, что говорилось и дѣлалось въ салонѣ «идеолога въ шпѣ». Онъ преслѣдовалъ ее съ безпощадной ненавистью. Слава, борьба съ императоромъ, передъ которымъ дрожали короли, поклоненіе первыхъ европейскихъ знаменитостей—все это могло бы быть опьяняющимъ счастьемъ для другой женщины. Г-жа Сталь была постоянно и глубоко несчастлива. Счастье дается только сознаниемъ, что мы живемъ не безцѣльно; что жизнь наша—исполняются ли наши завѣтные желанія, или нѣтъ—настоящая жизнь, т. е. такая, которая ведетъ къ завѣтной цѣли. Завѣтныхъ цѣлей, въ смыслѣ стройной законченной системы, требовавшей извѣстнаго образа дѣйствія, не могло быть у эмигрантовъ. Они шли и противъ идей XVIII вѣка, задавленныхъ реакціей; они шли и противъ реакціи въ ея самыхъ грубыхъ и невѣжественныхъ проявленіяхъ. Они хотѣли и равенства, и свободы, но именно потому, что понимали и то, и другое съ возвышеніемъ *tiers état*; они связывали и свободу, и равенство съ тѣмъ или другимъ именемъ. Виѣсто проповѣди великихъ идей шли интриги противъ Наполеона въ пользу Бурбоновъ. Драма исторіи сводилась на политическую комедію съ переодѣваньемъ. У каждаго таланта, великъ онъ или малъ, есть чутье настоящей жизни. Г-жа Сталь не могла не понимать нищеты и лжи жизни эмигрантовъ, въ которой она царилла. Опора, которую она искала отъ бурь сердца, не была прочной опорой. Вся жизнь ея—глубокая тоска. Она говоритъ, что изъ всѣхъ даровъ судьбы она всего больше приняла даръ страданія. Но тоска ея не переходитъ въ озлобленную мизантропію. «Это—печаль о страданіяхъ и неравенствѣ положенія людей, которой нѣжность матери и сердечность придаютъ особый оттѣнокъ», говоритъ Брандесъ.

Произведенія г-жи Сталь, надѣлавшія всего болѣе шума, забыты теперь романы: «Дельфина» и «Коринна». Дельфина появилась въ годъ конкордата, когда духовенство провозгласило неразрывность брака; романъ этотъ, краснорѣчивая защита разводовъ, уничтожаемыхъ во Франціи, былъ признанъ «безстыднымъ нападеніемъ на бракъ». Дельфина не была нападеніемъ на бракъ вообще, но только на неразрывность несчастныхъ браковъ, въ которыхъ прихоть родителей или минутное увлеченіе юности безъисходно заковывали въ домашній адъ два существа; но ни фанатизмъ католиковъ, ни безпощадное пуританство протестантовъ не могло простить этотъ романъ женщинѣ. Какъ ни старалась г-жа Сталь прикрыть перчатку, брошенную ею обществу девизомъ—женщина должна преклоняться предъ общественнымъ мнѣніемъ, мужчина можетъ бороться съ нимъ», и самой фавориткой романа, заставивъ героиню, по смерти мужа, поступить въ монастырь, чтобы отнять у любимаго человѣка предлогъ развестись съ женой—но перчатка была отерта. Чутье враговъ вѣрное. Ненужныя страданія чистой симпатичной личности сильнѣе всякихъ краснорѣчивыхъ тирадъ возбуждали человѣчное чувство и

противъ реакціоннаго закона, и противъ предрасудковъ общества. Въ Дельфинѣ есть нѣсколько несчастныхъ паръ, для которыхъ разводъ—свобода и счастье. Генрихъ фон-Лебенсей, идеализированный портретъ Констанана, ждетъ развода любимой женщины съ мужемъ, съ «которымъ она не могла жить, не отрекшись отъ всего прекраснаго и благороднаго» — то былъ мужъ г жи Сталь. Дельфина и Леонсъ—жертвы интриги, которая разлучила ихъ и заставила заключить несчастные браки. Леонсъ—дождинный человѣкъ, который не можетъ справиться съ противорѣчіями жизни. Дельфина—самоотверженная страдалница, покорно склоняющая голову. Генрихъ Лебенсей напрасно старается поднять обонхъ на борьбу съ обществомъ. Онъ говоритъ имъ, что счастье возможно, близко, что имъ нужно только захотѣть, чтобы взять его. Въ письмахъ Генриха—настоящій смыслъ романа. Вымученная, страстная логика ихъ говорила какъ нельзя яснѣе, что девизъ «женщина должна поворяться общественному мнѣнію» былъ не что иное, какъ подпись «вашъ покорнѣйшій слуга» въ письмѣ или горькой ироніей. Генрихъ доказывалъ, что нельзя основывать цѣлую жизнь на минутномъ опьяненіи, на жи, на да, которое вырвано страхомъ. «Гордый мужчина долженъ повиноваться только универсальной морали. Законы Франціи освобождаютъ Дельфину отъ ея отца. Живите съ нею тамъ. Что значать обязанность, которая порождена случайными обстоятельствами, зависать отъ воли патеровъ или прихоти законодателя и подчиняютъ совѣсть человѣка приговору другихъ людей, давно согбенныхъ подъ игомъ общественныхъ предрасудковъ»? Романъ, поставившій для женщины девизъ покорности, доказалъ все возмутительное безчеловѣчіе общества, обрекавшаго ее на безропотное, безысходное страданіе. Обскуранты не могли обмануться на счетъ вліянія его на общество и извѣстный критикъ лагеря ихъ писалъ: «Нѣтъ ничего опаснѣе и безнравственнѣе правилъ, развиваемыхъ въ этомъ произведеніи. Забывая идеи, въ которыхъ она была воспитана, и протестантскую религію своей семьи, дочь Неккера презираетъ откровеніе и въ этой крайне дурной книгѣ, написанной съ большимъ умомъ и талантомъ, даетъ длинную защиту развода. Дельфина говоритъ о любви—какъ вакханка, о Богѣ—какъ квакеръ, о смерти—какъ гренадеръ, а о морали—какъ софистъ».

Дельфина тѣмъ менѣе могла обмануть враговъ на счетъ своего смысла, что героиня вовсе не походила на автора. Г-жа Сталь вела неутомимую борьбу съ обществомъ въ той аренѣ, какую отиѣрили ей идеи отца ея, котораго она обоготворяла. «Что значать выраженіе: борьба съ обществомъ, спрашиваетъ Брандесъ:—безплодность которой описывали эмигранты? Общество—собраніе личностей. Если оно—совокупность разума личностей, то почему мы находимъ въ немъ менѣе разума, чѣмъ въ иныхъ личностяхъ. Изъ массы разнородныхъ личностей, изъ массы противорѣчащихъ взглядовъ, чувствъ, идей вырабатывается нѣчто

опредѣленное. общее, въ родѣ тѣхъ гуртовыхъ платьевъ, которыя шьются на всѣхъ. Но портные, поставляющіе эти платья, имѣютъ три мѣрки: маленькій, большой и средній ростъ. У общества одна—на всѣхъ. Бываютъ эпохи, когда преобладаніе элементовъ прогресса или регресса въ массѣ мѣняетъ общую мѣру. Но всегда есть въ обществѣ извѣстный процентъ, болѣе значительный для личностей, которыя ниже этой мѣры, менѣе значительный для тѣхъ, которыя выше ея». «Геніальная личность, говоритъ Брандесъ:—находится въ положеніи перваго ученика въ плохомъ классѣ. Бѣднякъ долженъ постоянно прослушивать старій урокъ и принимать участіе въ вѣчномъ повтореніи. Это необходимо ради плохихъ учениковъ, которые еще не выучили урокъ и которые не могутъ обойтись безъ урока».

Но что за пытка это повтореніе, когда знаешь, что придетъ время, когда плохіе ученики будутъ повторять другіе уроки. Какая мука сознавать, что время другихъ уроковъ далеко, что плохіе ученики еле справляются и съ старыми, до отвращенія прискучившими уроками. Личность сознаетъ свое безсиліе переучить плохихъ учениковъ. Она можетъ устроить хотя свою частную жизнь по требованіямъ своей природы, и здѣсь общество владеть своей заперть. Личность видитъ, что всѣхъ плохихъ учениковъ вмѣстѣ «презирать трудно». «Личность, родясь, находитъ готовую мораль, говоритъ Брандесъ, и эта мораль опирается на общественное мнѣніе. Но такъ какъ часть человѣчества состоитъ изъ дикихъ животныхъ, другая часть изъ настоящихъ обезьянъ, а большинство, дающее перевѣсъ, изъ дураковъ и невѣждъ, то легко видѣть, въ какомъ отношеніи къ истинѣ должна стоять и общественная мораль, и общественное мнѣніе». И мораль, и общественное мнѣніе должны быть уздой для дикихъ животныхъ и обезьянъ и указкой для дураковъ и невѣждъ; но и дикія животныя, и обезьяны, и дураки, и невѣжды напши себѣ тысячи лазеекъ. Они живутъ, не стѣсняя ни въ чемъ свои инстинкты—ни моралью, ни мнѣніемъ общества и только для вида громко признаютъ святиню того и другого. Но общественная мораль и мнѣніе не заглядываютъ такъ глубоко. Ни тому, ни другому дѣла нѣтъ до правды; лишь бы признавали ихъ законы на словахъ. Личность, которая ищетъ истины, возмутится ложью. Она не захочетъ воровски брать то, что есть законное право ея. Она скажетъ обществу: твой приговоръ несправедливъ, и я не подчиняюсь ему. И общество заклеймитъ равнымъ отверженіемъ эту личность, какъ и тѣхъ дикихъ животныхъ, обезьянъ, дураковъ и невѣждъ поглупѣе, которые, предаваясь всѣмъ грубымъ инстинктамъ своимъ, не сумѣли скоронить концовъ и нарушили законы его. Но къ этому отверженію оно присоединяетъ безпощадно ненависть, съ какою оно всегда встрѣчало всякое превосходство.

Французское общество казнило Сталь изгнаніемъ за то, что она, въ эпоху конкордата и владычества Наполеона, смѣла писать: «Эта революція, къ сожалѣнію, запятнанная многими зло-

дѣлнями, будетъ оцѣнена потомствомъ за свободу, которую она даровала Франціи. Даже если за нею послѣдуютъ разныя формы рабства, то владычество этихъ формъ будетъ новоррѣшннмъ періодомъ въ всемірной исторіи; но когда вхъ смѣнить свободу, то счастье, честь, добродѣтель—все, что есть благороднаго въ челоѣчествѣ, такъ тѣсно связано съ свободой, что грядущія столѣтія будутъ безъ малѣйшей строгости судить всѣ событія, которыя вели къ новому вѣку свободы». Говорятъ вообще, что Наполеонъ преслѣдовалъ г-жу Сталь; но преслѣдованіе это было скрѣплено санкціей общества; безъ этой санкціи, Наполеонъ былъ бы безсиленъ. Изгнаніе было пыткой для нея, при страстной любви ея къ Парижу. Она еще въ Парижѣ узнала горечь изгнанія и всю низкую трусость прихвостней успѣха. Когда кто-то изъ ея партіи сдѣлалъ сильную выходку противъ правительства, то никто почти изъ званныхъ къ ней на обѣдъ въ этотъ день не явился, а посыпались записки съ извиненіями за недосугомъ и болѣзнью. «Ахъ, какъ тошна мнѣ вся эта трусость, прикрывающаяся грудною болѣзнью», говорила она. Старые друзья сторонились отъ нея. Въ изгнаніи она была забыта всѣми, кромѣ такихъ же эмигрантовъ, какъ она; большая часть и друзей, и гостей ея были иностранцы. Талейранъ, который былъ ей многимъ обязанъ, не хотѣлъ просить Наполеона о возвращеніи ея въ то время, когда одно слово его могло прекратить ея изгнаніе и когда она умирала отъ тоски по Парижу.

Сочиненія ея преслѣдовались съ неумолнимою строгостью наполеоновской цензуры. Первый декретъ, ограничивавшій свободу прессы и требовавшій, чтобы каждое новое сочиненіе проходило черезъ предварительную цензуру, стѣснилъ во многомъ планъ книги г-жи Сталь о Германіи. Второй декретъ былъ изданъ собственно ради этой книги. Онъ дополнялъ первый: если цензоры пропускали книгу, то министръ полиціи могъ уничтожить ее, по своему благоусмотрѣнію. Законъ этотъ уничтожаетъ всякій законъ, говоритъ Брандесъ. Когда книга о Германіи печаталась г-жа Сталь получила позволеніе пріѣхать для изданія ея во Францію съ тѣмъ, чтобы не приближаться къ Парижу на разстояніи сорока миль. Она жила то въ той, то въ другой мѣстности около Парижа, а цензоры вычеркивали и перекраивали ея книгу. Наконецъ, десять тысячъ экземпляровъ были отпечатаны; но едва только книга поступила къ книгопродавцамъ, какъ министръ полиціи послалъ своихъ жандармовъ. У всѣхъ выходовъ магазина были поставлены часовые; всѣ десять тысячъ экземпляровъ были схвачены, ирѣзаны и обращены въ тѣсто. Книгопродавецъ получилъ двадцать лундоровъ вознагражденія. Г-жа Сталь получила приказаніе выдать рукопись сочиненія и выѣхать изъ Франціи въ двадцать четыре часа. Министръ полиціи писалъ: «Вы не должны искать причину повелѣнія, которое я вамъ сообщаю, въ томъ молчаніи, какое вы сохранили относительно императора въ вашемъ послѣднемъ произведеніи: въ этомъ произ-

еще не могло быть ни одного мѣста, достойнаго его. Ваше изгнаніе—естественное послѣдствіе того направленія, какое вы приняли въ послѣдніе годы. Я полагаю, что вамъ не нравятся воздухъ нашего отечества; а мы, благодаря Бога, еще не доведены до того, чтобы искать примѣры въ тѣхъ народахъ, которымъ вы повланметесь. Ваше послѣднее произведеніе не французское».

И между тѣмъ, г-жа Сталь могла однимъ словомъ прекратить изгнаніе свое. Та же полицейская власть давала ей черезъ третьи руки знать, что ей стоитъ написать одно слово о римскомъ королѣ, и она вернется въ Парижъ. Она отвѣчала: «желаю ему хорошую кормилицу». Изгнаніе ея было заразительной болѣзью, которую она передавала друзьямъ своимъ. Ненависть Наполеона была безпощадна; но она не сломила г-жи Сталь. Коппе было мѣстомъ, гдѣ пріютилась возмущенная совѣсть Франціи. Брандесъ сравниваетъ Коппе съ Фернеемъ, признавая и всю разницу и времени, и значенія личности фернейскаго философа и литературной законодательницы Коппе. Вольтеръ былъ апостоломъ свободы, справедливости и терпимости. Онъ неутомимо занимался въ Фернеѣ уничтоженіемъ крѣпостнаго права во Франціи, спасалъ отъ инквизиціи много жертвъ, и вліяніе его фернейской жизни на Европу было неизмѣримо. Въ Фернеѣ жила совѣсть человѣчества, и все, что было живаго въ Европѣ, смотрѣло на Ферней и ждало, что скажетъ Вольтеръ. Коппе не отвѣчено ни какимъ дѣломъ, въ родѣ спасенія чести Каласа и г-жи Монтэбили отъ смерти на инквизиціонномъ кострѣ; Коппе памятно въ лѣтописяхъ борьбы человѣчества за свободу только энергіею, съ какою гениальная женщина отстаивала свою независимость. Вольтеръ былъ свободенъ. Преслѣдуемая полицейскими и шпіонами, г-жа Сталь, по возвращеніи въ Женеву, получила отъ женевского префекта приказъ—не смѣть удалаться отъ Женевы далѣе четырехъ льѣ въ окружности. Ее такъ хорошо стерегли, что когда она какъ-то разъ забыла приказъ, то жандармы нагнали и вернули ее.

Слѣдуетъ замѣтить, что г-жа Сталь извѣстною долею своей знаменитости обязана тому, что она была женщиной. И теперь еще не наступило время совершенно равной оцѣнки работы мужчинъ и женщинъ. Съ одной стороны, женщина возбуждаетъ всегда несравненно болѣе озлобленія и вражды, когда она бросаетъ перчатку общественнымъ предрасудкамъ. Съ другой—общество еще такъ мало привыкло видѣть женскую работу въ области мысли, считающейся владѣніемъ мужчины, что все, выходящее изъ подъ пера женщины, обращаетъ несравненно болѣе вниманія. Все, что получается отъ тѣхъ, отъ кого мы имѣемъ всѣ данныя ожидать меньшаго, всегда болѣе цѣнится. Но это было одною изъ побочныхъ причинъ. Главною причиною была и гениальность, и характеръ этой женщины. Она стояла во главѣ реакціонной литературы эмигрантовъ, какъ передовая лич-

ность. Известенъ фактъ, что во всѣ эпохи упадка, мысль и энергія, прогрессивныя начала общества воплощаются въ женщинахъ. Брандесъ замѣтилъ это по поводу женщинъ, игравшихъ роль въ нѣмецкомъ романтизмѣ. Женщины болѣе консервативны. Когда спираль историческаго хода даетъ оборотъ назадъ, то женщины остаются въ заднихъ рядахъ поворотившаго строя и долѣе сохраняютъ слѣды прежняго вѣянія.

V.

Г-жа Сталь, вставая, съ одной стороны, противъ духа XVIII вѣка, съ другой, продолжала его дѣло. Французская революція въ теоріи сломила стѣны, стоявшія между народами. Она звала всѣ народы на пирь братской любви и послала дипломъ гражданина monsieur Gilles. Солдатчина, смѣнившая и Жиронду, и Гору, забиравшая ключи столицъ чужихъ народовъ и приводившая въ Парижъ плѣнниками королей ихъ, сказала, что нѣтъ народа выше французскаго и что другіе народы должны благодарить передъ нимъ. Каждый народъ склоненъ считать себя первымъ народомъ въ мірѣ, и, если такое обольщеніе невозможно въ настоящемъ, то онъ утѣшается убѣжденіемъ, что первенство его—неотъемлемое право въ будущемъ. И всегда въ тѣ эпохи, когда онъ болѣе всего утрачиваетъ право на первенство, притязанія его въ этомъ отношеніи становятся сильнѣе. Гражданинъ, который осмѣлится сказать своему народу, что не въ немъ одномъ воплотились всѣ достоинства, весь умъ, вся мысль, вся истина челоуѣчества, что другіе народы превосходятъ ихъ во многомъ и у нихъ есть кое-чему поучаться, считается измѣнникомъ. Г-жа Сталь была такой измѣнницей. Она написала о Германіи «не французскую книгу», въ которой доказала, что другіе народы имѣютъ свои понятія о нравственности и красотѣ, и создали свое искусство и поэзію, которыя, какъ ни презираютъ и то и другое французы, несравненно выше французскаго искусства и поэзій; что другіе европейскіе народы совершенно справедливо низко цѣнятъ французское искусство и поэзію. Въ своей книгѣ о Германіи и въ «Кориннѣ», она сказала Франціи, что поэзіи презираемой Германіи затмила французскую; что «коварный Альбіонъ любитъ свободу болѣе здоровою любовью», чѣмъ Франція; и хотя она смотрѣла на это свободолубіе сквозь призму доктринерства Неккера, но, въ отношеніи къ наполеоновской и за тѣмъ бурбонской Франціи, любовь Англии къ свободѣ была здоровою любовью. Г-жа Сталь сказала еще, что умирающая Италія, покоренная французскимъ оружіемъ провинція—страна, гдѣ нравы естественнѣе, гдѣ не насилуютъ природы челоуѣка и гдѣ искусство создало великія произведенія и указываетъ новыя и вели-

нии нѣмъ. Вотъ въ чемъ была измѣна г-жи Сталь, говоритъ Брандесъ.

Эта измѣна была крупной заслугой. Всѣ абсолютныя понятія сводываютъ мысль. Какъ скоро нація убѣждена, что она обладаетъ абсолютной истиной, что въ ней абсолютное совершенство — она обречена на застой. Отъ добра добра не ищутъ. И нація коснѣеть въ опьяненіи самообожанія, пока громовой ударъ не откроетъ ей глаза, и тогда она увидитъ, что абсолютная истина и совершенство ея только относительны. Пониманіе этой относительности, сравненіе даетъ настоящую мѣру вещей. Г-жа Сталь не однимъ французамъ, но и другимъ народамъ, показала, что абсолютное ихъ есть только относительное, говоритъ Брандесъ. Она показала, какъ это абсолютное губить счастье. Въ Кориннѣ счастье героини зависитъ отъ побѣды національныхъ предрассудковъ Освальда. Онъ — англичанинъ, пропитанный пуританскими идеями. Ему нужна жена по английскому рецепту: сдержанная, кроткая, закованная въ приличія женщина, благоговѣющая передъ мужемъ, не дерзающая мечтать о какой-либо жизни за стѣнами домашняго очага, ни помыслить, чтобы могло быть хорошее въ томъ, на что английское общество наложило свое клеймо: shocking. Для Освальда женою не можетъ быть гениальная женщина, жизнь которой проходитъ на глазахъ публики, женщина, которая не хочетъ носить маску свѣтскихъ приличій, говорить, что думаетъ, и живетъ какъ говоритъ. Г-жа Сталь показываетъ, какъ далеко отъ истиннаго идеала счастья английскій идеалъ семейной жизни и любви: чинное прозябаніе, среди китайской обрядности и мертвящей скуки, и произведение многочисленнаго потомства для такого же прозябанія. Но въ английскомъ идеалѣ есть хотя привязанность, вялая, безсиленная вдохновить на великое, но все таки привязанность. Во французскомъ идеалѣ и этого нѣтъ. Тамъ дѣвушка отдается родителями, а въ любви главную роль играетъ борьба кокетства и тщеславія и страхъ передъ приговоромъ свѣта. Графъ д'Эрфѣль въ Кориннѣ — мастерски обрисованный типъ тщеславнаго француза, пропитаннаго высокоуміемъ, вмѣстѣ съ нетерпимостью пуританства и которому *qu'en dira-t on?* замѣняетъ совѣсть въ его отношеніяхъ къ женщинѣ. Легкомысліе и страхъ смѣшного — вотъ элементы французской любви и основаніе и опора семьи. Г-жа Сталь, въ параллель Англии и Франціи, указываетъ на Италію. Тамъ безъ ложнаго стыда слушаютъ голосъ сердца и природы; тамъ нѣтъ ни чопорности англичанъ, ни игры кокетства французовъ. «Какъ? спрашиваетъ Освальдъ въ негодованіи Коринну: — вы покинули землю цѣломудрія и нравственности и выбрали себѣ отечествомъ эту подлую землю?». Коринна доказываетъ ему, что цѣломудріе и нравственность Англии въ одной формѣ. Въ Англии только обѣщаніе, скрѣпленное контрактомъ, считается обязательнымъ. Незапятанный очагъ Англии — стоитъ на фундаментѣ проституціи.

У этого очага нѣтъ мѣста женщинѣ-генію; но Освальдъ не воображаетъ, что виной тому тѣснота очага.

Демонитость, любовь къ семейному очагу—добродѣтели, которыми такъ гордятся сѣверные народы, съ презрѣніемъ смотря на разсыпанную жизнь народовъ юга и не подозревая, что добродѣтели эти—не сверхъестественныя свойства, а просто результаты мѣстной привычки, долгіе вѣка привитой климатомъ. Подъ сѣрымъ туманнымъ небомъ человѣкъ дорожитъ огнемъ очага. Очагъ долженъ быть комфортабельно обставленъ, и умѣнье устраивать этотъ комфортъ превозносится, какъ высшая добродѣтель. И Тэнъ, и Брандесъ справедливо приписываютъ семейныя добродѣтели сѣверныхъ народовъ непривѣтному, холодному климату; но и Брандесъ, и Тэнъ не договариваютъ, что эгоизмъ господина играетъ, вмѣстѣ съ этнографическими условіями, роль въ идеалѣ домашняго очага. Привыкая къ нему женщину, мужчина сохраняетъ свою свободу. Ему открыта вся жизнь. Вездѣ узнаются, какъ высшія добродѣтели, тѣ качества, которыя наиболѣе выгодны сильнымъ. Въ восточныхъ деспотіяхъ принять, какъ высочайшую милость, шелковый шнурокъ отъ падишаха и немедленно затануть имъ себѣ шею—считается добродѣтелью. Освальдъ хочетъ подъ мѣрку своего очага подогнать геній Коринны. Народы юга проводятъ большую часть времени подъ лазурнымъ небомъ. Они цѣнятъ красоту болѣе комфорта; они мало имѣли времени на развитіе домашнихъ добродѣтелей; жизнь ихъ болѣе вишняя. Суровая природа заставляетъ человѣка сосредоточиться, придаетъ его чувству прочность. Порывъ и подвижность отличаютъ чувство южныхъ народовъ. «Какъ скоро взглянуть съ этой точки зрѣнія на великіе идеалы сѣверныхъ націй—домовитость, семейную жизнь, домашній очагъ—то они окажутся слѣдствіемъ необходимости защищаться отъ климата. При яркомъ свѣтѣ солнца, и всѣ эти прекрасные идеалы долга и добродѣтели оказываются не настоящими, но относительными», говоритъ Брандесъ.

Чѣмъ болѣе націи выучиваются понимать относительность своихъ идеаловъ и цѣнить то, что есть хорошаго въ чуждыхъ идеалахъ, тѣмъ полнѣе и многостороннѣе вырабатываются общіе идеалы человѣчества. Въ Кориннѣ смѣшана кровь сѣвера и юга, и она хочетъ въ своемъ идеалѣ счастья соединить все, что есть лучшаго въ идеалахъ сѣвера и юга. Естественности и свободѣ чувства, за которую она такъ любитъ итальянскіе нравы, недостаетъ прочности. Порывистость и подвижность южныхъ расъ часто обращаютъ чувство въ быстро исчезающую прихоть. Коринна хочетъ прочнаго счастья, не законнаго въ мелодки китайской обрядности. Она глубоко тронута, читая на могилѣ древней римской матроны надпись: «На моей жизни не было пятна. Я прожила чистой отъ брачнаго факела до факела, зажгшаго погребальный костеръ». Кориннѣ не нужно ни положепія въ свѣтѣ, ни опоры, ни одной изъ тѣхъ выгодъ, которыхъ женщина

лицей въ бракѣ: ей нужна одна любовь Освальда. Освальдъ увлеченъ ея безкорыстной любовью. Счастье кажется возможнымъ, пока Освальдъ въ Итали; но чуть онъ ступилъ ногой въ Англию, предрасудки берутъ верхъ надъ любовью. Коринна должна превратиться въ чопорную англійскую леди или отречься отъ счастья. Коринны не подвержены превращеніямъ, которыя такъ много въ эпохи реакціи. Она остается вѣрна своему гению, но гений не даетъ ей силы жить, и гибель ея—приговоръ національнымъ предрасудкамъ.

Коринною авторъ бросилъ перчатку не однимъ національнымъ предрасудкамъ, но и предрасудкамъ протестанства, какъ въ Дельфинѣ—предрасудкамъ католицизма. Протестанство суживаетъ пониманіе искусства. Въ Римѣ высказывается рознь между нуританскими взглядами Освальда и гуманными идеями Коринны. Освальдъ мѣряетъ всѣ памятники искусства своимъ нравственнымъ и религіознымъ масштабомъ. Онъ негодуетъ, видя на дверяхъ церкви св. Петра барельефы изъ превращеній Овидія. Коляска для него—только памятникъ звѣрства язычниковъ; за то же язычество онъ презираетъ гений Микель-Анжело. Идея Коринны объ искусствѣ—идея пробуждающагося въ Германіи духа романтизма, который братья Шлегели привили г-жѣ Сталь. Фанатизмъ сектаторства требовалъ отъ искусства морали. «Романтизмъ, какъ различно ни понимали его въ различныхъ странахъ, говоритъ Брандесъ:—постоянно упираетъ на одно: что прекрасное, само по себѣ, цѣль—мысль, вытая изъ кантовской критики разума; это—опредѣленіе красоты, которая теперь понимается, какъ задача искусства, и французы формулируютъ это словами: *l'art pour l'art*». Брандесъ здѣсь недостаточно выясняетъ свою мысль; читатель можетъ изъ этого мѣста заключить, что онъ проповѣдуетъ наше «искусство для искусства». Но онъ понимаетъ широко слово красота; въ этомъ словѣ не одна красота формы, но и красота содержанія. Въ красотѣ жизнь. Онъ сказалъ во вступленіи, что только та литература живуча, которая живетъ великими вопросами. Г-жа Сталь такъ же широко понимала идеи романтиковъ. Коринна говоритъ: «Я чувствую себя поэтессою, когда духъ мой возвышается; въ тѣ минуты, когда онъ болѣе всего презираетъ себялюбіе и ничтожество, словомъ, когда я чувствую, что прекрасный подвигъ былъ бы для меня дѣломъ легкимъ, тогда мои стихи всего удачнѣе. Я—поэтъ, когда я восхищаюсь, когда я презираю, когда я ненавижу не изъ личныхъ побужденій, но во имя всего человѣчества».

VI.

Романтизмъ въ г-жѣ Сталь былъ первымъ фазисомъ реакціи, воспринявшимъ въ себѣ многое изъ началъ XVIII вѣка. Идеи братьевъ

Шлегелей столкнулись съ французскимъ умомъ, воспитаннымъ на анализѣ. Сталь высказала свои идеи объ искусствѣ въ небольшомъ сочиненіи «Essai sur les fictions». Въ поэзіи, говоритъ она: — должна царствовать природа: не нужно ни аллегорій, ни мѣтологій, ни фантастическаго и сверхъестественнаго міра фей. Этими словами она произносила смертный приговоръ и французской псевдоклассической поэзіи, и поэзіи жертвоцвѣвъ и тѣней, которыхъ толпами нагоняла вѣнецкая романтика. Поэзія сѣверныхъ народовъ была и психологической поэзіей. Въ Шекспирѣ всего болѣе поражаетъ знаніе сердца. Но въ Шекспирѣ была природа. Французскій псевдоклассицизмъ облекъ психологическій анализъ искусственной формой, лишенной красокъ дѣйствительности. Подъ героями Расина можно надписать имена какихъ угодно народовъ. Чувства и страсти человѣческія были описаны рукою мастера, хотя ровной волною льющійся александринскій стихъ былъ также близокъ природѣ, какъ мраморныя бассейны Версаля. Изыщество и искусственность формы, психологическій анализъ — основанія французской поэзіи. Искусственная форма не уживалась съ искренностію; идеалъ красоты видѣли уже не въ мраморныхъ версальскихъ бассейнахъ. Искренность чувства было достоинствомъ германской націи; она внесла его въ поэзію, и г-жа Сталь учила такой поэзіи французомъ. Поэзія англичанъ — плодъ мрачной фантазіи, идеаловъ домашней нравственности и мистической любви къ природѣ. Г-жа Сталь въ Кориннѣ импровизаторѣ хотѣла олицетворить, говоритъ Брандесъ, поэтическую поэзію, т. е. поэзію, какъ ее понимаетъ Аріосто; но Коринна носитъ въ себѣ сильныя слѣды сѣверной крови, и ея поэтическая исповѣдь — не поэтическая программа Аріосто. Коринна чувствуетъ себя поэтомъ, когда восхищается, любить, ненавидитъ не изъ личныхъ интересовъ, но во имя человѣчества. Поэзія ея не вполне итальянская. Брандесъ говоритъ, что, только проживъ на югѣ, онъ понялъ, почему Италия не создала Шекспира. «Глубокая психологическая поэзія, какъ и искусственная теплота — потребность жизни тамъ, гдѣ природа непривѣтна. На югѣ поэзія отъ Гомера до Аріоста могла довольствоваться тѣмъ, что была яснымъ зеркаломъ свѣтлой природы. Ей не нужно было спускаться въ пропасти человѣческаго сердца». Это вѣрно относительно прежней итальянской поэзіи до Альфіери. Но и надъ итальянской поэзіей прошелъ духъ XVIII вѣка, и послѣдніе итальянскіе поэты понимаютъ поэзію какъ Коринна, а не какъ Аріосто.

Коринна внесла во Францію новое пониманіе древняго міра. Французскій классицизмъ былъ псевдоклассицизмомъ на половину. Въ драмахъ Корнеля живетъ духъ древнихъ римлянъ. Имена Брутовъ и Гракховъ, которыя принимали французскіе республиканцы, не были шутовской комедіей. Духъ римлянъ воскресалъ вмѣстѣ съ ними. Но французы не понимали грековъ, хотя Париятъ игралъ роль современныхъ Аеній. Галаатій

Ахиллъ Расина, который называетъ Ифигенію madame и говорить о ранахъ, нанесенныхъ его сердцу глазами ея, напоминаетъ напудренныхъ маркизовъ времени Людовика XIV. Германія сначала заняла у Франціи ея пониманіе греческаго міра. Виландъ былъ ученикъ французовъ, и Гёте, въ своей остроумной пародіи «Боги-герои и Виландъ» осмѣялъ «Геркулеса-Грандисона», Геркулеса-школьнаго учителя, читающаго мораль о добродѣтели, какимъ представилъ Виландъ греческаго полубога—олицетвореніе силы. Возрожденіе классицизма было освобожденіемъ отъ аскетизма и мистицизма среднихъ вѣковъ. Духъ критики, мѣстѣ съ классицизмомъ, проникалъ въ мысли и подрывалъ схоластику. Греческій духъ, проникая въ нѣмецкую поэзію конца XVIII и начала XIX вѣка, изгонялъ мистическую поэзію Клопштока и другихъ. Гёте, когда писалъ свою Ифигенію, былъ въ Алзис, мѣстѣ богатомъ самыми прекрасными памятниками древняго католицизма, и не осматрѣлъ ни одного изъ нихъ, но занялся отыскиваніемъ самыхъ незначительныхъ остатковъ древности. И Тэнъ, и Гегель считаютъ Ифигенію образцовымъ произведеніемъ, воскресившимъ духъ древняго міра. Но Брандесъ находитъ, что воскресшій духъ былъ окрашенъ нѣмецкой поэзіей. Въ Ифигеніи есть родственныя черты Доротен. И подъ этой окраской возрожденный духъ былъ здоровымъ элементомъ въ поэзіи. Онъ изгонялъ и напудренное жеманство французской поэзіи, и чопорность пуританства. Послѣ книги г-жи Сталь о Германіи, во Франціи стала возможна иная поэзія.

Но въ ученіи г-жи Сталь объ искусствѣ была замѣшана реакціонная струя, и Брандесъ указалъ на нее. Коринна, восхищаясь древнимъ искусствомъ, сочувственно отзывалась о католицизмѣ, который допускаетъ его на стѣнахъ своихъ перевей, и негодуетъ на протестанское иконоборчество Освальда. Эстетическое чувство подкупало ее забыть и казематы Рима, и пломбы Неаполя, и склепы католическихъ монастырей; ее подкупали тѣ минуты забвенія, которыя красота католическаго культа даетъ страдающему народу, и магкость этого культа, дѣлающаго такъ легкимъ искупленіе слабостей человѣческихъ, въ сравненіи съ безпощаднымъ пуританствомъ протестантизма. Это эстетическое сочувствіе, которое уживалось въ г-жѣ Сталь съ идеями Руссо, въ нѣмецкихъ романтикахъ выродилось въ возвращеніе къ идеямъ католицизма.

Г-жа Сталь стояла во главѣ французской литературной школы, появившейся на рубежѣ двухъ вѣковъ и созвонной поворотомъ историческаго движенія. По многосторонности таланта ея, въ ней сильнѣе, чѣмъ въ другихъ писателяхъ сталкивались противоположныя струи конца XVIII и начала XIX. Дѣятельность ея была двойственная, говоритъ Брандесъ—философская и поэтическая и отмѣчена двойственнымъ характеромъ—мужскимъ и женскимъ. Въ политикѣ и философіи ее можно назвать сыномъ Неккера и Руссо; она гордилась именемъ дочери Неккера.

кера и къ Руссо пытала тоже благоговѣнное обожаніе, какъ и къ отцу. Она—мужчина, когда борется съ Наполеономъ, когда пишетъ книгу, которая должна указать Франціи всю бѣдность мысли и весь упадокъ искусства ея. Она—женщина, когда описываетъ чувство и создаетъ характеры своихъ героинь. Эта женственность натуры ея, несмотря на мужской умъ и характеръ—причина, почему она такъ враждебно относилась къ Вольтеру. Ее отталкивалъ сухой анализъ и ѣдкая иронія фервейскаго философа. Она раздѣляла въ этомъ общее настроеніе. Утомленное борьбой общество хотѣло отдыха. У него не стало силы анализировать и разрушать. Оно хотѣло мира и любви. Руссо проповѣдью своею о чувствѣ открывалъ возможность любить и то, что прежде разрушали.

VII.

Подводя итоги вліянію литературы эмигрантовъ на общество, Брандесъ видитъ въ ней реакцію противъ террора и, въ тоже время, элементъ прогрессивный въ сравненіи съ дальнѣйшимъ развитіемъ романтизма въ Германіи, которая, по политическимъ условіямъ своимъ, еще болѣе Франціи была расположена придать реакціи регрессивный характеръ. Американская война за освобожденіе была плодомъ пуритански-революціонныхъ идей. Первый фазисъ французской революціи былъ порожденъ американской. Французскіе короли посылали офицеровъ своихъ учиться у Франклина и Уашингтона идеямъ свободы. Паденіе Бастиліи было встрѣчено съ восторгомъ въ цѣлой Европѣ. Въ Англіи Соути, будущій поэтъ-лауреатъ, и Колькриджъ воспѣвали въ краснорѣчивыхъ одахъ торжество идей 93 г. Въ Шотландіи Бёрнсъ былъ гонимъ за свои поэмы въ честь свободы. Въ Италіи—Альфieri въ лирическихъ поэмахъ прославлялъ американскую свободу и паденіе Бастиліи. Въ Германіи цѣлая школа учениковъ Клопштока и Фихте называла себя учениками Руссо и привѣтствовала 1793 г. Одушевленіе молодежи было сильно и выразилось крайне наивной выходкой Шеллинга и Гегеля, тогда еще не мечтавшихъ о будущей знаменитости своей. Они нашли на пустынную скалу и поставили въ 1795 г. дерево свободы.

Но не всѣ идеи, подготовившія паденіе Бастиліи, встрѣчали то же сочувствіе въ Европѣ. Волтеріанство и эпикуреизмъ царили при европейскихъ дворахъ XVIII вѣка. Фридрихъ Великій, Іосифъ II и Екатерина II переписывались съ энциклопедистами, но только энциклопедисты ученики Руссо пользовались почетомъ. Идеи Гольбаха пугали всѣхъ. Отъ нихъ отступалъ въ ужасѣ даже Фридрихъ Великій. Въ протестантской Европѣ не могло быть той страшной ненависти къ католицизму, которую вѣками раз-

жигали во Франціи инквизиціонные костры, самоуправство и роскошная жизнь аббатовъ и кардиналовъ. Франція научилась у Англіи идеямъ, подрывавшимъ католицизмъ. Сенсуализмъ и эпикуреизмъ Гольбаха былъ развитіемъ идей Локка. Но Англія къ этому времени уже выдвинула противъ сенсуалистовъ шотландскую школу философовъ. Въ Германіи Кантъ училъ о долгѣ и доказывалъ безнравственность эпикуреизма.

Терроръ во Франціи заставилъ Европу запѣть извѣстную пѣсенку: *c'est la faute à Voltaire, c'est la faute à Rousseau*, которую затыгиваютъ и теперь, когда обстоятельства подають тому хотя какой нибудь поводъ. Но въ то время было несравненно извинительнѣе затыгивать ее. Умы были вѣками приучены придавать сверхъестественную силу слову и силу эту приписывали всякому слову. Реальный взглядъ на историческія явленія, какъ на результатъ совокупнаго дѣйствія многихъ сложныхъ причинъ, получилъ право гражданства въ позднѣйшее время. Онъ отвелъ слову настоящую роль его и указалъ, какъ преувеличенны и возлагаемыя на него надежды, и страхъ, равносильный этимъ надеждамъ и вызывающій гоненія.

Еще въ концѣ XVIII вѣка началось въ Европѣ ополченіе литературы противъ идей энциклопедистовъ. Первымъ Альфьери перешелъ въ ряды враговъ, сдѣлался ярымъ французофобомъ и подхватилъ слово Вольтера, который французомъ, за инквизиціонные костры и эшафоты, назвалъ тиграми-обезьянами. Въ Англіи образовалась цѣлая школа консервативныхъ писателей съ тори Вальтеръ-Скоттомъ во главѣ. Въ Германіи Клоштовъ и Шиллеръ проклинали революцію. Гёте устраивалъ въ Веймарѣ придворныя празднества, на которыхъ заставлялъ актеровъ разучивать пошлыя комедійки, осмѣивавшія французскую революцію.

Вотъ какія литературныя вліянія встрѣтила литература эмигрантовъ въ Европѣ. Реакція во Франціи усиливала это вліяніе. Вражда партій и полемическій жаръ болѣе, чѣмъ серьезное научное образованіе, играли роль въ разрушеніи старыхъ учреждений, говоритъ Брандесъ. И онъ правъ. Серьезное научное образованіе было удѣломъ ничтожной горсти, безсильной безъ опоры массы. Масса была поднята страданіемъ. Ничтожная горсть поставила идеалы гуманности и прогресса, но нужны были вѣка, чтобы приучить къ нимъ массу. Слабые умы изъ образованной горсти, видя, какъ противорѣчитъ дѣйствительность идеаламъ, отвернулись отъ идеаловъ. Они отступали назадъ розно, сохраняя, сознательно или нѣтъ, нѣкоторые элементы идеаловъ. Руссо далъ имъ оружіе противъ Гольбаха. «Я показалъ, говоритъ Брандесъ:—что литература эмигрантовъ переживала сначала эпоху, когда реакція не была слѣпымъ подчиненіемъ авторитету, но естественнымъ проявленіемъ чувства, души, страсти и поэзіи, какъ протеста противъ холодной разсудочности, точнаго расче-

та и литературы, закованной мертвыми правилами и предписаниями, какъ безкровная литература, жившая безцвѣтною жизнью во Франціи». Литература эмигрантовъ носила характеръ смѣшенія національностей. Стремленіе выйти изъ тѣсныхъ рамокъ французской литературы, оживить сухую разсудочность и развѣдающій анализъ чувствомъ сказывалось и прежде во французской литературѣ. Г-жа Сталь называетъ Руссо, Бернардена де-Сен-Пьера и Шатобриана «гѣмцами, которые сами того не знали». Литература эмигрантовъ въ г-жѣ Сталь создала всю плодотворность солидарности европейскихъ литературъ. Черты литературы эмигрантовъ нельзя назвать ни реакціонными, ни революціонными вполне. Литература эта реформаторская, говоритъ Брандесъ. Шатобрианъ вноситъ въ нее страсть, Сенанкуръ говоритъ, что личность свободна; г-жа Сталь въ то время, когда вся Франція трепетала передъ Наполеономъ, сказала, что потомство проститъ ужасы французской революціи во имя тѣхъ благъ, которыя она дала человѣчеству. Реформаторскія черты выступали такъ рѣзко въ профилѣ литературы эмигрантовъ, что заслоняли реакціонныя, которыя выступили въ слѣдующей литературной группѣ. Эстетическое сочувствіе г-жи Сталь къ католицизму повело къ конкордату, торжеству ультрамонтанства и большому террору. Страсть исчезла, и мѣсто ея заняло ученіе о каторжной семьѣ Де-Местра и Бональда. Свобода личности сосредоточилась въ одномъ лицѣ, которое имѣло право «дышать и дѣйствовать и жить». Реформаторскія черты не могли прочно привиться къ литературѣ, потому что она пустила корни только въ очень тѣсномъ клочкѣ почвы. Литература эмигрантовъ была порожденіемъ либерализма. Онъ сдѣлалъ свое дѣло. Литературѣ, чтобы прочно обновиться, нуженъ былъ просторъ. Въ тѣсной оградѣ идей *tiers état*, проповѣдницей которыхъ была г-жа Сталь, не было простора для корней. Литература эмигрантовъ была фазисомъ европейской мысли, послужившимъ ступенью для реакціи.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ СЪ АНГЛИЙСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

(Russia, by W. Mackenzie Wallace).

(Окончаніе).

Х.

Отношенія между русскою и другими народностями, обитающими въ Россіи, составляютъ не безынтересную сторону книги Меккензи. Въ связи съ ней находятся любопытныя замѣтки о кочевыхъ степныхъ племенахъ, колонистахъ и т. п. Финны, татары и въ особенности нѣмцы—вотъ тѣ чуждыя народности, какія, при переѣздахъ автора, попадались ему на глаза. Нѣмцы являютъ въ книгѣ Меккензи частію въ видѣ степныхъ колонистовъ на югѣ Россіи, частію въ лицѣ нѣкоего Карла Карлыча, управляющаго въ деревнѣ Ивановкѣ, въ которой авторъ проживалъ, осудивъ себя на «добровольное изгнаніе». На примѣрѣ послѣдняго авторъ показываетъ то «безмолвное несогласіе и взаимную затаенную вражду», которыя почти всегда происходятъ при столкновеніи тевтонской и славянской натуръ. Исторія этого Карла Карлыча и его сужденія о русскомъ мужикѣ и русскихъ порядкахъ довольно характеристичны. Какимъ образомъ Карлъ Шмидтъ, сынъ зажиточнаго «Вауег»'а въ прусской деревушкѣ Шёнгаузенѣ, сдѣлался Карломъ Карлычемъ, главнымъ лицомъ въ русской деревнѣ Ивановкѣ? Лѣтъ 20 назадъ, многіе русскіе землевладѣльцы, сознавъ необходимость улучшить первобытный, рутинный способъ земледѣлія, стали искать нѣмцевъ-управляющихъ для своихъ имѣній. Въ числѣ такихъ землевладѣльцевъ былъ и собственникъ Ивановки. Черезъ посредство одного берлинскаго пріятеля онъ пригласилъ, за умѣренную цѣну, молодого человѣка, только-что кончившаго курсъ въ земледѣльческой школѣ въ Готенгеймѣ. Этотъ молодой человѣкъ былъ Карлъ Шмидтъ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Россію преобразившійся въ Карла Карлыча. Немедленно по прибытіи въ Ивановку, молодой Шмидтъ энергически принялся за преобразование хозяйства въ имѣніи и за улучшеніе приемовъ земледѣлія, сдѣлалъ попытку вести запашки на

научныхъ началахъ. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы попытка эта была особенно успѣшна: крѣпостныхъ трудно было приучить работать, какъ дисциплинированныхъ нѣмцевъ-рабочихъ. Несмотря на увѣщанія, угрозы, наказанія, они продолжали работать медленно, неохотно, неаккуратно, и часто нетолкло по небрежности, но и умышленно, ломали новые инструменты. Карлъ Карлычъ былъ человекъ не злой отъ природы, но весьма суровый въ своихъ понятіяхъ о долгѣ, и могъ дѣлаться строгимъ до жестокости, когда его распоряженія не выполнялись въ точности; русскимъ крестьянамъ подобная требовательность вообще кажется ненужнымъ педантизмомъ; такъ и тутъ, крестьяне не оказывали Карлу Карлычу открытаго сопротивленія, даже не нарушали наружной къ нему почтительности, но своимъ пассивнымъ сопротивленіемъ неизмѣнно парализовали его планы, жалья доброе старое время, когда они жили подъ суровою патриархальною властью бурмистра; послѣдній, хотя иногда распоряжался съ мужиками по-своему, но — по русской пословицѣ «гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость» — зачастую сквозь пальцы смотрѣлъ на разные вольные и невольные крестьянскіе «грѣхи», свойственные и ему самому, и, разумѣется, самъ выйдя изъ крестьянской среды, никогда не нарушалъ старыхъ обычаевъ. Крестьяне гораздо больше любили его, чѣмъ Карла Карлыча, представлявшаго собою олицетвореніе безстрастнаго, непоколебимаго закона и если питавшаго какое нибудь чувство къ бѣднымъ крестьянамъ, то развѣ только чувство хроническаго презрѣнія. Онъ всегда былъ готовъ обозвать мужика дуракомъ, а если дѣло дѣлалось исправно, то, въ глазахъ Карла Карлыча, это было только должное: ни ободренія, ни одобренія ждать отъ него было вѣчего.

Когда съ 1859 года стало ожидать освобожденіе крѣпостныхъ, Карлъ Карлычъ съ увѣренностью предсказывалъ, что странѣ неизбѣжно грозитъ гибель; да и какъ было не предсказывать, когда достойный нѣмецъ зналъ по опыту, что крестьяне лѣнивы и безпечны даже при постоянной опежѣ и подѣ страхомъ тѣлеснаго наказанія — что же будетъ, когда снять съ нихъ эту благодѣтельную узду? Опасенія нѣмца еще усилились, когда онъ узналъ, что крестьяне получаютъ землю, которою пользовались. Карлъ Карлычъ объявилъ, что это противно священному праву собственности и что бывшіе крѣпостные, занявшись обработкой собственной земли, ни за что не захотятъ работать на своего бывшаго помѣщика. Первые мѣсяцы послѣ освобожденія, опасенія Карла Карлыча, повидимому, оправдывались. Крестьяне упорно отказывались у него работать, несмотря ни на просьбы, ни на угрозы, такъ что, наконецъ, Карлъ Карлычъ долженъ былъ обратиться къ властямъ. Несмотря на то, полевая работа была выполнена въ этотъ годъ еще хуже обыкновеннаго, и жатва сильно пострадала. Конечно, потомъ дѣла поправились, и «честный нѣмецъ» (какъ называетъ Карла Карлыча авторъ) имѣлъ полное основаніе радоваться. Крестьяне увидѣли, что съ отве-

денныхъ имъ надѣловъ не могутъ содержать себя и уплачивать подати и, поэтому, согласились воздѣлывать поля помѣщика за умѣренное вознагражденіе. Тѣмъ не менѣе, К. К. продолжаетъ находить, что крестьяне ухудшились во всѣхъ отношеніяхъ, работаютъ меньше, пьютъ больше, воруютъ лѣсъ, выпускаютъ свой скотъ въ помѣщичьи поля и т. п. Если кто напомнитъ честному нѣмцу, что подобнаго рода своеволие легко обуздывается мировыми судьями, то К. К. не преминетъ выразить полное презрѣніе къ этимъ учрежденіямъ, и къ молодымъ судьямъ. Онъ говоритъ, что заплатилъ уже свои *Lehrgeld*, поскакавши по апелляціоннымъ и другимъ инстанціямъ, и къ суду больше не пойдетъ, а предпочитаетъ восстанавливать нарушенную справедливость и поправлять допущенный ущербъ инымъ способомъ: поймавъ крестьянскую ворову или лошадь на своихъ поляхъ, онъ запираетъ ее и требуетъ выкупа съ владѣльца, не особенно заботясь относительно взысканія за самоуправство. Расчетъ Карла Карлыча безошибоченъ: онъ предусматрѣлъ и то, что крестьяне получили только пахатную землю, а выгона не получили, и потому «честный нѣмецъ» держитъ крестьянъ въ рукахъ.

Для характеристики Карла Карлыча недурны и взгляды его на понятія нѣкоторыхъ молодыхъ людей на гуманность и чело-вѣческое достоинство; вполнѣ мы ихъ приводить не будемъ: достаточно сказать, что онъ всѣхъ такихъ людей называетъ нигилистами. Очевидно, К. К. не имѣетъ никакой симпатіи къ окружающимъ людямъ и учрежденіямъ и потому неспособенъ понять причины тѣхъ темныхъ пятенъ, которыя охотно усматриваетъ вокругъ себя. Одинъ уже тотъ фактъ, что извѣстный человѣкъ—русскій, оправдываетъ, по мнѣнію Карла Карлыча, предположеніе о существованіи въ немъ всякаго нравственнаго безобразія. Проживъ въ Россіи около 15 лѣтъ, «честный нѣмецъ» очень мало узналъ крестьянскую жизнь за предѣлами того небольшого участка, который касался непосредственно интересовъ его самого и его хозяина—интересовъ, которые К. К. бережетъ одинаково тщательно; впрочемъ, даже и то немногое, что «честный нѣмецъ» узналъ о русской жизни, было большею частію ложно.

Какъ относится къ русской жизни этотъ Карлъ Карлычъ, такъ относится къ ней и большинство его соотечественниковъ, которые живутъ въ Россіи десятки лѣтъ, но не перестаютъ считать Германію своимъ отечествомъ. Неудивительно, что русская и тевтонская натуры рѣдко питаютъ дружественныя чувства одна къ другой, хотя это не мѣшаетъ имъ долгіе годы жить бокъ ѓ-бокъ, причемъ вторая нерѣдко умѣетъ себя поставить въ начальственные отношенія къ первой или, по крайней мѣрѣ, смотреть на русскихъ свысока; русскіе же сами начинаютъ подражать нѣмцамъ или, по крайней мѣрѣ, сливуть подражателями. Въ такомъ смыслѣ ихъ слѣдуетъ считать такими—это поясняется авторомъ. «Говорятъ, что русскіе также легко

мѣняютъ свою національность, какъ платье, и даже находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы показывать себя принадлежащими къ чуждой національности». Авторъ утверждаетъ, что это справедливо только по отношенію къ высшему классу общества, который будто бы дѣйствительно склоненъ перенимать чужеземные нравы, обычаи, учрежденія; крестьяне же рѣшительно консервативны. Это объясняется исторіею обоихъ классовъ. Русскіе, подобно всѣмъ другимъ народамъ, остаются консервативными, пока не утратили первобытнаго обычнаго нравственнаго склада, пока не вышли изъ подъ вліянія преданія. Авторъ могъ бы прибавить, что изъ образованнаго класса общества далеко не всѣ отличаются перенимчивостью; скорѣе это можно отнести именно къ людямъ полуобразованнымъ, какихъ у насъ, впрочемъ, много. Усвоenie себѣ иностранной одежды не означаетъ еще духа подражательности, какъ и щегольство русскимъ костюмомъ не сдѣлаетъ русскимъ человека, чуждаго народу: не даромъ наши крестьяне считаютъ обезьянствомъ фигурное носеніе русскаго костюма и поддѣлку подъ народную рѣчь. Въ особенности, по отношенію къ людямъ интеллигенціи, слова автора положительно несправедливы. Различныя реформы русскіхъ государей, которыя авторъ винитъ въ томъ, что русскіе умы метались то туда, то сюда подъ иноземными вліяніями, именно дали возможность людямъ, дѣйствительно просвѣщеннымъ, сознать свою народность и держаться самостоятельно, безъ всякой, однакожь, исключительности, заимствуя у чужихъ народностей то, что есть въ нихъ хорошаго: это далеко отстоитъ отъ перенимчивости.

Авторъ, очевидно, понимаетъ національную самостоятельность именно въ смыслѣ крестьянскаго консерватизма. Онъ приводитъ, въ примѣръ вѣрности старинному національному типу, русскіхъ крестьянъ, которые, живя въ сосѣдствѣ съ нѣмцами колонистами, остались недоступны ихъ цивилизующему вліянію, хотя бы русская деревня и расположена была посреди нѣмецкихъ колоній. Каждая народность тутъ живетъ по обычаю предковъ и возможно меньше имѣетъ сношеній со своими близкими сосѣдами. «Мужикъ тщательно наблюдаетъ (потому что онъ очень любознателенъ) жизнь своихъ цивилизованныхъ сосѣдей, но вовсе не думаетъ усваивать себѣ ихъ порядки. Онъ считаетъ нѣмцевъ чуть ли не существами другого міра, очень хитрымъ, затѣйливымъ народомъ, одареннымъ качествами, вовсе не свойственными православному. По его мнѣнію, совершенно въ порядкѣ вещей, если нѣмецъ живетъ въ большихъ, чистыхъ, хорошихъ домахъ, какъ, напримѣръ, въ порядкѣ же вещей, чтобы птица вела себѣ гнѣздо; но изъ этого не слѣдуетъ, что и русскому слѣдуетъ жить на нѣмецкій ладъ. Каждый самъ по себѣ.

«Съ своей стороны, нѣмцы-колонисты продолжаютъ оставаться въ Россіи только колонистами, хотя бы ихъ дѣды и отцы родились въ этой странѣ. Они сочли бы обидою, еслибъ ихъ назвали

русскими, хотя тѣ же нѣмцы, поселившись въ Америкѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ становятся американцами болѣе самихъ американцевъ, копируютъ и преувеличиваютъ особенности американскаго характера, говорятъ какимъ-то невозможнымъ жаргономъ, выдаваемымъ за англійскій языкъ, и готовы счесть за обиду, если кто усомнится въ томъ, что они—природные граждане великой республики. Въ Россіи эти нѣмцы на крестьянъ смотрятъ свысока, считая ихъ невѣжественными, лѣнивыми и безчестными бѣдняками, боятся официальныхъ лицъ, ревниво оберегаютъ свои обычаи и языкъ, рѣдко говорятъ хорошо по русски—а иногда и совсѣмъ не говорятъ—и считаютъ религію и національность, (главнѣе всего—различіе въ культурѣ) препятствіемъ къ бракамъ съ русскими, а безъ такихъ браковъ невозможно и сліяніе двухъ народностей». Браки между русскими и нѣмцами, по мнѣнію автора, невозможны потому, что греческое православіе и протестантское сектаторство слишкомъ различны между собою по духу, и послѣдователи ихъ не могутъ сблизиться.

Впрочемъ, что касается именно германскихъ колонистовъ-менонитовъ, то рѣзкая разница между ними и русскими крестьянами, по словамъ Меккензи, вызывается также многими особыми обстоятельствами и вовсе не служитъ доказательствомъ превосходства германской расы надъ славянскою, тѣмъ болѣе, что и менониты не могутъ считаться представителями германцевъ. Менониты, жившіе прежде въ окрестностяхъ Данцига и эмигрировавшіе изъ Пруссіи, чтобы избѣгнуть конскрипціи, принесли въ Россію большой запасъ техническихъ свѣдѣній, значительныя капиталы, получили гораздо больше и несравненно лучшія земли, чѣмъ тѣ, какими владѣютъ русскіе крестьяне, а кромѣ того — пользовались весьма значительными привилегіями, свободой отъ военной службы и почти полною свободой отъ податей. Вообще, въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, они стояли настолько выше большинства обыкновенныхъ германскихъ колонистовъ, насколько сами послѣдніе стоятъ выше русскихъ крестьянъ. Благосостояніе такихъ менонитовъ составляло бы выдающееся явленіе даже въ богатѣйшихъ мѣстностяхъ Германіи. «Сравнивать этихъ богатыхъ, привилегированныхъ, свѣдущихъ фермеровъ съ бѣднымъ, обремененнымъ налогами, невѣжественнымъ русскимъ крестьяниномъ и изъ подобнаго сравненія дѣлать выводы объ относительной способности двухъ расъ было бы такою нелѣпностью, которая не требуетъ комментариевъ», справедливо говоритъ авторъ. Извѣстно, что въ послѣднее время наше правительство признало уже несвоевременными дарованныя менонитамъ привилегіи и отиѣною ихъ могло думать ускорить процессъ сліянія этихъ колоній съ русскимъ населеніемъ. Вышло иначе: Меккензи упоминаетъ, что, во время его путешествія, въ каждой германской колоніи слышались жалобы на русскую тиранію и неслестныя замѣчанія о русскомъ національномъ характерѣ. Менониты особенно обижены тѣмъ, что ихъ

заставляют принимать участие въ отправленіи воинской повинности, такъ какъ это противно религіознымъ вѣрованіямъ ихъ секты, хотя можно зачислаться и въ такія воинскія должности, которыя не требуютъ участія въ кровопролитіи. Если менониты явились въ Россію съ тою именно цѣлью, чтобъ избѣгнуть военной службы, то каждому понятно, можетъ ли это и на сколько связывать Россію. Но, безъ сомнѣнія, есть и еще болѣе сильная-практически причина ихъ недовольства: молодежь, поступивъ въ ряды русскихъ войскъ, невремѣнно болѣе или менѣе руссифицируется, преграда, отдѣляющая менонитовъ отъ остальнаго населенія, будетъ сломана, и они уже не въ состояніи будутъ сохранять ни свою прежнюю суровую пуританскую дисциплину, ни чувство германской исключительности. Отсюда движеніе менонитовъ на дальній западъ Америки и въ Бразилію. Извѣстно, что въ бытность здѣсь недавно бразильскаго императора, нѣмцы-колонисты обращались къ нему съ просьбой въ этомъ смыслѣ.

Авторъ высказываетъ ту общую мысль, что быстро руссифицироваться могутъ только тѣ колонисты, которые примутъ православіе; остальные будутъ долго противиться всякому ассимилированію. «Религія и національность въ Россіи, на практикѣ, такъ тѣсно связаны, что становятся почти тождественными понятіями; кто сдѣлался членомъ національной церкви, тотъ уже сдѣлался или скоро сдѣлается русскимъ». Въ подтвержденіе этого взгляда (мы уже имѣли случай признать ошибочнымъ такой взглядъ нетолько относительно интеллигенціи, но даже относительно народа, въ которомъ сильны раскольническія секты), авторъ приводитъ мало встрѣчающееся мнѣніе, будто бы молокане поддаются нѣмецкому вліянію, что, сдѣлавшись еретиками въ дѣлѣ религіи, они разрываютъ самыя сильныя узы, привязывающія ихъ къ прошлому и скоро становятся еретиками и въ свѣтскомъ смыслѣ. Нужно ли говорить, до чего несправедливъ этотъ взглядъ, частію противорѣчащій даже увѣреніямъ самого автора, что политическія идеи совершенно чужды духу молоканъ, и что всѣ противныя этому доводы должно признать клеветой. Напротивъ, по свѣденіямъ русскихъ путешественниковъ, религіозныя уклоненія не препятствуютъ раскольникамъ оставаться вполне русскими и по привычкамъ, и по духу. Это замѣчено нетолько о молоканахъ, но и о другой, еще болѣе ихъ уклонившейся сектѣ—сектѣ жидовствующихъ, которые путешественникамъ кажутся настоящими русскими ямщиками, со всѣми характерными принадлежностями русскаго типа. Новѣйшая штунда также вовсе не носитъ на себѣ признаковъ много уклоненія, кромѣ религіознаго. Гораздо вѣрнѣе другое замѣчаніе автора, что и православный крестьянинъ, вступивъ, по обстоятельствамъ, въ новую сферу дѣятельности, теряетъ прежнюю неподвижность, обнаруживаетъ умѣнье усваивать себѣ чужія выгодныя свойства, не теряя, разумѣется, своего національнаго характера. Таковы крестьяне, отправляющіеся на заработки въ отхожіе промыслы, при чемъ иногда

сталкиваются съ иностранцами. Какъ люди бывалые, они легко усваиваютъ себѣ чужеземныя изобрѣтенія, чужеземныя мысли и, вступивъ разъ на этотъ путь, иногда уходятъ впередъ дальше нѣмцевъ. Правда, Меккензи заводитъ, въ этомъ случаѣ, свои выводы слишкомъ далеко, говоря, будто такіе крестьяне, освободившись и отъ наслѣдственныхъ понятій, и отъ благоразумія, даваемого опытностью, часто бросаются въ самыя дикія фантазіи; но это—дань британскимъ принципамъ, несовсѣмъ вяжущимся у автора съ другими здравыми взглядами, и можно пожалѣть лишь тѣхъ европейскихъ читателей, которые, повѣривъ автору на слово, воображаютъ, что, въ самомъ дѣлѣ, у насъ возможны только крестьяне-тупые консерваторы и крестьяне же дикіе фантазеры, помимо религіозныхъ увлеченій. Между тѣмъ, дѣло очень просто: замкнутость и консервативный духъ крестьянъ составляютъ слѣдствіе ихъ неблагопріятныхъ экономическихъ обстоятельствъ. Стоитъ взглянуть на тѣхъ же крестьянъ, входившихъ, въ качествѣ артельщиковъ, въ соприкосновеніе съ другими, цивилизованными порядками: сами эти крестьяне практически цивилизуются, не теряя ни своей домовитости, ни унаслѣдованной отъ отцовъ обиходной сметливости, ни — тѣмъ болѣе — признаковъ русской народности, которая, вообще говоря, гораздо болѣе устойчива, безъ всякой притомъ закоснѣлости, чѣмъ, повидимому, полагаетъ авторъ.

Меккензи признаетъ, что русскими оказывается болѣе сильное вліяніе на другихъ, менѣе культурныхъ, чѣмъ нѣмцы, колонистовъ, именно—на славянскихъ—сербовъ, болгаръ, черногорцевъ, которые исповѣдуютъ православіе и легко научаются родственному имъ русскому языку, а, сверхъ того, обладаютъ гораздо болѣе податливою натурою, чѣмъ тевтонская.

Послѣ менонитовъ и другихъ нѣмцевъ, изъ числа колонистовъ заслуживаютъ вниманія особенно болгаре, поселившіеся въ южной Россіи всего нѣсколько лѣтъ назадъ, на земляхъ, оставшихся свободными за выходомъ ногайскихъ татаръ, послѣ крымской войны. По наблюденіямъ автора, состояніе земледѣлія и домашней обстановки у болгаръ не многимъ отстало отъ нѣмцевъ-колонистовъ. Домики у нихъ такъ миниатюрны, что любой изъ нихъ умѣстился бы въ одну комнату менонитскаго дома, но вездѣ чисто и удобно. При всемъ томъ, эти болгаре не очень довольны своимъ новымъ отечествомъ. Мѣняя свое прежнее отечество на Россію, они считали послѣднюю обѣтованной землей, рисовали свою жизнь на новомъ мѣстѣ слишкомъ радужными красками и, конечно, обманулись въ ожиданіи. Вмѣсто земли, текущей молокомъ и медомъ, они получили полосу обнаженной степи, гдѣ даже можно было доставать съ большимъ трудомъ, гдѣ не нашлось ни одного деревца, подъ которымъ можно бы было найти охрану отъ палящаго зноя и отъ холоднаго сѣвернаго вѣтра. Къ этому присоединились еще нѣкоторые разочарованія: первую зиму переселенцамъ болгарамъ пришлось про-

вести у германскихъ колонистовъ, отъ которыхъ трудно было ожидать особыхъ симпатій къ славянамъ; воздѣлывать виноградъ, къ чему болгаре привыкли, оказалось не совсѣмъ удобно, и т. п. Во время пребыванія автора, болгаре колонисты, которыхъ онъ видѣлъ, говорили уже о возвращеніи въ Турцію. Приводя эти слова Меккензи, мы можемъ добавить, что они вполне согласны со свѣденіями о поселеніи виддинскихъ болгаръ, какія въ свое время печатались въ журналѣ мин. г. имущ. и другихъ изданіяхъ, хотя тамъ большая доля вины въ неуспѣхъ колонизаціи падала на самихъ болгаръ, приписывалась ихъ неприспособленности къ сельскохозяйственнымъ условіямъ юга Россіи, даже лѣности и т. п. Судя по трудолюбію тѣхъ представителей болгарскаго племени, съ какими довелось ознакомиться русскимъ въ нынѣшнюю войну, и по тому изобилію, съ какимъ природа вознаграждаетъ ихъ труды, вину неудачной колонизаціи болгаръ едвали не слѣдуетъ приписать скорѣе къ непривычкѣ болгаръ къ климатическимъ, почвеннымъ и хозяйственнымъ условіямъ мѣстности, а также къ дурному, сравнительно, качеству отведенной имъ земли. Качество земли должно быть соизмѣримо съ рабочими свойствами ея воздѣлывателей: болгаре едвали могутъ процвѣтать при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ хозяйство идетъ успѣшно у нѣмцевъ и эстонцевъ, какъ извѣстно, лучшихъ колонистовъ въ Крыму. Тѣмъ не менѣе, болгарскія колоніи не всѣ можно считать неудавшимися, а что касается до отношенія къ нимъ русскихъ, то слѣдствіемъ нынѣшней войны легко можетъ быть усиленіе сближенія между обѣими народностями и увеличеніе болгарской колонизаціи, предполагая, конечно, что болгарамъ будетъ еще въ ней надобность, т. е. что они не освободятся отъ турецкаго владычества.

Еще значительно менѣе успѣшно поселеніе другихъ колонистовъ, о которыхъ Меккензи сообщаетъ любопытныя данныя, а именно—маріупольскихъ грековъ и, въ особенности, евреевъ. Относительно первыхъ авторъ замѣтилъ, что эти греки говорятъ по татарски, выселились въ Россію изъ Крыма еще до присоединенія его къ Россіи, и почти забыли свой древній языкъ, сохранивъ только вѣру, но съ усвоеніемъ татарскаго языка, они усвоили себѣ татарскую безпечность и апатію, а вслѣдствіе этого—бѣдность и невѣжество. По чрезвычайному сходству маріупольскихъ грековъ съ такъ называемыми крымскими татарами, авторъ высказываетъ предположеніе, что и самые эти татары, въ сущности—не татары, а греки, принявшіе языкъ и религію своихъ побѣдителей.

Наименѣе удачными колонистами, безъ сомнѣнія, должно признать евреевъ, которые вообще несклонны къ сельскохозяйственнымъ занятіямъ. Это—городскіе жители по преимуществу, что всего лучше доказывается опытомъ еврейскихъ колоній. Причину неудачи не трудно понять, какъ только взглянуть на этихъ людей въ черныхъ, истасканныхъ кафтанахъ, доходящихъ до

пятокъ, очевидно, они не въ своей сферѣ. Еврейскіе дома въ самомъ жалкомъ положеніи, а ихъ селенія напоминаютъ мерзость запустѣнія, упоминаемую пророкомъ Данииломъ. Большая часть ихъ земли остается невоздѣланною или сдается другимъ колонистамъ, такъ что весь небольшой доходъ, какой имѣютъ еврей-поселенцы, они извлекаютъ изъ другихъ промысловъ, болѣе или менѣе тайнаго характера.

Вообще, Меккензи признаетъ, по отношенію къ южной Россіи, характеристическою чертою крайнюю пестроту населенія. Какъ Скандинавію прежде называли *«officina gentium»*, мастерскою, въ которой выдѣлываются народы, такъ и южную Россію можно назвать подобною же мастерскою, въ которой обрывки разныхъ націй сплавляются въ новое, сплошное цѣлое. Впрочемъ, процессъ сплавленія едва только начался: вообще, національныя особенности въ Россіи сглаживаются не такъ быстро, какъ въ Америкѣ или британскихъ колоніяхъ. Это этнографическое разнообразіе было слѣдствіемъ политики Екатерины II, когда граница такъ быстро двинулась къ югу, что обыкновенная русская эмиграція не могла заполнить приобретаемыхъ земель. Поэтому, императрица организовала эмиграцію изъ чужихъ странъ, и большая часть такихъ поселенцевъ водворилась на бывшихъ кочевьяхъ татаръ. Въ Екатеринославской, Таврической, Херсонской и Бессарабской губерніяхъ авторъ насчитываетъ 14 національностей и 12 религиозныхъ исповѣданій, не считая русскихъ раскольниковъ, молоканъ и скопцовъ. Такое изобиліе «национальностей», какового, конечно, и не подозреваетъ русскій читатель, самъ авторъ спѣшитъ объяснить тѣмъ, что въ число ихъ онъ ставитъ рѣшительно всѣхъ обитателей, напримѣръ, небольшое число французовъ, проживающихъ въ городахъ, и т. п.; самое же крупное ядро населенія составляютъ русскіе и православные, такъ что разнообразіе этнографическаго состава не идетъ многимъ далѣе внѣшняго счета.

Относительно процесса руссификаціи тѣхъ племенъ, которыя уже сливаются съ русскими, авторъ не высказываетъ рѣшительнаго мнѣнія, оставляя это до будущихъ путешествій и изслѣдованій. Впрочемъ, говоря о финскихъ племенахъ, онъ характеризуетъ отношеніе къ нимъ русскихъ словомъ «поглощеніе». Интересуясь вообще такъ называемымъ *Völkerwanderung*, авторъ видѣлъ, что завоеватели обыкновенно изгоняли, истребляли или поглотили первоначальныхъ обитателей. Въ сѣверной Россіи повторился этотъ послѣдній процессъ между русскими крестьянами и финскими аборигенами. Такой взглядъ подтверждается тѣмъ, что авторъ находилъ финскія селенія въ самыхъ различныхъ степяхъ руссификаціи: въ одной все рѣшительно казалось финскимъ, начиная съ физическихъ особенностей обитателей, ихъ костюма и отношенія къ русскимъ, какъ къ иностранцамъ; въ другой—встрѣчаются уже русскіе постоянные обитатели, финны утратили нѣсколько свой прежній типъ, старинный костюмъ и

умѣютъ свободно говорить по-русски; въ-третьихъ, финскій типъ еще болѣе слабѣетъ, мужчины уже говорятъ по-русски, и даже всѣ женщины понимаютъ этотъ языкъ, національный костюмъ быстро исчезаетъ, браки съ русскими становятся нерѣдкимъ явленіемъ, а съ бравами является еще болѣе полная руссификація, такъ что въ четвертомъ фазисѣ слѣды финскаго элемента можно открыть развѣ только въ нѣкоторыхъ особенностяхъ физиономіи и прозвишенія. Способы постройки домовъ и обработка земли показываютъ, что финскія расы не отъ славянъ заимствовали свою первоначальную цивилизацію, но отъ кого именно? отъ другой какой нибудь расы или ихъ цивилизація была туземною?—отвѣтъ на эти вопросы авторъ оставляетъ до будущихъ своихъ изслѣдованій.

Авторъ даетъ нѣсколько любопытныхъ соображеній относительно преобразованія національности въ сферѣ религиозныхъ понятій. Финны оставались язычниками долгое время послѣ того, какъ русскіе сдѣлались христіанами; теперь они официально принадлежатъ къ православной церкви, хотя, въ дѣйствительности, дружественное соприкосновеніе двухъ расъ повело только къ любопытному смѣшенію религій. Русскіе заимствовали много обычаевъ отъ финновъ, финны—еще больше отъ русскихъ. Когда Юмала и другія финскія божества не выполняли просьбъ ихъ поклонника, то онъ обращался за помощью къ Казанской Богородицѣ или угоднику Николаю. Подобное смѣшеніе христіанства съ язычествомъ авторъ подмѣтилъ, напримѣръ, у чувашскихъ крестьянъ. Онъ того мнѣнія, что, хотя русская вѣра окончательно одержала верхъ, но финскія вѣрованія, въ извѣстной степени, оказали вліяніе и на русское крестьянство. «Русскіе крестьяне, несовсѣмъ вѣрно говоритъ авторъ,—никогда не отличались много отъ язычниковъ-финновъ въ дѣлѣ религиозныхъ понятій; тѣ и другіе не имѣютъ понятія о теологій и безгранично довѣряютъ обрядамъ и церемоніямъ». Разумѣется, такое утвержденіе должно принимать въ самомъ ограниченномъ смыслѣ; иначе оно будетъ противорѣчить словамъ самого автора о русскихъ раскольникахъ. Встрѣчаются и такіе типы, особенно въ сѣверной полосѣ Россіи, но и то больше среди женщинъ прежняго поколѣнія.

Хотя конечное преобладаніе «русской вѣры» надъ финскими вѣрованіями и не требовало бы особаго объясненія, въ силу свойственнаго христіанству превосходства надъ язычествомъ, но авторъ приводитъ и особое объясненіе, вообще вѣрное, но еще больше характерное. Финны не имѣли организованнаго священства и потому не могли противопоставить систематической оппозиціи господствующей вѣрѣ, тогда какъ русскіе имѣли правильную іерархію въ союзѣ съ гражданской администраціей. Если русскій усвоивалъ себѣ финскія суетвѣрія, онъ подвергалъ этимъ себя не-приятнымъ послѣдствіямъ чисто свѣтскаго характера; при принятіи финномъ христіанства, дѣло было наоборотъ. Сверхъ того, многіе

финны принимали христіанство безсознательно, такъ какъ для этого требовалось только крещеніе, а не религіозныя знанія. Такое постепенное обращеніе финскихъ племенъ въ христіанство, хотя и мало вело за собою перемены въ умственномъ развитіи и религіозныхъ воззрѣніяхъ обращенныхъ, но свѣтскія послѣдствія имѣло довольно важныя. Оно дѣлало возможнымъ смѣшанные браки, и, слѣдовательно, смѣшеніе двухъ расъ. При всемъ томъ, дѣло руссификаціи даже среди финскихъ племенъ еще далеко не кончено, особенно тамъ, гдѣ почва скудна и нѣтъ сухоходныхъ рѣкъ: тамъ финны могли сохранить свои обычай и языкъ, потому что русскія поселенія въ подобныхъ мѣстахъ, если и были, то очень рѣдко. Впрочемъ, подобныя, чисто географическія причины сами по себѣ несполнѣ достаточны. Гораздо важнѣе, даже среди финскихъ племенъ, различная воспримчивость къ чужеземнымъ вліяніямъ: такъ, по наблюденію автора и другихъ, мордва несравненно менѣе консервативна, чѣмъ чуваша. Ставъ причину этого, быть можетъ, въ какой нибудь не открытой еще этнологической особенностях, Меккензи приводитъ одинъ фактъ, имѣющій важное значеніе по отношенію къ татарскимъ племенамъ: именно, что, судя по нѣкоторымъ обычаямъ, если чуваша прежде не были, открытыми магометанами, то, по крайней мѣрѣ, находились подъ вліяніемъ ислама, тогда какъ у мордвы подобныхъ признаковъ нѣтъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ весьма важному вопросу объ отношеніяхъ русской народности къ магометанству и къ исламу, приведемъ общую, меткую характеристику автора относительно русской колонизаціи въ сѣверномъ краѣ, среди финскаго населенія. Русскую колонизацію въ этихъ мѣстахъ облегчило отсутствіе религіознаго фанатизма и вообще мирный характеръ русскаго крестьянина, «чрезвычайно способнаго къ мирной земледѣльческой колонизаціи». Среди нецивилизованныхъ племенъ онъ является добродушнымъ, выносливымъ, примирительнымъ, изумительно умѣющимъ прилаживаться къ обстоятельствамъ. Надменное сознаніе личнаго и національнаго превосходства и неутолимая жажда господства, превращающая свободнаго, легальнаго британца въ тирана при соприкосновеніи съ слабѣйшими расами, совершенно чужды русскому характеру. Все, чего желаетъ русскій, это—нѣсколько десятинъ земли, которыя онъ могъ бы самъ воздѣлывать; пока онъ ихъ имѣетъ, до тѣхъ поръ онъ не станетъ тревожить сосѣдей. Еслибы колонистами финскаго края были люди англосаксонской расы, то, вѣроятно, они завладѣли бы всею землею и обратили бы обитателей въ землеулашцевъ-рабочихъ. Русскіе поселенцы мирно сѣли среди туземнаго населенія и быстро сливаются съ нимъ. Во многихъ мѣстахъ, такъ называемые русскіе, по догадкѣ автора, имѣютъ больше финской, чѣмъ славянской крови въ жилахъ.

Описывая процессъ постепеннаго поглощенія финскихъ племенъ русскими, Меккензи высказываетъ общій взглядъ, что такъ

называемыя переселенія народовъ вовсе не были дѣйствительными переселеніями, а скорѣе — постепенными измѣненіями племеннаго состава, поглощеніемъ одной расы другою, что совершалось и до сихъ поръ еще совершается въ сѣверной Россіи. Подобно этому, и на западѣ славяне, занимавшіе прежде всю сѣверную Германію до Эльбы, отступили предъ тевтонскимъ племенемъ, какъ говорится обыкновенно, но, въ сущности, это значить, что они были, мало по-малу, онемечены и потомъ поглощены тевтонской расой, такъ что теперъ ихъ едвали можно отличить отъ нѣмцевъ.

XI.

Еще важнѣе и любопытнѣе вопросъ объ отношеніяхъ русской народности къ татарамъ и къ магометанству. Авторъ, понимая значеніе этого вопроса въ исторіи Россіи и современную его важность, представилъ краткій очеркъ татарскаго ига въ Россіи, вполнѣ вѣрно очертилъ характеръ татарскаго господства, вліяніе его на внутренній государственный строй Россіи, и на національный характеръ русскихъ, упомянулъ о существующемъ въ Европѣ предубѣжденіи, будто бы такъ называемыя русскіе — никто иной, какъ тѣже татары подъ тонкой оболочкой европейской цивилизаціи, причѣмъ оговорился, что не можетъ еще освѣтить вопросъ этотъ такъ, какъ бы желалъ.

Что татарское иго имѣло огромное вліяніе на политическое развитіе націй, авторъ это вполнѣ допускаетъ, такъ же, какъ и то, что вопросъ о вліяніи татарскаго ига имѣетъ не одинъ только историческій интересъ, что Россія прошла сама и нынѣшнее положеніе Болгаріи, и положеніе Сербіи, и Румыніи, — что она первая изъ славянскихъ націй пала подъ магометанскимъ игомъ и первая освободилась отъ него, а потому и сочувствіе русскаго народа къ сербамъ и болгарамъ нельзя назвать только «филологическимъ чувствомъ».

На народный же племенной составъ татарское иго не имѣло никакого вліянія. Этими голосомъ безпристрастнаго изслѣдователя-иностранца подрываются европейскія теоріи о нашемъ, будто бы, туранскомъ происхожденіи и монгольскихъ качествахъ русскаго характера. Напротивъ, по изслѣдованіямъ Меккензи, подтверждаемымъ отзывами другихъ путешественниковъ, напримѣръ, французскаго ученаго и туриста Леже, татары и русскіе живутъ обособленно даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они составляютъ одно селеніе. «Въ восточныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи много деревень, которыя въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній были полутатарскими, полурусскими, и все это время даже не начиналось смѣнаніе двухъ народностей, вообще составляющее фактъ, весьма рѣдкій даже въ единичныхъ случаяхъ. Близъ одного

конца такой деревни стоитъ христіанская церковь, близъ другого—мечеть. Вся деревня составляетъ одну общину, съ однимъ сельскимъ сходомъ и однимъ сельскимъ старостой, но въ социальномъ отношеніи она состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ обществъ, имѣющихъ каждое свои обычаи и особый образъ жизни. Татаринъ можетъ выучиться русскому языку, но никогда изъ-за этого не сдѣлается русскимъ, хотя между обѣими расами нетолько нѣтъ фанатической ненависти, но господствуетъ доброе согласіе; они избираютъ старостой то русскаго, то татарина и обсуждаютъ общинныя дѣла на сельскомъ сходѣ, безъ всякаго отношенія къ религіознымъ вопросамъ. Авторъ знаетъ даже такой примѣръ, что, когда крестьяне-христіане рѣшили починить свою церковь, то магометане помогли имъ возить для этого дѣсь. «Все это показываетъ, замѣчаетъ авторъ:—что, при хорошемъ правительствѣ, которое не покровительствуетъ одной расѣ въ ущербъ другой, татары-магометане и христіане-славяне могутъ мирно ужиться вмѣстѣ».

Оригинально объясненіе авторомъ отсутствіе фанатизма и религіозной вражды между русскими и татарами, хотя едвали можно съ нимъ здѣсь безусловно согласиться, такъ какъ авторъ опять отождествляетъ религію съ національностью, относя такой взглядъ къ понятіямъ крестьянъ. «Русскій, какъ бы по природѣ—христіанинъ, татаринъ—магометанинъ; никому изъ деревенскихъ жителей не придетъ никогда въ голову нарушать такой, указываемый самою природою порядокъ вещей». Вотъ разговоръ автора по этому предмету съ русскимъ крестьяниномъ, который нѣкоторое время жилъ среди татаръ. «Въ отвѣтъ на мой вопросъ, каковъ народъ татары, онъ отвѣчалъ: «ничего», т. е. порядочный; а когда я сталъ настаивать на болѣе опредѣленномъ мнѣніи, онъ сказалъ, что татары—очень хороший народъ.—«А какая у нихъ вѣра?» продолжалъ я.—«Вѣра хорошая», былъ отвѣтъ. «Лучше молочанской?»—«Разумѣется, лучше».—«Неужели!» воскликнулъ я, едва скрывая свое изумленіе.—«Развѣ молочане—не хорошіе люди?»—«Нѣтъ, молочане—люди добрые и честные».—«Почему же ихъ вѣра хуже магометанской?»—«Какъ вамъ сказать?» Тутъ крестьянинъ помолчалъ.—«Татары, вотъ видите, получили свою вѣру отъ Бога, какъ и цвѣтъ своей кожи, а молочане—русскіе и выдумали вѣру изъ своей головы!» (Конечно, рѣчь крестьянина приводится авторомъ не буквально, а въ отдѣльномъ логически видѣ).

По мнѣнію автора, такой отвѣтъ означаетъ, что, на взглядъ крестьянина, самъ Богъ велѣлъ быть татарамъ магометанами, а русскимъ православными. Мы повторимъ только, что пробой вѣрности подобныхъ ходячихъ мнѣній служатъ расколъ и сильное его распространеніе, которое, во всякомъ случаѣ, не доказываетъ, что уклонившіеся въ расколъ перестали считать себя русскими, а сверхъ того и крестьянинъ, начинающій подобный

разговоръ съ иностранцемъ, говорить скорѣе на показъ, чѣмъ искренно.

Понятно, при такой обособленности социальной, что и обращеніе татаръ въ христіанство идетъ туго, несравненно слабѣе, чѣмъ у финновъ. Замѣчательно, что, по поводу этого, Меккензи высказываетъ взглядъ на мусульманство, сходный съ мнѣніемъ извѣстнаго историка Фримэна. Татары не могутъ безсознательно принять христіанство, какъ дѣлали финны, потому что мусульманство далеко отъ простаго, грубаго язычества, неимѣющаго никакой теологіи въ схоластическомъ смыслѣ слова, но составляетъ монотеизмъ, столь же исключительный, какъ само христіанство. Мусульманинъ имѣетъ свое богословіе, своего пророка и не видитъ причины, почему бы ему мѣнять ихъ на чтонибудь другое, хотя бы это другое заинтересовало и затрогало иную простую, безхитроственную натуру. Быть можетъ, даже мусульманинъ покажетъ вамъ, что онъ сожалѣетъ ваше невѣжество и удивляется, какъ это вы неспособны «повыситься» до мусульманства. Гордый своимъ знаніемъ, мусульманинъ смотритъ на васъ, какъ на многобожника, и прибавитъ, въ видѣ огражденія себя отъ соблазна: «Единъ Богъ и Магометъ—его пророкъ!»

Неудивительно, что такъ-называемые «крещенные татары» теперь столь же далеки отъ христіанства, какъ были ихъ предки въ XVI столѣтіи. Пока допускалось номинальное пребываніе татаръ въ христіанской вѣрѣ, до тѣхъ поръ отступничествъ не было слышно; послѣднія усиливаются именно съ того времени, какъ начались мѣры къ сознательному утвержденію обращенныхъ въ христіанствѣ. Духъ вражды и фанатизма проявился въ магометанахъ, какъ только они увидѣли на себѣ христіанскую пропаганду, не только номинальную, но и дѣйствительную. Говоря вообще, по мнѣнію Меккензи, христіане недоступны для ислама, а природные мусульмане недоступны для христіанства; но все-таки существуютъ нѣкоторыя племена или части племенъ, представляющія удобное поле для миссіонерской предприимчивости, и въ этомъ отношеніи татары пользуются нѣкоторымъ перевѣсомъ надъ русскими. Племена на сѣверо-востокѣ Россіи учатся по-татарски гораздо легче, чѣмъ по-русски, тѣмъ болѣе, что и географическое положеніе, и образъ жизни гораздо меньше приводятъ ихъ въ соприкосновеніе съ русскими, чѣмъ съ татарами. Поэтому и пѣльня деревни черемисовъ и вотяковъ, какъ увѣряетъ авторъ, обратились въ исламъ.

Меккензи не беретъ предсказывать, сломится ли когда-нибудь, путемъ воспитанія, преграда, отдѣляющая въ Россіи христіанъ отъ мусульманъ; но замѣчаетъ, что до сихъ поръ распространеніе образованія между татарами скорѣе воспламеняло ихъ фанатизмъ. «Если мы припомнимъ, говоритъ авторъ: — что религиозное воспитаніе всегда производитъ нетерпимость и что воспитаніе татаръ бываетъ почти исключительно богословское, то не удивимся, что религиозный фанатизмъ татаръ обыкновенно

бываетъ соразмѣренъ съ ихъ умственнымъ развитіемъ. Татаринъ, неиспорченный такъ-называемымъ ученемъ, свѣдущій въ своей религіи лишь настолько, чтобъ выполнять обрядности, предписываемыя пророкомъ, отличается мирнымъ, кроткимъ, гостепріимнымъ характеромъ по отношенію ко всѣмъ и каждому; но ученый татаринъ, который усвоилъ себѣ тотъ взглядъ, что христіанинъ есть «кяфиръ» (невѣрный) и «мюшрикъ» (многобожникъ), ненавистный предъ очами Аллаха и уже осужденный на вѣчную кару, столь же нетерпимъ и фанатиченъ, какъ самый изувѣренный католикъ или кальвинистъ. Такіе фанатики иногда встрѣчались автору въ восточныхъ губерніяхъ, но ихъ мало и они не имѣютъ вліянія на массы. Авторъ удостовѣряетъ, на основаніи собственнаго опыта, что нигдѣ, во все время путешествія, онъ не видѣлъ такого гостепріимства и доброты, какъ среди неученыхъ мусульманъ-башкировъ. «Даже здѣсь, впрочемъ, говорить онъ: — исламъ представляетъ сильную преграду руссификаціи».

Поѣздка въ башкирскіе аулы и вообще путешествіе среди пастушескихъ степныхъ племенъ дали автору матеріалъ для одной изъ любопытнѣйшихъ главъ его труда. Лично ознакомиться съ башкирами авторъ желалъ тѣмъ болѣе, что это—единственное татарское племя, сохранившее свои древніе кочевые обычаи, такъ что онъ ожидалъ найти здѣсь случай изучить условія пастушеской жизни, а, сверхъ того, хотѣлъ видѣть своими глазами остатки тѣхъ грозныхъ татарскихъ ордъ, которыя одно время господствовали надъ Россіей и долго угрожали поработить Европу. Ожиданія эти несовсѣмъ сбылись.

Башкиры, по наблюденію автора, переходятъ теперь отъ пастушеской къ земледѣльческой жизни. Причины и способы этого перехода авторъ объясняетъ такъ:

«Почему пастушеское племя переходитъ къ земледѣлію? Пастушеская жизнь несравненно пріятнѣе тяжелой доли земледѣльца и такъ соотвѣтствуетъ естественной безопасности сельвѣческой природы, что никакой великій законодатель, хотя бы онъ обладалъ мудростью Солона и краснорѣчіемъ Демосѣена, не могъ бы побудить своихъ соотечественниковъ добровольно перейти къ земледѣлію». Поэтому, вопреки теоріи постепеннаго прогресса культуры, съ тремя стадіями, состояніемъ охотниковъ, пастуховъ и земледѣльцевъ, авторъ находитъ, что къ состоянію земледѣльческому (которое тяжеле всѣхъ другихъ за исключеніемъ, быть можетъ, рудоконнаго), отъ пастушеской жизни, представляющей почти непрерывный праздникъ, можетъ заставить перейти только голодъ. По всей вѣроятности, перспектива голоданія заставила перейти башкировъ къ земледѣлію. Пока у нихъ было довольно пастбищъ, они не думали о воздѣлываніи почвы. Стада снабжали ихъ всѣмъ необходимымъ и давали возможность вести спокойную, безпечную жизнь. Когда башкиры видали на своихъ границахъ русскихъ крестьянъ, пашущихъ

землю, они, вѣроятно, смотрѣли на нихъ съ состраданіемъ и, конечно, не думали слѣдовать ихъ примѣру. Едва ли обыкновенный законодатель могъ бы научить ихъ употребленію плуга, если бы не явился суровый законодатель, не терпящій возраженій—экономическая нужда. Территорія башкировъ значительно уменьшилась вслѣдствіе захватовъ уральскихъ казаковъ съ востока и постоянного прилива волны русской колонизаціи съ сѣвера и запада, а съ уменьшеніемъ пастбищъ уменьшилось и количество скота, единственного средства существованія башкировъ. Когда явилась необходимость подумать о другомъ способѣ добывать себѣ пищу и одежду, тогда только башкиры подумали подражать осѣдлымъ, русскимъ крестьянамъ, которые, при меньшемъ количествѣ земли, жили гораздо зажиточнѣе. Но тутъ встрѣтилось серьезное препятствіе—въ непривычѣ башкировъ къ тяжелому труду, труду постоянному, однообразному, хотя башкиры могли бы выносить огромныя лишенія и тягости, сообразныя съ прежнею ихъ жизнью, проводя, на примѣръ, цѣлые дни верхомъ на лошади. Неизбѣжнымъ сдѣлалось среднее рѣшеніе—допускъ на башкирскія земли русскихъ крестьянъ для обработки въ обмѣнъ за часть продукта.

Авторъ видѣлъ нѣсколько башкирскихъ селеній въ фазисѣ перехода къ земледѣлію, заключившихъ подобную сдѣлку, которая, повидимому, удовлетворяла обѣ стороны. Но переходный процессъ, по мнѣнію автора, на этомъ остановиться не можетъ. Воздѣлываніе дѣйственной почвы даетъ еще пока обильный урожай, достаточный для содержанія и земледѣльца, и безпечнаго собственника, но такое плодородіе скоро истощится, и чрезъ нѣсколько лѣтъ земля начинаетъ давать очень умѣренный доходъ. Собственники должны рано или поздно прекратить уступку половины продукта рабочимъ и сами приложить руки къ плугу.

Вотъ нѣсколько путевыхъ сценъ автора среди башкировъ:

«Аулъ состоялъ палатокъ изъ двадцати, всѣ по одному образцу, разбросанныхъ безъ малѣйшей симметріи. Подлѣ насъ находился ручей, называемый на нѣкоторыхъ картахъ рѣкою Каралыкъ, но въ то время представлявшій просто рядъ лужъ, съ темной влагой. Такъ какъ мы болѣе, чѣмъ подозрѣвали, что эти лужи снабжали жителей водой для поваренныхъ цѣлей, то самый видъ воды не могъ особенно возбуждать нашъ аппетитъ. За немнѣніемъ другого дѣла, мы стали наблюдать за приготовленіями къ обѣду. Они были рѣшительно первобытны. Къ дверямъ нашей палатки была принесена овца, убита тутъ же, содрана съ нея кожа; затѣмъ овца разрѣзана на куски и положена въ огромный горшокъ, подъ которымъ разведенъ огонь. Самый обѣдъ былъ столь же первобытенъ, какъ и приготовленія къ нему. Столъ замѣнялся большимъ ковромъ, протянутымъ среди палатки, а кресла изображались подушками, на которыхъ мы усѣлись, скрестивъ ноги. Не было ни блюдъ, ни ножей, ни вилокъ, ни ложекъ; предполагалось, что всѣ гости будутъ ѣсть изъ общаго

деревяннаго котла и употреблять тѣ орудія, какими снабдила ихъ природа. Пища была изобильна, но не разнообразна, состояла исключительно изъ варенаго барана, безъ хлѣба или другого подобнаго приложенія, и изъ небольшого количества соленаго лошадинаго мяса, поданнаго въ видѣ entree къ обѣду. Ъсть изъ одного блюда съ подложной магометанъ, которые понимаютъ въ весьма яносказательномъ смыслѣ велѣнія своего пророка относительно омовеній и совершенно незнакомы съ употребленіемъ вилокъ и ложекъ, само по себѣ—дѣло не совѣтъ пріятное даже для человѣка, не особенно смущаемаго религіозными предубѣжденіями; но съ башкирами дѣло выходило еще хуже, вслѣдствіе принятаго у нихъ способа выражать уваженіе и любовь своимъ собесѣдникамъ за столомъ; способъ этотъ состоитъ въ томъ, что куски барана и иногда даже горсти рису они сами вкладываютъ въ ротъ собесѣднику. Узнавъ о такой особености башкирскихъ обычаевъ, авторъ почти пожалѣлъ, что сдѣлалъ благопріятное впечатлѣніе на своихъ новыхъ знакомыхъ.

«Когда баранъ былъ съѣденъ, отчасти обществомъ, пировавшимъ въ палатѣ, отчасти еще другимъ обществомъ, которое оставалось за палаткой (весь аулъ принималъ участіе въ празднествѣ), явился кумысъ въ неограниченномъ количествѣ... Кто не пьетъ кумыса, тотъ не можетъ быть компаньономъ въ башкирскомъ смыслѣ слова, а посредствомъ усвоенія себѣ этого обычая усваивается какъ бы существенная черта башкирской національности.

«Я, конечно, предпочелъ бы имѣть отдѣльную чашку для себя, но счелъ за лучшее сообразоваться съ мѣстными обычаями и принять большую деревянную чашу, обходившую столъ. Взамѣнъ этого, новые друзья сдѣлали мнѣ важную уступку, позволили курить, хотя сами были того мнѣнія, что если пророкъ воздерживался отъ табаку, то обыкновенные смертные должны дѣлать тоже самое».

Послѣ обѣда, авторъ, нѣсколько несогласно съ башкирскимъ этикетомъ, произнесъ своимъ собесѣдникамъ небольшую рѣчь, въ которой выразилъ надежду ознакомиться съ ихъ образомъ жизни, обычаями, пѣснями, исторіей и религіей. Рѣчь, новидимому, произвела благопріятное впечатлѣніе, вызвала даже одобрительный ропотъ. «Понимавшіе по-русски перевели мои слова своимъ менѣе обученнымъ собратьямъ. Послѣдовало короткое совѣщаніе, и затѣмъ раздался крикъ: «Абдулла, Абдулла!» Черезъ нѣсколько минутъ явился Абдулла, держа въ рукахъ толстую палку. Это былъ короткій, худощавый человѣкъ, преждевременно состарѣвшійся, но игравшая на губахъ его сдержанная улыбка и судорожное движеніе вѣкъ праваго глаза показывали, что онъ еще не забылъ веселыхъ дней юности. Одежда Абдуллы казалась богаче и ярче, но въ то же время болѣе оборванною, чѣмъ у другихъ. Онъ имѣлъ видъ артиста въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и дѣйствительно былъ такимъ. По знаку хозяина, онъ

отложилъ въ сторону свою палку, вытащилъ изъ-подъ зеленого халата маленькій духовой инструментъ, напоминавшій флейту, и сыгралъ на немъ много мѣстныхъ пѣсень. Первые сыгранныя имъ мелодіи очень напоминали шотландскій «пибротъ» — своими тихими, торжественными и, въ то же время, жалобными звуками, которые постепенно переходили въ затрогивающій за душу воинственный мотивъ и снова спускались въ жалобный тонъ. Выраженіе, какое Абдулла вкладывалъ въ свой простой инструментъ, было по истинѣ изумительно. Переида внезапно отъ серьезнаго тона къ веселому, онъ сыгралъ рядъ легкихъ, веселыхъ пѣсень, а младшіе изъ слушателей поднялись и выполнили танецъ, столь же неуклюжій и некрасивый, какъ ирландскій джигъ. Абдулла оказался чѣмъ-то въ родѣ башкирскаго трубадура, хорошо знакомаго не только съ музыкой, но и съ преданіями, исторіей, предрасудками и пѣснями своего народа. Мулла и окунь (младшая особа изъ магометанской церковной администраціи) считали этого трубадура распутнымъ, потеряннымъ мальчѣ, не имѣющимъ правильныхъ, постоянныхъ средствъ къ жизни; но среди людей менѣе строгихъ принциповъ Абдулла былъ общимъ любимцемъ. Поэтому, должно быть, въ присутствіи окуна Абдулла имѣлъ всегда торжественный и молчаливый видъ, но какъ только освобождался отъ присутствія этого сановника, тотчасъ становился живымъ и общительнымъ.

«Другой изъ моихъ новыхъ знакомыхъ былъ мнѣ также полезенъ, но инымъ способомъ; Мегеметъ-Зіанъ былъ не такъ уменъ, какъ Абдулла, но гораздо его симпатичнѣе, по своему открытому, честному лицу и добрымъ, простымъ приемамъ. Это былъ высокій, мускулистый, широкоплечій человѣкъ, черты лица котораго указывали на примѣсь европейской крови. Достигнувъ лѣтъ уже выше среднихъ, онъ былъ еще живымъ и дѣятельнымъ, такъ что, верхомъ на лошади, могъ поднять камень съ земли, не слѣзая съ лошади. Впрочемъ, онъ уже не могъ выполнять это на полномъ скаку, какъ дѣлалъ въ молодости. Географическія познанія Мегемета были чрезвычайно ограничены и неточны; умъ его похожъ былъ, въ этомъ отношеніи, на тѣ старыя русскія ландкарты, на которыхъ безнадежно перемѣшивались и народы, дѣйствительно, существующіе, и много такихъ народовъ, которые не имѣли другого существованія, кромѣ мифическаго; но географическая любознательность Мегемета была ненасытна. Моя путевая карта, первый подобный предметъ, какой онъ видѣлъ, интересовала его чрезвычайно. Когда онъ узналъ, что посредствомъ простаго осмотра можно опредѣлить направленіе и разстояніе нѣсколькихъ мѣстъ, ему извѣстныхъ, то лицо Мегемета напоминало лицо ребенка, который впервые видитъ фокусы волдуна, а когда я ему объяснилъ, въ чемъ дѣло, и научилъ вычислять разстояніе до Бухары, священнаго города мусульманъ этого края, восхищеніе Мегемета было безпредѣльно. Я не могъ тотчасъ подарить ему мою карту, какъ желалъ, потому что не

имѣлъ съ собой другой такой же, но обѣщаль найти случай переслать ему карту и сдержалъ слово посредствомъ одного туземца изъ Каралыка, встрѣченнаго мною въ Самарѣ. Два или три года спустя, я узналъ черезъ одного русскаго путешественника, который провелъ ночь въ аулѣ, что онъ видѣлъ тамъ карту, носившую названіе «подарокъ англичанина», и что ему показалъ, какъ сосчитать разстояніе до Бухары, одинъ достойный башкирецъ, по имени Мегеметь-Зіанъ.

«Если Мегеметь мало зналъ чужіе края, то вполнѣ хорошо былъ знакомъ со своимъ краемъ и щедро отплатилъ мнѣ за элементарные уроки географіи. Въѣствъ съ нимъ я посѣтилъ сосѣдніе аулы; во всѣхъ нихъ у него были многочисленныя знакомства, и вездѣ насъ принимали съ величайшимъ гостепріимствомъ. Въ этихъ экспедиціяхъ обыкновенно сопровождалъ насъ Абдулла и оказывалъ важныя услуги въ качествѣ толмача и трубадура. Мегеметь могъ говорить по-русски, но его лексиконъ становился недостаточенъ, какъ только разговоръ заходилъ о предметахъ выше обыкновенныхъ предѣловъ. Абдулла, напротивъ, былъ первокласснымъ толмачемъ; подъ влияніемъ его музыкальнаго инструмента и общительности — новые знакомые становились разговорчивыми и любезными. Бѣдный Абдулла! Его поношенный, оборванный халатъ ясно показывалъ, что въ Башкиріи, какъ и въ другихъ, болѣе цивилизованныхъ странахъ, талантъ и артистическій темпераментъ ведутъ скорѣе въ бѣдности, чѣмъ къ богатству».

Авторъ посѣтилъ также и другія степныя племена, киргизовъ и калмыковъ. «Здѣсь я впервые, говоритъ онъ: — увидѣлъ настоящую степь въ полномъ смыслѣ слова — страну, ровную, какъ море, на которой нѣтъ ни холмика, даже ни малѣйшей волнообразной мѣстности, нарушающей прямую линію горизонта, ни одной воздвѣланной полосы, ни дерева, ни куста, даже камня, которые бы сообщили разнообразіе одинаковому ровному пространству. Хотя переѣздъ по такой сторонѣ очень утомителенъ, тѣмъ болѣе, что на дорогѣ нѣтъ ни верстовыхъ столбовъ, ни другихъ признаковъ, которые бы указывали путь, но все-таки тамъ не такъ скучно, какъ можно предполагать. Утромъ миражъ даетъ вамъ развлеченіе: вы видите обширныя озера съ утесами, мелями и лѣсами; въ теченіе дня вы, навѣрное, встрѣтите одну или двѣ случайности, которыя нѣсколько разгонятъ у васъ сонъ: то вы видите пару всадниковъ вдаль на горизонтѣ, и слѣдите за ихъ приближеніемъ; поровнявшись съ ними, можете перекинуться съ ними словомъ; если знаете языкъ или имѣете при себѣ переводчика, можете развлечься знаками, когда разговорный языкъ невозможенъ; то на встрѣчу вамъ выступаетъ длинная вереница верблюдовъ торжественнымъ, мѣрнымъ шагомъ, и вы можете размышлять о содержаніи толстыхъ туковъ, которыми они нагружены. То вамъ попадается скелетъ лошади, лежащій на дорогѣ, и вы смотрите, какъ собаки и степ-

ные орлы дерутся изъ-за добычи; если въ васъ таится склонность къ убійству, то можете даже выстрѣлить въ этихъ большихъ птицъ, потому что послѣднія смѣли, по невѣденію, и иногда допущаютъ васъ приблизиться къ себѣ на 30 или 40 футовъ. Наконецъ, вы видите—пріятнѣе всего—группу палатокъ вдаль и спѣшите туда насладиться тѣнью и утолить жажду хорошимъ глоткомъ кумыса.

«Киргизы, въ этнографическомъ отношеніи, очень близко стоятъ къ башкирамъ, но различаются отъ нихъ и по физиономіи, и по языку. Черты лица ихъ гораздо болѣе приближаются къ чистому монгольскому типу, а языкъ составляетъ особое нарѣчіе, которое башкирецъ или казанскій татаринъ затруднятся понять. По названію, киргизы—магометане, но, должно быть, ихъ мусульманство не особенно суроваго характера, судя по тому, что киргизскія женщины не покрываютъ лицъ даже въ присутствіи гауровъ. Образъ жизни киргизовъ мало отличается отъ башкирскаго, но такъ какъ у нихъ сравнительно больше земли, то они и болѣе способны вести чисто-пастушескую жизнь. Правда, близъ западныхъ границъ, они ежегодно сдаютъ участки русскимъ крестьянамъ для хлѣбопашества, но такіе участки не простираются далеко, такъ какъ большая часть киргизской территоріи не годится для земледѣлія по причинѣ большой примѣси соли, содержащейся въ почвѣ. Это обстоятельство будетъ имѣть важное вліяніе на будущность киргизовъ. Они, по всей вѣроятности, будутъ продолжать жить исключительно своими стадами, тогда какъ башкиры, имѣющіе хорошую пахатную землю, стоятъ уже на пути къ тому, чтобъ сдѣлаться земледѣльцами.

«Къ юго западу отъ низовьевъ Волги, въ плоской мѣстности, къ сѣверу отъ Кавказа, мы находимъ еще одно кочевое племя—калмыковъ, значительно отличающееся отъ башкировъ и киргизовъ языкомъ, физиономіей и религіей. Ихъ языкъ, нарѣчіе монгольскаго, не имѣетъ близкаго родства ни съ какимъ другимъ языкомъ этой части свѣта. По религіи, калмыки, какъ буддисты, не имѣютъ единовѣрцовъ ближе Индіи и Тибета. Но всего рѣзче выдѣляетъ ихъ отъ окружающихъ племенъ физиономія, которая обличаетъ въ нихъ монголовъ чистой воды. Сказать просто, что калмыки безобразны, значитъ сдѣлать имъ незаслуженный комплиментъ. Въ калмыцкомъ безобразіи заключается что-то ниже человѣческаго. Въ нихъ видны въ увеличенномъ размѣрѣ всѣ тѣ отталкивающія черты, которыя мы находимъ въ утонченномъ видѣ въ лицѣ китайца. Башкирецъ или даже обыкновенный киргизъ поваялся бы красавцемъ, бывъ поставленъ рядомъ съ калмыкомъ. Если татарскія и турецкія племена дѣйствительно произошли отъ предковъ подобнаго типа, то должно признать, что они, съ теченіемъ времени, получили значительную примѣсь арійской или семитической крови. Тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ судить о бѣдныхъ калмыкахъ только по наружности. Люди, жившіе среди нихъ, увѣрили меня, что калмыки отличаются рѣши-

тельными умомъ, особенно во всемъ, касающемся ухода за скотомъ, и вовсе не лишены нѣкоторыхъ изъ лучшихъ человѣческихъ свойствъ». Продолжительная борьба между кочевыми ордами, наполнявшими обширныя равнины южной Россіи, и земледѣльцами-колонистами съ сѣверо-запада, очень напоминающая борьбу между краснокожими и бѣлыми поселенцами въ преріяхъ сѣверной Америки, составляетъ, по мнѣнію автора, важную страницу русской исторіи.

«Подобно всемъ молодымъ, энергическимъ земледѣльческимъ племенамъ, русскіе всегда проявляли наклонность расширяться и присваивать себѣ территорію своихъ сосѣдей. Къ сѣверу и сѣверо-востоку такое стремленіе встрѣчало мало помѣхъ, такъ какъ страну эту населяли мирныя финскія племена, не препятствовавшія иностраннымъ колонистамъ селиться между ними. Но въ степи они встрѣтили другой приемъ. Хотя степь населена была также рѣдко, но обитатели были уже не мирные земледѣльцы, а воинственные номады, которые сопротивлялись каждому захвату своихъ пастбищъ и считали законнымъ, хорошимъ дѣломъ грабежъ, воровство скота и т. п. Эта борьба длилась цѣлыя столѣтія съ перемѣннымъ успѣхомъ. Въ первые вѣка русской исторіи, колонисты подвигались быстро и овладѣли большею частью степи, но въ XIII столѣтіи—фортуна перемѣнилась. Вся страна была завоевана кочевыми ордами, и Россія больше двухъ столѣтій, въ нѣкоторомъ смыслѣ, управлялась татарскими ханами».

Изъ двухъ теченій русской колонизаціи, южное направленіе представляло болѣе удобствъ: русскому сваттеру не предстояло рубить деревья, дѣлать расчистки. Природа, кромѣ того, снабдила край богатымъ, изумительно плодороднымъ черноземомъ, не истощеннымъ еще столѣтней распашкой. Но мужикъ предпочиталъ нерѣдко сѣверныя страны, покрытыя густыми лѣсами, требовавшія упорнаго труда до посѣва и отъ природы мало плодородныя, предпочиталъ именно потому, что не могъ смотрѣть на дѣло исключительно съ земледѣльческой точки зрѣнія. Онъ долженъ былъ принимать въ соображеніе и фауну, и флору обѣихъ странъ. Во главѣ фауны на сѣверѣ стояли мирныя, трудолюбивыя финскія племена, на югѣ—хищные номады. Поэтому-то поселенцы, хотя вообще и безстрашные, предпочитали тяжелый трудъ лѣсной полосы опасностямъ жизни въ степи. Эта постепенная, мирная колонизація сѣвера мало обращала на себя вниманія историковъ; между тѣмъ, для колонизаціи степи потребовалась помощь казаковъ, и потому-то степная колонизація составляетъ одну изъ кровопролитнѣйшихъ страницъ европейской исторіи.

Хотя, такимъ образомъ, расширение Россіи на сѣверъ, востокъ и югъ совершалось путемъ самостоятельнаго движенія земледѣльческаго населенія, по инициативѣ народа, но и правительство играло въ этомъ движеніи важную роль. Обязанность покровительствовать подданнымъ вполне совпадала съ желаніемъ

расширять предѣлы государства. Тутъ авторъ дѣлаетъ краткій очеркъ расширенія границъ московскаго государства въ Сибири, на Уралѣ, присоединенія Новгорода, Казани, Астрахани и, переходя къ дальнѣйшей исторіи Россіи, замѣчаетъ, что для сопротивленія нашествіямъ кочевыхъ племенъ существуютъ только три средства: сооруженіе большой стѣны, подобно римлянамъ въ Британіи и китайцамъ на сѣверо-западной границѣ, что невозможно въ такой странѣ, какъ Россія, или учрежденіе постоянного сильнаго военнаго кордона, попытки чего постоянно дѣлались, но неудачно, или, наконецъ, прочное покореніе хищниковъ; русское правительство вынуждено было избрать этотъ послѣдній, какъ единственный практичный и цѣлесообразный путь, хотя и сознавало, что приобрѣтеніе бесплодныхъ, рѣдко населенныхъ степей составляетъ скорѣе бремя, чѣмъ выгоду. Присоединенія вслѣдствіе самообороны сдѣлали расширеніе территоріи скорѣе дѣломъ политическимъ, чѣмъ добровольной колонизаціей. При Екатеринѣ II, съ присоединеніемъ южной Россіи, явилась надобность даже въ организованной эмиграціи. И теперь еще, въ азіатскихъ провинціяхъ Россіи, находятя обширныя пространства невоздѣланной земли, которая щедро вознаграждаетъ трудъ колониста. На западъ расширеніе границъ Россіи было всецѣло дѣломъ правительства, результатомъ медленнаго дѣйствія дипломатіи и военной силы; самыя земли къ западу отъ первыхъ русско-славянскихъ поселеній имѣли скудную почву и сравнительно густое населеніе, не только земледѣльческое, но и воинственное, не только способное защищать свою территорію, но даже склонное захватывать землю своихъ восточныхъ сосѣдей, такъ что, послѣ освобожденія Россіи отъ татарскаго ига, ей пришлось бороться на западѣ за политическую независимость и даже за національное существованіе. Тутъ авторъ представляетъ картину борьбы Россіи съ Польшей, Швеціей, ливонскимъ орденомъ, первыхъ сношеній съ англичанами, заботливости русскихъ царей о привозѣ черезъ Балтійское море чужеземныхъ хитрыхъ искусниковъ, о постановкѣ русскаго войска на европейскій образецъ, и показываетъ, въ формѣ таблицы, расширеніе русской монархіи съ 1725 г., когда пространство ея составляло въ Европѣ 1.738.000 и въ Азіи 4.092,000 кв. миль (англ.), до 1867 г., когда въ Европѣ и на Кавказѣ русскія владѣнія содержали въ себѣ 2.267,360 кв. миль, а въ Азіи 5,267,560, причемъ новѣйшія присоединенія Россіи въ Средней Азіи сюда не вошли.

Но, повторяетъ авторъ, способность Россіи къ расширенію предѣловъ всегда была гораздо сильнѣе способности ассимилировать присоединенное населеніе; въ наше время балтійскія провинціи, Польша и особенно Финляндія служатъ тому примѣромъ. Гдѣ русскіе различаются отъ чуждой расы экономическимъ развитіемъ (напримѣръ, земледѣльческимъ положеніемъ отъ кочевяго) или религіей, тамъ не происходитъ никакого сліянія. «Грубые язычники легко становятся православными и русскими;

но магометане, католики и протестанты никогда не дѣлаются русскими въ полномъ смыслѣ слова». Мы уже имѣли случай указывать на чрезвычайную условность мысли Меккензи о вліяніи религіи на народность, но вліяніе экономическаго положенія въ этомъ случаѣ отрицать нельзя. Но авторъ впадаетъ въ крайность, когда говоритъ: «русскій, нѣмецъ, полякъ, финляндецъ, грузинъ, армянинъ столь же сильно различаются другъ отъ друга, какъ французъ и нѣмецъ». У каждой изъ поименованныхъ народностей всегда встрѣтится много общаго, до известной степени ихъ ассимилирующаго, именно — сознание принадлежности къ русскому государству и права на его покровительство, въ случаѣ надобности. Изъ этого послѣдняго не составляютъ исключенія даже финляндцы, несмотря на свое вполне отдѣльное государственное устройство.

Упомянувъ о новѣйшемъ стремленіи ускорить процессъ ассимилированія окраинъ Россіи путемъ отмены мѣстныхъ привилегій и администраціи, введенія общей воинской службы, введенія русскаго языка, какъ officialнаго, во всѣхъ частяхъ имперіи, авторъ къ этому относится неособенно одобительно, хотя и оговаривается, что теперь было бы еще рискованнымъ дѣломъ высказывать свое мнѣніе о такихъ мѣропріятіяхъ и о конечномъ ихъ успѣхѣ. Меккензи ограничивается разборомъ самой тенденціи къ объединенію и общественнаго настроенія, ускоряющаго ея движеніе, подсмѣивается надъ таеъ-называемымъ «протестомъ недавно пробудившагося національнаго самосознанія», насколько этотъ протестъ (преимущественно противъ нѣмецкаго вліянія) выражается въ принудительныхъ мѣрахъ.

Проводя параллель между политикою Англіи и Россіи въ присоединенныхъ областяхъ, авторъ-англичанинъ не соглашается съ мнѣніемъ, будто Англія, изъ уваженія къ феодальнымъ преданіямъ, вездѣ налагаетъ оковы на сельское населеніе, а Россія разбиваетъ эти оковы и даруетъ свободу притѣсненному сельскому населенію (прибавимъ, что подобныя замѣчанія, въ особенности, должны имѣть въ виду британскую индійскую имперію); но Меккензи сознается, что русскіе крестьяне могутъ поздравлять себя, съ полученіемъ свободы отъ единодержавнаго государя, а не отъ британской палаты общинъ и что въ нѣкоторыхъ присоединенныхъ областяхъ низшіе классы пользуются такими выгодами, какихъ не имѣли бы при британскомъ правленіи. Наиболѣе серьезныя недостатки русской администраціи въ такихъ областяхъ Меккензи видитъ не въ политикѣ правительства, но въ его орудіяхъ: «Въ Россіи слишкомъ много чиновниковъ, говоритъ онъ: — но болѣе просвѣщенные и честные изъ нихъ неохотно подвергають себя изгнанію въ окраинныя области и легко находятъ занятіе ближе къ центру страны». Вслѣдствіе этого, по мнѣнію автора, личный составъ администраціи пограничныхъ провинцій не всегда бываетъ безукоризненъ, и вотъ почему, будто бы, Финляндія и балтійскія провинціи упорно отстаивають

свою мѣстную автономію и сопротивляются наплыву русских чиновниковъ. Меккензи указываетъ Россіи, какъ примѣръ для подражанія, Германію, которая послала въ Эльзась-Лотарингію своихъ лучшихъ официальныхъ лицъ.

Изъ внимательнаго чтенія русской исторіи авторъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что главными поводами къ расширенію предѣловъ страны были: самовольная колонизація, самозащита противъ кочевыхъ племенъ и высшія политическія дѣли, преимущественно желаніе достигнуть морскаго берега, и что весь этотъ процессъ былъ значительно облегченъ особеннымъ географическимъ положеніемъ страны и существующею формою правленія. Мы прибавимъ: былъ облегченъ, въ особенности, крѣпостнымъ правомъ, заставлявшимъ крѣпостныхъ людей бѣгать отъ господъ и заселять новыя земли; такую основу заселенія получили и Новороссійскій край, независимо отъ чужеземной колонизаціи, которая, какъ искусственная, у насъ неособенно прививается.

XII.

Послѣ изслѣдованія отношеній русской народности къ чужеземнымъ, проживающимъ у насъ племенамъ, не безъинтересенъ взглядъ автора на бытъ казаковъ, который мы заключимъ картиною жизни сѣверно-русскаго крестьянина, тѣмъ болѣе, что то и другое находится въ связи съ главнымъ предметомъ изысканій автора—экономическимъ положеніемъ поселянской Россіи.

Казачество составляетъ, въ глазахъ автора, чрезвычайно характерное явленіе. Даже такія качества, которыя не приносятъ особенной чести русскому характеру, у казаковъ оказываются существующими въ весьма сильной степени, и дѣлаютъ казаковъ какъ бы типомъ русскаго народа; такова способность примѣняться къ обстоятельствамъ, составляющая, по словамъ автора, вообще отличительную черту русскихъ». «Способные выносить чрезвычайныя тягости, всевозможныя лишенія, казаки могутъ жить и процвѣтать при такихъ условіяхъ, которыя скоро бы обезсилили всякія регулярныя войска. Поставленные на отдаленную азіатскую границу, казаки тотчасъ могутъ превратиться въ скваттеровъ, выстроить себѣ дома, занимаются хлѣбопашествомъ и живутъ, какъ колонисты, не пренебрегая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и своими военными обязанностями».

Представивъ историческій очеркъ казачества, авторъ замѣчаетъ, что новѣйшія преобразованія уничтожили общественное равенство, составлявшее въ прежнее время отличительную черту этихъ общинъ, и повели даже къ образованію любопытнаго образца иного рода. Офицеры со своими семействами составляютъ теперь нѣчто въ родѣ наслѣдственной аристократіи, къ которой перешла большая часть прежней общинной земли. Простые казаки

сдѣлались простой вооруженной милиціей. Они владѣютъ большимъ количествомъ плодородной земли и освобождены отъ прямого податнаго обложенія; взявъ съ этого, они обязаны содержать себя на собственный счетъ и служить гдѣ придется, по усмотрѣнію военнаго начальства. Въ мирное время большинству казаковъ позволено оставаться дома; они вызываются только на короткое время лѣтомъ. Весьма большое число ихъ постоянно требуется на дѣйствительную службу во всѣхъ частяхъ имперіи, отъ прусской до китайской границы; въ особенности служба казаковъ неопѣнима въ Азіи, гдѣ нужно бываетъ выносить всякія лишения. Впрочемъ, романическая сторона казацкой жизни уже миновала, и самый страшный врагъ, съ какимъ приходится теперь воевать, это—медвѣдь въ дремучихъ лѣсахъ, окаймляющихъ какую-нибудь рѣку; схватки съ черкесами, доставлявшія много интересныхъ случайностей, теперь прекратились, хотя еще живы въ памяти. «Не разъ, во время моихъ путешествій, рассказываетъ авторъ:—скука долгаго пути у меня разоглялась занимательными рассказами ямщика, основанными на его личномъ опытѣ о бывалыхъ приключеніяхъ. Повидимому, черкесы рѣдко нападали на своихъ враговъ открыто, но больше старались пройти чрезъ линію незамѣченными, чтобъ удобнѣе грабить земледѣльцевъ сзади; благодаря быстротѣ движеній и близкому знакомству съ мѣстностью, имъ часто удавалось это дѣлать успѣшно». Видѣвъ образчики и черкесовъ, и казаковъ, авторъ признаетъ благоразуміе подобной тактики, такъ какъ легкіе, проворные черкесы, несмотря на всю свою храбрость, не могли равняться съ громадными, сильными казаками въ рукопашной схваткѣ, въ которой важное значеніе имѣетъ массивность. «Нигдѣ, говоритъ авторъ:—за исключеніемъ, быть можетъ, Черногогоріи, не видалъ я такихъ великолѣпныхъ образчиковъ «genus homo», какъ среди этихъ гигантскихъ, усатыхъ потомковъ запорожцевъ». Несмотря на то, по увѣренію нѣкоторыхъ, слышанному Меккензи, казачье устройство теперь устарѣло, и казачьи войска, хотя полезны въ Азіи, но будто бы не годятся въ европейскія регулярныя войска. Авторъ замѣчаетъ, что сами казаки, разумѣется, остаются совершенно противнаго мнѣнія, которому послѣдуетъ, прибавимъ мы, и каждый, понимающій значеніе на войнѣ развѣздовъ и рекогносцировокъ.

Интересны собранныя авторомъ свѣдѣнія о земельномъ пользованіи казаковъ, проливающія, по словамъ его самого, свѣтъ на нѣкоторыя первобытныя степени общественнаго развитія, особенно на своеобразный обычай періодическаго раздѣла общинной земли. «Въ прежнія времена, земледѣліе на казацкой территоріи было запрещено подъ страхомъ смерти. Полагаютъ, что такая мѣра была принята съ цѣлью поддержать воинственный духъ обитателей», но такое предположеніе кажется автору неправдоподобнымъ. Большинство казаковъ, враждебное всякимъ правильнымъ трудамъ, предпочитало жить рыбною ловлею, охотою,

скотоводствомъ, но такъ какъ между казаками всегда было значительное число бѣглыхъ извнутри Россіи, которые привыкли жить хлѣбопашествомъ и, разумѣется, желали воздѣлывать хлѣбъ на плодородной дѣвственной почвѣ, то въ этомъ и заключалась причина приведеннаго запрещенія; въ противномъ случаѣ, хлѣбопашцы могли испортить пастбища. Авторъ увѣряетъ, что такой взглядъ подтверждается подобными же фактами, замѣченными имъ въ другихъ мѣстахъ. На киргизской землѣ бѣднѣйшіе обитатели ауловъ близъ границы, имѣющіе мало скота или вовсе его не имѣющіе, охотно даютъ часть общей земли сосѣднимъ русскимъ крестьянамъ для хлѣбопашества, но болѣе богатые киргизы, обладающіе стадами и табунами, упорно противятся этому движению и—имѣй только они власть—запретили бы распаханіе земли подъ страхомъ смерти, потому что земледѣльческая промышленность вообще уменьшаетъ количество пастбищной земли. Но какова бы ни была дѣйствительная причина запрещенія, практическія нужды заявили себя вскорѣ. По мѣрѣ увеличенія населенія и уменьшенія возможности хищничества, большинство казаковъ волей-неволей должно было преодолѣть свое нерасположеніе къ воздѣлыванію земли, и вскорѣ по сосѣдству станицъ явились большія полосы распаханной почвы. Сначала не дѣлалось попытокъ регулировать пользованіе этимъ *ager publicus*. Каждый казакъ, вздумавшій заняться хлѣбопашествомъ, пахалъ и сѣялъ гдѣ хотѣлъ, а когда земля, имъ присвоенная, начинала проявлять признаки истощенія, онъ оставлялъ свой участокъ и распаханвалъ землю въ другомъ мѣстѣ. Но такое неправильное пользованіе общинною собственностью не могло долго продолжаться. Съ увеличеніемъ числа землепашцевъ начались частныя ссоры, кончавшіяся иногда кровопролитіемъ. Явились еще худшія послѣдствія, когда по сосѣдству возникли рынки и сдѣлалось возможно продавать зерно для вывоза. Въ нѣкоторыхъ станицахъ богатая семья присвоивала себѣ огромныя пространства общественной земли, обрабатывали ее нѣсколькими парами воловъ или нанимали крестьянъ въ ближнихъ деревняхъ для обработки земли; затѣмъ, вмѣсто того, чтобы оставить землю, снявъ съ нее двѣ или три жатвы, они удерживали землю въ своемъ владѣніи и стали считать ее своею частною собственностью. Такимъ образомъ, вся пахатная земля или, по крайней мѣрѣ, лучшія ея части сдѣлались, если не по закону, то фактически, частною собственностью немногихъ семействъ, тогда какъ менѣе энергическіе или менѣе счастливые обитатели станицъ владѣли только нѣсколькими долями сравнительно неплодной земли или вовсе не имѣли земли и обращались въ земледѣльцевъ-рабочихъ.

«Еслибы это произошло въ британской колоніи, говоритъ авторъ:—или въ какой-нибудь другой общинѣ, живущей подъ дѣйствіемъ системы *laissez faire*, то общинная земля, такимъ путемъ, обратилась бы навсегда въ частную собственность, и всѣ

несобственники должны были бы зарабатывать себѣ пропитаніе услуженіемъ или же эмигрировать. Въ казацкой станицѣ были серьезныя препятствія такому направленію дѣлъ. Безземельные члены общины не могли выселяться, потому что были, на практикѣ, прикрѣплены къ своему мѣсту, вслѣдствіе военной организаціи, и нуждались въ поземельной собственности, чтобъ имѣть все необходимое для военной службы и для содержанія семействъ во время своего отсутствія. Они были въ положеніи феодальныхъ вассаловъ, обязанныхъ отправлять военную службу, но лишённыхъ земли, необходимой для выполненія этой обязанности; разумѣется, такіе люди роптали на монополистовъ, которые лищали ихъ земли. Когда неудовольствіе повело къ серьезнымъ беспорядкамъ, стали прискиваться средства помочь горю. Сначала употребили палліативную мѣру: община, отвѣтственная передъ правительствомъ за поставку опредѣленнаго числа людей, годныхъ для дѣйствительной службы, экипировала тѣхъ, которые, по бѣдности, не могли сдѣлать этого сами. Но и это не удовлетворило безземельныхъ. Они справедливо заявляли, что несутъ тѣ же тягости, какъ и люди, владеющіе землею, и потому должны пользоваться такими же привилегіями. Старинный духъ равенства былъ еще силенъ между ними, и они, въ концѣ концовъ, успѣли отстоять свои права. Вслѣдствіе ихъ требованій, забранная отдѣльными лицами земля была отобрана общиною и введена система періодическихъ передѣловъ, въ силу которой каждый взрослый мужчина владеетъ участкомъ земли».

Способы раздѣла земли бываютъ различны въ разныхъ мѣстахъ. Для примѣра, авторъ приводитъ порядокъ, употребляющійся въ Казанской Станицѣ. Вся пахатная земля, за исключеніемъ доли, оставленной для малолѣтнихъ, раздѣляется на количество участковъ, соответствующее числу душъ мужскаго пола, достигшихъ 17-ти лѣтняго возраста. Раздѣлъ земли дѣлается на 6 лѣтъ. Достигающіе 17-ти лѣтъ въ теченіи этого періода получаютъ свою долю изъ запасныхъ земель. Вдовы получаютъ количество земли, сообразное числу своихъ маленькихъ дѣтей: имѣющія менѣе трехъ дѣтей получаютъ половинную долю, съ тремя дѣтьми—полную долю, а имѣющія больше трехъ дѣтей получаютъ двѣ доли. Каждый членъ общины, получивъ участокъ, воленъ дѣлать съ нимъ что хочетъ: воздѣлывать землю самъ или сдавать ее въ наймы изъ годового платежа, или отдать сосѣдамъ на условіи полученія извѣстной доли продукта. Нѣкоторые богатые семейства обрабатываютъ значительныя пространства земли, потому что всегда найдется много желающихъ продать пользованіе своими участками. Семья можетъ кушить извѣстное число участковъ на весь періодъ времени до новаго раздѣла и можетъ даже взять всѣ такіе участки въ одной межѣ. Вслѣдствіе такого порядка, нѣкоторые казаки на практикѣ дѣлаются безземельными, но не имѣютъ повода сѣтовать, такъ какъ добровольно продали свое право и при слѣдующемъ общемъ

передѣлѣ будутъ, должнымъ образомъ, восстановлены въ своихъ правахъ».

Изложеніе это тѣмъ болѣе интересно у Меккензи, что онъ, хотя вообще имѣетъ самостоятельный взглядъ на русскіе общинные порядки, независимый отъ взглядовъ извѣстной группы западно-европейскихъ ученыхъ, изслѣдовавшихъ древнія учрежденія, но, въ очеркѣ казачьяго земельного пользованія, счелъ, наконецъ, нужнымъ сдѣлать нѣсколько оговорокъ по отношенію къ трудамъ другихъ ученыхъ. «Изслѣдованія о первобытныхъ учрежденіяхъ Мэна, Лавеле и другихъ дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ, что всѣ народы, въ какой-нибудь періодъ своей исторіи, имѣли деревенскія общины, подобныя существующимъ въ Россіи, и что учрежденіе, встрѣчаемое во всѣхъ климатахъ и у всѣхъ племенъ, мы можемъ считать необходимою ступенью въ развитіи общества, подмѣтитъ въ немъ нѣчто въ родѣ повсемѣстнаго закона, управляющаго развитіемъ формъ поземельной собственности». Вотъ какое объясненіе даетъ Меккензи этому «повсемѣстному закону», опираясь на факты, подмѣченные имъ относительно перехода отъ пастушеской къ земледѣльческой жизни:

«Пока деревенская община ведетъ чисто пастушескую жизнь и обладаетъ изобильнымъ количествомъ земли, до тѣхъ поръ нѣтъ причины составляющимъ ее отдѣльнымъ лицамъ или семействамъ раздѣлять свою землю на отдѣльные участки, и вотъ почему. Чтобы дать практическое значеніе раздѣлу земли, необходимо устроить какія-нибудь изгороди, а эти изгороди, требующія для своего сооруженія огромнаго труда, оказались бы бесполезной помѣхой, такъ какъ гораздо удобнѣе, чтобы всѣ овцы и рогатый скотъ паслись вмѣстѣ. Если мало пастбищъ и, слѣдовательно, происходитъ столкновеніе интересовъ между семьями, то пользованіе общою землею можетъ регулироваться не изгородами, а простымъ опредѣленіемъ числа овецъ и скота, какое каждая семья вправѣ послать на пастбище, что и дѣлается во многихъ русскихъ деревняхъ. Кто желаетъ держать больше скота, чѣмъ насколько имѣетъ право, тотъ платитъ другимъ нѣкоторое вознагражденіе. Такимъ образомъ, въ пастушеской жизни раздѣлъ общественныхъ земель и не нуженъ, и не удобенъ, а потому и нѣтъ вѣроятности явиться частной поземельной собственности.

«Со введеніемъ земледѣлія является стремленіе дѣлить землю между семьями, составляющими общину, такъ какъ каждая семья, живущая хлѣбопашествомъ, требуетъ себѣ опредѣленную долю земли. Если земли, пригодной для земледѣлія, изобильно, то каждому главѣ семейства дозволяется завладѣть изъ нея такимъ количествомъ, какое ему нужно, что прежде дѣлалось въ казачьихъ станицахъ и еще теперь дѣлается въ нѣкоторыхъ русскихъ колоніяхъ въ Сибири; если, напротивъ, пространство пахатной земли незначительно, какъ въ нѣкоторыхъ башкирскихъ аулахъ,

то тамъ, вѣроятно, произойдетъ правильное распредѣленіе ея между семьями.

«Съ появленіемъ наклонности дѣлить землю на опредѣленные участки возникаетъ столкновение между принципомъ общиннымъ и принципомъ частной собственности. Лица, получившія опредѣленные участки, обыкновенно имѣютъ желаніе удерживать ихъ за собою и передавать своимъ потомкамъ. Въ степныхъ же странахъ и характеръ почвы, и система земледѣлія препятствуютъ такому обращенію простого владѣнія въ право собственности. Участокъ земли обыкновенно воздѣлывается только три или четыре года подъ рядъ. Затѣмъ, онъ покидается на время, по меньшей мѣрѣ, вдвое большее, и земледѣльцы переходятъ на какое нибудь другое мѣсто общинной территоріи. Правда, чрезъ нѣкоторое время, они возвращаются къ прежнему участку, который тѣмъ временемъ оставался подъ залежь; но такъ какъ почва почти вездѣ равна по качеству, то семьи или отдѣльныя лица не имѣютъ никакого повода добиваться именно тѣхъ самыхъ участковъ, которыми они прежде владѣли. При такихъ обстоятельствахъ, принципу частной поземельной собственности не легко пустить корни; каждая семья больше настаиваетъ только на томъ, чтобы владѣть извѣстнымъ количествомъ земли, а не именно опредѣленнымъ участкомъ, и довольствуется правомъ пользованія (*usufruct*), тогда какъ право собственности остается въ рукахъ общины; различіе между пользованіемъ и собственностью имѣетъ здѣсь большое практическое значеніе, потому что, пока община удерживаетъ за собою право собственности, до тѣхъ поръ она можетъ передѣлывать землю по своему усмотрѣнію.

«По мѣрѣ того, какъ населеніе увеличивается и земли становится менѣе, описанный первобытный способъ земледѣлія уступаетъ мѣсто менѣе первобытному способу, обыкновенно извѣстному подъ названіемъ трехпольной системы. По этой системѣ земледѣльцы не переселяются періодически съ одной части общинной территоріи на другую, но обрабатываютъ все одни и тѣ же поля, а притомъ обязаны удобрять занимаемые ими участки. Принципъ общинной собственности рѣдко переживаетъ эту перемѣну, такъ какъ, вслѣдствіе долгаго владѣнія, семьи приобретаютъ предпочтительное право на участки, которые воздѣлываютъ, а лица, удобряющія свою землю, разумѣется, не соглашаются обмѣнять ее на ту, которая находилась во владѣніи лѣнниваго, безпечнаго сосѣда. Впрочемъ, въ Россіи, замѣчаетъ авторъ:—эта перемѣна не разрушила самаго принципа общинной собственности. Трехпольная система въ центральныхъ губерніяхъ употребительна уже въ теченіе многихъ поколѣній, а общинный принципъ, съ періодическимъ передѣломъ земли, остается еще нетронутымъ».

Хотя послѣдній выводъ достаточно опровергаетъ непогрѣшимость изложенныхъ авторомъ соображеній относительно малой

Т. ССXXXIV. — Отд. II. 16

прилежности общинного порядка къ болѣе высокой степени цивилизаціи, но авторъ склоненъ, повидимому, думать, что только Россія составляетъ, въ этомъ отношеніи, исключеніе. Меккензи Уоллесъ вообще не особенный поклонникъ общиннаго принципа. Известно, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ европейскихъ ученыхъ, разрушеніе общиннаго союза произошло вслѣдствіе «процесса феодализаціи», т. е. путемъ захватовъ болѣе сильными у менѣе сильныхъ, а не вслѣдствіе естественнаго перехода отъ пастушескаго быта къ земледѣльческому, и нетолько отъ изобилія или недостатка земли, какъ полагаетъ авторъ.

Исторію и нынѣшнее состояніе донскихъ казаковъ Меккензи считаетъ особенно интересными и поучительными для изучающаго развитіе обществъ. Здѣсь можно видѣть, говорить авторъ, какъ создается аристократія путемъ военной службы и какъ рабство можетъ зародиться и сдѣлаться признаннымъ учрежденіемъ безъ всякаго законодательнаго постановленія. «Исслѣдователь своеобразныхъ религіозныхъ проявленій религіозной мысли и чувства найдетъ богатое поле для изысканій въ безчисленныхъ религіозныхъ сектахъ среди казаковъ; собиратель оригинальныхъ старинныхъ обычаевъ также не останется безъ занятія».

XIII.

Въ заключеніе извлеченій изъ замѣчательной книги Меккензи Уоллеса, приведемъ упоминавшуюся нами въ прошлой статьѣ картину жизни крестьянина стараго образца. Она отличается не меньшимъ мастерствомъ, какъ и переданные уже нами очерки быта и характеровъ дворянъ и горожанъ, а притомъ даетъ поводъ ознакомиться съ англійскимъ взглядомъ на наши артели. Авторъ, во время своей болѣзни въ деревнѣ, познакомился съ нѣкоторыми мѣстными крестьянами. Самымъ интереснымъ изъ нихъ былъ старикъ Иванъ Петровъ.

«Ивану, навѣрное было лѣтъ около 60, но онъ все еще крѣпокъ и силенъ и могъ скосить въ одинаковое время больше сѣна, чѣмъ каждый другой крестьянинъ въ деревнѣ. Голова его могла бы послужить хорошимъ этюдомъ для живописца. Какъ всѣ вообще русскіе крестьяне, Иванъ Петровъ расчесывалъ волосы посрединѣ—обычай, быть можетъ, происходящій отъ подражанія изображеніямъ на иконахъ. Почтенная наружность Ивана, составлявшая слѣдствіе длинной бороды съ небольшою просѣдью, не совсѣмъ гармонировала съ его глазами, которые издавали какой то странный блескъ: было ли то выраженіе юмора или плутовства — трудно сказать. При всякихъ обстоятельствахъ, и въ легкомъ, неудобоописываемомъ лѣтнемъ костюмѣ, и въ телогрейкѣ, и въ длинномъ темносеннемъ двубортномъ сюртукѣ

надѣвавшимся иногда по воскресеньямъ и праздникамъ, Иванъ неизмѣнно смотрѣлъ сытымъ, уважаемымъ, зажиточнымъ членомъ общества, а невозмутимый видъ его, полное отсутствіе униженности въ манерахъ показывали, что онъ обладаетъ немалой дозою спокойнаго, глубоко-усвоеннаго себѣ самоуваженія. Иностранецъ, увидя Ивана Петрова, неизмѣнно подумалъ бы, что это—сельскій староста, тогда какъ на дѣлѣ онъ былъ простымъ членомъ общины, какъ и его сосѣдъ, бѣднякъ Захаръ Лѣшковъ, который никогда не упускалъ случая напиться пьянымъ, былъ всегда въ долгу и вообще имѣлъ болѣе, чѣмъ сомнительную репутацию. Правда, нѣсколько лѣтъ назадъ, Иванъ былъ сельскимъ старостой. Избранный сходомъ противъ своей воли, онъ спокойно сказалъ: «ладно, ребята, я свои три года отслужу», а въ концѣ трехлѣтія, когда его хотѣли опять выбрать, онъ твердо отвѣтилъ: «нѣтъ, ребята, я свое время отслужилъ. Теперь очередь кому-нибудь помоложе, да подосушится. Вотъ Петръ Алексѣевъ, добрый и честный парень: его и выбирайте». И сходъ выбралъ именно указанного крестьянина, потому что Иванъ, хотя и простой членъ общины, пользовался, однакожъ, большимъ вліяніемъ въ общинныхъ дѣлахъ, чѣмъ полдюжины другихъ членовъ. Ни одно важное дѣло не рѣшалось безъ его совѣта; былъ даже примѣръ, что сходъ отложилъ свои разсужденія только потому, что Иванъ Петровъ на время отлучился въ Петербургъ.

«Иностранецъ, случайно встрѣтивъ Ивана, нисколько бы не заподозрилъ, что этотъ дородный человѣкъ, такого спокойнаго, даже повелительнаго вида, былъ большую часть жизни крѣпостнымъ. Между тѣмъ, съ самаго рожденія до сорокалѣтняго возраста онъ именно былъ крѣпостнымъ помѣщика, зависѣлъ отъ произвола господина, который могъ законно наказывать его розгами когда и сколько хотѣлъ. Въ дѣйствительности, впрочемъ, Иванъ никогда не былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію, такъ какъ помѣщикъ, бывший господинъ Ивана, былъ человѣкъ справедливыи и умный, хотя иногда и строгій.

«Умное, выразительное лицо Ивана рано обратило на себя вниманіе его господина, который рѣшилъ, что мальчика надо выучить ремеслу. Для этого Иванъ былъ отправленъ въ Москву и учился тамъ у плотника. Послѣ четырехлѣтняго ученія, онъ не только уже умѣлъ зарабатывать самъ себѣ хлѣбъ, но и могъ помогать домашнимъ въ уплатѣ податей, а сверхъ того, ежегодно уплачивать опредѣленную сумму господину— сперва десять, потомъ двадцать, затѣмъ тридцать рублей, и, наконецъ, за нѣсколько лѣтъ предъ освобожденіемъ крѣпостныхъ, уже семьдесятъ рублей, считая на ассигнаціи. Въ вознагражденіе за ежегодный платежъ этой суммы, онъ могъ свободно работать и странствовать гдѣ хотѣлъ и нѣсколько лѣтъ вполнѣ пользовался своей условной свободой. Мнѣ никогда не удавалось добиться у Ивана Петрова хронологическаго разсказа о его путешествіяхъ, но по нѣкоторымъ случайнымъ замѣчаніямъ я могъ

заклѣчить, что онъ обошелъ большую часть Европейской Россіи. Очевидно, Иванъ Петровъ въ молодости былъ, что называется, «буйнаго головушка» и вовсе не ограничивался тѣмъ ремесломъ, которому обучался четыре года. Одно время онъ плавалъ на баркѣ отъ Ветлуги до Астрахани; въ другой разъ побывалъ въ Архангельскѣ и Онегѣ, на берегахъ Бѣлаго моря. Петербургъ и Москва были Ивану Петрову хорошо знакомы, и, по крайней мѣрѣ, разъ онъ посѣтилъ Одессу. Точный характеръ его занятій во время этихъ странствованій я не могъ опредѣлить; при всей своей наружной открытости, Иванъ сохранялъ чрезвычайную сдержанность по отношенію къ своимъ торговымъ дѣламъ. На всѣ мои вопросы по этому предмету онъ отвѣчалъ неопредѣленно: «лѣсное дѣло», т. е., вѣроятно, онъ, главнымъ образомъ, торговалъ лѣсомъ. И дѣйствительно, въ то время, когда я узналъ Ивана Петрова, хотя онъ и не былъ уже постояннымъ торговцемъ, но, какъ всѣмъ было извѣстно, всегда готовъ былъ купить участокъ лѣса по сосѣдству за подходящую цѣну. Сдержанному отношенію къ разговорамъ о своихъ торговыхъ дѣлахъ онъ, вѣроятно, научился у настоящихъ торговцевъ, которые всегда крайне неохотно вдаются въ откровенность по этому предмету.

«Въ продолженіи всего кочеваго періода своей жизни, Иванъ никогда совершенно не прерывалъ связей со своимъ домомъ и съ жизнью земледѣльца. Лѣтъ двадцати онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ дома, участвовалъ въ полевыхъ работахъ и женился на сильной, здоровой, молодой женщинѣ, которую выбрала для него мать за хорошій характеръ и физическую силу. По мнѣнію матери Ивана, красота въ невѣстѣ была уже роскошью, которую могутъ себѣ позволять только дворяне или богатые купцы, а обыкновенная милосивидность — дѣло крайне второстепенное, до того второстепенное, что могла и совсѣмъ быть упущена изъ виду. Такого же мнѣнія была и сама жена Ивана. «Красива я никогда не была (такъ говорила она сама про себя), да была вѣрной женой своему мужу». Въ теченіи первыхъ лѣтъ брачной жизни они очень мало видали другъ друга. Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, въ самомъ разгарѣ медоваго мѣсяца, Иванъ ушелъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Москву, оставивъ молодую жену на попеченіе отца и матери. Молодая жена не сочла этого чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ, потому что тоже самое было и со многими ея подругами; притомъ и въ глазахъ всѣхъ окрестныхъ жителей тутъ не было ничего особеннаго. Вообще въ русскихъ крестьянскихъ бракахъ бываетъ очень мало чего-нибудь романческаго или сантиментальнаго. Жену берутъ больше какъ работницу, чѣмъ какъ друга, и свекровь оставляетъ ей мало досуга на сѣтованія и мечты.

«По мѣрѣ того, какъ отецъ Ивана становился старѣе и слабѣе, самъ Иванъ сталъ чаще и дольше бывать на родной сторонѣ, а когда старикъ сдѣлался уже неспособенъ къ работѣ, тогда Иванъ постоянно водворился дома и сталъ завѣдывать

домомъ. Между тѣмъ, у него самого уже подростали дѣти. Когда я узналъ семью, она состояла изъ Ивана, его жены, двухъ сыновей, трехъ невѣстокъ и неопредѣленнаго, часто измѣнявшагося количества внучатъ, не считая двухъ дочерей, которыя вышли рано замужъ и жили съ мужниной родней. Младшій сынъ Ивана былъ взятъ въ рекруты вскорѣ послѣ свадьбы. Двое остальныхъ мало времени въ году проводили дома. Одинъ былъ плотникъ, другой — каменщикъ; оба путешествовали по другимъ губерніямъ, ища занятій, какъ дѣлалъ и отецъ ихъ въ молодости. Была, впрочемъ, и разница. Отецъ всегда выказывалъ наклонность больше къ торговымъ дѣламъ, чѣмъ къ простому ремеслу, и потому обыкновенно жилъ и работалъ одинъ. Сыновья, напротивъ, ограничивались своими ремеслами и во все рабочее время были членами артели.

«Артель въ своихъ разнообразныхъ формахъ составляетъ интересное учрежденіе. Тѣ артели, къ которымъ принадлежали сыновья Ивана, были просто временными, странствующими ассоціаціями рабочихъ, которые въ лѣтнюю пору вмѣстѣ жили, вмѣстѣ кормились, вмѣстѣ работали и, по окончаніи каждой работы, дѣлили между собою барыши. Эта первобытная форма учрежденія встрѣчается теперь не часто. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, капиталъ далъ себя почувствовать и подорвалъ равенство между членами артели. Вмѣсто того, чтобы составлять изъ себя такія временныя ассоціаціи, рабочіе теперь обыкновенно заключаютъ контрактъ съ подрядчикомъ, имѣющимъ капиталъ, и получаютъ съ него опредѣленную мѣсячную плату. При такомъ порядкѣ, риску меньше, но меньше и доходовъ, и если предпріятіе дастъ случайно большую прибыль, то послѣдняя поступаетъ въ карманъ подрядчика, въ вознагражденіе за случайныя потери, какія онъ можетъ понести. Единственная ассоціація, въ этомъ случаѣ существующая, бываетъ по части закупки и заготовленія съѣстныхъ припасовъ, но даже и это часто представляется подрядчику.

«Въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ бываютъ артели гораздо болѣе сложнаго характера: это — постоянныя ассоціаціи, съ большимъ капиталомъ, съ круговою денежною отвѣтственностью за дѣйствія отдѣльныхъ членовъ. Изъ этихъ артелей особенно извѣстностью пользуется артель банкирскихъ разсылныхъ. Эти разсылные имѣли бы полную возможность воровать, такъ какъ имъ часто ввѣряются огромныя суммы для храненія или для переноски, но банкиръ вовсе не тревожится, зная, что, въ случаѣ пропажи, ущербъ его будетъ вознагражденъ артелью. Впрочемъ, подобные случаи, если и встрѣчаются, то очень рѣдко. Артель отвѣтственна за своихъ членовъ, и очень разборчива въ приемъ новыхъ; и принятый членъ подвергается внимательному наблюденію не только со стороны лицъ, надзирающихъ за артельщиками по обязанности, но и со стороны товарищей, которые имѣютъ возможность наблюдать за нимъ. Если кто на-

чинаетъ очень щедро тратить деньги или небрежно относиться къ своему дѣлу, то, хотя бы самъ хозяинъ еще ничего не зналъ объ этомъ, тотчасъ возбуждаются подозрѣнія между сотоварищами и начинается разслѣдованіе, кончающееся изгнаніемъ виновнаго изъ артели, если подозрѣнія окажутся основательными. Короче, взаимная отвѣтственность создаетъ вполне дѣйствительную систему взаимнаго надзора». Не могли ли бы и наши наниматели рабочихъ, спрашиваетъ авторъ, громко сѣтующіе на безпечность и нечестность своихъ слугъ, сдѣлать практическое употребленіе изъ этого принципа?

«Изъ двухъ сыновей Ивана, одинъ, плотникъ по ремеслу, являлся въ семью только по временамъ, чрезъ неправильные промежутки, другой же проводилъ дома большую часть зимы. Оба они большую часть своихъ заработковъ вносили въ семейную казну, и отецъ въ этомъ отношеніи пользовался безотчетною властью. Желая сдѣлать значительный расходъ, онъ всегда совѣтовался о томъ съ сыновьями и никогда не встрѣчалъ отъ нихъ сопротивленія своему рѣшенію, потому что самъ, какъ человекъ благоразумный, пользовался въ своей семьѣ уваженіемъ и довѣріемъ. Всѣ полевныя работы выполнялъ самъ Иванъ Петровъ съ помощью невѣстовъ; только на время жатвы принаималъ онъ еще одного или двухъ работниковъ.

«Домъ Ивана былъ хорошимъ образчикомъ русской крестьянской семьи стараго покроя. До освобожденія крѣпостныхъ было много хозяйствъ подобнаго рода, содержавшихъ въ себѣ представителей трехъ поколѣній. Всѣ молодые и старыя члены семьи патриархально жили вмѣстѣ подъ властью «хозяина» или «большака», которымъ обыкновенно былъ дѣдъ или старшій братъ, но это правило соблюдалось не очень строго. Если, напримѣръ, дѣдъ дряхлѣлъ или старшій братъ оказывался негоднымъ къ дѣлу, вслѣдствіе беспорядочной жизни или по другимъ причинамъ, то мѣсто большака занималъ другой членъ семьи — даже женщина, если она была хорошей хозяйкой и пользовалась большимъ нравственнымъ вліяніемъ. Отношенія между хозяиномъ и другими членами семьи зависѣли отъ обычая и личнаго характера и потому, конечно, бывали очень разнообразны въ различныхъ семьяхъ. Если большакъ былъ человекъ умный, рѣшительнаго, энергическаго характера, подобный Ивану Петрову, то въ домѣ господствовала полная дисциплина, за исключеніемъ, быть можетъ, женскаго языка, который иногда не охотно подчиняется авторитету даже своей владѣлицы; но часто случалось, что большакъ бывалъ не вполне пригоденъ для своего мѣста, и въ такомъ случаѣ происходили безконечныя ссоры, особенно въ женской половинѣ семьи; это и неудивительно, такъ какъ въ тѣсномъ крестьянскомъ домѣ очень трудно ужиться нѣсколькимъ невѣстамъ съ дѣтьми и со свекровью. Любимымъ мотивомъ народной поэзіи служить тяжкая доля молодой снохи, которую свекровь заваливаетъ непосильной работой.

«Домъ со всѣми принадлежностями, скотъ, земледѣльческія орудія, зерно и другіе продукты, деньги, вырученныя за продажу ихъ, словомъ, домъ и почти все, въ немъ находившееся, составляло общую собственность семьи. Поэтому, ничто не покупалось и не продавалось ни однимъ членомъ семьи, даже большакомъ (развѣ онъ пользовался особеннымъ, необычнымъ авторитетомъ), безъ опредѣленнаго или безмолвнаго согласія другихъ взрослыхъ мужчинъ; всѣ заработанныя деньги складывались въ общую кассу; сыновья, отправляясь на заработки, должны были приносить или присылать домой всѣ заработанныя деньги, кромѣ необходимыхъ на пищу, квартиру и другіе неотложные расходы; если же отлучившійся слишкомъ широко понималъ эти «неотложные расходы», то, по возвращеніи, непремѣнно выслушивалъ очень недвусмысленные упреки. Жена и дѣти во все это время оставались дома».

По мнѣнію автора, такое старосвѣтское крестьянское домохозяйство составляетъ первообразную рабочую ассоціацію, члены которой имѣютъ все общее; замѣчательно, что крестьянинъ смотритъ на свое домашнее житье такъ же, а не какъ на семейство въ точномъ смыслѣ. Это подтверждается обычной терминологіей и закономъ наслѣдованія. Слово «хозяинъ», означающее управителя, прилагается одинаково къ сельскому хозяину, лавочнику, промышленнику-предпринимателю, и вовсе не подразумеваетъ понятія о кровномъ родствѣ.

«Законъ наслѣдованія также основанъ на этомъ понятіи. Если домъ распался, то степени кровнаго родства не принимаются въ соображеніе при раздѣлѣ собственности. Между всѣми взрослыми членами имущество дѣлится поровну. Незаконнорожденные и приемные сыновья, если они внесли свою долю труда, имѣютъ тѣ же самыя права, какъ и рожденные въ законномъ бракѣ. Но замужнія дочери, какъ принадлежащія уже къ семейству мужа, а также сыны, отдѣлившіеся еще прежде отъ хозяйства, исключаются изъ наслѣдства. Строго говоря, наслѣдованія здѣсь совсѣмъ нѣтъ, за исключеніемъ платья и мелкихъ вещей подобнаго рода. Домъ и все въ немъ содержащееся принадлежатъ не хозяину, но маленькой домашней общинѣ; слѣдовательно, когда хозяинъ умретъ и община распадется, члены хозяйства не наслѣдуютъ, но просто присваиваютъ себѣ то, чѣмъ до сихъ поръ владѣли сообща. Такимъ образомъ, здѣсь, въ собственномъ смыслѣ, нѣтъ наслѣдованія, но просто ликвидація и раздѣлъ имущества между членами. Письменный законъ наслѣдованія, основанный на понятіи личной собственности, совершенно неизвѣстенъ крестьянамъ и неприложимъ къ ихъ образу жизни».

Такое же преобладаніе практическихъ экономическихъ соображеній авторъ видитъ и въ способахъ заключенія браковъ въ большихъ крестьянскихъ семьяхъ. Оговорившись насчетъ отсутствія въ русскомъ крестьянствѣ вообще всякой сантиментальности, авторъ развиваетъ свою мысль такъ: «При нервобитной си-

стемъ хлѣбопашества, обыкновенно употребительной въ Россіи, естественную рабочую единицу составляютъ мужчина, женщина и лошадь. Поэтому, какъ скоро мальчикъ становится годнымъ работникомъ, онъ долженъ быть снабженъ и двумя атрибутами, необходимыми для составленія рабочей единицы. Достать лошадь—обязанность большака, добыть малому жену—дѣло болыпухи. Главныя соображенія въ обоихъ случаяхъ одни и тѣ же: физическая сила и способность къ труду. Мальчикъ достигъ 18-ти лѣтъ; ему говорятъ, что онъ долженъ жениться тотчасъ же, и, какъ только онъ далъ согласіе, начинаются переговоры съ родителями какой-нибудь подходящей дѣвушки. Невѣста обыкновенно не приноситъ съ собою особаго приданого, но приноситъ пару сильныхъ рукъ и тѣмъ способствуетъ обогащенію своей новой семьи». Общимъ правиломъ авторъ ставитъ, что русскіе крестьянскіе браки совершаются больше подъ экономическими, чѣмъ подъ сантиментальными вліяніями.

«Обычай жить большими семьями имѣетъ много рѣшительныхъ экономическихъ выгодъ. Даже и въ обыкновенное время необходимыя издержки большого хозяйства, положимъ, изъ десяти членовъ, значительно меньше соединенныхъ издержекъ двухъ домохозяйствъ, содержащихъ каждое по пяти членовъ, а въ «черный день» большой семьѣ гораздо легче вынести временное несчастье, чѣмъ малой. Эти повсемѣстно приложимые принципы имѣютъ особенную силу въ жизни русскаго крестьянства. Доля общинной земли, достающаяся женатому члену общины, не занимаетъ собою ни всего времени, ни всей рабочей силы общинника. Женатая пара легко можетъ воздѣлать двѣ доли, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земли не особенно изобильно. Семья, состоящая изъ двухъ женатыхъ паръ, можетъ обработывать двѣ земельныя доли трудомъ одного изъ мужчинъ и двухъ наличныхъ женщинъ, а другой мужчина можетъ еще идти на заработки.

«При крѣпостномъ правѣ, помѣщики хорошо понимали эти выгоды и заставляли крѣпостныхъ жить большими семьями, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда семья крестьянина принимала необычайно огромные размѣры и когда въ ней постоянно господствовали раздоры. Вообще, въ брачныхъ дѣлахъ крѣпостныхъ людей помѣщики болѣею частію имѣли систематическій надзоръ, именно потому, что этимъ затрогивались ихъ матеріальные интересы.

«Тѣмъ не менѣе, несмотря на экономическія выгоды, обычай жить большими семьями представляетъ серьезныя неудобства, какъ теоретическаго, такъ и практическаго свойства. Русскіе крестьяне, хотя и одѣты въ овчинные полушубки, но остаются такими же людскими существами, какъ и мы сами, имѣютъ тѣ же чувства и страсти, и если пытаются несовсѣмъ одинаковою съ нами пищею, то, во всякомъ случаѣ, подвержены одинаковымъ съ нами болѣзнямъ, должны лечиться тѣми же средствами, какъ прочіе

смертные и могутъ опять, какъ прочіе же смертные, раздражаться неприяностями, которыхъ изобиліе всегда найдется при совмѣстномъ житіи двухъ или нѣсколькихъ семействъ подъ одною кровлею. Въ крестьянскомъ быту тяжелыя стороны такого житія сказываются еще сильнѣе. Семьи, составляющія большое хозяйство, не только живутъ вмѣстѣ, но имѣютъ почти все общее. Каждый работаетъ не только для себя, но и для всѣхъ, и заработки идутъ на общую семейную пользу. При такомъ порядкѣ, почти неизбѣженъ одинъ изъ двухъ результатовъ: или непрерывные раздоры, или порядокъ, охраняемый сильною домашней тиранией, что несравненно хуже рабства».

Вотъ почему авторъ признаетъ совершенно естественнымъ, что, со времени освобожденія крестьянъ, большія крестьянскія семьи почти всѣ распались. Произвольная власть «хозяина» основывалась на такой же власти помѣщика, ея поддерживалась, и обѣ пали вмѣстѣ. Домохозяйства, въ родѣ того, какое сохранилось у Ивана Петрова, остались только въ видѣ исключенія, тамъ, гдѣ глава семьи случайно пользовался огромнымъ нравственнымъ вліяніемъ на остальныхъ членовъ.

«Такая перемена несомнѣнно имѣла дурное вліяніе на матеріальное благосостояніе крестьянина, но она же должна была значительно увеличить его домашній комфортъ и, конечно, произвесть хорошіе результаты въ нравственномъ отношеніи. Но въ настоящее время больше всего выдаются дурныя послѣдствія этой мѣры. Особенно серьезно то, что многіе женатые крестьяне, чтобъ покрыть необходимыя расходы по устройству особаго домохозяйства, входятъ въ долги; если крестьянинъ досталъ денегъ только за пять, за шесть процентовъ, то и тогда уже его положеніе довольно плохо, но въ дѣйствительности оно бываетъ еще значительно хуже, потому что деревенскіе ростовщики считаютъ 20 и 25% не особенно тяжкимъ ростомъ. Задолжавшій крестьянинъ съ трудомъ можетъ выплачивать проценты даже въ обыкновенное время, а въ случаѣ неурожая, пропажи лошади—безнадежно запутывается. Крестьяне, не преданные ни пьянству, ни другимъ раззорительнымъ привычкамъ, все-таки впадаютъ изъ-за долговъ въ безпомощное состояніе. Къ счастью, ихъ домъ, доля общинной земли, земледѣльческія орудія, лошадь, словомъ, все необходимое для существованія, изъято отъ секвестра по закону. Впрочемъ, община можетъ подвергнуть ихъ тѣлесному наказанію за неуплату податей, и, кромѣ того, во многихъ другихъ отношеніяхъ, положеніе крестьянина, охраняемаго закономъ отъ конечнаго раззоренія, далеко незавидно».

Русскіе читатели хорошо знаютъ, во что обращается на практикѣ такое охраненіе недоимщика крестьянина буквою закона и каково положеніе тѣхъ, у кого, несмотря на эту охрану, за недоимку уведать не только послѣднюю корову, но снимаютъ даже крыльцо у избы, какъ мы читали въ прошлогоднихъ газетахъ.

Частные долги при этомъ становятся неизбежнымъ явленіемъ, виною котораго не одни семейные раздѣлы. Вообще эта глава въ сочиненіи Меккензи, при всемъ мастерствѣ автора, страдаетъ отсутствіемъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ данныхъ о положеніи другихъ, менѣе исключительныхъ крестьянскихъ типовъ, извѣстныхъ намъ, но едва ли извѣстныхъ западнымъ читателямъ.

XIV.

Каково же общее впечатлѣніе отъ книги, составляющей результатъ крайне добросовѣстнаго изученія Россіи иностранцемъ? Для русскаго читателя, безъ сомнѣнія, окажется много пробѣловъ даже въ названіяхъ тѣхъ сторонъ русской жизни, какія разсматриваются авторомъ. Судя по предисловію къ первому тому, Меккензи намѣренъ былъ посвятить особый томъ такимъ предметамъ, которые частью дѣйствительно вошли во второй томъ, какъ на примѣръ, изслѣдованія о сельской общинѣ, исторія освобожденія крестьянъ, частью же вовсе не вошли въ опубликованные два тома сочиненія, какъ финансовая система, народное просвѣщеніе и т. п. Нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ упущеній авторъ надѣется пополнить «не въ дальнемъ будущемъ», и дѣйствительно—въ послѣднемъ № «Fortnightly Review»—появилась статья Меккензи «О русскихъ тайныхъ обществахъ», и вѣроятно, появится еще цѣлый рядъ отдѣльныхъ статей о Россіи, которыя составятъ новый томъ. Самъ авторъ, какъ сообщалось недавно въ газетахъ, прибылъ въ Петербургъ и состоитъ нынѣ корреспондентомъ газеты «Times», слѣдовательно, изученіе имъ русской жизни еще продолжается.

Нельзя, поэтому, судить о разсмотрѣнной нами книгѣ, какъ о сочиненіи, имѣющемъ претензію на всестороннюю картину русской жизни. Добросовѣстность автора препятствуетъ ему дѣлать рѣшительные приговоры даже по отношенію къ тѣмъ предметамъ, сужденіе о которыхъ уже заключается въ предъидущемъ изложеніи. Тѣмъ не менѣе, картина Россіи начертана даже теперь довольно полная и въ избранныхъ предѣлахъ, весьма обстоятельная, захватывающая и внутреннюю жизнь русскаго общества, и взаимныя отношенія общественныхъ силъ между собою и къ правительству, и даже отношенія внѣшнія (въ главѣ о восточномъ вопросѣ). Очевидно, авторъ принадлежитъ къ тому все увеличивающемуся кругу европейскихъ ученыхъ, которые разсматриваютъ Россію безъ предубѣжденія, даже съ доброжелательствомъ, но иногда все-таки свысока.

Положимъ, что и для этого послѣдняго взгляда найдутся вѣскіе доводы. Русское общество дѣйствительно отстало отъ истинно-культурныхъ странъ, и въ приведенныхъ нами многочисленныхъ ци-

татахъ изъ книги Меккензи видны яркіе примѣры такой отсталости. Но, именно съ англійской точки зрѣнія, впечатлѣніе должно бы, по нашему мнѣнію, получиться нѣсколько другое. Вездѣ, гдѣ русская жизнь проявляется самостоятельно, будь это въ сельской общинѣ, жизненность которой признаетъ самъ авторъ, или въ новѣйшихъ органахъ городского и сельскаго самоуправленія, даже въ той картинѣ недавняго умственнаго и общественнаго движенія, которую довольно неполно набросалъ Меккензи и которую мы не приводимъ, вездѣ русское общество является чуткимъ и идущимъ по правильному пути. Мы готовы повторить это даже относительно тѣхъ сторонъ русской жизни, которыя подверглись осужденію автора въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его статьяхъ. Аналогія, которая бросается въ глаза при сравненіи развитія обществъ русскаго и хотя бы англійскаго, въ соотвѣтствующіе періоды, какъ бы ускользаетъ отъ автора. Борьба силъ, изъ которой слѣдуютъ прогрессъ и политическая жизнь народовъ, была въ Англии, Франціи, Германіи, происходитъ и въ Россіи, но для правильной оцѣнки этой борьбы слѣдовало бы взвѣсить тѣ факторы, которые даютъ перевѣсъ той или другой силѣ, опредѣлить, въ какомъ фазисѣ этой борьбы находится теперь Россія и каковъ характеръ современнаго настроенія русской интеллигенціи, на которой основываются надежды на будущій прогрессъ. Если большинство публики мало культурно, то это еще ничего не доказываетъ; въ той же Англии любой изъ типовъ Диккенса, сопоставленный съ соотвѣтствующимъ нашимъ соотечественникомъ, поразитъ сходствомъ въ неприглядныхъ чертахъ и если, быть можетъ, на сторонѣ англійскаго типа все-таки окажется перевѣсъ, то надо же припомнить и ту массу улучшающихъ жизнь условий въ Англии, которыхъ у насъ нѣтъ или которыя у насъ въ зародышѣ. Хорошій очеркъ новѣйшаго момента умственнаго движенія русской интеллигенціи—вотъ чего, главнымъ образомъ, недостаетъ сочиненію Меккензи, односторонность взглядовъ котораго въ этомъ отношеніи, замѣтная вообще въ книгѣ, не покидаетъ его и въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ. Картина современной системы просвѣщенія народа, едва затронутая въ статьѣ «Fortnightly Review», могла бы многое пояснить самому автору; изслѣдованіе разнообразныхъ отгѣнковъ и направлений, волнующихъ теперь русскую жизнь, дало бы ему ключъ отъ той кажущейся нестройности тенденцій, которая заставляетъ Меккензи иногда относиться съ незаслуженной ироніей къ дѣятелямъ и типамъ изъ молодого поколѣнія. По нашему мнѣнію, въ Россіи сказывается желаніе простора умственной жизни, работы мысли, стремленіе улучшить будущее поколѣніе. Мы повторимъ здѣсь черту, чрезвычайно характерную для настоящаго момента: это—повсемѣстное желаніе учиться, переполненіе всевозможныхъ учебныхъ заведеній (иногда даже того незаслуживающихъ) молодежи помимо всякихъ соображеній о правахъ, еще такъ не-

давно насъ занимавшихъ. На наше общество приходитъ, очевидно, сильный фазисъ роста, и недавно еще такъ распространенная апатія мало-по-малу исчезаетъ. Способность къ такому росту и къ умственной зрѣлости авторъ въ одномъ мѣстѣ весьма тонко подмѣтилъ у русскаго мужика. Тамъ болѣе найдется умственной подготовки у образованнаго круга, хотя бы онъ былъ и немногочисленъ. Если разъ мы подмѣтимъ и признаемъ эту особенность за настоящимъ моментомъ русской общественности, признаемъ стремленіе выйти изъ недавней спячки всѣми путями, то какое же значеніе имѣютъ полупроническія слова автора объ этно-сентиментальномъ сочувствіи нѣкоторой части русскаго просвѣщеннаго общества къ борьбѣ балканскихъ славянъ? Съ того времени, какъ написана разсматриваемая книга, славянская борьба превратилась уже въ междугосударственную войну, привлекающую на себя теперь—прямо или косвенно—главное вниманіе просвѣщенныхъ и даже непросвѣщенныхъ русскихъ людей и не подлежащую здѣсь вовсе обсужденію. Каковы будутъ послѣдствія войны для русской гражданственности—безполезно было бы предсказывать, но тотъ фазисъ нашего общественнаго оживленія, о которомъ упоминаетъ авторъ, называя его этно-сентиментальнымъ, уже заслоненъ болѣе настоятельными интересами и, конечно, не заслуживаетъ ироніи, даже добродушной. Не нужно спорить объ истинномъ или мнимомъ родствѣ нашемъ со славянами и о томъ, реальное или только сентиментальное явленіе составляетъ сочувствіе къ нимъ среди образованнаго общества. Для дѣла общественнаго прогресса важенъ фактъ оживленія людей хорошимъ порывомъ. Съ англійской точки зрѣнія, легко забыть, что русское образованное общество не уступаетъ иностранцамъ, а по широтѣ и человѣчности воззрѣній часто даже опережаетъ ихъ. Между тѣмъ, изъ этого выходитъ, что идеалы у насъ высокіе, а дѣйствительность зачастую имъ несоотвѣтствуетъ. Меккензи замѣтилъ и привелъ въ комическомъ свѣтѣ свойство русскихъ все обобщать, изъ ничтожнаго дѣла создавать чуть ли не міровой вопросъ. Почему онъ не потрудился вникнуть въ причину такого нехорошаго, по его мнѣнію, свойства? Мы думаемъ, что по свойственному британцамъ лицемѣрному способу выражений, а иногда даже и по лицемѣрному отношенію къ самому предмету.

Признаки общественнаго роста не разъ уже показывались, и они-то, въ сущности, вызывали собою тотъ реформистскій энтузіазмъ, который такъ не по душѣ автору, по причинѣ своего порывистаго характера. Правда, эти мимолетные фазисы скоро смѣнялись реакціей, не только внѣшней, но также реакціей и равнодушіемъ въ самомъ обществѣ ко всему, кромѣ наживы. Карать насъ за это предъ европейцами легко; труднѣе разъяснить имъ поводы къ тому или другому фазису нашей общественности. Отъ автора, повидимому, ускользнулъ (или онъ, какъ англича-

нить, нагнѣренно отъ себя закрываетъ) общій характеръ явленій, совершающихся у насъ въ послѣднее десятилѣтіе,—роль, какую сыграли наши «охранительныя начала» и ихъ практическое приложение и т. п. Исслѣдованіе могло бы выйти поучительнымъ, особенно въ виду нелѣпостей, какія писала о Россіи та же «Fortnightly Review» нѣсколько лѣтъ назадъ, относительно значенія у насъ нѣкоторыхъ противообщественныхъ силъ, разумѣя на первомъ планѣ раскольниковъ, затѣмъ нигилистовъ и т. п. Противъ такихъ заблужденій долженъ бы предохранять европейскую публику добросовѣстный исслѣдователь, и Меккензи Уоллесъ, безъ сомнѣнія, въ состояніи это сдѣлать; но онъ дѣлаетъ это меньше, чѣмъ могъ бы, и потому его книга принесетъ меньше пользы европейской читающей публикѣ, чѣмъ могла бы принести.

Въ заключеніе, отмѣтимъ еще курьёзное обстоятельство, служащее отчасти подтвержденіемъ нашему взгляду на то, въ какомъ бы духѣ слѣдовало написать столь добросовѣстную въ частныхъ исслѣдованіяхъ книгу. Недавно въ какой-то нѣмецкой газетѣ, разбиравшей отношенія нѣмцевъ къ Россіи, замѣчено было, между прочимъ, что сужденія о ней, особенно оживленныя при настоящихъ обстоятельствахъ, составляются на основаніи старыхъ, давно отжившихъ сочиненій Прокешъ-Остена, Генца и другихъ, откапывающихся нарочно для этого случая изъ заслуженнаго забвенія, тогда какъ добросовѣстныя сочиненія, въ родѣ книги Меккензи Уоллеса (которая переведена на нѣмецкій языкъ), привлекаютъ къ себѣ мало читателей и еще меньшимъ числомъ ихъ признаются за авторитетъ. Несомнѣненъ тотъ фактъ, что къ намъ европейское общество относится или враждебно, или, по меньшей мѣрѣ, равнодушно. Такая враждебность объясняется полнымъ незнаніемъ нашей страны, затверженными издавна мнѣніями о завоевательныхъ ея стремленіяхъ, о враждебности всякой цивилизаціи. Россія, въ глазахъ незнающихъ ее европейцевъ—представительница варварскихъ принциповъ, и «Кладде-радачъ» не разъ очень недвусмысленно это высказывалъ. Едва ли добросовѣстные труды, въ родѣ книги Меккензи, много ослабятъ это мнѣніе, потому именно, что авторъ не всегда правильно направляетъ похвалы и порицанія. Если хвалимыя авторомъ лица и стороны русской жизни не симпатичны въ глазахъ европейцевъ, какъ олицетвореніе ненавистныхъ принциповъ, то каково же, спросятъ они, должно быть все остальное, какова масса народа? онъ, должно быть, недалеко отсталъ отъ людоѣдовъ. Не мѣшало бы выяснить, что русское общество, само по себѣ, вовсе не враждебно европейской культурѣ, и отдѣльныя, смѣшныя или несимпатичныя стороны русскаго быта ничего еще не доказываютъ: такія стороны можно найти ивъ странахъ, менѣе обиженныхъ природой и исторіей, чѣмъ наша. Книга Меккензи едва ли и можетъ пользоваться особенною любовью на западѣ Европы:

благодаря новизнѣ содержанія и добросовѣстности труда, она выдержала нѣсколько изданій, но въ текущемъ употребленіи уступаетъ мѣсто устарѣлымъ злобнымъ памфлетамъ; не потому ли это, что авторъ оставилъ незаслуженно въ тѣни тѣ лучшія силы русскаго общества, которыя не имѣютъ ничего общаго съ ходячими въ Европѣ quasi-русскими принципами и заслуживаютъ, по меньшей мѣрѣ, серьезнаго къ себѣ отношенія. Нельзя же, чтобъ насъ цѣнили только по тѣмъ образцамъ, которые ѣздятъ веселиться по Европѣ, и по тѣмъ давнишнимъ теоріямъ, которыя пугаютъ европейцевъ своею крайностью. Авторъ, кажется намъ, потому и не оцѣнилъ хорошихъ элементовъ русской интеллигенціи, что смотрѣлъ слишкомъ съ точки зрѣнія нынѣшнихъ британскихъ принциповъ, забывая очень недавнее прошлое собственной страны. А это прошлое, въ особенности, исторія царствованія первыхъ Георговъ, очень поучительно. Съ другой стороны, онъ едва ли поколебалъ и тѣ устои, на которыхъ покоится враждебное отношеніе къ намъ европейцевъ. Робкія попытки похвалъ, соединенныя съ незаслуженнымъ высокоуміемъ и подтверждающія нѣкоторыя ложныя о насъ представленія въ Европѣ, не удовлетворяютъ ни друзей, ни враговъ Россіи. Лучшею частью сочиненія остается изслѣдованіе общины и крестьянской реформы. Авторъ хорошо бы сдѣлалъ, еслибы дальнѣйшей разработкѣ этой стороны русской жизни преимущественно и посвятилъ свой трудъ: здѣсь онъ все-таки свободнѣе отъ предвзятыхъ британскихъ взглядовъ; здѣсь больше простора его несомнѣнному дарованію, какъ ученаго изслѣдователя, но не какъ публициста текущей минуты.

Н. Половскій.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Смерть Тьера.—Радость реакціонеров.— Покушеніе министерства обратить похороны Тьера въ избирательный манёвръ и сопротивленіе вдовы покойнаго.—Запрещеніе парижскаго архіепископа церемоніи въ церкви Мадленъ.—Присутствіе посланниковъ на погребальномъ шествіи.—Закрытіе магазиновъ.—Знамя Бельфора.—Милліонная толпа и ея грозное спокойствіе.—Грешъ.—Грешъ—какъ замѣна Тьера.—Несокрушимый союзъ 363-хъ.

3-го сентября въ 6-ть часовъ вечера, вблизи отъ Парижа, въ скромной гостинницѣ Сен-Жермена ан-Лэ, неожиданно умеръ Тьеръ. Родился онъ въ Марсели 15 го апрѣля 1797 года; слѣдовательно, ему было 80 лѣтъ и четыре мѣсяца. Несмотря на такія преклонныя лѣта, онъ сохранялъ до самой смерти всѣ свои умственные способности и проявлялъ въ своихъ дѣйствіяхъ такую энергію, какой могло бы позавидовать большинство молодежи. Физически онъ также былъ настолько крѣпокъ, что еще за нѣсколько дней до его кончины никто бы не могъ ожидать, что смерть его такъ близка. Приближеніе ея онъ почувствовалъ вдругъ послѣ завтрака, за которымъ въ сѣ обыкновеннымъ аппетитомъ, и апоплексическій ударъ уничтожилъ его въ нѣсколько часовъ.

Смерть его произвела на Парижъ громадное впечатлѣніе. Въ реакціонерахъ она возбудила неудержимый взрывъ радости. Клерикальные органы не упустили случая увидать въ ней «персть Божій», и ярые ихъ статьи произвели то, что въ народѣ пошелъ слухъ, будто бы «маленькій буржуа» отравленъ іезуитами. «Рауз», органъ Поля де-Кассаньяка, началъ немедленно, по собственному выраженію этой газеты, «радостную пляску надъ этимъ трупомъ», заявилъ «громкое выраженіе благодарности Провидѣнію, хотя и поздно, но совершившему справедливое возмездіе», и высказалъ мысль, что, «благодаря своей смерти, Тьеръ на этотъ разъ дѣйствительно сдѣлался освободителемъ французской территоріи».

Въ официальныхъ сферахъ тоже, разумѣется, не плакали. Маршалъ освободился отъ конкурента, на котораго обществен-

ное мнѣніе смотрѣло, какъ на долженствовавшаго замѣнить его, въ случаѣ его неудачи на выборахъ. Республиканская партія, теряя своего представителя, пользовавшагося такимъ громаднымъ авторитетомъ, могла проявить въ своей средѣ колебанія, которыя были бы какъ разъ на руку власти; въ деревняхъ же, посреди невѣжественныхъ населеній, да притомъ еще и умышленно запуганныхъ, смерть соперника Мак-Магона могла вызвать такіа недоумѣнія, которыми весьма удобно было воспользоваться при избирательной агитаціи. Герцогъ де-Брольи засіялъ совершенно такъ, какъ сіялъ онъ наканунѣ 24-го мая 1873 года, передъ отстраненіемъ Тьера большинствомъ 14-ти голосовъ. Де-Фурту задумался надъ разрѣшеніемъ вопроса: нельзя-ли самую похоронную процессію Тьера обратить въ избирательное орудіе, т. е. достигнуть при этихъ похоронахъ хотя незначительнаго народнаго возмущенія, которымъ можно бы было воспользоваться для провозглашенія Парижа въ осадномъ положеніи? Въ это же время, ему какъ разъ удалось добиться согласія министра юстиціи и всего кабинета на начатіе судебного преслѣдованія противъ газеты «La République Française», за помѣщеніе на ея столбцахъ дилльской рѣчи Гамбетты, и противъ самого народнаго трибуна за доставленіе въ редакцію оригинала своей рѣчи. Вызвать возстаніе на похоронахъ Тьера и имѣть одновременно возможность засадить Гамбетту въ тюрьму — какое неожиданное благополучіе для осуществленія реакціонныхъ плановъ!

Но то, что кажется такъ легко въ игривыхъ мечтаніяхъ, на дѣлѣ иногда не такъ удобно осуществить. Сожалѣніе, выраженное цѣлою Франціею по случаю смерти Тьера, международныя заявленія сочувствія въ утратѣ странюю человѣка, ставшаго въ глазахъ Европы, за послѣднее время, «величайшимъ государственнымъ человѣкомъ Франціи» — заставили Мак-Магона и министерство нравственнаго порядка обсудить вопросъ: какія почести обязывалась воздать страна своему бывшему президенту, реорганизатору арміи и освободителю территоріи?

«Официальный Журналъ» 4-го сентября появился, не заявивъ ни одной строкой о смерти Тьера. Редакція, очевидно, ждала приказаній маршала, герцогъ же Маджентскій находился въ отсутствіи: онъ объѣзжалъ въ это время Луарскій Департаментъ. 5-го сентября, объ этой смерти было объявлено, и появился декретъ, которымъ заявлялось, что погребеніе Тьера будетъ «произведено *заботами* государства и на его счетъ». Декретъ появился на основаніи доклада министра внутреннихъ дѣлъ, весьма небрежно и странно составленнаго, въ которомъ, между прочимъ, заключалась слѣдующая не парламентская фраза: «Воздать *могиль* г. Тьера всѣ почести, какими страна находитъ необходимымъ отличать тѣхъ лицъ, которыхъ она признаетъ достойными ея *повѣловать* — прямой долгъ Франціи». Разумѣется, фраза эта тотчасъ же была подхвачена либеральною

печатю и заключавшійся въ ней смыслъ разъясненъ предъ общественнымъ мнѣніемъ.

По правительственному проекту, мѣстомъ религіозной церемоніи была назначена Церковь Инвалидовъ. Все правительство должно было принять участіе въ погребальномъ шествіи, а де-Бролли, въ качествѣ предсѣдателя совѣта министровъ, пришлось бы произносить трогательную рѣчь надъ могилой его злѣйшаго личнаго врага. Отъ друзей Тьера было бы, безъ сомнѣнія, отнато право слова, а его политическіе единомышленники — 363 республиканскіе экс-депутата были бы исключены изъ церемоніала шествія. Но такому плану воспротивилась вдова Тьера, поддержанная сенаторами Бартеlemi Сент-Илеромъ, Жюлемъ Фавромъ и историкомъ Минье, самымъ старымъ изъ друзей Тьера. Она просила нѣкоторыхъ и, притомъ, весьма скромныхъ измѣненій плана. Такъ, на примѣръ, она не требовала, чтобы 363 депутата фигурировали въ процессіи отдѣльно, а только, чтобы тотчасъ вслѣдъ за гробомъ и семьей шли всѣ члены распушенной палаты и бывшаго версальскаго собрания, какъ бывшіе товарищи покойнаго. Она также желала сохранить за собой право выбора лицъ, которымъ предназначалось держать кисти балдахина погребальной колесницы и говорить рѣчи. Такія требованія были встрѣчены цѣлой бурей негодованія официальныхъ журналовъ, которые стали заявлять, что правительство должно скорѣе отмѣнить свой декретъ, чѣмъ, говоря выраженіемъ Поля де-Кассаньяка, «трусливо позволять своимъ врагамъ дать себѣ оплеуху, предоставивъ имъ почетную роль на церемоніи національнаго погребенія». И, въ самомъ дѣлѣ, правительство не стѣснилось недоговорчивостью своихъ дѣйствій; произошло нѣчто неслыханное, а именно: 6-го сентября въ «Официальномъ Журналѣ» появился новый докладъ де-Фурту, на основаніи котораго герцогъ Маджентскій отмѣнялъ свой декретъ о погребеніи Тьера! Мало того: парижскій архіепископъ Гиберъ, обязанный своимъ мѣстомъ и кардинальской шапкой усилять Тьера, отказалъ его останкамъ въ томъ, въ чемъ, годъ тому назадъ, онъ не позволилъ себѣ отказатъ праху артиста Дежазе, т. е. не позволилъ производить заупокойной мессы въ церкви Мадлены, гдѣ распорядители хотѣли ее назначить, въ виду громадныхъ размѣровъ этого храма и широты площадей и улицъ его окружающихъ, и отдалъ приказаніе, чтобы послѣдняя религіозная церемонія надъ трупомъ покойнаго была произведена въ церкви того прихода (Лоретской Божіей Матери), гдѣ Тьеръ проживалъ при жизни!

Такимъ образомъ, мессу эту пришлось совершать въ небольшой церкви, едва вмѣщающей до 800 человекъ, такъ что на ней могла присутствовать чуть-ли не одна десятая доля изъ тѣхъ, кто былъ приглашенъ на погребеніе по именнымъ билетамъ! Русскій посолъ, князь Орловъ, первый предложилъ вдовѣ свои услуги сопровождать ее въ каретѣ, долженствовав-

шей вести ее изъ дома въ церковь ранѣе, чѣмъ публика начнетъ собираться. По окончаніи мессы, когда погребальные церемоніймейстеры стали приглашать друзей покойнаго занять мѣста въ кортежѣ тотчасъ вслѣдъ за семьей покойнаго, итальянскій посолъ Чіальдини потребовалъ, чтобы дипломатическому корпусу было отведено надлежащее мѣсто, «такъ какъ, заявилъ онъ:—мы присутствуемъ на этихъ похоронахъ не какъ знакомые покойнаго, а въ качествѣ представителей націй». Такимъ образомъ, Европа и Америка дали, черезъ своихъ представителей, весьма заслуженный урокъ нашему фантастическому правительству 16-го мая, которое, какъ и всѣ его чиновники, «блистали своимъ отсутствіемъ».

Въ войскѣ, для сопровожденія гроба, правительство, однако, не отказало. Оно, напротивъ, командировало его въ несравненно значительнѣйшемъ числѣ, чѣмъ это полагалось бы по статуту ордена почетнаго легіона. Войска были отряжены отъ двухъ полковъ, и при одномъ изъ нихъ находились музыканты въ полномъ полковомъ составѣ, начавшіе во время шествія играть *веселый маршь*! При другомъ находилось знамя, обтанутое чернымъ крепомъ. Во главѣ процессія и въ двухъ мѣстахъ посреди ея шли эскадроны республиканской гвардіи и кирасировъ, напоминавшихъ Рейсгофенъ и отступление Мак-Магона, а въ хвостѣ кортежа гремѣли двѣ артиллерійскія батареи, назначеніе которыхъ было, очевидно, попотчивать картечью публику, еслибы въ средѣ ея обнаружались какіе-либо безпорядки.

«Фигаро» передъ тѣмъ высказывалъ, что послѣ того, какъ вдова Тьера отказалась выдать трупъ своего мужа людямъ 16-го мая, полиція надлежало или исхитить трупъ для негласнаго погребенія, или, по крайней мѣрѣ, такъ стѣснить церемоніаль погребенія, чтобы тѣло Тьера было привезено на кладбище отца Лашеза рысью и по самымъ узкимъ и пустыннымъ парижскимъ улицамъ. Привести послѣдній совѣтъ въ дѣйствіе полиція, можетъ быть, и имѣла въ виду, но осуществленію этого помѣшало какъ появленіе на похоронахъ членовъ дипломатическаго корпуса и массы сенаторовъ, пользующихся парламентскою неприкосновенностью, такъ и то, что множество французскихъ городовъ отрядили на погребеніе отъ себя депутаціи, а изъ Бельфора было прислано траурное знамя. Такимъ образомъ, церемонія прошла на кладбище обычнымъ путемъ, по бульварамъ Итальянскому, Монмартрскому, Сен-Дени, Сен-Мартенъ, бульвару Вольтера и по улицѣ Ла-Роветтъ.

Почти всѣ магазины по этому длинному пути были закрыты; на многихъ изъ нихъ находились надписи: «закрытъ по случаю національнаго траура». Несмотря на то, что съ самаго утра вплоть до того часа, когда окончилась заупокойная месса, шелъ непрерывавшійся ливень, по тротуарамъ всего длиннаго пути кортежа стояли громадныя массы народа, число котораго, по словамъ англійскихъ репортеровъ, не могло никакъ быть ме-

нѣе милліона людей. Кромѣ тротуаровъ, массы народа покрывали всѣ крыши домовъ. На всѣхъ кіоскахъ стояли люди, и иные вскарабкались даже на деревья. Всѣ эти массы людей единодушно снимали шляпы, едва показывалась колесница съ гробомъ. Несмотря на то, что парижане обыкновенно, при всякомъ случаѣ, когда они собираются такими огромными толпами, проявляютъ свой народный характеръ весьма громкимъ шумомъ и значительнымъ одушевленіемъ, въ этотъ разъ толпы сохранили такое глубокое и сосредоточенное настроеніе, что парижанъ можно было счесть за англичанъ. Полиція просто потерялась отъ изумленія.

И дѣйствительно, молчаніе парижанъ должно было значительно озадачить тѣхъ, у кого, какъ говорятъ, былъ наготовѣ декретъ объ объявленіи Парижа на осадномъ положеніи, кто заранѣе распорядился тѣмъ, чтобы войскамъ розданы были патроны и приказанія собираться по извѣстному лозунгу. Дѣло въ томъ, что объ этихъ распоряженіяхъ военной власти предупредили публику какъ наканунѣ, такъ и въ самый день погребенія, республиканскія газеты, и народъ съ громаднымъ тактомъ рѣшилъ не подавать правительству борьбы поводовъ къ подавленіямъ, чего оно такъ горячо и безуспѣшно добивается съ самаго 16-го мая. Народъ, кромѣ того, рѣшилъ смотрѣть на процессію погребенія Тьера, потерявшую съ отстраненіемъ отъ устройства ея маршала и министровъ всякій officialный характеръ, какъ на процессію народную и свою. Я попалъ въ среду, состоявшую почти изъ однихъ жителей предмѣстій XI-го округа, и очутился чуть не на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Делеклюзъ. И что-же? несмотря на то, что въ планъ правительства входило найти охотниковъ для криковъ «да здравствуетъ коммуна!» — и здѣсь царствовалъ тотъ же порядокъ, какъ и вездѣ, хотя кое-кто кругомъ и вспоминалъ въ полголоса о происходившихъ здѣсь еще такъ недавно событіяхъ. Даже замѣчательно, что народная сдержанность проявлялась наиболѣе ярко именно на тѣхъ мѣстностяхъ, которыя ознаменовались наиболѣе кровопролитными сценами въ 1871 году. Народъ, очевидно, понималъ, что, хотя эта репрессія и была произведена по почину Тьера, но главнымъ ея руководителемъ и исполнителемъ былъ Мак-Магонъ, и потому пришелъ къ заключенію, что, во имя принесеннаго Тьеромъ блага Франціи, нѣтъ надобности вспоминать о сомнительныхъ дняхъ его продолжительной политической карьеры. Въ самомъ дѣлѣ, Тьеръ въ значительной мѣрѣ способствовалъ возрожденію Франціи, въ будущности которой нельзя было не сомнѣваться въ 1871 году. Онъ ускорилъ очищеніе французской территоріи нѣмцами, придумалъ мастерски заемъ, который открылъ Франціи, какъ велика сила ея производительности и какъ великъ ея кредитъ въ пѣлой Европѣ; съ другой стороны, достигнувъ власти, онъ легче всякаго другого могъ бы осуществить на практикѣ любимѣйшія свои идеи строго

*

конституціонной монархіи, но онъ предпочелъ честно сохранить народное самодержавіе, вѣренное его охранѣ. Съ правыми бывшаго версальскаго собранія, «выбраннаго въ несчастную минуту», онъ разошелся потому, что не согласился, подобно герцогу Маджентскому, сдѣлаться орудіемъ клерикально-монархическихъ интригъ. Оставилъ власть онъ скромно и просто, заявивъ, что отнынѣ республика во Франціи составляетъ единственно возможный образъ правленія. Потомъ онъ прилагалъ все свое вліяніе и усилія къ тому, чтобы убѣдить въ этой истинѣ прежнихъ своихъ единомышленниковъ, либеральныхъ орлеанистовъ. Еще за восемь дней до своей смерти, въ небольшой своей рѣчи въ Сен-Жерменѣ, онъ предсказалъ успѣхъ республиканцевъ на предстоящихъ выборахъ и заклеймилъ названіемъ «настоящихъ разрушителей общественнаго спокойствія и прямыхъ анархистовъ» людей, стоящихъ нынѣ у власти, которые, «не имѣя чѣмъ замѣнить республику, все-таки стремятся противодѣйствовать ея упроченію». Отъ него ожидали полного опроверженія избирательной программы мажогоніанской коалиціи. Наконецъ, на случай всѣми ожидаемаго сверженія Мак-Магона послѣ выборовъ или его добровольнаго удаленія съ занимаемаго имъ поста, въ немъ видѣли будущаго президента республики...

Вотъ почему парижскій народъ великодушно чествовалъ смертные останки того человѣка, который нѣкогда избивалъ его картечью и называлъ «vile multitude». Вотъ почему онъ присутствовалъ на погребеніи Тьера такими массами, какими до сихъ поръ еще никогда не являлся ни на чьи похороны.

На могилѣ было произнесено пять рѣчей. Двѣ изъ нихъ, отъ имени французской академіи и академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, не имѣютъ особеннаго значенія. Адмиралъ Потюо говорилъ то, что слѣдовало бы говорить военному министру, т. е. о той значительной долѣ участія, какую принималъ покойный въ дѣлѣ реорганизаціи арміи. О жизни и значеніи Тьера для Франціи говорилъ, по просьбѣ его вдовы, Жюль-Симонъ и его рѣчь была замѣчательно хороша. Ораторъ коротко упомянулъ о всей политической дѣятельности Тьера до семидесятихъ годовъ, и вся эта часть его рѣчи состояла изъ жесткихъ намековъ на незаконный образъ дѣйствій Мак-Магона. Такъ, говоря, что Тьеръ отличался замѣчательною вѣрностью къ королю Луи-Филиппу, ораторъ выразилъ, что вѣрность эта объяснялась тѣмъ, что самъ король весьма строго держался въ предѣлахъ власти, предоставленной ему хартіей. Онъ показалъ, что, несмотря на все разнообразіе вѣншей политической карьеры, Тьеръ всегда держался однихъ и тѣхъ же основъ и нигде ни при какихъ обстоятельствахъ и ни подъ какимъ предлогомъ не измѣнялъ коренному принципу честной и откровенной конституціонной политики, выраженному имъ самимъ въ извѣстной формулѣ, ставшей знаменитой: «король царствуетъ, но не управляетъ; въ случаѣ столкновенія властей, послѣднее слово

принадлежить странѣ, представляемой большинствомъ палаты». О жалкой нитригѣ 24-го мая, создавшей искусственное меньшинство первому президенту третьей республики въ томъ самомъ собраніи, которое облекло его полномочіями, должностовавшими продолжаться во все время его существованія и въ которомъ, за четыре мѣсяца до того было признано, что Тьеръ вполне заслужилъ благодарность отечества — онъ упомянулъ только вскользь. Но онъ настаивалъ на томъ фактѣ, что Тьеръ могъ, еслибы хотѣлъ, быть пожизненнымъ президентомъ, а противъ своей отставки имѣлъ полное право апеллировать къ Франціи, исполненной къ нему въ то время искренняго энтузіазма. Хотя ораторъ при этомъ и не привелъ, какъ контрастъ, упорства Мак-Магона въ отстаиваніи своего семилѣтія во что бы то ни стало, но контрастъ этотъ самъ собою представлялся въ воображеніи слушателей.

Лучшею изъ всѣхъ рѣчей была рѣчь Гриви, президента распущенной палаты. Гриви, хотя и адвокатъ, но многословіемъ не отличается; за то все, что онъ говоритъ, обыкновенно исполнено логики, знанія и убѣдительности. Въ наибольшую заслугу Тьеру онъ поставилъ то, что «маленькій буржуа» сумѣлъ побѣдить въ себѣ заблужденіе, состоявшее въ томъ, что онъ создалъ себѣ идеаль самоуправленія страны при монархіи — по англійскому образцу — и пытался осуществить такой идеаль во Франціи. Въ Англій для такого порядка послужила почвою аристократія, во Франціи же съ 89-го года, аристократія нѣтъ, а появилась демократія, которая, какъ показалъ опытъ 75 лѣтъ и неуспѣхъ въ теченіи этого времени 8-ми монархическихъ попытокъ — можетъ существовать только съ республикой. Тьеру приноситъ честь именно то, что подъ конецъ своей жизни онъ сумѣлъ заставить себя убѣдиться въ этомъ и формулировалъ свое убѣжденіе въ словахъ, что «республика — есть единственный возможный во Франціи образъ правленія», сумѣлъ убѣдить въ этой истинѣ наиболее развитую часть французской буржуазіи и доказать Франціи и всему міру, что республиканскій образъ правленія не исключаетъ возможности внутренняго порядка и вѣшняго мира. Заканчивая свою рѣчь, Гриви произнесъ: «Посвятимъ же и мы свою жизнь на то, чтобы доказать, какъ доказывалъ онъ, что республика — такой образъ правленія, который совмѣстимъ и съ порядкомъ, и съ миромъ, и съ свободой, что единственно возможное у насъ консервативное правительство должно быть республиканскимъ, такъ какъ оно одно только вполне соответствуетъ нашимъ стремленіямъ, нуждамъ и общественному устройству. Служа, такимъ образомъ, Франціи, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, почтимъ и память Тьера».

Этой прекрасной и сильной своею простотою рѣчью Гриви далъ полное объясненіе тому образу дѣйствій, какой былъ принятъ народомъ въ этотъ день торжественныхъ похоронъ Тьера, и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ, что онъ какъ нельзя болѣе спосо-

бень исполнять тѣ обязанности, которыми немедленно облекли его, не испрашивая даже его согласія, его единомышленники, т. е. быть за смертью Тьера главою національно-республиканской партіи, а, въ случаѣ надобности, и замѣнить Мак-Магона въ качествѣ президента республики. Выборомъ его могутъ удовлетвориться какъ консерваторы лѣваго центра, такъ и бывшіе непримиримые крайней лѣвой.

Общественное мнѣніе уже не со вчерашняго дня указываетъ на Гриви, какъ на лучшаго желательнаго президента для французской республики, но самъ онъ никогда не стремился къ занятію этого поста. Онъ слишкомъ скромнѣе и не честолюбивѣе, но эти-то два качества въ немъ и драгоцѣнны. Когда въ руки его попадутъ тѣ чрезмѣрные полномочія, какими оставлена, по февральской конституціи 1875 года, президентская власть, онъ не станетъ ими злоупотреблять, а будетъ только строгимъ исполнителемъ рѣшеній народной воли, представляемой парламентскимъ большинствомъ. Обладая весьма солиднымъ образованіемъ, онъ не будетъ, подобно Мак-Магону, нуждаться въ первомъ встрѣчномъ для составленія президентскихъ посланій и вообще воспользуется своею властью только въ тѣхъ умѣренныхъ границахъ, какія предоставляются президентамъ въ свободныхъ республикахъ.

Реакція, полагавшая, что со смертью Тьера республиканскій союзъ останется безъ главы и, слѣдовательно, распадется, была чрезвычайно смущена тѣмъ, что въ самый день смерти «маленькаго буржуа» сенаторы-республиканцы обратились къ націи съ извѣщеніемъ, что отнынѣ главою партіи долженъ быть признаваемъ Гриви. Всѣ реакціонные органы стали употреблять всевозможныя усилія, чтобы помѣшать этому осуществиться, то возбуждая честолюбіе Гамбетты, то выставляя Гриви слишкомъ индифферентнымъ для новой его роли; а такъ какъ Гриви, тотчасъ послѣ погребенія Тьера, поѣхалъ охотиться въ свои помѣстья, то стали распускать слухи, что онъ «рѣшительно отказался быть политическимъ руководителемъ республиканской партіи» и будто бы онъ сказалъ даже, что «республиканцамъ теперь остается только одно — *сойтись съ Маршаломъ*». Выдумка эта показалась настолько удачною реакціонерамъ, что наиболѣе ревностные префекты успѣли сообщить ее телеграммами въ мэрін для вызванія этихъ телеграммъ на видныхъ мѣстахъ во всѣхъ общинахъ. Такая наглость возмутила Гриви и вынудила его написать открытое письмо къ Эмилю де-Жирардену, въ которомъ онъ говоритъ, что «хотя и не имѣетъ привычки обращать вниманіе на *слухоты*, какія иногда ему печатно приписываются», но настоящій случай такъ важенъ, что онъ считаетъ необходимымъ заявить, что «приписываемый ему образъ дѣйствія и выраженія — не что иное, какъ *клевета*». Отвѣтъ этотъ, при всей своей краткости — былъ весьма ясенъ.

II.

Большая избирательная поездка Мак-Магона.—Отказы городовъ въ суммахъ на приемъ Маршала.—Небольшая бордоская рѣчь.—Голгова герцога Маджентскаго.—Образъ дѣйствій республиканскихъ властей.—Недовольство Мак-Магона въ Турѣ.—Печальное недоразумѣніе въ Шатодевѣ.—Епископы и маршалъ.—Вмѣшательство папы въ французскіе выборы.—Манифестъ къ французамъ.—Статья въ «Journal des Débats». — Грубость Мак-Магона.

Въ исторической жизни Франціи не однажды случалось, что всѣ усилія просвѣщеннаго Парижа разбивались отъ невѣжественнаго индифферентизма провинцій, весьма легко поддававшихся вліянію страха. Чего либо подобнаго можно было еще недавно опасаться, но смерть Тьера и послѣдняя поездка Мак-Магона на юго-западъ Франціи показали, что между Парижемъ и провинціей установилась уже полнѣйшая солидарность, что вся Франція стала вполне республиканскою и что ничто не остановитъ ее на предстоящихъ выборахъ высказаться за республику¹, такъ какъ потеря Тьера не произвела въ рядахъ республиканцевъ никакого смущенія и чуть ли даже еще не тѣснѣ ихъ сомнула.

8 сентября, въ день похоронъ Тьера, маршалъ предполагалъ быть въ Бордо, гдѣ уже назначено было на этотъ день торжество въ честь его прїѣзда, которое, конечно, пришлось отмѣнить. Мак-Магонъ этотъ день провелъ въ Парижѣ, но не былъ нѣтолько настолько великодушенъ, чтобы показаться на похоронахъ своего знаменитаго соперника, но не сумѣлъ даже соблюсти необходимаго приличія, т. е. отправить на нихъ кого-либо въ качествѣ своего представителя. Онъ нигуда не выходилъ въ этотъ день изъ Елисейскаго Дворца и, подписавъ, вѣроятно, утромъ бланкъ о провозглашеніи Парижа въ осадномъ положеніи, проводилъ все время въ ожиданіяхъ. Но извѣстія о возстаніи онъ, однакоже, не дождался и 9-го утромъ отправился въ путь-дорогу на юго-западъ Франціи. Къ вечеру этого дня онъ появился на банкетѣ, устроенномъ для него Декавомъ въ своемъ замкѣ близъ Либурна, у котораго онъ и прогостилъ двое сутокъ. На третью, онъ появился на завтракъ къ своему министру внутреннихъ дѣлъ де-Фуртү въ Риберакъ. По дорогѣ заѣзжалъ, въ Жирондскомъ Департаментѣ, къ Карайонъ-Латуру, одному изъ близкихъ друзей графа Шамбора, а въ Турени — къ Раулю Дювалю, отъявленному бонапартисту и достойному сыну сенатора, состоявшаго членомъ смѣшанныхъ комиссій 1852 года. Всѣ эти четыре лица — официальные кандида-

¹ Въ настоящее время уже извѣстно, что республиканцы на выборахъ 14 (2) октября одержали несомнѣнную побѣду.

ты, и Мак-Магонъ счелъ нужнымъ лично отресокомендовать ихъ избирателямъ въ самыхъ ихъ округахъ. Нечего и говорить, что встрѣча каждаго изъ нихъ съ маршаломъ происходила публично и сопровождалась дружескими рукопожатіями и что всѣ мэры и ихъ помощники изъ республиканцевъ отъ этихъ мѣстностей были предварительно уволены отъ своихъ должностей министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Официальныя кандидатуры—изобрѣтеніе второй имперіи; но я не знаю ни одного случая, чтобы даже самъ изобрѣтатель ихъ Наполеонъ III когда-нибудь унизілся до принятія на себя роли «путешествующаго коммисіонера», а потому, какъ ни считаютъ невѣжественными сельскія населенія, но зрѣлища, которыми Мак-Магонъ собирался ихъ прельстить, не произвели на нихъ благоприятнаго впечатлѣнія: маршалъ не встрѣтилъ нигдѣ того наивно-народнаго энтузіазма, съ какимъ иногда въ деревняхъ встрѣчали Наполеона III. Если кое-гдѣ и раздавался крикъ: «да здравствуетъ маршалъ!», то онъ выходилъ изъ устъ мэровъ, ихъ помощниковъ, окрестныхъ учителей и мелкихъ служителей администраціи, которыхъ нарочно привозили въ данныя мѣстности, снабжая даровыми билетами желѣзной дороги, угощали на счетъ полиціи въ винныхъ погребкахъ и убаглотворяли билетами на бесплатный входъ въ театры, гдѣ назначались, по случаю пріѣзда маршала, торжественные спектакли. Весьма было бы интересно знать, на чей счетъ производились всѣ эти расходы, такъ какъ примѣру муниципалитетовъ Буржа, Шербура и Сент-Этьена, отказавшихъ въ выдачѣ суммъ на пріемъ маршала, послѣдовали и Перигё, и Туръ, и Пуатье и т. д. Фейерверки и иллюминаціи почти повсюду устраивались на деньги, собранныя по подпискѣ съ «управляющихъ классовъ» и въ такомъ скудномъ количествѣ, что поражали своей мизерностью.

Всѣ ожидали, что маршалъ-президентъ въ Бордо удостоитъ, наконецъ, публику произнесеніемъ большой рѣчи, изъ которой будетъ ясно, въ чемъ именно заключается *сuo politica*. Мэръ этого значительнаго и многолюднаго города, сенаторъ лѣвой стороны Фурканъ произнесъ ему привѣтствіе въ родѣ произнесеннаго его товарищемъ Верто въ Канѣ. Республиканцамъ оно не понравилось, такъ какъ они нашли его недостаточно яснымъ; хо съ точки зрѣнія лицъ, считавшихъ еще возможнымъ привлеченіе на сторону маршала депутатовъ лѣваго центра, оно представляло еще герцогу Маджентскому возможность личнаго выхода изъ затруднительнаго положенія, въ какое онъ поставилъ себя 16-мъ мая, и въ этомъ-то смыслѣ, привѣтствіе Фуркана представляло въ своемъ родѣ *chef d'oeuvre*. Ораторъ говорилъ въ ней объ установившейся республикѣ, которая желаетъ видѣть въ маршалѣ своего энергическаго охранителя, пользующагося всеобщимъ почетомъ. Одну минуту присутствовавшимъ показалось, что маршалъ, наконецъ, понялъ, что ему слѣдуетъ дѣлать. Такъ, по крайней мѣрѣ, заставляли думать публику первые слова его

отвѣтной рѣчи, которую онъ началъ слѣдующимъ выраженіемъ: «Я совершенно присоединяюсь къ тѣмъ великодушнымъ взглядамъ, выразителемъ которыхъ вы явились». Но послѣ нѣсколькихъ незначущихъ фразъ, онъ продолжалъ: «повѣрьте, что порядокъ не будетъ нарушенъ, и если страна откликнется на мой призывъ — то конституція, которой я стану вѣрнымъ хранителемъ, будетъ ненарушимо исполняться». Этимъ и закончилась нетерпѣливо жданная бордоская рѣчь! Бонапартисты, приглашенные на торжество, успѣли прокричать: «да здравствуетъ маршалъ!», но благодарный ихъ возгласъ былъ немедленно заглушенъ гуломъ болѣе, чѣмъ десяти тысячъ голосовъ бордосцевъ: «да здравствуетъ республика!» Кавалерія начала безцеремонно разгонять публику, такъ какъ маршалу надобно было проѣхать на одну изъ городскихъ площадей, гдѣ назначенъ былъ смотръ войскамъ. Публикѣ ничего не оставалось, какъ разсѣяться, но, едва проѣхалъ маршалъ и его свита, какъ за ними хвостомъ потянулись образовавшіеся толпы съ криками: «да здравствуетъ республика!», сопровождавшимися оглушительнымъ пѣніемъ «Марсельезы». И такъ продолжалось дѣло во все одиннадцать часовъ пребыванія Мак-Магона въ Бордо. Возвращаться со смотра маршалу и его свитѣ пришлось уже галопомъ — такъ надобно имъ крики въ честь республики — и это возвращеніе имѣло просто видъ бѣгства и отступленія отъ неприятелей. Вообще, недоброжелательство жителей Бордо въ маршалу выразилось такъ ярко, что газета «Орель», бордоскій бонапартистскій органъ, характеризовалъ день 10 сентября прилагательнымъ «злослучнаго» (*sinistre*) и нашелъ, что герцогъ Маджентскій обрѣлъ въ Бордо *свою Гомою*.

Въ Перигѣ, несмотря на то, что жители его очень гордятся тѣмъ, что одинъ изъ министровъ, де-Фурту — ихъ землякъ, населеніе оказало еще несдержаннѣе, чѣмъ бордосцы. Дѣло въ томъ, что его очень ужъ раздражила наглость навязаннаго мѣстности мэра, который въ своей рѣчи до того хватилъ черезъ край, что сталъ, въ видахъ восхваленія селанскаго раненаго, унижать историческій образъ Генриха IV. Въ Ангулемѣ, несмотря на то, что мэръ этого города, бумажный фабрикантъ, бонапартистъ Ларошъ Жуберъ, придумалъ соорудить изъ бумаги триумфальную арку, подъ которой одинъ изъ рабочихъ его фабрики произнесъ рѣчь въ честь Мак-Магона, несмотря на то, что подъ другою триумфальной аркой — изъ мѣшковъ съ мукою и печеныхъ хлѣбовъ — маршалъ оказалъ демократин королевскую милость, т. е. заявилъ о своемъ желаніи осмотрѣть знаменитую булочную этого города, устроенную на кооперативныхъ началахъ, крики: «да здравствуетъ республика!» раздавались такъ же громко, какъ и въ Перигѣ. Даже въ Пуатье, самомъ Пуатье, этомъ клерикальнѣйшемъ изъ всѣхъ французскихъ провинціальныхъ городовъ, произошло нѣчто изумительное. «Да здравствуетъ маршалъ!» кричало лишь духовенство, прибавляя

къ этому «и Святѣйшій отецъ!» Нѣсколько лицъ изъ мѣстной аристократіи—члены католическаго клуба—чувствовали не маршала, а провозглашали: «Vive le roi!» Крестьяне же, согнанные изъ всѣхъ окрестностей, упорно молчали и только лукаво между собой переглядывались. Мэръ, старикъ 80 лѣтъ, вмѣсто привѣтствія, сталъ выражать маршалу сожалѣніе о томъ, что иногда и послѣ «продолжительной и дѣятельной боевой службы бываетъ весьма трудно добиться *спокойствія и почетной отставки!!!*» Нѣсколько подавѣе, въ Шателеро, другой мэръ, заявляя маршалу о преданности населенія, «къ республиканской конституціи, созданной для себя страной», какъ и въ Бордо, подавалъ маршалу случай высказаться въ примирительномъ смыслѣ, и Мак-Магонъ дѣйствительно пробормоталъ насворо отвѣтъ, который могъ бы считаться недурнымъ, еслибы не былъ испорченъ тѣмъ, что онъ не рѣшился на произнесеніе прилагательнаго *республиканская*, говоря о конституціи. Когда всѣ ждали этого слова, маршалъ загнулся и послѣ нѣкоторой паузы произнесъ: «конституціи... *таковой, какъ она существуетъ*». Этой рѣчи маршала въ «официальномъ журналѣ» помѣщено не было, такъ какъ Ярш де-Фурту не потерпѣлъ, чтобы *ею* маршалъ могъ, хотя бы и вскользь, миролюбиво проговориться въ республиканскомъ родѣ, передъ мэромъ-республиканцемъ.

Въ Турѣ, точно такъ же, какъ и въ Шателеро, встрѣча маршала сопровождалась общими криками: «да здравствуетъ республика!» Хотя въ этомъ городѣ и былъ предусмотрительно оставленъ мэръ, одинъ изъ 363-хъ депутатовъ, но какъ представитель муниципалитета, такъ и представитель генеральнаго совѣта, въ смѣлыхъ словахъ заявили Мак-Магону о республиканскомъ настроеніи населенія. Маршалъ, подъ нагиемъ де-Фурту, отвѣчалъ имъ съ необычайною грубостью: «Послѣ выборовъ, *благодаря* *моей политикѣ* — странѣ будетъ возвращено спокойствіе и благоденствіе... Конституція можетъ быть подвержена опасности только *противниками* *моей политикѣ!*»

Послѣднею станціею восьмидневнаго путешествія Мак-Магона послужилъ небольшой городокъ Шатоденъ, прославившійся героизмомъ своей защиты во время прусскаго нашествія. Казалось бы, въ такомъ городѣ сердце солдата-патріота должно было взрыгнать отъ радости, но побѣжденный при Рейсгофенѣ даже и не вспомнилъ ни о чемъ бывшемъ въ Шатоденѣ. Онъ выслушалъ молча извиненія мэра въ томъ, что муниципалитетъ не ассигновалъ никакихъ суммъ на его встрѣчу, не пошелъ въ «Hôtel de ville», гдѣ ожидали, что онъ подпишетъ декретъ о доволеніи городу внести въ свой гербъ крестъ почетнаго легіона, чего онъ вполнѣ заслужилъ и о чемъ много передъ тѣмъ писали въ газетахъ, и ограничился посѣщеніемъ одной префектуры для рекомендаціи официального кандидата округа.

Въ послѣднемъ своемъ путешествіи, какъ и въ предшествующихъ, маршалъ не пропустилъ ни одного города, гдѣ толь-

ко существуют кафедральные соборы, чтобы не посѣтить послѣднихъ. Въ каждой церкви епископы его встрѣчали рѣчами, въ которыхъ на сто ладовъ, по-латыни и по-французски, прямо или метафорически говорили ему объ его «провиденціальной миссиі» и благословляли его на ополченіе въ защиту «правъ Божіихъ». Ярче всѣхъ такую мысль высказалъ ему бордоскій архіепископъ, кардиналъ Доннэ, обратившійся къ нему съ такими словами: «Вы—Божій избранникъ!.. не опасайтесь ничего, ибо персть Божій повсюду съ вами... Вашъ подвигъ будетъ легокъ до конца, такъ какъ васъ благословляетъ на него глава католицизма—Пій IX, за котораго я радъ пролить всю кровь свою, до послѣдней капли... Вы изъ тѣхъ вождей, которыхъ Господь избираетъ для спасенія Израиля!» Замѣчательно, что, одновременно съ произнесеніемъ этихъ внушительныхъ словъ въ Бордо, ватиканскій узникъ, на приемѣ анжерскихъ богомольцевъ, также готовыхъ «пролить всю кровь свою» за защиту свѣтской власти папы, призывая словесно божественное вмѣшательство въ предстоящіе выборы, увѣщевалъ вѣрныхъ «оставить на время всякій духъ партій» и выбирать лицъ, которыя готовы, «за одно съ правительствомъ», ополчиться на внутреннихъ враговъ и противостоятъ вѣшнымъ, имѣя въ виду преимущественно благо святой церкви». До посѣщенія маршаломъ Бордо и до появленія въ печати этихъ словъ Пія IX, въ официальныхъ отчетахъ о путешествіяхъ Мак-Магона рѣчи епископовъ не помѣщались, и публика знала объ нихъ только изъ мѣстныхъ газетъ, но, послѣ панской аллюкціи, правительство стало откровеннѣе. «Официальный Журналъ» не напечаталъ и рѣчи кардинала Доннэ, но зато въ немъ появились цѣликомъ рѣчи епископовъ Пуатье, Перигё и Тура, и такимъ образомъ де-Фурту, Брюне и Деказъ, отчуровывавшіеся отъ всякаго вліянія клерикализма на правительство, были публично опровергнуты самыми фактами. Да и не ребячество ли, въ самомъ дѣлѣ, со стороны Мак-Магона, скрывать въ официальныхъ сообщеніяхъ свою кровную связь съ клерикалами, назидавшими и благословлявшими его безъ устали, и подстрекавшими его, подобно тому, какъ это было нѣкогда съ Карломъ X, идти по указанной дорогѣ *до самаго конца!*

19-го сентября, черезъ три дня послѣ своего возвращенія изъ путешествія, маршалъ издалъ манифестъ къ французамъ. Появился онъ первоначально въ «Официальномъ Журналѣ» и былъ контрсигнированъ только однимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ де-Фурту, а не предсѣдателемъ совѣта министровъ де-Брольи, какъ манифестъ 1876 года, или кабинетомъ въ цѣломъ его составѣ, какъ это было при плебисцитѣ 1870 года. На стѣнахъ же зданій всѣхъ городовъ, деревень и мѣстечекъ Франціи, манифестъ этотъ появился даже и безъ имени Фурту. Этотъ замѣчательный историческій документъ, написанный тѣмъ темнымъ языкомъ, какимъ пишутся передовыя статьи «Фигаро», и по внутреннему своему содержанию представляетъ нѣчто не-

возможное. Въ немъ не выражено ни одной сколько-нибудь ясной мысли, нельзя увидѣть никакой идеи высшаго порядка, которая руководила бы при его составленіи. Если подобными произведеніями Мак-Магонъ мечталъ совратить съ пути истиннаго всеобщее голосованіе, то онъ жестоко ошибся. Его манифестъ не соблазнилъ никого, а, напротивъ, всѣхъ поразилъ своею анти-конституціонною грубостью. Самые робкіе изъ сторонниковъ либерализма пришли въ негодованіе отъ рѣзкости этого неудачнаго оффиціального акта. Остроумный Джонъ Лемуанъ, редакторъ «Journal des Débats» помѣстилъ въ своей газетѣ замѣчательный разборъ этого манифеста, всего на все въ одинъ столбецъ, но который нельзя не признать самою кровавою пощечиною, какую когда-либо власть получала отъ печати. Замѣчательно, что въ статьѣ этой Лемуанъ, сентимъ англійскаго пошиба, воспитанный въ англійскихъ традиціяхъ, холодный академикъ, придающій отдѣлѣ фразы чуть не большее значеніе, чѣмъ самой мысли, совершенно преобразился въ страстнаго выразителя народнаго гнѣва, оставилъ всѣ свои излюбленные литературные приемы. Просто нельзя не смотрѣть, какъ на событіе на появленіе даже такого отъявленнаго буржуа, какъ Лемуанъ, и въ такой прѣсно-безцвѣтной газетѣ, какъ «Journal des Débats», въ качествѣ горячаго защитника самыхъ дорогихъ правъ демократіи. Если Мак-Магонъ своимъ манифестомъ, который весьма удачно прозвали у насъ «государственнымъ переворотомъ въ литературномъ изложеніи», могъ вывести изъ себя даже такого холодно-тяжелаго мыслителя, какъ Лемуанъ, то какое же впечатлѣніе долженъ онъ былъ произвести на искреннихъ сторонниковъ республики?

«Что же? спрашиваетъ въ своей статьѣ Лемуанъ:—неужели мы снова живемъ во времена Людовика XIV, утверждавшаго, что *государство—это я!* или при Людовикѣ XV, говорившимъ, что *послѣ насъ—хоть бы и потопъ...* Маршалъ не желаетъ оставлять своего поста, продолжаетъ онъ:—но, Боже мой, вѣдь и Людовикъ XVI не хотѣлъ удалиться, и Наполеонъ I, и Карлъ X, и Луи-Филиппъ, и Наполеонъ послѣдній—никто изъ нихъ не хотѣлъ уходить. *И, однако, они ушли!*»

И въ самомъ дѣлѣ, положеніе вещей во Франціи таково, что подчинись она только призыванію, такъ грубо ей высказанному, и она немедленно пала бы еще ниже, чѣмъ упала при имперіи. Самъ Наполеонъ-седанскій, наканунѣ переворота 2-го декабря, не осмѣливался говорить съ ней такимъ тономъ, какой разрѣшилъ себѣ грубо-неумѣлый солдатъ! Луи-Вонапартъ, производя народное голосованіе подъ гнетомъ пушечной пальбы, все-таки старался во внѣшней формѣ проявить нѣкоторое уваженіе къ народному самодержавію. Онъ заявилъ, что если не услышитъ отъ народа желательное ему *да*, то вынужденъ будетъ передать свою власть національному собранію; герцогъ же Маджентскій, это совершенное ничтожество какъ въ военномъ, такъ и въ политическомъ

смыслъ, имѣвшій недавно еще случай воочию убѣдиться во всемъ объемѣ своей непопулярности, осмѣливается, положивъ руку на свою заржавленную саблю, обращаться къ самодержавной странѣ, говорить ей: тебѣ предстоятъ выборы новыхъ депутатовъ, и ты должна выбирать тѣхъ, на которыхъ я тебѣ укажу!

Таковъ настоящій смыслъ манифеста Мак-Магона, если его очистить отъ всякихъ риторическихъ украшеній. Мѣстами же въ немъ попадаются положительно перлы невѣроятнаго хвастовства. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ говорится: «Я останусь, чтобы защищать, съ помощью сената, консервативные интересы и чтобы энергически покровительствовать *спиритамъ чиновникамъ*, которые въ трудную минуту не дали застрадать себя пустыми угрозами». Если принять во вниманіе это заявленіе, то смыслъ всего манифеста можно передать въ такихъ выраженіяхъ: «Я, Мак-Магонъ, состоя во главѣ правительства—остаюсь на своемъ посту (*J'y suis et j'y reste*). Мои министры состоятъ при мнѣ и останутся. Всѣ префекты, подпрефекты, мировые судьи, и сельская стража—мною назначены и останутся на своихъ мѣстахъ. Если папа, нашъ благословляющій, непогрѣшимъ, то мы и всѣ наши—несмѣняемы и несокрушима. Какъ мы достигнемъ на практикѣ осуществленія такой нашей теоріи? *При помощи сената*, такъ какъ, по конституціи, намъ дано право, съ его согласія, столько разъ распускать палату, сколько намъ это заблагоразсудится. Мы ее, слѣдовательно, снова распустимъ, если результатъ предстоящихъ выборовъ не удовлетворитъ насъ. А бюджетъ? Сенатъ поможетъ намъ въ этомъ случаѣ нѣкоторое время перебиться, назначивъ добавочныя сантимы, а потомъ, мало-по-малу, страна утомится въ своемъ противодѣйствіи и подчинится; въ случаѣ же ея дѣятельныхъ попытокъ къ сопротивленію, не имѣемъ ли мы права прибѣгнуть и къ картечи, такъ какъ кардиналъ Донне сказалъ, что Богъ за насъ и церковь его до конца пребудетъ съ нами?»

Положеніе маршала, вообще, весьма не красиво. Вліяніе де-Фурту натолкнуло его положительно на почву государственнаго переворота, а вліяніе роляста-фузіониста де-Брольи, боящагося насилій, заставляетъ его хвататься, какъ утопающаго за соломенку, за *помощь сената*. Ну, а если подобной помощи не окажется, что многіе уже предвидятъ, такъ какъ достаточно простого и весьма возможнаго перемѣщенія всего на-все одиннадцати голосовъ справа на лѣво, чтобы никакое новое распущеніе палаты не было осуществимо. Сенаторы, которые, подобно д'Англо, голосовали, по собственному признанію, «со смертельною тоскою въ душѣ», распущеніе палаты въ іюнѣ, очевидно, въ октябрѣ не станутъ содѣйствовать авантюристамъ 16-го мая—въ виду хотя одного того, что произвольное собраніе налоговъ можетъ вызвать повсюду во Франціи законное противодѣйствіе плательщиковъ и произвести непоправимую суматоху въ цѣлой странѣ.

Въ случаѣ же, если сенатъ не согласится идти вмѣстѣ съ

маршаломъ до конца, де-Брольи и Декаву не останется ничего, какъ благоразумно выйти изъ министерства. Осмѣлятся ли послѣ этого оставаться въ министерствѣ де-Фурту и Брюне и отважиться на государственный переворотъ въ пользу Мак-Магона, или прямо въ пользу Наполеона IV? Пессимисты опасаются возможности этого. Оптимисты же, напротивъ, утверждаютъ, что результатъ выборовъ, несмотря на всѣ угрозы, неправды и хитрости правительства, будетъ такъ рѣшителенъ въ своемъ осужденіи 16-го мая, что сенатъ, изъ опасенія быть уничтоженнымъ при неизбежномъ пересмотрѣ конституціи, поспѣшитъ немедленно подчиниться рѣшенію народной воли. Маршалу же, лишенному *помощи сената*, не останется ничего болѣе, какъ послѣдовать примѣру де-Брольи и Декава и благоразумно удалиться съ того поста, на которомъ ему такъ желательно оставаться.

Нѣкоторые скептики опасаются, впрочемъ, что правительству удастся осуществить еще слѣдующій планъ, о которомъ въ публикѣ не мало толковали. По этому плану, правительству надобно назначить въ послѣднихъ числахъ октября и первыхъ ноября—то-есть пова между новой палатой и маршаломъ не успѣютъ еще возникнуть столкновенія и когда, слѣдовательно, настоящая администрація еще будетъ вся на своихъ мѣстахъ—выборы для замѣщенія половины членовъ въ генеральные совѣты и общіе выборы въ совѣты муниципальные. Подъ давленіемъ настоящей администраціи, правительству будетъ нетрудно достигнуть того, чтобы какъ въ сельскіе, такъ и въ департаментскіе совѣты вошло реакціонное большинство. Когда такой двойной результатъ достигнется, то кабинетъ Фурту-де-Брольи можетъ испариться, какъ испарился нѣвогда кабинетъ Бюффе, а маршалъ, уступая просьбамъ и настояніямъ сенаторовъ, снова примирится съ конституціонною безответственностью. Ему на такой случай можно подготовить подходящее министерство изъ членовъ лѣваго центра, чтобы, при его пособіи и при пособіи шумной выставки 1878 года, мирно достигнуть 1879 года—срока, когда треть сенаторовъ должна быть возобновлена. Сенаторовъ же, по конституціи выбираютъ какъ генеральные совѣты, такъ и делегаты общинъ, по одному отъ общины, какъ бы не было велико ея населеніе—вмѣстѣ съ сенаторомъ и депутатомъ каждаго департамента. Такимъ образомъ, можно создать въ сенатѣ весьма солидное реакціонное большинство, съ *помощью котораго*, еще до наступленія 1880 года, снова начать кампанію противъ націи.

Осуществленіе подобнаго плана, однакоже, нелегко. Народъ потерялъ всякое желаніе подвергаться третьему опыту правительства «правственнаго порядка». Злоупотребленія же майскихъ министровъ и грубость маршальскаго манифеста уничтожили для правительства великую возможность отступленія при содѣйствіи лѣваго центра. Всѣ чувствуютъ невольнo, что, какъ это высказалъ печатно Литтре, «выборный день 14-го октября долженъ быть однимъ изъ тѣхъ дней, въ какіе рѣшались историческія

судьбы Франціи». При кризисѣ, переживаемомъ Европой отъ кровавыхъ перипетій восточной войны, при опасеніи близкой смерти папы, долженствующей еще болѣе запутать международную политику, французы понимаютъ всю опасность неопредѣленнаго положенія, въ какое повергла нашу страну горсть интригановъ. Даже въ деревняхъ убѣждены въ томъ, что побѣда Мак-Магона будетъ означать побѣду клерикаловъ и втанетъ Францію неизбѣжно въ войну съ Италіей и Германіей. Вся буржуазія, за исключеніемъ, разумѣется, бонапартистовъ—на сторонѣ опасеній, высказанныхъ въ «Journal des Débats». Городскія населенія, при всемъ своемъ внѣшнемъ спокойствіи, сознаютъ свою силу. Въ арміи мнѣнія раздѣлены. Близка минута, когда два противоположныя теченія, два общества, два духа—духъ будущаго и духъ прошедшаго—должны будутъ неизбѣжно столкнуться. Всѣ основные общественные вопросы поставлены въ настоящую минуту шире и глубже, чѣмъ это было въ 1830 и 1848 годахъ. Можно ли избѣгнуть революціи въ ноябрѣ 1877 года?—вотъ роковой вопросъ, на который отвѣтъ могутъ дать одни событія. Если она неизбѣжна, то результатъ ея, смотря потому, побѣдитъ ли она или будетъ побѣждена, будетъ или увѣччаніе зданія, начатаго постройкой въ 89-мъ году, или же окончательная погибель Франціи.

III.

Процессъ Гамбетты.—Два заочныя осужденія 11-го и 22-го сентября.—Чего бы желала власть и чего ей не добиться.—Созывъ избирателей на 14-е октября.—Письмо Тьера къ избирателямъ IX-го парижскаго округа.—Опроверженіе всѣхъ доводовъ мажоритарной политики и всѣхъ аргументовъ монархистовъ.—Политическая важность настоящей минуты.

Жалкій процессъ, затѣянный по поводу напечатанія лильскаго рѣчи Гамбетты, съ цѣлью недопущенія его въ качествѣ депутата въ новую палату, начался 11-го сентября въ X-й камерѣ исправительной полиціи. Народный трибуна, привлеченный къ дѣлу, какъ сообщникъ за доставленіе оригинала своей рѣчи въ редакцію «République Française», будучи самъ адвокатомъ, захотѣлъ, по обычаю, избрать своимъ защитникомъ старѣйшину парижскихъ адвокатовъ (le bâtonnier), но Бетолд, исполняющій въ настоящую сессію эту обязанность, извѣстивъ Гамбетту, что его разбилъ параличъ и онъ не можетъ пріѣхать къ 11-му въ Парижъ изъ Бельгіи, гдѣ теперь лечится. Тогда Гамбетта обратился къ прошлогоднему старѣйшинѣ Аллу, и на его приглашеніе Аллу отвѣчалъ немедленно своимъ согласіемъ. Письмо его было напечатано и произвело на публику сильнѣйшее впечатлѣніе. Аллу—знаменитый адвокатъ, пользующійся огромнымъ авторитетомъ въ судебномъ мірѣ, а во время имперіи, передъ

1870 г. предназначался быть официальным кандидатом от Парижа. События этого рокового времени такъ на него повліяли, что онъ, подобно Тьеру, изъ монархистовъ сдѣлался республиканцемъ. Консерватизмъ его взглядовъ, въ социальномъ смыслѣ этого слова, также мало подлежитъ сомнѣнію, какъ консерватизмъ Леона Сэ, Леона Рено и Феррэ и, однако, въ письмѣ своемъ къ «дорогому товарищу» Гамбеттѣ, онъ называетъ дѣло 16-го мая «дѣйствіемъ хотя и легальнымъ, но насильственнымъ» и высказываетъ виновникамъ этого переворота, что они «вооружили противъ себя болѣе, чѣмъ кого-либо, всѣхъ консерваторовъ и умѣренныхъ либераловъ», что предстоящіе выборы будутъ настоящимъ плебисцитомъ, на которомъ вопросъ прямо поставленъ между монархіей и республикой, личнымъ или парламентскимъ правительствомъ», и что необходимо, чтобы страна прямо высказала свою волю и «дала ясное и опредѣленное рѣшеніе вопросу, отъ подчиненія которому никто не могъ бы избавиться, какъ высказалъ это съ твердостью и умѣренностью Гамбетта въ Лиллѣ».

При открытіи засѣданія, Аллу просилъ отложить судебное разбирательство на 8 дней, чтобы дать ему возможность подготовиться къ защитѣ. Въ подобныхъ требованіяхъ судъ никому и никогда не отказываетъ, но на этотъ разъ такого отказа отъ него потребовала прокуратура. Ни редактора «République Française», ни Гамбетты — на судъ не было, и ихъ, безъ всякихъ преній, приговорили къ 2-мъ тысячамъ франковъ штрафа каждаго и обоихъ къ двухмѣсячному тюремному заключенію. Во главѣ обвинительнаго приговора красовалось весьма витиеватое изложеніе мотивовъ, обусловившихъ осужденіе, написанное, очевидно, въ кабинетѣ де-Брольи кѣмъ-либо изъ ретивѣйшихъ крючкотвѣвъ нравственнаго порядка. Несмотря на это, всѣмъ тотчасъ же бросилась въ глаза юридическая чудовищность опредѣленія обоихъ дѣяній, вмѣненныхъ Гамбеттѣ: обида президента республики и оскорбленіе министровъ. Гамбетта въ своей рѣчи не произнесъ ни разу даже имени Мак-Магона и упоминалъ только о политикѣ, скомпрометировавшей его конституціонную безответственность, и вызвавшей дилемму: «подчиниться или удалиться». Увидать въ этомъ проступокъ не отважились и самые судьи, но они специфировали случай, увидѣвъ въ немъ «высокомѣрное приказаніе (injonction), угрозу и нарушеніе должнаго уваженія къ главѣ государства, а, слѣдовательно, и обиду». Что касается до второй половины обвиненія, то хотя Гамбетта и не называлъ поименно ни одного изъ министровъ и употреблялъ жесткія выраженія только противъ безчестной прессы, ставшей ихъ орудіемъ, прибѣгавшей къ диффамациямъ, оскорбленіямъ, возбужденіямъ къ государственному перевороту и нарушенію конституціи и пользовавшейся покровительствомъ кабинета, и юстиціи, но все, что онъ говорилъ противъ этой прессы, превратилось въ личные оскорбленія министровъ! Никогда, рѣшительно ни-

когда, даже въ самыя печальныя минуты имперіи, судебныя чины не придавали такой каучуковой гибкости формальной сторонѣ своихъ дѣлъ, въ видахъ доставленія власти политическихъ услугъ, и еслибы это рѣшеніе было окончательнымъ и получило законную силу, то раболѣпные судьи, конечно, получили бы возможность видѣть въ послѣдствіи преступленіе въ каждомъ словѣ, произнесенномъ, написанномъ или напечатанномъ о какомъ либо правительственномъ дѣйствіи.

Обжаловавъ въ законный срокъ заочное рѣшеніе, Гамбетта явился 22 сентября въ X камеру исправительной полиціи. Когда онъ помѣстился на скамьѣ подсудимыхъ, то одинъ изъ старыхъ адвокатовъ, увидѣвъ его, напомнилъ, что въ этой самой залѣ онъ, въ качествѣ защитника Бодена, положилъ начало своей блестящей политической карьеры. «Что дѣлать! весело отвѣчалъ ему Гамбетта: — судьба людей измѣнчива. За мѣсьте только одно: тогда я, какъ адвокатъ, приходилъ сюда для защиты права и справедливости, а теперь, защищая тѣ же право и справедливость — попалъ самъ на скамью подсудимыхъ!»

При открытіи засѣданія, заявивъ о своемъ имени, званіи и возрастѣ (39 лѣтъ), онъ сказалъ: «Мнѣ необходимо сказать только нѣсколько словъ. Я принимаю на себя полную отвѣтственность за рѣчь, сказанную мною въ Лиллѣ; но, такъ какъ преслѣдованіе, начатое противъ меня членами кабинета 16 мая, носитъ исключительно политическій характеръ, то я думалъ бы, что ранѣе его начатія, въ видахъ истины и права, слѣдовало бы выслушать голосъ общественнаго мнѣнія, который скоро будетъ имѣть поводъ высказаться. Если правительство находить, что въ словахъ моихъ заключается преступленіе, подлежащее судебному осужденію, то, во всякомъ случаѣ, дѣло мое должно разсматриваться такимъ судомъ, который служитъ выразителемъ общественнаго мнѣнія, т. е. судомъ съ присяжными».

Вслѣдъ за Гамбеттой, Аллу представилъ доводы, на основаніи которыхъ отрицалъ опредѣленіе преступленій, вѣняемыхъ Гамбеттѣ приговоромъ 11 сентября, доказывая, «что обвиняемый только воспользовался съ благоразумной умѣренностью и въ строго-парламентской формѣ своимъ правомъ обсужденія дѣйствій правительства» и что, такъ какъ дѣло началось «по совѣстной жалобѣ министровъ», то усматриваемое въ рѣчи преступленіе должно заключаться въ возбужденіи ненависти и презрѣнія къ правительству... 16 мая; преступленіе же такого рода не можетъ быть подсудно суду исправительной полиціи, а должно разбираться ассизнымъ судомъ». Затѣмъ, Аллу съ значительнымъ одушевленіемъ доказывалъ, что дѣйствія, противъ которыхъ возставалъ въ своей рѣчи его знаменитый кліентъ, заслуживаютъ наибѣйшаго осужденія какъ Франціи, такъ и цѣлаго міра. Кромѣ того, помощью прозрачныхъ аллюзій, онъ старался дать понять судьямъ, что правительство слишкомъ многого уже требовало отъ ихъ уступчивости и что они, объявивъ свою некомпетент-

ность въ разсмотрѣніи этого дѣла — почти ничѣмъ бы и не рисковали. Но судьи, которыхъ прокуратура или, вѣрнѣе, правительство весьма тщательно подобрало изъ персонала судей всѣхъ 12 камеръ исправительной полиціи — остались глухи къ краснорѣчиво защитника и потребовали продолженія преній. Аллу отказался отъ защиты по существу, Гамбетта и Мирэ (редакторъ «République Française») оставили залу засѣданія — и первый приговоръ былъ утвержденъ.

Вопросъ о компетентности будетъ поднятъ Аллу въ апелляціонномъ судѣ, наличный составъ котораго даетъ основаніе полагать, что разрѣшеніе его послѣдуетъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ заключаетъ Аллу. Если Гамбетта будетъ признанъ подсуднымъ ассизамъ, то судоговореніе по его дѣлу не можетъ происходить ранѣе, чѣмъ въ концѣ октября. Если же приговоръ первой инстанціи будетъ утвержденъ апелляціоннымъ судомъ — то и тогда это рѣшеніе не можетъ вступить до 14 октября въ законную силу, такъ какъ за Гамбеттой останется право апелляціи. Такимъ образомъ, правительству не удастся, до начатія выборовъ, засадить Гамбетту въ тюрьму и лишитъ его избирательныхъ правъ. Конечно, оно можетъ найти какойнибудь предлогъ и съ нарушеніемъ законныхъ формъ употребитъ при этомъ противъ него насиліе; но такой образъ дѣйствій значительно раздражилъ бы общественное мнѣніе и, конечно, уменьшилъ бы шансы правительства на успѣхъ при выборахъ.

Въ послѣдній часъ, чуть не въ послѣднюю минуту дня, заканчивавшаго собою трехмѣсячный срокъ, разрѣшаемый конституціей, въ случаѣ распущенія палаты, для созыва новой, правительство рѣшилось, наконецъ, издать декретъ, созывающій избирательныя коллегіи на 14 октября. Декретъ этотъ появился въ официальномъ журналѣ, и рядомъ съ нимъ помѣщенъ былъ и другой, контрасигнированный де-Брольи, которымъ на 7 ноября назначалось открытіе новой сессіи обѣихъ палатъ.

28 сентября, академикъ Минье, самый старшій изъ друзей Тьера, доставилъ въ редакцію «Journal des Débats» подлинникъ рукописи Тьера, подъ названіемъ «Посланіе къ избирателямъ IX парижскаго округа».

Въ самый день своей смерти, Тьеръ собирался прочесть это письмо въ своемъ отелѣ площади Сен-Жоржъ Гамбеттѣ и другимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ сенаторовъ и депутатовъ лѣвой стороны. Нѣкоторыми лицами было уже получено приглашеніе. Тьеръ собирался въ Парижъ, и вдругъ... смерть рѣшила иначе. Редакція распорядилась чтобы письмо было напечатано въ ту же ночь, и, такимъ образомъ, документъ явился въ печати неожиданно для правительства и прежде, чѣмъ оно могло принять какіянибудь мѣры для противодѣйствія.

Еслибъ Тьеръ былъ живъ, то и тогда появленіе этого письма произвело бы громадное впечатлѣніе на общественное мнѣніе; судите же сами, какой эффектъ произошелъ при напечатаніи

его вскорѣ послѣ неожиданной его смерти. Правительство упустило случай захватить въ рукописи этотъ документъ, и теперь онъ проникнетъ, скорѣе всякаго манифеста маршала, во всѣ самыя захолустныя мѣстности и деревни Франціи. Главныхъ достоинствъ этого письма два: первое состоитъ въ томъ, что написанъ онъ такъ ясно и такимъ простымъ языкомъ, что его въ состояніи понять рѣшительно каждый; второе—въ томъ, что въ немъ самымъ искреннимъ образомъ объясняется все то, что ставитъ въ тупикъ народъ при обсужденіи дѣйствій правительства и чтеніи издаваемыхъ имъ официальныхъ актовъ. Конечно, правительство приметъ всевозможныя мѣры для воспрепятствования его распространенію, но достигнуть въ этомъ случаѣ благопріятныхъ результатовъ будетъ чрезвычайно трудно. Фурту, де-Брольи и Мак-Магонъ опозорены на весь міръ въ этомъ письмѣ; всѣ ихъ интриги выведены на свѣжую воду и положительно уничтожены. Мертвый политическій дѣятель обвиняетъ ихъ одновременно и передъ народомъ, собирающимся выразить свою волю, и передъ новою палатою, которой даетъ всѣ данныя для судебного ихъ преслѣдованія, и передъ исторіею, которая также, конечно, окажется въ отношеніи ихъ безпощадною.

Документъ этотъ, въ которомъ душеприкащикъ Тьера не позволили себѣ измѣнить ни одного слова, былъ бы образцовымъ произведеніемъ политической литературы, еслибы Тьеръ успѣлъ пересмотрѣть, какъ собирался, и нѣсколько выправить его вторую половину. очевидно, написанную на-скоро. Въ ней замѣчается множество повтореній, которыя значительно удлиняютъ и безъ того длинное письмо (не менѣе 10 столбцовъ газеты большого формата), хотя эти повторенія могутъ быть даже полезны. Разсмотрѣніе событій 24-го и 16-го мая съ различныхъ точекъ зрѣнія. давшее поводъ ко множеству газетныхъ объемистыхъ статей, тѣмъ яснѣе запечатлѣется въ памяти народа и тѣмъ лучше будетъ имъ понато.

Я не стану приводить здѣсь оправданія распушенной палаты противъ возводимыхъ правительствомъ на нее обвиненій. Читателямъ хорошо извѣстны всѣ ея дѣйствія, и они, разумѣется, раздѣляютъ взглядъ покойнаго государственнаго человѣка, когда онъ пишетъ: «И такую палату называть радикальною!.. нѣтъ, господа министры, вы можете это говорить, но вы этого не думаете! За ней нѣтъ никакой вины. Все, что о такой вины говорятъ—чистѣйшая ложь!» Тьеръ объясняетъ, что онъ былъ удаленъ отъ власти 24-го мая 1873 года тремя монархическими партіями, претендовавшими на единственный тронъ за то, что онъ доказывалъ невозможность осуществленія ихъ попытокъ. Если онъ подалъ въ отставку, имѣя возможность сохранить за собою свой постъ, при пособіи простой перемѣны министерства, то сдѣлалъ это потому, что хотѣлъ предоставить случай самимъ его врагамъ на практикѣ доказать странъ, что во Франціи возможна одна только республика: «Власть была предостав-

лена самымъ отъявленнымъ сторонникомъ монархіи, и они могли дѣлать все, что хотѣли. Наперекоръ всякимъ законамъ и даже всякому приличію, французская корона предлагалась на всѣхъ европейскихъ дорогахъ людьми, никѣмъ на это неуполномоченными, и, несмотря на всѣ ихъ усилія, свидѣтелемъ которыхъ былъ цѣлый міръ, имъ пришлось все-таки сознаться, что осуществленіе монархіи невозможно.

Опытъ былъ рѣшительнъ, и вотъ, несмотря на это, его снова осмѣливаются повторять, возбуждая «во Франціи—негодование, въ Европѣ — сожалѣніе». Что бы ни говорили, 16-е мая было продолженіемъ интриги 24-го мая Маршалу, выдающему себя за охранителя конституціи и за стража республики, онъ напоминаетъ, что республиканцы устранены имъ отъ всѣхъ общественныхъ должностей, и преподноситъ ему слѣдующее назиданіе: «Когда принимаютъ на себя обязанности, налагаемыя тѣмъ или другимъ образомъ правленія, то надобно честно исполнять ихъ и стремиться къ поддержанію, а не къ испроверженію существующаго порядка вещей». Лучше, чѣмъ это было высказано кѣмъ-либо до настоящаго времени, онъ выясняетъ всю нецѣлостность переходнаго состоянія Франціи до 1880 года такимъ образомъ: «Роялисты не готовы еще для реставраціи Генриха V, а имперіалисты — Наполеона IV, и вотъ Франція должна подвергаться ожиданію, пока ея будущіе властелины успѣютъ приготовиться», а за это время пусть погибаютъ всѣ дѣла, пусть нація испытываетъ всякаго рода позоръ!

Замѣчательно и то мѣсто, гдѣ Тьеръ съ презрѣніемъ разбиваетъ претензію коалиціи на обладаніе симпатіями всѣхъ европейскихъ кабинетовъ. «Скажемъ этимъ людямъ, пишетъ онъ: — что они, выдавая себя зазнающихъ Европу, не имѣютъ объ ней никакого понятія, что они взваливаютъ на нее свои предрасудки и невѣжество, тогда какъ ей кажутся жалкими всѣ ихъ претензіи и надежды, и она ихъ уже осудила за то, что они подвергли страну свою безпорядкамъ».

Реакціонная пресса еще при жизни Тьера излагала систему, которую рѣшился принять Мак-Магонъ и которую онъ такъ опредѣленно формулировалъ въ своемъ манифестѣ, т. е. оставаться президентомъ, каковой бы отвѣтъ ни дала Франція на его образъ дѣйствій при выборахъ. Поэтому, относительно мысли о цѣломъ радѣ распушенной палатѣ или объ употребленіи силы въ случаѣ упорства націи, въ письмѣ заключается весьма опредѣленный взглядъ: «На подобныя затѣи, говорится въ письмѣ: — можетъ быть только такой отвѣтъ, каковой былъ данъ на знаменитые ордонансы 1830 года». Кромѣ того, въ письмѣ находится упоминаніе о 19 статьѣ конституціи, на основаніи которой герцогъ Маджентскій можетъ быть привлеченъ къ суду и обвиненъ въ государственной измѣнѣ.

Изъ всего этого видно, что Тьеръ не заблуждался насчетъ значенія настоящей минуты, и основною его мыслью было убѣ-

дуть Францію, что ей также слѣдуетъ довести до конца исполненіе своего долга. Окончательный выводъ письма тотъ, что «монархія во Франціи немнслима, и еслибы ее удалось искусственно создать, то непосредственнымъ или близкимъ результатомъ этого были бы междоусобія». Республику Тьеръ изображаетъ такой, какой она можетъ и должна осуществиться послѣ того, какъ Франція торжественно заявитъ свое мнѣніе 14-го октября. Эта программа такова, что на нее согласится самый требовательный французскій республиканецъ. Нація, по этой программѣ, одна только самодержавна, а республика — единственный образъ правленія, при которомъ это самодержавіе осуществляется. Управляться такая республика должна двумя законодательными палатами, при содѣйствіи президента, которому ввѣряется также исполнительная. Никакія распоряженія президента, при содѣйствіи только одной изъ двухъ палатъ, недействительны и незаконны, что въ особенности относится къ налогамъ. Въ случаѣ столкновенія властей, если имъ вызывается распушеніе избирательной палаты, новая должна быть созвана въ срокъ, который не можетъ никакъ превосходить 90 дней, безъ явнаго нарушенія конституціи. Еслибы исполнительная власть не сочла столкновенія оконченнымъ по созваніи новой палаты или не согласилась подчиниться рѣшенію народной воли, то это означало бы измѣну съ ея стороны конституціи.

На почвѣ принциповъ 89 года, союзъ 363-хъ республиканцевъ представляется громаднoю силою. И если Мак-Магонъ осмѣлится обнажить противъ народной воли свою ржавую седанскую шпагу, то она разобьется въ дребезги о несокрушимый гранитъ народнаго могущества. Объ этомъ и говорить въ послѣдній разъ съ народомъ покойный Тьеръ, уже не какъ будущій президентъ французской республики, но какъ народный трибунъ перваго учредительнаго собранія. Этотъ загробный голосъ прозвучалъ какъ нельзя болѣе вѣстат. Никто изъ французскихъ гражданъ не скрываетъ отъ себя опасностей настоящей минуты и громаднoй важности предстоящихъ событій. Всѣ на своихъ мѣстахъ, и Франція рѣшилась также, какъ и глава ея правительства, *идти до конца*.

Людовикъ.

Парижъ, 1-го октября 1877 г.

НОВЫЯ КНИГИ.

Славянство и Европа. Статьи и рѣчи *Ореста Миллера*. (1865—1877). Спб. 1877.

Г. Орестъ Миллеръ—человѣкъ чрезвычайно дѣятельный: читаетъ лекціи въ университетѣ и такъ называемыя публичныя, пишетъ статьи въ журналахъ и газетахъ, издаетъ книги, состоитъ членомъ во многихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, говоритъ рѣчи «въ торжественныхъ и прочихъ собраніяхъ». Примѣръ, тѣмъ болѣе достойный вниманія въ нашемъ лѣнивомъ обществѣ, что дѣятельность г. Миллера вся направлена къ одной цѣли. Видите ли вы его входящимъ на каедру, читаете ли вы его подпись въ журналѣ или газетѣ, вы уже знаете, примѣрно, объ чемъ будетъ рѣчь—о «славянствѣ и Европѣ». Разнообразятся поводы къ разговору, но самый разговоръ остается неизмѣннымъ. И такъ не одинъ, не два года. При такомъ упорствѣ въ достиженіи разъ намѣченной цѣли, можно бы было думать, что г. Миллеръ займетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ литературѣ вообще и среди представителей дорогихъ ему идей въ особенности. Однако, этого нѣтъ. Г. Миллеръ принадлежитъ къ числу писателей мало замѣтныхъ, мало извѣстныхъ; онъ остается такимъ, несмотря даже на то, что сама исторія приняла подъ свое покровительство его излюбленную тему, и разыгрываетъ длинную и мучительную трагедію, подъ заглавіемъ: «Славянство и Европа». Г. Миллеръ самъ очень хорошо сознаетъ свою малозамѣтность и малоизвѣстность. Въ предисловіи къ лежащему передъ нами сборнику его статей, между прочимъ, читаемъ: «Думаю, что, издавая теперь въ одной книгѣ мои статьи о славянскомъ вопросѣ, я скорѣ сойду съ многими, возражавшими мнѣ иногда почти тѣми же словами, которыя они могли бы давно найти у меня самого, еслибы потрудились слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что печаталось мною въ разныхъ изданіяхъ» (XV). Сообразно этому, онъ и на сборникъ свой смотритъ, какъ на «отчетъ самому себѣ и комитету (славянскому), любимымъ предметамъ котораго посвящены заключающіяся въ немъ статьи и рѣчи за все время моего пребыванія въ немъ вплоть до его недавняго преобразованія». Только уже на второмъ планѣ, и притомъ въ виду текущихъ событій, г.

Миллеръ рассчитываетъ, что «этотъ сборникъ представить, можетъ быть, нѣкоторый интересъ для публики» (XIII).

Чѣмъ объясняется такая тусклость дѣятельности г. Миллера? До извѣстной степени она должна, разумѣется, обусловливаться размѣромъ его дарованія. Напримѣръ, въ сборникѣ имѣется статья «Американцамъ въ столѣтнюю годовщину ихъ независимости». Статья написана лѣтомъ 1876 года, по порученію петербургскаго отдѣла славянскаго комитета, и напечатана, въ переводѣ на англійскій языкъ въ американскихъ газетахъ. Это — обращеніе къ американцамъ съ просьбой о помощи славянамъ (помощи частной, разумѣется). «Обращеніе это, замѣчаетъ г. Миллеръ: — осталось безъ ощутительныхъ для славянскаго комитета послѣдствій», т. е., американцы денегъ въ комитетъ не прислали. Много причинъ способствовало, конечно, этому отрицательному результату, но, во всякомъ случаѣ, статья г. Миллера до такой степени слаба, что не имѣла рѣшительно никакихъ шансовъ произвести результатъ положительный. Моментъ столѣтней годовщины освобожденія Америки, освобожденія отъ ига Англій, благорасположенной къ туркамъ, кровавыя восточныя событія — все это такія данныя, изъ которыхъ крупный талантъ создалъ бы нѣчто, дѣйствительно хватающее за душу, а вѣдь въ этомъ только и дѣло было. Но у г. Миллера ничего не вышло. Само собою разумѣется, что не всѣмъ же быть крупными талантами. Можно пожалѣть, что г. Миллеръ беретса иногда за исполненіе такихъ порученій, которыя ему рѣшительно не подъ силу, но въ вопросѣ о причинахъ тусклости его дѣятельности нельзя все сваливать на слабость дарованія. Обращеніе къ американцамъ — дѣло совсѣмъ экстренное. При обыкновенныхъ же обстоятельствахъ, настойчивость и усердіе г. Миллера должны бы были, повидимому, гарантировать ему литературное положеніе, несравнено болѣе высокое, чѣмъ то, какимъ онъ пользуется въ дѣйствительности.

По поводу біографіи Самарина, г. Миллеръ вспоминаетъ объ участіи своей книги «О нравственной стихіи въ поэзіи на основаніи историческихъ данныхъ». Онъ вспоминаетъ какъ Добролюбовъ усмотрѣлъ въ этой книгѣ «ложь» и «чепуху», какъ онъ, предвидя профессорскую карьеру г. Миллера, съ большимъ рвеніемъ попалъ на «неразумнаго гасильщика» и т. п. Трудно понять, зачѣмъ всѣ это припоминаетъ г. Миллеръ; тѣмъ труднѣе, что онъ и самъ говоритъ объ упомянутой своей книгѣ: «книга, отличавшаяся неподходящимъ во вкусу времени и для меня самого теперь пережитымъ романтизмомъ мистицизмомъ». За это-то романтическій мистицизмъ г. Миллеръ попалъ, по его словамъ, «въ положеніе какого-то отверженца, не допускавшагося нѣсколько лѣтъ ни въ одинъ изъ извѣстныхъ журналовъ». Теперь г. Миллеръ въ «извѣстные журналы» допускается, чѣмъ онъ, повидимому, очень доволенъ. Мы, признаться, не помнимъ, въ чемъ именно состояли старыя грѣхи г. Миллера («романтиче-

скій мистицизмъ»—слишкомъ общая и неопредѣленная формула) да и зачѣмъ поминать старое, когда новое такъ хорошо. Нынѣ г. Миллера ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать «гасильщикомъ», который можетъ потушить свѣтъ смрадомъ гнилыхъ своихъ теорій» (слова Добролюбова). Въ особенности Добролюбовъ не могъ бы нынѣ написать такой приговоръ, такъ какъ, что касается общихъ задачъ искусства и критики, г. Миллеръ усвоилъ себѣ его воззрѣнія. Правда, г. Миллеръ причисляетъ себя къ славянофиламъ, готовымъ, какъ извѣстно, многое погасить своими благоуханными теоріями. Но онъ, въ различныхъ отношеніяхъ, весьма выгодно выдѣляется изъ ихъ среды. Такъ, онъ рѣшительно возстаетъ противъ самохвальнаго признанія насъ, русскихъ, «старшими братьями въ славянствѣ» (XI, 80, 195 и др.). Такъ, у него хватаетъ такту и безпристрастія утверждать, что между руссификаціей, съ одной стороны и германизацией, полонизацией и т. д.—съ другой, нѣтъ никакой принципиальной разницы. Такъ, въ коротенькой рѣчи 1875 г. (407—411), онъ вполне безпристрастно и резонно рѣшаетъ вопросъ о значеніи русскаго языка для славянскихъ народовъ. И въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ г. Миллеръ отклоняется отъ исповѣдуемой имъ, въ общемъ, доктрины. Нѣтъ у него, напримѣръ, славянофильской ненависти къ Петру. Не играетъ въ его взглядахъ и православіе такой роли, которую ему отводятъ другіе славянофилы, по крайней мѣрѣ, онъ объ немъ почти не говоритъ. И несмотря на все это, г. Миллеръ все-таки только блѣдный славянофилъ, а не яркій представитель какаго-нибудь самостоятельнаго образа мыслей. Несмотря на все свое усердіе, онъ совершенно по заслугамъ не играетъ видной роли въ литературѣ. Напримѣръ, въ сборникѣ «Славянство и Европа», при всемъ желаніи, мало чему можно поучиться, ибо г. Миллеръ не только бѣденъ идеями вообще, но, кромѣ того, въ его изложеніи даже излюбленные его идеи представляются какими-то вылинявшими, вытѣвшими. Такъ вытѣваетъ иногда мѣстами мѣхъ: неважный, можетъ быть, былъ мѣхъ, не очень теплый, но все-таки цѣльный, а теперь то тутъ, то тамъ моль повиѣла. Дѣло въ томъ, что, каковы бы ни были взгляды стараго поколѣнія славянофиловъ, но они представляли собою нѣчто цѣльное, имѣвшее и свою философію природы, и свою философію исторіи, и свою политику, и свою мораль. Изъ всего этого багажа г. Миллеръ, сохраняя общій тонъ, «общія мѣста» славянофильства, усвоилъ себѣ только нѣкоторые подробности, произвольно принимая одно, отбрасывая другое, умалчивая о третьемъ. Это было бы еще ничего, еслибы онъ осколки славянофильской доктрины вновь переработалъ самостоятельно, скрѣпилъ ихъ какимъ-нибудь философскимъ цементомъ. Но онъ этого не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать, отчасти по свойствамъ осколковъ, отчасти по малому своему философскому образованію. Онъ отмежевалъ себѣ уголокъ общихъ мѣстъ о великихъ началахъ

національнаго русскаго духа, выразившихся, между прочимъ, въ земельномъ надѣлѣ крестьянъ (хоть бы онъ познакомился съ послѣднимъ трудомъ своего товарища по университету, г. Янсона), да о сочувствіи къ славянамъ. Словомъ, г. Миллеръ—ни рыба, ни мясо, а такія неопредѣленныя, незаконченныя литературныя существа необходимо обречены, какъ бы они ни были усердны, на незамѣтность. Его могъ бы выручить только блестящій талантъ изложенія, который можетъ скрадывать до извѣстной степени неопредѣленность образа мыслей. Но и такого таланта у него нѣтъ: наиболѣе патетическія его статьи и рѣчи неприятно дѣйствуютъ своею дѣланностью, однообразиемъ и наивностью. Вотъ примѣръ. Г. Миллеръ есть г. Миллеръ, то есть носить нѣмецкое имя. Это его очень беспокоитъ. И вотъ, въ предисловіи къ сборнику «Славянство и Европа» читаемъ: «Да, теперь, какъ и прежде, и теперь даже больше, чѣмъ прежде—потому что именно въ настоящей войнѣ русскій человѣкъ жертвуетъ собой вполне сознательно—мы можемъ чувствовать только гордость, принадлежа одной странѣ съ съ нимъ; а тѣ изъ насъ, которымъ приходится носить не русское имя, готовы, по крайней мѣрѣ, многіе, досадовать на послѣднюю каплю нерусской крови, роднашую ихъ съ дѣтьми Запада, этими «потаковниками и попоровниками бесерменскими», какъ отозвались бы о нихъ наши лѣтописцы» (X). Тотъ же дѣланно-патетическій и вмѣстѣ наивный оборотъ встрѣчаемъ на стр. 75: «я и самъ, при моемъ неславянскомъ происхожденіи, долженъ считать себя и съ радостью считаю славянизированнымъ». Наконецъ, и «славянскимъ гостямъ» 1867 года г. Миллеръ повѣдалъ то же самое: «Намъ нехвально въ нѣмцахъ искать правды. Не удивляйтесь, что вамъ говорить это человѣкъ, носящій нѣмецкое имя. Тутъ дѣло не въ крови, не въ происхожденіи; тутъ важно рожденіе по духу. Есть своего рода претворяющая сила въ русской народности, сила, поглощающая въ себѣ все чужое—безъ малѣйшаго насилія. Если и между русскими еще много таеихъ, которымъ бы стоило называться нѣмцами, то есть у насъ и между нѣмцами (по происхожденію) много людей совершенно русскихъ, хотящихъ и умѣющихъ быть только русскими. Эта претворяющая сила русской народности заключается въ славянской ея стихіи, той стихіи, которая обѣщаетъ лучшую будущность человѣчеству» (397). Г. Миллеръ даже и въ наивности своей бѣденъ и однообразенъ.

Анекдотическая исторія текущей войны. Изданіе А. Стронина. (Апрѣль, май, іюнь и іюль 1877 года). Спб. 1877.

Г. Стронинъ промѣнялъ кукушку на ястреба: съ вершинъ науки, преобразованной методомъ «аналогіи», спустился въ бездну издательской спекуляціи. Мы противъ этого ничего не имѣемъ. Наука г. Стронина была столь мало наука, что отъ очищенія имъ этой области настоящая наука ни мало не пострадаетъ. Спекуляція же его ничѣмъ не отличается отъ всякой

другой книжной спекуляціи, всегда прикрывающейся благовиднымъ предлогомъ, всегда нахальной и опредѣляющейя тѣмъ матеріаломъ, насчетъ котораго спекуляція происходитъ. Она именно не можетъ подняться выше своего матеріала, хотя и можетъ оказаться ниже его. Г. Стронину принадлежить въ «анекдотической исторіи текущей войны» трудъ организаціи и направленія (выражаясь словами г. Жуковскаго) чужого труда. Не онъ ѣздилъ на Дунай, за Балканы, въ малую Азію, на Кавказъ за «анекдотами». Ихъ вывели оттуда корреспонденты различныхъ газетъ, а г. Стронинъ ихъ сгруппировалъ, расположилъ въ извѣстномъ порядкѣ, издалъ и возьметъ за это деньги. Въ добрый часъ. За матеріалы, значить, его судить нельзя, а можно судить за самую мысль изданія, за выборъ матеріаловъ и за ихъ группировку. Г. Стронинъ такъ объясняетъ планъ своего изданія: «Оставляя въ сторонѣ всю официальную сторону текущихъ событий, т. е. чисто военную, политическую и дипломатическую, настоящее изданіе ограничивается только неофициальными извѣстіями съ театра войны. Изъ этихъ послѣднихъ, въ свою очередь, оно избираетъ только тѣ, которыя суть столько же бытовья, сколько военныя, или даже больше первыя, чѣмъ вторыя. Словомъ, это — исторія гражданскаго элемента войны». Уже изъ этихъ словъ видно, что г. Стронинъ не имѣетъ яснаго представленія о предпринятомъ имъ дѣлѣ. Это — просто какая-то путаница, въ которой ничего разобрать нельзя. Такъ, совершенно непонятно, почему «чисто (?) военная, дипломатическая и политическая» стороны текущихъ событий составляютъ въ совокупности сторону официальную и какая это такая «исторія гражданскаго элемента войны», въ которую могутъ войти, на примѣръ, рубрики: «Первая атака Плевны», «Мягвія о неудачахъ подъ Плевной» и т. п. Вся книга раздѣляется на три отдѣла: хронологическій, бытовой и біографическій, причемъ отдѣлъ хронологическій начинается такими параграфами: «Кишеневскій обелискъ», «Крестовый походъ дѣтей», «Походъ вношей», «Походъ дѣвицъ и дамъ», «Походъ мужчинъ»... «Поведеніе арміи», «Турецкая армія» и проч. Почему всѣ эти параграфы попали въ «хронологическій» отдѣлъ, а не въ «бытовой»? Очень ужъ г. Стронинъ поторопился сорвать копейку съ текущихъ событий. Обращаясь къ самой задачѣ изданія, надо замѣтить слѣдующее. Газетные корреспонденты сообщаютъ свои «анекдоты» или по слухамъ, или на основаніи своихъ личныхъ наблюденій. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, анекдоты большого довѣрія не заслуживаютъ. Слухи повинуются извѣстному закону: *fama eundo crescit* и потому рѣдко доходятъ до корреспондентовъ въ видѣ, дѣйствительно соответствующемъ размѣру и колориту событий. Что-же касается до собственныхъ наблюденій корреспондентовъ, то уже одно крайнее разногласіе ихъ, на примѣръ, по вопросу объ отношеніяхъ румынъ и болгаръ къ русскимъ, показываетъ, какъ осторожно надо относиться къ этимъ наблюде-

ніямъ. Извѣстно, что русскій корреспондентъ, какъ и русскій человекъ вообще—что называется «складная душа»: обласкаетъ его начальникъ отряда, прокатить его командиръ судна, и вотъ этотъ начальникъ и этотъ командиръ принимаютъ колоссальныя размѣры героевъ, и носъ, и подошвы которыхъ одинаково свѣдѣтельствуя о ихъ геройствѣ. Все это очень естественно. Естественно также, что читатели газетъ должны довольствоваться тѣмъ, что имъ могутъ дать газеты, неизбѣжно сообщающія въ такія тревожныя минуты, какова нынѣшняя, и противорѣчивыя, и поверхностныя, и мало продуманныя свѣдѣнія. Но одно дѣло—обиходъ ежедневнаго газетнаго чтенія и другое дѣло—книга, составитель которой имѣетъ больше времени и средствъ ориентироваться въ грудѣ свѣдѣній, хотя бы и «анекдотическихкихъ». Тутъ критика, сравненіе, провѣрка, строгій выборъ безусловно обязательны. Г. Стронинъ нимало, однако, не склоненъ признавать это обязательство. Онъ даже иностранными корреспонденціями пользуется только въ выдержкахъ русскихъ газетъ, да и то очень мало. Что касается русскихъ корреспонденцій, то онъ еще усугубляетъ ихъ до извѣстной степени простительную безалаберность. Занятый единственно мыслью сорвать копейку со страшной драмы, онъ беретъ нѣсколько строкъ изъ какой-нибудь корреспонденціи, надписываетъ сверху шарлатански заманчивое заглавіе и вставляетъ въ рамку «хронологическую», «бытовую» или «біографическую», тѣмъ самымъ раздувая эти нѣсколько строкъ до такого значенія, какого они, можетъ быть, вовсе не имѣли въ мысли самого корреспондента. Напримѣръ, въ газетахъ какъ-то писали, что нѣсколько кишиневскихъ мальчишекъ, запасшись сардинками, колбасой, игрушечной пушкой и т. п., отправились на войну, но въ тотъ же день были благополучно возвращены родителямъ. Г. Стронинъ озаглавливаетъ это событіе такъ: «Крестовый походъ дѣтей». «Всѣ разрываются? спрашивалъ у солдата одинъ корреспондентъ о бомбахъ.— Не всѣ, ваше благородіе. И такъ бываетъ: сидеть въ землю и сидеть ровно баба въ квашнѣ».—Эти нѣсколько строкъ изъ одной корреспонденціи «Биржевыхъ Вѣдомостей» получаютъ у г. Стронина пивантное заглавіе «Баба въ квашнѣ». Такимъ же образомъ созданы г. Стронинимъ «Клецки», «Клистри», «Походъ дѣвицъ и дамъ», «Наванунѣ», «Потомъ» и проч. и проч.

Мы знаемъ только одну болѣе безцеремонную, чѣмъ «анекдотическая исторія войны», издательскую спекуляцію насчетъ проливаемыхъ нынѣ въ Европѣ и Азіи потоковъ крови. Это—московскія лубочныя картины.

Рудольфъ Женз. Шекспиръ, его жизнь и сочиненія. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей А. Н. Веселовскаго, преподавателя словесности московской 2-й женской гимназіи, съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. И. Стороженка, доцента московскаго университета. Съ портретомъ Шекспира и его факсимиле. М. 1877.

Изъ этой прекрасно изданной книги читатели узнають, что есть особыя ученые—«шекспиологи» и особая соотвѣтственная наука—«шекспиология», что въ наукѣ этой, какъ и во многихъ другихъ, происходятъ большія разногласія насчетъ цѣлей и методовъ изслѣдованія. Нѣмцы придерживаются преимущественно цѣлей и методовъ философскихъ, англичане—историческихъ. Женэ, хотя и нѣмецъ, становится въ этомъ случаѣ на сторону англичанъ.

Чтобы дать понятіе о приемахъ шекспиологовъ-историковъ, мы посмотримъ, какъ обрабатываетъ Женэ «Комедію ошибокъ», не существующую, кажется, въ русскомъ переводѣ. Выбираемъ этотъ разборъ, въ первыхъ, потому, что онъ занимаетъ немного мѣста, а, во-вторыхъ, потому, что, при всей краткости, онъ содержитъ въ себѣ всѣ особенности школы «историковъ». Первый вопросъ, занимающій Женэ—когда написана «Комедія ошибокъ»? На этотъ счетъ одинъ старый критикъ Шекспира, Теобальдъ (еще въ 1733 г.), выразилъ такое предположеніе. Во 2 й сценѣ 3-го акта одинъ изъ Дроміо описываетъ женщину, которая приняла его за своего мужа. Она, говоритъ онъ, кругла, какъ земной шаръ и на ней можно указать разныя страны. Указавъ, гдѣ находятся Шотландія и Ирландія, на вопросъ Антифолиса о мѣстѣ Франціи, Дроміо отвѣчаетъ: «на лбу, вооруженномъ и поднявшемся войною—against her hair». Здѣсь не переводимая игра словъ hair (волосъ) и heir (наслѣдникъ). Въ первомъ in-folio стояло heir, которое, въ позднѣйшихъ изданіяхъ, замѣнено словомъ hair. «Но Теобальдъ выяснилъ дѣйствительный смыслъ этого непонятнаго съ перваго раза выраженія, указавъ на то, что во Франціи, въ 1589 г., шла междоусобная война Лиги съ Генрихомъ Наварскимъ, что, слѣдовательно, Франція вела войну противъ своего «наслѣдника»—against the heir. А такъ какъ Елизавета приняла сторону протестантскаго государя и въ 1591 г. послала на помощь ему графа Эссекса, то проникательный изслѣдователь основательно заключилъ, что пьеса была написана около этого времени». Присутствіе рюмованныхъ стиховъ и такъ-называемыхъ «доггрей» также убѣждаетъ Женэ, что «Комедія ошибокъ» принадлежитъ къ числу юношескихъ произведеній Шекспира. Затѣмъ, идетъ второй вопросъ: замѣстительно ли Шекспиръ сюжетъ «Комедіи ошибокъ» непосредственно изъ перевода Плавтовыхъ «Менехмъ», или черезъ посредство какой-нибудь другой пьесы? Англійскій переводъ комедіи Плавта появился въ печати только въ 1595 г., а «Комедія ошибокъ» написана, по всѣмъ соображеніямъ, раньше. Значитъ, или Шекспиръ пользовался рукописнымъ переводомъ, или имѣлъ подъ руками не самую комедію Плавта, а какую-нибудь плохую передѣлку ея. «Мы знаемъ, что еще въ 1577 г. при дворѣ въ Гемптонъ-Кортъ пѣвчими мальчиками св. Павла (какъ сообщаетъ Колльеръ) была представлена комедія «The History of Eitog», о которой мы впрочемъ не имѣемъ, кромѣ этого, ни-

какихъ свѣдѣній». Далѣе слѣдуетъ у Женэ эстетическій разборъ «Комедіи ошибокъ». Авторъ находитъ, что Шекспиръ значительно развилъ и улучшилъ тѣму Плавта. Авторъ справедливо находитъ очень смѣлымъ приѣмъ Шекспира, который въ двумъ неразличимымъ братьямъ-близнецамъ комедіи Плавта прибавилъ другое чудо—повтореніе такой же игры природы и на двухъ слугахъ. Авторъ, впрочемъ, довольно двусмысленно говоритъ объ эстетическомъ достоинствѣ этого приѣма. У Шекспира, говоритъ Женэ:—«нѣтъ также недостатка въ замысловатыхъ, вновь созданныхъ имъ мотивахъ, къ которымъ относится вся предшествующая исторія двухъ братьевъ и ихъ семьи, а то обстоятельство, что поэтъ выводитъ изъ недоразумѣній и раздоровъ въ домѣ Ангифолиса Эфесскаго извѣстную семейную мораль, уже отличаетъ его ясный взглядъ на дѣйствительныя отношенія буржуазной жизни». Въ концѣ-концовъ, Женэ находитъ, что внѣшнее шутовство этого фарса было обусловлено самимъ сюжетомъ и что «мы можемъ смотрѣть на эту комедію, какъ на очень удачный этюдъ со стороны техники театральнаго изложенія». Мимоходомъ мы узнаемъ, что нѣмецкій шекспирологъ Герцбергъ съ успѣхомъ «занимается счетомъ стиховъ, стопъ, приѣмъ и т. д.» и что Женэ уважаетъ «тѣ многочисленныя и дѣйствительно, не совсѣмъ бесплодныя труды, которые г. Герцбергъ предпринималъ въ этихъ счетовыхъ таблицахъ».

Таковы скромныя цѣли и приемы шекспирологовъ-историковъ. Они довольствуются сличеніемъ различныхъ изданій Шекспира, опредѣленіемъ времени происхожденія его произведеній и источниковъ, изъ которыхъ онъ бралъ свои сюжеты, нѣкоторыми эстетическими соображеніями, хотя доходятъ по временамъ и до такой роскоши, какъ «счетовыя таблицы» Герцберга. Шекспирологи-философы гораздо притязательнѣе и заносчивѣе. Съ едва ли не самымъ крупнымъ представителемъ этой школы, Гервинусомъ, русскій читатель знакомъ. Но и Женэ, очень нападающій на эту школу, не избѣжалъ ея критическихъ приѣмовъ. Авторъ предисловія и примѣчаній къ лежащей передъ нами книгѣ, г. Стороженко, говоритъ, что Женэ «только одинъ разъ», именно въ разборѣ «Юлія Цезаря», переходитъ въ лагерь «философовъ». Въ этомъ разборѣ, кромѣ историческихъ изысканій, образчикъ которыхъ мы сейчасъ видѣли, имѣется еще попытка опредѣлить, какъ самъ Шекспиръ смотрѣлъ на избранный имъ сюжетъ, на личности Цезаря и Брута и проч., какія идеи воплотилъ онъ въ этихъ образахъ. Въ этомъ именно и состоитъ особенность шекспирологовъ-философовъ, очень не нравящаяся какъ самому Женэ, такъ и г. Стороженкѣ. Трудно понять резоны этого недовольства. Что нѣмецкіе «шекспирологи», натагивая Шекспира на философскія схемы Гегеля и Фихте, наговорили много глупостей—это безспорно. Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы на *этомъ* родѣ философской критики свѣтъ клиномъ сошелся. Не слѣдуетъ и того, чтобы буквѣдство «счетовыхъ таб-

лицъ» и т. п. было само по себѣ благотворно. Самъ Женэ говоритъ: «нашей задачей было изложить всѣ современныя его (Шекспира) дѣятели обстоятельства, которыя могутъ какимъ-нибудь образомъ бросить свѣтъ на ту или другую сторону его личности и знаніе которыхъ нужно для пониманія какихъ-нибудь скрытыхъ намековъ или невысказанныхъ мотивовъ. Какъ ни далеко простираетъ свои цвѣтушія вѣтви могучее дерево его поэзіи, доставляя удовлетвореніе и наслажденіе цѣлому ряду столѣтій, корней его все-таки приходится искать въ еію времени. Часто, повидимому, незначительныя частности, касающіяся общественныхъ отношеній въ пору, современную поэту, обстоятельство его жизни и проч., проливаютъ необыкновенный свѣтъ на намѣренія поэта». Итакъ, дѣло все-таки въ намѣреніяхъ поэта, для выясненія которыхъ нужны только, по мнѣнію Женэ, извѣстныя подготовительныя, историческія, археологическія, библиографическія изслѣдованія. Г. Стороженко, въ свою очередь, очень опредѣленно говоритъ, что Женэ только въ одномъ мѣстѣ измѣнилъ своимъ критическимъ принципамъ. Но, чтобы не далеко ходить, въ вышеприведенномъ разборѣ «Комедіи ошибокъ» Женэ усматриваетъ «ясный взглядъ Шекспира на дѣйствительныя отношенія буржуазной жизни». Такихъ мѣстъ мы могли бы указать множество, и г. Стороженко противъ нихъ не протестуетъ. Да и какой же живой человекъ можетъ, имѣя дѣло съ такимъ богатѣйшимъ арсеналомъ наблюденій и идей, какой представляетъ собою Шекспиръ, довольствоваться библиографическими изысканіями? Кому охота себя кастрировать во имя какой-то «науки шекспирилогіи»? Нѣмецкіе критики, установивъ извѣстныя философскія, нравственныя, эстетическія категоріи, въ родѣ «трагической вины героя» и т. п., стали ихъ искать въ Шекспирѣ и наговорили вздору. Но это говоритъ только или о ихъ личной неумѣлости, или о несостоятельности избранныхъ ими категорій, или о томъ и другомъ виѣстѣ. Много такого вздора наговорилъ и Гервинусъ, но вотъ, напримѣръ, у него есть нѣсколько горячихъ страницъ на тѣму параллели между Гамлетомъ и Германіей. Какъ бы она ни была выполнена, но въ самой задачѣ нѣтъ ничего предосудительнаго или незаконнаго. Почему не воспользоваться яркимъ образомъ, созданнымъ поэтомъ, для нравственнаго или политическаго урока? Тогда это уже не будетъ «шекспирилогія», скажутъ Женэ и г. Стороженко. Очень можетъ быть. Уже Гризингеръ замѣтилъ, что нѣкоторые образы Шекспира, какъ и Донъ-Кихоть Сервантеса, такъ безукоризненно вѣрны дѣйствительности, что могутъ служить объектами психологическаго или психіатрическаго изученія. И, если не ошибаемся, Маудсли уже пытался сдѣлать нѣчто подобное. Пожалуй, и такое изученіе не войдетъ въ рамки «шекспирилогіи», но къ чему она, эта самая шекспирилогія, когда дѣло идетъ просто о томъ, чтобы пользоваться по-этомъ всѣми способами, которые только могутъ быть приложены

къ дѣлу? Всѣ роды хороши, кромѣ случнаго, сказалъ Вольтеръ. Этотъ афоризмъ окажется несомнѣнно вѣрнымъ и утратить свой букетъ легкомыслія, если придать ему слѣдующее распростра- нительное толкованіе: всѣ роды хороши, кромѣ такого, который не можетъ заинтересовать читателя чѣмъ-нибудь дѣльнымъ. Въ этомъ смыслѣ, пожалуй, самый худшій родъ есть родъ библио- графическо-историческо-археологической шекспирологіи. Особенно непонятно, почему школы историковъ и философовъ враждуютъ между собою, когда у нихъ совсѣмъ разные цѣли, въ принци- пѣ одинаково законныя, а въ дѣйствительности одинаково мо- гуція заводить однихъ въ дебри метафизики, а другихъ въ де- бри буквѣдства. Если существуетъ шекспирологія, въ смыслѣ Жюэнэ и г. Стороженко, то возможны и байронологія, и пушки- нологія, и шиллерологія, а тамъ пожалуй и гегелелогія, и пруд- донологія, и дарвинологія. Это будетъ очень на руку закоснѣ- лымъ библиографамъ, библиофиламъ и библиоманамъ, но за то настоящая наука и искусство, равно какъ и научная и художе- ственная критика, окажутся совсѣмъ не у дѣль.

Впрочемъ, книга Жюэнэ, какъ единственный у насъ и притомъ очень добросовѣстно составленный сборникъ историческихъ свѣ- дѣній о Шекспирѣ и его произведеніяхъ, заслуживаетъ пол- наго вниманія.

Обычное гражданское право въ Россіи. Юридическіе очерки *С. В. Пахмана*, заслуженнаго профессора с.-петербургскаго уни- верситета. Томъ I. Собственность, обязательства и средства охраненія. Спб. 1877.

Нѣтъ, кажется, надобности распространяться о теоретической и практической важности знакомства съ обычнымъ правомъ. Необходимость этого знакомства станетъ скоро общимъ мѣстомъ. Можно поэтому только радоваться появленію труда г. Пахмана. А трудъ предстоялъ автору немалый. Кромѣ подбора свѣдѣній, разбросанныхъ по разнымъ періодическимъ и неперіодическимъ изданіямъ, надо было перерыть все множество рѣшеній волост- ныхъ судовъ, собранныхъ въ «Трудахъ комиссіи по преобразо- ванію волостныхъ судовъ». Эта работа исполнена г. Пахма- номъ съ крайнею добросовѣстностью.

Но можно было, кромѣ того, опасаться, что юристъ, то-есть человекъ, привыкшій къ извѣстной схемѣ юридическихъ нормъ, съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ или, по крайней мѣрѣ, недо- умѣніемъ отнесется къ такимъ институтамъ обычного права, ко- торые не подходятъ къ тѣмъ нормамъ. И нельзя сказать, чтобы г. Пахманъ совершенно миновалъ это затрудненіе. Такъ, напри- мѣръ, онъ не можетъ подвести «помочь», «толоку» ни подъ понятіе личнаго найма (188, примѣчаніе), ни подъ понятіе сою- зовъ товарищества (артелей, 255), но ограничивается только этими отрицательными опредѣленіями и не даетъ «помочи» ни- какого положительнаго мѣста. Или другой примѣръ. Въ Землѣ Войска Донскаго бѣдные люди иногда самовольно занимаютъ у

богатыхъ хлѣбъ. При первомъ хорошемъ урожаѣ, хлѣбъ (съ процентомъ, съ придачей двухъ-трехъ копенъ) складывается на томъ же мѣстѣ. Иногда заемщикъ оставляетъ даже записку, представляющую очень своеобразное долговое обязательство, такъ какъ въ ней упоминается только, что хлѣбъ взять изъ крайней нужды и будетъ, при первой возможности, возвращенъ. Г. Пахманъ даже не сообщаетъ этого замѣтельнаго обычая, а только ссылается на Якушкина и притомъ въ главѣ о неправомъ владѣннѣ, хотя ссылка гласитъ: «о самовольномъ займѣ хлѣба, см. Е. Якушкина» и т. д. Между тѣмъ, совершенно аналогичный обычай заочнаго займа съ оставленіемъ своего клейма или бирки (у инородцевъ съѣвера) отнесенъ, какъ и слѣдовало, въ главу о займѣ, хотя, впрочемъ, упомянуть тоже только мимоходомъ, въ примѣчаніи. Очевидно, авторъ колебался насчетъ юридическаго значенія самовольнаго займа. Обычное право считаетъ его займомъ и обставляетъ его даже придаткомъ займа—процентомъ. Наука же гражданскаго права, такъ сказать, цивилизованнаго, преподаваемаго въ учебныхъ заведеніяхъ и составляющаго базисъ писаннаго закона, видитъ здѣсь только неправое владѣніе.

Говоря о юридическомъ значеніи личнаго труда, г. Пахманъ замѣчаетъ: «Въ писанномъ правѣ, хотя и упоминается о трудѣ въ различныхъ отношеніяхъ, но нигдѣ не усвоено ему самостоятельнаго мѣста въ ряду способовъ приобрѣтенія правъ по имуществамъ, и въ этомъ отношеніи законъ, повидимому, расходится съ тѣми воззрѣніями, которыя свойственны обычному праву. На самомъ дѣлѣ такого разлада, собственно говоря, нѣтъ. Дѣло только въ томъ, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ трудъ играетъ какую-либо роль, приобрѣтеніе права отличается отъ приобрѣтенія прибыли или имущества и сводится не къ самому труду, а къ другимъ юридическимъ основаніямъ... Что касается понятія труда, какъ основанія права на землю, то и оно сводится къ понятію окупаціи, предполагающей существованіе земель незанятыхъ или ничьихъ, но о завладѣннѣ въ этомъ смыслѣ почти повсюду не можетъ быть и помину. Не можетъ быть также недоразумѣній о юридическомъ значеніи работы, совершаемой для другихъ въ видѣ личныхъ услугъ разнаго рода, такъ какъ оно, очевидно, сводится къ сдѣлкѣ. Слѣдовательно, вопросъ о самостоятельномъ значеніи труда возникаетъ собственно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ совершается безъ согласія того лица, чьего интереса или имущества онъ касается. Но и въ этомъ случаѣ, если работа произведена для него же, напримѣръ, для младѣльца земли, то основаніемъ права на вознагражденіе признается не самый трудъ, а предполагаемое согласіе владѣльца (*quasi-contractus, negotiorum gestio*). Остаются, слѣдовательно, тѣ случаи, когда кто-либо обрабатываетъ чужую землю безъ всякаго согласія со стороны хозяина, и притомъ не для него, а для себя, въ свою пользу. Случаи этого рода, очевидно, сводятся къ нарушенію чужой собственности и въ этомъ смыслѣ составляютъ,

какъ будетъ показано въ своемъ мѣстѣ (въ главѣ шестой), одинъ изъ видовъ неправаго пользованія чужимъ имуществомъ» (44 и слѣдующ.). Оставляя даже всѣ другія, могущія представиться возраженія и обращаясь къ той самой шестой главѣ, на которую указываетъ почтенный авторъ, мы найдемъ тамъ, между прочимъ (опять таки только въ примѣчаніи), слѣдующее: «Порубка дѣса болѣею частью и не считается за воровство, какъ преступленіе, между прочимъ, потому, что она предполагаетъ приложеніе труда, а трудъ считается главнымъ основаніемъ приобрѣтенія» (347). Итакъ, каково же, съ точки зрѣнія обычнаго права, юридическое значеніе труда? Ученый юристъ можетъ отрицать самостоятельное юридическое значеніе труда и подыскивать для соотвѣтственныхъ случаевъ другія юридическія основанія, но къ обычному праву эта точка зрѣнія, очевидно, не всегда приложима. Подобную же сбивчивость мы могли бы указать и въ главѣ объ общинномъ владѣніи землею.

Недостатки эти, кажется намъ, неизбежны въ трудѣ профессора юриста, свышшагося съ юридическими понятіями, часто рѣзко отличными отъ тѣхъ, надъ которыми ему приходится оперировать при изученіи обычнаго права. За всѣмъ тѣмъ, какъ опытъ тщательной и подробной систематизаціи обычнаго права, трудъ г. Пахмана составляетъ, во всякомъ случаѣ, цѣнный вкладъ въ науку, и надо желать скорѣйшаго появленія слѣдующихъ томовъ, изъ которыхъ ближайшій обниметъ семейныя права, наследство и опеку. Затѣмъ, судя по одному, вскользь брошенному замѣчанію, авторъ собирается, повидимому, заняться обычными инородческими и торговыми. Пожелаемъ, чтобы въ этихъ будущихъ трудахъ самой точкѣ зрѣнія народа на тѣ или другія юридическія явленія было отведено больше мѣста. Мы въ правѣ ожидать этого отъ ученаго, который говоритъ въ предисловіи: «Недовѣріе къ нашему обычному праву, а вмѣстѣ съ тѣмъ пренебреженіе имъ въ самой наукѣ могутъ быть оправданы, кажется, только тѣмъ обстоятельствомъ, что свѣдѣнія наши, по крайней мѣрѣ, до послѣдняго времени, были весьма скудны и смутны».

О значеніи психическихъ вліяній. Лекція В. А. Манассеина, проф. медико-хирургической академіи. Спб. 1877.

Заглавіе этой небольшой книжки, несмотря на свою кажущуюся неопредѣленность, очень точно резюмируетъ ея содержаніе. Рѣчь въ ней собственно идетъ о психическомъ леченіи болѣзней. Вѣроятно многимъ, даже очень скептическимъ читателямъ, извѣстны болѣе или менѣе достовѣрные случаи удачнаго леченія при помощи заговоровъ, такъ-называемыхъ симпатическихъ средствъ и т. п. Одно дѣло—фактъ, который можетъ быть безспоренъ, и другое дѣло—объясненіе факта, которое можетъ быть вздорно и ни съ чѣмъ несообразно. Безъ сомнѣнія, во всѣхъ достовѣрныхъ случаяхъ удачи большаго и малаго колдовства главную роль играютъ психическіе моменты: ожиданіе,

вѣра, испугъ, нравственное потрясеніе. И многимъ должна была приходиться въ голову мысль о возможности систематическаго изученія и практическаго приложенія этихъ моментовъ. Г. Манассеинъ говоритъ, что «лучшіе медицинскіе дѣтели давно уже сознавали необходимость» психическаго способа леченія. Нѣкоторые врачи въ отдѣльныхъ случаяхъ даже пускали его въ ходъ, но, тѣмъ не менѣе, способъ этотъ никогда не былъ общепризнаннымъ. Г. Манассеинъ первый рѣшился включить его въ курсъ терапіи, читанный имъ въ 1875—76 году въ медико-хирургической академіи. Эта часть курса, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, и лежитъ теперь передъ нами. Но, такъ какъ дѣло представляло автору новое, то ему прежде всего надлежало внушить своимъ слушателямъ и читателямъ общую мысль «о значеніи психическихъ вліаній».

Избранный для этого авторомъ путь состоитъ въ томъ, что онъ приводитъ колоссальную массу фактовъ, свидѣтельствующихъ о разнообразныхъ вліаніяхъ психическихъ моментовъ на организмъ. Надо правду сказать, что количество собранныхъ имъ примѣровъ даже слишкомъ велико. Можетъ быть, изложеніе г. Манассеина, вообще, впрочемъ, прекрасное, только выиграло бы, еслибы онъ сократилъ число примѣровъ, но зато выбралъ бы наиболѣе яркіе по каждой группѣ. Тогда вниманіе читателя не утомлялось бы, разбѣгаясь по множеству однородныхъ, часто почти тождественныхъ фактовъ, и общіе выводы автора выдѣлились бы гораздо рельефнѣе. Впрочемъ, излишнее обиліе фактовъ во всякомъ случаѣ — не такой недостатокъ, объ которомъ стоило бы очень горевать. Даже легко быть можетъ, что именно самые факты, въ качествѣ анекдотовъ, привлекутъ къ книжкѣ такихъ читателей, которые иначе не взяли бы ея въ руки. Желая какъ можно большаго успѣха книгѣ г. Манассеина, мы скажемъ такимъ читателямъ, что анекдотовъ въ ней много, очень много, и очень интересныхъ. Надо еще замѣтить, что авторъ, между прочимъ, именно поставилъ себѣ задачей собрать во едино, по возможности, всѣ разбросанныя по фізіо-психологической и медицинской литературѣ достовѣрные случаи психологическихъ вліаній.

Что касается до общихъ выводовъ автора, то они могутъ быть сведены къ слѣдующему. Вглядываясь въ разнообразные случаи психическихъ вліаній на организмъ, нетрудно убѣдиться, что всѣ они сводятся къ тому, что или вниманіе сосредоточивалось на какой-нибудь части тѣла, или, напротивъ, отвлекалось отъ нея. Теперь спрашивается: что же такое вниманіе? Авторъ приводитъ два опредѣленія: психологическое, по которому вниманіе есть способность останавливать сознание на любомъ впечатлѣніи, чувствѣ или мысли, и фізіологическое, по которому фізіологической основой вниманія служитъ произвольная иннервація, произвольная затрата нервной силы въ извѣстномъ направленіи. Способность вниманія, какъ и всякая другая, подде-

жить развитію, усиленію, для котораго требуются извѣстныя условія. Общее условіе развитія всякой способности состоитъ въ упражненіи. Слѣдовательно, чѣмъ болѣе запасъ представленій у человѣка, чѣмъ разнообразіе его внутренней міръ, тѣмъ сильнѣе способность вниманія, ибо на образованіе каждаго новаго представленія требуется извѣстная затрата вниманія, то есть упражненіе способности. Вышнимъ же мѣриломъ способности вниманія или, что тоже съ точки зрѣнія нашего автора, самообладанія можетъ служить время, отдѣляющее ощущеніе отъ соотвѣтственнаго рефлективнаго движенія. Ребенокъ не можетъ, какъ говорится, сдерживать свои чувства; онъ не можетъ не заплакать при болевомъ ощущеніи, не отдернуть руки отъ горячаго предмета и проч., тогда какъ взрослый человѣкъ, въ особенности на извѣстной ступени развитія, можетъ очень сильно управлять своимъ сравнительно богатымъ психическимъ запасомъ, отвлекая вниманіе въ ту или другую сторону. Сила вниманія, произвольной затраты нервного вещества въ извѣстномъ направленіи такова, что можетъ дѣйствовать не только анестезирующимъ образомъ, т. е. притуплять чувствительность, но и прямо исцѣляющимъ. Можетъ она, разумѣется, производить и обратное дѣйствіе. Здѣсь мы приведемъ кое-что изъ богатаго фактическаго арсенала г. Манассеина. Извѣстно, что такое стигматизація: приливъ крови къ тѣмъ мѣстамъ тѣла, гдѣ были вбиты гвозди у Иисуса Христа. Еще недавно гдѣ-то въ Европѣ надѣлала шуму женщина, обладавшая этимъ страннымъ свойствомъ. Фактъ этотъ вполне достовѣренъ, хотя на первый взглядъ и невѣроятенъ. Но, припомнивъ, что вниманіе, сосредоточенное на извѣстномъ отпращиваніи, вызывая соотвѣтствующія представленія, можетъ усилить дѣятельность желѣзъ (такъ, у людей, мечтающихъ объ хорошемъ обѣдѣ, «слюнки текутъ»; такъ, у матери, при крикѣ или даже при видѣ ребенка, набухаютъ груди); что это усиленное отдѣленіе желѣзъ сопровождается мѣстными приливами крови; припомнивъ дарвиново объясненіе способности краснѣть, которое состоитъ въ томъ, что вниманіе обуславливаетъ измѣненіе калибра сосудовъ данной мѣстности; припомнивъ, что люди часто краснѣютъ только потому, что кто-нибудь сказалъ, что они покраснѣли; припомнивъ все это, въ связи съ множествомъ явленій того же порядка, мы уже не удивимся и факту стигматизаціи. Экзальтированная женщина, сосредоточивая вниманіе на гвоздяныхъ язвахъ Иисуса Христа, вызываетъ приливы или даже выступленіе крови на соотвѣтственныхъ мѣстахъ своего тѣла.

Если такимъ образомъ вліяніе психическихъ моментовъ сводится къ измѣненію направленія или напряженности вниманія, то, значить, и искусство врача-психолога будетъ состоять въ умѣніи играть на этомъ инструментѣ. Книга г. Манассеина кончается нѣкоторыми практическими правилами для психическаго леченія. Совѣты эти онъ считаетъ «лишь вѣхами для обозна-

*

ченія того направленія, въ которомъ лежитъ будущая широкая дорога». Чуждые всякаго педантизма, совѣты эти смѣло могутъ быть рекомендованы не только молодымъ людямъ, готовящимся къ врачебной дѣятельности, а и всѣмъ образованнымъ людямъ. Г. Манассеинъ справедливо говоритъ въ предисловіи: «если вмѣшательство не-врачей въ собственно фармацевтическое леченіе можетъ быть пагубно... то въ принятіи гигиеническихъ, діететическихкихъ и психическихкихъ мѣръ не-врачи, напротивъ того, могутъ оказать врачу неоцѣнимую помощь, если только они дадутъ себѣ трудъ основательно ознакомиться съ доступными для каждаго основами этихъ мѣръ».

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Различныя воззрѣнія относительно цѣлей войны. — Паденіе курса бумажныхъ денегъ и мнѣніе по этому предмету Адольфа Вагнера — подлинное и въ обработкѣ «Новаго Времени». — Благовременно ли вводить теперь какой бы то ни было новый налогъ? — Желаніе прессы затереть вопросъ о финансахъ. — Причины большей части слоупотребленій и ихъ безнаказанности въ патристическихъ сезоны. — Замѣтка по поводу бѣгства Ландау. — Грязь прессы въ патристическіе сезоны. — Башн-бозукствующій профессоръ Миллеръ. — Послѣдствія грязь прессы. — «Сводъ Замѣчаній» г. Мартынова по сбору пожертвованій въ сербскую войну. — Русскія газеты въ арміи. — Прозектъ г. Лазарева о продовольствіи арміи. — Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ. — Турки на службѣ въ русскомъ судебноиъ вѣдомствѣ.

Относительно цѣлей нынѣшней нашей войны съ Турціей въ нашемъ обществѣ образовалось два воззрѣнія или направленія.

Одно изъ этихъ направленій требуетъ, чтобы война была продолжаема *во что бы то ни стало* до тѣхъ поръ, пока турки будутъ вытѣснены изъ Европы, Константинополь и проливы поступать во владѣніе русскихъ, на развалинахъ Европейской Турціи будетъ основано одно славянское государство или союзъ славянскихъ государствъ подъ властью или протекторатомъ какой-нибудь сильной христіанской державы, конечно — той, въ руки которой поступать Константинополь и проливы, и т. д., и т. д.

Другое направленіе настаиваетъ, напротивъ, на томъ, чтобы цѣли войны не ставились произвольно и абстрактно отъ существующихъ условій Россіи, по возможности, были соображаемы съ платежными силами Россіи, которыя и теперь уже находятся въ крайнемъ напряженіи, чтобы не имѣлось въ виду осуществить войною предположеній, не только невозможныхъ и мечтательныхъ,

но и такихъ, достиженіе которыхъ неизбежно повлекло бы за собою полное изнеможеніе этихъ силъ, истощеніе и обезсмысленное государство и народа на многіе десятии лѣтъ.

Сторонники первого направленія, какъ видѣть читатель, стоятъ на точкѣ зрѣнія исключительно національной славы или, правильнѣе сказать, національнаго тщеславія, готовые принести все въ жертву послѣднему; сторонники второго направленія, прежде всего и главнымъ образомъ, имѣютъ въ виду народное благосостояніе и думаютъ, что всякая національная слава, приобретаемая насчетъ истощенія народныхъ силъ и, слѣдовательно, въ подрывъ этому благосостоянію—есть пустая, ничего нестоющая слава въ настоящемъ, а въ будущемъ несущая несомнѣнную гибель государству и народу.

Кто изъ этихъ представителей двухъ лагерей русской интеллигенціи относится справедливѣе и честнѣе къ своему народу—очевидно съ перваго взгляда. Борьбы даже до истощенія силъ, еслибы то оказалось нужнымъ, можно требовать отъ народа только тогда, когда врагъ вошелъ въ предѣлы его отечества, когда вопросъ идетъ о бытіи или небытіи послѣдняго или о его пораженіи. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, т. е. когда война ведется не за существованіе государства, ни за его свободу, цѣли войны должны быть подчиняемы интересамъ народнаго благосостоянія. Разъ война принимаетъ оборотъ, угрожающій истощеніемъ силъ народа и подрывомъ его благосостоянія, какія бы она возвышенныя цѣли въ виду ни имѣла, задача ея должна быть немедленно сѣужена и поставлена въ размѣръ народныхъ средствъ даннаго времени. Это не значитъ, чтобы возвышенная цѣль, которая признана достойною борьбы и которая имѣлась въ виду при началѣ войны, была навсегда отринута. Aufgeschoben—noch nicht aufgehoben. Она будетъ только отложена до болѣе лучшаго времени, когда исполнить ее будетъ можно, не руинируя силъ народа и страны. Не патриотизмъ, а только пустое, ничтожное тщеславіе, жаждущее одного внѣшняго призрачнаго національнаго блеска, а тамъ хоть трава не расти, можетъ вести народъ на самоубійство, т. е. заставлять его биться за чужіе интересы, *несмотря ни на что, во что бы то ни стало*, хотя бы ради достиженія этого призрачнаго блеска пришлось погребсти на долгое время и благосостояніе народа, и истинную силу государства. Подобную побѣдоносность русской юморъ давно уже заклеяшилъ въ известной пословицѣ: *наша взяла, рыло съ крови*.

Какъ ни очевидно и ни несомнѣнны всѣ эти азбучныя истины, тѣмъ не менѣе, онѣ въ настоящее время составляютъ предметъ всеобщихъ пререканій. Всѣ споры относительно цѣлей настоящей войны, и въ журналистикѣ, и въ частныхъ бесѣдахъ, сводятся къ слѣдующему вопросу: долженъ ли русскій народъ, во что бы то ему ни обошлось, продолжать войну до тѣхъ поръ, пока будутъ взяты у турокъ Константинополь и проливы, пока болгаре

и другія славянскія народности въ Турціи будутъ совершенно освобождены, или, если война окажется ему не въ могоу, т. е. будетъ угрожать ему разрушеніемъ его собственнаго благосостоянія, далеко, мимоходомъ сказать, незавиднаго, имѣетъ онъ право (само собою разумѣется, когда ему представится случай закончатъ ее, не роняя своего достоинства), удовольствоваться до времени чѣмъ-нибудь меньшимъ, т. е. заключить миръ, не добываясь ни Константинополя, ни проливовъ, ни разрушенія Турціи и т. д.?

На одной изъ такихъ бесѣдъ имѣлъ случай присутствовать и я. Разговоръ зашелъ по поводу появившихся въ газетахъ извѣстій о замышляемомъ якобы нѣкоторыми державами посредничествѣ къ заключенію мира между Россіею и Турціею.

Въ разговорѣ принимали участіе и поборники мира, и поборники войны. Поборники мира, въ доказательство необходимости скорѣйшаго окончанія войны, указывали на разныя затрудненія и существующія уже, и которыя могутъ еще возникнуть въ случаѣ, если война затянется. Говорили, напримѣръ, что румыны и теперь уже негодуютъ на свое правительство за то, что оно втянуло ихъ въ эту войну и втянуло противузаконно, безъ согласія палатъ, требуютъ созванія палатъ, прекращенія войны и преданія суду тѣхъ, кто ее началъ. Еслибы, въ самомъ дѣлѣ, случилось, что румынскія палаты прекратили войну и Румынія заключила сепаратный миръ съ Турціею на выгодныхъ для себя условіяхъ, что не невозможно, это поставило бы Россію въ трудное, почти неисходное положеніе. Далѣе, говорили поборники мира: отъ русско-турецкой войны терпятъ не Турція только и Россія, но и вся Европа. Европа, въ теченіи шести мѣсяцевъ, терпѣливо смотрѣла на борьбу Турціи съ Россіею; но останется ли она такою же хладнокровной зрительницей этой борьбы, если со стороны турокъ будетъ оказываться такое же упорное напряженіе и сопротивленіе, какое оказывается теперь, это—еще вопросъ. Очень можетъ быть, что, если война будетъ угрожать затянуться на долгое время, Европа вмѣшается въ нее и прекратитъ ее на условіяхъ, все равно далеко несоотвѣтствующихъ программѣ, выставленной Россіею. Право ли, не право ли, но, на основаніи парижскаго трактата, Европа думаетъ—и своихъ мыслей объ этомъ не скрываетъ—что безъ ея воли и согласія Россія не имѣла бы права вести войну съ Турціею, что, если эта война Россіею ведется, то ведется съ общаго согласія державъ-поручительницъ, исполнителемъ воли которыхъ является Россія, и что затѣмъ, какъ безъ воли этихъ державъ не могли бы быть сдѣланы Россіею, въ случаѣ успѣха, никакія переустройства въ Турціи, такъ точно въ волѣ этихъ державъ, въ случаѣ если война затянется, не достигая рѣшительныхъ результатовъ, а только заливая кровью славянъ и турокъ и тормозя дѣла всей Европы, остановить эту войну и устроить христіанскія народности въ Турціи по ихъ обще-

му всѣхъ державъ-поручительницъ усмотрѣнію ¹. Есть въ настоящее время извѣстіе, что, вмѣсто тройственнаго сѣвернаго союза, до сихъ поръ существовавшаго, изъ Германіи, Австріи, Россіи, образуется новый тройственный союзъ—изъ Германіи, Австріи, Италиі, а Россія исключается изъ союза—потому, дескать, что въ ней нѣтъ никакой солидарности съ интересами Европы—извѣстіе, конечно, невѣроятное для настоящаго времени, невѣроятное, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока живъ нынѣшній германскій императоръ, искренно привязанный къ Россіи; тѣмъ не менѣе, извѣстіе это достойно вниманія для Россіи напредки, т. е., чтобы она понимала, какъ ей нужно осторожно вести себя относительно Европы, предвидя впереди всякія случайности, и, въ виду этихъ случайностей, не расточать своихъ силъ напрасно за чужіе интересы, а, напротивъ, беречь и копить ихъ для огражденія себя самой, когда то потребуется. Но, главнымъ образомъ, поборники мира упирали на то, что, въ теченіи нынѣшней полугодовой войны, Россія такъ уже много потеряла своихъ силъ, что она не вынесетъ долгаго продолженія войны и придетъ подъ бременемъ непосильныхъ жертвъ въ полное истощеніе.

«Точь въ точку почти тоже самое, замѣтилъ на это одинъ изъ поборниковъ войны:—говорили о Россіи и передъ началомъ войны. Однако, вотъ мы воюемъ уже полгода, и Россія выноситъ войну и, слава Богу, здоровешенька, какъ ни въ чемъ не бывало».

— «Однакожь, вы забываете, сказалъ кто-то на это:—что мы ведемъ войну на бумажныя деньги, выпуская ихъ безмѣрное ко-

¹ Замѣчательно, что сама Порта признаетъ за Европой право вмѣшательства въ войну и боится этого болѣе всего, а въ особенности вмѣшательства Германіи. Корреспондентъ «Presse» (№ 275) пишетъ, между прочимъ, изъ Перы, отъ 28-го сентября, слѣдующее: «Положеніе дѣлъ таково, что Порта, еще въ нынѣшнемъ году, весьма охотно желала бы заключенія мира. Она боится, чтобы продолженіе войны не повлекло ее какимъ-нибудь образомъ въ столкновеніе съ другими европейскими державами. Болѣе всего не довѣряетъ Порта Германіи, а именно по двумъ причинамъ. Въ оффиціальнхъ кругахъ главнымъ образомъ боится того, чтобы, наконецъ, и германское правительство не приняло какого-нибудь участія въ войнѣ съ Турціею. А если этого не случится, то еще болѣе боится того, чтобы Германія не вздумала своею желѣзною рукою приподнести Турціи пальму мира. Здѣсь никто не удивился бы, еслибы князь Рейссъ, въ одно прекрасное утро, à la Меншиковъ предсталъ передъ великимъ визиремъ и предложилъ составленный въ той или другой формѣ мирный договоръ для подписи въ 24 часа. Ваши читатели, конечно, очень хорошо понимаютъ всю трудность подобнаго чрезвычайнаго пассажа со стороны Германіи. Между тѣмъ, достоверно, что въ Портѣ каждую ноту нѣмецкаго посольства распечатываютъ съ трепетомъ, каждый визитъ князя Рейсса и даже драгомана его принимаютъ съ замѣшательствомъ и готовы были бы охотно заключить миръ съ Россіею прежде, чѣмъ окажется, для этогого необходимаго нѣмецкое посредничество».

личество. Такъ дѣло идти всегда не можетъ. Долженъ быть когда-нибудь конецъ этому».

— «Кончимъ войну, и конецъ будетъ, отвѣтилъ на это поборникъ войны.—Если войну можно вести на выпуски бумажныхъ денегъ, то отчего-жъ ихъ и не выпускать, какъ-бы ни безмѣрно было количество выпускаемыхъ денегъ?»

— «Ну, ужъ это, отозвался кто-то:—странное, выражаясь деликатно, непониманіе азбучныхъ началъ финансовой науки».

Это рѣзкое замѣчаніе взбѣсило поборника войны. «Нѣтъ ужъ позволяйте, началъ онъ:—не я не понимаю азбучныхъ, какъ вы выражаетесь, началъ финансовой науки, а вы. Въ доказательство моихъ словъ, я приведу вамъ такой финансовой авторитетъ, передъ которымъ вы, навѣрное, преклонитесь и который совѣтуесть, такъ же, какъ и я, выпускать бумажки до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться война, и на нихъ вести ее».

— «Какъ! Кто такой? Что за финансистъ?» раздалось со всѣхъ сторонъ.

— «Финансистъ этотъ есть никто другой, отвѣчалъ поборникъ войны съ разстановкой и возвышеніемъ голоса, видимо торжествуя:—какъ Адольфъ Вагнеръ, тотъ самый, который написалъ классическое сочиненіе о русскихъ бумажкахъ—извѣстное «Die russische Papierwährung», слѣдовательно, основательно изучилъ этотъ предметъ. Довольны ли вы такимъ авторитетомъ?»

— «Какъ! Адольфъ Вагнеръ рекомендуетъ вести войну на бумажныя деньги! Когда? гдѣ?» раздалось снова нѣсколько голосовъ.

— «Адольфъ Вагнеръ, продолжалъ съ прежнею разстановкою и торжествуя поборникъ войны:—по просьбѣ редакціи «National Zeitung», написалъ нѣсколько статей о настоящемъ состояніи нашихъ финансовъ. Статьи эти переведены были даже въ русскихъ газетахъ. Я удивляюсь, какъ вы ихъ не читали, господа?»

— «Какъ не читать—читали!—раздалось опять нѣсколько голосовъ съ разныхъ сторонъ.—Но тамъ совсѣмъ нѣтъ того, что вы говорите, прибавляли нѣкоторые изъ этихъ голосовъ.—Тамъ, совсѣмъ напротивъ... оуждается выпускъ бумажныхъ денегъ», кричали другіе. «Нѣтъ—есть—нѣтъ не оуждается, а одобряется», настаивалъ поборникъ войны. Но здѣсь сторону его приняли и нѣкоторые поборники мира, утверждая, что и Адольфъ Вагнеръ пожалуй что рекомендуетъ вести войну на бумажныя деньги. Крикъ сдѣлался общимъ, и ничего нельзя было разобрать. Только и слышно было: «нѣтъ у Адольфа Вагнера» — «Есть» — «Оуждается» — «Нѣтъ, не оуждается, а одобряется».

Когда крикъ кончился и кричавшіе успокоились, то оказалось вотъ что: одни изъ собесѣдниковъ читали статью Вагнера въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», другіе въ «Новомъ Времени», и тѣ, которые читали ее въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», утверждали

что Вагнеръ противъ войны на бумажныя деньги, а читавшіе въ «Новомъ Времени» — напротивъ, что Вагнеръ поддерживаетъ веденіе войны на бумажныя деньги.

Это пониманіе одной и той же статьи въ двухъ діаметрально противоположныхъ смыслахъ показалось мнѣ такъ страннымъ, что я, на другой же день, досталъ тѣ № «Биржевыхъ Вѣдомостей» и «Новаго Времени», въ которыхъ излагалась статья Вагнера. Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» статья Вагнера или, точнѣе сказать, та часть ея, въ которой идетъ рѣчь о хозяйствѣ бумажными деньгами, помѣщена въ переводѣ, потому я началъ съ нея. Здѣсь Вагнеръ является съ самымъ суровымъ взглядомъ на бумажно-денежное хозяйство, грозитъ Россіи полнымъ разореніемъ и, вмѣсто того, чтобы продолжать подобное хозяйство, совѣтуетъ дѣлать займы, какъ бы они ни были дороги, и, въ крайнемъ случаѣ считаетъ даже за лучшее, если она наложитъ руку на разнѣнный наличный фондъ государственный и его пуститъ въ дѣло. Я думалъ сначала, не придали ли статью Вагнера нѣсколько мрачный колоритъ «Биржевыя Вѣдомости», стоящая, какъ извѣстно, горой за миръ — потому приискалъ подлинную статью Вагнера въ «National-Zeitung». Оказалось, что «Биржевыя Вѣдомости» въ нѣсколькихъ мѣстахъ скорѣе ослабили, чѣмъ усилили подлинный смыслъ выраженій Вагнера. Послѣ этого я взялъ «Новое Время», гдѣ статья Вагнера помѣщена не въ переводѣ, а въ свободномъ изложеніи. Здѣсь Вагнеръ явился передо мной совсѣмъ другимъ лицомъ. Съ развязностью и легкостью военнаго человѣка, который финансовой науки не изучалъ, но по своимъ домашнимъ расходамъ смекаетъ, что и металлическія деньги, и бумажныя — деньги, ибо тѣ и другія принимаются въ лавкахъ, онъ рассказываетъ, что, хотя звонкая монета и лучше кредитныхъ билетовъ и на одни кредитные билеты вести войну *неудобно* (sic!), но, когда другого исхода нѣтъ — то и на нихъ можно. Положимъ, кредитный рубль стѣитъ теперь менѣе 63% но также сильно падали австрійскія бумажныя деньги во время италіанской войны 1859 года, правда, въ самую неблагоприятную эпоху нынѣшней исторіи Австріи. Хозяйство на кредитные рубли имѣетъ, конечно, *неудобствъ* немало. Казна по иностраннымъ займамъ, вмѣсто 5%, платитъ девять; внутри Россіи, вслѣдствіе обезцѣненія рубля, все мало по малу дорожаетъ, и тяжесть этого вздорожанія ложится именно на людей, живущихъ жалованьемъ и рабочей платой; на потребности и расходы войны которая ведется за границей, надобно приплачивать по 30% на рубль. Съ продолженіемъ войны финансовое положеніе сдѣлается еще болѣе затруднительнымъ, но все же и на кредитные рубли «можно продолжать войну и довести ее до конца, допуская даже самый худшій случай — что военные расходы будутъ покрываться все новыми и новыми выпусками кредитныхъ билетовъ». — А между тѣмъ, у Россіи есть другіе ресурсы: она можетъ дѣлать

займы и «въ крайнемъ случаѣ, употребить весь *ненужный* (sic!) размѣнный фондъ государственнаго банка».

Прочитавъ этого обработаннаго «Новымъ Временемъ» Вагнера, я невольно ахнулъ отъ удивленія! До того поразило меня искусство, достигнутое нашей современной журналистикой въ преложениі иностранныхъ писателей! «Новое Время» не опускаетъ почти ни одного изъ тѣхъ упоминаемыхъ Вагнеромъ затруднительныхъ моментовъ, которые неизбѣжно влечетъ за собою безмѣрный выпускъ кредитныхъ рублей, и, однакожь, у него выходитъ, что Вагнеръ не только не пугаетъ, но успокоиваетъ и поощряетъ насъ: «что-жь, говорить, голубчики! что у васъ нѣтъ звонкой монеты! И на кредитные рубли—правда, не безъ нѣкоторыхъ лишеній—можно вести войну и довести ее до конца. Особенно дурного изъ этого ничего выйти не можетъ».

Въ дѣйствительности же, между этимъ предложеннымъ «Новымъ Временемъ» Вагнеромъ и настоящимъ Вагнеромъ нѣтъ ни малѣйшаго сходства.

Въ «Новомъ Времени», примѣръ Австріи представляется въ видѣ поощренія, что и мы можемъ такъ же путать свое денежное хозяйство, какъ путала она, не опасаясь никакихъ особенно важныхъ послѣдствій. Такъ это мѣсто пойметъ и не можетъ понять иначе каждый читатель «Новаго Времени». Финансы Австріи, въ ея бѣдственную годину, были въ такомъ же положеніи, какъ наши теперь, и, однакожь, она вышла изъ этого положенія если не съ блескомъ, то и ничего... слава Богу, благодарствуетъ. Слѣдовательно, и намъ бояться нечего... Таковъ смыслъ словъ Вагнера, когда онъ говоритъ устами «Новаго Времени». Теперь послушаемъ, что говорить онъ самъ своими собственными устами:

«Истинное финансовое и экономическое значеніе веденія нынѣшней войны преимущественно на бумажныя деньги яснѣе всего обнаруживается въ слѣдующемъ важномъ фактѣ: *съ курсъ русскаго бумажнаго рубля* и въ заграничныхъ вексельныхъ курсахъ. Правда, русскій рубль давно уже, со времени крымской еще войны, стоялъ болѣе или менѣе ниже своей нарицательной стоимости. Но, въ послѣдніе годы передъ нынѣшнею войною, за русскіе бумажные 100 рублей, равняющіеся, по своей нарицательной стоимости, 323 маркамъ, получалось все-таки не менѣе 280 марокъ. Въ теченіи же нынѣшняго года, русскія бумажныя деньги, постоянно падая, дошли до того, что за сто русскихъ бумажныхъ рублей получается всего 204, даже 202 марки. Другими словами: русскія бумажныя деньги представляютъ теперь всего 63—64 процента своей нарицательной стоимости. Такъ низко падали австрійскія бумажныя деньги только на очень короткое время, въ самое худшее время новѣйшей исторіи Австріи, именно во время итальянской войны 1859 года. И, несмотря на эту кратковременность, Австрія въ финансовомъ отношеніи оказалась тогда болѣе разстроеною, чѣмъ она была раз-

строена въ военномъ отношеніи послѣ пораженій при Маджентѣ и Сольферино».

Всякому очевидно, что Вагнеръ приводитъ здѣсь примѣръ Австріи вовсе не для того, чтобы поощрить насъ продолжать бумажное денежное хозяйство. Напротивъ, онъ грозитъ примѣромъ Австріи. Если Австрія, вслѣдствіе такого пониженія своихъ бумажныхъ денегъ, какое теперь существуетъ у насъ, только на очень короткій срокъ потерпѣла сильное финансовое разстройство, то какое же разстройство должно постигнуть Россію, вынужденную вести войну почти исключительно на бумажныя деньги и гдѣ нельзя предвидѣть того минимума паденія, до котораго можетъ дойти русскій рубль! Не прошло еще и недѣли со времени опубликованія статьи Вагнера, а русскій рубль съ 2 марокъ 20 пф. палъ уже до 1 марки 95 пф. безъ всякой видимой причины. Въ одномъ только, по словамъ Вагнера, мы можемъ быть несомнѣнно убѣждены, что чѣмъ болѣе будемъ мы выпускать, тѣмъ болѣе будемъ обезцѣнивать наши бумажныя деньги, тѣмъ ниже и ниже будетъ падать русскій рубль. Если мы теперь уже по заграничнымъ займамъ, вслѣдствіе паденія рубля, платимъ, вмѣсто 5%, 9%, то потомъ будемъ платить и 15%, и 20% и т. д. Если теперь на всѣ предметы для арміи, приобретаемые за-границею, приплачиваемъ къ нашему рублю болѣе 30%, то съ продолженіемъ войны будемъ и 50% и 60%, а, можетъ быть, чего Боже упаси! придется приплачивать и еще больше.

Пока паденіе рубля не дѣлаетъ намъ чувствительной тягости только въ нашихъ внутреннихъ оборотахъ и расходахъ. Это временное сохраненіе прежнихъ цѣнъ во внутреннемъ обращеніи на предметы нашего собственного производства дало поводъ нѣкоторымъ доморощеннымъ финансистамъ сомнѣваться въ той аксіомѣ финансовой науки, что обезцѣненіе рубля уменьшаетъ покупательную его силу не только на заграничныхъ рынкахъ, но и на рынкѣ внутреннемъ. Въ этомъ направленіи, въ 265 № «Русскаго Мира» помѣщена была цѣлая статья, оканчивающаяся забавнымъ увѣщаніемъ къ финансистамъ, чтобы они не толковали публикѣ объ обезцѣненіи нашего рубля и тѣмъ, такъ сказать, не спускали его цѣнности на внутреннемъ рынкѣ.

По мнѣнію автора статьи, паденіе русскаго рубля, не вліяющее нисколько на цѣны предметовъ внутреннего производства, слѣдовательно, не отяготительное для высшихъ и низшихъ классовъ общества въ томъ, что касается удовлетворенія насущныхъ потребностей, для низшихъ классовъ даже благотвительно, такъ какъ, вслѣдствіе паденія рубля, за предметы сельскаго производства, вывозимые за границу, они имѣютъ возможность получить больше, чѣмъ получили бы безъ этого. По этой раціонаціи русскаго финансиста выходитъ, что мы должны молить Бога, чтобы русскій рубль падалъ все больше и больше для благополучія и процвѣтанія русскаго мужичка и вообще нашихъ сельскихъ производителей.

Послушаемъ теперь, что говоритъ Вагнеръ о покупательной силѣ нашего рубля на нашемъ внутреннемъ рынкѣ. Сказавъ о томъ, что, вслѣдствіе паденія рубля, государство должно вездѣ сильно переплачивать, дополняя разницу между его низкимъ курсомъ и нормальной стоимостью, Вагнеръ продолжаетъ: «Если государство производитъ многіе изъ платежей, какъ, на примѣръ, уплату процентовъ по внутреннимъ займамъ и выдачу содержания лицамъ, состоящимъ на государственной службѣ, не принимая въ расчетъ положенія курса бумажныхъ денегъ, то оно сваливаетъ лишь, въ сущности, убытки на кредиторовъ казны и лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. Эта суровая и несправедливая мѣра является на практикѣ не такъ стѣснительною единственно лишь по той причинѣ, что въ Россіи, вслѣдствіе обширности ея территоріи, а также особыхъ условій промышленности, торговли, путей сообщенія, цѣны собственно внутреннихъ продуктовъ не могутъ вдругъ увеличиться на всю ту сумму, на которую палъ рубль. Чѣмъ долѣе будетъ продолжаться быстрое пониженіе русскихъ бумажныхъ денегъ и чѣмъ болѣе будетъ оно увеличивать вывозъ, тѣмъ болѣе цѣна товаровъ будетъ приходить въ равновѣсіе съ нарицательною стоимостью рубля, такъ что каждый товаръ и во внутреннемъ потребленіи увеличится въ цѣнѣ настолько, насколько упалъ кредитный рубль противъ своей нарицательной стоимости. Отъ этого сильнѣе всѣхъ страдаютъ лица, доходъ которыхъ или твердо опредѣленный, не увеличивающійся, какъ у чиновниковъ жалованье, или увеличивающійся очень медленно, съ трудомъ и никакъ не пропорціонально вздорожанію жизненныхъ потребностей, какъ, на примѣръ, заработная плата у рабочихъ».

Чтобы понять вполнѣ ту угрозу, которую Вагнеръ дѣлаетъ въ приведенной нами выдержкѣ, мы пояснимъ высказываемую имъ мысль примѣромъ.

Въ настоящее время, русскій рубль палъ только на одну треть противъ своей нарицательной стоимости, т. е. стоитъ около 63 к. Но цѣна предметовъ внутренняго потребленія или вовсе не повысилась пока соотвѣтственно этому паденію или повысилась только еще незначительно. Такъ, на примѣръ, хлѣбъ повысился только $\frac{1}{2}$ к. на фунтъ, средняя цѣна мяса остается прежняя—15 к. ф. и т. д. Представимъ себѣ теперь, что русскій бумажный рубль, постепенно падая — а несомнѣнно, что чѣмъ далѣе будетъ продолжаться война, тѣмъ онъ будетъ падать все болѣе и болѣе — падеть, наконецъ, на 75% противъ своей нарицательной стоимости, т. е. будетъ стоить всего 25 копеекъ, и что, соотвѣтственно этому, предметы внутренняго произведенія повысятся въ цѣнѣ на 75%, т. е. будутъ продаваться четверо противъ того, что они стоятъ теперь—хлѣбъ, вмѣсто $2\frac{1}{2}$ и 3 копеекъ фунтъ—10 и 12 коп., мясо, вмѣсто 15 коп.—60 коп. Въ какомъ положеніи очутятся тогда даже тѣ чиновники, которые получаютъ въ мѣсяцъ жалованья не менѣе 100 рублей и жи-

вуть теперь съ семьями болѣе или менѣе безбѣдно, и тѣ рабочіе, которые получаютъ не менѣе 1 руб. 50 коп. въ день? Я уже не говорю о безчисленномъ множествѣ чиновниковъ и рабочихъ, которые получаютъ вдвое-втрое меньше этого и живутъ на эти деньги съ своими семьями. Паденіемъ рубля до 25-ти коп.—а это очень возможно, если война будетъ тянуться долго—съ соответственнымъ повышеніемъ цѣнъ на всѣ предметы внутренняго производства, можетъ создаться положеніе вещей мало чѣмъ лучше того, какое вызвано было при Алексѣѣ Михайловичѣ выпускомъ мѣдныхъ полтинниковъ, которыхъ никто не хотѣлъ брать. Государство, въ интересахъ общественнаго спокойствія, должно будетъ принять на свое содержаніе и чиновниковъ, и рабочихъ... Только едва ли оно будетъ имѣть средства для этого. Вотъ та зловѣщая угроза, которая скрывается въ скромномъ и солидномъ изложеніи судьбы нашего рубля, сдѣланномъ Вагнеромъ. Нашу безработность и наше легкомысліе по отношенію къ нашему финансовому положенію можно объяснить только тѣмъ, что мы живемъ въ постоянномъ финансовомъ разстройствѣ, но финансовыхъ кризисовъ государства никогда не испытывали. Мы никогда не видимъ нашего рубля въ состояніи *al pari*. Онъ стоитъ обыкновенно ниже своей нарицательной стоимости на 10%—25%, постоянно притомъ передвигааясь между этими двумя предѣлами то вверхъ, то внизъ и рѣдко приближаясь къ своему *al pari* только на самое короткое время ближе, чѣмъ на 10% разстоянія. Такъ какъ такое колебаніе рубля между 10%—25% ниже своей стоимости сдѣлалось давно уже постояннымъ, а, слѣдовательно, и цѣны какъ иностранныхъ товаровъ, такъ и внутренняго производства, постоянно соображаемыя по такому именно состоянію нашего рубля, сдѣлались также давно для насъ постоянными, то, въ обыкновенное время, мы вовсе не примѣчаемъ колебаній нашего рубля въ нашихъ всѣдневныхъ расходахъ. Мы знаемъ объ этихъ колебаніяхъ только, такъ сказать, теоретически по ежедневнымъ биржевымъ бюллетенямъ. Вотъ почему намъ какъ-то трудно и даже странно представить, чтобы паденіе рубля могло сопровождаться для насъ какими-нибудь серьезными бѣдствіями, которыми намъ угрожаютъ. «Вѣдь всегда же, такъ думаемъ мы себѣ:—нашъ рубль стоялъ ниже своей нарицательной стоимости, иногда на 25%, а теперь стоитъ болѣе, чѣмъ на 30%. Однако, слава Богу, ничего—жили и живемъ. Предположимъ, что въ теченіи войны рубль упадетъ гораздо ниже на 50%—60%—ну, вздорожаютъ заграничные товары, вздорожаютъ немного внутренніе продукты; жизнь станетъ нѣсколько дороже, но жить все-таки будетъ можно». Вотъ самая ужасная возможность, которую мы можемъ себѣ представить отъ паденія нашего рубля, на какую бы онъ сумму стоимости ни палъ, хоть на 80%. Но чтобы кто-нибудь насъ убѣдилъ, что съ паденіемъ рубля на 80%, при соответственномъ вздорожаніи предметовъ внутренняго производства, намъ можетъ предстоять печальная

возможность платить за фунтъ мяса цѣлый бумажный рубль, за фунтъ бѣлаго хлѣба $\frac{1}{2}$ рубля и т. д. — это напрасный трудъ. Не даромъ же разныя, даже интеллигентныя лица предлагаютъ ввести теперь то подоходный налогъ, то классную подать, не соображая того, что паденіе курса бумажныхъ денегъ — уже и теперь налогъ для многихъ очень чувствительный, а съ продолженіемъ войны, съ дальнѣйшимъ выпускомъ бумажныхъ денегъ и вздорожаніемъ всѣхъ предметовъ внутренняго производства, онъ можетъ сдѣлаться чувствительнымъ до того, что и люди, въ обыкновенное время состоятельные, едва будутъ имѣть возможность кой-какъ перебиваться¹. Подобныя непрактическіе со- вѣты ясно доказываютъ, что для насъ ужасныя послѣдствія сильнаго паденія рубля, при соединенномъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, соотвѣтственномъ вздорожаніи всѣхъ предметовъ внутренняго производства, совершенно неизвѣстны, а потому непредставимы.

Но Вагнеръ очень хорошо понимаетъ эти послѣдствія. Потому, указавъ всѣ вышеприведенныя послѣдствія постоянного все большаго и большаго паденія нашего рубля, и наступившія уже, и имѣющія наступить, онъ такъ заключаетъ свою статью:

«Сдѣлавъ діагнозу настоящаго финансоваго положенія Россіи, мы этимъ самымъ вмѣстѣ представили и картину того, что должно послѣдовать въ ближайшемъ будущемъ. Если война еще продолжится, что, кажется, почти несомнѣнно, и если не будетъ отыскано никакихъ другихъ финансовыхъ источниковъ, то положеніе Россіи сдѣлается весьма критическимъ (ernste)».

Къ этому своему заключенію Вагнеръ — такъ какъ онъ писалъ статью для вѣщцевъ, которые могли подумать, что плохое состояніе финансовъ удержать Россію отъ продолженія войны — присовокупляетъ:

«Недолжно, однакожь, обманываться и думать, что финансовое положеніе сдѣлаетъ продолженіе войны невозможнымъ. Предположимъ даже самый худшій случай — именно, что деньги для войны и впредь будутъ добываться преимущественно новыми выпусками бумажныхъ денегъ, что курсъ ихъ будетъ все болѣе

¹ Въ одномъ и томъ же № газеты («Петерб. Вѣд.» № 282) почти рядомъ печатаются такіа извѣстія: *первое*: «мы слышали, что въ государственный совѣтъ уже внесенъ проэктъ новаго налога съ 1 января 1878 года, предполагаемаго въ видѣ прусской классной подати; *другое* — что въ бывшемъ 9 октября собраніи общества взаимнаго поземельнаго кредита было поставлено на разрѣшеніе два вопроса: а) объ отсрочкѣ платежей обществу для тѣхъ заемщиковъ, которые находятся на войнѣ и е) о *взиманіи срочныхъ платежей обществу съ долгосрочныхъ заемщиковъ по расчету теперешней золотой валюты*. Послѣдній вопросъ вызвалъ энергическіе протесты, съ заявленіемъ, что рѣшеніе взимать срочныя уплаты по теперешнему курсу грозило бы южнымъ хозяйствамъ конечнымъ раззореніемъ, при другихъ существующихъ въ настоящее время стѣснительныхъ условіяхъ сельскаго хозяйства». Можно ли, при подобномъ обложеніи всѣхъ, производимымъ постепеннымъ все большимъ и большимъ паденіемъ рубля, думать о какомъ бы то ни было новомъ налогѣ?

и болѣе падать—все-таки, пока бумажныя деньги будутъ сохранять хоть *какую-нибудь* цѣнность, и съ ними можно, какъ показываютъ намъ примѣры исторіи, продолжать кой-какъ путать хозяйство, а, слѣдовательно, въ случаѣ необходимости, и войну вести».

Вотъ эти-то именно слова г. Вагнера «Новое Время» и передаетъ въ видѣ поощренія намъ со стороны Вагнера продолжать войну на бумажныя деньги. Вагнеръ, дескать, опровергаетъ то заблужденіе, что неудовлетворительное положеніе русскихъ финансовъ помѣшаетъ Россіи продолжать войну и довести ее до конца. Онъ, дескать, увѣряетъ, что и такимъ способомъ, т. е. бумажными деньгами можно вести войну.

Не правда-ли, что искусство излагать чужія мысли—рѣдкое? вѣдь почти тоже самое говорить, что Вагнеръ—а смыслъ выходитъ совсѣмъ не тотъ!

Читатель извинитъ меня, что я такъ долго останавливаю его вниманіе на изложеніи сухой статьи Вагнера. Разъясненіе нашего финансоваго положенія теперь для насъ—вопросъ самый первѣйшей важности. Какъ бы оно плохо ни было, мы должны прямо смотрѣть ему въ глаза, а не отворачиваться отъ него. Мало того: чѣмъ оно болѣе плохо, тѣмъ мы должны стараться внимательнѣе его изслѣдовать и только на основаніи такого самаго точнаго и обстоятельнаго изслѣдованія рѣшить для себя: во первыхъ какую поставить себѣ ближайшую цѣль войны, чтобы имѣть возможность вынести ее безъ особеннаго ослабленія? Далѣе, какимъ способомъ вести войну: по прежнему ли выпусками бумажныхъ денегъ, или, если этотъ способъ неминуемо соединенъ съ тѣми ужасными послѣдствіями, которыя предвѣщаетъ Вагнеръ, не лучше-ли, отвергнувъ его немедленно, приняться прямо за тѣ героическія средства, которыя рекомендуетъ Вагнеръ, т. е. за внутренніе и иностранныя займы, хотя по послѣднимъ пришлось бы платить и рубль за марку, и за разнѣнный наличный фондъ государственнаго банка, называемый «Новымъ Временемъ» *вообще менужнимъ* (вольный переводъ вагнеровскаго выраженія: ganz müssig)?

Мы уже сдѣлали одинъ важный промахъ, не собравъ прежде, чѣмъ начинать войну, предварительныхъ точныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній о состояніи болгаръ подъ турецкимъ владычествомъ, чтобы вполнѣ отчетливо выяснить для себя: есть ли настоятельная надобность начинать войну немедленно, или она можетъ быть отложена до другого, болѣе благоприятнаго времени.

Мы сдѣлаемъ теперь второй промахъ, еще болѣе для насъ губительный, если, не выяснивъ для себя нашего финансоваго положенія и не опредѣливъ самымъ точнымъ образомъ средствъ и источниковъ для веденія войны, будемъ продолжать новые выпуски бумажныхъ денегъ, не обращая вниманія на постоянное все большее и большее паденіе рубля и на тѣ грозныя послѣдствія, которыя можетъ повлечь за собою подобное хозяйство.

Нельзя не удивляться, что наша пресса, и притомъ въ особенности та часть ея, которая непремѣнною цѣлю войны ставитъ изгнаніе турокъ изъ Европы, взятіе Константинополя, проливовъ и т. п. и которая поэтому самымъ внимательнымъ образомъ должна бы заняться изслѣдованіемъ положенія русскихъ финансовъ, нетолково удаляется отъ разсмотрѣнія вопроса о финансахъ, но старается, насколько можетъ, затереть его, представить все дѣло такъ, что по финансамъ у насъ все обстоитъ если и не блистательно, то настолько благополучно, что за войну беспокоиться нечего... на это хватить. «Русскій Миръ» доходитъ, на примѣръ, какъ мы уже видѣли, до такой нелѣпости, что въ паденіи русскаго бумажнаго рубля видитъ средство для поднятія благосостоянія нашихъ низшихъ классовъ. А «Новое Время» въ своемъ ежедневномъ: «Среди газетъ и журналовъ» дѣлаетъ выдержку изъ этой статьи и относится съ одобреніемъ къ этой новой придуманной «Русскимъ Миромъ» теории о благодѣтельности низшихъ классовъ. Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что дѣлается это съ благою цѣлю—добиться какъ-нибудь освобожденія славянъ, ибо, въ виду этой цѣли, представляется неудобнымъ запугивать наше общество подробнымъ разъясненіемъ нашей финансовой несостоятельности, заставлять его задумываться надъ тѣмъ: вынесемъ ли мы начатую войну. Но приемъ, употребляемый для этой похвальной цѣли, никакъ нельзя назвать похвальнымъ... А кромѣ того, въ данномъ случаѣ, едва ли онъ поведетъ къ желанной цѣли. Ибо, во-первыхъ, что касается продолженія войны въ данное время, то хлопотать объ этомъ нечего. Оно обезпечено помимо всякихъ финансовыхъ соображеній самымъ положеніемъ вещей. Не можемъ же мы уйти изъ Турціи ни съ чѣмъ, не доставивъ какихъ-нибудь новыхъ льготъ христіанскому населенію Турціи. А чтобы добиться мира, болѣе или менѣе достойнаго, придется еще не мало повозиться съ Турціей. Населеніе ея такъ теперь ослѣплено случайными побѣдами надъ нами, что не хочетъ слышать о какихъ бы то ни было новыхъ льготахъ въ пользу христіанъ, требуемыхъ Россіей, и даже у самой Россіи мечтаетъ что-нибудь прихватить—на примѣръ, Крымъ или Кавказъ. Надобно одержать нѣсколько блистательныхъ побѣдъ, чтобы магометанское населеніе Турціи поняло, что всякая поверхность Турціи надъ Россіей, по одному простому расчету народонаселенія той и другой страны, можетъ быть только случайностію, зависящею отъ насъ самихъ, и что, выражаясь словами одного корреспондента, такому козлу, какъ Турція, никогда не забодать русскаго медвѣдя. Поэтому, для настоящаго момента, прессѣ русской вообще, а въ особенности той, которая настаиваетъ на продолженіи войны во что бы то ни стало, надобно не скрывать печальное состояніе нашихъ финансовъ, а, напротивъ, стараться разъяснить его до послѣднихъ подробностей и указать изъ тѣхъ худшихъ способовъ, которые только намъ и представляются для веденія войны, все-таки менѣе

худшій и менѣе обременительный. Потому, когда наше положеніе на театрѣ войны измѣнится къ лучшему и наступитъ благоприятная минута, когда мы можемъ заключить достойный миръ, но безъ взятія Константинополя и проливовъ, безъ изгнанія турокъ изъ Европы и т. п., опять-таки въ интересахъ самихъ тѣхъ, которые желаютъ взятія Константинополя, проливовъ и т. п., нужно имѣть полное и самое подробное понятіе о нашемъ финансовомъ положеніи, чтобы рѣшить: вести ли дальше войну, или нѣтъ. Вѣдь если она поведется въ потемкахъ такъ же, какъ велась теперь—все на новые и новые выпуски бумажныхъ денегъ, безъ размысленія о томъ: къ чему это поведетъ, только въ надеждѣ: авось, да небось, да какъ-нибудь кривая вынесетъ—то, взявшись за продолженіе войны въ подобномъ слѣпомъ положеніи, мы можемъ наскочить на сюрпризъ еще худшій, чѣмъ Плевна въ нынѣшнюю компанію, и все это, въ концѣ концовъ, можетъ кончиться тѣмъ, что мы не только славянъ не освободимъ, а пустимъ турецкаго козла, вмѣстѣ съ другими козлами, которые къ нему пристанутъ, на долгое время щипать траву на нашихъ кавказскихъ и крымскихъ пастбищахъ.

Извѣстная азбучная истина, печатавшаяся во всѣхъ старыхъ азбукахъ—не знаю, печатается ли она въ новыхъ прогрессивныхъ и либеральныхъ азбукахъ—«говори всегда истину, никогда не лги» есть золотая истина, вѣчно юная и составляющая несомнѣнно основу благоденствія царствъ и народовъ. Если западные народы въ чемъ превосходятъ насъ въ своей общественной жизни, то именно тѣмъ, что они въ практику этой своей жизни успѣли отчасти ввести эту старую азбучную истину. Я говорю: отчасти, потому что несомнѣнно, что и тамъ много лгутъ, но тамъ противъ всякой лжи есть приличное противоядіе, а именно: ложь въ дѣйствіи, какъ скоро она обнаружилась, всегда отвѣтственна официально. Если вы порядились, напримѣръ, пропитывать армію и не пропитываете ея, какъ должно, а, положивъ половину или болѣе денегъ въ карманъ, начинаете держать ее впроголодь или снабжать припасами, которыхъ не то что ѣсть невозможно, а даже только припасами не условленной свѣжести и доброты, то вы можете быть увѣрены, что это вамъ никакъ не сойдетъ съ рукъ, что, кромѣ того, что у васъ подрядъ вашъ немедленно отберутъ и на вашъ счетъ будутъ пропитывать армію наилучшимъ образомъ во все то время, на которое вы обязались контрактомъ, васъ, а также вашихъ сообщниковъ, привлекутъ еще къ отвѣтственности уголовной, а затѣмъ, чрезъ подлежащія инстанціи, привлекутъ къ отвѣтственности и тѣхъ, кто долженъ былъ надзирать за этимъ дѣломъ, кто ввѣрялъ вамъ его. Однимъ словомъ, все дѣло будетъ разоблачено и разобрано до послѣднихъ подробностей публично передъ цѣлою страной, ни одинъ виновный не ускользнетъ, а чрезъ это и повтореніе его на будущее время сдѣлается, навѣрное, невозможнымъ. Ибо неумытно и публично карающая всѣхъ Немезида, начиная отъ высшаго до

Т. ССXXXIV.—Отд. II. 20

нишаго, заставляетъ всѣхъ быть внимательными и точными въ исполненіи ихъ обязанностей, а, сверхъ того, даетъ возможность въ каждой чиновной организаціи каждому члену ея, и большому, и маленькому, стоять на своихъ ногахъ, отвѣчать за себя только, зависѣть отъ закона, а не отъ лица, слѣдовательно, не стѣсняться въ своихъ законныхъ дѣйствіяхъ беззаконіемъ высшихъ лицъ, но и не скрываться, въ случаѣ содѣяннаго беззаконія, за ихъ спиною, по причинѣ ихъ безнаказанности.

У насъ не такъ. Взявъ подрядъ на продовольствіе, положимъ, арміи, вы можете не только кормить ее постоянно принасами не свѣжими, а можете иногда кормить совсѣмъ испорченными, а иногда и совсѣмъ не кормить, и все-таки надѣяться, что не будете привлечены ни къ какой отвѣтственности, а если, сверхъ чаянія, и будете, то, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что, при помощи безчисленнаго множества лицъ, благодаря которымъ вы могли взять подрядъ, не выполнять его и т. д., слѣдовательно, участвовавшихъ съ вами въ дѣлѣ, вы выйдете или совсѣмъ сухи изъ дѣла, или отдѣляетесь пустяками. У насъ на перечесть всѣмъ извѣстны имена лицъ, которыя ни гроша не имѣли за душою и которыя стали миллионерами много черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ, а то и черезъ три-четыре года ихъ дѣятельности по блаженной памяти виннымъ откупамъ, по желѣзно-дорожнымъ дѣламъ, по продовольствію арміи. И никто изъ нихъ никогда не подвергался никакой отвѣтственности, хотя о злоупотребленіяхъ и по откупамъ, и по желѣзно-дорожнымъ концессіямъ и подрядамъ, и по продовольствію въ послѣднюю крымскую войну — ходятъ легенды невѣроятныя, въ возможность которыхъ не повѣрили бы за границей при существующихъ тамъ порядкахъ, дѣлающихъ подобныя злоупотребленія невозможными. Какимъ образомъ и какими путями совершаются эти злоупотребленія, это для насъ профановъ, конечно, шито-крыто. Но существенную причину ихъ указать не трудно. Она скрывается въ незрѣлости общества, въ недостаткѣ его вниманія къ своимъ интересамъ, въ недостаткѣ энергіи блюсти за своими интересами, не опуская ихъ. Возьмемъ, напримѣръ, хоть нынѣшнюю войну. Обществу, которое несетъ всѣ расходы по войнѣ и въ налогахъ, и въ общественныхъ сборахъ, и въ пожертвованіяхъ, весьма естественно было еще передъ войною освѣдомиться: кѣмъ и какъ будетъ пропитываться армія? Не можетъ ли эта обязанность быть возложена на кого-нибудь изъ его членовъ? Правда, мы увидимъ ниже, что есть въ Москвѣ одинъ купецъ, Осипъ Григорьевичъ Лазаревъ, которому пришла въ голову эта мысль и онъ толкнулся съ нею къ начальству, и дѣло было пошло на ладъ, но не выгорѣло — мысль его съѣдена Горвицами, Коганами, Грегори — мнѣ кажется, единственно потому, что онъ въ одиночку, а не обществомъ, искалъ осуществленія своей мысли, и потому, что все-таки недостаточно настойчиво хлопоталъ о дѣлѣ; точно также общество могло освѣдомиться о

средствахъ передвиженія въ арміи, подрядъ на который былъ отданъ Варшавскому. Все это общество могло бы взять въ свои руки, еслибы оно было внимательно къ своимъ интересамъ, дѣятельно и энергично. Но оно молчало во все время приготовленія къ войнѣ. Пресса же занималась только патріотическимъ хвастовствомъ, какъ это у насъ бываетъ при началѣ всякаго воинственно-патріотическаго сезона: «Теперь ужъ мы не то, что были въ крымскую войну!—кричали газеты одна за другою. И люди у насъ теперь не тѣ, и вооруженіе не то, а на счетъ санитарной ли части, одежды, продовольствія и т. п.— все это съ точностію предусмотрено и устроено наилучшимъ образомъ... Мы покажемъ Европѣ, что 15 лѣтъ постояннаго преобразования прожиты нами не напрасно!» — Этимъ и кончился первый актъ драмы, такъ сказать, прелюдія ея. Потомъ начинается второй. Съ театра военныхъ дѣйствій начинаютъ доходить голоса сначала робкіе, что, дескать, вотъ въ томъ недостатокъ, этого нѣтъ, третье есть, да плохо; потомъ голоса жалующихся становятся все громче и рѣзче, и слышатся чаще; наконецъ, раздается просто раздирающій крикъ, вызванный уже не тѣми или другими неудобствами, недостатками, стѣсненіемъ, а отсутствіемъ необходимаго пропитанія: «Господа! кричить съ разныхъ мѣстъ воинство:—насъ не кормятъ», или: «что даютъ намъ ѣсть, того не только мы не можемъ ѣсть, но, во избѣжаніе эпидеміи отъ однихъ мязмовъ, издаваемыхъ припасами, зарываемъ ихъ немедленно въ землю». Подумайте: что вышло бы, еслибы подобные голоса, подобный крикъ раздался бы хотя въ сосѣдней намъ Германіи! Вы помните, какъ всполошилась она изъ конца въ конецъ, когда Ласкеръ объявилъ въ парламентѣ, что князь Путбусъ пожился на концессіи, что Вагенеръ взялъ взятку во сто тысячъ талеровъ (*ну, ужъ взятка!*), что вообще, при отдахѣ концессій и постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, есть воровство! Что случилось бы съ нею, еслибы она узнала, что, несмотря на деньги, отпускаемыя ею на армію, дѣти ея на войнѣ гибнутъ отъ голоду, холоду и т. д. У насъ же, и во второмъ періодѣ, общество не показало никакой энергіи; только пресса выказала удивительное для ея характера самоотверженіе: оставаясь въ общемъ по прежнему славословящей, она нѣсколько поджала хвостъ относительно тѣхъ предметовъ, въ которыхъ оказалась изъянъ, и по временамъ начала жалобно ныть и подвывать: «прискорбно, дескать, что, при всеобщемъ нашемъ преуспѣваніи, въ которомъ никто не усомнится, оказалась въ нѣкоторомъ застойнѣ часть интендантская» (или другая, имя рекъ) и проч. Но мы надѣемся, что все будетъ немедленно исправлено и все приметъ въ скоромъ времени наилучшій видъ и проч.» Этимъ нытьемъ и подвываньемъ и покончился второй періодъ драмы. Третій періодъ, который ожидается всѣми, долженъ начаться по окончаніи войны, когда Ицки, Шмульки, Мошки и т. д., морившіе солдатъ голодомъ или сдѣлавшіе другія беззаконія, явятся на

*

скамьѣ подсудимыхъ. Явятся ли они? Мнѣ кажется, скорѣе всего нѣтъ. Мнѣ кажется, они забудутся точно такъ же, какъ забыты у насъ безчисленныя злоупотребленія по пожертвованіямъ, собиравшимся въ сербскую войну. У насъ подобныхъ скандаловъ такъ много, что случившійся за шесть мѣсяцевъ назадъ представляется какою-то стариною давно минувшихъ дней и неприводитъ должнаго впечатлѣнія въ виду нѣсколькихъ вновь случившихся. Давно ли, на примѣръ, общество было въ сильномъ возбужденіи по поводу неразумныхъ распоряженій, объ остановкѣ товарнаго и отчасти пассажирскаго движенія вдругъ на нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогахъ, въ виду отправленія войскъ въ Кишеневъ, распоряженій, причинившихъ убытки на нѣсколько сотъ тысячъ? Была учреждена даже особая коммиссія для изслѣдованія этого дѣла. Но теперь все это забыто въ виду разныхъ новыхъ непрестанно возникающихъ пассажировъ, гораздо болѣе удивительныхъ. Точно также, я думаю, могутъ забыться дѣла разныхъ Ицекъ, Шмулей, какъ они ни возмутительны. Но предположимъ, впрочемъ, что они не забудутся и будутъ представлены на судъ. Этимъ, конечно, будетъ сдѣлано нѣкоторое удовлетвореніе для Россіи, несущей послѣдніе свои животы ради великой идеи и выдѣщей, какъ эти животы расхищаются стаею хищныхъ Ицекъ, Шмулей и безчисленнаго множества ихъ тайныхъ сообщниковъ, а ея сыны, отдающіе свою жизнь въ жертву, терпятъ отъ голоду, холоду, отъ недостатка помощи среди тягчайшихъ страданій. Но вѣдь у насъ и судъ нерѣдко кончается комедіей. Явится какой-нибудь ловкій адвокатъ, развернетъ евангеліе и, два часа танцуя передъ нимъ, будетъ распинаться и клясться передъ присяжными, что обвиняемый Шмуль и обвиняемый Ицко и т. д.—благороднѣйшіе и безкорыстнѣйшіе люди въ російскомъ государствѣ и что если что ими не исполнено, если солдатики терпѣли голодъ, холодъ и т. д., то это произошло противъ ихъ желанія, отъ независящихъ отъ нихъ обстоятельствъ, по волѣ Божіей и т. д. Въ заключеніе, заплачетъ горькими слезами, ради вящшаго убѣжденія присяжныхъ. И кончится все это тѣмъ, что Шмуля вышлютъ за границу, какъ иностраннаго подданнаго, а Ицко, подобно Ландау, самъ туда же убѣжить по оплошности квартальнаго.

Кстати здѣсь, между прочимъ, спросить: для чего держать еще Полянскаго? Почему не дать, хоть бы секретно, ему средствъ убѣжать за границу, гдѣ ему, во всякомъ случаѣ, будетъ хуже, чѣмъ Ландау и Струсбергу, слѣдовательно, не останется онъ не наказаннымъ.—Мнѣ кажется, этого требуетъ самая строгая справедливость. Члены совѣта бывшаго ссудо-коммерческаго банка, съ которыхъ можно было получить что-нибудь кредиторамъ, были всѣ оправданы. Главнѣйшіе виновники дѣла—Струсбергъ и Ландау за границей. За что же Полянскаго заставлять страдать за всѣхъ? Что онъ за возель отпущенія? — Да не подумаетъ читатель, что я говорю это потому, что считаю наказаніе, постиг-

шее Струсберга, Ландау, Полянскаго, слишкомъ слабымъ, несоотвѣтствующимъ ихъ винѣ. Напротивъ... разъ члены совѣта бывшаго ссудо-коммерческаго банка, оказались оправданными по суду, а былъ бы вполне доволенъ, еслибы наказаніе троицъ этимъ, такъ называемымъ главнымъ виновникамъ, ограничилось простымъ выговоромъ или штрафомъ въ пять рублей. Во всякомъ дѣлѣ есть, по моему мнѣнію, свой центръ тяжести, на который и должно быть устремлено все вниманіе правосудія, ибо только пониманіемъ этого центра въ каждомъ дѣлѣ оно и можетъ доказать, что Омеида судить не съ завязанными глазами и, слѣдовательно, доставить удовлетвореніе общественному мнѣнію. Въ ссудо-коммерческомъ московскомъ банкѣ такой центръ тяжести состоялъ не въ примѣрномъ уголовномъ наказаніи виновныхъ, а въ вознагражденіи лицъ, пострадавшихъ черезъ растрату денегъ. Разъ судъ взглянулъ на дѣло только съ формальной стороны и не призналъ того, что если потерпѣвшіе довѣряли ссудо-коммерческому банку преимущественно передъ всѣми другими и несли свои деньги, то не по чему другому, какъ по тому единственно, что въ совѣтѣ его засѣдаютъ московскіе милліонеры, люди всѣми уважаемые въ Москвѣ, занимавшіе разные высокіе общественные посты по выбору, люди, о которыхъ всѣ думали, что, кого бы они ни допустили въ члены правленія—все равно, при нихъ, при ихъ наблюденіи, ничего пропасть не можетъ—разъ, говорю, судъ не призналъ этого, и членовъ совѣта оправдалъ, то не все ли равно, подвергъ ли бы онъ Струсберга, Ландау, Полянскаго смертной казни, или отпустилъ бы просто безо всякаго наказанія на всѣ четыре стороны, давъ имъ даже на волю? Чѣмъ тяжелѣе было бы наказаніе этимъ такъ называемымъ главнымъ, а въ дѣйствительности второстепеннымъ виновникамъ, тѣмъ болѣе оно огорчило бы, даже привело бы въ раздраженіе и негодованіе не только всѣхъ потерпѣвшихъ, но и все общество—и никого не удовлетворило бы. Ибо кто же не знаетъ, что, не будь тѣхъ членовъ совѣта, какіе были, и управляй ссудо-коммерческимъ банкомъ Полянскій, Ландау—въ него никто не внесъ бы гроша.

Тоже я долженъ сказать и о тѣхъ морившихъ русскую армію Ицкахъ, Шмулькахъ и т. д., которые явились бы на скамьѣ подсудимыхъ. Наказать ихъ вмѣстѣ съ другими главными виновниками дѣла полезно, но какая польза для будущаго наказывать ихъ однихъ? Кто не знаетъ, что ни Ицекъ, ни Шмулей, и т. д. нельзя пускать ни въ какому дѣлу. Ихъ профессія состоитъ въ томъ, чтобы воровать. Но вѣдь кто-нибудь пускаетъ ихъ? Кто-нибудь берется смотрѣть и смотреть за исполненіемъ принятыхъ ими на себя обязанностей? Вотъ эти-то и должны отвѣчать, а не только Ицки и Шмульки. Когда вы разъ будете настолько безпристрастны, что привлечете истинныхъ виновниковъ къ отвѣту, то безъ всякаго даже наказанія ихъ, отъ одной только общественной огласки, вырвете зло съ

корнемъ, и оно болѣе не повторится. Безъ этого же, пока вы будете привлекать къ отвѣтственности Ицекъ и Шмулекъ, казните ихъ хоть смертною казнію—все останется по прежнему. Истинные виновники зла, которымъ есть выгода отдавать дѣла Ицкамъ и Шмулямъ, а не лицамъ благонадежнымъ, и притомъ отдавать не посредствомъ конкуренціи, какъ это обыкновенно дѣлается, но по личному усмотрѣнію, эти истинные виновники, оставаясь ненаказанными, ни даже оглашенными по суду, будутъ постоянно дѣлать тоже самое, что и дѣлали.

Перехода отъ жи въ дѣйствиіи къ жи въ словѣ, мы видимъ, что въ другихъ странахъ она парализуется или уничтожается свободою слова, условливаемою зрѣлостію общества, которое привыкло уважать личность и, слѣдовательно, образъ мыслей ея и чувствованія, какъ бы они ни противорѣчили тому или другому общепринятому возрѣнію или настроенію. Мы видимъ, напримѣръ, и въ данную минуту въ Англіи, несмотря на то, что большая часть общества и правительство дѣйствуютъ въ интересахъ Турціи, стараются изо всѣхъ силъ помочь ей всѣми имѣющимися въ рукахъ ихъ средствами, существуетъ очень значительная партія въ обществѣ, которая открыто стоитъ на сторонѣ Россіи и противъ Турціи, старается всѣми способами вліять на общественное мнѣніе во вреду Турціи, пишетъ статьи, говоритъ рѣчи, устраиваетъ митинги. Предоставляется каждому быть туркофиломъ или руссофиломъ по собственному свободному разумѣнію, и никому это не представляется страннымъ. У насъ о подобной свободѣ думать нельзя. Разъ наступаетъ по какому-нибудь случаю нарочитый патріотическій сезонъ, всё безъ изыятія обязуются въ это время и мыслить и говорить сообразно этому сезону, всякое же разномысліе принимается или прямо за измѣну отечеству, или за постыдное равнодушіе къ его благу. Предположимъ, въ нынѣшній патріотическій сезонъ, начавшійся съ объявленія войны туркамъ, принято если не думать, то говорить, что турокъ—не человекъ, а звѣрь, звѣрь не только во время войны, но и въ обыкновенное мирное время—онъ всегда только тѣмъ и занимается, что грабить, насилуетъ, убиваетъ, жжетъ и т. п.; болгаринъ, напротивъ—кроткое, прекрасное, исполненное всѣхъ совершенствъ существо, которое находится, притомъ, въ постоянномъ страданіи отъ турка не во время войны только, но и въ мирное время—постоянно имъ грабится, насилуется, убивается, сожигается и т. п. Попробуйте вы сказать что-нибудь противъ этого священнаго символа вѣры—напримѣръ, хоть то, что болгаринъ вовсе никакого совершенства собою не представляетъ—Боже васъ сохрани! Сейчасъ на ваше самое скромное, безъ всякихъ тенденцій сдѣланное заявленіе высказываетъ профессоръ Орестъ Миллеръ съ статейкою: «Болгаре и наши баши-бозуки» и начинаеть васъ громить сиче:

«Въ довершеніе всего, чѣмъ такъ томительно озадачиваетъ ходъ настоящей войны—мы доставляемъ Европѣ пріятнее зрѣ-

леще публичнаго сѣченія нашей братской рукой тѣхъ, за кого начата война. Мало было въ прошломъ году висѣнать цѣлне короба сплетень про сербовъ — очередь теперь за болгарями. Надо про нихъ провѣрять на весь свѣтъ, что они неблагодарны, и кулаки, и трусы, т. е. что за нихъ заступаться не стоило. Пусть это знаютъ и турки, и различные турколюбцы». («Сѣв. Вѣстн.»).

Что же, спрашивается, случилось такого, что грянулъ громъ даже изъ такого миролюбиваго человѣка, какъ профессоръ Миллеръ?

А ничего не случилось, кромѣ того, что корреспондентъ «Новаго Времени» написать, что, насколько ему случилось наблюдать болгаръ, за время пребыванія его въ Болгаріи, то, за немногими, исключеніями, болгаре представляются и трусами, и кулаками, и людьми, которые не понимаютъ своего освобожденія въ томъ смыслѣ, въ какомъ хотятъ доставить его русскіе. Подъ освобожденіемъ они разумѣютъ «полнѣйшее уничтоженіе какихъ бы то ни было податей и даровую передачу имъ въ собственность турецкихъ земель и имуществъ, и, притомъ, безъ всякихъ жертвъ съ ихъ стороны. Предложеніе вооружиться для защиты родины, исполнить ту или другую повинность для войскъ (за деньги или по наряду), необходимую для нихъ же (напримѣръ: проведеніе шоссе черезъ переваль, перевозка тяжестей при форсированныхъ движеніяхъ войскъ на мѣсто, угрожаемое непріятелемъ и т. п.)—имъ просто непонятно. «Какъ же это такъ? разсуждаютъ они: — мы расчитывали, что намъ дадутъ все готовое, а теперь приходится испытывать лишенія и труды, какихъ мы не испытывали и при туркахъ». Надобно сказать, что авторъ этой корреспонденціи, офицеръ русскаго войска, безъ всякихъ тенденцій относительно болгаръ или турокъ, пишетъ единственно то, что видѣлъ или слышалъ, и, сколько я его читалъ, положительно лучший изъ извѣстныхъ русскихъ корреспондентовъ. Еслибы бы даже слѣбной случай наталкивалъ этого корреспондента на неприглядные экземпляры болгаръ и онъ писалъ бы о болгаряхъ такое непохвальное, что никогда и никѣмъ не было писано, то и тогда г. Миллеръ, какъ профессоръ, и, слѣдовательно, по самому этому своему званію должествующій быть, по преимуществу, любителемъ истины, долженъ былъ бы благодарить корреспондента за то, что онъ открываетъ новыя стороны въ характерѣ болгаръ. Но корреспондентъ пишетъ вовсе не новое что-нибудь о болгаряхъ. Онъ сообщаетъ тоже самое, что писали и пишутъ и другіе путешественники болѣе или менѣе хорошо съ ними знакомые. Вотъ передо мной лежитъ недавно вышедшая (помѣченая даже 1878 г.) популярная книга о Турціи: *Die heutige Türkei*, заданная извѣстными путешественниками Гельвальдомъ и Бекомъ. Направленіе книги вполне сочувственное славянамъ съ настоятельнымъ требованіемъ уничтоженія турецкаго владычества въ Европѣ, и, одна-

кожъ, о характерѣ болгаръ въ ней говорится, между прочимъ, вотъ что: «Страшное своекорыстіе есть основная черта характера болгаръ — въ ней коренятся всѣ другіе пороки, которые ихъ характеризуютъ. Болгаринъ — скупендрій и кулакъ до невозможности. Скупость заставляетъ его быть бережливымъ, трезвымъ, воздерживаться отъ всѣхъ удовольствій. Онъ не убьетъ, не ограбитъ, не украдетъ, не обманетъ явнымъ, наглымъ образомъ: для этого онъ — слишкомъ трусъ. Онъ не сдѣлаетъ этого изъ страха быть пойманнымъ. Онъ ограничивается отжиливаніемъ, обмѣриваніемъ и обвѣшиваніемъ въ торговлѣ и дѣловыхъ сношеніяхъ, всюду, гдѣ только онъ увѣренъ, что можетъ это сдѣлать безнаказанно. Обладая умѣньемъ жилить, обмѣривать, обвѣшивать, болгаринъ — такъ какъ торговля и промышленность для него съ дѣтства обычное дѣло — почти повсюду, если не достигаетъ слишкомъ большого богатства, то всегда пользуется извѣстнымъ благосостояніемъ». Несмотря на это, «бѣднякъ болгаринъ у своего земляка и единовѣрца не найдетъ никакой помощи; болгаринъ откусить себѣ скорѣе палець, чѣмъ рѣшится дать бѣдному хоть самую какую-нибудь малость; нигдѣ нѣтъ ни домовъ для бѣдныхъ, ни больницъ. Единственный помощникъ для подобныхъ брошенныхъ бѣдняковъ (болгаръ) — турокъ, этотъ сострадательный, милосердый человекъ, который помогаетъ бѣднымъ не изъ хвастовства; онъ не заявляетъ объ этомъ, не рассказываетъ и не заботится — знаютъ ли объ этомъ люди, или нѣтъ. Къ сожалѣнію, турокъ, если онъ — не паша или, по крайней мѣрѣ, не эфенди, самъ бѣденъ и не можетъ помогать всѣмъ. Насколько болгаринъ узкосердъ и скаредъ, настолько же онъ и трусъ. Впрочемъ, читатель объ этомъ, конечно, уже и самъ догадывается, ибо гдѣ нѣтъ сердца, тамъ обыкновенно не бываетъ и мужества. Я думаю, что съ однимъ батальономъ австрійскихъ солдатъ можно было бы завоевать всю Болгарію».

Подобныя извѣстія о болгаряхъ, вѣроятно, случалось читать г. Миллеру чаще, чѣмъ намъ, такъ какъ онъ обязанъ специально изучать бытъ славянъ. И, однакожъ, этотъ изыскатель истины, почтенный титуломъ профессора за свою любовь къ истинѣ, негодуетъ на корреспондента за сообщеніе того совершенно вѣрнаго впечатлѣнія, какое сдѣлалъ на него болгаре, обзываетъ его даже баши-бозукомъ. И при этомъ такъ наивенъ, что не скрываетъ того, что его возмущаетъ именно сообщеніе истины, несоотвѣтствующей нынѣшнему патристическому сезону. «Надо, говоритъ онъ: — прокричать про болгаръ на весь свѣтъ, что — они и такіе, и сякіе, т. е. что за нихъ заступаться не стоило. Пусть знаютъ это и турки, и различные турколюбцы».

Мораль такая: если хочешь слыть истиннымъ русскимъ патриотомъ, то говоря только тѣ истины, которыя вполне соотвѣтствуютъ данному сезону. Отсюда вытекаютъ слѣдующія два правила: 1) объ истинахъ, неподходящихъ къ сезону, умалчивай; 2) если встрѣтятся какіе-нибудь факты, о которыхъ говоритъ

необходимо и которые идутъ въ разрѣзъ съ сезономъ, таковыя урѣзывать, исправляя, перетолковывая, вообще — лги калпроналу, но чтобы противъ сезона — ни, ни.

Кодексъ этой морали вполне практикуется нашей прессой при каждомъ патриотическомъ возбужденіи. Тутъ, какъ видите, уже не цензурныя лишь условія тяготѣютъ надъ прессой, а само общество, которое не dorosло до того, чтобы терпѣть хотя бы самую святѣйшую истину, какъ скоро она противорѣчитъ его воззрѣніямъ. И передъ вами съ возраженіемъ появляется не какой-нибудь темный, малосмыслящій человѣкъ изъ толпы, а просвѣтитель университетскаго юношества, профессоръ. Онъ говоритъ вамъ: «вы сообщаете міру истину, несоотвѣтствующую нынѣшнему патриотическому сезону, потому вы баши-бозукъ». Нетрудно видѣть, кто тутъ заслуживаетъ названіе баши-бозука — корреспондентъ ли, сообщающій истину, или профессоръ, вооружающійся противъ истины, несоотвѣтствующей сезону.

Вотъ это-то баши-бозуство противъ истины, подобное миллеровскому, обыкновенно самымъ пышнымъ цвѣтомъ раздвѣтающее у насъ во время патриотическихъ сезоновъ, и служить источникомъ очень многихъ золъ. Я говорю многихъ, а не всѣхъ, потому что большая часть зла причиняется, несомнѣнно, ложью въ дѣйствиіи. Но и ложь словесная много помогаетъ послѣдней. Не будь лжи словесной, можетъ быть, вовсе и войны нынѣшней не было бы. А еслибы и была, то шла бы во многомъ, можетъ быть, совсѣмъ иначе, чѣмъ теперь. Еслибы пресса заботилась не о томъ, чтобы показать себя патриотичной à la Миллеръ, а о томъ, чтобы, дѣйствительно, облегчить тяжести войны, предусмотрѣть какъ что лучше сдѣлать и поставить, очень можетъ быть, что многихъ Ицекъ и Шмулекъ вовсе и не пріютилось бы къ военному дѣлу, да, пожалуй, и безчисленное множество ихъ тайныхъ чиновныхъ сообщниковъ и помощниковъ поджали бы хвосты. Пресса же, устремившая (въ началѣ) все свое вниманіе на то, чтобы доказать, что намъ необходимо завоевать Константинополь и проливы, выгнать турокъ изъ Европы и т. д., и т. д., и ради этой цѣли, давая всему ложное освѣщеніе и положенію болгаръ въ Турціи, и тому, что у насъ все для войны предусмотрѣнно и устроено наилучшимъ образомъ, и что за наше финансовое положеніе беспокоиться нечего, такая шовинистская пресса вводила, съ одной стороны, русскую публику въ заблужденіе относительно истиннаго положенія Болгаріи и Россіи, съ другой — подавала самую дѣятельную руку помощи всѣмъ Ицкамъ, Шмулямъ и Мошкамъ и вообще кавалерамъ индустріи, желавшимъ познаться около войны, равно какъ разнаго рода карьеристамъ и quasi-дѣятелямъ. Непріятныя перепитія, встрѣчаемыя нами въ войнѣ съ Турціей, заставляли прессу теперь нѣсколько, по крайней мѣрѣ, одуматься. Такъ, въ нѣкоторыхъ газетахъ мы встрѣтили удивленіе и легкую

прямю по случаю извѣстiя о томъ, что въ Одессѣ живеть те- перь варшавскій губернаторъ, получая три мѣсяца жалованье по должности губернатора. И это удивленiе, и эта иронiя въ устахъ русской прессы имѣють видъ самообичеванiя. Кто же, въ са- момъ дѣлѣ, подготовлялъ и tacito modo благословлялъ всѣ подоб- ныя распоряженiя, если не сама же пресса? И, притомъ, что за притворство: кто изъ живущихъ въ Петербургѣ журналистовъ не зналъ, что въ Болгарiю немедленно вводится полное русское управление и что не только губернаторовъ, но и штатъ остальныхъ чиновниковъ былъ набранъ княземъ Черкасскимъ еще при на- чалѣ войны? Далѣе, одумавшись, пресса начала обличать рус- скихъ Ицекъ, Шмулекъ и Мошекъ, которые морять солдатъ голо- домъ. Но, не говоря уже о томъ, что это для послѣднихъ вовсе нечувствительно, да и дѣло, какъ всякому ясно, вовсе не въ нихъ, пресса слишкомъ поздно обратила вниманiе на тѣ суще- ственные предметы, на которые ей слѣдовало бы обратить самое тщательное вниманiе съ самаго начала, вмѣсто того, чтобы без- плодно славословить и обманывать публику. Теперь дѣло уже сдѣлано, и Ицки, Шмульки и т. п. очень благодарны прессѣ за ту помощь, которую она оказала имъ, занимаясь, вмѣсто дѣла, славословіемъ.

Такъ у насъ всегда бываетъ во время патриотическихъ сезо- новъ. Пока дѣло идетъ, у насъ все прекрасно. Дѣло кончается или приходитъ къ концу, или становится неудачнымъ, начи- наются позднiя и мало-полезныя, иногда совсѣмъ бесполезныя разоблаченiя и обличенiя. И не всегда это зависитъ отъ цен- зурныхъ условiй, какъ это доказала самымъ очевиднымъ обра- зомъ сербско-турецкая война, о которой можно было говорить и писать вполне свободно. Тотъ же шовинизмъ газетъ, дававшiй ложное освѣщенiе всему, что относилось до войны, извращавшiй, поддѣлывавшiй, передѣлывавшiй всѣ извѣстiя и корреспонден- ции не сообразныя съ его видами, подавлявшiй всякую попытку привести дѣло въ ясность какъ на театрѣ войны, такъ и въ Россiи, послужилъ источникомъ сомыхъ возмутительныхъ злоупо- требленiй. Какiя злоупотребленiя дѣлались въ Сербiи, какiя имен- но злоупотребленiя совершались въ штабѣ Черняева а также раз- личными агентами, расходовавшими русскiя деньги — это оста- нется для насъ навсегда покрыто мракомъ неизвѣстности, бла- годаря усердiю, съ которымъ русская пресса прикрывала неисчи- слимыя злоупотребленiя во все время сербско-турецкой войны. Но что дѣлалось въ Россiи—объ этомъ мы можемъ, по крайней мѣрѣ, догадываться по ревизiи дѣлъ бывшей комиссiи по сбору пожертвованiй, сдѣланной П. К. Мартыновымъ и обнародован- ной имъ въ такъ называемомъ *«Сводѣ замѣчанiй»*, представлен- ныхъ въ ревизионную комиссiю *«с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества»*.

Этотъ сводъ замѣчанiй есть чисто обвинительный актъ про- тивъ членовъ бывшей комиссiи для сбора пожертвованiй, кото-

рые дѣйствовали ничѣмъ не лучше членовъ совѣта покойнаго московскаго ссудо-коммерческаго банка и благодаря нерадѣнью и небрежности которыхъ къ дѣлу, можетъ быть, и денегъ, собранныхъ на славянъ, расхищено не менѣе, чѣмъ въ ссудо-коммерческомъ банкѣ. Подробности изъ этого свода я сообщу читателю въ другой разъ, а теперь я указываю на него, какъ на лучшее свидѣтельство того, къ чему ведетъ разцвѣтающее у насъ во время патриотическихъ сезоновъ патриотическое лганье. Въ комиссіи по сбору пожертвованій засѣдали 82 члена, принадлежащіе, во всякомъ случаѣ, къ нашей интеллигенціи; если не всѣ они, то очень многіе изъ нихъ, несомнѣнно, самымъ искреннимъ образомъ были расположены къ славянамъ и заинтересованы въ благополучномъ исходѣ славянскаго вопроса. И тѣмъ не менѣе, изъ совокупной ихъ дѣятельности на пользу славянскаго дѣла не получилось ничего, кромѣ обвинительнаго акта противъ ихъ апатическаго, небрежнаго, нерадываго отношенія къ дѣлу—отношенія, которое повлекло за собой множество злоупотребленій. Со всѣмъ другимъ было бы дѣло, еслибы пресса, при наступленіи патриотическихъ сезоновъ, забывала о своемъ патриотизмѣ и, не примѣняясь къ требованіямъ этихъ сезоновъ, забитилась только о сообщеніи во всемъ и всегда только чистой истины!

Я уже не говорю о томъ, что своею лживостію газеты мало по малу подрываютъ всякое довѣріе и уваженіе къ печатному слову. Корреспондентъ «Presse» изъ Сисова, отъ 14 (26) сентября, рассказываетъ, что преимущественнымъ довѣріемъ у всѣхъ пользуются извѣстія англійскія, въ особенности газеты «Daily News». Этихъ извѣстій прежде всего, по полученіи газетъ, ищутъ и въ нѣмецкихъ газетахъ. «Daily News» пользуется предпочтеніемъ передъ «Times» и передъ «Standard», не говоря уже о «Daily-Telegraph», котораго вовсе не спрашиваютъ и изъ котораго и переводовъ дѣлается вообще весьма мало. Изъ этихъ извѣстій, а также изъ нѣмецкихъ, почерпаются свѣдѣнія и объ русскихъ дѣлахъ. Но что же русскія-то газеты? спросить читатель. «Не могу, пишетъ корреспондентъ:—не сказать о томъ въ высшей степени характеристическомъ различіи между русскими и румынами, что русскіе болѣею частію спрашиваютъ иностранныхъ газеты, а румыны—свои отечественныя».

Значить, наша пресса въ лганьѣ далеко превзошла румынскую!

Выше я сказалъ, что одному изъ московскихъ купцовъ приходила мысль взяться за продовольствованіе арміи и дѣло пошло-было на ладъ, но не выгорѣло. Вся исторія эта стоитъ того, чтобы обратить на нее вниманіе. Потому привожу здѣсь дословно любопытное извѣстіе, сообщаемое по этому предмету г. Петровымъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» (№ 262).

Не многимъ, быть можетъ, извѣстно, что наша дунайская армія продовольствуется по системѣ скромнаго труженника, русскаго человѣка и москвича, Осипа Григорьевича Лазарева.

Бунаецъ Лазаревъ составилъ проектъ новой системы продовольствованія войскъ на коммерческихъ началахъ. Главныя основанія проекта заключаются въ слѣдующемъ.

Правительство поручаетъ продовольствованіе арміи одному лицу, въ качествѣ военного отвѣтственнаго агента. Принявъ на себя продовольствованіе, агентъ обязанъ прежде всего внести, какъ обезпеченіе, денежный залогъ, соответствующій важности и объему возложеннаго на него порученія.—Затѣмъ онъ покупаетъ на свои деньги предметы продовольствія, въ предписанномъ ему количествѣ и качествѣ, и доставляетъ ихъ въ указанныя начальствомъ мѣста. По доставкѣ въ склады, агентъ получаетъ отъ пріемщиковъ квитанціи, по которымъ получаетъ уплату:

а) Израсходованныхъ имъ денегъ на покупку предметовъ продовольствія по покупнымъ цѣнамъ.

б) За расходы по доставкѣ продуктовъ въ мѣста складовъ.

в) Десять копеекъ съ каждаго израсходованнаго казною рубля на покрытіе расходовъ по администраціи, какъ процентъ на потраченный капиталъ и какъ вознагражденіе агента за его труды.

Агентъ обязанъ закупать предметы продовольствія не въ мѣстѣ пребыванія войскъ, гдѣ предметы эти, вслѣдствіе самаго этого пребыванія, неизбѣжно должны повышаться въ цѣнѣ, но преимущественно во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ, по мѣсторожденію означенныхъ продуктовъ, они неизбѣжно дешевле, и для этого имѣтъ повсюду своихъ агентовъ.

При раскладѣ съ агентомъ, казна свѣрляетъ представленныя имъ счеты съ имѣющимися у нея справочными цѣнами, и если окажется противъ нихъ *сбереженіе*, то оно всецѣло поступаетъ въ пользу казны. Для полнѣйшаго обезпеченія правительства, всѣ дѣйствія агента должны быть ему извѣстны, всѣ книги его и переписка по предметамъ продовольствія открыты для контроля назначенныхъ со стороны казны лицъ. Однимъ словомъ, во всѣхъ дѣлахъ агента по предметамъ продовольствія казна остается полнымъ хозяиномъ. Въ видахъ пресѣченія злоупотребленій къ легкой и противузаконной мажорамъ каждый агентъ имѣющагося у него инструкцію предупреждается, что не только злоупотребленіе, но и всякая его небрежность въ дѣлѣ продовольствованія арміи подвергаетъ его *военному суду*.

Проектъ этотъ былъ представленъ Лазаревымъ въ ноябрѣ 1876 г. его вѣсочеству главнокомандующему южною арміею, былъ одобренъ его вѣсочествомъ и переданъ на разсмотрѣніе начальнику штаба генералу Непокойчицкому, въ свою очередь одобрившему проектъ въ принципѣ, доволенный потому Лазаревымъ подробностями, доставленными въ штабъ дѣйствующей арміи.

Система Лазарева введена въ дѣйствіе въ дунайской арміи со дня объявленія войны.

Проектъ этой системы, по предложенію военного министра, въ ноябрѣ 1876 года, былъ внесенъ г. Лазаревымъ, для практическаго пересмотра и примѣненія, въ главное интенданство, которое, официальнымъ письмомъ отъ 13-го декабря 1876 г., за № 1909, увѣдомило г. Лазарева, что оно затрудняется продовольствовать армію этимъ единственнымъ способомъ чрезъ комиссіонерное товарищество. Какими путями этотъ секретъ Лазарева, этотъ проектъ его, цѣлкомъ, безъ особенныхъ измѣненій, попалъ въ руки товарищества Горвица, Грегори и Когана и примѣненъ ими на Дунаѣ, разрѣшеніе этого таинственнаго вопроса г. Лазаревъ находитъ неумѣстнымъ въ дни настоящихъ великихъ событий. Кончатся война, и скорный, правый судъ земли русской разрубятъ этотъ узелъ мечемъ правосудія, воздавъ каждому по дѣламъ его.

Если всѣ сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія достовѣрны, то исторія, какъ видитъ самъ читатель, выходитъ очень странная. Мысль

Лазарева и развитая на основаніи ея система продовольствія арміи признана была всѣми дѣльною: и великимъ княземъ главнокомандующимъ арміею, и начальникомъ штаба Непокойчицкимъ, и г. военнымъ министромъ. Нашло ее сначала неудобною въ примѣненіи только главное интендантство, которому проектъ г. Лазарева отданъ былъ для разсмотрѣнія именно въ практическомъ примѣненіи. Что интендантство, привыкшее по рутинѣ продовольствовать армію посредствомъ подрядовъ или посредствомъ хозяйственныхъ заготовленій черезъ своихъ чиновниковъ, могло въ началѣ признать способъ, предлагавшійся г. Лазаревымъ, затруднительнымъ—это и возможно и понятно. Но вотъ что непонятно: изъ сообщенія г. Петрова надобно заключить, что интендантство скоро перемѣнило свое мнѣніе (вѣроятно, потому, что внимательнѣе и ближе познакомилось съ проектомъ г. Лазарева): отказъ г. Лазареву былъ посланъ имъ 13-го декабря 1876 года, а со дня объявленія войны, т. е. съ 12-го апрѣля 1877 года, ровно черезъ четыре мѣсяца, способъ г. Лазарева былъ введенъ уже въ дѣйствіе въ дунайской арміи. А, такъ какъ главное интендантство, отвергнувъ способъ продовольствованія арміи, въ принципѣ одобренный и великимъ княземъ главнокомандующимъ, и начальникомъ штаба, и военнымъ министромъ, не могло снова принять этого способа, не прошедши тѣ же самыя инстанціи и не представивъ достаточныхъ мотивовъ, почему оно измѣнило объ этомъ свое мнѣніе, на что требовалось немало времени, немало также потребовалось бы времени и на то, чтобы, по утверженіи новаго способа всѣми означенными инстанціями, прискаты достойныхъ и надежныхъ исполнителей для него, еслибы они уже не были на лицо, то надобно предположить одно изъ двухъ:

1) Или, въ одно время съ г. Лазаревымъ, такой же точно проектъ относительно продовольствованія арміи доставленъ въ интендантство и компаніею Горвица, Грегори и Когана, и, въ такомъ случаѣ, интендантство отказало г. Лазареву потому, что мысль его была уже предвосхищена этой компаніею. Но тогда интендантство бы такъ прямо г. Лазареву и отвѣтило, что онъ преупрежденъ уже другими въ своемъ способѣ, а не ссылалось бы на затруднительность самаго способа.

2) Или интендантство съ самаго начала признало проектъ г. Лазарева дѣльнымъ, но отклонило его только потому, что не считало самого г. Лазарева благонадежнымъ для исполненія проекта. А разъ нашло подъ рукою въ лицѣ Горвица, Грегори и Когана благонадежныхъ исполнителей для проекта Лазарева, каковыми оно, конечно, ихъ считало—оно вошло немедленно съ представленіемъ о принятіи способа г. Лазарева, изъяснивъ подробно мотивы, по которымъ исполненіе мысли Лазарева предоставляется не ему, а этой компаніи.

Но и при этомъ предположеніи остается все-таки много неразъясненнаго: а) если интендантство считало г. Лазарева недостаточно благонадежнымъ для исполненія проекта, оно могло

предложить ему найти товарищей для этого и образовать компанію; могло даже указать прямо на тѣхъ купцовъ въ Москвѣ, которыхъ оно желало бы видѣть въ этомъ товариществѣ, такъ какъ отъ такого дѣла вмѣстѣ и очень выгоднаго, и патриотическаго въ Москвѣ никто бы не отказался. б) Разъ интенданство приняло отвергнутый имъ сначала проектъ г. Лазарева, оно немедленно должно было увѣдомить его объ этомъ съ подробнымъ изложеніемъ мотивовъ: почему оно мысль его отдаетъ для исполненія другимъ, а не ему. Вѣдь очень легко можетъ быть, что г. Лазаревъ нашелъ бы возможность не только обойти, но и устранить тѣ затрудненія, которыя находило интенданство въ передачѣ ему исполненія проекта. Вообще, дѣло нигдѣ въ Европѣ неслыханное—брать чужой проектъ и приводить его въ исполненіе, не извѣстивъ даже объ этомъ его творца!! Наконецъ, положимъ, что имя г. Лазарева, какъ подрядчика и комиссіонера, до сихъ поръ никому не было извѣстно; но точно также никому, въ этомъ качествѣ, до сихъ поръ не были извѣстны и имена Горвица, Грегори и Когана. Но вотъ что несомнѣнно и что дѣлаетъ большую разницу между г. Лазаревымъ и семи послѣдними. Г. Лазаревъ—московскій купецъ; въ случаѣ принятія на себя даже имъ однимъ только комиссіонерства на продовольствіе арміи, за него поручились бы многіе изъ московскихъ купцовъ и отвѣчали бы своимъ состояніемъ; поручились бы потому, что и для г. Лазарева точно такъ же понадобилось бы все равно нѣсколько тысячъ агентовъ, какъ и для нынѣшней компаніи, и всѣ эти агенты были бы изъ русскихъ купцовъ, промышленниковъ, рабочихъ, и тотъ обильный хлѣбъ, который даетъ комиссіонерство по арміи при самомъ, какъ говоритъ народъ, божескомъ исполненіи дѣла, справедливѣе и разумнѣе было бы отдать русскимъ промышленникамъ, купцамъ, рабочимъ какъ потому, что они несутъ на своихъ плечахъ тяжести войны, такъ и потому, что они исполнили бы его всегда добросовѣстнѣе. Въ послѣднемъ отношеніи, ни Горвицъ, ни Грегори, ни Коганъ не имѣли никакого права на предпочтеніе передъ русскими купцами. А, сверхъ того, они не могли представить интенданству и такихъ ручательствъ въ исполненіи комиссіонерства, какія могъ бы представить, какъ я уже сказалъ, г. Лазаревъ.

Вообще, исторія о передачѣ проекта г. Лазарева относительно продовольствія арміи для исполненія компаніи Горвица, Грегори и Когана—исторія темная. И мы можемъ только порадоваться, что Лазаревъ хочетъ искать разъясненія ея путемъ правосудія. Мы желали бы даже большаго. Мы желали бы, чтобы, независимо отъ даннаго случая, былъ въ московской думѣ поднятъ вопросъ о томъ: нельзя ли просить гдѣ слѣдуетъ, чтобы вообще всѣ тѣ подряды, поставки, комиссіи, которые могутъ быть исполняемы въ Россіи черезъ русскихъ купцовъ, промышленниковъ, крестьянъ, дворянъ и т. д., отдавались имъ для исполненія. Вѣдь во всякомъ

случаѣ, они болѣе плательщики государству, чѣмъ иностранцы, и болѣе благонадежные исполнители, чѣмъ такіе инородцы, какъ Горвиць, Грегори, Коганъ.

Въ «губернскихъ вѣдомостяхъ» опубликованъ слѣдующій циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ къ начальникамъ губерній отъ 24 іюня текущаго года:

«Изъ полученныхъ мною представлений нѣкоторыхъ гг. губернаторовъ видно, что нерѣдко, по поводу настоящей войны, дѣлаются пожертвованія такими сельскими обществами, за которыми числятся значительныя недоимки окладныхъ сборовъ. Вслѣдствіе сего считаю необходимымъ сообщить, вашему превосходительству, что пріемъ пожертвованій со стороны такихъ крестьянскихъ обществъ, за которыми числятся недоимки, не допускается; такимъ обществамъ слѣдуетъ пояснить, что потребности государства, а въ томъ числѣ и потребности военнаго времени, прежде всего обезпечиваются правильнымъ поступленіемъ платежей и что каждая уплата лежащихъ на крестьянахъ недоимокъ точно такъ же докажетъ желаніе ихъ способствовать деньгами покрытію потребностей военнаго времени, какъ и послѣднія пожертвованія на военныя надобности въ томъ или другомъ видѣ».

Каждый истинный патріотъ не можетъ не порадоваться появленію этого циркуляра, который полагаетъ хотя нѣкоторую преграду усердію исправниковъ и становыхъ, занимающихся во время патріотическихъ сезоновъ возбужденіемъ патріотическихъ чувствъ въ крестьянскихъ обществахъ и собравіемъ съ нихъ пожертвованій. Я говорю нѣкоторую преграду, потому что циркуляръ не будетъ имѣть никакой другой силы, кромѣ нравственной; онъ будетъ исполняться только тѣми чиновниками, которые поймутъ, что совѣмъ не въ духѣ правительства заставлять крестьянъ жертвовать во что бы то ни стало и что для него гораздо пріятнѣе, если крестьяне исправно будутъ исполнять свои прямыя обязанности. Но воззрѣнія мѣстныхъ правительственныхъ властей и, особенно властительницъ, не всегда сходятся съ воззрѣніями высшаго правительства, а мѣстныя вліянія, особенно коль скоро вмѣшиваются сюда властительницы, гораздо реальнѣе для чиновниковъ, чѣмъ благія намѣренія высшаго правительства. Въ случаѣ такого конфликта намѣреній послѣдняго съ вліяніями мѣстными, каждому исправнику и становому циркуляръ легко обойти. Имъ воспрещается принимать пожертвованія отъ крестьянскихъ обществъ, но ничего не сказано о частныхъ крестьянахъ, за которыми нѣтъ никакихъ недоимокъ и которые состоятъ членами недомочныхъ сельскихъ обществъ. А, разъ въ томъ или другомъ сельскомъ обществѣ можно собирать съ состоятельныхъ частныхъ членовъ его, то въ пожертвованіяхъ будутъ участвовать непременно и недоимщики, конечно, тайно, подъ чужимъ именемъ. Ибо кто же не знаетъ, что наши крестьяне только недоимокъ платить не могутъ, а жертвовать могутъ и любятъ, и всегда, конечно, добровольно. Насиліе употребляется только въ Турціи, а у насъ — только приглашеніе или совѣтъ, высказанные или

лично исправникомъ и становымъ, или черезъ подлежащее волостное начальство. Циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ дѣйствительно могъ бы сдѣлать много пользы, еслибы онъ былъ направленъ противъ пожертвоваій изъ городскихъ «апчественныхъ» ящичковъ, которые, какъ выражается одинъ герой Щедрина, вполне удобны и избавляютъ отъ необходимости «со списочкомъ по домамъ ходить: взялъ сколько требуется, и шабашъ» — а потомъ всѣхъ равняютъ — «тамъ и твой гривенникъ, и мой, тамъ и твоя копейка, все тамъ сказано!» — Разъ было бы наложено veto на пожертвованія изъ этихъ «апчественныхъ» ящичковъ, горожанина не легко бы было заставить жертвовать, если онъ не хочетъ или не можетъ. Но трудно придумать, чѣмъ можно бы было оградить крестьянъ отъ *нагла* пожертвоваій. Крестьянинъ нашъ пока очень невѣжественъ, и еще болѣе забить. Болышею частью онъ понимаетъ свое пожертвованіе, которое дѣлаетъ, какъ налогъ, или какъ приказаніе, послушаться котораго онъ не смѣетъ. Наша пресса лжетъ, когда пишетъ, что крестьяне вездѣ воодушевлены, вмѣстѣ съ нею, самымъ горячимъ стремленіемъ взять Константинополь и проливы, и окончательно освободить своихъ братьевъ славянъ отъ рабства. Многие серьезные люди, пріѣхавшіе изъ разныхъ мѣстъ Россіи, утверждаютъ, что народъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія ни о поводахъ въ войнѣ, ни о дѣлахъ ея; онъ только чувствуетъ, что война есть — по тѣмъ наборамъ и сборамъ натурою и деньгами, которые съ него дѣлаются. Рекомендуемъ читателю прочесть въ нынѣшней книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» статью г. Иванова, гдѣ изображено отношеніе нашего сельскаго люда къ войнѣ. Изъ этой статьи читатели поймутъ, какой вздоръ продолжаютъ писать наши газеты о народности якобы нынѣшней войны. Надобно замѣтить при этомъ, что Ивановъ описываетъ одну мѣстность Тверской Губерніи, отстоящую всего верстахъ въ десяти отъ николаевской желѣзной дороги. Что же надобно думать объ отношеніи народа къ войнѣ въ губерніяхъ, отдаленныхъ отъ столицъ, и въ мѣстностяхъ, лежащихъ вдали отъ желѣзныхъ дорогъ!

Въ циркулярѣ министра путей сообщенія, отъ 29 сентября нынѣшняго года, сообщается, что въ настоящее время внутри Россіи водворено болѣе 9,000 военноплѣнныхъ турокъ изъ однихъ только нижнихъ чиновъ. Турокъ въ офицерскихъ чинахъ, судя по этому, должно быть также не мало. Провинціальныя власти наши городовъ оказались такъ благосклонны къ турецкимъ офицерамъ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ губернаторы должны были прибѣгнуть къ самымъ суровымъ мѣрамъ противъ излишняго воодушевленія къ туркамъ. Ничего нѣтъ поэтому удивительнаго, что нѣкоторые изъ турецкихъ офицеровъ, благодаря всемогущему вліянію ихъ провинціальныхъ покровительницъ, успѣли сдѣлаться русскими помѣщиками и даже поступить на рус-

скую государственную службу, съ перемѣною только своихъ турецкихъ фамилій на русскія. Такъ, въ Могилевской Губерніи въ числѣ русскихъ помѣщиковъ, попавшихъ даже въ председатели могилевско-ушицкаго сѣзда мировыхъ посредниковъ, мы находимъ турецкаго бега Самарина, въ числѣ чиновъ судебного вѣдомства—двухъ турецкихъ эфенди: товарища губернскаго прокурора Шишкина и судебного слѣдователя Веселовскаго.

Обстоятельства, по которымъ обнаружилось, что всѣ эти три лица—скрытые турки, были слѣдующія:

Въ нынѣшнемъ іюлѣ, вечеромъ, бегъ Самаринъ пошелъ купаться и забылъ въ купальнѣ часы. Спихватившись дома часовъ, онъ, въ 11 часовъ ночи, и даже позже, пришелъ снова въ купальню и здѣсь узналъ отъ сторожа, что въ купальнѣ послѣ него купались два пріѣзжіе священника. Тогда бегъ Самаринъ, не теряя золотого времени, немедленно разузналъ, въ какомъ постояломъ дворѣ остановились эти священники, и въ 12 часовъ ночи—*имъ* къ нимъ. Каковы нравы-то! Въ другомъ мѣстѣ господина председателя, явившагося въ 12 ночи, или не пустили бы, или даже просто выпроводили. Но бегъ Самаринъ зналъ гдѣ онъ дѣйствуетъ. Явившись на постоялый дворъ, онъ нашелъ прохаживающимся здѣсь въ сѣняхъ священника Шманкевича (другой священникъ, Надольскій, уже спалъ), который сказалъ ему, что онъ часовъ не находилъ. Оказалось, однакожь, что часы действительно найдены были священникомъ Надольскимъ, и, когда онъ утромъ узналъ, что приходили спрашивать о часахъ, то въ 6 часовъ утра отправился къ бегу Самарину, чтобъ вручить ему часы, а, такъ какъ бегъ еще спалъ, то онъ пришелъ и въ другой разъ, въ 8 часовъ. Бегъ сначала было ломался, предлагая отдать часы въ полицію, куда уже, дескать, подано заявленіе, а потомъ, дескать, смилостивился, взялъ часы и пригласилъ (!?) съѣсть священника (значить, до этого бѣдный священникъ стоялъ передъ бегомъ! Это, вѣроятно, и въ Болгаріи въ мирное время—рѣдкость!)

Но здѣсь не конецъ дѣлу.

Товарищъ губернскаго прокурора, эфенди Шишкинъ, узнавши частнымъ образомъ объ этомъ случаѣ, поручилъ произвести сначала строгое дознаніе, а затѣмъ далъ предложеніе судебному слѣдователю, эфенди Веселовскому, произвести формальное слѣдствіе. Слодствіе произведено самымъ жестокимъ образомъ, съ употребленіемъ истязаній, правда, не тѣлесныхъ, а душевныхъ. Такъ, священникамъ посылались повѣстки черезъ подлежащія волостныя правленія—слѣдующія: «Священнику такому-то. Судебный слѣдователь Могилевскаго Уѣзда Веселовскій приглашаетъ васъ въ свою камеру къ допросу о кражѣ вами часовъ у Самарина» и т. д. Мало того: въ одинъ прекрасный день или, точнѣе сказать, въ одну прекрасную ночь, въ 11 часовъ, священники вызываются въ камеру слѣдователя и имъ об-

является, что, такъ какъ они обвиняются въ кражѣ, за что, по ст. 1656 уложеній о наказаніяхъ, подлежатъ лишенію всѣхъ освоенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, то имъ должно внести въ обезпеченіе по 1,000 р или они будутъ подвергнуты домашнему аресту. Священники успѣли найти требуемый залогъ и отъ ареста избавились. Послѣ слѣдствія, которое производилось съ такимъ пристрастіемъ, что противъ него вынужденъ былъ протестовать депутатъ съ духовной стороны, но на которомъ всегда присутствовалъ самъ товарищъ губернскаго прокурора Шишкинъ и самъ давалъ ему направленіе—дѣло представлено было въ каменец-подольскую соединенную палату уголовного и гражданскаго суда съ такимъ заключеніемъ эфенди Шишкина, что поступокъ священниковъ, утаившихъ находку, долженъ быть признанъ воровствомъ и что они должны быть подвергнуты наказанію за воровство по 1656 ст. уложенія о наказаніяхъ.

Къ счастью, судъ понялъ турецкую интригу въ дѣлѣ и потому «не только оправдалъ священниковъ, но и призналъ, что не было даже основанія привлекать ихъ къ суду».

Тѣмъ не менѣе, турки достигли своей цѣли. Они потѣшились и въ Россіи надъ православнымъ духовенствомъ, какъ тѣшатся въ Болгаріи, напугали порядочно священниковъ, потаскали ихъ, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль по полицейскимъ и слѣдственнымъ мѣстамъ и, наконецъ, сдѣлали изъ нихъ въ каменец-подольской палатѣ публичную выставку, «на которой публики было хотя неособенно много, но въ числѣ ея было нѣсколько польскихъ помѣщиковъ, лично знающихъ этихъ священниковъ, а также были, въ числѣ публики, нѣкоторые чины судебного вѣдомства» («Соврем. Изв.». № 270).

О позорѣ! И мы смѣемъ кричать о турецкомъ неправосудіи, когда подобныя вопіющія дѣла творятся въ нашемъ судебномъ вѣдомствѣ!!

КАРЛЬ МАРКСЪ ПЕРЕДЪ СУДОМЪ Г. Ю. ЖУКОВСКАГО.

Въ старыя годы у насъ были въ большой модѣ сѣтованія на «разрушеніе авторитетовъ», которымъ, будто бы, систематически занималась извѣстная часть литературы. Нельзя сказать, чтобы сѣтованія эти теперь совсѣмъ прекратились. Такъ, еще недавно г. Градовскій, въ полемикѣ изъ-за «примиренія» съ Польшей, поднималъ изношенный упрекъ въ недостаточномъ уваженіи къ авторитетамъ отечественнымъ, доморощеннымъ. Но нынѣ подобныя упреки и сѣтованія являются, во всякомъ случаѣ, рѣже, какъ-то спорадически. Зависитъ это отъ многихъ причинъ, изъ которыхъ едва ли не самая важная состоитъ въ измѣненіи персонала и характера самихъ авторитетовъ. Въ сущности, вѣдь это—совсѣмъ вздоръ, это негодование на разрушеніе авторитетовъ. Авторитетовъ въ принципѣ, авторитетовъ вообще никогда никто не защищалъ: защищались только тѣ или другіе авторитеты, тѣ именно, которые защищающій признавалъ авторитетами, что и естественно, конечно. Если же являлись возможность и охота прерывать эти вполне естественныя отношенія какимъ-то принципиальнымъ уваженіемъ къ авторитетамъ, такъ единственно потому, что въ извѣстныхъ времена могутъ претендовать на титулъ авторитетовъ только извѣстнаго рода дѣятели, вслѣдствіе чего они до нѣкоторой степени однородны: защита или отверженіе одного изъ нихъ представляется защитой или отверженіемъ всѣхъ остальныхъ, а отсюда до авторитетовъ вообще, до самого принципа научнаго авторитета—уже рукой подать. Люди, извергавшіе потоки сѣтованій на разрушеніе авторитетовъ, отнюдь не вымерли. Но они вовсе не склонны признавать авторитетами нынѣшніе авторитеты, напримѣръ, Дарвина въ биологій, Конта или Спенсера въ философіи, Маркса въ политической экономіи, Бокля въ исторіи и т. п. Встрѣчая въ литературѣ критическое отношеніе къ этимъ новымъ авторитетамъ, они поэтому не только не запѣваютъ своей старой пѣсни, но, напротивъ, съ большимъ удовольствіемъ потираютъ руки. Дѣло житейское, простое. И хоть такая терпимость къ критикѣ очень односторонняя и ненадежная, но это все-таки лучше, чѣмъ вопли о разрушеніи авторитетовъ, вопли, прямо сказать, лицемерныя, не честныя и

глубоко вредные. Вредны они не только потому, что могут терроризировать общество и литературу, задерживать их правильное развитие: они способны возбудить еще иную, внутреннюю, в своем родѣ не менѣ пагубную реакцію. Представьте себѣ, что господа охранители неприкосновенности авторитетовъ, всѣ эти господа Катковы, Мещерскіе и какъ ихъ тамъ еще зовутъ, при каждомъ критическомъ замѣчаніи насчетъ Дарвина, Конта, Спенсера, Маркса, Бокля, становятся на дыбы и приходятъ въ ужасъ отъ разрушенія авторитетовъ. Невѣроятно комическій характеръ этихъ сценъ не долженъ скрывать отъ насъ совсѣмъ некомическую сторону дѣла. Подобныя lamentаціи, при достаточной назойливости, могутъ, по закону реакціи, вызвать въ читателяхъ столь чрезмѣрное преклоненіе передъ авторитетами Дарвина, Конта и т. д., что потомъ, можетъ быть, годы понадобятся на отдѣленіе пшеницы отъ плевелъ въ писаніяхъ этихъ современныхъ авторитетовъ. По какимъ бы, значить, причинамъ ни призвѣтали голоса противъ «разрушенія авторитетовъ» — этому можно радоваться. Есть писатели, до такой степени сильно вооруженные самою природою или усидчивымъ трудомъ, до такой степени способные поработить мысль читателя, что строго критическое отношеніе къ нимъ, уже само по себѣ, независимо отъ результатовъ критики, можетъ принести значительную пользу. Само собою разумѣется, однако, что результаты критики, т. е. указанія на дѣйствительно слабыя и дѣйствительно сильныя мѣста разбираемаго писателя, составляютъ при этомъ необходимое условіе. Просто взять да облить человѣка, не показавъ ничего, кромѣ собственнаго невѣжества или недобросовѣстности или легкомыслія, безъ сомнѣнія, очень не трудно, но зато и нисколько не полезно. Никакого «разрушенія авторитетовъ» тутъ не будетъ, а будетъ только срамъ для самого критика. Таковъ, напримѣръ, срамъ гг. Антоновича и Жуковскаго, какъ единственный результатъ ихъ попытки «разрушить авторитетъ» Конта.

Къ числу тяжеловѣснѣйшихъ современныхъ авторитетовъ, способныхъ даже гнетущимъ образомъ дѣйствовать на читателя, принадлежатъ Карлъ Марксъ. Рѣдкая логическая сила и громадная эрудиція, признаваемая даже рѣшительными его противниками, могутъ побудить къ принятію безъ критики и такихъ его положеній, передъ которыми отнюдь не полагается отворять настежь ворота. Возьмемъ примѣръ, который, кромѣ поясненія высказанной мысли, пригодятся намъ и впоследствии.

Въ шестой главѣ «Капитала» имѣется параграфъ, озаглавленный: «Такъ называемое первоначальное накопленіе». Здѣсь Марксъ имѣлъ въ виду историческій очеркъ первыхъ шаговъ капиталистическаго процесса производства, но далъ нѣчто гораздо большее — цѣлую философско-историческую теорію. Она очень любопытна вообще, очень любопытна для насъ, русскихъ въ особенности.

Капиталистическій процессъ требуетъ для своего осуществленія и развитія наличности двухъ разрядовъ людей: во-первыхъ, на лицо долженъ быть собственникъ денегъ, средствъ производства и существованія, желающій увеличить принадлежащую ему сумму цѣнностей покупкою чужого труда; во-вторыхъ, на лицо долженъ быть продавецъ труда, свободный работникъ. Рабъ или крѣпостной для этого не годится, не годится и крестьянинъ, имѣющій собственное хозяйство. Какъ участникъ капиталистическаго способа производства, работникъ ни самъ не долженъ принадлежать къ условіямъ производства, ни эти условія не должны принадлежать ему. Сообразно этому, первоначальное накопленіе есть процессъ отдѣленія работника отъ условій труда или средствъ производства или собственности. Исторія показываетъ, что вездѣ въ Европѣ процессъ этотъ начался вскорѣ послѣ паденія крѣпостного права. Главные моменты его слѣдующіе. Уничтоженіе феодальныхъ дворовыхъ выбросило на рынокъ труда громадную массу пролетаріевъ, совершенно свободныхъ въ двоякомъ смыслѣ, нужномъ для капиталистическаго производства. Такой же результатъ имѣла реформація, сокращеніемъ или уничтоженіемъ феодальныхъ правъ церкви и ея представителей, распущеніемъ монастырскихъ населеній и проч. Рядомъ съ этими факторами, вытекающими непосредственно изъ разрушенія крѣпостного права, дѣйствовалъ рычагъ прямого насилія. Насильственно или обманнымъ образомъ отчуждались государственныя и церковныя имущества, захватывались подъ разными предлогами и разными способами общинныя крестьянскія земли; феодальная, т. е. условная собственность превращалась въ безусловную частную собственность. Парламентскими и не парламентскими формами насилія, носившими громкіе титулы «билля о включеніи общинныхъ земель», «очищенія имѣній», а то и никакихъ титуловъ не носившими, крестьянскія земли были экспропрированы, что уже само по себѣ отрывало земледѣльца отъ условій его труда. Затѣмъ пахатныя земли обращались въ пастбища, выгоны, а выгоны, въ свою очередь, въ парки. Всѣмъ этимъ земледѣлецъ усиленно гнался съ земли. Появились цѣлыя толпы бродягъ, нищихъ, разбойниковъ, противъ которыхъ правительство издавало чисто драконовскіе законы. Куда же было дѣваться всѣмъ этимъ согнаннымъ съ земли бродягамъ? Или назадъ, на землю, въ батраки къ новымъ землевладѣльцамъ и ихъ арендаторамъ, или въ города, въ составъ промышленныхъ армій для возникающихъ мануфактуръ. Заморскія событія, въ родѣ открытія американскихъ золотыхъ и серебрянныхъ мѣсторожденій, истребленіе и пораженіе туземныхъ населеній, превращеніе Африки въ поле охоты за неграми, торговая войны, международный кредитъ—всѣ эти мировыя событія способствовали разъ начавшемуся отлученію труда отъ собственности, работника отъ условій производства. Такимъ образомъ, первоначальное накопленіе есть формальное измѣненіе отношеній, именно—

превращеніе рабовъ и крѣпостныхъ въ наемныхъ работниковъ, и въ то же время экспроприация непосредственныхъ производителей, т. е. уничтоженіе частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ. Это былъ трудный, мучительный и долгій, вѣковой, но въ то же время необходимый процессъ. Средневѣковыя формы самостоятельности земледѣльца и ремесленника, имѣющихъ въ своихъ рукахъ орудія производства, предполагаютъ раздробленіе земли и орудій. Эти формы противятся введенію кооперации, раздѣленію труда, общественному господству надъ природой—словомъ, исключаютъ развитіе общественной производительной силы. На извѣстной степени развитія этотъ порядокъ вещей самъ выдвигаетъ матеріалы для своего разрушенія. «Уничтоженіе его, обращеніе индивидуальныхъ и раздробленныхъ средствъ производства въ общественно-сосредоточенныя, т. е. обращеніе мелкой собственности многихъ въ громадную собственность немногихъ, т. е. экспроприация земли, средствъ существованія и орудій труда у большихъ народныхъ массъ, эта ужасная и трудная экспроприация народа образуетъ первоначальную исторію капитала». Но процессъ на этомъ не останавливается. Въ силу «имманентныхъ законовъ» самаго капиталистическаго производства идетъ дальнѣйшее «обобществленіе» (Vergesellschaftung) труда. На этотъ разъ экспроприруются уже не рабочіе, а сами капиталисты. Одинъ капиталистъ побиваетъ другихъ, немногіе экспроприруютъ многихъ, число магнатовъ капитала сокращается, средства производства сосредоточиваются все въ меньшихъ рукахъ. Выѣстъ съ тѣмъ, развиваются «кооперативная форма рабочаго процесса, сознательное технологическое приложеніе науки, плѣсообразная эксплуатація земли, превращеніе орудій труда въ такия, которыя могутъ прилагаться только сообща, и экономизированіе всѣхъ средствъ производства посредствомъ употребленія ихъ, какъ общихъ средствъ производства комбинированнаго, общественнаго труда». Рядомъ со всѣми ужасами нищеты, униженія, гнета, которыми этотъ процессъ обрушивается на массы, идетъ обученіе, объединеніе, организація этихъ массъ «самымъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства». И, наконецъ, капиталистическая оболочка не выдерживаетъ этого «обобществленія»: «экспроприрующихъ экспроприруютъ». «Капиталистическій способъ производства и присвоенія, а, слѣдовательно, и капиталистическая частная собственность есть отрицаніе индивидуальной частной собственности, основывающейся на собственномъ трудѣ. Отрицаніе капиталистическаго производства производится имъ же самимъ и неизбежностью собственнаго процесса. Это—отрицаніе отрицанія. Оно снова возстановляетъ индивидуальную собственность, но на основаніи приобрѣтеній капиталистической эры, т. е. на основаніи кооперации свободныхъ работниковъ и ихъ общиннаго владѣнія землею и средствами производства, произведенными самими работниками». Этотъ обратный процессъ долженъ завершиться не-

сравненно быстрое, чѣмъ процессъ экспроприаціи массъ. (Стр. 613—650 русскаго перевода).

Вотъ, въ сжатомъ видѣ, философско-историческій взглядъ Маркса. Онъ отнюдь не случайно имъ высказанъ въ главѣ о «первоначальномъ накопленіи» и подрѣпляется множествомъ мѣстъ въ огромномъ томѣ «Капитала», а равно и въ другихъ сочиненіяхъ Маркса. Представимъ себѣ теперь русскаго человѣка, который увѣровалъ бы въ истинность этой исторической теоріи. Случай, очень возможный, такъ какъ Марксъ и общей своей научной фвізіономіей способенъ внушить безграничное довѣріе, и, въ частности, приведенная его историческая теорія обставлена, въ фактическомъ отношеніи, съ большою роскошью, а въ отношеніи логическомъ представляетъ, во всякомъ случаѣ, нѣчто стройное, дѣльное, а потому соблазнительное. Такой русскій человѣкъ, если только онъ живетъ не исключительно головой, не относится безучастно къ практикѣ жизни, окажется въ чрезвычайно странномъ и трудномъ положеніи. Тотъ обоюдоострый, страшный и вмѣстѣ благодѣтельный, непреоборимый процессъ «обобществленія» труда или, вѣрнѣе, та форма обобществленія, которую излагаетъ Марксъ, у насъ на святой Руси очень мало подвинулась впередъ. Крестьянинъ нашъ далеко не въ такой мѣрѣ «свободенъ» отъ земли и орудій производства, въ какой это необходимо для пышнаго развитія капиталистическаго производства. Напротивъ, несмотря на его печальное положеніе, какъ землѣдѣльца и землевладѣльца, многія обстоятельства, даже помимо его собственныхъ инстинктовъ, держатъ его у земли. Съ другой стороны, капиталы наши представляютъ въ сравненіи съ европейскими нѣчто крайне мизерное. Слѣдовательно, намъ предстоитъ еще пройти вслѣдъ за Европой весь тотъ процессъ, который описалъ и возвелъ на степень философско-исторической теоріи Марксъ. Разница, однако, въ томъ, что намъ придется повторить процессъ, т. е. совершить его сознательно. По крайней мѣрѣ, его долженъ сознавать тотъ русскій человѣкъ, который увѣровалъ въ непреложность исторической теоріи Маркса. Марксъ не скрываетъ, конечно, тяжелыхъ и возмутительныхъ сторонъ процесса. Напротивъ, онъ ставитъ ихъ, что называется, ребромъ. Считаю не лишнимъ привести здѣсь слѣдующую его желчную выходку: «Если на европейскомъ континентѣ вліяніе капиталистическаго производства, которое подкапывается подъ человѣческую расу посредствомъ чрезмѣрнаго труда, дѣленія труда, подчиненія его машинамъ, калѣченія незрѣлыхъ и женскихъ организмовъ, дурной жизни и т. п., будетъ развиваться, какъ это было до сихъ поръ, рука объ руку съ конкуренціей en grand на поприщѣ народной солдатчины, государственныхъ долговъ, налоговъ, изыщнаго веденія войны и т. п., то все это можетъ сдѣлать, наконецъ, неизбѣжнымъ обновленіе Европы посредствомъ ввута и насильственнаго смѣшенія европейской крови съ калмыцкою, о чемъ такъ ревностно пророчествуетъ одинъ полурусскій и впол-

нѣ «москвичъ». Замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ беллетристъ, сдѣлавъ свое открытіе «русскаго» коммунизма не въ Россіи, а въ сочиненіи прусскаго регирунгсрата Гакстаузенна» (613). Не входя въ подробности этой выходки, въ эти «кнуты» и «калмыцкую кровь», уже изъ общаго ея тона не трудно видѣть, какъ долженъ, съ своей точки зрѣнія, относиться Марксъ къ попыткамъ русскихъ людей найти для своего отечества путь развитія, отличный отъ того, которымъ шла и идетъ Западная Европа, къ попыткамъ, для которыхъ, какъ это уже много разъ доказывалось, вовсе нѣтъ надобности быть славянофиламъ или мистически въ-ровать въ особыя высокія качества національнаго русскаго духа: надо только извлекать уроки изъ европейской исторіи. Однако, изъ той же выходки Маркса можно усмотрѣть, до какой степени трудно обойтись намъ безъ подобныхъ попытокъ. Въ самомъ дѣлѣ русскому народу и безъ того выпала слишкомъ не легкая доля, чтобы набавлять еще къ этому итогу указываемыя Марксомъ способы «подкапыванія подъ человѣческую расу». Выходка Маркса, разумѣется, чисто ироническая. Онъ вполне увѣренъ, что для обновленія Европы не понадобятся никакія постороннія средства, ибо къ обновленію ее приведетъ внутренний процессъ ея собственнаго развитія путемъ обобществленія труда. И ему хорошо иронизировать, когда значительная и тягчайшая часть этого процесса уже совершилась, но вѣдь мы въ иномъ совѣмъ положеніи. Всѣ эти «калѣченія незрѣлыхъ и женскихъ организмовъ» и проч. намъ еще предстоятъ, и мы, съ точки зрѣнія исторической теоріи Маркса, не только не должны протестовать противъ этихъ калѣченій, что значило бы прать противъ рожна, но даже радоваться имъ, какъ необходимымъ, хотя и крутымъ ступенямъ, ведущимъ въ храмъ счастья. Трудно выѣстить въ себѣ такое противорѣчіе, которое терзало бы душу русскаго ученика Маркса на каждомъ шагу въ томъ или другомъ частномъ приложеніи. Ему предстоитъ развѣ роль наблюдателя, съ безстрастіемъ Пимена заносащаго въ лѣтопись факты обоюдостраго прогресса. Принимать же въ немъ активное участіе онъ не можетъ. Для мерзостной стороны процесса онъ совѣмъ не годится, а всякая дѣятельность, соответствующая его нравственнымъ требованіямъ, только задержать, затянуть процессъ. Идеалъ его, если онъ—ученикъ Маркса, состоитъ, между прочимъ, въ совпаденіи труда и собственности, въ принадлежности рабочему земли и орудій и средствъ производства. Но въ то же время, если онъ—ученикъ Маркса со стороны философско-историческаго взгляда послѣдняго, онъ долженъ радоваться разлученію труда и собственности, расторженію связи между работникомъ и условиями производства, какъ первымъ шагамъ необходимаго и, въ концѣ концовъ, благотѣльнаго процесса. Онъ долженъ, слѣдовательно привѣтствовать ниспроверженіе зачатковъ собственнаго идеала. Конечно, такое столкновеніе нравственнаго чувства съ историческою необходимостью должно разрѣшиться въ пользу необко-

днкости. У много нравственное чувство можетъ и противъ смерти возмущаться, но вѣдь придетъ время, и онъ, со всѣмъ своимъ нравственнымъ протестомъ, уляжется въ такой же гробъ, въ какихъ лежать и никогда не протестовавшіе. Но дѣло въ томъ, что надо же доподлинно знать, что историческій процессъ, дѣйствительно, неизбежно таковъ, какииъ его рисуетъ Марксъ. Мы сейчасъ увидимъ, какия поправки къ теоріи можно заимствовать у самого Маркса. Но ясно, во всякомъ случаѣ, что мы должны семь разъ подумать прежде, чѣмъ одинъ разъ отрѣзать себѣ всѣ пути, кромѣ указаннаго нѣмецкииъ экономистомъ. Нужна, словомъ, критика.

И вотъ мы имѣемъ критику. Ее представилъ г. Ю. Жуковский въ № 9 «Вѣстника Европы».

Мнѣ не въ первый разъ приходится говорить объ этомъ писателѣ, то есть о г. Жуковскомъ; и я имѣю нѣкоторое основаніе гордиться своими прежними объ немъ разговорами, потому что въ нихъ заключались, между прочимъ, предсказанія, очень быстро оправдавшіяся, а предсказанія эти вытекали изъ общей характеристики г. Жуковскаго, какъ писателя; слѣдовательно, и характеристика содержитъ въ себѣ, надо думать, хоть зерно истины. Позволю себѣ напомнить эту характеристику въ новомъ видѣ—образомъ павлина. Да, г. Жуковский представляетъ собою образъ и подобіе павлина, который, когда распускаетъ свой разноцвѣтныиъ хвостъ, бываетъ чрезвычайно великолѣпенъ и выступаетъ такъ гордо, что даже слѣды ногъ его имѣютъ, повидимому, въ его глазахъ чрезвычайно важное значеніе; но, такъ какъ собственная природа павлина обязываетъ его время отъ времени опускать хвостъ, то онъ и замечаетъ послѣднимъ свои слѣды, впрѣдъ до новаго распушенія разноцвѣтнаго хвоста. Такъ именно ведетъ себя г. Жуковский. Началъ онъ свою литературную дѣятельность давно уже, столь давно, что, повидимому, и самъ забылъ это начало, то есть, опустивъ хвостъ, замелъ имъ собственные слѣды. Началъ онъ съ идеи необходимости реформировать юридическія науки при помощи политической экономіи. И хотя, въ частности, этой идеи онъ и до сихъ поръ не забылъ, но предвозвѣщенной реформы не произвелъ, не произведетъ и не можетъ произвести. Не произвелъ потому, что, отложивъ свою цѣль въ сторону, посвятилъ себя орудію, то есть политической экономіи. Не произведетъ и не можетъ произвести потому, что оказалась необходимость новой реформы — реформы самой политической экономіи при помощи математическаго анализа. Съ весьма большою помпой была возвѣщена эта новая реформа, но ее постигла участь первой: г. Жуковский занялся орудіемъ, то есть дифференціальнымъ и интегральнымъ исчисленіемъ, и до такой степени забылъ цѣль, что одно время серьезно думалъ, будто переводъ теоріи Рикардо съ языка словъ на языкъ математическихъ знаковъ есть настоящее приложеніе математическаго анализа къ экономическимъ явленіямъ. Въ тоже время,

провозглашена была еще одна реформа — реформа всей разspanной храминны общественных наукъ при помощи физики и именно механической теоріи. Однако, и эта реформа осталась въ проэктѣ и все по той же причинѣ: г. Жуковский пристрастился къ орудію, физикѣ, и принялся за сочиненіе по теоріи свѣта, котораго хотя до сихъ поръ не написалъ (по крайней мѣрѣ, не издалъ), но о которомъ еще въ 1871 году объявлялъ въ газетахъ. Такъ-то подвигался г. Жуковский — не знаю уже впередъ ли, назадъ ли, вправо или влѣво, но вообще въ пространствѣ, періодически распуская пышный хвостъ и замечая имъ же свои собственные слѣды, постоянно оставляя, какъ говорятъ французы, *quelque chose à deviner*, постоянно давая понять, что есть у него въ запасѣ такой секретъ, такой секретъ... который онъ расскажетъ въ слѣдующій разъ.

Неизвѣстный литературный хроникѣръ «Сѣвернаго Вѣстника», воздавъ должное «Вѣстнику Европы», замѣчаетъ: «Это—не то, что тѣ его собраты, которые то и дѣло кокетничаютъ съ читателемъ, зазывая за кулисы, общія показатъ тамъ нѣчто любопытное, между тѣмъ какъ, на самомъ дѣлѣ, тамъ не оказывается ничего, кромѣ фарса». Какихъ «собратовъ» почтеннаго журнала имѣеть въ виду хроникѣръ, онъ не говоритъ, да намъ и незачѣмъ знать. Но если имѣть въ виду не журналы, а отдѣльных писателей, то не найдется между ними ни одного, къ которому приведенная характеристика пришлась бы лучше, чѣмъ къ г. Жуковскому. (Она очень идетъ и къ самому хроникѣру, но до него намъ здѣсь дѣла нѣтъ).

Пообщать громадную реформу науки и дать переложеніе давно извѣстной теоріи съ одного языка на другой — развѣ это не значить пообщать «нѣчто любопытное» и дать «фарсъ»? Или вотъ, на примѣръ, г. Жуковский, лѣтъ уже восемь тому назадъ, заявилъ, что ему извѣстны «спеціальныя изслѣдованія дѣйствительно позитивнаго характера, правда, немногочисленныя, но драгоценныя въ нравственной литературѣ, *можетъ быть, вовсе незнакомыя ни русскому читателю, ни русской журналистикѣ*», которыя давно отвели свое надлежащее историческое мѣсто и старымъ взглядамъ на этотъ предметъ (на отношеніе математики къ социологіи) позитивистовъ, да и самой позитивной философіи Конта». И восемь лѣтъ г. Жуковский держитъ русскаго читателя и русскую журналистику въ неизвѣстности! Это ли еще не кокетничанье? И это ли еще не фарсъ, если принять въ соображеніе, что драгоценныя съ точки зрѣнія г. Жуковскаго страницы «нравственной литературы», неизвѣстны ни русскому читателю, ни русской журналистикѣ, неизвѣстны, въ то же время, ему самому? Неизвѣстны и не могутъ быть извѣстны, по той простой причинѣ, что ихъ нѣтъ. Увлечшись кокетствомъ, г. Жуковский сказалъ неправду. Впрочемъ, до такого прямого, завѣдомаго лжесвидѣтельства г. Жуковский не всегда доходитъ. Кокетству свойственно самому увлекаться затѣянной

ной игрой и до известной степени вѣрить въ присутствіе отсутствующихъ достоинствъ. Чѣловѣкъ, до такой степени способный засиживаться на полдорогѣ къ цѣли, на обработкѣ орудій достиженія этой цѣли, естественно склоненъ оставлять *quelque chose à déviner* не только читателю, а и самому себѣ. Юридическія науки стоятъ неудовлетворительно, не имѣютъ настоящаго научнаго облика; нужно ихъ реформировать при помощи политической экономіи. Хорошо. Догадывался ли читатель статей г. Жуковскаго, какой новый обликъ получить юридическія науки послѣ реформы? Догадывался, но благодаря отнюдь не самому г. Жуковскому, а его обстановкѣ, главнымъ образомъ, опредѣленности фizioноміи журнала, въ которомъ г. Жуковскій работалъ. Зналъ ли самъ г. Жуковскій характеръ и содержаніе реформированнаго зданія науки? Въ общихъ чертахъ, по всей вѣроятности, зналъ, но можно уже навѣрное сказать, что о результатахъ второй реформы самъ онъ рѣшительно не имѣлъ яснаго представленія, ибо иначе онъ не могъ бы принять переложеніе теоріи Рикардо на математическій языкъ за реформу науки. Здѣсь онъ столько же обманывалъ самого себя, сколько читателей. Нѣкоторыя поверхностныя соображенія толкнули его на путь, совершенно для него темный. Онъ и самъ не зналъ, что въ концѣ этого пути нѣтъ ничего, кромѣ фарса. Онъ и самъ думалъ, что близокъ къ овладѣнію такимъ секретомъ, такимъ секретомъ... который онъ въ состояніи будетъ рассказать въ слѣдующій разъ. Нѣсколько иной характеръ (нѣсколько менѣе похожій на фарсъ) имѣетъ проэктъ третьей реформы, хотя и тутъ г. Жуковскій, очевидно, изложилъ проэктъ прежде, чѣмъ составилъ себѣ опредѣленное понятіе о результатахъ его исполненія, и тутъ читатель заманивался въ сферы, таинственныя для самого автора. Отсюда нѣкоторая туманность всей литературной фizioноміи г. Жуковскаго. Литературная дѣятельность слагается изъ двухъ частей: теоретической—научной, и практической—прикладной. Что касается научной стороны дѣятельности г. Жуковскаго, то она естественно не могла до сихъ поръ получить характера законченности и опредѣленности, ибо, провозгласивъ необходимость реформы юриспруденціи при помощи анализа экономическаго, онъ, вслѣдъ за тѣмъ, провозглашаетъ необходимость радикальнаго измѣненія самаго орудія этой реформы, то есть политической экономіи; ясно, что непосредственные результаты первой реформы отходятъ въ сторону, объ нихъ нельзя себѣ составить опредѣленнаго понятія до окончанія второй реформы, а между тѣмъ подоспѣваетъ и еще одинъ проэктъ реформы. Эта неопредѣленность результатовъ научнаго анализа явленій должна, конечно, отразиться и на практической сторонѣ литературной дѣятельности г. Жуковскаго известными колебаніями. И, дѣйствительно, мы видимъ слѣдующее. Первоначально политическій образъ мыслей г. Жуковскаго былъ довольно ясенъ, отчасти опять-таки благодаря журналу, въ которомъ

онъ участвовалъ, а отчасти, благодаря нѣкоторымъ его собственнымъ статьямъ, которыя онъ, вѣроятно, теперь не особенно охотно вспоминаетъ. Не буду и я смущать миръ его души этими напоминаніями. Затѣмъ г. Жуковскій (въ «Космосѣ») сталъ уже намекать, что его смѣшивали, «ставили въ одинъ разрядъ» съ какими-то «площадными повѣсами» и что это обстоятельство его очень огорчаетъ. Еще дальше намеки перешли въ прямыя жалобы. Г. Жуковскій сталъ объяснять (въ «Исторіи политической литературы XIX столѣтія»), что онъ «излагалъ только частныя выводы экономическаго анализа» и никогда не забывалъ, что выводы эти должны еще видоизмѣняться въ зависимости отъ «вопроса дисциплины»; что его, г. Жуковскаго, совершенно напрасно упрекали въ недостаточномъ уваженіи къ принципу «дисциплины». Наконецъ, еще дальше, г. Жуковскій пишетъ статью о Карлѣ Марксѣ, въ которой признаетъ начало дисциплины уже «въ полномъ размѣрѣ», какъ онъ любитъ выражаться, хотя, по старой привычкѣ, все еще даетъ понять, что у него есть такой секретъ, такой секретъ... который, увѣряя васъ, онъ даже самому себѣ никогда не откроетъ.

Надо отмѣтить еще одну черту г. Жуковскаго, какъ мыслителя и писателя, находящуюся, впрочемъ, въ самой тѣсной связи со всѣмъ вышесказаннымъ. Онъ очень любитъ говорить о различіи между формальнымъ и матеріальнымъ, между «феноменальнымъ» и «существеннымъ», но не особенно хорошо уяснилъ себѣ дѣйствительныя различія и предѣлы этихъ логическихъ категорій. Возьмемъ такой примѣръ. Въ виду вашего малокровія, докторъ совѣтуетъ вамъ ѣсть побольше мяса. Вы кушаете битокъ. Подходитъ г. Жуковскій и съ весьма серьезнымъ видомъ, съ готовностью даже пустить въ ходъ математическій анализъ, замѣчаетъ, что битокъ вѣдь это — собственно только форма, что мясо можетъ быть приготовлено и въ формахъ ростбифа, бифштекса и проч. Вы отвѣчаете, что это вамъ очень хорошо извѣстно, но что, по обстоятельствамъ, напримѣръ потому, что у васъ зубы плохи, вы предпочитаете форму рубленнаго мяса. — Это такъ, отвѣчаетъ г. Жуковскій: — но все-таки, замѣтите, что употребленіе мяса въ формѣ битка несущественно. — Это надоѣдливо, но, по крайней мѣрѣ, резонно и даже какъ-будто къ дѣлу идетъ. Но вотъ г. Жуковскій походилъ, походилъ, подумалъ, подумалъ и опять къ вамъ: послушайте, вѣдь самое мясо, это что-же такое? только форма бытія, форма матеріи, потенциальная сила которой, при извѣстныхъ условіяхъ, преобразуется въ живую силу вашего организма. Это очень справедливо, но къ дѣлу уже вовсе не идетъ, что и самъ г. Жуковскій долженъ понимать; но ему такъ нравится презрительное отношеніе ко всему формальному и «феноменальному» и третиrowаніе за панібрата всего «существеннаго», что онъ можетъ и дальше пойти, заговорить объ томъ, что потенциальная сила есть, собственно говоря, только форма силы, именно сила, находящаяся въ состояніи напряженія. Въ-

стѣ съ этимъ, онъ, разумѣется, отойдетъ отъ настоящаго предмета разсужденія за тридцать земель, заманивая васъ все дальше и дальше, въ область существеннаго и ничего тамъ не показывая. На дѣлѣ, онъ такъ далекъ отъ пониманія дѣйствительнаго характера употребляемыхъ имъ во зло логическихъ категорій, что можетъ, какъ мы уже видѣли, принять математическую форму изложенія за существенный переворотъ въ наукѣ. Можетъ онъ также употребить такое несообразное выраженіе, какъ «феноменальное явленіе». Несообразное, ибо «феноменъ» и значить «явленіе» (въ противоположность «нумену», сущности), и если мы вынуждены употреблять слово «феноменальный», такъ единственно потому, что по-русски существуетъ только одно прилагательное, производное отъ слова «явленіе» — «явленный», имѣющее свой слишкомъ специальный смыслъ.

Обращаясь къ возраженіямъ г. Жуковскаго Марксу, замѣтимъ прежде всего, что между ними нѣтъ ни одного оригинальнаго. Охотно вѣрю, что г. Жуковскій до всѣхъ нихъ своимъ умомъ дошелъ, но, тѣмъ не менѣе, по странному стеченію обстоятельствъ, всѣ они были у него предвосхищены разными нѣмцами. Разница только въ томъ, что нѣмцы ведутъ дѣло на чистоту, а г. Жуковскій *laisse quelque chose à déviner*.

Самое общее и притомъ едва ли не единственное вѣрное замѣчаніе состоитъ въ указаніи на пристрастіе къ гегелевской диалектикѣ. Дѣйствительно, Марксъ, несмотря на свой протестъ противъ гегелевской философіи, очень охотно, даже слишкомъ охотно, прибѣгаетъ къ ея диалектикѣ, тѣмъ безъ нужды усложняетъ и затрудняетъ пониманіе своихъ выводовъ. Это было всѣми давно замѣчено (въ особенности, Дюрингъ, вообще крайне несправедливый въ Марксу, налегъ на это обстоятельство въ своей «Критической исторіи политической экономіи и социализма»), и самъ Марксъ счелъ нужнымъ отозваться на голосъ критики во второмъ изданіи «Капитала». Но, отнюдь не снимая этого грѣха съ души Маркса, г. Жуковскому слѣдовало бы помнить то, что онъ нѣкогда понималъ довольно хорошо, а именно, что гегелевская диалектика, именно благодаря своей пустотѣ, безсодержательности, можетъ иногда оказаться «случайной внѣшней рамкой, въ которую авторъ вставилъ выводы, добытые вовсе не апіористическимъ путемъ, а чистымъ анализомъ фактовъ», что «метафизическая форма» можетъ быть «просто механической приставкой къ независимому отъ нея содержанію». Такими именно словами характеризовалъ нѣкогда (и не Богъ знаетъ, какъ давно, въ 1866 г.) г. Жуковскій пристрастіе къ гегелевщинѣ у Прудона (въ брошюрѣ «Прудонъ и Луи Бланъ»). А между тѣмъ, вся разница въ этомъ отношеніи между Прудономъ и Марксомъ состоитъ въ томъ, что послѣдній не по наслышкѣ, какъ первый, знакомъ съ гегелевской диалектикой и потому прилагаетъ ее къ дѣлу искуснѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ ужъ обильно.

Надо замѣтить, что въ глазахъ г. Жуковскаго Марксъ—вдвойнѣ грѣшникъ, вдвойнѣ «формалистъ»: во первыхъ, какъ ученикъ «формалистической» философіи Гегеля, во-вторыхъ—какъ социалистъ. Эти два пункта, къ сожалѣнію, такъ перепутаны въ обвинительномъ актѣ г. Жуковскаго, что и намъ трудно отдѣлить ихъ другъ отъ друга. Будемъ слѣдовать за авторомъ обвинительнаго акта.

Г. Жуковскій начинается, какъ истый схоластикъ: область общественныхъ наукъ дѣлится на двѣ отрасли, соответствующія двумъ сторонамъ, заключающимся въ каждомъ предметѣ: сторону формальную изучаетъ наука права, сторону матеріальную—экономія. Первоначально это раздѣленіе труда имѣло свои резоны въ историческомъ ходѣ науки. Наука права родилась раньше экономіи и потому стала искать объясненія формъ общежитія, какъ явленій совершенно самостоятельныхъ или, по крайней мѣрѣ, независимыхъ отъ явленій экономическихъ. «Изучая ихъ въ такомъ видѣ, первоначально наука права отыскивала объясненія этихъ формъ и ихъ опредѣляющаго содержанія поневолѣ въ такихъ же формальныхъ, отвлеченныхъ основаніяхъ. Онѣ для нея служили то осуществленіемъ на землѣ высшей правды и справедливости, то идеи добра, проходившей въ своемъ развитіи формальныя стадіи логическаго процесса и достигавшей, наконецъ, сознанія самой себя». Эти объясненія формъ общежитія оказались неудовлетворительными. Между тѣмъ, выросла экономія, на которую, однако, юристы не пожелали опереться. Тогда среди экономическихъ писателей возникла сангвиническая, нетерпѣливая школа, «вмѣшавшаяся въ формальные вопросы общежитія съ экономической точки зрѣнія», не имѣя, однако, нужныхъ для подобнаго вмѣшательства выдержки и знанія. «Если въ то время, когда оно (вмѣшательство) произошло, можно было говорить о связи между формальными и экономическими фактами, то въ ближайшемъ своемъ видѣ эта связь была вовсе не обследована и экономическое значеніе отдѣльныхъ формъ вовсе не выяснено въ подробности. Точно также недостаточно была изслѣдована и матеріальная или экономическая сторона общежитія и не выяснены въ точности границы, полагаемыя стремленіемъ чловѣка, какъ вмѣшанной природой, такъ и природою самаго чловѣка». Ничего этого не знали и знать не хотѣли сангвиническіе люди. «Всѣ слабыя стороны матеріальнаго положенія были отнесены къ недостаткамъ въ формахъ, и потому устраненіе ихъ поставлено въ прямую зависимость отъ измѣненія этихъ формъ. Что же касается послѣдняго, то форма представлялась этому направленію исключительно зависящею отъ произвола чловѣка и не зависящею ни отъ матеріальныхъ условій, ни отъ природы или степени развитія чловѣческой личности». Сангвиники поторопились, вмѣсто научной провѣрки своихъ положеній «предложили опытъ» и окончательно потеряли кредитъ.

Марксъ принадлежитъ къ числу этихъ сангвиниковъ. Спра-

шивается: насколько онъ, какъ позднѣйшій представитель школы, успѣлъ освободиться отъ общихъ ея недостатковъ? Оказывается, что онъ отъ нихъ не освободился, «въ томъ отношеніи, что ограничиваетъ свое изслѣдованіе точно также одной формальной стороной, а другая, матеріальная сторона оставляется имъ точно также безъ серьезнаго разсмотрѣнія. Правда, онъ и въ этомъ отношеніи настолько разсудительнѣе своихъ предшественниковъ, что не игнорируетъ вовсе значенія матеріальныхъ условій, но онъ, въ то же время, обходитъ ихъ прямое изслѣдованіе». Въ доказательство, г. Жуковский ссылается на слѣдующія умозаключенія нѣмецкаго писателя. Марксъ объясняетъ, что юридическія и политическія отношенія не суть самостоятельныя явленія, а вырастаютъ на почвѣ отношеній экономическихъ; что измѣняются они подъ вліяніемъ измѣненій въ условіяхъ производства. Извѣстныя юридическія и политическія отношенія не только въ дѣйствительности, а и въ сознаніи, не могутъ возникнуть раньше, чѣмъ будетъ готова для нихъ матеріальная почва въ видѣ соответственныхъ условій производства. Слѣдовательно, заключаетъ отсюда Марксъ, если въ современномъ буржуазномъ обществѣ мы видимъ начало борьбы старыхъ порядковъ съ новыми, если въ сознаніи множества людей возникаетъ требованіе новыхъ юридическихъ отношеній, то, значить, матеріальная почва для нихъ готова.

Г. Жуковский довольно долго ломается надъ этими соображеніями Маркса, справедливо вида въ нихъ отраженіе гегелевской философіи, но все-таки вовсе несправедливо, и даже беззастѣнчиво, какъ мы сейчасъ увидимъ, обзывая за нихъ Маркса «формалистомъ», который обходитъ прямое изслѣдованіе матеріальныхъ условій юридическихъ отношеній.

Мы имѣемъ теперь уже всѣ данныя для сужденія о достоинствѣ общихъ критическихъ приѣмовъ г. Жуковского. Но, такъ какъ провѣрить ихъ всего удобнѣе на приведенной выше главѣ о первоначальномъ накопленіи, то посмотримъ сначала, какъ относится критикъ къ изложенному тамъ общему закону экономического развитія.

Само собою разумѣется, что г. Жуковский слишкомъ вознехъ, слишкомъ великолѣпенъ для приданія вопросу той постановки, которую я рекомендовалъ вниманію читателя. Нѣкогда, въ статьѣ, написанной по поводу магистерской диссертаціи г. Янсона, придравшись къ одному неловкому выраженію почтеннаго профессора, г. Жуковский обратился къ нему съ такимъ апострофомъ: «Почтенный докторантъ, тутъ дѣло вовсе не въ томъ, чѣмъ кончатъ человѣческій духъ—извѣстное дѣло, когда нибудь все перемелется—мука будетъ, а чѣмъ кончатъ хотя бы саксонскія поля черезъ 60 или 100 лѣтъ, или русскія черезъ 300». («Смитовское направленіе и позитивизмъ въ экономической наукѣ»). Теперь г. Янсонъ имѣлъ бы полное право возвратитъ эти восклицанія г. Жуковскому, ибо послѣдній въ экономическихъ

вопросахъ болѣе занять энтропией (одинъ изъ способовъ объясненія того, какъ все, со включеніемъ духа, переделается), чѣмъ участію не только русскихъ полей, но и русскихъ крестьянъ. Г. Жуковский обращаетъ вниманіе на слѣдующіе моменты изложеннаго Марксомъ процесса образованія капитала и обобществленія труда. «По своему отношенію къ юридическимъ основамъ общества, говоритъ онъ:—Марксъ рѣзко выдѣляется изъ школы социалистовъ. Если мы примемъ за отличительный признакъ послѣднихъ критическое отношеніе къ началу личной собственности, то должны будемъ признать, что изслѣдованіе Маркса держится другой почвы: онъ остается на той почвѣ личной собственности, которая отрицается социалистами крайняго направленія; онъ признаетъ это начало, какъ начало, и все его изслѣдованіе направлено къ тому, чтобы объяснить всѣ темныя стороны европейской социальной жизни вовсе не присутствіемъ этого начала, а тѣмъ, что это начало было нарушено по отношенію къ работнику». Затѣмъ, въ концѣ статьи, г. Жуковский очень бѣгло, въ нѣсколькихъ словахъ сообщаетъ содержаніе главы о первоначальномъ накопленіи. Это бы еще ничего, что онъ его сообщаетъ бѣгло, но онъ дѣлаетъ это крайне неполно. Такъ, объ томъ, что Марксъ называетъ обобществленіемъ труда, критикъ не упоминаетъ вовсе, ни разу, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ статьи. Онъ говоритъ только, что процессъ состоитъ въ отдѣленіи рабочаго отъ условій производства, въ частности—въ обезземеленіи, и заключаетъ такъ: «Какъ просто кажутся формалистамъ причины капиталистическаго процесса, столь же просто кажутся имъ и средства его измѣненія. Для Маркса, повидимому, все дѣло можетъ ограничиться закрѣпленіемъ за рабочими права на прибыль». А, дескать, «матеріальныя условія вопроса, лежація какъ въ степени развитія личности рабочаго, такъ и въ матеріальныхъ условіяхъ производства»—для Маркса не существуютъ.

Такова общая характеристика нѣмецкаго писателя, сдѣланная русскимъ критикомъ. Имѣю смѣлость заявить, что вся она представляетъ одну большую ложь, состоящую изъ ряда маленькихъ лжей, такъ что трудно даже рѣшить, за которую изъ нихъ удобнѣе взяться сначала, для выисненія настоящей фязіономіи ходсудимаго: *embarras de richesses*, слишкомъ много цвѣтовъ! Начнемъ съ указанія на уваженіе Маркса къ началу личной собственности. Собственно говоря, этотъ вопросъ мало идетъ къ дѣлу, такъ какъ мы имѣемъ въ виду Маркса, какъ человѣка науки, и практической его дѣятельности касаться здѣсь не можемъ, а вѣтъ ни одной его научной работы, специально посвященной вопросу о формахъ собственности. Но, ради ясности, вспомнимъ, что онъ есть одинъ изъ авторовъ «манифеста коммунистической партіи». Самое заглавіе этого документа показываетъ, что соответствующую часть его характеристики, представленной г. Жуковскимъ, надо понимать совершенно наоборотъ.

роть. Къ этой фактической, для всякаго безъ разъясненій осязательной неправдѣ можно бы было тутъ же поставить точку и перейти къ слѣдующимъ неправдамъ. Но самъ собою является вопросъ: почему г. Жуковский пожелалъ ввести читателей «Вѣстника Европы» на этомъ пунктѣ въ заблужденіе? или же—гдѣ основанія его собственнаго заблужденія? Мы видѣли, что философско-историческая схема Маркса такова: капиталистическая частная собственность есть отрицаніе индивидуальной частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ; затѣмъ происходитъ историческое отрицаніе этого отрицанія, вновь возстановляется индивидуальная собственность, но на основаніи приобрѣтеній капиталистической эры — на основаніи коопераціи свободныхъ работниковъ и общиннаго владѣнія землею и средствами производства, произведенными самими работниками. Последняя часть схемы опять-таки ясно показываетъ, до какой степени наоборотъ слѣдуетъ понимать показаніе г. Жуковского объ отношеніи Маркса къ началу собственности. Какое ужъ тутъ уваженіе къ личной собственности, когда предсказывается и рекомендуется общинное владѣніе землей и средствами производства! Г. Жуковского, очевидно, смутило слово «индивидуальный». Дѣло въ томъ, что въ схему свою Марксъ ввернулъ два общеизвѣстные фокуса гегелевской діалектики, къ которой г. Жуковский такъ строгъ, но которой, въ данномъ случаѣ, не замѣтилъ или не хотѣлъ замѣтить. Во первыхъ, вся схема построена по закону гегелевской триады: сначала идетъ положеніе, тезисъ, затѣмъ отрицаніе, антитезисъ, и, наконецъ, отрицаніе отрицанія, дающее въ окончательномъ результатѣ синтезисъ. Во вторыхъ, этотъ синтезисъ основывается на тождествѣ противоположностей: индивидуальной и общинной собственности. Значитъ, тутъ слово «индивидуальный» имѣетъ особенный, чисто условный смыслъ члена діалектическаго процесса, и ничего ровно на немъ основывать нельзя. Правда, г. Жуковский опирается, повидимому, преимущественно на фактическую часть историческаго очерка Маркса. Но, вѣдь фактическая сторона потому и называется фактической, что рассказываетъ, какъ дѣло было. И социализмъ, и экономисты, и Жуковский, и Марксъ, и Сидоръ, и Петръ должны будутъ приблизительно одинаково передать ее. Разница будетъ только въ освѣщеніи фактовъ: Марксъ освѣщаетъ ихъ съ точки зрѣнія отлученія работника отъ условій производства, но прослѣживаетъ это общее теченіе въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ. Такъ, мы видѣли, напрямѣръ, его указанія на значеніе распущенія феодальныхъ дворовыхъ, на расхищеніе общинныхъ земель, на продажу церковныхъ имуществъ и проч. Слѣдовательно, и относительно фактической стороны г. Жуковский просто, какъ говорится, сболтнулъ. Затѣмъ? — неизвѣстно. Почему? — можетъ быть, просто потому, что ничего не понималъ.

За то обвиненіе въ гегелевщинѣ остается въ полной силѣ. Посмотримъ, однако, не служитъ ли она и у Маркса, какъ по

объясненію г. Жуковскаго, у Прудона, только случайной внѣшней рамкой, въ которую авторъ вставилъ выводы, добытые не апіористическимъ путемъ, а строгимъ анализомъ фактовъ. Г. Жуковскій не только этого не допускаетъ, но подсовываетъ на эту чашку вѣсовъ своей удивительной критики еще одну гиру: Марксъ—формалистъ, какъ гегельянецъ, да еще и какъ «сангвиникъ». Въ качествѣ такого дубль-экстракта формализма, Марксъ, хотя и признаетъ значеніе экономическихъ условій для юридическихъ и политическихъ формъ, но «формальныхъ приѣмомъ обходитъ» ихъ изслѣдованіе, именно предполагая, что, разъ въ сознаніи современниковъ возникаютъ новыя формы, такъ, значить, матеріальныя условія для нихъ уже готовы. Кроме того, Марксъ, какъ двойной формалистъ, думаетъ что все дѣло можетъ ограничиться закрѣпленіемъ за рабочими права на прибыль (битовъ, вѣдь это что же такое? только форма!), а какія для этого условія нужны, онъ и знать не хочетъ. Таковы обвиненія г. Жуковскаго. Если они попадутся человѣку, совершенно незнакомому съ Марксомъ, то этотъ бѣдный человѣкъ получитъ замѣчательно извращенное понятіе «о Карлѣ Марксѣ и его книгѣ о капиталѣ» (такъ озаглавлена статья г. Жуковскаго). Дѣйствительно, изъ приведенныхъ обвиненій слѣдуетъ, кажется, прежде всего заключить, что обвиняемый есть юридическій писатель, доказывающій, въ сочиненіи «Капиталъ», право рабочихъ на прибыль. Между тѣмъ какъ, въ дѣйствительности, ни «Капиталъ», ни другое, цитируемое г. Жуковскимъ сочиненіе Маркса «Zur Kritik der Politischen Oekonomie»—отнюдь такой дѣли въ виду не имѣютъ. «Конечная цѣль этого сочиненія — показать экономическій законъ развитія новѣйшаго общества», говоритъ Марксъ о своемъ «Капиталѣ» и строго выдерживаетъ эту программу. Правда, для него право рабочихъ на прибыль несомнѣнно; правда, онъ увѣренъ, что, въ концѣ концовъ, и самый законъ развитія новѣйшаго общества тагуетъ къ признанію этого права. Поэтому тамъ и сямъ, въ особенности въ примѣчаніяхъ, въ предисловіяхъ, въ заключительныхъ словахъ нѣкоторыхъ главъ, можно найти указанія на право рабочихъ. Но систематически доказывать его онъ вовсе не думалъ. «Капиталъ» цѣликомъ посвященъ анализу условій производства и экономическихъ отношеній, такъ что показаніе г. Жуковскаго, что Марксъ «обходитъ» изслѣдованіе «матеріальныхъ условій», было бы совершенно непонятно, еслибы мы не имѣли уже одного ярекаго образца без...церемонности нашего критика. Вотъ что г. Жуковскій, трактуетъ о Марксѣ, «обходитъ», ни больше ни меньше, какъ всего Маркса—это вѣрно.

Еслибы Марксъ сказалъ: законъ развитія современнаго общества таковъ, что оно само, спонтанейно отрицаетъ свое предъидущее состояніе и затѣмъ отрицаетъ это отрицаніе, примиряя противорѣчія пройденныхъ стадій въ единствѣ индивидуальной и общинной собственности; еслибы онъ сказалъ это и *толь-*

ко это (хотя бы и на многихъ страницахъ), то онъ былъ бы чистымъ гегельянцемъ, строящимъ законы исторіи изъ глубины своего духа и успокоивающійся на чисто формальныхъ, то-есть независимыхъ отъ содержанія принципахъ. Но вѣдь всякій, читавшій «Капиталъ», знаетъ, что онъ сказалъ не только это. Мало того: всякій, прочитавшій только вышеприведенное бѣглое изложеніе главы о первоначальномъ накопленіи, долженъ понять, что гегельянскую формулу можно также легко снять съ втиснутого въ нее содержанія, какъ перчатку съ руки или шляпу съ головы, ни мало не повредивъ руки или головы. Относительно пройденныхъ ступеней экономическаго развитія тутъ даже ни малѣйшихъ сомнѣній быть не можетъ. Называйте эти пройденныя ступени положеніемъ и отрицаніемъ, называйте иначе, перемѣните всю группировку, сдѣлайте изъ двухъ ступеней десять, двадцать—фактически Маресь останется правъ. Разрушеніе феодальныхъ порядковъ въ Европѣ дѣйствительно сопровождалось отлученіемъ работника отъ условій производства; сила вещей дѣйствительно стонала этихъ отлученныхъ въ мануфактуры. Столь же несомнѣнно и дальнѣйшее теченіе процесса: сосредоточеніе средствъ производства все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ. Насчетъ будущаго могутъ быть, конечно, сомнѣнія. Маресь полагаетъ, что такъ какъ концентрація капитала сопровождается обобществленіемъ труда, то это послѣднее и составить ту экономическую и нравственную почву, на которой выростутъ новые юридическіе и политическіе порядки. Г. Жуковскій имѣлъ полное право назвать это построеніе гадательнымъ, но не имѣлъ никакого права (нравственнаго, разумѣется) совершенно умолчать о значеніи, какое Маресь придаетъ процессу обобществленія. А онъ, какъ мы уже видѣли, умолчалъ. Онъ только съ ученымъ видомъ знатока потолокъ воду насчетъ формализма, не принимающаго въ соображеніе ни матеріальныхъ условій, ни степени развитія личности. Маресь, говорить, думаетъ, что призналъ право рабочихъ на прибыль, да и шабашъ! Нѣтъ, не шабашъ. Маресь это очень хорошо зналъ. И не только зналъ, а сказалъ съ ясностью и выразительностью, далеко превосходящею вялое и туманное мямленье г. Жуковскаго, и обслѣдовалъ съ знаніемъ, не менѣе возвышающимся надъ надменною quasi-ученностью беззастѣнливаго критика. Въ предисловіи къ «Капиталу» читаемъ: «Въ Англіи процессъ преобразованія очевиденъ до осязательности. Дойдя до извѣстной высоты развитія, онъ долженъ отразиться на континентѣ (Маресь имѣетъ въ виду преимущественно Германію). Въ какихъ формахъ проявится онъ тамъ, въ грубыхъ или гуманныхъ—это совершенно зависитъ отъ степени развитія самихъ работниковъ». Слѣдовательно, независимо отъ высшихъ мотивовъ, собственный интересъ самихъ теперешнихъ господствующихъ классовъ требуетъ устранения путемъ закона всѣхъ препятствій, мѣшающихъ развитію рабочаго окласса». Великъ комизмъ положенія человѣка, величественн

вздымающаго руку для пораженія противника и попадающаго при этомъ пальцемъ въ небо! Г. Жуковскій *полемизируетъ* съ Марксомъ: «Я утверждаю, что мѣра, въ которой случится это участіе (участіе рабочаго въ прибыли), зависитъ отъ матеріальныхъ условій вопроса, лежащихъ какъ въ степени развитія личности рабочаго, такъ и въ матеріальныхъ условіяхъ производства. *Иначе разсуждаютъ формалисты*». О, да! совершенно иначе, но все-таки, подумашь, сколько важности тратится иной разъ совсѣмъ напрасно!

«Одна нація можетъ и должна учиться у другой», говоритъ Марксъ. Оставляя на минуту г. Жуковскаго въ покоѣ, спросимъ: какого же рода урокъ можемъ мы получить изъ исторіи развитія экономическихъ отношеній въ Англій? Имѣя въ виду свое отечество, Германію, Марксъ съ особеннымъ вниманіемъ отнесся къ англійскому фабричному законодательству, то-есть къ тому, насколько въ Англій подвинулся вопросъ о правительственномъ вмѣшательствѣ въ регулированіе рабочаго дня, женскаго и дѣтскаго труда и проч. Здѣсь именно лежатъ тѣ поправки къ фатальной непреклонности историческаго процесса, которыя могутъ быть заимствованы у самого Маркса. Фабричное законодательство, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, направлено къ огражденію рабочаго населенія отъ калѣченія и къ доставленію ему возможности безпрепятственно развивать свои человѣческія способности. Слѣдовательно, возможно до извѣстной степени смягчить непреклонность процесса; возможно и должно, какъ образно выражается Марксъ, облегчить муки родовъ. Но для насъ, очевидно, и этихъ смягченій мало, ибо, какъ ни желательно у насъ развитіе и извѣстное направленіе фабричнаго законодательства, оно можетъ охватить лишь очень малое, сравнительно, число народа, а потому необходимо изысканіе путей для болѣе непосредственнаго обхода средних стадій описаннаго Марксомъ процесса.

Изъ этого читатель, между прочимъ, видитъ, что мы вовсе не расположены только слушать, что *magister dixit* а, напротивъ, съ удовольствіемъ выслушали бы и отъ такого «магистра», какъ г. Жуковскій, рядъ дѣйствительно критическихъ замѣчаній. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы видѣли только рядъ неправдъ. Къ еще большому сожалѣнію, мы и впредь увидимъ тоже самое.

До сихъ поръ у насъ шла провѣрка критики г. Жуковскаго на примѣрѣ, нами выбранномъ. Возьмемъ примѣръ, выбранный имъ самимъ. На основаніи нѣсколькихъ словъ предисловія къ «*Zur Kritik der politischen Oekonomie*», онъ утверждаетъ, что Марксъ, какъ формалистъ-гегельянецъ, довольствуется заявленіемъ, что сознаніе новыхъ общественныхъ формъ уже гарантируетъ наличность необходимыхъ для этихъ формъ матеріальныхъ условій. Опять таки, еслибы Марксъ написалъ только это предисловіе къ «*Zur Kritik*», то г. Жуковскій былъ бы совершенно правъ. Но такъ какъ Марксъ сдѣлалъ нѣсколько больше,

то г. Жуковский опять-таки говоритъ прямую, завѣдому неправду. Если снять съ «Капитала» тяжелую, неуклюжую и ненужную крышку гегельянской діалектики, то, независимо отъ другихъ достоинствъ этого сочиненія, мы увидимъ въ немъ превосходно разработанный матеріалъ для рѣшенія общаго вопроса объ отношеніи формъ къ матеріальнымъ условіямъ ихъ существованія и превосходную постановку этого вопроса для частной области.

Г. Жуковский весьма основательно замѣтилъ, что употребленіе мяса въ видѣ битка не существенно. Битокъ, въ этомъ случаѣ, есть дѣйствительно только форма, имѣющая, какъ и другія формы, свои удобства и неудобства. Человѣкъ — тоже форма битія, оформленный клочекъ вещества, своеобразно ведущій приходо-расходную книжку своего существованія, только форма, по отношенію къ которой битокъ является однимъ изъ матеріальныхъ условій существованія. Но вотъ что удивительно: форма эта такъ сильна, что битокъ и всякія другія формы не только мяса, а питательнаго вещества вообще, поступаая въ организмъ человѣка, преобразуются въ матеріалы для поддержанія именно этой формы. Человѣкъ ѣстъ мясо, ѣстъ хлѣбъ, рыбу, рѣдку съ квасомъ, но остается человѣкомъ. Извѣстная органическая форма, слѣдовательно, совершенно, повидимому, подчиняетъ себѣ поступающій въ нее пластическій матеріалъ. Однако это — только повидимому. Въ дѣйствительности, какъ всѣмъ извѣстно, условія существованія способны, хотя и медленно, измѣнять органическія формы. Такимъ образомъ, между формой и матеріальными условіями существованія устанавливаются довольно сложныя отношенія, причемъ, до поры до времени, одолеваетъ форма, хотя, въ концѣ концовъ, и преобразующаяся. Съ общественными формами происходитъ нѣчто подобное, и никто лучше Маркса этого не показалъ. Собственно говоря, весь «Капиталъ» посвященъ изслѣдованію того, какъ разъ возникшая общественная форма все развивается, усиливаетъ свои типическія черты, подчиняя себѣ, ассимилируя открытія, изобрѣтенія, улучшенія способовъ производства, новые рынки, самую науку, заставляя ихъ работать на себя, и какъ, наконецъ, дальнѣйшихъ измѣненій матеріальныхъ условій данная форма выдержать не можетъ.

Книга Маркса требуетъ большой переработки въ смыслѣ очищенія ея отъ многочисленныхъ наростовъ и прожілокъ ненужныхъ діалектическихъ тонкостей, но именно анализъ отношеній данной общественной формы къ матеріальнымъ условіямъ ея существованія навсегда останется памятникомъ логической силы и громадной эрудиціи автора. Г. Жуковский имѣетъ нравственное мужество утверждать, что этотъ-то вопросъ Марксъ и обходить. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь. Остается только съ изумленіемъ слѣдить за дальнѣйшими головоломными упражненіями критика, кувыряющагося на потѣху публики, одна часть которой, безъ сомнѣнія, сразу пойметъ, что передъ ней ломается

отважный акробатъ, но другая, чего добраго, придасть достойному удивленія зрѣлищу совсѣмъ другое значеніе.

Дальнѣйшее теченіе критическаго потока опредѣляется само собою. Русло для него уже выкопано: Марксъ является въ «Капиталѣ» не человѣкомъ анализа экономическихъ фактовъ, а формальнымъ защитникомъ, апологетомъ правъ рабочихъ. Онъ употребляетъ приемы, «весьма удобные для того, чтобы выставить въ яркомъ свѣтѣ выгоды капиталиста и невыгоды работника», но, въ научномъ смыслѣ, эти приемы никуда не годятся. Все, что Марксъ говоритъ о рабочемъ днѣ, «давно повторяется почти каждымъ сочиненіемъ, посвященнымъ изслѣдованію пауперизма; все это тамъ совершенно на мѣстѣ и способно вселить читателю много участія къ положенію рабочаго, но все это говоритъ только о злоупотребленіяхъ, которыя капиталисты дѣлаютъ изъ своего права, говорить болѣе объ общей порочности людей и заставляеть серьезно помышлять о мѣрахъ къ устраненію этихъ злоупотребленій». Правда, нѣкоторые отдѣлы книги, именно тѣ, гдѣ разсказывается, какъ отражался на судьбѣ рабочихъ прогрессъ раздѣленія труда и машинъ, очень хороши; но «собственно говоря, обстоятельства, сюда относящіяся, не представляютъ ничего новаго и давно вошли въ разрядъ общихъ мѣстъ, повторяющихся въ каждой книжкѣ о западномъ пауперизмѣ, съ свойственнымъ этимъ сочиненіямъ человѣколюбіемъ». Въ концѣ концовъ, апологія правъ рабочаго, предпринятая Марксомъ въ «Капиталѣ», оказывается крайне шаткою и вообще совершенно неудачною.

Было ужъ замѣчено, что «Капиталѣ» никакой апологіи въ виду не имѣтъ, а потому ломанье насчетъ «свойственнаго этимъ сочиненіямъ человѣколюбія» совершенно неумѣстно. А, впрочемъ, человѣколюбіе—не такая ужъ достойная презрѣнія вещь, чтобы присутствіе его могло компрометировать научное сочиненіе. Вотъ, напримѣръ, нѣкоторымъ старымъ статьямъ г. Жуковскаго человѣколюбіе нисколько не вредило. Помню я, напримѣръ, его статью «Экономическая теорія Маклеода», въ которой меня тогда же поразилъ слѣдующій оборотъ мысли: «Въ суммѣ, стало быть, теорія цѣнности, на которой настаиваетъ Маклеодъ, откровенно разоблачаетъ только передъ нами всю безпощадную суровость рутины, и возводить ее въ принципъ значило, очевидно, тоже, что возводить въ принципъ *неоплатность труда*». Это не я подчеркнулъ послѣднія два слова; ихъ самъ г. Жуковский напечаталъ курсивомъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуя, что считаетъ этотъ аргументъ отъ человѣколюбія очень важнымъ. Помню я еще его статью о развитіи рабочихъ ассоціацій во Франціи, въ которую человѣколюбіе было допущено «въ полномъ размѣрѣ». Да и мало ли еще я помню статей г. Жуковскаго, вполне человѣколюбивыхъ, что не мѣшало имъ, однако, быть, въ то же время, очень почтенными научными работами, гораздо даже болѣе научными, чѣмъ его позднѣйшія упражненія въ мате-

нативѣ, физикѣ и акробатическомъ искусствѣ. Если самъ онъ ихъ забылъ, такъ вѣдь павлину свойственно періодически распускать и свертывать хвостъ, замывая имъ собственные слѣды. Какъ бы то ни было, но точка зрѣнія, съ которой г. Жуковский смотритъ на Маркса, очень удобна для нашего критика. Разъ призвано, что Марксъ не законы экономическихъ явленій изслѣдуетъ, а только апологіей правъ рабочаго занимается, не представляется уже большой надобности въ собственно научной критикѣ. Центръ тяжести сочиненія лежитъ въ апологіи—значитъ, надо просто противопоставить ей другую. Такъ г. Жуковский и поступаетъ. Но, такъ какъ онъ при этомъ только повторяетъ размышленія одного нѣмца, то и мы сначала къ этому нѣмцу обратимся. Нѣмецъ этотъ есть извѣстный Генрихъ фонъ-Зибель, а размышленія его изложены въ отдѣльной брошюрѣ еще въ 1872 году. Надо замѣтить, что это двѣ публичныя лекціи, читанныя въ Барменѣ, по какому случаю, неизвѣстно, но для какой аудиторіи—можно судить по слѣдующимъ вступительнымъ словамъ первой лекціи: «Если я, академическій ученый, предполагаю говорить объ одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ промышленнаго міра здѣсь, въ этомъ обществѣ, соединяющемъ множество опытнѣйшихъ практиковъ нашей индустріи, то» и т. д. И такъ, Генрихъ фонъ-Зибель бесѣдовалъ съ фабрикантами. Сообразно этому, онъ и бесѣду повелъ.

Вѣглю рассказавъ содержаніе «Капитала» вплоть до ученія о прибавочной цѣнности, Зибель продолжаетъ: «Я вамъ передалъ все ученіе въ общей связи, чтобы наглядно показать его связность, законченность и послѣдовательность. Если вы примете первое положеніе, то должны будете признать и все остальное. Но мы уже упоминали, что исходная точка невѣрна. Она гласитъ, что источникъ и мѣрило цѣнности есть единственно человѣческій трудъ. Въ дѣйствительности же, такимъ источникомъ является трудъ не самъ по себѣ, а лишь въ связи съ человѣческими потребностями, которымъ онъ удовлетворяетъ. Дѣло не въ продолжительности, а въ цѣлесообразности работы. Легко видѣть, какую важность имѣетъ это различіе для всего вопроса. По Марксу, прибавочная цѣнность возникаетъ единственно изъ свойства человѣческаго труда производить больше, чѣмъ онъ самъ стоитъ, свойства благотѣльнаго для самостоятельнаго рабочаго и роковаго для рабочаго наемнаго. Но правда-ли, что прибыль фабриканта основывается единственно на эксплуатаціи рабочаго, на разницѣ между производительностью труда и рабочею платою? Правда-ли, что его собственная дѣятельность въ процессѣ ограничивается ролью надзирателя за исполненіемъ заказанной работы? Я думаю, что ежедневный опытъ учитъ васъ противоположному. Остановимся на примѣрѣ Маркса. Рабочая плата равна стоимости шести рабочихъ часовъ, которыми окупается содержаніе рабочаго, между тѣмъ какъ запродавъ онъ свою рабочую силу на цѣлый день, то есть на двѣнадцать ча-

совь; фабрикантъ поэтому выплачиваетъ ему по талеру въ день, а доходу получаетъ по два талера. Въ одинъ прекрасный день, при неизмѣнившихся условіяхъ, фабрикантъ вдругъ удваиваетъ рабочую плату. По Марксу, онъ тѣмъ самымъ отказывается отъ всякой прибыли, потому что преграждаетъ единственный источникъ такъ называемой прибавочной цѣнности. Въ дѣйствительности же, произошло вотъ что: обстоятельства еще пока не измѣнились, но проникательный взоръ фабриканта усмотрѣлъ измѣненіе, предстоящее въ будущемъ. Онъ яснѣе другихъ предвидитъ, что черезъ два мѣсяца, вслѣдствіе какихъ-нибудь внѣшнихъ событій, спросъ на его товаръ страшно возрастетъ. Онъ предвидитъ, что, какъ только конкуренты сдѣлаютъ то же наблюдение, такъ станутъ отбивать другъ у друга хорошихъ работниковъ. Поэтому онъ обезпечиваетъ себѣ своихъ немедленнымъ удвоеніемъ рабочей платы и за это получаетъ, черезъ нѣсколько времени, учетверенную цѣну своихъ товаровъ. Рабочіе получали за двѣнадцать часовъ работы мѣновую цѣнность не шести, а двѣнадцати рабочихъ часовъ, а капиталистъ все таки обогатился не эксплуатацией рабочихъ, а эксплуатацией конъюнктуры, предвидимаго состоянія рынка. Прибавочная цѣнность, прибыль капиталиста, безъ сомнѣнія, создана трудомъ, но не ручнымъ трудомъ работника, а головнымъ трудомъ работодателя. Нельзя себѣ представить болѣе заслуженнаго барыша. И всѣ мы знаемъ, что подобные случаи безконечно часты (*unendlich häufig*), что въ нихъ-то и состоитъ общее правило, въ этихъ спекуляціяхъ на измѣненіе конъюнктуры, въ этихъ барышахъ, независимыхъ отъ отношеній между капиталистомъ и рабочимъ, а основанныхъ лишь на колебаніяхъ рынка. Но пойдёмъ еще дальше. Безъ сомнѣнія, человѣческій трудъ есть источникъ всякой цѣнности, такъ что никакая цѣнность безъ человѣческаго труда возникнуть не можетъ. Спрашивается: чѣмъ заслуживаетъ человѣческая дѣятельность почетное имя труда? почему трудъ становится источникомъ цѣнности? Намъ отвѣтитъ самъ Марксъ: «мы предполагаемъ здѣсь процессъ труда въ такой формѣ, говоритъ онъ:— въ которой онъ составляетъ исключительную принадлежность человѣка. Паукъ исполняетъ операціи, очень сходныя съ операціями ткача, а пчела, способомъ построенія своихъ восковыхъ ячеекъ, пристыжаетъ многихъ человѣческихъ строителей. Но между самымъ плохимъ архитекторомъ и самою искусною пчелою есть одно существенное различіе, состоящее въ томъ, что архитекторъ строитъ свою ячейку въ головѣ прежде, чѣмъ начнетъ лѣпить ее изъ воску. Въ концѣ рабочаго процесса получается результатъ, который, при началѣ этого процесса, уже существовалъ въ представленіи работника, т. е. въ идеѣ. Человѣкъ не только обусловливаетъ своею дѣятельностью извѣстное измѣненіе формы въ данномъ веществѣ природы, но осуществляетъ въ этомъ веществѣ свою цѣль, которую онъ знаетъ напередъ, которая съ принудительностью закона опредѣляетъ спо-

собѣ его дѣятельности и которой онъ долженъ непрерывно подчинять свою волю». Слѣдовательно, человѣческая дѣятельность становится трудомъ потому, что служить человѣческой цѣли, а экономически полезнымъ трудомъ потому, что цѣль эта заключается въ себѣ удовлетвореніе человѣческихъ потребностей. Слѣдовательно, только тотъ человѣкъ придаетъ труду его истинную цѣну, который владеть на него печать цѣлесообразности, который ставитъ передъ нимъ полезныя цѣли и открываетъ и пускаетъ въ ходъ пригодныя для осуществленія ихъ средства. Приложимъ эти данныя къ рабочему процессу большой мануфактуры или фабрики. Кто здѣсь творецъ цѣли? кто поэтому сообщаетъ обрабатываемымъ веществамъ свойство цѣнностей? Мнѣ кажется, стѣдуетъ только поставить вопросъ, чтобы разрѣшить его. Въ этомъ положеніи находится единственно фабрикантъ, а не рабочіе. Онъ одинъ даетъ фабрикѣ цѣль... Онъ изслѣдуетъ состояніе рынка, онъ опредѣляетъ родъ и размѣръ производства, онъ создаетъ машины и улучшения въ нихъ и самихъ рабочихъ (schafft die Handarbeiter). Можетъ быть, у него есть наемники и для нѣкоторыхъ умственныхъ работъ, техники инженеры, специалисты по торговымъ вопросамъ. Можетъ быть, онъ (какъ акціонеры желѣзной дороги) нанимаетъ особаго человѣка для управленія всѣмъ разъ устроеннымъ предпріятіемъ. Всѣ эти обстоятельства не измѣняютъ существеннаго пункта: фабрикантъ, капиталистъ, есть творецъ цѣли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и творецъ всѣхъ возникающихъ цѣнностей. Его наемные рабочіе тутъ не причемъ. Они—орудія въ его рукахъ, одушевленные, человѣческія орудія, но въ рабочемъ процессѣ фабрики—такія-же орудія, какъ и машины. Безъ нихъ онъ не можетъ достигнуть своей цѣли; какъ не можетъ ея достигнуть безъ угля, колесъ, винтовъ. Онъ не долженъ, конечно, забывать, что, кромѣ того, они—люди, имѣющіе свои общечеловѣческія, достойныя уваженія цѣли. Но въ рабочемъ процессѣ фабрики они настолько-же участвуютъ въ образованіи цѣнностей, какъ и машины. Кочегаръ, подкладывающій уголь, что онъ знаетъ о цѣли и задачѣ фабрики? Мальчикъ, удаляющій отбросы хлопка, что онъ знаетъ объ общей связи, цѣли и средствахъ производства? Труженикъ ума, инженеръ или директоръ заведенія, конечно, знаетъ цѣль, но не создаетъ и не измѣняетъ ея, а получаетъ ее изъ духа фабриканта (sic) и служитъ ему точно такъ же, какъ и всякій работникъ. Ихъ рабочая плата входитъ въ составъ цѣны товара, точно такъ, какъ часть расходовъ на ножницы и иглы—въ составъ цѣны сюртука, сшитаго портнымъ. Никто, однако, не скажетъ, что ножницы и игла создали сюртукъ и его цѣнность. Точно также и въ крупной промышленности создательницей цѣнности и прибавочной цѣнности является не ручная работа работника, прислуживающаго машинѣ, но головная работа фабриканта, управляюща ея».

Если я доставилъ себѣ скуку перевода этой белиберды Ген-

риха фон-Зибеля, такъ на это были разныя причины. Во-первыхъ, сама по себѣ, для чтенія, она увеселительна. Во-вторыхъ, она показываетъ, каковы бываютъ настоящія апологін. Въ-третьихъ, наконецъ, ее повторяетъ г. Жуковскій, *nur mit ein Bischen anderen Worten*, какъ говоритъ Маргарита у Гёте. Именно *ein Bischen*, потому что всѣ измѣненія состоятъ, главнымъ образомъ, въ педантическомъ тонѣ, приданномъ г. Жуковскимъ наивнымъ, яснымъ, откровеннымъ размысленіямъ Зибеля. По простотѣ, а также соображаясь съ персоналомъ своей аудиторіи, Зибель сложилъ весь міръ у ногъ фабриканта. Г. Жуковскій не такъ просто, да и аудиторія у него не такая. Поэтому онъ, оставивъ аргументацію Зибеля по существу неприкосновенною, расширилъ ее и, вмѣсто «проницательнаго взора» фабриканта, поставилъ психическій трудъ вообще. Результатъ отъ этого измѣнился мало. Г. Жуковскій рассуждаетъ такъ. Вы ковыряете свой огородъ крючковой палкой и вспахиваете его этимъ первобытнымъ способомъ въ двадцать дней. Но вотъ вы рѣшили употребить, положимъ, пять дней на приготовленіе лопаты, которую вспахиваете огородъ уже только въ пять дней. Вы получили десять рабочихъ дней чистой прибыли. Откуда взялась эта прибыль? Ее дало новое направленіе или распредѣленіе, организація вашего труда; прежде вы весь свой трудъ клали прямо въ пашню, а теперь часть его затратили на приготовленіе лопаты, и отсюда—прибыль. Но измѣненіе направленія труда предполагаетъ умственную работу. Этотъ-то психическій трудъ и составляетъ, при участіи силъ природы, источникъ прибыли. «Исторія намъ показываетъ, что этою прибылью пользовались всегда дѣйствительные организаторы труда, правительства или лица, придавшія на дѣлѣ какое либо изобрѣтеніе или улучшение». Психическій трудъ можетъ быть направленъ двояко: или на комбинированіе и приспособленіе непосредственно силъ природы, чѣмъ завѣдуетъ въ наукѣ технологія, а на практикѣ предприниматели и капиталисты, или на комбинированіе и управленіе трудомъ работниковъ, что составляетъ задачу нравственныхъ и политическихъ наукъ, съ одной стороны, и законодателей, администраторовъ, а также опять-таки предпринимателей и капиталистовъ—съ другой. Разумѣя дѣло въ этомъ широкомъ смыслѣ, надо признать, что вся прибыль, какъ результатъ психическаго труда, есть результатъ дѣятельности тѣхъ классовъ, которые этимъ трудомъ занимаются. Та часть рабочаго дня, которую Марксъ называетъ прибавочною, «только по внѣшнему виду составляетъ часть рабочаго, какъ тотъ рубль, который я могу положить къ вамъ въ карманъ на сбереженіе, составляетъ только по внѣшнему виду вашу, а не мою собственность. Платье, которое я вѣшаю на гвоздь, составляетъ точно также принадлежность этого гвоздя; между тѣмъ, оно остается моимъ платьемъ, и никто не станетъ утверждать, чтобы оно было не мое. Работникъ въ дѣлѣ сокращенія работы—чистый гвоздь, къ кото-

рому знаніе и организація труда пристегиваютъ лишній итогъ силы, но въ созданіи которой работникъ совершенно неповиновенъ. Онъ не создаетъ той прибыли, въ которой хозяинъ хочетъ (?) слѣдять его участникомъ, и эта прибыль не можетъ быть измѣряема по существу, какъ это допустилъ Марксъ, длиной рабочаго дня и только вьжется съ нимъ чисто вѣшпнимъ, формальнымъ образомъ, какъ платье вьжется съ вѣшалкой, на которой оно виситъ... Работникъ Маркса настолько же ровно создаетъ прибыль или прибавочную стоимость, насколько полоса желѣза, представляющая рычагъ, поднимаетъ тяжесть или собираетъ силу; онъ—не болѣе, какъ орудіе въ рукахъ знанія и организаціи труда; и сила, создающая прибыль, находится точно также вѣш его, столь же чужда ему и постороння, какъ сила, дѣйствующая на рукоятку рычага». «Если источникомъ прибыли служить вообще психическій трудъ, продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ критикъ:—или измѣненіе порядка пользованія физическимъ трудомъ какъ по существу, такъ и по формѣ, словомъ, знаніе и организація труда, то и первый капиталъ былъ продуктомъ того же труда, той же психической дѣятельности... Пользованіе капиталомъ доставалось въ руки тѣхъ, это оказывался виновникомъ его появленія, то есть организующихъ классовъ. Работникъ же, ничего не изобрѣтавшій и ничего не организовавшій, а только постоянно организуемый, не имѣетъ никакого основанія заявлять на нее (?) малѣйшія претензіи».

Г. Жуковскій, съ свойственною ему скромностію, заявляетъ, что новооткрытый имъ факторъ производства, психическій трудъ, «до сихъ поръ упускается изъ виду вовсе экономической наукой»; что «крупная величина психической работы всѣхъ изобрѣтателей, труженниковъ знанія, организаторовъ, администраторовъ и проч.—составляли тотъ членъ или факторъ въ производствѣ, который оставался скрытымъ для политической экономіи», вплоть до 1-го сентября 1877 года, когда читатели «Вѣстника Европы» получили возможность просіянія своего ума при помощи статьи г. Жуковскаго. Какъ ни лестно это обстоятельство для Россіи, очевидно, могущей рождать собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумовъ Ньютоновъ, но должно съ прискорбіемъ сказать, что эра этого научнаго просіянія должна быть значительно отодвинута назадъ, по крайней мѣрѣ, до 9-го марта 1872 года, а то и много дальше. Во всякомъ случаѣ, Генрихъ фон-Зибель уже 9-го марта 1872 года повѣдалъ міру то, что г. Жуковскій открываетъ въ сентябрѣ 1877 года. Г. Жуковскій и Генрихъ фон-Зибель едино суть. Если на первый взглядъ неопытнаго читателя научный союзъ, подъ которымъ отечественный писатель подаетъ новый факторъ производства, какъ будто погуще, то это—различіе отнюдь не существенное и не матеріальное, а только «феноменальное» и «формальное». Правда, г. Жуковскій, подобно извѣстному повару, не жалѣвшему ни луку, ни перцу, «лишь бы горячо вышло», подложилъ въ свой гора-

чій, научно преданный или предательски научный (не знаю ужъ какъ вѣрно сказать) соусъ постороннихъ ингредиентов физики и философіи, но отъ этого самое существо соуса нисколько не мѣняется. Прежде всего, ясно, что Зибель и г. Жуковский относятся къ своей задачѣ совершенно одинаково. Для обоихъ Марксъ важенъ не какъ объектъ критики, съ точки зрѣнія какой-нибудь научной доктрины, а, главнымъ образомъ, какъ политическій противникъ, какъ авторъ апологіи, которой нужно противопоставить другую. Но, такъ какъ Марксъ стоитъ дѣйствительно на почвѣ науки, то это и ихъ обязываетъ придать своимъ апологіямъ какой-нибудь науко подобный антуражъ, что они и исполняютъ, каждый по мѣрѣ силъ, способностей и усердія. Но вотъ что странно. Съ какой стати г. Жуковский жалуется, вспоминая то время, когда онъ скромно занимался частнымъ анализомъ экономическихъ фактовъ, а его таяли къ отвѣту за неуваженіе къ принципу «дисциплины»? Правда, самъ Марксъ на такія инсинуаціи не имѣетъ права жаловаться, но, во-первыхъ, русское изданіе Маркса — не самъ Марксъ, а во-вторыхъ, требуетъ же г. Жуковский для себя различенія двухъ означенныхъ областей «психическаго труда»: области теоретическаго изслѣдованія и области практическихъ выводовъ. Въ память столь горько оплакиваемыхъ имъ нынѣ собственныхъ несчастій, надлежало бы ему и на Маркса посмотреть преимущественно какъ на писателя, занимающагося анализомъ экономическихъ фактовъ, ну, а потомъ, на второмъ планѣ онъ могъ бы, пожалуй, и апологіями заниматься, если ужъ ему такъ нужно.

Есть, конечно, и различія между Зибелемъ и г. Жуковскимъ. Одно мы уже отмѣтили: понятіе капиталистовъ Зибеля г. Жуковский расширяетъ до понятія всѣхъ носителей психическаго труда. Съ точки зрѣнія послѣдовательности, это, конечно — улучшение, вполнѣ, однако, объяснимое, какъ было замѣчено, различіемъ персонала аудиторій обоихъ ученыхъ. Есть и другія различія. Такъ Зибель, можно сказать, выворачивается на изнанку съ цѣлью показать, что нѣтъ у него никакихъ заднихъ мыслей, что онъ весь тутъ на лицо. Склонный къ воекетству и таинственности, г. Жуковский поступаетъ иначе. При всемъ своемъ достойномъ награды усердіи, онъ не можетъ отказать отъ заманиванія читателя такимъ секретомъ, который составляетъ еще пока секретъ для него самого. Напримѣръ, онъ такъ заканчиваетъ свою апологію: «классъ лицъ, выдвинувшійся изъ рабочей массы въ теченіи исторіи и явившійся организаторомъ коллективной работы въ обществѣ, какъ представитель психической работы общества за все прошлое время, имѣетъ, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней, формальной стороны, въ отношеніи прибавочной стоимости, болѣе правъ. Это положеніе будетъ непоколебимо вѣрно до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ искать для раздѣла и распредѣленія прибыли другого основанія, другого закона, кромѣ того, который принимаетъ Марксъ и по которому каждому должно при-

надлежать то, что онъ производитъ и та доля общей выработки, которой онъ служитъ виновникомъ». Видите какой, съ помощью Гоженю, оборотъ. Слѣдуетъ ли весь этотъ туманъ такъ понимать, что, съ *внутренней, существенной* стороны, г. Жуковский можетъ, при случаѣ, совсѣмъ иначе освѣтить и Маркса, и защищаемые послѣднимъ интересы? Слѣдуетъ ли ждать, что онъ самъ поколеблетъ когда-нибудь свою теперешнюю апологію, которая вѣдь непоколебима только съ точки зрѣнія Маркса? Эта точка зрѣнія, какъ ее передаетъ г. Жуковский, можетъ быть выражена старинной формулой: *à chacun selon ses oeuvres*. Можетъ быть, г. Жуковский желаетъ ее замѣнить другой, тоже старинной формулой: *à chacun selon ses besoins*? Можетъ быть, онъ не прочь, при случаѣ, опять «человѣколюбивыя» сочиненія писать? Можетъ быть, онъ просто сболтнулъ? Неизвѣстно; ибо, намекнувъ, что имѣеть въ запасѣ такой удивительный секретъ, который можетъ побить даже его самого, г. Жуковскаго, со всѣми его апологіями, намекнувъ на этотъ секретъ, ученый критикъ скрылся въ облакахъ...

Но пока что, а на лицо мы имѣемъ все таки только непоколебимую апологію. Не будемъ пытаться обнять необъятное, не станемъ пробовать колебать непоколебимое. Посмотримъ только на науко-подобный антуражъ воздвигнутой гг. фон-Зибелемъ и Жуковскимъ крѣпости.

Зибель, какъ человѣкъ вполне откровенный, наивный и ясный, очень просто объяснилъ, что психическій трудъ инженера, техника и проч., не играетъ роли самостоятельнаго фактора производства; по отношенію къ созданію прибора, онъ — такой же трудъ, какъ и трудъ физическій; новымъ, упущеннымъ Марксомъ изъ виду факторомъ онъ признаетъ психическій трудъ только верховнаго заправителя и организатора всего производства. творяща дѣла, проницательный взоръ котораго слѣдуетъ за состояніемъ рынка и проч. Расширивъ аргументацію Зибеля, г. Жуковский лишилъ себя возможности различить эти два вида психическаго труда, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, они существуютъ и требуютъ объясненія ихъ взаимныхъ отношеній. Такимъ образомъ, преимущество широты остается за русскимъ ученымъ, но преимущество ясности должно быть предоставлено его нѣмецкому собрату. Послѣдній, наиримѣръ, очень ясно вводитъ спекулянта въ общія скобки психическаго труда, съ тѣмъ, однако, непрѣмнымъ условіемъ, чтобы онъ производилъ спекуляцію за свой собственный счетъ, ибо, наиримѣръ, биржевой агентъ, исполняющій только черную долю психическаго труда спекуляціи, есть лишь наемный слуга. Въ системѣ же г. Жуковскаго мѣсто спекулянта далеко неопредѣленно, равно какъ и вообще отношенія между чернымъ и бѣлымъ трудомъ. Допустимъ, въ самомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ г. Жуковскимъ, что физическій трудъ есть трудъ черный, а психическій — бѣлый. Но, къ сожалѣнію, это весьма мало подвигаетъ насъ впередъ, потому

что область психического труда далеко не однородна. съ экономической точки зрѣнія и въ ней повторяются рѣшительно тѣ же отношенія, какія существуютъ между организуемыми и организующими классами. Есть у насъ поэтъ-издатель г. Гербель, занимающийся составленіемъ и изданіемъ стихотворныхъ сборниковъ. Пользуясь правомъ печатать чужія произведенія въ размѣрѣ, не превышающемъ одного печатнаго листа, г. Гербель снимаетъ сливки со всей отечественной поэзіи, продавая въ свою пользу чужой поэтический трудъ и ни копейки не платя настоящимъ авторамъ. Г. Жуковский долженъ оказаться въ болѣе помѣ затруженіи передъ этимъ фактомъ. Съ одной стороны, онъ долженъ признать, что г. Гербель есть организаторъ, сообщая своимъ психическимъ трудомъ цѣнность стихотворному сборнику, поэты же суть не болѣе, какъ организуемые, а потому въ созданіи прибыли участвуютъ столь же мало, какъ рычагъ въ поднятіи тяжести. Но, съ другой стороны, эти поэты суть несомнѣнные представители психического труда, уже признанаго организующимъ началомъ вообще. Какъ тутъ быть? Скажутъ, можетъ быть, что операціи г. Гербеля представляютъ нѣчто исключительное и сюда неподходящее, потому что этотъ поэтъ спекулируетъ не давая своимъ невольнымъ сотрудникамъ заработной платы, получаемой каждымъ фабричнымъ работникомъ отъ своего хозяина. Хорошо. Возьмемъ другой примѣръ. Возьмемъ изданіе журнала, возьмемъ дѣятельность самого г. Жуковского. Согласимся, что хоть бы та же его статья о Марксѣ есть плодъ большой учености, что, могущественно влияя на умы читателей «Вѣстника Европы», статья эта несомнѣнно принадлежитъ представителю организующихъ классовъ, создающихъ своимъ психическимъ трудомъ новыя цѣнности. Но, въ то же время, мы должны признать, что г. Жуковский есть чистый гвоздь, въ которому г. Стасюлевичъ, въ качествѣ предпринимателя и организатора, пристегиваетъ лишній итогъ силы. Г. Жуковский есть, поэтому, не организующій, а организуемый представитель психического труда, и въ созданіи прибыли, доставляемой «Вѣстникомъ Европы», ни онъ, ни другіе сотрудники не принимаютъ ни малѣйшаго участія; вся она суть плодъ психического труда г. Стасюлевича. А если представить себѣ — что очень возможно — что на мѣстѣ г. Стасюлевича сидитъ, въ качествѣ издателя, человекъ даже малограмотный, но обладающій средствами и извѣстной ловкостью, то относительное значеніе различныхъ видовъ психического труда и совѣтъ спутается. Если, кромѣ литературной дѣятельности, г. Жуковский служитъ въ какой-нибудь канцеляріи, то, несмотря на все свое психическое великолѣпіе, онъ — вдвойнѣ гвоздь. А если у него хватаетъ досуга и знаній для занятій въ качествѣ техника на какой-нибудь фабрикѣ, то онъ — и еще разъ гвоздь, по которому бьетъ молоткомъ фабрикантъ, быть можетъ, совершенно невѣжественный. Изъ этого видно, что сочинять новые факторы про-

изводства, дотогѣ скрывавшіеся отъ экономическихъ писателей, совсѣмъ не такъ легко, какъ кажется. Почему г. Жуковский, обладай онъ достаточными техническими знаніями, можетъ оказаться рычагомъ, управляемымъ фабрикантомъ? По той простой причинѣ, что фабрикантъ этотъ есть представитель капитала, а вовсе не новоявленного психическаго труда. Безъ капитала онъ былъ бы въ числѣ организуемыхъ, какъ и г. Жуковский и послѣдній поденщикъ, тогда какъ теперь ему не требуется ни знанія, ни даже организаторской способности: онъ можетъ нанять подручныхъ организаторовъ и специалистовъ. Точно также и землевладѣлецъ получаетъ ренту отнюдь не потому, чтобы онъ психическимъ трудомъ занимался, а просто потому, что онъ — землевладѣлецъ. Напротивъ, доходъ наемнаго агронома-управляющаго, какъ бы послѣдній ни былъ свѣдуецъ и дѣятель, будетъ заработной платой и будетъ управляться ея законами. Наконецъ, самъ психическій трудъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ заслуживаетъ этого имени, даетъ продуктъ, обусловленный не однимъ, а тремя факторами: природною способностью, знаніемъ и собственно трудомъ, то есть текущею тратой силы. А эти факторы открыты задолго до 1 сентября 1877 года. Дѣйствительно, до этого роковаго числа, всѣ экономисты единогласно признавали, что производство требуетъ участія: во-первыхъ, силъ природы (природная способность), во-вторыхъ—средствъ производства, орудій (знаніе), и, наконецъ, въ-третьихъ—труда (собственно психическій трудъ). На эти три давно извѣстные фактора разваливается такимъ образомъ и пресловутый психическій трудъ, отнюдь, слѣдовательно, не составляющій фактора самостоятельнаго. Слѣдуетъ также замѣтить, что отсутствіе психическаго труда въ организуемыхъ классахъ есть изобрѣтеніе гг. Зибеля и Жуковскаго. Первый пожелалъ въ этомъ отношеніи опереться на критикуемаго имъ писателя. Но онъ имѣлъ осторожность привести только первую половину цитируемаго имъ мѣста изъ «Капитала». Вторая половина гласитъ такъ: «Кромѣ напряженія тѣхъ органовъ, которые работаютъ, требуется еще цѣлесообразная воля, проявляющаяся во все продолженіе процесса труда въ формѣ вниманія; и такого вниманія требуется тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе трудъ, по своему содержанию и по способамъ своего исполненія, увлекаетъ работника; чѣмъ менѣе поэтому, можетъ работникъ наслаждаться имъ, какъ свободною игрою своихъ собственныхъ тѣлесныхъ и умственныхъ силъ». Это вниманіе не мѣшало бы принять во вниманіе и г. Жуковскому при анализѣ психическихъ факторовъ производства. А, кромѣ того, если трудъ организаци чужого труда есть трудъ, подлежащій высокой оцѣнкѣ, то вѣдь быть организуемымъ тоже не легко, тоже требуетъ значительной психической затраты.

Итакъ, измышленный г. Жуковскимъ психическій трудъ, какъ творецъ прибыли, есть картонный домикъ, распадающійся отъ одного дуновенія. Ни съ точки зрѣнія производства, ни съ точ-

ки зрѣнія распредѣленія, ни съ точки зрѣнія теоріи, ни съ точки зрѣнія практики—самостоятельнаго значенія онъ не имѣетъ, а, разлагаясь на свои составныя части, расплывается, утопаетъ въ старыхъ истинахъ науки, какъ бы его и не было. Къ одной изъ такихъ старыхъ истинъ мы теперь и перейдемъ.

Есть въ работѣ г. Жуковскаго одна особенность, лучше сказать, одинъ пробѣлъ, рѣзко отличающій его отъ всѣхъ критиковъ Маркса. На этомъ единственномъ пунктѣ нашъ критикъ является вполне оригинальнымъ, не къ большой, впрочемъ, своей чести. Г. Жуковскій старательно занялся обзорѣемъ отношеній Маркса къ гегелевской философіи, хотя въ такой ужъ старательности, какъ мы видѣли, особенной надобности не представляло. Гораздо менѣе занялся онъ отношеніями Маркса къ другимъ «сангвиникамъ», но все-таки, по крайней мѣрѣ, упомянулъ о нихъ. Но отношенія Маркса къ экономистамъ онъ опустилъ совсѣмъ, не сказалъ о нихъ ни слова. Это тѣмъ болѣе достойно вниманія, что въ старыя годы г. Жуковскій каждаго экономическаго писателя, такъ сказать, провѣрялъ классиками и не могъ написать ни одной статьи безъ размышленій объ Адамѣ Смитѣ и Рикардо. Почему же у него вдругъ пропала охота начинать съ Адама? Почему она пропала именно теперь, и именно по отношенію къ Марксу, котораго всѣ критики, благорасположенные и враждебные, одинаково стараются привести въ преемственную связь съ этимъ самымъ Адамомъ, то есть Адамомъ Смитомъ и Рикардо? Собственно говоря, впрочемъ, тутъ нечего и стараться, потому что преемственная связь несомнѣнна и ее не надо разыскивать, изслѣдовать, но необходимо указать. Дѣло представляется вотъ въ какомъ видѣ. Въ то время, когда, какъ повѣствуетъ и г. Жуковскій, народилась политическая экономія, она занималась анализомъ матеріальныхъ условий производства и экономическихъ отношеній, по возможности, независимо отъ юридическихъ формъ. Это и было время, между прочимъ, Адама Смита и Рикардо. Съ теченіемъ времени, въ рукахъ послѣдующихъ экономистовъ, этотъ анализъ осложнился идолопоклонствомъ передъ данными формами обществія, задатки котораго имѣлись уже и въ классикахъ, вслѣдствіе чего вульгарная экономія продолжала ихъ считать своими отцами. Тутъ подошли сангвиники, и нѣкоторые изъ нихъ, вторглись въ область науки права съ экономической точки зрѣнія, ухватились за кое-какія положенія классиковъ. Самая возможность такого факта показывала, что Адамъ Смитъ и Рикардо не совсѣмъ годятся въ отцы идолопоклонникамъ данныхъ формъ обществія, т. е. позднѣйшимъ экономистамъ. Они не замедлили поэтому начать отреченіе отъ нихъ, а когда Марксъ явился со своими логическими выводами изъ нѣкоторыхъ положеній классической экономіи и дальнѣйшею ихъ разработкою, то отреченіе произошло полное и торжественное. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ стремленіи критиковъ Маркса опредѣлить его

мѣсто въ ряду экономистовъ вообще и его отношенія къ Адаму Смиту и Рикардо въ особенности. Сторонники Маркса видѣли въ этой преемственности залогъ силы, независимо отъ его собственной убѣдительности. И вотъ почему, напримѣръ, у насъ г. Зиберъ старался прослѣдить эту связь въ своей диссертациі и предпринялъ, къ сожалѣнію, приостановившійся на первомъ выпускѣ переводъ сочиненій Рикардо. Противники Маркса опять-таки понимали всю выгоду ниспроверженія установившихся авторитетовъ Смита и Рикардо, отродѣмъ которыхъ является Марксъ. Мы и видимъ, что всѣ они, по поводу Маркса, напали на классиковъ. Такъ поступилъ, напримѣръ, Лавеле (въ «Revue des deux Mondes»), Рёслеръ, такъ поступилъ даже Зиберъ, такъ поступилъ у насъ г. Бунге въ разборѣ книги г. Чупрова о желѣзно-дорожномъ хозяйствѣ (разборъ этотъ былъ напечатанъ въ томъ же «Вѣстникѣ Европы»). А г. Жуковскій, когда то прожужжавшій всѣмъ уши Адамомъ Смитомъ и Рикардо, молчитъ! Нѣтъ дѣйствія безъ причины, нѣтъ даже умолчанія, то есть бездѣйствія, безъ причины. Есть она и на этотъ разъ.

Долженъ я сознаться, что относительно сейчасъ въ нѣсколькихъ словахъ разсказанной исторіи экономическихъ доктринъ г. Жуковскій имѣетъ нѣкоторое право сказать мнѣ не безъ горечи: моимъ же добромъ, да мнѣ же челомъ! Дѣйствительно, были у насъ два писателя, очень охотно разсказывавшіе, какъ и почему экономисты сначала носились съ Адамомъ Смитомъ и Рикардо, а потомъ стали отъ нихъ отрекаться. Разсказы эти составляютъ одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ исторіи нашей экономической литературы. Одинъ разсказывалъ талантливо, живо и ясно, другой — старательно, тяжеловѣсно и сухо. Этотъ другой былъ г. Жуковскій, и я у него (не у одного него, конечно) кое-чему научился; настолько научился, что теперь очень хорошо понимаю, почему г. Жуковскій отступился отъ своего Адама. Дѣло объясняется исключительнымъ положеніемъ нашего критика. Основная нить, связывающая Маркса съ классиками, состоитъ въ положеніи, что источникъ и мѣрило цѣнности есть трудъ. Это — тезисъ чисто научный, теоретическій, достаточно разработанный, чтобы была какая-нибудь надобность его здѣсь доказывать. Читатель можетъ обратиться за доказательствами въ русской литературѣ къ Марксу, къ Миллю, къ переводу Рикардо, къ диссертациі Зибера, къ прежнимъ статьямъ г. Жуковскаго, гдѣ этотъ тезисъ облюбованъ такъ многократно и такъ усердно, что теперь остатокъ конфузливости мѣшаетъ г. Жуковскому отнести къ классикамъ съ тою развязностью, съ которою онъ относится къ Марксу. Слишкомъ связанный на этомъ пунктѣ своимъ прошедшимъ (le mort saisit le vif), онъ предпочитаетъ молчать. Въ одномъ, въ двухъ мѣстахъ, по частнымъ и второстепеннымъ вопросамъ, онъ даже какъ будто защищаетъ Смита и Рикардо отъ нападеній Маркса, тѣмъ самымъ усугубляя свою вину передъ несвѣдущими читателями, которые и въ самомъ

дѣлѣ могутъ подумать, что между классиками и Марксомъ нѣтъ ничего общаго. Г. Жуковскому весьма выгодно оставить читателей въ этомъ заблужденіи. Объ классикахъ онъ говоритъ, что они занимались только изученіемъ матеріальныхъ условій производства, а, слѣдовательно, если Марксъ есть ихъ преемникъ, такъ, значить, и онъ не обходитъ этого изученія. Но въдъ г. Жуковский сказалъ, что «обходить при помощи формальнаго приѣма»... И такъ, одна неправда родитъ другую. Притомъ же, обратитесь къ классикамъ значить занести ножъ надъ «исключительнымъ трудомъ», этимъ Веніаминномъ, этимъ младшимъ, послѣднимъ и любимымъ дѣтищемъ...

Обойдя отношенія Маркса къ классикамъ, обойдя самое упоминаніе о послѣднихъ, г. Жуковский не обошелъ, однако, немѣны этимъ когда-то имъ столь чтимымъ Адаму Смиту и Рикардо, какъ не обошелся и безъ другихъ немѣнъ, не извѣстныхъ, къ сожалѣнію, характера откровенности, откровеннаго и публичнаго признанія своихъ прежнихъ взглядовъ заблужденіями. Такъ, напримѣръ, возражая Марксу, что источникомъ прибавочной цѣнности можетъ служить не только трудъ, а и дерево, земля, скоть, онъ возражаетъ собственно не Марксу, а Рикардо, хотя и не упоминаетъ объ этомъ. Посмотримъ только на приемы его ратоборства съ самимъ Марксомъ. Дѣло идетъ о прибавочной цѣнности, теорію которой можно пояснить въ нѣсколькихъ словахъ. Источникъ и мѣрило цѣнности есть трудъ, такъ что вещи обмѣниваются въ пропорціяхъ потраченнаго на ихъ производство труда. Поступая на рынокъ, трудъ и самъ обращается въ вещь, въ товаръ, цѣнность котораго опредѣляется опять-таки трудомъ же, именно тѣмъ количествомъ труда, тѣмъ числомъ рабочихъ часовъ или дней, которое нужно для производства содержанія работнику на время работы. Это содержаніе рабочей и получаетъ въ видѣ заработной платы. Положимъ, что содержаніе его равняется шести рабочимъ часамъ. Слѣдовательно, проработавъ шесть часовъ, работникъ окупилъ свое содержаніе, наработавъ столько же, сколько истратилъ на себя. Въ слѣдующую за тѣмъ часть рабочаго дня, напримѣръ, еще шесть часовъ, онъ уже производитъ прибавочную цѣнность, которая достается капиталисту. Такова, въ самомъ общемъ и элементарномъ видѣ, теорія прибавочной цѣнности. Г. Жуковский желаетъ ее опровергнуть. Онъ нимало не уподобляется при этомъ льву, храбро нападающему, въ надеждѣ на свою силу, на живую добычу. Нѣтъ, подобно шакалу, онъ выбираетъ своего рода падаль — нѣчто, очевидно, беззащитное, подлежащее не нападенію, а только пользованію. Онъ именно довольно долго останавливается на одномъ расчетѣ Маркса, переворачиваетъ его на разные лады и побѣдоносно отвергаетъ. Иной читатель можетъ подумать, что г. Жуковский и впрямь совершилъ тутъ нѣчто, особенно, если не взглянуть въ Маркса, а это тѣмъ вѣроятнѣе, что критикъ вообще не указываетъ страницъ, содержащихъ критикуемыя имъ мѣста.

Но, если читатель разширитъ расчетъ у самого Маркса, то увидитъ, что Марксъ, какъ бы предвидя степень силы и мужества г. Жукoвскаго, въ нѣкоторомъ родѣ подарилъ ему этотъ расчетъ. Въ примѣчаніи на стр. 165 читаемъ: «приведенныя нами расчисленія имѣютъ значеніе только какъ иллюстраціи къ предъидущему изложенію». Такъ оговорилъ Марксъ примѣрное, условное, пояснительное значеніе расчета, на коемъ нажилъ дешовыя лавры г. Жукoвскій, совершенно минуя все «предъидущее изложеніе», къ которому онъ долженъ бы былъ обратиться по указанію самого Маркса.

Дальнѣйшая аргументація г. Жукoвскаго сводится, собственно говоря, къ двумъ софизмамъ, изъ которыхъ на первый мы взглянемъ только съ точки зрѣнія добросовѣстности аргументатора. Онъ разсуждаетъ такъ. Работникъ, положимъ прядильщикъ оплачиваетъ свое содержаніе въ шесть часовъ. Однако, такъ ли это? Вѣдь онъ наработалъ столько не потому только, что онъ работалъ, а потому, что ему помогали въ работѣ орудія готовыя и сырой матеріалъ. «Самъ по себѣ, глубокомысленно замѣчаетъ критикъ:—безъ этихъ орудій онъ произвелъ бы вовсе не то же количество пряжи». Выводъ отсюда понятенъ. Мы замѣтимъ только, въ утѣшеніе г. Жукoвскаго, что безъ хлопка и орудій прядильщикъ не произвелъ бы даже ровно ничего и даже не былъ бы прядильщикомъ. Но мы спросимъ также: что произвелъ бы любой «психическій трудъ» безъ сырого матеріала, капитала и другихъ орудій и труда физическаго? Прибавимъ еще, что, если г. Жукoвскій, между прочимъ, обратится къ главѣ о постоянномъ и переменномъ капиталѣ (1) которой онъ тоже—ни гу-гу), то найдетъ разъясненіе многихъ своихъ недоразумѣній. Любопытнѣе второй софизмъ, повидимому, очень понравившійся одному недалководидному газетному рецензенту. Невѣрно, говоритъ г. Жукoвскій, чтобы каждый работникъ отработывалъ свое содержаніе въ шесть часовъ. Еслибы это было такъ, то прямая выгода капиталиста состояла бы въ безконечномъ увеличеніи числа рабочихъ, между тѣмъ какъ мы знаемъ, что такое безконечное увеличеніе отнюдь невыгодно. Во всякомъ производствѣ наступаетъ такой моментъ, когда всякій новый рабочій приноситъ все меньшую и меньшую выгоду хозяину, которому, слѣдовательно, расчетъ нанимать новыхъ работниковъ только до тѣхъ поръ, пока послѣдній изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, окупаетъ свое содержаніе. Поэтому Марксъ не имѣетъ никакого права говорить: общее количество прибавочной цѣнности равняется прибавочной цѣнности, доставляемой однимъ работникомъ, помноженной на число работниковъ. Послѣдній нанятый работникъ, работая цѣлый день, все-таки только окупитъ свое содержаніе; хозяинъ держитъ его только, благодаря прибыли отъ прочихъ рабочихъ. Орудія производства, такъ сказать, ни мало не оплодотворяются трудомъ этого послѣдняго рабочаго; они для него какъ бы не существуютъ, все равно какъ бы онъ работалъ

*

голыми руками. Вотъ эта-то чистая работа, этотъ-то независимый отъ орудій человѣческой трудъ и есть мѣра цѣнности труда. Ею опредѣляетъ заработная плата. Съ замѣчательнымъ отсутствіемъ не только «человѣколюбія», а и здраваго смысла, г. Жуковскій спрашиваетъ: «что бы заставило работника идти на фабрику, еслибы его трудъ, на самомъ дѣлѣ, былъ производительнѣе его рабочей платы?» Отсюда ясно, что заработная плата, оплачивающая лишь содержаніе рабочаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполне оплачиваетъ его трудъ.

«Формальный» пріемъ, которымъ г. Жуковскій доходитъ до такого заключенія, заимствованъ имъ у Рикардо, хотя послѣдній употребилъ его въ совсѣмъ другомъ, гораздо болѣе умѣстномъ случаѣ, именно вотъ въ какомъ. Дана извѣстная страна съ весьма разнообразными, по степени плодородія, участками земли. Первые поселенцы, естественно, занимаютъ лучшія земли. Затѣмъ, когда народонаселеніе увеличится, явится надобность или заняться обработкой второго сорта земель, или заплатить владѣльцамъ лучшихъ участковъ извѣстную сумму за право пользованія ихъ землями. Дальнѣйшій процессъ таковъ, что и владѣльцы второго сорта участковъ отдадутъ свои земли въ наемъ, а тамъ — и третьяго и т. д. Эта плата за пользованіе даровой помощью природы и есть рента, которая, очевидно, опредѣляется для каждаго сорта земель разницею между доходомъ съ нея и доходомъ (при прочихъ равныхъ условіяхъ) съ наиболѣе худшихъ, послѣднихъ воздѣлываемыхъ земель, которая ренты не даютъ. Эту естественную убывающую градацію производительности земель г. Жуковскій, въ качествѣ дѣйствительно чисто-формальнаго пріема, перенесъ на разъясненіе отношеній труда къ прибыли. На послѣднемъ изъ воздѣлываемыхъ земель работникъ не создаетъ ренты, а только окупаетъ свое содержаніе. Точно также, разсуждаетъ г. Жуковскій: — послѣдній нанятый фабричный рабочій не создаетъ прибыли, а только окупаетъ свое содержаніе. Но дѣло въ томъ, что, въ случаѣ ренты, мы имѣемъ дѣйствительныя различія въ плодородіи земель, тогда какъ послѣдній фабричный рабочій есть мнѣ. Тутъ нѣтъ ни первыхъ, ни послѣднихъ, съ точки зрѣнія производительности — всѣ работаютъ одними и тѣми же орудіями и надъ однимъ и тѣмъ же сырымъ матеріаломъ. А потому и всѣ выводы, основанные на предположеніи несуществующаго въ дѣйствительности и логически невозможнаго послѣдняго работника, не имѣютъ никакого смысла. Послѣдній участокъ земли, дѣйствительно, ренты не даетъ, но послѣдній фабричный рабочій рѣшительно въ такой же мѣрѣ создаетъ прибыль, какъ и первый. Поэтому, Марксъ имѣлъ полное право сказать, что общая прибавочная цѣнность равняется прибавочной цѣнности одного работника, помноженной на число занятыхъ работниковъ.

Вопросъ о рентѣ опять невольно напоминаетъ то неособенно далекое прошлое, когда г. Жуковскій любилъ начинать съ Ада-

ма. Вопросъ этотъ составлялъ его излюблѣннѣйшую тѣму, и рѣшалъ онъ его, конечно, не въ томъ несообразномъ смыслѣ, что рента дается психическимъ трудомъ организаціи физическаго труда. Слѣдуя Рикардо, онъ объяснялъ ренту просто разницей въ количествахъ труда, необходимаго для обработки земель разнаго достоинства. Выразившуюся въ этомъ объясненіи характерную точку зрѣнія классической экономіи г. Жуковскій нынѣ отбросилъ. Это—его дѣло. Имѣлъ онъ, значитъ, для этого свои резоны и выгоды. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ имѣлъ право ставить въ исключительную вину или заслугу Маркса то, чтó принадлежитъ вовсе не одному ему. Марксъ не съ неба свалился. Онъ выросъ на почвѣ установившейся науки, съ одной стороны, на почвѣ извѣстныхъ общественныхъ стремленій — съ другой. Отрывая его отъ предшествующей науки, г. Жуковскій лишаетъ читателя возможности оцѣнить, до какой степени многія положенія Маркса стоятъ прочно, до какой степени они научны, совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было практическихъ выводовъ. Чтобы не далеко ходить, разверните, напримѣръ, 467 страницу I тома «Основаній» Милля, ученаго, спокойнаго, хотя и либеральнаго Милля. Тамъ вы найдете большой задатокъ марксової прибавочної цѣнности: «Причина прибыли та, что трудъ производить больше, чѣмъ требуется на его содержаніе. Земледѣльческій капиталъ даетъ прибыль потому, что люди могутъ производить пищи больше, чѣмъ необходимо на ихъ прокормленіе въ то время, пока растутъ пища... Изъ этого слѣдуетъ, что, если капиталистъ возьмется кормить работниковъ на условіи получать продуктъ, то, кромѣ возвращенія своей затраты, онъ получитъ еще нѣсколько лишняго». И т. д. Ничего не говоря о положеніи Маркса среди экономистовъ, г. Жуковскій утверждаетъ, что подобныя вещи можетъ говорить только формалистъ и апологетъ. Помилуйте, какой же Милль апологетъ! А люди слушаютъ, да ротъ развѣваютъ. Рецензенты двухъ большихъ газетъ были поражены единовременнымъ появленіемъ на страницахъ «Вѣстника Европы» статей гг. Жуковскаго и Блюха. Одинъ прямо поставилъ въ вину почтенному журналу эту профанацію имени г. Жуковскаго. Другой, расхваливъ (по очевидному недомыслию) Жуковскаго, навинулся на Блюха. Между тѣмъ, какъ вся разница въ томъ, что г. Блюхъ призываетъ читателей на поклонъ передъ психическимъ трудомъ желѣзнодорожныхъ концессионеровъ, а г. Жуковскій развиваетъ и общааетъ этотъ призывъ. Это—съ точки зрѣнія апологіи. Съ точки зрѣнія науки, разница, конечно, больше. Но для обоихъ все-таки одинаково не существуетъ тотъ Адамъ, съ котораго г. Жуковскій прежде любилъ начинать. Поэтому, тѣ, кто смотрятъ на г. Жуковскаго только по старой памяти, должны знать, что теперь онъ во всѣхъ смыслахъ—не тотъ. Это должны знать и враги, и друзья прежней литературной его дѣятельности.

Чувствуя нѣкоторую разбросанность предлагаемой статьи и

желаю обратить вниманіе на минимумъ прегрѣшеній г. Жуковскаго противъ правды, я приглашаю читателя сосредоточиться на слѣдующихъ пунктахъ:

1) Отношеніе Маркса къ формамъ собственности диаметрально противоположно ихъ изображенію у г. Жуковскаго.

2) Показаніе, что Марксъ обходитъ изслѣдованіе матеріальныхъ условій производства и не принимаетъ въ соображеніе уровня развитія работника, опять-таки диаметрально противоположно истинѣ.

3) Въ частности, процессъ обобществленія труда, которому Марксъ придаетъ огромное значеніе, скрытъ отъ читателей «Вѣстника Европы».

4) Точно также скрыты отношенія Маркса къ классической политической экономіи, то-есть къ Адаму Смиту и Рикардо.

5) «Психическій трудъ», какъ единственный создатель прибыли (силы природы подразумѣваются), есть беспорядочный конгломератъ и ничего цѣльнаго и самостоятельнаго собою не представляетъ ни въ производствѣ, ни въ распредѣленіи.

Всего этого, даже оставляя въ сторонѣ разныя забавности, въ родѣ феноменальности явленія и формальнаго значенія битка, совершенно достаточно, чтобы читатель «Вѣстника Европы» получилъ о Марксѣ понятіе отчасти неполное, а отчасти совершенно извращенное. Конечно, не этимъ способомъ разрушаются авторитеты. Всегда, разумѣется, найдутся ротозѣи, которые увидятъ «вѣскость» и «солидарность» въ самой вздорной и недобросовѣстной критикѣ, если только въ ней есть «жупелы» quasi-учености. Статья г. Жуковскаго именно на такихъ ротозѣевъ рассчитана.

Н. М.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПЯТАГО ТОМА.

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1877 г.

(По общей нумерации тома ²³⁴СОЖЖ).

Сентябрь № 9.

СТРАН.

ОВЦА БЕЗЪ СТАДА. (Изъ памятной книжки). Г. Иванова	5
БИРЖЕВЫЯ СИРЕНЫ ВЪ ЗАГЛОХЛОВЪ. Фотографія. Л. Рускина	43
МЕЛЬНИЦА КУПЦА ЧЕСАЛКИНА. Н. Салова	79
ВОТЧИННЫЙ ЗАКОНЪ ВЪ АМЕРИКЪ И НАШИ СТЕПИ. I. Заселеніе Новороссіи въ XVIII столѣтій. — II. Заселеніе дальняго запада въ Америкъ. — III. Будущее заселеніе Новороссіи. Эд. Циммермана	109
НА ДОСУГЪ. Н. Щедрина	165
УАРДА. Романъ изъ времянь древняго Египта. Георга Эберса. Часть третья. — I—V	197
НЕНАВИСТНИКЪ ЖЕНЩИНЪ. Романъ Чарльза Рида. (Приложеніе въ концѣ книги). (Стр. 129—176).	

Октябрь № 10.

ЛЮДИ И ПРАВЫ. Очерки. Г. Иванова	243
ГОРОДСКАЯ ХОЗЯЮШКА. (Изъ записокъ провинціального обывателя). — I—VIII. В. Кроткоя	287
МЕЖДУ ДРУЗЬЯМИ. В. Крестовскаго (Псевдонимъ)	363
СЪВЕРНЫЙ ВОПРОСЪ ПОСЛѢ ВОСТОЧНАГО	399
НА ДОСУГЪ. — II. Н. Щедрина	435
ЧЕТЫРЕ ДНЯ. (Одинъ изъ эпизодовъ войны). Всеволода Гаршина	461

ПРОСТИ! (Изъ Байрона) Д. Михаловскаго. 472

✓ НЕНАВИСТНИКЪ ЖЕНЩИНЪ. Романъ Чарльза Рида.
(Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 177—224).

NB. Окончаніе романа «Уарда» отложено до слѣдующей
книжки.

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

Сентябрь № 9.

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ И ЗЕМЛЕДѢЛІЕ ВЪ РОССИИ И ДРУ-
ГИХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ. Князя
Васильчикова. Спб. 1876 г. А. Головачова 1

НѢСКОЛЬКО СТРАНИЦЪ ВЪ ФАБРИЧНУЮ ХРОНИКУ.
Андрея Исаева 52

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Нерѣшительность
правительства въ назначеніи срока выборовъ. — Пред-
усмотрительность членовъ кабинета относительно лич-
ныхъ ихъ дѣлъ: передача дома де-Брольи-отцомъ сы-
ну. — Походъ «Фигаро» противъ министровъ де-Брольи
и Берто. — Секретныя обстоятельства 24-го мая. —
Дюкрю и министерство дѣйствія. — Поединокъ «Фигаро»
съ «Moniteur»'омъ. — Несогласіе военнаго министра
на государственный переворотъ. — Опасности, къ ка-
кимъ можетъ привести подобное предпріятіе. — II. Борь-
ба между новымъ и старымъ обществомъ. — Начало
скитаній маршала. — Его поѣздка въ Буржъ. — Архие-
пископъ и Мак-Магонъ I — герцогъ Франціи. — Дву-
смысленная рѣчь президента. — Клерикалы и иску-
шенія членовъ лѣваго центра. — Письмо сенатора Фе-
рра. — Поѣздка Тьера въ Сторъ и Діеппъ. — Мак-Магонъ
въ Эврѣ. — Скандалъ съ выборными властями. — Нор-
мандскіе епископы и правительство духовныхъ. — Шер-
бурскій скандалъ. — Отчаяніе консерваторовъ. — III. Рѣчь
Гамбетты въ Лиллѣ. — Соединеніе буржуазіи съ наро-
домъ. — «Подчиниться или удалиться». — Попытки опро-
верженій министровъ Фурту, Брюнѣ и де-Брольи. —
Продолженіе дѣятельности «Фигаро». — Конецъ дѣла
Дюкрю-Берто. — Сессія генеральныхъ совѣтовъ и легаль-
ная оппозиція. — Тьеръ въ Сен-Жерменѣ. — Спасая-
щіяся спасители. — Плачь «Фигаро». Людовика; . . . 71

НОВЫЯ КНИГИ. Современные Соединенные Штаты. Жанне. — Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Герберта Спенсера. — Исторія банковъ. Выпускъ первый. Исторія старинныхъ кредитныхъ учреждений. Пьетро Рота. Съ введеніемъ, примѣчаніями и дополненіями И. И. Кауфмана. — Выпускъ второй. Исторія банковаго дѣла въ Великобританіи и Ирландіи И. И. Кауфмана. — Общественные вопросы Закавказскаго Края. М. Г. Мамацева. — Новѣйшій спиритуализмъ, его феномены и ученіе. Пріятельскія бесѣды Василя Маркова 99

ПИСЬМА О ВОИНѢ. Письмо первое 119

ИЗЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ. Скандаль въ берлинскомъ университетѣ. — Смерть Тьера . . . 155

Октябрь № 10.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОФИЛИ XIX ВѢКА. Hauptströmungen der Literatur des neunzehnten Jahrhunderts von G. Brandes. Uebersetzt und eingeleitet von Adolf Strodtman . 175

РУССКАЯ ЖИЗНЬ СЪ АНГЛІЙСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ. (Russia, by Mackenzie Wallace). (Окончаніе). Н. Поповскаго. 211

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Смерть Тьера.—Радость реакціонеровъ.—Покушеніе министерства обратитъ похороны Тьера въ избирательный манѣвръ.—Запрещеніе церемоніи въ церкви Мадлены.—Присутствіе посланниковъ на погребальномъ шествіи.—Закрытіе магазиновъ.—Знамя Бельфора.—Греви, какъ замѣна Тьера.—II. Большая избирательная поѣздка Мак-Магона.—Отказы городовъ въ суммахъ на пріемъ маршала.—Епископы и маршалъ.—Вмѣшательство папы въ французскіе выборы.—Манифестъ къ французамъ.—III. Процессъ Гамбетты.—Созывъ избирателей на 14-е октября.—Письмо Тьера къ избирателямъ IX-го парижскаго округа.—Политическая важность настоящей минуты. Людовика 253

НОВЫЯ КНИГИ. Славянство и Европа. Статьи и рѣчи Ореста Миллера. — Анекдотическая исторія текущей войны. Изданіе А. Стронина.—Рудольфъ Женэ. Шекспиръ, его жизнь и сочиненія.—Обычное гражданское право въ Россіи. Юридическіе очерки С. В. Пахмана.—

О значеніи психическихъ вліаній. Лекціи В. А. Массенна	276
ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Различныя воззрѣнія относительно дѣлей войны. — Паденіе курса бумажныхъ денегъ и мнѣніе по этому предмету Адольфа Вагнера — подлинное и въ обработкѣ «Новаго Времени». — Благословенно ли вводитъ теперь какой бы то ни было новый налогъ? — Желаніе прессы затереть вопросъ о финансахъ. — Причины бѣдшей части злоупотребленій и ихъ безнаказанности въ патріотическіе сезоны. — Замятка по поводу бѣгства Ландау. — Лганье прессы въ патріотическіе сезоны. — Ваши-будущій профессоръ Миллеръ. — Послѣдствія лганья прессы. — «Сводъ замѣчаній» г. Мартынова по сбору пожертвованій въ сербскую войну. — Русскія газеты въ арміи. — Проектъ г. Лазарева о продовольствіи арміи. — Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ. — Турки на службѣ въ русскомъ судебномъ вѣдомствѣ.	290
КАРЛЬ МАРКСЪ ПЕРЕДЪ СУДОМЪ г. Ю. ЖУКОВСКАГО. Н. М.	321

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

APR 12 1967 ILL

517067

Cancelled

CANCELLED
CHARGE

Widener Library

3 2044 079 310 025